КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

ОСНОВЫ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

В ОТРЫВКАХ ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
К. МАРКСА, Ф. ЭНГЕЛЬСА,
Г. ПЛЕХАНОВА, В. ЛЕНИНА
И ДР.

Под редакцией
СТ. С. КРИВЦОВА

Составили и снабдили вводными замечаниями и указаниями
В. АПТЕКАРЬ и В. ЛЕБЕДЕВ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА 1929

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ
типография Мосполиграфа.
Москва, Путинковский, 3.
Тираж 10 100. Зак. № 847.
Главлит А 40 746. ИКА 478.

ОТ РЕДАКТОРА

Введение в вузы изучения марксистской методологии — диалектического материализма — уже имеет свою крайне поучительную историю. Работникам в этой области до самого недавнего времени приходилось действовать в значительной степени на свой страх и риск. Отсутствие программ заставляло чуть ли не в каждом вузе создавать свои программы. Но мало выработать программы, надо было их проводить в жизнь. Здесь-то мы и сталкивались с отсутствием соответствующих учебников и учебных пособий. Каждому преподавателю как для своих лекций, так еще более и для практических семинарских занятий, приходилось указывать весьма большое количество литературы. Причем нужно было давать не популяризацию, ни, тем паче, вульгаризацию, а важнейшие работы основоположников и классиков диалектического материализма — Маркса, Энгельса, Плеханова и Ленина – давать ссылки на все их работы. Такой «лоскутный» метод естественно затруднял работу учащихся, далеко не всегда располагавших и располагающих нужными книгами. А ведь только идя от классиков марксизма, по ним изучая диалектический метод и самостоятельно конкретизируя его на самостоятельно выбранном материале той или иной дисциплины, с последующей взаимной проверкой выводов в аудитории, под руководством преподавателя, и можно освоить марксистскую научную методологию. К этому еще надо добавить, что активно политический характер марксизма-ленинизма (как «живого руководства к действию») обязывает все преподавание насыщать политикой, текущей общественной действительностью и показывать, что только марксизм-ленинизм делает политику наукой.

Вот те требования, которые следует предъявлять к пособиям.

Предлагаемое учебное пособие родилось из практики общественно-экономического отделения Педфака 2 МГУ и, отчасти, общественно-педагогического отделения ФОНа 1 МГУ. Опыт, думается нам, доказал правильность предлагаемого плана освоения диалектического метода. Мы начинаем с исторического материализма, т. е. приложения диалектического материализма к определенной конкретной области, — в данном случае к области общественных явлений. Мы, таким образом, сперва изучаем диалектику

в определенном конкретном одеянии, памятуя слова В. И. Ленина, что «марксизм есть конкретный анализ конкретной ситуации».

Параллельно с чтением курса во 2 МГУ шла проработка исторического материализма в кружках, которые вели под нашим непосредственным руководством студенты-выдвиженцы по кафедре философии *. На 2-м курсе в первом семестре шла семинарская проработка основных проблем исторического материализма (этому отвечает 1-я часть нашего пособия, составленная т. В. З. Лебедевым), а во 2-м семестре мы ставили семинарскую проработку «введения в философию марксизма» — диалектического материализма (этому отвечает 2-я часть настоящего пособия, составленная т. В. Б. Аптекарем). На 3-м курсе велось детальное изучение истоков диалектического материализма (история новой философии с Декарта) и современного состояния философии марксизма и борьбы за ее ортодоксальность. На 4-м курсе шел семинар по ленинизму и два учебно-исследовательских семинара: по Гегелю и по историческому материализму.

Таким образом настоящее пособие охватывает 1-й и 2-й курсы вуза и отвечает программе по историческому материализму, утвержденной Главпрофобром. О самом содержании семинарской работы мы говорим в «Вводных замечаниях» к каждой главе книги.

Ввиду большого объема книга издается в 2 томах.

В целях приспособления пособия к условиям работы марксистско-ленинских кружков и отдельных самостоятельно работающих товарищей, мы одновременно подготовляем к изданию особые программно-методические разработки для марксистко-ленинских кружков и заочников, значительно упрощающие подход к книге.

Ст. Кривцов

Кисловодск, август, 1929.

* К сожалению, Главпрофобр выключил такие просеминарские занятия из программы на 1929/30 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Преподавание исторического материализма в высшей школе в настоящее время весьма затрудняется отсутствием подходящих пособий, в компактной форме развертывающих достаточный литературный материал. Правда, у нас на книжном рынке имеются учебники по историческому материализму, ряд хрестоматий, сборников отрывков и пр., но всем этим пособиям свойственен один общий и серьезный недостаток — они составлялись, в большинстве случаев, для слишком широкого круга читателей, в их основу не была положена конкретная учебная программа. В результате, проработка вузовцем любой темы по историческому материализму должна вестись по ц е л о м у р я д у пособий, что практически тормозит работу и требует от учащихся больших затрат времени на искание литературы. К тому же, существующие хрестоматии и сборники в значительной степени устарели; в частности, в них почти не отражена одна из актуальнейших философских задач нашего времени — борьба против механистического материализма, борьба за материалистическую диалектику. Всем этим обусловлена потребность в пособии, составленном с четкой установкой на современную вузовскую программу и вузовские условия работы.

Из таких положений исходили составители при работе над этой книгой. В основу ее положена утвержденная ГУСом программа по историческому материализму *, включающая и ряд основных вопросов философии диалектического материализма. Но в ряде пунктов пришлось несколько изменить схему проработки и, в частности, поставить, основываясь на практике преподавательской работы, сперва вопросы социологические, а затем общефилософские. Это вызвано исключительно педагогическими соображениями: поступающим в ВУЗ товарищам историко-экономический материал знаком гораздо более, нежели материал философский и усвоение диалектического материализма в целом протекает легче, когда исторический материализм изучается прежде философии диалектического материализма. Отступая этим от методологической стройности программы, составители уверены, что их методический шаг не приносит ущерба методологии предмета, его ортодоксальной выдержанности.

При подборе отрывков составители стремились дать цельное и по возможности полное освещение рассматриваемых вопросов, привлекая основной материал из сочинений Маркса, Энгельса, Плеханова и Ленина,

* См. «Программы по общественным наукам для технических, сельскохозяйственных, медицинских, педагогических и художественных вузов», изд. 2-е, Гиз, 1927, с. 39—47.

образующих железный инвентарь научного коммунизма и использовывая важнейшие работы Деборина, Сталина и др. товарищей.

Задача книги и ее основной материал обусловили и характер ее как р а б о ч е й к н и г и. Поэтому особое внимание уделено методической стороне работы: каждой главе предпосланы особые в в о д н ы е з а м е ч а н и я, непосредственно предназначаемые для р у к о в о д и т е л е й групповой, семинарской и т. п. коллективной работы по историческому материализму. Задача этих вводных замечаний—датьобщую п о с т а н о в к у вопроса, его частичное развертывание и указания о направлении проработки вопроса в аудитории. Поэтому в этих замечаниях не следует искать сводного и з л о ж е н и я той или иной проблемы. Вместе с тем планы проработок, которые предлагаются в этих замечаниях, не следует понимать как в о п р о с н и к и для проработки темы, так как это — только узловые моменты, которые, в зависимости от характера аудитории, ее интересов и развития, должны быть расширены преподавателем, раздроблены на подвопросы и т. п. Планы в том виде, в каком они приведены у нас, рассчитаны на наиболее развитую аудиторию.

Книга структурно делится на две части, из которых первая захватывает вопросы диалектики истории (главы I, II, III, IV, V, VI), а вторая излагает основы диалектического материализма (главы VII, VIII, IX и X). Всей книге предпослано введение, дающее материал для вводной беседы. В отличие от других глав, оно не предназначено для семинарской проработки и потому не снабжено вводными замечаниями. Последняя глава— «Марксизм и ревизионизм» — является заключительной, подводящей итоги всему материалу и имеющей установку на четкое противопоставление революционной теории, опирающейся на революционную практику, всевозможным антипролетарским соглашательским и реакционным теориям и уклонам.

Существующая на русском языке литература по вопросам, затронутым в программе по историческому материализму, не использованная в книге в качестве хрестоматийного материала, сгруппирована в особых указателях и снабжена краткими аннотациями. Указатели эти ни в коем случае не претендуют на полноту привлечения вышедшей литературы. Они дают материал лишь для п е р в о н а ч а л ь н о г о расширения литературы при работе по историческому материализму.

В конце книги, во втором томе, приложены краткие (именной и предметный) словари-указатели.

Первую часть книги (главы I—VI) составил и обработал В. Лебедев, введение, вторую часть (главы VII—X) и заключение — В. Аптекарь.

Работа над данной книгой в значительной мере вытекла из преподавательской практики философской кафедры Педагогического факультета 2-го Московского государственного университета, возглавляемой Степаном Саввичем К р и в ц о в ы м. Степану Саввичу — руководителю нашей работы и редактору нашей книги — мы обязаны общей установкой и рядом ценных указаний, за что выражаем ему глубокую благодарность.

В. А п т е к а р ь. В. Л е б е д е в.

ВВЕДЕНИЕ

МАРКСИЗМ КАК КЛАССОВОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

а. ОСНОВЫ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ПРОЛЕТАРИАТА

Каждый человек обладает сознанием, каждый человек мыслит. Философом, или мыслителем, называется тот, кто осмысливает окружающую его природу и общественную жизнь. В известном смысле каждый рабочий, задумывающийся над своим положением, над положением своего класса в обществе и стремящийся изменить окружающую его действительность—в той или иной степени мыслитель. Крупным, выдающимся мыслителем будет тот, кто способен обнять, по возможности, все явления природы и общества и связать их в одно целое или в единое мировоззрение или миропонимание. При этом немедленно возникает вопрос о том, из чего, т. е. из какого материала, построен мир, что чему предшествовало — природа (или материя) сознанию или же наоборот, и т. д. Когда мы приходим к тому убеждению, что все, что существует, есть не что иное, как материя или ее свойства, то мы становимся на точку зрения материализма. Когда же утверждают, что все явления природы и общества суть порождения или проявления духа, то придерживаются идеалистического мировоззрения.

В классовом обществе каждый класс имеет свою философию, свое мировоззрение, где представления данного класса о природе, общественных отношениях, морали и проч. собраны и спаяны воедино. То, что думает, чувствует каждый член класса в отдельности, философами переплавляется и перерабатывается в целостное мировоззрение в известном соответствии с наукой и с интересами данного класса. Буржуазия в современном обществе повсюду придерживается религиозных или идеалистических взглядов. Пролетариат же, и его мыслители в особенности, — материалистического понимания мира. Если философия данного класса есть его сознание, то марксизм, или материализм, есть сознание рабочего класса в его целом и в его развитии, так как мыслители класса забегают обычно вперед и провидят то, что рядовым членам класса не дано предвидеть.

Философия пролетариата, в отличие от философии современной буржуазии, ставит себе целью прежде всего критику всего буржуазного строя.

значит — и идеологии буржуазии, ее миропонимания, ее философии и т. д. Эта критика имеет своею задачей ниспровержение существующего мира и изменение его в соответствии с требованиями и законами развития общества, т. е. интересами рабочего класса. Настоящий философ, подвергающий все существующее критике, становится революционером мысли...

Обитаемый человечеством земной шар и все силы природы необходимо подчинить человеку и использовать в интересах его развития и более счастливой и радостной жизни. Но эта величественная задача может быть выполнена в том случае, если само общество будет организовано на новых началах. Так, общество и природа практически соединяются в одно организованное целое. Но практическое осуществление такой грандиозной задачи требует основательного знания законов природы и общественного развития. Материалистическая философия составляет теоретический фундамент для практики. Материалистическое понимание природы и истории дает возможность безошибочно действовать в указанном направлении, т. е. строить жизнь на научных основаниях...

Кто живет в нужде и одиночестве, — думает найти утешение и облегчение в загробной жизни. Идеализм есть также особый, более утонченный вид религии. И только материализм дает возможность освободить человечество от всех пустых призраков и устроить лучшую жизнь на земле.

Буржуазная культура покоится в идейном отношении на религии и идеалистической философии, потому что буржуазия заинтересована в материальном, а потому и в духовном рабстве народа... В то время, как всякий идеализм вынужден считать, что, кроме нашего материального мира, существует еще другой мир,— материалист знает, что мир один. Для того, чтобы изменить свое положение в мире, рабочий класс должен изменить самый мир.

Коммунизм—это практический материализм,—так учили основатели коммунизма Маркс и Энгельс... Весь мир есть не что иное, как движущаяся материя, а сознание представляет собою свойство или состояние материи. Вселенная составляет единое целое, подчиненное необходимым законам. В этом неразрывном целом все находится во взаимной связи и все подвержено постоянному изменению. Человек есть часть этого мирового целого. Но он отличается от других живых существ способностью не только получать впечатления от внешнего мира, но и активно, с своей стороны, воздействовать, — стало-быть и изменять этот мир. Вся теория марксизма и есть теория изменения мира. Поэтому эта теория или философия, по преимуществу, практическая, так как она направлена почти исключительно в сторону изучения законов изменяющегося мира с тем, чтобы его сознательно изменять в согласии с его законами развития... Пролетарский философ не ограничивается писанием книг, а должен ставить своей непосредственной задачей практическую деятельность по осуществлению тех условий, которые изменяют жизнь человека, давая ему возможность победить природу и стать ее господином. Философы всегда сочиняли всевозможные рецепты относительно того.

каким д о л ж е н быть человек. Они проповедывали разные учения, но никогда не интересовались вопросом об осуществимости этих высоких идеалов. Только пролетарская философия нашла ключ к изменению людей. Человек изменяется в зависимости от изменений жизненных условий и обстоятельств той общественной среды, в которой он живет. По мере того, как изменяется общество, изменяется также и человек.

Революция, — писал Маркс, — есть м а с с о в о е и з м е н е н и е л ю д е й. В огне революции люди перерождаются, сгорает старое и рождается новое. Это происходит оттого, что ломка старых и возникновение новых форм жизни быстро изменяют человека, зависящего вместе со своими мыслями от внешней среды.

Д е б о р и н, Ленин как мыслитель, Гиз, 1925, 5—8.

Всякое мировоззрение связано теснейшим образом со всей совокупностью чувствований и представлений, потребностей и интересов определенных общественных классов. Так как философия представляет собой систему обобщений, т. е. общих абстрактных идей о природе и обществе, полученных в результате исторической борьбы человечества с силами природы, и так как человеческое познание стимулируется этой борьбой, то, естественно, что передовой общественный класс, являясь прогрессивным в общественно-историческом смысле, является таковым и в отношении научно-философском. Человечество познает окружающий его мир в процессе общественного производства. Степенью развития производительных сил определяется и «мера» в л а с т и человеческого общества над природой, равно как и уровень з н а н и я о природе и обществе. Марксизм является мировоззрением и жизнепониманием р а б о ч е г о к л а с с а. Но это мировоззрение является одновременно и объективно-научным, потому что оно выражает потребность в осуществлении объективно-исторической задачи, стоящей перед обществом в его поступательном ходе развития. Передовой общественный класс отражает в своем сознании прогрессивные тенденции общественного развития. Но прогрессивное развитие общества возможно при максимальном, при данных условиях, напряжении и выявлении производительных сил, что в свою очередь связано с познанием законов природы, стало быть, с развитием естествознания и техники. Так, общественным развитием определяется и уровень наших знаний о природе. Практические потребности и теоретическое познание, таким образом, тесно друг с другом связаны. И совершенно нелепо отрицать о б ъ е к т и в н ы й характер знания только потому, что оно обусловливается «общественным бытием». «Плебейское» п р о и с х о ж д е н и е наших понятий и идей решает вопрос и об их истинности, об их, так сказать, благородстве. П р а к т и ч е с к и й характер научного познания является надежным критерием его объективности.

Д е б о р и н, Книга для чтения по истории философии. Предисловие, I, 7—8.

6. МАРКСИЗМ КАК ОТРАЖЕНИЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Ни один мыслитель не оказал никогда такого огромного влияния на жизнь подлинных народных масс, как Маркс, создавший единственное в своем роде научное мировоззрение, пропитанное жизнью, т. е. практикой в истинном смысле слова. Десятки миллионов людей проникаются постепенно этим мировоззрением и жизнепониманием. Это мировоззрение выросло из жизни и ее условий; оно составляет обобщение действительности и гениальный синтез реальных отношений, а не высосано из чистого разума, как это делают все идеалисты. На нашей эпохе лежит печать творческой мысли Маркса, потому что его мысль облечена плотью и кровью самой жизни. И для всякого, кто умеет мыслить, очевидно, что дальнейшая история будет подтверждать правильность его прогноза относительно исторических судеб человечества...

Мировоззрение господствующего в современном обществе класса бессильно. Оно неспособно творить жизнь. Между тем как марксизм или материализм, рассматривающий все многообразие явлений природы и общества с единой точки зрения, представляет собой вместе с тем теорию крушения старого и создания нового общества.

Деборин, Ленин как мыслитель, Гиз, 1925, 94—95.

Величайшее в мире освободительное движение угнетенного класса, самого революционного в истории класса, невозможно без революционной теории. Ее нельзя выдумать, она вырастает из совокупности революционного опыта и революционной мысли всех стран света. И такая теория выросла со второй половины XIX века. Она называется марксизмом. Нельзя быть социалистом, нельзя быть революционным социал-демократом, не участвуя по мере сил в разработке и применении этой теории, а в наши дни в беспощадной борьбе против уродования ее...

Ленин, Честный голос французского социалиста, соч., XVIII, изд. 2-е, 286 — 287.

Международная социал-демократия переживает в настоящее время шатание мысли. До сих пор учения Маркса и Энгельса считались прочным основанием революционной теории, — теперь раздаются отовсюду голоса о недостаточности этих учений и устарелости их...

Мы стоим всецело на почве теории Маркса: она впервые превратила социализм из утопии в науку, установила твердые основания этой науки и наметила путь, по которому должно итти, развивая дальше эту науку и разрабатывая ее во всех частностях. Она раскрыла сущность современного капиталистического хозяйства, объяснив, каким образом наем рабочего, купля рабочей силы, прикрывает порабощение миллионов неимущего народа кучке капиталистов, владельцев земли, фабрик, рудников и пр. Она показала, как

все развитие современного капитализма клонится к вытеснению мелкого производства крупным, создает условия, делающие возможным и необходимым социалистическое устройство общества. Она научила видеть под покровом укоренившихся обычаев, политических интриг, мудреных законов, хитросплетенных учений — классовую борьбу, борьбу между всяческими видами имущих классов с массой неимущих, с пролетариатом, который стоит во главе всех неимущих. Она выяснила настоящую задачу революционной социалистической партии: не сочинения планов переустройства общества, не проповедь капиталистам и их прихвостням об улучшении положения рабочих, не устройство заговоров, а организацию классовой борьбы пролетариата и руководство этой борьбой, конечная цель которой — завоевание политической власти пролетариатом и организация социалистического общества.

Ленин, Наша программа, «Ленинский сборник», соч., III, 14—15.

...Маркс всю цену своей теории полагал в том, что она «по самому существу своему — теория критическая* и революционная». И это последнее качество действительно присуще марксизму всецело и безусловно, потому что эта теория прямо ставит своей задачей вскрыть все формы антагонизма и эксплоатации в современном обществе, проследить их эволюцию, доказать их переходящий характер, неизбежность превращения их в другую форму и послужить таким образом пролетариату для того, чтобы он как можно скорее и как можно легче покончил со всякой эксплоатацией. Непреодолимая привлекательная сила, которая влечет к этой теории социалистов всех стран, в том и состоит, что она соединяет строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью, и соединяет не случайно, не потому только, что основатель доктрины лично соединял в себе качества ученого и революционера, а соединяет в самой теории внутренне и неразрывно. В самом деле, задачей теории, целью науки — прямо ставится тут содействие классу угнетенных в его действительно происходящей экономической борьбе.

«Мы не говорим миру: перестань бороться — вся твоя борьба пустяки. Мы только даем ему истинный лозунг борьбы».

---

* Заметьте, что Маркс говорит здесь о материалистической критике, которую только и считает научной, т. е. критике, сопоставляющей политико-юридические, социальные, бытовые и др. факты с экономикой, с системой производственных отношений, с интересами тех классов, которые неизбежно складываются на почве всех антагонистических общественных отношений. Что русские общественные отношения — антагонистические, в этом едва ли кто мог сомневаться. Но основанием для такой критики их еще никто не пробовал брать (*прим. авт.*).

Следовательно, прямая задача науки, по Марксу, это — дать истинный лозунг борьбы, т. е. суметь объективно представить эту борьбу, как продукт определенной системы производственных отношений, суметь *понять* необходимость этой борьбы, ее содержание, ход и условия развития. «Лозунг борьбы» нельзя дать, не изучая со всей подробностью каждую отдельную форму этой борьбы, не следя за каждым шагом ее при ее переходе из одной формы в другую, чтобы уметь в каждый данный момент определить положение, не упуская из виду общего характера борьбы, общей цели ее — полного и окончательного уничтожения всякой эксплоатации и всякого угнетения.

Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов, соч., I, изд. 2-е, 218—219.

Теория марксизма, освещенная ярким светом нового всемирно-богатого опыта революционных рабочих, помогла нам понять всю закономерность происходящего. Она поможет борющимся за свержение капиталистического наемного рабства пролетариям всего мира яснее сознать цели своей борьбы, тверже итти по наметившемуся уже пути, вернее и прочнее брать победу и и закреплять победу.

Ленин, Завоеванное и записанное, соч., XVI.

После первой социалистической революции пролетариата, после свержения буржуазии в одной стране, пролетариат этой страны *надолго* остается *слабее*, чем буржуазия, просто уже в силу ее громадных интернациональных связей, а затем в силу стихийного и постоянного восстановления, возрождения капитализма и буржуазии мелкими товаропроизводителями свергнувшей буржуазию страны. Победить более могущественного противника можно только при величайшем напряжении сил и при *обязательном*, самом тщательном, заботливом, осторожном, умелом использовании как всякой, хотя бы малейшей, «трещины» между врагами, всякой противоположности интересов между буржуазией разных стран, между разными группами или видами буржуазии внутри отдельных стран, так и всякой, хотя бы малейшей, возможности получить себе массового союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного. Кто этого не понял, тот не понял ни грана в марксизме и в научном, современном, «цивилизованном» социализме *вообще*. Кто не доказал *практически* на довольно значительном промежутке времени и в довольно разнообразных политических положениях, своего уменья применять эту истину на деле, тот не научился еще помогать революционному классу в его борьбе за освобождение всего трудящегося человечества от эксплоататоров. И сказанное относится одинаково к периоду до и после завоевания политической власти пролетариатом.

Наша теория не догма, а *руководство к действию* — говорили Маркс и Энгельс, и величайшей ошибкой, величайшим преступлением

таких «патентованных» марксистов, как Карл Каутский, Отто Бауэр и т. п., является то, что они этого не поняли, не сумели применить в самые важные моменты революции пролетариата. «Политическая деятельность — не тротуар Невского проспекта» (чистый, широкий, ровный тротуар совершенно прямой главной улицы Петрограда), говаривал еще русский великий социалист до-марксова периода Н. Г. Чернышевский. Русские революционеры со времен Чернышевского неисчислимыми жертвами заплатили за игнорирование или забвение этой истины. Надо добиться во что бы то ни стало, чтобы левые коммунисты и преданные рабочему классу революционеры Зап. Европы и Америки **не так дорого** заплатили за усвоение этой истины, как отсталые россияне.

Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, соч. XXV, изд. 2-е 211 — 212.

Теоретическое опровержение марксизма составляет для сотен делающих карьеру апологетов буржуазии задачу жизни, оно составляет начало их ученого поприща. Чего же они достигли? Они добились того, что в кругах легковерной интеллигенции распространилось убеждение в «односторонности», «преувеличениях» Маркса. Но даже наиболее серьезные среди буржуазных идеологов, как, например, Штаммлер, признали, что «по отношению к столь глубокому по мысли учению» ничего нельзя достичь всеми этими «половинчатыми мыслями», всеми этими «более или менее». А что же цельного может противопоставить буржуазная наука учению Маркса?

С тех пор, как Маркс установил в области философии, истории и политической экономии историческую точку зрения рабочего класса, была обрезана нить буржуазного исследования в этих областях. Натурфилософия, в классическом смысле этого слова, кончила свое существование. Философия истории пришла к своему концу. Научная политическая экономия пришла к концу. В исторических исследованиях, там, где не господствует бессознательный или непоследовательный материализм, место какой-либо цельной теории занял переливающийся всеми цветами эклектизм, т. е. совершился отказ от проникнутого единством объяснения исторического процесса, — отказ от философии истории. Политическая экономия колеблется между двумя школами, «исторической» и «субъективной», из которых одна является протестом против другой, а обе являются протестом против Маркса, причем одна, для того, чтобы иметь возможность отрицать Маркса, принципиально отрицает экономическую теорию, иначе говоря познание в этой области, а другая отрицает единственный метод исследования (объективный), который сделал политическую экономию наукой.

Правда, книжная ярмарка по общественным наукам приносит попрежнему каждый месяц целые горы произведений буржуазного трудолюбия, и современные рачительные профессора поистине со скоростью машины в крупном капиталистическом производстве выбрасывают на рынок толстейшие томы. Но это или с тщательностью выполненные монографии, где исследование,

подобно страусу, зарывается головою в песок мелких разрозненных явлений для того, чтобы не быть вынужденным видеть общую связь и чтобы работать лишь для сегодняшнего дня и его запросов, или же там, где делают вид, что дают мысли и «общественные теории», — там, в конце-концов, мы находим всегда только отражение мысли Маркса, запрятанное под обильными мишурными украшениями во вкусе «модернизированного» товара современных базаров. И нигде не найти ни самостоятельного полета мысли, ни смелого взгляда вдаль, ни оживляющих выводов.

И если социальный прогресс вновь поставил ряд новых научных проблем, которые еще ждут своего разрешения, то опять-таки только метод Маркса дает орудие для их разрешения.

Таким образом, буржуазная общественная наука может везде противопоставить теории Маркса только отсутствие всякой теории, и марксову познанию — лишь познавательный скептицизм. Учение Маркса — дитя буржуазной науки, но рождение этого дитяти стоило матери жизни.

Итак, как раз подъем рабочего движения выбил из рук буржуазного общества как в области теории, так и в области практики, то оружие, которым оно хотело сражаться с социализмом Маркса. И сегодня, 20 лет после смерти Маркса, это общество еще более бессильно перед Марксом, а Маркс теперь жизненен более, чем когда-либо.

Конечно, современному обществу остается одно утешение. В то время, как оно напрасно старается найти средство для уничтожения учения Маркса, оно не замечает, что единственное средство скрыто в самом этом учении. Насквозь проникнутое историческим духом, оно претендует лишь на временную истинность. Насквозь диалектическое, оно в себе самом носит зародыш своей смерти.

Учение Маркса, если оставить в стороне его бессмертную часть, т. е. исторический метод исследования, состоит в общих чертах в познании того исторического пути, который от последней «антагонистической» формы общества, покоящейся на классовых противоречиях, ведет к коммунистическому обществу, построенному на солидарности интересов всех его членов.

Это учение, подобно прежним теориям классической политической экономии, прежде всего является духовным отражением определенного периода хозяйственного и политического развития, а именно эпохи перехода из капиталистической фазы истории в социалистическую. Но оно больше чем только отражение. Дело в том, что познанный Марксом исторический переход не может вовсе совершиться без того, чтобы познанное Марксом не перешло в общественное сознание, — в сознание определенного общественного класса современного пролетариата. Исторический переворот, формулированный теорией Маркса, предполагает, что теория Маркса станет предварительно формой сознания рабочего класса, и как таковая сама станет элементом истории.

И, таким образом, учение Маркса постоянно подтверждается по мере того, как каждый новый пролетарий проникается идеей классовой борьбы. Итак учение Маркса является, вместе с тем, частью исторического процесса, значит оно само процесс, и социальная революция составит заключительную главу «Коммунистического манифеста».

Тем самым учение Маркса будет рано или поздно, наверное, «ниспровергнуто» в своей самой опасной для современного общественного строя части, но только вместе с существующим общественным строем.

Люксембург, Памяти Карла Маркса, сборник «Памяти Карла Маркса», «Кр. новь», 148 — 150.

в. ЗНАЧЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ ДЛЯ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Взглянув материалистически на мир и человечество, они (Маркс и Энгельс. —*Сост.*) увидели, что как в основе всех явлений природы лежат причины материальные, так и развитие человеческого общества обусловливается развитием материальных производительных сил. От развития производительных сил зависят отношения, в которые становятся люди друг к другу при производстве предметов, необходимых для удовлетворения человеческих потребностей. И в этих отношениях — объяснение всех явлений общественной жизни, человеческих стремлений, идей и законов. Развитие производительных сил создает общественные отношения, опирающиеся на частную собственность, но теперь мы видим, как то же развитие производительных сил отнимает собственность у большинства и сосредоточивает ее в руках ничтожного меньшинства. Оно уничтожает собственность, основу современного общественного порядка, оно само стремится к той же цели, которую поставили себе социалисты. Социалистам надо только понять, какая общественная сила, по своему положению в современном обществе, заинтересована в осуществлении социализма, и сообщить этой силе сознание ее интересов и исторической задачи. Такая сила — пролетариат.

Ленин, Фридрих Энгельс, соч., I, изд. 2-е, 411.

...Громкие фразы против окостенения мысли и проч. прикрывают собой беззаботность и беспомощность в развитии теоретической мысли. Пример русских социал-демократов особенно наглядно иллюстрирует то общеевропейское явление (давно уже отмеченное и немецкими марксистами), что пресловутая свобода критики означает не замену одной теории другою, а свободу от всякой целостной и продуманной теории, означает эклектизм и беспринципность. Кто сколько-нибудь знаком с фактическим состоянием нашего движения, тот не может не видеть, что широкое распространение марксизма сопровождалось некоторым принижением теоретического уровня. К движению, ради его практического значения и практических успехов, примыкало немало людей, очень мало и даже вовсе неподготовленных теоретически. Можно су-

дить по этому, какое отсутствие такта проявляет «Раб. дело»*, когда выдвигает с победоносным видом изречение Маркса: «каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ». Повторять эти слова в эпоху теоретического разброда, это все равно что кричать «таскать вам не перетаскать!» при виде похоронной процессии. Да и взяты эти слова Маркса из его письма о готской программе, в котором он р е з к о п о р и ц а е т допущенный эклектизм в формулировке принципов: если уже надо было соединяться, — писал Маркс вожакам партии, — то заключайте договоры ради удовлетворения практических целей движения, но не допускайте торгашества принципами, не делайте теоретических «уступок». Вот какова была мысль Маркса, а у нас находятся люди, которые, во имя его, стараются ослабить значение теории!

Без революционной теории не может быть и революционного движения. Нельзя достаточно настаивать на этой мысли в такое время, когда с модной проповедью оппортунизма обнимается увлечение самыми узкими формами практической деятельности. А для русской социал-демократии значение теории усиливается еще тремя обстоятельствами, о которых часто забывают, именно: во-первых, тем, что наша партия только еще складывается**, только еще вырабатывает свою физиономию и далеко еще не закончила счетов с другими направлениями революционной мысли, грозящими совлечь движение с правильного пути. Напротив, именно самое последнее время ознаменовалось (как давно уже предсказывал экономистам Аксельрод) оживлением несоциал-демократических революционных направлений. При таких условиях «неважная» на первый взгляд ошибка может вызвать самые печальные последствия, и только близорукие люди могут находить несвоевременными или излишними фракционные споры и строгое различение оттенков. От упрочения того или другого «оттенка» может зависеть будущее русской социал-демократии на много и много лет.

Во-вторых, социал-демократическое движение международно по самому своему существу. Это означает не только то, что мы должны бороться с национальным шовинизмом. Это означает также, что начинающееся в молодой стране движение может быть успешно лишь при условии претворения им опыта других стран. А для такого претворения недостаточно простого знакомства с этим опытом или простого переписывания последних резолюций. Для этого необходимо уменье критически относиться к этому опыту и самостоятельно проверять его. Кто только представит себе, как гигантски разрослось и разветвилось современное рабочее движение, тот поймет, какой запас теоретических сил и политического (а также революционного) опыта необходим для выполнения этой задачи.

---

* «Рабочее дело» — (1898 — 1901) — журнал социал-демократов-«экономистов», с которым Ленин вел борьбу. — *Прим. сост.*

** Отрывок взят из работы Ленина, вышедшей в 1902 г. — *Прим. сост.*

В-третьих, национальные задачи русской социал-демократии таковы, каких не было еще ни перед одной социалистической партией в мире. Нам придется ниже говорить о тех политических и организационных обязанностях, которые возлагает на нас эта задача освобождения всего народа от ига самодержавия. Теперь же мы хотим лишь указать, что роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература; пусть... да довольно и этого!

Приведем замечания Энгельса по вопросу о значении теории в социал-демократическом движении, относящиеся к 1874 году. Энгельс признает не две формы великой борьбы социал-демократии (политическую и экономическую), — как это принято делать у нас, — а три, ставя наряду с ними и теоретическую борьбу. Его напутствие практически и политически окрепшему немецкому рабочему движению так поучительно с точки зрения современных вопросов и споров, что читатель не посетует на нас, надеемся, за длинную выписку из предисловия к брошюре «Der deutsche Bauernkrieg»*, которая давно уже стала величайшей библиографической редкостью:

«Немецкие рабочие имеют два существенных преимущества пред рабочими остальной Европы. Первое — то, что они принадлежат к наиболее теоретическому народу Европы и что они сохранили в себе тот теоретический смысл, который почти совершенно утрачен так называемыми «образованными» классами в Германии. Без предшествующей ему немецкой философии, в особенности философии Гегеля, никогда не создался бы немецкий научный социализм, — единственный научный социализм, который когда-либо существовал. Без теоретического смысла у рабочих этот научный социализм никогда не вошел бы до такой степени в их плоть и кровь, как это мы видим теперь. А как необъятно велико это преимущество, это показывает, с одной стороны, то равнодушие ко всякой теории, которое является одной из главных причин того, почему английское рабочее движение так медленно двигается вперед, несмотря на великолепную организацию отдельных ремесл, — а с другой стороны, это показывает та смута и те шатания, которые посеял прудонизм, в его первоначальной форме у французов и бельгийцев, в его карикатурной, Бакуниным придуманной, форме — у испанцев и итальянцев.

Второе преимущество состоит в том, что немцы приняли участие в рабочем движении почти-что позже всех. Как немецкий теоретический социализм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна—

* «Крестьянская война в Германии». Лучший перевод, издан. Инст. Маркса и Энгельса в серии «Библиотека марксиста», вып. XVI. *(прим. сост.)*.

трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно, — так немецкое практическое рабочее движение не должно никогда забывать, что оно развилось на плечах английского и французского движения, что оно имело возможность просто обратить себе на пользу их дорого купленный опыт, избежать теперь их ошибок, которых тогда в большинстве случаев нельзя было избежать. Где были бы мы теперь без образца английских трэд-юнионов и французской политической борьбы рабочих, без того колоссального толчка, который дала в особенности Парижская Коммуна?

Надо отдать справедливость немецким рабочим, что они с редким умением воспользовались выгодами своего положения. Впервые с тех пор, как существует рабочее движение, борьба ведется планомерно во всех трех ее направлениях, согласованных и связанных между собой: в теоретическом, политическом и практически-экономическом (сопротивление капиталистам). В этом, так сказать, концентрическом нападении и заключается сила и непобедимость немецкого движения.

С одной стороны, вследствие этого выгодного их положения, с другой стороны, вследствие островных особенностей английского движения и насильственного подавления французского, немецкие рабочие поставлены в данный момент во главе пролетарской борьбы. Как долго события позволят им занимать этот почетный пост, этого нельзя предсказать. Но, покуда они будут занимать его, они исполнят, надо надеяться, как подобает, возлагаемые им на них обязанности. Для этого требуется удвоенное напряжение сил во всех областях борьбы и агитации. В особенности обязанность вождей будет состоять в том, чтобы все более и более просвещать себя по всем теоретическим вопросам, все более и более освобождаться от влияния традиционных, принадлежащих старому миросозерцанию, фраз и всегда иметь в виду, что социализм, с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним и обращались как с наукой, т. е. чтобы его изучали. Приобретенное таким образом, все более проясняющееся сознание необходимо распространяться среди рабочих масс с все большим усердием и все крепче сплачивать организацию партии и организацию профессиональных союзов...

...Если немецкие рабочие будут также итти вперед, то они будут—не то что маршировать во главе движения — это вовсе не в интересах движения, чтобы рабочие одной какой-либо нации маршировали во главе его— но будут занимать почетное место в линии борцов: и они будут стоять во всеоружии, если неожиданно тяжелые испытания или великие события потребуют от них более высокого мужества, более высокой решимости и энергии.

Слова Энгельса оказались пророческими. Через несколько лет немецких рабочих постигли неожиданно тяжелые испытания в виде исключительного закона о социалистах. И немецкие рабочие действительно встретили их во всеоружии и сумели победоносно выйти из них.

Русскому пролетариату предстоят испытания еще неизмеримо более тяжкие, предстоит борьба с чудовищем, по сравнению с которым исключительный закон в конституционной стране кажется настоящим пигмеем. История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата. И мы вправе рассчитывать, что добьемся этого почетного звания, заслуженного уже нашими предшественниками, революционерами 70-х годов, если мы сумеем воодушевить наше в тысячу раз более широкое и глубокое движение такой же беззаветной решимостью и энергией.

Ленин, Что делать? Соч., I, изд. 2-е, 379—382.

Иные думают, что ленинизм есть примат практики перед теорией в том смысле, что главное в нем — претворение марксистских положений в дело, «исполнение» этих положений, что же касается теории, то на этот счет ленинизм довольно, будто бы, беззаботен. Известно, что Плеханов не раз потешался над «беззаботностью» Ленина насчет теории и особенно философии. Известно также, что многие нынешние практики-ленинцы не очень милуют теорию, особенно в виду той бездны практической работы, которую вынуждены они нести по обстановке. Я должен заявить, что это более чем странное мнение о Ленине и ленинизме совершенно неправильно и ни в какой мере не соответствует действительности, что стремление практиков отмахнуться от теории противоречит всему духу ленинизма и чревато большими опасностями для дела.

Теория есть опыт рабочего движения всех стран, взятый в его общем виде. Конечно, теория становится беспредметной, если она не связывается с революционной практикой, точно так же, как и практика становится слепой, если она не освещает себе дорогу революционной теорией. Но теория может превратиться в величайшую силу рабочего движения, если она складывается в неразрывной связи с революционной практикой, ибо она, и только она, может дать движению уверенность, силу ориентировки и понимание внутренней связи окружающих событий, ибо она, и только она, может помочь практике понять не только то, как и куда двигаются классы в настоящем, но и то, как и куда должны двинуться они в ближайшем будущем. Не кто иной, как Ленин, говорил и повторял десятки раз известное положение о том, что: «Без революционной теории не может быть и революционного движения» (см. «Что делать?»).

Ленин больше, чем кто-либо другой, понимал важное значение теории, особенно для такой партии, как наша, в виду той роли передового борца

международного пролетариата, которая выпала на ее долю, и в виду той сложности внутренней и международной обстановки, которая окружает ее. Предугадывая эту особую роль нашей партии еще в 1902 г., он считал нужным уже тогда напомнить, что: «Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией» (см. «Что делать?»).

Едва ли нужно доказывать, что теперь, когда предсказание Ленина о роли нашей партии уже претворилось в жизнь, это положение Ленина приобретает особую силу и особое значение.

Может быть, наиболее ярким выражением того высокого значения, которое придавал Ленин теории, следовало бы считать тот факт, что не кто иной, как Ленин, взялся за выполнение серьезнейшей задачи обобщения по материалистической философии наиболее важного из того, что дано наукой за период от Энгельса до Ленина, и всесторонней критики антиматериалистических течений среди марксистов. Энгельс говорил, что «материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием». Известно, что эту задачу выполнил для своего времени не кто иной, как Ленин, в своей замечательной книге «Материализм и эмпириокритицизм». Известно, что Плеханов, любивший потешаться над «беззаботностью» Ленина насчет философии, не решился даже серьезно приступить к выполнению такой задачи.

Сталин, Об основах ленинизма, сбор. «Вопросы ленинизма», Гиз. 1929, 89—90.

Социалистическая интеллигенция только тогда может рассчитывать на плодотворную работу, когда покончит с иллюзиями и станет искать опоры в действительном, а не желательном развитии России, в действительных, а не возможных общественно-экономических отношениях. Теоретическая работа ее должна будет при этом направиться на конкретное изучение всех форм экономического антагонизма в России, изучение их связи и последовательного развития; она должна вскрыть этот антагонизм везде, где он прикрыт политической историей, особенностями правовых порядков, установившимися теоретическими предрассудками. Она должна дать цельную картину нашей действительности, как определенной системы производственных отношений, показать необходимость эксплоатации и экспроприации трудящихся при этой системе, показать тот выход из этих порядков, на который указывает экономическое развитие.

Эта теория, основанная на детальном и подробном изучении русской истории и действительности, должна дать ответ на запросы пролетариата,— и если она будет удовлетворять научным требованиям, то всякое пробужде-

ние протестующей мысли пролетариата неизбежно будет приводить эту мысль в русло социал-демократизма. Чем дальше будет подвигаться вперед выработка этой теории, тем быстрее будет расти социал-демократизм, так как самые хитроумные оберегатели современных порядков не в силах помешать пробуждению мысли пролетариата, не в силах потому, что самые эти порядки необходимо и неизбежно влекут за собой все сильнейшую экспроприацию производителей, все больший рост пролетариата и резервной его армии — и это наряду с прогрессом общественного богатства, с громадным ростом производительных сил и обобществлением труда капитализмом. Как ни много осталось еще сделать для выработки такой теории, но порукой за то, что социалисты исполнят эту работу, служит распространение среди них материализма, единственно научного метода, требующего, чтобы всякая программа была точной формулировкой действительного процесса, порукой служит успех социал-демократии, принимающей эти идеи, — успех, до того взбудораживший наших либералов и демократов, что их толстые журналы, по замечанию одного марксиста, перестали быть скучными.

Этим подчеркиванием необходимости, важности и громадности теоретической работы социал-демократов я вовсе не хочу сказать, чтобы эта работа ставилась на первое место перед практической*, — тем менее, чтобы вторая откладывалась до окончания первой. Так могли бы заключить только поклонники «субъективного метода в социологии» или последователи утопического социализма. Конечно, если задача социалистов полагается в том, чтобы искать «иных (помимо действительных) путей развития» страны, тогда естественно, что практическая работа становится возможной лишь тогда, когда гениальные философы откроют и покажут эти «иные пути»; и наоборот, открыты и показаны эти пути — кончается теоретическая работа и начинается работа тех, кто должен направить «отечество» по «вновь открытому» «иному пути». Совсем иначе обстоит дело, когда задача социалистов сводится к тому, чтобы быть идейными руководителями пролетариата в его действительной борьбе против действительных настоящих врагов, стоящих на действительном пути данного общественно-экономического развития. При этом условии теоретическая и практическая работа сливаются вместе, в одну работу, которую так метко охарактеризовал ветеран германской социал-демократии Либкнехт словами: studieren, propagandieren, organisieren**.

Нельзя быть идейным руководителем без вышеуказанной теоретической работы, как нельзя быть им без того, чтобы направлять эту работу по за-

* Напротив. На первое место непременно становится всегда практическая работа пропаганды и агитации по той причине, во-первых, что теоретическая работа дает только ответы на тевопросы, которые пред'являет вторая. А во-вторых, социал-демократы слишком часто, по обстоятельствам от них не зависящим, вынуждены ограничиваться одной теоретической работой, чтобы не ценить дорого каждого момента, когда возможна работа практическая. — *Прим. авт.*

** Изучать, пропагандировать, организовать.—*Прим. сост.*

просам дела, без того, чтобы пропагандировать результаты этой теории среди рабочих и помогать их организации.

Эта постановка задачи гарантирует социал-демократию от тех недостатков, от которых так часто страдают группы социалистов,— от догматизма и сектаторства.

Не может быть догматизма там, где верховным и единственным критерием доктрины ставится — соответствие ее с действительным процессом общественно-экономического развития; не может быть сектаторства, когда задача сводится к содействию организации пролетариата, когда, следовательно, роль «интеллигенции» сводится к тому, чтобы сделать ненужными особых, интеллигентных руководителей.

Поэтому, несмотря на наличность разногласий среди марксистов по разным теоретическим вопросам, приемы их политической деятельности оставались с самого возникновения группы и остаются до сих пор прежними.

Политическая деятельность социал-демократов состоит в том, чтобы содействовать развитию и организации рабочего движения в России, преобразованию его из теперешнего состояния разрозненных, лишенных руководящей идеи попыток протеста, «бунтов» и стачек в организованную борьбу *всего* русского рабочего *класса*, направленную против буржуазного режима и стремящуюся к экспроприации экспроприаторов, к уничтожению тех общественных порядков, которые основаны на угнетении трудящегося. Основой этой деятельности служит общее убеждение марксистов в том, что русский рабочий — единственный и естественный представитель всего трудящегося и эксплоатируемого населения России *.

Естественный — потому, что эксплоатация трудящегося в России *повсюду является по сущности своей капиталистической*, если опустить вымирающие остатки крепостнического хозяйства; но только эксплоатация массы производителей мелка, раздроблена, неразвита, тогда как эксплоатация фабрично-заводского пролетариата крупна, обобществлена и концентрирована. В первом случае — эксплоатация эта еще опутана средневековыми формами, разными политическими, юридическими и бытовыми привесками, уловками и ухищрениями, которые мешают трудящемуся и его идеологу видеть сущность тех порядков, которые давят на трудящегося, видеть, где и как возможен выход из них. Напротив, в последнем случае эксплоатация уже совершенно развита и выступает в своем чистом виде без всяких запутывающих дело частностей. Рабочий не может не видеть уже, что гнетет его *капитал*, что вести борьбу приходится *с классом* буржуазии. И эта борьба его, направленная на достижение

---

* Человек будущего в России — мужик, думали представители крестьянского социализма, народники в самом широком значении слова. Человек будущего в России — рабочий, думают социал-демократы. Так формулирована была в одной рукописи точка зрения марксистов.— *Прим. авт.*

ближайших экономических нужд, на улучшение своего материального положения, — неизбежно требует от рабочих организации, неизбежно становится войной не против личности, а против к л а с с а, того самого класса, который не на одних фабриках и заводах, а везде и повсюду гнетет и давит трудящегося. Вот почему фабрично-заводский рабочий является не более как передовым представителем всего эксплоатируемого населения, и для того, чтобы он осуществил свое представительство в организованной, выдержанной борьбе, — требуется совсем не увлечение его какими-нибудь «перспективами»; для этого требуется только простое в ы я с н е н и е е м у е г о п о л о ж е н и я, выяснение политико-экономического строя той системы, которая гнетет его, выяснение необходимости и неизбежности классового антагонизма при этой системе. Это положение фабрично-заводского рабочего в общей системе капиталистических отношений делает его единственным борцом за освобождение рабочего класса, потому что только высшая стадия развития капитализма, крупная машинная индустрия, создает материальные условия и социальные силы, необходимые для этой борьбы. Во всех остальных местах, при низких формах развития капитализма, нет этих материальных условий: производство раздроблено на тысячи мельчайших хозяйств (не перестающих быть раздробленными х о з я й с т в а м и при самых уравнительных формах общинного з е м л е в л а д е н и я), эксплоатируемый большею частью владеет еще крошечным хозяйством и таким образом привязывается к той самой буржуазной системе, против которой должен вести борьбу: это задерживает и затрудняет развитие тех социальных сил, которые способны ниспровергнуть капитализм. Раздробленная, единичная, мелкая эксплоатация привязывает трудящихся к месту, разобщает их, не дает им возможности уразуметь своей классовой солидарности, не дает возможности объединиться, поняв, что причина угнетения — не та или другая личность, — а вся хозяйственная система. Напротив, крупный капитализм неизбежно разрывает всякую связь рабочего со старым обществом, с определенным местом и определенным эксплоататором, объединяет его, заставляет мыслить и ставит в условия, дающие возможность начать организованную борьбу. На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский р а б о ч и й, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет р у с с к и й п р о л е т а р и а т (рядом с пролетариатом в с е х с т р а н) п р я м о й д о р о г о й о т к р ы т о й п о л и т и ч е с к о й б о р ь б ы к п о б е д о н о с н о й к о м м у н и с т и ч е с к о й р е в о л ю ц и и.

Л е н и н, Что такое «друзья народа», и как они воюют против социал-демократов, соч., I, изд. 2-е, 191—193.

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ МАРКСИЗМА И ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ЕГО ОСНОВНЫХ ЧАСТЕЙ

а. ТРИ ИСТОЧНИКА И ТРИ ОСНОВНЫЕ ЧАСТИ МАРКСИЗМА

Учение Маркса вызывает к себе во всем цивилизованном мире величайшую вражду и ненависть всей буржуазной (и казенной, и либеральной) науки, которая видит в марксизме нечто вроде «вредной секты». Иного отношения нельзя и ждать, ибо «беспристрастной» социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе. Так или иначе, *вся казенная и либеральная наука защищает наемное рабство, а марксизм объявил беспощадную войну этому рабству*. Ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства — такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала.

Но этого мало. История философии и история социальной науки показывает с полной ясностью, что в марксизме нет ничего похожего на «сектантство» в смысле какого-то замкнутого, закостенелого учения, возникшего *в стороне* от столбовой дороги развития мировой цивилизации. Напротив, вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила. Его учение возникло, как *прямое и непосредственное продолжение учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма*.

Учение Маркса всесильно, потому что оно верно. Оно полно и стройно, давая людям цельное миросозерцание, непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета. Оно есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице *немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма*.

На этих трех источниках и вместе с тем основных частях марксизма мы вкратце и остановимся.

I

Философия марксизма есть *материализм*. В течение всей новейшей истории Европы, и особенно в конце XVIII века, во Франции, где разыгралась решительная битва против всяческого средневекового хлама, против крепостничества в учреждениях и в идеях, материализм оказался единственной последовательной философией, верной всем учениям естественных наук, враждебной суевериям, ханжеству и т. п. Враги демократии старались поэтому всеми силами «опровергнуть», подорвать, оклеветать мате-

риализм и защищали разные формы философского идеализма, который всегда сводится так или иначе к защите или поддержке религии.

Маркс и Энгельс самым решительным образом отстаивали философский материализм и неоднократно разъясняли глубокую ошибочность всяких уклонений от этой основы. Наиболее ясно и подробно изложены их взгляды в сочинениях Энгельса: «Людвиг Фейербах» и «Опровержение Дюринга» («Анти-Дюринг»), которые, подобно «Коммунистическому манифесту», являются настольной книгой всякого сознательного рабочего.

Но Маркс не остановился на материализме XVIII века, а двинул философию вперед. Он обогатил ее приобретением немецкой классической философии, особенно системы Гегеля, которая в свою очередь привела к материализму Фейербаха. Главное из этих приобретений — д и а л е к т и к а, т. е. учение о развитии в его наиболее полном, глубоком и свободном от односторонности виде, учение об относительности человеческого знания, дающего нам отражение вечно развивающейся материи. Новейшие открытия естествознания — радий, электроны, превращение элементов — замечательно подтвердили диалектический материализм Маркса, вопреки учениям буржуазных философов с их «новыми» возвращениями к старому и гнилому идеализму.

Углубляя и развивая философский материализм, Маркс довел его до конца, распространил его на познание ч е л о в е ч е с к о г о о б щ е с т в а. Величайшим завоеванием научной мысли явился и с т о р и ч е с к и й м а т е р и а л и з м Маркса. Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, п о к а з ы в а ю щ е й, к а к и з о д н о г о у к л а д а о б щ е с т в е н н о й ж и з н и р а з в и в а е т с я в с л е д с т в и е р о с т а п р о и з в о д и т е л ь н ы х с и л д р у г о й, б о л е е в ы с о к и й, — и з к р е п о с т н и ч е с т в а н а п р и м е р в ы р а с т а е т к а п и т а л и з м.

Точно так же, как познание человека отражает независимо от него существующую природу, т. е. развивающуюся материю, т а к о б щ е с т в е н н о е п о з н а н и е человека (т. е. разные взгляды и учения — философские, религиозные, политические и т. п.) отражает э к о н о м и ч е с к и й с т р о й о б щ е с т в а. Политические учреждения являются надстройкой над экономическим основанием. Мы видим например как разные политические формы современных европейских государств служат укреплению господства буржуазии над пролетариатом.

Философия Маркса есть законченный философский материализм, который дал человечеству великие орудия познания, а рабочему классу—в особенности.

II

Признав, что экономический строй является основой, над которой возвышается политическая надстройка, Маркс всего более внимания уделил изучению этого экономического строя. Главный труд Маркса «Капитал» по-

священ изучению экономического строя современного, т. е. капиталистического общества.

Классическая политическая экономия до Маркса сложилась в Англии, самой развитой капиталистической стране. Адам Смит и Давид Рикардо, исследуя экономический строй, положили начало трудовой теории стоимости. Маркс продолжал их дело. Он строго обосновал и последовательно развил эту теорию. Он показал, что стоимость всякого товара определяется количеством общественно-необходимого рабочего времени, идущего на производство товара.

Там, где буржуазные экономисты видели отношение вещей (обмен товара на товар), там Маркс вскрыл отношение между людьми Обменом товаров выражается связь между отдельными производителями при посредстве рынка. Деньги означают, что эта связь становится все теснее, неразрывно соединяя всю хозяйственную жизнь отдельных производителей в одно целое. Капитал означает дальнейшее развитие этой связи: товаром становится рабочая сила человека. Наемный рабочий продает свою рабочую силу владельцу земли, фабрик, орудий труда. Одну часть рабочего дня рабочий употребляет на то, чтобы покрыть расходы на содержание свое и своей семьи (заработная плата), а другую часть дня рабочий трудится даром, создавая прибавочную стоимость для капиталиста, источник прибыли, источник богатства класса капиталистов.

Учение о прибавочной стоимости есть краеугольный камень экономической теории Маркса.

Капитал, созданный трудом рабочего, давит рабочего, разоряя мелких хозяев и создавая армию безработных. В промышленности победа крупного производства видна сразу, но и в земледелии мы видим то же явление: превосходство крупного капиталистического земледелия увеличивается, растет применение машин, крестьянское хозяйство попадает в петлю денежного капитала, падает и разоряется под гнетом отсталой техники. В земледелии иные формы падения мелкого производства, но самое падение его есть бесспорный факт.

Побивая мелкое производство, капитал ведет к увеличению производительности труда и к созданию монопольного положения союзов крупнейших капиталистов. Самое производство становится все более общественным, сотни тысяч и миллионы рабочих связываются в планомерный хозяйственный организм, а продукт общего труда присваивается горстью капиталистов. Растет анархия производства, кризисы, бешеная погоня за рынком, необеспеченность существования для массы населения. Увеличивается зависимость рабочих от капитала, капиталистический строй создает великую мощь объединенного труда.

От первых зачатков товарного хозяйства, от простого обмена, Маркс проследил развитие капитализма до его высших форм, до крупного производства.

И опыт всех капиталистических стран, как старых, так и новых, показывает наглядно с каждым годом все большему и большему числу рабочих правильность этого учения Маркса.

Капитализм победил во всем мире, но эта победа есть лишь предвестие победы труда над капиталом.

III

Когда было свергнуто крепостничество и на свет божий явилось «свободное» капиталистическое общество, сразу обнаружилось, что эта свобода означает новую систему угнетения и эксплоатации трудящихся. Различные социалистические учения стали возникать как отражение этого гнета и протест против него. Но первоначальный социализм был утопическим социализмом. Он критиковал капиталистическое общество, осуждал, проклинал его, мечтал об уничтожении его, фантазировал о лучшем строе, убеждал богатых в безнравственности эксплоатации.

Но утопический социализм не мог указать действительного выхода. Он не умел ни разъяснить сущность наемного рабства при капитализме, ни открыть закон его развития, ни найти ту общественную силу, которая способна стать творцом нового общества.

Между тем бурные революции, которыми сопровождалось падение феодализма, крепостничества, везде в Европе, и особенно во Франции, все нагляднее вскрывали как основу всего развития и его движущую силу борьбу классов.

Ни одна победа политической свободы над классом крепостников не была завоевана без отчаянного сопротивления. Ни одна капиталистическая страна не сложилась на более или менее свободной, демократической основе без борьбы не на жизнь, а на смерть между разными классами капиталистического общества.

Гениальность Маркса состоит в том, что он сумел раньше всех сделать отсюда и провести последовательно тот вывод, которому учит всемирная история. Этот вывод есть учение о классовой борьбе.

Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов. Сторонники реформы и улучшений всегда будут одурачиваемы защитниками старого, пока не поймут, что всякое старое учреждение, как бы дико и гнило оно ни казалось, держится силами тех или иных господствующих классов. А чтобы сломить сопротивление этих классов, есть такое одно средство: найти в самом окружающем нас обществе, просветить и организовать для борьбы такие силы, которые могут, и по своему общественному положению должны составить силу, способную смести старое и создать новое.

Только философский материализм Маркса указал пролетариату выход из духовного рабства, в котором прозябали доныне все угнетенные классы.

Только экономическая теория Маркса разъяснила действительное положение пролетариата в общем строе капитализма.

Во всем мире, от Америки до Японии и от Швеции до Южной Африки, множатся самостоятельные организации пролетариата. Он просвещается и воспитывается, ведя свою классовую борьбу, избавляется от предрассудков буржуазного общества, сплачивается все теснее и учится измерять меру своих успехов, закаляет свои силы и растет неудержимо.

Ленин, Три источника и три составные части марксизма, соч., XII, изд. 2-е, 54—59.

6. ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

... Диалектический материализм составляет целостное мировоззрение, состоящее из трех основных частей: материалистической диалектики, как общей научной методологии (включая и теорию познания), диалектики природы, методологии естествознания (естественно-исторический материализм) и диалектики истории (исторический материализм). Все части диалектического материализма в достаточной, хотя и не равной, степени разработаны его основоположниками, чтобы мы могли составить себе о нем вполне определенное и законченное представление. Много сделано для дальнейшей разработки марксизма наиболее крупными «учениками» Маркса. Вполне естественно, что как учителя, так и ученики больше всего внимания уделяли общественным проблемам.

В области теоретической разработки материалистической диалектики сделано уже сравнительно меньше. Мы знаем, что Маркс носился с мыслью написать краткое руководство по диалектике. В письме к Энгельсу от 14 января 1858 г., он пишет, что если когда-нибудь найдется время, то «я очень охотно в двух-трех печатных листах популяризировал бы для обычного человеческого рассудка то рациональное, что есть в методе, который был открыт Гегелем, но в то же время облечен был в мистическую форму». К сожалению, Маркс не имел возможности выполнить свое намерение. Но если он не оставил нам теоретического руководства по диалектике, то всякий знает, что Маркс применял материалистически переработанную им диалектику Гегеля во всех своих трудах. Общую характеристику своей диалектики Маркс дал, как известно, в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала», подчеркивая вместе с тем, что именно «Гегель первый дал исчерпывающую и осознанную картину ее (диалектики — *Д. б.*) общих форм движения».

Ф. Энгельс в своих работах, особенно в «Людвиге Фейербахе» и «Анти-Дюринге», дал не только общую характеристику материалистической диалектики, но и выяснил теоретическое значение некоторых основных категорий и законов развития. Однако последователям Маркса остается еще выполнить, как нам кажется, чрезвычайно важную задачу по разработке, на основании трудов Маркса, Энгельса, Плеханова и Ленина, теории материалистической диалектики, опираясь при этом на

Гегеля, который дал уже исчерпывающую картину общих форм движения на свой идеалистический манер.

Деборин, Материалистическая диалектика и естествознание, «Воинствующий материалист», кн. 5, 4 — 5.

Начиная с 1844 — 45 гг., когда сложились взгляды Маркса, он был материалистом, в частности сторонником Л. Фейербаха, усматривая и впоследствии его слабые стороны исключительно в недостаточной последовательности и всесторонности его материализма. Всемирно-историческое, «составляющее эпоху» значение Фейербаха Маркс видел именно в решительном разрыве с идеализмом Гегеля и в провозглашении материализма, который еще «в XVIII веке, особенно во Франции, был борьбой против всякой метафизики» («Святое семейство» в «Литературном наследстве»). «Для Гегеля — писал Маркс — процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург (творец, созидатель) действительного... У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» («Капитал», I, предисловие ко 2-му изданию). В полном соответствии с этой материалистической философией Маркса и излагая ее, Фр. Энгельс писал в «Анти-Дюринге»: «Единство мира состоит не в его бытии, а в его материальности, которая доказывается... долгим и трудным развитием философии и естествознания... Движение есть форма бытия материи. Нигде и никогда не бывало и не может быть материи без движения, движения без материи... Если поставить вопрос, что такое мышление и познание, откуда они берутся, то мы увидим, что они — продукты человеческого мозга и что сам человек — продукт природы, развившийся в известной природной обстановке и вместе с ней. Само собой разумеется в силу этого, что продукты человеческого мозга, являющиеся в последнем счете тоже продуктами природы, не противоречат остальной связи природы, а соответствуют ей». «Гегель был идеалист, т. е. для него мысли нашей головы были не отражениями (Abbilder, отображениями, иногда Энгельс говорит об «оттисках»), более или менее абстрактными, действительных вещей и процессов, а, наоборот, вещи и развитие их были для Гегеля отражениями какой-то идеи, существовавшей где-то до возникновения мира». В своем сочинении «Людвиг Фейербах», в котором Фр. Энгельс излагает свои и Маркса взгляды на философию Фейербаха и которое Энгельс отправил в печать, предварительно перечитав старую рукопись его и Маркса 1844 — 45 гг. по вопросу о Гегеле, Фейербахе и материалистическом понимании истории, Энгельс пишет: «Великим основным вопросом всякой, а особенно новейшей философии является вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе... что чему предшествует: дух природе или природа духу... Философы разделились на два больших лагеря, сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно, так или иначе признавали сотворение мира,... составили идеали-

стический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма». В особенности надо отметить взгляд Маркса на отношение свободы к необходимости: «Слепа необходимость, пока она не сознана. Свобода есть сознание необходимости» (Энгельс, в «Анти-Дюринге»), признание об'ективной закономерности природы и диалектического превращения необходимости в свободу (наравне с превращением непознанной, но познаваемой «вещи в себе» в «вещь для нас», «сущности вещей» в «явления»). Основным недостатком «старого», в том числе и фейербаховского (а тем более «вульгарного», Бюхнера — Фохта — Молешотта) материализма Маркс и Энгельс считали: 1. то, что этот материализм был «преимущественно механическим», не учитывая новейшего развития химии и биологии; 2. то, что старый материализм был неисторичен, недиалектичен (метафизичен в смысле антидиалектики), не проводил последовательно и всесторонне точки зрения развития; 3. то, что они «сущность человека» понимали абстрактно, а не как «совокупность» (определенных конкретно-исторически) «всех общественных отношений» и потому только «объясняли» мир, тогда когда дело идет об «изменении» его, т. е. не понимали значения революционной практической деятельности.

Гегелевскую диалектику, как самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии, Маркс и Энгельс считали величайшим приобретением классической немецкой философии. Всякую иную формулировку принципа развития, эволюции, они считали односторонней, бедной содержанием, уродующей и калечащей действительный ход развития (нередко со скачками, катастрофами, революциями) в природе и в обществе. «Мы с Марксом были едва ли не единственными людьми, поставившими себе задачу спасти (от разгрома идеализма и гегельянства в том числе) сознательную диалектику и перевести ее в материалистическое понимание природы». «Природа есть подтверждение диалектики, и как раз новейшее естествознание доказывает, что это подтверждение необыкновенно богатое..., накопляющее ежедневно массу материала и доказывающее, что дела обстоят в природе в последнем счете диалектически, а не метафизически» (Энгельс).

«Великая основная мысль, — пишет Энгельс, — что мир состоит не из готовых, законченных предметов, а представляет собой совокупность процессов, в которой предметы, кажущиеся неизменными, равно как и делаемые головой мысленные их снимки, понятия, находятся в беспрерывном изменении, то возникают, то уничтожаются, — эта великая основная мысль со времени Гегеля до такой степени вошла в общее сознание, что едва ли кто-нибудь станет оспаривать ее в ее общем виде. Но одно дело признавать ее на словах, другое дело — применять ее в каждом отдельном случае и в каждой данной области исследования». «Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтоже-

ния, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу». Таким образом, диалектика, по Марксу, есть «наука об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления».

Эту, революционную, сторону философии Гегеля воспринял и развил Маркс. Диалектический материализм «не нуждается ни в какой философии, стоящей над прочими науками». От прежней философии остается «учение о мышлении и его законах, — формальная логика и диалектика». А диалектика, в понимании Маркса, согласно также Гегелю, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от *незнания к познанию*...

Сознание непоследовательности, незавершенности, односторонности старого материализма привело Маркса к убеждению в необходимости «согласовать науку об обществе с материалистическим основанием и перестроить ее соответственно этому основанию». Если материализм вообще объясняет сознание из бытия, а не обратно, то в применении к общественной жизни человечества материализм требовал объяснения *общественного* сознания из *общественного* бытия. «Технология,—говорит Маркс («Капитал», I),—вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений». Цельную формулировку основных положений материализма, распространенного на человеческое общество и его историю, Маркс дал в предисловии к сочинению «К критике политической экономии» в следующих словах:

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие, отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. *Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание.* На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы, более

или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, — короче, от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются с ним. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями»... «В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения составляют последнюю антагонистическую форму общественного процесса производства...».

Открытие материалистического понимания истории или, вернее, последовательное продолжение, распространение материализма на область общественных явлений устранило два главных недостатка прежних исторических теорий. Во-первых, они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства; во-вторых, прежние теории не охватывали как раз действий м а с с населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность с естественно-исторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий. Домарксовская «социология» и историография в л у ч ш е м случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая с о в о к у п н о с т ь всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных к л а с с о в общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая к о р н и без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил. Люди сами творят свою историю, но чем определяются мотивы людей, и именно масс людей, чем вызываются столкновения противоречивых идей и стремлений, какова совокупность всех этих столкновений всей массы человеческих обществ, каковы объективные условия производства материальной жизни, создающие базу всей исторической деятельности людей, каков закон развития этих условий, — на все это обратил внимание Маркс и указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости процесса.

Что стремления одних членов данного общества идут вразрез со стремлениями других, что общественная жизнь полна противоречий, что история показывает нам борьбу между народами и обществами, а также внутри них, а кроме того еще смену периодов революции и реакции, мира и войн, застоя и быстрого прогресса или упадка, эти факты общеизвестны. Марксизм дал руководящую нить, позволяющую открыть закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе, именно: теорию классовой борьбы. Только изучение совокупности стремлений всех членов данного общества или группы обществ способно привести к научному определению результата этих стремлений. А источником противоречивых стремлений является различие в положении и условии жизни тех к л а с с о в, на которые каждое общество распадается. «История всех до сих пор существовавших обществ,—говорит Маркс в «Коммунистическом манифесте» (за исключением истории первобытной общины—добавляет Энгельс),—была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье — короче, угнетающий и угнетаемый — находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов. Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых. Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается однако тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса — буржуазию и пролетариат»...

Со времени Великой французской революции, европейская история с особой наглядностью вскрывала в ряде стран эту действительную подкладку событий, борьбу классов. И уже эпоха реставрации во Франции выдвинула ряд историков (Тьерри, Гизо, Минье, Тьер), которые, обобщая происходящее, не могли не признать борьбы классов ключом к пониманию всей французской истории. А новейшая эпоха, эпоха полной победы буржуазии, представительных учреждений, широкого (если не всеобщего) избирательного права, дешевой, идущей в массы, ежедневной печати и т. п., эпоха могучих и все более широких союзов рабочих и союзов предпринимателей и т. д., показала еще нагляднее (хотя и в очень иногда односторонней, «мирной», «конституционной» форме) борьбу классов как двигатель событий.

...«Из всех классов, противостоящих теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности; пролетариат же есть ее собственный продукт. Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник, крестьянин — все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более,

они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы: поскольку они покидают свою собственную точку зрения, для того чтобы встать на точку зрения пролетариата».

В ряде исторических сочинений Маркс дал блестящие и глубокие образцы материалистической историографии, анализа положения каждого отдельного класса и иногда различных групп или слоев внутри класса, показывая воочию, почему и как «всякая классовая борьба есть борьба политическая». Приведенный нами отрывок иллюстрирует, какую сложную сеть общественных отношений и переходных ступеней от одного класса к другому, от прошлого к будущему анализирует Маркс для учета всей равнодействующей исторического развития.

Наиболее глубоким, всесторонним и детальным подтверждением и применением теории Маркса является его экономическое учение.

Ленин, Карл-Маркс, соч., XVIII изд. 2-е, 8—15.

в. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ

«Конечной целью моего сочинения,—говорит Маркс в предисловии к «Капиталу»,—является открытие экономического закона движения современного общества», т. е. капиталистического, буржуазного общества. Исследование производственных отношений данного, исторически определенного, общества в их возникновении, развитии и упадке — таково содержание экономического учения Маркса. В капиталистическом обществе господствует производство товаров, и анализ Маркса начинается поэтому с анализа товара.

Товар есть, во-первых, вещь, удовлетворяющая какой-либо потребности человека; во-вторых, вещь, обмениваемая на другую вещь. Полезность вещи делает ее потребительной стоимостью. Меновая стоимость (или просто стоимость) является прежде всего отношением, пропорцией при обмене известного числа потребительных стоимостей одного вида на известное число потребительных стоимостей другого вида. Ежедневный опыт показывает нам, что миллионы и миллиарды таких обменов приравнивают постоянно все и всякие, самые различные и несравнимые друг с другом, потребительные стоимости одну к другой. Что же есть общего между этими различными вещами, постоянно приравниваемыми друг к другу в определенной системе общественных отношений? Общего между ними то, что они — продукты труда. Обменивая продукты, люди приравнивают самые различные виды труда. Производство товаров есть система общественных отношений, при которой отдельные производители созидают разнообразные продукты (общественное разделение труда), и все эти продукты приравнивают друг к другу при обмене. Следовательно, тем общим, что есть во всех товарах, является не конкретный труд определенной отрасли производства, не труд одного вида, а абстрактный

человеческий труд, человеческий труд вообще. Вся рабочая сила данного общества, представленная в сумме стоимости всех товаров, является одной и той же человеческой рабочей силой: миллиарды фактов обмена доказывают это. И следовательно каждый отдельный товар представляется лишь известной долей общественно-необходимого рабочего времени. Величина стоимости определяется количеством общественно-необходимого труда или рабочим временем, общественно-необходимым для производства данного товара, данной потребительной стоимости. «Приравнивая свои различные продукты при обмене один к другому, люди приравнивают свои различные виды труда один к другому. Они не сознают этого, но они это делают». «Стоимость есть отношение между двумя лицами» — как сказал один старый экономист; ему следовало лишь добавить: «отношение, прикрытое вещной оболочкой». Только с точки зрения системы общественных производственных отношений, одной определенной исторической формации общества, притом отношений, проявляющихся в массовом, миллиарды раз повторяющемся явлении обмена, можно понять, что такое стоимость. «Как стоимости, товары суть лишь определенные количества застывшего рабочего времени». Проанализировав детально двойственный характер труда, воплощенного в товарах, Маркс переходит к анализу формы стоимости и денег. Главной задачей Маркса является при этом изучение происхождения денежной формы стоимости, изучение исторического процесса развертывания обмена, начиная с отдельных, случайных актов его («простая, отдельная или случайная форма стоимости»: данное количество одного товара обменивается на данное количество другого товара) вплоть до всеобщей формы стоимости, когда ряд различных товаров обменивается на один и тот же определенный товар, и до денежной формы стоимости, когда этим определенным товаром, всеобщим эквивалентом, является золото. Будучи высшим продуктом развития обмена и товарного производства, деньги затушевывают, прикрывают общественный характер частных работ, общественную связь между отдельными производителями, объединенными рынком. Маркс подвергает чрезвычайно детальному анализу различные функции денег, причем и здесь (как вообще в первых главах «Капитала») в особенности важно отметить, что абстрактная и кажущаяся иногда чисто дедуктивной форма изложения на самом деле воспроизводит гигантский фактический материал по истории развития обмена и товарного производства. «Деньги предполагают известную высоту товарного обмена. Различные формы денег — простой товарный эквивалент или средство обращения или средство платежа, сокровище и всемирные деньги — указывают, смотря по различным размерам применения той или другой функции, по сравнительному преобладанию одной из них, на весьма различные ступени общественного процесса производства» («Капитал», I).

На известной ступени развития товарного производства деньги превращаются в капитал. Формулой товарного обращения было: — $Т$ (товар) — $Д$ (деньги) — $Т$ (товар), т. е. продажа одного товара для покупки другого.

Общей формулой капитала является, наоборот: $Д — Т — Д$, т. е. покупка для продажи (с прибылью). Прибавочной стоимостью называет Маркс это возрастание первоначальной стоимости денег, пускаемых в оборот. Факт этого «роста» денег в капиталистическом обороте общеизвестен. Именно этот «рост» превращает деньги в капитал, как особое, исторически определенное, общественное отношение производства. Прибавочная стоимость не может возникнуть из товарного обращения, ибо оно знает лишь обмен эквивалентов, не может возникнуть из надбавки к цене, ибо взаимные потери и выигрыши покупателей и продавцов уравновесились бы, а речь идет именно о массовом, среднем, общественном явлении, а не об индивидуальном. Чтобы получить прибавочную стоимость, «владелец денег должен найти на рынке такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости», такой товар, процесс потребления которого был бы в то же самое время процессом создания стоимости. И такой товар существует. Это — рабочая сила человека. Потребление ее есть труд, а труд создает стоимость. Владелец денег покупает рабочую силу по ее стоимости, определяемой, подобно стоимости всякого другого товара, общественно-необходимым рабочим временем, необходимым для ее производства (т. е. стоимостью содержания рабочего и его семьи). Купив рабочую силу, владелец денег вправе потреблять ее, т. е. заставлять ее работать целый день, скажем, 12 часов. Между тем рабочий в течение 6 часов («необходимое» рабочее время) создает продукт, окупающий его содержание, а в течение следующих 6 часов («прибавочное» рабочее время) создает неоплаченный капиталистом «прибавочный» продукт, или прибавочную стоимость. Следовательно, в капитале с точки зрения процесса производства, необходимо различать две части: постоянный капитал, расходуемый на средства производства (машины, орудия труда, сырой материал и т. д.) — стоимость его (сразу или по частям) без изменения переходит на готовый продукт — и переменный капитал, расходуемый на рабочую силу. Стоимость этого капитала не остается неизменной, а возрастает в процессе труда, создавая прибавочную стоимость. Поэтому для выражения степени эксплоатации рабочей силы капиталом надо сравнивать прибавочную стоимость не со всем капиталом, а только с переменным капиталом. Норма прибавочной стоимости, как называет Маркс это отношение, будет, например, в нашем примере 6 : 6, т. е. 100%.

Исторической предпосылкой возникновения капитала является, во-первых, накопление известной денежной суммы в руках отдельных лиц при высоком сравнительно уровне развития товарного производства вообще и, во-вторых, наличность «свободного» в двояком смысле рабочего, свободного от всяких стеснений или ограничений продажи рабочей силы и свободного от земли и вообще от средств производства, бесхозяйного рабочего, «пролетария», которому нечем существовать, кроме как продажей рабочей силы.

Увеличение прибавочной стоимости возможно путем двух основных приемов: путем удлинения рабочего дня («абсолютная прибавочная стоимость»)

и путем сокращения необходимого рабочего дня («относительная прибавочная стоимость»). Анализируя первый прием, Маркс развертывает грандиозную картину борьбы рабочего класса за сокращение рабочего дня и вмешательства государственной власти за удлинение рабочего дня (XIV — XVII вв.) и за сокращение его (фабричное законодательство XIX в.). После того, как появился «Капитал», история рабочего движения всех цивилизованных стран мира дала тысячи и тысячи новых фактов, иллюстрирующих эту картину.

Анализируя производство относительной прибавочной стоимости, Маркс исследует три основные исторические стадии повышения производительности труда капитализмом: 1. простую кооперацию; 2. разделение труда и мануфактуру; 3. машины и крупную промышленность. Насколько глубоко вскрыты здесь Марксом основные типичные черты развития капитализма, — видно, между прочим, из того, что исследования русской так называемой «кустарной» промышленности дают богатейший материал по иллюстрации двух первых из названных трех стадий. А революционизирующее действие крупной машинной индустрии, описанное Марксом в 1867 году, обнаружилось в течение полувека, истекшего с тех пор, на целом ряде «новых» стран (Россия, Япония и др.).

Далее. В высшей степени важным и новым является у Маркса анализ накопления капитала, т. е. превращения части прибавочной стоимости в капитал, употребления ее не на личные нужды или причуды капиталиста, а на новое производство. Маркс показал ошибку всей прежней классической политической экономии (начиная с Ад. Смита), которая полагала, что вся прибавочная стоимость, превращаемая в капитал, идет на переменный капитал. На самом же деле она распадается на средства производства плюс переменный капитал. Громадное значение в процессе развития капитализма и превращения его в социализм имеет более быстрое возрастание доли постоянного капитала (в общей сумме капитала) по сравнению с долей переменного капитала.

Накопление капитала, ускоряя вытеснение рабочих машиной, создавая на одном полюсе богатство, на другом нищету, порождает и так называемую «резервную рабочую армию», «относительный избыток» рабочих, или «капиталистическое перенаселение», принимающее чрезвычайно разнообразные формы и дающее возможность капиталу чрезвычайно быстро расширять производство. Эта возможность в связи с кредитом и накоплением капитала в средствах производства дает, между прочим, ключ к пониманию кризисов перепроизводства, периодически наступавших в капиталистических странах сначала в среднем каждые 10 лет, потом в более продолжительные и менее определенные промежутки времени. От накопления капитала на базисе капитализма следует отличать так называемое первоначальное накопление: насильственное отделение работника от средств производства, изгнание крестьян с земли, кражу общинных земель, систему колоний и государственных долгов, покровительственных пошлин и т. д. «Первона-

чальное накопление» создает на одном полюсе «свободного» пролетария, на другом владельца денег, капиталиста.

«Историческую тенденцию капиталистического накопления» Маркс характеризует в следующих знаменитых словах («Капитал», I): «Экспроприация непосредственных производителей производится с самым беспощадным вандализмом и под давлением самых подлых, самых грязных, самых мелочных и самых бешеных страстей. Частная собственность, добытая трудом собственника (крестьянина и ремесленника.— *Сост.).* основанная, так сказать, на срастании отдельного независимого работника с ее орудиями и средствами труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплоатации чужой, по формально свободной рабочей силы... Дальнейшее обобществление труда и дальнейшее превращение земли и других средств производства в средства производства, общественно эксплоатируемые, т. е. сообща применяемые,— иными словами, дальнейшая экспроприация частных собственников,—облекается в новую форму. Теперь экспроприации подлежит уже не рабочий, сам ведущий самостоятельное хозяйство, а капиталист, эксплоатирующий многих рабочих. Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, путем централизации капиталов. Один капиталист побивает многих капиталистов. Рука об руку с этой централизацией или экспроприацией многих капиталистов немногими развивается кооперативная форма процесса труда во все более и более широких, крупных размерах, развивается сознательное техническое применение науки, планомерная эксплоатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономизирование всех средств производства путем употребления их как средств производства комбинированного общественного труда, вплетение всех народов в сеть всемирного рынка, а вместе с тем интернациональный характер капиталистического режима. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплоатации, но вместе с тем и возмущения рабочего класса, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют. Отрицание капиталистического производства производится им же самим с неизбежностью естественного процесса».

В высшей степени важным и новым является, далее, данный Марксом во втором томе «Капитала» анализ воспроизведения общественного капитала, взятого в целом. И здесь Маркс берет не индивидуальное, а массовое явление, не дробную частичку экономии общества, а всю эту экономию в совокупности.

Исправляя указанную выше ошибку классиков, Маркс делит все общественное производство на два больших отдела: 1. производство средств производства и 2. производство предметов потребления, и детально рассматривает, на взятых им числовых примерах, обращение всего общественного капитала в целом как при производстве в прежних размерах, так и при накоплении.

В третьем томе «Капитала» разрешен вопрос об образовании средней нормы прибыли на основе закона стоимости. Великим шагом вперед экономической науки в лице Маркса является то, что анализ ведется с точки зрения массовых экономических явлений, всей совокупности общественного хозяйства, а не с точки зрения отдельных казусов или внешней поверхности конкуренции, чем ограничивается часто вульгарная политическая экономия или современная «теория предельной полезности». Сначала Маркс анализирует происхождение прибавочной стоимости и затем уже переходит к ее распадению на прибыль, процент и поземельную ренту. Прибыль есть отношение прибавочной стоимости ко всему вложенному в предприятие капиталу. Капитал «высокого органического строения» (т. е. с преобладанием постоянного капитала над переменным в размерах выше среднего общественного) дает норму прибыли ниже среднего. Капитал «низкого органического строения» — выше среднего. Конкуренция между капиталами, свободный переход их из одной отрасли в другую сведет в обоих случаях норму прибыли к средней. Сумма стоимостей всех товаров данного общества совпадает с суммой цен товаров, но в отдельных предприятиях и отдельных отралях производства товары, под влиянием конкуренции, продаются не по их стоимости, а по ценам производства (или производственным ценам), которые равняются затраченному капиталу плюс средняя прибыль.

Таким образом общеизвестный и бесспорный факт отступления цен от стоимостей и равенства прибыли вполне объяснен Марксом на основе закона стоимости, ибо сумма стоимостей всех товаров совпадает с суммой цен. Но сведение стоимости (общественной) к ценам (индивидуальным) происходит не простым, не непосредственным, а очень сложным путем: вполне естественно, что в обществе разрозненных товаропроизводителей, связанных лишь рынком, закономерность не может проявляться иначе как в средней, общественной, массовой закономерности, при взаимопогашении индивидуальных уклонений в ту или другую сторону.

Повышение производительности труда означает более быстрый рост постоянного капитала по сравнению с переменным. А так как прибавочная стоимость есть функция одного лишь переменного капитала, то понятно, что норма прибыли (отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу, а не к его переменной только части) имеет тенденцию к падению. Маркс подробно анализирует эту тенденцию и ряд прикрывающих ее или противодействующих ей обстоятельств.

Не останавливаясь на передаче чрезвычайно интересных отделов третьего тома, посвященных ростовщическому, торговому и денежному капиталу, мы перейдем к самому главному: к теории поземельной ренты.

Цена производства земледельческих продуктов в силу ограниченности площади земли, которая вся занята отдельными хозяевами в капиталистических странах, определяется издержками производства не на средней, а на худшей почве, не при средних, а при худших условиях доставки продукта на рынок. Разница между этой ценой и ценой производства на лучших почвах (или при лучших условиях) дает разностную, или дифференциальную ренту. Анализируя ее детально, показывая происхождение ее при разнице плодородия отдельных участков земли, при разнице в размерах вложения капитала в землю, Маркс вполне вскрыл (см. также «Теории прибавочной стоимости», где особого внимания заслуживает критика Родбертуса) ошибку Рикардо, будто дифференциальная рента получается лишь при последовательном переходе от лучших земель к худшим. Напротив, бывают и обратные переходы, бывает превращение одного разряда земель в другие (в силу прогресса агрикультурной техники, роста городов и пр.), и глубокой ошибкой, взваливанием на природу недостатков, ограниченностей и противоречий капитализма является пресловутый «закон убывающего плодородия почвы». Затем равенство прибыли во всех отраслях промышленности и народного хозяйства вообще предполагает полную свободу конкуренции, свободу перелива капитала из одной отрасли в другую. Между тем частная собственность на землю создает монополию, помеху этому свободному переливу. В силу этой монополии продукты сельского хозяйства, отличающегося более низким строением капитала и, следовательно, индивидуально более высокой нормой прибыли, не идут в вполне свободный процесс выравнивания нормы прибыли; собственник земли, как монополист, получает возможность удержать цену выше средней, а эта монопольная цена рождает абсолютную ренту. Дифференциальная рента не может быть уничтожена при существовании капитализма, абсолютная же может, — например, при национализации земли, при переходе ее в собственность государства. Такой переход означал бы подрыв монополии частных собственников, означал бы более последовательное, более полное проведение свободы конкуренции в земледелии. И поэтому радикальные буржуа, отмечает Маркс, выступали в истории неоднократно с этим требованием. Замечательно популярно, сжато и ясно изложил сам Маркс свою теорию средней прибыли на капитал и абсолютной земельной ренты в письме к Энгельсу от 2 августа 1862 г. (см. «Переписка», III, 77 — 81. Ср. также письмо от 9 августа 1862 г., там же, 86 — 87). К истории поземельной ренты важно также указать на анализ Маркса, показывающего превращение ренты отработочной (когда крестьянин своим трудом на земле помещика создает прибавочный продукт) в ренту продуктами или натурой (крестьянин на своей земле производит прибавочный продукт, отдавая его помещику в силу «внеэкономического принуждения»), затем в ренту денежную (та же рента натурой, превращенная в деньги, «оброк» старой Руси, в силу развития товарного производства) и наконец, в ренту капиталистическую, когда на место крестьянина является предприниматель в земледелии, ведущий обработку при помощи наемного труда. В связи с этим анализом

«генезиса капиталистической поземельной ренты» следует отметить ряд тонких (и особенно важных для отсталых стран, как Россия) мыслей Маркса об эволюции капитализма в земледелии. «Превращению натуральной ренты в денежную не только сопутствует неизбежно, но даже предшествует образование класса неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги. В период возникновения этого класса, когда он появляется еще только спорадически, у более зажиточных, обязанных оброком крестьян естественно развивается обычай эксплоатировать за свой счет сельских наемных рабочих—совершенно подобно тому как в феодальные времена зажиточные крепостные крестьяне сами в свою очередь держали крепостных. У этих крестьян развивается таким образом постепенно возможность накоплять известное имущество и превращаться самим в будущих капиталистов. Среди старых владельцев земли, ведущих самостоятельное хозяйство, возникает, следовательно, рассадник капиталистических арендаторов, развитие которых обусловлено общим развитием капиталистического производства вне сельского хозяйства» («Капитал», III, ч. 2, 332)... «Экспроприация и изгнание из деревни части сельского населения не только «освобождают» для промышленного капитала рабочих, их средства к жизни, их орудия труда, но и создают внутренний рынок» («Капитал», I, 778). Обнищание и разорение сельского населения играют, в свою очередь, роль создания резервной рабочей армии для капитала. Во всякой капиталистической стране «часть сельского населения находится поэтому постоянно в переходном состоянии к превращению в городское или мануфактурное (т. е. неземледельческое) население. Этот источник относительного избыточного населения течет постоянно... Сельского рабочего сводят к наинизшему уровню заработной платы, и он всегда стоит одной ногой в болоте пауперизма» («Капитал», 1^2, 668). Частная собственность крестьянина на землю, обрабатываемую им, есть основа мелкого производства и условие его процветания, приобретения им классической формы. Но это мелкое производство совместимо только с узкими примитивными рамками производства и общества. При капитализме «эксплоатация крестьян отличается от эксплоатации промышленного пролетариата лишь по форме. Эксплоататор — тот же самый капитал. Отдельные капиталисты эксплоатируют отдельных крестьян посредством гипотек и ростовщичества; класс капиталистов эксплоатирует класс крестьян посредством государственных налогов»... «Парцелла (мелкий участок земли) крестьянина представляет только предлог, позволяющий капиталисту извлекать из земли прибыль, процент и ренту, предоставляя самому землевладельцу выручать, как ему угодно, свою заработную плату». Обычно крестьянин отдает даже капиталистическому обществу, т. е. классу капиталистов, часть заработной платы, опускаясь «до уровня ирландского арендатора — под видом частного собственника»... В чем состоит «одна из причин того, что в странах с преобладающим мелким крестьянским землевладением цена на хлеб стоит ниже, чем в странах с капиталистическим способом производства?»... В том, что крестьянин отдает обществу (т. е. классу капиталистов) даром часть приба-

вочного продукта. «Следовательно такая низкая цена (хлеба и др. сельскохозяйственных продуктов) есть следствие бедности производителей, а ни в коем случае не результат производительности их труда»... Мелкая поземельная собственность, нормальная форма мелкого производства деградируется, уничтожается, гибнет при капитализме.

Ленин, Карл Маркс, соч., XVIII, изд. 2-е, 15—24.

г. НАУЧНЫЙ КОММУНИЗМ

Новейший социализм по своему содержанию является прежде всего результатом наблюдений, с одной стороны, над господствующим в современном обществе антагонизмом между имущими и неимущими классами, с другой — над анархией, существующей в производстве. Но по своей теоретической форме он кажется на первый взгляд только дальнейшим развитием и как бы более последовательным проведением принципов, установленных великими философами XVIII века. Как всякая новая теория, социализм должен был примкнуть к порядку идей, созданному его ближайшими предшественниками, хотя его корни и лежали очень глубоко в материальных экономических фактах.

Великие люди, просветившие французские головы для приближавшейся революции, сами были крайними революционерами. Никаких внешних авторитетов они не признавали. Религия, взгляды на природу, общество, государство, — все подвергалось их беспощадной критике, все призывалось пред судилище разума и осуждалось на исчезновение, если не могло доказать своей разумности. Разум стал единственной меркой, под которую все подводилось. Это было то время, когда, по выражению Гегеля, «мир был поставлен на голову» *, т. е. человеческая голова и придуманные ею теоретические положения предъявляли притязание служить единственным основанием всех человеческих действий и общественных отношений и когда вслед за тем противоречившая этим положениям действительность была фактически перевернута сверху донизу. Все старые общественные и государственные формы, все традиционные понятия были признаны неразумными и отброшены как старый хлам. Было решено, что до настоящего момента

* Вот что говорит Гегель о Французской революции: «Идея, понятие права сразу завоевало себе признание, и ветхие опоры бесправия не могли оказать ей никакого сопротивления. Идея права положена в основание конституции, и теперь все должно опираться на нее. С тех пор, как солнце светит на небе и вокруг него обращаются планеты, еще никогда не было, чтобы человек становился на голову, т. е. перестраивал действительность по своим идеям. Анаксагор первый сказал, что разум управляет миром, но только теперь впервые человек дошел до признания, что мысль должна господствовать в сфере духовной действительности. Это был величественный восход солнца. Все мыслящие люди радостно приветствовали наступление новой эпохи. Торжественное настроение господствовало над этим временем, и весь мир проникся энтузиазмом духа, как будто совершилось впервые его примирение с божеством» (Гегель, Философия истории, 1840, 535). — *Прим. авт.*

мир руководился одними предрассудками, и все его прошлое достойно лишь сожаления и презрения. Теперь впервые взошло солнце, наступило царство разума, и с этих пор суеверие и угнетение уступят место вечной истине, вечной справедливости, естественному равенству и неотъемлемым правам человека.

Мы знаем теперь, что это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии; что вечная справедливость осуществилась в виде буржуазной юстиции; что естественное равенство ограничилось равенством граждан перед законом, а существеннейшим из прав человека было объявлено право буржуазной собственности. Разумное государство и «общественный договор» Руссо оказались и могли оказаться на практике только буржуазной демократической республикой. Мыслители XVIII века, как и все их предшественники, не могли выйти за пределы, которые ставила им тогдашняя эпоха.

Но рядом с борьбой между феодальным дворянством и буржуазией, выступавшей в качестве представителя всего остального общества, существовал общий антагонизм—эксплоататоров и эксплоатируемых, богатых тунеядцев и трудящихся бедняков. Именно он дал возможность представителям буржуазии явиться защитниками не какого-либо отдельного класса, а всего страждущего человечества. Более того. Буржуазия с самого начала уже носила в себе своего будущего противника: капиталисты не могли существовать без наемных рабочих, и те самые условия, в которых средневековый цеховой мастер развивался в современного капиталиста, заставили цехового подмастерья и не принадлежащего к цеху поденщика превратиться в пролетария. И хотя требования, которые защищало третье сословие в *своей борьбе с дворянством*, в общих чертах действительно соответствовали интересам различных слоев трудящегося населения того времени, тем не менее, при каждом крупном восстании горожан вспыхивало самостоятельное движение того слоя, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата. Таково было движение перекрещенцев и Томаса Мюнцера в эпоху реформации и крестьянских войн в Германии, левеллеров—во время английской революции, Бабефа — во время французской. Вместе с революционными попытками еще не сложившегося класса возникали и соответствующие теории: утопические изображения идеального общественного строя в XVI и XVII столетиях, а в XVIII уже прямо коммунистические теории (Морелли и Мабли). Требование равенства не ограничивалось уже областью политических прав, а распространялось на общественное положение отдельных личностей; доказывалась необходимость уничтожить не только классовые привилегии, но и самые классы. Аскетически суровый, спартанский коммунизм, осуждавший всякое наслаждение, был первым проявлением нового учения. Потом явились три великих утописта: Сен-Симон, у которого буржуазные стремления уживались еще отчасти с защитой интересов пролетариата, Фурье и, наконец, Оуэн, который в стране наиболее развитого капиталистического производства и под впечатлением

порожденного этим способом производства антагонизма выработал ряд проектов устранения классовых различий в виде системы, непосредственно примыкавшей к французскому материализму.

Эти три великих утописта сходились между собою в том, что никогда не выставляли себя защитниками интересов исторически развившегося к тому времени пролетариата. Подобно философам XVIII века, они хотели с самого начала освободить все человечество, а не данный только общественный класс. Подобно этим философам, они хотели основать царство разума и вечной справедливости, но их царство, как небо от земли, отличается от царства разума французских просветителей. Буржуазный порядок, основанный на принципах философов XVIII века, так же неразумен и несправедлив и должен быть отброшен с таким же презрением, как феодализм и все прежние общественные формы. До сих пор истинные законы разума и справедливости не были известны человечеству, и только по этой причине оно ими не руководилось. Для его счастья недоставало того гениального человека, который явился теперь поведать миру всю истину. Что он появился именно теперь, что истина открыта только теперь — это вовсе не является необходимым результатам общего хода исторического развития, неизбежно ведшего к нему, а просто случайностью. Гениальный человек мог с таким же удобством родиться пятьсот лет тому назад и тем избавить человечество от пяти веков заблуждений, борьбы и страданий.

Мы видели, каким образом подготовлявшие революцию философы XVIII в. апеллировали к разуму, как к единственному судье над всем существующим. Они требовали основания разумного государства, разумного общества и безжалостного устранения всего, стоящего в противоречии с вечным разумом. Мы видели также, что этот вечный разум оказался в действительности лишь идеализованным рассудком третьего сословия, готового превратиться в современную буржуазию. Если общественный строй и новое государство, созданные французской революцией, и могли казаться разумными по сравнению со старыми учреждениями, — они были, во всяком случае, очень далеки от абсолютной разумности. Царство разума потерпело крушение. Общественный договор Руссо нашел себе применение в господстве террора, от которого изверившаяся в своей политической способности буржуазия искала спасения сперва в испорченности директории, а потом под крылом наполеоновского деспотизма. Обетованный вечный мир превратился в бесконечные завоевательные войны.

Не более посчастливилось и разумному общественному строю. Противоположность между богатством и бедностью вместо того, чтобы разрешиться во всеобщем благоденствии, напротив, усилилась вследствие устранения цеховых и иных привилегий, служивших до известной степени ее прикрытием, а также вследствие исчезновения церковной благотворительности, несколько смягчавшей бедствия нищеты. Осуществленная теперь на деле «свобода собственности» от феодальных оков оказалась для мелкого буржуа и крестьянина свободой продавать задавленную могущественной конкуренцией круп-

ного капитала и крупного землевладения мелкую собственность именно этим магнатам и превратилась, таким образом, для этих мелких буржуа и крестьян в свободу от собственности. Быстрое развитие промышленности на капиталистическом основании скоро возвело бедность и страдания рабочих масс в необходимое условие существования общества. Чистоган стал, по выражению Карлейля, единственным связующим элементом этого общества. Количество преступлений возрастало с каждым годом. Если пороки феодалов, прежде выставлявшиеся напоказ, теперь на время стушевались, зато тем пышнее расцвели на их месте пороки буржуазии, прежде робко скрывавшиеся во тьме. Торговля все более и более проникалась мошенничеством. Революционный девиз «братство» осуществился в плутнях и во вражде конкуренция. Подкуп заменил грубое насилие, и, вместо меча, главнейшим рычагом общественной жизни стали деньги. «Право первой ночи» по наследству перешло от феодалов к фабрикантам. Проституция выросла до неслыханных размеров, и даже самый брак превратился в законом признанную форму разврата, в его официальный покров, дополняясь к тому же многочисленными незаконными связями. Одним словом, возникшие вслед за «победой разума» политические и общественные учреждения оказались самой злой, самой отрезвляющей карикатурой на блестящие обещания философов XVIII века. Недоставало только людей, способных констатировать всеобщее разочарование, и эти люди явились с началом нового столетия. В 1802 году вышли «Женевские письма» Сен-Симона; в 1808 г. появилось первое произведение Фурье, хотя основание его теории относится еще к 1799 г.; 1 января 1800 г. Роберт Оуэн взялся за управление Нью-Лэнарком.

Но в это время капиталистическое производство, а с ним и противоположность между буржуазией и пролетариатом, было еще очень неразвито. Крупная промышленность была неизвестна во Франции и только что возникла в Англии. А между тем лишь крупная промышленность развивает борьбу не только между созданными ею классами, но и между порожденными ею производительными силами и формами обмена, и лишь эти, создаваемые крупной промышленностью, столкновения ведут с роковою необходимостью к перевороту в способе производства и к устранению его капиталистического характера, причем та же крупная промышленность в гигантском развитии производительных сил дает также средство для разрешения ею же созданных противоречий. Если в 1800 г. сама борьба, вытекающая из современного порядка, только что зарождалась, то тем менее было в наличности средств для ее устранения. Хотя во время террора неимущие массы Парижа захватили на минуту власть и смогли, таким образом, направить буржуазную революцию против самой же буржуазии, но их минутная победа послужила наилучшим доказательством всей невозможности прочного господства рабочего класса при тогдашних условиях. Пролетариат, еще не выделившийся из общей массы неимущих людей, составлял в то время лишь зародыш будущего класса и не был способен к самостоятельному политическому действию. Он являлся лишь угнетенной, страдающей массой, способной в своей беспо-

мощности ждать избавления только от какой-нибудь внешней, высшей силы.

Это историческое положение отразилось и на учениях основателей социализма. Незрелому капиталистическому производству, невыясненности взаимного положения классов, соответствовали и незрелые теории. Приходилось изобретать, а не открывать решение общественных задач, еще окутанное туманом неразвитых экономических отношений. Очевидны были только недостатки общественного строя, найти же средства к их устранению казалось задачей мыслящего разума. Требовалось изобрести новую, самую совершенную систему человеческих отношений и привить ее к существующему обществу посредством пропаганды, а по возможности и посредством примера образцовых учреждений по новой системе. Эти новые социальные системы были заранее обречены оставаться утопиями, и чем старательнее разрабатывались их подробности, тем дальше уносились они в область чистой фантазии.

Утопическая сторона социалистических теорий теперь уже всецело отошла в область истории, и мы не будем останавливаться на ней ни минуты долее, предоставив литературным лавочникам самодовольно перетряхивать эти смешные фантазии и любоваться трезвостью своего образа мысли по сравнению с подобным «сумасбродством». Мы гораздо охотнее постараемся найти под фантастическим покровом зародыши гениальных идей, всюду разбросанные в теориях великих утопистов, но незаметные для слепых филистеров.

Сен-Симона можно назвать сыном Великой французской революции, при начале которой он не достиг еще тридцатилетнего возраста. Революция была победой третьего сословия, т. е. большинства нации, занятого в производстве и торговле, над до тех пор привилегированными сословиями, дворянством и духовенством. Но победа третьего сословия оказалась в действительности победой маленькой части этого сословия; она свелась к завоеванию политической власти социально-привилегированной частью его, имущей буржуазией. К тому же эта буржуазия быстро развилась еще в процессе революции, с одной стороны, при помощи спекуляции конфискованными и затем п р о д а н н ы м и земельными владениями дворянства и церкви, с другой — путем надувательства нации военными поставщиками. Именно господство этих спекулянтов привело в эпоху директории Францию и революцию на край гибели и дало вместе с тем предлог Наполеону для его государственного переворота. Таким образом, в голове Сен-Симона противоположность между третьим сословием и привилегированными сословиями приняла форму противоположности между «рабочими» и «праздными». Последними являлись не только старые привилегированные, но и все те, кто не принимал участия в производстве и торговле, жил на свою ренту. А «рабочими» были не только наемные рабочие, но и фабриканты, купцы, банкиры. Что праздные потеряли способность к духовному руководству и политическому господству — не подлежало никакому сомнению и окончательно было дока-

зано революцией. Что обездоленные не обладали этой способностью, об этом, по мнению Сен-Симона, свидетельствовал опыт эпохи террора. Кто же должен был руководить и господствовать? По мнению Сен-Симона — наука и промышленность, объединенные новой религиозной связью, необходимо мистическим и строго иерархическим «новым христианством», которое должно было восстановить разрушенное со времени реформации единство религиозных воззрений. Но наука — это были ученые, а промышленность — в первую очередь активные буржуа, фабриканты, купцы, банкиры. Правда, эти буржуа должны были стать чем-то вроде государственных чиновников, доверенных лиц общества, но по отношению к рабочим они сохранили распорядительные функции, а также привилегированное экономическое положение. Что касается банкиров, то они были призваны регулировать все общественное производство при помощи регулирования кредита. Такой взгляд вполне соответствовал той эпохе, когда во Франции крупная промышленность, а вместе с ней противоположность между буржуазией и пролетариатом только начала развиваться. Но что Сен-Симон особенно подчеркивает, так это следующее: всюду и всегда его в первую очередь интересует судьба «самого многочисленного и самого бедного класса» (la classe la plus nombreuse et la plus pauvre).

Уже в «Женевских письмах» Сен-Симона мы находим положение, что «все люди должны работать»; в том же произведении он утверждает, что господство террора во Франции было господством неимущих масс.

«Посмотрите, — взывает он к этим массам, — что произошло во Франции, когда там господствовали ваши братья: они создали голод». Нужна была гениальная проницательность, чтобы в 1802 г. понять, что французская революция была классовой борьбой, и не только между дворянством и буржуазией, но также между дворянством, буржуазией и *неимущими массами*. В 1816 г. Сен-Симон заявляет, что политика есть наука о производстве, и заранее предсказывает ее полнейшее поглощение экономикой. Если понятие о происхождении политических учреждений из экономических основ видно лишь в зародыше, зато совершенно ясно выражена та мысль, что политическая власть над людьми должна превратиться в управление вещами, в заведывание процессами производства, т. е. притти к «упразднению государства», о котором так много шумели в последнее время.

С таким же превосходством над современниками Сен-Симон заявляет в 1814 г., — тотчас по вступлении союзников в Париж, — а затем в 1815 г. (во время Ста дней), что союз Франции с Англией и этих двух стран с Германией представляет единственную гарантию мирного развития и процветания Европы. Нужно было много мужества и исторической дальнозоркости, чтобы в 1815 г. проповедывать французам союз с победителями при Ватерлоо.

Если гениальная широта взглядов Сен-Симона позволила ему уловить зародыши почти всех позднейших социалистических идей, не относящихся к области чистой экономии, то Фурье, со своей стороны, дает нам глубоко захватывающую критику существующего общественного строя, выраженную

при этом с чисто французским остроумием. Он ловит на слове вдохновенных пророков дореволюционной буржуазии и ее подкупленных льстецов новейшего времени. Он беспощадно раскрывает всю материальную и моральную нищету буржуазного мира и сопоставляет ее с блистательными обещаниями наступления царства разума, цивилизации, несущей счастье всем, и бесконечного совершенствования человеческого рода; он показывает, какая жалкая действительность соответствует хвалебным речам современных ему буржуа-идеологов, и изливает весь свой сарказм на это окончательное фиаско фразы. Благодаря живости своей натуры, Фурье является не только критиком, но и сатириком, и даже одним из величайших сатириков всех времен. Сильными и меткими штрихами рисует он спекулятивные плутни и мелкоторгашеский дух, овладевший французской торговлей послереволюционного периода. Еще удачнее его сатирическое изображение отношений полов в буржуазном обществе и положения в нем женщины. Ему первому принадлежит мысль, что степень свободы, достигнутая данным обществом, должна измеряться большей или меньшей свободой женщины в этом обществе.

Но выше всего поднимается Фурье в своем взгляде на историю человеческих обществ. Весь предшествующий ход ее он разделяет на четыре ступени развития: дикое состояние, варварство, патриархат и цивилизация. Под последней он разумеет существующий буржуазный строй, начавшийся с XVI ст., и показывает, как «эта цивилизация делает сложным, двусмысленным, двуличным и лицемерным каждый порок, остававшийся в простом виде при варварстве». Он указывает на «заколдованный круг» непобедимых и вечно возобновляющихся противоречий, в котором движется цивилизация, всегда достигая результатов, противоположных тем, к которым, искренно или притворно, она стремится. Например, по его словам: «в цивилизации б е д н о с т ь п о р о ж д а е т с я с а м и м и з б ы т к о м». Очевидно, Фурье так же мастерски владел диалектикой, как и его современник Гегель. С той же самой диалектической точки зрения он утверждает, вопреки господствовавшей тогда теории о бесконечной способности человека к совершенствованию, что не только каждый исторический фазис имеет свой период роста и упадка, но что и все человечество, в конце концов, обречено на исчезновение. Эта идея Фурье заняла в исторической науке такое же место, какое заняла в естествознании идея Канта о конечном разрушении земного шара.

В то время, как над Францией проносился ураган революции, в Англии совершался менее шумный, но не менее могущественный переворот. Пар и машины превратили мануфактуру в современную крупную промышленность и тем самым революционизировали все основы буржуазного общества. Медленный, сонливый ход мануфактуры превратился в настоящий «период бурных стремлений» промышленности. Разделение общества на крупных капиталистов и лишенных всякого имущества пролетариев совершалось с постоянно возраставшей быстротой, разрушая промежуточные состояния. Устойчивый средний класс старого времени превратился теперь в колеблющуюся, неустойчивую массу ремесленников и мелких торговцев, ведущих необеспечен-

ный образ жизни и составляющих наиболее текучую часть населения. Новый способ производства находился еще на первых ступенях своего восходящего развития; он был еще нормальным, правильным, единственно возможным, при данных условиях, способом производства, а между тем он успел уже породить вопиющие общественные бедствия. Масса бездомного населения скопилась в отвратительнейших закоулках больших городов; разрушились традиционные связи, патриархальный семейный быт, даже самая семья; крайнее удлинение рабочего дня изнуряло непосильной работой по преимуществу детей и женщин; испорченность нравов в среде рабочего населения, внезапно брошенного в совершенно новые условия существования, из деревни в город, из земледелия в промышленность, достигла поражающих размеров. И вот, за реформы общественных отношений, порождающих такие бедствия, взялся Роберт Оуэн, 29-летний фабрикант, соединявший редкую способность руководить людьми с возвышенной и почти детской простотой характера. Он усвоил себе материалистическое учение XVIII века об образовании человеческого характера из взаимодействия, с одной стороны—унаследованной организации, а, с другой — условий, окружающих человека, в особенности в период его развития.

Большинство его собратьев по положению видело в промышленной революции только беспорядок и хаос, годный для ловли рыбы в мутной воде и для быстрого обогащения. Оуэн искал в ней благоприятных условий для осуществления своей любимой идеи, вносящей порядок в хаос. Он уже пытался, и не без успеха, применить ее в Манчестере, в качестве директора фабрики, занимавшей 500 рабочих. С 1800 по 1829 г. он управлял большой бумагопрядильной фабрикой в Нью-Лэнарке, в Шотландии и, будучи компаньоном в предприятии, действовал здесь с большей свободой и таким успехом, что вскоре его имя сделалось известным всей Европе. Население Нью-Лэнарка, постепенно возросшее до 2 500 человек и состоявшее из крайне смешанных и по большей части сильно развращенных элементов, он превратил в образцовую колонию, в которой пьянство, полиция, тюрьмы, суды, благотворительность и надобность в ней стали неизвестными вещами. Он достиг своей цели единственно тем, что поставил рабочих в условия, более сообразные с человеческим достоинством, и в особенности заботился о хорошем воспитании подрастающего поколения. В Нью-Лэнарке были впервые введены детские сады, придуманные Оуэном. В них принимали детей, начиная с двухлетнего возраста, и так хорошо занимали их, что родители с трудом могли увести домой разыгравшихся питомцев. Рабочий день был уменьшен в Нью Лэнарке до 10 с половиной часов, тогда как на соперничавших с ним фабриках работа длилась до 13 и 14 часов. А когда хлопчатобумажный кризис принудил к четырехмесячной остановке работ, рабочие продолжали получать полную плату. И при всем том фабрика удвоила свою стоимость и постоянно приносила своим собственникам отличный доход.

Но это все не удовлетворяло Оуэна. Положение, в которое он поставил своих рабочих, в его глазах далеко не соответствовало человеческому до-

стоинству. «Эти люди — мои рабы», говорил он; сравнительно благоприятные условия существования рабочих Нью-Лэнарка были далеко недостаточны для всестороннего развития их ума и характера, не говоря уже о свободном приложении сил и способностей. «А между тем, трудящаяся часть этих 2 500 человек создала такое количество реального богатства, для производства которого полвека тому назад потребовался бы труд 6 000 человек. Я спросил себя: куда девается разность между количеством продуктов, потребляемых 2 500 рабочих, и тем количеством, которое потребовалось бы для прежних 6 000?» Ответ был ясен. Эта разность получалась собственниками фабрики в виде 300 000 фунтов стерлингов ежегодного дохода, сверх 5% на основной капитал предприятия. Этот ответ еще в большей степени, чем к Нью-Лэнарку, был применим ко всем остальным фабрикам Англии. «Без нового источника богатства, созданного машинами, не было бы возможности вести войны для свержения Наполеона и поддержания аристократических принципов общественного устройства. И эта новая сила была делом рук рабочих»... *. Им поэтому должны принадлежать и плоды ее. Новые могучие силы производства, служившие до сих пор только обогащению единиц и порабощению масс, представлялись Оуэну основами общественного преобразования и должны были служить благосостоянию всех в качестве общественной собственности.

В такой деловой обстановке, основанной, так сказать, на торговом счетоводстве, возник коммунизм Оуэна и до конца сохранил свой практический характер. Так, в 1823 году Оуэн составил проект земледельческих колоний с целью устранения ирландских бедствий и приложил к нему подробное вычисление необходимого основного капитала, ежегодных издержек и предполагаемых доходов. В своем окончательном плане будущего строя Оуэн обращает особенное внимание на техническую сторону дела, тщательно разрабатывает все подробности, прилагает при этом планы, чертежи и рисунки, и все это с таким знанием дела, что если принять его метод общественных реформ, то очень немного можно сказать против подробностей, даже с точки зрения специалиста.

Переход к коммунизму был поворотным пунктом в жизни Оуэна. Пока его деятельность была простой филантропией, она доставляла ему богатство, всеобщее одобрение, почет и славу. Он был тогда популярнейшим человеком в Европе. Его речам благосклонно внимали не только его товарищи по общественному положению, но даже сами государи и министры. Но лишь только он выступил со своими коммунистическими теориями, — показалась оборотная сторона медали. Три великих препятствия заграждали, по его мнению, путь к общественным реформам: частная собственность, религия и современная форма брака. Начиная борьбу с этими препятствиями, он знал, что ему

* Из записки: «The revolution in Mind and Practice», адресованной всем «крайним республиканцам, коммунистам и социалистам» Европы и французскому временному правительству 1848 г., но поданной также «королеве Виктории и ее ответственным советникам» *(прим. авт.)*.

предстоит стать отверженным среди официального общества и потерять свое социальное положение; но эти соображения ни на волос не убавили энергии его нападения. Произошло именно то, что он предвидел: его изгнали из официального общества; игнорируемый прессой, обедневший, благодаря неудачным коммунистическим опытам в Америке, поглотившим все его состояние, он обратился прямо к рабочему классу и трудился в его среде еще тридцать лет. Все общественное движение, все действительные успехи, достигнутые рабочим классом Англии, связаны с именем Оуэна. Так в 1819 г., благодаря его пятилетним усилиям, прошел первый закон, ограничивающий работу женщин и детей на фабриках. Под его председательством собрался первый конгресс, на котором трэд-юнионы (профессиональные союзы) всей Англии соединились в один большой, всеобщий профессиональный союз. Он же организовал, в качестве переходных ступеней к совершенно-коммунистическому общественному строю, первые кооперативные товарищества (потребительные и производительные), полезные уже тем одним, что они доказали полную возможность обходиться без купцов и фабрикантов. Кроме того, он устроил рабочие базары, на которых продукты обменивались при помощи бумажных денег, единицей которых служили часы труда. Эти базары неизбежно должны были потерпеть неудачу, но они вполне предвосхитили позднейший прудоновский банк, от которого они отличались лишь тем, что не возводились своим изобретателем в универсальное средство от всех зол, а предлагались только как первый шаг к более радикальному переустройству всего общества.

Миросозерцание утопистов долго господствовало над социалистическими воззрениями XIX века и отчасти господствует еще поныне. Его держались все английские и, до недавнего времени, все французские социалисты, а также прежние немецкие коммунисты, не исключая Вейтлинга. Социализм, в их представлении, есть выражение абсолютной истины, разума и справедливости, и нужно только открыть его, чтобы он собственной силой покорил весь мир; а так как абсолютная истина не зависит от времени, пространства и исторического развития человечества, то это уже дело чистой случайности, когда и где она будет открыта. При этом абсолютная истина, разум и справедливость различны у каждого основателя школы и обусловливаются субъективным складом его ума, условиями его жизни, количеством его познаний и способом мышления. Поэтому при столкновении этих различных сортов абсолютной истины примирение возможно лишь путем сглаживания их взаимных противоречий. Из этого не могло выработаться ничего, кроме особого рода эклектического, среднего социализма, который действительно господствует до сих пор в головах большинства рабочих-социалистов Англии и Франции. Этот эклектический социализм представляет собой пеструю смесь из наиболее общепризнанных критических замечаний, экономических положений и идеальных представлений различных основателей сект; эта смесь получается тем легче, чем скорее ее составные части утрачивают в потоке споров, как камушки в ручье, свои острые углы и грани. Чтобы превратиться в науку, социализм должен был прежде всего стать на реальную почву.

Новые факты заставили подвергнуть всю прежнюю историю новому исследованию, и тогда выяснилось, что вся она, за исключением первобытного состояния, была историею борьбы классов, что эти борющиеся общественные классы являются в каждый данный момент результатом отношений производства и средств сношения, — словом, экономических отношений своего времени. Экономический строй общества каждой данной эпохи представляет собой ту реальную почву, свойствами которой объясняется в последнем счете вся надстройка, образуемая совокупностью правовых и политических учреждений, равно как религиозных, философских и прочих воззрений каждого данного исторического периода. Гегель освободил от метафизики понимание истории: он сделал его диалектическим,—но его собственный взгляд на нее был идеалистичен по существу. Теперь идеализм был изгнан из его последнего убежища, из области истории, теперь понимание истории стало материалистическим, теперь найден был путь для объяснения человеческого самосознания условиями человеческого существования, вместо прежнего объяснения этих условий человеческим самосознанием.

Поэтому социализм является теперь не случайным открытием того или другого гениального ума, а неизбежным следствием борьбы двух исторически возникших классов — пролетариата и буржуазии. Его задача заключается уже не в том, чтобы измыслить возможно более совершенный общественный строй, а в том, чтобы исследовать историко-экономический процесс, необходимым следствием которого явились названные классы с их взаимной борьбой, и чтобы в экономическом положении, созданном этим процессом, найти средство для разрешения этой борьбы. Но прежний социализм был так же несовместим с этим материалистическим взглядом на историю, как несовместимы были с диалектикой и с новейшим естествознанием воззрения французских материалистов на природу. Прежний социализм, хотя и критиковал существующий капиталистический способ производства и его последствия, но он не мог объяснить его, а следовательно не в состоянии был справиться с ним, — он мог лишь объявить его никуда не годным. Чем сильнее восставал он против неизбежной при этом способе производства эксплоатации рабочего класса, тем менее был он в состоянии наглядно объяснить, в чем состоит эта эксплоатация и как она возникает. Это было сделано благодаря открытию прибавочной стоимости. Было доказано, что присвоение неоплаченного труда есть основная форма капиталистического способа производства и свойственной ему эксплоатации рабочих; что даже в том случае, когда капиталист покупает рабочую силу по полной стоимости, какую она, в качестве товара, имеет на рынке, он все же извлекает из нее стоимость больше той, которую он заплатил за нее, и что эта прибавочная стоимость есть источник той суммы стоимостей, благодаря которой накопляется в руках имущих классов постоянно возрастающая масса капиталов. Таким образом было выяснено происхождение капиталистического способа производства, равно как и производство самого капитала.

Этими двумя великими открытиями — материалистическим пониманием истории и разоблачением тайны капиталистического производства посредством понятия о прибавочной стоимости — мы обязаны Марксу. Благодаря им социализм стал теперь наукой, которую нужно лишь разработать во всех ее подробностях и во взаимной связи ее отдельных частей.

Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, Гиз, 1926, 39—52, 58—50.

... Неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества. Обобществление труда, в тысячах форм идущее вперед все более и более быстро и проявляющееся за те полвека, которые прошли со смерти Маркса, особенно наглядно в росте крупного производства, картелей, синдикатов и трестов капиталистов, а равно в гигантском возрастании размеров и мощи финансового капитала,—вот главная материальная основа неизбежного наступления социализма. Интеллектуальным и моральным двигателем, физическим выполнителем этого превращения является воспитываемый самим капитализмом пролетариат. Его борьба с буржуазией, проявляясь в различных и все более богатых содержанием формах, неизбежно становится политической борьбой, направленной к завоеванию политической власти пролетариатом («диктатура пролетариата»). Обобществление производства не может не привести к переходу средств производства в собственность общества, к «экспроприации экспроприаторов». Громадное повышение производительности труда, сокращение рабочего дня, замена остатков, руин мелкого, примитивного, раздробленного производства коллективным усовершенствованным трудом — вот прямые последствия такого перехода. Капитализм окончательно разрывает связь земледелия с промышленностью, но в то же время своим высшим развитием он готовит новые элементы этой связи, соединения промышленности с земледелием на почве сознательного приложения науки и комбинации коллективного труда, нового расселения человечества (с уничтожением как деревенской заброшенности, оторванности от мира, одичалости, так и противоестественного скопления гигантских масс в больших городах). Новая форма семьи, новые условия в положении женщины и в воспитании подрастающих поколений подготовляются высшими формами современного капитализма: женский и детский труд, разложение патриархальной семьи капитализмом неизбежно приобретают в современном обществе самые ужасные, бедственные и отвратительные формы. Но тем не менее «крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно-организационном процессе производства, вне сферы домашнего очага, женщинам, подросткам и детям обоего пола, создает экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами. Разумеется, одинаково нелепо считать абсолютной христианско-германскую форму семьи, как и форму древне-римскую или древне-греческую или восточную, которые между прочим в связи одна с другой образуют единый исторический ряд развития. Очевидно, что составление комбинированного рабочего

персонала из лиц обоего пола и различного возраста, будучи в своей стихийной, грубой, капиталистической форме, когда рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, зачумленным источником гибели и рабства, — при соответствующих условиях неизбежно должно превратиться, наоборот, в источник гуманного развития» («Капитал», I, конец XIII главы). Фабричная система показывает нам «зародыши воспитания эпохи будущего, когда для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с преподаванием и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей» (там же). На ту же историческую почву, не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению, ставит социализм Маркса и вопросы о национальности и о государстве. Нации неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития. И рабочий класс не мог окрепнуть, возмужать, сложиться, не «устраиваясь в пределах нации», не будучи «национален» («хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия»). Но развитие капитализма все более и более ломает национальные перегородки, уничтожает национальную обособленность, ставит на место национальных антагонизмов классовые. В развитых капиталистических странах полной истиной является поэтому, что «рабочие не имеют отечества» и что «соединение усилий» рабочих по крайней мере цивилизованных стран «есть одно из первых условий освобождения пролетариата» («Ком. маниф.»). Государство, это организованное насилие, возникло неизбежно на известной ступени развития общества, когда общество раскололось на непримиримые классы, когда оно не могло бы существовать без «власти», стоящей якобы над обществом и до известной степени обособившейся от него. Возникая внутри классовых противоречий, государство становится «государством сильнейшего, экономически господствующего класса, который при его помощи делается и политически господствующим классом и таким путем приобретает новые средства для подчинения и эксплоатации угнетенного класса. Так античное государство было прежде всего государством рабовладельцев для подчинения рабов, феодальное государство — органом дворянства для подчинения крепостных крестьян, а современное представительное государство является орудием эксплоатации наемных рабочих капиталистами» (Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», где он излагает свои и Маркса взгляды). Даже самая свободная и прогрессивная форма буржуазного государства, демократическая республика, нисколько не устраняет этого факта, а лишь меняет форму его (связь правительства с биржей, подкупность — прямая и косвенная — чиновников и печати и т. д.). Социализм, ведя к уничтожению классов, тем самым ведет и к уничтожению государства. «Первый акт, — пишет Энгельс в «Анти-Дюринге», — с которым государство выступает действительно как представитель всего общества — экспро-

приация средств производства в пользу всего общества, — будет в то же время его последним самостоятельным актом, как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения будет становиться в одной области за другой излишним и прекратится само собой. Управление людьми заменится управлением вещами и регулированием производственного процесса. Государство не будет «отменено», оно «отомрет». «Общество, которое организует производство на основе свободных и равных ассоциаций производителей, поставит государственную машину туда, где ей тогда будет место: в музей древностей, рядом с веретеном и бронзовым топором» (Энгельс, Происхождение семьи).

Наконец, по вопросу об отношении социализма Маркса к мелкому крестьянству, которое останется в эпоху экспроприации экспроприаторов, необходимо указать на заявление Энгельса, выражающего мысли Маркса: «Когда мы овладеем государственной властью, мы не будем и думать о том, чтобы насильственно экспроприировать мелких крестьян (все равно, с вознаграждением или нет), как это мы вынуждены будем сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам будет состоять прежде всего в том, чтобы их частное производство и частную собственность перевести в товарищескую, но не насильственным путем, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели. И тогда у нас, конечно, будет достаточно средств, чтобы доказать крестьянину все преимущества такого перехода, преимущества, которые и теперь уже должны быть ему разъясняемы» (Энгельс, К аграрному вопросу на Западе, изд. Алексеевой, 17, рус. пер. с ошибками. Оригинал в «Neue Zeit»).

Ленин, Карл Маркс, соч., XVIII, изд. 2-е, 25—27.

Выяснив еще в 1844—45 гг. один из основных недостатков старого материализма, состоящий в том, что он не умел понять условий и оценить значения революционной практической деятельности, Маркс в течение всей своей жизни, наряду с теоретическими работами, уделял неослабное внимание вопросам тактики классовой борьбы пролетариата. Громадный материал дают в этом отношении все сочинения Маркса и изданная в 1913 г. четырехтомная переписка его с Энгельсом в особенности. Материал этот далеко еще не собран, не сведен вместе, не изучен и не разработан. Поэтому мы должны ограничиться здесь лишь самыми общими и краткими замечаниями, подчеркивая, что без этой стороны материализма Маркс справедливо считал его половинчатым, односторонним, мертвенным. Основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического мировоззерцания. Лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а, следовательно, и учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами может служить опорой правильной тактики передового класса. При этом все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а

в динамическом виде, т. е. не в неподвижном состоянии, а в движении (законы которого вытекают из экономических условий существования каждого класса). Движение в свою очередь рассматривается не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего и притом не в пошлом понимании «эволюционистов», видящих лишь медленные изменения, а диалектически: «20 лет равняются одному дню в великих исторических развитиях, — писал Маркс Энгельсу, — хотя впоследствии могут наступить такие дни, в которых сосредоточивается по 20 лет». («Переписка», III, 127). На каждой ступени развития, в каждый момент тактика пролетариата должна учитывать эту объективно неизбежную диалектику человеческой истории, с одной стороны используя для развития сознания, силы и боевой способности передового класса эпохи политического застоя или черепашьего, так называемого «мирного», развития, а с другой стороны, ведя всю работу этого использования в направлении «конечной цели» движения данного класса и создания в нем способности к практическому решению великих задач в великие дни, «концентрирующие в себе по 20 лет». Два рассуждения Маркса особенно важны в данном вопросе: одно из «Нищеты философии» по поводу экономической борьбы и экономических организаций пролетариата, другое из «Коммунистического манифеста» по поводу политических задач его. Первое гласит: «Крупная промышленность скопляет в одном месте массу неизвестных друг другу людей. Конкуренция раскалывает их интересы. Но охрана заработной платы, этот общий интерес по отношению к их хозяину, объединяет их одной общей идеей сопротивления, коалиции... Коалиции, в начале изолированные, формируются в группы, и охрана рабочими их союзов против постоянно объединенного капитала становится для них более необходимой, чем охрана заработной платы... В этой борьбе — настоящей гражданской войне — объединяются и развиваются все элементы для грядущей битвы. Достигши этого пункта, коалиция принимает политический характер». Здесь перед нами программа и тактика экономической борьбы и профессионального движения на несколько десятилетий, для всей долгой эпохи подготовки сил пролетариата «для грядущей битвы». С этим надо сопоставить многочисленные указания Маркса и Энгельса на примере английского рабочего движения, как промышленное «процветание» вызывает попытки «купить рабочих» (I, 136, «Переписка с Энгельсом»), отвлечь их от борьбы; как это процветание вообще деморализует рабочих» (II, 218), как «обуржуазивается» английский пролетариат — «самая буржуазная из всех наций» (английская), «хочет, видимо, привести дело в конце концов к тому, чтобы рядом с буржуазией иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат» (II, 290); как исчезает у него «революционная энергия» (III, 124); как придется ждать более или менее долгое время «избавления английских рабочих от их кажущегося буржуазного развращения» (III, 127); как недостает английскому рабочему движению «пыла чартистов» (1866; III, 305); как английские вожди рабочих создаются по типу серединки «между радикальным буржуа и рабочим» (о Голиоке, IV, 209); как, в силу

монополии Англии и пока эта монополия не лопнет, «ничего не поделаешь с британскими рабочими» (IV, 433). Тактика экономической борьбы в связи с общим ходом (и исходом) рабочего движения рассматривается здесь с замечательно широкой, всесторонней, диалектической, истинно-революционной точки зрения.

«Коммунистический манифест» о тактике политической борьбы выдвинул основное положение марксизма: «Коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время они отстаивают и будущность движения». Во имя этого Маркс в 1848 г. поддерживал в Польше партию «аграрной революции», «ту самую партию, которая вызвала Краковское восстание 1846 г.». В Германии 1848—49 гг. Маркс поддерживал крайнюю революционную демократию и никогда впоследствии не брал назад сказанного им тогда о тактике. Немецкую буржуазию он рассматривал как элемент, который «с самого начала был склонен к измене народу» (только союз с крестьянством мог бы дать буржуазии цельное осуществление ее задач) «и к компромиссу с коронованными представителями старого общества». Вот данный Марксом итоговый анализ классового положения немецкой буржуазии в эпоху буржуазно-демократической революции, анализ, являющийся между прочим образчиком материализма, рассматривающего общество в движении и притом не только с той стороны движения, которая обращена назад... «без веры в себя, без веры в народ; ворча перед верхами, дрожа перед низами; ...напуганная мировой бурей; нигде с энергией, везде с плагиатом; ...без инициативы; ...окаянный старик, осужденный на то, чтобы в своих старческих интересах руководить первыми порывами молодости молодого и здорового народа»... («Нов. рейнск. газ.», 1848 г., см. «Литер. насл.», III, 212). Около 20 лет спустя в письме к Энгельсу (III, 224) Маркс объявлял причиной неуспеха революции 1848 года то, что буржуазия предпочла мир с рабством одной уже перспективе борьбы за свободу. Когда кончилась эпоха революций 1848—49 гг., Маркс восстал против всякой игры в революцию (Шаппер—Вилих и борьба с ними), требуя уменья работать в эпоху новой полосы, готовящей якобы «мирно» новые революции. В каком духе требовал Маркс ведения этой работы, видно из следующей его оценки положения в Германии в наиболее глухое реакционное время в 1856 году: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны» («Переписка с Энгельсом», II, 108). Пока демократическая (буржуазная) революция в Германии была не закончена, все внимание в тактике социалистического пролетариата Маркс устремлял на развитие демократической энергии крестьянства. Лассаля он считал совершающим «объективно измену рабочему движению на пользу Пруссии» (III, 210) между прочим именно потому, что Лассаль мирволил помещикам и прусскому национализму. «Подло, — писал Энгельс в 1865 г., обмениваясь мыслями с Марксом по поводу предстоящего общего выступления их в печати, — в земледельческой стране нападать от имени промышленных рабо-

чих только на буржуа, забывал о патриархальной «палочной эксплоатации» сельских рабочих феодальным дворянством» (III, 217). В период 1864—70 гг., когда подходила к концу эпоха завершения буржуазно-демократической революции в Германии, эпоха борьбы эксплоататорских классов Пруссии и Австрии за тот или иной способ завершения этой революции *сверху*, Маркс не только осуждал Лассаля, заигрывавшего с Бисмарком, но и поправлял Либкнехта, впадавшего в «австрофильство» и в защиту партикуляризма; Маркс требовал революционной тактики, одинаково беспощадно борющейся и с Бисмарком и с австрофилами, тактики, которая не подлаживалась бы к «победителю» — прусскому юнкеру, а немедленно возобновляла революционную борьбу с ним и *на почве*, созданной прусскими военными победами («Переписка с Энгельсом», III, 134, 136, 147, 179, 204, 210, 215, 418, 437, 440—1). В знаменитом обращении Интернационала от 9 сентября 1870 г. Маркс предупреждал французский пролетариат против несвоевременного восстания, но, когда оно все же наступило (1871 г.), Маркс с восторгом приветствовал революционную инициативу масс, «штурмовавших небо» (письмо Маркса к Кугельману). Поражение революционного выступления в этой ситуации, как и во многих других, было с точки зрения диалектического материализма Маркса меньшим злом в общем ходе и *исходе* пролетарской борьбы, чем отказ от занятой позиции, сдача без боя: такая сдача деморализовала бы пролетариат, подрезала бы его способность к борьбе. Вполне оценивая использование легальных средств борьбы в эпохи политического застоя и господства буржуазной легальности, Маркс в 1877—78 гг., после того как издан был исключительный закон против социалистов, резко осуждал «революционную фразу» Моста, но не менее, если не более резко обрушивался на оппортунизм, овладевший тогда на время официальной с.-д. партией, не проявившей сразу стойкости, твердости, революционности, готовности перейти к нелегальной борьбе в ответ на исключительный закон («Письма Маркса к Энгельсу», IV, 397, 404, 418, 422, 424. Ср. письма к Зорге).

Ленин, Карл Маркс, соч., XVII, изд. 2-е, 27—31.

д. ЕДИНСТВО И ЦЕЛОСТНОСТЬ МАРКСИЗМА

Марксизм—это целое миросозерцание. Выражаясь кратко, это *современный материализм*, представляющий собою высшую в настоящее время ступень развития того *взгляда на мир*, основы которого были заложены еще в древней Греции Демокритом, а отчасти и предшествовавшими Демокриту ионийскими мыслителями: так называемый *гилозоизм* есть не что иное как наивный *материализм*. Самая главная заслуга в разработке современного материализма принадлежит, без всякого сомнения, Карлу Марксу и его другу Фридриху Энгельсу. Историческая и экономическая стороны этого миросозерцания, т. е. так называемый *исторический материализм* и тесно связанная с ним совокупность взглядов *на задачи, метод и категории* политиче-

ской экономии и на экономическое развитие общества, в особенности же капиталистического, являются в своих основаниях почти исключительно делом Маркса и Энгельса. То, что внесено было в эти области их предшественниками, должно быть рассматриваемо лишь как подготовительная работа собирания материала, подчас обильного и драгоценного, но еще не систематизированного, не освещенного одной общей мыслью и потому не оцененного и не использованного в своем истинном значении. То, что сделано было в тех же областях последователями Маркса и Энгельса в Европе и Америке, представляет собою лишь более или менее удачную разработку отдельных, правда, иногда в высшей степени важных, вопросов. Вот почему не только в «широкой публике», до сих пор никогда еще не дорастившей до глубокого понимания философских учений, но даже и в среде людей, считающих себя верными последователями Маркса и Энгельса, и притом не только в России, но и во всем цивилизованном мире, термином «марксизм» часто обозначаются именно только две только что указанные нами стороны современного материалистического миросозерцания. Эти две его стороны рассматриваются в таком случае, как нечто совершенно независимое от «философского материализма» и чуть ли не противоположное ему. А так как эти две стороны, произвольно вырванные из общей совокупности родственных им и составляющих их теоретическое основание взглядов, не могут же висеть в воздухе, то у людей, совершивших над ними операцию вырывания, естественно возникает потребность заново «обосновать марксизм», соединив его, — опять-таки совершенно произвольно и чаще всего под влиянием философских настроений, господствующих в данное время * между идеологами буржуазии, — с тем или другим философом: с Кантом, с Махом, с Авенариусом, с Оствальдом, а в последнее время — с Иосифом Дицгеном. Философские взгляды И. Дицгена возникли, правда, вполне независимо от буржуазных влияний и в значительной степени родственны философским воззрениям Маркса-Энгельса. Но эти последние обладают несравненно более стройным и богатым содержанием и уже по одному этому не могут быть дополнены, а могут быть, пожалуй, отчасти популяризованы, с помощью учения Дицгена. До сих пор не было сделано попытки «дополнить Маркса» Фомою Аквинским. Но нет ничего невозможного в том, что, несмотря на недавнюю энциклику папы против модернистов, католический мир выдвинет когда-нибудь из своей среды мыслителя, способного на этот теоретический подвиг.

Необходимость «дополнения» марксизма тем или другим философом доказывается обыкновенно ссылкою на то, что Маркс и Энгельс нигде не изложили своих философских воззрений. Но такая ссылка мало убедительна, не говоря уже о том, что если бы эти воззрения и в самом деле остались совершенно неизложенными, то это еще не давало бы никакого логического основания для замены их взглядами первого встречного мыслителя, по

* Писано Г. Плехановым в 1910 г. — *Прим. сост.*

большей части стоящего на совершенно другой точке зрения. Нужно помнить, что мы имеем достаточно литературных данных для составления себе правильного понятия о философских взглядах Маркса-Энгельса.

Плеханов. Основные вопросы марксизма, соч., XVIII, Гиз, 1925, 182—193.

... Подчас приходилось почти сожалеть о том, что нашим товарищам попадались в руки философские книги. Сожалеть—потому, что они не умели критически отнестись к изучаемым ими авторам и кончали тем, что сами подчинялись их влиянию. А так как современная философия не только у нас *, но и на Западе стоит под знаком реакции, то в революционные головы попадало реакционное содержание, и начиналась величайшая путаница, которая иногда получала громкое имя к р и т и к и М а р к с а, а иногда носила более скромное название с о е д и н е н и я м а р к с и з м а с философскими взглядами того или другого идеолога буржуазии (неокантианцев, Маха, Авенариуса и др.). Что м а р к с и з м можно соединить с чем угодно, даже со с п и р и т и з м о м, это не подлежит ни малейшему сомнению: весь вопрос в том, к а к можно это сделать. А на этот вопрос всякий мало-мальски толковый человек не может ответить иначе, как указанием на э к л е к т и з м. С помощью эклектизма можно «соединить» все, что угодно, со всем, что в голову взбредет. Но эклектизм никогда не приводил ни к чему хорошему ни в теории, ни на практике. Фихте говорит: «Философствовать значит не действовать; действовать — значит не философствовать», и это совершенно справедливо. Однако не менее справедливо и то, что только последовательно мыслящий человек способен быть последовательным в своей деятельности. А для нас, претендующих на честь быть представителями самого революционного класса, который выступал когда-либо на историческую сцену, последовательность обязательна под страхом измены своему собственному делу.

Чем обусловливается это стремление соединить Маркса то с тем, то с другим из идеологов буржуазии?

Во-первых, м о д о й.

Некрасов говорит об одном из своих героев:

«Что ему книжка последняя скажет,
То на душе его сверху и ляжет».

Такие герои существуют всегда, пробираются во все лагери. Встречаются они к сожалению и в нашем.

У нас на них был урожай во второй половине девяностых годов, когда для многих наших «интеллигентов» сам марксизм явился «последней книжкой», ложившейся «сверху на душу». Такие «интеллигенты» были как бы нарочно изготовлены историей для того, чтобы взяться за «соединение» марксизма с другими «последними книжками». Их не жалко: это пустой народ.

---

* Писано Плехановым в 1903 г. — *Прим. сост.*

Но досадно, что и более серьезные товарищи нередко чувствуют охоту к «соединению». Тут дело объясняется уже не увлечением модой. И тут явление, очень вредное и печальное само по себе, обнаруживает присутствие похвальных побуждений.

Вообразите, что у данного товарища есть потребность выработать себе стройное миросозерцание; этот товарищ усвоил себе, — более или менее хорошо, — философско-историческую сторону учения Маркса, но собственно философская сторона этого учения осталась для него непонятной и недоступной. Поэтому он решает, что у Маркса эта сторона осталась «неразработанной», и принимается сам «разрабатывать» ее. А когда он принимается за это — очень нелегкое — дело, ему подвертывается какой-нибудь представитель буржуазного «критицизма», вносящий хоть некоторый, хоть кажущийся порядок туда, где до сих пор существовало, повидимому, только царство хаоса, и очень легко покоряет своему влиянию любознательного, но недостаточно подготовленного и недостаточно самостоятельного искателя философской истины. Вот вам и готов «соединитель»! Намерения у него были хорошие, а результат получился скверный.

Нет, что бы там ни говорили наши противники, а это неоспоримо: стремление к «соединению» теории Маркса с другими теориями, — которые, по немецкому выражению, бьют ее по лицу, — обнаруживает стремление к выработке стройного миросозерцания, но оно обнаруживает также слабость мысли, неспособность строго и последовательно держаться одного основного принципа. Иначе сказать, тут обнаруживается неспособность понять Маркса.

Как помочь этому горю? Я не вижу другого средства, кроме распространения правильного взгляда на философию Маркса-Энгельса.

Мне самому не раз приходилось слышать вопрос: почему нельзя соединить исторический материализм с трансцендентальным идеализмом Канта, с эмпириокритицизмом Авенариуса, с философией Маха и проч.? Я всегда отвечал на это почти в тех же выражениях, в которых отвечаю теперь. Что касается Канта, то мое примечание... показывает полную невозможность «соединить» философское учение Канта с теорией развития. Так же мало соединимы с ней и взгляды Маха и Авенариуса, представляющие собою разновидность философии Юма. Если последовательно держаться этих взглядов, то придешь к солипсизму, т. е. к отрицанию существования всех людей, кроме самого себя. Не думайте, читатель, что это шутка. Хотя Мах энергично протестует против отождествления его философии с субъективным идеализмом Беркли **, но этим доказывается лишь его непоследовательность. Если тела или вещи представляют собою только мысленные символы наших ощущений (точнее, групп, комплексов ощущений), и если они не существуют вне нашего сознания, — а именно такова мысль Маха, — то от субъективного идеализма и от солипсизма можно отделываться лишь посредством вопиющей непоследовательности. И недаром один из ученн-

ков Маха, Г. Корнелиус, в своей книге Einleitung in die Philosophie, München 1903, подошел вплотную к социализму. Он (с. 322) признает, что наука не может разрешить для человека в положительном или отрицательном смысле вопрос о том, существует ли какая-нибудь психическая жизнь, кроме его собственной. Это неоспоримо с точки зрения махизма, но если существование чуждой мне психической жизни остается для меня сомнительным; если, — как мы видели, — тела вообще суть только символы ощущений, то остается помириться с солипсизом, чего не решается однако сделать Корнелиус.

Надо заметить, что Мах считает Г. Корнелиуса не своим учеником, а учеником Авенариуса. Это неудивительно, потому что между взглядами Маха, с одной стороны, и Авенариуса, с другой — очень много общего, как это признает, впрочем, сам Мах. Для философии Авенариуса, — как и для философии Маха, — вопрос о том, что Фихте называет множественностью индивидуумов, есть главное затруднение, с которым она не может справиться иначе, как или признав истину материализма, или уперши в тупой переулок солипсизма. Это должно быть очевидно для всякого мыслящего человека, который даст себе труд прочитать, например, вышедшее в русском переводе сочинение Авенариуса: «Человеческое понятие о мире*.

Само собою понятно, что солипсизм может быть «соединен» с каким-нибудь (не только с материалистическим) взглядом на историю разве только последователем Поприщева.**

Плеханов, Предисловие переводчика ко 2-му изданию брошюры Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах», соч., XVIII, Гиз, 1925, 253—256.

---

* Один немецкий писатель замечает, что для эмпириокритицизма опыт есть только предмет исследования, а вовсе не средство познания. Если это так, то противопоставление эмпириокритицизма материализму лишается смысла, и рассуждения на тему о том, что эмпириокритицизм призван сменить собою материализм, оказываются совершенно пустыми и праздными. — *Прим. авт.*

** Персонаж Гоголя. — *Прим. сост.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРИРОДА И ОБЩЕСТВО

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ СОСТАВИТЕЛЯ

Основные элементы диалектического материализма созрели в процессе развития всей истории философии до Маркса. Материализм так же древен, как и сама философия. Его развитие ко второй четверти XIX века оказалось перед задачей овладения *методом*, отвечающим объективному характеру того материала, с которым материализм оперирует,— прежде всего природе и законам ее движения. С другой стороны, философский идеализм достиг положения, которое Энгельсом было названо «венцом» развития всей истории идеалистической философии. Несмотря на свой спекулятивный характер, идеализм смог овладеть *методом*, по своей сути наиболее верно отражающим движение как во *внешней* природе, так и в человеческом сознании. Диалектика и была этим достижением идеализма. Но диалектика в идеализме может выступать лишь в качестве закона движения *мысли*. Уступить свое «первородство» природе эта диалектика не может, в силу своих отправных моментов.

Обоснование философии *диалектического материализма* Маркс повел, опираясь на итоги исторического развития и материализма и идеализма. Некоторые основные стороны этой работы Маркса и его ближайших учеников мы разберем ниже, в главах VII — X. А сначала изучим вопрос о законах движения человеческого *общества*, открытых Марксом, теорию исторического материализма.

Всякое знание, для того, чтобы претендовать на научность, должно располагать законами, отображающими реальные процессы, которые оно изучает. В этом отношении науки о природе могут явиться образцом. Они уже давно и прочно овладели основными законами изменений в природе, которые дают предпосылки для предвидения реакции природы в процессе воздействия на нее со стороны человека *. Но законы движения природы неприложимы к законам движения общества. После Маркса это совершенно ясно. Ученые же «социологи» и «философы» (немарксисты) лома-

* Поскольку дальше у нас речь идет *о закономерности* явлений, здесь мы имеем в виду в отношении естествознания *только* этот момент.

ли и ломают до сих пор немало копий на этом пути. Они тщетно ищут законы движения и развития общества, очень часто прибегая к аналогии, к законам, открытым в науках о природе. Мы будем иметь случай видеть эти искания и якобы «открытия» на материале, подобранном у нас.

Развитие так называемой социальной философии не имело и не имеет тех данных, которыми располагали оба враждебных лагеря в общей философии — материализм и идеализм — ко времени Маркса. Маркс проложил здесь совершенно новые пути, научная ценность которых утверждена практикой социальных движений во всем мире и значение которых в общественной науке может быть сравниваемо лишь с коренными переворотами в других науках, вроде например открытий Дарвина в биологии. Но и это сравнение не исчерпывает значения марксовых открытий в области методологии истории *.

В целях учебной проработки, эта глава нашей книги разбивается на две части. В первой приводятся отрывки, дающие отправные моменты марксова учения об обществе, а во вторую включен материал о буржуазных учениях об обществе в критическом марксистском изложении.

Глава, в целом, построена у нас по такому плану:

1. Общество и закономерность его движения.
а. Производство как основной момент.
б. Закономерность в природе и закономерность в обществе.
в. Роль труда в процессе образования человека.
2. Буржуазные учения об обществе и их критика.
а. «Органическая» теория общества (Спенсер) и ее критика.
б. Неокантианская теория общества (Виндельбанд—Риккерт) и ее критика.
в. Критика теории факторов.

1. Общество и закономерность его движения. Теория исторического материализма является, по существу, методологией истории. Это есть наука, изучающая характер движения человеческого общества и внутреннюю закономерность его развития. И как всякая наука, исторический материализм имеет свое строение и отправные моменты. Освещение того и другого составляет задачу курса исторического материализма в вузе, а следовательно и нашей книги в целом. Сейчас нам нужно остановиться на исходных моментах теории. В связи с вопросами, затрагиваемыми во втором разделе этой главы, при разборе ряда буржуазных учений об обществе, нам следует коснуться таких моментов

* Конечно открытие классов и их борьбы, имевшее место до Маркса, и ряд других положений общественной науки, установленных до Маркса, являются историческим подготовлением материалистического понимания истории, но в целом работа, сделанная Марксом, по своей цельности и методологической выдержанности является исключительной заслугой Маркса.

в теории исторического материализма: п р о и з в о д с т в а как отправного момента (специфического «качества»), обусловливающего историческое движение человеческого общества; з а к о н о м е р н о с т и этого движения в связи с закономерностью движения во внешней природе. К первому вопросу, в данной главе, мы должны подойти лишь в самой общей трактовке, так как в будущем (особенно в главе II) он подвергается у нас более углубленному изучению.

Здесь нам нужно осветить совершенно особую сторону этого вопроса— значение производства в происхождении самого человека (человеческого общества). Таким образом наша работа (в этом разделе) разбивается на три части: а). об общем значении производства в движении человеческого общества, б). (о закономерности этого движения и в) о происхождении самого человека *.

а) П р о и з в о д с т в о к а к о с н о в н о й м о м е н т. В отличие от всех теорий строения и движения общества, исторический материализм берет за отправной момент исторического движения общества—п р о и з в о д с т в о. С точки зрения исторического материализма, производство средств существования и средств для их производства является признаком, отличающим человеческое общество от других животных видов в природе. Это совершенно объективный признак, развивающийся (и количественно, и качественно) под влиянием деятельности людей и в свою очередь обусловливающий, определяющий эту деятельность. Изучение характера его движения и развития является поэтому стержнем для объяснения движения и развития общества в целом.

Производство существует в обществе как производство общественно объединенных людей. «Индивидуального» производства нет. Индивидуальная деятельность людей в с е г д а несет в себе лишь ту или иную часть общественной деятельности человечества. Поэтому производство всегда является как о б щ е с т в е н н о е производство и, наоборот, общественность людей основана на существовании производства. Оба момента — производство и общественность — взаимодействуют. Характер этого взаимодействия изучается в разделе о производственных отношениях в II главе нашей книги, а в целом он составляет проблему всей теории исторического материализма.

Вопрос о производстве в контексте этой главы прорабатывается по следующему плану:

1. «Производство» в природе и производство в обществе;

2. Производство в реальной жизни общества и «производство» в теории исторического материализма (объективная история и наука истории).

Общая установка при разборе вопроса должна быть такова, чтобы показать, что марксизм изучает историю не на основе предвзятых «решающих

* Термин «человек» у нас всюду употребляется в смысле «общественный человек» (общество).

факторов», а путем отображения тех процессов, которые он открывает в действительной жизни, в объективной истории.

б) Закономерность в природе и закономерность в обществе. Вся окружающая нас действительность может быть разбита на две части: природу и общество. Закономерность развития природы давно обоснована в естествознании. Закономерность развития общества является предметом обоснования обществознания и в частности теории исторического материализма.

Если подходить к обществу с точки зрения элементов, его составляющих, то вывод будет тот, что общество есть та же природа, приобревшая в своем развитии особую качественную форму, законы развития которой отличаются от законов развития природы как таковой. Природа в своем историческом движении выделила качественно особую часть, которая начала развиваться по своим собственным законам. Законы природы действуют в обществе и обязательны для него, но общество, кроме того, живет и по своим законам, «снимающим» законы природы и по-своему восстанавливающим их.

Главнейшее внешнее отличие общества от природы состоит в том, что в обществе действуют люди, одаренные сознанием, а в природе — слепые стихийные силы. Таким образом вопрос о закономерности общественного развития ставит вопросы о закономерности сознания людей, о закономерности действия «личностей», индивидов и т. п. Решение этих вопросов мы относим к специальным главам нашей книги. Здесь же для нас уместно решить вопрос об общем характере общественной закономерности в связи с закономерностью в природе.

Вопрос может быть проработан по такому плану:

1. «Естественно-исторический» характер процесса производства;
2. «Повторяемость» явлений общества;
3. «Случайность» и «необходимость» в истории общества.

Общая задача при разборе вопроса состоит в том, чтобы показать, что общественный человек, развившись и живя в природе, за счет ресурсов природы, унаследовал общую закономерность развития природы, приобретя при этом некоторые специфические моменты, такие, как активное приспособление к природе. Последнее, в условиях закономерной необходимости общественного движения, «снимает» фатальность исторического движения человечества. «Объективная случайность», создаваемая активной борьбой отдельных групп людей, является дополнением и внутренним содержанием той необходимости, которая в целом господствует в истории общества. В частности, от этой «случайности» зависит конкретный характер того или иного исторического момента в неизбежном, в целом, процессе.

в) Роль труда в процессе образования человека. Человек, как животное, имеет своих предков в природе. Рассматривать генеалогию предков человека для нас нет необходимости. Эту задачу выполняют зоологи. Мы берем человека (или, вернее, тот животный вид,

из которого образовался человек) таким, каким его представляют другие, специальные, науки, в частности антропология, и своей задачей ставим — показать, как общественно-производственный процесс изменил животный облик прачеловека.

Вопрос следует проработать по такому плану:

1. Животный предок человека;
2. Процесс очеловеченья;
3. Роль общественности в этом процессе;
4. Стихийность процесса очеловеченья.

Труд как основной момент должен быть очень четко выявлен в разработке вопроса.

К приведенному плану необходимо сделать следующие замечания.

Первый вопрос обычно при обсуждении в аудитории развертывается под углом сравнения животного предка человека с ныне живущими человекообразными обезьянами. Для этой цели мы приводим в списке литературы необходимые пособия, отвечающие на этот вопрос.

Второй вопрос при своей разработке требует большой четкости в постановке частных вопросов, им обнимаемых. Поэтому мы даем примерный перечень этих вопросов и их порядок, методически оправдывавший себя на практике: а) физиологические предпосылки обезьяны к очеловеченью, б) специализация рук, в) прямая походка, г) изменение органов по закону соотношения роста, д) начало д е л а н и я орудий, е) речь, элементы сознания, ж) мозг, его развитие, з) развитие органов чувств, и) огонь, мясо, приручение животных, жилище, одежда (материал — исключительно статья Энгельса).

Третий вопрос охватывает процесс перехода от животной общественности (в свою очередь, одной из предпосылок, обусловивших весь процесс очеловеченья обезьяны) к общественности человеческой. Тут иллюстрируется принципиальная разница той и другой общественности.

Четвертый вопрос поставлен для уточнения места с о з н а н и я в процессе образования человека.

Проблема образования человека, в целом, завязывает узлы для всей последующей учебной работы по историческому материализму, поэтому не следует опускать детализацию ее.

2. Б у р ж у а з н ы е у ч е н и я о б о б щ е с т в е и и х к р и т и к а. Обнять всю пестроту учений об обществе, хотя бы даже за самое последнее время, для нас не представляется необходимым. Достаточно познакомить учащихся, при изучении основ исторического материализма, с некоторыми типичными представителями буржуазной науки об обществе. Задача здесь состоит в том, чтобы показать отправные пункты этой «науки», методологию, на которой она основывается. Для такой цели мы и привлекаем материал трояко рода: теорию Спенсера, обосновывающую о б ъ е к т и в н ы й подход к историческому развитию, теорию Виндельбанда —

Риккерта, прибегающую к субъективной оценке исторического движения, и теорию факторов, представляющую по существу смесь того и другого подхода к истории.

а) Органическая теория общества (Спенсер) и ее критика. Та или иная методология истории может стать научной лишь при том условии, если она исходит из объективных предпосылок, закономерность развития которых может быть доказана на основе уже добытого точного знания или обнаруживается на самой человеческой практике. Для объяснения строения и развития общества Спенсер прибег к аналогии общества с биологическим организмом и отсюда попытался вывести законы движения общества, якобы ему присущие.

Вопрос следует проработать примерно по такому плану:

1. Отправные моменты объяснения строения общества (отношений между людьми) по теории Спенсера;
2. Закономерность общественного развития по теории Спенсера;
3. Роль сознания в общественном развитии (объективизм в спенсеровской теории).

Общая установка при разборе этих вопросов должна быть направлена на уяснение методологии теории Спенсера, ее исторически-положительных и отрицательных сторон.

б) Неокантианская теория общества (Виндельбанд—Риккерт) и ее критика. Попыткой объяснения исторического движения общества на основе построений умозрительной философии является теория Виндельбанда—Риккерта. Ее практическая ценность для своего времени и места оправдывается социальным положением тех классов, идеология которых отражается философской системой, породившей эту историческую теорию (т. е. кантианством), но это не значит, что данная историческая теория научна и так или иначе отражает объективное движение (строение и развитие) общества. Неокантианская теория Виндельбанда—Риккерта построена на Кантовом различии между естествознанием и моральной философией, под которой у Канта понимается вся практическая и историческая деятельность (Аксельрод). Тут мы имеем построение исторической теории, резко противоположной марксизму, — наблюдаем попытку привнести в объективный исторический процесс субъективные понятия исследования, ничего общего не имеющие с отображением этого процесса.

Вопрос можно проработать по такому плану:

1. Познание природы и познание истории с точки зрения Риккерта;
2. Субъективизм и телеология (отрицание закономерности) в теории Риккерта.

Общей установкой при разборе вопроса опять-таки является выяснение методологии в теории Виндельбанда—Риккерта, ее ненаучности и наконец социальной природы всей теории.

в) Критика теории факторов. Среднее положение между «объективными» и «субъективными» теориями общества занимают теории, выделяющие отдельные области общественной жизни в качестве обособленных сил, определяющих движение всего общества в целом. Здесь налицо и признание объективно протекающего исторического движения и внесение субъективных предпосылок в его объяснение. Метафизический метод теории факторов не позволяет ей подняться над субъективизмом объяснения истории и приблизиться к научному пониманию ее. Она есть лишь некоторое приближение к научности, но сама по себе таковой не является.

Вопрос прорабатывается по такому плану:

1. Закономерность истории по теории факторов;
2. Субъективизм в теории факторов.

Общая задача та же, что и при разборе первых двух теорий общества—выявить методологические недостатки теории факторов.

1. ОБЩЕСТВО И ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ЕГО ДВИЖЕНИЯ

а) ПРОИЗВОДСТВО КАК ОСНОВНОЙ МОМЕНТ

Материалистическое понимание истории исходит из положения, что производство, а наряду с производством обмен продуктов составляют основу всего общественного строя; что в каждом исторически выступающем обществе распределение продуктов, а с ним и расчленение на классы или сословия определяются тем, что и как производится и как совершается обмен произведенных продуктов. В силу этого коренные причины всех общественных перемен и политических преобразований следует искать не в головах людей, не в их возрастающем познании вечной истины и справедливости, а в изменениях способа производства и обмена; причины эти следует искать не в философии, а в экономике соответствующей эпохи. Возрающее понимание того факта, что существующие общественные установления неразумны и несправедливы, что разум превратился в безумие, благодеяние—в бедствие,—лишь признак того, что в методах производства и способа обмена тихо и незаметно произошли перемены, которым уже не соответствует общественный строй, приноровленный к прежним экономическим условиям. Этим в то же время сказано, что и средства к сохранению обнаруженных неурядиц также должны — в более или менее развитом состоянии — заключаться в изменившихся производственных отношениях. Средства эти не выдумываются из головы, но должны быть посредством головы открыты в наличных материальных условиях производства.

Энгельс, Анти-Дюринг, Гиз, 1923, 241—42.

Мы знаем только одну единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон и делить на историю природы и историю

людей. Но нельзя отделять друг от друга обе эти стороны: пока существуют люди, история природы и история людей обусловливают друг друга.

. . . . . .

Предпосылки, из которых мы будем исходить — это не произвольные утверждения, не догматы, а реальные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. К ним относятся реальные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как преднаходимые ими, так и созданные их собственной деятельностью. Таким образом предпосылки эти можно констатировать чисто эмпирическим путем.

Первой предпосылкой всякой человеческой истории является, разумеется, существование живых индивидов, людей. (Первым историческим актом этих индивидов, которым они обособляются от животных, является не то, что они мыслят, а то, что они начинают *производить средства для своего существования*).

Таким образом, первым, требующим констатирования, фактом является телесная организация этих индивидов и данная этим связь их с остальной природой. Мы здесь не можем, разумеется, заниматься ни физическими свойствами самих людей, ни окружающей их естественной обстановкой, геологическими, оро-гидрографическими, климатическими и иными отношениями. (Отношения эти обусловливают не только первоначальную, естественную организацию людей — в особенности расовые отличия — но и все их дальнейшее развитие до нашего времени.) Всякое историческое описание должно исходить из этих естественных основ и их видоизменения в ходе истории, благодаря деятельности людей.

Людей можно отличать от животных по сознанию, религии, вообще, по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, лишь только начинают *производить* необходимые для своей жизни средства — шаг, обусловленный их телесной организацией. Люди, производя необходимые для своей жизни средства, производят косвенным образом и свою материальную жизнь.

Способ производства людьми необходимых для их жизни средств зависит ближайшим образом от свойств самих преднаходимых ими и воспроизводимых ими средств к существованию.

Итак, перед нами такой факт: определенные индивиды, производящие определенным образом, вступают в определенные общественные и политические отношения. Эмпирическое наблюдение должно в каждом отдельном случае вскрыть эмпирически, без всякой мистификации и спекуляции, связь общественного и политического расчленения с производством. Общественное расчленение и государство возникают постоянно из жизненного процесса определенных индивидов, но индивидов не таких, какими они могут являться в собственном или чужом представлении, а таких, каковы они суть в *действительности*, т. е. как они действуют, материально производят и следовательно оказываются деятельными при определенных материальных, независящих от их воли, предпосылках и условиях. Представления, соста-

являемые себе этими индивидами, суть представления либо насчет их отношения к природе, либо насчет их отношения друг к другу, либо насчет их собственных свойств. Ясно, что во всех этих случаях эти представления являются реальным или иллюзорным сознательным выражением их реальных отношений и деятельности, их производства, их сношений, их общественной и политической практики. Противоположное допущение возможно лишь в том случае, если предположить кроме духа реальных, материально обусловленных, индивидов еще какой-то иной дух. Если сознательное выражение реальных отношений этих индивидов иллюзорно, если в своих представлениях они ставят свою действительность на голову, то это, в свою очередь, является следствием их ограниченного материального способа деятельности и вытекающих отсюда ограниченных общественных отношений.

Производство идей, представлений, сознания прежде всего непосредственно вплетается в материальную деятельность и в материальные сношения людей — в язык реальной жизни. Представления, мышление, духовные сношения людей являются здесь еще прямым порождением их материальной практики. То же самое можно сказать и о духовном производстве, как оно выражается в языке политики, законов, морали, религии, метафизики и т. д. какого-нибудь народа. Люди (и именно люди, как они обусловлены способом производства их материальной жизни, их материальными сношениями и дальнейшим развитием последних в общественном и политическом расчленении), как они обусловлены определенным развитием своих производительных сил и соответствующих последним способов сношений до их отдаленнейших формаций, являются производителями своих представлений, идей и т. д. и т. д. о реальных действующих людях. Сознание (Bewusstsein) никогда не может быть чем-то иным, как только сознанным бытием (bewusstes Sein), а бытие людей, это — реальный процесс их жизни. Если во всей идеологии люди и их отношения кажутся поставленными наголову, как в какой-нибудь камере-обскуре, то это тоже вытекает из исторического процесса их жизни, подобно тому как обратное изображение предметов на сетчатке вытекает из непосредственно физического процесса их жизни.

В полной противоположности к немецкой философии, спускающейся с неба на землю, мы здесь собираемся подниматься с земли на небо, т. е. мы не будем исходить из того, что люди говорят, воображают себе, представляют себе, и не из мыслимых, воображаемых, представляемых людей, чтобы притти затем к телесным людям; мы будем исходить из реально деятельных людей, пытаясь вывести из их реального жизненного процесса также и развитие идеологических рефлексов и отражений этого жизненного процесса. И туманные образования в мозгу людей являются тоже необходимыми сублиматами их материального, эмпирически констатируемого и связанного с материальными условиями, жизненного процесса. Таким образом мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают свою видимость самостоятельности. У них нет вовсе истории, у них нет развития: только люди, развивающие свое материальное произ-

водство и свои материальные сношения, изменяют в этой своей действительности также свое мышление и продукты своего мышления. Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание. При первом способе рассмотрения исходят из сознания, как из живого индивида, — при втором, соответствующем реальной жизни, исходят из самих реальных, живых индивидов и рассматривают сознание, только как их сознание.

Этот способ рассмотрения не лишен предпосылок. Он исходит из реальных предпосылок, не покидая их ни на одно мгновение. Предпосылками его являются люди, взятые не в какой-то фантастической замкнутости и установленности, а в своем реальном, эмпирически наглядном процессе развития, при определенных условиях. Раз только выявлен этот действенный процесс жизни, история перестает быть коллекцией мертвых фактов, как мы это видим даже у все же еще абстрактных (ограниченных) эмпириков, или же воображаемой деятельностью воображаемых субъектов, как у идеалистов.

Таким образом, там, где прекращается спекуляция, т. е. у порога реальной жизни, начинается реальная положительная наука, изображение практической деятельности, практического процесса развития людей. Исчезают фразы о сознании, их место должно занять реальное знание. Когда начинают изображать действительность, теряет свою raison d'être самостоятельная философия. На ее место может, в лучшем случае, стать суммирование наиболее общих результатов, абстрагируемых из рассмотрения исторического развития людей. Но абстракции эти сами по себе, обособленные от реальной истории, не имеют никакой ценности. Они могут служить лишь для того, чтобы облегчить упорядочение исторического материала и наметить последовательность отдельных слоев его. Но, в отличие от философии, они отнюдь не дают какого-нибудь рецепта или схемы, согласно которым можно расположить исторические эпохи. Трудность, наоборот, начинается лишь там, где принимаются за рассмотрение и упорядочение материала, безразлично, какой-нибудь прошедшей эпохи или настоящего времени, когда принимаются за изображение действительности. Устранение этих трудностей обусловлено предпосылками, которые ни в коем случае не могут быть указаны здесь, а вытекают только из изучения реального жизненного процесса и действия индивидов каждой отдельной эпохи.

Маркс и Энгельс, О Л. Фейербахе, Архив М. и Э., кн. 1. 214—217.

... Мы должны начать с того, чтобы констатировать первую предпосылку всякого человеческого существования, а, значит, и всякой истории — именно ту предпосылку, что люди должны быть в состоянии жить, чтобы иметь возможность «делать историю». Но для жизни прежде всего нужны еда и питье, жилище, одежда и еще кое-что. Таким образом, первым историческим делом является производство средств, производство самой материальной жизни. Это историческое дело является основным условием всякой истории, которое должно быть выполняемо ежедневно и ежечасно еще и поныне, как тысячи лет тому назад, чтобы сохранить только человека живым. Если

даже чувственность сводится, как у святого Бруно *, к такому минимуму, как палка, то она предполагает деятельность производства этой палки. Таким образом, первое требование, которому должна удовлетворять всякая историческая концепция, есть наблюдение этого основного факта во всем его значении и объеме и отведение ему надлежащего места....

Во-вторых, уже удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и приобретенное уже орудие удовлетворения ведут к новым потребностям, и это порождение новых потребностей является первым историческим делом. Отсюда ясно, какова цена великой исторической мудрости немцев, которые считают, что там, где у них нет положительного материала и где речь не идет о теологической, политической или литературной дребедени, там нет вовсе истории, а имеется только «доисторическое время», причем нам вовсе не объясняют, как мы приходим от этой дребедени «доистории» к собственной истории; впрочем, с другой стороны, их историческая спекуляция особенно охотно набрасывается на эту «доисторию», потому что они считают себя безопасными от вторжений «грубого факта» и могут здесь дать полную свободу спекулятивному инстинкту, создавая и разрушая гипотезы тысячами. Третье отношение, вмешивающееся здесь с самого начала в ход исторического развития, заключается в том, что люди, которые ежедневно наново производят свою собственную жизнь, начинают производить других людей, начинают размножаться: это — отношение между мужем и женой, родителями и детьми, это — с е м ь я. Эта семья, являющаяся вначале единственным социальным отношением, впоследствии, когда умножившиеся потребности порождают новые общественные отношения, а размножившееся население порождает новые потребности, приобретает (за исключением Германии) подчиненный характер; ее приходится тогда рассматривать и развивать согласно существующим эмпирическим данным, а не согласно понятию семьи, как это делают обыкновенно в Германии. Впрочем, эти три стороны социальной деятельности не следует рассматривать как три различные ступени; а именно только как три стороны, или — выражаясь более ясно для немцев — как три «момента», которые существовали совместно с начала истории, со времени первых людей, и которые имеют силу в истории еще и теперь. Производство жизни — как собственной, путем труда, так и чужой, путем рождения — является в качестве двоякого отношения: с одной стороны, в качестве естественного, а, с другой, в качестве общественного отношения, общественного в том смысле, что под этим понимается сотрудничество нескольких индивидов, безразлично при каких условиях, каким образом и для какой цели. Отсюда следует, что определенный способ производства или промышленная ступень всегда связаны с определенным способом сотрудничества или определенной общественной ступенью (рукою Маркса: и этот способ совместной деятельности есть сам некоторая «произ-

* Маркс и Энгельс имеют в виду Бруно Бауэра, (см. алф. указ.).—*Прим. сост.*

водительная сила»), что масса доступных людям производительных сил обусловливает общественное состояние и что, следовательно, «история человечества» должна быть изучаема и обрабатываема всегда в связи с историей промышленности и обмена... Таким образом, уже заранее имеется материалистическая связь людей между собой, которая обусловлена потребностями и способом производства и которая так стара, как сами люди, — связь, которая представляет всегда новые формы, а, следовательно, и «историю», без наличия какой-нибудь политической или религиозной нелепости (nonsens), которая связывала бы людей еще сверх того. Лишь теперь, когда мы уже рассмотрели четыре момента, четыре стороны первоначальных исторических отношений, мы находим, что человек имеет также «сознание». Но и оно не имеется заранее, как «чистое» сознание. На «духе» заранее тяготеет проклятие «отягощения» его материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, в виде звуков, коротко говоря, в виде языка. Язык также древен, как сознание, язык, это — практическое, существующее для других людей, а, значит, существующее также для меня самого, реальное сознание, и язык, подобно сознанию, возникает из потребности сношений с другими людьми. Мое отношение к моей среде есть мое сознание. Там, где существует какое-нибудь отношение, оно существует для меня; животное не относится ни к чему, для животного его отношение к другим не существует как отношение. Таким образом, сознание есть изначально исторический продукт и остается им, пока вообще существуют люди. Сознание является, разумеется, прежде всего, сознанием ближайшей чувственной обстановки и сознанием ограниченной связи с другими лицами и вещами, находящимися вне начинающего сознавать себя индивида; это в то же время — сознание природы, которая противостоит первоначально людям в качестве совершенно чуждой, всемогущей и неприступной силы, к которой люди относятся совершенно по-животному и которая властвует над ними, как над скотом; следовательно, это — чисто животное сознание природы (природная, естественная религия), а, с другой стороны, — сознание необходимости вступить в сношения с окружающими индивидами, начало сознания того, что индивид вообще живет в обществе. Это начало носит столь же животный характер, как и общественная жизнь на этой ступени, оно — чисто стадное сознание; человек отличается от барана лишь тем, что его сознание заменяет ему инстинкт или что его инстинкт носит сознательный характер. (Рукой Маркса: Здесь сейчас же видно, (что) эта естественная религия или это определенное отношение к природе обусловливается общественной формой, и обратно. (Здесь) обнаруживается тождество природы и человека, (которое) обусловливает сознательным отношением людей к природе их сознательное отношение друг к другу и их сознательным отношением друг к другу их сознательное отношение к природе).

Это баранье или родовое сознание получает свое дальнейшее развитие благодаря увеличению производительности, росту потребностей и лежащему

в основе того и другого росту населения. Вместе с этим развивается и разделение труда, бывшее первоначально лишь разделением труда в половом акте, разделение труда, совершающееся само собой или «естественно» благодаря природным задаткам (например, телесная сила, потребности, случайности и т. д. и т. д.). Разделение труда становится действительно разделением труда лишь тогда, когда наступает разделение материального и духовного труда. С этого момента сознание м о ж е т действительно вообразить себе, что оно нечто иное, чем сознание существующей практики. С того момента, как сознание начинает действительно представлять что-нибудь, не представляя чего-нибудь действительного, с этого момента оно оказывается в состоянии освободиться от мира и перейти к образованию «чистой теории», теологии, философии, морали и т. д. Но если даже эта теория, теология, философия, мораль и т. д. вступают в противоречие с существующими отношениями, то это возможно лишь благодаря тому, что существующие общественные отношения вступили в противоречие с существующими силами производства; впрочем, у определенного народа это может произойти также благодаря тому, что противоречие обнаруживается не в его национальных рамках, а между его национальным сознанием и практикой других народов, т. е. между национальным и всеобщим сознанием какого-нибудь народа (как, например, теперь в Германии). Если какому-нибудь народу это противоречие представляется в виде противоречия внутри национального сознания, то и борьба должна повидимому, ограничиться этой национальной дрянью (Scheisse), так как и народ этот есть сам по себе дрянь.

Впрочем, совершенно неважно, что может учинить одно только сознание; из всей этой ерунды для нас получается лишь тот результат, что три эти момента — производительная сила, общественное состояние и сознание — могут, и должны, вступить в противоречие друг с другом, ибо вместе с разделением труда делается возможным и даже происходит в действительности то, что духовная и материальная деятельность, наслаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов; отсутствие между ними противоречий возможно лишь при том условии, что снова уничтожается разделение труда. Впрочем, само собою разумеется, что «призраки», «связь», «высшее существо», «понятие», «сомнение» являются просто идеалистическим, духовным выражением, представлением, повидимому, разобщенного индивида, представлением о весьма эмпирических узах и оковах, внутри которых движется способ производства жизни и связанная с этим форма сношений.

М а р к с и Э н г е л ь с, О Фейербахе, архив М. и Э., кн. 1, 219—222.

Итак, эта концепция истории основывается на том, чтобы, исходя из материального производства непосредственной жизни, развить действительный процесс производства и рассматривать связанную с этим способом производства и порождаемую им форму сношения, т. е. гражданское общество на его различных ступенях, как основу всей истории, изобразив его в его

действии, как государство, и объяснив из него все различные теоретические продукты и формы сознания: религию, философию, мораль и т. д. (Рукой Маркса: и проследить процесс возникновения его из них, благодаря чему, разумеется, возможно изобразить все дело в его совокупности, а потому и взаимодействие этих различных сторон друг на друга). Эта концепция, в отличие от идеалистического понимания истории, не вынуждена гнаться в каждую эпоху за какой-то категорией, она остается постоянно на п о ч в е реальной истории, не объясняя практику из идей, а объясняя идейные формации из материальной практики; в связи с этим она приходит к тому результату, что все формы и продукты сознания могут быть уничтожены не духовной критикой, не растворением в «самосознании» или превращением в «привидения», «призраки», «причуды» и т. д., а лишь практическим переворотом в реальных общественных отношениях, из которых произошли все эти идеалистические выверты; не критика, а революция является движущей силой истории, а также религии, философии и всякой иной теории. Эта концепция показывает, что история не заканчивается растворением в «самосознании», как «дух от духа»; она показывает, что в ней имеется на каждой ступени некоторый материальный результат, некоторая сумма производительных сил (рукою Маркса: исторически созданное отношение к природе и личностей друг к другу), передаваемая каждому поколению его предшественниками, известная масса производительных сил, капиталов и вещей, которые, хотя и видоизменяются с своей стороны новым поколением, но, с другой стороны, предписывают ему его условия жизни и придают ему определенное развитие, особенный характер. Она, следовательно, показывает, что обстоятельства столько же делают людей, сколько люди делают обстоятельства. Эта сумма производительных сил, капиталов и форм социальных сношений, которую каждый индивид и каждое поколение застают, как нечто данное, есть реальная основа того, что философы представляли себе как «субстанцию» и «сущность человека», что они обожествляли и с чем они боролись, реальная основа, значение и действие которой на развитие людей нисколько не страдает от того, что эти философы восстают против нее в качестве «самосознания» и «Единственных». Эти условия жизни различных поколений имеют решающее значение для того, хватит ли сил или нет для уничтожения основы существующего строя у периодически повторяющихся в истории революционных потрясений; если налицо нет этих материальных элементов полного переворота (рукой Маркса: именно, с одной стороны, различных производительных сил, образования революционной массы, революционно настроенной не только против отдельных сторон существующего общества, но и против самого существующего «производства жизни», против всей деятельности, на которой основываются эти стороны), если этих материальных элементов нет налицо, то для практического развития совершенно безразлично (как доказывает теория коммунизма) то, что уже сотни раз высказывали и д е ю о необходимости этого переворота.

Все прежнее понимание истории или совершенно игнорировало эту реальную основу истории, или же видело в ней какую-то побочную вещь, совершенно не связанную с историческим процессом. Поэтому историю приходится всегда писать, считаясь с каким-то лежащим вне ее масштабом; реальное производство жизни кажется чем-то неисторическим, а историческое представляется чем-то оторванным от обыденной жизни, чем-то особенным, стоящим над миром. Благодаря этому из истории исключается отношение людей к природе, в силу чего порождается противоположность между природой и историей. Эта точка зрения могла поэтому видеть в истории только политические действия, замечала в ней религиозную и вообще теоретическую борьбу и была в частности вынуждена в каждую историческую эпоху разделять *иллюзии этой эпохи*. (Рукой Маркса: Так, например, если какая-нибудь эпоха воображает себе, что она определяется чисто политическими или религиозными мотивами, — хотя «религия» и «политика» являются только формами ее реальных мотивов, — то историк ее усваивает себе эту иллюзию. «Воображение», «представление» этих определенных людей об их реальной практике превращается в единственно определяющую и активную силу, которая господствует над практикой этих людей и определяет ее. Если грубая форма разделения труда у индусов и египтян вызывает кастовый строй у этих народов в их государстве и в их религии, то историк воображает, что кастовый строй есть та сила, которая породила эту грубую общественную форму). В то время как французы и англичане придерживаются, по крайней мере, политической иллюзии, которая все же ближе всего к действительности, мысль немецких идеологов вращается в сфере «чистого духа», видя в религиозной иллюзии движущую силу истории. Гегелевская философия истории, это — последний, доведенный до своего «чистейшего выражения» плод всей этой немецкой историографии, в которой дело идет не о реальных, даже не о политических интересах, а о чистых мыслях (рукой Маркса: которая выявилась у святого Бруно, как ряд мыслей, из коих каждая охватывает другие и под конец исчезает в «самосознании»); еще последовательнее это у святого Макса Штирнера (рукой Маркса на полях: Так называемое *объективное* писание истории заключалось именно в том, чтобы рассматривать исторические отношения отдельно от деятельности: реакционный характер), который ровно ничего не знает о подлинной истории и которому этот исторический процесс должен был казаться простой историей о «рыцарях», «разбойниках», историей призраков, от которых он может, разумеется, спастись только благодаря «нечестивости». Эта концепция действительно религиозна, она принимает религиозного человека за первочеловека, от которого исходит вся история, и заменяет в своем воображении религиозным производством фантазий реальное производство средств к жизни и самой жизни. Вся эта историческая концепция, вместе с ее разложением и вытекающими отсюда сомнениями и колебаниями, — лишь *национальное* дело немцев и имеет только *местный* интерес для Германии, вроде, например, важного, неоднократно

обсуждавшегося в последнее время вопроса: как, собственно, можно «попасть из царства божия в царство человеческое», точно это «царство божие» существовало когда-нибудь не в фантазии, а ученые господа не жили постоянно — не ведая того — в «царстве человеческом», к которому они ищут теперь дорогу, и точно научное развлечение, — ибо это не больше, чем развлечение, — имеющее целью разъяснить загадку этого образования теоретических туманов, не заключается (наоборот) как раз в том, чтобы показать возникновение их из реальных земных отношений. Впрочем, эти немцы всегда озабочены тем, чтобы разрешить, растворить данную в действительности бессмыслицу в какой-нибудь другой причуде, т. е. предположить, что вся эта бессмыслица имеет вообще какой-то особый с м ы с л, который надо выискать, между тем как дело идет лишь о том, чтобы объяснить теоретические фразы на основании данных реальных отношений. Реальное, практическое разрешение этих фраз, устранение этих представлений из сознания людей происходит, как уже сказано, благодаря перемене обстоятельств, а не благодаря теоретическим дедукциям. Для массы людей, т. е., для пролетариата, эти теоретические представления не существуют и, следовательно, не должны быть разрешены для нее, а если эта масса имела когда-нибудь некоторые теоретические представления, как, например, религию, то они уже давно были разрешены и уничтожены обстоятельствами.

М а р к с и Э н г е л ь с, О Л. Фейербахе, Архив М. и Э., кн. 1, 227—229.

Маркс сказал: «чтобы производить, люди вступают в определенные взаимные отношения». Штаммлер ссылается на это положение, как на доказательство того, что сам Маркс, вопреки своей теории, не мог избежать телеологических соображений. Слова Маркса означают, по его мнению, что люди с о з н а т е л ь н о вступают в те взаимные отношения, без которых невозможно производство. Значит, эти отношения являются продуктом ц е л е с о о б р а з н о г о д е й с т в и я.

Нетрудно заметить, в каком именно месте этого рассуждения Штаммлер делает логическую ошибку, налагающую свою печать на все его дальнейшие критические замечания.

Возьмем пример. Дикари-охотники преследуют данное животное, скажем, — слона. Для этого они собираются вместе и известным образом организуют свои силы. Где здесь ц е л ь? Г д е с р е д с т в о? Цель, очевидно, заключается в поимке или в убийстве слона; а средством служит преследование животного соединенными силами. Ч е м подсказывается цель? П о т р е б н о с т я м и человеческого о р г а н и з м а. Ч е м определяется средство? У с л о в и я м и о х о т ы. Зависят ли от воли человека потребности его организма? Нет, не зависят, да и вообще с ними ведается ф и з и о л о г и я, а не с о ц и о л о г и я. Чего же мы можем требовать в данный момент от социологии? Объяснения того, п о ч е м у, стремясь к удовлетворению своих потребностей, — скажем, потребности в пище, — люди вступают иногда в одни, а иногда в совершенно иные взаимные отношения. И э т о о б с т о я-

тельство социология, — в лице Маркса, — объясняет состоянием их производительных сил. Далее спрашивается: зависит ли состояние этих сил от воли людей и от тех целей, которые ими преследуются? Социология,—опять в лице того же Маркса,—отвечает: нет, не зависит. А если не зависит, то значит они возникают в силу известной необходимости, определенной данными, вне человека лежащими условиями.

Что же выходит? Выходит, что если охота есть целесообразная деятельность дикаря, то этим несомненным фактом нимало не ослабляется значение той мысли Маркса, что производственные отношения, возникающие между дикарями, занимающимися охотой, возникают в силу условий, от этой целесообразной деятельности не совсем зависящих. Другими словами: если первобытный охотник сознательно стремится к тому, чтобы побить как можно больше дичи, то отсюда еще не следует, что коммунизм, свойственный быту этого охотника, вырос как целесообразный продукт его деятельности. Нет, коммунизм возник, или, вернее, сохранился — так как возник-то он еще гораздо раньше,— сам собою, как бессознательный, т. е. необходимый результат той организации труда, характер которой от воли людей совсем не зависел. Вот этого-то и не понял кантианец Штаммлер, тут-то он и сбился, введя в соблазн наших господ Струве, Булгаковых и прочих временных марксистов, имена коих ты, господи, веси.

Плеханов, Основные вопросы марксизма, соч., XVIII, Гиз, 1925, 243—244.

Маркс рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, подчиняющийся законам, не только независящим от воли, сознания и намерений людей, а, напротив, определяющим их волю, сознание и намерения. (К сведению для гг. субъективистов, выделяющих социальную эволюцию из естественно-исторической именно потому, что человек ставит себе сознательные «цели», руководствуется определенными идеалами). Если сознательный элемент играет столь подчиненную роль в истории культуры, то понятно само собой, что критика, имеющая своим предметом самое эту культуру, менее всего другого может опираться на какую-либо форму или какой-либо результат сознания. Другими словами, исходным пунктом для нее может служить никак не идея, но только внешнее, объективное явление. Критика должна состоять в том, чтобы сравнить и сопоставить данный факт не с идеей, а с другим фактом; для нее важно только, чтобы оба факта были по возможности точно исследованы и чтобы они представляли из себя, один по отношению к другому, различные моменты развития, причем особенно необходимо, чтобы с такой же точностью был исследован весь ряд известных состояний, последовательность их и связь между различными ступенями развития. Маркс отрицает именно ту идею, что законы экономической жизни одинаковы и для прошедшего и для настоящего. Напротив, каждый истори-

ческий период имеет свои собственные законы. Экономическая жизнь представляет из себя явление, аналогичное с историей развития в других областях биологии. Прежние экономисты не понимали природы экономических законов, когда сравнивали их с законами физики и химии. Более глубокий анализ показывает, что социальные организмы также глубоко разнятся друг от друга, как и организмы животных и растений. Ставя своей задачей с этой точки зрения исследовать капиталистическую экономическую организацию, Маркс этим самым строго-научно формулирует ту цель, которую должно преследовать всякое точное исследование экономической жизни. Научное значение такого исследования состоит в выяснении тех особых (исторических) законов, которые регулируют возникновение, существование, развитие и смерть данного общественного организма и замену его другим, высшим организмом.

Ленин, Что такое «друзья народа», и как они воюют против социал-демократов, соч., I, изд. 2-е, 94—95.

Г. Струве совершенно прав, указывая, что теория классовой борьбы довершает, так сказать, общее стремление социологии сводить «элементы индивидуальности к социальным источникам». Мало этого: теория классовой борьбы впервые проводит это стремление с такой полнотой и последовательностью, что возводит социологию на степень науки. Достигнуто было это материалистическим определением понятия «группы». Само по себе это понятие слишком еще неопределенно и произвольно: критерий различения «групп» можно видеть и в явлениях религиозных, и этнографических, и политических, и юридических, и т. п. Нет твердого признака, по которому бы в каждой из этих областей можно было различать те или иные «группы». Теория же классовой борьбы потому именно и составляет громадное приобретение общественной науки, что установляет приемы этого сведения индивидуального к социальному с полнейшей точностью и определенностью. Во-первых, эта теория выработала понятие о б щ е с т в е н н о - э к о н о м и ч е с к о й ф о р м а ц и и. Взявши за исходный пункт основной для всякого человеческого общежития факт — способ добывания средств к жизни, она поставила в связь с ним те отношения между людьми, которые складываются под влиянием данных способов добывания средств к жизни, и в системе этих отношений («производственных отношений» по терминологии Маркса) указала ту о с н о в у общества, которая облекается политико-юридическими формами и известными течениями общественной мысли. Каждая такая система производственных отношений является, по теории Маркса, особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм. Этой теорией был применен к социальной науке тот объективный, общенаучный критерий повторяемости, возможность применения которого к социологии отрицали субъективисты. Они рассуждали именно так, что вследствие громадной сложности социальных явлений и разнообразия их нельзя изучать эти явления, не отделив важные от неважных, и для такого выделения необхо-

дима точка зрения «критически мыслящей» и «нравственно развитой» личности, — и они приходили таким образом благополучно к превращению общественной науки в ряд назиданий мещанской морали, образцы которой мы видели у г. Михайловского, философствовавшего о нецелесообразности истории и о пути, руководимом «светом науки». Вот этим-то рассуждениям и был подрезан корень теорией Маркса. На место различия важного и неважного было поставлено различие между экономической структурой общества, как с о д е р ж а н и е м, и политической и идейной ф о р м о й: самое понятие экономической структуры было точно разъяснено опровержением взгляда прежних экономистов, видевших законы природы там, где есть место только законам особой, исторически определенной системы производственных отношений. На место рассуждений субъективистов об «обществе» вообще, рассуждений бессодержательных и не шедших далее мещанских утопий (ибо не выяснена была даже возможность обобщения самых различных социальных порядков в особые виды социальных организмов),— было поставлено и с с л е д о в а н и е определенных форм устройства общества. Во-вторых, действия «живых личностей» в пределах каждой такой общественно-экономической формации, действия, бесконечно разнообразные и, казалось, не поддающиеся никакой систематизации, были обобщены и сведены к действиям групп личностей, различавшихся между собою по роли, которую они играли в системе производственных отношений, по условиям производства и, следовательно, по условиям их жизненной обстановки, по тем интересам, которые определялись этой обстановкой, — одним словом, к действиям к л а с с о в, борьба которых определяла развитие общества. Этим был опровергнут детски-наивный, чисто механический взгляд на историю субъективистов, удовлетворявшихся ничего не говорящим положением, что историю делают живые личности, и не хотевших разобрать, какой социальной обстановкой и как именно обусловливаются их действия. На место субъективизма было поставлено воззрение на социальный процесс, как на естественно-исторический процесс, — воззрение, без которого конечно и не могло бы быть общественной науки.

Л е н и н, Экономическое содержание народничества и критика его в книге т. Струве, соч., I, изд. 2-е, 283—285.

6. ЗАКОНОМЕРНОСТЬ В ПРИРОДЕ И ЗАКОНОМЕРНОСТЬ В ОБЩЕСТВЕ

Материалистическое понимание истории — очень сложное, всеобъемлющее мировоззрение. Оно начинается с философских предпосылок и заканчивается принципами социально-политической тактики. Оно, таким образом, обнимает собой и теорию, и практику, теоретические принципы исторического развития и принципы воли и действия общественного человека. Оно, следовательно, соединяет в себе объяснение деятельности, выражаясь философским языком, теоретического и практического разума. Само собой понятно, что это мировоззрение во всем его целом не может быть изложено законченным и исчерпывающим образом. Самым верным и настоящим изложением материалистического взгляда на историю было бы критическое рассмотрение всей

истории культуры, т. е. всей исторической деятельности человечества с точки зрения этого мировоззрения. Такая задача невыполнима даже для первоклассного гения, тем более не должен за нее браться обыкновенный смертный. Эта задача выполняется по частям всемирным марксизмом, который достиг в этой области довольно значительных результатов.

Материалистическое понимание истории ищет прежде всего установления исторических законов, и не только ищет, но его великие основатели Маркс и Энгельс их открыли. Является, следовательно, прежде всего вопрос: что такое закон? Сущность закона сформулирована на мой взгляд вполне правильно одним из выдающихся политических мыслителей XVIII столетия Монтескье. В своем знаменитом сочинении «Дух законов» Монтескье определяет сущность закона таким образом: «Законы в самом обширном значении этого слова суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей, и в этом смысле все существующее имеет свои законы». В области естествознания никем в настоящее время не оспаривается, что существуют объективные законы, вытекающие из природы вещей и выражающие постоянство взаимоотношений этих последних. Возьмите закон притяжения. Мы знаем, что каждое тело, падающее с известной высоты, притягивается центром земли. Этот закон выведен на основании бесконечного количества повторных явлений. Нам хорошо известен всеобъемлющий закон сохранения вещества или материи. Этот закон гласит, что материя во время реакции не исчезает и не творится, а лишь только видоизменяется, всегда и неизменно оставаясь материей. Или, другими словами, при всех химических превращениях вес веществ, вступающих в реакцию, всегда равен весу полученных в результате реакций. Еще иначе, общий вес изменяющихся качественно веществ, а, следовательно, их общая масса или материя, сохраняется. Или другой всеобъемлющий закон о сохранении энергии. Этот закон сводится к следующему: какое бы явление или процесс, происходящий в природе, мы ни взяли, каким бы превращениям не подвергалась в нем энергия, всегда оказывается, что сумма ее во всех телах, участвовавших в этих превращениях до процесса, после процесса и в любой момент процесса остается всегда постоянной. Иначе говоря, нельзя ни создать энергию, ни уничтожить ее. На всякое количество возникающей энергии одновременно исчезает соответствующее, или, выражаясь химическим термином, эквивалентное количество другого вида энергии, и, наоборот, никакое количество энергии не исчезает без того, чтобы одновременно не возникло эквивалентное количество какой-нибудь другой ее формы. Это обобщение является одним из основных законов современного естествознания.

Оба закона выведены на основании строго проверенного опыта при различных условиях, но вот встает вопрос, возможно ли найти и установить такие общие и общепризнанные законы в исторической области? Существует целый ряд ученых, которые вообще отрицают такую возможность. Основания, ими высказываемые, в общем и главном следующие. Во-первых, явления при-

роды отличаются несравненно меньшей степенью сложности, нежели явления общественно-исторической жизни. Во-вторых, в области наблюдения над процессами природы мы замечаем постоянное повторение одних и тех же явлений. В-третьих, естествознание пользуется экспериментом, т. е. искусственным воспроизведением явлений. Мы имеем возможность в физической и химической лабораториях воспроизвести некоторые из тех явлений, которые мы подсмотрели и подслушали в жизни природы. Между тем как при изучении общественной и исторической деятельности человечества мы лишены этой возможности. Нельзя воспроизвести в лаборатории Великую французскую революцию, мы не в состоянии воссоздать эпоху греко-персидских войн, в ее конкретности, или время реформации со всеми последствиями этих великих событий, имевших такое глубокое влияние на ход исторического развития. В историческом процессе, утверждают далее противники возможности исторических законов, нет повторности явления. Ни одно историческое событие и ни одно историческое явление не похоже на другие. В исторической действительности всякое событие бывает только один раз. Кроме указанных причин в исторических событиях действуют и могут оказать решающее влияние случайности. Если бы, например, отсутствовала та или другая выдающаяся гениальная личность или тот или другой закон крупного государственного деятеля, возможно, что вся история приняла бы другой вид. В этом отношении может оказывать влияние даже мелкий и с виду совершенно незначительный факт. Если бы, утверждали историки старой школы, у египетской царицы Клеопатры форма носа была иная, ход развития Римской империи принял бы иное направление, а вместе с тем пошла бы по другому руслу вся европейская цивилизация. Или, если бы во время семилетней войны, маркиза Дюбарри не была бы фавориткой Людовика XV, весьма возможно, что вся западноевропейская жизнь XIX столетия приняла бы совершенно другой оборот. Ибо в семилетней войне Франция и Голландия потеряла свое значение на море. А ход и исход войны обусловливались действием бездарных французских генералов, которым покровительствовала маркиза Дюбарри. Выходит таким образом, что если бы король Франции не отличался слабостью к женскому полу, а маркиза Дюбарри не была так привлекательна, история Европы пошла бы другим путем. Следовательно, такие мелкие непредвиденные и совершенно неподдающиеся никакому учету случайности могут определить собою судьбы всемирной истории.

... Остановимся на первых отмеченных возражениях и начнем с вопроса о сложности исторических событий.

Несомненный факт чрезвычайной сложности общественных и исторических явлений и событий не может служить принципиальным препятствием к нахождению и определению исторической закономерности. И в общей цепи расположения естественных наук мы видим восхождение от простого к сложному и от менее сложного к более сложному. Химия, например, сложнее физики, потому что она включает в себя и законы физики и плюс ее собственные законы, биология сложнее и физики и химии, так как эта сложная

отрасль знания воплощает в себе законы физики, химии, анатомии, физиологии и т. д. То же самое относится к психологии, которая, кроме законов из области естествознания, должна считаться с обществоведением в самом широком значении этого понятия.

Тем не менее эти соображения не заставляют же представителей указанных областей отказаться от установления и признания возможности и наличности законов в биологии и психологии. Факт сложности той или другой отрасли науки не является методологической преградой на пути к искапию законов, а требует лишь полноты сознания исследователя трудности задачи. Нет и не может быть сомнения в том, что общественно-историческая жизнь являет собой необычайную сложность во всех ее проявлениях. Но это бесспорное положение обязывает исследователя этой многообъемлющей отрасли знания к ясному и отчетливому пониманию условий своей трудной задачи и *сугубой осторожности в своих выводах*. Тут вполне уместно напомнить слова Бэкона, что к чрезмерному стремлению разума к обобщению следует подвесить оловянные гири. Эти требования, требования сознания и ответственности — очень большие и очень серьезные требования.

Перехожу к другому возражению, к вопросу о повторяемости исторических явлений. Утверждение, будто в истории события и явления не повторяются, просто ошибочно. Наоборот, в исторической жизни народов мы встречаемся с бесконечным количеством повторений, давшим полное основание философу-пессимисту Шопенгауэру горько жаловаться на томительную скуку в истории человечества. Возьмем сперва для примера социально-экономическую область. В настоящее время нам очень хорошо известно, что почти всем народам на первых ступенях их общественного развития свойственен родовой коммунистический быт. Мы знаем также, что этот родовой коммунизм имел везде сходные однообразные причины, сводящиеся в общем к групповым способам производства, которыми определялась и коммунистическая форма распределения. Нам далее известно, что феодальный порядок пережил все европейские государства, и что, хотя в несколько иной форме и при других географических и исторических условиях, тот же феодальный порядок был присущ и русскому государству. Если затем бросить взгляд на политическую область, то и тут нам бросаются в глаза неизбежные постоянные повторения. Мы видим, например, политические революции во всех почти странах европейского Запада и России. Как бы ни различались по своему содержанию и характеру все имевшие место в истории революции, во всех революциях можно отметить целый ряд крупных и совершенно сходных по своей сущности явлений, дающих полную возможность выводить общие законы в такой важной и серьезной сфере, как сфера революционной борьбы и революционных катастрофических переворотов. И фактически все историки революций, признают ли они принципиально повторяемость исторических явлений или не признают, всегда приводят параллели, дающие материал для установления исторической закономерности.

Пойдем дальше и бросим с этой точки зрения беглый взгляд на идеологию. Какой бы отрасли идеологии мы ни подошли, мы везде видим ту же повторяемость. Возьму для иллюстрации историю искусства в его культурно-завершенном виде... Искусство является такой отраслью человеческой деятельности, где случайность, каприз, настроение, вдохновение, интуиция или даже бессознательность творца художественных ценностей является почти что общепризнанным фактом. Тем не менее, и в этой отрасли явления до поразительности повторяются. По основному существу в истории художественного творчества повторяются два жанра — классический и реалистический, и другой жанр — романтический. Первый заключается в том, что художник стремится воспроизвести типичные обобщающие черты объективной действительности. Это есть реализм в настоящем подлинном значении этого слова. Другой жанр — романтический — заключается в стремлении художника выразить свое собственное субъективное настроение. Там преобладает объективное начало, тут — субъективный момент. И вот эти два главных течения в искусстве повторяются и часто следуют друг за другом с заметной правильностью, начиная с классической древности и кончая нашей эпохой. Мы видим эпохи, когда господствует реализм в искусстве, и другие периоды, в которые преобладающим течением становится субъективизм, т. е. романтика. Сравнительная правильность чередования этих двух родов в искусстве дала возможность Гёте сделать такое важное и интересное обобщение. В эпохи подъема творчества живых общественных сил, думал величайший мировой поэт-философ, господствует реализм, в периоды же общественного упадка — субъективизм — романтика *.

Обращаясь к истории философии, мы видим, что и эта область, область человеческой отвлеченной мысли, полна повторений. Философские системы возникают, создаются школы, разрабатываются отдельные ее положения, но проходят некоторые периоды времени,— система подвергается полному разрушению, а затем как будто окончательному и оскорбительному забвению. А далее через столетие, а иногда и через более значительные промежутки времени система возрождается и часто выдается за нечто совершенно новое и совершенно оригинальное. Приводить примеры, подтверждающие это положение, было бы даже безвкусно, так как в этом отношении история философии почти что не знает исключения.

Да, история полна повторений и во всех областях. Касаясь вопроса о возможности исторических законов, и отражая доводы тех, которые отрицают их возможность, на основании мнимого отсутствия повторяемости явлений, Вундт говорит в своем «Введении в философию» следующее:

«Этот формальный признак (повторяемость явлений в природе и якобы неповторяемость в области истории.— *Орт.* неверен в двоякой точки зрения: во-первых, совершенно неверно, что единичные явления (das Singulare) не

* Вернее будет, с нашей точки зрения, характеризовать направления в искусстве не состоянием эпохи, а положением определенного класса.—*Прим. авт.*

играют роли в естественных науках. Например, почти вся геология состоит из единичных фактов, тем не менее никто не станет утверждать, что исследование ледяного периода потому только, что он по всей вероятности существовал только раз, не относится к естественной науке, а должен быть отдан историку для мечтательного созерцания. Во-вторых, совершенно неверно также и то, что в истории явления не повторяются. Начиная с Полибия, историки, поскольку они не были хроникерами, редко упускали случай, чтобы не указать на одновременные события и аналогичные ряды явлений, которые имели место в различное время и которым присуща одинаковая внутренняя связь. Такими историческими параллелями историки пользовались для известных выводов».

История повторяется. Более того, она повторяется подчас, как бы с очевидным намерением дать почувствовать и понять историческим деятелям, что ее обмануть нельзя. «Если, — говорит она, — вы совершили и вызвали событие, которое не соответствует еще данному состоянию общественных сил, вам придется повторить или, если ваша власть и влияние исчерпаны до дна, ваша попытка возобновить их тщетна и повторения напрасны». Очень хорошо и глубокомысленно говорит знаменитый историк новой философии Куно Фишер о с м ы с л е повторений исторических событий:

«Повидимому, — пишет историк философии, — всемирная история в великих вопросах, от которых зависит будущее мира, должна повторять доказательства необходимости или невозможности противоположного, чтобы утвердить окончательно новое положение; она дважды доказывала необходимость римского цезаризма и безуспешность умерщвления Цезаря: битвою при Филиппах и битвою при Акциуме. Точно так же Бурбоны должны были дважды подвергнуться изгнанию и Наполеон был дважды побежден».

История также полна экспериментов, и в известном смысле и она представляет собою лабораторию, в которой производятся опыты. Но исторический эксперимент отличается от естественно-научного эксперимента тем, что экспериментатор-естествоиспытатель, имея дело с неодушевленными телами или животными, отчетливо сознает, что он производит о п ы т и потому с самого начала готов на неудачу. Исторический деятель, руководящий теми или иными событиями, экспериментирует бессознательно. Имея дело с живыми людьми, а не с пассивным, бессознательным материалом, он должен действовать с уверенностью в успехе, и так именно действует исторический деятель и тогда, когда опыт завершился неудачей. К этому надо еще прибавить, что в историческом эксперименте всегда так или иначе принимают участие массы. Сознание приходит post factum. Сова Минервы вылетает в сумерках, как говорит Гегель.

Дальше. Кроме указанных мотивов, якобы лишающих возможности установления исторических законов, выдвигается субъективистами еще одно самое сильное с их точки зрения доказательство в тщетности искания исторического объективизма.

Каждый историк, или социолог, является человеком определенного сословия, группы, партии, он — продукт своей среды, воспитания, так или иначе, историк или социолог — заинтересованное лицо, а потому в историческое исследование вносятся неизбежно субъективные элементы, окрашивающие желательным цветом исследуемые события. А субъективная оценка событий и фактов естественно приводит к общим субъективным ошибочным выводам.

В нашей русской социологической литературе это возражение выдвигалось и пространно обосновывалось родоначальниками субъективной школы в социологии П. Л. Лавровым и Н. К. Михайловским. Оба мыслителя утверждали, что каждая партия и каждый ее представитель может найти в истории достаточное количество фактов для оправдания и подтверждения своего общественного идеала. Протестант, исследующий историческую жизнь, найдет в ней достаточное количество фактов, на основании которых он сумеет доказать, что история человечества имела своей миссией осуществить идею Лютера; католик в свою очередь придет также при помощи внушительных фактов и событий к выводу, что принципы католицизма были и являются главными двигателями в ходе исторического развития. Или революционер найдет полное основание для защиты той идеи, что революционные перевороты рождают новые творческие силы, радикально разрушая ветхие, отжившие социальные формы и государственные учреждения, стоящие преградой на пути к прогрессу. Консерватор в свою очередь остановит главное внимание на таких культурных ценностях, которые необходимо следует хранить, и отсюда сделает заключение, что прогресс обусловливается бережным и тщательным сохранением всего существующего, и т. д. Исходя из этой субъективной точки зрения, представители русской субъективной социологии приходили к общему выводу, что всякое стремление установить исторические объективные законы обречено на полную неудачу.

Только буржуазные ученые, утверждали они, руководимые неутомимым стремлением оправдать существующий порядок вещей, могут искать и страстно ищут почвы и опоры в мнимых законах истории, якобы научным путем установленных. Передовой же человек, социалист, т. е. истинный защитник интересов народа и прогресса, должен сделать точкой исхода своего социалистического мышления и практической программы не теоретический разум, не объективную историческую закономерность, а разум практический, т. е. нравственную волю. Нравственная воля, творящая идеальные цели, является главным источником и истинной философской основой социалистического идеала, к осуществлению которого стремится критически мыслящая личность. Социалист оценивает исторический ход развития не с точки зрения научной закономерности, а берет за критерий всего совершившегося свой нравственный идеал. Он подвергает строгому нравственному суду историческое зло, несправедливость, все формы эксплоатации человека человеком, с одной стороны, а с другой — он черпает силу и вдохновение в положительных идеальных проявлениях и событиях исторической деятельности. Нравственный суд над злодеями в истории и восторг перед ее героями — вот

истинные воспитатели критически мыслящей личности, т. е. социалиста, а не немые цифры и равнодушные факты. Лишь этот сознательно субъективный метод, метод нравственных оценок, ведет социалиста к сокровенной цели. Научный же объективный взгляд на движение мировой истории, утверждение, будто в исторической действительности господствует безусловная закономерность, на которую должна опираться практическая деятельность, приводит к пассивности, бездеятельности или, как любили выражаться наши субъективные социологи, к квиэтизму.

Вопрос об отношении практической деятельности к научному пониманию истории мы пока оставим неразрешенным. Об этом довольно сложном вопросе будет речь впереди. В данной же общей связи нас интересует утверждение, будто историеведение в отличие от естествознания не может стать настоящей наукой благодаря неминуемому и неизбежному субъективному отношению исследователя к вопросам общежития человечества.

Это утверждение не выдерживает ни малейшей критики по той простой и очевидной причине, что и естествознанию присущи все роды субъективизма. В действительности всякий вновь открытый закон, всякая добытая истина, безразлично из какой области, утверждались и приобретали всеобщее признание путем упорной, серьезной, а подчас и героической борьбы, проходя, если можно так выразиться, через чистилище субъективных отношений и наслоений, которые составляли тем более серьезное препятствие, чем основательнее, значительнее и плодотворнее были данный закон и данная истина.

Утверждать, что естественные науки составляют исключение, значит либо нарочно закрывать глаза на общеизвестные исторические факты, или же, что, конечно, чаще всего, бессознательно упускать их из вида, не отдавая себе ясного отчета в их значении. Что касается индивидуально-субъективных черт и склонностей исследователя, то естествоиспытатели, которые, как известно, не падают с неба, а рождаются, растут и развиваются на грешной земле, в определенной социальной обстановке, принадлежат к определенному классу и определенным общественным группам, могут точно так же, как и социологи и философы истории, приступать к изучению природы с огромным запасом предрассудков и разного рода беспросветного суеверия. И в настоящее время теоретические отделы произведений по естествознанию полны мистическими уклонами мысли. При изложении и оценке успехов современной положительной науки можно легко встретить благочестивое утверждение, что в конечном итоге познанные нами известные законы природы, открывающие человечеству такие грандиозные ободряющие перспективы, суть не что иное, как мысли божии. Подобная орнаментика не так уж невинна, как это может казаться на первый взгляд. Бог всегда вызывает логическую паузу, обрывающую нить критической пытливой мысли, и неизбежно служит веским препятствием на пути к научному исследованию. И все эти мистические тенденции в философии естествознания вытекают из тех же источников, которыми обусловливается субъективизм в общественной науке.

Еще Бэкон делал указания на те родовые, индивидуальные и вытекающие из общественной среды субъективные свойства и склонности исследователя, которые являются величайшим тормозом на пути к объективному познанию явлений природы. Анализируя и подчеркивая эти субъективные начала, требуя от естествоиспытателя, чтобы он от них освободился, основоположник точного знания намечал вместе с тем методы, при помощи которых возможно достижение точного опытного знания. И нет ни малейшего сомнения, что со времени Бэкона естествознание добилось таких успехов, о которых не мечтал ни Бэкон, несмотря на его пылкую фантазию, ни Гоббс, ни другие основатели современной положительной науки.

Все больше и больше укрепляющееся, преимущественно в буржуазной идеологии, суеверие, что в естествознании объективное исследование и научное предсказание возможны, а в общественно-исторической науке невозможны, имеет своим поводом тот факт, что естествознание в настоящее время обладает многими общепризнанными законами, между тем как законы и выводы общественных наук составляют предмет страстных и ожесточенных споров. Но это различие не принципиального свойства, а исторического характера. Нет почти ни одного из известных нам законов природы, нет почти ни одной значительной истины, которые не подвергались в свое время таким же страстным и ожесточенным нападкам, каким подвергается в наше время учение Маркса о стоимости, о борьбе классов и все положения и выводы научного социализма. Возможность, хотя далеко не безусловная, свободного беспрепятственного развития естествознания в нашу эпоху обусловливается тем, что познание природы и победа над ее силами необходимы и выгодны буржуазным классам, между тем как объективное беспристрастное выяснение общественных отношений становится все более и более угрожающим явлением для теперешнего общественного порядка. И точно такой же острый критический момент переживало естествознание, когда оно являлось могучим орудием в борьбе против общественного порядка средних веков. Выражая классовые интересы господствующего духовенства, инквизиция сожгла Джиордано Бруно на костре, а Галилея подвергала самым суровым преследованиям: первого — за проповедь и завершение системы Коперника, второго — за учение о вращении земли. Идеологи современных привилегированных классов, признающие теперь движение земли, изыскивают всевозможные софистические доводы, чтобы с их помощью задержать историческое движение вперед современного человечества. Но как бы там ни было, историческая наука все же делает огромные успехи, завоевывая одну территорию за другой.

Аксельрод - Ортодокс, Критика основ буржуазного обществоведения и материалистического понимания истории, изд. «Основа», Ив.-Вознесенск, 1924, 7 — 15.

Под влиянием каких причин совершается внутреннее развитие человеческих обществ? Почему одни племена остаются почти совершенно

недвижимыми, другие же соединяются в обширные государственные тела, где начинается политическая жизнь, возникают науки, литература, прикладные и изящные искусства, большие производительные силы, — словом, все то, что мы называем цивилизацией? И почему носителями цивилизации в разные времена являются различные народы? Почему в данную историческую эпоху главные силы цивилизации сосредоточиваются в данном месте или в данных местах, чтобы впоследствии занять новую территорию, первенство которой оспаривается затем новыми соперницами? Почему центр тяжести цивилизации перенесся с берегов Нила, Тигра и Евфрата в Грецию и Рим, а потом в Среднюю Европу, откуда он, того и гляди, перейдет в Северную Америку? Есть ли какая-нибудь законосообразность в этом, повидимому, чрезвычайно капризном ее ходе? Наконец, — и это, может быть, самое интересное,— ведь не все хорошо и в цивилизованных странах. Историческое развитие покупается очень дорогою ценою. Оно ведет,— по крайней мере, на время и, нужно сознаться, на очень продолжительное время, к разделению общества на классы и сословия, к господству незначительных кучек привилегированных, к угнетению народной массы, к приниженью человеческой личности, а часто и к самым гнусным, самым отвратительным проявлениям деспотизма. Что же гонит человечество в суровую школу цивилизации. Какая сила заставляет некоторые человеческие племена покидать свои первобытные отношения, складываться в новые политические группы и выходить на тяжелую «барщину истории»?

Разумеется нет ничего легче, как разрешить подобные вопросы ссылкою на божественное провидение: так угодно богу в его неизреченной мудрости, — такой ответ не оставляет места сомнениям. Но в науке он не может иметь никакого значения. Пока мы ссылаемся на волю божества, мы не имеем права говорить о законосообразности явлений. Открытие же этой законосообразности и составляет задачу науки. Вот почему серьезная наука никогда не может ужиться в мире с религией. Мало-по-малу наука сбила религию со всех ее позиций, и в настоящее время уже никто из людей, имеющих хоть некоторое понятие о научном мышлении, не станет ссылаться на божью волю, как на причину явлений природы или общественного развития. Но недостаточно отказаться от ссылок на божественное провидение, чтобы усвоить себе все приемы строгой научной мысли. В общественной науке мы часто и до сих пор встречаемся с совершенно произвольными толкованиями событий, с совершенно ненаучными объяснениями явлений. Справляться с логикой в деле подобных объяснений не всегда считается обязательным. Когда поднимается вопрос о причине того или другого исторического явления, то часто бывает, что неглупые и серьезные люди довольствуются такими ответами, которые не решают ровно ничего, представляя собою лишь повторение вопроса о новых возражениях. Положим, вы задаете «ученому» один из поставленных выше вопросов. Вы спрашиваете,— почему одни народы развиваются с такою поразительною медленностью, между тем как другие быстро идут по пути цивилизации?

«Ученый» без запинки отвечает вам, что это объясняется свойствами расы. Понимаете ли вы смысл такого ответа? Некоторые народы развиваются медленно потому, что таково уже свойство их расы, чтобы им развиваться медленно; другие же — цивилизуются очень быстро, потому что главное свойство их расы заключается в том, что они могут развиваться быстро. Если вы станете сравнивать один с другим различные цивилизованные народы, то и здесь вы увидите, с какой удивительной легкостью объясняются свойствами расы все особенности их истории. В руках умелых людей «раса» оказывается ключом к решению всех вопросов общественной науки. Ввиду удивительной силы этого магического слова, можно, казалось бы, ожидать, что связанное с ним понятие отличается полною ясностью и определенностью. Однако на деле оказывается, что это вовсе не так.

В книге «Цивилизация и великие исторические реки» есть превосходная глава, в которой автор подвергает строгому разбору современное учение о расе. Он указывает прежде всего на тот странный факт, что при объяснении общественных явлений любят ссылаться на свойства расы в особенности дарвинисты, т. е. сторонники принципа эволюции, вполне признающие в теории, что свойства данного вида или данной разновидности являются плодом приспособления его к среде в борьбе за существование. Потом Л. И. Мечников мастерски показывает всю неопределенность и всю сбивчивость понятия о расе, причем приводит свидетельство такого выдающегося антрополога, как Топинар, который утверждает, что ввиду продолжительного смешения и скрещивания различных племен нельзя и толковать теперь о чистых расах и что «когда мы говорим об индо-германской, латинской, немецкой, английской, славянской расе, то слово р а с а может иметь смысл лишь политического термина, обозначает только случайное скопление различных антропологических элементов». Л. И. Мечников прибавляет к этому, что все великие цивилизации были плодом очень сложной смеси различных этнических элементов, смеси, в которой иногда нельзя даже приблизительно определить относительное значение ее составных частей. Трудно сказать, например, какая раса, черная, желтая или белая сделала наибольший взнос в цивилизацию древнего Египта. История Халдеи показывает даже, что в деле цивилизации ч е р н а я, «к у ш и т с к а я» раса опередила все другие. Чернокожие ученые того времени могли бы, таким образом, считать свою расу самой способной к прогрессу и с сожалением посматривать на племена белые и желтокожие, косневшие тогда в застое и невежестве. Теперь положение дел изменилось, теперь белая раса стоит впереди других, между тем как черная поражает своею отсталостью. Но если бы даже и допустить, что белая раса действительно способнее всех других к развитию, то это мало объясняло бы нам различие в исторической судьбе народов. Мы все-таки не знали бы, «почему столь родственные между собою этнические группы, как курды и немцы, англичане и афганцы, одинаково принадлежащие к арийской ветви белой расы, играли в истории такие различные роли» (98). Очевидно, что различие их ролей определялось не свойствами расы,

а какими-то другими причинами, о которых слишком мало задумывались люди, привыкшие все сваливать на расу.

Плеханов, О книге Л. И. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки», соч., VII, Гиз, 1925, 17—20.

Физик или наблюдает процессы природы там, где они проявляются в наиболее отчетливой форме и наименее затемняются нарушающими их влияниями, или же, если это возможно, производит эксперимент при условиях, обеспечивающих ход процесса в чистом виде. Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена. Классической страной капитализма является до сих пор Англия. В этом причина, почему она служит главной иллюстрацией для моих теоретических выводов. Но если немецкий читатель станет фарисейски пожимать плечами по поводу тех условий, в которые поставлены английские промышленные и земледельческие рабочие, или вздумает оптимистически успокаивать себя тем, что в Германии дело обстоит далеко не так плохо, то я должен буду заметить ему: De te fabula narratur (о тебе эта история рассказывается!).

Существенна здесь не более или менее высокая ступень развития тех общественных противоположностей, которые вытекают из естественных законов капиталистического производства. Существенны сами эти законы, сами эти тенденции, действующие и осуществляющиеся с железной необходимостью. Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего.

Но этого мало. Там, где у нас вполне установилось капиталистическое производство, например, на фабриках, в собственном смысле этого слова, наши условия гораздо хуже английских, так как отсутствует противовес в виде фабричных законов. Во всех остальных областях мы, как и другие страны западноевропейского континента, страдаем не только от развития капиталистического производства, но также и от недостатка его развития. Наряду с бедствиями современной эпохи нас гнетет целый ряд унаследованных бедствий, возникающих вследствие того, что продолжают прозябать стародавние, изжившие себя способы производства и соответствующие ему устарелые общественные и политические отношения. Мы страдаем не только от живых, но и от мертвых. Le mort saisit le vif (мертвый тащит за собою живого).

... Подобно тому как в XVIII столетии американская война за освобождение прозвучала набатным колоколом для среднего класса Европы, точно такую же роль по отношению к рабочему классу Европы сыграла американская гражданская война в XIX столетии. В Англии процесс переворота становится уже вполне осязательным. Достигнув известной ступени, он должен перекинуться на континент. Он примет здесь более жестокие или более гуманные формы, в зависимости от уровня развития самого рабочего класса. Таким образом, независимо от каких-либо мотивов более высокого порядка,

насущнейший интерес господствующих классов предписывает убрать все препятствия, стесняющие развитие рабочего класса, поскольку это достижимо законодательным путем. Потому-то я уделил в настоящем томе столь значительное место истории, содержанию и результатам английского фабричного законодательства. Всякая нация может и должна учиться у других. Правда, общество, раз оно напало на след естественного закона своего развития, — а конечной целью этой работы является раскрытие закона экономического развития современного общества, — не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов.

Маркс, Предисловие к первому изд. «Капитала». «Капитал», Гиз, 1923, XXXV — XXXVIII.

Мануфактура, воспроизводя внутри мастерской и систематически развивая до крайних пределов то естественное разделение промышленного труда, которое она находит в обществе, тем самым создает виртуозность (мастерство) частичных рабочих. С другой стороны, совершаемое ею превращение частичной работы в жизненное призвание одного человека соответствует стремлению прежних общественных формаций сделать ремесло наследственным, окостенить его в виде каст или в виде цехов, раз определенные исторические условия создают изменчивость индивидуумов, не допускающую образования каст. Касты и цехи возникают под влиянием такого же естественного закона, какой регулирует, например, распадение животных и растений на виды и разновидности, — с той лишь разницей, что на известной ступени развития наследственность каст и исключительность цехов декретируется, кроме того, в качестве общественного закона.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 317.

Всякий ребенок знает, что каждая нация погибла бы с голоду, если бы она приостановила работу, не говорю уже на год, а хотя бы на несколько недель. Точно так же известно всем, что для соответствующих различным массам потребностей масс продуктов требуются различные и количественно-определенные массы общественного совокупного труда. Очевидно само собой, что эта необходимость разделения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной *формой общественного производства*; измениться может лишь *форма ее проявления*. Законы природы вообще не могут быть уничтожены. Измениться, в зависимости от различных исторических условий, может лишь *форма*, в которой эти законы проявляются. А форма, в которой проявляется это пропорциональное распределение труда, при таком общественном устройстве, когда связь общественного труда существует в виде *частного обмена* индивидуальных продуктов труда,— эта форма и есть *меновая* стоимость этих продуктов.

Маркс, Письмо Кугельману от 11/VII 1868 г., «Письма М. и Э.», «Моск. раб.», 1923, 176—177.

... История развития общества в одном пункте существенно отличается от истории развития природы. Именно: в природе (поскольку мы оставляем в стороне обратное влияние на нее человека) действуют одна на другую лишь слепые, бессознательные силы, и общие законы проявляются лишь путем взаимодействия таких сил. Здесь нигде нет сознанной, желанной цели: ни в бесчисленных кажущихся случайностях, видимых на поверхности, ни в окончательных результатах, показывающих, что среди всех этих случайностей явления совершаются сообразно общим законам. Наоборот, в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, движимые умыслом или страстью, ставящие себе определенные цели. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желанной цели. Но как ни важно это различие для исторического исследования, — особенно отдельных эпох и событий, — оно нимало не изменяет того факта, что ход истории определяется общими законами. В самом деле, на поверхности явлений и в этой области, несмотря на сознанные и желанные цели людей, царствует, повидимому, случайность. Желанное совершается лишь в редких случаях; по большей же части цели, поставленные себе людьми, приходят во взаимные столкновения и противоречия или оказываются недостижимыми частью по своему существу, частью по недостатку средств. Столкновения бесчисленных отдельных стремлений и отдельных действий приводят в области истории к состоянию, совершенно подобному тому, которое господствует в бессознательной природе. Действия имеют известную желанную цель; но результаты, вытекающие из этих действий, часто вовсе не желательны. А если они, повидимому, и соответствуют желанной цели, то, в конце концов, они несут с собой далеко не одно то, что было желательно. Таким образом, кажется, что в общем случайность одинаково господствует и в исторической области. Но где на поверхности господствует случайность, там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам. Все дело в том, чтобы открыть эти законы.

Каков бы ни был ход истории, люди делают ее так: каждый преследует свои собственные сознательные цели, а в результате множества действующих по различным направлениям стремлений и их разнообразных воздействий на внешний мир получается история. Вопрос сводится, стало быть, и к тому, чего хочет это множество отдельных лиц. Воля определяется страстью или умыслом. Но те влияния, которыми, в свою очередь, непосредственно определяется страсть или умысел, далеко неодинаковы. Иногда они исходят от внешних предметов, иногда — от идеальных двигателей: честолюбия, «восторженной любви к истине и праву», личной ненависти или даже всякого рода прихотей. Но, с одной стороны, мы уже видели, что действующие в истории многие единичные стремления в большинстве случаев ведут за собой совсем не те последствия, какие имелись в виду. Очень часто эти последствия прямо противоположны желаниям деятелей. И уже по одному этому, побуждения, двигающие деятелей, имеют, в последнем счете, лишь второстепенное значение. А с другой стороны,

является новый вопрос о том, каковы же те силы, которые дали воле людей то или иное направление, каковы те исторические причины, которые отразились в головах деятелей в виде данных побуждений.

Старый материализм никогда не задавался таким вопросом. Взгляд его на историю,— поскольку он имел такой взгляд,— был существенно *прагматический*: он судил об исторических событиях сообразно побуждениям деятелей, делил этих деятелей на честных и плутов и находил, что в большинстве случаев честные оказывались в дураках, а плуты торжествовали. Из этого обстоятельства для него вытекал лишь тот вывод, что в истории очень мало назидательного, а для нас вытекает тот, — что в исторической области старый материализм изменял себе, считая действующие там идеальные побудительные силы последними причинами событий, вместо того, чтобы исследовать, что за ними кроется, каковы побудительные силы этих побудительных сил. Не в том состояла его непоследовательность, что он признавал существование *идеальных* побудительных сил, а в том, что он остановился на них, не стремясь проникнуть дальше, дойти до причин, создавших эти силы. Напротив, философия истории, особенно в лице Гегеля, признавала, что как явные, выставленные напоказ, так и действительные тайные побуждения исторических деятелей вовсе не представляют собой последних причин исторических событий, что за этими побуждениями стоят другие двигатели, которые и надо изучать. Но философия истории искала этих двигателей не в истории; она привносила их туда извне, из философской идеологии. Так, например, вместо того, чтобы стараться объяснить историю Греции внутренней связью ее собственных событий, Гегель просто-напросто объявляет, что эта история есть не что иное, как выработка «прекрасной индивидуальности», осуществление «художественного произведения» и т. п. По этому случаю он делает много прекрасных, глубоких замечаний о древних греках, но тем не менее, мы в настоящее время уже не довольствуемся подобными объяснениями, представляющими собою одни только фразы.

Когда заходит речь об исследовании тех причин, от которых — сознательно или бессознательно,— зависели побуждения исторических деятелей и которые были, стало быть, истинными последними причинами исторических событий, то надо иметь в виду не столько побуждения отдельных лиц, хотя бы и самых замечательных, сколько те побуждения, которые приводят в движение большие массы: целые народы или целые классы данного народа. Да и здесь важны не кратковременные взрывы, не скоропреходящие вспышки, а продолжительные движения, причиняющие великие исторические перемены. Искать тех причин, которые ясно или неясно, непосредственно или в идеологической, может быть даже в фантастической, форме отражаются, как сознательные побуждения, в головах массы и ее вожаков, так называемых великих людей, — значит выступить на единственный путь, ведущий к познанию законов, господствующих в истории вообще и в ее отдельных периодах или в отдельных странах. В головах людей непременно отражается

все то, что побуждает их к деятельности, но к а к отражается — это зависит от обстоятельств. Рабочие не разрушают теперь машин, как они делали это еще в 1848 г. на Рейне. Но это вовсе не значит, что они примирились с капиталистическим применением машин.

Между тем как прежде исследование последних причин исторических событий было почти невозможно вследствие того, что внутренняя связь этих событий была очень затемнена и запутана, в наше время связь эта до такой степени упростилась, что решение загадки стало, наконец, возможным. Со времени введения крупной промышленности, т. е. стало быть, по крайней мере, со времени европейского мира 1815 г., в Англии ни для кого уже не было тайной, что центром тяжести всей политической борьбы в этой стране являлись стремления к господству двух классов: землевладельческой аристократии (landed aristocracy), с одной стороны, и буржуазии (middle class) — с другой. Во Франции со времени восстановления Бурбонов проникло в сознание то же самое явление. Историки того времени, от Тьерри до Гизо, Минье и Тьера, постоянно указывают на него, как на ключ к пониманию французской истории, начиная с средних веков. А с 1830 г. в обеих этих странах рабочий класс, пролетариат, признан был третьим борцом за господство. Общественные отношения так упростились, что только люди, умышленно закрывавшие глаза, могли не видеть, что в борьбе этих трех больших классов и в столкновениях их интересов заключается пружина всей новейшей истории, по крайней мере, в двух самых передовых странах.

Энгельс, Людвиг Фейербах, «Кр. Новь», 1923, 65—68.

Продолжая свои критические замечания, Штаммлер говорит, что если бы общественное развитие совершалось исключительно в силу причинной необходимости, то было бы явной бессмыслицей всякое сознательное стремление содействовать ему. По его словам, тут может быть только одно из двух: или я считаю данное явление необходимым, т. е. неизбежным, и тогда мне нет никакой надобности содействовать ему; и л и же моя деятельность нужна для того, чтобы могло произойти это явление, и тогда оно не может быть названо необходимым. Кто стремится к тому, чтобы содействовать необходимому, т. е. неизбежному восходу солнца?

Тут с поразительной ясностью обнаруживается дуализм, свойственный людям, воспитанным на Канте: мышление всегда оторвано у них от бытия.

Восход солнца не связан с общественными отношениями людей ни как причина, ни как следствие. Поэтому его можно противопоставлять, как явление природы, сознательным стремлениям людей, тоже не имеющим с ними никакой причинной связи. Не то с общественными явлениями, — с историей. Мы уже знаем, что история делается людьми; стало быть, человеческие стремления не могут не быть фактором исторического движения. Но история делается людьми так, а не иначе, вследствие известной необхо-

димости, о которой мы уже достаточно распространялись выше. Раз дана эта необходимость, *то даны, как ее следствие и те стремления людей, которые являются неизбежным фактором общественного развития*. Стремления людей не исключают необходимости, а сами определяются ею. Значит и противопоставление их необходимости есть большой грех против логики.

Когда данный класс, стремясь к своему освобождению, совершает общественный переворот, он поступает при этом более или менее целесообразно, и, во всяком случае, его деятельность является *причиной* этого переворота. Но эта деятельность, со всеми теми стремлениями, которые ее вызвали, сама есть *следствие* известного хода экономического развития и потому сама определяется *необходимостью*.

Социология становится наукой лишь в той мере, в какой ей удается понять возникновение целей у общественного человека... как необходимое следствие общественного процесса, обусловливаемого в последнем счете ходом экономического развития.

И очень характерно то обстоятельство, что последовательные противники материалистического объяснения истории видят себя вынужденными доказывать *невозможность социологии как науки*. Это значит, что *«критицизм» становится теперь препятствием для дальнейшего научного развития нашего времени*. Для людей, старающихся найти научное объяснение истории философских теорий, тут представляется интересная задача: определить, каким образом эта роль «критицизма» связана с борьбою классов в современном обществе.

Если я стремлюсь принять участие в таком движении, торжество которого кажется мне исторически необходимым, то это значит только то, что я и на свою собственную деятельность смотрю, как на необходимое звено в цепи тех условий, совокупность которых необходимо обеспечит торжество дорогого для меня движения. Не больше и не меньше. Это непонятно дуалисту. Но это вполне ясно человеку, усвоившему себе теорию *единства субъекта и объекта* и понявшему, каким образом обнаруживается это единство в общественных явлениях.

В высшей степени достойно замечания, что теоретики протестантизма в Северной Америке просто не понимают, как видно, того противопоставления свободы необходимости, которое так занимало и занимает многих идеологов европейской буржуазии. А. Баржи говорит, что «в Америке самые положительные из наставников по части энергии (professeurs d'energie) очень мало склонны к признанию свободы воли». Он объясняет это тем, что они, как люди действия, предпочитают «фаталистические решения». Но он ошибается. Фатализм тут ни при чем. И это видно из его же собственного замечания о моралисте Джонатане Эдуардсе: «Точка зрения Эдуардса... это — точка зрения всякого человека действия. Для всякого, кто хоть раз в жизни преследовал определенную цель, свобода есть способность вложить всю свою душу в преследование этой цели». Это очень хорошо сказано и это очень

похоже на гегелевское «не хочет ничего, кроме себя». Но когда человек «не хочет ничего, кроме себя», тогда он совсем не фаталист; тогда он — именно и только — человек действия.

Кантианство — не философия борьбы, не философия людей действия. Это — философия половинчатых людей, философия компромисса.

Энгельс говорит, что средства для устранения существующего общественного зла должны быть открыты в данных материальных условиях производства, а не придуманы тем или другим общественным реформатором. Штамммлер соглашается с этим, но упрекает Энгельса в неясности мысли, так как вопрос-то, по его мнению, именно в том и состоит, «с помощью какого метода должно быть сделано это открытие». Это возражение, свидетельствующее лишь о неясности Штамммлеровой мысли, устраняется простым указанием на то, что, хотя характер «метода» определяется в таких случаях множеством разнообразнейших «факторов», но все эти «факторы» могут быть в конце концов приурочены к ходу экономического развития. Само появление теории Маркса обусловлено было развитием капиталистического способа производства, между тем как преобладание утопизма в домарксовском социализме вполне понятно в таком обществе, которое страдало не только от развития указанного способа производства, но также,— и едва ли не больше того,— от недостатка этого развития.

Распространяться об этом излишне. Но, может быть, читатель не посетует на нас, если мы, заканчивая эту статью, обратим его внимание на то, как тесно связан тактический «метод» Маркса и Энгельса с основными положениями их исторической теории.

Мы уже знаем, что, согласно этой теории, человечество всегда ставит себе только разрешимые задачи, «ибо... самая задача является лишь там, где материальные условия ее решения уже существуют или находятся в процессе своего возникновения». Но там, где эти условия уже существуют, положение дел совсем не таково, как там, где они только еще «находятся в процессе своего возникновения». В первом случае уже наступило время для «скачка», во втором — «скачок» остается пока делом более или менее отдаленного будущего, «конечной целью», приближение которой подготовляется рядом «постепенных изменений» во взаимных отношениях общественных классов. Какова же должна быть роль новаторов в ту эпоху, когда «скачок» еще невозможен. Очевидно, им остается содействовать «постепенным изменениям», т. е., говоря иначе, они должны добиваться реформ. Таким образом, находят себе место как «конечная цель», так и реформы, и самое противопоставление реформы «конечной цели» лишается всякого смысла, отступает в область утопических преданий. Кто бы ни делал такое противопоставление,— немецкий «ревизионист» вроде Эдуарда Бернштейна, или итальянский «революционный синдикалист» вроде тех, которые заседали на последнем синдикалистском конгрессе в Ферраре — он в одинаковой

мере показывает свою неспособность понять дух и метод современного научного социализма. Это полезно напомнить теперь, когда и реформизм, и синдикализм позволяют себе говорить во имя Маркса.

И каким здоровым оптимизмом веет от этих слов: «человечество всегда ставит себе только разрешимые задачи!». Они не означают, конечно, что хорошо каждое решение великих задач человечества, предлагаемое первым встречным утопистом. Иное дело — утопист, а иное дело — «человечество», или, точнее, общественный класс, представляющий в данное время великие интересы человечества. Тот же Маркс очень хорошо сказал: «чем глубже захватывается жизнь данным историческим действием, тем более растут размеры массы, совершающей это действие». Этим окончательно осуждается утопическое отношение к великим историческим задачам. И если Маркс все-таки думал, что человечество не ставит себе неразрешимых задач, то с теоретической стороны эти его слова представляют собою лишь новое выражение мысли об единстве субъекта и объекта в ее приложении к процессу исторического развития, а со стороны практической они выражают ту спокойную, мужественную веру в достижение «конечной цели», которая заставила когда-то нашего незабвенного Н. Г. Чернышевского горячо воскликнуть:

«Пусть будет, что будет, а будет все-таки на нашей улице праздник!».

Плеханов, Основные вопросы марксизма, соч., XVIII, Гиз, 1925, 244—247.

в. РОЛЬ ТРУДА В ПРОЦЕССЕ ОБРАЗОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Франклин назвал человека «животным, делающим орудия». Употребление и производство орудий, действительно, составляет отличительную черту человека. Дарвин оспаривает то мнение, по которому только человек и способен к употреблению орудий; он приводит много примеров, показывающих, что в зачаточном виде употребление их свойственно многим млекопитающим. И он, разумеется, совершенно прав с своей точки зрения, т. е. в том смысле, что в пресловутой «природе человека» нет ни одной черты, которая не встречалась бы у того или другого вида животных, и что, поэтому, нет решительно никакого основания считать человека каким-то особенным существом, выделять его в особое «царство». Но не надо забывать, что количественные различия переходят в качественные. То, что существует как зачаток у одного животного вида, может стать отличительным признаком другого вида животных. Это в особенности приходится сказать об употреблении орудий. Слон ломает ветви и отмахивается ими от мух. Это интересно и поучительно. Но в истории развития вида «слон» употребление веток в борьбе с мухами, наверное, не играло никакой существенной роли: слоны не потому стали слонами, что их более или менее слоноподобные предки обмахивались ветками. Но не то с человеком.

Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, соч., VII, Гиз, 1923, 162—163.

Доказывая, что условия жизни влияют на организацию животных, Ламарк делает замечание, которое полезно будет напомнить здесь во избежание недоразумений. «Тот, кто не пойдет дальше буквального смысла моих слов, — говорит он, — припишет мне ошибочный взгляд. Ибо, каковы бы ни были условия жизни, они не вызывают в форме и организации животных никакого непосредственного изменения». Благодаря значительным переменам в условиях жизни у животных являются новые, отличные от прежних, нужды. Если эти новые нужды остаются очень продолжительное время, то они ведут к появлению новых привычек. «А раз новые условия жизни... привели к появлению у животных новых привычек, т. е. побудили их к новым действиям, ставшим привычными, — в результате окажется предпочтительное упражнение одних органов и, иногда, полное отсутствие упражнения для других частей, ставших бесполезными». Усиление упражнения или отсутствие его не останутся без влияния на строение органов, а следовательно, и всего организма. Вот так же надо понимать и влияние экономических и вытекающих из них других нужд на психологию народа. Тут происходит медленный процесс приспособления вследствие упражнения или неупражнения; а наши противники «экономического» материализма воображают, будто, по мнению Маркса, люди, при появлении у них новых нужд, тотчас же и умышленно перестраивают свои взгляды. Понятно, что это кажется им нелепостью. Но сами же они и придумали эту нелепость: у Маркса нет ничего подобного. Вообще возражения этих мыслителей напоминают нам следующую победоносную аргументацию одного священника против Дарвина: «Дарвин говорит: бросьте курицу в воду, у нее вырастет плавательная перепонка. Я же утверждаю, что курица просто потонет».

Плеханов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, соч., VII, Гиз, 1923, 206—207, примечание.

И человек возник путем дифференцирования, и не только в индивидуальном смысле, т. е. так, что из одной единственной клетки развивается, путем дифференцирования, сложнейший из существующих в природе организмов, но и в историческом смысле. Когда после тысячелетних попыток произошла, наконец, дифференциация руки от ноги и установилась прямая походка, то человек обособился от обезьяны, и была заложена основа для развития членораздельной речи и для мощного развития мозга, благодаря которому образовалась с тех пор непроходимая пропасть между человеком и обезьяной. Развитие специфических функций руки означает появление орудия, а орудие означает специфически человеческую деятельность, преобразующее воздействие человека на природу, производство. И животные имеют орудия в узком смысле слова, но лишь в виде членов своего тела, как это можно утверждать о муравьях, пчелах, бобрах; и животные производят, но их производительное воздействие на окружающую природу равно нулю. Лишь человеку удалось наложить свою печать на природу: он не только переместил растительные и животные миры, но изменил также вид и климат

своего местопребывания и изменил даже растения и животных до того, что результаты его деятельности могут исчезнуть лишь вместе с гибелью всего земного шара.

И этого он добился прежде всего и главным образом благодаря р у к е. Даже паровая машина, являющаяся до сих пор самым могущественным его орудием при преобразовании природы, в последнем счете, будучи орудием, основывается на руке. Но параллельно с развитием руки развивалась и голова, зарождалось сознание — сперва отдельных практических, полезных действий, а впоследствии, на основе этого, у народов, находившихся в более благоприятных условиях, понимание обусловливающих эти полезные действия законов природы. А вместе с быстро растущим познанием законов природы росли и средства воздействия на природу; при помощи одной руки люди не создали бы паровой машины, если бы наряду с рукой и отчасти благодаря ей не развился соответственным образом и мозг.

Вместе с человеком мы вступаем в область истории. И животные обладают историей, именно историей своего происхождения и постепенного развития до своего теперешнего состояния. Но эта история делается помимо них, для них, а поскольку они сами принимают в этом участие, это происходит без их ведома и желания. Люди же, чем больше они удаляются от животных в тесном смысле слова, тем более они начинают делать сами сознательно свою историю, тем меньше становится влияние на эту историю непредвиденных факторов, неконтролируемых сил и тем более соответствует результат исторического действия установленной заранее цели. Но если мы подойдем с этим масштабом к человеческой истории, даже к истории самых развитых народов современности, то мы найдем, что здесь все еще существует колоссальная дисгармония между поставленными себе целями и достигнутыми результатами, что попрежнему доминируют непредвиденные влияния, что неконтролируемые силы гораздо могущественнее, чем приводимые планомерно в движение силы. И это не может быть иначе до тех пор, пока самая важная историческая деятельность человека, та деятельность, благодаря которой человечество вышло из животного состояния, которая образует материальную основу всех прочих видов деятельности человека, пока производство, направленное на удовлетворение жизненных потребностей человечества, т. е. в наше время общественное производство, предоставлено слепой игре непредвиденных воздействий неконтролируемых сил, и пока, следовательно, поставленная себе заранее цель осуществляется лишь в виде исключения, гораздо же чаще осуществляются противоположные ей результаты. В самых передовых, промышленных странах мы смирили силы природы, поставив их на службу человечеству; мы, благодаря этому, безмерно увеличили производство, так что теперь ребенок производит больше, чем раньше сотня взрослых людей. Но каковы же результаты этого роста производства? Растущий прибавочный труд, растущая нищета масс и каждые десять лет огромный крах. Дарвин не понимал, какую он написал горькую сатиру на людей и в особенности на своих земляков, когда он доказал, что

свободная конкуренция, борьба за существование — прославляемая экономистами, как величайшее историческое завоевание — является нормальным состоянием животного мира. Лишь сознательная организация общественного производства, в которой происходит планомерное производство и потребление, может поднять людей над прочими животными в общественном отношении так, как их подняло производство вообще в специфическом смысле. Благодаря общественному развитию подобная организация становится с каждым днем все возможнее. От нее будет датировать новая историческая эпоха, в которой люди, а вместе с ними все отрасли их деятельности, и в частности естествознание, сделают такие успехи, что все совершенное до того покажется только слабой тенью.

Энтельс, Диалектика природы, Архив М. и Э., кн. 2, Гиз, 1925, 169—173.

Труд — источник всякого богатства, утверждают экономисты. Труд, действительно, является таковым наряду с природой, доставляющей ему материал, который он превращает в богатство. Но он и нечто бесконечно большее, чем это. Он первое основное условие человеческого существования,— и это в такой мере, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека.

Много сотен тысячелетий тому назад, в еще не поддающуюся точному определению эпоху того периода в развитии земли, который геологи называют третичным, предположительно к концу этого периода, жила где-то в жарком поясе — по всей вероятности, на обширном материке, ныне находящемся на дне Индийского океана, — необычайно высокоразвитая порода человекоподобных обезьян. Дарвин дал нам приблизительное описание этих наших предков. Они были сплошь покрыты волосами, имели бороды и остроконечные уши и жили стадами на деревьях.

Первым следствием обусловленного их образом жизни обычного им способа передвижения (лазить, карабкаться), при котором руки выполняют совсем другие функции, чем ноги, было то, что эти обезьяны постепенно перестали пользоваться руками при передвижении по поверхности земли, стали усваивать прямую походку. Этим был сделан решительный шаг для перехода от обезьяны к человеку.

Все еще ныне живущие человекоподобные обезьяны могут стоять прямо и двигаться при посредстве одних ног, но только кое-как и беспомощно. Их естественное передвижение совершается в полувыпрямленном положении и предполагает употребление рук. Большинство из них упираются тыльными сторонами сжатых в кулак пальцев рук в землю и продвигают тело, с поднятыми в воздух ногами, между длинными руками, подобно хромому, двигающемуся при помощи костылей. В общем мы и теперь еще можем наблюдать у обезьян все переходные ступени от хождения на четвереньках до хождения на двух ногах. Но ни у одной из них последнее не стало нормальной формой передвижения.

Чтобы прямая походка могла стать у наших волосатых предков сначала правилом, а потом и необходимостью, нужно было, чтобы руки уже раньше специализировались на других функциях. Уже у обезьян существует известное разделение функций между руками и ногами. Как уже раньше замечено было, при лазании пользуются руками иначе, чем ногами. Первыми пользуются преимущественно для целей собирания и удержания пищи, как это уже делают некоторые низшие млекопитающие при помощи своих передних лап. При помощи рук некоторые обезьяны строят себе гнезда на деревьях или даже, как шимпанзе, навесы между ветвями для защиты от непогоды. Руками они схватывают дубины для защиты от врагов или бомбардируют последних плодами и камнями. При помощи рук они выполняют в плену целый ряд простых операций, подражая соответствующим действиям людей. Но именно тут-то и обнаруживается, как велико расстояние между неразвитой рукой даже наиболее подобных человеку обезьян и усовершенствованной трудом сотен тысячелетий человеческой рукой. Число и общее расположение костей и мускулов сходно у обоих, и тем не менее даже рука первобытнейшего дикаря способна выполнить сотни работ, недоступных никакой обезьяне. Ни одна обезьянья рука не изготовила когда-либо хоть бы самого грубого каменного ножа.

Поэтому операции, к которым наши предки в эпоху перехода от обезьяны к человеку, на протяжении многих тысячелетий, постепенно научились приспособлять свои руки, могли быть вначале только очень простыми. Самые низшие дикари, даже такие, у которых приходится предположить возврат к звероподобному состоянию с одновременным физическим вырождением, все же стоят выше тех промежуточных существ. До того, как первый булыжник, при помощи человеческих рук, мог превратиться в нож, должен был, пожалуй, пройти такой длинный период времени, что в сравнении с ним знакомый нам исторический период является совершенно незначительным. Но решительный шаг был сделан, *рука стала свободной* и могла совершенствоваться в ловкости и мастерстве, а приобретенная этим большая гибкость передавалась по наследству и умножалась от поколения к поколению.

Рука, таким образом, является не только органом труда, *она также его продукт*. Только благодаря труду, благодаря приспособлению ко все новым операциям, благодаря передаче по наследству достигнутого таким путем особенного развития мускулов, связок и за более долгие промежутки времени также и костей, так же как благодаря все новому применению этих передаваемых по наследству усовершенствований к новым, все более сложным операциям, — только благодаря всему этому человеческая рука достигла той высокой ступени совершенства, на которой она смогла, как бы силой волшебства, вызвать к жизни картины Рафаэля, статуи Торвальдсена, музыку Паганини.

Но рука не была чем-то самодовлеющим. Она была только одним из членов целого, необычайно сложного организма. И то, что шло на пользу

руке, шло также на пользу всему телу, которому она служила, и шло на пользу в двояком отношении.

Прежде всего, в силу того закона, который Дарвин назвал законом соотношения роста. Согласно этому закону, известные формы отдельных частей органического существа всегда связаны с определенными формами других частей, которые, повидимому, ни в какой связи с первыми не стоят. Так, например, все без исключения животные, которые обладают красными кровяными клетками без клеточного ядра, и у которых затылок соединен с первым позвонком при помощи двух суставов, обладают также молочными железами для кормления детенышей. Так, у млекопитающих животных разделенные копыта обыкновенно связаны с обладанием сложным желудком для производства жвачки. Изменения известных форм влекут за собой изменение формы других частей тела, хотя мы еще не в состоянии объяснить эту связь. Совершенно белые кошки с голубыми глазами всегда или почти всегда оказываются глухими. Постепенное усовершенствование человеческой руки и идущее рядом с этим развитие и приспособление ноги к прямой походке, несомненно оказало, в силу закона соотношения, влияние и на другие части организма. Однако этого рода зависимость еще слишком мало исследована, и мы вынуждены ограничиться здесь одним лишь констатированием этого факта.

Значительно важнее прямое, поддающееся учету, воздействие развития руки на остальной организм. Наши предки — обезьяны, как уже сказано,— были общественными животными; вполне очевидно, что нельзя выводить происхождение человека, этого наиболее общественного из всех животных, от необщественных ближайших предков. Начинавшееся, вместе с развитием руки и труда, господство над природой расширяло с каждым новым шагом кругозор человека. В предметах природы он постоянно открывал новые, до того неизвестные свойства. С другой стороны, развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стала ясней польза этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась потребность что-то сказать друг другу. Потребность создала себе орган: неразвитая глотка обезьяны преобразовывалась медленно, но неуклонно, путем постепенно усиливаемых модуляций, и органы рта постепенно научились произносить один членораздельный звук за другим *.

Что это объяснение развития языка из процессов труда и вместе с ним является единственно верным, доказывает сравнение с животными. То немногое, что эти последние, даже наиболее развитые из них, имеют сообщить

* К вопросу о происхождении речи — при разборе процесса очеловеченья— см. выше отрывок из работы Маркса и Энгельса «О Л. Фейербахе», с. 74.— *Прим. сост.*

друг другу, может быть сообщено и без помощи членораздельной речи. В естественном состоянии ни одно животное не испытывает неудобства от неумения говорить или понимать человеческую речь. Совсем иное, когда оно приручено человеком. Собака и лошадь развили в себе, благодаря общению с людьми, такое чуткое ухо по отношению к членораздельной речи, что, в пределах свойственного им круга представлений, они научаются понимать всякий язык. Они, кроме того, приобрели способность к таким переживаниям, как чувство привязанности к человеку, чувство благодарности, которые раньше им были чужды. Всякий, кому приходилось иметь дело с такими животными, едва ли будет отрицать, что теперь часто бывают случаи, когда они ощущают, как недостаток, свою неспособность к членораздельной речи. К сожалению, однако, их голосовые органы настолько уже специализированы в определенном направлении, что этому горю их никак помочь нельзя. Там, однако, где условия органа для этого более благоприятны, эта неспособность, в известных границах, может исчезнуть. Голосовые органы птиц отличаются, конечно, радикально от соответствующих органов человека. Тем не менее, птицы являются единственными животными, которые могут научиться говорить, и именно птица с наиболее отвратительным голосом, попугай, обладает этой способностью в наибольшей мере. И пусть на это не возражают, что попугай не понимает того, что он говорит. Правда, конечно, что из одной любви к процессу говорения, как к обществу людей, попугай будет целыми часами бессмысленно повторять весь свой запас слов. Но в пределах своего круга представлений он может научиться также понимать то, что говорит. Научите попугая бранным словам так, чтобы он усвоил себе их значение (одно из главных развлечений возвращающихся из жарких стран матросов), попробуйте его затем дразнить, и вы скоро откроете, что он так же верно применяет свои бранные слова, как берлинская торговка. Точно так же при выклянчивании лакомств.

Сначала труд, а затем и рядом с ним членораздельная речь явились самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны мог постепенно превратиться в человеческий мозг, который, при всем сходстве в основной структуре, превосходит первый величиной и совершенством. С развитием же мозга шло параллельно развитие его ближайших орудий — органов чувств. Как постепенное развитие языка неизменно сопровождается соответствующим утончением органа слуха, точно так же развитие мозга сопровождается усовершенствованием всех чувств вообще. Орлиный глаз видит значительно дальше человеческого глаза, но человеческий глаз замечает в вещах значительно больше, чем глаз орла. Собака обладает значительно более тонким обонянием, чем человек, но она не различает и сотой доли тех запахов, которые для человека являются известными признаками различных вещей. И чувство осязания, которым обезьяна обладает в грубой, неразвитой форме, развилось у человека рядом с развитием самой руки, при посредстве труда. Обратное влияние развития мозга и подчиненных ему чувств, все более и более проясняющегося сознания, способности к абстрак-

ции и к умозаключению, на труд и язык давала обоим все новый толчок к дальнейшему развитию. Этот процесс развития не приостановился с момента окончательного отделения человека от обезьяны, но у различных народов и в различные времена, различно по степени и направлению, местами даже прерываемый попятным движением, в общем и целом могуче шествовал вперед, сильно подгоняемый, с одной стороны, а с другой — толкаемый в более определенном направлении новым элементом, возникшим с появлением готового человека,— о б щ е с т в о м.

Сотни тысяч лет — в истории земли имеющие не большее значение, чем секунда в жизни человека *,— наверное протекли, прежде чем возникло человеческое общество из стада карабкающихся по деревьям обезьян. Но все же оно, наконец, появилось. И в чем же мы снова находим характерный признак человеческого общества, отличающий его от стада обезьян? В т р у д е. Стадо обезьян довольствовалось тем, что пожирало готовые от природы запасы пищи, размеры которых определялись географическими условиями или степенью сопротивления соседних стад. Оно кочевало с места на место, добиваясь, путем борьбы, новой, богатой кормом области, но оно было неспособно извлечь из доставляющей ей корм области больше того, что эта область давала от природы, за исключением разве того, что это стадо бессознательно удобряло почву своими экскрементами. Как только все области, богатые кормом, были заняты, рост обезьяньего населения должен был приостановиться; в лучшем случае, это население численно могло остаться на одном и том же уровне. Но все животные в высшей степени расточительны в отношении предметов питания и притом часто уничтожают в зародыше их естественный прирост. Волк, в противоположность охотнику, не щадит козули, которая в ближайшем году должна была бы доставить ему козлят; козы в Греции, которые пожирают все мелкие кустарники, не давая им подрасти, оголили все горы страны. Это «хищническое хозяйство» животных играет важную роль в процессе постепенного изменения видов, так как оно заставляет их приспособляться к новым, необычным родам пищи, благодаря чему кровь приобретает другой химический состав, и вся физическая конституция постепенно становится иной, виды же, установившиеся раз навсегда, вымирают. Нет никакого сомнения, что это хищническое хозяйство необычайно способствовало очеловечению наших предков. У той расы обезьян, которая превосходила все остальные смышленостью и приспособляемостью, это хищническое хозяйство должно было привести к тому, что все большее и большее количество новых растений, а из этих растений все большее количество съедобных частей стало употребляться в пищу, одним словом, к тому, что пища стала более разнообразной, следствием чего было проникновение в организм все более разнообразных эле-

* Авторитет первого ранга в этой области В. Томсон вычислил, что н е м н о г и м б о л е е с о т н и м и л л и о н о в лет, вероятно, прошло с тех пор. П л е х а н о в, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. *Прим. авт.*

ментов, создавших химические предпосылки очеловечения. Но тут еще труд, в собственном смысле слова, не играл никакой роли. Процесс труда начинается только при изготовлении орудий. А что представляют собой наиболее древние орудия, которые мы находим,— наиболее древние, судя по найденным при раскопках предметам утвари доисторических людей и образу жизни наиболее ранних исторических народностей и наиболее примитивных современных дикарей? Эти орудия представляют собою орудия охоты и рыболовства, первые являются одновременно и предметами вооружения. Но охота и рыболовство предполагают переход от исключительного употребления растительной пищи к потреблению наряду с ней и мяса, а это знаменует собой новый важный шаг на пути к очеловечению. Мясная пища содержит в почти готовом виде наиболее важные элементы, в которых нуждается организм для своего обмена веществ. Мясная пища сократила как процесс пищеварения, так и продолжительность других, соответствующих явлениям растительного царства, растительных процессов в организме и сберегла этим больше времени, элементов и энергии для активного выявления животной, в собственном смысле слова, жизни. И чем больше формирующийся человек удалялся от растительного царства, тем более он возвышался также над животным. Как приучение диких кошек и собак к потреблению растительной пищи рядом с мясной способствовало тому, что они стали слугами человека, так и приучение к мясной пище рядом с растительной чрезвычайно способствовало увеличению физической силы и самостоятельности формирующегося человека. Наиболее существенное влияние, однако, мясная пища оказала на мозг, получивший, благодаря ей, в большем количестве, чем раньше, вещества, в которых он нуждается для своего питания и развития, что дало ему возможность быстрей и полней совершенствоваться из поколения в поколение. Рискуя навлечь на себя гнев господ-вегетарианцев, приходится признать, что мясная пища явилась необходимой предпосылкой развития человека, и если потребление мясной пищи у всех известных нам народов в то или иное время влекло за собой даже людоедство (предки берлинцев, Велатабы, или Вильцы, еще в X столетии поедали своих родителей), то нам теперь до этого нет никакого дела.

Введение в потребление мясной пищи привело к двум усовершенствованиям, имеющим огромное значение: к пользованию огнем и к приручению животных. Первое сократило еще более процесс пищеварения, так как оно доставляло рту, так сказать, уже полупереваренную пищу; второе обогатило запасы мясной пищи, так как наряду с охотой оно открыло новый источник, откуда ее можно было регулярно черпать, и доставило, в виде молока и его продуктов, новый, по разнообразию элементов, равноценный мясу предмет питания. Таким образом, оба эти усовершенствования стали непосредственно средствами эмансипации для человека. Останавливаться здесь подробно на их косвенных последствиях, как ни важны они были для развития человека и общества, мы не можем, так как это отвлекло бы нас слишком в сторону.

Подобно тому, как человек научился потреблять все съедобное, он научился также жить во всяком климате. Он рассеялся по всему обитаемому миру, он единственное животное, которое в состоянии было это сделать. Другие животные, сумевшие повсюду акклиматизироваться, делали это не самостоятельно, а следуя за человеком, как, например, домашние животные и насекомые. И переход от равномерно жаркого климата первоначальной родины в более холодные страны, где год делится между зимой и летом, создал новые потребности, потребности в жилище и платье для защиты от холода и сырости, создал, таким образом, новые области труда, новые формы активности, которые все более отдаляли человека от животного.

Благодаря совместной работе руки, органов речи и мозга, не только у каждого индивидуума, но и в обществе, люди приобрели способность выполнять все более сложные операции, ставить себе все более высокие цели и достигать их. Процесс труда становился от поколения к поколению более разнообразным, более совершенным, более многосторонним. К охоте и скотоводству прибавилось земледелие, затем прядение, ткачество, обработка металлов, гончарное ремесло, судоходный промысел. Наряду с торговлей и промыслами появились искусство и наука. Из племен развились нации и государства. Развились право и политика, а вместе с ними то фантастическое отражение человеческого бытия в человеческой голове, которое представляет собой религия. Перед всеми этими образованиями, которые представлялись сначала продуктами головы, господствующими над обществом, отступали на задний план более скромные произведения человеческой руки, тем более, что голова, имевшая задачу составлять планы для трудовых операций, уже на очень ранней ступени развития (например: уже в первобытной семье) имела возможность заставить чужие руки заняться практическим выполнением своих предначертаний. В голове, в развитии и деятельности мозга видели единственных двигателей быстро развивающейся цивилизации. Люди привыкли при объяснении своих действий исходить из своего мышления, а не из своих потребностей (которые, конечно, отражаются в голове, осознаются), и, таким образом, возникло с течением времени то идеалистическое миросозерцание, которое с эпохи падения античного мира владело умами. Оно владеет и теперь ими в такой мере, что даже материалистически мыслящие естествоиспытатели из школы Дарвина не могут себе составить ясного представления о происхождении человека, так как, в силу влияния этого идеалистического миросозерцания, они не видят роли, которую играл при этом труд.

Животные, как уже было вскользь упомянуто, изменяют своей деятельностью внешнюю природу так же, если и не в такой же мере, как человек, и эти совершаемые ими изменения окружающего оказывают, как мы видим, обратное влияние на виновников этих изменений. Ибо в природе ничто не совершается обособленно. Каждое явление воздействует на другое и обратно, и в забвении факта этого всестороннего движения и взаимодействия и кроется в большинстве случаев то, что мешает нашим естество-

испытателям видеть ясно самые простые вещи. Мы видели, как козы сделали невозможным новое облесение Греции; на св. Елене козы и свиньи, привезенные первыми колонистами, сумели истребить без остатка всю старую растительность острова и этим подготовили почву для распространения других, привезенных позднее шкиперами и колонистами растений. Но если животные оказывают прочное влияние на окружающую природу, то это происходит без всякого намерения с их стороны и является по отношению к этим самым животным чем-то случайным. Чем более, однако, люди отдаляются от животных, тем более их процесс воздействия на природу принимает характер преднамеренных, планомерных, направленных к определенным, заранее намеченным целям, действий. Животное уничтожает растительность какой-нибудь местности, не ведая, что творит. Человек же ее уничтожает, чтобы на освободившейся почве посеять полевые плоды, насадить деревья или разбить виноградник, которые — он это знает — вознаградят сторицей его труд. Он переносит культурные растения и домашних животных из одной страны в другую и изменяет таким образом флору и фауну целых частей света. Более того. При помощи разных искусственных приемов выращивания растения и животные так изменяются под рукой человека, что они становятся неузнаваемыми. Те дикие растения, от которых ведут свое происхождение наши хлебные культуры, еще до сих пор не найдены. От какого дикого животного происходят наши, между собой столь различные, собаки или наши многочисленные лошадиные породы, — является еще и по сию пору спорным.

Ясно, впрочем, само собой, что мы не думаем отрицать у животных способность к планомерным, преднамеренным действиям. Напротив, планомерный образ действий существует в зародыше везде, где есть протоплазма, где живой белок существует и реагирует, т. е. совершает хотя бы самые простые движения, как следствие определенных раздражений извне. Такая реакция имеет место уже там, где еще нет никакой клетки, не говоря уже о нервной клетке. Прием, при помощи которого насекомоядные растения захватывают свою добычу, представляется тоже в известном отношении планомерным, хотя совершается совершенно бессознательно. У животных способность к сознательным, планомерным действиям развивается параллельно развитию мозговой системы и достигает у млекопитающих высокой степени развития. При охоте на лисицу в Англии можно ежедневно наблюдать, как безошибочно лисица умеет применять свое великолепное знание местности, чтобы скрыться от своих преследователей, и как хорошо она знает и умеет использовать все благоприятные для нее свойства местоположения, прерывающие ее след. У наших — благодаря общению с людьми более высоко развитых — домашних животных можно ежедневно заметить акты хитрости, стоящие на одинаковом уровне с такими же актами у детей. Ибо, подобно тому как история развития человеческого зародыша во чреве матери представляет собой только сокращенное повторение развертывавшейся на протяжении миллионов лет истории физического развития наших

животных предков, точно так же и духовное развитие ребенка представляет собой только еще более сокращенное повторение умственного развития тех же предков, — по меньшей мере, более поздних. Но все планомерные действия всех животных не сумели наложить на природу печать их воли. Это смог сделать только человек.

Коротко говоря, животное *пользуется* только внешней природой и производит в ней изменения просто в силу своего присутствия; человек же своими изменениями заставляет ее служить своим целям, *господствует* над ней. И это последнее — важное отличие человека от остальных животных, и этим отличием человек опять-таки обязан труду (облагорожение).

Не будем, однако, слишком обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу она нам мстит. Каждая из этих побед имеет, правда, в первой линии те последствия, на которые мы рассчитывали, но во второй и третьей линии совсем другие, непредвиденные последствия, которые слишком часто уничтожают значение первых. Людям, которые в Месопотамии, в Греции, в Малой Азии и в других местах выкорчевывали леса, чтобы добыть таким путем пахотную землю, и не снилось, что они этим положили начало нынешнему опустошению этих стран, лишив их, вместе с лесами, центров собирания и хранения влаги. Когда альпийские итальянцы вырубили на южном склоне гор хвойные леса, так заботливо охраняемые на северном, они не предвидели, что этим подрезывают корни скотоводству в их области; еще меньше они предвидели, что они этим лишают свои горные источники воды на большую часть года, с тем еще эффектом, что тем более бешеные потоки они будут изливать в долину в период дождей. Распространители картофельной культуры в Европе не знали, что они одновременно с мучнистыми клубнями распространяют и золотуху. Так, на каждом шагу мы волей-неволей замечаем, что мы ни в коем случае не властвуем над природой так, как завоеватель властвует над чужим народом, как кто-либо, находящийся вне природы, — что мы, наоборот, нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей и внутри нее находимся, что все наше господство над ней состоит в том, что мы, в отличие от всех других существ, умеем постигать и правильно применять ее законы.

И мы, в самом деле, с каждым днем научаемся правильнее понимать ее законы и постигать как наиболее близкие, так и наиболее отдаленные последствия нашего активного вмешательства в ее естественный ход. В частности, после мощного движения вперед естественных наук в нашем столетии, мы станем все более и более способными предвидеть, а благодаря этому, и регулировать наиболее отдаленные последствия, по крайней мере, наших наиболее обычных производительных процессов. И чем в большей мере это станет фактом, тем в большей мере люди будут не только чувствовать, но и сознавать свое единство с природой, и тем невозможной станет то бессмысленное и противоестественное представление о какой-то противоположности между духом и материей, человеком и природой, душой и

телом, — представление, возникшее в Европе в период упадка классической древности и нашедшее свое высшее развитие в христианстве.

Но если уже потребовались тысячелетия для того, чтобы мы научились учитывать заранее отдаленные естественные последствия нашей направленной на производство деятельности, то еще труднее нам давалась эта наука, в отношении общественных последствий этих действий. Мы упомянули о картофеле и о сопровождавшей его распространение золотухе. Но что может значить золотуха в сравнении с теми последствиями для жизненного положения народных масс целых стран, которое повлекло за собой понижение уровня питания рабочих до сведения его к одной картофельной пище; что значит золотуха в сравнении с тем голодом, который постиг в 1847 г., вследствие болезни картофеля, Ирландию! Следствием этой катастрофы была смерть одного миллиона и вынужденная эмиграция за океан двух миллионов питающихся лишь картофелем, или почти только картофелем, ирландцев. Когда арабы научились дистиллировать алкоголь, им и в голову не приходило, что они этим создали одно из главных орудий, при помощи которого будут истреблены аборигены тогда еще даже не открытой Америки. И когда Колумб потом открыл Америку, то он не знал, что он этим пробудил к новой жизни давно исчезнувший в Европе институт рабства и положил основание торговле неграми. Люди, которые в XVII и XVIII столетиях работали над созданием паровой машины, не представляли себе, что этим создают орудия, которые в большей мере, чем что-либо другое, окажут революционизирующее влияние на общественные отношения мира, и, в частности, в Европе, путем концентрации богатств в руках меньшинства, что обездоление огромного большинства сначала доставит социальное и политическое господство буржуазии, а затем, однако, вызовет классовую борьбу между буржуазией и пролетариатом, которая должна закончиться низвержением буржуазии и уничтожением классовых противоречий. Но и в этой области мы постепенно научились путем долгого, часто жестокого опыта, путем собирания и анализа исторического материала, ясно учитывать посредственные, наиболее отдаленные последствия нашей производительной деятельности. Таким путем нам дается возможность подчинить их себе и регулировать.

Чтобы это регулирование, однако, практически осуществить, для этого требуется нечто большее, чем простое познание. Для этого требуется радикальное изменение господствующего доныне способа производства и вместе с ним всего нашего современного социального строя.

Все существовавшие доныне способы производства стремились только к получению от процесса труда ближайших и непосредственных полезных эффектов. Дальнейшие — выявляющиеся более поздно и благодаря повторению и накоплению приобретающие решающее значение — последствия совершенно игнорируются. Первоначальная общинная собственность на землю соответствовала, с одной стороны, уровню развития людей, замыкавшему их кругозор пределами своего прихода, и предполагала, с другой сто-

роны, известный излишек земельных запасов, открывавших известный простор для исправления возможных дурных результатов этого примитивного хозяйства. С исчезновением этого излишка приходит в упадок и общинная собственность. Все более высокие формы производства, однако, привели, в своем дальнейшем развитии, к разделению населения на различные классы и тем самым к противоречию между господствующими и угнетенными классами. Но, благодаря этому, интерес господствующего класса стал единственным движущим фактором производства, поскольку последнее не ограничивалось удовлетворением элементарнейших потребностей угнетенных. Наиболее ярко это сказывается в господствующем ныне в Европе капиталистическом способе производства. Отдельные, господствующие над производством и обменом, капиталисты могут заботиться только о непосредственных полезных эффектах в своих действиях. Даже самый этот полезный эффект — поскольку речь идет о полезности произведенного или обмениваемого товара — отступает совершенно на задний план, и единственной движущей силой является возможность барыша при продаже.

Энгельс, Диалектика природы. Архив М. и Э., кн. 2, Гиз, 1925, 89—105.

Устраняя из общественной науки всякую телеологию и объясняя деятельность общественного человека его нуждами и существующими в данное время средствами и способами их удовлетворения, диалектический материализм впервые придает названной науке ту «строгость», которою часто кичилась перед нею ее сестра — наука о природе. Можно сказать, что наука об обществе сама становится естественной наукой: «notre doctrine naturaliste d'histoire», справедливо говорит Лабриола. Но это вовсе не значит, что для него область биологии сливается с областью общественной науки. Лабриола горячий противник «политического и социального дарвинизма», который давно уже, «подобно эпидемии, заразил умы многих мыслителей, а особенно адвокатов и декламаторов социологии», и, как модная привычка, повлиял даже на язык политических практиков.

Без сомнения, человек есть животное, связанное узами родства с другими животными. Он вовсе не привилегированное существо по своему происхождению; физиология его организма есть не более, как частный случай общей физиологии. Первоначально он, подобно другим животным, всецело подчинялся влиянию окружавшей его естественной среды, которая еще не испытала тогда на себе его видоизменяющего воздействия; он должен был приспособляться к ней, борясь за свое существование. По мнению Лабриолы, результатом такого — непосредственного — приспособления к естественной среде являются расы, поскольку они отличаются одна от другой физическими признаками, например, белая, черная, желтая расы,— а не представляют собою вторичных историко-социальных формаций, т. е. наций и народов. В качестве такого же результата приспособления к естественной

среде в борьбе за существование возникли первобытные инстинкты общественности и зачатки полового подбора.

Но мы можем только догадываться о том, каков был «первобытный человек». Люди, населяющие землю в настоящее время, равно как и те, которые прежде были наблюдаемы заслуживающими доверия исследователями, оказываются уже довольно далекими от того, момента, когда прекратилась для человечества животная жизнь в собственном смысле этого слова. Так, например, ирокезы со своей — изученной и описанной Морганом — genis materna, уже сравнительно очень далеко ушли по пути о б щ е с т в е н н о г о развития. Даже современные нам австрийцы не только имеют язык,— который можно назвать условием и орудием, причиной и следствием общественности — и не только знакомы с употреблением огня, но живут обществами, имеющими определенный строй, с определенными обычаями и учреждениями. Австралийское племя имеет свою территорию, свои охотничьи приемы; оно имеет известные орудия защиты и нападения, известную утварь для хранения запасов, известные способы украшения тела, словом, австралиец живет уже в известной, правда очень элементарной, и с к у с с т в е н н о й среде, к которой он и приспособляется с самого раннего детства. Эта искусственная,—общественная,—среда есть необходимое условие всякого дальнейшего прогресса. Степенью ее развития измеряется степень дикости или варварства всякого другого племени.

Эта первичная общественная формация соответствует так называемому д о и с т о р и ч е с к о м у б ы т у человечества. Начало исторической жизни предполагает еще большее развитие искусственной среды и гораздо большую власть человека над природой. Сложные внутренние отношения обществ, выступающих на путь исторического развития, собственно обуславливаются вовсе не непосредственным влиянием естественной среды. Они предполагают изобретение известных орудий труда, приручение некоторых животных, уменье добывать некоторые металлы и тому подобное. Эти средства и способы производства при различных обстоятельствах изменялись очень различно; в них можно было заметить прогресс, застой или даже регресс, но никогда эти изменения не возвращали людей к чисто животной жизни, т. е. к жизни под непосредственным влиянием естественной среды.

«Первая и главная задача исторической науки есть определение и исследование этой искусственной среды — ее происхождение и ее видоизменение. Сказать, что эта среда составляет часть природы, значит высказать мысль, которая не имеет никакого определенного значения именно благодаря своему слишком общему и отвлеченному характеру».

Не менее отрицательно чем к «политическому и социальному дарвинизму» относится Лабриола и к усилиям некоторых «милых дилетантов» соединить материалистическое понимание истории с общей теорией эволюции, которая, по его резкому, но верному замечанию, у многих превратилась в простую метафизическую метафору. Он смеется также над наивной любезностью «милых дилетантов», старающихся поставить материалистическое

понимание истории под покровительство философии Огюста Конта или Спенсера: «это значит выдать нам за союзников самых решительных наших противников», говорит он.

Плеханов, О материалистическом понимании истории, соч., VIII, Гиз, 1923, 247–249.

2. БУРЖУАЗНЫЕ УЧЕНИЯ ОБ ОБЩЕСТВЕ И ИХ КРИТИКА

а. «ОРГАНИЧЕСКАЯ» ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВА (СПЕНСЕР) И ЕЕ КРИТИКА

В области социологии и философии истории, господствующими в настоящее время можно считать три направления: материалистическое, биологическое и неокантианство.

Главным основателем биологического направления является, как известно, Герберт Спенсер. Многочисленные последователи органической теории общества обогатили ее теми или другими, не лишенными интереса, соображениями, но по существу никаких значительных изменений в учение своего первоучителя не внесли. Они и не могли этого сделать. Не могли по той основной причине, что аналогия... не призвана служить в качестве метода исследования. Иначе говоря, м е х а н и ч е с к о е перенесение законов, заимствованных из естествознания, в область общественной науки — создает видимость научности, нисколько не затрагивая своеобразного и сложного содержания общественно-исторической действительности.

Органическая теория Герберта Спенсера пользуется такой известностью у значительной части читающей публики, что изложение ее принципов может показаться излишним. Но в интересах критики и конечной критической оценки этой господствующей в буржуазной социологии теории такое изложение безусловно необходимо. Думаю также, что старое правило repetito est mater studiorum * всегда сохраняет свое значение. Прибавляю к тому же, что очень часто популярные теории именно благодаря своей популярности п о с у щ е с т в у плохо усвоены.

Во второй части первого тома «Оснований социологии» Спенсер старается определить свое отношение к своим предшественникам. Это определение четко выявляет существенные черты органической теории. Остановимся на нем.

Своими предшественниками Спенсер считает Платона, Гоббса и Конта. Но, считая этих мыслителей своими предшественниками, он не разделяет их социологических воззрений в главной их основе. «В «Республике» Платона, — говорит Спенсер, — Сократ утверждает, что государства таковы, каковы люди, ибо в основании их лежат людские характеры». Это утверждение представляется Спенсеру непонятным до сих пор в его настоящем значении. Разделяя вполне эту истину, Спенсер продолжает: «Разде-

* Повторение—мать учения.— *Сост.*

ление труда описывается в этом сочинении («Республика» Платона. —*Орт.*) как общественная необходимость, но оно изображается скорее, как порядок, который следует установить, чем устанавливающийся сам собою». Очевидно, следовательно, что, с точки зрения Спенсера, государство не устанавливается сознательным способом, а вырастает как нечто органическое, естественным путем слагаясь из человеческих характеров. Признавая далее сходство между своей общественной теорией и социальным учением Гоббса, Спенсер подчеркивает решительно свои разногласия и с этим мыслителем. «Подобно Платону,— рассуждает Спенсер,— Гоббс смотрит на общественную огранизацию, как на искусственную, так как он вводит понятие об общественном договоре, у которого будто бы берут начало правительственные учреждения, который придает верховной власти ее неотъемлемый авторитет». Устанавливаемая Гоббсом аналогия между обществом и организмом принимается Спенсером во внимание, и на основании этой именно аналогии он причисляет себя к последователям Гоббса. Тем не менее Спенсер не солидарен с знаменитым английским материалистом. В чем же сущность их разногласия? Характеристика, которая дается Гоббсом своему учению, заключает в себе ответ на этот вопрос. «Искусством, — рассуждает Гоббс, — сотворен тот великий левиафан *, которого называют обществом, народом (Commonwealth), государством, а по-латыни civitas, и, который есть не что иное, как искусственный человек, хотя и превышающий по своим размерам и силе естественного человека, для охранения и защиты которого он придуман. Верховная власть есть его искусственная душа, придающая жизнь и движение всему телу. Судьи и другие чины судебного ведомства суть его искусственные сочленения; награды и наказания, понуждающие к действию и к выполнению своей обязанности каждое сочленение и каждый член, связанный с седалищем верховной власти, — суть нервы, исполняющие ту же самую роль в естественном человеческом теле». Сравнение общества с организмом утверждается, таким образом, с полной сознательной точностью. Органическая теория общества, казалось бы, налицо, но Спенсер принимает учение Гоббса лишь наполовину и, с своей точки зрения, он совершенно прав. «Понятие Гоббса, — рассуждает Спенсер дальше, — только с одной стороны подходит ближе к действительно рациональному представлению». Чего же нехватает Спенсеру в формулировке Гоббса? Его не удовлетворяет учение об искусственном создании государственного устройства. Согласно учению Гоббса, государственное устройство сходствует с человеческим организмом. Тот факт, что именно с человеческим организмом, а не с организмом вообще, придает государству оттенок сознательности, сознательного созидания. По Спенсеру же, дело обстоит несколько иначе. Общество, по существу его учения, определяется сходством не с тем или другим организмом, а с биологическим организмом вообще, как таковым. «Общественная организация, — рассуждает Спенсер о только что приведенной характе-

* Чудовище. — *Сост.*

ристике государства у Гоббса, — приравнивается здесь к организации человека, а такая аналогия должна считаться слишком специальной». Половинчатость и неполноту гоббсовского учения Спенсер объясняет недостаточной степенью развития биологии в эпоху великого автора «Левиафана» *. Но, благодаря крупным успехам биологии периода Конта, последний ближе подошел к пониманию сущности государственного строения. «Принадлежа, — читаем мы в «Основаниях социологии»,— к более новому времени, когда биологи уже открыли и установили до очень значительной степени общие основания всякой организации, и когда было уже признано, что общественное устройство не создается искусственно, но постепенно развивается само собой. — Огюст Конт избег этих ошибок. Он не сравнивал общественного организма с каким-нибудь особенным родом индивидуального организма, но утверждал просто, что основания организации одинаковы в обоих этих случаях. Он смотрел на каждую ступень общественного прогресса, как на следствие предшествовавших ступеней и признавал, что развитие строения идет от общего к специальному». Значительны и важны в этой выдержке следующие утверждения: во-первых, признание Спенсера, что органическая теория явилась, с одной стороны, следствием развития биологии и, с другой — созревшей мысли об общественном развитии; во-вторых, интересно прямое заявление Спенсера, что он — продолжатель и, по существу дела, ученик Огюста Конта. Пока остановимся на втором положении. Будучи продолжателем и учеником Конта, Спенсер развивает учение, значительно отличное от теории своего учителя. «Он (Конт.—*Орт.*)—заявляет решительно Спенсер,—не избег вполне старого ошибочного взгляда на учреждения как на искусственные распорядки, ибо, противореча самому себе, считал возможным для общества реорганизовываться на будущее время согласно с принципами его позитивной философии». Разногласие Спенсера с Контом начинается, таким образом, там, где идет речь о примеси искусственного элемента в государственном строительстве. Конт, стоя на точке зрения эволюции и развивая ту мысль, что социология является продолжением биологии, сравнивая дальше историческое развитие с развитием индивидуума, признавал тем не менее возможность реорганизации общественного устройства соответственно идеалу позитивистской философии. Такая возможность отвергается Спенсером принципиально, т. е. в том смысле, что реорганизация государственного устройства, в какой бы то ни было форме, представляет собой утопию, противоречащую строго научному определению общества и теории его развития.

Действительно, научный метод в деле общественно-исторического исследования должен, с точки зрения Спенсера, исключить всякую возможность сознательного воздействия на исторический процесс.

Итак, определяемое Спенсером главное отличие его метода исследования от метода исследования его предшественников — Платона, Гоббса и Конта — заключается в том, что последние, сравнивая общество с орга-

* Название сочинения Гоббса о государстве. — *Сост.*

низмом, допускали возможность общественной реорганизации, между тем как, по мнению Спенсера, общество, подобно организму, не допускает никаких радикальных изменений путем планомерного сознательного воздействия. Посмотрим теперь, как обосновывает Спенсер свою строго выдержанную органическую теорию общества. Спенсер начинает свои теоретические исследования с правильно поставленного вопроса,— что такое общество? Этот вопрос должен быть разрешен с самого начала всякого социологического рассмотрения. Общество, как мы уже это видели из сопоставления взглядов Спенсера с воззрениями его предшественников, представляет собою, по мнению первого, организм. Это утверждение нам пока известно в чисто догматической форме. Спрашивается, следовательно, каким образом обосновывает глава органической теории эту последнюю. Начнем со следующей характерной, с нашей точки зрения, и нужной для наших последних выводов выдержки: «Решившись, — читаем в «Основаниях социологии», — смотреть на общество, как на особенный индивидуальный предмет, мы должны спросить себя теперь, что же это за предмет? При внешнем рассмотрении оно кажется не имеющим никакого сходства ни с одним из объектов, известных нам через посредство наших чувств.

Если оно и может иметь какое-либо сходство с другими объектами, то сходство это не может быть усмотрено простым восприятием, но может быть открыто только путем рассуждения. Коль скоро общество становится особым, индивидуальным бытием, в силу постоянства отношения между его составными частями, то у нас сейчас же является вопрос — не представляют ли эти отношения между его частями каких-нибудь сходств с постоянными отношениями между частями, замечаемыми нами в каких-либо других бытиях? Единственное мыслимое сходство между обществом и чем-либо другим может заключаться в параллелизме принципа, управляющего расположением составных частей».

Здесь утверждаются весьма важные методологические положения. Общество, не являясь чувственно воспринимаемым предметом, не может само по себе стать объектом научного исследования. Для того, чтобы оно стало таковым, оно должно быть сравниваемо с предметом чувственного восприятия, и далее, лишь на основании сравнения постоянства отношений—в обществе и в чувственно воспринимаемых предметах является возможность исследовать общество, как предмет. Метод Спенсера может, таким образом, быть назван методом аналогическим. С каким же предметом, спрашивается, является возможным сравнивать общество? Существуют два большие класса аггрегатов, с которыми представляется возможность сравнивать общественный аггрегат: класс аггрегатов неорганических и класс аггрегатов органических. Встает вопрос — представляют ли отличительные свойства общества сходство со свойствами неживого тела, или же эти свойства сходны в каких-либо отношениях со свойствами живого организма? Стоит только,— рассуждает Спенсер, — поставить первый из этих вопросов, чтобы немедленно дать на него отрицательный ответ. Общество, состоящее из живых существ,

не может по своим общим свойствам походить на неживое тело. Что же касается второго вопроса — о сходстве общества с живым организмом, — то нет возможности решить его без тщательного анализа *постоянства* взаимоотношений в обществе и *постоянства* взаимоотношений в живом организме. И тот и другой род взаимоотношений должны быть определены и сопоставлены. Лишь на основании этого взаимного сопоставления явится возможность вывести законы общественного развития. Исследованию этой параллели отводится в «Основаниях социологии» вся теоретическая часть. Последуем за Спенсером. Первым важнейшим отличительным свойством как общества, так и живого тела является рост. Это есть главная черта, в силу которой общество сходствует с органическим телом и вследствие которой оно существенно отличается от мира неорганического. Другая отличительная черта и человеческих обществ и живых существ состоит в том, что наряду с увеличением размеров наблюдается увеличение сложности в их строении. Низшие животные или зародыши высшего обладают лишь немногими отличными друг от друга частями. Но, с увеличением общей массы тела, число таких частей увеличивается, причем в то же время части дифференцируются одна от другой. Тот же самый процесс мы наблюдаем в ходе общественного развития. Вначале различия между разными группами весьма незначительны как количественно, так и качественно. Но, с ростом народонаселения в данном коллективе, общественные разделения и подразделения становятся и более многочисленными и более определенными. Помимо этого как в общественном, так и в индивидуальном организме дальнейший ход дифференциации прекращается только с завершением типа, определяющим собою зрелый возраст. Это важнейшее и существенное сходство, — утверждает Спенсер, — выступает с наибольшей четкостью, если обратить внимание на тот факт, что развитие «структурной дифференциации» сопровождается в обоих случаях растущей дифференциацией в отправлениях. По мере увеличения числа отделов, на которые распадается общая масса тела развивающегося животного, эти отделы становятся все более и более несходными между собою и не без основания, т. е. вполне целесообразно. Разнообразие в их наружных формах, а также во внутреннем строении обусловливает собой и разнообразие тех действий, которые ими выполняются. Они вырастают в несходные органы, имеющие различные отправления. Пищеварительная система, принимая на себя, в зависимости от ее структурных особенностей, сполна всю функцию всасывания питательных веществ, распадается постепенно на отдельные отличные друг от друга системы. Каждая из них выполняет свою определенную функцию, составляющую часть общей функции всего пищеварительного канала. То же самое можно сказать и о тех частях, на которые распадается общество. Возникающий в нем господствующий класс является не только отличным от остальных, но он исполняет особенную функцию, беря на себя контроль над действиями остальных групп. Когда же этот господствующий класс распадается далее на подклассы, одни из которых обладают большей, а другие меньшей степенью

господства, то эти последние опять-таки начинают выполнять каждый совершенно особую часть контроля. В классах подчиненных можно наблюдать то же самое явление. Далее Спенсер развивает и с особенной силой подчеркивает ту важнейшую мысль, что как в органическом мире, так точно в социально-политическом коллективе процесс разделения на функции совершается как единое и связное целое, точнее, что возникающие функции находятся в теснейшей органической связи в обеих областях в совершенно одинаковой степени. «И у т е х, и у д р у г и х (в животных и общественных организмах.—*Орт.*),—подчеркивает Спенсер»—р а з в и т и е в ы з ы в а е т н е п р о с т о е р а з л и ч и е, н о р а з л и ч и я о п р е д е л е н н о с в я з а н н ы е д р у г е д р у г о м, т. е. т а к и е р а з л и ч и я, и з к о т о р ы х к а ж д о е д е л а е т в о з м о ж н ы м о с т а л ь н ы е». Это важнейшее положение подтверждается на параллелях конкретного характера. Аналогия между организмом и обществом выводится Спенсером не только на основании крупных общих черт их состояний, но также и частностей. В отличие от неорганических тел, увеличивающихся только в своем объеме, не изменяя своего общего внутреннего строения (так, например, растут минералы путем последовательной инкрустации), органические тела не только увеличиваются в своем объеме, но параллельно с ростом усложняются, расчленяясь все более и более, стремясь к прогрессивной диференциации своих органов и функций. Решительно то же самое мы наблюдаем в процессах развития человеческого общества. Примитивные общества совершенно недиференцированы. Каждый член в них одновременно и воин, и охотник, и рыбак, лекари — вместе с тем прорицатели и заклинатели духов. Совершенно так же и у низших организмов, у которых отсутствуют специальные органы питания, движения, дыхания и т. д. Затем в процессе развития животного организма приближение к высшим органическим формам определяется появлением новых органов, из которых каждый предназначается к выполнению особой самостоятельной функции. То же самое мы замечаем в переходе человеческого общества от низших к высшим формам, которые определяются образованием специализированных социальных органов, выполняющих особые функции. Создаются таким образом специальные органы — питания (земледелие и промышленность), социального кровообращения (торговля), социальной защиты (полиция, правовая охрана, войско, война и т. д.). Но это еще не все. Наиболее отличительной чертой животного организма, обладающего различными специализированными органами, является внутренняя имманетная связь между функциями. Абсолютная зависимость их друг от друга приводит к тому, что прекращение одной функции вызывает с неизбежной необходимостью прекращение многих других. Как только сердце перестает биться — легкие перестают дышать, мозг — мыслить, нервы — вибрировать и т. д. Такая же строго имманентная связь наблюдается между органами общественного коллектива. Когда нехватает, например, каменного угля, может остановиться транспорт, остановка транспорта обусловливает собою в зависимости от места повышение или понижение цен

на продукты первой необходимости и прочие продукты вообще. Это же явление связано с целым рядом других явлений, составляющих длинную цепь, другой конец которой может оказаться на весьма большом расстоянии от исходного пункта. Сам Спенсер, оперируя явлениями капиталистического развития, иллюстрирует это положение такими конкретными примерами: «Рабочие по железу,—говорит Спенсер,—должны прекратить свою деятельность, коль скоро рудокопы перестают снабжать их нужными материалами. Портные не могут заниматься своим делом при отсутствии прядильщиков и ткачей, мануфактурные круги вынуждены приостановить свои работы, коль скоро группа людей, занимающаяся производством и распределением пищи, прекратит свою деятельность, и т. д. и т. д. И подобно тому как в животном организме общая зависимость, имманентная связь функций тем сильнее и заметнее, чем более развит этот организм, точно так же и в общественном организме, вместе с развитием последнего, растет и крепнет указанная нерасторжимая связь».

Аналогия идет все дальше и дальше. «Жизнь животного организма, — продолжает Спенсер,—оставляя в стороне случаи исключительных катастроф, продолжительнее, чем жизнь отдельных его частей. Клеточки разрушаются и вновь производятся, органы возобновляются, а организм продолжает существовать. Точно так же жизнь общественного коллектива продолжительнее его клеточек, т. е. отдельных людей, из которых он состоит; в то время как поколение за поколением сходит с мировой арены жизни, образуя собою кладбище, — общество, как таковое, живет тысячелетиями и во всяком случае исчезает не ранее, как по прошествии нескольких веков».

Отмечу дальше еще одну весьма отличительную черту для спенсеровой аналогической теории. В животном организме имеются трояко рода ткани. Первая из них предоставлена непосредственному воздействию внешней среды, имея своим назначением извлекать из воздуха полезные для организма элементы, отделяя вредные; это — внешняя ткань (экзодерма). Вторая воспринимает предназначенные для усвоения элементы, перерабатывает их; это — внутренняя ткань (эндодерма). Между двумя этими тканями расположена третья; это — средняя ткань (мезодерма), состоящая из кровеносных сосудов. В общественном коллективе внешней ткани вполне соответствует класс военных и судей, служащих защитой; внутренней ткани—класс земледельцев и промышленников, доставляющих коллективу питательные средства существования, и средний класс—торговый, который занимается распределением. Равным образом, подобно тому, как в животном организме из внешнепокровной системы при дальнейшем развитии образуется нервная система, так и в общественном коллективе из военной касты создается правящий класс. Точно так, как в процессе органического развития внешняя ткань постепенно теряет свое значение сравнительно с обоими остальными, так и в общественном организме значение военного класса постепенно падает в сравнении с классом промышленным и торговым. Человеческое общество совершает, таким образом, свое поступательное движение, идя не-

уклонно от военного состояния к состоянию промышленному. И по мере того, как общественный коллектив удаляется от форм общежития первобытных, исключительно воинствующих племен, он все более и более приближается к социальной форме, при которой деятельность отдельной личности будет развиваться свободно и беспрепятственно под охраной внешнего мира.

Аксельрод-Ортодокс, Критика основ буржуазного обществоведения и материалистическое понимание истории, изд. «Основа», Ив.-Вознесенск 1924, 45—52.

Критики учения об объективно-исторической закономерности утверждают, что признать объективную закономерность в социальной жизни значит притти к пассивному фатализму. Это возражение делалось не только Спенсеру, но оно служило, и до сих пор служит, главным критическим оружием и против материалистического понимания истории. Этим оружием сражался Михайловский не только против Спенсера, но направил его впоследствии, главным образом, против русского марксизма. Это самое оружие было пущено в ход нашими легальными марксистами в период их критики и отступления.

Это пресловутое возражение было сформулировано в известной книге Штаммлера: «Хозяйство и право» (эта книга, кстати будь сказано, оказала огромное влияние как на немецкий ревизионизм, так и на наших легальных марксистов: П. Струве, Бердяева, Булгакова), в которой Штаммлер утверждал, что главная отличительная черта исторического материализма заключается в том, что он отказывается от «неумолимой альтернативы * остановиться исключительно или на каузально-понимающем познании, или на воле, ставящей себе цели». Постулируя ** естественно-необходимый ход социального развития, материалистическое понимание истории считает в то же время возможным его поощрять, ускорять, ему содействовать и т. д. Штаммлер усматривал в этом непреборимое противоречие: «Раз,— говорит он,— научно познано, что известное событие необходимо произойдет совершенно определенным способом, бессмысленно еще желать содействовать именно этому *определенному способу* его наступления. Нельзя основать партию, которая хотела бы сознательно содействовать точно вычисленному лунному затмению». Это же самое мнимое противоречие ставилось на вид Спенсеру. Это возражение Спенсер отразил с полной основательностью и большим остроумием. А так как спенсеровское опровержение этого ходячего и часто повторяющегося софизма совпадает с нашими взглядами, то разрешите привести довольно обширную, но весьма содержательную выдержку из краткой заметки, посланной нашим мыслителем в 1893 г. на происходивший в Чикаго конгресс эволюционистов. Эта заметка посвящена исключительно

---

* Альтернатива — необходимость выбора из двух положений одного. — *Сост.*

** Утверждая, признавая. — *Сост.*

ответу противникам, утверждавшим, что учение о социальной эволюции исключает активную деятельность человека.

«Предполагается, — рассуждает там Спенсер, — что общество также развивается стихийно, независимо от всякой сознательной деятельности: из этого заключают, что соответственно эволюционной теории, индивидам нечего заботиться о прогрессе, так как он совершается сам по себе. Отсюда следует утверждение, что «эволюция, возведенная в высший закон человеческой морали и общественной жизни, превращается в парализующий и общественный фатализм. Но в этом-то и ошибка. Всякий может убедиться в том, что в низших стадиях эволюции процесс совершается только благодаря тому, что различные участвующие в нем неделимые — в одних случаях молекулы материи, в других — отдельные особи видов — соответственным образом проявляют свою природу. Было бы нелепо думать, что неорганическая эволюция могла бы совершаться, если бы молекулы перестали притягивать друг друга и вступать в соединение, но также нелепо было бы предполагать, что органическая эволюция могла бы продолжаться, если бы инстинкты и аппетиты индивидов исчезли окончательно, или хотя бы отчасти». Сравнение блестящее. Исключить из общественного хода развития активную деятельность людей — это все равно, что устранить из физических или органических процессов те или другие основные двигательные силы. И Спенсер продолжает: «Не менее нелепо думать, что социальная эволюция может совершаться независимо от нормальной физической и духовной деятельности индивидов, составляющих общество, независимо от их потребностей, чувств и вызванных ими действий. Конечно, верно, что в значительной степени социальная эволюция достигается помимо всякого намерения граждан достигать, и они даже не сознают, что они достигают ее. Вся промышленная организация, во всей ее удивительной многосложности, возникла благодаря тому, что каждый индивид преследовал свои собственные интересы, подлежащие известным ограничениям, налагаемым организованным государством».

С содержанием этой, как и предыдущей, выдержки согласится последователь исторического материализма. Более того, рассуждения Спенсера до такой степени напоминают своим содержанием мысли Маркса и Энгельса о согласовании объективного и субъективного момента в истории, что легко предположить влияние последних на первого. И, конечно, такая возможность не исключается, так как автор органической теории внимательно следил за социальным движением своей эпохи. В связи с затронутым вопросом, не могу дальше отказать себе в удовольствии привести еще одно великолепное сравнение, как будто нарочно приготовленное для отражения знаменитой аналогии Штаммлера между партией марксистов с партией, ставящей себе целью ускорение срока затмения луны. Все в той же вышеозначенной заметке Спенсер пишет: «Для пояснения предмета приведем еще одну аналогию. Все признают, что нам присущи известные потребности, обеспечивающие сохранение рода, что инстинкты, побуждающие к брачным, а впослед-

ствии и родительским отношениям, служат гарантией того, что без всякого насилия или принуждения каждое поколение породит следующее новое поколение. Теперь допустим, что кто-нибудь стал бы доказывать, что если продолжение рода обеспечено законом природы, то нет никакой нужды содействовать этому процессу путем вступления в брак. Что бы вы подумали о его логике, как бы вы отнеслись к его предположению, что следствие может наступить и при исчезновении причин?» Поистине замечательная отповедь. Все, которые указывали Спенсеру, как и представителям исторического материализма, на противоречивый характер объективной социологии, руководствовались как раз той логикой, о которой говорит Спенсер в приведенной остроумной выдержке.

Преобладающая часть критики теории Спенсера нападала преимущественно на последовательный социологический объективизм. Но как раз эта сторона органической теории — самая сильная сторона, а потому Спенсеру не составляло особенного труда справиться со своими противниками. Указание далее на то или иное несоответствие между животным телом и общественным целым также не имеет существенного значения. Во-первых, общество действительно представляет собой нечто крепко спаянное, неразрывное целое, связанное видимыми и невидимыми нитями; во-вторых, указание на то или иное несходство общества с животным телом не может служить серьезным возражением против широкого обобщения, охватывающего большое количество фактов. Короче, критика органической теории должна вестись в совершенно другой плоскости. Этой плоскостью является аналогический метод как таковой. Раскрытием шаткости и несостоятельности метода мы и займемся.

В предыдущей лекции было указано, что Спенсер, приступая к предмету социологии, ставит прежде всего вопрос: что такое общество? Вопрос естественный, законный, требующий ответа. Необходимо определить предмет исследования. Общество, справедливо полагает Спенсер, не есть простое механическое собрание индивидов. Поясняя эту свою верную мысль, Спенсер пользуется метким примером. «Всякая цельная масса, — читаем мы в «Основаниях социологии», — разбившись на куски, перестает быть особым индивидуальным предметом; и наоборот, — камни, кирпичи, куски дерева и т. п., не имевшие вначале ничего общего между собой, будучи связаны друг с другом известным образом, становятся особым индивидуальным предметом, называемым домом». Совершенно справедливо. Общество может, следовательно, стать предметом и предметом научного исследования лишь при том необходимом условии, когда «куски», из которых оно состоит, т. е. личности, входящие в его состав, связаны подобно дому каким-то общим началом. Ясно, стало быть, из самой постановки проблемы социологии, что прежде всего должно быть найдено и определено это именно связующее начало. Но Спенсер, правильно поставив вопрос, затушевывает его и поворачивает на другой путь.

Общество, не являясь конкретно воспринимаемым предметом, не может, по мнению нашего автора, стать само по себе, как таковое, предметом исследования. Но, с другой стороны, в общественно-исторической жизни наблюдается постоянство взаимоотношений, делающее возможным научный анализ общественных явлений. Отсюда выводится заключение, что необходимо найти такой конкретный предмет, взаимоотношения частей которого сходствовали бы с взаимоотношениями частей в общественном коллективе. Ибо «единственное мыслимое сходство между обществом и чем-либо другим может заключаться в параллелизме принципа, управляющего расположением составных частей» (подчеркнуто Спенсером). Это «что-либо другое» оказалось животное тело. Принципами же, «управляющими расположениями частей» как в животном теле, так и в общественном коллективе, являются принципы диференциации и интеграции, т. е. процесс развития от простого к сложному, и затем интеграция, суммирование диференцированных областей, свойственный как животному телу, так и общественному коллективу. Эти два принципа в свою очередь сводятся далее к «управляющим принципам»: к устойчивому и неустойчивому равновесию. Однородное отличается неустойчивым равновесием, наоборот, интегрированные части в диференцированном аггрегате отличаются наибольшей степенью устойчивости.

Так, все это построение и проведенная параллель «принципов, управляющих расположением составных частей», кажется и убедительным, и вполне логичным до тех пор, пока забываешь вместе со Спенсером, что общество как предмет исследования все же отсутствует. В социальном аггрегате происходит диференциация и интеграция точь-в-точь, как в животном организме. Спрашивается, под каким влиянием происходят эти процессы, чем они обусловливаются в общественном развитии. Для того чтобы в первобытной группе человеческих индивидуумов начался процесс диференциации, должна существовать какая-то связь между этими индивидуальностями, другими словами, должен быть элемент, которым определяются взаимоотношения индивидуумов, но о таком связующем начале и помину нет. Когда Спенсер развертывает процесс эволюции в неорганическом и органическом мире, он подобно всем позитивистам, оставляет в стороне свою позитивистскую гносеологию и становится на материалистическую почву. Материя и движение являются в конечном итоге основными началами всего доступного нашему пониманию мирового процесса, т. е. всей эволюции, поскольку мы в состоянии ее познать. Материей и движением обусловливается конкретный характер как предметов восприятий, так и их взаимоотношений. Общее мировоззрение Спенсера, его учение о непознаваемом, составляющем предмет метафизики и религии, его утверждение относительно абсолютных границ нашего познания остается совершенно в стороне, когда дело идет о научном исследовании в области естествознания. Рассматривая учение Спенсера с чисто философской точки зрения, его нельзя ни в коем случае причислить к материалистическим учениям. Наоборот, в общем Спенсер дуа-

лист и стоит на точке зрения двойственной истины в духе философии Канта и преобладающего большинства кантианцев.

. . . . . .

... Спенсер — крупный мыслитель и серьезный ученый, а потому ясно понимает и отчетливо сознает, что социология только может стать наукой, когда будут открыты принципы, «управляющие» социальными явлениями. Из этого, по существу дела безвыходного, положения... выручил к о м п р о м и с с. Таким компромиссом оказался аналогический метод. Законы эволюции были перенесены из области биологии на социологию самым произвольным и механическим образом. Так называемые Спенсером законы диференциации и интеграции представляют собой не что иное, как простое описание процессов без всякой попытки объяснения их причин. На основании самого по себе взятого факта распадения и усложнения первобытных общественных групп, делается совершенно произвольный, ничем необоснованный вывод, что в о о б щ е всякое социально однородное общество лишено устойчивости и должно обязательно вступить на путь диференциации. Несостоятельность этого вывода очевидна. Ибо, для того, чтобы факт диференциации всех или большинства первобытных обществ был возведен в закон, необходимо было обнаружить о б щ е с т в е н н ы е причины, вызвавшие диференциацию, а затем, на основании этих причин, показать неустойчивость в с я к о г о однородного общественного аггрегата, какого содержания он бы ни был; иными словами, необходимо было обнаружить, что о д н о р о д н о с т ь, при всех мыслимых условиях, или, что одно и то же в учении Спенсера, с о ц и а л ь н о е р а в е н с т в о вообще скрывает в себе такое основное начало, которое ведет с неумолимой необходимостью к распадению и диференциации. Но от такого научного обоснования так называемого закона диференциации нет и следа. То же самое относится к утверждению другого так называемого закона об устойчивом состоянии диференцированного общества, в котором другой процесс, процесс интеграции, достигает высокой степени своего развития, короче, — к закону об устойчивом состоянии капиталистического общества. Как в первом, так и во втором случае мы видим простое описание фактов, где н а м е с т о з а к о н а в ы с т у п а е т а н а л о г и я общественного коллектива с животным телом.

. . . . . .

Итак в своей органической теории общества Спенсер н и к а к и х общественных законов не открывает, и он не может их открыть при общей постановке проблемы. Для того, чтобы открыть законы, управляющие общественной жизнью, должен быть дан ответ на поставленный Спенсером вопрос: «Что такое общество»? Что объединяет и связывает человеческие индивиды в коллективное целое, какими элементами обусловливаются различные общественные группировки, другими словами, что служит материей общества? Без ответа на эти вопросы вообще немыслима социология как предмет науки, ее просто не существует. На эти вопросы у Спенсера ответа

нет, а потому нельзя считать органическую теорию общества социологией.

Когда силой логического развития темы Спенсеру навязывается необходимость определить цемент общества, тогда он оставляет свою аналогию с животным телом и становится на эклектическую точку зрения. Человеческое общество оказывается тогда связанным и спаянным языком, религией, обычаями, нравами, искусством, политическими учреждениями и т. д. При данном обороте мысли, Спенсер, ясное дело, оставляет в стороне свой аналогический метод, ибо при всей тщательности исследования животного тела нельзя утверждать, что животное тело связывает язык, религия, искусство, экономика и т. д. Спенсер чувствует неудовлетворительность эклектической точки зрения и, чувствуя это, переходит обратно к своей аналогии, воображая подчас, что сравнение общества с организмом ведет к монизму, т. е. к общему, объединяющему началу как природы, так и истории.

Аксельрод - Ортодокс, Критика основ буржуазного обществоведения и материалистическое понимание истории, изд. «Основа», Ив.-Вознесенск, 1924, 63 — 70.

6. НЕОКАНТИАНСКАЯ ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВА (ВИНДЕЛЬБАНД—РИККЕРТ) И ЕЕ КРИТИКА

В неокантианской школе замечаются и проявляют себя разные оттенки философско-исторической и социологической мысли. Но главное и существенное содержание философии истории неокритицизма сосредоточено с исчерпывающей полнотой в учении Виндельбанда—Риккерта.

Первого мая 1894 г. Виндельбанд при вступлении в должность ректора Страсбургского университета произнес многозначительную речь, известную под заглавием «История и естествознание». Эта речь посвящена установлению различия методов исследования естествознания и истории. Различие методов определяется, с точки зрения Виндельбанда, различием содержания естествознания, с одной стороны, и истории — с другой.

Все естествознание, учит Виндельбанд, проникнуто одним и тем же методом исследования. Как бы ни различались между собой отдельные дисциплины, метод исследования каждой из них, цель и результат этого исследования принципиально одни и те же. Все дело сводится к установлению общих законов. Конечно, благодаря различию предмета исследования, отдельные способы установления фактов, приемы их группировки, пользования ими, и формулы, к которым удается свести найденные законы, могут быть и часто бывают весьма различного характера. И все-таки отличие психологии от химии в методологическом отношении вряд ли более велико, чем, например, разница между механикой и биологией. Но наиболее важное значение имеет тот факт, что по своему содержанию эти различия совершенно сглаживаются перед логическим равенством всех этих дисциплин с точки зрения формального характера их познавательных задач. Идет ли речь об исследовании движения тел или вопрос касается изменения материального состава

или развития органической жизни или же, наконец, дело идет о процессе восприятия, чувствования или представления — всегда целью исследования является отыскание и установление общих законов совершающегося. Иначе обстоит дело с областью исторических наук. В противоположность естествознанию, большинство эмпирических наук, относящихся к области истории, стремятся по своему существу дать полное и исчерпывающее описание отдельного более или менее широкого события, и с однократной, определенной и ограниченной во времени, реальностью, Виндельбанд говорит: «В этой области (исторических наук. — *Орт.*) объекты и отдельные приемы, удостоверяющие наличность последних, также крайне разнообразны. Дело идет здесь об отдельном происшествии или о связном ряде деяний и судеб, о характере и жизни отдельного человека или целого народа, об особенностях и развитии определенного языка, религии, правопорядка или литературного, художественного, научного произведения; и каждый из этих предметов требует приемов исследования, соответствующих его особенностям. Но всегда цель познания состоит в конкретном воспроизведении и постижении отдельного явления человеческой жизни, которое один раз осуществилось в действительности. Ясно, что мы имеем в виду всю область исторических дисциплин». Четко и с решительной определенностью утверждается здесь коренное различие методов и результатов исследования в полной зависимости от различия содержания обеих областей.

Эти взгляды Виндельбанда представляют собою возрождение принципов Канта. По существу уже Кант устанавливал различие между естествознанием и моральной философией, под которой и следует подразумевать всю практическую и историческую деятельность или же, как выражал это самое понятие Кант, «практическое законодательство разума по понятию свободы». Эти две области — естествознание и практическая деятельность в кантовском широком смысле — требуют строжайшего разграничения, и, следовательно, всякого рода смешения методов их исследования приводят с точки зрения Канта, к нелепому результату. Родоначальником этого свойства дуализма является таким образом Кант. Виндельбанд этого, конечно, не скрывает, ссылаясь там и тут на авторитет своего великого учителя. Риккерт, являясь непосредственным учеником Виндельбанда, сосредоточил всю свою философскую мысль на разработке, развитии и логическом обосновании различия естествознания и исторических наук. Что он следует за Виндельбандом, Риккерт заявляет сам, и с определенностью, исключающей всякое сомнение. «Самое лучшее, — пишет Риккерт, — из того, что было сказано о противоположности между естествознанием и исторической наукой, как нам кажется, принадлежит Виндельбанду. Уже его изложение философских понятий и проблем в их развитии от греков и до настоящего времени заканчивается противоположением природы и истории, и недавно он сделал эту тему предметом особого исследования (Риккерт имеет здесь в виду вышеупомянутую речь. — *Орт.*). Он хочет отказаться от обычного разделения наук на естественные и науки о духе, главным образом, потому,

что невозможно отвести в нем место психологии. Его должно заменить различие между науками, «занимающимися событиями» (Ereigniswissenschaften), и науки, формулирующими законы (Gesetzwissenschafter), причем этот метод одних должен называться «идиографическим», а метод других — «номоэтическим». Несмотря, однако, на это признание Риккерта, и несмотря также на то, что последний к взглядам Виндельбанда ничего существенно нового не прибавил, эта критическая философия истории, возрожденная и преображенная Виндельбандом, известна в настоящее время в широких кругах историков и социологов под названием исторической теории Риккерта. Причины этого объясняются тем, что, как уже упомянуто, Риккерт сделал эту проблему центром своей философской исследовательской работы. Мы поэтому, как в изложении, так и в критике, будем иметь дело с развитием его мысли.

. . . . . .

Главная цель Риккерта в области философии истории — это доказать, что историческая действительность отличается по существу от действительности природы и что, поэтому, естественно-научный метод исследования неприменим к исследованию исторических явлений.

Исходной точкой в обосновании этой мысли является бесконечность явлений окружающей природы в экстенсивном и интенсивном отношении. Эта бесконечность делает невозможным познание, описание, изображение природы в ее индивидуальных проявлениях. Необходимо было найти такое средство, или такой метод, при помощи которого оказалось бы возможным преодоление этого могучего препятствия. Таким методом является образование общих отвлеченных понятий, составляющихся на основании общих свойств и взаимоотношений вещей и которые обобщаются и становятся известными под определенным словом. Зачатки подобного образования понятий проявляются и четко выступают в языке, в котором то или другое слово обозначает собою сумму общих признаков, принадлежащих определенной группе предметов. Окончательное завершение этого процесса достигается в научной обработке общих отвлеченных понятий. И поскольку суммируются общие свойства, присущие данным группам вещей, постольку, с точки зрения Риккерта, этот процесс получает естественно-научное значение, и ровно постольку же отбрасываются индивидуальные и преходящие свойства последних. Из этих отброшенных и постоянно накопляющихся специальных признаков образуется как бы новая лестница новых понятий, причем ни самое высшее понятие, ни самое низшее не отражают в себе всех индивидуальных признаков. И совершенно естественно полагает Риккерт, что чем выше и общее понятие, тем меньше в нем отражается конкретное содержание обобщенных им вещей. Индивидуальное и конкретное являются поэтому *абсолютной границей в процессе естественно-научных понятий*. Кроме того, что интенсивная и экстенсивная бесконечность действительности навязывает нам этот способ приспособления к ней, мы в области естествознания и не заинтересованы

в том, чтобы охватить бесконечное многообразие специально индивидуальных свойств. Естествознание по своей природе и всей тенденции стремится к все большим и большим обобщениям, возвышаясь до той ступени, когда это обобщение становится законом природы. Только при таком достижении преодолевается бесконечное многообразие мировой действительности. Процесс образования естественно-научных понятий стремится со всей неудержимой силой от частного к общему, отбрасывая в своем стремительном движении все индивидуальные признаки. Этот метод образования понятий Риккерт называет методом генерализирующим.

. . . . . .

Если в области естествознания границей оказывается все индивидуальное, то в исторических науках, наоборот, их границу составляет о б щ е е, или же, как это формулирует сам Риккерт, т а м, г д е п р е к р а щ а е т с я е с т е с т в о з н а н и е, т а м н а ч и н а е т с я и с т о р и я.

Что же собственно можно назвать историческим? Согласно воззрению Риккерта, специфически-историческим могут считаться и, по его мнению, в действительности считаются такие события и такие личности, которые представляют собою нечто исключительное, из ряда вон выходящее и не поддающееся отвлеченному обобщению, другими словами, индивидуальное. Поясним это основное положение на следующих примерах. Великая Французская революция будет рассматриваться Риккертом как индивидуальное, единичное событие в истории человечества. То обстоятельство, что в ней участвовали люди, не составляет специфического исторического элемента, так как люди принимают участие во всех событиях. Деятельность людей, как таковая, обусловливает собою общее понятие, ничем не отличающееся по своему логическому содержанию от понятия естественно-научного. Далее, тот факт, что в Великой Французской революции люди вели между собою борьбу, также не может рассматриваться, как нечто исключительное, характеризующее собой эту эпоху в истории Франции и в мировой истории вообще. В этом отношении Великая Французская революция решительно ничем не отличается от греко-персидских войн, от Пелопоннесской войны, от реформации и т. д. Борьба людей между собою может также быть подведена под общее отвлеченное понятие. То же самое относится к рассмотрению исторических личностей: Александр Македонский, Юлий Цезарь, Наполеон, Бисмарк (излюбленный герой истории Риккерта), являясь объектами природы, входят бесконечно многими своими сторонами в естественно-научные понятия. В чем же состоит исторический характер Великой Французской революции и перечисленных исторических личностей? Исторической сущностью Великой Французской революции является не та совокупность черт и признаков, которые свойственны всем историческим событиям, а, наоборот, исторично в ней то, что о т л и ч а е т е е о т в с е х с о б ы т и й. То же самое имеет место и относительно перечисленных исторических личностей. Не то в них исторично, что их объединяет со всем человеческим родом, а историческим является как раз то, что их отличает от всех остальных людей.

Спрашивается далее, что именно, какие черты и какие признаки, отличающие события или личность, должны рассматриваться как исторические? Если, предположим, было бы сделано исследование всех собственных имен за весь период Великой Французской революции, а также за весь предшествовавший ей период и если бы в результате такого исследования оказалось, что в эпоху Великой Французской революции имена Павел и Мария были бы во много раз больше, чем в предшествовавшем периоде, — принадлежал бы этот индивидуальный факт к исторической категории? Или же может ли известный безумный поступок Герострата считаться историческим явлением? Конечно, нет, — отвечает на эти вопросы теория Риккерта. Следовательно историческим является не вообще индивидуальное, не индивидуальное, как таковое. А для того, чтобы индивидуальное могло быть признано, как нечто историческое, оно должно иметь какое-то иное, особое значение. Это значение данное индивидуальное событие получает благодаря его связи и благодаря его отношению к определенной ценности.

Таким образом, согласно теории Риккерта, исторические обобщения существуют, но эти обобщения слагаются не как в естествознании на основе сходных признаков в явлениях природы, но они образуются вследствие их отношения к какой-нибудь общей ценности. Событие или явление становится историческим индивидуумом в силу того, что это событие или это явление рассматривается как неотделимое е д и н с т в о по отношению к какой-нибудь общеобязательной ценности. Историческая действительность, точно так же, как и природа, являет нам бесконечное количество фактов. Для того, чтобы иметь возможность ориентироваться в этой бесконечности, необходимо устанавливать различие между существенным и несущественным с точки зрения исторической. В то время, как в естествознании такое преодоление бесконечного количества фактов совершается при помощи отбрасывания индивидуального и восхождения к общему, в истории наоборот о с т а в л я е т с я в с т о р о н е о б щ е е и п о д ч е р к и в а е т с я и н д и в и д у а л ь н о е. Что, например, Конвент составлял собою собрание людей, или же, что Робеспьер и Дантон были рождены женщинами и принадлежали к человеческому роду, являются такими обобщениями, которые для характеристики Французской революции не имеют ни малейшего значения. Конвент, Робеспьер и Дантон только тогда обнаружат свое специфически историческое значение, когда их деятельность будет рассматриваться под углом определенной ценности. Пусть этой ценностью будет гражданская и политическая свобода, которая являлась одной из целей Великой Французской революции, тогда деятельность Дантона и Робеспьера, рассматриваемая с точки зрения этой общей ценности, получит историческое значение постольку, поскольку она являлась необходимым средством в процессе достижения этой цели, иначе говоря, поскольку она находилась в неразрывной связи с общей ценностью. Вот как формулирует Риккерт специфический характер исторических явлений: «История есть наука, имеющая дело с д е й с т в и т е л ь н о с т ь ю, поскольку она имеет дело с однократ-

ными, индивидуальными действительностями, как таковыми, она есть наука, имеющая дело с действительностью, поскольку она становится на общеобязательную для всех точку зрения рассмотрения и поэтому делает объектом своего трактования лишь имеющие значение, благодаря отнесению их к некоторой общей ценности, индивидуальные действительности или исторические индивидуумы». Дальше. История человечества помимо того, что она являет собой ряды отличных друг от друга событий во времени, в процессе ее деятельности и развития входят определенные коллективные индивидуальности. Такими конкретными индивидуальностями являются исторические нации. С точки зрения естественно-научного понятия немцы ничем не отличаются от французов, греков или европейцев вообще. «Итак, — рассуждает Риккерт, — разумеем ли мы под греческим или немецким то, что мы находим у всех греков, или немцев? Вряд ли кто-либо будет склонен дать на этот вопрос утвердительный ответ. Устанавливать природу немцев в том смысле, в каком оптика исследует природу света, значило бы игнорировать то, что мы имеем в виду выразить словом «немецкое». И греки или немцы столь же мало допускают естественно-научное трактование, как и единичные личности». Итак, согласно воззрению Риккерта, национальность представляет собою конкретную воззрительную индивидуальность, которая подводится под общую категорию ценности.

Мы видим, таким образом, что как исторический материал, рассматриваемый в пространстве, т. е. в смысле его элементов различия действующих в истории национальностей, так и различие событий, развертывающихся во времени, представляют собой строго очерченные индивидуальности. Отсюда, а также из всего вышесказанного, следует общий вывод, что метод рассмотрения истории есть метод индивидуализирующий.

Сделанное до сих пор сжатое, но, думается нам, полное изложение различия между образованием естественно-научных понятий при помощи генерализирующего метода и индивидуализирующим историческим методом, которым, кстати сказать, обычно удовлетворялась историческая и социологическая критика теории Риккерта, не исчерпывает исторической теории нашего мыслителя. Ибо встает вопрос, и самый существенный вопрос о понятии развития и о применении этого понятия к историческому движению.

. . . . . .

... Перейдем... к общей формулировке узкого специфического понятия «развитие», которое дается Риккертом и которое имеет в его системе философских взглядов решающее значение. Вот что он говорит об этом важном вопросе: «И фактически ведь всякий, слыша слово «развитие», уже соединяет с ним значение, которое нельзя свести к понятию простого только ряда изменений». «Ведь, когда мы говорим, что нечто «развивается», то при этом заранее имеем в виду или конец или совокупность соответственного процесса и относим к первому или к последней различные стадии, таким образом, как будто они приводили к некоторой цели». Вполне очевидно, что,

с точки зрения нашего автора, специфическое понятие «развития», отличающееся от понятия простого становления, характеризуется тем, что оно включает в себя момент *цели*. Понятие цели приобретает таким образом решающее значение и в этой отрасли естествознания, где дело идет о живых организмах. Так, например, согласно убеждению Риккерта, биология не может обойтись без телеологического принципа. Развитие организма, являя собой восхождение от низшего к высшему, определяется целью. «Итак, — заключает свои рассуждения Риккерт, — органическое развитие необходимо есть телеологическое развитие, и поэтому наука о нем никогда не может отвлечься от всякой телеологии»...

Общим верховным критерием философии истории служит, согласно окончательным выводам Риккерта, *категория прогресса*. Только на основании определения содержания прогресса является возможность сделать отбор в сфере накопленных исторических фактов и подвести их под общее понятие *ценности*. Без такого критерия, думает наш мыслитель, всякое историческое воззрение лишено возможности сделать какие бы то ни было обобщения. Без точки зрения ценности сравнение одной эпохи с другой совершенно невозможно. Исторические периоды представляли бы собой ничем несвязанные между собою индивидуальности. Историческая наука должна рядом с расчленением исторического содержания, т. е. рядом с анализом и группировкой исторических фактов, оценить различные стадии единичного прогресса развития в отношении того, что *каждая из этих стадий сделала* для осуществления данной ценности. Если, например, высшая ценность, которую реализовала Великая Французская революция, была победа третьего сословия над господствовавшими до него дворянством и духовенством, то все стадии Французской революции должны рассматриваться с точки зрения того, что каждая стадия сделала для осуществления этой ценности. Рассматривая тот или другой процесс исторической действительности с точки зрения ценности, историк волей-неволей становится на почву *нравственного* долженствования. «Философия истории, — утверждает Риккерт, — должна не только устанавливать связь между прошедшим, настоящим и будущим, но прямо-таки *судить его* (прошедшее. — *Орт.*) т. е. мерить его ценность *с точки зрения своего идеала*». В действительности, уверяет Риккерт, все философско-исторические точки зрения, как бы они ни открещивались от применения теории ценности к исторической науке, как бы они ни стремились построить философию истории на основе естественно-научного метода, все они скрытым образом руководствуются теми или другими оценками. «Что философское трактование, — пишет он, — исторического универсума по существу своему носит систематический характер и вместе с тем необходимо связано с оценкой, — это может остаться неясным лишь для тех, кто, как это часто случается, не в состоянии различить между *бытием и долженствованием*, *между действительностью и ценностью*». Мы пришли таким образом к самой вершине или, если угодно, к самому осно-

ванию философии истории Риккерта, — к трансцендентному нравственному долженствованию. Главным, точнее единственным и решающим критерием исторической действительности служит учение Канта о чистом, формальном идеале, о долженствовании в себе. Исторические индивидуумы, т. е. индивидуальные и непохожие друг на друга исторические события, объединяются в определенные группы и рассматриваются как связанные между собою стадии развития при помощи нравственного долженствования, тождественного с категорией прогресса. В конечном итоге четко выделяется в этой философско-исторической доктрине гносеологический и метафизический дуализм Канта. В естествознании наши познавательные формы, наш рассудок действует дискурсивно, объединяя и упорядочивая чувственные данные по их сходству и различию, образуя таким путем общие отвлеченные понятия. Тут, в этой сфере, имеет место полное равнодушие и бездушный механизм, необходимые для достижения строгой теоретической истины. В истории же, напротив того, обобщающим и объединяющим началом служит практический разум, творческая нравственная воля, которая придает ценну и смысл исторической действительности. Риккерт придал этой кантовой теории более современный характер.

Совершенно сходную с исторической теорией Риккерта точку зрения на общественно-исторический процесс проводили у нас, в России, представители субъективной социологической школы П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский.

Аксельрод-Ортодокс, Критика основ буржуазного обществоведения и материалистическое понимание истории, изд. «Основа», Ив.-Вознесенск, 1924, 73—85.

Метод обобщения исторической науки отличается, как мы знаем, от метода исследования в естествознании. В области естествознания процесс образования понятий совершается на основании равнодушного механического констатирования сходства и различия общих признаков. Спрашивается, правильно ли это с точки зрения самого Риккерта? Верно ли, что в области естествознания отсутствует оценка, которая, как учит Риккерт, стоит в связи с ценностью? Более или менее внимательный анализ приводит к отрицательному ответу на поставленный вопрос... Риккертовская гносеология устанавливает принципиальные различия между представлениями и суждениями. Суждение отличается тем, что оно призвано вскрыть истину в отличие от ложных представлений. Отсюда совершенно ясно, что естествознание, устанавливающее общеобязательные законы, представляющие собою истину, в отличие от суеверия, предрассудков и вообще от всякого рода ложных представлений, должно быть по Риккерту же подведено под категорию ценности. В действительности процесс образования естественнонаучного понятия сопровождается оценкой и оценкой с точки зрения общей цели. Естествоиспытатель, который в своем исследовании устанавливает общие понятия на основании сходства признаков данных индивидуумов, действует вовсе не равнодушно, а кровным образом заинтересован в том,

чтобы достичь поставленной им цели, т. е. найти искомое общее в окружающем его бесконечном разнообразии. Его стремление к достижению истины в своей области может быть и бывает одушевлено таким же пафосом, как и защита любого нравственного идеала. И недаром же естествознание имеет своих мучеников, таких же самоотверженных мучеников, как и религия. Без оценки в смысле отношения субъекта к объекту не происходит ни одно человеческое д е й с т в и е. Выходит следовательно, что даже согласно воззрениям Риккерта нет ни малейшего основания для утверждения различия между методом в области естествознания и методом в исторической науке. Ибо, повторяем, идеал или долженствование участвуют в обеих дисциплинах. Утверждение этого различия представляется на первый взгляд вполне убедительным по той причине, что значение законов естествознания получило в настоящее время всеобщее и объективное признание. Между тем, как представители буржуазной мысли, исходя сознательно или бессознательно из чисто классовых соображений, оспаривают возможность исторической закономерности. Далее, Риккерт старается убедить нас в том, что в процессе образования понятия в области естествознания стирается индивидуальность. Иначе говоря, естественно-научное понятие по мере приближения к своему познавательному идеалу, т. е. к высшему обобщению, заключает в себе все менее и менее элементов действительности. Идеальной целью такого познания оказывается полное отвлечение от качественного бытия. «В содержании, — формулирует Риккерт свою мысль, — естественно-научных понятий не оказывается следов того воззрения, которое непосредственно представляется нам в опыте». «Или — раз образовано понятие — из него исчезло все действительное».

Это совершенно ошибочное положение, имеющее в учении Риккерта главное решающее значение и фигурирующее, кстати сказать, в учебниках логики, как неопровержимая истина, — имеет своим источником кантовский гносеологический дуализм, т. е. полный отрыв познавательных форм от материи опыта. При некотором размышлении нетрудно заметить, что понятие, якобы потерявшее все конкретное содержание, на основании которого оно образовалось, есть не более, как пустая и бессодержательная кантовская форма. Мы тут встречаем старую знакомую трансцендентальную апперцепцию, которая констатирует, как известно, тождество восприятия на основании тождества формального субъекта. Высшее понятие в его завершенной форме в виде общего закона является с этой кантовской точки зрения не чем иным, как законом нашего рассудка. Каждый закон природы, сформулированный в естествознании, есть не более, как полученный нами обратно закон нашего мышления. Это центральное положение критической гносеологии, повторяемое Риккертом, представляет собою полнейшее заблуждение.

. . . . . .

Все историческое построение приводит нашего автора к идеям о необходимости создания науки о культуре. Эта наука имеет своей задачей уста-

навливать различия между культурными ценностями, имеющими историческое значение, и такими культурными ценностями, которые его лишены. Как установление этого различия, так и приведение в систему культурных ценностей возможно при помощи категории общезначимой ценности. Но спрашивается еще раз, что же собственно означает общезначимая ценность, совершенно освобожденная от всякого конкретного и исторического содержания? И каким образом можно на основании этой отвлеченной ценности устанавливать различия между истинными и неистинными культурными ценностями? При вдумчивом и внимательном отношении становится совершенно очевидным, что Риккерт в этих своих главных рассуждениях вращается в странном заколдованном кругу. Скрытым образом предполагается, повидимому, различие между истинно и не истинно культурными ценностями на основании тех или других эмпирических действительных признаков и свойств в совершавшихся событиях, а затем утверждается обратно, что эти конкретные различия установлены на основании трансцендентного начала. Короче, форма отрывается от содержания, гипостазируется в самостоятельную сущность, которая объявляется абсолютным объективным началом на том единственном исключительном основании, что оно лишено всякого действительного содержания. Одним словом, с какой стороны ни подойти к исторической теории Риккерта, вывод один и тот же. Исторической теории, с точки зрения трансцендентной ценности, построить невозможно. Индивидуализирующий метод, который провозглашается Риккертом, как единственный верный метод для понимания исторической действительности и для раскрытия ее истинного смысла, представляет собою, мягко выражаясь, сплошное недоразумение, так как нет ни малейшей возможности фиксировать общезначимой ценности в конкретной исторической среде.

. . . . . .

В своем упорном и напряженном стремлении дать обоснование своей исторической доктрине, Риккерт совершает точно такую же операцию над историей, какую производит над субъектом, когда строит свою субъективную гносеологию. Он берет, например, эпоху Возрождения и для того, чтобы доказать ее абсолютную индивидуальность, р а д и к а л ь н о отличающую ее от всех других эпох, он вычитывает из нее все социальное содержание, объявляя их лишенными исторического значения, на том основании, что такое же содержание и такие же события по существу присущи всем эпохам. Борьба, например, за политическую власть, за экономическое господство или борьба религиозных течений, которую мы видим в эпоху Возрождения, нисколько не отличает эту эпоху от всех других стадий исторического развития. Те же явления встречаются в любом историческом периоде. После такого последовательного вычитания из эпохи Возрождения всего ее реального содержания, получается в результате одна пустая форма или, точнее, одно п у с т о е с л о в о, которое провозглашается истинной, абсолютной, неповторяющейся индивидуальностью, постигаемой лишь посредством трансцендентной ценности.

Эпоха Возрождения, конечно, отличается от эпохи падения Западной Римской империи, или от нашей современности, но это отличие определяется конкретными, реальными условиями, а не мистическим началом, которым в скрытой форме руководствуется Риккерт, когда после вычета из данной эпохи всю реальную сущность объявляет равной нулю, остаток — подлинной, исторической индивидуальностью. Истинно-исторический характер носят, учат нас Виндельбанд и Риккерт, лишь такие эпохи и такие события, которые воспринимаются нами «воззрительно», а воззрительно может быть воспринято лишь индивидуальное, или конкретное, так как конкретность или индивидуальность отождествляются нашими мыслителями. Но естественно встает снова вопрос, что это означает—воспринимать событие «воззрительно»? Каким это образом может историк воспринять эпоху Возрождения или империалистическую войну 1914 г. со следовавшими за нею революциями «воззрительно»? Совершенно очевидно, что, рассуждая с научной точки зрения, на которую и Виндельбанд и Риккерт, разумеется, претендуют, такого рода утверждение есть не более, как чистейший абсурд. Виндельбанд предвидит этот вопрос и дает на него весьма любопытный ответ. Он отвечает на поставленный вопрос следующим рассуждением: «В мышлении естествознания преобладает склонность к абстракции, в историческом мышлении, напротив — склонность к воззрительной наглядности (Anschaulichkeit); это утверждение покажется неожиданным только тому, кто привык материалистически ограничивать понятие воззрения (Anschauung) психическим восприниманием чувственного данного и кто забывает, что для духовного взора также возможна воззрительная наглядность, т. е. индивидуальная жизненность идеально данного». Так, исторические события воспринимаются не чувственно, как это утверждается «грубыть материализмом», а они, события, открываются «духовному взору», как воззрительная индивидуальная жизненность идеального». Другими словами, истинно исторические явления постигаются сверхчувственным порядком, при помощи чистого интеллектуального созерцания, или, выражая эту же мысль в более распространенной форме, путем откровения. Тут, конечно, логическому анализу, о котором говорят так много Виндельбанд и Риккерт, нет места. Тут можно лишь сказать:

«В новизне твоей нам наша старина слышится».

Но возникает новый вопрос, вопрос о том, как возможно согласно такому взгляду историческое событие? Если исторический процесс представляет собою ряд ничем не связанных между собою, замкнутых в себе исторических индивидуумов, постигаемых лишь путем чисто интеллектуального, т. е. мистического созерцания, то что же собственно развивается, и на каком основании возможно, с точки зрения такого метафизического индивидуализма, говорить об историческом развитии, о котором так пространно рассуждает Риккерт? Совершенно ясно для всякого, даже посвященного в тайны гносеологического, трансцендентального

идеализма, что о развитии при таком воззрении на историческую действительность не может быть и речи. А между тем принцип играет огромную, если не решающую, роль в исторической теории наших мыслителей. Становление, рассуждает Риккерт, имеет место и в природе. Все течет, все подвержено непрерывному изменению, но в области природы, исследованием которой занимается естествознание, мы не говорим о прогрессе. Естествознание ограничивается тем, и в этом его истинная задача, что констатирует факты, избегая всяких оценок. Другое дело становление или развитие в исторической области, где оценки неизбежны и необходимы и где они совершаются на основании ценности, т. е. трансцендентных норм. Идея прогресса имеет, следовательно, своим источником трансцендентную ценность постольку, поскольку последняя служит масштабом для сравнения исторических стадий между собой и для их квалификации. Итак, идея прогресса трансцендентна, т. е. сверхопытна, но для того, чтобы она получила возможность применения, д о л ж е н б ы т ь н а л и ц о п р о ц е с с с т а н о в л е н и я, т. е. р а з в и т и е. А отсюда следует с неоспоримой необходимостью, что там, где невозможно развитие, т. е. становление, там не может и быть речи о прогрессе. С другой стороны, развитие, согласно индивидуализирующему методу, представляется, как мы только что видели, абсолютной, безусловной невозможностью.

Не выдерживает ни малейшей логической критики также взгляд Риккерта на роль личности в истории. Выдвигая крупную личность как самую высшую ценность и приписывая ей могучее, даже господствующее значение, он в то же время это приписываемое ей значение не объясняет и, исходя из своей доктрины, объяснить не в состоянии. Ибо что означает влияние выдающейся личности на историю и как это влияние возможно? Влияние личности означает проникновение в окружающую историческую среду творчества этой личности, будь это теоретического характера или практического свойства. Возможным это влияние представляется лишь при том необходимом условии, если между окружающей исторической средой или, выражаясь конкретнее, массой существует такая общая связь, которая делает восприятие творчества личности осуществимым. У Риккерта же эта действенная связь отсутствует совершенно. Во-первых, потому, что все исторические события и действия представляют собою обособленные и замкнутые индивидуальности; во-вторых, масса, на которую личность должна воздействовать, выбрасывается Риккертом фактически за борт истории, являясь в его глазах совокупностью средних экземпляров, лишенных индивидуальности и по тому самому исторического смысла.

Весьма интересны рассуждения нашего автора о требовании некоторых историков изображать типичное из исторической жизни. Типичное, — думает он, — должно рассматриваться не как нечто среднее, а наоборот, как исключительное и образцовое. Если, например, Гёте и Бисмарк являются типичными немцами, то разумеется не потому, что они равняются каждому среднему немцу, а напротив вследствие того, что они отличаются от всех

немцев, представляя собою образец немецкой национальности. Отсюда следует, что вся немецкая масса во всем ее целом есть совокупность средних экземпляров, среди которых выделяются лишь некоторые индивидуумы, представляющие собою исторический интерес и заслуживающие внимания историков. Правда, бывают случаи, когда то или другое исключительное действие масс может стать историческим индивидуумом, как, например, крестовые походы, крестьянские войны и тому подобные массовые выступления. Но в таком же смысле может стать историческим индивидуумом то или другое место земного шара, благодаря происходящему на нем событию, как, например, Седан, Бородино и т. п. Короче, деятельность масс, ее жизнь, ее творчество в ее повседневности исключаются по существу из области истинно исторического царства. В конечном счете Риккерт, после всего своего субтильного и хрупкого анализа, после всех гносеологических экскурсий и после всех логических расчленений, пришел к строму, архистарому воззрению на историю и, соответственно этому, воззрению на задачу историка.

Как для наивных историков далекого прошедшего, так и для Риккерта истинно историческими явлениями, заслуживающими внимания историка, сказываются явления, которые бросаются в глаза каждому обывателю, как, например, та или другая «благодетельная» реформа божьей милостью короля, подвиг полководца, ловкий ход дипломата или наконец творчество крупной личности. Мы знаем, что в этом смысле и согласно такому воззрению на исторический характер того или другого события истолковывалась и писалась история подавляющим большинством историков с момента ее возникновения до начала XIX столетия. Как уже было разъяснено Энгельсом и Плехановым и как это упомянуто выше, только историки реставрации взглянули иначе на свое дело. Под влиянием массовых движений, завершившихся победой третьего сословия, историки реставрации выдвинули новое воззрение, более глубокое и уже по этому самому более верное, на истинно движущие силы исторического процесса. Центр тяжести был перенесен с поверхности на дно исторической жизни, труд, борьбу и движение народных масс. Большой, широкий охват предмета исследования, т. е. деятельности народных масс, классовой группировки, различных форм проявления классовой борьбы — все это богатство разнообразия и однообразия форм проявления социально-исторической действительности выявило существующую закономерность социально-исторического бытия. Наряду с вечной сменой форм социально-исторических явлений обнаруживается также п о с т о я н с т в о взаимоотношений. В массовой жизни четко выявляется, благодаря большому масштабу, повторение явлений общественной жизни и их причинной связи, обуславливающее собою возможность выведения социально-исторических законов.

В то время как действия отдельных личностей, облеченных властью или одаренных природой, могут казаться случайными проявлениями каприза или следствием творческой индивидуальной интуиции, деятельность масс, при более или менее внимательном отношении, ярко и неизбежно обнару-

живает железную и необходимую закономерность. Поэтому историки, устремившие свой взор на жизнь народных масс и признавшие возможным открыть исторические законы, поставили предмет изучения истории на истинно-научную почву. Историческая же теория Риккерта, выбрасывающая массовую жизнь за борт истории и отрицающая всякую историческую закономерность, является громадным шагом назад, не только в отношении исторического материализма, но и в отношении всех духовных предков самого Риккерта. Уже Платон... видел закономерность государственной жизни, когда отчетливо и сознательно сравнивал государство с организмом. Придавая единственное, исключительное значение лишь индивидуальному в истории, теория Риккерта представляет собою по внутреннему содержанию резкий протест и злую реакцию против современного движения пролетарских масс, строющих жизнь будущего человечества на основании строгой исторической закономерности.

С подобными выводами разбираемой нами теории ее автор, разумеется, не согласится. Более того, узнав об отношении к ней русских марксистов, Риккерт счел себя глубоко непопятым. В предисловии к русскому изданию «Философии истории», он категорически заявляет: «Я все же хотел бы здесь самым резким образом заявить, что видящий в моих взглядах политическую тенденцию рискует совершенно не понять их. Меня прозвали философом буржуазии. Почему? Потому, что я, между прочим, оспариваю так называемое, материалистическое понимание истории Маркса и Энгельса? Но я ведь оспариваю его не из политических, а из чисто логических соображений. Я пытаюсь показать, что политическая программа социализма выведена не на основании исторического материализма, но что, наоборот, материалистическое понимание истории обязано своим существованием политическим точкам зрения ценности. Это говорит, правда, против чисто теоретической ценности марксистской философии истории, но решительно ничего не говорит против или за политические идеалы социализма. Не существует ни буржуазной, ни пролетарской логики».

Исходя из доктрины трансцендентных ценностей, Риккерт не может, повидимому, понять, каким образом возможна оценка той или другой теории на основании исключительно теоретического научного анализа, не касаясь субъективных намерений автора. Известно, что материалистическое понимание истории учит нас не принимать на веру ту оценку, которую автор дает своей доктрине, а требовать критического рассмотрения данной теории по ее существу. Мы отнюдь не допускаем мысли о том, что профессор Риккерт, проведший всю свою жизнь в напряженной умственной деятельности, является любителем биржи и обожателем представителей финансового капитала. Но одно дело теория и другое дело субъективные намерения ее защитника. Далее, следует заметить, что логическому анализу материалистическое понимание истории по его существу не подвергалось ни Виндельбандом, ни Риккертом. В действительности и Виндельбанд и Риккерт делали лишь попутные вылазки против марксизма, никогда не касаясь его истинного вну-

треннего содержания и обвиняя его в том, что фактически и марксизм руководствуется не теоретическими соображениями, а исходит из теории ценности. Это, что называется, с больной головы, да на здоровую. Материалистическое понимание истории признает, конечно, оценки и не отвергает объективных норм, но и те и другие выводятся им из действительного исторического бытия, часть которого они составляют.

В общем и целом можно сказать, что теория Виндельбанда—Риккерта являет собою тонкую, изощренную, софистическую и весьма путанную защиту буржуазного индивидуализма и буржуазных культурных ценностей, которые освящаются и окропляются святой водой категорического императива.

Аксельрод-Ортодокс Критика основ буржуазного обществоведения и материалистическое понимание истории. Изд. «Основа», Нв.-Вознесенск, 1924, 93—105.

в. КРИТИКА ТЕОРИИ ФАКТОРОВ

Что такое социально-исторические факторы? Как возникает представление о них?

Возьмем пример. Братья Гракхи стремятся остановить гибельный для Рима процесс захвата общественных земель римскими богачами. Богачи сопротивляются Гракхам. Завязывается борьба. Каждая из борющихся сторон страстно преследует свои цели. Если бы я захотел описать эту борьбу, я мог бы представить ее, как борьбу человеческих страстей. Страсти явились бы, таким образом, «факторами» внутренней истории Рима. Но. как сами Гракхи, так и их противники, пользовались в борьбе теми средствами, которые давало им римское государственное право. Я, конечно, не позабуду об этом в моем рассказе и, таким образом, римское государственное право тоже окажется фактором внутреннего развития Римской республики. Далее: люди, боровшиеся против Гракхов, были материально заинтересованы в поддержании глубоко укоренившегося злоупотребления.

Люди, поддерживавшие Гракхов, были материально заинтересованы в его устранении. Я укажу и на это обстоятельство, вследствие чего описываемая мною борьба явится борьбою материальных интересов, борьбою классов, борьбою бедных с богатыми. Следовательно, вот у меня уже и третий фактор, и на этот раз самый интересный: знаменитый экономический фактор. Если у вас есть время и охота, вы, мой читатель, можете пространно рассуждать на тему о том, какой именно из факторов внутреннего развития Рима господствовал надо всеми: в моем историческом рассказе вы найдете достаточно данных для поддержания любого мнения на этот счет.

Что касается меня, то, пока я не выйду из роли простого рассказчика,— я не стану очень горячиться по поводу факторов. Их сравнительное значение меня не интересует. Как рассказчику, мне нужно одно: по возможности точно и живо изобразить данные события. Для этого я должен

установить известную, хотя бы только внешнюю связь между ними и расположить их в известной перспективе. Если я упоминаю о страстях, волновавших боровшиеся стороны, или о тогдашнем устройстве Рима, или, наконец, о существовавшем в нем неравенстве имуществ, то я делаю это единственно в интересах связного и живого изложения событий. Достигнув этой цели, я почувствую себя совершенно удовлетворенным, равнодушно предоставляя философам решать, — господствуют ли страсти над экономией, или экономия над страстями, или, наконец, ничто ни над чем не господствует, так как каждый «фактор» пользуется золотым правилом: живи и жить давай другим.

Все это будет в том случае, если я не выйду из роли простого рассказчика, чуждого всякой склонности к «лукавому мудрствованию». А что будет, если я не ограничусь этой ролью, если я пущусь философствовать по поводу описываемых мною событий? Тогда я уже не удовольствуюсь одною внешнею связью событий; тогда я пожелаю открыть их внутренние причины, и те самые факторы, — человеческие страсти, государственное право, экономика — которые я прежде оттенял и выдвигал, руководимый почти одним только художественным инстинктом, получат в моих глазах новое, огромное значение. Они представятся мне именно этими искомыми внутренними причинами, именно теми «скрытыми силами», влиянием которых и объясняются события. Я создам теорию факторов.

Та или другая разновидность такой теории, действительно, должна родиться всюду, где люди, интересующиеся общественными явлениями, переходят от простого их созерцания и описания к исследованию существующей между ними связи.

Теория факторов растет, кроме того, вместе с ростом разделения труда в общественной науке. Все отрасли этой науки — этика, политика, право, политическая экономия и проч. — рассматривают одно и то же: деятельность общественного человека. Но они рассматривают ее каждая с своей особой точки зрения. Г. Михайловский сказал бы, что каждая из них «заведует» особою «струною». Каждая «струна» может быть рассматриваема, как фактор общественного развития. И в самом деле, мы можем теперь насчитать почти столько же факторов, сколько существует отдельных «дисциплин» в общественной науке.

После сказанного, надеемся, понятно, что такое социально-исторические факторы и как возникает представление о них.

Социально-исторический фактор есть а б с т р а к ц и я, представление о нем возникает путем о т в л е ч е н и я (абстрагирования). Благодаря процессу абстрагирования, различные с т о р о н ы общественного ц е л о г о принимают вид обособленных к а т е г о р и й, а различные проявления и выражения деятельности общественного человека — мораль, право, экономические формы и проч. — превращаются в нашем уме в особые силы, будто бы вызывающие и обуславливающие эту деятельность, являющиеся ее последними причинами.

Раз возникла теория факторов, необходимо должны начаться споры о том, какой фактор нужно признать господствующим.

Между «факторами» существует взаимодействие: «каждый из них влияет на все остальные и, в свою очередь, испытывает на себе влияние всех остальных». В результате получается такая запутанная сеть взаимных влияний, прямых действий и отраженных воздействий, что у человека, задавшегося целью объяснить себе ход общественного развития, начинает кружиться голова, и он чувствует непреодолимую потребность найти хоть какую-нибудь нить для выхода из этого лабиринта. Так как горький опыт убедил его в том, что точка зрения взаимодействия приводит лишь к головокружению, то он ищет другой точки зрения; он старается упростить свою задачу. Он спрашивает себя, не является ли какой-нибудь из социально-исторических факторов первой основной причиной возникновения всех остальных. Если бы ему удалось решить этот основной вопрос в утвердительном смысле, то его задача действительно была бы несравненно проще. Положим, он убедился, что все общественные отношения всякой данной страны в своем возникновении и развитии обусловливаются ходом ее умственного развития, который, со своей стороны, определяется свойствами человеческой природы (идеалистическая точка зрения). Тогда он легко выходит из заколдованного круга взаимодействия и создает более или менее стройную и последовательную теорию общественного развития. Впоследствии, благодаря дальнейшему изучению предмета, он увидит может быть, что он ошибался, что нельзя признать умственное развитие людей первой причиной всего общественного движения. Сознаваясь в своей ошибке, он в то же время заметит, вероятно, что ему все-таки полезно было его временное убеждение в господстве умственного фактора над всеми остальными, так как без этого убеждения он не сошел бы с мертвой точки взаимодействия и ни на один шаг не подвинулся бы к пониманию общественных явлений.

Было бы несправедливо осуждать такого рода попытки установить ту или иную иерархию между факторами общественно-исторического развития. Они были так же необходимы в свое время, как неизбежно было появление самой теории факторов. Антонио Лабриола, полнее и лучше всех других материалистических писателей разобравший эту теорию, очень верно говорит, что «исторические факторы представляют собою нечто гораздо меньшее, чем наука, и гораздо большее, чем грубое заблуждение». Теория факторов принесла свою долю пользы науке. Специальное изучение историко-социальных факторов послужило, — как служит всякое эмпирическое изучение, не идущее дальше видимого движения вещей, — к усовершенствованию наших орудий наблюдения и дало возможность найти в самих явлениях, искусственно изолированных посредством отвлечения, ту связь, которая соединяет их с общественным целым». В настоящее время знакомство со специальными общественными науками необходимо для всякого, кто пожелал бы восстановить какую-нибудь часть прошлой жизни человечества. Историче-

ская наука недалеко ушла бы без филологии. А мало ли услуг оказали науке односторонние романисты, считавшие римское право писанным разумом?

Но как бы ни была законна и полезна в свое время теория факторов, она не выдерживает теперь критики. Она расчленяет деятельность общественного человека, превращая различные ее стороны и проявления в особые силы, будто бы определяющие собою историческое движение общества. В истории развития общественной науки эта теория играла такую же роль, как теория отдельных физических сил в естествознании. Успехи естествознания привели к учению об единстве этих сил, к современному учению об энергии. Точно так же и успехи общественной науки должны были повести к замене теории факторов, этого плода общественного анализа, синтетическим взглядом на общественную жизнь.

Синтетический взгляд на общественную жизнь не составляет особенности современного нам диалектического материализма. Его мы находим уже у Гегеля, для которого задача состояла в научном объяснении всего общественно-исторического процесса, взятого во всем его целом, т. е. между прочим, со всеми теми сторонами и проявлениями деятельности общественного человека, которые людям абстрактного мышления представлялись в виде отдельных факторов. Но Гегель, в своем качестве «абсолютного идеалиста», объяснял деятельность общественного человека свойствами всемирного духа. Раз даны эти свойства — дана «an sich» вся история человечества, даны и ее конечные результаты. Синтетический взгляд Гегеля был в то же время телеологическим взглядом. Новейший диалектический материализм окончательно устранил телеологию из общественной науки.

Он показал, что люди делают свою историю вовсе не затем, чтобы шествовать по заранее начертанному пути прогресса, и не потому, что должны повиноваться законам какой-то отвлеченной (по выражению Лабриола — метафизической) эволюции. Они делают ее, стремясь удовлетворить свои нужды, и наука должна объяснить нам, как влияют различные способы удовлетворения этих нужд на общественные отношения людей и на их духовную деятельность.

Способы удовлетворения нужд общественного человека, да в значительной степени и сами эти нужды определяются свойствами тех орудий, с помощью которых он в большей или меньшей степени подчиняет себе природу; иначе сказать, они определяются состоянием его производительных сил. Всякое значительное изменение состояния этих сил отражается также и на общественных отношениях людей, т. е., между прочим, и на их экономических отношениях. Для идеалистов всех видов и разновидностей экономические отношения были функцией человеческой природы; материалисты-диалектики считают эти отношения функцией общественных производительных сил.

Отсюда следует, что, если бы материалисты-диалектики считали позволительным говорить о факторах общественного развития иначе, как с целью критики этих устарелых фикций, то они прежде всего должны были поста-

вить на вид так называемым экономическим материалистам изменчивость их «господствующего» фактора; новейшие материалисты не знают такого экономического порядка, который один соответствовал бы человеческой природе, между тем, как все другие виды экономического общественного устройства являлись бы следствием большего или меньшего насилия над нею. По учению новейших материалистов, человеческой природе соответствует всякий экономический порядок, соответствующий состоянию производительных сил в данное время. И наоборот, любой экономический порядок начинает противоречить требованиям этой природы, едва только он приходит в противоречие с состоянием производительных сил. «Господствующий» фактор сам оказывается, таким образом, подчиненным другому «фактору». Ну, а после этого какой же он «господствующий»?

Плеханов, О материалистическом понимании истории, Соч., VIII, Гиз. 1923, 242—246.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ СОСТАВИТЕЛЯ

Проблемой производительных сил и производственных отношений мы начинаем изучение законов движения человеческого о б щ е с т в а с точки зрения исторического материализма.

Если человек, как мы говорили, образовался (вышел из животного мира) вместе с обществом (как о б щ е с т в е н н ы й человек), то общество развилось в природе и на основе материальных элементов, взятых из природы. Вещи природы, вовлеченные в общественный процесс, подвергаются действию не только законов движения природы, но и действию законов движения общества. Законы движения общества отличны от законов движения природы: в то время как законы движения природы обязательны для общества (для вещей природы, вовлеченных в общественный процесс), законы движения общества оказывают свое воздействие на природу лишь в случае своей согласованности с законами природы, представляя таким образом высшую, качественно отличную форму по отношению к ним.

Общество, развиваясь среди природы, зависит от материальных ресурсов, доставляемых природой. Величина этой зависимости неодинакова на разных стадиях общественного развития, — она изменяется вместе с развитием общества. Процесс ее изменения есть вместе с тем процесс изменения общества.

Таким образом, развитие общества тесно связано с материальными процессами, при посредстве которых общество добывает себе средства существования. Материальные элементы этих процессов, являясь по существу уже и общественными элементами, дают отправные моменты для материалистического понимания истории.

В целях учебной проработки, тема строится по следующему плану:

1. П р о и з в о д и т е л ь н ы е с и л ы

а. Природа и общество. Географическая среда.

б. Элементы, образующие материальные производительные силы общества.

в. Значение средств производства в составе производительных сил.

г. Роль рабочей силы в составе производительных сил.

д. Диалектика производительных сил.

е. Иллюстративный материал: Промышленная революция XVIII века и рост машинизма.

2. Производственные отношения

а. Производственные отношения, зависимость их от производительных сил.

б. Влияние производственных отношений на развитие производительных сил.

в. Экономические структуры.

3. Диалектика производительных сил и производственных отношений.

а. Разделение труда и его развитие.

б. Развитие производительных сил при капитализме.

в. Развитие производительных сил в СССР.

а. Природа и общество. Географическая среда. Общественный человек воздействует на природу при посредстве материальных агентов, вырываемых им из самой природы. Вытекающий из борьбы за существование процесс воздействия общественного человека на природу складывается в зависимости от окружающей природы и наличия у человека тех или иных средств труда, созданных в этих условиях. Таким образом предпосылки для воздействия на природу со стороны человека заключены в самой природе, и человек постоянно ограничен этими предпосылками; но на каждой ступени его исторического развития эта ограниченность условна: чем выше материальное производство человека, тем шире его воздействие на природу, тем больше он использует силы природы. Связанные с этим вопросы о внешней среде, климате, расе и народонаселении составляют введение к изучению вопроса о строении развитии производительных сил и объединены ниже под общим заголовком о значении географической среды.

Внимание здесь должно быть остановлено на следующих вопросах:

1. Внешняя среда и способ добывания средств существования в первобытном обществе;

2. Внешняя среда и орудия труда;

3. Внешняя среда и «природа» самого человека как рабочей силы;

4. Зависимость количества населения от добываемых средств существования, и

5. Внешняя среда и современное общество.

Все эти вопросы прорабатываются с той установкой, чтобы из них вытекала материальность элементов производительных сил и их закономерная связь с природой как таковой. Вопрос 3-й — о «природе»

человека как рабочей силы должен подготовить последующую трактовку рабочей силы как элемента, образующего материальные производительные силы общества и играющего свою большую роль.

б. Элементы, образующие материальные производительные силы общества. Труд есть процесс воздействия человека на природу. Материальными агентами этого воздействия являются: во-первых сам человек, его рабочая сила, и во-вторых—средства производства. В процессе труда агенты обоего рода соединяются и дают тот или иной полезный эффект, становящийся материальной предпосылкой для нового процесса труда. Совокупность этих агентов и образует материальные производительные силы общества.

В этой части анализа производительных сил, помимо общего определения понятия, следует остановиться еще на трех вопросах:

1. Естественные производительные силы («естественные богатства»,— недра, леса и пр.) и их отношение к материальным производительным силам общества;

2. Наука и материальные производительные силы общества (является ли наука производительной силой?);

3. Транспорт и материальные производительные силы общества (является ли транспорт производительной силой?).

Первый вопрос должен подчеркнуть тот момент, что материальные предметы природы для того, чтобы войти в состав производительных сил общества, должны обобществиться (должны быть введены в общественный процесс производства), а второй вопрос — обратное: явление общественного сознания, оказывающее огромное влияние на развитие производительных сил, может стать элементом производительных сил лишь постольку, поскольку оно воплотится в тех или иных средствах производства, или рабочей силе (квалификация), материализуется в них. Разбор обоих вопросов уточняет границы понятия производительных сил. Третий вопрос ставит на обсуждение понятие материального производства, что необходимо для четкого определения производительных сил.

в. Значение средств производства в составе производительных сил. К средствам производства можно подходить с двух сторон: со стороны значения их в составе производительных сил и со стороны влияния на группировку людей в обществе. Первый подход должен быть обсужден в связи с анализом понятия производительных сил, второй — в связи с изучением вопроса о производственных отношениях, в разделе втором.

Средства производства в составе производительных сил являются всякий раз показателем степени развития производительных сил, степени власти общественного человека над природой. Но средства производства — это довольно широкое понятие, — туда входят: орудия (и средства) труда и предметы труда. Вследствие этого вопрос должен быть расчленен и рассмотрен в отношении каждого из элементов, составляющих средства произ-

водства. Кроме того, средства производства в разных сферах материального производства (экстрактивной промышленности, земледелии, индустрии и транспорте), вследствие неравномерности развития, во всякий данный момент находятся на разных этапах развития. Поэтому и здесь необходим конкретный обзор.

Вопросы, здесь возникающие, могут быть проработаны по таким направлениям:

1. Значение средств производства в отношении к рабочей силе;

2. Значение орудий труда в отношении к другим средствам производства;

3. Почему нельзя отбрасывать наиболее пассивный элемент — предмет труда — из состава производительных сил;

4. Ведущая роль индустрии в отношении других сфер материального производства. Перемещение этой роли в процессе исторического развития.

Общая установка при проработке этих вопросов должна быть такая: нельзя при анализе производительных сил останавливаться только на о р у д и я х труда, а тем более ограничиваться орудиями труда и н д у с т р и и. Для правильного определения степени власти человека над природой требуется учет всех средств производства п о р а з н ы м сферам материального производства.

г. Р о л ь р а б о ч е й с и л ы в с о с т а в е п р о и з в о д и т е л ь н ы х с и л. Средства производства п р е д п о л а г а ю т наличие соответствующей рабочей силы. Этим положением как бы затушевывается роль рабочей силы. Человек в процессе труда производит преднамеренные изменения в предмете труда при п о с р е д с т в е средств труда. Отсюда роль человека в составе материальных производительных сил постоянно остается о с н о в н о й, актуальной, от которой зависит движение всего процесса производства. В связи с этим следует поставить один вопрос:

1. Определить отношение отдельных категорий участников материального производства в смысле их принадлежности к «рабочей силе» (как элемента материальных производительных сил общества) — рабочих разных профессий, техников, инженеров, конторщиков, сторожей и т. п.

Разбор вопроса проводится под углом д в и ж е н и я производительных сил. Социальные выводы сюда не относятся, они прорабатываются ниже, в связи с производственными отношениями.

д. Д и а л е к т и к а п р о и з в о д и т е л ь н ы х с и л. Зависимость качества и количества рабочей силы от находящихся в распоряжении общества средств производства исторически — не безусловна, а относительна. Диалектика взаимозависимости этих двух элементов, образующих производительные силы общества, может быть прослежена на переходе от мануфактуры к крупной промышленности. Первая была основана как-раз на максимально выявленных возможностях р а б о ч е й с и л ы, вторая — на максимальном использовании технических возмож-

ностей механизированных средств труда. Наибольшие достижения первой (при определенных социальных предпосылках) вызвали появление вторых. Достигнутая система труда овеществилась в виде машины. Рабочая сила стала выступать в новой роли и по-новому влиять как на средства труда, так и на исход процесса производства.

Разбор вопроса можно провести по следующим направлениям:

1. Рабочая сила ремесла, рабочая сила мануфактуры, рабочая сила крупной промышленности — в чем их различие.

2. Средства труда ремесла, средства труда мануфактуры и средства труда крупной промышленности — в отношении к рабочей силе.

Индивидуальная рабочая сила ремесла, при индивидуальном инструменте, переходит в коллективную рабочую силу, при еще более дробном индивидуальном инструменте в мануфактуре, и оказывается вооруженной коллективным инструментом (машиной, системой машин) в крупной промышленности, но уже при значительном изменении своей роли. Разбор этого диалектического процесса углубит понимание роли рабочей силы в составе производительных сил.

е. Иллюстративный материал. Промышленная революция XVIII в. и рост машинизма. Многие из перечисленных выше основных положений о материальных производительных силах общества иллюстрируются ниже конкретным материалом из сочинений Маркса и Энгельса, подобранным в связи с промышленной революцией XVIII века.

Этот материал распределен по следующему плану:

1. Изобретение машин. Начало промышленной революции (Маркс, Капитал, т. I, с. 326-27; Энгельс, Положение рабочего класса в Англии, с. 19 — 22). (Здесь, помимо исторических фактов, можно видеть на конкретном примере: взаимозависимость орудий труда в разных отраслях производства; распределение рабочей силы в зависимости от распределения средств труда; отличие механического орудия от ручного; выделение двигателя в самостоятельное орудие труда).

2. Сущность промышленной революции. Вопрос о паровом двигателе (Маркс, Капитал, т. I, с. 353—55 и 348—53). (Сила лошади, сила ветра, сила воды — их отношение к производительным силам общества; основные части машины и их роль в промышленной революции; роль рабочей силы, занятой машинным трудом).

Технический базис внутри мануфактуры для создания машинной промышленности (Маркс, Капитал, т. I, с. 359—61; Маркс, Письмо Энгельсу от 28 января 1863 г. Письма, с. 107-109). Появление машины на базисе ручного труда; спорадическое применение машин до XVIII в.).

4. Рост машинизма после промышленной революции (Маркс, Капитал, т. I, с. 361—64). (Взаимозависимость отдельных отраслей промышленности и сфер материального производства).

5. Рост промышленности после промышленной революции (Энгельс, Положение рабочего класса в Англии, с. 22—30). (Темп развития производительных сил при введении машинного производства).

а. Производственные отношения, зависимость их от производительных сил. В процессе труда люди воздействуют не только на природу, но и друг на друга. Работая, они устанавливают взаимные отношения, которые в целом образуют то, что называется обществом. Общество есть трудовая организация людей и общественные отношения поэтому есть в то же время отношения производственные: оба понятия означают одно и то же. Но люди, в силу разделения труда, заняты в разных отраслях общественного труда в целом: одни — в материальном производстве, другие — в отраслях так называемого «духовного» производства. Ленин в «Друзьях народа» (см. ниже отрывок из т. I, с. 70) называет первые отношения материальными (или просто производственными, см. т. I, с. 61), а вторые — идеологическими. Последний термин в нашей литературе «прав гражданства» не получил, тем не менее устанавливаемое им отличие очень существенно и упускать его из виду при изучении «производственных отношений» нельзя. Поскольку в данном разделе мы касаемся материального производства, под производственными отношениями имеются в виду отношения, существующие в материальном производстве, в своей совокупности образующие экономическую структуру общества.

Сами по себе производственные отношения могут быть рассматриваемы с двух сторон: со стороны технической роли той или иной группы людей в производственном процессе и со стороны отношений собственности на средства производства*. Исторически обе стороны претерпевают ряд превращений (буржуазия в феодальном обществе совмещала роли технического организатора производства и собственника средств производства, в то время как в современном буржуазном обществе она остается собственником средств производства, утратив роль технического организатора производства; рабочий класс при господстве буржуазии исполняет технические функции в производстве, не имея прав собственности на средства производства, в то время как обе эти роли он будет воплощать в социалистическом обществе и уже теперь воплощает в СССР), и их различение необходимо.

Наравне с термином «производственные отношения» существует другой—«способ производства», который выражает то же понятие, что и первый, но в нашей литературе почти всегда употребляется в смысле распределения в обществе средств производства (например, феодальный, буржуазный способы производства).

---

* Мы опускаем третью сторону — отношения распределения, как целиком зависящую от первой, представляющую обратную сторону отношений собственности на средства производства.

Поскольку способ производства зависит от уровня развития производительных сил, следует подойти здесь к этим последним со стороны их влияния на то или иное строение общества.

Вопросы, сюда относящиеся, можно проработать по такому плану:

1. Производительные силы и производственные отношения в первобытно-коммунистическом обществе;

2. Производительные силы и производственные отношения в родовом обществе;

3. Производительные силы и производственные отношения в феодальном обществе;

4. Производительные силы и производственные отношения в буржуазном обществе, и

5. Производительные силы и производственные отношения в социалистическом обществе.

При разборе этих вопросов демонстрируется значение отдельных элементов производительных сил, попеременно оказывающих свое актуальное влияние в различные эпохи человеческого развития.

Так как эти вопросы, в целом, охватывают понятие «экономических структур», материалом к ним служат так же отрывки, помещенные под этим заголовком ниже (см. стр. 221 и сл.).

б. Влияние производственных отношений на развитие производительных сил. Складываясь на основе добытых производительных сил, производственные отношения являются условием движения этих сил. Та или иная социальная форма (общественная, экономическая структура) всегда присуща производительным силам. Она определяет не только движение производительных сил, но и его темп и характер (конечно, вместе с другими условиями, например наличием залежей и т. п.)*.

В «Немецкой идеологии» мы имеем замечание, сделанное рукой Маркса, что «способ совместной деятельности есть сам некоторая «производительная сила»**. В «Капитале» о кооперации говорится как о «производительной силе». Поэтому у учащихся обычно поднимается вопрос о принадлежности «производительной силы совместного труда» к элементам материальных производительных сил общества. Решение его предыдущим анализом понятия производительных сил предрешено. Вследствие такого положения

---

* Мы все время касаемся различия производственных сил и производственных отношений, говорим о них как о разных категориях. Но нужно помнить и об их единстве: в реальной жизни производительные силы и производственные отношения представляют собой две стороны единого целого. Развитие этого целого образует движение экономической структуры от одной формы к другой.

** «...Определенный способ производства или промышленная ступень всегда связаны с определенным способом сотрудничества или определенной общественной ступенью (рукою Маркса: и этот способ совместной деятельности есть сам некоторая производительная сила)» (Архив Маркса и Энгельса, кн. 1, с. 220).

разбор влияния производственных отношений на развитие производительных сил крайне важен для усвоения проблемы в целом.

Подобранные ниже материалы захватывают разные моменты этого влияния.

Работу можно провести по следующим путям:

1. Кооперация и ее влияние на производительные силы;

2. Социальный антагонизм и производительные силы.

Первый вопрос расчленяется на ряд других: влияние простой кооперации отмечается в приведенном у нас отрывке из I тома «Капитала», примеры влияния сложной кооперации могут быть взяты из экономической жизни, когда развитое разделение труда вызывает то или иное изменение производительных сил (из-за рыночных колебаний и т. п.). У нас дан маленький отрывок из «Нищеты философии» (со с. 113) о влиянии, оказанном развитием английской торговли на замену ручного труда машинным.

Но к кооперации, совместной деятельности людей, оказывающей влияние на развитие производительных сил) в данном разрезе следует подойти и под углом зависимости ее от существующих орудий и средств труда. Примеры: кооперация в первобытном обществе (совместное владение естественными производительными силами — предметом труда), кооперация в мануфактуре (система индивидуальных орудий в руках крупного собственника) и кооперация в современной промышленности (крупная машина как основное орудие труда).

Второй вопрос может быть обогащен бесчисленными примерами из истории классовой борьбы рабочих и буржуазии, непосредственным результатом которой являлось введение машин в замену ручного труда. Закончить этот вопрос нужно общим разбором роли диктатуры пролетариата для строительства социализма.

в. Экономические структуры. Подобранный из сочинений Маркса, Энгельса, Плеханова и Ленина материал, характеризующий основные экономические структуры общества, является, по существу, иллюстративным при изучении основ исторического материализма. Помимо общей характеристики исторических способов производства, он дает много примеров для обоснования вопросов, выше затронутых.

Материал по экономическим структурам распределен по следующему плану:

1. Производственные отношения в дофеодальном обществе (отрывки от: Маркс и Энгельс, Архив, I, с. 254—256, до: Энгельс, Диалектика природы, Архив, II, с. 87 — включительно);

2. Феодальное общество и зарождение буржуазных производственных отношений (от: Маркс, Письмо Анненкову, Письма, с. 9, до: Маркс Письмо Энгельсу, Письма, с. 83—84 — включительно);

3. Буржуазное капиталистическое общество (от: Маркс и Энгельс, Коммунистический манифест, с. 68—70, до: Ленин, XVII, с. 277 — включительно);

4. Структура советского государства (от: Ленин, XVIII, ч. 1, с. 216—221, до: Ленин, XVI, с. 254—255 — включительно).

При разборе каждой из экономических структур необходимо четко отмечать характер соединения рабочей силы со средствами производства (отношения собственности на средства производства), определяющий всякий раз тот или иной исторический способ производства. Разные вариации этих элементов, при качественной и количественной особенности их во всякую историческую эпоху, создают различные общественные структуры.

В реальном процессе общественного развития производительные силы и производственные отношения находятся в таком тесном взаимодействии, что многие стороны общественного развития не могут быть разобраны с с точки зрения одного из этих понятий. Здесь требуется учет диалектического взаимодействия обоих моментов. Маркс, ставя эту проблему во «Введении к критике политической экономии», замечал: «Диалектика понятий: производительные силы (средства производства) и производственные отношения, диалектика, границы которой подлежат определению и которая не уничтожает реального различия *. «Реальным различием» производительных сил и производственных отношений мы достаточно занимались выше. Нам нужно теперь подойти к вопросу шире.

Для наших целей при изучении диалектики взаимодействия производительных сил и производственных отношений вполне достаточно взять три момента: 1) разделение труда и его развитие, 2) развитие производительных сил при капитализме и 3) перерастание производительными силами производственных отношений (теория революции). Причем разбор последнего вопроса мы переносим в главу VI нашей книги, специально посвященную диалектике общественного развития и теории революции.

Последующая работа должна синтезировать те вопросы, к которым мы приходили до сих пор при анализе производительных сил и производственных отношений.

а. Разделение труда и его развитие. Процесс труда в своем развитии ведет к разделению труда. Достигнутая степень развития производительных сил всякий раз выражается в том или ином развитии связей между людьми, которое, в свою очередь, является предпосылкой для дальнейшего движения производительных сил. Этот процесс присущ всей истории общественного развития, следовательно имеет свою историю, которую нужно рассмотреть с трех сторон:

1. Разделение труда в обществе, его основные формы и их значение;

2. Разделение труда в мастерской (техническое разделение труда в мануфактуре и техническое разделение труда в современной промышленности);

3. Разделение труда в коммунистическом обществе.

---

* Маркс, К критике полит. экономии, «Моск. Раб.», 1922, с. 32.

К вопросу о разделении труда в обществе в целом относится и вопрос о «духовной» деятельности людей. Но поскольку мы пока касаемся лишь материального производства, останавливаться на «духовном производстве» здесь не можем. В общих чертах мы к нему подойдем в проблеме базиса и надстроек, в главе IV.

По своей установке в учебной работе весь вопрос о разделении труда должен послужить введением к проблеме классов и классовой борьбы.

б. Развитие производительных сил при капитализме. Каждая общественная формация возникает при определенных предпосылках в материальном производстве. Предпосылками этими являются производительные силы и производственные отношения. Производительные силы определяют группировку людей в обществе, но отношения в производстве, сложившись на данной основе, в свою очередь определяют тот или иной характер движения производительных сил и его темп.

Капиталистические отношения в производстве сложились на основе достигнутого к XV—XVI вв. развития производительных сил. Но, сложившись, они так быстро развили производительные силы, что за сто лет их существования в материальном производстве было сделано больше, чем за все предыдущее развитие, вместе взятое («Коммунистический манифест», с. 68). Конечно этому содействовал уровень, достигнутый в технике, в результате исторического развития ее, когда производительные силы основывались на базисе, революционном по своему материальному строю; но основой такого темпа движения производительных сил является способ производства. Вследствие этого, вопрос о развитии производительных сил при капитализме для нас представляет пример взаимодействия производительных сил и производственных отношений, где последние накладывают свой отпечаток на все развитие общества (и его материального производства).

Буржуазный способ производства появился при технике феодального ремесла, овладел этой техникой, образовал мануфактурное производство, произвел революцию в технике и создал крупное производство, основанное на применении машин. Все это сделано им в силу его специфической роли как производства за счет рабочего класса. Капиталистические производственные отношения, капиталистический способ производства таков, что при нем производительные силы движутся за счет чрезмерной эксплоатации одного класса другим, в условиях конкуренции (и анархии) производства. Эти отношения в производстве, появившись на определенном уровне развития производительных сил, развили эти силы и усложнились сами, до пределов, на которых они уже не могут развивать дальше эти силы. Производительные силы останавливаются. Способ производства изжил самого себя и должен быть устранен. Новые производительные силы определяют по-новому и отношения в производстве.

Вопрос можно проработать по таким разрезам:

1. Мануфактура как специфически капиталистическая форма производства, основанная на применении докапиталистических орудий труда;

2. Машина в капиталистическом применении как способ увеличения прибавочной стоимости;

3. Капиталистическое производство как обобществленное производство, движущееся стимулами, противоречащими основным интересам большинства членов общества.

Все эти вопросы довольно трудны для самостоятельной проработки учащимися, к тому же требуют специальной литературы. Мы их наметили с той целью, чтобы руководитель дал соответствующее направление проблеме при обсуждении ее в аудитории. Самими учащимися она может быть проработана в общих основах лишь по первой группе отрывков (до противоречий капитализма). Остальное усваивается лишь в результате проработки вопроса в аудитории.

в. Развитие производительных сил в СССР. Если капиталистическое производство движется конкуренцией, в условиях анархии производства, то социалистическое производство имеет свои, отличные от капитализма, стимулы движения. Социалистическое производство в Советском Союзе находится в окружении стихии мелкотоварного хозяйства крестьян. Такая конкретная обстановка вызывает своеобразие условий строительства социализма в нашей стране.

Разбор вопроса проводится по такому плану:

1. Буржуазные производственные отношения и социалистические отношения в производстве, принципиальная разница между ними.

2. Социалистическое соревнование и его место в системе социалистических производственных отношений.

3. Хозяйственные уклады СССР и их характеристика.

4. Пути развития мелко-товарного сектора в конкретных условиях СССР (капиталистический и социалистический пути развития крестьянского хозяйства).

Основная задача проработки вопроса заключается в установлении того положения, что диалектика производительных сил и производственных отношений, в конкретных условиях, создает возможность перехода от низших форм общества к высшим, минуя те этапы, которые проделал капитализм в «старых» странах. В частности, следует подчеркнуть то положение, что производственные отношения высшего типа, возникнув на базе крупной промышленности страны, оказывают решающее влияние на рост и качественную реконструкцию производительных сил отсталых сфер материального производства сельского хозяйства.

1. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ

а. ПРИРОДА И ОБЩЕСТВО. ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА

...Труд, как созидатель потребительных стоимостей, как полезный труд, является независимым от всяких общественных форм условием существования людей, вечной естественной необходимостью: без него не был бы возможен обмен веществ между человеком и природой, т. е. не была бы возможна сама человеческая жизнь.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 148—149.

Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью обусловливает, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того, чтобы присвоить вещество природы в известной форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Действуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в последней способности и подчиняет игру этих сил своей собственной власти. Мы не будем рассматривать здесь первых животнообразных инстинктивных форм труда. По сравнению с состоянием общества, когда рабочий выступает на товарном рынке как продавец своей рабочей силы, к глубинам первобытных времен относится то состояние, когда человеческий труд еще не освободился от своей примитивной, инстинктивной формы. Мы предполагаем труд в форме, составляющей исключительное достояние человека. Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже перед началом этого процесса имелся идеально, т. е. в представлении работника. Он не только изменяет форму того, что дано природой: в том, что дано природой, он осуществляет в то же время и свою сознательную цель, которая, как закон, определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю. И это подчинение не есть единичный акт. Оставляя в стороне напряжение тех органов, которыми выполняется труд, целесообразная воля, выражающаяся во внимании, необходима во все время труда, и притом необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, следовательно, чем меньше рабочий наслаждается трудом, как игрой физических и интеллектуальных сил.

Маркс. Капитал, I, Гиз, 1923, 148—149.

Человек в своем производстве может оперировать лишь так, как оперирует сама природа, т. е. может лишь изменять формы различных веществ.

Мало того. В этом труде формирования он непрерывно опирается на содействие сил природы. Следовательно, труд—не единственный источник производимых им потребительных стоимостей, материального богатства. «Труд есть отец богатства, — как говорит Вильям Петти, — земля — его мать».

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 9—10.

Наши человекоподобные предки, как и все другие животные, находились в полном подчинении природе. Все их развитие было тем совершенно бессознательным развитием, которое обусловливалось приспособлением к окружающей их среде путем естественного подбора в борьбе за существование. Это было темное царство физической необходимости. Тогда не загоралась даже заря сознания, а следовательно и свободы. Но физическая необходимость привела человека на такую ступень развития, на которой он стал мало-по-малу выделяться из остального животного мира. Он стал животным, делающим орудия. Орудие есть орган, с помощью которого человек воздействует на природу для достижения своих целей. Это орган, подчиняющий необходимость человеческому сознанию, хотя на первых порах лишь в очень слабой степени, если можно так выразиться, лишь клочками, урывками. Степень развития производительных сил определяет меру власти человека над природой.

Развитие производительных сил само определяется свойствами окружающей людей географической среды. Таким образом сама природа дает человеку средства для ее же подчинения.

Но человек не в одиночку ведет борьбу с природой: с ней борется, по выражению Маркса, общественный человек (der Gesellschaftsmensch), т. е. более или менее значительный по своим размерам общественный союз. Свойства общественного человека определяются в каждое данное время степенью развития производительных сил, потому что от степени развития этих сил зависит весь строй общественного союза. Таким образом, это строение определяется, в последнем счете, свойствами географической среды, дающей людям большую или меньшую возможность развития их производительных сил. Но раз возникли известные общественные отношения, дальнейшее их развитие совершается по своим собственным внутренним законам, действие которых ускоряет или замедляет развитие производительных сил, обусловливающее историческое движение человечества. Зависимость человека от географической среды непосредственной превращается в посредственную. Географическая среда влияет на человека через общественную. Но благодаря этому отношение человека к окружающей его географической среде становится до крайности изменчивым. На каждой новой ступени развития производительных сил оно оказывается не тем, чем было прежде. Географическая среда совсем иначе влияла на британцев времени Цезаря, чем влияет она на нынешних обитателей Англии. Так разрешает современный

диалектический материализм противоречия, с которыми никак не могли справиться просветители XVIII века *.

Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, Соч., VII, Гиз, 1923, 244—245.

Никто не оспаривает важного значения орудий труда, огромной роли производительных сил в историческом движении человечества, — говорят нередко марксистам, — но орудия труда изобретаются и употребляются в дело человеком. Вы сами признаете, что пользование ими предполагает сравнительно очень высокую степень умственного развития. Каждый новый шаг в усовершенствовании орудий труда требует новых усилий человеческого ума. Усилия ума — причина, развитие производительных сил — следствие. Значит, ум есть главный двигатель исторического прогресса; значит, правы были люди, утверждавшие, что миром правят мнения, т. е. правит человеческий разум.

Нет ничего естественнее такого замечания, но это не мешает ему быть неосновательным.

Бесспорно, употребление орудий труда предполагает высокое развитие ума в животном-человеке. Но посмотрите, какими причинами объясняет это развитие современное естествознание.

«Человек никогда не достиг бы господствующего положения в мире без употребления рук, этих орудий, столь удивительно послушных его воле», — говорит Дарвин. Это не новая мысль,—ее высказал уже Гельвеций. Но Гельвеций, не умевший стать твердой ногой на точку зрения развития, не умел придать сколько-нибудь вероятный вид своей собственной мысли. Дарвин выдвинул на ее защиту целый арсенал доводов, и хотя все они, разумеется, имеют лишь гипотетический ** характер, но в своей совокупности они достаточно убедительны. Что же говорит Дарвин? Откуда взялись у quasi-человека *** его нижепие, совершенно человеческие руки, имевшие столь замечательное влияние на успехи его «разума»? Вероятно, они образовались в силу некоторых особенностей географической среды, сделавших по-

---

* Монтескье говорил: «дана географическая среда — даны свойства общественного союза: в одной географической среде может существовать только деспотизм, в другой — только небольшие независимые республиканские общества и т. д.». «Нет, — возражал Вольтер, — в одной и той же географической среде с течением времени появляются различные общественные отношения, следовательно, географическая среда не имеет влияния на историческую судьбу человечества: все дело в мнениях людей». — Монтескье видел одну сторону антиномии; Вольтер и его единомышленники — другую. Разрешалась эта антиномия обыкновенно лишь (с) помощью взаимодействия. Диалектический материализм признает, как мы видим, существование взаимодействия, но он при этом объясняет его, указывая на развитие производительных сил. Антиномия, которую просветители могли, в лучшем случае, лишь спрятать в карман, разрешается очень просто; диалектический разум и здесь оказывается бесконечно сильнее здравого смысла («рассудка») просветителей.

** Предположительный. *Сост.*

*** До-человека. *Сост.*

лезным физиологическое разделение труда между передними и задними конечностями. Успехи «разума» явились *отдаленным следствием* этого разделения и, — опять-таки при благоприятных внешних условиях, — стали, в свою очередь, ближайшей причиной появления у человека искусственных органов, употребления орудий. Эти новые искусственные органы оказали его умственному развитию новые услуги, а успехи «разума» опять отразились на органах. Тут пред нами длинный процесс, в котором причина и следствие постоянно меняются. Но ошибочно было бы рассматривать этот процесс с точки зрения простого взаимодействия. Чтобы человек мог воспользоваться уже достигнутыми успехами своего «разума» для усовершенствования своих искусственных орудий, т. е. *для увеличения своей власти над природой*, он должен был бы находиться в известной географической среде, способной доставить ему: 1) материалы, необходимые для усовершенствования; 2) предметы, обработка которых предполагала бы усовершенствованные орудия. Там, где не было металлов, собственный разум общественного человека ни в каком случае не мог вывести его за пределы «периода шлифованного камня»; точно так же для перехода к пастушескому и земледельческому быту нужны были известная фауна и флора, без наличности которых «разум остался бы неподвижным». Но и это не все. Умственное развитие первобытных обществ должно было идти тем скорее, чем больше было взаимных сношений между ними, а эти сношения были, конечно, тем чаще, чем разнообразнее были географические условия обитаемых ими местностей, т. е., следовательно, чем менее были сходны продукты, произведенные в одной местности, с продуктами, производимыми в другой *. Наконец, всем известно, как важны в этом отношении естественные пути сообщения; уже Гегель говорил, что горы разделяют людей, реки и моря их сближают **.

Географическая среда оказывает не менее решительное влияние и на судьбу более крупных обществ, на судьбу государств, возникающих на развалинах первобытных родовых организаций. «Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцирование, разнообразие ее естественных произведений составляет естественную основу общественного разделения труда и заставляет человека, в силу разнообразия окружающих его естественных условий, разнообразить свои собственные потребности, способности, средства

* В известной книге фон-Марциуса о первобытных обитателях Бразилии можно найти несколько интересных примеров, показывающих, как важны самые, повидимому, незначительные особенности местностей в деле развития взаимных сношений между их обитателями. — *Прим. авт.*

** Впрочем, относительно моря надо заметить, что оно не всегда сближает людей. Ратцель («Antropo Geographie, Stuttgart, 1882, с. 92) справедливо замечает, что на известной низкой стадии развития море является *абсолютной* границей, т. е. делает невозможными какие бы то ни было сношения между разделенными им народами. Со своей стороны, сношения, возможность которых обусловливается первоначально исключительно свойствами географической среды, накладывают свою печать на физиономию первобытных племен. Островитяне сильно отличаются от обитателей континентов. — *Прим. авт.*

и способы производства. Необходимость установить общественный контроль над известной силой природы для ее эксплоатации в больших размерах, для ее подчинения человеку посредством организованных человеческих усилий, играет самую решительную роль в истории промышленности. Таково было значение регулирования воды в Египте, в Ломбардии, в Голландии или в Персии и в Индии, где орошение посредством искуственных каналов приносит земле не только необходимую воду, но в то же время в ее иле минеральное удобрение с гор. Тайна промышленного процветания Испании и Сицилии при арабах заключается в канализации.

Таким образом, только благодаря некоторым особенным свойствам географической среды наши антропоморфные * предки могли подняться на ту высоту умственного развития, которая была необходима для превращения их в toolmaking animals.** И точно так же только некоторые особенности той же среды могли дать простор для употребления в дело и постоянного усовершенствования этой новой способности «деланий орудий». В историческом процессе развития производительных сил способность человека к «деланию орудий» приходится рассматривать прежде всего как величину постоянную, а окружающие внешние условия потребления в дело способности, как величину, постоянно изменяющуюся.

Различие результатов (ступеней культурного развития), достигнутых различными человеческими обществами, объясняется именно тем, что окружающие условия не позволили различным человеческим племенам в одинаковой мере употребить в дело свою способность «изобретать». Есть школа антропологов, приурочивающая различие названных результатов к различным свойствам человеческих рас. Но взгляд этой школы не выдерживает критики: он представляет собою лишь новую вариацию старого приема объяснений исторических явлений ссылками на «человеческую природу» (т. е. здесь ссылками на природу расы) и по своей научной глубине недалеко ушел от взглядов мольеровского доктора, глубокомысленно изрекшего: опий усыпляет потому, что имеет свойство усыплять (раса отстала потому, что имела свойство отставать).

Действуя на природу вне его, человек изменяет свою собственную природу. Он развивает все свои способности, а между ними и способность к «деланию орудий». Но в каждое данное время мера этой способности определяется мерой уже достигнутого развития производительных сил.

Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, Соч., VII, Гиз, 1923, 165—168.

---

* Человекообразные. — *Сост.*

** Животное, делающее орудия. — *Сост.*

Уже Гегель в своей философии истории отмечает важную роль «географической подкладки всемирной истории». Но так как причиной всякого развития у него является в последнем счете идея, так как он только мимоходом и только во второстепенных случаях прибегал как бы против воли, к материалистическому объяснению явлений, то высказанный им глубоко верный взгляд на великое историческое значение географической среды не мог привести его ко всем тем плодотворным выводам, которые из него вытекают. Эти выводы были сделаны в их полноте только материалистом Марксом.

Свойства географической среды определяют собою характер как тех предметов природы, которые служат человеку для удовлетворения его потребностей, так и тех, которые производятся им самим с той же целью. Там, где не было металлов, туземные племена не могли собственными силами выйти за пределы того, что мы называем каменным веком. Точно так же и для перехода первобытных рыболовов и охотников к скотоводству и земледелию нужны были соответствующие свойства географической среды, т. е. в данном случае — соответствующие фауна и флора. Л. Г. Морган замечает, что отсутствие способных к приручению животных в западном полушарии и специфические различия во флоре обоих полушарий причинили большие различия в ходе общественного развития их обитателей. Вайц говорит о краснокожих Северной Америки: «У них совсем нет домашних животных. Это очень важно, потому что в этом обстоятельстве заключается главная причина, вынуждающая их оставаться на низшей ступени развития». Швейнфурт сообщает, что, когда в Африке данная местность оказывается перенаселенной, то часть ее жителей выселяется, причем она иногда меняет свой образ жизни в зависимости от географической среды: «Племена, занимавшиеся до тех пор земледелием, становятся охотничьими, а племена, жившие от своих стад, переходят к земледелию». По его же словам, жители богатой железом местности, охватывающей значительную часть центральной Африки, «естественно стали заниматься добыванием железа».

Но это еще не все. Уже на самых низших ступенях развития человеческие племена вступают во взаимные сношения, обмениваясь друг с другом некоторыми из своих произведений. Этим раздвигаются пределы географической среды, влияющей на развитие производительных сил каждого из этих племен, и ускоряется ход этого развития. Но понятно, что большая или меньшая легкость возникновения и поддержания подобных сношений также зависит от свойств географической среды: еще Гегель говорил, что моря и реки сближают людей, между тем как горы их разъединяют. Впрочем, моря сближают людей только на сравнительно более высоких стадиях развития производительных сил; на более же низких — море, по справедливому замечанию Ратцеля, очень сильно затрудняет сношение между разделенными им племенами. Но как бы там ни было, а несомненно, что, чем разнообразнее свойства географической среды, тем благоприятнее она

для развития производительных сил. «Не абсолютное плодородие почвы, — говорит Маркс, — а ее диференцирование, разнообразие ее естественных произведений составляет естественную основу общественного разделения труда и заставляет человека, в силу разнообразия окружающих его естественных условий, разнообразить свои собственные потребности, способности, средства и способы производства». Почти слово в слово то же повторяет за Марксом Ратцель: «Главное дело не в наибольшей легкости добывания пищи, а в возбуждении известных наклонностей, привычек, и наконец потребностей в человеке».

Итак, свойства географической среды обусловливают собою развитие производительных сил...

Плеханов, Основные вопросы, марксизма, соч., XVII, Гиз, 1925, 204—205.

Географическая среда имеет большое влияние не только на первобытные племена, но также и на так называемые культурные народы. «Необходимость установить общественный контроль над известной силой природы для ее эксплоатации в больших размерах, для ее подчинения человеку посредством организованных человеческих усилий, —говорит Маркс,— играет самую решительную роль в истории промышленности. Таково было значение регулирования воды в Египте, в Ломбардии, в Голландии или в Персии и в Индии, где орошение посредством искусственных каналов приносит земле не только необходимую воду, но в то же время, вместе с илом, и минеральное удобрение с гор. Тайна промышленного процветания Испании и Сицилии при арабах заключается в канализации».

Учение о влиянии географической среды на историческое развитие человечества часто сводилось к признанию непосредственного влияния «климата» на общественного человека: предполагалось, что одна «раса» становилась под влиянием «климата» свободолюбивой; другая — склонной терпеливо подчиняться власти более или менее деспотического монарха; третья — суеверной и потому зависимой от духовенства и т. п. Такой взгляд преобладает, например, еще у Бокля. По Марксу, географическая среда влияет на человека через посредство производственных отношений, возникающих в данной местности на основе данных производственных сил, первым условием развития которых являются свойства этой среды. Современная этнология все более и более переходит на эту точку зрения. И сообразно с этим, все меньшая и меньшая роль в истории «культуры» отводится ею «расе». «Обладание известными культурными приобретениями не имеет ничего общего с расой», — говорит Ратцель.

Но раз достигнуто данное «культурное» состояние, оно, несомненно, влияет на физические и психические свойства «расы».

Влияние географической среды на общественного человека представляет собой переменную величину. Обуславливаемое свойствами этой среды развитие производительных сил увеличивает власть человека

над природой и тем самым ставит его в новое отношение к окружающей его географической среде; нынешние англичане реагируют на эту среду совсем не так, как реагировали на нее племена, населявшие Англию во времена Юлия Цезаря. Этим окончательно устраняется то возражение, что характер населения данной местности может существенно измениться, несмотря на то, что ее географические свойства остаются неизменными.

Плеханов, Основные вопросы марксизма, соч. XVIII, Гиз, 1925 209—210.

Если мы отвлечемся от большего или меньшего развития общественного производства, то производительность труда окажется связанной с естественными условиями. Эти последние могут быть целиком сведены к природе самого человека, к его расе и т. п. и к окружающей человека природе. Внешние природные условия экономически распадаются на два больших класса: естественное богатство средствами существования, следовательно, плодородие почвы, обилие рыбы в водах и т п., и естественное богатство средствами труда, каковы водопады, судоходные реки, дерево, металлы, уголь и т. д. На низших ступенях культуры первый род, на высших второй род естественного богатства имеет решающее значение. Сравните, например, Англию с Индией, или—в античном мире—Афины и Коринф с прибрежными странами Черного моря.

Чем меньше число естественных потребностей, которые абсолютно необходимо удовлетворять, чем больше природное плодородие почвы и чем благоприятнее климат, тем меньше рабочее время, необходимое для поддержания и воспроизводства жизни производителя. Тем больше, следовательно, может быть избыток его труда, идущий на других, по сравнению с трудом на самого себя. Так, уже Диодор замечает относительно древних египтян: «Совершенно невероятно, как мало труда и издержек стоит им воспитание их детей. Они варят для них первую попавшуюся простую пищу; дают им также есть нижнюю часть папируса, которую можно зажарить на огне, кроме того корни и стебли болотных растений, частью в сыром виде, частью вареные или жареные. Большинство детей ходят без обуви и без платья, так как воздух очень мягкий. Поэтому вырастить ребенка стоит родителям в общем не более двадцати драхм (менее 2 марок — *М.*). Этим главным образом объясняется многочисленность населения в Египте, давшая возможность воздвигнуть столь много грандиозных сооружений». В действительности однако грандиозные сооружения древнего Египта обязаны своим возникновением не столько многочисленности египетского населения, сколько тому обстоятельству, что значительная часть последнего могла быть употреблена на это дело. Индивидуальный рабочий может доставить тем больше прибавочного труда, чем меньше его необходимое рабочее время; то же самое относится и к рабочему населению в целом: чем меньшая часть его требуется для производства необходимых средств существования, тем больше остальная его часть, которую можно употребить на какое-либо другое дело.

Раз дано капиталистическое производство, то, при прочих равных условиях и при данной длине рабочего дня, величина прибавочного труда изменяется в зависимости от естественных условий труда, между прочим и от плодородия почвы. Однако отсюда отнюдь не вытекает обратного положения, что наиболее плодородная почва является наиболее подходящей для роста капиталистического способа производства. Последний предполагает господство человека над природой. Слишком расточительная природа «ведет человека, как ребенка, на помочах». Она не делает его собственное развитие естественной необходимостью. Не тропический климат с его могучей растительностью, а умеренный пояс был родиной капитала. Не абсолютное плодородие почвы, а ее диференцированность, разнородность ее естественных продуктов составляет естественную основу общественного разделения труда и сменою тех естественных условий, в которых приходится вести свое хозяйство человеку, способствует умножению его собственных потребностей, способностей, средств и способов труда. Необходимость общественно контролировать какую-либо силу природы в интересах хозяйства, необходимость в крупном масштабе использовать ее или сдерживать ее разрушительные действия при помощи сооружений, возведенных рукой человека, играет решающую роль в истории промышленности. Примером может послужить регулирование воды в Египте, Ломбардии, Голландии и т. д. или в Индии, Персии и т. д., где орошение искусственными каналами не только доставляет почве необходимую для растений воду, но в то же время приносит вместе с илом минеральное удобрение с гор. Тайна расцвета промышленности в Испании и Сицилии при господстве арабов заключалась в канализации.

Благоприятные естественные условия доставляют всегда лишь возможность прибавочного продукта, но отнюдь еще не создают сами по себе действительного прибавочного продукта, а следовательно, и прибавочной стоимости или прибавочного продукта. Различные естественные условия труда приводят к тому, что то же самое количество труда удовлетворяет в различных странах неодинаковые массы потребностей, следовательно к тому, что при прочих сходных условиях необходимое рабочее время оказывается различным. На прибавочный труд они влияют лишь как естественная граница, т. е. определяют лишь тот пункт, за пределами которого может начаться работа на других. Эта естественная граница отодвигается назад в той мере, в какой прогрессирует промышленность. Среди западноевропейского общества, где рабочий лишь при помощи прибавочного труда может купить себе позволение трудиться для поддержания собственного существования, легко возникает иллюзия, что человеческому труду прирождена способность доставлять прибавочный продукт. Но возьмем, например, жителей восточных островов азиатского архипелага, где саго растет в лесу в диком виде. «Туземцы, пробуравив в дереве дыру и убедившись, что сердцевина созрела, рубят дерево, разделяют его на несколько кусков, выцарапывают сердцевину, смешивают ее с водой и, отцедив воду, получают саговую муку, совершенно годную к употреблению. Одно дерево дает обыкновенно 300 фунтов и может дать

от 500 до 600 фунтов. Там отправляются таким образом в лес нарубить себе хлеба, как у нас отправляются за дровами». Допустим, что такому восточноазиатскому хлебоколу требуется 12 рабочих часов в неделю для удовлетворения всех его потребностей. Благоприятные естественные условия дают ему непосредственно лишь одно, избыток свободного времени. Для того, чтобы он производительно употребил его на самого себя, необходим целый ряд исторических условий; для того, чтобы он затрачивал его в виде прибавочного труда на других лиц, требуется внешнее принуждение. Если бы там было введено капиталистическое производство, то нашему молодцу пришлось бы может быть работать шесть дней в неделю, чтобы иметь возможность употребить в свою пользу продукт одного рабочего дня. Щедрость природы отнюдь не объясняет, почему он работает теперь шесть дней в неделю или почему дает 5 дней прибавочного труда, т. е. громадный прибавочный продукт. Она объясняет лишь, почему его необходимое рабочее время ограничено одним днем в неделю. Но его прибавочный продукт ни в каком случае не мог возникнуть из некоего таинственного свойства, прирожденного человеческому труду как таковому.

Производительные силы труда — как исторически развившиеся, общественные, так и обусловленные самою природою — кажутся производительными силами капитала, когда последний овладевает трудом.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 493—496.

Второй группой возражений против изложенного понимания общественного развития являются возражения, указывающие на решающее и основное значение роста населения. Ведь стремление к размножению неистребимо заложено в человеческой природе. Оно дано нам еще до человеческой истории. Это — естественный, животный, биологический процесс, который был в наличности еще до общественного хозяйства. Не лежит ли в основе всего развития именно этот процесс? Не определяет ли возрастающая плотность и густота населения хода общественного развития?

Однако, нетрудно видеть, что закономерность здесь есть закономерность обратного порядка, а именно: *от степени развития производительных сил или, что одно и то же, от степени развития техники зависит даже самая возможность численного прироста населения*. Увеличение числа людей (более или менее длительное увеличение) есть ведь не что иное, как расширение и рост общественной системы. А этот рост возможен лишь тогда, когда меняется в благоприятную сторону соотношение между обществом и природой. Большее количество людей не может жить без расширения жизненной основы общества. Наоборот, сужение этой жизненной основы должно неизбежно отразиться и на уменьшении количества людей. Другой вопрос, какими путями это будет происходить: путем ли понижения рождаемости, путем ли искусственного регулирования этой рождаемости, путем ли вымирания, увеличения процента смертности от болезней, путем ли преждевременного спашивания организмов и сокращения средней продолжительности жизни, — все равно:

это основное соотношение между жизненной основой общества и величиной общества проложит себе дорогу тем или иным путем.

Кроме того, совершенно неправильно представлять себе рост населения как чисто биологический, «естественный» процесс размножения. Этот процесс зависит от всевозможнейших социальных, общественных условий: от деления на классы, положения этих классов, а, следовательно, от формы общественного хозяйства. Форма же общества, его строй, как мы покажем ниже, зависит от уровня развития производительных сил. Здесь, как видит всякий, связь между развитием техники и движением населения, т. е. изменением его численности, совсем не простенькая. Только наивные люди могут думать, что теперь дело с размножением у людей обстоит так же примитивно и просто, как у животных. Например, в обществе, чтобы увеличилось население, всегда нужно, чтобы увеличились и производительные силы. Иначе, как мы уже указывали, добавочному населению нечего будет кушать. Но, с другой стороны, не всегда и не для всех классов рост материального благосостояния вызывает усиленное размножение: в то время, как пролетарская семья может искусственно сокращать число детей из-за трудных условий жизни, великосветская дама отрекается от материнства, чтобы не испортить себе талии, а французский крестьянин не желает иметь больше двух детей, чтобы не дробить наследства. Таким образом, в зависимости от ряда общественных условий, в зависимости от формы общества и положения в нем отдельных классов и групп, оказывается также и движение народонаселения.

Следовательно, относительно населения мы можем сказать следующее: бесспорно, что увеличение народонаселения предполагает развитие производительных сил общества, это — во-первых; во-вторых, каждая эпоха, каждая форма общества, разнообразное положение классов вызывают особые движения народонаселения. «Абстрактный (всеобщий, независимый от данной формы. — *Н. Б.*) закон населения существует только для растений и животных, пока в эту область исторически не вмешивается человек»... «всякому особенному историческому способу производства свойственны свои особенные, имеющие историческое значение, законы населения» (К. Маркс, Капитал, I, 679). А исторический способ производства, т. е. форма общества, определяется развитием производительных сил, т. е. развитием техники. Таким образом, оказывается, что незакономерность движения народонаселения является решающей величиной, а развитие производительных сил и закономерность этого развития (или упадка) определяет собою движение населения.

Бухарин, Теория исторического материализма, 1928, 131—133.

Человеческое общество, поскольку оно существует, должно перекачивать материальную энергию из внешней природы. Без этой перекачки оно

не может существовать. Оно приспособляется к природе тем лучше, чем больше оно перекачивает (и усваивает) энергию из этой природы; только тогда, когда это количество возрастает, мы имеем развитие общества. Предположим, например, что в один прекрасный день остановятся все предприятия, замрут все работы—на фабриках, на заводах, в шахтах, на железных дорогах, в лесах и на полях, на суше и на воде. Общество не смогло бы продержаться ни единой недели, потому что даже для того, чтобы существовать на старые запасы, необходимо их перевозить, разгружать, распределять. «Всякий ребенок знает, что любая нация погибла бы с голоду, если бы она приостановила работу, не говорю уже на год, а хотя бы на несколько недель» (К. Маркс, Письмо к Кугельману, СПБ, 1907, 43). Люди возделывают землю, получают пшеницу, рожь, маис; они разводят и пасут животных; они возделывают хлопок, коноплю и лен; они рубят леса, добывают в каменоломнях камень и, таким образом, удовлетворяют свои потребности в пище, одежде, жилище. Они выкапывают из глубины земли уголь и железную руду и строят стальные машины, при помощи которых вгрызаются в природу по разным направлениям, превращая всю землю в гигантскую мастерскую, где люди стучат молотками, стоят за станком, копаются под землей, следят за плавным ходом громадных, чудовищных машин, прорезают горы туннелями, пересекают на гигантских кораблях океаны, перевозят тяжести по воздуху, опутывают землю сетью рельсов, прокладывают по дну моря кабели — и везде, повсюду, начиная с шумных городов-спрутов и кончая медвежьими уголками земного шара, суетятся, как муравьи, добывая себе «хлеб насущный», приспособляясь к природе и приспособляя эту природу к себе. Одна часть природы — среда, то, что мы называем здесь внешней природой, противостоит другой части — человеческому обществу. И формой соприкосновения этих двух частей единого целого является процесс человеческого труда. «Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью обусловливает, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы» («Капитал», I, 153). Непосредственное соприкосновение общества с природой, т. е. перекачивание энергии из природы, есть материальный процесс. «Для того, чтобы присвоить вещество природы в известной форме, пригодной для его собственной жизни, он (человек. —*Н. Б.*) приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы, руки и ноги, голову и пальцы» (там же). Этот материальный процесс «обмена веществ» между обществом и природой и являтся основным соотношением между средой и системой, между «внешними условиями» и человеческим обществом.

Для того, чтобы общество продолжало существовать, необходимо, чтобы процесс производства постоянно возобновлялся. Предположим, что к такому-то времени произведено было столько-то пшеницы, сапог, рубашек и т. д. и что за этот же период все это съедено, сношено, потреблено.

Ясно, что производство должно было своевременно начать новый круг движения. Оно должно п о с т о я н н о п о в т о р я т ь с я, один круг должен зацепляться и следовать за другим. Процесс производства, рассматриваемый с точки зрения повторения этих кружков (или, как говорят, производственных циклов), называется п р о ц е с с о м в о с п р о и з в о д с т в а. Чтобы процесс воспроизводства совершался, необходимо, чтобы производились все материальные его условия. Например: для производства ткани нужны теперь ткацкие станки, для ткацких станков нужна сталь, для стали нужны железная руда и уголь, для перевозки последних нужны железные дороги, следовательно, рельсы, паровозы и проч., а также шоссейные дороги, пароходы и т. д.; нужны склады, фабричные задния и пр. Словом, нужен целый длинный ряд м а т е р и а л ь н ы х п р о д у к т о в с а м о г о р а з н о о б р а з н о г о с в о й с т в а. Нетрудно видеть, что эти материальные продукты — одни быстро, другие не так быстро — исчезают в процессе производства: пища, которую получают ткачи, съедается; ткацкие станки снашиваются; складочные здания стареют и требуют ремонта; паровозы начинают болеть; шпалы и рельсы портятся. Значит, необходимым условием воспроизводства является постоянная замена (путем п р о и з в о д с т в а) сношенных, потребленных, исчезнувших вещей во всем их материальном разнообразии. В каждый данный момент человеческое общество нуждается для продолжения процесса воспроизводства в определенном количестве пищи, строений, продуктов добывающей промышленности, продуктов обрабатывающей промышленности, составных частей транспорта и т. д. Все эти вещи должны быть произведены, если общество не будет понижать своего жизненного уровня, начиная с пшеницы и ржи, угля и стали и кончая микроскопами или выделкой мела для школ, книжными переплетами или газетной бумагой. Ибо все эти вещи входят в м а т е р и а л ь н ы й о б о р о т о б щ е с т в а, являются м а т е р и а л ь н ы м и составными частями общего процесса воспроизводства.

Таким образом «обмен веществ» между обществом и природой мы рассматриваем как м а т е р и а л ь н ы й процесс. Он есть материальный процесс, ибо он имеет дело с материальными вещами (предмет труда, средства труда и продукт, который получается в результате, — все это здесь м а т е р и а л ь н ы е вещи); с другой стороны, сам процесс труда есть трата физиологической энергии (нервов, мускулов и т. д.), которая материально проявляется в физических движениях работающих людей. «Если рассматривать весь процесс с точки зрения его результата, продукта, то средства труда и предмет труда, то и другое, являются средствами производства, а самый труд — п р о и з в о д и т е л ь н ы м т р у д о м» («Капитал», I, 157).

Б у х а р и н, Теория исторического материализма, 1928, 113—115.

Процесс общественного производства есть приспособление человеческого общества к внешней природе. Но он есть а к т и в н ы й процесс. Когда какой-либо животный вид приспособляется к природе, то по сути дела

он, как материал, подвергается постоянному воздействию среды. Когда приспособляется человеческое общество, то оно приспособляется к среде, приспособляя ее к себе. Оно подвергается воздействию природы как материал. Но в то же время оно само превращает природу в материал для себя. Например, когда у некоторых видов насекомых или птиц окраска становится похожей на окраску той среды, в которой эти виды живут, это происходит вовсе не в результате каких-либо усилий со стороны данных организмов и вовсе не в результате их воздействия на внешнюю природу. Здесь, ценою гибели бесчисленного количества отдельных единиц, в течение многих тысячелетий, путем выживания наиболее приспособленных и их постоянного скрещивания, получился такой результат. Совсем другое с человеческим обществом. Оно борется с природой. Оно бороздит грудь земли, прорубает дороги сквозь непроходимые леса, скручивает силы природы, используя их в своих целях, меняет самое лицо земли. Это — не пассивное, а активное приспособление. В этом одно из существеннейших отличий человеческого общества от прочих животных видов.

Н. Бухарин, Теория исторического материализма, 1928, 117.

6. ЭЛЕМЕНТЫ, ОБРАЗУЮЩИЕ МАТЕРИАЛЬНЫЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ ОБЩЕСТВА

Простые моменты процесса труда следующие: 1) целесообразная деятельность, или самый труд, 2) предмет труда и 3) орудия, которыми он действует.

Земля (с экономической точки зрения к ней относится и вода), первоначально снабжающая человека пищей, готовыми средствами существования, существует без всякого содействия с его стороны, как всеобщий предмет человеческого труда. Все предметы, которые труду остается лишь вырвать из их непосредственной связи с землей, суть данные природой предметы труда. Например, рыба, которую ловят, отделяют от ее жизненной стихии — воды, дерево, которое рубят в первобытном лесу, руда, которую выламывают из жилы. Напротив, если сам предмет труда уже был, так сказать, профильтрован предшествующим трудом, то мы называем его сырым материалом. Всякий сырой материал есть предмет труда, но не всякий предмет труда есть сырой материал. Предмет труда является сырым материалом лишь при том условии, если он уже претерпел известные изменения при посредстве труда.

Средство (орудие) труда есть предмет или комплекс (сочетание) предметов, которые рабочий помещает между собою и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет. Он пользуется механическими, физическими, химическими свойствами тел для того, чтобы в соответствии со своей целью заставить их как силы действовать на другие тела. Предмет, которым рабочий овладевает непосредственно,—

мы оставляем в стороне захват готовых средств существования, например, плодов, причем только органы тела рабочего и служат средствами труда, — есть не предмет труда, а средство труда. Итак, предмет, данный самой природой, становится органом его деятельности, органом, который он присоединяет к органам своего тела, удлиняя таким образом, вопреки библии, естественные размеры последнего. Являясь первоначальной кладовой его пищи, земля является также и первоначальным арсеналом его средств труда. Она доставляет ему, например, камень, которым он пользуется для того, чтобы метать, производить трение, давить, резать и т. д. Сама земля становится средством труда, но функционирование ее как средства труда в земледелии в свою очередь предполагает целый ряд других средств труда и сравнительно высокое развитие рабочей силы. Вообще, когда процесс труда достиг хотя бы некоторого развития, он нуждается уже в подвергшихся обработке средствах труда. В пещерах древнейшего человека мы находим каменные орудия и каменное оружие. Наряду с обработанным камнем, деревом, костями и раковинами главную роль, как средство труда на первых ступенях человеческой истории, играют прирученные, следовательно, уже измененные посредством труда, выращенные человеком животные. Употребление и создание средств труда, хотя и свойственных в зародышевой форме некоторым видам животных, составляют специфически характерную черту человеческого труда, и потому Франклин определяет человека как «a toolmaking animal», как животное, делающее орудия. Такую же важность, как строение останков костей, имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций. Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд. Что касается самих средств труда, то из них механические средства труда, совокупность которых можно назвать костной и мускульной системой производства, представляют более характерные отличительные признаки определенной эпохи общественного производства, чем такие средства труда, которые служат лишь хранилищами предметов труда и совокупность которых в общем можно назвать сосудистой системой производства, как, например, трубы, бочки, корзины, сосуды и т. д. Лишь в химической фабрикации они играют важную роль.

Кроме тех предметов, посредством которых труд воздействует на предмет труда и которые служат поэтому в той или иной мере проводниками его деятельности, к средствам процесса труда относятся, в более широком смысле, все материальные условия, необходимые для того, чтобы процесс мог вообще совершаться. Прямо они не входят в него, но без них он или совершенно невозможен, или может происходить лишь в несовершенном виде. Такого рода всеобщим средством труда является опять-таки сама земля, потому что она дает рабочему основу, на которой он стоит (locus

standi), а его процессу — сферу действия (field of employment). Примером этого же рода средств труда, но уже предварительно подвергавшихся процессу труда, могут служить рабочие здания, каналы, дороги и т. д.

Итак, в процессе труда деятельность человека при помощи средств труда производит преднамеренное изменение в предмете труда. В продукте процесс изглаживается. Продукт процесса труда есть потребительная стоимость, вещество природы, приспособленное к человеческим потребностям посредством изменения формы. Труд соединился с предметом труда. Он овеществился, а предмет подвергся обработке. То, что для рабочего представлялось в форме движения, теперь со стороны продукта является установившимся свойством в форме бытия. Рабочий прял, и продукт есть пряжа.

Если рассматривать весь процесс с точки зрения его результата, продукта, то средства труда и предмет труда, то и другое, являются средствами производства, а самый труд — производительным трудом.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 149—162.

Помимо разницы в естественной напряженности и приобретенном искусстве труда различных народов, производительность труда должна зависеть главным образом:

Во-первых, от естественных условий труда, как богатство почвы, рудников и т. д.

Во-вторых, от прогрессивных улучшений в области общественных производительных сил, улучшений, создаваемых расширением размеров производства, концентрацией капиталов и разделением труда, введением машин, улучшением методов производства, применением химических и других природных сил, сокращением времени и пространства при помощи средств обращения и транспорта, а также всеми новыми приспособлениями, посредством которых наука заставляет силы природы служить труду, и при помощи которых общественный или кооперативный характер труда достигает своего полного развития.

Маркс, Заработная плата, цена и прибыль, «Кр. Новь», 1923, 43—44.

Под производительными силами общества мы будем разуметь совокупность средств производства и рабочих сил. Таким образом, это будет совокупность машин разного рода, сырья, топлива и т. д. in natura — с одной стороны, совокупность разного рода рабочих сил in natura — с другой (рабочие силы металлистов, техников, текстильщиков и т. д., т. е. рабочие силы разного конкретного характера и разной квалификации)*. Развитие производительных сил есть основа человеческого развития вообще, и поэтому именно с этой точки зрения необходимо рассматри-

* Нельзя брать, как это делает Маслов (Аграрный вопрос, т. I; Теория развития народного хозяйства и др. работы) в своем определении производительных сил, за одну скобку средства производства и живой труд, т. е. «складывать» статическую величину и процесс. Не труд адэкватен средствам производства, а именно рабочая сила. — *Прим. авт.*

вать каждый факт общественной жизни. Точка зрения развития производительных сил совпадает с точкой зрения *воспроизводства*: развитие производительных сил соответствует расширенному воспроизводству, стационарное состояние их соответствует простому воспроизводству, падение их находит свое выражение в том, что воспроизводится все меньшая часть периодических потребляемых продуктов. В последнем случае перед нами — общественный регресс.

Бухарин, Экономика переходного периода, Гиз, 1920, 36—37.

Вообще говоря, всякая общественная система представляется как организация вещей и людей. При этом «вещи» здесь являются не просто кусками внешней природы, а имеют сами своеобразное общественное бытие. Машина не есть машина вне человеческого общества. Она становится машиной лишь в системе общественного труда. С этой точки зрения общество, как система, есть одновременно «личный и вещественный аппарат».

Вещественный аппарат есть *материально-техническая основа* общества. Он не входит в понятие производственных отношений, а относится к производительным силам. И в процессе революционного разрыва общественных связок этот аппарат может относительно сохраниться. *Его* распад вовсе не обязателен. Машины, аппараты, фабричные здания и проч., конечно, страдают во время социальных потрясений. Но *основа* разрухи лежит вовсе не здесь. Поскольку происходит разрушение вещественного аппарата, оно является, главным образом, *следствие распада людского аппарата* и прекращением непрерывности трудового процесса. Следовательно, проблема лежит в анализе второго момента, а именно в «обобществленном труде». Людской «аппарат», который обнимает собой совокупность трудовых отношений, включает те социальные пласты, о которых мы говорили выше. Но *основной* формой, типичным и решающим является концентрация пролетариата. «Кооперативная форма труда», о которой говорит Маркс, воплощается в решающем моменте, в специфических отношениях между рабочими. Именно здесь и лежит центр тяжести нового общества.

Бухарин, Экономика переходного периода, Гиз, 1920, 54.

...Производительные силы общества, их уровень и их *движение* определяют, в конечном счете, весь комплекс общественных явлений. И прочность всякого *структурного* равновесия, т. е. равновесия между различными общественно-людскими группировками, людскими элементами общественной системы, опирается на определенное равновесие *между обществом и внешней средой*, равновесие, характер которого определяется ступенью в развитии общественно-материальных производительных сил.

Но прежде всего нужно дать ответ на вопрос, что такое производительные силы.

В «Нищете философии» Маркс писал: «Исходить из разделения труда в о о б щ е с надеждой объяснить таким образом происхождение специфического орудия труда — машины — значит впадать в явное противоречие с историей. Машины столь же мало можно считать экономической категорией, как, например, бык, которого впрягают в плуг; их следует относить к п р о и з в о д с т в е н н ы м с и л а м. Э к о н о м и ч е с к о й категорией, т. е. общественным отношением производства, является не машина, а основанная на применении машин фабрика».

Тут Маркс под производительными силами разумеет, очевидно, вещественные и личные элементы производства и, сообразно с этим, категория производительных сил является категорией не экономической, а технической. С другой стороны, мы находим у него же и иное определение производительных сил. В I и III томе «Капитала» Маркс очень часто употребляет термин «производительные силы» совершенно в том же смысле, что и выражение «производительность общественного труда». Однако Маркс, называя производительными силами производительность общественного труда, сам неоднократно указывает, что рабочая сила является основной производительной силой общества.

Как бы то ни было, ясно, что если на первых ступенях анализа можно оперировать с неопределенным понятием, то впоследствии неточность этого понятия дает себя знать.

Прежде всего, в чем смысл этого понятия? Когда говорят о производительных силах, то этим хотят обозначить степень власти человека над природой, степень овладения этой природой. Именно этим и определяется в конце концов ступень достигнутого развития. С такой точки зрения и нужно рассмотреть, прежде всего, вопрос, в каком соотношении друг с другом стоят определения Маркса. Родбертус предлагает строго разграничивать оба эти понятия. В своей работе «Zur Beleuchtung der sozialen Frage» он пишет: «Производительную силу нужно строго отличать от производительности. Производительность означает действие или полезный эффект производительной силы. Если вместо 10 рабочих становятся на работу 20, или вместо одной машины известной степени работоспособности ставятся две такие же машины, то производительная сила повысилась вдвое; если 10 рабочих производят столько же, сколько до сих пор 20, или если машина, которая стоила не больше другой, обладает двойной степенью эффективности по сравнению с ней, то производительност поднялась вдвое. Труд и здесь последний масштаб. Большие суммы труда являются большей производительной силой; большее количество продукта при одинаковой сумме труда есть повышение производительности». В этой постановке вопроса довольно ясно видна причина «неопределенности» понятия производительных сил; дело в том, что это есть п о г р а н и ч н о е понятие, стоящее на рубеже техники и экономики. Э к о н о м и ч е с к и важно понятие производительности общественного труда. Т е х н и ч е с к и важен материальный эквивалент этой производительности общественного труда, т. е. наличная совокупность

средств производства и рабочих сил. Мы поэтому можем говорить о производительных силах и производительности общественного труда, как о двух сторонах одной и той же математической величины $\frac{M}{a—b}$, где M — вся масса продуктов, выраженная в каких-либо единицах полезности (будь то энергетические величины или что-либо иное — в данном случае безразлично), a и b — единицы общественного труда: a — единицы мертвого труда, b — живого. Если рассматривать эту формулу с точки зрения «вещественной», то мы будем иметь: 1) массу разнородных продуктов; 2) массу разнородных средств производства; 3) массу разнородной квалификации рабочих сил. Эти три величины находятся в полной зависимости друг от друга, причем первичным элементом являются средства производства. Средства производства распадаются на орудия труда и другие средства производства (сырой материал, вспомогательные вещества и т. д.). Эти две части, в свою очередь, органически связаны друг с другом. Конкретные средства производства вообще предполагают адэкватное количество качественно определенных рабочих сил, ибо в производственном процессе имеется своя техническая логика, и в каждый данный момент вещественные и личные элементы производства связаны друг с другом по совершенно определенному типу и в совершенно определенной пропорции. Но, с другой стороны, сами средства производства в их вещественной определенности распадаются на две части, взаимно определяющие друг друга. С этой точки зрения мы можем взять за основной пункт анализа активную часть средств производства, а именно орудия труда, т е х н и ч е с к у ю с и с т е м у общества. Именно она, как говорит Маркс, и «образует действительное мерило прогресса производительных сил».

Таким образом, если мы говорим о росте или регрессе производительных сил общества, под этим мы разумеем повышение или понижение общественной производительности труда; если мы говорим о распределении и перераспределении производительных сил, мы говорим о распределении и перераспределении средств производства и рабочих сил; если мы говорим о физическом уничтожении производительных сил, мы говорим точно так же об уничтожении средств производства и рабочих сил; если нам нужно социологическое определение производительных сил, мы можем взять т е х н и ч е с к у ю с и с т е м у общества, активный переменный «фактор» общественного развития.

Бухарин, Экономика переходного периода, Гиз, 1920, 87—90.

...П р и р а с с м о т р е н и и о б щ е с т в а, у с л о в и й е г о р а з в и т и я, е г о ф о р м, е г о с о д е р ж а н и я и п р о ч., н у ж н о н а ч и н а т ь э т о р а с с м о т р е н и е с а н а л и з а п р о и з в о д и т е л ь н ы х с и л, и л и с т е х н и ч е с к о й о с н о в ы о б щ е с т в а.

В самом деле. Разберем некоторые из возражений, которые делаются — или могут быть сделаны — против такого взгляда.

Прежде всего — некоторые возражения, идущие из среды ученых, признающих в общем и целом материалистическую точку зрения. Так Г. Кунов говорит... что техника «связана в высочайшей мере условиями природы. Наличность определенных сырых материалов... решает, например, смогут ли определенные виды техники вообще образоваться и в каком направлении они будут развиваться. Где, например, нет определенных видов каменных пород, или деревьев, или руды, или волокон, или раковин, — там, конечно, и туземцы этих областей не смогут самостоятельно обучиться перерабатывать эти вещества природы и делать из них орудия и оружие». Мы приводили сами в начале этой главы данные о влиянии природных условий. Почему же не начинать с них? Почему методологический исходный пункт не должен находиться именно в природе? Она, бесспорно, влияет на технику приблизительно в том смысле, в каком говорит Кунов. С другой стороны, всякому ясно, что природа была раньше общества. Не погрешаем ли мы сами против «настоящего» материализма, когда берем за основу анализа вещественный технический аппарат человеческого общества?

Однако, стоит только внимательно присмотреться к вопросу, чтобы увидеть, насколько неправильны такие доводы, как куновские. Без залежей угля, конечно, этого угля из земли не выкопаешь. Но его, увы, не особенно выковыряешь и перстом. А в особенности трудновато его достать, если люди даже и не знают его полезных свойств. «Сырые материалы» вовсе не «находятся», как говорит Кунов, в природе. «Сырые материалы», по Марксу, это — продукты т р у д а, и они так же мало могут «находиться» в недрах природы, как картина Рафаэля или жилет г. Кунова (Кунов путает здесь «сырые материалы» с возможным «предметом труда»). Кунов совершенно позабывает, что для того, чтобы деревья, руда, волокно и т. д. смогли играть роль сырых материалов, нужна с о о т в е т с т в у ю щ а я т е х н и к а. Уголь с т а н о в и т с я сырым материалом л и ш ь т о г д а, когда техника развивается настолько, что, врезаясь в недра земли, вытаскивает его из темного царства на свет божий. Влияние природы в смысле доставления материалов и проч. является само продуктом развития техники. Ибо, пока техника не овладела углем, этот уголь ни капли не мог «влиять». Пока техника не подобралась своими щупальцами к железной руде, эта железная руда могла спать мертвым сном, и ее влияние на человека было равно нулю.

Человеческое общество работает в природе и над природой, как предметом труда. Это не подлежит никакому сомнению. Но те элементы, которые имеются сами по себе в природе, они имеются здесь более или менее постоянно. Поэтому они н е м о г у т о б ъ я с н и т ь и з м е н е н и й. Изменяется же общественная т е х н и к а, которая, конечно, приспособляется к тому, что есть в природе (к пустышке никакого приспособления быть не может, и из дыры пушки не сделаешь). Раз п е р е м е н н о й величиной является техника, а именно это движение техники и вызывает изменение отношения между обществом и природой, то ясно, что тут и должен лежать исходный пункт анализа общественных изменений.

Б у х а р и н, Теория исторического материализма, Гиз, 1928, 128—129.

... Производительные силы, возникающие из кооперации и разделения труда, ничего не стоят капиталу. Они суть естественные силы общественного труда. Естественные силы, как пар, вода и т. д., применяемые к процессам производства, тоже ничего не стоят. Но как человеку для дыхания необходимы легкие, так он нуждается в «создании человеческой руки» для того, чтобы производительно потреблять эти естественные силы. Для эксплоатации двигательной силы воды необходимо водяное колесо, для эксплоатации упругости пара — паровая машина. С наукой дело обстоит так же, как с естественными силами. Раз закон отклонения магнитной стрелки в сфере действия электрического тока или закон намагничивания железа действием электрического тока, обегающего вокруг железа, открыты, они уже не стоят ни гроша. Но для эксплоатации этих законов в телеграфии и т. д. требуется очень дорогой и сложный аппарат. Орудие... не вытесняется машиной. Из карликового орудия человеческого организма оно вырастает по размерам и количеству в орудие созданного человеком механизма. Капитал заставляет теперь рабочего работать не ручным орудием, а машиной, которая сама оперирует своими орудиями.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 364—365.

Кроме экстрактивной промышленности, земледелия и индустрии, существует еще четвертая сфера материального производства, которая постепенно проходит также ступени ремесленного производства, мануфактурного и механического производства: это транспортная промышленность, безразлично, перевозит ли она людей или товары.

Маркс, Теории прибавочной ценности, I, 1906, 279.

Результатом перевозки — транспортируются ли люди или товары — является перемена места нахождения; например, пряжа находится теперь в Индии, а не в Англии, где она была произведена.

Но перевозочная промышленность продает самое перемещение. Доставляемый ею полезный эффект нераздельно связан с процессом транспорта, т. е. с производственным процессом перевозочной промышленности. Люди и товары едут вместе с средствами транспорта, и их езда, их перемещение и есть производственный процесс, создаваемый средствами транспорта. Полезный эффект можно потреблять лишь во время производственного процесса; этот эффект не существует как отличная от этого процесса потребительная вещь, которая лишь после того, как она произведена, функционирует в виде предмета торговли, в виде товара. Но меновая стоимость этого полезного эффекта, как и всякого другого товара, определяется стоимостью затраченных на него элементов производства (рабочей силы и средств производства) плюс прибавочная стоимость, созданная прибавочным трудом рабо-

чих, занятых в транспортной промышленности. Что касается потребления полезного эффекта перевозочной промышленности, он и в этом отношении не отличается от других товаров.

Маркс, Капитал, II, Гиз, 1923, 28.

в. ЗНАЧЕНИЕ СРЕДСТВ ПРОИЗВОДСТВА В СОСТАВЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ

Итак, отношение между природой и обществом выражается отношением между количеством вырабатываемой полезной энергии, с одной стороны, и затратой общественного труда — с другой, т. е. производительностью общественного труда. Но *затрата* общественного труда, как мы уже видели выше, сама складывается из двух частей: из труда, заключенного в средствах производства, и из труда «живого», т. е. из траты живой рабочей силы. Если величину производительности труда рассматривать с точки зрения ее составных *материальных частей*, тогда мы получим *три* величины: во-первых, массу производственных продуктов; во-вторых, массу средств производства; в-третьих, массу рабочих сил, т. е. живых работников. Все эти величины зависят одна от другой. В самом деле, ясно и очевидно, что если мы знаем, каковы средства производства и каковы рабочие, то мы знаем, и сколько они произведут за определенное количество времени; эти две величины определяют и третью — производимый продукт. Эти две величины, взятые вместе, и образуют то, что мы называем *материальными производительными силами общества*. Если мы знаем про какое-либо общество, какими оно обладает средствами производства, сколько их, какими работниками оно обладает и сколько этих работников, то тем самым мы знаем, какова производительность общественного труда, какова степень власти этого общества над природой, в какой мере это общество подчиняет себе природу и т. д. Другими словами, в средствах производства и рабочих силах мы имеем точный материальный показатель степени общественного развития.

Мы можем, однако, заглянуть в дело и несколько глубже. Мы можем сказать, что средства производства определяют собой и рабочие силы. Если, скажем, в систему общественного труда вошла наборная машина, то появляются и соответствующие обученные рабочие. Элементы, действующие в трудовом процессе тоже не куча вещей и людей, а *система*, где каждая вещь и каждый человек поставлены, так сказать, на своем месте: одно приложено к другому. Следовательно, если нам даны средства производства, то тем самым разумеется само собою, что есть и соответствующие работники. Далее, среди самых средств производства можно различать две крупные группы: сырой материал и орудия труда. Легко заметить, что именно *орудия труда* составляют активную часть: ею работает человек *над* сырым материалом. Но если нам говорят о том, что в данном обществе есть налицо такие-то и такие-то орудия, то тем самым, разумеется, сказано, что здесь есть и соответствующее сырье (мы разбираем случаи нормального

хода воспроизводства). Таким образом мы можем совершенно уверенно сказать следующее: точным материальным показателем соотношения между обществом и природой является система общественных орудий труда, т. е. техника данного общества. В этой технике находят свое выражение материальные производительные силы общества и производительность общественного труда.

Бухарин, Теория исторического материализма, 1928, 122—123.

Мы определяли выше общество как совокупность людей. В более широком смысле, однако, в общество входят также и вещи. Возьмите, например, теперешнее общество: все эти каменные громады городов, гигантские сооружения, железные дороги, гавани, машины, дома и прочее и прочее — ведь все это материально-технические «органы» общества. Любая машина вне человеческого общества теряет свое значение, как машина: она превращается просто в кусок внешней природы, комбинацию частей стали, дерева и т. д. — больше ничего. Представим себе, что затонул гигантский океанский пароход, эта живая громадина, с мощным двигателем, сотрясающим все чудовищное стальное тело плавучего дома, с тысячью всевозможных приспособлений, начиная от кухонных тряпок и кончая радиостанцией. Когда он лежит мертвым грузом на дне морском, вся его сложная конструкция теряет общественное значение. На корпус будут налипать раковины, деревянные части обрастут водорослью, в каютах поселятся крабы и т. д., но пароход перестает быть пароходом, ибо он потерял свое общественное бытие, он выскочил из общества, перестал быть его составной частью, перестал нести свою общественную службу, из общественной вещи превратился просто в вещь, как любая часть внешней природы, несоприкасающаяся непосредственно с человеческим обществом. Техника — это не просто куски внешней природы: это удлиненные органы общества, это общественная техника. Поэтому мы можем говорить об обществе в более широком смысле, чем говорили раньше. Тогда в него войдут и вещи в их «общественном бытии», т. е. прежде всего техническая система общества. Это есть материально-вещественная часть общества, его вещественный трудовой аппарат. Строго говоря, вещи вовсе не исчерпываются средствами производства и даже могут иметь к производству весьма отдаленное отношение (если не считать того, что сами они иногда бывают продуктами материального производства): сюда относятся, например, книги, карты, диаграммы, музеи, картинные галереи, библиотеки, астрономические обсерватории, метеорологические станции (везде речь идет о материально вещественной их части), лаборатории, измерительные приборы, всевозможные телескопы и микроскопы, колбы, реторты и т. д. и т. п. Все эти вещи не относятся непосредственно к процессу материального производства и, следовательно, не входят в общественную технику, не принадлежат к составу материальных производительных сил. Тем не менее всякому понятна их роль; они тоже не

просто куски внешней природы; они тоже имеют «общественное бытие»; они, следовательно, тоже входят в понятие общества в том его более широком значении, о котором мы говорили выше.

Бухарин, Теория исторического материализма, 1928, 142—143.

Когда мы говорили об общественной технике, то под этим нужно подразумевать не одно какое-нибудь орудие и не кучу разных орудий, а систему этих орудий, их совокупность во всем обществе. Необходимо представить себе, что в данном обществе, в разных местах, но в определенном порядке разбросаны станки, двигатели, инструменты и аппараты, простые и сложные орудия. В одних местах они сидят громадными гнездами (например, в центрах крупной промышленности), в других местах другие орудия разбросаны. Но в каждый данный момент, раз люди связаны трудовой связью, раз у нас есть общество, по существу дела связаны между собою и все орудия труда, маленькие и большие, простые и сложные, ручные и механические, словом, все те, которые есть налицо в данном обществе в данное время. (Конечно всегда господствует какой-нибудь тип орудий; в теперешнее время машины и аппараты, раньше — ручные орудия; позднее значение аппаратов и автоматически действующих машин возрастает еще более). Другими словами: мы можем рассматривать общественную технику как нечто целое, где каждая из частей в данный момент общественно необходима. В чем выражается этот факт? Почему мы, действительно, можем рассматривать общественную технику как целое? В чем сказывается это единство всех частей технической системы общества?

Для того, чтобы, по возможности, яснее представить себе это, предположим, что в один прекрасный день, ну, хоть в современной Германии, взяты чудом на небо все машины, служащие для добычи каменного угля. Что бы получилось? Всякий поймет: это означало бы остановку почти всей промышленности. Нечем было бы топить фабрики и заводы; все машины и инструменты на этих фабриках тоже остановились бы, т. е. выпали бы из производственного процесса. Техника в одной области повлияла, таким образом, на технику почти во всех других областях. А это и значит, что на самом деле не только в нашем мышлении, а объективно, реально все «техники» отдельных производственных отраслей образуют нечто целое, единую общественную технику. Общественная техника, как мы уже говорили, не куча отдельных орудий труда, а их связная система. Это значит, что от каждой части этой системы зависят все остальные. Это значит также, что в каждый данный момент различные части этой техники связаны определенной пропорцией, определенным отношением. Если на отдельной фабрике на столько-то станков нужно столько-то веретен, столько-то рабочих и т. д., то и во всем обществе при более или менее нормальном ходе общественного воспроизводства на определенное количество доменных печей приходится определенное количество машин и механических орудий, определенное количество средств производства и в металлургической, и в текстиль-

ной, и в химической, и во всякой другой индустрии. Правда, тут нет такой точной определенности, как на отдельной фабрике, но все же между «техническими системами» отдельных отраслей производства существует некоторое необходимое соотношение, которое в неорганизованном обществе устанавливается стихийно, в организованном — сознательно, но которое все же существует. Немыслимо, например, чтобы имелось на фабрике в десять раз больше веретен, чем нужно. Но также немыслимо, чтобы производство угля было в десять раз больше необходимого, и что машин и приспособлений, добывающих уголь, в десять раз больше, чем это нужно для обслуживания других отраслей производства. Точно так же, как между отраслями производства имеется определенная связь и определенная пропорциональность, так и в общественной технике между ее частями есть определенная связь и определенная пропорциональность этих частей. Это обстоятельство и делает из простой суммы орудий, машин, инструментов и проч., систему общественной техники.

Если это так, тогда понятно и следующее: всякая данная система общественной техники определяет собой и систему трудовых отношений между людьми.

Бухарин, Теория исторического материализма, 1928, 144—146.

Та часть постоянного капитала, которую А. Смит называет основной,— средства труда, как, напр., сооружения, машины и т. п., всегда полностью функционирует в процессе производства, но снашивается лишь постепенно и лишь мало-по-малу переносит свою стоимость на товары, производству которых она мало-по-малу содействует. Она является истинным показателем развития производительных сил. С ростом этой части капитала растет разница между применяемым капиталом и тем, который потребляется в каждый момент. Другими словами: растет материальная масса и стоимость средств труда, каковы: строения, машины, дренажные трубы, рабочий скот, всякого рода аппараты и т. п.; в течение более или менее продолжительного периода, в постоянно возобновляющихся процессах производства эти средства труда функционируют,—т. е. служат для достижения предельного полезного эффекта, — в полном своем объеме, тогда как снашиваются они постепенно и, следовательно, теряют свою стоимость по частям, и также по частям переносят ее на продукт. Поскольку эти средства труда, участвуя в созидании продукта, не присоединяют к нему новой стоимости, т. е. поскольку они применяются целиком, а потребляются лишь частями, постольку они оказывают даровые услуги, подобно силам природы: воде, пару, воздуху, электричеству и т. д. Эти даровые услуги прошлого труда, охваченного и оживленного живым трудом, накопляются с увеличением масштаба накопления.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 595.

Из всех товаров предметы собственно роскоши имеют наименьшее значение при технологическом сравнении различных эпох производства.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 151, примечание 5.

На пороге истории человечества стоит открытие превращения механического движения в теплоту, добывание огня посредством трения, а достигнутое по сию пору развитие (писано в 1877 г. — *Перев.*) заканчивается открытием превращения теплоты в механическое движение, открытием паровой машины. Несмотря на колоссальный освободительный переворот, совершаемый в общественном быту (но и наполовину еще не завершенный) паровой машиной, все же несомненно, что добывание огня посредством трения превосходит ее по своему мировому освободительному значению. Ведь умение добывать огонь посредством трения впервые дало человеку господство над силою природы и тем окончательно отделило его от царства животных. Паровая машина никогда не создаст такого грандиозного скачка в истории человечества, хотя она и является представительницей всех тех ею обслуживаемых могучих производительных сил, с помощью которых только и возможно осуществление такого состояния общества, при котором не будет никаких классовых различий, никаких забот о материальных средствах личного существования, когда впервые можно будет говорить о действительной человеческой свободе и о жизни в гармонии с познанными законами природы. Но насколько еще молода вся наша человеческая история и как было бы смешно приписывать нашим нынешним воззрениям какое-либо абсолютное значение — это вытекает уже из того простого факта, что всю историю человечества можно назвать историей периода от практического открытия превращения механического движения в теплоту до практического открытия превращения теплоты в механическое движение.

Энгельс, Анти-Дюринг, Гиз, 1923, 102.

В настоящее время промышленная гегемония (преобладание) влечет за собой торговую гегемонию. Напротив, в собственно мануфактурный период торговая гегемония обеспечивает промышленное преобладание. Отсюда та выдающаяся роль, которую в то время играла колониальная система.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 747.

Труд, овеществленный в форме машин, не создал, конечно, ни одного нового рабочего, но он дал возможность небольшому числу рабочих с небольшой сравнительно затратой дополнительного живого труда производительно потребить шерсть, присоединить к ней новую стоимость и сохранить ее старую стоимость в форме пряжи и т. д. Тем самым он создал средство и импульс к расширенному воспроизводству шерсти. Живому труду по самой его природе присуща способность, присоединяя новую стоимость, сохранять старую. С ростом дееспособности, размеров и стоимости средств производства, т. е. с ростом накопления, сопровождающим развитие производительной силы труда, труд сохраняет и увековечивает все в новых формах все нарастающую капитальную стоимость.

Энгельс, Положение рабочего класса в Англии (Капитал, I, 593).

Машина, которая не служит в процессе труда, бесполезна. Кроме того она подвергается разрушительному действию естественного обмена веществ. Железо ржавеет, дерево гниет. Пряжа, которая не будет использована для тканья или вязанья, представляет испорченный хлопок. Живой труд должен охватить эти вещи, воскресить их из мертвых, превратить их из только возможных в действительные и действующие потребительные стоимости. Охваченные пламенем труда, который ассимилирует их как свое тело, призванные в процессе труда к функциям, соответствующим их идее и назначению, они хотя и потребляются, но потребляются целесообразно, как элементы для создания новых потребительных стоимостей, новых продуктов, которые способны войти как средства существования в сферу индивидуального потребления или как средства производства в новый процесс труда.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 154.

Изо всех орудий производства наибольшую производительную силу представляет сам революционный класс. Организация революционных элементов в класс уже заранее предполагает существование всех тех производительных сил, которые могли зародиться в недрах старого общества.

Маркс, Нищета философии, Гиз, 164.

г. РОЛЬ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В СОСТАВЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ

Совокупная рабочая сила общества — в чисто-капиталистическом обществе пролетариат — есть, с одной стороны, одно из двух слагаемых понятия производительных сил (ибо производительные силы суть не что иное, как совокупность наличных средств производства и рабочих сил); при этом рабочая сила есть, как неоднократно подчеркивалось еще старыми экономистами, самая важная производительная сила. С другой стороны, соотношение между рабочими есть основная часть трудового людского аппарата. Следовательно, как раз здесь и следует искать основные элементы новой производственной структуры.

Именно так смотрел на дело и Маркс, когда в рабочем классе, «вышколенном, объединенном и организованном самим механизмом капиталистического производственного процесса», он видел остов будущих отношений производства и одновременно силу, которая эти отношения реализует.

Это положение чрезвычайно существенно. «Вызревание» коммунистических производственных отношений в пределах капиталистического общества есть та система сотрудничества, которая воплощается в производственных отношениях между рабочими, которая в то же время сплачивает человеческие атомы в революционный класс — пролетариат.

Критерием «зрелости», следовательно, является именно этот момент, который, конечно, есть функция развития производительных сил, но который выдвигается на первый план с точки зрения общественно-организационной техники.

Бухарин, Экономика переходного периода, Гиз, 1920, 54—55.

Воспроизводство рабочего класса предполагает также передачу и накопление искусства от поколения к поколению. До какой степени капиталист склонен рассматривать существование такого искусного рабочего класса как одно из принадлежащих ему условий производства, как реальное существование его переменного капитала, обнаруживается с особенной яркостью, когда кризис начинает угрожать утратой этого условия производства. Как известно, под влиянием гражданской войны в Америке и сопровождавшего ее хлопкового голода большинство рабочих хлопчатобумажного производства в Ланкашире и других местах было выброшено на улицу. Из недр самого рабочего класса и из других слоев общества раздался призыв организовать с помощью государства или добровольных национальных сборов эмиграцию «избыточных» рабочих в английские колонии или Соединенные штаты. «Times» опубликовал тогда (24 марта 1863 г.) письмо Эдмунда Поттера, бывшего президента манчестерской торговой палаты. В нижней палате письмо это было справедливо названо «манифестом фабрикантов». Мы приведем здесь из этого письма несколько характерных мест, в которых взгляд на рабочую силу как на собственность капитала высказан с полной откровенностью.

«Рабочим хлопчатобумажного производства внушают, что предложение их труда слишком велико,... что следует уменьшить, быть может, на целую треть, чтобы затем мог установиться здоровый спрос на остальные две трети... Общественное мнение настаивает на эмиграции... Хозяин (т. е. хлопчатобумажный фабрикант) не может добровольно согласиться на то, чтобы предложение его рабочих рук было уменьшено; он придерживается того взгляда, что это было бы столь же несправедливо, сколь и неправильно... Если эмиграция поддерживается за счет общественного фонда, он имеет право требовать, чтобы его выслушали, и, быть может, протестовать». Тот же самый Поттер рассказывает далее, как полезна хлопчатобумажная промышленность, как она «несомненно оттянула население из Ирландии и английских земледельческих округов», как колоссальны ее размеры, как она в 1860 г. дала $^6/_{13}$ всего английского экспорта, и как она через немного лет снова увеличится благодаря расширению рынка, особенно индийского, и принудительному «ввозу достаточного количества хлопка, по 6 пенсов за фунт». Он продолжает: «Время — один, два, быть может, три года — создаст необходимое количество... Я хотел бы поэтому поставить вопрос, не стоит ли эта промышленность того, чтобы ее поддерживать? Не стоит ли труда содержать в порядке машины (имеются в виду живые работающие машины) и не является ли величайшей глупостью мысль выбросить их вон? Я думаю, что это так. Я готов согласиться, что рабочие не собственность («I allow that the workers are not a property») не собственность Ланкашира и хозяев; но они — сила их обоих, они — интеллектуальная и обученная сила, которой не заместить в течение жизни одного поколения; напротив, другие машины, — те, на которых они работают («the mere machinery which they work»), можно в значительной их части с успехом заместить и даже улуч-

шить в течение двенадцати месяцев. Если эмиграция рабочей силы будет поощряться или даже просто разрешаться (!), то что станется с капиталистами?... Снимите сливки рабочих, — и основной капитал будет до крайности обесценен, оборотный капитал не выдержит борьбы с недостаточным предложением труда ухудшенного сорта... Нам говорят, что рабочие сами желают эмигрировать. Это очень естественно с их стороны... Сократите, подавите хлопчатобумажное производство, отняв у него его рабочие силы (by taking away ist working power), уменьшите, скажем, на ⅓, или на 5 миллионов, сумму уплачиваемых им заработных плат, и что станется тогда с ближайшим классом, стоящим над рабочими, с мелкими лавочниками? Что станется с земельной рентой, с квартирной платой за коттеджи?.. С мелкими фермерами, этим лучшим слоем домовладельцев и земельных собственников? Итак, скажите, может ли быть какой-либо более самоубийственный план для всех классов страны, чем этот проект ослабить нацию путем экспорта ее лучших фабричных рабочих и обесценения части ее наиболее производительного капитала и богатства? Я рекомендую заем в 5 — 6 миллионов, разложенный на два — три года; деньги должны расходоваться под наблюдением особых комиссаров, подчиненных администрации призрения бедных в хлопчатобумажных округах; следует регулировать это дело специальным законом, установив известный принудительный труд для поддержания моральной ценности рабочих, получающих милостыню... Может ли быть что-либо худшее для земельных собственников и хозяев («can anything be worse for landowners or masters»), чем лишиться своих лучших рабочих и посеять деморализацию и недовольство среди остальных путем широкой опустошительной эмиграции и обесценения капитала в целой провинции?»

Поттер, этот несравненный представитель хлопчатобумажных фабрикантов, различает два вида «машин», одинаково принадлежащих капиталисту: одни постоянно находятся на его фабрике, другие по ночам и по воскресеньям перемещаются в коттеджи. Первые — мертвые, вторые — живые. Мертвые не только с каждым днем ухудшаются и обесцениваются, но благодаря техническому прогрессу значительная часть их наличной массы является до такой степени устарелой, что могла бы быть с выгодой замещена более новыми машинами в продолжение нескольких месяцев. Живые машины, наоборот, тем лучше, чем долее они служат, чем более искусства, накопленного поколениями, они впитали в себя. «Times» в своем ответе этому фабричному магнату между прочим писал:

«Господин Э. Поттер до такой степени проникнут сознанием чрезвычайной и абсолютной важности хозяев хлопчатобумажных предприятий, что он для поддержания этого класса и увековечения его промысла готов насильственно запереть полмиллиона рабочих в огромный моральный работный дом. Достойна ли эта промышленность того, чтобы ее поддерживать? — спрашивает г. Поттер. Конечно, — отвечаем мы, — всеми честными средствами. Стоит ли труда содержать в порядке машины? — снова спрашивает г. Поттер. Здесь мы останавливаемся в недоумении. Под машинами господин Пот-

тер разумеет человеческие машины; он клянется, что не рассматривает их как безусловную собственность хозяина. Мы должны сознаться, что считаем «не стоящим труда» и даже невозможным содержать человеческие машины в порядке, т. е. запирать их и смазывать, пока не явится в них надобность. Человеческая машина имеет свойство ржаветь от бездействия, сколько бы вы ее ни смазывали и ни чистили. К тому же человеческие машины, как нас учит опыт, способны самопроизвольно разводить пары и взрываться или безумствовать на улицах наших больших городов в дикой виттовой пляске. Может быть, г. Поттер и прав, утверждая, что для воспроизводства рабочих требуется более значительное время, но, имея под руками опытных машинистов и деньги, мы всегда найдем достаточно предприимчивых, настойчивых, трудолюбивых людей, из которых можно наделать более, чем нужно фабрикантов. Г-н Поттер болтает о новом оживлении промышленности через один-два-три года и требует от нас не поощрять эмиграции рабочей силы или даже не разрешать ее! Что рабочие желают эмигрировать, это, по его мнению, естественно; но он полагает, что нация должна запереть полмиллиона этих рабочих и 700 000 лиц, принадлежащих к их семьям, вопреки их желанию, в хлопчатобумажных округах и, — неизбежное последствие — подавляя силою их недовольство, поддерживать их существование раздачей милостыни, все это в виду того, что может наступить день, когда они снова понадобятся хлопчатобумажным фабрикантам... Наступило время, когда великое общественное мнение этих островов должно сделать что-нибудь, чтобы спасти эту «рабочую силу» от тех, кто хочет обращаться с ней так, как они обращаются с углем, железом и хлопком» («to save this «working power» from those who would deal with it as they deal with iron, coal and cotton»).

Статья «Times'a» была только jeu d'ésprit (пустая игра ума). «Великое общественное мнение» в действительности разделяло мнение г. Поттера, что фабричный рабочий есть лишь подвижной придаток фабрики. Эмиграции рабочих воспрепятствовали. Их заперли в «моральном работном доме» хлопчатобумажных округов, и они попрежнему составляли «силу (the strength) хозяев хлопчатобумажных предприятий в Ланкашире».

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 558—561.

д. ДИАЛЕКТИКА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ

В мануфактуре и ремесле рабочий заставляет орудие служить себе, на фабрике он служит машине. Там движение орудия труда исходит от него, здесь он должен следовать за его движением. В мануфактуре рабочие образуют члены одного живого механизма. На фабрике мертвый механизм существует независимо от них, и они присоединены к нему как живые придатки. «Унылое однообразие бесконечной муки труда, постоянно все снова и снова выполняющего один и тот же механический процесс, похоже на работу Сизифа; тяжесть труда, подобно скале, все снова и снова падает на истомленных рабочих». Машинный труд, до крайности захватывая нервную систему, подавляет многостороннюю игру мускулов и отнимает у человека

всякую возможность свободной физической и духовной деятельности. Даже облегчение труда становится источником пытки, потому что машина не рабочего освобождает от труда, а его труд от всякого содержания. Всякому капиталистическому производству, поскольку оно есть не только процесс труда, но в то же время и процесс увеличения стоимости капитала, обще то обстоятельство, что не рабочий применяет условия труда, а наоборот, условия труда применяют рабочего, но только с развитием машины это превратное отношение получает технически-осязательную реальность. Благодаря своему превращению в автомат, средство труда во время самого процесса труда противостоит рабочему как капитал, как мертвый труд, который подчиняет себе живую рабочую силу и высасывает ее.

Маркс, Капитал, I, 1923, 402—403.

В мануфактуре исходной точкой переворота в способе производства служит рабочая сила, в крупной промышленности — средство труда.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 348.

Специфическим для мануфактурного периода механизмом остается сам коллективный рабочий, составленный из многих частичных рабочих. Различные операции, попеременно совершаемые производителем товара и сливающиеся в одно целое в процессе его труда, требуют от него напряжения различных способностей. В одном случае он должен развивать больше силы, в другом случае — больше ловкости, в третьем — больше внимательности и т. д., но один и тот же индивидуум не обладает всеми этими качествами в равной мере. После разделения, обособления и изолирования различных операций рабочие делятся, классифицируются и группируются сообразно их преобладающим способностям. Если таким образом природные особенности рабочих образуют ту почву, в которую пускает свои корни разделение труда, то, с другой стороны, мануфактура, раз она уже введена, развивает рабочие силы, по самой природе своей пригодные лишь к односторонним специфическим функциям. Собирательный рабочий обладает теперь всеми способностями производителя в одинаково высокой степени и в то же время тратит их самым экономным образом, так как каждый свой орган, индивидуализированный в особом рабочем или особой группе рабочих, он применяет лишь для отправления своей специфической функции. Односторонность и даже прямые недостатки частичного рабочего составляют его достоинства, если мы будем рассматривать его как часть совокупного рабочего. Привычка к односторонней функции превращает его в орган, действующий с инстинктивной уверенностью, а связь совокупного механизма вынуждает его действовать с регулярностью отдельной части машины.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 326—327.

Все те познания, понимание и воля, которые развивает в себе самостоятельный крестьянин или ремесленник, хотя бы и в малом масштабе —

подобно тому, как дикарь все военное искусство воплощает в приемах своей личной хитрости, — все это в мануфактуре требуется лишь от мастерской в целом. Духовные потенции (движущие силы) производства на одной стороне расширяют свой масштаб именно потому, что на многих других сторонах они исчезли совершенно. То, что теряют частичные рабочие, сосредоточивается в противовес им в капитале. Мануфактурное разделение труда приводит к тому, что духовные потенции материального процесса производства противостоят рабочим как чужая собственность и порабощающая их сила. Этот процесс отделения начинается с простой кооперации, где капиталист по отношению к отдельному рабочему представляет собой единство и волю общественно-трудового тела. Он развивается далее в мануфактуре, низводящей рабочего до степени частичного рабочего. Он завершается в крупной промышленности, которая отделяет от рабочего науку как самостоятельную потенцию производства и заставляет ее служить капиталу.

В мануфактуре обогащение совокупного рабочего, а следовательно, и капитала общественными производительными силами обусловлено обеднением рабочего индивидуальными производительными силами.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 340.

Пока процесс труда является чисто индивидуальным, один и тот же рабочий объединяет все те функции, которые впоследствии разъединяются. Он сам контролирует свое индивидуальное присвоение предметов природы для своих жизненных целей. Впоследствии его контролируют. Отдельный человек не может воздействовать на природу, не приводя в движение своих собственных мускулов под контролем своего собственного мозга. Как в самой природе голова и рука принадлежат одному и тому же организму, так и в процессе труда соединяются головной и ручной труд. Впоследствии они разъединяются и доходят до враждебной противоположности. Продукт превращается вообще из непосредственного продукта индивидуального производителя в общественный, в общий продукт коллективного рабочего, т. е. в продукт рабочего персонала, комбинированного таким образом, что различные члены его ближе или дальше стоят от непосредственного воздействия на предмет труда. Поэтому уже самый кооперативный характер процесса труда неизбежно расширяет понятие *производительного труда* и его носителя, *производительного рабочего*. Теперь для того, чтобы трудиться производительно, нет необходимости непосредственно прилагать свои руки; достаточно быть органом коллективного рабочего, выполнять одну из его подчиненных функций.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 488—489.

Отделение интеллектуальных сил процесса производства от ручного труда и превращение их во власть капитала над трудом получает свое завершение... в крупной промышленности, воздвигающейся на базисе машин. Частичное искусство отдельного машинного, подвергшегося опустошению

рабочего исчезает как ничтожная и не имеющая никакого значения деталь перед наукой, перед колоссальными силами природы и перед общественным массовым трудом, воплощенными в системе машин...

Маркс, Капитал, I, 1923, 402—403.

Выступая в виде машины, средство труда приобретает такую материальную форму существования, которая обусловливает замену человеческой силы силами природы и эмпирических рутинных приемов сознательным применением естествознания. В мануфактуре расчленение общественного процесса труда чисто субъективно, представляет просто комбинацию частичных рабочих; в системе машин крупная промышленность обладает вполне объективным производственным организмом, который рабочему приходится взять как готовое материальное условие производства. В простой кооперации и даже в кооперации, специализированной вследствие разделения труда, вытеснение обособленного рабочего коллективным рабочим все еще представляется более или менее случайным. Машина же, за некоторыми исключениями, ... функционирует только в руках непосредственно обобществленного или совместного труда. Следовательно, кооперативный характер процесса труда становится здесь технической необходимостью, диктуемой природою самого средства труда.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 364.

...Изобретения Vaucanson'a, Arkwright'a, Watta * и т. д. могли получить осуществление только благодаря тому, что эти изобретатели нашли значительное количество искусных механических рабочих, уже подготовленных мануфактурным периодом. Часть этих рабочих состояла из самостоятельных ремесленников различных профессий, другая часть была сосредоточена в мануфактурах, где... разделение труда господствовало с особенной строгостью.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 611—612.

... Рабочий-пудлинговщик, занятый тем, чтобы освобождать чугун от углерода, должен выполнять ручной труд такого рода, что величина печи, которую он в состоянии обслуживать, ограничивается его личными способностями, и эта граница задерживает в настоящее время (1874 г.) тот изумительный подъем, который начался в металлургической промышленности с 1780 г., со времени изобретения пудлингования.

Маркс, Капитал, т. I, Гиз, 1923, 611—12.

---

* Вокансон, Аркрайт, Уатт—знаменитые изобретатели, машины которых сделали технический переворот в производстве (английскую промышленную революцию XVIII века). — *Прим. сост.*

е. ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ: ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVIII ВЕКА И РОСТ МАШИНИЗМА

Машина в ее самой элементарной форме завещана была еще Римской империей в виде водяной мельницы. Ремесленный период также оставил нам великие открытия: компас, порох, книгопечатание и автоматические (приводимые в движение механизмом) часы. Но и после этого машина все же продолжает играть ту второстепенную роль, которую отводит ей Адам Смит рядом с разделением труда. Очень важную роль сыграло спорадическое применение машин в XVII столетии, так как оно дало великим математикам того времени практические опорные пункты и стимулы для создания современной механики.

Маркс, Капитал, I, Гиа, 1923, 327.

Первым изобретением, внесшим решительную перемену в положение английских рабочих, была «дженни», изобретенная ткачом Джемсом Гаргривсом из Стэнчилля близ Блэкберна, в графстве Северный Ланкашир (в 1764 году). Эта машина была примитивным зародышем позднейшей мюль-машины (механической прялки); она приводилась в движение рукой, но, в отличие от простой ручной прялки, имела вместо одного веретена—от шестнадцати до восемнадцати. Благодаря этому оказалось возможным вырабатывать значительно больше пряжи, чем раньше, тогда как раньше при одном ткаче всегда работало три прядильщицы, причем в пряже всегда все же чувствовался недостаток, и ткачу часто приходилось в ожидании пряжи прекращать работу; теперь пряжи оказалось чересчур много для наличного количества ткачей. Спрос на ткани, и без того повышавшийся, возрос еще в большей степени под влиянием удешевления их цены, вызванного уменьшением издержек производства при применении новой машины; потребовалось больше ткачей, чем раньше, и их заработная плата повысилась. И вот, имея возможность увеличивать свой заработок от ткацкого станка, ткач мало-по-малу совсем забрасывал свое земледельческое хозяйство и переходил к исключительному занятию ткачеством. В это время семья, состоящая из четверых взрослых и двоих детей, которые засаживались за прялку, могла заработать при десятичасовой ежедневной работе 4 фун. стерл. (28 талеров, или 38 рублей) в неделю, а зачастую, когда дела шли хорошо и работы было много, — еще больше; даже ткач, работавший в одиночку за одним ткацким станком, нередко зарабатывал 2 фунта (19 рублей) в неделю. Таким образом, класс ткачей-земледельцев мало-по-малу исчез совершенно и растворился в новом классе чистых ткачей, которые жили одной лишь заработной платой, не имели никакой собственности, даже подобия собственности в виде арендованного клочка земли, т. е. превратились в пролетариев (working men). К этому присоединилось то обстоятельство, что прежние взаимоотношения между ткачом и прядильщиком равным образом совершенно изменились. До сих пор прядение и ткачество всегда произво-

дились, по возможности, под одной и той же кровлей. Теперь же, когда «дженни» потребовала такой же сильной руки, как и ткацкий станок, прясть стали также мужчины, и уже вся семья жила на заработок с этого занятия, тогда как другим семьям, напротив, пришлось бросить устарелую отсталую прялку и жить на заработок с одного лишь ткацкого станка отца семейства, — если у них нехватало средств на покупку «дженни». Так началось разделение труда между пряденьем и ткачеством, доведенное до такой степени совершенства позднейшим развитием промышленности.

. . . . . .

Между тем, развитие промышленности не останавливалось. Некоторые капиталисты стали устанавливать несколько «дженни» в большом помещении и приводить их в движение *силой воды*; благодаря этому они получали возможность сокращать число рабочих и продавать свою пряжу дешевле, чем прядильщики-одиночки, приводившие машину в движение руками. Далее, в «дженни» постоянно происходили усовершенствования, так что машина быстро оказывалась устарелой и нуждающейся в переделке или же совсем никуда не годной; и если капиталист, эксплоатировавший силу воды, мог еще пользоваться старыми машинами, то для прядильщика-одиночки это становилось невозможным в течение сколько-нибудь продолжительного времени. И если уже тогда было положено начало фабричной системе, то с изобретением тонкопрядильной машины (spinning throstle), сделанным в 1767 г. *Ричардом Аркайтом*, цырульником из Престона в Северном Ланкашире,—эта система получила дальнейшее распространение. Эта машина, наряду с паровой машиной, составляет важнейшее механическое открытие XVIII века. Она с самого начала была рассчитана на *механическую двигательную силу* и основана на совершенно новых принципах. Сочетанию особенностей «дженни» и тростельной машины дало в 1785 г. в руках *Самуила Кромптона* из Фирвуда (в Ланкашире) мюль-машину, а так как Аркрайт в то же время изобрел *кордную* и *слювальную* машину, то все это привело к окончательному господству фабричной системы в области хлопчатобумажного прядения. Мало-по-малу, с помощью незначительных видоизменений, эти машины были приспособлены к прядению шерсти, а затем (в первом десятилетии XIX века) также и льна; таким образом, ручной труда был вытеснен и из этих отраслей промышленности. Но и на этом дело не остановилось; в последних годах XVIII века д-р *Картрайт*, деревенский священник, изобрел *механический ткацкий станок*, а около 1804 года довел его до такого состояния, что он мог с успехом конкурировать с ручным ткачом. Значение всех этих машин удвоилось с появлением *паровой машины Джемса Уатта*, которая была изобретена около 1764 г., а с 1785 г. уже применялась для приведения в движение машин прядильных.

Этими изобретениями, подвергавшимися притом с каждым годом дальнейшим усовершенствованиям, была решена победа *механического труда над ручным* в главнейших отраслях английской промышленно-

сти, и вся история ручного труда повествует лишь о том, как ручной труд вытеснялся машинным из одной позиции в другую.

Энгельс, Положение рабочего класса в Англии, «Молот», 1905, 19—22.

Машина, от которой исходит промышленная революция, заменяет рабочего, действующего одновременно только одним орудием, таким механизмом, который разом оперирует массой одинаковых или однородных орудий и приводится в действие одной двигательной силой, какова бы ни была форма последней. Здесь мы имеем перед собой машину, но пока еще только как простой элемент машинного производства.

Увеличение размеров рабочей машины и количества ее одновременно действующих орудий требует более крупного двигательного механизма, а этот механизм нуждается в более мощной двигательной силе, чем человеческая, чтобы преодолеть его собственное сопротивление,—мы не говорим уже о том, что человек представляет крайне несовершенное средство для производства однообразного и непрерывного движения. Раз мы предположили, что человек действует уже только как простая двигательная сила и что, следовательно, место его орудия заступила рабочая машина, то силы природы могут заменить его и как двигательную силу. Из всех крупных двигательных сил, завещанных мануфактурным периодом, сила лошади была наихудшей, отчасти потому, что у лошади есть своя собственная голова, отчасти потому, что она дорога и может применяться на фабриках лишь в ограниченных размерах. Тем не менее в период детства крупной промышленности лошадь применялась довольно часто, о чем свидетельствуют не только жалобы агрономов того времени, но и сохранившийся до сих пор способ выражать величину механической силы в лошадиных силах. Что касается ветра, то он слишком непостоянен и не поддается контролю; применение водяной силы в Англии, на родине крупной промышленности, уже в мануфактурный период имело преобладающее значение. Уже в XVII веке была сделана попытка приводить в движение два бегуна (подвижных жернова) и два же постава посредством одного водяного колеса. Но увеличение размеров передаточного механизма вступило в конфликт с недостаточной силой воды, и это было одним из тех обстоятельств, которые побудили к более точному исследованию законов трения. Точно так же нерегулярность действия двигательной силы при мельницах, которые приводились в движение ударом и тягой при помощи коромысл, привели к теории и практическому применению махового колеса, которое впоследствии стало играть такую важную роль в крупной промышленности. Таким образом мануфактурный период развивал первые научные и технические элементы крупной промышленности. Тростильная прядильня Аркрайта с самого начала приводилась в движение водой. Между тем и употребление водяной силы, как преобладающей двигательной силы, было связано с различными затруднениями. Ее нельзя было повышать до произвольного уровня, ее недостаток нельзя было восполнить; иногда она истощалась и всегда имела чисто локальный характер. Только с изобрете-

нием второй машины Уатта, так называемой паровой машины двойного действия, был найден первый мотор, который, потребляя уголь и воду, сам производит двигательную силу, и действия которого находятся всецело под контролем человека. Двигатель и сам средство передвижения; он позволяет концентрировать производство в городах, вместо того, чтобы рассеивать его в деревне. Наконец, он универсален по своему техническому применению и сравнительно мало зависит в своем местопребывании от тех или иных локальных условий. Великий гений Уатта обнаруживается в том, что патент, взятый им в апреле 1784 г., давая описание паровой машины, изображает ее не как изобретение лишь для особых целей, но как универсальный двигатель крупной промышленности. Он упоминает здесь о применениях, из которых некоторые, как, например, паровой молот, введены лишь более, чем через полвека. Однако он сомневался в применимости паровой машины к морскому судоходству. Его преемники, Бультон и Уатт, выставили на лондонской промышленной выставке 1851 г. колоссальнейшую паровую машину для океанических пароходов.

Только после того, как орудия превратились из орудий человеческого организма в орудия механического аппарата,—машины, работающей орудиями,—только тогда и двигательная машина приобретает самостоятельную форму, совершенно свободную от тех ограничений, которые сопряжены с человеческой силой. С этого времени та отдельная рабочая машина, которую мы рассматривали до сих пор, низводится до степени простого элемента машинного производства. Один двигательный механизм может теперь приводить в движение много рабочих машин одновременно. С увеличением количества рабочих машин, одновременно приводимых в движение, растет и двигательный механизм, а вместе с тем передаточный механизм разрастается в сложный аппарат.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 353—355.

В мануфактуре исходной точкой переворота в способе производства служит **рабочая сила**, в крупной промышленности — **средство труда**. Поэтому, прежде всего необходимо исследовать, каким образом средство труда из орудия превращается в машину, или чем отличается машина от ремесленного инструмента. Конечно, дело сводится здесь для нас лишь к крупным, общим характерным чертам, потому что эпохи истории общества, подобно эпохам в истории земли, не отделяются друг от друга абстрактно-строгими разграничительными линиями.

Математики и механики — и это повторяют некоторые английские экономисты — говорят, что орудие есть простая машина, а машина есть сложное орудие. Они не видят никакого существенного различия между ними и даже простые механические средства, как рычаг, наклонную плоскость, винт, клин и т. д., называют машинами. Действительно, каждая машина состоит из таких простых средств, каковы бы ни были их изменения и сочетания. Однако с экономической точки зрения это определение совершенно непри-

годно, потому что исторический элемент в нем отсутствует. С другой стороны, различие между орудием и машиной хотят открыть в том, что при орудии движущей силой служит человек, напротив, движущая сила машины — сила природы, отличная от человеческой силы, например, животное, вода, ветер и т. д. Но тогда запряженный быками плуг, относящийся к разным различным эпохам производства, был бы машиной, а круговой ткацкий станок Клауссена, который приводится в движение рукой одного рабочего и делает 96 000 петель в минуту, был бы простым орудием. Мало того, один и тот же ткацкий станок был бы орудием, если он приводится в движение рукой, и машиной, если приводится в движение паром. Так как применение животной силы представляет одно из древнейших изобретений человечества, то оказалось бы, что машинное производство предшествовало ремесленному производству. Когда Sohn Wyalt в 1735 г. возвестил о своей прядильной машине, а вместе с нею — о промышленной революции XVIII века, он ни звуком не упомянул о том, что осел, а не человек приводит эту машину в движение, и, тем не менее, эта роль действительно досталась ослу. Машина для того, «чтобы прясть без помощи пальцев», гласила его программа.

Всякая вполне развитая машина состоит из трех существенно различных частей: двигательного механизма, трансмиссии (передаточного механизма), наконец, исполнительного механизма, или собственно рабочей машины. Двигательный механизм действует как движущая сила всей машины. Он или сам порождает свою двигательную силу, как, например, паровая машина, калорическая машина (действующая нагретым воздухом), электромагнитная машина и т. д., или же получает импульс извне, от какой-либо готовой силы природы, как водяное колесо от падающей воды, крыло ветряной мельницы от ветра и т. д. Передаточный механизм, состоящий из маховых колес, подвижных валов, зубчатых колес, эксцентриков, стержней, передаточных лент, ремней, промежуточных приспособлений и принадлежностей самого различного рода, регулирует движение, изменяет, если это необходимо, его форму, например, превращает из перпендикулярного в круговое, распределяет его и переносит на исполнительные механизмы. Обе эти части механизма существуют только затем, чтобы привести в движение исполнительный механизм, благодаря чему последний охватывает предмет труда и целесообразно изменяет его. Промышленная революция в XVIII веке исходит как раз от этой части машины, от исполнительного механизма. И теперь он снова и снова является исходным пунктом переворотов во всех случаях, когда ремесленное или мануфактурное производство превращается в машинное.

Если мы присмотримся ближе к исполнительному механизму или собственно рабочей машине, то мы в общем и целом увидим в ней, хотя бы часто и в очень измененной форме, все те же аппараты и орудия, которыми работает ремесленник и мануфактурный рабочий; но это уже орудия не человека, а орудия механизма, или механические орудия. Мы увидим, что или вся машина представляет лишь более или менее измененное механическое издание старого ремесленного инструмента, как в случае с механическим

ткацким станком, или прилаженные к корпусу рабочей машины действующие органы являются старыми знакомыми, как веретена у прядильной машины, спицы у чулочно-вязальной машины, пилы у лесопильной машины, ножи у резальной машины и т. д. Отличие этих орудий от собственно тела рабочей машины простирается так далеко, что обнаруживается даже в производстве тех и других. А именно, эти орудия производятся по большей части все еще ремесленным или мануфактурным способом и затем укрепляются на корпусе рабочей машины, произведенном машинным способом. Итак, исполнительный механизм — это такой механизм, который, получив соответственное движение, совершает своими орудиями те самые операции, которые раньше рабочий совершал подобными же орудиями. Исходит ли движущая сила от человека или же в свою очередь от машины, это ничего не изменяет в существе дела. После того, как орудие в собственном смысле слова перешло от человека к механизму, машина заступает место простого орудия. Различие между машиной и орудием с первого же взгляда бросается в глаза, хотя бы первым мотором (движущей силой) все еще оставался сам человек. Количество рабочих инструментов, которым человек может действовать одновременно, ограничено количеством его естественных орудий производства, количеством органов его тела. В Германии как-то сделали попытку заставить прядильщика двигать два прядильных колеса, т. е. работать одновременно обеими руками и обеими ногами. Но это требовало слишком большого напряжения. Позже изобрели прялку с двумя веретенами, приводимую в движение приводом, но такие прядильщики, виртуозы, которые могли бы одновременно прясть две нитки, встречались почти так же редко, как двухголовые люди. Напротив, jenni уже с самого своего появления прядет 12—18 веретенами; чулочно-вязальная машина разом вяжет многими тысячами спиц и т. д. Таким образом, количество орудий, которым одновременно действует одна и та же рабочая машина, с самого начала эмансипируется от тех органических ограничений, которым подчинено ручное орудие рабочего.

Во многих ручных орудиях различие между человеком как простой двигательной силой и как рабочим, выполняющим собственно ручной труд, приобретает чувственно-воспринимаемую форму. Например, при работе на прялке нога действует только как двигательная сила, между тем как рука, работающая при веретене, щиплет и вращает, т. е. выполняет собственно операцию прядения. Как раз эта последняя часть ремесленного инструмента прежде всего и захватывается промышленной революцией, которая производит такие изменения, что человеку наряду с новой функцией,—наблюдать за машиной и исправлять своими руками ее ошибки, на первое время предоставляется еще и чисто механическая роль двигательной силы. Напротив, орудия, на которые человек с самого начала действовал только как простая двигательная сила,—как, например, при вращении вала мельницы, при насосах, при поднимании и опускании рукоятки раздувательного меха, при толчении в ступе и т. д.,—эти орудия прежде всего вызывают применение животных, воды, ветра как двигательных сил. Отчасти в мануфактурный период, спорадиче-

ски же уже задолго до него, эти орудия развиваются в машины, но они не революционизируют способа производства. Что они даже в своей ремесленной форме уже являются машинами, это обнаруживается в период крупной промышленности. Насосы, например, посредством которых голландцы выкачали в 1836—1837 гг. Гарлемское озеро, были устроены по принципу обыкновенных насосов, с той только разницей, что их поршни приводились в движение не человеческими руками, а циклопическими паровыми машинами. Обыкновенный и очень несовершенный кузнечный мех еще и теперь иногда превращается в Англии в механический раздувальный мех посредством простого соединения его рукоятки с паровой машиной. И даже паровая машина в том виде, как она была изобретена в конце XVII века, в мануфактурный период, и просуществовала до начала 80-х гг. XVIII века, не вызвала никакой промышленной революции. Наоборот, именно создание рабочих машин и выдвинуло необходимость революционизирующей паровой машины. С того времени, как человек, вместо того, чтобы действовать орудием на предмет труда, начинает действовать просто как двигательная сила на рабочую машину, облачение этой двигательной силы в человеческие мускулы представляется уже случайным обстоятельством, они могут быть заменены ветром, водой, паром и т. д. Конечно, при этом вполне возможно, что такая замена потребует больших технических изменений в механизме, который первоначально был построен в расчете исключительно на человеческую двигательную силу. В настоящее время все машины, которым еще приходится прокладывать себе дорогу, как, например, швейные машины, машины для приготовления хлеба и т. д., если их назначением не исключается с самого начала малый масштаб, изготовляются таким образом, что для них одинаково пригодна и человеческая и чисто механическая двигательная сила.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 348—353.

Механические станки, паровые машины и т. д. появились раньше, чем появился рабочий, исключительное занятие которого состоит в производстве паровых машин, механических станков и т. д.: точно так же, как человек носил одежду раньше, чем появились портные. Но изобретения Vaucanson'a, Arkwright'a, Watt'a и т. д. могли получить осуществление только благодаря тому, что эти изобретатели нашли значительное количество искусных механических рабочих, уже подготовленных мануфактурным периодом. Часть этих рабочих состояла из самостоятельных ремесленников различных профессий, другая часть была сосредоточена в мануфактурах, где, как упомянуто раньше, разделение труда господствовало с особенной строгостью. С увеличением числа изобретений и возрастанием спроса на вновь изобретенные машины все более развивается, с одной стороны, распадение фабрикации машин на многочисленные самостоятельные отрасли, с другой стороны,— разделение труда внутри машиностроительных мануфактур. Таким образом мы открываем здесь в мануфактуре непосредственную техническую основу крупной промышленности. Она производила машины, при помощи которых

крупная промышленность положила конец ремесленному и мануфактурному производству в тех отраслях производства, которыми они прежде всего овладели. Следовательно, машинное производство первоначально возникло на несоответствующем ему материальном базисе. На известной ступени развития оно должно было произвести переворот в этой основе, которую оно нашло готовой и вырабатывало дальше, сохраняя ее старую форму, и создать для себя новый базис, соответствующий его собственному способу производства. Как отдельная машина остается карликовой машиной, пока она приводится в движение только человеком, как система машин не могла получить свободного развития, пока на место уже применявшихся двигательных сил — животные, ветер и даже вода — не выступила паровая машина, — так и все развитие крупной промышленности парализовалось до тех пор, пока ее характерное средство производства — сама машина была обязана своим существованием индивидуальной силе и индивидуальному искусству, т. е. пока она зависела от той мускульной силы, верности взгляда и виртуозности рук, с которыми частичный рабочий мануфактуры или ремесленник оперирует своим карликовым инструментом. Не говоря о дороговизне машин, как следствии такого способа их происхождения,—обстоятельство, которое как сознательный мотив оказывает определяющее влияние на капитал,—дальнейшее расширение промышленности, которая приобрела уже машинный характер, и проникновение машин в новые отрасли производства всецело зависели благодаря этому от такого условия, как возрастание этой категории рабочих, которая вследствие полуартистического характера ее занятий может увеличиваться не скачками, а лишь постепенно. Но на известной ступени развития крупная промышленность попадает и в техническое противоречие со своим ремесленным и мануфактурным базисом. Увеличение размера двигательных машин, передаточного механизма и рабочих машин, увеличение сложности и многообразия, более строгая правильность составных частей рабочей машины, возрастающие по мере того, как последняя порывает с своим ремесленным образцом, первоначально всецело определявшим ее конструкцию, и приобретает свободную форму, определяемую исключительно ее механической задачей, развитие автоматической системы и все более неизбежное и растущее применение материала, трудно поддающегося обработке, например, железа вместо дерева,—вот те естественно выросшие задачи, разрешение которых повсюду наталкивалось на рамки, которые обусловливаются зависимостью работ от личности рабочего и которые даже комбинированный рабочий персонал в мануфактуре мог лишь несколько расширить, но не уничтожить по существу. Мануфактура не могла бы создать таких машин, как, например, современный типографский станок, современный паровой ткацкий станок и современная чесальная машина.

Маркс, Капитал, I. Гиз, 1923, 359—361.

...Если оставить в стороне изобретение пороха, компаса и книгопечатания — этих необходимых предпосылок буржуазного развития, — то от XVI

века до середины XVIII века, т. е. период мануфактуры, начавший свое развитие с ремесла, вплоть до собственно крупной промышленности, имеются две материальные основы, на которых складывается внутри мануфактуры предварительная работа для создания машинной промышленности, — часы и мельница (сначала хлебная мельница и притом специально водяная), — обе эти основы унаследованы от древности (водяная мельница была привезена в Рим из Малой Азии во времена Юлия Цезаря). Часы — это первый самодвижущийся аппарат (Automat), приспособленный для практических целей. На часах развилась вся теория производства равномерного движения. По самой природе этого прибора он основывается на соединении полухудожественного ремесла и прямой теории. Кардануc, например, писал (и давал практические указания) о том, как строить часы. «Ученое (не цеховое) ремесло» — так называлось ремесло часовщика у немецких писателей XVI в. — и на развитии часов можно проследить, какая громадная разница в соотношении между ученостью и практикой на основе ремесла, с одной стороны, и с этим же соотношением в крупной промышленности, с другой стороны. Не подлежит никакому сомнению, что в XVIII веке именно часы дали первую мысль применить к производству самодвижущиеся аппараты (приводимые в движение пружиной). Попытки Вокансона действовали в высшей степени сильно на фантазию английских изобретателей. Это исторически можно доказать.

С другой стороны, в мельнице с самого начала, как только была создана водяная мельница, совершенно ясно выделились существенные части в организме машины: механическая движущая сила, мотор, на который эта сила действует, передаточный механизм, наконец, рабочий механизм, захватывающий материал. Учение о трении и вместе с тем исследование математических форм системы колес, зубцов и т. д. — все это было проделано на мельнице. Равным образом здесь же впервые была создана теория измерения напряжения движущей силы, наилучшего способа применения этой силы и т. д. Почти все великие математики, начиная с середины XVIII века, поскольку им приходилось касаться практической механики и теоретизировать по поводу ее, исходили из простой водяной мельницы. Именно по этой причине и стали применять ко всякому механическому двигателю, приспособленному к практическим целям, название Mühle, mill (мельница), название, возникшее в мануфактурном периоде.

Но в мельнице, совершенно так же, как и в прессовальной машине, в молоте, плуге и т. д., собственно работа—удары, расплющивание, размельчание и т. д.—с самого начала производилась без человеческой работы, хотя бы движущей силой была человеческая сила, или сила скота. Поэтому такой вид машинизма, по крайней мере в его зародышевом состоянии, очень стар, и раньше в нем уже применялась, собственно говоря, механическая движущаяся сила. Отсюда происходит почти единственный механизм, встречающийся в мануфактурном периоде.

Маркс, Письмо Энгельсу от 28/I 1863. Письма Маркса и Энгельса, «Моск. раб.», 1923, 107—109.

Переворот в способе производства, совершившийся в одной сфере промышленности, обусловливает такой же переворот в других сферах. Это относится прежде всего к таким отраслям промышленности, которые переплетаются между собою как фазы одного общего процесса, хотя общественное разделение труда до такой степени изолировало их, что каждая из них производит самостоятельный товар. Так, например, машинное прядение выдвинуло необходимость машинного ткачества, а оба вместе сделали необходимой механически-химическую революцию в белильном, ситцепечатном и красильном производствах. Таким же образом, с другой стороны, революция в бумагопрядильном производстве вызвала изобретение gin'a, машины для отделения хлопчатобумажных волокон от семян, благодаря чему только и сделалось возможным производство хлопка в необходимом теперь крупном масштабе. А революция в способе производства промышленности и земледелия сделала необходимой революцию в общих условиях общественно-производственного процесса, т. е. в средствах сношений и транспорта. Средства сношений и транспорта такого общества, средоточием которого, употребляя выражение Фурье, были мелкое земледелье с его подсобной домашней промышленностью и городское ремесло, далеко уже не удовлетворяли потребностей производства в мануфактурный период с его расширенным разделением общественного труда, с его концентрацией средств труда и рабочих, с его колониальными рынками, а потому и на самом деле претерпели переворот. Точно так же и средства транспорта и сношений, завещанные мануфактурным периодом, скоро превратились в невыносимые путы для крупной промышленности с ее лихорадочным темпом производства, ее массовыми размерами, с ее постоянным перебрасыванием масс капитала и рабочих из одной сферы производства в другую и с созданными ею новыми связями, расширяющимися в мировой рынок. Не говоря уже о парусном судостроении, претерпевшем полный переворот, в деле сношений и транспорта совершилось поэтому при помощи системы речных пароходов, железных дорог, океанских пароходов и телеграфов постепенное приспособление к крупнопромышленному способу производства. Но огромные массы железа, которые приходилось теперь ковать, сваривать, сверлить и формовать, в свою очередь требовали таких циклопических машин, создать которые мануфактурное машиностроение было не в силах.

Итак, крупная промышленность должна была овладеть характерным для нее средством производства, самою машиной, должна была производить машины машинами. Только тогда она создала адэкватный * ей технический базис и стала на свои собственные ноги. В той мере, как в первые десятилетия XIX века росло машинное производство, машина и на самом деле постепенно овладевала фабрикацией рабочих машин. Однако лишь в последнее десятилетие (перед 1867 г.) колоссальное железнодорожное строитель-

* Соразмерный. —*Прим. сост.*

ство и океаническое пароходство вызвали к жизни те циклопические (исполинские) машины, которые применяются при постройке первых моторов.

Существеннейшим производственным условием для машинной фабрикации машин был двигатель, способный развивать силу в любой степени и в то же время всецело подчиняющийся контролю. Он уже существовал в виде паровой машины. Но вместе с тем задача заключалась и в том, чтобы машинным способом производить необходимые для отдельных частей машин строго геометрические формы; линии, плоскости, круги, цилиндры, конусы и шары. В первом десятилетии XIX столетия Henry Maudsley разрешил эту проблему изобретением slide resta, который скоро был превращен в автоматический механизм и в модифицированной форме перенесен с токарного станка, для которого он первоначально предназначался, на другие машиностроительные машины. Это механическое приспособление заменяет не какое-либо особенное орудие, а самую человеческую руку, которая создает определенную форму, приближая, прилагая острие режущего инструмента к материалу труда или направляя его на материал труда, например, на железо. Таким образом удалось производить геометрические формы отдельных частей машин «с такой степенью легкости, точности и быстроты, которой никакая опытность не могла бы доставить руке искуснейшего рабочего».

Если в машине, применяемой к машиностроению, мы рассмотрим собственно рабочую машину, то мы опять увидим перед собою ремесленный инструмент, только в циклопических размерах. Например, исполнительный механизм сверлильной машины, это — огромный бурав, который приводится в движение паровой машиной и без которого в свою очередь не могли бы быть произведены цилиндры больших паровых машин и гидравлических прессов. Механический токарный станок — циклопическое воспроизведение обыкновенного ножного токарного станка; строгальная машина — железный плотник, обрабатывающий железо тем же орудием, как плотник обрабатывает дерево; орудие, которое на лондонских кораблестроительных верфях режет железо на пластины, это — гигантская бритва; орудие машины, которая режет железо, как ножницы портного режут сукно, это — чудовищные ножницы, а паровой молот действует головкой обыкновенного молотка, но такого веса, что им не мог бы взмахнуть сам Тор. Например, один из таких паровых молотков, которые являются изобретением Nasmyth'a, весит более 6 тонн и падает перпендикулярно с высоты в 7 футов на наковальню весом в 36 тонн. Он, играючи, превращает в порошок гранитную глыбу и не менее способен к тому, чтобы вбить гвоздь в мягкое дерево рядом легких ударов.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 361—363.

Познакомимся, однако, поближе с развитием английской промышленности и начнем с ее главной отрасли — хлопчатобумажной промышленности *.

* При чтении этого отрывка нужно помнить, что сочинение, из которого он взят, написано в 1845 г. *Прим. сост.*

В 1771 — 1775 гг. ввозилось, в среднем, менее 5 млн. фунтов сырого хлопка; в 1841 г. ввозилось уже 528 млн., а ввоз 1844 г. достиг, по крайней мере, 600 млн. фунтов. В 1834 г. из Англии было вывезено 556 млн. ярдов готовых хлопчатобумажных материй, 76 млн. фунтов хлопчатобумажной пряжи и на 1 200 000 фунтов стерлингов хлопчатобумажных чулочных товаров. В том же самом году действовало свыше 8 млн. механических веретен, 110 000 механических и 250 000 ручных ткацких станков, не считая веретен тростельных машин, работавших в области хлопчатобумажной промышленности; по исчислению Мак-Куллоха, в это же время прямо или косвенно на счет этой отрасли промышленности жило во всех трех королевствах около полутора миллиона человек, из которых только 220 000 работало на фабриках; количество энергии, потреблявшейся этими фабриками, составляло 33 000 и 11 000 водяных лошадиных сил. Теперь эти цифры уже совершенно не существуют в действительности, и мы можем свободно допустить, что в 1845 г. количество машин и развиваемых ими сил, равно как и рабочих, в 1½ раза превосходит соответствующие цифры 1834 г. Главнейшим центром и родиной этой отрасли промышленности является Ланкашир; она совершенно революционизировала это графство, превратив мрачное, плохо возделывавшееся болото в оживленную страну с энергичным населением, в течение 80 лет удесятерила его население и, словно ударом волшебного жезла, вызвала из-под земли исполинские города, вроде Ливерпуля и Манчестера, с 700 000 населения в обоих, и их пригородов: Белтона (60 000), Рочделя (75 000), Ольдгема (50 000), Престона (600 000), Эттона и Суэлебрайчеса (40 000), не говоря уже о целой массе других фабричных городов. История южного Ланкашира видела величайшие чудеса нового времени, хотя никто и не говорит о них, и все эти чудеса обязаны своим появлением хлопчатобумажной промышленности. Вторым центром, именно для шотландских хлопчатобумажных округов, после Ланкашира и Рендорьюшира, служит Глазго; и здесь, после того как в этой области обосновалось хлопчатобумажное производство, население центрального города увеличилось с 30 000 до 300 000 человек. Чулочное производство в Ноттингэме и Дерби равным образом получило с удешевлением пряжи новый толчок к развитию; дальнейшим толчком для него послужило дальнейшее усовершенствование чулочного станка, благодаря которому на одном станке можно было вязать одновременно два чулка; фабрикация кружев с 1777 г., когда была изобретена машина «lace», также делается значительной отраслью промышленности; вскоре затем Линдли изобрел машину «point-net», а в 1809 г. Гискот — машину «bobin-net», благодаря которым изготовление кружев упростилось в бесконечной степени, а потребление их, вследствие дешевизны, в такой же степени расширилось, так что в настоящее время (в 1845 г.) производством кружев живет, по крайней мере, 200 000 человек. Его центрами являются Ноттингэм, Лейчестер и западная Англия (Уильтшир, Девоншир и пр.). Такое же распространение получили и побочные отрасли промышленности, связанные с хлопчатобумаж-

ной, а именно: беленье, крашенье и печатанье тканей. Сверх того, благодаря применению хлора, вместо кислорода к искусственному белению тканей, благодаря быстрому развитию химии и приложению ее к крашенью и печатанью их, наконец, благодаря целому ряду блестящих механических открытий, примененных к печатанью тканей, — эти три побочные отрасли промышленности получили сильное развитие, которое, наряду с их подъемом, вызванным ростом хлопчатобумажного производства, привело их к неведомому доселе расцвету.

Аналогичное развитие совершалось и в области переработки шерсти. Последняя до той поры являлась главной отраслью английской индустрии, но общее количество ее продуктов, производившееся в те годы, ничто в сравнении с тем, что производится теперь. В 1782 г. весь сбор шерсти, полученный в течение трех предыдущих лет, оставался еще непереработанным, вследствие недостатка в рабочих; в таком положении дело и осталось бы, если бы не пришли на помощь вновь изобретенные машины, которые и способствовали переработке шерсти. Применение этих машин к прядению шерсти оказалось вполне удачным. Теперь округа с шерстяною промышленностью стали столь же быстро развиваться, как это мы наблюдали относительно округов с хлопчатобумажным производством. В 1738 г. в Вестридинге, в Иоркширском графстве, было произведено 75 000 штук сукна, а в 1817 г.—490 000 штук; развитие всей вообще шерстяной промышленности происходило с такой быстротой, что в 1834 г. было произведено уже на 45 000 штук сукна больше, чем в 1825 г. В 1801 г. был переработан 101 млн. фунтов шерсти (из них 7 млн. ввезено), а в 1835 г.—108 млн. фун. (из них 42 млн. ввезено). Главною областью распространения этой отрасли промышленности служит Вест-Видинг, в Иоркширском графстве; из числа городов этого округа в Бредфорде производилась длинная английская шерсть для вязальной пряжи, а в остальных городах — Лидсе, Галифаксе, Геддерсфильде и пр. — короткая шерсть для крепкой крученой пряжи и для суконных тканей; затем это же производство было распространено в смежной части Ланкашира, именно в округе Рочделя, где, помимо хлопчатобумажных материй, производилось много фланели, и в западной Англии, где выделывались тончайшие сукна. Рост населения и в этих городах обращает на себя внимание:

	В 1801	В 1831	
В Бредфорде было	29 000	770 000	жителей
» Галифаксе »	63 000	110 000	»
» Геддерсфильде	15 000	340 000	»
» Лидсе . . . »	53 000	123 000	»
Во всем Вест.-Ридинге	564 000	980 000	»

Эти цифры с 1831 по 1845 г. увеличивались еще по крайней мере на 20 — 25%. В шерстопрядильном производстве насчитывалось в 1835 г. во всех трех королевских 1 313 фабрик с 71 300 рабочими; последняя цифра, впрочем, обнимает лишь небольшую часть тех лиц, которые прямо или кос-

венно зарабатывали себе средства к жизни в области переработки шерсти, а ткачи почти совершенно не включены в нее.

Льняная промышленность начала прогрессировать лишь позже, так как естественные качества сырого материала сильно затрудняли здесь применение прядильных машин. Хотя попытки к этому делались уже в последних годах XVIII века в Шотландии, но только в 1810 г. французу Жирару удалось устроить применимую на практике прялку для переработки льна, и даже Жирардова машина достигла своего значения лишь благодаря тем улучшениям, которые были в ней произведены в Англии, а также благодаря всеобщему применению в Лидсе, Денди и Бельфасте, на британской почве. Но с этого времени английская льняная промышленность начинает быстро развиваться. В 1814 г. в Денди ввезено 3 000 тонн льна (около 180 000 пудов), в 1833 г. — 19 000 тонн льна и 3 400 тонн конопли. Вывоз ирландского льна в Великобританию возрос с 32 млн. ярдов в 1800 г. до 53 млн. в 1845 г., из которых значительная часть была вывезена обратно; вывоз английских и шотландских тканей возрос с 24 млн. ярдов в 1820 г. до 51 млн. — в 1833 г. Число льнопрядилен равнялось в 1835 г. 347 с 33 000 рабочих; из них половина находилась в южной Шотландии, немного больше 60 — в йоркширском Вестридинге (Лидсе с окрестностями), 25 — в Бельфасте в Ирландии, остальные — в Дорсетшире и Ланкашире. Ткачество было сосредоточено в южной Шотландии, кое-где в Англии, но главным образом — в Ирландии.

Столь же успешно совершалось развитие в Англии шелкового производства. Сырой материал, в виде готовой пряжи, Англия получала из южной Европы и из Азии, и главная работа состояла здесь в скручивании этой пряжи в тонкие нити. До 1824 г. развитие английской шелковой промышленности было стеснено высокой таможенной пошлиной на шелк-сырец (4 шилл, или около 2 руб. с фунта), а в ее распоряжении оставался благодаря охранительным пошлинам рынок Англии и ее колоний. В 1824 же году ввозная пошлина была понижена до 1 пенса, и число фабрик тотчас значительно увеличилось; в течение одного года число веретен поднялось с 780 000 до 1 180 000, и если торговый кризис 1825 г. и задержал на некоторое время развитие этой отрасли промышленности, то уже 1827 г. превзошел по размерам производства все предыдущие годы, так как сноровка и опытность англичан в механических ремеслах обеспечили их шелкопрядильным машинам преимущество перед их конкурентами. В 1835 г. в Британском королевстве было 263 шелкопрядильных фабрики с 30 000 рабочих, из которых большая часть находилась в Чешире (Манлесфельде и Контлетоне с окрестностями, Манчестере и Сомершетшире). Сверх того существует еще не мало фабрик для переработки шелковых отбросов, остающихся при размотке коконов, из которых изготовляется особый продукт, вывозимый даже в Париж и Лион для тамошних ткацких фабрик. Тканье скрученного и выпряденного таким образом шелка происходит главным образом в Шотлан-

дии (в Пэсли и др.) и Лондоне (Слитальфьельдсе), а также в Манчестере и других местах.

Однако, исполинский подъем, который получила английская промышленность, начиная с 1760 г., не ограничился текстильными производствами. Однажды полученный ею толчок распространился на все отрасли промышленной деятельности, и множество изобретений, сделанных вне всякой связи с описанными выше, получили удвоенное значение благодаря тому, что совпали по времени с общим движением. Прежде всего, когда неизмеримое значение механической силы для развития промышленности было доказано на практике, все усилия направились к тому, чтобы использовать эту силу и эксплоатировать ее к выгоде отдельных изобретателей и фабрикантов; сверх того, спрос на машины, топливо и сырой материал и сам по себе потребовал удвоенной деятельности множества рабочих и отдельных отраслей промышленности. Только паровая машина придала английским залежам каменного угля столь крупное значение; только теперь появилось машиностроительное производство, а вместе с тем получила особое значение железоделательная промышленность, поставлявшая сырой материал для выделки машин; усилившееся потребление шерсти вызвало потребность развития английского овцеводства, а возросший ввоз шелка, льна и шерсти вызвал развитие английского торгового золота. Прежде всего расширилось железоделательное производство. Залежи железа в английских горах до сих пор мало эксплоатировались. Железная руда всегда выплавлялась при помощи древесного угля, который в связи с улучшением обработки земли и истреблением лесов становился все более и более редким и дорогим; только в XVIII веке начали впервые применять для этой цели кокс, а в 1780 г. был найден способ превращать выплавленное с помощью кокса железо, которое раньше получалось только в виде чугуна, в нужное для изделий кованное железо. Этот способ, который состоит в удалении из железа углерода, который примешивается к нему во время плавления, англичане назвали пудлингованием (puddling); он открыл перед английской железоделательной промышленностью новые перспективы. Размеры доменных печей увеличились в пятнадцать раз, применение раздувальных мехов упростило выплавку руды, и производство железа настолько удешевилось, что множество предметов, выделывавшихся раньше из дерева или камня, теперь стало изготовляться из железа. В 1788 г. Томас Пен, известный демократ, построил в Йоркшире первый железный мост, за которым последовало бесчисленное множество других, так что в настоящее время почти все мосты, особенно железнодорожные, делаются из чугуна, а в Лондоне выстроен из этого материала даже мост через Темзу; чугунные колонны, устои для машин и т. п. вошли во всеобщее употребление, а с введением газового освещения и началом железнодорожного строительства английское железоделательное производство получило новые рынки сбыта; мало-по-малу с помощью машин стали также выделываться гвозди и винты; шеффильдский житель Гентсман

открыл в 1790 г. новый способ литья стали, который сберегал массу труда и делал возможным изготовлять из стали много дешевых товаров, и только теперь, благодаря большей чистоте сырого материала, равно как и усовершенствованным орудиям, новым машинам и сильнее детализированному разделению труда,— фабрикация металлических товаров получила в Англии важное значение. Население в Бирмингаме возросло с 73 000 (в 1800 г.) до 200 000 (в 1844 г.), население Шеффильда — с 46 000 (в 1801 г.) до 110 000 (в 1844 г.), а потребление угля в одном лишь последнем городе достигло в 1836 г. 515 000 тонн. В 1805 г. было вывезено 4 300 тонн железных товаров и 4 600 тонн чугуна, а в 1834 г. те же цифры соответственно возросли до 16 200 и 107 000 тонн; вместе с тем общая добыча железа, достигавшая в 1740 г. только 17 000 тонн, возросла в 1834 г. почти до 70 000 тонн. Одна лишь выплавка чугуна поглощает ежегодно свыше 3 000 000 тонн угля, а значение, которое получила вообще каменноугольная промышленность в течение последних 60 лет, превышает все то, что мы можем себе представить. В настоящее время эксплоатируются все залежи каменного угля в Англии и Шотландии; одни лишь Нортумберландские и Дургэмские копи поставляют за границу свыше 5 млн. тонн и дают занятие 40 000—50 000 рабочим. По данным «Durham Chronicle», в обоих названных графствах разрабатывалось:

В 1753 г.	14	каменноугольных копей	
» 1800 »	40	»	»
» 1836 »	76	»	»
» 1843 »	130	»	»

При этом, добыча во всех копях в настоящее время сильно возросла, сравнительно с прежними годами. Подобным же образом возросла также и добыча цинка, меди и свинца, а с расширением стекольного производства возникла новая отрасль промышленности в виде изготовления гончарных изделий, которая с 1763 г. получила особенное значение благодаря Дж. Уэджвуду. Последний ввел научные принципы в производство фаянсовой посуды и основал гончарные фабрики в Нордштаффордшире — округе, пространством в 8 английских квадратных миль, который прежде был бесплодной пустыней, а теперь усеян фабриками и селениями и прокармливает 60 000 человек.

И в этот всеобщий водоворот развития была вовлечена решительно вся промышленная жизнь страны. Земледелие точно так же должно было пережить переворот. Оно было потрясено не только изображенным выше переходом земельной собственности в руки других владельцев или возделывателей, но и другим еще обстоятельством. Крупные фермеры стали вкладывать капитал в дело улучшения почвы, снесли ненужные перегородки между участками, принялись за осушение почвы, стали унавоживать ее, применяли улучшенные орудия и ввели плодопеременную систему. Прогресс наук пришел на помощь им; сэром Г. Дэви была с успехом применена к земледелию

химия, а развитие механики также оказало ему множество услуг. К тому же спрос на земледельческие продукты, благодаря возрастанию населения поднялся столь сильно, что с 1760 по 1834 г. стало обрабатываться 6 840 000 англ. моргов бесплодной земли, и, несмотря на это, Англия обратилась из страны, вывозящей зерновые продукты, в ввозящую таковые.

Столь же энергично подвигалось и дело устройства путей сообщения. Начиная с 1818 по 1829 г., в Англии и Уэльсе было построено 1 000 английских миль шоссейных дорог законной ширины в 60 фут., и почти все старые были перестроены согласно принципу Мак-Адама. В Ирландии управление общественных работ с 1803 г. построило 900 миль шоссированных дорог и свыше 1 000 мостов, благодаря чему население северных округов сразу приобщилось к центрам цивилизации; это население раньше занималось по большей части незаконной охотой и контрабандой; теперь оно превратилось в усердных земледельцев и ремесленников, и хотя, в видах сохранения галльского языка, были устроены специальные школы, однако галльско-коммерческие обычаи и язык быстро исчезли при вторжении английской цивилизации. То же происходило и в Ирландии. Между графствами Корк, Лимерик и Керри лежала в то время пустынная область, совершенно лишенная проездных дорог и являющаяся благодаря своей недоступности притоном всякого рода преступников и главнейшим убежищем кельтско-ирландской национальности в южной Ирландии; эта местность была прорезана столбовыми дорогами, и, таким образом, цивилизации был открыт доступ и в эту дикую страну. Все Британское королевство, особенно же Англия, обладавшая 60 лет тому назад столь же плохими дорогами, как и тогдашние Германия и Франция, в настоящее время покрыто сетью превосходных шоссе, которые являются, как почти все в Англии, созданием частной предприимчивости, так как государство не принимало в этом деле никакого или почти никакого участия.

До 1755 г. в Англии почти совсем не было каналов. В 1755 г. был проведен канал между Sankey, Brokk и st. Helens, а в 1759 г. Джемс Бриндли провел первый значительный канал — Герцога Бриджвотера, который идет от Манчестера и расположенных в его окрестностях каменноугольных залежей к устьям Мерси; в то же время был проведен близ Бартона аквадук над рекою Ирвель. С этого времени начинается развитие проведения каналов в Англии, которое получило важное значение лишь благодаря Бриндли. В настоящее время каналы проложены по всем направлениям, а реки сделаны судоходными. Одна Англия теперь обладает каналами общей длиной в 2 200 миль и судоходными реками длиною до 1 800 миль; в Шотландии был проведен Каледонский канал, разрезавший всю страну на 4 части; несколько каналов было также проведено в Ирландии. И эти сооружения, подобно железным дорогам и шоссе, обязаны своим возникновением частным лицам и кампаниям.

Железные дороги стали строиться только в новейшее время; из них первая значительная была сооружена между Ливерпулем и Манче-

стером (открыта в 1830 г.); с тех пор все крупные города были связаны между собой железными дорогами. Так, Лондон — с Соутгэмптоном, Брайтоном, Дувром, Кольчестером, Кэмбриджем, Экстером (через Бристоль) и Бирмингамом; Бирмингам — с Клочестером, Ливерпулем, Ланкастером (через Ньютон и Уигэн, а также через Манчестер и Болтон), далее, с Лидсом (через Манчестер и Галиран и через Лейчестер, Дерби и Шеффильд); Лидс с Гуллем и Ньюкестлем (через Йорк). К этому надо добавить много мелких ныне строящихся и проектируемых линий, которые вскоре дадут возможность совершать путешествие из Эдинбурга в Лондон в один день.

Подобно тому, как в сухопутных путях сообщения пар произвел целую революцию, так равно и водным путям сообщения он придал новую форму. Первый пароход прошел по Гудзонову заливу в Северной Америке; в Британском королевстве первый пароход прошел в 1811 г. по Клайду. С тех пор в Англии построено свыше 600 пароходов, а в 1836 г. свыше 500 совершало плавание между английскими гаванями.

Такова вкратце история английской промышленности за последнее шестидесятилетие, — история, подобной которой еще не было в летописях человечества. Шестьдесят-восемьдесят лет назад это была такая же страна, как и другие, с неразвитой и несложной промышленностью и редким, но сравнительно большим земледельческим населением; теперь — это страна, совершенно отличная от всех прочих, со столицей в 2½ млн. жителей, с огромными фабричными городами, с промышленностью, которая снабжает своими изделиями весь мир и почти все продукты возделывает с помощью сложных машин, с деятельным, интеллигентным, густым населением, две трети которого занято в промышленности и которое состоит совсем из других классов, даже, можно сказать, представляет собою совсем иную нацию, с иными нравами и иными потребностями, чем прежде. Промышленная революция имела для Англии такое же значение, как политическая для Франции или философская для Германии, и расстояние между Англией 1769 г. и Англией 1844 г. по меньшей мере столь же велико, как между Францией старого порядка и Францией Июльской революции.

Энгельс, Положение рабочего класса в Англии, «Молот», 1906, 22—30.

2. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

а. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ЗАВИСИМОСТЬ ИХ ОТ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ

Производственные отношения, это — отношения людей в общественном процессе производства. Сказать, что изменились производственные отношения, значит сказать, что изменились взаимные отношения между людьми в названном процессе. Изменение этих отношений не может совершаться «автоматически», т. е. независимо от человеческой деятельности, потому

что эти отношения являются отношениями, устанавливающимися между людьми в процессе их деятельности.

Но эти отношения могут изменяться — и очень часто действительно изменяются — вовсе не в том направлении, в котором люди хотели бы изменить их. Характер «экономической структуры» и то направление, в котором изменяется этот характер, зависят не от воли людей, а от состояния производительных сил и от того, какие именно изменения в производственных отношениях возникают и становятся нужными для общества, вследствие дальнейшего развития этих сил. Энгельс поясняет это следующими словами: «Люди сами делают свою историю, но они до сих пор делали ее, — даже внутри отдельных обществ, — не по общей воле и не по общему плану. Их стремления взаимно перекрещивались, и именно потому во всех таких обществах царствует необходимость, дополнением и внешней формой проявления которой служит случайность». Человеческая деятельность сама определяется здесь не как свободная, а как необходимая, т. е. как законосообразная, т. е. как могущая стать объектом научного исследования. Таким образом, исторический материализм, не переставая указывать на то, что обстоятельства изменяются людьми, в то же время впервые дает нам возможность взглянуть на процесс этого изменения с точки зрения науки. И вот почему мы имеем полное право сказать, что материалистическое объяснение истории дает необходимые пролегомены для всякого такого учения о человеческом обществе, которое захочет выступить как наука.

Плеханов, Основные вопросы марксизма, соч., XVIII, Гиз, 1925, 221—222.

Материализм дал вполне объективный критерий, выделив «производственные отношения», как структуру общества, и дав возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого в социологии отрицали субъективисты. Пока они ограничивались идеологическими общественными отношениями (т. е. такими, которые, прежде чем им сложиться, проходят через сознание (т. е., разумеется, речь все время идет о сознании «общественных отношений» и никаких иных) людей), они не могли заметить повторяемости и правильности в общественных явлениях разных стран, и их наука в лучшем случае была лишь описанием этих явлений, подбором сырого материала. Анализ материальных общественных отношений (т. е. таких, которые складываются, не проходя через сознание людей; обмениваясь продуктами, люди вступают в производственные отношения, даже и не сознавая, что тут имеется общественное производственное отношение) — анализ материальных общественных отношений сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие «общественной формации». Только такое обобщение и дало возможность перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго на-

учному анализу их, выделяющему, скажем для примера, то, «что» отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, «что» обще всем им.

... Эта гипотеза впервые создала возможность «научной» социологии, (потому) что только сведение общественных отношений к производственным и этих последних к высоте производительных сил дало твердое основание для представления развития общественных формаций естественно-историческим процессом. А понятно само собой, что без такого воззрения не может быть и общественной науки. (Субъективисты, например, признавая закономерность исторических явлений, не в состоянии, однако, были взглянуть на их эволюцию как на естественно-исторический процесс,— и именно потому, что останавливались на общественных идеях и целях человека, не умея свести этих идей и целей к материальным общественным отношениям.)

Ленин, Что такое «друзья народа»? соч., I, 2 изд., 61.

В производстве люди воздействуют не только на природу, но и друг на друга. Они производят только так, что определенным образом действуют сообща и взаимно обмениваются своими работами. Чтобы производить, они должны вступать в определенные связи и отношения друг к другу, и только в рамках этих общественных связей и отношений совершается их воздействие на природу, совершается их производство.

В зависимости от характера средств производства, эти общественные отношения, в которые вступают производители друг к другу, эти условия, при которых они обмениваются своими работами и участвуют в совокупном производстве, конечно, будут различны. С изобретением нового орудия войны, огнестрельного ружья, необходимо изменилась вся внутренняя организация армии, претворились отношения, при которых отдельные лица складываются в армию и могут действовать как армия, — изменились и взаимные отношения различных армий.

Следовательно, с изменением и развитием материальных средств производства, производительных сил, изменяются, претворяются и общественные отношения, при которых производят индивидуумы, или общественно-производственные отношения. Производственные отношения в их совокупности образуют то, что называют общественными отношениями, обществом, и притом общество на определенной ступени исторического развития, общество с его особенными отличительными чертами. Античное общество, феодальное общество, буржуазное общество суть такие совокупности производственных отношений, из которых каждая в то же время отмечает особую ступень в историческом развитии человечества.

Капитал — тоже общественно-производственное отношение. Это — буржуазное производственное отношение буржуазного общества. Разве средства существования, орудия труда, сырые материалы, из которых состоит капитал, произведены и накоплены не при данных общественных условиях, не при определенных общественных отношениях? Разве они применяются в целях нового производства не при данных общественных условиях, не в определенных общественных отношениях? И разве не этот определенный общественный характер как раз и превращает продукты, служащие для нового производства, в капитал?

Капитал состоит не просто из средств существования, орудий труда и сырых материалов, не просто из материальных продуктов: он состоит в то же время из меновых стоимостей. Следовательно капитал — не просто сумма материальных продуктов; это — сумма товаров, меновых стоимостей, общественных величин.

Маркс, Наемный труд и капитал, под ред. Каутского, перев. Степанова, изд. «Кр. Новь», 1922, 46—47.

...Прудон прежде всего из-за отсутствия у него исторических знаний не понял, что люди, развивая свои производительные силы, т. е. живя, развивают определенные отношения друг к другу и что характер этих отношений неизбежно должен меняться вместе с преобразованием и ростом этих производительных сил. Он не понял, что экономические категории — это лишь абстракции этих фактических отношений и являются правильными лишь постольку, поскольку существуют эти отношения. Таким образом он впадает в ошибку буржуазных экономистов, считающих эти экономические категории вечными, а не историческими изменяющимися законами, законами лишь для определенного исторического развития, для определенного развития производительных сил. Вместо того, следовательно, чтобы считать политико-экономические категории абстракциями действительных, преходящих, исторических общественных отношений, он благодаря мистическому извращению видит в фактических отношениях всего лишь воплощение этих абстракций. Сами эти абстракции являются формулами, дремавшими в лоне бога отца с самого сотворения мира.

Маркс, Письмо к П. В. Анненкову, от 28/XII 1846; Письма Маркса и Энгельса, «Моск. раб.», 1923, 13.

Материалисты-диалектики «все сводят к экономии». Мы уже объясняли, как надо понимать это. Но что же такое экономия? Это совокупность фактических отношений людей, составляющих данное общество, в их производительном процессе. Эти отношения не представляют собою неподвижной метафизической сущности. Они вечно изменяются под влиянием развития производительных сил, равно как под влиянием той исторической среды, которая окружает данное общество. Раз даны фактические отношения лю-

дей в процессе производства, из этих отношений вытекают роковым образом известные следствия.

Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. соч., VII, Гиз, 1923, 265.

Материалисты-диалектики говорят, что «свойства» исторического человека, его привычки и стремления, его воззрения и идеалы, его симпатии и антипатии изменяются вместе с ходом общественного развития, которое обусловливается причинами, лежащими не в самом человеке, а вне его. Общественные отношения охотничьих племен не похожи на общественные отношения земледельцев; общественные отношения народов, занимающихся земледелием при господстве так называемого натурального хозяйства, не похожи на общественные отношения «проходящих школу капитализма», и т. д. и т. д.

От одного способа производства к другому люди переходят не потому, что у них является другая «природа», а потому, что увеличилась власть общественного человека над внешней природой, изменилось состояние их производительных сил. Поэтому можно и должно сказать, что именно в развитии производительных сил и надо искать в последнем счете разгадки исторического движения человечества.

Плеханов, Нечто об истории, соч., VIII, Гиз, 1923, 227—228.

Маркс... никогда не рассматривал экономического движения данной страны вне связи его с теми общественными силами, которые, вырастая на его почве, сами влияют на его дальнейшее направление... Дано известное экономическое состояние, — этим самым даны известные общественные силы, действие которых необходимо отразится на дальнейшем развитии этого положения... Дана экономия Англии эпохи первоначального капиталистического накопления. Этим самым были даны те общественные силы, которые, между прочим, заседали в тогдашнем английском парламенте. Действие этих общественных сил было необходимым условием дальнейшего развития данного экономического положения, а направление их действия обусловливалось свойствами этого положения. Дано экономическое положение современной Англии; этим самым даны ее современные общественные силы, действие которых скажется на будущем экономическом развитии Англии.

Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, соч., VII, Гиз, 1923, 282.

В общественном отправлении своей жизни люди вступают в определенные, от их воли независящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества, реальное основание, на котором

возвышается правовая и политическая надстройка, и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает собой процесс жизни социальной, политической и духовной вообще. Не сознание людей определяет их бытие, но, напротив, общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества впадают в противоречие с существующими производственными отношениями или, употребляя юридическое выражение, с имущественными отношениями, внутри которых они до сих пор действовали. Из форм развития производительных сил эти отношения становятся их оковами. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономического основания более или менее быстро преобразуется и вся громадная надстройка над ним. При рассмотрении таких революций следует всегда иметь в виду разницу между материальным переворотом в экономических условиях производства, который можно определить с естественно-научной точностью, и юридическими, политическими, религиозными, художественными или философскими, словом идеологическими, формами, в которых люди воспринимают в своем сознании этот конфликт и во имя которых они борются.

. . . . . .

Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются на свет раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне старого общества. Поэтому, человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может решить, так как, при ближайшем рассмотрении, всегда окажется, что сама задача только тогда выдвигается, когда существуют уже материальные условия, необходимые для ее разрешения, или когда они, по крайней мере, находятся в процессе возникновения. В общих чертах можно наметить, как прогрессивные эпохи экономического формирования общества: азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства. Буржуазные производственные отношения составляют последнюю антагонистическую форму общественного процесса производства, антагонистическую не в смысле индивидуального антагонизма, но такого, который вырастает из условий общественной жизни индивидуумов. Но производительные силы, развивающиеся в лоне буржуазного общества, создают в то же время материальные условия, необходимые для разрешения этого антагонизма. Этой общественной формацией завершается, поэтому, прелюдия истории человеческого общества.

Маркс, Предисловие к критике политической экономии, 1922, 38—39.

Г. Прудон-экономист очень хорошо понял, что люди выделывают сукно, полотно, шелковые ткани и пр. при определенных производственных отношениях. Но он не понял того, что эти определенные общественные отношения так же точно произведены людьми, как и полотно, лен и т. д. Обще-

ственные отношения тесно связаны с производительными силами. Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни,—они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница—общество с промышленным капиталом.

Маркс, Нищета философии, Гиз, 1928, 105—106.

Производственные отношения, по Марксу, есть материальный базис общества. Между тем, у целого ряда идеологических группировок в марксизме (или в «марксизме») существует непреодолимое стремление «спиритуализировать» этот материальный базис. Победное шествие психологической школы и психологического метода в хоромах буржуазной общественной науки не могло не «инфицировать» марксистских и полумарксистских кругов. Это явление шло нога в ногу с повышавшимся влиянием школьной идеалистической философии вообще. Под материальный базис Маркса стали подводить «идеальный», психологический базис австрийской школы (Бем-Баверк), Л. Уорда и titti quanti. Застрельщиком и здесь выступил теоретически растленный австро-марксизм. Материальный базис стали практиковать в ликвидаторском смысле. Экономика, способ производства оказались нижним рядом психических взаимодействий. Твердый костяк материального исчез из-под общественного здания.

В русской литературе эта «психологизация» марксизма была очень последовательно проведена в сочинениях А. А. Богданова. По Богданову даже техника, это — не вещи, а уменье людей работать при помощи определенных орудий труда их, так сказать, психологический тренаж.

Совершенно очевидно, что такой психологизированный марксизм есть явное отклонение от подчеркиваемого con amore Марксом материализма в социологии.

Но как все же трактовать материальность производственных отношений?

Мне кажется, что точного ответа на этот вопрос в марксистской литературе не давалось, и отчасти поэтому «психологические» конструкции, которым нельзя отказать в известного рода цельности и продуманности, оказывают влияние на марксистские умы.

Как же решить эту задачу? Противник выставляет ряд дельных аргументов. Самым важным аргументом является то соображение, что понятие отношения между людьми предполагает их психическое взаимодействие. Таким образом трудовая связь есть связь психически трудовая. Так как не подлежит никакому сомнению, что процесс создания, а равно и поддерживания этих отношений является процессом психическим, который складывается из психических актов, объективирую-

щихся в общественном масштабе, то тем самым установлен общественно-психический характер «базиса».

Я утверждаю, что против этой аргументации в нашей среде не было выставлено контр-аргументации. Поэтому мной предлагается новое, материалистическое решение задачи, идущее по линиям марксовым решений. Это решение таково.—Под производственными отношениями я разумею трудовую координацию людей (рассматриваемых как «живые машины») в пространстве и времени. Система этих отношений настолько же «психична», как система планет вместе со своим солнцем. Определенность места в каждую хронологическую точку — вот что делает систему системой. С этой точки зрения всякая психичность базиса исчезает. А то обстоятельство, что опосредствующим моментом являются психические элементы, нисколько не разрушает и не нарушает стройности нашей аргументации: опосредствующим моментом служит в процессе совокупного воспроизводства общественной жизни и любая из надстроек. Предлагаемое решение я считаю единственно верным и единственно материалистическим. Без него, кроме того, нельзя дать ответа Адлерам и К°.

Бухарин, К постановке проблем теории исторического материализма, Сб. «Атака», Гиз, 120—121.

Под производственными отношениями мы подразумеваем ... всяческие и всевозможные отношения между людьми, возникающие в процессе общественно-хозяйственной жизни, т. е. в процессе производства, который включает в себя и распределение средств производства, и в процессе распределения продуктов. Ясно, что эти производственные отношения крайне многообразны: биржевик, покупающий в Париже акции нью-йоркского пуговичного треста, становится тем самым в определенное производственное отношение к рабочим и владельцам, к мастерам и инженерам фабрик, входящих в этот трест. Банкир, имеющий бухгалтеров, стоит в определенных производственных отношениях к ним. Но точно так же столяр стоит в определенных производственных отношениях к токарю, работающему на той же фабрике, или к торговке, у которой он покупает селедку на рынке, или к мастеру, который смотрит за ним. Но этот же столяр стоит в определенных отношениях и к рыбаку, который изловил селедку, и к ткачу, который выткал вместе с другими материю для его брюк, и т. д., и т. д. Словом, перед нами действительно неисчислимое количество разнообразных, разнородных, отличных друг от друга по типу производственных отношений.

Задача заключается, следовательно, в том, чтобы произвести некоторое разграничение между различными видами этих отношений и прощупать, конфликт с какими из производственных отношений приводит к революциям.

Бухарин, Теория исторического материализма, 1928, 277.

Взаимоотношения между различными народами зависят от того, насколько каждый из них развил свои производительные силы, разделение труда и внутренние сношения. Это положение общепризнано. Но не только отношение какого-нибудь народа к другим народам, но и вся его внутренняя структура зависят от степени развития его производства и его внутренних и внешних сношений. Степень развития производительных сил какого-нибудь народа лучше всего показывается степенью развития у него разделения труда. Всякая новая производительная сила — поскольку она не является просто количественным расширением известных уже производительных сил (например, возделывание новых земель) — имеет своим следствием дальнейшее развитие разделения труда.

Разделение труда у какого-нибудь народа влечет за собой прежде всего отделение промышленного и торгового труда от земледельческого, а значит и отделение г о р о д а о т д е р е в н и и противоречие интересов обоих. Дальнейшее развитие его приводит к отделению торгового труда от промышленного. В то же время, благодаря разделению труда внутри этих различных отраслей, развиваются, в свою очередь, различные группировки между сотрудничающими для определенных работ индивидами. Взаимоотношения этих отдельных группировок обусловливаются способом ведения земледельческого, промышленного и торгового труда (патриархализм, рабство, сословия, классы). Те же самые явления обнаруживаются при более развитых сношениях во взаимоотношениях между различными народами.

М а р к с и Э н г е л ь с, О Фейербахе, Архив, кн. I, 254.

Наша теория, ч т о т р у д о в а я о р г а н и з а ц и я (Arbeitsorganisation) обусловливается с р е д с т в а м и п р о и з в о д с т в а, нигде, кажется, так блестяще не подтверждается, как в «человекоубойной промышленности» (in der Menschenabschlachtungsindustrie). Право, стоило бы, чтобы ты написал об этом что-нибудь (у меня для этого нехватает знаний), что можно было бы за твоей подписью ввести в мою книгу в виде приложения.

М а р к с, Письма к Энгельсу от 7/VII 1866, Письма Маркса и Энгельса, «Моск. раб.», 1923, 228.

Классовые производственные отношения, т. е. отношения, связанные с различным распределением средств производства имеют особенно важное значение в обществе. Они-то и определяют собою, в первую очередь, вид этого общества, его строение, или, как это называл Маркс, его экономическую структуру.

Производственные отношения, как видит теперь всякий, чрезвычайно разнообразны и многосложны. Если вспомнить еще, что распределение продуктов мы рассматриваем как часть воспроизводства, тогда будет тем самым понятно, что в производственные отношения входит и отношения

между людьми в процессе распределения. Этих отношений тоже в сложном обществе превеликое множество. Отношения между купцами, банкирами, приказчиками, менялами, розничными торговцами, рабочими, потребителями, продавцами, коммивояжерами, разносчиками, фабрикантами, пароходовладельцами, матросами, инженерами, мастерами и т. д. и т. п., — все это производственные отношения. Они в действительной жизни все переплетаются друг с другом в самых разнообразных сочетаниях, в самых причудливых комбинациях, в самых странных узорах. Но среди всех этих узоров особое значение имеет основной рисунок: отношения между большими группами людей, имя которым (группам) — о б щ е с т в е н н ы е к л а с с ы. От того, какие в обществе существуют классы, как эти классы расставлены друг по отношению к другу, какую роль они играют в процессе производства, как распределены орудия труда — от всего этого и зависит, что за общество мы имеем перед собой: вверху — капиталист, внизу — наемный рабочий, — это капиталистическое общество; вверху владелец поместья, распоряжающийся и всеми вещами и всеми людьми с кожей и волосами, — это рабский строй; вверху рабочие, которые всем распоряжаются — это строй пролетарской диктатуры, и так далее. Конечно, когда классов вовсе нет, это не значит что общество исчезло. Это значит, что нет к л а с с о в о г о общества. Таково, например, первобытное коммунистическое общество, таково будет и коммунистическое общество будущего.

Теперь перед нами появляется такой вопрос. Мы раньше видели, что производственные отношения изменяются вместе с общественной техникой. Годится ли это положение для тех производственных отношений, которые являются в то же время отношениями между классами? Стоит лишь взглянуть на действительный ход развития какого угодно общества, чтобы тотчас же убедиться в том, что это положение правильно. На глазах теперешнего поколения, например, произошли громадные изменения среди классов. Всего несколько десятков лет тому назад был значителен еще класс самостоятельных ремесленников. И он стал быстро таять. Почему? Росла машинная техника, вместе с ней крупное производство, фабричная система. Вместе с этим в свою очередь рос пролетариат, росла промышленная крупная буржуазия и исчезало ремесло. Классовая группировка становилась другой. Иначе, конечно, и быть не может. Ибо, когда изменяется техника, то изменяется и разделение труда в обществе, исчезают или становятся менее важными одни функции в производстве, появляются новые и так далее. Вместе с тем изменяется и группировка классов. Когда производительные силы общества слабо развиты, то в таком обществе совсем слабо развита промышленность и общественное хозяйство носит аграрный, сельскохозяйственный, деревенский характер. Не мудрено, что в таком обществе преобладают деревенские классы и во главе всего общества стоит класс крупных землевладельцев-помещиков. Наоборот, когда в обществе производительные силы — уже высокоразвитая величина, тогда налицо могучая промышленность, города, фабричные поселки и так далее. Но тем самым громадное влияние приобре-

тают именно городские классы. Помещик отходит на задний план перед промышленной буржуазией или другими частями буржуазии. Становится мощной силой пролетариат. Само собою очевидно, что постоянная перегруппировка классов может изменить совершенно форму общества. Это будет тогда, когда класс, бывший внизу, становится вверху.

Бухарин, Теория исторического материализма, 1928, 158—159.

... Речь у нас идет не о всех и всяких производственных отношениях, а об отношениях *экономического господства*, опирающегося на определенное отношение к вещам, к *средствам производства*. Если говорить на языке законников, юристов, речь идет об основных «*имущественных отношениях*», об отношениях классовой *собственности на средства производства*. Эти «имущественные отношения» не есть что-то отличное от основных производственных отношений. Это *то же самое*, только выраженное словами другого языка, не экономического, а юридического. И вот эти-то отношения связаны и с политическим господством определенного класса, они этим господством консервируются, упрочиваются, расширяются во что бы то ни стало.

В этих рамках могут происходить всевозможные изменения «эволюционного порядка»: *выход же за эти рамки* может быть сделан лишь путем революционного переворота. Например: в пределах капиталистических имущественных отношений может гибнуть ремесло, могут появляться новые формы капиталистических предприятий, могут быть вызваны к жизни невиданные раньше капиталистические объединения; отдельные члены буржуазного класса могут разоряться (банкротиться); отдельные члены рабочего класса могут пробиваться в хозяйчики, а потом и в хозяева; могут нарастать новые социальные прослойки (например, так называемое «новое среднее сословие», т. е. техническая интеллигенция) и так далее. Но рабочий *класс* не может стать собственником средств производства. Но рабочий класс (или его доверенные лица) не может иметь командной власти в производстве, распоряжаться основными средствами производства. Другими словами: как бы ни изменялись под влиянием роста производительных сил, производственные отношения, *основной их стержень остается*.

Бухарин, Теория исторического материализма, 1928, 279.

Действительной и единственной базой для упрочения ресурсов, для создания социалистического общества является одна и только одна — это крупная промышленность. Без капиталистической крупной фабрики, без высоко поставленной крупной промышленности не может быть и речи о социализме вообще и тем менее может быть речь о нем по отношению к стране крестьянской, а мы в России знаем это гораздо более конкретно, чем прежде, и вместо неопределенной или отвлеченной формы восстановления крупной промышленности мы теперь говорим об определенном, точно рассчи-

танном, конкретном плане электрификации. Мы имеем совершенно точно рассчитанный план, рассчитанный при помощи работы лучших русских специалистов и ученых, дающий нам определенное представление о том, с какими ресурсами, принимая во внимание природные особенности России, мы эту базу крупной промышленности можем подвести под нашу экономику, подвести должны и подведем. Без этого ни о каком действительно социалистическом фундаменте нашей экономической жизни не может быть и речи.

Ленин, Доклад о продналоге, соч., XVII, ч. 1, изд. 1-е, 260.

б. ВЛИЯНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ НА РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ

...Люди не свободны в выборе с в о и х п р о и з в о д и т е л ь н ы х с и л, которые являются основой всей их истории, — потому что всякая производительная сила есть приобретенная сила, продукт предшествующей деятельности. Таким образом, производительные силы, это результат практической энергии людей, но сама эта энергия ограничена теми условиями, в которых люди находятся, производительными силами, уже приобретенными раньше, общественной формой, существующей раньше, которую создали не эти люди, которая является созданием прежних поколений. Благодаря тому простому факту, что каждое последующее поколение находит производительные силы, добытые прежними поколениями, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства, благодаря этому факту возникает связь в человеческой истории, образуется история человечества, которая в тем большей степени становится историей человечества, чем больше выросли (ont grandi) производительные силы людей, а следовательно, и их общественные отношения. Отсюда необходимый вывод: общественная история людей есть всегда лишь история их индивидуального развития, сознают ли они это или нет. Их материальные отношения образуют основу всех их отношений. Эти материальные отношения суть лишь необходимые формы, в которых осуществляется их материальная и индивидуальная деятельность.

Прудон путает идеи и вещи... Люди никогда не отказываются от того, что они приобрели, но это не значит, что они не откажутся от той общественной формы, в которой они приобрели определенные производительные силы. Наоборот. Для того, чтобы не лишиться достигнутого результата, для того, чтобы не потерять плодов цивилизации, люди вынуждены изменять все унаследованные ((traditionelles) общественные формы в тот момент, когда способ их общения (commerce) более уже не соответствует приобретенным производительным силам.

Маркс, Письмо к П. В. Анненкову от 28/XII 1846, Письма Маркса и Энгельса, «Моск. раб.», 1923, 8—9.

Прямое рабство является такой же основой нашей современной промышленности, как машины, кредит и т. д. Без рабства у нас нет хлопка.

без хлопка нет современной промышленности. Рабство дало ценность колониям. Колонии создали мировую торговлю, мировая торговля — необходимое условие крупной машинной промышленности. До работорговли колонии давали Старому Свету очень мало продуктов и не изменяли сколько-нибудь заметно лица мира. Таким образом рабство — это экономическая категория огромного значения. Без рабства Северная Америка — самый прогрессивный народ — превратилась бы в страну патриархальную. Вычеркните только Северную Америку из географической карты, и получится анархия, полный упадок торговли и современной цивилизации. Но уничтожение рабства означало бы, что Америка вычеркивается из географической карты. Таким образом рабство, потому что оно является экономической категорией, встречается с начала мира у всех народов. Современные народы сумели лишь прикрыть рабство у самих себя и ввести его открыто в Новом Свете.

Маркс, Письмо к П. В. Анненкову от 28/XII 1846. Письма Маркса и Энгельса, «Моск. раб.», 1923, 14—15.

Подобно тому как сила нападения эскадрона кавалерии или сила сопротивления полка пехоты существенно отличны от суммы тех сил нападения и сопротивления, которые способны развить отдельные кавалеристы и пехотинцы, точно так же и механическая сумма сил отдельных рабочих отлична от той общественной силы, которая развивается, когда много рук участвуют одновременно в выполнении одной и той же нераздельной операции, когда, например, требуется поднять тяжесть, вертеть ворот, убрать с дороги препятствие. Во всех таких случаях результат комбинированного труда или вовсе не может быть достигнут единичными усилиями, или может быть осуществлен лишь в течение много более продолжительного времени, или же лишь в карликовом масштабе. Здесь дело идет не только о повышении индивидуальной производительной силы путем кооперации, но и о создании новой производительной силы, которая по самой своей сущности есть массовая сила.

Но и помимо той новой силы, которая возникает из слияния многих сил в одну общую, при большинстве производительных работ уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное повышение жизненной энергии (animal spirits), увеличивающее индивидуальную дееспособность отдельных лиц. Вследствие этого 12 лиц в течение одного совместного рабочего дня в 144 часа произведут гораздо больше продукта, чем двенадцать изолированных рабочих, работающих по 12 часов каждый, или один рабочий в течение двенадцати последовательных дней труда. Причина этого заключается в том, что человек по самой своей природе есть животное, если не политическое, как думал Аристотель, то во всяком случае общественное.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 302—303.

История мануфактуры в собственном смысле этого слова показывает, каким образом характерное для нее разделение труда приобретает целесо-

образные формы, сначала чисто эмпирически, как бы за спиною действующих лиц, а затем, подобно цеховому ремеслу, стремится закрепить раз найденные формы в виде традиции и, в отдельных случаях, упрочить их на целые века. Если эти формы изменяются, то, если исключить совершенно второстепенные перемены, всегда лишь под влиянием революции в орудиях труда. Современная мануфактура, — я не говорю здесь о крупной промышленности, покоящейся на применении машин, — или находит свои элементы уже в готовом виде, хотя бы и рассеянными, напр., мануфактура платья в тех крупных городах, где она возникает, и ей приходится только собрать эти рассеянные члены, или же принцип разделения бросается в глаза сам собою, требуя просто передачи отдельных операций ремесленного производства (напр., в переплетном деле) особым частичным рабочим. В таких случаях не требуется и недели опыта, чтобы найти надлежащую пропорцию между числом рук, необходимых для отправления каждой функции.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 342—343.

Нужно ли говорить о провиденциальной и филантропической цели, открытой г. Прудоном в первоначальном изобретении и введении машин?

Когда английская торговля приняла такие размеры, что ручной труд уже не мог удовлетворять существующему на рынках спросу, почувствовалась потребность в машинах. Тогда стали думать о приложении механических знаний, уже вполне развившихся в восемнадцатом веке.

Маркс, Нищета философии, Гиз, 1928, 133.

В Англии стачки постоянно служили поводом к изобретению и применению тех или других новых машин. Машины были, можно сказать, оружием капиталистов против возмущений квалифицированных рабочих Self-acting mule (автоматический прядильный станок), величайшее изобретение новейшей промышленности, прогнал с поля битвы возмутившихся прядильщиков. И если бы коалиции и стачки приводили только к тому, что рабочим были бы противопоставлены механические изобретения, то и тогда они оказывали бы громадное влияние на развитие промышленности.

Маркс, Нищета философии, Гиз, 1928, 159.

Первые действия мастерской, производившей при помощи машин, были как нельзя менее филантропичны. Кнутом удерживали там детей за работой; дети сделались предметом барышничества, и о доставке их заключали контракты с сиротскими домами. Все законы относительно ремесленного обучения рабочих были отменены, так как, употребляя выражение г. Прудона, не было уже более надобности в синтетических работниках. Наконец, начиная с 1825 г., почти все новые изобретения были результатом конфликтов между рабочими и предпринимателями, которые всеми силами старались обесценить труд работников-специалистов. После каждой сколько-

нибудь значительной стачки появляется новая машина. Рабочий же не только не видел в машине своей реабилитации или своего восстановления, как говорит г. Прудон, но в восемнадцатом веке долго боролся с зарождающимся господством автоматической силы.

Маркс, Нищета философии, Гиз, 1928, 133—134.

Можно сказать, что до 1825 г. — эпоха первого всеобщего кризиса — потребности потребления росли быстрее производства и развитие машин было неизбежным последствием развития потребностей рынка. Начиная с 1825 г. изобретение и применение машин было только результатом войны между рабочими и предпринимателями. Но это правильно только для Англии; что же касается европейских наций, то применять машины их заставила конкуренция Англии, как на их собственном, внутреннем, так и на внешнем рынке. Наконец, и в Северной Америке машина была введена как благодаря конкуренции с другими народами, так и благодаря недостатку рабочих рук, т. е. благодаря несоответствию между промышленными потребностями Северной Америки и ее населением.

Маркс, Письмо Анненкову от 28/XII 1846. Письма Маркса и Энгельса. «Моск. раб.», 1923, 11.

С самого начала цивилизации в основание производства ложится антагонизм сословий, состояний, классов, наконец — антагонизм накопленного труда и труда живого. Без антагонизма нет прогресса: таков закон, которому подчинялась цивилизация до наших дней. До настоящего времени производительные силы развивались благодаря господству антагонизма классов. Говорить, что люди потому могли предаваться производству предметов высшего порядка и более сложным отраслям промышленности, что все потребности всех рабочих были удовлетворены, — значит отвлекаться от антагонизма классов и извращать весь ход исторического развития. С таким же правом можно было бы сказать, что во времена римских императоров мурены только потому откармливались в искусственных прудах, что для всего римского народа имелась изобильная пища; между тем как, совершенно наоборот: римскому народу нехватало необходимых средств для покупки пищи, римские же аристократы, действительно, не имели недостатка в рабах, для выкармливания ими своих мурен.

Маркс, Нищета философии, Гиз, 1928, 60.

Существование угнетенного класса составляет жизненное условие каждого общества, основанного на антагонизме классов. Освобождение угнетенного класса необходимо подразумевает, следовательно, создание нового общества. Возможность этого освобождения является лишь на той ступени развития, когда приобретенные уже производительные силы и существующие общественные учреждения не могут долее уживаться рядом. Изо всех орудий производства наибольшую производительную силу представляет сам

революционный класс. Организация революционных элементов в класс предполагает существование всех тех производительных сил, которые могли зародиться в недрах старого общества.

Маркс, Нищета философии, Гиз, 1928, 64.

в. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

1. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДО-ФЕОДАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Различные ступени развития разделения труда являются в то же время различными формами собственности, т. е. каждая ступень разделения труда определяет и взаимоотношения индивидов по отношению к материалу, орудию и продукту труда.

Первой формой собственности является родовая собственность. Последняя соответствует неразвитой ступени производства, на которой народ живет охотой, рыболовством, скотоводством или, в лучшем случае, земледелием. В последнем случае она предполагает огромную массу лежащих еще впусте земель. На этой ступени общественной жизни разделение труда еще очень слабо развито и ограничивается дальнейшим расширением существующего в семье натурального разделения труда. Поэтому общественное расчленение ограничивается лишь расширением семьи: это — патриархальные главы рода, под ними — члены рода, в самом низу — рабы. Скрыто имеющееся в семье рабство развивается лишь постепенно, вместе с ростом населения и потребностей и вместе с расширением внешних сношений, а также войн и меновой торговли.

Второй формой собственности является античная общинная и государственная собственность, которая возникла благодаря объединению, путем договора или завоевания, нескольких родов в один г о р о д и при которой сохраняется рабство. Наряду с общинной собственностью развивается уже и движимая, а впоследствии и недвижимая, частная собственность, но как исключительная, подчиненная общинной собственности, форма. Граждане государства обладают властью над своими рабами лишь коллективно и по одному этому связаны с формой общинной собственности. Это — коллективная частная собственность активных граждан, вынужденных по отношению к рабам держаться этой натуральной формы ассоциации. Поэтому все основывающееся на этом расчленение общества, а вместе с ним и мощь народа, исчезает в той самой мере, в какой развивается недвижимая частная собственность. Разделение труда здесь уже более развито. Мы застаем уже противоречие между городом и деревней, впоследствии — противоречие между государствами, представляющими городские и сельские интересы, а внутри городов — противоречие между промышленностью и морской торговлей. Вполне уже развились классовые отношения между гражданами и рабами.

Вместе с развитием частной собственности мы впервые встречаем здесь те явления, которые мы встретим впоследствии — только в более об-

широком масштабе — в современной частной собственности. С одной стороны, мы имеем концентрацию частной собственности, которая началась в Риме очень рано (доказательство — Лициниев земельный закон), а со времени гражданских войн, и в особенности в императорскую эпоху, развивалась очень быстро; с другой стороны, в связи с этим, — превращение плебейских мелких крестьян в пролетариат, который, однако, благодаря своему промежуточному, половинчатому положению между имущими гражданами и рабами, не получил совершенно самостоятельного развития.

Третьей формой является феодальная или сословная собственность. Если древность исходила из города и прилегавшей к нему небольшой области, то средневековье исходило из деревни. Первоначальное, редко рассеянное по обширной площади население, не получившее большого прироста со стороны завоевателей, обусловило эту перемену в исходном пункте.

Поэтому, в противоположность Греции и Риму, феодальное развитие начинается на гораздо более обширной почве, подготовленной римскими завоеваниями и связанным первоначально с этим расширением земледелия. Хозяйничанье последних веков гибнущей Римской империи и завоевание варварами разрушили массу производительных сил; земледелие деградировало, промышленность, за отсутствием сбыта, захирела, торговля замерла или была насильственно прервана, сельское и городское население убыло. Эти факты и обусловленный ими способ организации завоевания создали, в связи со структурой германских войск, феодальную собственность. Она, подобно родовой и общинной собственности, тоже покоится на общественной организации, которой, в качестве непосредственно производящего класса, противостоят, однако, не рабы, как в древности, а мелкие крепостные крестьяне. Вместе с полным развитием феодализма, появляется и антагонизм с городами. Иерархическое расчленение земельной собственности и связанная с этим система вооруженных дружин давали дворянству власть над крепостными. Эта феодальная структура, как и античная общинная собственность, являлась ассоциацией, направленной против порабощенного производящего класса, но форма ассоциации и отношение к непосредственным производителям были иными, в зависимости от иных условий производства.

Этому феодальному расчленению земельной собственности соответствовали в г о р о д а х корпоративная собственность и феодальная организация ремесла. Собственность заключалась здесь, главным образом, в труде каждого отдельного индивида. Необходимость объединения против объединенного разбойничьего дворянства, потребность в общих рыночных помещениях в эпоху, когда промышленник был одновременно и купцом, рост конкуренции со стороны стекавшихся в расцветавшие города бежавших крепостных, феодальное расчленение всей страны породили ц е х и; постепенно происходившее сбережение отдельными ремесленниками небольших капиталов и неизменность числа их, при растущем населении, вызвали к жизни систему подмастерства и ученичества, создавшую в городах иерархию, аналогичную иерархии негородского населения.

Таким образом, главной формой собственности в феодальную эпоху является, с одной стороны, земельная собственность, со связанным с ней трудом крепостных, а, с другой, — собственный труд, при наличии мелкого капитала и труда используемых им подмастерьев. Структура обоих этих видов собственности обусловливалась ограниченными отношениями производства — незначительной и грубой земледельческой культурой и промышленностью ремесленного типа. В расцвет феодализма разделение труда имело место лишь в незначительных размерах. Во всякой стране существовала противоположность между городом и деревней. Правда, сословное расчленение было очень резко выражено, но, помимо князей, дворянства, духовенства и крестьян — на земле, а мастеров, подмастерьев, учеников, а вскоре также и поденщичьей черни — в городах, в ту эпоху не было вовсе крупного разделения труда. В земледелии оно затруднялось парцеллярной обработкой земли, наряду с которой имелась домашняя промышленность самих крестьян; в промышленности же в отдельных ремеслах не было совершенно разделения труда, а между ремеслами это разделение было лишь очень незначительно. Разделение между промышленностью и торговлей существовало в более старых городах; в более новых оно развилось лишь впоследствии, когда города вступили во взаимоотношения между собой.

Объединение более значительных областей в феодальные королевства являлось потребностью как для земельного дворянства, так и для городов. Поэтому повсюду во главе организации господствующего класса — дворянства — имелся монарх.

Маркс и Энгельс, О Л. Фейербахе, кн. 1, 254—256.

...Мы видим в греческом общественном устройстве героической эпохи еще в полной силе древнюю родовую организацию, но вместе с тем и начало ее разрушения: отцовское право с наследованием имущества детьми, что благоприятствовало накоплению богатств в семье и усиливало семью в ее отношении к роду; влияние имущественных различий на общественное устройство посредством образования первых начатков наследственного дворянства и монархии; рабство, сперва одних только военнопленных, но уже открывающее возможность обращения в рабство собственных соплеменников и даже сородичей; совершающееся уже вырождение старой войны племени против племени в систематическое разбойничество на суше и на море, в целях захвата скота, рабов и сокровищ, превращение ее в регулярный промысел; одним словом, восхваление и почетание богатства, как высшего блага, и злоупотребление древними родовыми учреждениями для оправдания насильственного грабежа богатств. Нехватало лишь одного — учреждения, которое не только обеспечивало бы вновь приобретенные богатства отдельных лиц от коммунистических традиций родового строя, которое не только освящало бы прежде столь малоценную частную собственность и это освящение объявляло бы высшей целью всякого человеческого общества, но и давало всеобщее общественное признание развивающимся одна за другой

новым формам приобретения собственности, а следовательно и непрерывно ускоряющемуся накоплению богатства; нехватало учреждения, которое увековечивало бы не только начинающееся разделение общества на классы, но и право имущего класса на эксплоатацию неимущих и господство первого над последним.

И такое учреждение появилось. Было обретено г о с у д а р с т в о.

Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, «Моск. раб.», 1922, 71.

И какая удивительная организация, во всем ее младенчестве и простоте, этот родовой строй! Без солдат, жандармов и полицейских, без дворянства, королей, наместников, префектов и судей, без тюрем, без процессов, все идет своим заведенным ходом. Всякие раздоры и столкновения улаживает совокупность тех, кого они касаются, род или племя, или отдельные роды между собою; лишь как крайнее, редко применяемое, средство, грозит кровная месть, цивилизованной формой которой является наша смертная казнь, отражающая в себе все положительные и отрицательные стороны цивилизации. Хотя существует гораздо больше общих дел, чем в настоящее время — домашнее хозяйство ведется у ряда семейств сообща и коммунистически, земля является достоянием всего племени (только сады и огороды пока предоставлены отдельным хозяйствам), — однако обходятся и без тени нашего широко разветвленного и сложного аппарата управления. Заинтересованные люди сами все решают, а в большинстве случаев вековой обычай уже все сам урегулировал. Бедных и нуждающихся быть не может. Коммунистическое хозяйство и род знают свои обязанности по отношению к престарелым, больным и изувеченным на войне. Все равны и свободны — не исключая и женщин. Для рабов нет еще места, нет почвы обыкновенно и для порабощения чужих племен. Когда ирокезы в 1651 году победили племя эри и «нейтральную нацию», они предложили им вступить полноправными в свой союз; только после отказа побежденных, они были прогнаны из своей области. А каких мужчин и женщин порождает такое общество, показывает удивление всех белых, соприкасавшихся с неиспорченными индейцами, перед чувством собственного достоинства, прямодушием, силой характера и храбростью этих варваров.

Примеры этой храбрости мы видели совсем недавно в Африке. Кафрские зулусы несколько лет тому назад, как и нубийцы несколько месяцев назад, — племена, у которых родовые учреждения еще не исчезли, — сделали то, что не смогло бы выполнить ни одно европейское войско. Вооруженные лишь простыми копьями и дротиками, не имея огнестрельного оружия, они под дождем пуль скорострельных ружей английской пехоты — которая признается первой в мире в сомкнутом строю — довели дело до штыкового боя: не один раз приводили они ее в расстройство и даже опрокидывали, несмотря на чрезвычайное неравенство в вооружении, несмотря на то, что они не отбывают воинской повинности и не знают, что значит военное обу-

чение. О том, что в состоянии выдержать и выполнить эти дикари, свидетельствует жалоба англичан, что кафр в сутки проходит большее расстояние и быстрее, чем лошадь: «у него мельчайший мускул выделяется, крепкий и закаленный как сталь» — говорит один английский художник.

Так выглядели люди и человеческое общество до того, как произошло разделение на различные классы. И если мы сравним их положение с положением громадного большинства современных цивилизованных людей, то расстояние между нынешним пролетарием или крестьянином и древним свободным членом рода окажется громадным.

Это одна сторона дела. Но не забудем, что эта организация была обречена на гибель. Выше племени она не пошла; союз племен означает уже начало ее разрушения, как мы это увидим и как это сказалось уже в попытках порабощения других племен, предпринимавшихся ирокезами. Все, что стояло вне племени, стояло вне права. При отсутствии определенного мирного договора царила война между племенами, и война велась с жестокостью, отличающей человека от остальных животных, и смягчившейся лишь впоследствии, в силу соответствующих интересов. Родовой строй в его высшей форме, как мы наблюдали его в Америке, предполагал в высшей степени неразвитое производство, следовательно, крайне редкое население на обширном пространстве, следовательно, почти полное подчинение человека враждебно противостоящей ему непонятной внешней природе, что и отражается в младенческих религиозных представлениях. Племя оставалось границей человека как в отношении к чужаку из другого племени, так и в отношении самого себя: племя, род и их учреждения были священны и неприкосновенны, являлись высшей силой, данной от природы, которой отдельная личность оставалась безусловно подчиненной в своих чувствах, мышлении и поступках. Как ни импозантны люди этой эпохи, они совсем не отличаются один от другого, они не оторвались еще, по выражению Маркса, от пуповины первобытного общества. Сила и власть этого общества должны были быть сломлены — и они, действительно, были сломлены. Но это произошло в силу причин, представляющихся нам упадком, грехопадением с простой моральной высоты старого родового строя. Самые низменные интересы — элементарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная алчность, эгоистический грабеж общего достояния — таковы были силы, породившие новое, цивилизованное, разделенное на классы общество; самые низкие средства — воровство, насилие, обман, измена — подкапывались под старый, не знающий классов, родовой строй и привели к его падению. И самое новое общество, за время своего существования в течение полутора тысяч лет, всегда являлось не чем иным, как почвой для развития ничтожного меньшинства за счет эксплоатируемого и угнетенного громадного большинства, и оно остается ею теперь еще в большей степени, чем когда бы то ни было прежде.

Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, «Моск. Рабочий», 1922, 64—65.

Раз орудие труда становится предметом производства, самая возможность, равно как большая или меньшая степень совершенства его изготовления, целиком зависит от тех орудий труда, с помощью которых оно выделывается. Это понятно всякому и без всяких пояснений. Но вот что, например, может показаться на первый взгляд совсем непонятным: Плутарх, упомянув об изобретениях, сделанных Архимедом во время осады Сиракуз римлянами, находит нужным *извинить* изобретателя: философу, конечно, неприлично заниматься такого рода вещами, рассуждает он, но Архимеда оправдывает крайность, в которой находилось его отечество. Мы спрашиваем, кому придет теперь в голову искать обстоятельств, смягчающих вину Эдисона? Мы не считаем теперь постыдным — совсем напротив! — употребление человеком в дело его способности к механическим изобретениям, а греки (или, если хотите, римляне), как видите, смотрели на это совсем иначе. Оттого ход механических открытий и изобретений должен был совершаться у них — и действительно совершался — несравненно медленнее, чем у нас. Тут как будто опять выходит, что *мнения правят миром*. Но откуда взялось у греков такое странное «мнение»? Происхождения его нельзя объяснить свойствами человеческого «разума». Остается припомнить их общественные отношения. Греческое и римское общества были, как известно, обществами *рабовладельцев*. В таких обществах весь физический труд, все дело производства достается на долю рабов. Свободный человек *стыдится* такого труда, и потому естественно устанавливается презрительное отношение даже к важнейшим изобретениям, касающимся производительных процессов и, между прочим, к изобретениям механическим. Вот почему Плутарх смотрел на Архимеда не так, как мы смотрим теперь на Эдисона. Но почему же в Греции установилось рабство? Не потому ли, что греки, в силу некоторых промахов своего «разума», считали рабский строй наилучшим? Нет, не потому. Было время, когда и у греков не было рабства, и тогда они вовсе не считали рабовладельческий общественный строй естественным и неизбежным. Потом возникло у греков рабство и постепенно стало играть более и более важную роль в их жизни. Тогда изменился и взгляд на него греческих граждан: они стали отстаивать его, как совершенно естественное и безусловно необходимое учреждение. Но почему же возникло и развилось у греков рабство? Вероятно, по той же самой причине, по какой возникало и развивалось оно и в других странах на известной стадии их общественного развития. А эта причина известна: она заключается в состоянии производительных сил. В самом деле, для того, чтобы мне из побежденного неприятеля выгоднее было сделать раба, чем жаркое, нужно, чтобы продуктом его подневольного труда могло поддерживаться не только его собственное, а, по крайней мере отчасти, и мое существование, другими словами, — нужна известная степень развития находящихся в моем распоряжении производительных сил. Именно через эту дверь и входит рабство в историю. Рабский труд мало благоприятствует развитию производительных сил, при нем оно подвигается крайне медленно, но все-таки оно подвигается,

и наступает, наконец, такой момент, когда эксплоатация рабского труда оказывается менее выгодной, чем эксплоатация труда свободного. Тогда рабство отменяется или постепенно отмирает. Ему указывает на дверь то самое развитие производительных сил, которое ввело его в историю*. Таким образом, мы, возвращаясь к Плутарху, видим, что его взгляд на изобретения Архимеда был обусловлен состоянием производительных сил в его время. А так как взгляды такого рода несомненно имеют огромное влияние на дальнейший ход открытий и изобретений, то мы тем более может сказать, что у каждого данного народа, в каждый данный период его истории, дальнейшее развитие его производительных сил определяется состоянием их в рассматриваемый период.

Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, соч., VII, Гиз, 1923, 168—171.

Там, где рабство является господствующей формой производства, там труд становится рабской деятельностью, т. е. чем-то бесчестящим свободных людей. Благодаря этому закрывается выход из подобного способа производства, в то время как, с другой стороны, требуется устранение его, ибо для развития производства рабство является помехой. Всякое покоящееся на рабстве производство и всякое основывающееся на нем общество гибнут от этого противоречия. Разрешение его дается в большинстве случаев насильственным покорением гибнущего общества другими, более сильными (Греция была покорена Македонией, а позже Римом). До тех пор, пока эти последние, в свою очередь, покоятся на рабском труде, происходит лишь перемещение центра, и весь процесс повторяется на высшей ступени, пока, наконец (Рим) не был покорен народом, введшим вместо рабства новый способ производства. Либо же рабство отменяется насильственно или добровольно, и в таком случае прежний способ производства гибнет; место крупной культуры занимает парцеллярное хозяйство скваттеров, как в Америке. Далее, и Греция погибла от рабства, в связи с чем еще Аристотель сказал, что общение с рабами деморализует граждан, не говоря уже о том, что они лишают граждан работы. Иное дело домашнее рабство

* Известно, что в течение долгого времени русские крестьяне сами могли иметь и нередко имели крепостных. Состояние крепостного не могло быть приятно крестьянину. Но, при тогдашнем состоянии производительных сил России, ни один крестьянин не мог находить это состояние ненормальным. Зажившийся деньжонками «мужичек» так же естественно задумывался о покупке крепостных, как римский вольноотпущенник стремился к приобретению рабов. Восставшие под предводительством Спартака рабы вели войну с своими господами, но не с рабством; если бы им удалось завоевать себе свободу, они, при благоприятных обстоятельствах, сами и с самою спокойною совестью сделались бы рабовладельцами. Невольно вспоминаются при этом, приобретая новый смысл, слова Шеллинга: свобода должна быть необходима. История показывает, что любой из видов свободы является только там, где он становится экономической необходимостью. — *Прим. авт.*

на Востоке; здесь оно не образует прямым образом основы производства, а является косвенным образом составной частью семьи, переходя в нее незаметным образом (рабыни гарема).

Энгельс, Диалектика природы, Арх. Маркса и Энгельса, Гиз, 1925, кн. 2, 87.

2. ФЕОДАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО И ЗАРОЖДЕНИЕ БУРЖУАЗН. ПРОИЗВОД. ОТНОШЕНИЙ

...Привилегия, учреждение цехов и корпораций, весь порядок средневековой регламентации были общественными отношениями, соответствовавшими приобретенным производительным силам и тому состоянию общества, которое существовало раньше, из которого эти учреждения вышли. Под охраной корпоративного строя и его регламентации накоплялись капиталы, развилась морская торговля, были основаны колонии, и люди лишились бы плодов всего этого, если бы они захотели сохранить формы, под защитой которых созрели эти плоды. Поэтому разразились два громовых удара — революции 1640 и 1688 гг. Все старые экономические формы, общественные отношения, им соответствующие, политический строй, бывший официальным выражением старого общества, — все это в Англии было разрушено. Таким образом экономические формы, при которых люди производят, потребляют, обменивают, являются преходящими и историческими формами. С приобретением новых производительных сил люди меняют свой способ производства, а со способом производства они меняют все экономические отношения, являющиеся всего лишь необходимыми отношениями данного определенного способа производства.

Маркс, Письмо к П. В. Анненкову от 28/XII 1846. Письма Маркса и Энгельса, «Моск. Раб.», 1923, 9.

До возникновения капиталистического производства, в средние века, существовало всеобщее мелкое производство на основе частной собственности рабочих на их средства производства: земледелие мелких, свободных или крепостных крестьян и ремесла в городах. Средства труда — земля, земледельческие орудия, мастерская, ремесленные инструменты — были средствами труда каждого отдельного рабочего, рассчитанными на единоличное употребление, а потому по необходимости мелкими, незначительными, ограниченными. Но именно потому-то они обыкновенно и принадлежали самому производителю. Сконцентрировать, расширить, превратить в могучий современный производственный рычаг раздробленные узкие средства производства, — это именно составляло историческую роль капиталистического способа производства и его носительницы — буржуазии. Как она, начиная с XV века, исторически выполнила эту роль на трех последовательных ступенях — простой кооперации, мануфактуры и крупной индустрии — это подробно описал Маркс в четвертом отделе «Капитала». Но буржуазия, как там же доказано, не могла превратить те ограниченные средства производства в могучие производительные силы, не превратив с этой целью индивидуальные средства в о б щ е с т в е н н ы е, в применимые лишь при помощи

совокупности людей средства производства. Вместо веретена, ручного ткацкого станка, кузнечного молота явились прядильная машина, механический станок, паровой молот; вместо мастерской отдельного ремесленника возникла фабрика, требующая совместной деятельности сотен и тысяч людей. Как средства производства, так и само производство превратились из ряда единоличных работ в ряд общественных действий, а продукты производства превратились из продуктов отдельных лиц в общественные. Пряжи, ткань, металлические товары, получавшиеся теперь из фабрик, представляли собою общий продукт многих рабочих, через руки которых они должны были последовательно пройти, раньше чем поступить в готовом виде на рынок. Ни один отдельный рабочий не может сказать: это я сделал, это мой продукт.

Но там, где естественно выросшее разделение труда внутри общества является основной формой производства, там оно придает продуктам форму товаров, взаимный обмен которых, купля и продажа, дает возможность отдельным производителям удовлетворить свои разнообразные потребности. Так это было в средние века. Крестьянин, например, продавал свои земледельческие продукты ремесленнику и в свою очередь покупал у него изделия его ремесла. В это-то общество отдельных производителей товаров проник новый способ производства. В естественное беспорядочное разделение труда, господствовавшее во всем обществе, он внес планомерное разделение труда, как оно было организовано в отдельной фабрике; наряду с индивидуальным производством возникло общественное производство. Продукты обоих продавались на одном и том же рынке, следовательно, по одинаковой, по крайней мере приблизительно, цене. Между тем, планомерная организация была сильнее стихийно развившегося разделения труда; общественно работающие фабрики производили свои продукты дешевле, чем отдельные мелкие производители. Индивидуальное производство теряло одну позицию за другой; общественное производство революционизировало весь старый способ производства. Но этот его революционный характер был так мало распознан, что его вводили, наоборот, как средство поднять и поощрить товарное производство. Общественное производство возникло в прямой связи с определенными, уже существовавшими рычагами товарного производства и товарообмена, каковы купеческий капитал, ремесло, наемный труд. Так как оно и само выступило в качестве новой формы товарного производства, то и для него остались в полной силе формы присвоения прежнего товарного производства.

В товарном производстве, как оно возникло в средние века, не мог даже возникнуть вопрос, кому должен принадлежать продукт труда. Отдельный производитель обыкновенно создавал его из принадлежавшего ему, часто лично им же произведенного, сырого материала, собственными орудиями труда и собственным ручным трудом своим или своей семьи. Ему вовсе не приходилось присвоивать себе продукт, он вполне и сам собою принадлежал ему. Собственность на продукты покоилась на собственном труде. Даже

там, где применялась чужая помощь, последняя являлась обыкновенно делом второстепенным и получала часто, кроме заработной платы, еще другие виды вознаграждения; цеховой ученик и подмастерье работали не столько ради заработной платы и содержания, сколько с целью изучения ремесла, чтобы впоследствии сделаться мастерами. Но затем явилась концентрация средств производства в крупных мастерских и мануфактурах, превращение их в фактически общественные средства производства. Однако к общественным средствам и продуктам производства продолжали относиться так, как если бы они были по-прежнему средствами и продуктами производства отдельных лиц. Если прежде собственник средств труда присвоивал себе продукт, так как обыкновенно это был его собственный продукт, а посторонняя помощь составляла лишь исключение, то теперь владелец средств труда продолжал присвоивать себе продукт, хотя это уже не был е г о продукт, а исключительно продукт ч у ж о г о т р у д а.

Э н г е л ь с, Анти-Дюринг, Гиз, 1923, 243—245.

В средневековом обществе, особенно в первые века, производство было приноровлено преимущественно к собственному потреблению. Оно удовлетворяло, главным образом, потребности производителя и его семьи. Там, где существовали, как, например, в деревнях, отношения личной зависимости, оно должно было также удовлетворять потребности и феодального господина. Здесь, следовательно, не происходило обмена, поэтому и продукты не принимали характера товаров. Крестьянская семья сама производила почти все, что ей было нужно — домашнюю утварь и платье, равно как и жизненные припасы. Лишь достигнув в своем производстве избытка сверх собственных потребностей и сверх натуральных повинностей феодальному господину, семья крестьянина стала производить и товары; избыток этот, брошенный в общественный обмен, пущенный в продажу, сделался товаром. Впрочем, городские ремесленники должны были уже с самого начала производить для обмена. Но и они большую часть продуктов для собственного потребления добывали сами: они имели свои огороды и небольшие поля, пасли свой скот на общественном выгоне, а общественный лес доставлял им строительный материал и дрова для отопления; женщины пряли лен, шерсть и т. д. Производство с целью обмена, производство товаров, находилось еще только в первоначальной стадии возникновения. Отсюда — ограниченный обмен, ограниченный рынок, инертный способ производства, местная замкнутость от внешнего мира, местное объединение внутри общины: марка в деревенском быту, цех в городах.

Но с расширением товарного производства, а в особенности с возникновением капиталистического способа производства, бездействовавшие до сих пор законы товарного производства стали более открыто и сильно оказывать свое влияние. Старые союзы были расшатаны, старые перегородки пробиты; производители все более и более превращались в независимых, разрозненных производителей товаров. Наступила и разрасталась анархия

общественного производства. Но главное орудие, при помощи которого капиталистический способ производства усиливал эту анархию в общественном производстве, было прямой противоположностью анархии: орудием служила возраставшая организация производства, как общественного, в каждой отдельной фабрике. Этим рычагом он положил конец старой мирной неподвижности. Раз введенный в какой-нибудь отрасли индустрии, капиталистический способ не терпел наряду с собой никакого иного метода производства. Там, где он овладевал ремеслом, он уничтожал старое ремесло. Поле труда стало местом борьбы. Великие географические открытия и последовавшие за ними колонизации расширили область сбыта и ускорили превращение ремесла в мануфактуру. Борьба разгорелась не только между отдельными местными производителями; местные конфликты в свою очередь разрастались в национальные, в торговые войны XVII и XVIII веков. Наконец крупная индустрия и возникновение мирового рынка сделали борьбу универсальной и вместе с тем сообщили ей неслыханную ожесточенность.

Энгельс, Анти-Дюринг, Гиз, 1923, 247—248.

Экономисты употребляют очень странный прием в своих рассуждениях. Для них существует только два рода учреждений: одни — естественные, другие — искусственные. Феодальные учреждения — искусственны, буржуазные — естественны. В этом случае экономисты похожи на теологов, которые также имеют два сорта религий. Всякая чужая религия есть, по их мнению, дело людей, между тем как их собственная религия есть эманация бога. Говоря, что существующие отношения — т. е. отношения буржуазного производства, — естественны, экономисты хотят этим сказать, что при этих отношениях производство богатства и развитие производительных сил совершается сообразно законам природы. Поэтому и сами названные отношения оказываются естественными законами, независимыми от влияния времени. Общество всегда должно находиться под влиянием этих вечных законов. Таким образом, прежде была история, но теперь ее уже нет. История была — потому что были феодальные учреждения и потому что в этих феодальных учреждениях мы находим такие производственные отношения, которые совершенно непохожи на буржуазные, выдаваемые экономистами за естественные и потому вечные.

Феодализм также имел своих пролетариев — крепостных, заключавших в себе все зародыши буржуазии. Феодальное производство, в свою очередь, заключало в себе два антагонистических элемента, которые называют также хорошей и дурной стороной феодализма, не замечая при этом, что в конце концов дурная сторона всегда берет верх над хорошею. Именно дурная сторона, порождая борьбу, создает историческое движение. Если бы в эпоху господства феодализма экономисты, очарованные рыцарскими добродетелями, гармонией между правами и обязанностями, патриархальной жизнью городов, процветанием домашней промышленности в деревнях, развитием производства, организованного в корпорации, гильдии

и цехи, словом, если бы они, очарованные всем тем, что составляет хорошую сторону феодализма, поставили себе задачей устранить оборотную сторону медали — рабство, привилегии, анархию — то к чему могли бы привести их усилия? Все элементы, порождающие борьбу, были бы уничтожены, развитие буржуазии было бы прервано в самом зародыше. Экономисты поставили бы себе нелепую задачу устранить историю.

Когда взяла верх буржуазия, то уже не было более речи ни о хорошей, ни о дурной стороне феодализма. Буржуазия вступила в обладание производительными силами, развитыми ею при господстве феодализма. Но вместе с тем были разбиты все старые экономические формы, все соответствовавшие им гражданские отношения, равно как и политический порядок, служивший официальным выражением старого общества.

Таким образом, чтобы правильно судить о феодальном производстве, нужно рассматривать его как способ производства, основанный на антагонизме. Нужно показать, как создавалось богатство в этой, основанной на антагонизме среде, как параллельно с развитием борьбы классов развивались производительные силы, как один из этих классов, — представлявший собою дурную, неудобную сторону общества,— постепенно рос до тех пор, пока не созрели, наконец, материальные условия его освобождения. Но, поступая таким образом, не признаете ли вы, что способы производства, равно как и те отношения, при которых совершается развитие производительных сил, вовсе не составляют вечных законов, а соответствуют известному развитию людей и их производительных сил; не признаете ли вы также, что всякое изменение в области принадлежащих людям производительных сил необходимо ведет за собою изменение в производственных отношениях? Так как необходимо прежде всего сохранить добытые производительные силы, — эти плоды цивилизации, — то приходится разбить традиционные формы, в которых они были произведены. Вслед за этим моментом прежний революционный класс становится консервативным.

Маркс, Нищета философии, Гиз, 1928, 116—118.

История военного дела дает возможность всего нагляднее подтвердить правильность нашего воззрения на связь производительных сил и общественных отношений. Вообще армия очень важна для экономического развития. Например, заработная плата впервые развилась вполне в армии у древних. Равным образом у римлян лагерное имущество (peculium castrense) явилось первой правовой формой, в которой стали признавать движимую собственность не отца семейства (pater familias). Точно также впервые при войске возник цеховой порядок корпораций fabri (ремесленников). Точно так же здесь впервые встречается в крупных размерах применение машин. Даже особая ценность металлов и их роль, как денег, повидимому основывалась первоначально на их военном значении, как только миновал гриммовский каменный век. Точно так же и разделение труда внутри

одной отрасли промышленности было впервые проведено в армиях. Тут в сжатом виде — вся история буржуазных общественных форм.

Маркс, Письмо Энгельсу от 25/IX 1857 г.; письма Маркса и Энгельса, «Моск. раб.», 1923, 83—84.

3. БУРЖУАЗНОЕ, КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

... Научный анализ капиталистического способа производства показывает, что последний представляет способ производства особого рода, специфически историческую определенность; что он, как и всякий другой определенный способ производства, предполагает данную ступень общественных производительных сил и данные формы их развития, как свое историческое условие, — условие, которое само является исторически сложившимся результатом и продуктом предшествующего процесса, и из которого, как своей данной основы, исходит новый способ производства; что соответствующие этому специфическому, исторически определенному способу производства производственные отношения, — т. е. отношения, в которые становятся люди в своем общественном жизненном процессе, в производстве своей собственной жизни, — имеют также специфический, исторический, преходящий характер; что, наконец, отношения распределения существенно тождественны с производственными отношениями, представляют лишь оборотную сторону последних, так что те и другие носят один и тот же исторически преходящий характер.

Маркс, Капитал, III, ч. 2, Гиз, 1923, 416—417.

... Капитал — это не вещь, а определенное, общественное, принадлежащее определенной исторической формации общества производственное отношение, которое проявляется в вещи и придает этой вещи специфический общественный характер. Капитал не есть сумма материальных и произведенных средств производства. Капитал это — превратившиеся в капитал средства производства, которые сами по себе так же не суть капитал, как золото или серебро сами по себе не суть деньги. Монополизированные определенной частью общества средства производства, обособившиеся по отношению к живой рабочей силе продукты и условия реализации самой этой рабочей силы, — вот что в силу этой противоположности персонифицируется в капитале. Не только продукты рабочих, превратившиеся в самостоятельные силы и будущая... (неразборчиво)* форма этого труда,— вот что противостоит рабочим как свойства их продукта. Следовательно, мы имеем здесь перед собой определенную, на первый взгляд очень мистическую общественную форму исторически создавшегося общественного процесса производства.

Маркс, Капитал, III, ч. 2, Гиз, 1923, 351—352.

---

* Как известно, том III Капитала был выпущен в свет уже после смерти К. Маркса. Маркс оставил рукописи этого тома, которые были затем обработаны для печати Ф. Энгельсом. Некоторые слова в рукописи Маркса оказались написанными неразборчиво. В приведенном отрывке мы имеем такое неразобранное слово, заменённое многоточием и оговоркой. — *Прим. ост.*

... Капиталистический процесс производства есть исторически определенная форма общественного процесса производства вообще. Этот последний есть одновременно и процесс производства материальных условий человеческой жизни и протекающий в специфических историко-экономических отношениях производства процесс производства и воспроизводства самих этих отношений производства, а следовательно и носителей этого процесса, материальных условий их существования и взаимных их отношений, т. е. определенной общественно-экономической формы последних. Потому что совокупность этих отношений, в которых носители этого производства находятся к природе и друг к другу, отношений, при которых они производят, эта совокупность как раз и есть общество, рассматриваемое с точки зрения его экономической структуры. Капиталистический процесс производства, подобно всем его предшественникам, протекает при определенных материальных условиях, являющихся в то же время носителями определенных общественных отношений, в которые вступают индивидуумы в процессе воспроизводства своей жизни. Как те условия, так и эти отношения являются, с одной стороны, предпосылкой, с другой стороны, результатами и продуктами капиталистического процесса производства; они производятся и воспроизводятся последним.

Маркс, Капитал, III, ч. 2, Гиз, 1923, 355—356.

Капитал не изобрел прибавочного продукта. Всюду, где часть общества имеет монополию на средства производства, рабочий, свободный или несвободный, должен присоединять к рабочему времени, необходимому для содержания его самого, излишнее рабочее время, необходимое для того, чтобы произвести средства существования для собственника средств производства, причем безразлично, будет ли этот собственник афинский καλος καγαθος, (аристократ), этрусский теократ (жрец, которому принадлежит господство), civis romanus (римский гражданин), нормандский барон, американский рабовладелец, валашский боярин, современный лэндлорд (землевладелец) или капиталист. Впрочем, само собою понятно, что если в какой-нибудь общественно-экономической формации преобладающее значение имеет не меновая стоимость, а потребительная стоимость продукта, то прибавочный труд ограничивается более или менее узким кругом потребностей, но из самого характера соответственного производства не вытекает безграничной потребности в прибавочном труде. Ужасным становится чрезмерный труд в древности в тех случаях, где дело идет о добывании меновой стоимости в ее самостоятельной денежной форме — в производстве золота и серебра. Насильственный труд, убивающий работника, является здесь официальной формой чрезмерного труда. Достаточно почитать Диодора Сицилийского. Однакоже это исключения для древнего мира. Но как только народы, у которых производство совершается еще в сравнительно низких формах рабского, крепостного труда и т. д., начинают втягиваться мировым рынком, на котором господствует капиталистический способ производства

и который преобладающим интересом делает продажу продуктов этого производства за границу, так к варварским ужасам рабства, крепостничества и т. д. прививается цивилизованный ужас чрезмерного труда. Поэтому труд негров в южных штатах американского союза носил сравнительно мягкий и партриархальный характер до тех пор, пока целью производства было, главным образом, непосредственное удовлетворение собственных потребностей. Но по мере того, как экспорт хлопка становился жизненным интересом для этих штатов, чрезмерный труд негра, доходящий в отдельных случаях до потребления его жизни в течение семи лет труда, становится фактором рассчитанной и рассчитывающейся системы. Тут дело шло уже не о том, чтобы вышибить из него известное количество полезных продуктов. Дело заключалось в производстве самой прибавочной стоимости. То же самое происходило с барщинным трудом, например, в дунайских княжествах.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 205—207.

Деньги и товары, точно так же, как средства существования и средства производства, отнюдь не являются капиталом сами по себе. Они должны быть превращены в капитал. Но превращение это возможно лишь при определенных обстоятельствах, которые сводятся к следующему: два очень различные сорта товаровладельцев должны вступить между собой в соприкосновение, — с одной стороны, собственник денег, средств производства и существования, которому требуется закупить рабочую силу для дальнейшего увеличения присвоенной им суммы стоимости; с другой стороны, свободный рабочий, продавец своей собственной рабочей силы и, следовательно, продавец труда. Свободный рабочий в двояком смысле: он не должен сам принадлежать непосредственно к числу средств производства, как рабы, крепостные и т. д., но и средства производства не должны принадлежать ему, как это имеет место у крестьян и т. д., ведущих самостоятельное хозяйство, — он должен быть свободен от средств производства, освобожден от них, лишен их. Вместе с этим расщеплением товарного рынка создаются основные условия капиталистического производства. Капиталистическое отношение предполагает, что собственность на средства осуществления труда отделена от самих рабочих. И как только капиталистическое производство становится на собственные ноги, оно не только поддерживает это разделение, но и воспроизводит его в непрерывно растущем масштабе. Таким образом процесс, создающий капиталистическое отношение, не может быть ничем иным, как процессом отделения рабочего от собственности на условия его труда; это — процесс, превращающий, с одной стороны, общественные средства производства и существования в капитал, с другой стороны, непосредственных производителей — в наемных рабочих. Следовательно так называемое первоначальное накопление есть лишь исторический процесс отделения производителя от средств производства. Он представляется

«первоначальным», так как образует пред'историю капитала и соответствующего ему способа производства.

Экономическая структура (хозяйственный строй) капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого.

Непосредственный производитель, рабочий, лишь тогда получает возможность распоряжаться своей личностью, когда прекращается его прикрепление к земле и его крепостная или феодальная зависимость от другого лица. Далее, чтобы стать свободным продавцом рабочей силы, который несет свой товар туда, где имеется на него спрос, рабочий должен был избавиться от господства цехов, от цеховых уставов об учениках и подмастерьях и от прочих стеснительных предписаний относительно труда. Итак, одна сторона того исторического процесса, который превращает производителя в наемного рабочего, заключается в освобождении производителя от феодального и цехового принуждения; и только эта одна сторона существует для наших буржуазных историков. Но имеется и другая сторона, состоящая в том, что освобождаемые лишь тогда становятся продавцами самих себя, когда у них отняты все их средства производства и все гарантии существования, обеспеченные старинными феодальными учреждениями. И история этой их экспроприации основывается не на простых догадках. Она вписана в летописи человечества пламенеющим языком меча и огня.

Промышленные капиталисты, эти новые владетельные особы, должны были с своей стороны вытеснить не только цеховых мастеров, но и феодалов, владевших источниками богатства. С этой точки зрения их возвышение есть плод победоносной борьбы против феодальной власти с ее возмутительными привилегиями, а также и против цехов и тех оков, которые налагают эти последние на свободное развитие производства и свободную эксплоатацию человека человеком. Однако рыцарям промышленности удалось вытеснить рыцарей меча лишь благодаря тому, что они использовали события, которые были созданы не ими самими. Они возвысились, пользуясь теми же грязными средствами, которые некогда давали возможность римским вольноотпущенникам становиться господами своих патронов.

Исходным пунктом развития, создавшего как наемного рабочего, так и капиталиста, было рабство рабочего. Развитие это состояло в том, что порабощение изменило свою форму, в превращении феодальной эксплоатации в капиталистическую. Для того, чтобы понять ход этого процесса, нам нет надобности забираться слишком далеко в прошлое. Хотя первые зачатки капиталистического производства имели место уже в XIV и XV столетиях в отдельных городах по Средиземному морю, тем не менее начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию. Она открывается там, где уже давно уничтожено крепостное право и уже значительно увял наиболее яркий цветок средневековья — свободные города.

В истории первоначального накопления громадное значение имели все перевороты, которые так или иначе послужили рычагом для возвышения

формирующегося класса капиталистов; но особенно важную роль играли те моменты, когда значительные массы людей внезапно и насильственно отрывались от средств своего существования и выкидывались на рынок труда в виде поставленных вне закона пролетариев. Экспроприация сельскохозяйственного производителя, обезземеление крестьянина составляют основу всего процесса. Его-то мы и должны рассмотреть прежде всего. Его история в различных странах имеет различную окраску, пробегает в различные фазы в различном порядке и в различные исторические эпохи. В классической форме совершается она только в Англии, которую мы поэтому и берем в качестве примера.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 707—709.

Итак, к чему же сводится первоначальное накопление капитала, т. е. его исторический источник? Поскольку оно не представляет непосредственного превращения рабов и крепостных в наемных рабочих, поскольку оно, следовательно, не ограничивается простой сменой формы, оно сводится к экспроприации непосредственных производителей, т. е. к разложению частной собственности, покоящейся на собственном труде.

Частная собственность, в противоположность общественной, коллективной собственности, существует лишь там, где средства труда и внешние условия труда принадлежат частным лицам. И в зависимости от того, являются ли эти частные лица рабочими или нерабочими, изменяется и характер самой частной собственности. Бесконечные оттенки, встречающиеся в области этой последней, отражают лишь промежуточные состояния, лежащие между обоими этими крайними случаями.

Частная собственность рабочего на средства производства есть основа мелкого производства, а мелкое производство составляет необходимое условие для развития общественного производства и свободной индивидуальности самого рабочего. Правда, этот способ производства встречается и при рабском, и при крепостном строе, и при других формах личной зависимости. Однако он достигает полного расцвета, проявляет всю свою энергию, приобретает классическую соответствующую ему форму лишь там, где рабочий является свободным частным собственником своих, им самим применяемых условий труда, где крестьянин обладает полем, которое он возделывает, ремесленник — инструментами, которыми он играет, как виртуоз.

Этот способ производства предполагает раздробление земли и остальных средств производства. Он исключает как концентрацию этих последних, так и кооперацию, разделение труда внутри одного и того же производственного процесса, общественное господство над природой и общественное регулирование ее, свободное развитие общественных производительных сил. Он совместим лишь с узкими традиционными границами производства и общества. Стремление увековечить его равносильно, — по справедливому замечанию Pequeur'a, стремлению «декретировать всеобщую посредственность». Но на известном уровне развития он сам создает материальные

средства для своего уничтожения. С этого момента в недрах общества начинают шевелиться силы и страсти, которые чувствуют себя скованными этим способом производства. Последний должен быть уничтожен, и он уничтожается. Уничтожение его, превращение индивидуальных и раздробленных средств производства в общественно-концентрированные, следовательно превращение карликовой собственности многих в гигантскую собственность немногих, экспроприация у широких народных масс земли, средств существования, орудий труда, эта ужасная и трудная экспроприация народной массы образует пролог истории капитала. Она включает в себя целый ряд насильственных методов, из которых мы рассмотрели выше только самые важные, составившие эпоху, методы, как методы первоначального накопления. Экспроприация непосредственных производителей совершается с беспощадным вандализмом, ее движущими пружинами являются самые бесстыдные, грязные, отвратительные и мелочные страсти. Частная собственность, добываемая личным трудом, покоящаяся, так сказать, на естественном сращении отдельного независимого рабочего с условиями его труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплоатации чужого, хотя формально и свободного, труда.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 754—755.

Существенными признаками капитализма (по учению Маркса) являются: 1) товарное производство, как о б щ а я форма производства. Продукт принимает форму товара в самых различных общественных производственных организмах, но только в капиталистическом производстве такая форма продукта труда является о б щ е й, а не исключительной, не единичной, не случайной. Второй признак капитализма — 2) принятие товарной формы не только продуктом труда, но и самим трудом, т. е. рабочей силой человека. Степень развития товарной формы рабочей силы характеризует степень развития капитализма. При помощи этого определения мы легко разберемся в приводимых г. Струве примерах неправильного понимания этого термина. Несомненно, что противопоставление русских порядков капитализму, основанное на технической отсталости нашего народного хозяйства, на преобладании ручного производства и т. п. и так часто приводимое народниками, — совершенно нелепо, ибо капитализм существует и при низкой и при высокоразвитой технике, и Маркс много раз подчеркивает в «Капитале», что капитал сначала подчиняет себе производство таким, каким он его находит, и лишь впоследствии преобразует его технически.

Ленин, Экономическое содержание народничества, соч., I, изд. 2-е, 306.

Империализм вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще. Но капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на определенной, очень высокой, ступени своего развития когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружились черты

переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу. Экономически основное в этом процессе есть смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями. Свободная конкуренция есть основное свойство капитализма и товарного производства вообще; монополия есть прямая противоположность свободной конкуренции, но эта последняя на наших глазах стала превращаться в монополию, создавая крупное производство, вытесняя мелкое, заменяя крупное крупнейшим, доводя концентрацию производства и капитала до того, что из нее вырастала и вырастает монополия: картели, синдикаты, тресты, сливающийся с ними капитал какого-нибудь десятка ворочающих миллиардами банков. И в то же время монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, но существуют над нею и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крупных противоречий, трений, конфликтов. Монополия есть переход от капитализма к более высокому строю.

Если бы необходимо было дать как можно более короткое определение империализма, то следовало бы сказать, что империализм есть монополистическая стадия капитализма. Такое определение включало бы самое главное, ибо, с одной стороны, финансовый капитал есть банковый капитал монополистически-немногих крупнейших банков, слившийся с капиталом монополистических союзов промышленников, а, с другой стороны, раздел мира есть переход от колониальной политики, беспрепятственно расширяемой на незахваченные ни одной капиталистической державой области, к колониальной политике монопольного обладания территорией земли, поделенной до конца.

Но слишком короткие определения хотя и удобны, ибо подытоживают главное, — все же недостаточны, раз из них надо особо выводить весьма существенные черты того явления, которое надо определить. Поэтому, не забывая условного и относительного значения всех определений вообще, которые никогда не могут охватить всесторонних связей явления в его полном развитии, следует дать такое определение империализма, которое бы включало следующие пять основных его признаков: 1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банкового капитала с промышленным и создание, на базе этого «финансового капитала», финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами. Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами.

Мы увидим еще ниже, как можно и должно иначе определить империализм, если иметь в виду не только основные чисто-экономические понятия

(которыми ограничивается приведенное определение), а историческое место данной стадии капитализма по отношению к капитализму вообще или отношение империализма и двух основных направлений в рабочем движении. Сейчас же надо отметить, что понимаемый в указанном смысле, империализм представляет собою, несомненно, особую стадию развития капитализма.

Ленин, Империализм как новейший этап капитализма, соч., XIII, изд. 1-е, 304—305.

... Самая глубокая экономическая основа империализма есть монополия. Это монополия капиталистическая, т. е. выросшая из капитализма и находящаяся в общей обстановке капитализма, товарного производства, конкуренции, в постоянном и безысходном противоречии с этой общей обстановкой. Но тем не менее, как и всякая монополия, она порождает неизбежно стремление к застою и загниванию: поскольку устанавливаются, хотя бы на время, монопольные цены, постольку исчезают до известной степени побудительные причины к техническому, а следовательно, и всякому другому прогрессу, движению вперед; постольку является, далее, экономическая возможность искусственно задерживать технический прогресс. Пример: в Америке некий Оуэнс изобрел бутылочную машину, производящую революцию в выделке бутылок. Немецкий картель бутылочных фабрикантов скупает патенты Оуэнса и кладет их под сукно, задерживает их применение. Конечно, монополия при капитализме никогда не может полностью и на очень долгое время устранить конкуренцию со всемирного рынка. Конечно, возможность понизить издержки производства и повысить прибыли посредством введения технических улучшений действует в пользу изменений. Но тенденция к застою и загниванию, свойственная монополии, продолжает в свою очередь действовать, и в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, на известные промежутки времени она берет верх.

Монополия обладания особенно обширными, богатыми или удобно расположенными колониями действует в том же направлении.

Далее. Империализм есть громадное скопление в немногих странах денежного капитала, достигающего, как мы видели, 100 — 150 миллиардов франков ценных бумаг. Отсюда — неизбежный рост класса или, вернее, слоя рантье, т. е. лиц, живущих «стрижкой купонов», — лиц, совершенно отделенных от участия в каком бы то ни было предприятии, — лиц, профессиею которых является праздность. Вывоз капитала, одна из самых существенных экономических основ империализма, еще более усиливает эту полнейшую оторванность от производства слоя рантье, налагает отпечаток паразитизма на всю страну, живущую эксплоатацией труда нескольких заокеанских стран и колоний.

Ленин, Империализм как новейший этап капитализма, соч., XIII, изд. 1-е, 314.

Монополия, олигархия, стремление к господству вместо стремлений к свободе, эксплоатации все большего числа маленьких или слабых наций небольшою горстью богатейших или сильнейших наций, — все это породило те отличительные черты империализма, которые заставляют характеризовать его как паразитический или загнивающий капитализм. Все более и более выпукло выступает как одна из тенденций империализма создание «государства-рантье», государства-ростовщика, буржуазия которого живет вывозом капитала и «стрижкой купонов». Было бы ошибкой думать, что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма: нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций. В целом, капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растет, но этот рост не только становится вообще все более неравномерным, но неравномерность проявляется также, в частности, в загнивании самых сильных капиталом стран (Англия).

Ленин, Империализм как новейший этап капитализма, соч., XIII, 1 изд., 333.

История не стоит на месте и во время контрреволюций. История шла вперед и во время империалистической бойни 1914 — 1916 гг., которая была продолжением империалистской политики предыдущих десятилетий. Мировой капитализм, который в 60 — 70-х гг. прошлого века был передовой и прогрессивной силой свободной конкуренции и который в начале XX века перерос в монополистический капитализм, т. е. империализм, сделал за время войны изрядный шаг вперед не только к еще большей концентрации финансового капитала, но и к превращению в государственный капитализм.

Ленин, Поворот в мировой политике, соч., XIII, 1 изд., 487—488

Один остроумный немецкий социал-демократ 70-х гг. прошлого века назвал почту образцом социалистического хозяйства. Это очень верно. Теперь почта есть хозяйство, организованное по типу государственно-капиталистической монополии. Империализм постепенно превращает все тресты в организации подобного типа. Над «простыми» трудящимися, которые завалены работой и голодают, здесь стоит та же буржуазная бюрократия. Но механизм общественного хозяйничанья здесь уже готов. Свергнуть капиталистов, разбить железной рукой вооруженных рабочих сопротивление этих эксплоататоров, сломать бюрократическую машину современного государства — и перед нами освобожденный от «паразита» высоко технически оборудованный механизм, который вполне могут пустить в ход сами об'единенные рабочие, нанимая техников, надсмотрщиков, бухгалтеров, оплачивая работу всех их, как и всех вообще «государственных» чиновников, заработной платой рабочего. Вот задача конкретная, практическая, осуществимая тотчас по отношению ко всем трестам, избавляю-

щая трудящихся от эксплоатации, учитывающая опыт, практически уже начатый (особенно в области государственного строительства) Коммуной.

Все народное хозяйство, организованное, как почта, с тем, чтобы техники, надсмотрщики, бухгалтеры, как и все должностные лица, получали жалованье не выше «заработной платы рабочему», под контролем и руководством вооруженного пролетариата, — вот наша ближайшая цель. Вот какое государство, вот на какой экономической основе нам необходимо. Вот что даст уничтожение парламентаризма и сохранение представительных учреждений, вот что избавит трудящиеся классы от проституирования этих учреждений буржуазией.

Ленин, Государство и революция, соч., XIV, ч. 2, 1 изд., 336—337.

...Социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии. Или иначе: социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией...

Диалектика истории именно такова, что война, необычайно ускорив превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, тем самым необычайно приблизила человечество к социализму.

Империалистическая война есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание, — никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически, — а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет.

Ленин, Грозящая катастрофа и как с ней бороться, соч., XIV, ч. 2, 1 изд., 208—209.

Три главных факта капиталистического производства следующие:

1. Концентрация средств производства в немногих руках, вследствие чего они перестают быть собственностью непосредственных рабочих, а, напротив, превращаются в общественные силы производства. Хотя таковыми они становятся сначала, как частная собственность капиталистов. Последние — поверенные буржуазного общества, но они кладут в свой карман все плоды этих отношений товарищества на вере.

2. Организация самого труда как общественного труда: посредством сотрудничества, разделения труда и сочетания труда с естествознанием.

Как с той, так и с другой стороны капиталистический способ производства уничтожает частную собственность и индивидуальный характер труда, хотя уничтожает в антагонистических формах.

3. Создание мирового рынка.

Огромная по сравнению с населением производительная сила, развивающаяся при капиталистическом способе производства и возрастание капитальных стоимостей (не только их материального субстрата), которые увеличиваются хотя и не в такой пропорции, но все же много быстрее, чем население, противоречат все более суживающейся, по сравнению с ростом богатства, основе, для которой действует эта огромная производительная сила, и условиям увеличения стоимости этого все нарастающего капитала. Отсюда кризисы.

Маркс, Капитал, III, ч. 1, Гиз, 1923, 248—249.

...Можем ли мы признать правильным утверждение, что капиталистическая стадия развития народного хозяйства неизбежна для тех отсталых народов, которые теперь освобождаются и в среде которых теперь, после войны, замечается движение по пути прогресса? Мы ответили на этот вопрос отрицательно. Если революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно предполагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей. Во всех колониях и отсталых странах мы должны не только образовать самостоятельные кадры борцов, партийные организации, не только вести пропаганду за организацию крестьянских советов и стремиться приспособить их к докапиталистическим условиям, но Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития.

Ленин, Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам, Соч., XXV, 2 изд., 354.

4. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СССР

Возможно ли сочетание, соединение, совмещение советского государства, диктатуры пролетариата, с государственным капитализмом?

Конечно, возможно. Это я и доказывал в мае 1918 г. Это я, надеюсь, и доказал в мае 1918 г. Мало того: я доказал тогда же, что государственный капитализм есть шаг вперед по сравнению с мелкособственнической (и мелкопатриархальной, и мелкобуржуазной) стихией. Тьму ошибок делают, сопоставляя или сравнивая государственный капитализм только с социализмом, тогда как в данной политико-экономической обстановке обязательно сравнивать государственный капитализм и с мелкобуржуазным производством.

Весь вопрос — как теоретический, так и практический — состоит в том, чтобы найти правильные способы того, как именно следует направить неизбежное (до известной степени и на известный срок) развитие капитализма

в русло государственного капитализма, какими условиями обставить это, как обеспечить превращение в недалеком будущем государственного капитализма в социализм.

Чтобы подойти к разрешению этого вопроса, надо прежде всего возможно более отчетливо представить себе, чем на практике будет и может быть государственный капитализм внутри нашей советской системы, в рамках нашего советского государства.

Самый простой случай или пример того, как Советская власть направляет развитие капитализма в русло государственного капитализма, как она «насаждает» государственный капитализм, это — концессии. Теперь у нас все согласны, что концессии необходимы, но не все размышляют о том, каково значение концессий. Что такое концессии при советской системе, с точки зрения общественно-экономических укладов и их соотношения? Это — договор, блок, союз советской, т. е. пролетарской, государственной власти с государственным капитализмом против мелкособственнической (патриархальной и мелкобуржуазной) стихии. Концессионер — это капиталист. Он ведет дело капиталистически, ради прибыли, он соглашается на договор с пролетарской властью ради получения экстренной прибыли, сверх обычной или ради получения такого сырья, которое иначе достать ему невозможно или крайне трудно. Советская власть получает выгоду в виде развития производительных сил, увеличения количества продуктов немедленно или в кратчайший срок. Мы имеем, скажем, сотню таких-то промыслов, рудников, лесных участков. Мы можем разрабатывать не все — нехватает машин, продовольствия, транспорта. Мы плохо разрабатываем по тем же причинам остальные участки. Из-за плохой и недостаточной разработки крупных предприятий проистекает усиление мелкособственнической стихии во всех ее проявлениях: ослабление окрестного (а затем и всего) крестьянского хозяйства, подрыв его производительных сил, упадок доверия его к Советской власти, хищения и массовая мелкая (самая опасная) спекуляция и т. п. «Насаждая» государственный капитализм в виде концессий, Советская власть усиливает крупное производство против мелкого, передовое против отсталого, машинное против ручного, увеличивает количество продуктов крупной индустрии в своих руках (долевое отчисление), усиливает государственно упорядоченные экономические отношения в противовес мелко-буржуазно-анархическим. В меру и осторожно проведенная концессионная политика, несомненно, поможет нам улучшить быстро (до известной, небольшой, степени) состояние производства, положение рабочих и крестьян, — конечно, ценой известных жертв, отдачи капиталисту десятков и десятков миллионов пудов ценнейших продуктов. Определение той меры и тех условий, при которых концессии выгодны и не опасны нам, зависит от соотношения сил, решается борьбой, ибо концессия тоже есть вид борьбы, продолжение классовой борьбы в иной форме, а никоим образом не замена классовой борьбы классовым миром. Способы борьбы покажет практика.

Государственный капитализм в виде концессий является, по сравнению с другими формами государственного капитализма внутри советской системы, едва ли не самой простой, отчетливой, ясной, точно очерченной. Мы имеем здесь прямо формальный письменный договор с наиболее культурным, передовым, западноевропейским, капитализмом. Мы точно знаем свои выгоды и свои потери, свои права и свои обязанности, мы точно знаем тот срок, на который сдаем концессию, знаем условия досрочного выкупа, если договор предусматривает право досрочного выкупа. Мы платим известную «дань» всемирному капитализму, «откупаемся» от него в таких-то отношениях, получая немедленно определенную меру упрочнения положения Советской власти, улучшения условий нашего хозяйствования. Вся трудность задачи, по отношению к концессиям, сводится к тому, чтобы все обдумать и взвесить при заключении концессионного договора, а затем уметь следить за его исполнением. Трудности тут, несомненно, есть, и ошибки тут, вероятно, на первое время неизбежны, но трудности, это — наименьшие по сравнению с другими задачами социальной революции и, в частности, по сравнению с другими формами развития, допущения насаждения государственного капитализма.

Самая важная задача всех партийных и советских работников, в связи с введением продналога, — суметь применить принципы, начала, основы «концессионной» (т. е. подобной «концессионному» государственному капитализму) политики к остальным формам капитализма, свободной торговли, местного оборота и т. п.

Возьмем кооперацию. Недаром декрет о продналоге вызвал немедленно пересмотр положения о кооперации и известное расширение ее «свободы» и ее прав. Кооперация есть тоже вид государственного капитализма, но менее простой, менее отчетливо очерченный, более запутанный и потому ставящий перед нашей властью на практике бо́льшие трудности. Кооперация мелких товаропроизводителей (о ней, а не о рабочей кооперации идет здесь речь, как о преобладающем, о типичном в мелко-крестьянской стране) неизбежно порождает мелкобуржуазные капиталистические отношения, содействует их развитию, выдвигает на первый план капиталистиков, им дает наибольшую выгоду. Это не может быть иначе, раз есть налицо преобладание мелких хозяйчиков и возможность, а равно необходимость обмена. Свобода и права кооперации, при данных условиях России, означают свободу и права капитализму. Закрывать глаза на эту очевидную истину было бы глупостью или преступлением.

Но «кооперативный» капитализм в отличие от частно-хозяйственного капитализма является, при Советской власти, разновидностью государственного капитализма и, в качестве такового, он нам выгоден и полезен сейчас, — разумеется, в известной мере. Поскольку продналог означает свободу продажи остальных (невзимаемых в виде налога) излишков, постольку нам необходимо приложить усилия, чтобы э т о развитие капитализма — ибо свобода продажи, свобода торговли е с т ь развитие капитализма — напра-

вить в русло кооперативного капитализма. Кооперативный капитализм похож на государственный в том отношении, что облегчает учет, контроль, надзор, договорные отношения между государством (советским в данном случае) и капиталистом. Кооперация, как форма торговли, выгоднее и полезнее, чем частная торговля, не только по указанным причинам, но и потому, что она облегчает объединение, организацию миллионов населения, затем всего населения поголовно, а это обстоятельство, в свою очередь, есть гигантский плюс с точки зрения дальнейшего перехода от государственного капитализма к социализму.

Сравним концессию и кооперацию, как формы государственного капитализма. Концессия базируется на крупной машинной промышленности, кооперация — на мелкой, ручной, частью даже патриархальной. Концессия касается одного капиталиста или одной фирмы, одного синдиката, картеля, треста в каждом отдельном концессионном договоре. Кооперация охватывает многие тысячи, даже миллионы мелких хозяев. Концессия допускает и даже предполагает точный договор и точный срок. Кооперация не допускает ни вполне точного договора, ни вполне точного срока. Отменить закон о кооперации гораздо легче, чем порвать договор о концессии, но разрыв договора означает сразу, просто, немедленно разрыв фактических отношений экономического союза или экономического «сожительства» с капиталистом, тогда как никакая отмена закона о кооперации, никакие законы вообще не только сразу не разорвут фактического «сожительства» Советской власти с мелкими капиталистиками, но и вообще не в состоянии разорвать фактических экономических отношений. За концессионером «уследить» легко, за кооператорами — трудно. Переход от концессий к социализму есть переход от одной формы крупного производства к другой форме крупного производства. Переход от кооперации мелких хозяйчиков к социализму есть переход от мелкого производства к крупному, т. е. переход более сложный, но зато способный охватить, в случае успеха, более широкие массы населения, способный вырвать более глубокие и более живучие корни старых до-социалистических, даже докапиталистических отношений, наиболее упорных в смысле сопротивления всякой «новизне». Политика концессий, в случае успеха, даст нам небольшое число образцовых — по сравнению с нашими — крупных предприятий, стоящих на уровне современного передового капитализма; через несколько десятков лет эти предприятия перейдут целиком к нам. Политика кооперативная, в случае успеха, даст нам подъем мелкого хозяйства и облегчение его перехода, в неопределенный срок, к крупному производству на началах добровольного объединения.

Возьмем третий вид государственного капитализма. Государство привлекает капиталиста, как торговца, платя ему определенный комиссионный процент за продажу государственных продуктов и за скупку продуктов мелкого производителя. Четвертый вид: государство сдает в аренду предпринимателю-капиталисту принадлежащее государству заведение или промысел, или участок леса, земли и т. п., причем арендный договор похож более всего

на договор концессионный. Об этих двух последних видах государственного капитализма у нас совсем не говорят, совсем не думают, совсем их не замечают. Но происходит это не потому, чтобы мы были сильны и умны, а потому, что мы слабы и глупы. Мы боимся посмотреть прямо в лицо «низкой истине» и слишком часто отдаем себя во власть «нас возвышающему обману». Мы постоянно сбиваемся на то, что «мы» переходим от капитализма к социализму, забывая точно, отчетливо представить себе, кто именно это «мы». Перечень всех—непременно всех без изъятия—составных частей, всех разнородных укладов общественного хозяйства в нашей экономике, данный мной в статье 5/V 1918 г., необходимо иметь перед глазами, чтобы это отчетливое представление не забывалось. «Мы», авангард, передовой отряд пролетариата, переходим непосредственно к социализму, но передовой отряд есть лишь небольшая часть всего пролетариата, который в свою очередь есть лишь небольшая часть всей массы населения. И чтобы «мы» могли успешно решить задачу нашего непосредственного перехода к социализму, для этого надо понять, какие *посредствующие* пути, приемы, средства, пособия нужны для перехода *докапиталистических* отношений к социализму. В этом весь гвоздь.

Ленин, О продовольственном налоге, Соч., XVIII, ч. 1, 216—221.

По вопросу о государственном капитализме наша пресса и вообще наша партия делают ту ошибку, что мы впадаем в интеллигентщину, в либерализм, мудрим насчет того, как понимать государственный капитализм, и заглядываем в старые книги, а там написано совершенно не про то, там написано про тот государственный капитализм, который бывает при капитализме, но ни одной книги нет, которая была бы написана про государственный капитализм, который бывает при коммунизме. Даже Маркс не догадался написать ни одного слова по этому поводу и умер, не оставив ни одной точной цитаты и неопровержимых указаний. Поэтому нам сейчас приходится выкарабкиваться самим без цитат. Наша пресса, которую я попытался обозреть, готовясь к настоящему докладу по вопросу о государственном капитализме, не про то говорит и совсем мимо стреляет, глядит совершенно в другую сторону. Государственный капитализм во всей литературе экономической — это тот капитализм, который бывает при капиталистическом строе, когда государственная власть прямо себе подчиняет те или иные капиталистические предприятия, а у нас государство пролетарское, пролетариатом избранное, на пролетариат опирается, пролетариату дает все преимущества политические и через пролетариат привлекает к себе крестьянство с низов (вы помните, что мы начали эту работу с комбедов). Поэтому-то государственный капитализм сбивает очень и очень многих с толку. Чтобы этого не было, надо помнить основное, что государственный капитализм в таком виде, какой мы имеем у себя, ни в какой теории, ни в какой литературе не разбирается по той простой причине, что все обычные понятия, связанные с этими словами, приурочены к власти буржуазной в капи-

талистическом обществе. А у нас общественность, которая с рельсов капиталистических соскочила, а на новые рельсы еще не вошла, и руководствует этим государством не буржуазия, а пролетариат. Мы не хотим понять, что, когда мы говорим «государство», то государство это — мы, это — пролетариат, это — авангард рабочего класса. Государственный капитализм, это — тот капитализм, который мы сумеем ограничить, пределы которого мы сумеем установить, этот государственный капитализм связан с государством, а государство это — рабочие, это — передовая часть рабочих, это — авангард, это — мы. Государственный капитализм, это — тот капитализм, который мы должны поставить в известные рамки и которого мы не умеем до сих пор поставить. Вот в чем вся штука. И уже от нас зависит, каков этот государственный капитализм будет. Политической власти у нас достаточно, совершенно достаточно, экономических средств в нашем распоряжении тоже достаточно, но недостаточно уменья у того авангарда рабочего класса, который выдвинут, чтобы это дело непосредственно ведать, и чтобы определить границы, и чтобы размежеваться, и чтобы подчинить себе, а не быть подчиненным. Тут нужно только уменье, а его у нас нет. Ведь это положение, совершенно невиданное в истории, когда у пролетариата, революционного авангарда совершенно достаточно политической власти, а наряду с этим — государственный капитализм. Гвоздь вопроса в том, чтобы мы поняли, что это тот капитализм, который мы можем и должны допустить, который мы можем и должны поставить в рамки, ибо капитализм этот необходим для широкого крестьянства и частного капитала, который должен торговать так, чтобы удовлетворять нужды крестьянства. Необходимо дело поставить так, чтобы обычный ход капиталистического хозяйства и капиталистического оборота был возможен, ибо это нужно народу, без этого жить нельзя.

Ленин, Доклад о деятельности ЦК на X съезде РКП, Соч., XVIII, ч. 2, 1 изд., 34—35.

Я держался таким образом в 1918 г. того мнения, что по отношению к тогдашнему хозяйственному состоянию Советской Республики государственный капитализм представлял собой шаг вперед. Это звучит очень странно и, быть может, даже нелепо, ибо уже и тогда наша Республика была социалистической республикой; тогда как раз мы предпринимали каждый день с величайшей поспешностью, — вероятно с излишней поспешностью, — различные хозяйственные мероприятия, которые нельзя назвать иначе, как социалистическими. И все же я и тогда полагал, что государственный капитализм по сравнению с тогдашним хозяйственным положением Советской Республики представляет собою шаг вперед. Чтобы разъяснить эту мысль, я просто перечислил основные элементы нашего хозяйственного строя. Эти элементы, по моему, следующие: 1) патриархальная, т. е. наиболее примитивная, форма сельского хозяйства; 2) мелкое товарное производство (сюда относится и большинство крестьянства, продающее

хлеб); 3) частный капитализм; 4) государственный капитализм и 5) социализм.

Все эти хозяйственные элементы были представлены в тогдашней России. Я поставил себе тогда задачу разъяснить, в каком отношении друг к другу находятся эти элементы и не следует ли один из несоциалистических элементов, именно государственный капитализм, расценивать выше, чем социализм. Я повторяю: это всем кажется странным, что несоциалистический элемент оценивается выше, чем социализм, в республике, которая назвала себя социалистической. Но это недоуменье разъяснится, если вы вспомните, что мы не рассматривали хозяйственный строй России, как нечто однородное и высокоразвитое, а в полной мере сознавали, что имеем в России патриархальное земледелие, т. е. наиболее примитивную форму земледелия наряду с формой социалистической. Итак, какую роль может играть государственный капитализм в такой обстановке?

Я далее спрашивал себя: какой из этих элементов является преобладающим? Ясно, что в мелкобуржуазной среде господствует мелкобуржуазный элемент. И я тогда сознавал, что мелкобуржуазный элемент преобладает; представить себе положение иначе было невозможно. Вопрос, который я тогда поставил себе в связи с полемикой по иному, совершенно частному вопросу, был: как мы относимся к государственному капитализму? И я ответил себе: государственный капитализм, хотя он и не является социалистической формой, был для нас и для России формой более благоприятной, чем теперешняя. Что это означает? Это означает, что мы не переоценивали ни зародышей, ни основ социалистического хозяйства, хотя мы уже и совершили социальную революцию. Мы уже тогда в известной степени сознавали, что было бы лучше, если бы мы раньше пришли к государственному капитализму, а уже затем — к социализму.

Ленин, Пять лет российской революции и перспективы мировой революции, соч., XVIII, ч. 2, 1 изд., 88—89.

Всегда, когда я писал о новой экономической политике, я цитировал свою статью 19 года о государственном капитализме. Это вызывало не раз сомнения некоторых молодых товарищей. Но их сомнения направлялись преимущественно по адресу абстрактно-политическому.

Им казалось, что нельзя называть государственным капитализмом тот строй, при котором средства производства принадлежат рабочему классу и этому рабочему классу принадлежит государственная власть. Однако, они не замечали, что у меня название «государственный капитализм» употреблялось, во-первых, для исторической связи нашей теперешней позиции с позицией в моей полемике против так называемых левых коммунистов, а также я уже тогда доказывал, что государственный капитализм был бы выше нашей современной экономики; для меня важно было установить преемственную связь обычного государственного капитализма с тем необычным, даже совсем необычным, государственным капитализмом, о котором я го-

ворил, вводя читателя в новую экономическую политику. Во-вторых, для меня всегда была важна практическая цель. А практическая цель нашей новой экономической политики состояла в получении концессий; концессии уже, несомненно, были бы в наших условиях чистым типом государственного капитализма. Вот в каком виде представлялись для меня рассуждения о государственном капитализме.

Но есть еще одна сторона дела, при которой нам может понадобиться государственный капитализм или, по крайней мере, сопоставление с ним. Это вопрос о кооперации.

Несомненно, что кооперация в обстановке капиталистического государства является коллективным капиталистическим учреждением. Несомненно также, что в обстановке нашей теперешней экономической действительности, когда мы соединяем частнокапиталистические предприятия, но не иначе, как на общественной земле, и не иначе, как под контролем государственной власти, принадлежащей рабочему классу, с предприятиями последовательно-социалистического типа (и средства производства принадлежат государству, и земля, на которой стоит предприятие, и все предприятие в целом), то тут возникает еще вопрос о третьем виде предприятий, которые раньше не имели самостоятельности с точки зрения принципиального значения: именно о предприятиях кооперативных. При частном капитализме предприятия кооперативные отличаются от предприятий капиталистических, как предприятия коллективные от предприятий частных. При государственном капитализме предприятия кооперативные отличаются от государственно-капиталистических, как предприятия частные, во-первых, и коллективные, во-вторых. При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частнокапиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т. е. рабочему классу.

Вот это обстоятельство у нас недостаточно учитывается, когда рассуждают о кооперации. Забывают, что кооперация получает у нас, благодаря особенности нашего государственного строя, совершенно исключительное значение. Если выделить особо концессии, которые, кстати сказать, не получили у нас сколько-нибудь значительного развития, то кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом.

Ленин, О кооперации, соч., XVIII, ч. 2, 1 изд., 142—144.

Производительность труда, это в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда. Это — дело очень трудное и очень долгое, но оно начато, вот в чем самое главное. Если в голодной Москве летом 1919 г. голодные рабочие, пе-

режившие тяжелые четыре года империалистской войны, затем полтора года еще более тяжелой гражданской войны, смогли начать это великое дело, то каково будет развитие дальше, когда мы победим в гражданской войне и завоюем мир?

Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных сознательных, объединенных, использующих передовую технику рабочих. «Коммунистические субботники» необыкновенно ценны как фактическое начало коммунизма, а это громадная редкость, ибо мы находимся на такой ступени, когда «делаются лишь первые шаги к переходу от капитализма к коммунизму» (как сказано, совершенно справедливо, в нашей партийной программе).

Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов, достающихся не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т. е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, объединенных сначала в одно социалистическое государство, потом в союз советских республик.

Ленин, Великий почин, XVI, 1 изд., 254—255.

3. ДИАЛЕКТИКА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

а. РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА И ЕГО РАЗВИТИЕ

...Три... момента — производительная сила, общественное состояние и сознание — могут, и должны, вступить в противоречие друг с другом, ибо вместе с разделением труда делается возможным и даже происходит в действительности то, что духовная и материальная деятельность, наслаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов; отсутствие между ними противоречий возможно лишь при том условии, что снова уничтожается разделение труда...

Вместе с разделением труда, в котором даны все эти противоречия и которое, в свою очередь, опирается на естественное разделение труда в семье и на распадение общества на отдельные, противостоящие друг другу семьи,— вместе с этим дано и распределение — притом как количественно, так и качественно неравное, распределение труда и его продуктов, т. е. собственность, первоначальная форма которой имеется уже в семье, где жена и дети являются рабами мужчины. Рабство — разумеется, еще очень грубое и скрытое—в семье представляет собой первую собственность, которая, впрочем, здесь вполне уже соответствует учению современных экономистов, согласно которому она означает возможность распоряжаться чужой рабочей силой. Впрочем, разделение труда и частная собственность представляют

собой тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом случае говорится по отношению к продукту деятельности.

Маркс, Энгельс, О Л. Фейербахе. Архив, кн. 1, 221—222.

... Люди не везде застывали на этой ступени развития*. В Азии они нашли животных, поддающихся приручению и разведению в прирученном виде. За самкой дикого буйвола надо было охотиться, в прирученном виде она ежегодно приносила теленка, а кроме того давала молоко. Некоторые наиболее передовые племена—арийцы, семиты, может быть, также уже туранцы—сделали главной отраслью всего труда сперва приручение, а затем лишь разведение скота и уход за ним. Пастушеские племена выделились из остальной массы варваров: то было первое великое общественное разделение труда. Пастушеские племена производили не только больше, но и другие средства существования, чем остальные варвары.Они имели не только молоко, молочные продукты и мясо в гораздо больших количествах сравнительно с ними, но также шкуры, шерсть, козий пух и все увеличивающееся с увеличением массы сырья количество разных тканей. Это впервые сделало возможным регулярный обмен. На прежних ступенях развития мог иметь место лишь случайный обмен; особое искусство при изготовлении оружия и орудий может вести к временному разделению труда. Так, например, во многих местах были найдены несомненные остатки мастерских для изготовления каменных орудий из позднейшего периода каменного века; мастера, развивавшие здесь свое искусство, работали вероятно, как это делают еще и теперь постоянные ремесленники индейских родовых общин, за счет всего общества. На этой ступени развития мог возникнуть только обмен внутри племени, да и последний оставался исключительным событием. Здесь, напротив того, после выделения пастушеских племен, мы находим готовыми все условия для обмена между членами различных племен для его развития и упрочнения как постоянного учреждения. Первоначально обмен производили племя с племенем при посредстве своих родовых старейшин; но когда стада стали переходить в частную собственность, все больше стал преобладать и наконец, сделался единственной формой обмен между отдельными лицами.Но главный предмет, которым обменивались пастушеские племена со своими соседями, был скот; скот сделался товаром, посредством которого оценивались все товары и который повсюду охотно принимался в обмен—одним словом, скот стал выполнять функцию денег и уже на этой ступени играл роль денег. С такой необходимостью и быстротой развивалась уже при самом возникновении товарообмена потребность в товаре — деньгах.

Огородничество, вероятно незнакомое азиатским варварам, стоявшим на низшей ступени, появилось у них не позднее средней ступени, как провоз-

---

* На ступени первобытного родового строя. —*Сост.*

вестник земледелия. Климат туранских плоскогорий не допускает скотоводства при отсутствии запасов корма на долгую и суровую зиму; луговодство и разведение зерновых хлебов было, таким образом, предварительным условием для него. Но если сначала зерно добывалось для скота, то скоро оно стало пищей и человека. Обработанная земля оставалась еще собственностью племени, передаваемой в пользование сначала — рода, позднее — крупных семейных общин, наконец — отдельных лиц; они могли иметь некоторое право владения ею, но не больше.

Из достижений в области промышленной деятельности на этой ступени развития особенно важное значение имеют два: первое — ткацкий станок, второе — умение плавить металлические руды и обработка металлов. Медь и олово и выплавляемая из них бронза имели наибольшее значение; бронза давала пригодные орудия и оружие, но не могла вытеснить каменные орудия; это могло сделать только железо, а добывать железо еще не научились. Начали употреблять для украшения и в качестве драгоценностей золото и серебро, которые, должно быть, уже в это время имели большую ценность, чем медь и бронза.

Увеличение производства во всех областях — скотоводстве, земледелии, домашнем ремесле — сделало рабочую силу человека способной производить большее количество продуктов, чем это необходимо для поддержания ее. Вместе с тем, оно увеличивало ежедневное количество труда, выпадавшее на долю каждого члена рода, семейной общины или отдельной семьи. Представлялось желательным привлечение новых рабочих сил. Война доставляла их: военнопленные стали обращаться в рабов. Первое крупное общественное разделение труда, при данных общих исторических условиях, вместе с обусловленным им увеличением производительности труда, а следовательно, богатства, и вместе с сопровождающим его расширением поля производительной деятельности с необходимостью вело за собой и рабство. Из первого крупного общественного разделения труда возникло и первое крупное разделение общества на два класса — господ и рабов, эксплоататоров и эксплоатируемых.

Мы до сих пор ничего не знаем насчет того, как и когда перешли стада из общего владения племени или рода в собственность глав отдельных семей. Но в существенном переход этот должен был произойти на этой ступени развития. А с получением стад и остальных новых богатств семья пережила целую революцию. Промысел всегда был делом мужчины, средства к промыслу изготовлялись им и были его собственностью. Стада были новым средством к промыслу, их первоначальное приручение и дальнейший уход за ними — дело мужчины. Поэтому скот принадлежал ему, ему же принадлежали и вымененные на скот товары и рабы. Весь избыток, который теперь давал промысел, шел мужчине; женщина участвовала в потреблении его, но не имела доли в собственности. «Дикий» воин и охотник довольствовался в доме вторым местом после женщины; «более мягкий» пастух, гордясь своим богатством, выдвинулся на первое место, а женщину оттеснил на

второе. И она не могла жаловаться. Разделение труда в семье определило и распределение собственности между мужчиной и женщиной; оно осталось неизменным, и тем не менее, оно перевернуло существовавшие до сих пор домашние отношения исключительно потому, что разделение труда вне семьи подверглось изменению. Та самая причина, которая обеспечивала женщине ее прежнее господство в доме — ограничение ее труда работой по дому, — эта самая причина теперь утверждала господство мужчины в доме: домашняя работа женщины утратила теперь свое значение рядом с промысловым трудом мужчины — последний был всем, первая — незначительным придатком. Здесь же обнаруживается, что освобождение женщины, ее уравнение с мужчиной является и остается немыслимым, пока женщина отстранена от общественного производительного труда и ограничивается домашним частным трудом. Освобождение женщины становится возможным только тогда, когда она в состоянии в крупном, общественном масштабе участвовать в производстве, а работа по дому занимает ее лишь в незначительной степени. А это сделалось возможным только с появлением современной крупной промышленности, которая не только допускает в больших размерах женский труд, но и формально требует его, и которая все более и более стремится превратить частный домашний труд в общественную промышленность.

С утверждением фактического господства мужчины в доме упали последние преграды его единодержавию. Это единодержавие было подтверждено и увековечено падением материального права, введением отцовского права, постепенным переходом от парного брака к моногамии. Но это создало трещину в древнем родовом строе: отдельная семья сделалась силой и угрожающе поднялась против рода.

Следующий шаг ведет нас к высшей ступени варварства, к периоду, в течение которого все культурные народы пережили свое героическое время: время железного меча, но также и железного плуга и топора. Железо далось в руки человека, — последнее и важнейшее из всех сырых материалов, игравших громадную историческую роль, последнее вплоть до появления картофеля. Железо создало обработку земли на более крупных участках, сделало возможным превращение в пашню более широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудие такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один металл. Все это не сразу; первое железо было часто мягче бронзы. Каменное оружие поэтому исчезало лишь медленно; не только в песне Гильдебранда, но и в сражении при Гастингсе в 1066 году еще пускаются в ход каменные топоры. Но прогресс совершался теперь неудержимо, с меньшими перерывами и быстрее. Город, окружающий своими каменными стенами, башнями и зубцами, каменные или кирпичные дома, сделался средоточием племени или союза племен; громадный прогресс в строительном искусстве, но вместе с тем, и признак увеличившейся опасности и потребности в защите. Богатство быстро возрастало, но это было богатство отдельных лиц; ткачество, обработка

металлов и др. все более обособляющиеся ремесла становились все многочисленнее и искуснее; земледелие стало теперь давать наряду с хлебом, стручковыми растениями и овощами также масло и вино, изготовлению которых научились. Столь разнообразная деятельность не могла уже выполняться одним и тем же лицом; произошло второе крупное разделение труда: ремесло отделилось от земледелия. Не прекращающийся рост производства, а вместе с ним и производительности труда повышал ценность человеческой рабочей силы, рабство, только возникавшее и случайное на предыдущей степени развития, становится теперь существенной составной частью общественной системы; рабы перестают быть простыми помощниками, десятками их гонят теперь работать на поля и в мастерские. С распадением производства на две большие основные отрасли—земледелие и ремесло—возникает производство непосредственно для обмена—товарное производство; вместе с ним появляется торговля—не только внутри племени и на границах его, но уже и морская торговля. Все это еще в весьма мало развитом виде; благородные металлы начинают играть роль денег, но еще не чеканятся, обмениваясь лишь по весу.

Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, «Моск. раб.», 1922, 106—108.

Нам не нужно напоминать, что великие успехи в разделении труда начались в Англии после изобретения машин. Так, ткачи и прядильщики были по большей части, такими же крестьянами, каких мы до сих пор встречаем в остальных странах. Изобретение машин докончило отделение мануфактурной промышленности от земледельческой. Ткач и прядильщик, соединенные прежде в одной семье, были разделены машиной. Благодаря этой последней, прядильщик может теперь жить в Англии, в то время как ткач находится в восточной Индии. До изобретения машин промышленность каждой страны направлялась, главным образом, на обработку сырых материалов, производимых ее собственной почвой. Так, Англия обрабатывала шерсть, Германия — лен, Франция — шелк и лен, Восточная Индия и Левант — хлопок и т. д. Благодаря применению машин и пара, разделение труда приняло такие размеры, что крупная промышленность, оторванная от национальной почвы, зависит уже единственно от мирового рынка, от международного обмена и международного разделения труда. Наконец, машина имеет такое влияние на разделение труда, что, как только в производстве какого-нибудь предмета является возможность частичного применения механически действующих орудий, фабрикация тотчас же разделяется на две независимые одна от другой отрасли.

Маркс, Нищета философии, Гиз, 1928, 133.

Ряд экономических эволюций вечного разума начинается с разделения труда. Для Прудона разделение труда вещь совершенно простая. Но кастовый строй разве не был так же определенным разделением

труда? Разве цеховый строй не был другим разделением труда? А разделение труда мануфактурного строя, который начинается в Англии в середине XVII века и заканчивается в конце XVIII в., разве не отличается самым решительным образом от разделения труда в современной крупной промышленности?

Прудон столь мало понимает сущность дела, что упрекает даже то, что делают обыкновенно экономисты. А в XIV и XV вв., когда еще не было колоний, когда Америка для Европы еще не существовала, а Азия существовала лишь через посредство Константинополя, разве тогда разделение труда не представлялось совсем иным, разве не имело совсем другого характера, чем в XVII веке, когда имелись уже вполне развитые колонии?

Но это не все. Разве вся внутренняя организация народов, все их международные отношения не есть выражение определенного разделения труда? Разве все это не должно измениться вместе с переменой в разделении труда?

Прудон так мало понял вопрос о разделении труда, что даже не упоминает о разделении между городом и деревней, которое в Германии, например, произошло, начиная с XI по XII столетие. Для Прудона это разделение есть вечный неизменный закон, потому что он не знает ни его происхождения, ни его развития. На протяжении всей своей книги он говорит в таком духе, будто бы продукт определенного способа производства будет продолжать свое существование до скончания века. Все, что Прудон говорит о разделении труда, есть лишь резюме и к тому же очень поверхностное, неполное резюме того, что до него было сказано Адамом Смитом и другими.

Маркс, Письмо к П. В. Анненкову, от 23/X 1846 г. Письма Маркса и Энгельса, «Моск. раб.», 1923, 10—11.

Общество, как целое, имеет с внутренним устройством фабрики ту общую черту, что и в нем тоже существует разделение труда. Если мы возьмем за образец разделение труда на современной фабрике, чтобы применить его затем к целому обществу, то мы найдем, что наилучшим образом организованное для производства богатств общество должно бы иметь лишь одного главного предпринимателя, распределяющего между различными членами общества их работу по заранее составленным правилам. Но в действительности мы видим не то. Тогда как внутри современной фабрики разделение труда в деталях определяется властью предпринимателя, современное общество для распределения своего труда не имеет никаких правил, никакой власти, кроме свободной конкуренции.

В патриархальный период, при существовании каст, при феодальном и корпоративном строе, разделение труда в целом обществе совершалось по определенным правилам. Были ли эти правила установлены волею законодателя? Нет. Рожденные первоначально условиями материального производства, они были возведены в законы лишь гораздо позже. Именно таким образом эти различные формы разделения труда и легли в основу различных общественных организаций. Что же касается до разделения труда внутри ма-

стерской, то его развитие, при всех упомянутых общественных формах, было очень незначительно.

Можно даже принять за общее правило, что, чем менее власть участвует в разделении труда внутри общества, тем сильнее развивается разделение труда внутри мастерской и тем сильнее подчиняется она власти одного лица. Таким образом, по отношению к разделению труда, власть в мастерской и власть в обществе обратно пропорциональны друг другу.

Посмотрим теперь, что представляет собою мастерская, в которой занятия резко разделены, где задача каждого рабочего сводится к очень простой операции и где власть, т. е. капитал, группирует и направляет работы. Как произошла эта мастерская-фабрика? Чтобы ответить на поставленный вопрос, нам следовало бы рассмотреть, как развивалась собственно мануфактурная промышленность. Я говорю о той промышленности, которая не превратилась еще в современную промышленность, с ее машинами, но не представляет уже ни средневекового ремесла, ни домашней промышленности. Мы не будем входить в большие подробности, а наметим только несколько главнейших пунктов, из которых будет видно, что не формулами создается история.

Необходимейшим условием образования мануфактурной промышленности было накопление капиталов, облегченное открытием Америки и ввозом ее драгоценных металлов.

Достаточно доказано, что следствием увеличения средств обмена было, с одной стороны, уменьшение заработной платы и земельной ренты, а с другой — возрастание промышленной прибыли. Иными словами: насколько пали классы поземельных собственников и рабочих, феодальные сеньеры и народ, настолько поднялся класс капиталистов — буржуазия.

Были и другие обстоятельства, одновременно содействовавшие развитию мануфактурной промышленности: увеличение количества находящихся в обращении товаров, последовавшее за открытием торговых сношений с восточною Индией, морским путем, вокруг мыса Доброй Надежды; затем колониальная система и развитие морской торговли.

Другим условием, которому еще не было уделено достаточно внимания в истории мануфактурной промышленности, — было распущение многочисленной свиты феодальных сеньеров, второстепенные члены которой превратились в бродяг, прежде чем поступить в мастерские. Созданию мануфактурной мастерской предшествует в пятнадцатом и шестнадцатом столетиях почти всеобщее бродяжничество. Мануфактурная мастерская нашла, кроме того, могущественную поддержку в большом числе крестьян, которые в продолжение целых столетий приливали в города, так как превращения полей в луга и успехи земледелия, уменьшившие количество необходимых для обработки земли рук, постоянно гнали их из деревень.

Расширение рынка, накопление капиталов, перемены в социальном положении классов, целая масса людей, лишенных своих прежних источников дохода,— вот исторические условия образования мануфактуры. Не полюбов-

ные сделки между равными, как думает г. Прудон, собрали людей в мастерские. Мануфактура зародилась даже не в недрах старых корпораций. Во главе новой мастерской стал купец, а не старый цеховой мастер. Почти всюду между мануфактурой и ремеслом велась ожесточенная борьба.

Накопление и концентрация орудий производства и рабочих предшествовали развитию разделения труда внутри мастерской. Отличительным свойством мануфактуры было скорее соединение многих рабочих в одном месте, в одном здании, под командой одного капитала, чем разложение труда на его составные части и приспособление отдельных рабочих к очень простым специальностям.

Полезность мастерской заключалась не столько в разделении труда, в собственном смысле слова, сколько в том обстоятельстве, что производство велось здесь в больших размерах, сберегалось много лишних расходов и пр. В конце XVI и в начале XVII вв. голландская мануфактура была еще едва знакома с разделением труда.

Развитие разделения труда предполагает предварительное соединение рабочих в одной мастерской. Ни в XVI, ни в XVII столетиях мы не встречаем ни одного примера такого значительного разделения различных отраслей одного и того же ремесла, при котором достаточно было бы соединить их в одном месте, чтобы получилась законченная мануфактурная мастерская. Но раз люди и орудия производства соединялись в одном месте, разделение труда в том виде, в каком оно существовало в цеховых корпорациях, непременно отражалось и воспроизводилось внутри мастерской.

Для г. Прудона, который если и видит вещи, то видит их навыворот, разделение труда, в смысле Адама Смита, является на свет раньше мастерской, между тем как ею-то и обусловливается его существование.

Машины, в собственном смысле слова, появляются лишь в конце XVIII столетия. Нет ничего нелепее, как видеть в них антитезу разделения труда, синтез, восстанавливающий единство раздробленного труда.

Машина есть соединение орудий труда, а вовсе не комбинация работ для самого рабочего. «Когда каждая отдельная операция приведена разделением труда к употреблению одного простого инструмента, тогда соединение этих инструментов, приводимых в действие одним двигателем, образует машину...» Простые орудия; собрания простых орудий; сложные орудия; приведение в действие сложного орудия одним двигателем — руками человека; приведение этих инструментов в действие силами природы; машина; система машин, имеющая автоматический двигатель, — вот ход развития машин.

Концентрация орудий производства и разделение труда так же неотделимы одно от другого, как в области политики неразлучны концентрация государственной власти и разделение частных интересов. Англия, при своей концентрации земель, этих орудий земледельческого труда, имеет также разделение земледельческого труда и применяет машины к обработке земли. Франция же, где орудие земледельческого труда, земля, раздроблена на мел-

кие участки, не имеет, говоря вообще, ни разделения земледельческого труда, ни приложения машин к земледелию.

По мнению г. Прудона, концентрация орудий труда есть отрицание разделения труда. В действительности мы опять-таки видим противное. По мере концентрации орудий развивается также разделение труда... Вот почему за каждым крупным механическим изобретением следует усиление разделения труда, а также усиление этого разделения ведет, в свою очередь, к новым изобретениям в механике...

Когда у г. Прудона является желание быть экономистом и покинуть на минуту «развитие серии идей в разуме», он черпает свою эрудицию у А. Смита, писавшего в то время, когда автоматическая мастерская только зарождалась. Разница между разделением труда, существовавшим во время А. Смита, и тем, какое мы видим в современной фабрике, действительно громадна. Для полного ее понимания достаточно будет процитировать некоторые места из «Philosophie des manufactures» доктора Юра.

«Когда А. Смит писал свое бессмертное творение об основах политической экономии, система машинной промышленности едва была известна. Разделение труда справедливо казалось ему великим принципом совершенствования мануфактуры. На примере производства булавок он показал, что рабочий, совершенствуясь от упражнения в одной и той же частности, производит и быстрее и дешевле. Он видел, что, сообразно этому принципу, в каждой отрасли мануфактуры выполнение некоторых операций, — вроде разрезывания медной проволоки на равные части, — значительно облегчается; другие же операции, как, например, обделывание и прикрепление булавочных головок,— остаются сравнительно трудными; из этого он заключил, что будет совершенно естественно приспособить к каждой из этих операций рабочего, плата которого будет соответствовать его искусству. Это п р и с п о с о б л е н и е и составляет сущность разделения труда. Но то, что могло служить хорошим примером во времена доктора Смита, в настоящее время может лишь ввести публику в заблуждение относительно истинного принципа фабричной промышленности. В самом деле, распределение или, вернее, приспособление работ к различным индивидуальным способностям вовсе не входит в план действий автоматической фабрики; напротив, в каждом процессе, требующем большой ловкости и точности, рука искусного, но часто склонного к разным неправильностям рабочего заменяется особым механизмом, автоматическая работа которого так правильна, что даже ребенок может надзирать за нею.

«Принцип автоматической системы заключается, следовательно, в вытеснении ручного труда машинным и в замене разделения труда между ремесленниками разложением процесса на его составные части. При системе ручного труда заработная плата составляла обыкновенно наиболее дорогой элемент каждого продукта, но при автоматической системе труд искусных ремесленников постепенно вытесняется простым трудом надзора за машинами.

«Такова уже слабость человеческой природы, что чем искуснее рабочий, тем он своевольнее и несговорчивее и тем менее он пригоден поэтому для механической системы, общий ход которой может значительно пострадать от его капризных выходок. Главная задача современного мануфактуриста заключается следовательно в том, чтобы, сочетая свои капиталы с наукой, свести всю задачу рабочих к употреблению в дело одного лишь проворства и бдительности,—качеств, которые быстро совершенствуются в молодости, *если бывают направлены на один и тот же предмет*.

При старой системе градаций труда требуется многолетнее обучение, прежде чем глаза и руки рабочего достигнут искусства, необходимого для выполнения некоторых особенно трудных механических операций; но при системе, разлагающей производство на его составные части, которые исполняются автоматической машиной, эти части можно поручить рабочему, одаренному самыми посредственными способностями, подвергнувши его лишь небольшому испытанию; в крайних случаях можно даже переводить его от одной машины к другой по воле директора заведения. Такие перемещения находятся в явном противоречии со старой рутиной, которая, разделяя труд, одному рабочему предоставляла выделывать головки булавок, другому оттачивать концы,—скучные занятия, однообразие которых отупляло рабочих... Но по принципу *уравнения*, т. е. при автоматической системе, способности рабочего подвергаются лишь приятному упражнению и проч... Так как его занятие ограничивается надзором за правильно действующим механизмом, то он может изучить его в очень короткое время; когда же он переносит свои услуги от одной машины к другой, — в его работу вносится разнообразие, которое расширяет его кругозор размышлением об общих комбинациях, вытекающих из его труда и труда его товарищей. Поэтому, при обыкновенных обстоятельствах, система *равного распределения работ* не может вести к тому подавлению способностей, сужению кругозора и остановке в телесном развитии рабочего, которые, и не без причины, приписывались разделению труда.

«В действительности постоянной целью и стремлением каждого механического усовершенствования является полное устранение нужды в человеческом труде или понижение его цены, путем замены мужского труда женским и детским, труда искусных ремесленников — трудом простых поденщиков... Это стремление вместо опытных рабочих употреблять только детей с ясными глазами и гибкими пальцами, доказывает, что схоластический догмат разделения труда по различным степеням искусства отброшен, наконец, нашими просвещенными промышленниками»...

Разделение труда внутри современного общества характеризуется тем, что оно порождает специальности, специалистов, а с тем вместе и свойственный им профессиональный идиотизм.

«Мы приходим в величайшее удивление,—говорит Лемонэй, — видя, что у древних одно и то же лицо являлось часто одновременно замечательным философом, поэтом, оратором священником, администратором и полководцем.

Нас ужасает такое обширное поприще. Каждый отгораживает себе известное пространство и запирается в нем. Я не знаю, увеличивается ли через это раздробление общее поле деятельности, но человек несомненно мельчает».

Разделение труда на автоматической фабрике характеризуется тем, что труд совершенно теряет здесь характер специальности. Но как только прекращается всякое специальное развитие, является потребность в универсальности, чувствуется стремление индивидуума ко всестороннему развитию. Автоматическая фабрика стирает все специальности и свойственный им профессиональный идиотизм.

Маркс, Нищета философии, Гиз, 1928, 129—137.

Теперь мы должны провести различие между двоякого рода вещами: кооперацией многих однородных машин и системой машин.

В одном случае весь продукт производится одной и той же рабочей машиной. Она выполняет все те различные операции, которые ремесленник исполнял своим орудием, например, ткач за своим ткацким станком, или которые ремесленники последовательно исполняли при помощи различных орудий, причем безразлично, были ли они самостоятельными ремесленниками или членами одной и той же мануфактуры. Например, в новейшей мануфактуре почтовых конвертов один рабочий фальцовкой фальцовал бумагу, другой смазывал клеем, третий отгибал клапан, на котором отпечатывается монограмма, четвертый наклеивал ее и т. д., и при каждой из этих частичных операций каждый отдельный конверт должен был переходить из рук в руки. Одна единственная машина для изготовления конвертов разом выполняет все эти операции и приготовляет 3 000 и более конвертов в час. Одна американская машина для изготовления бумажных картузов, выставленная на лондонской промышленной выставке 1862 г., режет бумагу, смазывает клеем, фальцует и производит 300 штук в минуту. Весь процесс, разделенный в мануфактуре и выполняемый в известной последовательности, здесь выполняется одной рабочей машиной, которая действует посредством комбинаций различных орудий.

На фабрике, т. е. в мастерской, построенной на машинном производстве, неизменно каждый раз вновь появляется простая кооперация, и притом прежде всего, если рабочего мы оставим здесь в стороне, — как пространственное скопление однородных и одновременно совместно действующих рабочих машин. Это исключительная форма кооперации в тех случаях, когда продукт выходит готовым из каждой рабочей машины, причем безразлично, представляет ли последняя лишь механическое воспроизведение сложного ремесленного орудия или же комбинацию разнородных простых инструментов, из которых каждый выполняет свою особую функцию. Так, например, ткацкая фабрика образуется сосуществованием многих механических ткацких станков, а швейная фабрика — сосуществованием многих швейных машин в одной и той же мастерской. Но здесь существует техническое единство, поскольку эти мно-

гие однородные рабочие машины одновременно и равномерно получают свое движение от движений общего центрального первоначального мотора, причем движение это переносится на них посредством передаточного механизма, отчасти тоже общего всем им, так как от него ответвляются лишь особые отводы для каждой отдельной рабочей машины. Подобно тому, как многочисленные орудия составляют лишь органы одной рабочей машины, точно так же многие рабочие машины образуют теперь лишь однородные органы одного и того же двигательного механизма.

Но система машин, в собственном смысле этого слова, заступает место отдельной самостоятельной машины только в том случае, когда предмет труда проходит последовательный ряд взаимно связанных частичных процессов, которые выполняются цепью разнородных, но взаимно дополняющих друг друга рабочих машин. Здесь перед нами вновь выступает характерная для мануфактуры кооперация, основанная на разделении труда, но теперь она представляет уже сочетание частичных рабочих машин. Специфические орудия различных частичных рабочих — например, для шерстяной мануфактуры орудия шерстобитов, шерсточесов, ворсильщиков, шерстопрядильщиков и т. д., — теперь превращаются в орудия различных рабочих машин, из которых каждая составляет особый орган, выполняющий особую функцию, в системе комбинированного исполнительного механизма. В тех отраслях, где система машин вводится впервые, сама мануфактура в общем и целом доставляет для нее естественную основу разделения, а следовательно, и организации процесса производства. Однако, с самого начала выступает и одно существенное различие между мануфактурным и машинным производством. В мануфактуре рабочие, отдельные или соединенные в группы, должны выполнять каждый отдельный частичный процесс при помощи своих ручных орудий. Если рабочий и приурочивается здесь к процессу, то и процесс в свою очередь уже раньше приспособлен к рабочему. При машинном производстве этот субъективный принцип разделения труда отпадает. Весь процесс разлагается здесь объективно, в зависимости от его собственного характера, на свои составные фазы, и проблема выполнения каждого частичного процесса и соединения различных частичных процессов разрешается посредством технического приложения механики, химии и т. д., причем, разумеется, теоретическое решение должно быть усовершенствовано, как и раньше, накоплением обширного практического опыта. Каждая частичная машина доставляет для непосредственно следующей за нею сырой материал, и так как все они действуют одновременно, то продукт непрерывно находится на различных ступенях процесса своего образования, постоянно переходит из одной фазы производства в другую. Как в мануфактуре непосредственная кооперация частичных рабочих создает определенные количественные отношения между отдельными группами рабочих, так и в расчлененной системе машин для того, чтобы одни частичные машины непрерывно давали работу другим частичным машинам, необходимо определенное отношение между их количеством, размерами и быстротой. Комби-

нированная рабочая машина, представляющая теперь расчлененную систему разнородных отдельных рабочих машин и групп последних, тем совершеннее, чем непрерывнее весь выполняемый ею процесс, т. е. чем с меньшими перерывами сырой материал переходит от первой до последней фазы процесса, следовательно, чем в большей мере передвигается он от одной фазы производства к другой не рукою человека, а самим механизмом. Поэтому, если в мануфактуре изолирование отдельных процессов является принципом, вытекающим из самого разделения труда, то, напротив, в развитой фабрике господствует иной принцип: непрерывная связь отдельных процессов.

Система машин, покоится ли она на простой кооперации однородных рабочих машин, как в ткачестве, или на сочетании разнородных машин, как в прядении, сама по себе составляет большой автомат, раз ее приводит в движение один первый мотор, сам порождающий собственное движение. Однако, система в целом может приводиться в движение, например, паровой машиной, между тем как отдельные рабочие машины для известных движений все еще нуждаются в содействии рабочих, как, например, до введения самодействующих мюлей (selfacting mule) оно требовалось при работе на мюлях, а при тонкопрядении требуется еще до настоящего времени; или же определенные части машины для выполнения своих операций должны, подобно орудию, направляться рабочим, как было в машиностроении до превращения slide rest (токарного аппарата) в самодействующий механизм (selfactor). Когда рабочая машина без содействия человека выполняет все движения, необходимые для обработки сырого материала, и нуждается лишь в контроле со стороны рабочего, мы имеем перед собой автоматическую систему машин, которая однако сохраняет способность к постоянной повышающейся выработанности в частностях. Так, например, аппарат, автоматически останавливающий прядильную машину, как только оборвется хотя бы одна нитка, и selfacting stop, останавливающий усовершенствованный паровой ткацкий станок, как только в ткацком челноке окончится вся уточная нить, являются совсем современными изобретениями. Примером как непрерывности производства, так и проведения автоматического принципа может служить современная писчебумажная фабрика. На писчебумажном производстве можно было бы вообще изучить до деталей как различие между различными способами производства, построенными на базисе различных средств производства, так и связь общественно-производственных отношений с различными способами производства: старинное германское писчебумажное дело дает образец ремесленного производства, Голландия XVII и Франция XVIII в. — образец мануфактуры в собственном смысле слова, а современная Англия — образец автоматической фабрикации в этой отрасли производства, между тем как в Китае и Индии до сих пор существуют две различных древне-азиатских формы этой же промышленности.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 355—359.

... Крупная промышленность технически уничтожает мануфактурное разделение труда, пожизненно прикрепляющее к известной частичной операции всего человека; напротив, капиталистическая форма крупной промышленности воспроизводит это разделение труда в еще более уродливом виде: на собственно фабрике посредством превращения рабочего в одаренный сознанием придаток частичной машины, повсюду — отчасти посредством спорадического применения машин и машинного труда, отчасти посредством введения женского, детского и неквалифицированного труда, как новой основы разделения труда. Противоречие между мануфактурным разделением труда и существом крупной промышленности насильственно прокладывает дорогу своему проявлению. Оно выражается между прочим в том ужасном факте, что огромная часть детей, занятых на современных фабриках и мануфактурах и с самого нежного возраста прикованных к элементарнейшим манипуляциям, целые годы подвергаются эксплоатации, не имея возможности научиться какой-либо работе, которая сделала бы их впоследствии пригодными хотя бы на этой же самой мануфактуре или фабрике.

Например, в английских типографиях раньше был в обычае соответствующий системе старой мануфактуры и ремесла переход учеников от сравнительно легких к более содержательным работам. Ученики проходили курс учения, пока они не делались обученными типографщиками. Умение читать и писать было для всех необходимым условием для вступления в ремесло. Все это изменилось с появлением печатной машины. Она требует двоякого рода рабочих: взрослого рабочего, надсмотрщика за машиной и малолетних, обыкновенно 11—17-летних мальчиков, работа которых состоит исключительно в том, чтобы вкладывать в машину лист бумаги или принимать от нее отпечатанный лист.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 465—466.

Разделение труда в обществе и соответственное ограничение индивидуума сферой определенной профессии имеет, как и разделение труда внутри мануфактуры, две противоположные исходные точки развития. В пределах семьи — а с дальнейшим развитием в пределах рода — естественное разделение труда возникает вследствие половых и возрастных различий, т. е. на чисто физиологической почве, и оно расширяет свой материал с расширением общественной жизни, с ростом населения, особенно же с появлением конфликтов между различными родами и подчинением одного рода другими. С другой стороны, как я уже отметил раньше, обмен продуктами возникает в тех пунктах, где приходят в соприкосновение различные семьи, роды, общины, потому что в начале человеческой культуры не отдельные индивидуумы, а семьи, роды и т. д. вступают между собой в сношения, как самостоятельные единицы. Различные общины находят различные средства производства и различные средства существования среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам. Это — те естественно выросшие

различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами, а следовательно, постепенное превращение этих продуктов в товары. Обмен не создает различия между сферами производства, но устанавливает связь между сферами, уже различными, и превращает их в более или менее зависимые друг от друга отрасли совокупного общественного производства. Здесь общественное разделение труда возникает путем обмена между первоначально различными, но независимыми друг от друга сферами производства. Там, где исходный пункт образует физиологическое разделение труда, особые органы непосредственно связного целого разъединяются, разлагаются,—причем главный толчок этому разложению дает обмен товарами с чужими общинами,—и становятся самостоятельными, сохраняя между собой лишь ту связь, которая устанавливается между отдельными работами путем обмена их продуктов в качестве товаров. В одном случае утрачивает самостоятельность то, что раньше было самостоятельным, в другом случае приобретает самостоятельность раньше несамостоятельное.

Основой всякого развитого разделения труда, осуществляющегося путем товарного обмена, является отделение города от деревни. Можно сказать, что вся экономическая история общества резюмируется в движении этой противоположности, на которой не будем однако здесь долее останавливаться.

Материальной предпосылкой разделения труда внутри мануфактуры является, как мы видели, определенная численность одновременно занятых рабочих; при разделении труда внутри общества такую же роль играет величина населения и его плотность, которая здесь заступает место скопления людей в одной и той же мастерской. Но эта плотность населения есть нечто относительное. Страна, сравнительно слабо населенная, но с развитыми средствами сообщения обладает более плотным населением, чем более населенная страна с неразвитыми средствами сообщения; в этом смысле северные штаты американского союза населены плотнее, чем напр. Индия.

Так как производство и обращение товаров являются общей предпосылкой капиталистического способа производства, то мануфактурное разделение труда требует уже достигшего известной степени зрелости разделения труда внутри общества. Наоборот, мануфактурное разделение труда в свою очередь оказывает влияние на общественное разделение труда, развивая и расчленяя его дальше. По мере диференцирования инструментов труда все более и более диференцируются и те отрасли производства, в которых эти инструменты изготовляются. Когда производство, построенное по мануфактурному типу, распространяется на какую-либо отрасль промышленности, которая до сих пор была связана с другими, как главная или побочная, и выполнялась теми же самыми производителями, то немедленно происходит разделение и взаимное обособление. Если мануфактура овладевает отдельной ступенью производства данного товара, то различные ступени его производства становятся самостоятельными промыслами. Выше уже было указано, что там, где готовый продукт представляет чисто механическое соединение частичных продуктов, частичные работы могут в свою очередь

приобрести самостоятельность в виде отдельных ремесл. Для того, чтобы полнее провести разделение труда внутри мануфактуры, данная отрасль производства должна быть раздроблена — в зависимости от различия ее сырых материалов и различных форм, которые может принимать один и тот же сырой материал,—на различные и притом иногда совершенно новые мануфактуры. Так, например, в одной Франции уже в первой половине XVIII столетия ткалось более 100 разнородных шелковых материй, и в Авиньоне существовал закон, согласно которому «каждый ученик должен всецело посвящать себя изучению одного вида фабрикации и не изучать одновременно способов изготовления нескольких продуктов». Территориальное разделение труда, прикрепляющее определенные отрасли производства к определенным областям страны, получает новый толчок благодаря мануфактурному производству, эксплоатирующему всякого рода особенности. В мануфактурный период богатый материал разделению труда внутри общества доставляется расширением мирового рынка и колониальной системой, — причем и то и другое входит в круг общих предпосылок общественного разделения труда. Здесь не место исследовать, каким образом разделение труда наряду с экономической областью охватывает все другие сферы общества и везде закладывает основу того узкого профессионализма и специализации, того раздробления человека, по поводу которого уже А. Фергюсон, учитель А. Смита, воскликнул: «Мы — нация илотов, и между нами нет свободных людей!».

Однако, несмотря на многочисленные аналогии и связующие звенья между разделением труда внутри общества и разделением труда внутри мастерской, оба эти типа различны между собой не только по степени, но и по существу. Всего ярче эта аналогия выступает, без сомнения, там, где внутренняя связь охватывает собою различные отрасли производства. Так, например, скотовод производит шкуры, кожевник превращает их в кожи, сапожник превращает кожу в сапоги. Каждый производит здесь лишь полуфабрикат, а окончательная, готовая форма последнего есть комбинированный результат этих отдельных работ. Сюда присоединяются еще различные отрасли труда, доставляющие скотоводу, кожевнику и сапожнику их средства производства. Между тем А. Смит хочет уверить нас, что такое общественное разделение труда отличается от мануфактурного лишь субъективно, лишь для наблюдателя, который в мануфактуре одним взглядом охватывает различные частичные работы, объединенные пространственно, тогда как в общественном производстве связь эта затемняется благодаря разбросанности его отдельных отраслей на значительном пространстве и благодаря большому числу рабочих, занятых в каждой отрасли. Но что устанавливает связь между независимыми работами скотовода, кожевника и сапожника? То обстоятельство, что их продукты существуют как товары. Напротив, что характеризует разделение труда в мануфактуре? Тот факт, что здесь частичный рабочий не производит вообще самостоятельного товара. Лишь совокупный продукт многих частичных рабочих превращается в товар. Раз-

деление труда внутри общества обслуживается куплей и продажей продуктов различных отраслей труда; связь между частичными рабочими мануфактуры устанавливается при помощи продажи различных рабочих сил одному и тому же капиталисту, который употребляет их как комбинированную рабочую силу. Мануфактурное разделение труда предполагает концентрацию (сосредоточение) средств производства в руках одного капиталиста, общественное разделение труда — раздробление средств производства между многими независимыми друг от друга товаропроизводителями. В мануфактуре железный закон строго определенных пропорций и отношений распределяет рабочие массы между различными функциями; наоборот, прихотливая игра случая и произвола определяет собою распределение товаропроизводителей и средств их производства между различными отраслями общественного труда. Правда, различные сферы производства постоянно стремятся к равновесию, потому что, с одной стороны, каждый товаропроизводитель должен производить потребительную стоимость, т. е. удовлетворять определенной общественной потребности, — причем размеры этих потребностей количественно различны и различные потребности внутренно связаны между собой в одну естественную систему, — с другой стороны, закон стоимости товаров определяет, какую часть находящегося в распоряжении общества рабочего времени оно в состоянии затратить на производство каждого данного товарного вида. Однако эта постоянная тенденция различных сфер производства к равновесию обнаруживается лишь как реакция против постоянного нарушения этого равновесия. Норма, применяемая при разделении труда внутри мастерской с самого начала и планомерно, при разделении труда внутри общества действуют лишь впоследствии, как внутренняя слепая сила природы, которая подчиняет себе беспорядочный произвол товаропроизводителей и воспринимается только в виде барометрических колебаний рыночных цен. Мануфактурное разделение труда предполагает безусловный авторитет капиталиста по отношению к рабочим, которые образуют простые члены принадлежащего ему совокупного механизма; общественное разделение труда противопоставляет друг другу независимых товаропроизводителей, не признающих никакого иного авторитета, кроме конкуренции, кроме того принуждения, которое является результатом борьбы их взаимных интересов, — подобно тому, как в мире животных bellum omnia contra omnes (борьба всех против всех) есть в большей или меньшей степени условие существования всех видов. Поэтому то же самое буржуазное сознание, которое прославляет, как организацию труда, повышающую его производительные силы, мануфактурное разделение труда, пожизненное прикрепление работника к какой-нибудь одной операции и безусловное подчинение частичного рабочего власти капитала, — это же самое буржуазное сознание с одинаковой горячностью поносит всякий сознательный общественный контроль и регулирование общественного процесса производства как покушение на неприкосновенные права собственности, свободы и самоопределяющегося «гения» индивидуального капиталиста. Весьма характерно, что вдохновенные аполо-

геты фабричной системы не находят против всеобщей организации общественного труда возражения более сильного, чем указание, что такая организация превратила бы все общество в фабрику.

Если анархия общественного и деспотия мануфактурного разделения труда взаимно обусловливают друг друга в обществе с капиталистическим способом производства, то более ранние формы общества, в которых разделение промышленных отраслей развивается естественно, затем кристаллизуется и, наконец, закрепляется законом, представляют с одной стороны картину планомерной и авторитарной организации общественного труда, с другой стороны, совсем исключают разделение труда внутри мастерской или развивают его в карликовом масштабе, или же лишь спорадически и случайно.

Так, например, первобытные мелкие индийские общины, сохраняющиеся частью и до сих пор, покоятся на общинном владении землей, на непосредственном соединении земледелия с ремеслом и на упрочившихся нормах разделения труда, которые при основании каждой новой общины дают готовый план и схему производства. Каждая такая община образует самодовлеющее производственное целое, область производства которого охватывает от 100 до нескольких тысяч акров. Главная масса продуктов производится для непосредственного потребления самой общины, а не в качестве товара, и потому самое производство не зависит от того разделения труда во всем индийском обществе, которое осуществляется при посредстве обмена товаров. Только избыток продуктов превращается в товар, и притом в значительной своей части лишь в руках государства, к которому с незапамятных времен притекает определенное количество продукта в виде натуральной ренты. В различных частях Индии встречаются различные формы общин. В общинах наиболее простого типа обработка земли производится совместно, причем продукт разделяется между отдельными членами, тогда как пряденьем, ткачеством и т. д. занимается каждая семья самостоятельно, как домашним побочным промыслом. Наряду с этой массой, занятой однородным трудом, мы находим: «главу» общины, соединяющего в одном лице судью, полицейского начальника и сборщика податей; бухгалтера, ведущего счет земледельческим операциям, кадастрирующего и регистрирующего все сюда относящееся; третьего чиновника, преследующего преступников и сопровождающего иностранных путешественников от деревни до деревни; пограничника, охраняющего границы общины от посягательств соседних общин; надзирателя за водоемами, который распределяет из общественных водоемов воду, необходимую для орошения полей; брамина, выполняющего функции религиозного культа; школьного учителя, обучающего детей общины читать и писать на песке; календарного брамина, который в качестве астролога указывает время посева, жатвы и вообще благоприятное и неблагоприятное время для различных земледельческих работ; кузнеца и плотника, которые изготовляют и чинят все земледельческие орудия; горшечника, изготовляющего посуду для всей деревни; цырульника;

прачечника, моющего одежду; серебряных дел мастера и, в отдельных случаях, поэта, который в одних общинах замещает собою серебряных дел мастера, в других — школьного учителя. Эта дюжина лиц содержится за счет всей общины. По мере роста населения новоселы основывают на невозделанной земле новые общины по образцу старых. Механизм общины обнаруживает планомерное разделение труда, но мануфактурное разделение его немыслимо, так как рынок для кузнеца, плотника и т. д. остается неизменным, и в лучшем случае, в зависимости от величины деревень, встречаются вместо одного два-три кузнеца, горшечника и т. д. Закон, регулирующий разделение общинного труда, действует здесь с непреложной властью закона природы: каждый отдельный ремесленник, например, кузнец и т. д., выполняет все относящиеся к его профессии операции строго установленным традиционным способом, и однако совершенно самостоятельно, не признавая над собой никакого авторитета в пределах мастерской. Простота производственного механизма этих самодовлеющих общин, которые постоянно воспроизводят себя в одной и той же форме и, будучи разрушены, возникают снова в том же самом месте, под тем же самым именем, объясняет тайну неизменности азиатских обществ, находящейся в таком резком контрасте с постоянным разрушением и новообразованием азиатских государств и быстрой сменой их династий. Структура основных экономических элементов этого общества не затрогивается бурями, происходящими в облачной сфере политики.

Как уже было упомянуто, цеховые законы, строго ограничивая число подмастерьев, которым имел право давать работу один мастер, тем самым планомерно препятствовали превращению цеховых мастеров в капиталистов. Равным образом мастер мог держать подмастерьев исключительно в том ремесле, мастером которого он сам был. Цех ревностно охранял себя от всяких посягательств со стороны купеческого капитала, — этой единственной свободной формы капитала, противостоящей цехам. Купец мог купить всякие товары, но не труд в качестве товара. Его терпели лишь в роли скупщика продуктов ремесла. Если внешние обстоятельства вызывали прогрессирующее разделение труда, то существующие цехи расщеплялись на подвиды, или же наряду с существующими основывались новые цехи, однако без объединения различных ремесел в одной и той же мастерской. Таким образом хотя обособление, изолирование и развитие отдельных отраслей цеховыми организациями послужило материальной предпосылкой мануфактурного периода, тем не менее сами цеховые организации исключали возможность мануфактурного разделения труда. В общем и целом рабочий срастался со своими средствами производства настолько же тесно, как улитка с раковиной, и, следовательно, недоставало первой предпосылки мануфактуры: обособления средств производства, противостоящих рабочему в качестве капитала.

В то время как разделение труда в целом обществе — совершается ли оно при посредстве товарного обмена, или независимо от него — принадле-

жит самым различным социально-экономическим формациям, мануфактурное разделение труда есть совершенно специфическое создание капиталистического способа производства.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 329—338.

Основой товарного хозяйства является общественное разделение труда. Промышленность обрабатывающая отделяется от добывающей, и каждая из них подразделяется на мелкие виды и подвиды, производящие в форме товара особые продукты и обменивающие их со всеми другими производствами. Развитие товарного хозяйства ведет таким образом к увеличению числа отдельных и самостоятельных отраслей промышленности; тенденция этого развития состоит в том, чтобы превратить в особую отрасль промышленности производство не только каждого отдельного продукта, но даже каждой отдельной части продукта;—и не только производство продукта, но даже отдельные операции по приготовлению продукта к потреблению. При натуральном хозяйстве общество состояло из массы однородных хозяйственных единиц (патриархальных семей, примитивных сельских общин, феодальных поместий), и каждая такая единица производила все виды хозяйственных работ, начиная от добывания разных видов сырья и кончая окончательной подготовкой их к потреблению. При товарном хозяйстве создаются разнородные хозяйственные единицы, увеличивается число хозяйств, производящих одну и ту же хозяйственную функцию. Этот прогрессивный рост общественного разделения труда и является основным моментом в процессе создания внутреннего рынка для капитализма. «... В товарном производстве и его абсолютной форме — капиталистическом производстве... — говорит Маркс,— продукты лишь постольку являются товарами, т. е. полезностями, имеющими меновую стоимость, подлежащую реализации—превращению в деньги, — поскольку другие товары составляют эквивалент для них, поскольку другие продукты противополагаются им, как товары и как стоимости; другими словами, постольку, поскольку эти продукты производятся не как непосредственные средства существования для тех, кто произвел их, а как товары, как продукты, превращающиеся в потребительные стоимости лишь посредством превращения в меновую стоимость (деньги), посредством отчуждения. Рынок для этих товаров развивается вследствие общественного разделения труда; разделение производительных работ превращает их продукты взаимно в товары, в эквиваленты друг для друга, заставляя их служить один для другого рынком» («Das Kapital», III, 2, 187—168. Рус. пер. 526. Курсив мой).

Само собой разумеется, что указанное отделение промышленности обрабатывающей от добывающей, мануфактуры от земледелия превращает и само земледелие в промышленность, т. е. в отрасль хозяйства, производящую товары. Тот процесс специализации, который отделяет один от другого различные виды обработки продуктов, создавая все большее и боль-

шее число отраслей промышленности, — проявляется и в земледелии, создавая специализирующиеся районы земледелия (и системы земледельческого хозяйства), вызывая обмен не только между продуктами земледелия и промышленности, но и между различными продуктами сельского хозяйства. Эта специализация торгового (и капиталистического) земледелия проявляется во всех капиталистических странах, проявляется в международном разделении труда, проявляется и в пореформенной России...

Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., III, 2 изд., 15—16.

Общество, становясь господином всех средств производства с целью их общественно-планомерного использования, уничтожит существующее до сих пор порабощение человека его собственными орудиями производства. Само собою разумеется, что общество не может освободиться, пока не будет освобожден каждый отдельный его член. Поэтому, должно коренным образом преобразовать старый способ производства, в частности должно исчезнут старое разделение труда. Оно должно быть заменено такой организацией производства, при которой ни один член общества не сможет свалить своей доли участия в продуктивном труде — этого естественного условия человеческого существования — на других; при которой, с другой стороны, производительный труд из средства порабощения превратится в средство освобождения человека, давая каждому отдельному человеку полную возможность всесторонне развивать все свои физические и духовные способности, так что труд из бремени превратится в наслаждение.

В настоящее время это уже не фантазия, не благочестивое пожелание. При нынешнем развитии производительных сил уже достаточно того увеличения производства, которое дано самим фактом обобществления производительных сил, достаточно устранения вытекающих из капиталистического способа производства препятствий и тормозов и расточительной траты продуктов и средств производства, чтобы при всеобщем участии в труде сократить рабочее время и свести его к ничтожной, по нынешним представлениям, продолжительности рабочего дня.

Упразднение старого разделения труда не является также и таким требованием, которое может быть осуществлено лишь в ущерб продуктивности труда. Напротив того, благодаря крупной индустрии, оно стало одним из условий самого производства. «Машинное производство устраняет необходимость укрепить фабричным образом, путем постоянного усвоения одних и тех же функций одними и теми же рабочими, распределение рабочих групп по различным машинам. Так как все движение фабрики исходит не от рабочего, а от машины, то возможна постоянная смена лиц без перерыва в процессе труда... Наконец, быстрота, с которой в юном возрасте научаются работать при машине, устраняет также необходимость подготовлять особый класс исключительно машинных рабочих». Но в то время, как капиталистический способ применения машин должен продолжать старое разделение труда с его закоснелыми детализациями, хотя оно стало технически лишним, сама

машинная система восстает против этого анахронизма. Техническая основа крупной индустрии революционна. «Посредством машин, химических продуктов и других методов она постоянно производит перевороты в технических основах производства и, вместе с тем, в функциях рабочих и в общественных комбинациях процессов труда. Этим она также постоянно революционизирует разделение труда внутри общества и беспрерывно перебрасывает массы капиталов и рабочих из одной отрасли производства в другую. Природа крупной промышленности обусловливает поэтому перемену труда, постоянную смену функций и всестороннюю подвижность рабочего... Мы видели, как это абсолютное противоречие... разыгрывается в беспрерывном заклании рабочего класса на алтаре капитализма, в безграничном расточении рабочих и еще в тех опустошениях, которые несет с собой анархия общественного производства. Это отрицательная сторона процесса. Но если тут постоянные перемены в сфере труда дают знать о себе лишь как всемогущий закон природы, который действует с слепо разрушающей силой такого закона, наталкивающегося везде на препятствия, то сама крупная промышленность своими катастрофами делает для себя вопросом жизни и смерти — признать постоянные перемены в сфере труда и потому возможно большую разносторонность рабочих всеобщим законом общественного производства и приспособить общественные условия к нормальному осуществлению этого закона. Она делает вопросом жизни и смерти замену чудовищного порядка, при котором жалкое резервное рабочее население держится в запасе для меняющейся потребности капитала в эксплоатации, таким строем, при котором каждый человек становится безусловно пригодным для разных меняющихся потребностей общества в труде; при котором частичный индивидуум, простой носитель детальной общественной функции, заменяется всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции являются сменяющими друг друга видами деятельности» (Маркс, Капитал, I, пер. Струве, 343).

Крупная индустрия, научив нас превращать почти везде легко вызываемое молекулярное движение в движение масс для технических целей, тем самым в значительной степени освободила промышленное производство от местных перегородок. Водяная сила локально ограничена, но паровая сила свободна. Первая необходимо связана с деревней, но паровая сила ничуть не обязательно связана с городом. Это только ее капиталистическое применение концентрирует ее преимущественно в городах и превращает фабричные деревни в фабричные города. Но вместе с тем она подрывает условия своего собственного производства. Первое требование паровой машины и главное требование почти всех отраслей производства крупной промышленности, это — наличие сравнительно чистой воды. Между тем фабричный город превращает всю воду в вонючее болото. Насколько концентрация в городах является основным условием капиталистического производства, настолько же каждый отдельный индустриальный капиталист стремится из по необходимости созданных крупных городов к деревенской фабрике. Процесс этот можно

подробно изучить в текстильных округах Ланкашира и Иоркшира; капиталистическая крупная индустрия создает там постоянно новые большие города в силу того, что она постоянно устремляется из города в деревню. То же мы наблюдаем в округах металлургической индустрии, где отчасти другие причины вызывают те же следствия.

Устранить этот новый неправильный круг, это постоянно вновь возникающее противоречие крупной индустрии, можно опять-таки путем уничтожения ее капиталистического характера. Только общество, предоставляющее своим производительным силам действовать гармонически по одному общему и большому плану, может допустить, чтобы промышленность так рассеялась по всей стране, как это наиболее соответствует ее собственному развитию и сохранению или, что то же—развитию остальных элементов производства.

Таким образом, устранение противоположности между городом и деревней не только возможно, но сделалось прямой необходимостью для самого промышленного производства, как равно необходимостью и для земледельческого производства, а сверх того также и для охранения общественного здоровья. Только путем слияния города с деревней можно устранить нынешнее отравление воздуха, воды и почвы; только таким путем чахнущие в городах массы будут приведены в такое состояние, что отбросы их будут служить удобрением для растений, вместо того чтобы вызывать болезни.

Капиталистическая промышленность уже сравнительно освободилась от локальных границ мест производства необходимых ей сырых материалов. Текстильная промышленность обрабатывает преимущественно привозное сырье. Испанская железная руда обрабатывается в Англии и Германии, испанская и южноамериканская медная руда обрабатывается в Англии. Каждая каменноугольная шахта снабжает горючим материлом ежедневно расширяющийся промышленный округ, расположенный далеко за ее пределами. Паровые машины на всем европейском морском побережьи приводятся в движение английским и отчасти германским и бельгийским углем. Но общество, освобожденное от преград капиталистического производства, может пойти еще гораздо дальше. Создав поколение всесторонне обученных производителей, понимающих научные основы всего промышленного производства и практически изучивших от начала до конца целый ряд отраслей производства, оно создаст новую производственную силу, которая значительно перевесит труд по перевозке получаемых из более отдаленных пунктов сырых и горючих материалов.

Следовательно, уничтожение отделения города от деревни не является утопией и в том случае, если ставит условием возможно более равномерное распределение крупной промышленности по всей стране. Конечно, цивилизация оставила нам в больших городах наследство, ликвидация которого потребует много времени и труда. Но большие города должны исчезнуть и они исчезнут, хотя бы процесс и был продолжительный. Какие бы судьбы ни ожидали Германскую империю прусской нации, Бисмарк может сойти

в могилу с гордым сознанием, что его заветное желание — исчезновение больших городов — наверно сбудется.

Энгельс, Анти-Дюринг, Гиз, 1923, 267—270.

На высшей ступени развития коммунистического общества после того, как исчезнет порабощающее подчинение человека закону разделения труда, а вместе с ним и противоположность умственного и физического труда и труд, перестав быть только средством для жизни, сам сделается первой потребностью жизни; когда вместе со всесторонним развитием индивидуумов разрастутся производительные силы и все источники общественного богатства будут литься широкой рекой — только тогда впервые раздвинется узкий горизонт буржуазного права, и общество напишет на своем знамени: «Всякий по своим способностям, всякому по его потребностям!».

Маркс, Критика Готской программы, Петр. 1919, 18.

6. РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

Менее, чем во сто лет своего господства, буржуазия создала более могущественные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествующие поколения, вместе взятые. Подчинение сил природы, машины, применение химии к земледелию и промышленности, пароходы, железные дороги, электрические телеграфы, распашка целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, как бы из земли выросшие населения... В каком из предшествующих столетий можно было предполагать, что подобные производительные силы дремлют в недрах общественного труда?

Маркс и Энгельс, Коммунистический манифест, Гиз, 68.

В 1770 году население Соединенного Королевства Великобритании достигало 15 млн., производительная же часть населения составляла 3 млн. Производительная сила технических усовершенствований соответствовала приблизительно 12 млн. рабочих; следовательно, общая сумма производительных сил равнялась 15 млн. Таким образом, производительные силы относились к населению как 1 к 1, производительность же технических усовершенствований относилась к производительности ручного труда как 4 к 1.

В 1840 г. население не превосходило 30 млн., его производительная часть равнялась 6 млн., тогда как производительность технических усовершенствований достигла 650 млн., т. е. относилась к общей сумме населения как 21 к 1, к производительности же ручного труда — как 108 к 1.

Производительность рабочего дня в английском обществе увеличилась, следовательно, в течение семидесяти лет на 2 700 процентов, т. е. в 1840 г. было произведено в двадцать семь раз больше, чем в 1770.

Маркс, Нищета философии, Гиз, 1928, 96.

Этот способ производства (речь идет о мелком производстве.—*Сост.*) предполагает раздробление земли и остальных средств производства. Он

исключает, как концентрацию этих последних, так и кооперацию, разделение труда внутри одного и того же производственного процесса, общественное господство над природой и общественное регулирование ее, свободное развитие общественных производительных сил. Он совместим лишь с узкими традиционными границами производства и общества. Стремление увековечить его равносильно, по справедливому замечанию Pequeur'a, стремлению «декретировать всеобщую посредственность». Но на известном уровне развития он сам создает материальные средства для своего уничтожения. С этого момента в недрах общества начинают шевелиться силы и страсти, которые чувствуют себя скованными этим способом производства. Последний должен быть уничтожен, и он уничтожается. Уничтожение его, превращение индивидуальных и раздробленных средств производства в общественно-концентрированные, следовательно, превращение карликовой собственности многих в гигантскую собственность немногих, экспроприация у широких народных масс земли, средств существования, орудий труда, эта ужасная и трудная экспроприация народной массы образует пролог истории капитала. Она включает в себя целый ряд насильственных методов... Экспроприация непосредственных производителей совершается с беспощадным вандализмом, ее движущими пружинами являются самые бесстыдные, грязные, отвратительные и мелочные страсти. Частная собственность, добываемая личным трудом, покоящаяся, так сказать, на естественном сращении отдельного независимого рабочего с условиями его труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплоатации чужого хотя формально и свободного труда.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 755.

Обобществление труда капиталистическим производством состоит совсем не в том, что люди работают в одном помещении (это — только частичка процесса), а в том, что концентрация капиталов сопровождается специализацией общественного труда, уменьшением числа капиталистов в каждой данной отрасли промышленности и увеличением числа особых отраслей промышленности — в том, что многие раздробленные процессы производства сливаются в один общественный процесс производства. Если, например, в эпоху кустарного ткачества мелкие производители сами пряли пряжу и выделывали из нее ткани, то мы имели немного отраслей промышленности (прядение и ткачество сливались вместе). Если же производство обобществляется капитализмом, то число особых отраслей промышленности увеличивается: отдельно производится бумагопряденье, отдельно ткачество; самое это обособление и концентрация производства вызывают новые отрасли — производство машин, добывание каменного угля и т. д. В каждой отрасли промышленности, сделавшейся теперь более специализированной, число капиталистов становится все меньше. Это значит, что общественная связь между производителями все более и более укрепляется, производители сплачиваются в одно целое. Разрозненные мелкие производители производили каждый по

несколько операций за раз и потому были сравнительно независимы от других: если, например, кустарь сам сеял лен, сам прял и ткал,—он был почти независим от других. На таком-то режиме мелких, раздробленных товаропроизводителей (и только на нем) оправдывалась поговорка: «каждый за себя, а за всех бог», т. е. анархия рыночных колебаний. Совсем иначе обстоит дело при достигнутом благодаря капитализму обобществлении труда. Фабрикант, производящий ткани, зависит от бумагопрядильного фабриканта; этот последний—от капиталиста-плантатора, посеявшего хлопок, от владельца машиностроительного завода, каменноугольной копи и т. д. и т. д. В результате получается то, что ни один капиталист не может обойтись без других. Ясное дело, что поговорка «каждый за себя», к такому режиму совсем уже не приложима: здесь уже каждый работает на всех и все на каждого (и богу не остается места — ни в качестве заоблачной фантазии, ни в качестве земного «златого тельца»). Характер режима совершенно меняется. Если во время режима существования мелких раздробленных предприятий в каком-нибудь из них останавливалась работа, — это отражалось лишь на небольшом числе членов общества, не производило общего замешательства и потому не вызывало общего внимания, не побуждало к общественному вмешательству в дело. Но если такая остановка произошла в крупном предприятии, посвященном очень уж сильно специализированной отрасли промышленности и потому работающем чуть ли не на все общество и в свою очередь зависящем от всего общества (я беру для простоты случай, когда обобществление достигло своей кульминационной точки) — тогда уже должно остановиться дело во всех остальных предприятиях общества, потому что они могут получить необходимые продукты только из этого предприятия — могут реализовать все свои товары только при наличности его товаров. Все производства сливаются таким образом в один общественный производительный процесс, а между тем каждое производство ведется отдельным капиталистом, завися от его произвола, отдавая общественные продукты в его частную собственность. Неужели же не ясно, что форма производства становится в непримиримое противоречие с формой присвоения? Неужели не очевидно, что последняя не может не приспособиться к первой, не может не сделаться тоже общественной, т. е. социалистической? А остроумный филистер из «Отечественных записок» сводит все к работе в одном помещении. Вот уж поистине попал пальцем в небо!

Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов, соч., I, 2 изд., 91 — 92.

Капиталистическое производство не может развиваться иначе, как скачками, два шага вперед и шаг (а иногда и целых два) назад. Как мы уже заметили, капиталистическое производство есть производство на продажу, производство товаров на рынок. А распоряжаются производством отдельные капиталисты, каждый поодиночке, и никто не может в точности знать, сколько именно и каких именно продуктов требуется на рынке. Производят

наугад, заботясь только о том, чтобы перегнать друг друга. Вполне естественно, что количество произведенного может не соответствовать потребности рынка. И эта возможность особенно велика, когда громадный рынок внезапно расширяется на новые, неизведанные и громадные области. Так именно обстояло дело, когда начиналось недавно пережитое нами «процветание» промышленности. Капиталисты всей Европы протянули лапы к населенной сотнями миллионов части света, к Азии, в которой до тех пор только Индия да небольшая часть окраины была связана тесно со всемирным рынком. Закаспийская дорога стала «открывать» для капитала Среднюю Азию, «Великая сибирская дорога» (великая не только по своей длине, но и по безмерному грабежу строителями казенных денег, по безмерной эксплоатации строивших ее рабочих) открывала Сибирь, Япония стала превращаться в промышленную нацию и попробовала пробить брешь в китайской стене, открывая такой лакомый кусок, который сразу ухватили зубами капиталисты Англии, Германии, Франции, России и даже Италии. Постройки гигантских железных дорог, расширение всемирного рынка и рост торговли — все это вызвало неожиданное оживление промышленности, рост новых предприятий, бешеную погоню за рынком для сбыта, погоню за прибылью, основание новых обществ, привлечение к производству массы новых капиталов, составленных отчасти и из небольших сбережений мелких капиталистов. Неудивительно, что эта бешеная всемирная погоня за новыми неизвестными рынками привела к громадному краху.

Чтобы ясно представить себе эту погоню, надо принять во внимание, какие колоссы участвовали в ней. Когда говорят: «отдельные предприятия», «одиночные капиталисты», то часто забывают, что в сущности эти выражения неточны. В сущности, отдельным и одиночным осталось только присвоение прибыли, а само производство стало общественным. Гигантские крахи только потому и стали возможны и неизбежны, что в подчинении у шайки богачей, ищущих одной наживы, оказались могучие о б щ е с т в е н н ы е производительные силы. Поясним это примером из русской промышленности. В последнее время кризис распространился и на область нефти. А в этой промышленности ворочают такие, например, предприятия, как «Товарищество нефтяного производства бр. Нобель». В 1899 году товарищество продало 163 млн. пуд. нефтяных продуктов на сумму 53½ млн. рублей, а в 1900 году уже 192 млн. пуд. на сумму 76 млн. руб. В один год увеличение производства в одном предприятии на 18½ млн. рублей! Такое «одно предприятие» держится объединенным трудом десятков и сотен тысяч рабочих, занятых добыванием нефти, переработкой ее, доставкой ее по нефтепроводам, железным дорогам, морям и рекам, занятых постройкой необходимых для этого машин, складов, материалов, барж, пароходов и пр. Все эти десятки тысяч рабочих работают на все общество, а распоряжается их трудом горсточка миллионеров, которая присваивает себе прибыль, приносимую этим организованным трудом масс. (Т-во Нобель получило чистой прибыли в 1899 г. — 4 млн. руб., а в 1900 г. — 6 млн. руб., из которых акционеры

получили по 1 300 руб. на най в 5 000 рублей, а пять членов правления получили н а г р а д ы 528 000 руб.!). Если несколько таких предприятий бросается в бешеную гонку для захвата места на неведомом рынке, то удивительно ли наступление кризиса?

Мало того. Чтобы получилась прибыль от предприятия, надо продать товары, найти покупателей. И покупателем должна быть вся масса населения, потому что громадные предприятия производят горы и годы продуктов. А во всех капиталистических странах девять десятых населения состоит из нищих: из рабочих, получающих самую скудную заработную плату, из крестьян, живущих в массе еще хуже рабочих. И вот, когда крупная промышленность во время процветания размахивается произвести как можно больше. — она выбрасывает на рынок такую массу продуктов, что за них не в состоянии заплатить неимущее большинство народа. Количество машин, орудий, складов, железных дорог и проч. все возрастает, но это возрастание от времени до времени прерывается, потому что масса народа, для которого в конце концов предназначены все эти улучшенные способы производства, остается в бедности, доходящей до нищенства. Кризис показывает, что современное общество могло бы производить несравненно больше продуктов, идущих на улучшение жизни всего трудящегося народа, если бы земля, фабрики, машины и проч. не были захвачены кучкой частных собственников, извлекающих миллионы из народной нищеты. Кризис показывает, что рабочие не могут ограничиться борьбой за отдельные уступки со стороны капиталистов: во время оживления промышленности такие уступки можно завоевать (и русские рабочие своей энергичной борьбой не раз завоевывали себе уступки в 1894 — 1898 гг.), — но приходит крах, и капиталисты не только отбирают назад данные ими уступки, но и пользуются беспомощностью рабочих для еще большего понижения платы. И так неизбежно будет продолжаться до тех пор, пока армии социалистического пролетариата не низвергнут господства капитала и частной собственности. Кризис показывает, как близоруки были те социалисты (называющие себя «критиками», должно быть, на том основании, что они без критики перенимают учения буржуазных экономистов), которые два года тому назад шумно заявляли о том, что крахи становятся теперь менее вероятными.

Ленин, Уроки кризиса, соч., IV, 2 изд., 165—167.

Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но, находясь в состоянии отделения одних от других, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того, чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные экономические эпохи социальной структуры. В исследуемом случае отделение свободного рабочего от его средств производства есть наперед данный исходный пункт, и мы уже видели, как и при каких

условиях рабочий и средства производства соединяются в руках капиталиста, — именно, соединяются как производительная форма бытия его капитала. Поэтому тот реальный процесс, в который вступают сближенные таким способом личные и вещественные товарообразователи, самый процесс производства становится функцией капитала, — капиталистическим производственным процессом. Занятие вообще товарным производством превращается в занятие эксплоатацией рабочей силы: но лишь капиталистическое товарное производство становится таким способом эксплоатации, который, организуя процесс труда и мощно развивая технику, открывает новую эпоху истории и в своем дальнейшем движении совершает переворот во всей экономической структуре общества и оставляет далеко позади все предшествовавшие эпохи.

Вследствие различия роли, какую средства производства и рабочая сила играют в производственном процессе при образовании стоимости, а следовательно, и в создании прибавочной стоимости, они различаются как постоянный и переменный капитал, поскольку они являются формами существования авансированной капитальной стоимости. Как различные составные части производительного капитала, они отличаются, далее, тем, что первые, раз ими владеет капиталист, остаются его капиталом и вне производственного процесса, между тем как рабочая сила лишь в нем становится формой существования индивидуального капитала. Если рабочая сила есть товар только в руках ее продавца, наемного рабочего, то, напротив, капиталом она становится только в руках ее покупателя, капиталиста, которому достается ее временное потребление. Сами средства производства становятся вещественной формой производительного капитала, или производительным капиталом, только с того момента, когда рабочая сила, как личная форма бытия того же капитала получает возможность внедряться в них. Как человеческая рабочая сила, так и средства производства не являются капиталом от природы. Они приобретают этот специфический общественный характер лишь при определенных исторически развившихся условиях, подобно тому как лишь при таких же условиях благородные металлы получают характер денег или деньги — характер денежного капитала.

Маркс, Капитал, II, Гиз, 1923, 12—13.

...Капиталистическое производство начинается фактически лишь там, где данный индивидуальный капитал дает занятие значительному числу рабочих одновременно, и, следовательно, процесс труда расширяет свои размеры и доставляет количественно значительные массы продукта. Совместный труд значительного числа рабочих, объединенных в одном и том же помещении (или, если угодно, на одной и той же арене труда) для производства одного и того же сорта товаров, под руководством одного и того же капиталиста, и исторически, и логически образует исходный пункт капиталистического производства. Так, например, с точки зрения самого способа производства мануфактура в начале ее развития едва ли отличается от цеховой ремеслен-

ной промышленности чем-либо иным, кроме большего количества рабочих, одновременно занятых одним и тем же капиталом. Мастерская цехового мастера лишь расширяет свои размеры.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 298.

В мануфактуре, как и в простой кооперации, функционирующее рабочее тело есть форма существования капитала. Общественно-производственный механизм, составленный из многих индивидуальных частичных рабочих, принадлежит капиталисту. Вследствие этого производительная сила, возникающая из сочетания различных работ, является производственной силой капитала.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 338—339.

Мануфактурное разделение труда путем расчленения ремесленной деятельности, специализации орудий труда, образования частичных рабочих, их группировки и комбинирования в один совокупный механизм создает качественное расчленение и количественную пропорциональность между отдельными процессами общественного производства, т. е. создает определенную организацию общественного труда и вместе с тем развивает новую, общественную производительную силу труда. Как специфически капиталистическая форма общественного процесса производства, — а на той исторической основе, на которой оно возникает, оно может развиваться только в капиталистической форме, — оно есть лишь особый метод производить за счет рабочего относительную прибавочную стоимость, или усилить самовозрастание капитала, что обычно называют общественным богатством... и т. п. Оно не только развивает общественную производительную силу труда для капиталиста, а не для рабочего, но и развивает ее путем изуродования индивидуального рабочего. Оно создает новые условия господства капитала над трудом. Поэтому, если с одной стороны оно является историческим прогрессом и необходимым моментом в экономическом развитии общества, то с другой стороны оно есть орудие цивилизованной и утонченной эксплоатации.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 343—344.

Наивная вера в изобретательский гений, с самого начала проявляемый отдельными капиталистами в области разделения труда, сохранилась еще, повидимому, только у немецких профессоров. Так, например, господин Рошер назначает капиталисту «различные заработные платы»... в благодарность за то, что из юпитерской головы последнего выскакивает в совершенно законченном виде разделение труда. Большее или меньшее разделение труда зависит от величины кошелька, а не от размеров гения.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 343, примечание.

Рабочий является собственником своей рабочей силы лишь до тех пор, пока он в качестве продавца последней торгуется с капиталистом, но он может продать лишь то, чем он обладает, лишь свою индивидуальную, еди-

ничную рабочую силу. Это обстоятельство ничуть не изменяется от того, что капиталист закупает сто рабочих сил вместо одной, заключает контракт не с одним рабочим, а с сотней независимых друг от друга рабочих. Капиталист может употреблять этих 100 рабочих, не устанавливая между ними кооперации. Следовательно, он оплачивает стоимость 100 самостоятельных рабочих сил, но не оплачивает комбинированной рабочей силы сотни. Как независимые личности, рабочие являются индивидуумами, вступившими в определенное отношение к одному и тому же капиталу, но не друг к другу. Их кооперация начинается лишь в процессе труда, но в процессе труда они уже перестают принадлежать самим себе. Вступив в эту область, они сделались частью капитала. Как кооперирующие между собой рабочие, как члены одного развивающего деятельность организма, они представляют лишь особые способы существования капитала. Поэтому та производительная сила, которую развивает рабочий как общественный рабочий, есть производительная сила капитала. Общественная производительная сила труда развивается безвозмездно, как только рабочий поставлен в определенные условия, а капитал как раз и ставит его в эти условия. Так как общественная производительная сила труда ничего не стоит капиталу, так как, с другой стороны, она не развивается рабочим, пока его труд не принадлежит капиталу, то она кажется производительной силой, принадлежащей капиталу по самой его природе, имманентной капиталу производительной силой.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 310—311.

В своих показаниях перед комиссией, на которую было возложено обследование трэд-юнионов, Nasmyth, изобретатель парового молота, делает следующее сообщение о тех усовершенствованиях в машинах, которые он ввел вследствие большой и продолжительной стачки машиностроительных рабочих в 1851 г.: «Характерная черта наших современных механических усовершенствований — введение самодействующих рабочих машин. Теперь механическому рабочему приходится не самому работать, а лишь наблюдать за прекрасной работой машины, что доступно всякому подростку. В настоящее время устранен весь класс рабочих, которые зависят исключительно от своего искусства. Раньше у меня на одного механика приходилось четыре подростка. Благодаря этим новым механическим вспомогательным средствам я сократил число взрослых мужчин с 1 500 до 750. Следствием было значительное увеличение моей прибыли».

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 416.

Борьба между капиталистом и наемным рабочим начинается с самого возникновения капиталистического отношения. Она свирепствует в течение всего мануфактурного периода. Но только с введением машин рабочий начинает бороться против самого средства труда, этой материальной формы существования капитала. Он восстает против этой определенной формы

средств производства, как материальной основы капиталистического способа производства.

Почти вся Европа пережила в XVII в. возмущения рабочих против так называемой Bandmühle (ленточной мельницы, называвшейся также Schnurmühle или Mühlenstuhl), машины для тканья лент и галунов. Bandmühle была изобретена в Германии. Итальянский аббат Lancellotti в работе, появившейся в Венеции в 1636 г., рассказывает: «Антон Мюллер из Данцига почти 50 лет тому назад (Lancellotti писал в 1579 году) видел в Данциге очень искусную машину, которая разом изготовляла 4—6 тканей; но так как городской совет опасался, что это изобретение массу рабочих может превратить в нищих, то запретил применение машины, а ее изобретателя приказал тайно задушить или утопить». В Лейдене такая же машина впервые нашла применение в 1629 году. Бунты позументщиков заставили магистрат сначала воспретить ее; Генеральные Штаты постановлениями 1623, 1639 гг., и т. д. должны быть ограничить ее применение; наконец, оно было допущено, на известных условиях, постановлением от 15 декабря 1661 года. «В этом городе — говорит Boxhorn о введении ленточного станка в Лейдене, — около 20 лет тому назад был изобретен ткацкий станок, на котором один работник мог производить ткани в большем количестве и легче, чем несколько человек могли бы без станка произвести в равное время. Но это вызвало жалобы и неудовольствие ткачей, и магистрат в конце концов воспретил употребление станка». Та же машина в 1676 году воспрещена в Кельне, а одновременное введение ее в Англии вызвало волнение рабочих. Императорским указом от 19 февраля 1685 г. употребление ее было воспрещено во всей Германии. В Гамбурге она по приказанию магистрата была подвергнута публичному сожжению. 9 февраля 1719 г. Карл VI возобновил указ 1685 г., а в курфюрстве саксонском она была разрешена для общего применения лишь в 1765 г. Эта машина, которая наделала столько шуму, действительно была предшественницей прядильных и ткацких машин, а следовательно и промышленной революции XVIII в. Пользуясь ею, совершенно неопытный в ткачестве подросток, двигая взад и вперед стержнем, мог приводить в движение весь станок со всеми его принадлежностями; в своей усовершенствованной форме эта машина производила одновременно 40—50 штук.

В конце первой трети XVII в. ветряная лесопильня, построенная одним голландцем близ Лондона, пала жертвой бунта черни. Еще в начале XVIII в. лесопильные машины, приводимые в движение водой, лишь с трудом преодолевали в Англии сопротивление народа, встречавшее поддержку парламента. В 1758 г., когда Everet построил первую машину для стрижки овец, приводившуюся в движение водой, ее сожгли 100 000 человек оставшихся без работы. Против scribbling mills (кардовальных машин) и чесальных машин Аркрайта 50 000 рабочих, которые до того времени жили расческой шерсти, обратились с петицией к парламенту. Массовое разрушение машин в английских мануфактурных округах в течение первых 15 лет XIX в., направленное в особенности против парового ткацкого станка и известное

под названием движения луддитов, послужило антиякобинскому правительству Sidmouth Castlereagh и т. д. предлогом для самых реакционных насильственных мер. Требуется известное время и опыт для того, чтобы рабочий научился отличать машину от ее капиталистического применения и вместе с тем переносить свои нападения с материальных средств производства на общественную форму их эксплоатации.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 407—409.

...С развитием производительности труда, а следовательно, и с развитием капиталистического способа производства, развивающего производительную силу общественного труда более, чем все прежние способы производства, постоянно возрастает масса средств производства, раз навсегда входящих в форме средств труда в процесс производства и постоянно снова и снова функционирующих в нем в течение более или менее продолжительного периода времени (постройки, машины и т. д.); мы видели также, что рост этих средств производства является как предпосылкой, так и следствием развития общественной производительной силы труда. Не только абсолютный, но и относительный рост богатства в этой форме... более всего характерен для капиталистического способа производства. Материальные формы существования постоянного капитала, средства производства, состоят не только из такого рода средств труда, но также из материала труда на разнообразнейших ступенях его обработки и из вспомогательных материалов. Вместе с масштабом производства и с повышением производительной силы труда посредством кооперации, разделения труда, применения машин и т. д. увеличивается и масса сырого материала, вспомогательных материалов и т. д., входящих в ежедневный процесс воспроизводства.

Маркс, Капитал, II, Гиз, 1923, 114.

Современная промышленность никогда не рассматривает и не трактует существующую форму известного производственного процесса, как окончательную. Поэтому ее технический базис революционный, между тем как у всех прежних способов производства базис был по существу консервативен. Посредством машин, химических процессов и других методов она постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем и в функциях рабочих и общественных сочетаниях процесса труда. Таким образом она столь же постоянно революционизирует разделение труда внутри общества и непрерывно бросает массы капитала и массы рабочих из одной отрасли производства в другую.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 467—468.

Благодаря прогрессу промышленности, в средствах труда обыкновенно совершаются постоянные перевороты. Поэтому они возмещаются не в своей первоначальной форме, а в форме, претерпевшей переворот. С одной стороны, то обстоятельство, что масса основного капитала вкладывается в дело

в определенной натуральной форме и должна просуществовать в ней известный средний срок жизни, служит причиной того, что новые машины и т. д. вводятся лишь постепенно, а потому является помехой быстрому и повсеместному введению усовершенствованных средств труда. Но, с другой стороны, конкурентная борьба, в особенности сопровождающаяся решительными переворотами, заставляет заменить старые средства труда еще до их естественной смерти новыми средствами труда. Катастрофы, кризисы — вот что главным образом принуждает к такому преждевременному возобновлению производственных принадлежностей в широком общественном масштабе.

Маркс, Капитал, II, Гиз, 1921, 142—143.

Двадцать лет тому назад я утверждал, что в современном обществе не существует ни одного орудия производства, выдерживающего от шестидесяти до ста лет, ни одной фабрики, ни одного здания и т. д., которые бы в конце своего существования покрыли издержки своего производства. И теперь я все еще думаю, что это совершенно справедливо. И если Кэри и я—оба правы, то это не доказывает ничего, ни относительно уровня прибыли, ни о возникновении ренты, а доказывает только то, что буржуазное производство гнило, если даже мерить его — его собственной меркой.

Энгельс, Письмо Марксу от 19/XI 1869. Письма Маркса и Энгельса, «Моск. Раб.», 1923, 186.

...Развитие производительной силы труда в одной отрасли производства, — например, в производстве железа, угля, машин, в строительном деле и т. д., — которое, в свою очередь, может отчасти зависеть от успехов в области интеллектуального производства, именно естественных наук и их применения, является здесь условием уменьшения стоимости, а следовательно, и издержек на средства производства в других отраслях промышленности, например, в текстильной промышленности или земледелии. Это само собою понятно, потому что товар, вышедший как продукт из одной отрасли промышленности, снова вступает как средства производства в другую отрасль промышленности. Его большая или меньшая дешевизна зависит от производительности труда в той отрасли производства, из которой он выходит как продукт; в то же время она является не только условием удешевления тех товаров, в производство которых входит данный товар как средство производства, но и условием уменьшения стоимости постоянного капитала, элементом которого становится здесь данный товар, а следовательно, условием повышения нормы прибыли.

Характерная особенность этого рода экономии на постоянном капитале, обусловленной прогрессивным развитием промышленности, состоит в том, что здесь возрастание нормы прибыли в одной отрасли промышленности вызывается развитием производительной силы труда в другой отрасли. То, что при этом выигрывает капиталист, есть опять-таки та выгода, кото-

рая является продуктом общественного труда, хотя в данном случае не продуктом рабочего, эксплоатируемого непосредственно самим этим капиталистом. Указанное развитие производительной силы в последнем счете всегда сводится к общественному характеру труда, приведенного в деятельность, к разделению труда внутри общества, к развитию интеллектуального труда, особенно естествознания. Капиталист использует здесь выгоды всей системы общественного разделения труда. Итак, развитие производительной силы труда в подразделении, лежащем вне данной отрасли промышленности, в подразделении, доставляющем этой последней средства производства, — вот что в рассматриваемом случае относительно понижает стоимость применяемого капиталистом постоянного капитала, а следовательно, повышает норму прибыли.

Маркс, Капитал, III, ч. 1, Гиз, 1924, 56—57.

...Капитал производит прежде всего капитал и достигает этого лишь постольку, поскольку производит прибавочную стоимость. При исследовании относительной прибавочной стоимости и, далее, превращения прибавочной стоимости в прибыль мы уже видели, что на этом основывается характерный для капиталистического периода способ производства, — особая форма развития общественных производительных сил труда, принимающих, однако, по отношению к рабочему вид самостоятельных сил капитала и находящихся поэтому в прямом противоречии с собственным его, рабочего, развитием. Производство ради стоимости и прибавочной стоимости предполагает, как показали наши дальнейшие исследования, непрерывно действующую тенденцию, стремящуюся свести рабочее время, необходимое для производства товара, т. е. стоимость последнего к существующей в данный момент общественной средней. Стремление свести издержки производства к их минимуму становится сильнейшим орудием повышения общественной производительной силы труда, что, однако, в данном случае представляется лишь непрерывным повышением производительной силы капитала.

Маркс, Капитал, III, ч. 2, Гиз, 1924, 419.

Действительная граница капиталистического производства — самкапитал, это значит: капитал и самовозрастание его стоимости является исходным и конечным пунктом, мотивом и целью производства; производство есть только производство для капитала, а не наоборот: средства производства не являются просто средствами для постоянного расширения жизненного процесса общества производителей. Пределы, в которых только и может происходить сохранение и увеличение капитальной стоимости, основывающееся на экспроприации и обеднении широких масс производителей, эти пределы постоянно вступают поэтому в конфликт с методами производства, которые должен применять капитал ради своих целей и которые направлены к неограниченному увеличению производства, — производству, как самоцели, к безусловному развитию общественной

производительной силы труда. Средство — безграничное развитие общественных производительных сил — вступает в постоянный конфликт с ограниченной целью, — увеличением стоимости существующего капитала. Поэтому, если капиталистический способ производства есть историческое средство для развития материальной производительной силы и для создания соответствующего ей мирового рынка, то он представляет вместе с тем постоянное противоречие между этой своей исторической задачей и соответствующими ей общественными отношениями производства.

Маркс, Капитал, III, ч. 1, Гиз, 1924, 231.

Противоречие, если выразить его в самой общей форме, состоит в том, что капиталистическому способу производства присуще стремление к абсолютному развитию производительных сил независимо от стоимости и заключающейся в последней прибавочной стоимости, а также независимо от общественных отношений, при которых происходит капиталистическое производство; тогда как, с другой стороны, его целью является сохранение существующей капитальной стоимости и ее увеличение в возможно большей степени (т. е. постоянно ускоряющееся возрастание этой стоимости). Его специфическая особенность состоит в том, чтобы использовать имеющуюся капитальную стоимость как средство для возможно большего увеличения этой стоимости. Методы, которыми он этого достигает, ведут к уменьшению нормы прибыли, обесценению имеющегося капитала и развитию производительных сил труда за счет уже произведенных производительных сил.

Периодическое обесценение наличного капитала, — это имманентное средство капиталистического способа производства, которое служит тому, чтобы задерживать понижение нормы прибыли и ускорять накопление капитальной стоимости путем образования нового капитала, — нарушает сложившиеся отношения, в которых совершается процесс обращения и воспроизводства капитала, и потому сопровождается внезапными остановками и кризисами процесса производства.

Идущее рука об руку с развитием производительных сил относительное уменьшение переменного капитала по сравнению с постоянным дает стимул росту рабочего населения и в то же время постоянно создает искусственное перенаселение. Накопление капитала, рассматриваемое со стороны стоимости, замедляется вследствие понижения нормы прибыли, и в то же время еще более ускоряется накопление потребительных стоимостей, между тем как это последнее в свою очередь ускоренным ходом ведет к накоплению, рассматриваемому со стороны стоимости.

Капиталистическое производство постоянно стремится выйти из этих имманентных границ, но оно преодолевает их только при помощи средств, которые снова ставят перед ним эти границы и притом в более колоссальном масштабе.

Маркс, Капитал, III, ч. 1, Гиз, 1924, 230—231.

Поэтому такое уменьшение общего количества труда, входящего в товар, казалось бы, должно служить существенным признаком повышения производительной силы труда, при каких бы общественных условиях ни совершалось производство. В обществе, в котором производители регулируют свое производство согласно заранее составленному плану, и даже при простом товарном производстве производительность труда безусловно измерялась бы этим масштабом. Но как обстоит дело при капиталистическом производстве?...

Предположим, что изобретается машина, которая сокращает на половину живой труд, требующийся для производства каждой штуки товара, но зато увеличивает втрое часть стоимости, образующуюся от спашивания основного капитала.

Для общества, производящего при капиталистических условиях, товар не подешевел, новая машина не представляет *никакого* усовершенствования. Следовательно, капиталист нисколько не заинтересован в том, чтобы вводить новую машину. А так как, введя ее в производство, он только лишил бы всякой стоимости прежнюю, еще не сношенную машину и превратил бы ее просто в старое железо, следовательно, потерпел бы положительный убыток, то он всячески остерегается такой утопической для него глупости.

Таким образом для капиталиста закон повышающейся производительной силы труда имеет не безусловное значение. Для капитала эта производительная сила повышается не тогда, когда этим вообще сберегается живой труд, но лишь в том случае, если на *оплачиваемой* части живого труда сберегается больше, чем прибавится прошлого труда... В этом случае капиталистический способ производства впадает в новое противоречие. Его историческое призвание — безудержное, подгоняемое вперед в геометрической прогрессии развитие производительности человеческого труда. Он изменяет этому призванию, поскольку он, как в настоящем случае, препятствует развитию производительности. Этим он только снова доказывает, что он дряхлеет и все более и более переживает себя.

Маркс, Капитал, III, ч. 1, Гиз, 1924, 243—244.

Если бы развитие производительных сил уменьшало абсолютное число рабочих, т. е. в действительности давало бы возможность всей нации совершать все свое производство в более короткое время, то это вызвало бы революцию, потому что большинство населения оказалось бы вышедшим в тираж. В этом слова обнаруживается специфическая граница капиталистического производства, а также то, что оно отнюдь не является абсолютной формой развития производительных сил и производства богатства, что, напротив, на известном пункте оно приходит в коллизию с этим развитием. Частично такая коллизия проявляется в периодических кризисах, которые происходят от того, что то одна, то другая часть рабочего населения де-

лается излишней в своей старой профессии. Предел капиталистического производства — избыточное время рабочих. Абсолютное излишнее время, выигрываемое обществом, не интересует капиталистического производства. Развитие производительной силы важно для него лишь постольку, поскольку оно увеличивает прибавочное рабочее время рабочего класса, но не поскольку оно вообще сокращает рабочее время материального производства; таким образом капиталистическое общество вращается в противоречиях.

Маркс, Капитал, III, ч. 1, Гиз, 1924, 245—246.

Перепроизводство капитала никогда не означает чего-либо иного, как перепроизводство средств производства, — средств труда и средств существования, — которые могут функционировать как капитал, т. е. могут применяться для эксплоатации труда при данной степени эксплоатации; понижение же этой степени эксплоатации ниже определенного пункта вызывает нарушения капиталистического процесса производства, приостановку его, кризисы, разрушение капитала. Нет никакого противоречия в том, что такое перепроизводство капитала сопровождается более или менее значительным относительным перенаселением. Те самые обстоятельства, которые повысили производительную силу труда, увеличили массу товарных продуктов, расширили рынки, ускорили накопление капитала как по массе, так и по стоимости и понизили норму прибыли, — эти же самые обстоятельства создали и постоянно создают относительное перенаселение, перенаселение рабочих, которые не применяются избыточным капиталом вследствие низкой степени эксплоатации труда, при которой они только и могли бы найти применение, или по крайней мере вследствие низкой нормы прибыли, которую они приносили бы при данной степени эксплоатации.

Маркс, Капитал, III, ч. 1, Гиз, 1924, 237.

...Все возражения против очевидных явлений перепроизводства (которые существуют, невзирая на все возражения) сводятся к тому, что границы капиталистического производства не являются границами производства вообще, а поэтому не являются границами и для этого специфического, капиталистического способа производства. Но противоречие этого капиталистического способа производства заключается именно в его тенденции к абсолютному развитию производительных сил, которое постоянно вступает в конфликт с теми специфическими условиями производства, в которых движется и только может двигаться капитал.

Дело не в том, что средств существования производится слишком много по сравнению с существующим населением. Наоборот. Их производится слишком мало для того, чтобы масса населения могла жить прилично и по-человечески.

Дело не в том, что средств производства производится недостаточно много для того, чтобы работоспособная часть населения получила работу. Наоборот. Во-первых, производится слишком значительная часть населения,

которая фактически неработоспособна, которая вынуждена обстоятельствами эксплоатировать труд других или заниматься работами, которые могут считаться таковыми только при жалком способе производства. Во-вторых, средств производства производится недостаточно для того, чтобы все трудоспособное население могло работать при наиболее производительных условиях, следовательно, чтобы его абсолютное рабочее время сокращалось вследствие большой массы и большой производительности постоянного капитала, применяемого в продолжение рабочего времени.

Но периодически средств труда и средств существования производится слишком много для того, чтобы они могли функционировать, как средства эксплоатации рабочих, дающей известную норму прибыли. Товаров производится слишком много для того, чтобы заключающуюся в них стоимость и содержащуюся в ней прибавочную стоимость можно было реализовать и превратить в новый капитал при тех условиях распределения и отношениях потребления, которые определяются капиталистическим производством, т. е., чтобы этот процесс мог совершаться без постоянно возобновляющихся взрывов.

Маркс, Капитал, III, ч. 1, Гиз, 1924, 239—240.

Норма прибыли, т. е. относительное возрастание капитала, имеет важное значение главным образом для всех новых, самостоятельно группирующихся ответвлений капитала. И если бы создание новых капиталов стало совершаться исключительно при некоторых немногих и без того уже крупных капиталах, для которых масса прибыли уравновешивает ее норму, то вообще угас бы огонь, оживляющий производство. Оно погрузилось бы в сон. Норма прибыли, это — та сила, которая приводит в движение капиталистическое производство; производится только то и постольку, что и поскольку можно производить с прибылью.

Маркс, Капитал, III, ч. 1, Гиз, 1924, 241.

Итак, одно и то же развитие общественной производительной силы труда выражается с прогрессом капиталистического способа производства, с одной стороны, в тенденции к постоянному понижению нормы прибыли, а с другой стороны — в постоянном возрастании абсолютной массы присвоиваемой прибавочной стоимости или прибыли; так что в общем относительному уменьшению переменного капитала и прибыли соответствует абсолютное увеличение их обоих. Как мы показали, это двустороннее влияние может найти себе выражение лишь в том, что весь капитал возрастает в более быстрой прогрессии, чем та, в какой понижается норма прибыли. Для того, чтобы при более высоком составе капитала или при относительно более сильном увеличении постоянного капитала можно было употребить абсолютно возросший переменный капитал, весь капитал должен возрасти не только соответственно более высокому составу, но еще быстрее. Из этого следует, что по мере развития капиталистического способа производства тре-

буется все большее количество капитала для того, чтобы применять ту же самую рабочую силу, и еще более для того, чтобы применять возросшую рабочую силу. Итак, на капиталистическом базисе повышающаяся производительная сила труда необходимо создает постоянное кажущееся перенаселение рабочих. Если переменный капитал составляет только ⅙ всего капитала вместо прежней ½, то для того, чтобы дать занятие прежней рабочей силе, весь капитал должен утроиться; а для того, чтобы дать занятие двойной рабочей силе, он должен ушестериться.

Маркс, Капитал, III, ч. 1, Гиз, 1924, 203.

Заметим, что влияние конкуренции на буржуазные отношения становится все более и более разрушительным, по мере того, как она вызывает лихорадочное стремление к созданию новых производительных сил, т. е. материальных условий нового общества. В этом отношении дурная сторона конкуренции могла бы представить и нечто хорошее.

Маркс, Нищета философии, Гиз, 1928, 142.

Так как развитие производительной силы труда происходит очень неравномерно в различных отраслях промышленности, притом оно не только неодинаково по степени, но часто совершается в противоположном направлении, то отсюда следует, что средняя масса прибыли (= прибавочной стоимости) должна стоять значительно ниже того уровня, которого можно было бы ожидать, судя по развитию производительной силы в наиболее передовых отраслях промышленности. Если развитие производительной силы в различных отраслях промышленности совершается не только в очень различных пропорциях, но часто в противоположном направлении, то это вытекает не только из анархии конкуренции и из своеобразия буржуазного способа производства. Производительность труда связана и с естественными условиями, которые часто становятся менее выгодными параллельно повышению производительности, поскольку последняя зависит от общественных условий. Отсюда противоположный характер движения в этих различных сферах: прогресс в одних, регресс в других. Можно напомнить, например, хотя бы о влиянии времен года, от чего большею частью зависит количество всех сырых материалов, об истреблении лесов, истощении каменноугольных копей и железных рудников и т. д.

Маркс, Капитал, III, ч. 1, Гиз, 1924, 241—242.

Они (рабочие. — *Сост.)* должны понимать, что современный строй, наряду со всеми порождаемыми им бедствиями, создает в то же время материальные условия и социальные формы, необходимые для экономического переустройства общества. Вместо консервативного призыва: «Справедливую заработную плату за справедливый рабочий день», они

должны написать на своем знамени революционный лозунг — «Уничтожение системы наемного труда».

Маркс, Заработная плата, цена и прибыль, «Кр. Новь», 1923, 76.

в. РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ В СССР

Диктатура пролетариата, — как мне приходилось уже не раз указывать... не есть только насилие над эксплоататорами и даже не главным образом насилие. Экономической основой этого революционного насилия, залогом его жизненности и успеха является то, что пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда, по сравнению с капитализмом. В этом суть. В этом источник силы и залог неизбежной полной победы коммунизма.

Крепостническая организация общественного труда держалась на дисциплине палки, при крайней темноте и забитости трудящихся, которых грабила и над которыми издевалась горстка помещиков. Капиталистическая организация общественного труда держалась на дисциплине голода, и громадная масса трудящихся, несмотря на весь прогресс буржуазной культуры и буржуазной демократии, оставалась в самых передовых, цивилизованных и демократических республиках темной и забитой массой наемных рабов или задавленных крестьян, которых грабила и над которыми издевалась горстка капиталистов. Коммунистическая организация общественного труда, к которой первым шагом является социализм, держится и чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся, свергнувших иго как помещиков, так и капиталистов.

Эта новая дисциплина не с неба сваливается и не из добреньких пожеланий рождается, она вырастает из материальных условий крупного капиталистического производства, только из них. Без них она невозможна. А носителем этих материальных условий или проводником их является определенный исторический класс, созданный, организованный, сплоченный, обученный, просвещенный, закаленный крупным капитализмом. Этот класс — пролетариат.

Ленин, Великий почин, соч., XVI, 1 изд., 247—248.

Чтобы победить, чтобы создать и упрочить социализм, пролетариат должен решить двоякую или двуединую задачу: во-первых, увлечь своим беззаветным героизмом революционной борьбы против капитала всю массу трудящихся и эксплоатируемых, увлечь ее, организовать ее, руководить ею для свержения буржуазии и полного подавления всякого с ее стороны сопротивления; во-вторых, повести за собой всю массу трудящихся и эксплоатируемых, а также все мелкобуржуазные слои на путь нового хозяйственного строительства, на путь создания новой общественной связи, новой трудовой дисциплины, новой организации труда, соединяющей последнее

слово науки и капиталистической техники с массовым объединением сознательных работников, творящих крупное социалистическое производство.

Эта вторая задача труднее первой, ибо она ни в коем случае не может быть решена героизмом отдельного порыва, а требует самого длительного, самого упорного, самого трудного героизма массовой и будничной работы. Но эта задача и более существенна, чем первая, ибо в последнем счете самым глубоким источником силы для побед над буржуазией и единственным залогом прочности и неотъемлемости этих побед может быть только новый, более высокий способ общественного производства, замена капиталистического и мелкобуржуазного производства крупным социалистическим производством.

Ленин, Великий почин, соч., XVI, 1 изд., 251.

Социализм немыслим без крупно-капиталистической техники, построенной по последнему слову новейшей науки, без планомерной государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов... Социализм немыслим вместе с тем без господства пролетариата в государстве.

Ленин, О продовольственном налоге, соч., XVIII, ч. 1, 1 изд., 206.

У нас, мне кажется, недостаточно обращается внимания на кооперацию. Едва ли все понимают, что теперь, со времени Октябрьской революции и независимо от нэпа (напротив, в этом отношении приходится сказать: именно благодаря нэпу), кооперация получает у нас совершенно исключительное значение. В мечтаниях старых кооператоров много фантазии. Они смешны часто своей фантастичностью. Но в чем состоит их фантастичность? В том, что люди не понимают основного, коренного значения политической борьбы рабочего класса за свержение господства эксплоататоров. Теперь у нас это свержение состоялось, и теперь многое из того, что было фантастического, даже романтического, даже пошлого в мечтаниях старых кооператоров становится самой неподкрашенной действительностью.

У нас, действительно, раз государственная власть в руках рабочего класса, раз этой государственной власти принадлежат все средства производства, у нас, действительно, задачей осталось только кооперирование населения. При условии максимального кооперирования населения сам собой достигает цели тот социализм, который ранее вызывал законные насмешки, улыбку, пренебрежительное отношение к себе со стороны людей, справедливо убежденных в необходимости классовой борьбы, борьбы за политическую власть и т. д. И вот не все товарищи дают себе отчет в том—какое теперь гигантское, необъятное значение приобретает для нас кооперирование России. В нэпе мы сделали уступку крестьянину, как торговцу, принципу частной торговли; именно из этого вытекает (обратно тому, что думают) гигантское значение кооперации. В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэпа есть все, что нам нужно, потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса,

частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов. В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения...

Надо поставить кооперацию политически так, чтобы не только кооперация вообще и всегда имела известную льготу, но чтобы эта льгота была чисто-имущественной льготой (высота банкового процента и т. п.). Надо ссужать кооперацию такими государственными средствами, которые хотя бы на немного, но превышали те средства, которые мы ссужаем частным предприятиям, вплоть хотя бы до тяжелой промышленности и т. д.

Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса. Нечего напоминать о тех сотнях и сотнях миллионов рублей, которые стоило рождение «свободного» капитализма. Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный. Но поддерживать его надо в настоящем смысле этого слова, т. е. под этой поддержкой недостаточно понимать поддержку любого кооперативного оборота, — под этой поддержкой надо понимать поддержку такого кооперативного оборота, в котором *действительно участвуют действительные массы населения*. Давать премию тому крестьянину, который участвует в кооперативном обороте, это — формула безусловно верная, но при этом проверять это участие и проверять его сознательность и его доброкачественность,—вот в чем гвоздь вопроса. Когда кооператор приезжает в деревню и устраивает там кооперативную лавочку, население, строго говоря, никак в этом не участвует, но в то же время оно, руководствуясь собственной выгодой, поторопится попробовать в ней участвовать.

Это дело также имеет другую сторону. Нам нужно сделать еще очень немного с точки зрения «цивилизованного» (прежде всего грамотного) европейца для того, чтобы заставить всех поголовно участвовать и участвовать не пассивно, а активно в кооперативных операциях. Собственно говоря, нам осталось «*только*» одно: сделать наше население настолько «цивилизованным», чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. «*Только*» это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму. Но для того,

чтобы совершить это «только», нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы.

В. Ленин, О кооперации, соч., XVIII, ч. 2, 1 изд., 139—141.

Едва ли можно сомневаться, что одним из самых важных фактов, если не самым важным фактом, нашего строительства является в данный момент широко развертывающееся соревнование миллионных масс рабочих. Соревнование целых фабрик и заводов самых разнообразных углов нашей необъятной страны; соревнование между рабочими и крестьянами; соревнование между колхозами и совхозами; закрепление этой массовой производственной переклички в специальных договорах трудящихся, — все это такие факты, которые не оставляют сомнения в том, что социалистическое соревнование масс уже вступило в силу.

Могучий производственный подъем трудящихся масс начался.

Это вынуждены теперь признать даже самые отчаянные скептики.

«Социализм,—говорит Ленин,—не только не угашает соревнования, а напротив, впервые создает возможность применить его действительно широко, действительно в массовом размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе непочатый родник и которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами...».

«Широкое, поистине массовое создание возможности проявлять предприимчивость, соревнование и смелый почин является только теперь»... ибо «впервые после столетий труда на чужих является возможность работы на себя».

«Наша задача теперь, когда социалистическое правительство у власти, — организовать соревнование».

Из этих положений Ленина исходила XVI конференция ВКП(б), когда она дала специальное обращение к рабочим и трудящимся о соревновании.

Некоторые «товарищи» из бюрократов думают, что соревнование есть очередная мода большевиков и, как таковая, должна заглохнуть по окончании «сезона». «Товарищи» из бюрократов, конечно, ошибаются. На самом деле соревнование есть коммунистический метод строительства социализма на основе максимальной активности миллионных масс трудящихся. На самом деле соревнование есть тот рычаг, при помощи которого рабочий класс призван перевернуть всю хозяйственную и культурную жизнь страны на базе социализма...

Иногда социалистическое соревнование смешивают с конкуренцией. Это большая ошибка. Социалистическое соревнование и конкуренция представляют два совершенно различных принципа. Принцип конкуренции: поражение и смерть одних, победа и господство других. Принцип социалистического соревнования: товарищеская помощь отставшим со стороны передовых, с тем, чтобы добиться общего подъема. Конкуренция говорит: добивай отставших, чтобы утвердить свое господство. Социалистиче-

ское соревнование говорит: одни работают плохо, другие хорошо, третьи лучше,—*догоняй лучших и добейся общего подъема*. Этим, собственно, и объясняется тот небывалый производственный энтузиазм, который охватил миллионные массы трудящихся в результате социалистического соревнования. Нечего и говорить, что конкуренция никогда не может вызвать чего-либо похожего на подобный энтузиазм масс.

В последнее время участились в нашей печати статьи и заметки о соревновании. Пишут о философии соревнования, о корнях соревнования, о возможных результатах соревнования и т. д. Но редко можно встретить такие заметки, которые изображали бы сколько-нибудь связно картину того, *как* проводится соревнование *самими массами*, картину того, *что переживают* миллионные массы рабочих, осуществляя соревнование и подписывая договоры, картину того, что массы рабочих считают дело соревнования *своим собственным, родным делом*. А между тем, эта сторона дела представляет для нас в высшей степени важную сторону соревнования.

И. *Сталин*, Предисловие к книжке Е. Микулиной «Соревнование масс», «Правда», 1929, № 114.

Как должна отразиться временная стабилизация капитализма на судьбах социализма в нашей стране? Не есть ли эта стабилизация конец или начало конца социалистического строительства в нашей стране?

Можно ли вообще построить собственными силами социализм в нашей стране, отсталой в технико-экономическом отношении, при условии сохранения капитализма в других странах на более или менее продолжительный период?

Можно ли создать полную гарантию от опасностей интервенции, а значит и реставрации старых порядков в нашей стране при наличии капиталистического окружения, да еще стабилизованного в данный момент?

Все это — такие вопросы, которые неизбежно встают перед нами в связи с новой обстановкой в области международных отношений и которых мы не можем обойти, не дав на них точного и определенного ответа.

Наша страна представляет две группы противоречий. Одна группа противоречий — это внутренние противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством. Другая группа противоречий — это противоречия внешние, имеющиеся между нашей страной, как страной социализма, и всеми остальными странами, как странами капитализма.

Рассмотрим обе эти группы противоречий в отдельности.

Что некоторые противоречия между пролетариатом и крестьянством существуют, — этого, конечно, нельзя отрицать. Достаточно вспомнить все то, что происходило у нас и происходит в связи с политикой цен на сельскохозяйственные продукты, в связи с лимитами, в связи с кампанией понижения цен на фабрикаты и пр., чтобы понять всю реальность этих противоречий. Два основных класса стоят перед нами: класс пролетариев и класс частных

собственников, т. е. крестьянства. Отсюда неизбежность противоречий между ними. Весь вопрос в том, можем ли мы своими собственными силами преодолеть эти противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством. Когда говорят: можно ли построить социализм своими собственными силами? — то этим хотят сказать: преодолимы ли противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством в нашей стране, или непреодолимы?

Ленинизм отвечает на этот вопрос положительно: да, мы можем построить социализм, и мы его будем строить вместе с крестьянством, под руководством рабочего класса.

Где основания, мотивы для такого ответа?

Мотивы такого ответа состоят в том, что, кроме противоречий, между пролетариатом и крестьянством имеются еще общие интересы по коренным вопросам развития, которые покрывают и, во всяком случае, могут покрыть эти противоречия и которые являются базой, основой союза рабочих и крестьян.

В чем состоят эти общие интересы?

Дело в том, что существуют два пути развития земледелия: путь капиталистический и путь социалистический. Путь капиталистический означает развитие через обнищание большинства крестьянства во имя обогащения верхних слоев городской и сельской буржуазии. Путь социалистический, наоборот, означает развитие через неуклонное поднятие благосостояния большинства крестьянства. Как пролетариат, так и, в особенности, крестьянство заинтересованы в том, чтобы развитие пошло по второму пути, по пути социалистическому. Ибо этот путь является единственным спасением крестьянства от обнищания и полуголодного существования. Нечего и говорить, что диктатура пролетариата, имеющая в своих руках основные нити хозяйства, примет все меры к тому, чтобы победил второй путь, путь социалистический. Само собой понятно, с другой стороны, что крестьянство кровно заинтересовано в том, чтобы развитие пошло по этому второму пути.

Отсюда общность интересов пролетариата и крестьянства, покрывающая противоречия между ними.

Вот почему говорит ленинизм, что мы можем и должны построить полное социалистическое общество вместе с крестьянством, на основе союза рабочих и крестьян.

Вот почему говорит ленинизм, опираясь на общие интересы пролетариев и крестьян, что мы можем и должны преодолеть своими собственными силами противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством.

Так смотрит на это дело ленинизм.

Но не все, видимо, товарищи согласны с ленинизмом. Вот что, например, говорит т. Троцкий по вопросу о противоречиях между пролетариатом и крестьянством:

«Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение т о л ь к о (разрядка моя — *И. С.*) в международном масштабе, на

арене мировой революции пролетариата» (см. предисловие к книге т. Троцкого «1905 год»).

Иначе говоря, преодолеть своими собственными силами и исчерпать внутренние противоречия в нашей стране, противоречия между пролетариатом и крестьянством, мы не в силах, мы не в состоянии, ибо только в результате мировой революции и только на основе мировой революции мы сможем, оказывается, исчерпать эти противоречия и построить, наконец, социализм.

Нечего и говорить, что это положение не имеет ничего общего с ленинизмом.

Тот же товарищ продолжает дальше:

«Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни минуты» (см. «Наша революция» т. Троцкого, стр. 278).

Иначе говоря, пока западный пролетариат не возьмет власть и не окажет нам поддержки, нам нельзя и мечтать об удержании власти на сколько-нибудь продолжительный период.

Дальше:

«Безнадежно думать—...что, например, революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы» (см. т. III, соч. т. Троцкого, ч. I, стр. 80 — 90).

Иначе говоря, мы, оказывается, не только не можем построить социализм, но не можем даже устоять хотя бы на короткий срок «перед лицом консервативной Европы», хотя весь мир знает, что мы не только удержались, но и отбили ряд бешеных атак консервативной Европы на нашу страну.

И наконец:

«Подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным т о л ь к о п о с л е п о б е д ы (разрядка моя—*И. С.*) пролетариата в важнейших странах Европы» (см. т. III, соч. т. Троцкого, ч. I, 92 — 93).

Кажется, ясно.

Я привел, товарищи, эти цитаты для того, чтобы противопоставить их цитатам из сочинений Ленина и дать вам, таким образом, возможность уловить основную суть вопроса о возможности построения полного социалистического общества в стране пролетарской диктатуры, окруженной капиталистическими государствами.

Перейдем теперь к цитатам из сочинений Ленина.

Вот что писал Ленин еще в 1915 году во время империалистской войны:

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы п р о т и в остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов,

выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств»... Ибо «невозможно свободное объединение наций в социализме без более или менее долгой, упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами» (см. т. XIII, стр. 133).

Иначе говоря, страна пролетарской диктатуры, окруженная капиталистами, может, оказывается, не только исчерпать собственными силами внутренние противоречия между пролетариатом и крестьянством, но она может и должна еще построить социализм, организовать у себя социалистическое хозяйство и поставить вооруженную силу для того, чтобы пойти на помощь пролетариям окружающих стран в их борьбе за свержение капитала.

Таково основное положение ленинизма о победе социализма в одной стране.

То же самое говорит Ленин, хотя и в несколько другой форме, в 1920 г. на VIII съезде советов, в связи с вопросом об электрификации нашей страны:

«Коммунизм — это есть советская власть плюс электрификация всей страны. Иначе страна останется мелко-крестьянской, и надо, чтобы мы это ясно сознали. Мы более слабы, чем капитализм, не только в мировом масштабе, но и внутри страны. Всем это известно. Мы это сознали, и мы доведем дело до того, чтобы хозяйственная база из мелко-крестьянской перешла в крупно-промышленную. Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим о к о н ч а т е л ь н о (разрядка моя.—*И. С.*) (см. т. XVII, стр. 428).

Иначе говоря, Ленин вполне сознает технические трудности построения социализма в нашей стране, но он вовсе не делает из этого абсурдного вывода о том, что «подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы», а считает, что мы можем своими собственными силами преодолеть эти трудности для того, чтобы добиться «окончательной победы», т. е. постройки полного социализма.

А вот что говорит Ленин спустя год после этого, в 1921 году:

«10 — 20 лет правильных соотношений с крестьянством — и обеспечена победа в о в с е м и р н о м м а с ш т а б е (разрядка моя.—*И. С.*) (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут)». (План и конспект брошюры «О продовольственном налоге», 1921 г. — см. «Большевик», № 7, 1925 г.).

Иначе говоря, Ленин вполне сознает политические трудности построения социализма в нашей стране, но он вовсе не делает из этого неправильного вывода о том, что «без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти», а считает, что при правильной политике в отношении крестьянства мы вполне можем добиться «победы во всемирном масштабе» в смысле построения полного социализма.

А что такое правильная политика в отношении крестьянства? Правильная политика в отношении крестьянства есть нечто, зависящее целиком и полностью от нас и только от нас, как партии, руководящей строительством социализма в нашей стране.

То же самое, но еще с большей определенностью, говорит Ленин в 1922 году в своих заметках о кооперации:

«В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.—разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения» (разрядка везде моя.—*И. Ст.*) (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 140).

Иначе говоря, при диктатуре пролетариата у нас имеются, оказывается, все данные, необходимые для того, чтобы построить полное социалистическое общество, преодолевая все и всякие внутренние затруднения, ибо мы можем и мы должны преодолеть их своими собственными силами.

Кажется, ясно.

Возражение о том, что сравнительная экономическая отсталость нашей страны исключает возможность построения социализма, Ленин берет в атаку и опрокидывает его, как нечто несовместимое с социализмом:

«До бесконечности шаблонным является у них довод, — говорит Ленин, — который они выучили наизусть во время развития западно-европейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «ученые» господа из них, объективных предпосылок для социализма» (см. т. XVIII, ч. 2, стр. 118—119).

В противном случае нечего было брать власть в Октябре и устраивать Октябрьскую революцию. Ибо если возможность и необходимость построения полного социалистического общества исключается по тем или иным соображениям, то тем самым теряет смысл и Октябрьская революция. Кто отрицает возможность построения социализма в одной стране, тот должен обязательно отрицать и правомерность Октябрьской революции. И наоборот: кто не верит в Октябрь, тот не должен признавать возможности победы социализма в условиях капиталистического окружения. Связь между неверием в Октябрь и непризнанием социалистических возможностей в нашей стране — полная и непосредственная.

«Я знаю, — говорит Ленин, — что есть мудрецы, считающие себя очень умными и даже называющие себя социалистами, которые уверяют, что не следовало брать власти до тех пор, пока не разразится революция во всех

странах. Они не подозревают, что, говоря так, они отходят от революции и переходят на сторону буржуазии. Ждать, пока трудящиеся классы совершат революцию в международном масштабе, это значит всем застыть в ожидании. Это — бессмыслица» (см. т. XV, стр. 287).

Так обстоит дело с противоречиями первого порядка, с противоречиями внутреннего характера, с вопросом о возможности построения социализма в условиях капиталистического окружения.

Перейдем теперь к противоречиям второго порядка, к противоречиям внешним, имеющимся между нашей страной, как страной социализма, и всеми остальными странами, как странами капитализма.

В чем состоят эти противоречия?

Они состоят в том, что, пока есть капиталистическое окружение, должна быть и опасность интервенции со стороны капиталистических стран, а пока есть такая опасность, должна быть и опасность реставрации, опасность восстановления старых порядков.

Можно ли считать эти противоречия вполне преодолимыми для одной страны? Нет, нельзя. Ибо усилий одной страны, если даже эта страна является страной диктатуры, недостаточно для того, чтобы полностью гарантировать ее от опасности интервенции. Полная гарантия от интервенции, а, значит, и окончательная победа социализма возможна, в виду этого, лишь в международном масштабе, лишь в результате совместных усилий пролетариев ряда стран, или — еще лучше — лишь в результате победы пролетариев нескольких стран.

Что такое окончательная победа социализма?

Окончательная победа социализма есть полная гарантия от попыток интервенции, а, значит, и реставрации, ибо сколько-нибудь серьезная попытка реставрации может иметь место лишь при серьезной поддержке извне, лишь при поддержке международного капитала. Поэтому поддержка нашей революции со стороны рабочих всех стран, а тем более победа этих рабочих хотя бы в нескольких странах, является необходимым условием полной гарантии первой победившей страны от попыток интервенции и реставрации, необходимым условием окончательной победы социализма.

«Пока наша Советская Республика, — говорит Ленин, — останется одинокой окраиной всего капиталистического мира, до тех пор думать... об исчезновении тех или иных опасностей было бы совершенно смешным фантазерством и утопизмом. Конечно, пока такие коренные противоположности остались, остаются и опасности, и от них никуда не убежишь» (см. т. XVII, стр. 408 — 409).

И далее:

«Мы живем не только в государстве, но и в системе государств, и существование Советской Республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов либо одно, либо другое победит» (см. т. XVI, стр. 102).

Вот почему говорит Ленин, что:

«Окончательно победить можно только в мировом масштабе и только совместными усилиями рабочих всех стран» (см. т. XV, стр. 287).

Так обстоит дело с противоречиями второго порядка.

Кто смешивает первую группу противоречий, совершенно преодолимых усилиями одной страны, со второй группой противоречий, требующих для своего разрешения усилий пролетариев нескольких стран, — тот допускает грубейшую ошибку против ленинизма, тот либо путаник, либо неисправимый оппортунист.

Некоторым образчиком такой перепутаницы могло бы послужить письмо одного товарища, присланное мне в январе этого года, по вопросу о победе социализма в одной стране. Он пишет с недоумением:

«Вы говорите, что ленинская теория... заключается в том, что социализм может победить в одной стране. Я, к сожалению, не нашел указаний в соответствующих местах у Ленина о победе социализма в одной стране».

Беда, конечно, не в том, что этот товарищ, которого я считаю одним из лучших товарищей из нашей учащейся молодежи, «не нашел указаний в соответствующих местах у Ленина о победе социализма в одной стране». Придет время, когда он прочтет и найдет, наконец, такие указания. Беда в том, что он спутал противоречия внутренние с противоречиями внешними и запутался вконец в этой перепутанице. Не лишне будет, быть может, познакомить вас с моим ответом на письмо этого товарища. Вот он:

«Речь идет не о полной победе, а о победе вообще, т. е. о том, чтобы прогнать помещиков и капиталистов, взять власть, отбить атаки империализма и начать строить социалистическое хозяйство, — все это может вполне удаться пролетариату в одной стране, но полная гарантия от реставрации может быть обеспечена лишь в результате «общих усилий пролетариев нескольких стран». Глупо было бы начинать революцию в России при убеждении, что победивший пролетариат России, при явном сочувствии со стороны пролетариев других стран, но при отсутствии победы в нескольких странах, «не может устоять против консервативной Европы». Это не марксизм, а самый заурядный оппортунизм. Если бы такая теория была правильна, то не был бы прав Ильич, утверждающий, что Россию нэповскую превратим в социалистическую, что мы имеем «все необходимое для построения полного социалистического общества» (см. «О кооперации»)... — «Самое опасное в нашей политической практике — это попытка рассматривать победившую пролетарскую страну, как нечто пассивное, способное лишь топтаться на месте до момента появления помощи со стороны победивших пролетариев других стран. Допустим, что лет пять — десять не будет еще победы революции на Западе; допустим, что за этот период наша республика все же просуществует, как республика, строящая социалистическую экономику в условиях нэпа; — думаете ли вы, что за эти пять — десять лет наша страна будет заниматься толчением воды, а не организацией социалистического хозяйства? Стоит поставить этот вопрос, чтобы понять всю опасность

теории отрицания победы социализма в одной стране. Но значит ли это, что победа эта будет полной, окончательной? Нет, не значит, ибо пока есть капиталистическое окружение, всегда будет опасность интервенции» (январь, 1925 год).

Так обстоит дело с вопросом о судьбах социализма в нашей стране с точки зрения известной резолюции XIV конференции нашей партии.

И. Сталин, К итогам работ XIV партконференции. Вопросы ленинизма, Гиз, 1929, 223—232.

Исходным пунктом наших тезисов является положение о том, что быстрый темп развития индустрии вообще, производства средств производства в особенности, представляет основное начало и ключ индустриализации страны, основное начало и ключ преобразования всего нашего народного хозяйства на базе социалистического развития. Но что значит быстрый темп развития индустрии? Это значит — побольше капитальных вложений в промышленность. А это ведет к напряженности всех наших планов, и бюджетного и внебюджетного. И действительно, характерная черта наших контрольных цифр за последние три года, за период реконструкции, состоит в том, что они составляются и осуществляются у нас под знаком напряженности. Возьмете ли наши контрольные цифры, просмотрите ли наши бюджетные наметки, побеседуете ли с нашими партийными товарищами — как с теми, которые ведут работу по линии партийных организаций, так и с теми, которые руководят нашим советским, хозяйственным и кооперативным строительством, — везде и во всем сквозит одна характерная черта — напряженность наших планов. Возникает вопрос, нужна ли нам вообще эта напряженность работы? Нельзя ли обойтись без напряженности? Разве нельзя повести работу более медленным темпом, в более «спокойной» обстановке? Не объясняется ли взятый нами быстрый темп развития индустрии неспокойностью характера членов Политбюро и Совнаркома? Конечно, нет. В Политбюро и Совнаркоме сидят люди трезвые и спокойные. Говоря абстрактно, отвлекаясь от внешней и внутренней обстановки, мы могли бы, конечно, вести дело более медленным темпом. Но дело в том, что, во-первых, нельзя отвлекаться от внешней и внутренней обстановки и, во-вторых, если исходить из окружающей нас обстановки, то нельзя не признать, что именно она, эта обстановка, диктует нам быстрый темп развития нашей индустрии.

Позвольте перейти к рассмотрению этой обстановки, этих условий внешнего и внутреннего порядка, диктующих нам быстрый темп развития индустрии.

Внешние условия. Мы пришли к власти в стране, техника которой является страшно отсталой. На-ряду с немногочисленными крупными промышленными единицами, более или менее базирующимися на новой технике, мы имеем сотни и тысячи фабрик и заводов, техника которых не выдерживает никакой критики с точки зрения современных достижений. А между тем, мы имеем вокруг себя целый ряд капиталистических стран, обладающих

гораздо более развитой и совершенной промышленной техникой, чем наша страна. Посмотрите на капиталистические страны, и вы увидите, что там техника не только идет, но прямо бежит вперед, перегоняя старые формы промышленной техники. И вот выходит, что, с одной стороны, мы имеем в нашей стране наиболее передовую власть во всем мире, советскую власть, с другой стороны, мы имеем чрезмерно отсталую технику промышленности, представляющей базу социализма и советской власти. Думаете ли вы, что можно добиться окончательной победы социализма при наличии этого противоречия? Что нужно сделать, чтобы ликвидировать это противоречие? Для этого необходимо добиться того, чтобы догнать и перегнать передовую технику развитых капиталистических стран. Мы догнали и перегнали передовые капиталистические страны в смысле установления нового политического строя, советского строя. Это хорошо. Но этого мало. Для того, чтобы добиться окончательной победы социализма, нужно еще догнать и перегнать эти страны также в технико-экономическом отношении. Либо мы этого добьемся, либо нас затрут. Это верно не только с точки зрения построения социализма. Это верно также с точки зрения отстаивания независимости нашей страны в обстановке капиталистического окружения. Невозможно отстоять независимость нашей страны, не имея достаточной промышленной базы для обороны. Невозможно создать такую промышленную базу, не обладая техникой в промышленности. Вот для чего нужен нам и вот что диктует нам быстрый темп развития индустрии.

Технико-экономическая отсталость нашей страны не нами выдумана. Эта отсталость есть вековая отсталость, переданная нам в наследство всей историей нашей страны. Она, эта отсталость, чувствовалась как зло и раньше, в период дореволюционный, и после, в период пореволюционный. Когда Петр Великий, имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны, это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости. Вполне понятно, однако, что ни один из старых классов, ни феодальная аристократия, ни буржуазия, не мог разрешить задачи ликвидации отсталости нашей страны. Более того, эти классы не только не могли разрешить этой задачи, но они были неспособны даже поставить ее, эту задачу, в сколько-нибудь удовлетворительной форме. Вековую отсталость нашей страны можно ликвидировать лишь на базе успешного социалистического строительства. А ликвидировать ее может только пролетариат, построивший свою диктатуру и держащий в своих руках руководство страной.

Глупо было бы утешать себя тем, что так как отсталость нашей страны не нами придумана, а передана нам в наследство всей историей нашей страны, то мы не можем и не должны отвечать за нее. Это неверно, товарищи. Раз мы пришли к власти и взяли на себя задачу преобразования страны на основе социализма, мы отвечаем и должны отвечать за все, и за плохое и за хорошее. Именно потому, что мы отвечаем за все, мы должны ликвидировать нашу технико-экономическую отсталость. Мы должны сделать

это обязательно, если в самом деле хотим догнать и перегнать передовые капиталистические страны. А сделать это можем только мы, большевики, и никто больше. И именно для того, чтобы провести в жизнь эту задачу, мы должны систематически осуществлять быстрый темп развития нашей индустрии. А что мы уже осуществляем быстрый темп развития индустрии, это видят теперь все.

Вопрос о том, чтобы догнать и перегнать передовые капиталистические страны в технико-экономическом отношении, — этот вопрос не представляет для нас, большевиков, чего-либо нового или неожиданного. Этот вопрос ставился у нас еще в 1917 году, в период перед Октябрьской революцией. Его ставил Ленин еще в сентябре 1917 года, накануне Октябрьской революции, в период империалистической войны, в своей брошюре «Грозящая катастрофа и как с ней бороться».

Вот что говорил Ленин на этот счет:

«Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему политическому строю догнала передовые страны. Но этого мало. Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также экономически... (Разрядка моя—*С. И.*). Погибнуть, или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей» (т. XIV, ч. 2, стр. 213).

Вот как круто ставил Ленин вопрос о ликвидации нашей технико-экономической отсталости.

Ленин писал все это накануне Октябрьской революции, в период до взятия власти пролетариатом, когда у большевиков не было еще ни власти, ни социализированной промышленности, ни широкой разветвленной сети кооперации, охватывающей миллионы крестьянства, ни колхозов, ни совхозов. Теперь, когда мы уже имеем кое-что существенное для того, чтобы ликвидировать в корне нашу технико-экономическую отсталость, мы могли бы перефразировать слова Ленина примерно таким образом: «Мы догнали и перегнали передовые капиталистические страны в политическом отношении, построив диктатуру пролетариата. Но этого мало. Мы должны использовать диктатуру пролетариата, нашу социализированную промышленность, транспорт, кредитную систему и т. д., кооперацию, колхозы, совхозы и т. д. для того, чтобы догнать и перегнать передовые капиталистические страны также и экономически».

Вопрос о быстром темпе развития индустрии не стоял бы у нас так остро, как стоит он теперь, если бы мы имели такую же развитую промышленность и такую же развитую технику, как, скажем, в Германии, если бы удельный вес индустрии во всем народном хозяйстве стоял у нас также высоко, как стоит он, например, в Германии. При этом условии мы могли бы развивать индустрию менее быстрым темпом, не боясь отстать от капиталистических стран и зная, что мы можем их одним ударом перегнать. Но тогда у нас не было бы той серьезной технико-экономической отсталости, которая имеется теперь. Но в том-то и дело, что мы стоим в этом отношении

позади Германии и мы далеко еще не догнали ее в технико-экономическом отношении.

Вопрос о быстром темпе развития индустрии не стоял бы так остро в том случае, если бы мы представляли не единственную страну диктатуры пролетариата, а одну из стран пролетарской диктатуры, если бы мы не имели пролетарскую диктатуру не только в нашей стране, но и в других более передовых странах, скажем в Германии и Франции. При этом условии капиталистическое окружение не могло бы представлять для нас той серьезной опасности, какую оно представляет теперь, вопрос об экономической самостоятельности нашей страны, естественно отошел бы на задний план, мы могли бы включиться в систему более развитых пролетарских государств, мы могли бы получать от них машины для оплодотворения нашей промышленности и сельского хозяйства, снабжая их сырьем и продовольственными продуктами, мы могли бы, следовательно, развивать нашу индустрию менее быстрым темпом. Но вы знаете хорошо, что мы не имеем еще этого условия и мы все еще являемся единственной страной пролетарской диктатуры, окруженной капиталистическими странами, многие из которых стоят далеко впереди нас в технико-экономическом отношении.

Вот почему вопрос о том, чтобы догнать и перегнать экономически передовые страны, Ленин ставил как вопрос жизни и смерти нашего развития.

Таковы внешние условия, диктующие нам быстрый темп развития нашей индустрии.

Внутренние условия. Но кроме внешних условий есть еще внутренние условия, диктующие быстрый темп развития нашей индустрии, как ведущего начала всего нашего народного хозяйства. Я имею в виду чрезмерную отсталость нашего земледелия, его техники, его культуры. Я имею в виду наличие в нашей стране преобладающего большинства мелких товаропроизводителей с их раздробленным и совершенно отсталым производством, в сравнении с которым наша крупная социалистическая промышленность выглядит как остров среди моря, остров, база которого расширяется с каждым днем, но который все еще представляет остров среди моря. У нас говорят обычно, что индустрия есть ведущее начало всего народного хозяйства, в том числе и сельского хозяйства, что индустрия есть тот ключ, при помощи которого можно перестроить отсталое и раздробленное земледелие на базе коллективизма. Это совершенно верно. И от этого мы не должны отступать ни на одну минуту. Но надо помнить и то, что если индустрия является ведущим началом, то сельское хозяйство представляет базу развития индустрии и как рынок, поглощающий продукцию индустрии, и как поставщик сырья и продовольствия, и как источник экспортных резервов, необходимых для того, чтобы ввезти оборудование для нужд народного хозяйства. Можно ли двигать вперед индустрию, оставляя сельское хозяйство в условиях совершенно отсталой техники, не обеспечивая для индустрии сельскохозяйственной базы, не реконструируя сельское хозяйство и не подгоняя его к индустрии? Нет, нельзя. Отсюда задача — обеспечить сельское хозяйство макси-

мально орудиями и средствами производства, необходимыми для того, чтобы ускорить и двинуть вперед дело его реконструкции на новой технической базе. Но для того, чтобы добиться осуществления этой задачи, необходим быстрый темп развития нашей индустрии. Конечно, реконструкция раздробленного и распыленного сельского хозяйства — дело несравненно более трудное, чем реконструкция объединенной и централизованной социалистической промышленности. Но задача эта стоит перед нами, и мы должны ее разрешить. А разрешить ее невозможно иначе как на базе быстрого темпа развития промышленности. Нельзя без конца, т. е. в продолжение слишком долгого периода времени базировать советскую власть и социалистическое строительство на двух р а з н ы х основах, на основе самой крупной и объединенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелко-товарного крестьянского хозяйства.

Нужно постепенно, но систематически и упорно, переводить сельское хозяйство на новую техническую базу, на базу крупного производства, подтягивая его к социалистической промышленности. Либо мы эту задачу разрешим, — и тогда окончательная победа обеспечена, либо мы от нее отойдем, задачу эту не разрешим, — и тогда возврат к капитализму может стать неизбежным явлением.

Вот что говорит на этот счет Ленин:

«Пока мы живем в мелко-крестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Это необходимо запомнить. Каждый внимательно наблюдавший за жизнью деревни, в сравнении с жизнью города, знает, что мы корней капитализма не вырвали и фундамент, основу у внутреннего врага не подорвали. Последний держится на мелком хозяйстве, и чтобы подорвать его, есть одно средство — перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства. Такой базой является только электричество. Коммунизм—это есть советская власть плюс электрификация всей страны» (т. XVII, стр. 427—428).

Как видите, под электрификацией страны Ленин понимает не изолированное построение отдельных электростанций, а постепенный «перевод хозяйства страны, в т о м ч и с л е и з е м л е д е л и я (разрядка моя. *И. С.)* на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства», связанного так или иначе, прямо или косвенно, с делом электрификации.

Речь эту говорил Ленин на VIII съезде советов в декабре 1920 г., перед самым введением нэпа, когда он обосновывал так называемый план электрификации, т. е. план Гоэлро. Некоторые товарищи говорят на этом основании, что положения, высказанные в этой цитате из Ленина, неприменимы уже к нынешней действительности. Почему, спрашивается? Потому, говорят, что с тех пор утекло много воды. Это, конечно, верно, что с тех пор утекло много воды. Мы имеем теперь развитую социалистическую промышленность, мы имеем колхозы, как массовое явление, мы имеем старые и новые совхозы,

мы имеем богатую сеть развитых кооперативных организаций, мы имеем прокатные пункты для обслуживания крестьянских хозяйств, мы применяем теперь метод контрактации, как новую форму смычки, и мы можем пустить в ход все эти и ряд других рычагов для того, чтобы перевести постепенно сельское хозяйство на базу новой техники. Все это верно. Но верно также и то что, несмотря на все это, мы все еще остаемся страной мелко-крестьянской, с преобладанием мелкого производства. А это — основное. И пока это основное остается, сохраняет силу и тезис Ленина о том, что «пока мы живем в мелко-крестьянской стране, для капитализма у нас есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма», что, стало быть, опасность реставрации капитализма не есть пустая фраза.

То же самое говорит Ленин, но в более резкой форме, в своем плане брошюры «О продналоге», писанном уже после введения нэпа (апрель—май 1921 года):

«Если электрификация через 10—20 лет, ни капли не страшен индивидуализм мелкого земледельца и свободная торговля его в местном обороте. Если не электрификация, всё равно неизбежен возврат к капитализму».

И далее там же:

«10 — 20 лет правильных соотношений с крестьянством и обеспечена победа во всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут), иначе 20 — 40 лет мучений белогвардейского террора» («Лен. Сборник», IV, стр. 374).

Вот как круто ставил вопрос Ленин: либо электрификация, т. е. «перевод хозяйства страны, в том числе и земледелия, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства», либо возврат к капитализму.

Вот как понимает Ленин вопрос о «правильных соотношениях с крестьянством». Дело тут не в том, чтобы ласкать крестьянина и в этом видеть установку правильных соотношений с ним, ибо на ласке далеко не уедешь, а дело в том, чтобы помочь крестьянину перевести свое хозяйство «на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства», ибо в этом основной путь избавления крестьянства от нищеты.

А перевести хозяйство страны на новую техническую базу невозможно без быстрого темпа развития нашей индустрии и, прежде всего, производства средств производства.

Так обстоит дело с внутренними условиями, диктующими нам быстрый темп развития индустрии.

Сталин, Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП. «Вопросы ленинизма», 1929, 555—563.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КЛАССЫ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ СОСТАВИТЕЛЯ

В проблеме классов и классовой борьбы изучается диалектика развития производственных отношений в определенный исторический период. Если до сих пор мы касались производственных отношений почти исключительно с точки зрения их взаимодействия с «вещными категориями», со средствами производства (взаимодействия, составляющего основу всего исторического развития общества), то здесь мы должны изучить их движение на определенном этапе развития, как частную *историческую* категорию, внутренние законы которой совершенно своеобразно определяют общественное развитие. Классовое общество появилось на известном этапе общественного развития, развилось по своим специфическим законам и в результате этого развития приходит к отрицанию самого себя — к переходу в бесклассовое общество. Таким образом производственные отношения классового общества имеют на себе совершенно особый признак, придающий этим отношениям своеобразный характер. Этим признаком является социальный антагонизм, основанный на отношении к средствам производства к прошлому (овеществленному) труду и к общим условиям труда. Развитие классового общества определяется не только логикой борьбы общественного человека с природой, а главным образом логикой развития социального антагонизма: борьба одной группы людей против другой группы определяет движение этого общества, а следовательно и его борьбу с природой. Производительные силы классового общества олицетворяют в себе социальный антагонизм: средства производства отделены от рабочей силы; их соединение происходит в условиях взаимного противоречия интересов их персонифицированных представителей, — производительные силы классового общества действуют, имея побудительными мотивами не борьбу общества с природой, а интерес одного класса, направленный против интересов другого. Этим антагонизмом определяется и развитие всей общественной жизни в классовом обществе.

В целях учебной проработки глава разбивается на три основные раздела. Первый охватывает общие вопросы проблемы классов и касается исто-

рического возникновения классового общества; второй — основные отношения капиталистического общества — отношения между буржуазией и пролетариатом, и третий — касается отношений капиталистического общества, несущих в себе значительные следы отживших общественных форм. Этот раздел охватывает вопросы о мелкой буржуазии, крестьянстве и промежуточных группах (интеллигенции).

Изучение борьбы классов нельзя вести без учета конкретной обстановки, в которой борется тот или иной класс. Диалектику классовой борьбы нужно освещать всякий раз, когда речь заходит о том или ином классе и об его исторической роли. Поэтому в подобранном материале мы даем не только общетеоретические определения признаков и роли того или иного класса, но и привлекаем отрывки, иллюстрирующие изменяемость этой роли в разных условиях, на разных этапах общественного развития.

Глава о классах и классовой борьбе построена у нас по такому плану:

1. Классы. Классовое общество. Образование классов.
   - а. Что такое классы?
   - б. Историчность классового общества.
   - в. Основные пути конституирования классов.
   - г. Классовая борьба и национальный вопрос.
2. Буржуазия и пролетариат.
   - а. Производственное положение буржуазии и пролетариата.
   - б. Происхождение пролетариата.
   - в. Общие условия освобождения пролетариата.
   - г. Диалектика классовой борьбы буржуазии и пролетариата.

3-а. Мелкая буржуазия.
   - а. Производственное положение мелкой буржуазии.
   - б. Роль мелкой буржуазии в революциях.
   - в. Мелкобуржуазный социализм.

3-б. Крестьянство. Пролетариат и крестьянство
   - а. Производственное положение крестьянства.
   - б. Диалектика классовой борьбы крестьянства.

3-в. Промежуточные группы (интеллигенция).
   - а. Производственное положение интеллигенции.
   - б. Интеллигенция и революционная борьба.
   - в. Интеллигенция и социалистическое строительство.

1

Классы. Классовое общество. Образование классов. Учет движения, изменяемость изучаемого объекта являются основным моментом марксистского подхода к действительности. Проблему классов мы начинаем с определения понятия класса и разбора общих вопросов, свя-

занных с происхождением и формированием классов. При анализе этих вопросов задача заключается в том, чтобы помимо фактических знаний дать учащимся ту методологическую установку, что классы нельзя изучать вне определенной исторической действительности, само классовое общество в целом — исторично, и, наконец, определенные классы складываются, живут и распадаются в процессе борьбы при определенных условиях в материальном производстве.

а. Что такое классы? В учении о классах марксизм имеет предшественников: классы были открыты до него. Классы были открыты, но их строение изучалось на основе субъективных критериев, изобретавшихся тем или иным исследователем. Получилась большая пестрота теорий о классовом строении общества. Марксизм внес в учение о классах критерий объективности, установив, что классы образуются в процессе воздействия человека на природу, в производственном процессе. Люди в объективной действительности распределяются по классам в зависимости от места, занимаемого ими в производственном процессе, от роли в организации этого процесса.

Обратной (зависимой) стороной производства является распределение. Доля в распределении связана с местом в производстве и ролью в организации его. Через искажение этого момента создались лжемарксистские теории строения классов, считающие, что момент распределения является основным.

Вопрос можно проработать, анализируя определение классов, данное Лениным в «Великом почине». Это определение содержит следующие моменты:

1) историчность определенной общественной системы;
2) положение в производстве;
3) роль в организации производства и
4) доля в распределении.

В связи с первым моментом разбирается вопрос о сословиях как классовых группировках, юридическая форма которых пережила их классовое содержание.

Второй и третий моменты являются центральными, для которых четвертый дает очень важные уточнения. Вследствие этого в наших материалах ему уделено большое место.

б. Историчность классового общества. В проблеме производительных сил и производственных отношений мы останавливались на зависимости производственных отношений от производительных сил. Строй вещей, говорили мы там, определяет строй людей. Это положение и лежит в основе вопроса о происхождении классового общества, его строении, развития и отмирания. Особенность здесь в том, что на известном уровне развития производительных сил отношения людей приобретают особую качественную форму — форму классовых отношений, которые, в свою очередь, своеобразно влияя на производительные силы, развивают

эти последние настолько, что становятся несовместимыми с ними. Классовые отношения на этой ступени развития производительных сил должны быть устранены и вновь заменены отношениями бесклассовыми. Но, конечно, эти последние, формально тождественные с доклассовыми отношениями, безусловно отличны от них по своему качеству, соответственно различию в производительных силах обеих эпох.

Несмотря на пестроту классовых группировок, в каждой исторической формации можно выделить две основные группы, определяющие характер данного общества, его способ производства: группу господствующую и группу угнетенную. Условия классового господства, оставаясь по отношению ко всему классовому обществу в целом одними и теми же — частное владение средствами производства, — в конкретных своих формах подвергаются постоянному изменению в зависимости от условий материального производства. Нужно проследить эти формы в обществах — рабском, феодальном и капиталистическом.

В основе классового общества лежат противоречия интересов классов-антиподов. На начальных стадиях развития противоречия эти являются условием действенности данного способа производства. Но в процессе развития эти противоречия разрастаются, начинают тормозить производство и порождают условия для появления общества на иных отношениях в производстве. В своем развитии они, таким образом, приходят к отрицанию самих себя. Одним из классовых противоречий является противоречие между ролью в производстве, выполняемой классом, и его долей в распределении. Остановиться на этом моменте в данном разделе необходимо для выяснения логики движения классового общества.

Итак, вопрос об историчности классового общества следует проработать по таким направлениям:

1) зависимость классового деления общества от развития производительных сил;

2) классовые противоречия и развитие классового общества.

При работе в аудитории (по § 1) внимание обычно заостряется на процессе разложения родового строя, с одной стороны, и будущем отмирании классов — с другой. Широкий конкретный материал здесь необходимо все время держать в определенных рамках, давая ему указанную теоретическую установку.

По вопросу о противоречиях следует захватывать не только развитую форму (например капитализма), где противоречия непосредственно ведут к гибели этой формы, но и ранние стадии — противоречия в самом способе производства классового общества, в его основе. В противном случае р а з в и т и е противоречий не будет понято и основная мысль этого пункта учащимися уловлена не будет.

в. О с н о в н ы е п у т и к о н с т и т у и р о в а н и я к л а с с о в. Теперь перейдем к внутренним законам образования и движения классов.

Перегруппировка людей в обществе, — образование новых классов,— происходит в связи с изменениями в материально-производственной жизни общества. В новые отношения вовлекаются массы людей, трудовая деятельность которых начинает протекать в условиях, принципиально (качественно) отличных от тех, в которых эти люди действовали до сих пор (железная дорога и ее воздействие на натуральное крестьянское хозяйство; массы крестьянства, выброшенные деревней на заработки в города, и т. п.). Создаются новые общественные группировки, очертания которых можно установить по их положению в производстве. Новые классы налицо. Этот процесс конституирования «классов в себе» проходит в непрерывной борьбе, которая не прекращается и тогда, когда новые классы объективно сложились. Наоборот. Только тогда начинают развертываться новые формы борьбы, свойственные новым классам. В этой борьбе происходит дальнейшее конституирование классов. Каждый из них из «класса в себе» постепенно превращается в «класс для себя», — класс, осознающий себя, свою роль в производстве и свои задачи в борьбе со своими противниками.

Вопрос следует проработать по следующим направлениям:

1) конституирование класса;
2) классовая борьба — борьба политическая;
3) классы и партия и
4) массы — классы — партии — вожди.

Все эти вопросы обычно прорабатываются очень легко, так как учащиеся с ними знакомы по курсу политграмоты. Несколько сложен лишь первый вопрос.

г. Классовая борьба и национальный вопрос. Историческое движение общества на всяком новом этапе развития всегда имеет дело со следами старого, пережитого в давно прошедшие времена. Следы старого так или иначе влияют в новых условиях и по-своему воспринимаются самими борющимися людьми. В классовом обществе люди различаются по экономическому признаку, определяющему всю физиономию той или иной группы их. Но наряду с этим сохранились и держатся особенности, приобретенные на прежних этапах развития человечества — национальные, расовые признаки. Свое влияние в классовое общество они вносят, лишь несколько индивидуализируя конкретные формы проявления классовой борьбы в обществе, и являются поэтому второстепенными, хотя и играющими свою большую роль моментами.

Вопрос следует проработать по такому плану:

1) буржуазия и буржуазный национализм («отечество» и мировой рынок);
2) пролетариат и интернационализм.

2

Буржуазия и пролетариат. Классовая борьба между пролетариатом и буржуазией лежит в основе движения капиталистического об-

щества. Отношение найма-продажи рабочей силы образует буржуазный способ производства. В зависимости от того, при каких условиях возобновляется всякий раз это отношение, борьба между обоими классами принимает тот или иной оборот.

Основным фоном этой борьбы является состояние производительных сил. Овладение буржуазией мелким феодальным производством (захват в свои руки его средств производства и экспроприация непосредственных производителей) создало предпосылки для капиталистического движения общества. В борьбе за свое положение буржуазия неимоверно развила производительные силы. Мелкое производство с тех пор сменилось крупномашинным, обобществленным, с широко развитым разделением труда. Это создало новые условия для борьбы обоих классов, при которых объективное состояние материального производства заключает предпосылки нового способа производства, предпосылки победы пролетариата.

Учебную работу по этому разделу мы проводим по двум направлениям. Сначала обосновываем общие тенденции борьбы между пролетариатом и и буржуазией (пункты — а, б, в — производственное положение буржуазии и пролетариата, происхождение пролетариата, общие условия освобождения пролетариата), а затем иллюстрируем диалектику борьбы обоих классов в разных условиях на конкретных примерах Запада и России. Последнему моменту мы уделяем большое внимание, потому что ограничиваться выводами «вообще» (изучением общих тенденций развития) в наше время нельзя [1]. Без конкретного анализа роли буржуазии и пролетариата в прошлых революциях мы не поймем ни нашей революции, ни, тем более, революции китайской.

а. Производственное положение буржуазии и пролетариата. Производство за счет рабочего класса в условиях конкуренции и анархии производства — так можно определить производственное положение буржуазии. Эксплоатация наемного труда является источником возрастания материального богатства при буржуазии, а борьба за реализацию продуктов производства на рынке, следовательно борьба между отдельными представителями класса буржуазии, — создает тот бурный темп, которым развивается буржуазное производство. Положение эксплоататора наемной рабочей силы определяет роль буржуа внутри производства: помимо собственника средств производства, присваивающего результаты производства, он является организатором этого производства. Роль эта неодинаково присуща буржуазии на разных этапах развития капитализма. Современное буржуазное производство движется без непосредственного участия буржуазии, организованное самим механизмом производства и наемными инженерно-техническими силами. Буржуа как организатор производства — анахроническая фигура, столь же необходимая, сколь и излишняя.

[1] Не говоря уже о том, что это было бы и методологически неверно.

Конкуренция и анархия производства — другая сторона положения буржуазии в производстве—в ходе производства также претерпевает значительные изменения. Эти стимулы поступательного движения буржуазного производства находят свое завершение в организациях капиталистов — картелях, трестах и пр., — по существу направленных против свободного (в буржуазном смысле) развития производства. Идя навстречу конкурентной борьбе, вытекая из нее, они объективно связывают ее, а тем самым констатируют изменение производственного положения буржуазного класса— с одной стороны, и изживание общих условий буржуазного производства— с другой.

Наемный рабочий мелкого производства, организованный капиталистом в крупный производственный механизм—таково положение пролетария в период мануфактуры, в начале капиталистического способа производства. Живая сила, приводящая в движение систему машин крупного современного производства, организованная самим строем этого производства— таково положение класса пролетариата теперь. Из незначительной группы людей, занятой в промышленности феодального периода, пролетариат становится в развитых капиталистических странах крупнейшей частью населения, большинством, производительная деятельность которого покрывает материальные потребности всего общества. Но этому фактическому положению противоречит наемный характер его труда и формы распределения, присущие капиталистическому способу производства. Ту общественную роль в развитии производства, которую в ходе буржуазного производства утратила буржуазия, приобрел пролетариат, с той лишь разницей, что принципы его организующей деятельности совершенно не те, что были в свое время у буржуазии.

Вопрос, таким образом, следует проработать по такому плану:

1) производственное положение буржуазии и его изменения в процессе развития производства;

2) производственное положение пролетариата и его изменение в процессе развития капиталистического способа производства.

Основная задача проработки — показать трансформацию роли обоих классов на протяжении времени существования капиталистического способа производства. Мы наметили эту трансформацию по отношению к каждому классу в отдельности. Но нужно помнить, что ни один из классов не существует изолированно, — каждый класс живет в постоянном взаимодействии с другими классами, в борьбе с ними. Этого не нужно упускать из виду (см. в материалах отрывок из «Людвига Фейербаха», стр. 68-69). Поэтому за указанными двумя пунктами плана должно следовать заключение, увязывающее выводы обоих и сводящееся к вопросу о созревании социальных предпосылок нового общества внутри старого, на основе (и по причине) развития его.

б, в. Происхождение пролетариата. Общие условия освобождения пролетариата. Представленный

у нас материал о производственном положении буржуазии и пролетариата безусловно невелик и нуждается в дополнениях. Эти дополнения мы группируем в виде особых пунктов «б» и «в», беря два крайние момента: 1) происхождение пролетариата и 2) условия его освобождения. Оба вопроса при проработке в аудитории можно включить в предыдущий («а»), но при наличии времени следует остановиться на них отдельно.

Специфическим признаком капиталистического способа производства является товаризация рабочей силы. Для того, чтобы рабочая сила стала товаром, рабочий должен стать пролетарием, — он должен быть свободным от собственных средств производства, которыми он (полностью или частично) располагал при всех прежних способах производства.

Процесс «освобождения» производителя от его средств производства проходил двумя путями: ремесленник «освобождался» от принадлежавших ему средств производства в силу возраставшей экономической зависимости от представителей торгового капитала, крестьянин становился «свободным» из-за экспроприации у него земли и др. средств производства его феодальным властителем. На последующих этапах оба пути совмещались: «освобожденный» частично крестьянин «освобождался» полностью (становился пролетарием), подвергаясь воздействию капитала.

Таким образом, буржуазные отношения в производстве предполагают отделение от производителя всех средств производства. Общество, развивая производство в буржуазной форме, лишается собственных средств производства, все больше и больше концентрирующихся как частная собственность в руках незначительного меньшинства — в руках буржуазии. Эти полярно противоположные моменты выражают существо буржуазного движения производства и глубину той противоположности, которая существует между двумя классами капиталистического общества — буржуазией и пролетариатом.

Если в начале своего существования капиталистический способ производства выступал как представитель обобществляющегося производства против мелкого индивидуального производства, то в конце—в наше время— буржуазное производство, как производство в интересах частных собственников, противоречит обобществленному характеру производства.

Разбор этих вопросов можно провести по таким путям:

1) буржуазное обобществление производства и противоречия, внутренне ему присущие (как обобществленному производству);

2) история пролетариата как процесс лишения рабочего индивидуальных средств труда и обогащения его крупными, коллективными средствами производства.

г. Диалектика классовой борьбы буржуазии и пролетариата. Мы видели, что новые классы образуются в недрах старых, как результат борьбы их. Новые классы складываются, оформляются и живут также в беспрестанной борьбе. Понятия «класс» и «классовая борьба» совершенно неразрывны друг от друга, как неразрывны

сила и вещество, материя. Борьба классов это есть форма движения отдельных людских групп, сложившихся при определенных условиях производства. И наоборот, класс — это социальная группа, которой присущи определенные формы движения в обществе.

Классовая борьба происходит всякий раз в зависимости от конкретных условий, в которых находятся борющиеся классы.

От повседневной «мирной» борьбы за эксплоатацию, за экономические условия в производстве она поднимается до открытой вооруженной борьбы. Революции и являются периодами этого подъема, когда отношения между классами разрешаются «физическим» (Маркс) столкновением людей и когда результат столкновения надолго определяет характер последующего «мирного» периода борьбы.

В революциях с наибольшей яркостью и точностью выявляются физиономии разных классов. Те процессы, которые проходили скрытыми в течение «мирного» периода, дают о себе знать, как только начинается революция.

Буржуазия утвердила свой способ производства в недрах развитого феодализма. Как только способ этот достиг известного развития, буржуазия выступила против феодальных рамок, ее стеснявших, против феодального права и государства. Она создала свое буржуазное государство, опираясь на массы пролетариата, выброшенные из феодальных условий производства, но чувствующие еще на себе многие из его тягот.

Но «свободное» развитие буржуазного общества связано с быстрым углублением антагонизмов, заложенных в самой основе его. Наряду с развитием буржуазии столь же быстро развивался пролетариат. Революции, с которыми должна была выступать буржуазия в XIX веке, чтобы свести счеты с классами феодального общества, очень скоро показали и обратную сторону силы буржуазного класса: силу пролетариата, идущего как против феодалов, так и против буржуа. Так было в 1848 г. в Париже, повторилось в 1871 г. в Коммуне и снова повторилось в 1905 г. в России. Революции, буржуазные по своей общественно-экономической сущности, заставали буржуазию в таком классовом положении, что она колебалась и, объективно, становилась контрреволюционной. А это говорило о ее неспособности обеспечить прогрессивное развитие общества: нужно было или раздавить пролетариат и, воспользовавшись его дезорганизованностью, «наладить» дальнейшее производство в союзе с контрреволюционными феодалами, или... быть смятым пролетариатом, рисковать всем строем производства, господством в нем. Поэтому позднее буржуазные революции, как только они начинались, очень скоро превращались в революции антибуржуазные, движущими силами которых является пролетариат и те слои населения, которые терпят на себе двойной гнет эксплоатации — неизжитый феодальный и «благоприобретенный» буржуазный, — бедняцкие и отчасти середняцкие слои крестьянства.

Для проработки затронутых вопросов мы привлекаем материал, группирующийся по таким разрезам:

1) непоследовательность буржуазии в буржуазных революциях XIX века на Западе;

2) роль буржуазии в революции 1905 г., и

3) роль буржуазии в революциях 1917 г.

Эти три разреза, в целом, дают выводы, необходимые для иллюстрации диалектического подхода к вопросу о классовой борьбе буржуазии и пролетариата.

3-а

Мелкая буржуазия. Капитализм родился и рождается из мелкого производства. Захватывая в товарный обмен массы мелких производителей, капитализм расслаивает их: одних разоряет, лишая их небольших средств производства, других наоборот, обогащая за счет разоряемых. Из мелких производителей, работающих на себя и на очень узкий местный рынок, капитализм делает, с одной стороны, пролетариев, а с другой — буржуа, связанных с мировым рынком. Некоторые из этих последних становятся владельцами крупных средств производства—фабрик, заводов, а большинство продолжает находиться в «переходном» состоянии: как владельцы средств производства, эксплоатирующие наемную силу, они — буржуа, а общая величина их капитала сравнительно невелика, они сами часто заняты в том же производстве, при тех же средствах производства, при посредстве которых они эксплоатируют труд других. Такие «капиталисты» и называются «мелкими буржуа». К ним же относится, главным образом в городах, ряд других слоев населения, не владеющих средствами производства, но общественное положение которых сходно с описанным. В целом они представляют переходные группы, поставляющие своих представителей в обе крайние группировки капиталистического общества — пролетариат и буржуазию.

Мы делим раздел о «средних классах» (мелкой буржуазии) на три части, чтобы иметь возможность отдельно и обстоятельно разобрать вопрос о крестьянстве и выделить в свое место техническую интеллигенцию.

Начнем с мелкой буржуазии.

а. Производственное положение мелкой буржуазии. Производственного положения мелкой буржуазии мы сейчас касались.

Разбор вопроса нужно вести так, чтобы от двойственности производственного положения класса перейти к двойственной роли его в революционной борьбе буржуазного общества.

б. Роль мелкой буржуазии в революциях. Мелкая буржуазия в том смысле, в котором мы ее сейчас касаемся, именно городская мелкая буржуазия играла значительную революционную роль в западно-европейских революциях. Являясь наследницей широко развитого ремесла, эта мелкая буржуазия (или городское мещанство, бюргерство)

представляла значительный процент населения городов и всякий раз своим выступлением клала решающий голос на чашку весов революционной борьбы. Двойственность положения делала этот класс способным на выступление как на стороне революции, так и против нее. Борьба за обладание этими слоями в момент революции являлась всегда одной из главных задач основных борющихся классов.

В России городская мелкая буржуазия не играла той роли, которую играла до сих пор западно-европейская мелкая буржуазия.

В аудитории вопрос прорабатывается лишь в общих чертах и является, по существу, вводным к разбору вопроса о крестьянстве, его роли в революции и отношении к пролетариату.

в. Мелкобуржуазный социализм. Мы помещаем ряд отрывков о мелкобуржуазном социализме. Вопрос этот актуален и затронуть его в данном разрезе необходимо. Хотя под термином этим обычно понимается идейное течение западно-европейского толка, что, впрочем, отражают и приводимые отрывки, но в широком смысле под мелкобуржуазным социализмом нужно понимать любое революционное учение непролетарского, немарксистского направления. С этой стороны в России к мелкобуржуазному социализму должны быть причислены эсеровские и другие «промежуточные» идейные течения, пытавшиеся обосноваться внутри крестьянства.

3-б

Крестьянство. Пролетариат и крестьянство. Вопрос о крестьянстве в революционной теории занимает одно из главных мест. Достаточно сказать, что огромная часть населения земного шара до сих пор занята в крестьянских хозяйствах.

Представляя собою широкий слой людей, живущих мелким производством сельскохозяйственных продуктов, крестьянство несет в себе наибольшее число остатков прежних общественных форм. Капитализм расслоил крестьянство, выделив из него ряд новых классовых групп. Крестьянства как класса-сословия феодального общества не стало, оно распалось на две основные группы капиталистического общества — пролетариат и буржуазию, оставив при этом место для третьей группы — середняков, наибольшей по числу людей. Но все эти группы, вместе взятые, будучи вовлечены в капиталистический процесс производства, не освободились еще от многих феодальных связей, довлеющих над ними из-за неравномерности развития капитализма. Подвергаясь таким образом двойной эксплоатации, крестьянство становится огромной силой в революционном движении, выступающей против остатков феодального господства.

В капиталистическом обществе основные слои крестьянства остаются на том же мелком производстве, дорого производящем и потому существующем за счет чрезмерной эксплоатации живой рабочей силы, при постоянной неуверенности в завтрашнем дне, несущем или голодное существование, или полное разорение. Обогащение и переход в буржуазные слои удается

некоторым из них, умеряя движение против капиталистической эксплоатации и создавая средние колеблющиеся группы в классовой борьбе в деревне. Сельский пролетариат и сельская буржуазия (кулачество) являются двумя антиподами, между которыми колеблется середняцкая масса крестьянства.

Отсюда встает вопрос о выходе крестьянства из капиталистических условий эксплоатации. На капиталистическом, буржуазном пути выход этот идет через разорение огромнейших масс крестьянства, через крайнюю нужду и липение одних и обогащение незначительной кучки, через окулачивание других. Другой путь идет через союз с рабочим классом, через победу вместе с ним, уничтожение остатков феодальных отношений, ограничение капиталистической эксплоатации в деревне и создание на базе высокой техники коллективного сельскохозяйственного производства.

Тема о крестьянстве таким образом распадается на две части: а) о производственном положении крестьянства и б) о классовой борьбе крестьянства, о диалектике этой борьбы в капиталистическом обществе и по выходе из него (в СССР).

а. Производственное положение крестьянства. Производственного положения крестьянства мы только что касались. Пути проработки вопроса следующие:

1) классовая неоднородность крестьянства в буржуазном обществе;

2) крестьянство как класс.

Разбор обоих вопросов в аудитории должен создать предпосылки для обзора классовой борьбы крестьянства на Западе и в особенности в России в 1905 и 1917—1921 гг.

б. Диалектика классовой борьбы крестьянства. Основная задача нашего обзора классовой борьбы крестьянства заключается в том, чтобы проследить вехи, отмечающие путь крестьянства в капиталистическом обществе, приводящий его через многие поражения и колебания к союзу с рабочим классом и победе благодаря этому союзу.

У нас материал сгруппирован по следующему плану:

1) роль крестьянства в революционном движении на Западе;

2) крестьянство в революции 1905 — 1907 гг.

3) крестьянство в революции 1917 г.

Отрывки, объединенные в первую группу, взяты из сочинений Маркса и Энгельса, написанных в разное время. По ним в самых общих чертах видно, как созревала в головах основоположников марксизма мысль об исторической роли пролетариата в отношении к крестьянству.

Довольно пространным материалом о роли крестьянства в движении 1905—1907 и 1917—1921 гг. иллюстрируются те сложные пути, по которым должно было пройти крестьянство, прежде чем победить в союзе с пролетариатом. Материал этот расположен по такому плану:

1) крестьянство накануне революции 1905 г.;

2) буржуазный характер революции 1905 г. и задачи в ней пролетариата и крестьянства;

3) выводы из опыта 1905 г.;
4) о гегемонии пролетариата в революции;
5) крестьянство — союзник пролетариата в Февральской революции 1917 г.;
6) задачи пролетариата и крестьянства в Октябрьской революции;
7) крестьянство в Октябрьской революции и на другой день после нее;
8) крестьянство в гражданской войне 1917—1921 гг.;
9) союз рабочих и крестьян как основа государственного строя после победы революции.

Весь этот материал должен послужить четкой проработке вопроса о крестьянстве. Его сравнительная обширность должна быть использована для правильного усвоения учащимися важнейшей проблемы советского строительства — роли крестьянства. Вопрос о классовой борьбе в современной деревне (о путях развития крестьянского хозяйства в СССР) освещен в главе II в связи с развитием производительных сил в СССР.

3-в

Промежуточные группы (интеллигенция). Помимо рассмотренных классовых групп, занимающих промежуточное положение между буржуазией и пролетариатом, капиталистическим производством создана значительная группа людей, занятая в производстве, в организации и управлении им, — интеллигенция. Производственное положение этой группы отличается противоречиями: с одной стороны, она состоит из наемных работников, а с другой — представляет из себя живой аппарат, через который проводится система капиталистической эксплоатации; она продает свою рабочую силу, но в то же время цена этой продажи очень часто во много раз превышает ее действительную стоимость, как квалифицированной (хотя бы и очень высококвалифицированной) рабочей силы в производстве. По своему образу жизни группа эта ближе стоит к буржуазии, нежели к пролетариату. В революционной борьбе она или колеблется, а чаще всего выступает против рабочего класса.

Вопрос об интеллигенции стоит перед победившим пролетариатом, как вопрос о квалифицированном людском аппарате, возглавляющем научную и техническую стороны организации производства. Ассимиляция старых кадров интеллигенции решает только часть задачи. В основе должно являться создание интеллигенции, непосредственно сливающейся с рабочим классом, путем выучки передовых рабочих и обучения в вузах рабоче-крестьянского молодняка.

Вопрос нужно проработать по такому плану:
1) производственное положение интеллигенции;
2) интеллигенция и борьба классов и
3) интеллигенция и социалистическое строительство.

1. КЛАССЫ. КЛАССОВОЕ ОБЩЕСТВО. ОБРАЗОВАНИЕ КЛАССОВ.

а. ЧТО ТАКОЕ КЛАССЫ?

Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большею частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы — это такие группы людей, из которых одна может присваивать труд другой благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства.

Ленин, Великий почин, соч., XVI, 1 изд., 249.

... Что такое классы вообще? Это то, что позволяет одной части общества присвоивать себе труд другого.

Если одна часть общества присвоивает себе всю землю—мы имеем класс помещиков и крестьян. Если одна часть общества имеет фабрики и заводы, имеет акции и капиталы, а другая работает на этих фабриках, — мы имеем класс капиталистов и пролетариев.

Ленин, Задачи Союза молодежи, соч., XVII, 1 изд., 322—323.

Искать основного отличительного признака различных классов общества в источнике дохода, значит выдвигать на первое место отношения распределения, которые на самом деле суть результат отношений производства. Ошибку эту давно указал Маркс, назвавший невидящих ее людей вульгарными социалистами. Основной признак различия между классами — их место в общественном производстве, а следовательно, их отношение к средствам производства. Присвоение той или другой части общественных средств производства и обращение их на частное хозяйство, на хозяйство для продажи продукта — вот основное отличие одного класса современного общества (буржуазии) от пролетариата, который лишен средств производства и продает свою рабочую силу.

Ленин, Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемые социал-революционерами, соч., V, 2 изд., 201.

...Классы отличаются один от другого не юридическими привилегиями, а фактическими условиями,... следовательно классы современного общества предполагают *юридическое равенство*. И другое различие между сословиями и классами г. Южаков как будто бы не игнорирует: «...Мы... отказались тогда (т. е. после отмены крепостного права)... от крепостного и

сословного строя национальной жизни, в том числе и от системы сословной закрытой школы. В настоящее время внедрение капиталистического процесса дробит русскую нацию не столько на сословия, сколько на экономические классы...» Тут верно указан и другой признак, отличающий сословия от классов в истории Европы и России, именно, что сословия—принадлежность крепостного, а классы — капиталистического общества *.

Ленин, Перлы народнического прожектерства, Соч., II, 2 изд. 281.

Собственники одной только рабочей силы, собственники капитала и земельные собственники, соответственными источниками доходов которых являются заработная плата, прибыль и земельная рента, таким образом, наемные рабочие, капиталисты и земельные собственники, образуют три большие класса современного общества, покоящегося на капиталистическом способе производства.

В Англии современное общество в своей экономической структуре достигло бесспорно наиболее высокого классического развития. Однако и здесь это классовое расчленение не выступает еще в совершенно чистом виде. Даже и здесь средние и переходные ступени везде затемняют пограничные линии (правда, в деревне несравненно менее, чем в городах). Впрочем, это не имеет значения для нашего исследования. Мы уже видели, что постоянная тенденция и закон развития капиталистического способа производства состоит в том, что средства производства все более и более отделяются от труда, что раздробленные средства производства все более концентрируются в значительных массах, что, таким образом, труд превращается в наемный труд, а средства производства в капитал. И этой тенденции соответствует, с другой стороны, самостоятельный процесс отделения земельной собственности от капитала и труда, т. е. превращение всякой земельной собственности в форму земельной собственности, соответствующую капиталистическому способу производства.

Ближайший вопрос, на который мы должны ответить, таков: что образует класс? причем ответ этот получится сам собою, раз мы ответим на другой вопрос: что делает наемных рабочих, капиталистов и земельных собственников элементами, образующими три великие общественные класса?

На первый взгляд, это—тождество доходов и источников дохода. Перед нами три большие общественные группы, члены которых или образующие их индивидуумы живут соответственно заработной платы, прибылью и земельной рентой, при помощи использования своей рабочей силы, своего капитала и своей земельной собственности.

Но с этой точки зрения пришлось бы отнести к двум классам, например, врачей и чиновников, так как они принадлежат к двум различным груп-

---

* Сословия предполагают деление общества на классы, будучи одной из форм классовых различий. Говоря о классах просто, мы разумеем всегда бессословные классы капиталистического общества. — *Прим. авт.*

нам, причем члены каждой из этих групп получают свои доходы из одного и того же источника. То же самое имело бы место и по отношению к бесконечной раздробленности интересов и положений, создаваемой разделением общественного труда как среди рабочих, так и среди капиталистов и земельных собственников, — последние распадаются, например, на владельцев виноградников, пахотной земли, лесов, рудников, рыбных ловель.

Маркс, Капитал, III. ч. 2, 423—424.

Любое распределение средств потребления есть лишь производное следствие распределения самих средств производства. А распределение этих последних составляет характер самого способа производства. Капиталистический способ производства, например, опирается на принадлежности всех вещественных условий производства — капиталов и земли — лицам, не работающим, тогда как масса населения остается собственницей только личных условий производства, т. е. своей рабочей силы. Раз дано это распределение факторов производства, современное распределение предметов потребления вытекает само собою. Как само собою же вытекает отличное от нынешнего распределение предметов потребления, когда условия и средства производства переходят в общественную собственность самих рабочих.

Вульгарный социализм (а благодаря ему и часть демократии) усвоил от буржуазных экономистов взгляд на распределение, как на нечто совершенно независимое от способа производства и поэтому представляет себе задачи социализма главным образом в области распределения. Зачем возвращаться назад, когда действительные отношения давно выяснены.

Маркс, Критика готской программы, изд. 1919, 19—20.

Взгляд, согласно которому лишь распределительные, а не производственные отношения должны рассматриваться как исторически данные, есть, с одной стороны, взгляд только что пробудившейся, но еще связанной критики буржуазной экономии. С другой стороны, он покоится на смешении и отождествлении общественного процесса производства с простым процессом труда, который должен был бы совершать и ненормально изолированный человек, очутившийся вне всякого содействия со стороны общества. Поскольку процесс труда есть только процесс между человеком и природой, его простые элементы общи всем формам общественного развития. Но каждая определенная историческая форма этого процесса развивает далее его материальные основы и его общественные формы. Достигнув известной ступени зрелости, данная историческая форма совлекается и уступает место более высокой. Момент наступления такого кризиса обнаруживается в том, что приобретает особенную широту и глубину противоречие и противоположность между распределительными отношениями,—а следовательно, и исторически определенной формой соответствующих им отношений производства— с одной стороны, и производительными силами, производительной способ-

ностью и развитием ее факторов — с другой стороны. Тогда разражается конфликт между материальным развитием производства и его общественной формой.

Маркс, Капитал, III, ч. 2, Гиз, 1923, 422—423.

...Так называемые распределительные отношения создаются исторически определенными, специфически общественными формами процесса производства и теми отношениями, в которые вступают между собой люди в процессе воспроизводства своей человеческой жизни, и соответствуют этим формам и отношениям. Исторический характер этих отношений распределения есть исторический характер производственных отношений, иную сторону которых они только и выражают собой. Капиталистическое распределение отлично от тех форм распределения, которые возникают из других способов производства, и каждая форма распределения исчезает вместе с определенной формой производства, в которой она коренится и которой она соответствует.

Маркс, Капитал, III, ч. 2, Гиз, 1923, 422.

...Распределение в своих важнейших чертах в каждом данном случае является необходимым результатом условий производства и обмена данного общества, а также исторических условий развития этого общества и притом в такой степени, что, зная эти условия, мы с уверенностью можем сделать вывод относительно господствующего в этом обществе способа распределения.

Энгельс, Анти-Дюринг, Гиз, 1923, 137.

Когда даны характер и способ производства и обмена известного исторического общества и исторические условия этого общества, то вместе с тем даны и характер, и способ распределения продуктов. В родовой или деревенской общине с общим владением землею, с которым или с весьма заметными пережитками которого все культурные народы вступают в историю, вполне само собою понятно довольно равномерное распределение продуктов; там, где возникает значительное неравенство распределения между членами общины, оно служит уже признаком начинающегося разложения общины. Крупное, как и мелкое земледелие допускают, смотря по историческим условиям, из которых они развились, весьма различные формы распределения. Но ясно, что крупное земледелие всегда обусловливает совсем иное распределение, чем мелкое; крупное — предполагает наличность классовой противоположности или порождает ее; это — классовая противоположность между рабовладельцами и рабами, между землевладельцами и батраками, между капиталистами и наемными рабочими, в то время как мелкое земледелие ничуть не обусловливает классовых различий среди занятых в сельскохозяйственном производстве индивидуумов и, напротив того, одним своим существованием указывает на начинающий упадок парцельного хозяйства.

Введение и распространение металлических денег в какой-либо стране, где до того велось исключительно или преимущественно натуральное хозяйство, всегда связано с более или менее медленным или быстрым изменением ранее существовавшего распределения, причем изменение это совершается так, что все больше и больше увеличивается неравенство распределения между отдельными лицами, а вместе с тем увеличивается и противоположность между богатым и бедным. Ограниченное пределами определенного места, цеховое ремесленное производство средних веков в такой же мере делало невозможным появление крупных капиталистов и пожизненных наемных рабочих, в какой их с необходимостью создают современная крупная промышленность, современное развитие кредита и соответствующая уровню развития их обоих форма обмена, свободная конкуренция.

Но вместе с различиями распределения выступают также и *классовые различия*. Общество делится на привилегированные и обойденные, на эксплоатирующие и эксплоатируемые, на господствующие и подчиненные классы, и государство, в котором объединились естественные группы одноплеменных общин сперва лишь для охраны общих интересов (например, для орошения на Востоке) и ради защиты против внешних врагов, получает теперь новое, столь же важное назначение — силою охранять условия жизни и господства привилегированных классов против подвластных.

Впрочем, распределение есть не только простой пассивный результат производства и обмена: оно, в свою очередь, влияет на них в одинаковой степени. Каждый новый способ производства и всякая новая форма обмена тормозятся вначале не только старыми формами и соответствовавшими им политическими учреждениями, но и старым способом распределения. Лишь путем продолжительной борьбы им приходится завоевывать себе соответственное распределение. Но чем подвижнее, чем способнее к развитию и улучшению данный способ производства и обмена, тем быстрее перерастает их распределение и достигает той ступени, на которой оно оказывается в конфликте с существующим способом производства и обмена. Древние первобытные общества, о которых уже была речь, могут просуществовать целые столетия, как они и поныне еще сохранились у индейцев и славян, ранее чем сношения с внешним миром вызовут внутри их такие имущественные различия, вследствие которых начинается их разложение. Напротив, современное капиталистическое производство, насчитывающее всего лишь около 300 лет и ставшее господствующим лишь 100 лет тому назад, в это короткое время создало противоположности в распределении, как концентрация капиталов в немногих руках, с одной стороны, а с другой — концентрация неимущих масс в больших городах, — противоположности, которые неизбежно ведут к гибели.

Связь между распределением в каждый данный период и материальными условиями существования в тот же период так глубоко коренится в самой природе вещей, что она регулярно отражается в народном инстинкте.

Покамест какой-либо способ производства находится в стадии прогрессивного развития, до тех пор его приветствуют даже те, которые при соответствующем способе распределения терпят ущерб. Так это было с английскими рабочими при возникновении крупной индустрии. Пока этот способ производства остается общественно-нормальным, в общем господствует довольство распределением, а если и раздается протест, то он исходит из среды самого господствующего класса (Сен-Симон, Фурье, Оуэн), и как раз у эксплоатируемой массы протест этот не встречает сочувствия. Лишь тогда, когда данный способ производства уже на полпути к своему упадку, когда он наполовину пережил себя, когда условия его существования большей частью исчезли, а преемник его уже стучится у дверей, только тогда начинает казаться несправедливой все возрастающая неравномерность распределения, только тогда апеллируют от пережитых фактов к так называемой вечной справедливости. Такая апелляция к морали и праву в научном отношении нас ни на волос не двигает дальше: экономическая наука не может в нравственном возмущении, как бы справедливо оно ни было, видеть доказательство, а только симптом. Ее задача — доказать, что вновь обнаружившиеся социальные неурядицы являются необходимым следствием существующего способа производства, а вместе с тем указать признаки надвигающегося его разложения и открыть внутри разлагающейся экономической формы элементы будущей, новой организации производства и обмена, устраняющей эти неурядицы. Гнев, подобающий поэту, вполне уместен при описании этих неурядиц или при нападках на отрицающих существующее зло, или на теоретиков мировой гармонии, играющих на руку господствующему классу. Но как мало гнев этот *доказателен* для каждого отдельного случая, видно уже из того факта, что в *каждой* эпохе прошлой истории находится для него достаточно материала.

Политическая экономия, как наука об условиях и формах, в которых различные человеческие общества производили и обменивались и сообразно этому распределяли продукты, такая политическая экономия в таком объеме еще однако должна быть создана. То, что мы теперь знаем из экономической науки, ограничивается почти исключительно происхождением и развитием капиталистического способа производства; она начинается с критики пережитков феодальных форм производства и обмена, доказывает необходимость замены их капиталистическими формами, развивает затем законы капиталистического способа производства и соответствующих ему форм обмена в положительную сторону, т. е. в том направлении, где они содействуют общим целям всего общества, и заканчивает социалистической критикой капиталистического способа производства, т. е., изложением его законов с отрицательной стороны, доказательством, что этот способ производства, в силу собственного развития, приближается к тому пункту, где он сам делает свое дальнейшее существование невозможным. Критика эта доказывает, что капиталистические формы производства и обмена становятся все более и более невыносимой помехой для самого производства; что с необ-

ходимостью обусловленный этими формами способ распределения породил положение классов, становящееся с каждым днем все более невыносимым; он создал каждодневно обостряющуюся противоположность между количественно все уменьшающимися, но все более и более богатыми капиталистами и все более многочисленными и в общем все хуже поставленными неимущими наемными рабочими; наконец, критика эта еще доказывает, что взращенные капиталистическим способом производства массовые производительные силы вышли уже из-под опеки этого производства и ждут только овладения им посредством организованного для планомерной совместной деятельности общества, чтобы обеспечить всем членам общества средства к существованию и к свободному развитию их способностей и притом во все возрастающей степени.

Энгельс, Анти-Дюринг, Гиз, 1923, 132—135.

... В основе классового деления общества лежат производственные отношения. Нам нужно здесь присмотреться к другим возможным решениям вопроса, которые очень «в ходу». Одним из самых ходячих взглядов является деление на классы по признаку «бедных» и «богатых». Если человек имеет в кармане столько-то монет, а другой — вдвое больше, значит, они уже сопричисляются к разным классам. Здесь во главу угла кладется или размер владения, или высота жизненного уровня. Один английский социолог (Д'Эт) выработал даже целую таблицу деления на классы: первый класс, самый низший (босяки) — расходный бюджет 18 шиллингов в неделю, второй класс — 25 шиллингов, третий — 45 и т. д.... Как ни прост такой взгляд, но он совершенно наивен и абсолютно неверен. С этой точки зрения, например, в капиталистическом обществе пришлось бы рабочего-металлиста или линотипщика выключать из пролетариата, а зато крестьянина-бедняка или же ремесленника включать в рабочий класс. Самым революционным «классом» пришлось бы считать тогда люмпен-пролетариат, «пролетариат босяков», и на него возлагать надежды, как на силу, которая будет осуществлять переход к высшей форме общества. С другой стороны, двух банкиров, из которых один втрое богаче другого, пришлось бы рассаживать на две классовые скамейки. Между тем, повседневный опыт указывает нам, что различные слои рабочих идут вместе гораздо скорее, чем происходит совместная борьба рабочих и ремесленников, рабочих и крестьян и т. д. Крестьянин не чувствует себя членом одного и того же класса, что рабочий. И, наоборот, два банкира, будь один из них вдесятеро богаче, чем другой, чувствуют себя членами одной милой семейки. «Объем кошелька, — писал Маркс в «Нищете философии», — это чисто количественная разница, которой два индивидуума одного и того же класса могут быть превосходно направлены друг на друга». Другими словами, разница в «богатстве» не может служить достаточным основанием для определения того, что такое класс, хотя она даже в рамках одного и того же класса производит определенное действие.

Другой очень распространенной теорией является теория, которая берет за основу классового деления общества процесс распределения, т. е. раздел общественного дохода. Если говорить, например, о капиталистическом обществе, то деление дохода на три главных части: прибыль, ренту, заработную плату даст основание для разграничения трех классов: капиталистов, землевладельцев и пролетариев (наемных рабочих); доля каждого из них может при данной величине общественного дохода расти лишь за счет доли другого класса. Поэтому члены одного класса связаны общностью и однородностью интересов по отношению друг к другу—во-первых, и противопоставлены противоречием интересов другим классам — во-вторых.

Если эту теорию не сводить к рассуждению о том, кто получает больше, кто меньше, то тогда неизбежно тотчас же возникает вопрос: но почему же лица, связанные в класс, воспроизводятся, как класс? Почему происходит так, что, скажем, в капиталистическом обществе существуют определенные виды дохода? Где причина устойчивости этих «видов дохода»? Стоит только задать этот вопрос, чтобы сразу увидеть, в чем дело. Эта устойчивость покоится на отношении к средствам производства, в которых, в свою очередь, выражается отношение между людьми в процессе производства. Роль людей в производстве и собственность на средства производства, т. е. «распределение людей» и «распределение средств производства», есть величины, в пределах данного способа производства устойчивые. Раз есть капитализм, то значит, есть категория командующих производственным процессом людей, которые в то же время распоряжаются какими угодно средствами производства, и есть категория людей, которая работает под командой первых, подчиняя им свою рабочую силу и производя им товарные ценности. Именно это обстоятельство и служит причиной того, что в области распределения продуктов труда (т. е. в сфере раздела дохода) тоже получается определенная закономерность. Другими словами, мы пришли к тому, что важнейшие стороны производства—«распределение людей», «распределение вещей», и — составляют основу классовых отношений.

Бухарин, Теория исторического материализма, 1928, 314—316.

Нужно дать ответ на вопрос о том, что же такое профессия. Профессия, ясное дело, связана с процессом труда. Отличие ее от класса, на первый взгляд, заключается в том, что деление по профессиям идет не по линии отношений людей друг к другу, а по линии отношений к вещам, по тому, над какими вещами и какими вещами работают, какие вещи вырабатываются. Токарь по металлу отличается от столяра и от каменщика не тем, что он по-другому относится к капиталистам, а тем, что он работает над металлом, столяр же — над деревом, а каменщик — над камнем.

Однако нельзя сказать, что речь здесь идет только о вещах, ибо профессия есть в тоже время все же общественное отношение: в про-

цессе производства, где профессионально различные работники связаны друг с другом нормам самого процесса производства, между людьми, конечно, есть определенное отношение. Но как бы различны эти отношения ни были, все они стираются перед различиями в главном и основном: перед различиями в труде командующем и исполнительском, — различиями, выраженными в отношениях собственности.

Деление по профессиям, будучи отношением между людьми, вытекающим из их технического отношения к орудиям, методам и объекту труда, отнюдь не совпадает ни с делением труда на командующий и подчиненный, ни с соответствующим «распределением средств производства», т. е. отношениями собственности на эти средства производства.

Бухарин, Теория исторического материализма, 1928, 320—321.

... Какие же бывают классы? Нам кажется правильным, примерно, следующее подразделение:

1. Основные классы данной общественной формы (классы в собственном смысле слова). Таких классов бывает два: командующий и монополизирующий средства производства — с одной стороны; класс исполняющий, лишенный средств производства, работающий на первый класс,—с другой стороны. Специфическая (особенная) форма этого отношения хозяйственной эксплоатации и порабощения определяет и форму данного классового общества. Например: если отношение между командующим классом и исполняющим воспроизводится путем покупки рабочей силы на рынке,—это есть капитализм; если он воспроизводится путем покупки людей или грабежа, или иными путями, но не покупкой одной рабочей силы, если при этом командующий класс распоряжается не только рабочей силой, но «душой и телом» эксплоатируемого, это—рабский строй и т. д...

Основные классы, в свою очередь, подразделяются на подклассы, так сказать, на свои различные фракции (например, в капиталистическом обществе командующая буржуазия разбивается на промышленную буржуазию, торговую буржуазию, банкиров и т. д.; рабочий класс разбивается на квалифицированных и неквалифицированных рабочих).

2. Промежуточные классы. Сюда мы причисляем такие социально-экономические группировки, которые, не будучи остатками старого строя и являясь необходимостью для того строя, в котором они находятся, занимают промежуточное место между командующим классом и классом эксплоатируемым. Такова, например, в капиталистическом обществе техническая интеллигенция.

3. Переходные классы. Сюда мы причисляем такие группы, которые перешли из предыдущей формы общества и которые в данной форме его разлагаются, выделяя разные классы с противоположной ролью в произ-

водстве. Таковы, например, в капиталистическом обществе ремесленники и крестьяне. Это — наследие феодального строя и притом такое, которое выделяет из себя и буржуазию и пролетариат. Возьмем крестьянство.

Оно постоянно при капитализме расслаивается, или, как это называют в экономической науке, дифференцируется: из середняка выделяется кулачок, из кулачка — какой-нибудь скупщик, потом еще одна ступенька — и вот вам самый настоящий буржуа. А, с другой стороны, отсюда же выделяется и пролетарий через ступеньки: безлошадный крестьянин, потом полубатрак или сезонный рабочий, потом уже чистый пролетарий.

4. Смешанные классовые типы. Сюда мы относим такие группы, которые в одно и то же время по одной линии принадлежат к одному классу, по другой—к другому. Железнодорожный рабочий, который имеет хозяйство и принанимает работника, по отношению к железнодорожной компании—рабочий, по отношению к своему работнику—«хозяин» и т. д.

5. Наконец, следует отметить так называемые «деклассированные» группы, т. е. категории людей, выбившихся из рамок всякого общественного труда: люмпен-пролетарии, нищие, деклассированная «богема» и пр.

Когда мы анализируем «абстрактный тип» общества, т. е. какую-нибудь форму его в чистом виде, тогда нам приходится иметь дело только или почти только с основными классами. Наоборот, когда приходится копошиться в конкретной действительности, то, само собой разумеется, приходится считаться со всей пестротой социально-экономических типов и отношений.

Бухарин, Теория исторического материализма, 1928, 321—323.

6. ИСТОРИЧНОСТЬ КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА

История всего предшествующего общества есть история борьбы классов.*

Свободный и раб, патриций и плебей, барон и крепостной, цеховой мастер и подмастерье, короче, угнетатели и угнетаемые находились в постоянной вражде друг с другом, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, ко-

* Говоря точно, та история, о которой существуют письменные свидетельства. В 1847 г. была еще почти совершенно неизвестна история первобытного общества, общественная организация, предшествующая всякой писаной истории. С тех пор Гакстаузен открыл общинное землепользование в России, а Маурер показал, что оно было общественной основой, от которой отправлялись в своем историческом развитии все германские племена. Постепенно оказалось так же, что сельская община с общинным землепользованием была первоначально формой общества от Индии до Ирландии. Наконец, внутренняя организация этого первобытного общества, в его типичной форме, раскрыта была Морганом, выяснившим истинный характер рода (генс) и место, занимаемое родом в племени. Со времени разложения первобытной общины начинается разделение общества на различные, а затем противоположные классы. (Примечание Энгельса к последнему изданию «Манифеста»).

торая каждый раз кончалась революционным переустройством всего общества или совместной гибелью борющихся классов.

В предшествовавшие эпохи истории мы находим почти повсюду полное расчленение общества на различные сословия, многообразную лестницу различных общественных положений. В древнем Риме мы встречаем патрициев, всадников, плебеев и рабов; в средние века феодалов, вассалов, цеховых мастеров, подмастерьев и крепостных, и почти в каждом из этих классов еще особые подразделения.

Выросшее на развалинах феодализма современное буржуазное общество не уничтожило различия классов. Оно только поставило новые классы на место старых, выработало новые способы угнетения и новые виды борьбы.

Наша эпоха—эпоха буржуазии,—отличается, однако, тем, что она упростила классовое противоречие. Общество все более и более разделяется на два больших враждебных лагеря, на два больших, стоящих друг против друга класса: буржуазию и пролетариат.

Маркс и Энгельс, Коммунистический манифест. Гиз, 3 изд., 62—63.

Появившись на средней ступени и развившись на высшей ступени дикости, род достигает своего наивысшего расцвета, насколько позволяют судить об этом наши источники, на низшей ступени варварства. Мы и начнем с этой ступени развития.

Мы находим здесь, где примером должны служить нам американские краснокожие, вполне развившееся родовое устройство. Племя расчленилось на несколько, чаще всего на два рода; эти первоначальные племена распадаются каждый, по мере роста населения, на несколько производных родов, по отношению к которым первоначальный род являлся фратрией; само племя раскалывается на несколько племен, в которых мы встречаем в каждом большей частью древние роды; союз объединяет, по крайней мере в отдельных случаях, родственные племена. Эта простая организация вполне соответствует потребностям общественных условий, которые породили ее. Она представляет собой ничто иное, как естественную группировку их; она оказывается способной улаживать все конфликты, которые могут возникнуть внутри так организованного общества. Во вне устраняет их война; она может кончиться уничтожением племени, но не порабощением его. Великая особенность родового строя, но вместе с тем и его ограниченность, проявляется в том факте, что в нем нет места для господства и для порабощения. Внутри родового строя не существует еще никакого различия между правами и обязанностями; для индейцев не существует вопроса, является правом или обязанностью участие в общественных делах, кровная месть или выкуп ее; он показался бы ему столь же нелепым, как и вопрос о том, чем является еда, сон, охота — правом или обязанностью. Столь же мало могло иметь место расслоение племени и рода на различные классы. И это приводит нас к рассмотрению экономического базиса родового строя.

Население в высшей степени редко; оно уплотняется лишь в месте жительства племени, вокруг которого лежит широким поясом область охоты, затем идет нейтральный пограничный лес, отделяющий его от других племен. Разделение труда—чисто естественного происхождения, оно существует лишь между обоими полами. Мужчина ведет войну, идет на охоту и рыбную ловлю, добывает сырой материал для пищи и необходимые для этого орудия. Женщина работает по дому и занята изготовлением пищи и одежды, варит, ткет, шьет. Тот и другая являются хозяевами каждый в своей области: мужчина в лесу, женщина — в доме. Тот и другая являются собственниками изготовленных и употребляемых ими орудий: мужчина — оружия, охотничьих и рыболовных принадлежностей, женщина — домашней утвари. Домашнее хозяйство ведется на коммунистических началах для нескольких, часто многих семей*. То, что делается и используется сообща, является общею собственностью — дом, огород, лодка.

Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, «Моск. раб.», 1922, 105—106.

Согласно материалистическому пониманию истории, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно бывает двоякого рода. С одной стороны—производство средств существования, предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой—производство самого человека, продолжение вида. Общественные учреждения, в которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обусловливаются обоими родами производства: степенью развития, с одной стороны, труда, с другой — семьи. Чем меньше развит еще труд, чем ограниченнее сумма его продуктов, а, следовательно, и богатства общества, тем более господствующее влияние на общественный строй оказывают отношения между полами. Но между тем, в рамках такого общественного расчленения, основанного на отношениях между полами, все больше и больше развивается производительность труда; а вместе с нею—частная собственность и обмен, различия в богатстве, возможность пользования чужою рабочею силою, и тем самым основа классовых антагонизмов: новые социальные элементы, пытающиеся в ряде поколений приспособить старый общественный строй к новым условиям, пока, наконец, несовместимость обоих не вызовет переворота. Столкновение новообразовавшихся общественных классов взрывает старое общество, покоящееся на родовых объединениях; его место заступает новое общество, выраженное в государстве, подразделениями которого являются не родовые, а местные объединения, общество, в котором от-

* В особенности на северо-западном берегу Америки, см. Банкфрота. У Хаидан на острове королевы Шарлотты встречаются под одной крышей хозяйства, охватывающие до 700 человек. У Ноотка под одной крышей живут целые племена. — *Прим. авт.*

шения собственности вполне господствуют над семейными отношениями, и в котором отныне свободно развертываются классовые антагонизмы и классовая борьба, составляющие содержание писаной истории до нашего времени.

Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, «Моск. раб.», 1922, 7—8.

Непрекращающийся рост производства, а вместе с ним производительности труда, повышал ценность человеческой рабочей силы; рабство, только возникавшее и случайное на предыдущей ступени развития, становится теперь существенной составной частью общественной системы; рабы перестают быть простыми помощниками, десятками их гонят теперь работать на поля и в мастерские. С распадением производства на две большие основные отрасли земледелие и ремесло, возникает производство непосредственно для обмена—товарное производство; вместе с ним появляется торговля — не только внутри племени и на границах его, но уже и морская торговля. Все это еще в весьма мало развитом виде; благородные металлы начинают играть роль денег, но еще не чеканятся, обмениваясь лишь по весу.

Наряду с разделением на свободных и рабов появляется различие между богатыми и бедными—обусловленное новым разделением труда, новое разделение общества на классы. Имущественные различия между отдельными главами семей повсюду разрушают древнюю коммунистическую семейную общину, где она еще сохранилась; вместе с тем исчезает и совместная обработка земли за счет этой общины. Пахотная земля предоставляется в пользование отдельных семей сперва на определенное время, потом раз навсегда, переход к полной частной собственности совершается постепенно и параллельно с переходом парного брака в моногамию. Одиночная семья начинает становиться основной хозяйственной единицей общества.

Возрастающая плотность населения вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и во вне. Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре затем такой же необходимостью становится уже их слияние, а вместе с этим — слияние отдельных племенных территорий в единую общую территорию всего народа. Военачальник народа—чех basileus, thiudans—становится необходимым, постоянным должностным лицом. Появляется народное собрание там, где его еще не было. Вождь, совет, народное собрание образуют органы развивающегося в военную демократию родового строя. Военную... потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни. Богатства соседей подстрекают жадность народов, у которых приобретение богатства представляется уже одною из важнейших жизненных целей. Они варвары — грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем упорный труд. Война, которая раньше велась только для отмщения за нападения или для расширения ставшей недостаточной территории, становится теперь постоянным

промыслом. Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни упираются уже в цивилизацию. То же самое происходит и внутри общества. Грабительские войны усиливают власть верховного военачальника, равно как и второстепенных вождей; обычное избрание его из одной и той же семьи переходит мало-по-малу, в особенности со времени установления отцовского права, в наследственную власть, которая сперва терпится, затем требуется и, наконец, узурпируется; закладываются основы наследственной монархии и наследственного дворянства. Так постепенно отрываются органы родового строя от своего корня в народе, в роде, фратрии, племени, а все родовое общественное устройство превращается в свою противоположность: из организации племени для заведывания своими собственными делами оно превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, и соответственно этому его органы делаются из орудий народной воли—самостоятельными органами господства и угнетения против собственного народа. Но и это ни за что не могло бы случиться, если бы личное стремление к богатству не раскололо членов рода на богатых и бедных, если бы «имущественные различия внутри одного и того же рода не превращали общность интересов в антагонизм между членами рода» (Маркс), и если бы распространившееся рабство не повело уже к тому, что добывание средств к существованию собственным трудом стало признаваться делом, достойным раба, более унизительным, чем грабеж...

На низшей ступени люди производили только непосредственно для собственного потребления; происходивший тут и там обмен носил случайный характер, касался только случайно остававшихся излишков. На средней ступени варварства мы находим у пастушеских народов в виде скота уже такое имущество, которое, при известной величине стад, регулярно доставляет некоторый излишек над собственным потреблением; мы застаем, при том, разделение труда между пастушескими народами и отсталыми племенами без стад, а вместе с тем, две различные, стоящие одна рядом с другой ступени производства приносят нам дальнейшее развитие регулярного обмена. Верхняя ступень варварства приносит нам дальнейшее разделение труда между земледелием и ремеслом, а вместе с ним, производство все большей части продуктов труда непосредственно для обмена, превращение обмена между отдельными производителями в жизненную необходимость для общества. Цивилизация упрочивает и усиливает все эти возникающие до нее виды разделения труда, в особенности обострением противоречия между городом и деревней (причем город может экономически господствовать над деревней, как это было в древности, или же деревня — над городом, как это было в средние века); она присоединяет к этому третье, свойственное ей, весьма важное разделение труда: она создает класс, который занимается уже не производством, а только обменом продуктов—создает к у п ц о в. Все происходившие до сих пор проявления образования классов сосредоточивались еще исключительно в сфере производства; они разделяли занятых в произ-

водстве людей на руководителей и исполнителей, или же на производителей в более крупных и более незначительных размерах. Здесь впервые появляется класс, который, не принимая участия в производстве, захватывает в общем и целом руководство производством и экономически подчиняет себе производителей, который делается неустранимым посредником между каждыми двумя производителями, эксплоатируя при этом их обоих. Под предлогом избавления производителей от труда и риска, связанных с обменом, расширения сбыта их продуктов вплоть до отдельных рынков, чтобы, таким образом, явиться самым полезным классом населения, образуется класс паразитов, класс настоящих общественных захребетников, который в виде вознаграждения за свои в действительности незначительные услуги снимает сливки как с отечественного, так и с иностранного производства, быстро приобретая громадные богатства и соответствующее им общественное влияние, и именно поэтому захватывает в период цивилизации все более почетное положение и все более подчиняет себе производство, пока, наконец, сам не порождает себе свой собственный продукт—периодические торговые кризисы...

... Родовое устройство выросло из общества, не знавшего никаких внутренних противоречий, и было приспособлено только к такому обществу. Оно не обладало никакими другими средствами принуждения, кроме общественного мнения. Здесь же возникло общество, которое, в силу всех своих жизненных экономических условий, должно было расколоться на свободных и рабов, эксплоатирующих—богатых и эксплоатируемых—бедных, общество, которое не только не могло примирить эти противоречия, но должно было все более обострять их. Такое общество могло существовать только при условии непрекращающейся открытой борьбы между собою этих классов или же господства третьей силы, которая, возвышаясь, по видимости, над взаимно борющимися классами, подавляет их открытое столкновение и, самое большее, допускает классовую борьбу в экономической области в так называемой законной форме. Родовое устройство отжило. Оно было разрушено разделением труда и его последствием—разделением общества на классы. Его заменило г о с у д а р с т в о...

Итак, согласно сказанному, цивилизация представляет собою ступень общественного развития, на которой достигают своего полного развертывания разделение труда, возникающий благодаря ему обмен между отдельными лицами и объединяющее оба эти явления товарное производство, и опрокидывают все прежнее общество.

Производство всех предшествовавших ступеней развития общества было по существу общественным, подобно тому, как и потребление совершалось путем прямого распределения продукта внутри больших или меньших коммунистических общин. Эта общность производства осуществлялась в весьма узких границах, но она вела за собой господство производителей над своим производственным процессом и вырабатываемым продуктом. Они знают, что делается с продуктом: они потребляют его, он не покидает их рук; и пока производство ведется на этой основе, оно не может перерасти производи-

телей, не может породить враждебные ему призрачные чуждые силы, как это обыкновенно и неизбежно бывает в период цивилизации.

Но в этот производственный процесс медленно проникает разделение труда. Оно подрывает совместность производства и присвоения, оно делает преобладающим правилом индивидуальное присвоение, и вместе с тем, порождается обмен между отдельными лицами—как это происходит, мы исследовали выше. Постепенно товарное производство становится господствующей формой.

При товарном производстве, при производстве уже не для собственного потребления, а для обмена, товары по необходимости переходят из рук в руки. Производитель при обмене отдает свой товар, он не знает уже, что с ним сделают. Когда же в роли посредника между производителями появляются деньги, а вместе с деньгами — купец, процесс обмена становится еще запутаннее, окончательная судьба продуктов еще неопределеннее. Купцов много, и ни один из них не знает, что делает другой. Товары теперь уже не только переходят из рук в руки, они передвигаются с одного рынка на другой; производители утратили власть над всем производством, с которым соприкасаются, и власть эта не перешла к купцам. Продукты и производство отдаются во власть случайных сил...

С рабством, достигшим при цивилизации наивысшего развития, произошло первое крупное разделение общества на эксплоатирующий и эксплоатируемый классы. Это разделение продолжало существовать в течение всего периода цивилизации. Рабство представляет собой первую, характерную для античного мира, форму эксплоатации; за ним следуют: крепостное право в средние века, наемный труд в новейшее время. Таковы три великие формы порабощения, характерные для трех великих эпох цивилизации; открытое, а с недавних пор замаскированное, рабство всегда сопровождает ее...

Так как основой цивилизации служит эксплоатация одного класса другим, то все ее развитие совершается в обстановке непрекращающихся противоречий. Всякий прогресс в области производства означает, вместе с тем, шаг назад в положении угнетенного класса, т. е. значительного большинства. Всякое благо для одних необходимо является злом для других, всякое новое освобождение одного класса — новым угнетением для другого. Наиболее ярким примером этого служит введение машин, влияние которых теперь общеизвестно. И если у варваров, как мы видели, еще едва можно было различать права от обязанностей, то цивилизация различие и противоречие между ними делает до нелепости ясным, предоставляя одному классу почти все права и взваливая на другой почти все обязанности.

Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, «Моск. раб.», 1922, 108—110, 112, 115, 116, 117 и 118.

Если рабочий все имеющееся в его распоряжении время вынужден затрачивать на производство необходимых средств существования для себя

и своей семьи, то у него, конечно, не остается времени для безвозмездного труда в пользу третьих лиц. Таким образом, пока производительность труда не достигла определенного уровня, в распоряжении рабочего нет того избыточного времени, без которого невозможен прибавочный труд, невозможны, следовательно, и капиталисты, но невозможны в то же время и рабовладельцы, феодальные бароны, одним словом, какой бы то ни было класс крупных собственников...

Отнюдь не следует, как это делалось иногда, соединять мистические представления с этой непосредственно вырастающей производительностью труда. Лишь тогда, когда люди своим трудом уже выбились из первоначального животного состояния, когда, таким образом, их труд уже до известной степени обобществлен—лишь тогда наступают условия, при которых прибавочный труд одного человека становится условием существования другого. На зачаточных ступенях культуры производительные силы труда ничтожны, но таковы же и потребности, развивающиеся вместе с средствами их удовлетворения и в непосредственной зависимости от развития этих последних. Далее, на указанных первых ступенях относительная величина тех частей общества, которые живут чужим трудом, ничтожно мала по сравнению с массой непосредственных производителей. С ростом общественной производительной силы труда эти части возрастают абсолютно и относительно. Впрочем, капитал, как общественное отношение, возникает на экономической почве, представляющей продукт длинного процесса развития. Наличная производительность труда, из которой он исходит, как из своей основы, есть не дар природы, а дар истории, охватывающей периоды не в столетия, а в тысячи столетий.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 492—493.

Мазаи, в восточной Африке, убивают своих пленников потому, что— как говорит Ратцель, — это пастушеское племя еще не имеет *технической возможности* воспользоваться их подневольным трудом. А соседние с этими *пастухами земледельцы* Вакамба имеют возможность использовать этот труд и потому оставляют своим пленникам жизнь, *обращая их в рабство*. Возникновение рабства предполагает, стало быть, достижение известной ступени в развитии общественных сил, позволяющей *эксплоатировать* труд невольников. Но рабство есть такое *производственное отношение*, с появлением которого начинается разделение на *классы* общества, знавшего прежде лишь разделения, соответствующие *полам и возрастам*. Когда рабство достигает полного развития, оно накладывает свою печать на всю экономию общества, а через посредство экономии на все прочие общественные отношения и прежде всего на *политический строй*. Как ни различались между собою по своему политическому устройству античные государства, но их главная черта состояла в том, что каждое из них было

политической организацией, выражавшей и защищавшей интересы одних свободных людей.

Плеханов, Основные вопросы марксизма, Гиз, 1925. Соч., XVIII, 206.

Подобно тому, как люди первоначально произошли из царства животных, в более тесном смысле, так они вступают и в историю еще наполовину зверями, еще дикими, еще бессильными противостоять силам природы, еще незнакомыми со своими собственными силами; поэтому они бедны, как звери, и едва ли продуктивнее их. Господствует известное равенство уклада жизни, а также и известного рода равенство общественного положения глав семейств; нет общественных классов, и это отсутствие классовых делений наблюдается еще в первобытном земледельческом обществе позднейших культурных народов. В каждом подобном обществе существуют с самого начала известные общие интересы, защита которых должна быть поручена отдельным лицам, хотя бы под контролем всего общества; сюда относится — разрешение споров; наказания виновных за проступки; наблюдение за источниками воды, в особенности в жарких странах и, наконец, в первобытном состоянии — религиозные функции. Подобные должности встречаются в первобытном обществе всегда, как в древнейшей германской марке, так и ныне еще в Индии. Они снабжены, разумеется, известными полномочиями и служат зачатками государственной власти. Постепенно возрастают производительные силы; большая густота населения создает в одном месте общие, в другом — противоречивые интересы между отдельными общинами, группировка которых в более крупные единицы, в свою очередь, вызывает новое разделение труда, создание новых органов для защиты общих и устранения противоположных интересов. Эти органы, которые уже в качестве представителей общих интересов всей группы занимают по отношению к каждому отдельному обществу особое, при известных обстоятельствах даже противоположное положение, вскоре становятся еще более самостоятельными отчасти в силу наследственного перехода должностей, что почти само собою понятно в мире, где все протекает стихийно, отчасти же в силу общественной необходимости, возрастающей по мере увеличения споров с другими группами. Как эта самостоятельность общественной функции по отношению к обществу могла дойти до господства над обществом, как слуга при удобном случае превращался в господина, как господин этот, смотря по обстоятельствам, выступал то в качестве восточного деспота или сатрапа, то как греческий родовой государь или кельтский начальник клана и т. д., как он при этом превращении в конце концов прибегал к насилию, как, наконец, отдельные господствующие лица сомкнулись в господствующий класс, этого нам здесь незачем касаться. Здесь речь идет только о том, чтобы установить, что основой политического господства служила всюду общественно-должностная деятельность, и политическое господство только там продолжало существовать, где оно исполняло эту свою общественно-должностную функцию. Сколь-

ко деспотий ни возникло и ни гибло в Персии и Индии, каждая из них очень хорошо знала, что она прежде всего — общая предпринимательница по всему орошению речных долин, без которого там невозможно земледелие. Только просвещенные англичане в Индии упустили это из виду; они запустили оросительные каналы и шлюзы и, благодаря регулярно повторяющемуся голоду, убеждаются теперь, что они пренебрегли единственной деятельностью, которая могла бы сделать их господство в Индии, по крайней мере, столь же правомерным, как и господство их предшественников.

Но наряду с таким образованием классов шло еще и другое. Естественное разделение труда среди земледельческой семьи дозволяло на известном уровне благосостояния пользоваться услугами одной или нескольких посторонних рабочих сил. Это особенно наблюдалось в странах, где старое общинное землевладение уже распалось или же, по крайней мере, старая совместная (всем обществом) обработка земли отступила на задний план перед обособленной обработкой своих земельных участков соответствующими семьями. Производство настолько развилось, что рабочая сила человека могла теперь создать больше, чем необходимо было для простого ее поддержания; налицо оказались средства для содержания большого количества рабочих сил, а также и орудия труда, чтобы занять эти силы; в виду этого рабочая сила приобрела ц е н н о с т ь. Но собственная община и союз, в который она входила, не доставляли свободных избыточных рабочих сил. Зато они доставлялись войной, а последняя была также стара, как и одновременное сосуществование многих общественных групп. До сих пор не знали, что делать с военнопленными—их просто убивали, а еще раньше их съедали. Но на достигнутом теперь уровне «экономического положения» они приобрели ценность; их оставляли в живых и пользовались их трудом.

Таким образом, сила, вместо господства над экономическим положением, сама принуждена была подчиниться и служить ему. Р а б с т в о было открыто. Вскоре оно сделалось господствующей формой производства у всех народов, переросших по своему развитию старую общину, но в конце концов оно же стало одной из главных причин их упадка. Лишь благодаря рабству стало возможно в более широких рамках разделение труда между земледелием и промышленностью, а вместе с тем и расцвет древнего мира — эллинизм. Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и науки; без рабства не было бы Римской империи, не было бы и современной Европы. Мы не должны никогда забывать, что все наше экономическое, политическое и интеллектуальное развитие имеет своей предпосылкой такое состояние, в котором рабство было столь же необходимым, как и общепризнанным институтом. В этом смысле мы вправе сказать: без античного рабства не было бы современного социализма.

Это очень дешевый прием в общих фразах нападать на рабство и т. п. и изливать свое высокое моральное негодование по поводу таких безобразий. К сожалению, этим не говорят ничего, кроме того, что каждый знает,

а именно, что эти античные учреждения нашим нынешним условиям и определяемым этими условиями чувствам уже не соответствуют. Но мы не узнаем отсюда ни слова о том, как возникли эти учреждения, почему они существовали и какую роль они сыграли в истории. Коснувшись же этого, мы должны сказать, как бы парадоксально и еретически это ни звучало, что введение рабства являлось при тогдашних условиях крупным прогрессом. Ведь это—факт, что человек был вполне зверем и нуждался в варварских, почти зверских средствах, чтобы выйти из состояния варварства. Древние общины (Die alte gemeinwesen) повсюду — от Индии до России — где они продолжали существовать, образуют основу самой жестокой государственной формы, восточной деспотии. Лишь там, где эти общины распались, народы самостоятельно пошли дальше вперед, и их ближайший экономический прогресс заключался в повышении и развитии производства при помощи труда рабов. Ясно, что до тех пор, пока человеческий труд был так мало продуктивен, что мог доставлять лишь весьма малый излишек сверх необходимых жизненных средств, подъем производительных сил, расширение путей сообщения, развитие государства и права, возникновение искусств и науки возможны были лишь при введении системы разделения труда, основанной на строгом его разделении между занятыми простым физическим трудом массами и немногими привилегированными, которые заведуют работами, ведут торговлю, занимаются государственными делами, а позднее искусствами и наукой. Простейшей и самой естественной формой такого разделения труда именно и было рабство. При исторических предпосылках древнего, в особенности греческого мира, переход к основанному на классовых противоречиях обществу мог совершиться лишь в форме рабства. В этом заключался прогресс даже для самих рабов: военнопленные, из которых состояли массы рабов, оставлялись теперь хоть в живых, между тем как прежде их убивали, а еще раньше они шли на жаркое.

Добавим кстати, что все до сих пор существовавшие противоречия между эксплоатируемыми и эксплоатирующими, между господствующими и угнетенными классами общества находят свое объяснение в той же сравнительно неразвитой производительности человеческого труда. До тех пор, пока действительно трудящееся население настолько поглощено своей необходимой работой, что не имеет времени заниматься общими делами, руководством работами, государственными делами, правовыми вопросами, искусством, наукой и т. д., до тех пор должен был постоянно существовать особый класс, который, будучи свободен от действительной работы, занимался этими общими делами, причем класс этот никогда не пропускал случая в собственных своих интересах взвалить на трудящиеся массы все больше и больше работы. Лишь достигнутое, благодаря крупной промышленности, огромное повышение производительных сил дает возможность разделить труд между всеми без исключения членами общества и ограничить в силу этого рабочее время каждого отдельного члена настолько, чтобы каждому осталось достаточно свободного времени для теоретического и практического участия в об-

ших делах. Лишь теперь, следовательно, стал излишним всякий господствующий и эксплоатирующий класс; более того—он стал помехой для дальнейшего общественного развития, и лишь теперь он будет неумолимо устранен, хотя бы он и располагал «непосредственной силой».

Энгельс, Анти-Дюринг, Гиз, 1923, 161—164.

Не каждому обладание рабом идет впрок. Чтобы пользоваться рабом, необходимо располагать двумя вещами: во-первых, орудиями и материалами для работы раба и, во-вторых, средствами для скудного его содержания. Следовательно, раньше чем сделалось возможным рабство, надо было достичь известного уровня развития производства и известного неравенства распределения, а для того, чтобы труд рабов сделался господствующим способом производства целого общества, нужно гораздо высшее развитие производства, торговли и накопления богатства. В старых первобытных общинах, сообща владевших землей, рабство или совсем не встречается, или оно играет там лишь весьма второстепенную роль. Точно то же наблюдается и в первобытном крестьянском городе Риме; но когда Рим стал мировым городом, и итальянское землевладение все больше и больше сосредоточивалось в руках немногочисленного класса чрезвычайно богатых собственников, тут-то крестьянское население было вытеснено населением рабов. Ко времени Персидских войн, когда число рабов в Коринфе дошло до 460 тысяч и в Эгине до 470 тысяч, так что на каждого свободного гражданина приходилось 10 рабов, понадобилось нечто большее, чем «насилие», а именно, высоко развитая художественная и ремесленная индустрия и обширная торговля. Рабство в Американских Соединенных штатах зиждилось гораздо меньше на насилии, чем на английской хлопчатобумажной промышленности; в странах, где не рос хлопок, или где не занимались продажей рабов для стран с развитой хлопчатобумажной промышленностью, там рабство вымирало само собой, без всякого применения насилия, просто потому, что оно не оплачивалось.

Если, поэтому, г. Дюринг нынешнюю собственность называет насильственной и определяет ее, «как ту форму господства, которая о с н о в а н а не только на исключении ближнего от пользования естественными средствами существования, но—что гораздо важнее—на порабощении человека», то он совершенно извращает все положение дела. Порабощение человека, превращение его в холопа, во всех формах предполагает заранее наличность у поработителя орудий труда, посредством которых он только может извлечь пользу из порабощенного, а при невольничестве еще, кроме того, и обладание жизненными продуктами, необходимыми для поддержания жизни раба. Во всех случаях, следовательно, предполагается обладание известным, превышающим средний уровень, богатством. Спрашивается, как оно возникло? Во всяком случае, ясно, что хотя оно могло быть награблено, т. е. основываться на насилии, но это вовсе не необходимо. Оно могло быть добыто так-

же путем работы, воровства, торговли, мошенничества. Оно даже должно было быть выработано раньше, чем могло быть награблено.

Энгельс, Анти-Дюринг, Гиз, 1923, 144—145.

Если «политические условия являются решающей причиной экономического положения», то современная буржуазия должна была бы развиться не в борьбе с феодализмом, а быть добровольно взращенным чадом последнего. Между тем каждый знает, что было как раз наоборот. Буржуазия,—будучи вначале угнетенным сословием, обязанным платить дань господствующему феодальному дворянству, рекрутировавшаяся из разного рода подданных и крепостных, в постоянной борьбе с дворянством отвоевывала постепенно одну позицию за другой и, наконец, в наиболее развитых странах сделалась господствующей. Во Франции она достигла этого, прямо свергнув дворянство, а в Англии— путем постепенного обуржуазивания аристократии и инкорпорирования ее в качестве своей орнаментальной верхушки. Как она достигла этого? Исключительно посредством изменения «экономического положения», за которым раньше или позже, добровольно или насильно следовало изменение политических условий. Борьба буржуазии против феодального дворянства — это борьба города против деревни, промышленности против землевладения, денежного хозяйства против натурального, а решающим оружием бюргеров в этой борьбе была их э к о н о м и ч е с к а я мощь, постоянно возраставшая, благодаря развитию сперва ремесленной промышленности, перешедшей потом в мануфактуру, и распространению торговли. Во время всей этой борьбы политическая власть была на стороне дворянства, за исключением одного периода, когда корона пользовалась горожанами как орудием против дворянства с целью держать оба сословия во взаимном равновесии; но с того момента, как политически все еще бессильная буржуазия, благодаря своему возрастающему экономическому могуществу, начала становиться опасной силой королевская власть вновь заключила союз с дворянством, вызвав этим сначала в Англии, а потом во Франции буржуазную революцию. «Политические» условия во Франции оставались неизменными, между тем как «экономическое положение» переросло их. В политическом отношении дворянство был все, а буржуазия—ничто; но по социальному положению буржуазия стала теперь важнейшим классом в государстве, в то время, как дворянство утратило все свои социальные функции и только лишь в своих доходах получало уплату за эти утраченные функции. Мало того, буржуазия во всем своем производстве оставалась втиснутой в феодальные политические формы средневековья, из которых это производство—не только мануфактура, но даже и ремесло—давным давно выросло; все насчитывавшиеся тысячами цеховые привилегии и местные и провинциальные таможенные перегородки только тормозили и сковывали производство. Буржуазная революция положила этому конец. Но она сделала это по рецепту г. Дюринга. она не приспособляла экономическое положение к политическим условиям, как

корона и дворянство в течение ряда лет тщетно пытались сделать, а, наоборот, она отбросила старую, негодную политическую ветошь и создала политические условия, в которых новое «экономическое положение» могло существовать и развиваться. В этой благоприятной политической и правовой атмосфере оно блестяще развивалось; настолько блестяще, что буржуазия уже недалеко от того положения, которое в 1789 г. занимало дворянство: она становится все более и более не только социально излишней, но даже социальным тормозом; она перестает участвовать в производстве и становится, как в свое время дворянство, исключительно загребающим доходы классом. Буржуазия свершила переворот в своем собственном положении и создала новый класс — пролетариат — чисто экономическим путем, без фокуса с насилием. Более того: она вовсе не желала этого результата собственной деятельности; напротив, результат этот с непреодолимой силой явился против ее воли и против ее намерений; ее собственные производительные силы больше не повиновались ее руководительству и неизбежно вели все буржуазное общество к гибели или к новому социальному перевороту. И если буржуа взывают теперь к власти, чтобы спасти от гибели падающее «экономическое положение», то они этим только доказывают, что они впали в то же заблуждение, как и г. Дюринг, будто «политические условия являются решающей причиной экономического положения»; что они вообразили, совсем как Дюринг, будто они могли бы с помощью «первичного средства» с помощью «непосредственной политической силы» переделать экономическое положение и его неотвратимое развитие и, таким образом, с помощью крупповских пушек и маузеровских ружей, снова стереть с лица земли экономические следствия паровой машины и двигаемых ею современной механической индустрии, мировой торговли и нынешнего развития банков и кредитных операций.

Энгельс, Анти-Дюринг, Гиз, 1923, 147—149.

Вообще частная собственность вовсе не появляется в истории как результат разбоя и насилия. Напротив того. Она существует, хотя и распространяется только на известные предметы, уже в древнейшей первобытной общине всех культурных народов. Уже в этой общине, сначала в меновой торговле с чужестранцами, собственность развилась в форму товара. По мере того, как продукты производства общины принимают форму товара, т. е., чем меньше они производятся для собственного потребления производителей и чем больше — для меновой торговли, чем больше мена и внутри общины вытесняет первоначальное естественное разделение труда, тем неравномернее становится уровень состоятельности отдельных членов общины, тем глубже подрывается старая общность землевладения, тем быстрее община превращается в поселение отдельных владельцев парцелл. Ни восточный деспотизм, ни попеременное господство воинственных кочевников в течение тысячелетий не могли сокрушить этой старой общины, но постепенное уничтожение ее

первобытной кустарной промышленности, не выдерживающей конкуренции продуктов крупной индустрии, все больше и больше приводит ее к упадку. О насилии здесь так же мало может быть речь, как, например, при теперь еще происходящем разделе общинной земли «gehöferschaften» на Мозеле и в Гохвальде: крестьяне находят для себя выгодной замену общинного владения частной собственностью на свою полосу, и раздел происходит с добровольного соглашения без всякого насилия. Даже образование самобытной аристократии на почве общего землевладения, как это было у кельтов, германцев и в индийском Пенджабе, основывается вовсе не на насилии, а на добровольном соглашении и привычке. Везде, где развивается частная собственность, она является следствием изменившихся условий производства и обмена в интересах увеличения производства и улучшения обращения, т. е. в силу экономических причин. Насилие при этом вовсе не играет никакой роли. Ведь ясно, что институт частной собственности должен был существовать раньше, чем разбойник мог присвоить себе чужое добро; следовательно, насилие может изменить, пожалуй, состояние владения, но ни в коем случае не создает частную собственность, как таковую.

Но и для объяснения «обращения человека в рабство» в его современной форме и в форме наемного труда нам не может пригодиться ни насилие, ни приобретенная насильственным путем собственность. Мы уже упомянули, какую роль играет превращение продуктов труда в товары, производство их не для собственного потребления, а для обмена при распадении древней общины, т. е. при прямом или косвенном распространении частной собственности на все общество. Между тем, Маркс в «Капитале» вполне ясно доказал — и г. Дюринг остерегается хотя бы одним словом обмолвиться по этому поводу — что производство товаров, достигнув известной ступени развития, превращается в капиталистическое производство; и «что на этой ступени, основанной на производстве и обращении товаров, закон присвоения, или закон частной собственности, в силу своей собственной, внутренней, неотвратимой диалектики переходит в свою противоположность; обмен эквивалентов, являвшийся основной операцией, принимает совершенно иной характер: обмен происходит теперь только кажущийся, так как, во-первых, часть капитала, обмененная на рабочую силу, сама составляет лишь часть присвоенного без эквивалента чужого продукта труда и, во-вторых, означенная часть капитала не только полностью, но еще с новым излишком должна быть возмещена его производителем, рабочим... Первоначально собственность представлялась нам основанной на собственном труде... Теперь (к концу развития, описанного Марксом) собственность представляется нам на стороне капиталиста, как право присвоения чужого неоплаченного труда, а на стороне рабочего — как невозможность присвоить себе свой собственный продукт. Отделение собственности от труда становится необходимым следствием закона, исходившего, повидимому, из их тождественности». Иными словами, даже если мы исключили возможность какого-либо разбоя, какого-либо наси-

лия и какого-либо обмана, если мы предположили, что всякая частная собственность зиждется сначала на личном труде владельца, и что затем обмениваются только равные ценности на равные, мы все же при дальнейшем развитии производства и обмена по необходимости приходим к нынешнему капиталистическому способу производства, к монополизации орудий производства и жизненных продуктов одним немногочисленным классом и к низведению другого класса, составляющего огромное большинство, на степень неимущих пролетариев, к периодической смене чрезмерного перепроизводства и торговых кризисов и ко всей нынешней анархии производства. Весь процесс объясняется чисто экономическими причинами, причем ни разу не оказалось надобности в разбое, насилии, государственном или каком-либо ином политическом вмешательстве. Таким образом «насильственная собственность» и здесь оказывается только задорной фразой, которая должна прикрыть отсутствие понимания действительного хода вещей.

А ход их, выражаясь исторически, есть история развития буржуазии.

Энгельс, Анти-Дюринг, Гиз, 1923, 145—147.

Если бы мы не имели лучшей гарантии приближающегося изменения нынешнего способа распределения продуктов труда вместе с его вопиющими контрастами нищеты и роскоши, голода и пресыщенности, кроме сознания, что такой способ распределения несправедлив, и что право должно же в конце концов когда-либо восторжествовать, то дело наше обстояло бы плохо, и нам пришлось бы еще долго дожидаться. Средневековые мистики, мечтавшие о наступлении тысячелетнего царства, уже сознавали несправедливость классовых противоположностей. На пороге новой истории, 350 лет тому назад, об этом громко возвестил миру Томас Мюнцер. И тот же клич раздается и... смолкает в английской и французской буржуазных революциях. И если теперь призыв к уничтожению классовых противоположностей, оставлявший до 1830 г. трудящиеся и страдающие массы равнодушными, встречает миллионное эхо, если он теперь охватывает одну страну за другой, притом в той последовательности и с той интенсивностью, в какой крупная промышленность развилась в каждой данной стране; если он приобрел в период жизни одного поколения такую силу, что может противостоять всем объединившимся против него силам и может быть уверенным в близкой победе, то чем это объяснить? Тем, что современная крупная индустрия создала, с одной стороны, пролетариат, класс, который впервые в истории имеет возможность выставить требование уничтожения не той или иной особой классовой организации, не той или иной особой классовой привилегии, но вообще самих классов, и который, кроме того, поставлен в такое положение, что должен непременно осуществить это требование под страхом превращения в китайского кули. А, с другой стороны, та же самая крупная индустрия создала в лице буржуазии класс, владеющий монополией на все орудия производства и на все жизненные средства, но доказывающий в каждый период

промышленной горячки и следующего за ней кризиса, что он утратил способность далее руководить выросшими из-под его опеки производительными силами,— класс, под предводительством которого общество мчится к своей гибели, как локомотив, машинист которого не в силах открыть спасительный клапан.

Другими словами, это происходит оттого, что созданные современным капиталистическим способом производства производительные силы, как и созданная им же система распределения имуществ впали в вопиющее противоречие с самим этим способом производства и притом в такой степени, что переворот в способе производства и распределения, устраняющий все классовые различия, стал неизбежен, так как иначе должно погибнуть все общество. На этом осязательном материальном факте, с непреодолимой необходимостью в более или менее ясной форме проникающем в умы эксплоатируемых пролетариев, на нем, а не на представлениях того или иного кабинетного мудреца о нравственности и несправедливости основана уверенность в победе современного социализма.

Энгельс, Анти-Дюринг, Гиз, 1923, 141—142.

...Недостаточное потребление масс, ограничение потребления масс уровнем необходимого для поддержания существования и продолжения рода не есть какое-то новое явление. Оно существовало всегда, поскольку существовали эксплоатирующие и эксплоатируемые классы. Даже в такие периоды истории, когда положение масс было особенно благоприятным, как, например, в Англии в XV в., было неполное потребление. Даже в этом случае массы были далеки от того, чтобы иметь в своем распоряжении весь свой годовой продукт для собственного потребления...

...Недостаточность потребления народных масс является необходимым условием всех покоящихся на эксплоатации общественных формаций, следовательно и капиталистической; но только капиталистическая форма производства доводит до кризисов. Недостаточность потребления масс является, таким образом, предварительным условием кризисов и играет в них давно признанную роль, но она так же мало говорит нам о причинах теперешнего существования кризисов, как о причинах их прежнего отсутствия.

Энгельс, Анти-Дюринг, Гиз, 1923, 259—260.

Но в резком противоречии с этим общественным способом *производства* стоит индивидуальное *присвоение* продуктов, выросшее при совершенно иных экономических условиях, в эпоху процветания мелкой промышленности и мелкой земельной культуры. Продукты общественного труда работников поступают, таким образом, в частную собственность предпринимателей. Этим коренным экономическим противоречием обусловливаются

все другие общественные и политические противоречия, замечаемые в современных обществах. И это коренное противоречие становится все более и более интенсивным. Предприниматели не могут отказаться от общественной организации производства, потому что в ней заключается источник их богатства. Напротив, конкуренция заставляет их распространять эту организацию на другие отрасли промышленности, в которых она прежде не имела места. Крупные промышленные предприятия убивают мелких производителей и, таким образом, увеличивают численность, а следовательно, и силу рабочего класса. Роковая развязка приближается. Чтобы устранить вредное для них противоречие между способом производства продуктов с одной стороны и способом их распределения—с другой,—рабочие должны будут овладеть политической властью, которая фактически находится теперь в руках буржуазии. Если угодно, вы можете сказать, что рабочие должны будут совершить «политическую катастрофу». Экономическая эволюция роковым образом ведет к политической революции, а эта последняя будет, в свою очередь, источником важных изменений в экономическом строе общества. Способ производства продуктов медленно и постепенно принимает общественный характер. Соответствующий ему способ присвоения их явится результатом насильственного переворота.

Плеханов, Новый защитник самодержавия, или горе Г. Л. Тихомирова, Соч., III, Гиз, 1923, 53—54.

Все развитие человеческого общества, после его выхода из состояния первобытной дикости, начинается с того дня, когда семья начала производить больше продуктов, чем необходимо было для поддержания жизни ее членов, с того дня, как явилась возможность употреблять часть труда не только на производство одних лишь жизненных припасов, но и на изготовление орудий производства. Избыток продуктов труда над издержками его поддержания и образования и увеличение общественного производственного и запасного фонда из этих избытков служило и служит основой всего общественного, политического и социального прогресса. В минувшей истории фондом этим владел привилегированный класс, которому вместе с этим владением достались также и политическое господство, и умственное предводительство. Только предстоящий социальный переворот, изъяв этот общественный производственный и запасный фонд из владения привилегированного класса и предоставив его, как общее достояние, всему обществу, сделает этот фонд, т. е. всю совокупность сырья, орудий производства и жизненных средств действительно общественным.

Энгельс, Анти-Дюринг, Гиз, 1923, 175.

Со времени исторического выступления капиталистического способа производства, идея овладения всеми средствами производства самим обществом часто появлялась у отдельных лиц и у целых сект более или менее

неясно, как идея будущего. Овладение это могло стать осуществимым, могло стать исторической необходимостью лишь тогда, когда налицо оказались материальные условия его осуществления. Обобществление орудий производства, как и всякий иной общественный прогресс, становится осуществимым не в силу явившегося понимания, что существование классов противоречит справедливости, равенству и т. д., не в силу простого желания упразднить эти классы, но в силу известных новых экономических условий. Разделение общества на эксплоатирующий и эксплоатируемый, на господствующий и угнетенный классы было необходимым следствием прежнего способа развития производства. До тех пор, пока общественный совокупный труд доставляет продукт, лишь немногим превышающий необходимые для скудного существования потребности всех, т. е. до тех пор, пока труд отнимает все или почти все время огромного большинства членов общества, — до тех пор общество по необходимости делится на классы. Наряду с этим, занятым исключительно ручным трудом, огромным большинством образуется другой, освобожденный от непосредственно-производительного труда класс, который исполняет общие дела всего общества: руководит работами—ведает государственные дела, творит суд, занимается науками, искусствами и т. д. Таким образом, в основе деления на классы лежит закон разделения труда. Этим не сказано, что деление на классы осуществилось без насилия и разбоя, без хитростей и обмана, и что господствующий класс, захватив бразды правления, пропускал случай закрепить свое господство во вред трудящемуся классу и превратить общественное управление в эксплоатацию масс.

Но если деление на классы имеет известное историческое оправдание, то оно имеет его лишь для известной данной эпохи, лишь при известных общественных условиях. Оно покоилось на несовершенстве производства — оно будет уничтожено благодаря полному развитию современных производительных сил. И, действительно, упразднение общественных классов имеет своей предпосылкой такой уровень общественного развития, на котором не только существование того или иного определенного и господствующего класса, но и вообще господствующего класса, т. е. самого различия классов, становится анахронизмом, становится устарелым пережитком. Следовательно оно имеет предпосылкой такой уровень развития производства, когда присвоение средств производства и продуктов, а с ним и политического господства и монополии на образование и духовное руководительство со стороны особого общественного класса становится не только излишним, но и прямым препятствием к дальнейшему экономическому, политическому и интеллектуальному развитию. Уровень этот ныне достигнут. Если политическое и интеллектуальное банкротство буржуазии едва ли еще составляет тайну для ее самой, то экономическое ее банкротство регулярно повторяется каждое десятилетие. При каждом кризисе общество задыхается под тяжестью своих собственных, но для него недоступных производительных сил и продуктов и стоит беспомощно пред нелепым противоречием: производители не имеют чем удовлетворить свои потребности, потому что ощущается недостаток в потре-

бителях. Напор расширения средств производства разрывает цепи капиталистического способа производства. Освобождение их от этих оков является единственным предварительным условием беспрерывного, постоянно прогрессирующего развития производительных сил, а с ним и практически беспредельного увеличения самого производства. Мало того — общественное присвоение устранит не только ныне существующие искусственные тормозы производства, но устранит также и положительное истребление и разрушение производительных сил и продуктов — этого ныне неизбежного спутника производства, достигающего своей кульминационной точки в кризисах. Далее, общественное присвоение, устранив безумную расточительную роскошь ныне господствующего класса и его политических представителей, освободит массу средств производства и продуктов в пользу всего общества. Возможность обеспечить посредством общественного производства всем членам общества существование, не только материально вполне удовлетворительное и к тому же с каждым днем все улучшающееся, но гарантировать им также всестороннее свободное развитие и применение их физических и духовных способностей, — такая возможность окажется впервые, но она окажется несомненно.*

С переходом средств производства во владение общества, упраздняется товарное производство, а с ним и господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства будет замещена планомерной сознательной организацией. Борьба за личное существование прекратится. Только тогда человек в известном смысле окончательно отделится от царства животных и перейдет из животных условий существования в истинно человеческие. Сфера окружающих человека жизненных условий, которая доныне господствовала над людьми, впервые подчинится господству и контролю людей, которые впервые станут сознательными действительными царями природы, потому что по мере того, как они станут господами своих собственных общественных отношений, законы их собственной общественной работы, которые до сих противостояли им, как посторонние над ним господствовавшие естественные законы, будут тогда с полным знанием дела применяться людьми и подчиняться им. Обобществление самих людей, которое до сих пор противостояло им, как навязанное извне природой и историей, ста-

---

* Несколько цифр могут дать, приблизительно, представление о колоссальной силе расширения современных производительных сил даже под капиталистическим давлением. По новейшим вычислениям Гифена, общая сумма богатств Великобритании и Ирландии составляла в круглых числах:

в 1814 г.—2 200 млн. ф. стер.—	44	миллиарда	марок
» 1865 г.—6 100 » » » —122	»	»	
» 1875 г.—8 500 » » » —170	»	»	

Что касается разрушения производительных сил и продуктов во время кризисов, то на втором конгрессе германских промышленников (в Берлине 21 февраля 1878 г.) сумма убытков одной только германской железной индустрии за последний кризис определялась в 455 млн. марок. *Прим. автора.*

нет тогда их собственным свободным созданием. Объективные посторонние силы, до сих пор господствовавшие в истории, поступят под контроль самих людей. Лишь с этого момента люди начнут сами вполне сознательно делать свою историю; лишь с этого момента созданные ими общественные причины будут иметь преимущественно и во все возрастающей степени желаемые ими следствия. Это — скачок человечества из царства необходимости в царство свободы.

Свершить это освобождающее мир дело является историческим призванием современного пролетариата. Определить исторические условия и природу этого дела и таким образом пробудить сознание призванного к действию ныне угнетенного класса относительно условий и природы его собственного дела — составляет задачу теоретического выражения пролетарского движения — научного социализма.

Энгельс, Анти-Дюринг, 255—258.

Что касается меня, то мне не принадлежит ни заслуга открытия классов в современном обществе, ни заслуга открытия их борьбы между собою. Буржуазные историки за долго до меня изложили историческое развитие этой борьбы, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов.

То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими формами борьбы, свойственными развитию производства, 2) что классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к установлению общественного строя, в котором не будет места делению на классы. Невежественные, как Гейнцен, люди, отрицающие не только борьбу, но и самое существование классов, доказывают лишь то, что они, несмотря на все свое кровавое и якобы гуманистическое злобствование, считают общественные условия, на которых покоится господство буржуазии, последним продуктом, non plus ultra истории, что они лишь слуги буржуазии. И это прислужничество их тем отвратительнее, чем меньше они сами в состоянии понять хотя бы величие и преходящую необходимость буржуазного порядка вещей...

Маркс, Из письма к Вейдемейеру, от 5 марта 1852 г. Письма Маркса и Энгельса, «Моск. раб.», 1923, 54.

а. ОСНОВНЫЕ ПУТИ КОНСТИТУИРОВАНИЯ КЛАССОВ

Первые попытки рабочих к объединению между собой всегда принимают форму коалиций.

Крупная промышленность скопляет в одном месте массу неизвестных друг другу людей. Конкуренция разъединяет их интересы. Но охрана заработной платы от падения, — этот общий им всем и противоположный хозяйскому интерес, — соединяет рабочих на одной и той же мысли о сопротивле-

нии, о к о а л и ц и и. Таким образом коалиция всегда имеет двойную цель: прекратить конкуренцию между рабочими, чтобы быть в состоянии общими силами конкурировать с капиталистом. Если первой целью сопротивления являлось лишь поддержание заработной платы, то потом, по мере объединения самих капиталистов на идее обуздания рабочих, отдельные коалиции этих последних формируются в группы, и, в противовес всегда объединенному капиталу, сохранение союза становится для них даже более необходимым, чем охрана заработной платы от падения. До какой степени это верно, показывает тот факт, что рабочие, к крайнему удивлению английских экономистов, жертвуют значительной частью своей заработной платы в пользу союзов, основанных—по мнению этих экономистов, лишь ради заработной платы. В этой борьбе—настоящей гражданской войне—объединяются и развиваются все необходимые элементы будущих битв. Дойдя до этой степени, коалиция принимает политический характер.

Экономические условия превратили сперва массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, по отношению к капиталу, масса является уже классом, но сама для себя она еще не класс. В борьбе, намеченной нами лишь в некоторых ее фазисах, сплоченная масса конституируется как класс для себя. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами. Но борьба между классами есть борьба политическая.

В истории буржуазии мы должны различать два фазиса: в первом — она складывалась в класс под господством феодального порядка и абсолютной монархии; во втором, — уже образовавши из себя класс, — она низвергла феодализм и монархию, чтобы из старого общества сделать общество буржуазное. Первый из этих фазисов был длиннее второго и потребовал наибольших усилий. Он тоже начался с частичных коалиций против феодальных сеньеров.

Существует немало исследований, изображающих различные исторические фазисы, пройденные буржуазией, начиная с городских общин до образования из нее самостоятельного класса.

Но когда приходится дать себе ясный отчет относительно стачек, коалиций и других форм, в которых пролетариат на наших глазах организуется, как класс, то один охватывает самый реальный страх, другие выказывают т р а н с ц е н д е н т а л ь н о е презрение.

М а р к с, Нищета философии, Гиз, 1928, 163—164.

...Фабрика усиливает эксплоатацию рабочих и делает эту эксплоатацию всеобщей, делает из нее целый «п о р я д о к». Рабочему волей-неволей приходится уже теперь иметь дело не с отдельным хозяином и его волей и притеснением, а с произволом и притеснением всего класса хозяев. Рабочий видит, что его угнетатели не какой-нибудь один капиталист, а весь класс капиталистов, потому что у всех заведений одинаковый порядок эксплоата-

ции; отдельному капиталисту нельзя даже отступить от этого порядка: если бы он вздумал, например, сократить рабочее время, ему обошлись бы дороже товары, чем его соседу, другому фабриканту, который заставляет рабочего за ту же плату работать дольше. Чтобы добиться улучшения своего положения, рабочему приходится теперь иметь дело с целым общественным устройством, направленным к эксплоатации труда капиталом. Против рабочего стоит уже не отдельная несправедливость одного какого-либо чиновника, а несправедливость самой государственной власти, которая берет под свою защиту весь класс капиталистов и издает обязательные для всех законы в пользу этого класса. Таким образом борьба фабричных рабочих с фабрикантами неизбежно превращается в борьбу против всего класса капиталистов, против всего общественного устройства, основанного на эксплоатации труда капиталом. Поэтому борьба рабочих и приобретает общественное значение, становится борьбой от лица всех трудящихся против всех классов, живущих чужим трудом. Поэтому борьба рабочих открывает собою новую эпоху русской истории и является зарей освобождения рабочих.

Ленин, Проект программы (1896), Соч., I, 2 изд., 443.

Классовое самосознание рабочих есть понимание рабочими того, что единственное средство улучшить свое положение и добиться своего освобождения заключается в борьбе с классом капиталистов и фабрикантов, которые созданы крупными фабриками и заводами. Далее, самосознание рабочих означает понимание того, что интересы всех рабочих данной страны одинаковы, солидарны, что они все составляют один класс, отдельный от всех остальных классов общества. Наконец, классовое самосознание рабочих означает понимание рабочими того, что для достижения своих целей рабочим необходимо добиваться влияния на государственные дела, как добились и продолжают добиваться землевладельцы и капиталисты.

Каким же путем приобретают рабочие понимание всего этого? Рабочие приобретают его, постоянно почерпая его из той самой борьбы, которую они начинают вести с фабрикантами и которая все больше и больше развивается, становится резче, втягивает большое число рабочих по мере развития крупных фабрик и заводов. Было время, когда вражда рабочих против капитала выражалась только в смутном чувстве ненависти против своих эксплоататоров, в смутном сознании своего угнетения и рабства и в желании о т о м с т и т ь капиталистам. Борьба выражалась тогда в отдельных восстаниях рабочих, которые разрушали здания, ломали машины, били фабричное начальство и т. п. Это была п е р в а я, начальная форма рабочего движения, и она была необходима потому, что ненависть к капиталисту всегда и везде являлась первым толчком к пробуждению в рабочих стремлениях к защите себя. Но из этой первоначальной формы русское рабочее движение уже выросло. Вместо смутной ненависти к капиталисту рабочие стали уже понимать враждебность интересов класса рабочих и класса капиталистов. Вместо неясного чувства угнетения они стали уже разбирать, ч е м и м е н н о

и как именно давит их капитал, и восстают против той или другой формы угнетения, ставя предел давлению капитала, защищая себя от алчности капиталиста. Вместо мести капиталистам они переходят теперь к борьбе за уступки, они начинают выставлять одно требование за другим к классу капиталистов и требуют себе улучшения условия работы, повышения платы, сохранения рабочего дня. Каждая стачка сосредоточивает все внимание и все усилия рабочих то на одном, то на другом условии, в которые поставлен рабочий класс. Каждая стачка вызывает обсуждение этих условий, помогает рабочим оценить их, разобраться, в чем состоит тут давление капитала, какими средствами можно бороться против этого давления. Каждая стачка обогащает опыт всего рабочего класса. Если стачка удачна, она показывает ему силу объединения рабочих и побуждает других воспользоваться успехом товарищей. Если она неудачна, она вызывает обсуждение причин неуспеха и изыскание лучших приемов борьбы. В этом начавшемся теперь повсюду в России переходе рабочих к неуклонной борьбе за свои насущные нужды, борьбе за уступки, за лучшие условия жизни, заработка и рабочего дня, заключается громадный шаг вперед, сделанный русскими рабочими, и на эту борьбу, на содействие ей должно быть обращено поэтому главное внимание с.-д. партии и всех сознательных рабочих. Помощь рабочим должна состоять в указании тех наиболее насущных нужд, на удовлетворение которых должна итти борьба, в разборе тех причин, которые особенно ухудшают положение тех или других рабочих, в разъяснении фабричных законов и правил, нарушение которых (и обманные уловки капиталистов) так часто подвергают рабочих двойному грабежу. Помощь должна состоять в том, чтобы точнее и определеннее выразить требования рабочих и публично выставить их, в том, чтобы выбрать наилучший момент для сопротивления, в том, чтобы выбрать способ борьбы, обсудить положение и силы обеих борющихся сторон, обсудить, нельзя ли избрать еще лучшего способа борьбы (прием вроде, может быть, письма к фабриканту, или обращения к инспектору, или к врачу, смотря по обстоятельствам, если не следует прямо перейти к стачке и т. д.).

Мы сказали, что переход русских рабочих к такой борьбе указывает на сделанный ими громадный шаг вперед. Эта борьба ставит (выводит) рабочее движение на прямую дорогу и служит верным залогом его дальнейшего успеха. На этой борьбе массы рабочего люда учатся, во-первых, распознавать и разбирать один за другим приемы капиталистической эксплоатации, соображать их с законом, и с своими жизненными условиями, и с интересами класса капиталистов. Разбирая отдельные формы и случаи эксплоатации, рабочие научаются понимать значение и сущность эксплоатации в ее целом, научаются понимать тот общественный строй, который основан на эксплоатации труда капиталом. Во-вторых, на этой борьбе рабочие пробуют свои силы, учатся объединению, учатся понимать необходимость и значение его. Расширение этой борьбы и учащение столкновений ведет неизбежно к расширению борьбы, к развитию чувства единства, чувства своей солидарности, сначала

среди рабочих данной местности, затем среди рабочих всей страны, среди всего рабочего класса. В-третьих, эта борьба развивает политическое сознание рабочих. Масса рабочего люда поставлена условиями самой жизни в такое положение, что они (не могут) не имеют ни досуга, ни возможности раздумывать о каких-нибудь государственных вопросах. Но борьба рабочих с фабрикантами за их повседневные нужды сама собой и неизбежно наталкивает рабочих на вопросы государственные, политические, на вопросы о том, как управляется русское государство, как издаются законы и правила и чьим интересам они служат. Каждое фабричное столкновение необходимо приводит рабочих к столкновению с законами и представителями государственной власти. Рабочие слушают тут впервые «политические речи». Сначала хотя бы от фабричных инспекторов, разъясняющих им, что уловка, посредством которой их дожал фабрикант, основана на точном смысле правил, утвержденных надлежащей властью и оставляющих на произвол фабриканта дожимать рабочих, или, что притеснения фабриканта вполне законны, потому что фабрикант пользуется только своим правом, опирается вот на такой-то закон, утвержденный государственной властью и охраняемый ею. К политическим объяснениям гг. инспекторов прибавляются иногда еще более полезные «политические объяснения» г. министра, напоминающего рабочим о чувствах «христианской любви», которой они обязаны фабрикантам за то, что фабриканты наживают миллионы на счет труда рабочих. После к этим объяснениям представителей государственной власти и к непосредственному знакомству рабочих с тем, в чью пользу эта власть действует, — присоединяются еще листки или другие объяснения социалистов, так что рабочие вполне уже получают на такой стачке свое политическое воспитание. Они учатся понимать не только особые интересы рабочего класса, но и особое место, занимаемое рабочим классом в государстве. Итак, вот в чем должна состоять та п о м о щ ь, которую может оказать с.-д. партия классовой борьбе рабочих: в развитии классового самосознания рабочих посредством содействия им в борьбе за свои наиболее насущные нужды.

Вторая п о м о щ ь должна состоять, как говорится в программе, в содействии организации рабочих. Та борьба, которую мы сейчас описали, требует необходимо организации рабочих. Организация становится необходимой и для стачки, чтобы успешнее вести ее, и для сборов в пользу стачечников, и для устройства рабочих касс, и для агитации среди рабочих, распространения среди них листков или объявлений, воззваний и т. п. Еще более необходима организация, чтобы защитить себя от преследования полиции и жандармерии, чтобы скрыть от них все соединения рабочих, все их сношения, чтобы устроить им доставку книг, брошюр, газет и т. д. Помощь во всем этом — такова вторая задача партии.

Третья состоит в указании настоящей цели борьбы, т. е. в разъяснении рабочим того, в чем состоит эксплоатация труда капиталом, на чем она держится, каким образом частная собственность на землю и орудия труда ведет к нищенству рабочих масс, заставляет их продавать свой труд капиталистам

и отдавать им даром весь излишек, производимый трудом рабочего сверх его содержания, в разъяснении, далее, того, как эта эксплоатация неизбежно ведет к классовой борьбе рабочих с капиталистами, каковы условия этой борьбы и ее конечные цели — одним словом, в разъяснении того, что вкратце указано было в этой программе.

Ленин, Проект программы (1896), соч., I, 2 изд., 439—442.

...Об организации рабочего, класса как класса, при помощи профессиональных союзов, не говорится ни одного слова. А между тем это очень существенный пункт, ибо профессиональные союзы представляют специфически классовую организацию пролетариата, в которой он ведет свою повседневную борьбу с капиталом, в которой он проходит выучку и с которой в настоящее время не может окончательно справиться даже злейшая реакция (как теперь в Париже).

Энгельс, Письмо к Бебелю от 28 марта 1875 г.; Бебель, Из моей жизни, т. II, вып. II, изд. Клочкова, 1912, 126.

Но что такое классовая борьба? Когда рабочие отдельной фабрики, отдельного ремесла вступают в борьбу со своим хозяином или со своими хозяевами, есть ли это классовая борьба? Нет, это только слабые зачатки ее. Борьба рабочих становится классовой борьбою лишь тогда, когда все передовые представители всего рабочего класса всей страны сознают себя единым рабочим классом и начинают вести борьбу не против отдельных хозяев, а против *всего класса* капиталистов и против поддерживающего этот класс правительства. Только тогда, когда отдельный рабочий сознает себя членом всего рабочего класса, когда в своей ежедневной, мелкой борьбе с отдельными хозяевами и с отдельными чиновниками он видит борьбу против всей буржуазии и против всего правительства, только тогда его борьба становится классовой борьбой. «Всякая классовая борьба есть борьба политическая» — эти знаменитые слова Маркса неверно было бы понимать в том смысле, что всякая борьба рабочих с хозяевами *всегда бывает* политической борьбой. Их надо понимать так, что борьба рабочих с капиталистами необходимо *становится* политической борьбой *по мере того*, как она становится *классовой* борьбой. Задача социал-демократии состоит именно в том, чтобы посредством организации рабочих, пропаганды и агитации между ними *превратить* их стихийную борьбу против угнетателей в борьбу всего класса, в борьбу определенной политической *партии* за определенные политические и социалистические идеалы.

Ленин, Наша ближайшая задача, «Ленинский сборник», III, 19—20.

Идя по пути своего развития, трудящийся класс заменит старое гражданское общество ассоциацией, исключающей как классы с их антагонизмом, так и политическую власть в собственном смысле, так как политическая

власть есть именно официальное выражение антагонизма классов в гражданском обществе.

А до тех пор антагонизм между пролетариатом и буржуазией останется классовой борьбой, которая, будучи доведена до высшей степени своего напряжения, является полною революцией. Да и удивительно ли, что общество, основанное на противоположности классов, приходит, как к последней развязке, к грубому противоречию, к физическому столкновению людей?

Не говорите, что социальное движение исключает политическое. Никогда не существовало политического движения, которое не было бы в то же время и социальным.

Только при таком порядке вещей, когда не будет больше классов и классового антагонизма, социальные эволюции перестанут быть политическими революциями. До тех же пор, накануне каждого полного переустройства общества, последним словом социальной науки будет:

«Война или смерть; кровавая борьба или уничтожение. Такова неотразимая постановка вопроса» (Жорж Занд).

Маркс, Нищета философии, Гиз, 1928, 165.

Вопрос о классовой борьбе есть один из самых основных вопросов марксизма. Поэтому именно на понятии классовой борьбы стоит остановиться подробнее.

Всякая классовая борьба есть борьба политическая. Известно, что эти глубокие слова Маркса оппортунисты, порабощенные идеями либерализма, понимали превратно и старались истолковать извращенно. К числу оппортунистов принадлежали, например, «экономисты», старшие братья ликвидаторов. «Экономисты» думали, что любое столкновение между классами есть уже политическая борьба. Экономисты признавали поэтому «классовой борьбой» борьбу за пятачек на рубль, не желая видеть более высокой, развитой, общенациональной классовой борьбы за политику. Экономисты признавали таким образом зачаточную классовую борьбу, не признавая ее в развитом виде. Экономисты признавали, иначе говоря, в классовой борьбе лишь то, что было наиболее терпимо с точки зрения либеральной буржуазии, отказываясь идти дальше либералов, отказываясь признавать более высокую, для либералов неприемлемую, классовую борьбу. «Экономисты» превращались этим в либеральных рабочих политиков. Экономисты отказывались этим от марксистского, революционного, понятия классовой борьбы.

Далее. Мало того, что классовая борьба становится настоящей, последовательной, развитой, лишь тогда, когда она охватывает область политики. И в политике можно ограничиться мелкими частностями, можно итти глубже, вплоть до основного. Марксизм признает классовую борьбу вполне развитой, «общенациональной» лишь тогда, когда она не только охватывает поли-

тику, но и в политике берет самое существенное: устройство государственной власти.

Наоборот, либерализм, когда рабочее движение несколько окрепло, не решается уже отрицать классовой борьбы, но старается сузить, обкарнать, кастрировать понятие классовой борьбы. Либерализм готов признать классовую борьбу и в области политики, но с одним условием, чтобы в область ее не входило устройство государственной власти. Нетрудно понять, какие классовые интересы буржуазии вызывают это либеральное искажение понятия классовой борьбы.

Ленин, О либеральном и марксистском понятии классовой борьбы, Соч., XII, ч. 2, 1 изд., 101—102.

...Борьба рабочего класса с классом капиталистов необходимо должна быть борьбой политической. Эта борьба, действительно, оказывает уже теперь влияние на государственную власть, приобретает политическое значение. Но чем дальше развивается рабочее движение, тем яснее, резче выступает и чувствуется полная политическая бесправность рабочих, о которой мы говорили раньше, полная невозможность для рабочих открытого и прямого влияния на государственную власть. Поэтому самым насущным требованием рабочих и первой задачей влияния рабочего класса на государственные дела должно быть достижение политической свободы, т. е. прямого, обеспеченного законами (конституцией) участия всех граждан в управлении государством, обеспечения за всеми гражданами права свободно собираться, обсуждать свои дела, влиять на государственные дела союзами и печатью. Достижение политической свободы становится «насущным делом рабочих», потому что без нее рабочие не имеют и не могут иметь никакого влияния на государственные дела и таким образом неизбежно остаются бесправным, униженным, бессловесным классом. И если даже теперь, когда борьба рабочих и сплочение их только еще начинается, правительство спешит уже сделать уступки рабочим, чтобы остановить дальнейший рост движения, то нет сомнения, что когда рабочие сплотятся и объединятся под руководством одной политической партии, они сумеют заставить правительство сдаться, сумеют завоевать себе и всему русскому народу политическую свободу!

Ленин, Проект программы (1896), Соч., I, 2 изд., 443.

Сознание рабочего класса не может быть истинно политическим сознанием, если рабочие не приучены откликаться на все и всякие случаи произвола и угнетения, насилия и злоупотребления, к каким бы классам ни относились эти случаи;—и притом откликаться именно с социал-демократической, а не с иной какой-либо точки зрения. Сознание рабочих масс не может быть истинно классовым сознанием, если рабочие на конкретных и притом непременно злободневных (актуальных) политических фактах и событиях не научатся наблюдать каждый из других общественных классов во всех проявлениях умственной, нравственной и политической

жизни этих классов;—не научатся применять на практике материалистический анализ и материалистическую оценку в с е х сторон деятельности и жизни в с е х классов, слоев и групп населения. Кто обращает внимание, наблюдательность и сознание рабочего класса исключительно или хотя бы преимущественно на него же, — тот не социал-демократ, ибо самопознание рабочего класса неразрывно связано с полной отчетливостью не только теоретических... вернее даже сказать: не столько теоретических, сколько на опыте политической жизни выработанных представлений о взаимоотношении в с е х классов современного общества. Вот почему так глубоко вредна и так глубоко реакционна по своему практическому значению проповедь наших экономистов, что экономическая борьба есть наиболее широко применимое средство вовлечения масс в политическое движение. Чтобы стать социал-демократом, рабочий должен ясно представлять себе экономическую природу и социально-политический облик помещика и попа, сановника и крестьянина, студента и босяка, знать их сильные и слабые стороны, уметь разбираться в тех ходячих фразах и всевозможных софизмах, которыми п р и к р ы в а е т каждый класс и каждый слой свои эгоистические поползновения и свое настоящее «нутро», уметь разбираться в том, какие учреждения и законы отражают и как именно отражают те или другие интересы. А это «ясное представление» не почерпнешь ни из какой книжки: его могут дать только живые картины и по горячим следам составленные обличения того, что происходит в данный момент вокруг нас, о чем говорят по-своему или хотя бы перешептываются все и каждый, что выражается в таких-то событиях, в таких-то цифрах, в таких-то судебных приговорах и проч., и проч., и проч. Эти всесторонние политические обличения представляют из себя необходимое и о с н о в н о е условие воспитания революционной активности масс.

Л е н и н, Что делать, соч., IV, 2 изд., 414—415.

...Партия должна быть лишь передовым отрядом, руководителем громадной массы рабочего класса, который весь (или почти весь) работает «под контролем и руководством» партийных организаций, но который не входит весь и не должен входить весь в партию.

Л е н и н, Речи на II съезде РСДРП, соч., IV, 1 изд., 299—300.

...Во всех странах, всегда и везде, есть к р о м е «партии» — «широкий слой» о к о л о п а р т и й н ы х и громадная масса к л а с с а, образующего, выясняющего, питающего партию. Не понимая этой простой и ясной вещи, ликвидаторы повторяют ошибку «экономистов» 1895—1901 гг.; экономисты никак не могли понять отличия «партии» от «класса».

Партия — сознательный, передовой слой класса, его авангард. Сила этого авангарда раз в 10, в 100 и более велика, чем его численность.

Возможно ли это? Может ли сила сотни превышать силу тысячи?

Может и превышает, к о г д а с о т н я о р г а н и з о в а н а.

Организация удесятеряет силы. Истина эта, ей-же-ей, не новая. Но не наша вина, если для В. Засулич и ликвидаторов приходится начинать сначала.

Сознательность передового отряда в том, между прочим, и проявляется, что он умеет организоваться. А организуясь, он получает единую волю, и эта единая воля передовой тысячи, сотни тысяч, миллиона становится волей класса. Посредником между партией и классом является «широкий слой» (шире партии, но уже класса) — слой голосующих за с.-д., слой помогающих, слой сочувствующих и т. д.

В различных странах отношение партии к классу различно в зависимости от исторических и пр. условий. В Германии, например, организовано в партию около $^1/_{15}$ класса; во Франции — около $^1/_{14}$. В Германии на 1 члена партии приходится 4—5 социал-демократов «широкого слоя»; во Франции — 14. Во Франции никогда не было, в сущности, и стотысячной партии — при «открытой» организации и политической свободе.

Всякий разумный человек понимает, что есть исторические условия, есть объективные причины, которые позволили в Германии организовать в партию $^1/_{15}$ класса, а во Франции затруднили это, а в России затрудняют еще больше.

Что сказали бы вы о том французе, который вздумал бы заявить: наша партия — узкий кружок, а не партия. Партию не запрячешь в организацию. Партия это—широкий слой, в нем все силы и т. д. Наверное, вы выразили бы удивление, что этот француз не находится в больнице психически-больных.

А в России у нас хотят, чтобы брали всерьез людей, которые, чувствуя, видя и зная, что у нас путь все еще гористый, т. е. условия организации труднее, заявляют, что «они будут думать и говорить о широком слое (неорганизованных!) как о партии». Эти люди—растерявшиеся беглецы из партии, растерявшиеся внепартийные или околопартийные эсдеки, которые не устояли под напором либеральных идей упадка, уныния, отречения.

Ленин, Как В. Засулич убивает ликвидаторство, соч., XII, ч. 2, 1 изд., 588—589.

И только самое грубое непонимание марксизма (или «понимание» его в духе «струвизма») могло породить мнение, что возникновение массового, стихийного рабочего движения избавляет нас от обязанности создать такую же хорошую, какая была у землевольцев, создать еще несравненно лучшую организацию революционеров. Напротив, это движение именно возлагает на нас эту обязанность, ибо стихийная борьба пролетариата и не сделается настоящей «классовой борьбой» его до тех пор, пока эта борьба не будет руководима крепкой организацией революционеров.

Ленин, Что делать, соч., IV, 2 изд., 464—465.

Вся история европейских государств свидетельствует, что именно в периоды непосредственной революционной борьбы закладываются такие глубокие и прочные устои классовых группировок и деления на крупные политические партии, которые держатся потом в течение даже самых долгих периодов застоя. Отдельные партии могут прятаться в подполье, не давать о себе знать, исчезать с политической авансцены, но при малейшем оживлении основные политические силы неизбежно вновь проявят себя, может быть в измененной форме, но непременно с тем же самым характером и направлением деятельности, пока не решены объективные задачи потерпевшей то или иное поражение революции.

Ленин, соч., XI, ч. 1, 1 изд., 161.

Чем больше расширяется народное движение, тем больше раскрывается настоящая природа различных классов, тем насущнее задача партии руководить классом, быть его организатором, а не тащиться в хвосте событий.

Ленин, Новые задачи и новые силы, соч., VII, 2 изд., 148.

Чтобы разобраться в партийной борьбе, не надо верить на слово, а изучать действительную историю партий, изучать не столько то, что партии о себе говорят, а то, что они делают, как они поступают при решении разных политических вопросов, как они ведут себя в делах, затрагивающих жизненные интересы разных классов общества, помещиков, капиталистов, крестьян, рабочих и так далее.

Чем больше политической свободы в стране, чем прочнее и демократичнее ее представительные учреждения, тем легче народным массам разбираться в партийной борьбе и учиться политике, т. е. разоблачать обман и доискиваться правды.

Всего яснее выступает деление всякого общества на политические партии во время глубоких, потрясающих всю страну кризисов. Правительства бывают вынуждены тогда искать опоры в различных классах общества; серьезная борьба отметает прочь всякие фразы, все мелкое, наносное; партии напрягают все свои силы, обращаются к массам народа, и массы, руководимые верным инстинктом, просвещенные опытом открытой борьбы, идут за теми партиями, которые выражают интересы того или иного класса.

Эпохи таких кризисов всегда определяют на много лет и даже десятилетий партийную группировку общественных сил данной страны. В Германии, например, таким кризисом были войны 1866 и 1870 гг.; в России — события 1905 г. Нельзя понять сущность наших политических партий, нельзя уяснить себе, какие классы представляет та или иная партия в России, не возвращаясь к событиям этого года.

Ленин, Политические партии в России, соч., XII, ч. 1, 1 изд., 115—116.

Урок нашей революции состоит в том, что только партии, опирающиеся на определенные классы, сильны и успевают при всех и всяких поворотах

событий. Открытая политическая борьба заставляет партии связываться теснее с массами, ибо без такой связи партии ничто. Эсеры формально независимы от трудовиков. Н а д е л е в революции они в ы н у ж д е н ы были идти вместе под угрозой полного исчезновения с политической сцены. И можно ручаться, что при следующем революционном подъеме эсеры опять будут вынуждены (как бы они ни кричали теперь о полной своей самостоятельности) идти с трудовиками или с подобными им организациями масс. Объективные условия общественной жизни и борьба классов сильнее добрых желаний и писаных программ. С этой точки зрения — единственно правильной — теперешнее расхождение трудовиков и эсеров есть лишь распад мелкобуржуазного движения, есть лишь невыдержанность мелких буржуа, не умеющих при трудных обстоятельствах удержать своей сплоченности и «бредущих розно».

Л е н и н, Как эсеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги эсерам, соч., XI, ч. 1, 1 изд., 207.

В России классовое расслоение разных партий выступает с необычайной ясностью. Крупные землевладельцы принадлежат к «черносотенцам», монархистам и октябристам. Крупные промышленники представлены октябристами и либералами. По приемам хозяйничанья помещики в России распадаются на таких, которые ведут хозяйство полуфеодальными способами, ведут работу при помощи скота и инвентаря крестьян (крестьянин здесь закабален помещику), и на таких, которые уже ввели современные капиталистические формы хозяйствования. Среди последних — немало либералов.

Городская мелкая буржуазия представлена «либералами» и «трудовиками», деревенская мелкая буржуазия — «трудовиками» и особенно их левым крылом — соц.-революционерами. Пролетариат имеет своих представителей в социал-демократии. При очевидной отсталости капиталистического развития России это выпуклое выступление партийных группировок согласно с классовым строением общества объясняется только бурным революционным настроением эпохи, когда партии образуются гораздо быстрее и когда классовое самосознание растет и отчеканивается бесконечно быстрее, чем в эпохи застоя или так называемого мирного прогресса.

Л е н и н, Выборы в Думу и задачи русской социал-демократии, Соч., VIII, 1 изд., 252.

Всем известно, что массы делятся на классы; — что противополагать массы и классы можно лишь, противополагая громадное большинство вообще, не расчлененное по положению в общественном строе производства, категориям, занимающим особое положение в общественном строе производства; — что классами руководят обычно и в большинстве случаев, по крайней мере, в современных цивилизованных странах, политические партии; — что политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбира-

емых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями. Все это азбука. Все это просто и ясно.

Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, соч., XVII, 1 изд., 133.

Попробую начать, для наглядности, с примера. Возьмите немцев. Надеюсь, вы не станете отрицать, что у них организация охватывает толпу, все идет от толпы, рабочее движение научилось ходить своими ногами? А между тем как умеет эта миллионная толпа ценить «десяток» своих испытанных политических вождей, как крепко держится она за них! В парламенте бывало не раз, что депутаты враждебных партий дразнили социалистов: «хороши демократы! На словах только у вас движение рабочего класса, — а на деле выступает все та же компания вожаков. Все тот же Бебель, все тот же Либкнехт из года в год, из десятилетия в десятилетие. Да ваши якобы выбранные делегаты от рабочих более несменяемы, чем назначаемые императором чиновники!» Но немцы встречали только презрительной усмешкой эти демагогические попытки противопоставить «вожакам» «толпу», разжечь в последней дурные и тщеславные инстинкты, отнять у движения его прочность и его устойчивость посредством подрыва доверия массы к «десятку умников». У немцев достаточно уже развита политическая мысль, достаточно накоплено политического опыта, чтобы понимать, что без «десятка» талантливых (а таланты не рождаются сотнями), испытанных, профессионально подготовленных и долгой школой обученных вождей, превосходно спевшихся друг с другом, невозможна в современном обществе стойкая борьба ни одного класса. Немцы видывали в своей среде демагогов, которые льстили «сотням дураков», превознося их над «десятками умников», льстили «мускулистому кулаку» массы, возбуждая ее (подобно Мосту или Гассельману) на необдуманно «революционные» действия и поселяя недоверие к выдержанным и стойким вождям. И только благодаря неуклонной и непримиримой борьбе со всеми и всяческими демагогическими элементами внутри социализма так вырос и окреп немецкий социализм. А наши мудрецы в такой период, когда весь кризис русской социал-демократии объясняется тем, что у стихийно пробужденных масс не оказывается налицо достаточно подготовленных, развитых и опытных руководителей, вещают с глубокомыслием Иванушки: плохо, когда движение идет с низов!»

Ленин, Что делать, соч., IV, 2 изд., 454.

Люди много слыхали и твердо заучили нападки на «вождей», противопоставление их «массе», но подумать, что к чему, выяснить себе дело не сумели.

Расхождение «вождей» и «масс» особенно ясно и резко сказалось в конце империалистской войны и после нее во всех странах. Основную причину этого явления разъясняли много раз Маркс и Энгельс в 1852—1892 гг. на примере Англии. Монопольное положение Англии выделяло «рабочую аристократию», полумещанскую, оппортунистическую, из «массы». Вожди этой рабо-

чей аристократии переходили постоянно на сторону буржуазии, были—прямо или косвенно—на содержании у нее. Маркс завоевал себе почетную ненависть этой сволочи за то, что открыто клеймил их предателями. Новейший (XX века) империализм создал монопольно-привилегированное положение для нескольких передовых стран, и на этой почве везде во II Интернационале обрисовывался тип вождей-предателей, оппортунистов, социал-шовинистов, отстаивающих интересы своего цеха, своей прослойки рабочей аристократии. Создалась оторванность оппортунистических партий от «масс», т. е. от наиболее широких слоев трудящихся, от большинства их, от наихудше оплачиваемых рабочих. Победа революционного пролетариата невозможна без борьбы с этим злом, без разоблачения, опозорения и изгнания оппортунистических, социал-предательских вождей; такую политику и повел III Интернационал.

Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, соч., XVII, 1 изд., 134.

Как отдельные лица, любые представители партий и классов могут заблуждаться, но когда они выступают на публичной арене, пред всем населением, то отдельные ошибки неизбежно выправляются соответственными группами или классами, заинтересованными в борьбе. Классы не ошибаются: в общем и целом они замечают свои интересы и политические задачи соответственно условиям борьбы и условиям общественной эволюции.

Ленин, Аграрный вопрос в русской революции, соч., IX, 1 изд., 568.

...Они (социал-демократы. — *Сост.*) не понимают задач партии, как передового отряда класса, как его руководителя и организатора, как представителя движения в целом, его коренных и главных целей. Эти цели временно могут заслоняться повседневной будничной работой, но никогда не должны терять значения путеводной звезды для борющегося пролетариата.

Ленин, Социал-демократия и временное революционное правительство, Соч., VII, 183.

Тяжелая болезнь нашей партии — болезнь роста массовой партии. Ибо не может быть массовой партии, партии класса без полной ясности существенных оттенков, без открытой борьбы между разными тенденциями, без ознакомления масс с тем, какие деятели партии, какие организации партии ведут ту или иную линию. Без этого нельзя сложить партии, достойной этого слова, и мы складываем ее. Мы добились того, что взгляды наших обоих течений стоят перед всеми правдиво, ясно, отчетливо. Личная резкость, фракционная склока и свара, скандалы и расколы — все это мелочь по сравнению с тем, что на опыте двух тактик учатся действительно пролетарские массы, учатся действительно все, способные сознательно относиться к политике. Наши драки и расколы позабудутся. Наши тактические принципы, отточенные и закаленные, войдут в историю рабочего движения и социализма России как краеугольные камни. Пройдут годы — может быть даже десятилетия, — а на сотне разнообразных практических вопросов

будут прослеживать влияние того или иного направления. И рабочий класс России и весь народ з н а ю т, с кем имеют они дело в лице большевизма или меньшевизма.

Л е н и н, А судьи кто? Соч., VIII, 1 изд., 516.

Классовое политическое сознание может быть принесено рабочему т о л ь к о и з в н е, т. е. извне экономической борьбы, извне сферы отношений рабочих к хозяевам. Область, из которой только и можно почерпнуть это знание, есть область отношений в с е х классов и слоев к государству и правительству, область взаимоотношений между вс е м и классами. Поэтому на вопрос: что делать, чтобы принести рабочим политическое знание? нельзя давать один только тот ответ, которым в большинстве случаев довольствуются практики, не говоря уже о практиках, склонных к экономизму, именно ответ: «идти к рабочим». Чтобы принести р а б о ч и м политическое знание, социал-демократы должны и д т и в о в с е к л а с с ы н а с е л е н и я, должны рассылать в о в с е с т о р о н ы отряды своей армии.

Л е н и н, Что делать, соч., IV, 2 изд., 422.

Мы сказали, что социал-демократического сознания у рабочих и н е м о г л о б ы т ь. Оно могло быть принесено только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание трэд-юнионистское, т. е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п. * Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Основатели современно научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами, по своему социальному положению, к буржуазной интеллигенции. Точно так же и в России теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции. К тому времени, о котором у нас идет речь, т. е. к половине 90-х гг., это учение не только было уже вполне сложившейся программой группы «Освобождение труда», но и завоевало на свою сторону большинство революционной молодежи в России.

Л е н и н, Что делать, Соч., IV, 2 изд. 384—385.

г. КЛАССОВАЯ БОРЬБА И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Россия — пестрая в национальном отношении страна. Правительственная политика, политика помещиков, поддерживаемых буржуазией, проникнута вся насквозь черносотенным национализмом.

---

* Трэд-юнионизм вовсе не исключает всякую «политику», как иногда думают. Трэд-юнионы всегда вели известную (но не социал-демократическую) политическую агитацию и борьбу... *(Прим. авт.)*.

Политика эта направлена своим острием против б о л ь ш и н с т в а народов России, составляющих б о л ь ш и н с т в о ее населения. А рядом с этим поднимает голову буржуазный национализм других наций (польской, еврейской, украинской, грузинской и т. д.), стараясь о т в л е ч ь рабочий класс национальной борьбой за национальную культуру от его великих мировых задач.

Национальный вопрос требует ясной постановки и решения со стороны всех сознательных рабочих.

Когда буржуазия боролась за свободу вместе с народом, вместе с трудящимися, она отстаивала полную свободу и полное равноправие наций. Передовые страны — Швейцария, Бельгия, Норвегия и др. — дают нам образец того, как мирно уживаются вместе или мирно отделяются друг от друга свободные нации при действительном демократическом строе.

Теперь буржуазия боится рабочих, ищет союза с Пуришкевичами, с реакцией, предает демократизм, отстаивает угнетение или неравноправность наций, развращает рабочих н а ц и о н а л и с т и ч е с к и м и лозунгами.

Один только пролетариат отстаивает в наши дни истинную свободу наций и единство рабочих всех наций.

Чтобы разные нации свободно и мирно уживались вместе или расходились (когда это им удобнее), составляя разные государства, для этого необходим полный демократизм, отстаиваемый рабочим классом. Ни одной привилегии ни для одной нации, ни для одного языка. Ни малейшего притеснения, ни малейшей несправедливости к национальному меньшинству — вот принципы рабочей демократии.

Капиталисты и помещики во что бы то ни стало желают разъединить рабочих разных наций, а сами сильные мира сего великолепно уживаются вместе как акционеры «доходных» миллионных «дел» (вроде Ленских приисков) — и православные и евреи, и русские и немцы, и поляки и украинцы — все, у кого есть капитал, дружно эксплоатируют рабочих всех наций.

Сознательные рабочие стоят з а п о л н о е е д и н с т в о рабочих всех наций во всех и всяких просветительных, профессиональных, политических и т. д. рабочих организациях. Пусть господа кадеты позорят себя отрицанием или умалением равноправия украинцев. Пусть буржуазия всех наций тешится лживыми фразами о национальной культуре, о национальных задачах и т. д. и т. п.

Рабочие не дадут разделить себя никакими сладкими речами о национальной культуре или «национально-культурной автономии». Рабочие всех наций отстаивают дружно, вместе, в общих организациях, полную свободу и полное равноправие — залог истинной культуры.

Рабочие создают во всем мире свою, интернациональную культуру, которую давно подготовляли проповедники свободы и враги угнетения. Старому миру, миру национального угнетения, национальной грызни или национального обособления, рабочие противопоставляют новый мир единства трудя-

щихся всех наций, в котором нет места ни для одной привилегии, ни для малейшего угнетения человека человеком.

Ленин, Рабочий класс и национальный вопрос, соч., XIX, 1 изд., 28—29.

2. БУРЖУАЗИЯ И ПРОЛЕТАРИАТ

а. ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ БУРЖУАЗИИ И ПРОЛЕТАРИАТА

Из средневековых крепостных образовалось мещанское население первых городов; из этого мещанства развились первые элементы буржуазии.

Открытие Америки и морского пути вокруг Африки создало новое поприще для растущей буржуазии. Ост-индский и китайский рынки, колонизация Америки, обмен с колониями, увеличение количества орудий обращения и вообще товаров дали неслыханный до тех пор толчок торговле, мореплаванию, промышленности и тем значительно ускорили развитие революционного элемента в разлагавшемся феодальном обществе.

Прежний феодальный цеховый способ производства не в состоянии был удовлетворить спрос, развившийся вместе с открытием новых рынков. Место это заняла мануфактура. Цеховые мастера вытеснены были промышленным средним сословием; разделение труда между различными корпорациями исчезло перед разделением труда внутри мастерской.

Но рынок все более расширялся, спрос постоянно увеличивался. Мануфактурный способ производства, в свою очередь, оказался недостаточным. Тогда пар и машина произвели революцию в промышленности. Место мануфактуры заняла нынешняя крупная промышленность; место промышленного среднего сословия — миллионеры-промышленники, предводители целых промышленных армий, современные буржуа.

Крупная промышленность создала всемирный рынок, подготовленный открытием Америки. Всемирный рынок вызвал колоссальное развитие торговли, мореплавания и средств сухопутного сообщения. Это снова повлияло на развитие промышленности, и в той же степени, в какой росли промышленность, торговля, мореплавание, железные дороги, развивалась буржуазия, увеличивались ее капиталы, и она отодвигала на задний план все классы, унаследованные от средневекового общества.

Мы видим таким образом, что буржуазия является продуктом длинного хода развития, целого ряда переворотов в способах производства и сообщения.

Каждая из этих ступеней развития буржуазии сопровождалась соответствующими ей политическими завоеваниями. То угнетенное под игом феодалов сословие, то вооруженная и самоуправляющаяся ассоциация в городской коммуне — здесь независимая городская республика, там третье податное сословие монархического государства, затем в эпоху мануфактуры противовес дворянству в монархии абсолютной или сословной, буржуазия, вообще послужившая главной основой больших монархий,—завоевала себе, наконец, с по-

явлением крупной промышленности и всемирного рынка, исключительную политическую власть в новейшем конституционном государстве. Современная государственная власть есть не что иное, как комитет, заведующий общественными делами буржуазии.

Буржуазия играла в истории в высшей степени революционную роль.

Всюду, где она достигла господства, буржуазия разрушила все феодальные, патриархальные идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные нити, связывавшие человека с его наследственными повелителями, и не оставила между людьми никакой связи, кроме голого интереса, бессердечного чистогана. В холодной воде эгоистического расчета потопила она священный порыв набожной мечтательности, рыцарского воодушевления и мещанской сентиментальности. Она превратила в меновую стоимость личное достоинство человека и на место бесчисленного множества видов благоприобретенной и патентованной свободы поставила одну беззастенчивую свободу торговли. Словом, эксплоатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплоатацией открытой, прямой, бесстыдной и сухой.

Буржуазия лишила обаяния все те почетные роды деятельности, на которые до сих пор смотрели с благоговейным трепетом. Врача и юриста, священника и поэта, человека науки она превратила в своих наемных работников.

Буржуазия сорвала с семейных отношений их трогательно-сентиментальный покров и превратила их в дело простого денежного расчета.

Буржуазия разоблачила, что проявление грубой силы, которой реакция так восхищается в средних веках, имело свое естественное дополнение в самом праздном тунеядстве. Только она показала, что может создать деятельность человека. Она сотворила совершенно иные чудеса, чем египетские пирамиды, римские водопроводы и готические соборы; она совершила совсем иные походы, чем переселение народов и крестовые походы.

Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянных переворотов в орудиях производства, а следовательно, и в отношениях производства, а следовательно, и во всех общественных отношениях. Неизменное сохранение старого способа производства было, напротив, первым условием существования всех предшествовавших ей промышленных классов. Постоянные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечное движение и вечная неуверенность отличают буржуазную эпоху от всех предшествовавших. Все прочные заржавелые отношения, с соответствующими им, исстари установившимися воззрениями и представлениями, разрушаются, все вновь образовавшиеся оказываются устарелыми прежде, чем успевают окостенеть. Все сословное и неподвижное испаряется, все священное оскверняется, и люди вынуждаются, наконец, взглянуть трезвыми глазами на свои взаимные отношения и свое жизненное положение.

Потребность в постоянно возрастающем сбыте для ее продуктов заставляет буржуазию обегать весь земной шар. Всюду она должна проникнуть, всюду она старается внедриться, всюду она завязывает сношения.

Своей эксплоатацией всемирного рынка буржуазия преобразовала в космополитическом духе производство и потребление всех стран. К великому огорчению реакционеров, она лишила промышленность национальной почвы. Исконные, национальные отрасли промышленности уничтожены или уничтожаются с каждым днем. Они вытесняются новыми отраслями промышленности, введение которых является вопросом жизни для всех цивилизованных наций, теми отраслями промышленности, которые обрабатывают не только местные сырые продукты, но и произведения самых отдаленных стран, и фабричные продукты которых потребляются не только внутри страны, но и во всех частях света. Прежние потребности, удовлетворявшиеся с помощью местных продуктов, заменились новыми, для удовлетворения которых необходимы произведения отдаленнейших стран и разнообразнейших климатов. Прежняя местная и национальная замкнутость и самодовление уступают место всестороннему обмену и всесторонней взаимной зависимости народов как в области материального, так и в области духовного производства. Плоды умственной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся теперь все более и более невозможными, и из многих национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература.

Быстрым усовершенствованием орудий производства и бесконечно облегченными средствами сообщения буржуазия толкает на путь цивилизации все, даже самые варварские народы. Низкие цены товаров являются в ее руках тяжелой артиллерией, с помощью которой она разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам. Она заставляет все нации принять буржуазные способы производства, под угрозой полного их разорения; она заставляет их усвоить так называемую цивилизацию, т. е. сделаться буржуа. Словом, она творит новый мир по своему образу и подобию.

Буржуазия подчинила деревню господству города. Она вызвала к жизни огромные города, в высокой степени увеличила городское население сравнительно с сельским, и освободила таким образом значительную часть населения от идиотизма деревенской жизни. И рядом с этим подчинением деревни городу она поставила варварские и полуварварские страны в зависимость от цивилизованных, крестьянские народы — от буржуазных, Восток — от Запада.

Буржуазия все более и более уничтожает раздробление имущества, населения и средств производства. Она сгустила население, централизовала средства производства и концентрировала собственность в немногих руках. Необходимым следствием этого была политическая централизация. Независимые, связанные почти только союзными отношениями провинции, с различными интересами, законами, управлением и таможенным тарифом, сило-

тились в одну нацию, с единым правительством, единым законодательством, единым национальным классовым интересом и единой таможенной линией.

Маркс и Энгельс, Коммунистический манифест, 3 изд., 63—68.

Но она (буржуазия. *Сост.*) не только выковала оружие, которое принесет ей смертельный удар, она также породила и людей, которые направят это оружие — современных рабочих, пролетариев.

В той же самой степени, в какой развивается буржуазия, т. е. капитал, развивается пролетариат, класс современных рабочих, которые только тогда и могут существовать, когда находят работу, а находят ее только до тех пор, пока труд их увеличивает капитал. Эти рабочие, вынужденные продавать себя в розницу, представляют собою такой же товар, как и всякий другой предмет торговли, а потому находятся в зависимости от всех случайностей конкуренции, от всех колебаний рынка.

Работа этих пролетариев, благодаря машинам и разделению труда, совершенно лишилась самостоятельного характера и потеряла, поэтому, всякую привлекательность для рабочих.

Рабочий сделался простым придатком к машине, от которого требуется лишь ряд самых простых, самых однообразных, легче всего изучаемых движений. Издержки на рабочих ограничиваются, поэтому, почти одними только средствами существования, в которых он нуждается для своего содержания и поддержания своей расы. А цена всякого товара, следовательно и труда, равняется издержкам его производства. Поэтому, чем более труд теряет свою привлекательность, тем более падает и заработная плата. Даже более: в той же степени, в которой возрастает применение машин и разделение труда, возрастает и тяжесть труда. Это достигается либо при помощи удлинения рабочего дня или путем увеличения напряжения, требуемого от рабочего в данное время, посредством ускорения движения машин и так далее.

Современная промышленность превратила маленькую мастерскую патриархального ремесленника в большую фабрику капиталиста. Скученные на фабриках массы рабочих организуются по-солдатски. Как рядовые промышленной армии, становятся они под надзор целой иерархии унтер-офицеров и офицеров. Они рабы не только целого класса буржуазии, буржуазного государства; ежедневно и ежечасно порабощаются они машиной, надсмотрщиками, а, прежде всего, разумеется, самим буржуа-предпринимателем. И тем мелочнее, тем ненавистнее становится этот деспотизм, тем более оставляет он горечи, чем откровеннее провозглашается нажива его последней целью.

Чем менее и ловкости и силы требует ручной труд, т. е. чем более развивается современная промышленность, тем более труд мужской вытесняется трудом женским. По отношению к рабочему классу различие пола и возраста утрачивает всякое общественное значение. Существуют только рабочие инструменты, цена которых изменяется сообразно с возрастом и полом

Когда фабриканты выжимают все, что можно из рабочих, и последние получают, наконец, свою заработную плату, на них набрасываются другие части буржуазии: домовладельцы, лавочники, ростовщики и т. д.

Прежние низшие слои среднего сословия, мелкие промышленники, купцы и рантье, ремесленники и крестьяне,—все эти классы все более и более опускаются в ряды пролетариата, частью потому, что их незначительный капитал недостаточен для крупного производства и не выдерживает конкуренции больших капиталов, частью потому, что их техническая ловкость теряет свое значение при новых способах производства. Так рекрутируется пролетариат из всех классов населения.

Пролетариат проходит через различные ступени развития. Его борьба против буржуазии начинается с самым его существованием.

Сначала рабочие борются поодиночке, потом сплачиваются рабочие одной фабрики, далее — одной отрасли промышленности в известной местности против отдельных, непосредственно их эксплоатирующих буржуа. Они нападают не только на буржуазные условия производства, но и на самые средства производства: они разбивают машины, уничтожают иностранные конкурирующие товары, поджигают фабрики, они стараются восстановить разрушенное положение средневекового рабочего.

На этой ступени развития рабочие представляют собой рассеянную по всей стране и разъединенную конкуренцией массу. Массовые движения рабочих не являются тогда следствием самостоятельного их сплочения, но вызываются буржуазией, которая, для достижения своих политических целей, должна и пока еще может приводить в движение весь рабочий класс. На этой ступени рабочие борются следовательно не с своим собственным неприятелем, они побивают врагов своих врагов — остатки абсолютной монархии, поземельных собственников, непромышленную буржуазию, мелкую буржуазию. Все историческое движение концентрируется, таким образом, в руках буржуазии. Каждая победа, которую удается одержать этим путем, есть победа буржуазии.

Но с развитием промышленности увеличивается не только численный состав пролетариата; он группируется в большие массы, сила его растет, и он все более сознает ее. Интересы и жизненное положение рабочих все более и более приводятся к одному уровню, так как машинное производство все более и более стирает различие между всеми отраслями труда и почти повсюду низводит рабочую плату до одинаково низкого уровня. Усиливающаяся конкуренция предпринимателей и вызываемые ею торговые кризисы обусловливают более сильные колебания заработной платы; непрестанное совершенствование машин, развивающееся с возрастающей быстротой, делает жизненное положение рабочих все менее и менее обеспеченным; столкновения между отдельными работниками и предпринимателями все более и более принимают характер столкновений двух классов общества. Рабочие начинают устраивать коалиции для совместной борьбы против буржуазии; совокупными силами отстаивают они свою заработную плату. Они устраи-

вают даже постоянные ассоциации, которые могли бы поддерживать их в минуты активной борьбы. Местами борьба эта переходит в открытые восстания.

Иногда рабочие остаются победителями, но не надолго. Существенным результатом их борьбы является не непосредственный успех, но все более возрастающее сплачивание их между собой. Ему способствует вызываемое развитием крупной промышленности улучшение средств сообщения, которое приводит в соприкосновение рабочих различных местностей. Только это соприкосновение и нужно, чтобы борьбу рабочих отдельных местностей, повсюду носящую один и тот же характер, превратить в национальную классовую борьбу. Но всякая классовая борьба есть борьба политическая. И объединение, для которого средневековым гражданам, с их проселочными дорогами, нужны были столетия, совершается современными рабочими, благодаря железным дорогам, в немногие годы.

Эта организация пролетариев в отдельный класс, а вместе с тем и в политическую партию, ежеминутно разбивается конкуренцией рабочих между собой. Но она возникает снова и снова, каждый раз крепче, сильнее, могущественнее. Пользуясь взаимными несогласиями различных слоев буржуазии, она добивается признания некоторых интересов рабочих в форме закона. Так было с десятичасовым биллем в Англии.

Несогласия внутри старого общества всегда способствуют, так или иначе, развитию пролетариата. Буржуазия ведет постоянную борьбу: сначала — против аристократии, потом против тех слоев своего класса, интересам которых противоречит развитие крупной промышленности, и постоянно против буржуазии других государств. В каждом из этих случаев буржуазия вынуждена обращаться к пролетариату, просить его помощи и вовлекать его таким образом в политическое движение. Она сама передает, следовательно, пролетариату элементы своего собственного образования, т. е. вручает ему оружие против себя самой.

К тому же, как мы видели, прогресс промышленности толкает целые слои господствующего класса в ряды пролетариата или, по крайней мере, угрожает их условиям существования. Они также являются воспитательным элементом в среде пролетариата.

Наконец, в те периоды, когда борьба классов близится к развязке, процесс разложения в среде господствующего класса, внутри всего старого общества, принимает такой сильный, такой резкий характер, что некоторая часть господствующего класса отделяется от него и примыкает к революционному классу, несущему знамя будущего. Как часть дворянства соединилась некогда с буржуазией, так переходит теперь к пролетариату часть буржуазии, именно буржуа-идеологи, которые возвысились до теоретического понимания всего хода исторического движения...

Жизненные условия старого общества уже уничтожены в жизненных условиях пролетариата. Пролетарий не имеет собственности; его отношения к жене и детям не имеют более ничего общего с буржуазными семейными

отношениями; современный промышленный труд, современное иго капитала, одинаковое как в Англии, так и во Франции, как в Америке, так и в Германии, стерло с него всякий национальный характер. Законы, мораль, религия являются для него не более, как буржуазными предрассудками, под которыми скрываются те или другие буржуазные интересы.

Все предшествующие пролетариату классы, достигая господства, старались упрочить уже приобретенное ими общественное положение, ставя все общество в условия, наиболее благоприятные для их обогащения. Пролетарии же могут овладеть общественными производительными силами только тогда, когда уничтожат свой собственный, а вместе с тем и все современные способы приобретения имущества. Пролетариям нечего упрочивать, они должны, напротив, разрушать все упрочившиеся способы частного обогащения и частного обеспечения.

Все возникавшие до сих пор движения были движениями меньшинства или совершались в интересах меньшинства. Движение пролетариата есть самостоятельное движение подавляющего большинства в интересах подавляющего большинства. Пролетариат, самый низший слой современного общества, не может подняться, не может выпрямиться, не уничтожая в прах всю возвышающуюся над ним надстройку из слоев, образующих официальное общество.

Если не по сущности, то по форме борьба пролетариата против буржуазии есть прежде всего борьба национальная. Пролетариат каждой страны, естественно, должен прежде всего покончить с своей собственной буржуазией.

Таким образом, очерчивая самые общие фазы развития пролетариата, мы проследили более или менее скрытую гражданскую войну, происходящую в недрах современного общества, вплоть до того пункта, когда эта война превращается в открытую революцию и пролетариат, путем насильственного низвержения буржуазии, кладет основание своему господству.

Все доныне существовавшие виды общественного устройства основывались, как мы видели, на противоположности угнетенных и угнетающих классов. Но, чтобы угнетать известный класс, нужно создать условия, среди которых он мог бы, по крайней мере, поддерживать свое подневольное существование. Под гнетом лежащего на нем ига, крепостной возвысился, однако, до степени члена коммуны, подобно тому, как горожанин, несмотря на гнет феодального абсолютизма, вырос до буржуа. Напротив, современный рабочий, вместо того, чтобы возвышаться с прогрессом промышленности, все более опускается ниже условий существования своего собственного класса. Рабочий становится нищим, и нищета развивается еще быстрее, чем население и богатство. Все более делается очевидным, что буржуазия неспособна оставаться господствующим классом и возводить условия своего существования в норму, регулирующую весь общественный строй. Она неспособна к господству, потому что она не может обеспечить своему рабу даже его рабское существование, потому что она вынуждена довести его до такого состояния, в котором она должна кормить его, вместо того, чтобы существовать на

его счет. Общество не может более жить под ее властью; другими словами, жизнь буржуазии несовместима с жизнью общества.

Самое важное условие существования и господства буржуазного класса есть накопление богатства в руках частных лиц, образование и умножение капитала. Условие существования капитала есть наемный труд. Наемный труд основывается исключительно на конкуренции рабочих между собою. Прогресс промышленности, безвольным и пассивным носителем которого является буржуазия, ставит на место разъединения рабочих посредством конкуренции революционное объединение посредством ассоциации. С развитием крупной промышленности вырывается, следовательно, из-под ног буржуазии то самое основание, на котором она производит и присваивает себе продукты. Она производит, прежде всего, своих собственных могильщиков. Ее поражение и победа пролетариата одинаково неизбежны.

Маркс и Энгельс, Коммунистический манифест, 3 изд., 70—77.

...Как возникли эти классы (земледельцев, буржуазии и рабочих. — *Сост.*)? Если на первый взгляд происхождение крупного, некогда феодального, землевладения могло быть приписано прежде всего политическим причинам — насильственному захвату, то по отношению к буржуазии и пролетариату это было уже немыслимо. Слишком очевидно было, что происхождение и развитие этих двух больших классов определялось экономическими причинами. И столь же очевидно было, что борьба между крупным землевладением и буржуазией, точно так же, как и борьба между буржуазией и пролетариатом, велась прежде всего ради экономических интересов, для защиты которых политическая власть служила простым средством. Буржуазия и пролетариат одинаково возникли вследствие перемен в экономических отношениях, точнее — в способе производства. Эти два класса развились благодаря переходу от цехового ремесла к мануфактуре, а затем от мануфактуры к крупной промышленности, вооруженной паром и машинами. На известной ступени развития новые, выдвинутые буржуазией производительные силы,— прежде всего разделение труда и соединение в одной мануфактуре многих рабочих, исполняющих частные производительные функции,—и развившиеся, благодаря им, условия и потребности обмена, пришли в непримиримое противоречие с существовавшим тогда, исторически унаследованным и узаконенным способом производства, т. е. с цеховыми и прочими бесчисленными личными и местными привилегиями, свойственными феодальному порядку и угнетавшими непривилегированные сословия. В лице своей представительницы, буржуазии, производительные силы восстали против способа производства, защищаемого феодальными землевладельцами и цеховыми мастерами. Исход борьбы известен. Феодальные путы были разорваны: в Англии постепенно, во Франции сразу, в Германии же с ними и до сих пор еще не вполне разделались. Но подобно тому, как мануфактура на известной ступени своего развития пришла в столкновение с феодальным общественным порядком, крупная промышленность сталкивается теперь с порядком буржуазным. Связанная этим порядком узкими рамками капиталистического способа произ-

водства, она, с одной стороны, ведет к превращению в пролетариат все большей и большей части народа, а с другой—создает постоянно возрастающую массу продуктов, не находящих сбыта. Перепроизводство и массовая нищета,—явления, неразрывно связанные одно с другим,—таково то нелепое противоречие, к которому она приходит и которое настоятельно требует избавления производительных сил от их нынешних пут посредством изменения способа производства.

Энгельс, Людвиг Фейербах, изд. «Кр. Новь», 1923, 68—69.

...Наряду с классовыми противоречиями между феодальным дворянством и мещанством существовал еще общий антагонизм между эксплоататорами и эксплоатируемыми, между богатыми бездельниками и трудящимися бедняками. И, именно, это обстоятельство дало возможность представителям буржуазии выдавать себя за защитников всего страждущего человечества, а не только отдельного класса. Более того: с самого своего возникновения буржуазия тянет за собой своего антагониста: капиталисты не могут существовать без наемных рабочих, и в той самой пропорции, в какой члены средневековых цехов переходят в разряд буржуазии, цеховой подмастерье и внецеховой поденщик становятся пролетариями. Если в общем и целом буржуазия имела некоторое основание считать, что в борьбе против дворянства она защищает, наряду со своими собственными интересами, также и интересы различных трудящихся классов общества того времени, то все же при каждом крупном буржуазном движении возникали и самостоятельные движения того класса, в котором можно видеть более или менее развившегося предшественника современного пролетариата. Такое значение имело в Германии во время реформации и крестьянских войн движение Томаса Мюнцера, во время великой английской революции — движение левеллеров, в Великой французской революции — движение Бабефа.

Энгельс, Анти-Дюринг, Гиз, 1923, 12.

6. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРОЛЕТАРИАТА

Непосредственный производитель, рабочий, лишь тогда получает возможность распоряжаться своей личностью, когда прекращается его прикрепление к земле и его крепостная или феодальная зависимость от другого лица. Далее, чтобы стать свободным продавцом рабочей силы, который несет свой товар туда, где имеется на него спрос, рабочий должен был избавиться от господства цехов, от цеховых уставов об учениках и подмастерьях и от прочих стеснительных предписаний относительно труда. Итак, одна сторона того исторического процесса, который превращает производителя в наемного рабочего, заключается в освобождении производителя от феодального и цехового принуждения; и только эта одна сторона существует для наших буржуазных историков. Но имеется и другая сторона, состоящая в том, что освобождаемые лишь тогда становятся продавцами самих себя,

когда у них отняты все их средства производства и все гарантии существования, обеспеченные старинными феодальными учреждениями. И история этой их экспроприации основывается не на простых догадках. Она вписана в летописи человечества пламенеющим языком меча и огня.

Промышленные капиталисты, эти новые владетельные особы, должны были с своей стороны вытеснить не только цеховых мастеров, но и феодалов, владевших источниками богатства. С этой точки зрения их возвышение есть плод победоносной борьбы против феодальной власти с ее возмутительными привилегиями, а также против цехов и тех оков, которые налагают эти последние на свободное развитие производства и свободную эксплоатацию человека человеком. Однако рыцарям промышленности удалось вытеснить рыцарей меча лишь благодаря тому, что они использовали события, которые были созданы не ими самими. Они возвысились, пользуясь теми же грязными средствами, которые некогда давали возможность римским вольноотпущенникам становиться господами своих патронов.

Исходным пунктом развития, создавшего как наемного рабочего, так и капиталиста, было рабство рабочего. Развитие это состояло в том, что порабощение изменило свою форму, в превращении феодальной эксплоатации в капиталистическую. Для того, чтобы понять ход этого процесса, нам нет надобности забираться слишком далеко в прошлое. Хотя первые зачатки капиталистического производства имели место уже в XIV и XV столетиях в отдельных городах по Средиземному морю, тем не менее начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию. Она открывается там, где уже давно уничтожено крепостное право и уже значительно увял наиболее яркий цветок средневековья — свободные города.

В истории первоначального накопления громадное значение имели все перевороты, которые так или иначе послужили рычагом для возвышения формирующегося класса капиталистов; но особенно важную роль играли те моменты, когда значительные массы людей внезапно и насильственно отрывались от средств своего существования и выкидывались на рынок труда в виде поставленных вне закона пролетариев. Экспроприация сельскохозяйственного производителя, обезземеление крестьянина составляет основу всего процесса. Его-то мы и должны рассмотреть прежде всего. Его история в различных странах имеет различную окраску, пробегает различные фазы в различном порядке и в различные исторические эпохи. В классической форме совершается она только в Англии, которую мы поэтому и берем в качестве примера.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 708—709.

Пролог переворота, создавшего основу для капиталистического способа производства, разыгрался в последнюю треть XV и в первые десятилетия XVI столетия. Масса поставленных вне общества пролетариев была выброшена на рабочий рынок благодаря уничтожению феодальных дружин, которые, по справедливому замечанию сэра Джемса Стюарта, «везде бесполезно пере-

полняли дома и дворы». Правда, королевская власть, будучи сама продуктом буржуазного развития, в своем стремлении к абсолютизму насильственно ускоряла разложение этих дружин, однако она отнюдь не была его единственной причиной. Сами крупные феодалы, стоявшие в самом резком антагонизме к королевской власти и парламенту, создали несравненно более многочисленный пролетариат, узурпировав (присвоив вопреки праву) общинные земли и согнав крестьян с занимаемых ими участков, на которые крестьяне имели такое же феодальное право собственности, как и сами феодалы.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 710—711.

Насильственная экспроприация народных масс получила новый ужасный толчок в XVI столетии благодаря реформации и сопровождавшему ее колоссальному расхищению церковных имений. Ко времени реформации католическая церковь была феодальной собственницей значительной части английской земли. Уничтожение монастырей и т. д. превратило в пролетариат их обитателей. Самые церковные имения были в значительной своей части отданы в подарок хищным королевским фаворитам или проданы за бесценок спекулянтам-фермерам и горожанам, которые массами сгоняли с них их старых наследственных арендаторов и соединяли вместе хозяйства последних. Гарантированное законом право обедневших земледельцев на известную часть церковной десятины было у них молчаливо отнято. «Pauper ubique jacet» («бедняки везде»), — воскликнула Елизавета после одного путешествия по Англии. На 43-м году ее царствования правительство вынуждено было, наконец, официально признать пауперизм, введя налог в пользу бедных.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 713—714.

Как пример метода, господствующего в XIX столетии, мы приведем здесь «очистки», произведенные герцогиней Sutherland. Как только бразды правления попали в руки этой особы, весьма просвещенной в области политической экономии, она решила немедленно же приступить к радикальному экономическому лечению и превратить в пастбище все графство, население которого прежними мероприятиями аналогичного характера уже было низведено до 15 000 человек. С 1814 по 1820 годы эти 15 000 жителей — около 3 000 семейств — систематически изгонялись и искоренялись. Все их деревни были разрушены и сожжены, все поля обращены в пастбища. Британские солдаты были посланы для экзекуции, и дело доходило у них до настоящих битв с местными жителями. Одну старуху сожгли в ее собственной избе, так как она отказалась ее покинуть. Таким путем эта дама присвоила себе 794 000 акров земли, с незапамятных времен принадлежавшей клану. Изгнанным жителям она отвела на берегу моря около 6 000 акров земли, по 2 акра на семейство. Эти 6 000 акров представляли пустырь и не приносили собственникам никакого дохода. Герцогиня обнаружила столь

высокое благородство чувств, что сдала землю в среднем по 2 шилл. 6 пенсов за акр, тем самым членам клана, которые в течение столетий проливали кровь за ее род. Всю награбленную у клана землю она разделила на 29 крупных ферм, предназначенных для овцеводства, причем в каждой ферме жила одна единственная семья, большею частью английские арендаторы-батраки. В 1825 г. 15 000 гэлов уже были замещены 131 000 овец. Часть аборигенов, изгнанных на морской берег, пыталась прокормиться рыболовством. Они превратились в амфибий и жили, по словам одного английского писателя, наполовину на земле, наполовину на воде, но и земля и вода вместе лишь наполовину обеспечивали их существование.

Но бравых гэлов ждало новое и еще более тяжелое испытание за их горно-романтическое преклонение перед «большими людьми» клана. Запах рыбы бросился в нос «большим людям». Они пронюхали в нем нечто прибыльное и сдали морское побережье в аренду крупным лондонским рыботорговцам. Гэлы были изгнаны вторично.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 722—724.

Замена мелкого производства крупным сопровождается заменой мелких денежных средств, в руках отдельного хозяина — громадными капиталами, заменой мелких, ничтожных барышей — миллионными барышами. Поэтому рост капитализма ведет повсюду к росту роскоши и богатства. В России создался целый класс крупных денежных тузов, фабрикантов, железнодорожников, купцов, банкиров, создался целый класс людей, живущих доходами с денежных капиталов, отдаваемых под проценты промышленникам; обогатились крупные землевладельцы, получая с крестьян много выкупа за землю, пользуясь их нуждой в земле для превышения цен на отдаваемую в аренду землю, заводя в своих имениях крупные свеклосахарные и винокуренные заводы. Роскошь и мотовство во всех этих классах богачей достигли небывалых размеров, и парадные улицы больших городов застроились их княжескими палатами и роскошными замками. Но положение рабочего по мере роста капитализма все ухудшалось. Заработки если и увеличились кое-где после освобождения крестьян, то очень немного и не надолго, потому что масса приливающего из деревни голодного народа сбивала цены, а между тем съестные и жизненные припасы все дорожали, так что даже при увеличившейся плате рабочим приходилось получать меньше средств к жизни; заработок найти становилось все труднее и труднее, и рядом с роскошными палатами богачей (или на окраинах городов) росли лачуги рабочих, принужденных жить в подвалах, в переполненных сырых и холодных квартирах, а не то и прямо в землянках около новых промышленных заведений. Капитал, становясь все крупнее, сильнее давил на рабочих, превращая их в нищих, принуждая отдавать все свое время фабрике, загоняя на работу жен и детей рабочих. Таким образом, вот в чем состоит первая перемена, к которой ведет рост капитализма: громадные богатства скопля-

ются в руках небольшой кучки капиталистов, а массы народа превращаются в нищих.

Ленин, Проект программы (1896), соч., I, 2 изд., 429—430.

Каждый социалистический рабочий, к какой бы национальности он ни принадлежал, знает очень хорошо, что насилие только защищает, но не создает эксплоатации; что причина его эксплоатации кроется в отношениях между капиталом и наемным трудом, а отношение это возникло чисто экономическим, но не насильственным путем.

Энтельс, Анти-Дюринг, Гиз, 1923, 137.

История рабочего класса в Англии начинается с последней половины XVIII в., с изобретения паровой машины и машин для обработки хлопка. Эти изобретения, как известно, вызвали промышленный переворот, отразившийся и на всей совокупности общественных отношений, — переворот, мировое значение которого только теперь начинают признавать. Англия дает нам классический образец этого переворота, который был тем колоссальнее, чем с меньшим шумом он совершался; по этой же причине Англия оказалась также классической страной развития главнейшего спутника промышленного переворота — пролетариата. Только в Англии пролетариат может быть изучен всесторонним образом, во всех проявлениях его жизнедеятельности...

До изобретения машин прядение и тканье сырого материала производилось в жилище самого работника. Жена и дочь пряли пряжу, которая затем ткалась мужем или продавалась на сторону, если отец семьи не перерабатывал ее лично. В большинстве случаев такие семьи ткачей жили в деревне, поблизости от города; заработка им вполне хватало на жизнь, так как спрос на ткани определялся главным образом и даже почти исключительно потребностями ближайшего рынка, а всемогущая конкуренция, которая вторглась в этот промысел впоследствии, с открытием заграничных рынков и развитием торговли, еще не понижала заметным образом заработной платы. К тому же спрос на окрестном рынке постоянно повышался, в связи с постепенным ростом населения, так что для всех рабочих находилось занятие, и ожесточенная конкуренция между рабочими была невозможна, так как они жили разбросанно по деревням. Благодаря таким условиям, ткач в большинстве случаев был в состоянии сберегать кое-что про черный день и арендовывать клочок земли, которому посвящал свободное время, — а такого времени у него было, сколько ему хотелось, так как он мог заниматься тканьем когда угодно и сколько угодно. — Конечно, он был плохим крестьянином: его земледельческое хозяйство велось небрежно, и настоящий доход от него был невелик; но, по крайней мере, ткач не был пролетарием, он не принадлежал к тем людям, которые не имеют ни кола, ни двора; он был оседлым и по своему общественному положению стоял ступенью выше, чем нынешний английский рабочий.

Таким образом, рабочим было обеспечено тихое и скромное существование, и они жили спокойно, благопристойно, в полном достатке, «во всяком благочестии и чистоте»; их материальное положение было гораздо лучше, чем у их преемников; им не приходилось работать через силу, они трудились не больше, чем хотели, и все же зарабатывали, сколько им было нужно; они имели досуг для здоровой работы в саду или в поле, работы, которая была для них отдыхом; сверх того, они могли принимать участие в развлечениях и играх своих соседей; и все эти игры — кегли, мяч и т. п. — служили им для поддержания здоровья и крепости тела. В большинстве случаев они были сильными, хорошо сложенными людьми, и в их телосложении нельзя было открыть никакой или почти никакой разницы сравнительно с их соседями-крестьянами. Их дети росли на свежем деревенском воздухе, и если им и случалось помогать своим родителям в работе, то происходило это только по временам, а о ежедневной работе в течение восьми или двенадцати часов не было и речи.

Каков был моральный и интеллектуальный склад этого класса — это легко отгадать. Они были оторваны от городов, куда они никогда не являлись, так как пряжу и ткань сдавали приезжавшим к ним агентам, от которых и получали свою заработную плату. Эта оторванность их доходила до того, что старики, жившие совсем недалеко от города, появлялись там только тогда, когда машина лишала их наконец заработка, и они вынуждены бывали отправляться в город за работой; в моральном и интеллектуальном отношениях они стояли на той же ступени развития, как крестьяне, с которыми они, кроме того, были по большей части и непосредственно связаны клочком своей земли. В своем *сквайре* — наиболее значительном из окрестных землевладельцев — они видели своего естественного представителя, они спрашивали у него совета, передавали на его решение свои мелкие споры и воздавали ему всяческий почет, который вытекал из такого рода патриархальных отношений. Они были «почтенными» людьми и добрыми отцами семейства, жили нравственно, так как не имели никакого повода быть безнравственными, — ибо по соседству не было кабаков или кафе-шантанов, а трактирщик, у которого они иногда утоляли свою жажду, был также почтенным человеком и по большей части крупным фермером, который держал хорошее пиво, наблюдал за добрым порядком и рано прекращал торговлю. Детей они целый день держали при себе и воспитывали в послушании и в страхе божьем; патриархальные семейные отношения оставались нетронутыми, пока дети сами не вступали в брак; молодые люди росли в идиллической простоте и близости отношений со своими сверстниками до самого супружества, и хотя половые отношения до брака наблюдались почти постоянно, но случалось это только после того, как обе стороны признавали для себя брак нравственно обязательным, так что последующий брак приводил снова все в порядок. Словом, тогдашние английские промышленные рабочие жили и думали точно так же, как это встречается еще кое-где и теперь в Германии, жили изолированно и уединенно, не проявляли никакой

умственной деятельности и не подвергались серьезным колебаниям в своем жизненном положении. Им лишь изредка приходилось читать и еще реже — писать, но они исправно ходили в церковь, не занимались политикой, не конспирировали, не думали, забавлялись физическими упражнениями, со врожденным благоговением слушали чтение библии и при своей скромности и непритязательности превосходно уживались с высшими классами. Зато они не знали духовной жизни, жили только своими мелкими частными интересами и ничего не знали о том могучем движении, которое где-то там охватывало человечество. Они чувствовали себя весьма уютно в своем тихом растительном существовании и без промышленной революции никогда не оставили бы этой, не лишенной, конечно, своей романтической прелести, но не достойной человека, жизни. И на самом деле, это были не люди, а просто рабочие машины, служившие малочисленным аристократам, которые до сих пор управляли всем ходом истории. Промышленная революция сделала только прямой вывод из этого положения, окончательно превратив рабочих в простые машины и лишив их последних остатков самостоятельной деятельности; тем самым, однако, она разбудила их мысль и толкнула их к добыванию человеческого положения. Как во Франции — политика, так в Англии — промышленность и развитие буржуазного общества вообще бросили в водоворот истории последние слои народа, до тех пор вполне равнодушные к общественным интересам...

... Важнейшим продуктом... промышленного переворота является английский пролетариат.

... Пролетариат был создан машинами; быстрое развитие промышленности требовало рабочих рук; заработная плата возросла, и, благодаря этому, целые толпы, целые массы рабочих стали перекочевывать из земледельческих округов в города. Население увеличивалось с лихорадочною быстротою, причем почти весь прирост падал на долю пролетариата. К тому же, в Ирландии только с начала XVIII в. воцарился нормальный порядок; и здесь население, варварски сокращенное Англией во время предыдущих беспорядков более, чем в 10 раз, быстро увеличивалось, особенно с того времени, как, вследствие промышленного подъема, массы ирландцев начали привлекаться в Англию. Так возникли в британском государстве крупные фабричные и торговые города, в которых почти три четверти населения составлял рабочий класс, а мелкая буржуазия была представлена только мелочными торговцами да крайне немногочисленными ремесленниками. В самом деле, подобно тому, как новая индустрия приобрела свое значение лишь путем превращения простых орудий производства в машины, мастерских — в фабрики, а вместе с тем и путем превращения среднего трудящегося класса в рабочий пролетариат, а крупных торговцев — в промышленников; иными словами, подобно тому, как мелкая буржуазия была здесь уже вытеснена, и все население распалось на два противоположных лагеря — рабочих и капиталистов, — так и в области промышленности в более узком смысле — в ремесле и даже в области торговли — происходил

подобный же процесс. На место прежних мастеров и подмастерьев выступили с одной стороны капиталисты, а с другой — рабочие, лишенные всякой надежды подняться над уровнем своего класса; фабричная система завладела ремеслом, разделение труда было проведено строжайшим образом, и мелкие мастера, которые не были в состоянии конкурировать с крупными предприятиями, превратились в пролетариев. Но в то же время, с уничтожением существовавшего ранее ремесленного производства и с уничтожением мелкой буржуазии, у рабочего была отнята всякая возможность превратиться самому в буржуа. Прежде у него всегда была надежда устроиться где-нибудь в качестве мастера, а впоследствии, может быть, принанять и подмастерьев; теперь же, когда сам мастер был вытеснен фабрикантом, когда для самостоятельного занятия каким-либо промыслом стали требоваться большие капиталы, — пролетариат впервые стал действительно постоянным классом населения, тогда как раньше он играл роль промежуточного этапа по пути к буржуазии. Теперь — кто уж родился пролетарием, тот всю жизнь должен быть пролетарием и оставаться им. Поэтому только теперь пролетариат впервые оказался в состоянии создать свое собственное самостоятельное движение.

Таким путем создался громадный класс рабочих, которые наполняли все британское государство и социальное положение которых с каждым днем все сильнее и сильнее приковывало к себе внимание цивилизованного мира.

Положение рабочего класса, т. е. положение подавляющего большинства английского народа, или вопрос: чем должны стать эти миллионы лишенных собственности людей, проедающих сегодня то, что заработали вчера, создавших своими открытиями и своим трудом величие Англии, с каждым днем все яснее и яснее сознающих свою силу и с каждым днем все настоятельнее требующих своей доли в выгодах, создаваемых общественными учреждениями, этот вопрос со времени билля о реформе стал национальным вопросом. К нему сводились все мало-мальски важные парламентские дебаты. И если английская буржуазия до сих пор еще не хочет в этом сознаться, если она избегает этого вопроса и хочет выдать свои специфические интересы за интересы национальные, то это ей ничуть не помогает. С каждой сессией парламента рабочий класс завоевывает новую почву, а интересы буржуазии утрачивают свое значение, и хотя буржуазия является первенствующей силой и даже единственной силой в парламенте, однако же последняя сессия 1844 г. была сплошь заполнена дебатами об условиях труда (билль о бедных, билль о фабриках, билль об отношениях господ к прислуге), а героем сессии был Томас Денкомб, представитель рабочего класса в палате общин, тогда как либеральная буржуазия со своим движением в пользу отмены хлебных законов и радикальная буржуазия со своим предложением об отказе от уплаты налогов играли жалкую роль. Даже дебаты об Ирландии были, в сущности, дебатами о положении ирландского пролетариата и о средствах придти ему на помощь. И в самом деле, английской буржуазии

пора бы сделать уступки не просящим, но требующим и грозящим рабочим, так как вскоре может уже оказаться слишком поздно.

Однако, при всем том английская буржуазия, особенно же фабриканты, непосредственно обогащающиеся за счет нужды рабочих, ничего не хотят знать об этой нужде. Чувствуя себя сильным классом, представителем нации, она стыдится обнаружить перед глазами всего мира язвы на теле Англии: она не хочет себе сознаться в том, что рабочие бедны, так как моральную ответственность за эту бедность должен нести именно владеющий, промышленный класс. Отсюда та насмешливая гримаса, которую стараются скорчить образованные англичане (а только они, т. е. буржуазия, и известны на континенте), как только заходит речь о положении рабочих; отсюда — полнейшее невежество среди всей буржуазии во всем, что касается рабочих. Отсюда — смешные промахи, которые этот класс делает в парламенте и вне парламента, когда заходит речь об условиях существования пролетариата; отсюда — беззаботная жизнерадостность, с которой этот класс живет на почве, которая уже поколебалась под его ногами и каждый день может провалиться, и скорое крушение которой так же верно, как какой-либо математический, либо механический закон; отсюда — и то удивительное явление, что англичане еще не имеют ни одной удовлетворительной книги о положении своих рабочих, хотя уже давным-давно исследуют его и пишут о нем разные компиляции. Отсюда же — и глубокая ненависть всего рабочего класса, от Глазго и до Лондона, к богачам, которые систематически высасывают из него соки и затем бесчеловечно предоставляют их своей собственной судьбе; и эта ненависть в недалеком будущем — его можно уже почти рассчитать — должна привести к революции, в сравнении с которой первая французская революция и революция 1794 г. будут казаться детской игрой.

Энгельс, Положение рабочего класса в Англии, изд. «Молот», 1905, 17—19 и 30—32.

в. ОБЩИЕ УСЛОВИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПРОЛЕТАРИАТА

Мы не можем удержаться от иронической усмешки при виде страшной серьезности того патетического вдохновения, с которым буржуа почти всюду добиваются осуществления своих задач. Эти господа серьезно думают, что они работают для самих себя. Они достаточно ограничены, чтобы считать, что их победа даст миру его окончательные очертания. А между тем, яснее ясного, что буржуазия повсюду прокладывает путь для н а с — демократов и коммунистов; что она добьется лишь максимум нескольких лет торжества, и то неспокойного, чтобы после этого быть свергнутой в свою очередь. Всюду за спиной буржуазии стоит пролетариат. В одних местах он принимает участие в ее борьбе и отчасти разделяет ее иллюзии, как, например, в Италии и в Швейцарии. В других странах он держится молча в стороне, но под рукою подготовляет свержение буржуазии, например, во Франции и

Германии. Наконец, в третьих странах, в Англии и Америке, пролетариат находится в открытом восстании против буржуазного господства.

Но мы можем пойти еще дальше. Мы можем все это говорить буржуазии, не таясь, можем раскрыть свои карты. Пусть буржуазия знает наперед, что она работает лишь нам на пользу. И все же она, несмотря на это, не сможет прекратить свою борьбу против абсолютной монархии, дворянства и попов. Ей предстоит победить в этой борьбе или погибнуть уже сейчас.

Энгельс, Революционные движения 1847 г.; Маркс и Энгельс, Коммунистический манифест, 3 изд., 42.

Маркс видел прогрессивную, революционную работу капитализма в том, что он, обобществляя труд, в то же самое время механизмом самого процесса «обучает, объединяет и организует рабочий класс», обучает борьбе, организует его «возмущение», объединяет для «экспроприации экспроприаторов», для захвата политической власти и отнятия средств производства из рук «немногих узурпаторов» для передачи их в руки всего общества.

Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов, соч., I, 2 изд., 204.

... Экспроприация осуществляется действием имманентных законов самого капиталистического процесса производства, централизацией капиталов. Один капиталист убивает многих. Рука об руку с этой централизацией или экспроприацией многих капиталистов немногими развивается все в более широком масштабе кооперативная форма процесса труда, сознательное техническое применение науки, планомерная эксплоатация земли, выработка таких средств труда, которые допускают лишь совместное применение, экономизация всех средств производства путем применения их как средств производства комбинированного, общественного труда, вовлечение всех народов в сеть мирового рынка и, следовательно, интернациональный характер капиталистического режима. Наряду с постоянным уменьшением числа магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса переворота, растет масса нищеты, гнета, порабощения, вырождения и эксплоатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, непрерывно увеличивающегося, вышколенного, объединенного и организованного самым механизмом капиталистического процесса производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вместе с нею и благодаря ей достиг расцвета. Централизация средств производства и обобществления труда достигают уровня, при котором они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Последняя разрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 756.

...Первым шагом рабочей революции должно быть возвышение пролетариата на степень господствующего класса, завоевание демократии.

Пролетариат воспользуется своим политическим господством, чтобы постепенно отнять у буржуазии весь капитал, чтобы централизовать все орудия труда в руках государства, т. е. организованного в качестве господствующего класса пролетариата и, по возможности, скорее увеличить массу производительных сил.

Конечно, сначала это может совершиться только путем деспотических вторжений в право собственности и в буржуазные условия производства, следовательно, путем мероприятий, которые, с экономической точки зрения, кажутся недостаточными и ненадежными, но которые в ходе движения перерастут самих себя и неизбежны, как средство для преобразования всего способа производства.

Эти мероприятия будут, конечно, различны в различных странах.

Однако, в наиболее цивилизованных странах могли бы почти повсюду быть приняты следующие общие меры:

1. Экспроприация поземельной собственности и обращение поземельной ренты на покрытие государственных расходов.

2. Высокий прогрессивно-подоходный налог.

3. Уничтожение права наследства.

4. Конфискация имущества всех эмигрантов и бунтовщиков.

5. Централизация кредита в руках государства, посредством национального банка с государственным капиталом и исключительной монополией.

6. Централизация транспорта в руках государства.

7. Увеличение числа государственных фабрик и орудий производства, возделывание и улучшение полей по общему плану.

8. Одинаковая трудовая повинность для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия.

9. Соединение земледельческого труда с фабричным, постепенное уничтожение различия между городом и деревней.

10. Общественное и даровое воспитание всех детей. Устранение фабричной работы детей в современной ее форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д.

Когда, в процессе развития, будут уничтожены различия классов и все производство сосредоточится в руках ассоциированных индивидуумов, общественная власть потеряет свой политический характер. Политическая власть, в собственном смысле этого слова, есть организованная сила одного класса, имеющая целью подчинение другого класса. Если пролетариат в борьбе против буржуазии необходимо объединяется, как класс, путем революции становится господствующим классом, и, как господствующий класс, насильственно уничтожает старые условия производства, то вместе с последними он уничтожает также и условия существования антагонизма классов, классы вообще, а тем самым и собственное классовое господство.

Место старого буржуазного общества, с его классами и антагонизмом классов, займет ассоциация, в которой свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех.

Маркс и Энгельс, Коммунистический манифест, 3 изд., Гиз, 1923, 87—88.

г. ДИАЛЕКТИКА КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ БУРЖУАЗИИ И ПРОЛЕТАРИАТА

1. НА ЗАПАДЕ (XIX в.)

Все революции сводились до сих пор к тому, что один класс должен был уступить господство другому; при этом господствующий класс всегда составлял незначительное меньшинство, в сравнении с подчиненной народной массой. Так свергалось одно правящее меньшинство, а на его место другое меньшинство захватывало кормило власти и изменяло государственные учреждения сообразно своим интересам. Экономическое развитие каждый раз делало способным к господству и призывало к нему новое меньшинство, и именно поэтому — и только поэтому — управляемое большинство либо принимало участие в революции в пользу данного меньшинства, либо же во всяком случае спокойно покорялось ей. Если оставить в стороне конкретное содержание всех этих революций, их общей формой останется то, что они все были революциями меньшинства. Даже тогда, когда в них принимало участие большинство, это происходило — сознательно или бессознательно — только в интересах того или другого меньшинства, причем это участие большинства или одна уже пассивность его как бы делали меньшинство представителем всего народа.

После первого крупного успеха среди победоносного меньшинства обыкновенно происходил раскол; одна часть довольствовалась достигнутым, другая хотела итти дальше, ставила новые требования, которые, по крайней мере, отчасти соответствовали действительным или мнимым интересам народной массы. В отдельных случаях эти более радикальные требования осуществлялись на деле, но часто лишь на короткое время: умеренная партия снова брала верх, плоды последних побед уничтожались целиком или частью. Побежденные кричали тогда об измене или приписывали свое поражение случайности. В действительности же дело обстояло в большинстве случаев так: результаты первой победы упрочивались только второй победой, победой более радикальной партии, а после этого радикалы и их успехи снова исчезали со сцены.

Эти черты встречаются во всех революциях нового времени, начиная с великой английской революции XVII столетия, и они казались неразрывными со всякой революционной борьбой. Они казались применимыми также и к освободительной борьбе пролетариата. Тем более, что в 1848 г. можно было по пальцам пересчитать людей, которые хоть сколько-нибудь понимали, при каких условиях может произойти освобождение пролетариата. Даже в Париже и уже после победы рабочая масса не имела перед собой

никакого определенного плана действий. И однако движение существовало, инстинктивное, самопроизвольное, неподавимое. Именно это положение заставляло верить в неизбежный успех революции, которая, хотя и произойдет под руководством меньшинства, но на этот раз в самом действительном интересе большинства. Если во всех более или менее продолжительных революционных периодах широкие народные массы так легко поддавались на одни только заманчивые обещания передового меньшинства, то отчего же им оказаться менее доступными для идей, которые являлись точнейшим отражением их экономического положения, которые были не чем иным, как ясным, сознательным выражением их собственных, еще не сознанных, а только лишь неясно ощущаемых потребностей? Правда, это революционное настроение масс почти всегда — и в большинстве случаев очень скоро — сменялось утомлением или даже реакционным настроением, как только исчезали иллюзии и наступало разочарование. Но ведь здесь дело шло не об обещаниях, а об удовлетворении самых кровных интересов огромного большинства. Правда, этому большинству далеко еще было до ясного сознания своих собственных интересов, но их практическое удовлетворение, наглядная действительность ведь должны были очень скоро открыть ему глаза. Когда же выросшая из «социальной» революции 1848 г. буржуазная республика в своем дальнейшем развитии... дошла до того, что весною 1850 г. вся действительная власть сосредоточилась в руках крупной буржуазии, желавшей к тому же восстановления монархии; когда, с другой стороны, все остальные общественные классы, крестьянство и мелкая буржуазия, сгруппировалась вокруг пролетариата, так что после общей победы решающим фактором должны были стать не они, а умудренный опытом пролетариат, — то возможно ли было тогда сомнение в том, что революция меньшинства превратится в революцию большинства?

Энгельс, Введение к «Классовой борьбе во Франции от 1848 до 1850 г.» Маркса; Маркс, Классовая борьба во Франции, изд. 1919, 7—9.

В кальвинизме второе великое движение буржуазии нашло себе уже готовую боевую теорию. Движение это произошло в Англии. Городская буржуазия дала толчок революции, а среднее крестьянство (yeomanry) сельских округов довело борьбу до победы. И интересно отметить, что во всех трех буржуазных революциях крестьянство поставляло главную армию борцов, но оно же было как раз тем классом, который больше всего разорялся от экономических последствий одержанной им победы. Через сто лет после Кромвеля английские yeomanry почти совершенно исчезли. Но во всяком случае, только благодаря вмешательству этих yeomanry и плебейских элементов городов, борьба была доведена до решительного конца, и Карл I был взведен на эшафот. Именно для того чтобы буржуазия могла пожать уже созревшие плоды победы, было необходимо, чтобы революция зашла гораздо дальше своей первоначальной цели — точь-в-точь, как в 1793 г. во Франции и в 1848 г. в Германии. Указанное явление, пови-

димому, представляет собою один из законов развития буржуазного общества.

Энгельс, Об историческом материализме. Сборник статей Семковского «Исторический материализм», Гиз Украины, 1923, 138.

Когда восстает класс, в котором сосредоточиваются революционные интересы общества, он не ищет материала для своей революционной деятельности: он уничтожает врагов, принимает меры, диктуемые потребностями борьбы, и последствия его собственных действий толкают его дальше. Такой класс занимается теоретическими исследованиями своих собственных задач. Французский рабочий класс не находился в таком положении, он еще не был способен осуществить свою революцию.

Вообще развитие промышленного пролетариата обусловлено развитием промышленной буржуазии. Лишь под ее господством он вырастает в национальную силу, способную придать его революции национальные размеры, лишь под ее господством он создает современные средства производства, служащие в то же время средствами его революционного освобождения. Лишь ее господство вырывает с корнем остатки феодального строя и подготовляет почву, на которой единственно возможна рабочая революция. Франция самая промышленная страна во всем континенте, а ее буржуазия самая революционная. Но уже тот факт, что февральская революция, главным образом, направлялась против финансовой аристократии, показал, что промышленная буржуазия не господствовала во Франции. Господство промышленной буржуазии возможно лишь там, где современная промышленность преобразует по-своему все имущественные отношения; а этой силы она может достигнуть лишь тогда, когда она завоевала всемирный рынок, так как в пределах своей страны она не может достигнуть полного развития. Французская же промышленность на самом деле даже внутренний рынок удерживает за собой, благодаря только более или менее модифицированной системе запретительных пошлин. Поэтому в Париже в момент революции события толкают французский пролетариат на попытки, превосходящие его силы, тогда как в провинции он скучен в отдельных, разбросанных промышленных центрах, почти исчезая в подавляющем большинстве крестьянства и мелкой буржуазии. Борьба против капитала в ее развитой, современной форме, в ее чистом виде, борьба фабричного рабочего против фабриканта-буржуа является во Франции частичным фактом. После февральских дней она тем менее могла послужить национальным содержанием революции, что борьба против второстепенных способов капиталистической эксплоатации, — борьба крестьянина против ростовщичества и гипотеки, борьба мелкого буржуа против крупного торговца, банкира и фабриканта, одним словом, против банкротства, — была еще скрыта под оболочкой общего восстания против общего гнета финансовой аристократии. Неудивительно поэтому, что парижский пролетариат старался отстаивать свои интересы б о к-о-б о к с буржуазными интересами, вместо того, чтобы про-

водить их в жизнь в качестве революционного интереса самого общества; неудивительно, что он склонил красное знамя перед трехцветным. Французские рабочие не могли двинуться ни на шаг вперед, не могли тронуть ни одного волоска на буржуазном строе, пока ход революции не поднял против него, против господства капитала, стоящую между пролетариатом и буржуазией массу нации, крестьян и мелких буржуа, и не заставил их примкнуть к пролетариату, признав в нем своего передового борца. Только ценою страшного июньского поражения рабочие могли купить эту победу.

За Люксембургской комиссией, этим детищем парижского пролетариата, останется та заслуга, что она с высоты европейской трибуны провозгласила тайну революции XIX столетия: освобождение пролетариата. «Moniteur» (правительственная газета) с пеной у рта должен был официально пропагандировать «дикие бредни», до тех пор погребенные в апокрифических сочинениях социалистов и лишь время от времени доносившиеся до ушей буржуазии в виде каких-то смутных легенд, не то страшных, не то смешных. Изумленная Европа очнулась от своей буржуазной дремоты. Итак, в мысли пролетариев, которые отождествляли финансовую аристократию с буржуазией вообще, в воображении республиканских простаков, которые отрицали самое существование классов или, в лучшем случае, считали их следствием конституционной монархии, в лицемерных фразах тех слоев буржуазии, которые раньше были устранены от власти,— господство буржуазии было отменено вместе с введением республики. В то время все роялисты превратились в республиканцев, все капиталисты — в рабочих. Фраза, соответствовавшая этому воображаемому уничтожению классовых отношений, была fraternité — всеобщее братание и братство. Это добродушное отвлечение от классовых противоречий, это сентиментальное примирение противоположных классовых интересов, это мечтательное игнорирование классовой борьбы, fraternité — вот что было истинным лозунгом февральской революции. Простое недоразумение раскололо общество на классы, и 24 февраля Ламартин окрестил временное правительство так: «правительство, которое прекращает страшное недоразумение, существующее между различными классами». Парижский пролетариат упивался этим великодушным порывом всеобщего братства.

Маркс, Классовая борьба во Франции от 1848 до 1850 гг., изд. 1919, 31—33.

Для победоносной социальной революции нужна наличность, по крайней мере, двух условий: высокое развитие производительных сил и подготовленность пролетариата. Но в 1871 г. оба эти условия отсутствовали. Французский капитализм был еще мало развит, и Франция была тогда по преимуществу страной мелкой буржуазии (ремесленников, крестьян, лавочников и пр.). С другой стороны, не было налицо рабочей партии, не было подготовки и долгой выучки рабочего класса, который в массе даже не совсем ясно еще

представлял себе свои задачи и способы их осуществления. Не было ни серьезной политической организации пролетариата, ни широких профессиональных союзов и кооперативных товариществ...

Ленин, Памяти Коммуны, соч., XI, ч. 2, 1 изд., 277.

... Революция была делом рабочего класса, именно он строил баррикады и жертвовал своей жизнью. Только парижские рабочие, свергнув правительство, имели твердое определенное намерение свергнуть и весь буржуазный режим. Но хотя они уже сознавали тот фатальный антагонизм, который существовал между их собственным классом и буржуазией, ни экономический прогресс страны, ни интеллектуальное развитие французских рабочих масс не достигли еще той ступени, на которой был бы возможен социальный переворот. Поэтому плоды революции, в конечном счете, достались классу капиталистов. А в других странах, в Италии, в Австрии, в Германии, рабочие, с самого начала, только помогли буржуазии захватить власть. Но в каждой стране царство буржуазии возможно только при условии национальной независимости. Таким образом революция 1848 г. должна была повлечь за собой объединение и независимость наций, которые тогда еще не обладали ими: Италия, Германия, Венгрия, Польша за ними последует в свое время.

Если, следовательно, революция 1848 г. не была социалистической революцией, то она выровняла для нее дорогу, приготовила для нее почву. В силу могучего толчка, данного ею во всех странах развитию крупной промышленности, буржуазное общество в течение последних 45 лет создало многочисленный, сплоченный и крепкий пролетариат и породило таким образом, употребляя выражение «Манифеста», своих собственных могильщиков. Без независимости и объединения каждой нации в отдельности не могут совершаться ни международное объединение пролетариата, ни спокойное и сознательное сотрудничество этих наций ввиду общих целей. Представьте себе, если вы это только можете, общее международное действие рабочих итальянских, венгерских, немецких, польских, русских при политических условиях, господствовавших до 1848 г.!

Энгельс, Предисловие к итальянскому изданию 1893 г. «Коммунистического манифеста»; Маркс и Энгельс, Коммунистический манифест, 3 изд., 58.

... Февральская республика действительно не была и не могла быть не чем иным, как буржуазной республикой; что только под непосредственным давлением пролетариата временное правительство принуждено было объявить ее республикой, окруженной социальными учреждениями; что парижский пролетариат не был еще в состоянии выйти из рамок буржуазной республики иначе, как в своих мечтаниях, в воображении, в действительности же всегда служил ей; что данные ему обещания сделались невыносимой опасностью для новой республики,

и все существование временного правительства свелось к беспрестанной борьбе с требованиями пролетариата.

В лице Национального собрания вся Франция явилась судьею парижского пролетариата. Собрание немедленно порвало со всеми социальными иллюзиями Февральской революции и напрямик провозгласило буржуазную республику, и только буржуазную республику. Оно поспешило исключить из выбранной им комиссии представителей пролетариата Луи Блана и Альбера; оно отклонило предложение учредить особое министерство труда и встретило бурными одобрениями слова министра Трела: «Теперь речь идет еще только о том, чтобы вернуть труд в его прежние условия».

Но всего этого было еще недостаточно. Февральская республика была завоевана рабочими при пассивной поддержке со стороны буржуазии. Пролетарии справедливо считали себя победителями в февральской борьбе и предъявляли высокомерные требования победителя. Надо было победить их в уличной борьбе, надо было показать им, что они осуждены на поражение, как только они сражаются не в союзе с буржуазией, а против нее. В свое время для Февральской республики с ее уступками социализму понадобилась битва соединенного с буржуазией пролетариата против монархии; теперь нужна была вторая битва, для того, чтобы официально утвердить господство буржуазной республики. С оружием в руках буржуазия должна была опровергнуть требования пролетариата. Настоящая колыбель буржуазной республики — не февральская победа, а июньское поражение...

Буржуазия принудила парижский пролетариат к июньскому восстанию. Это обстоятельство уже осуждало его на неудачу. Не непосредственная, сознанная потребность толкнула пролетариат на этот шаг, заставила его стремиться к насильственному низвержению буржуазии; да он еще и не был в силах справиться с этой задачей. «Монитер» должен был официально заявить ему, что прошло время, когда республика находила нужным кокетничать с его иллюзиями. Только поражение его открыло ему ту истину, что малейшее улучшение его положения в пределах буржуазной республики остается утопией и что эта утопия становится преступлением при первой попытке осуществить ее. Тогда на место требований, предъявленных пролетариатом Февральской республике, широковещательных по форме, но мелочных и даже буржуазных по существу,— выступает смелый революционный лозунг: «Низвержение буржуазии! Диктатура рабочего класса!»

Родившись на могиле пролетариата, буржуазная республика должна была с самого начала выступить в своем чистом виде, открыто заявив своей целью увековечение господства капитала и рабства труда. Имея всегда перед глазами покрытого рубцами, непримиримого, непобедимого врага,— непобедимого потому, что его существование является жизненной потребностью самой буржуазии, — господство буржуазии, освобожденное от

всех оков, должно было непременно обратиться в терроризм буржуазии. С другой стороны, после того, как пролетариат на время сошел со сцены и официально была провозглашена диктатура буржуазии, средние слои буржуазного общества, мелкая буржуазия и крестьянство, должны были все теснее примыкать к пролетариату, по мере того как ухудшалось их положение и обострялся антагонизм между ними и буржуазией. Если раньше они видели причину своих бедствий в победе пролетариата, то теперь они должны были ее видеть в его поражении.

Июньское восстание придало духу континентальной буржуазии и заставило ее вступить в открытый союз с феодальной монархией против народа. Но первой жертвой этого союза была сама же континентальная буржуазия. Июньское поражение помешало ей укрепить свое господство и остановить народ полуудовлетворенным, полуразочарованным на низшей ступени буржуазной революции.

Июньское поражение открыло деспотическим державам Европы ту тайну, что Франции необходимо во что бы то ни стало сохранять внешний мир для того, чтобы вести гражданскую войну у себя дома.

Это отдало во власть России, Австрии и Пруссии народы, начавшие борьбу за свою национальную независимость, но в то же время судьба этих национальных революций была поставлена в зависимость от судьбы рабочей революции, исчезла их кажущаяся самостоятельность и независимость от великого социального переворота.

Ни негр, ни поляк, ни итальянец не будут свободны, пока рабочий остается рабом!

Маркс, Классовая борьба во Франции в 1848—1850 гг., изд. 1919, 43—44, 46—47.

Французский социалист Луи Блан в революцию 1848 г. печально прославил себя тем, что с позиции классовой борьбы перешел на позицию мелкобуржуазных иллюзий, прикрашенных фразеологией якобы «социализма», а на деле служащих лишь укреплению влияния буржуазии на пролетариат. Луи Блан ждал помощи от буржуазии, надеялся и возбуждал надежды, будто буржуазия может помочь рабочим в деле «организации труда» — этот неясный термин должен был выражать «социалистические» стремления.

Ленин. Луиблановщина, соч., XX, 2 изд., 91.

Самое положение буржуазии, как класса в капиталистическом обществе, неизбежно порождает ее непоследовательность в демократическом перевороте. Самое положение пролетариата, как класса, заставляет его быть последовательным демократом. Буржуазия оглядывается назад, боясь демократического прогресса, который грозит усилением пролетариата. Пролетариату нечего терять, кроме цепей, а приобретет он при помощи демокра-

тизма весь мир. Поэтому, чем последовательнее буржуазная революция в ее демократических преобразованиях, тем менее ограничивается она тем, что выгодно исключительно для буржуазии. Чем последовательнее буржуазная революция, тем больше обеспечивает она выгоды пролетариата и крестьянства в демократическом перевороте.

Ленин, Две тактики социал-демократии в демократической революции, соч., VI, 1 изд., 331.

Объединенные роялисты разыгрывали свои междуфракционные интриги в прессе, в Эмсе и Клермоне (в Эмсе жили претенденты Бурбонов, в Клермоне — Орлеанов), — одним словом, вне парламента. За кулисами они вытаскивали свои старые легитимистские и орлеанистские ливреи и возобновляли свои старые турниры. Но на публичной арене, в своих главных государственных деяниях, где они выступали как крупные парламентские партии, они ограничивались простыми любезностями по адресу своих уважаемых королевских домов и откладывали реставрацию монархии (in infinitum). Свое действительное дело они делали как партия порядка, т. е. под социальным, а не под политическим только знаменем, как представители буржуазного порядка, а не как рыцари странствующих принцесс, как класс буржуазии, борющийся с другими классами, а не как роялисты, борющиеся с республиканцами. И, как партия порядка, они господствовали над другими классами общества полнее и откровеннее, чем когда-либо раньше при реставрации или июльской монархии. Такое господство было возможно вообще только в форме парламентской республики, так как только эта форма могла объединить в себе оба крупные подразделения французской буржуазии и таким образом осуществить господство всего класса вместо режима какой-либо одной его привилегированной фракции. Если роялисты и в качестве партии порядка нападали на республику и обнаруживали свое отвращение к ней, то отнюдь не из-за одних только роялистских воспоминаний. Инстинкт подсказывал им, что республика хотя и довершает их политическое господство, но в то же время подрывает его социальные основы, так как заставляет крупную буржуазию выступать против порабощенных классов и бороться с ними непосредственно, не прячась за корону, не имея возможности занять внимание нации второстепенными конфликтами в своей среде и с короной. Чувство слабости заставляло буржуа отступать перед чистой формой их собственного классового господства и стремиться к несовершенным, недоразвитым, а потому и менее опасным его формам.

Маркс, 18-е брюмера Луи Бонапарта, изд. «Кр. Новь», 1923, 39.

Как это объяснить? Почему в буржуазной Германии, в стране особенно быстро развивающегося капитализма, более чем 60 лет спустя после революции (буржуазной революции 1848 г.) господствуют помещичьи и клерикальные, а не чисто буржуазные политические партии?

Самое главное для объяснения этого явления указал уже К. Маркс в 1848 г.: германская буржуазия, напуганная самостоятельностью пролетариата, увидевшая, что демократическими учреждениями пользуются рабочие *для себя* и против капиталистов, отвернулась от демократии, позорно предала свободу, которую раньше защищала, и повернула к лакейству перед помещиками и клерикалами. Известно, что русская буржуазия с 1905 г. эти лакейские политические стремления и лакейские политические идеи развивает еще усерднее, чем германская.

Ленин, Новейшие данные о партиях в Германии, соч., XII, ч. 2, 1 изд., 164.

До Бурбонов 1815 г., до 1789 г. монархия была во Франции феодальная, патриархальная. После 1830 г. монархия была буржуазная. А какая же была монархия, о которой (на голову себе) заговорил Мартов, т. е. монархия 1815 — 1830 гг.? Ясно, что она была «шагом на пути превращения в буржуазную монархию». Пример Мартова говорит великолепно против него! Далее. Либеральная буржуазия во Франции начала обнаруживать свою вражду к последовательной демократии еще в движении 1789—1793 гг. Задачей демократии было создание вовсе не буржуазной *монархии*, как прекрасно знает Мартов. И демократия Франции, с рабочим классом во главе, *вопреки* колебаниям, изменам, контрреволюционному настроению либеральной буржуазии, создала, после долгого ряда тяжелых «кампаний», тот политический строй, который упрочился с 1871 г. В начале эпохи буржуазных революций либеральная французская буржуазия была монархической; в конце долгого периода буржуазных революций — по мере увеличивающейся решительности и самостоятельности выступлений пролетариата и демократически-буржуазных («лево-блокистских», не во гнев будь сказано Л. Мартову!) элементов — французская буржуазия вся была *переделана* в республиканскую, перевоспитана, переобучена, перерождена. В Пруссии, и в Германии вообще, помещик не выпускал из своих рук гегемонии во все время буржуазных революций и он «воспитал» буржуазию по образу и подобию своему. Во Франции гегемонию раза этак четыре за все восьмидесятилетие буржуазных революций отвоевал себе пролетариат в разных сочетаниях с «левоблокистскими» элементами мелкой буржуазии, и в результате буржуазия должна была создать такой политический строй, который более угоден ее антиподу.

Есть буржуазия и буржуазия. Буржуазные революции показывают нам громадное разнообразие комбинаций различных групп, слоев, элементов и самой буржуазии и рабочего класса. «Высасывать» ответ на конкретные вопросы русской буржуазной революции первого десятилетия XX в. из «общего понятия» буржуазной революции в самом узком смысле слова — значит, опошлять марксизм до либерализма.

Ленин, Принципиальные вопросы избирательной кампании, соч., XI, ч. 2, 1 изд., 467—468.

Пролетариат оборванцев (люмпен пролетариат), этот пассивный продукт разложения самых низших слоев старого общества, местами вовлекается в движение пролетарской революции, но, по всей своей жизненной обстановке, он гораздо более склонен продавать себя для реакционных козней.

Маркс и Энгельс. Коммунистический манифест, 3 изд., 75.

Февральская революция выбросила армию вон из Парижа. Национальная гвардия, т. е. буржуазия всех разновидностей, составляла единственную военную силу в столице. Но она не чувствовала себя в силах одна справиться с пролетариатом. Тем более, что ей пришлось, хотя и после упорнейшего сопротивления, после сотни всяческих помех, мало-по-малу, по частям, открыть доступ в свои ряды вооруженным пролетариям. Таким образом, оставался только один исход: противопоставить одну часть пролетариев другой

С этой целью временное правительство образовало 24 батальона мобильной гвардии из молодых людей от 15 до 20 лет, по тысяче человек в каждом батальоне. Они принадлежали большей частью к нищенскому пролетариату, который имеется во всех больших городах и резко отличается от промышленного пролетариата. Этот слой — гнездо воров и преступников всякого рода, элементы, живущие отбросами с общественного стола, люди без определенных занятий, бродяги, gens sans feu et sans aveu; они различаются в зависимости от культурного уровня нации, к которой они принадлежат, но везде и всегда они сохраняют характерные черты лаццарони. Крайне неустойчивые в том юношеском возрасте, в котором их вербовало временное правительство, они способны на величайшее геройство и самопожертвование, но вместе с тем и на самые низкие разбойничьи поступки и на самую грязную продажность. Временное правительство платило им 1 франк 50 сант. в день, т. е. купило их. Оно одело их в особый мундир, так что они наружно отличались от блузников. В вожди им отчасти дали офицеров регулярного войска, отчасти они сами выбирали молодых буржуазных сынков, которые пленяли их громкими речами о смерти за отечество и преданности республике.

Таким образом, против парижского пролетариата стояла набранная из его же среды армия 24 000 молодых, крепких головорезов. Пролетариат приветствовал мобильную гвардию на улицах Парижа громкими криками «ура». Он узнал в ней своих передовых борцов на баррикадах. Он считал ее рабочей гвардией в отличие от буржуазной национальной гвардии. Это была простительная ошибка с его стороны.

Маркс, Классовая борьба во Франции в 1848—1850 гг., изд. 1919, 38—39.

2. В РОССИИ (1905 г.)

Марксисты безусловно убеждены в буржуазном характере русской революции. Что это значит? Это значит, что те демократические преобразования в политическом строе и те социально-экономические преобразования, которые стали для России необходимостью, — сами по себе не только не означают подрыва капитализма, подрыва господства буржуазии, а, наоборот, они впервые очистят почву настоящим образом для широкого и быстрого, европейского, а не азиатского, развития капитализма, они впервые сделают возможным господство буржуазии, как класса...

Все эти положения марксизма доказаны и разжеваны со всей подробностью как вообще, так и специально по отношению к России. А из этих положений следует, что *реакционна* мысль искать спасения рабочему классу в чем бы то ни было, кроме дальнейшего развития капитализма. В таких странах, как Россия, рабочий класс страдает не столько от капитализма, сколько от недостатка развития капитализма. Рабочий класс *безусловно заинтересован* поэтому в самом широком, самом свободном, самом быстром развитии капитализма. Рабочему классу безусловно *выгодно* устранение всех остатков старины, мешающих широкому, свободному и быстрому развитию капитализма. Буржуазная революция есть именно такой переворот, который всего решительнее сметает остатки старины, остатки крепостничества (к этим остаткам принадлежит не только самодержавие, но и монархия), который всего полнее обеспечивает самое широкое, свободное и быстрое развитие капитализма.

Поэтому *буржуазная* революция *в высшей степени выгодна пролетариату*. Буржуазная революция *безусловно* необходима в интересах пролетариата. Чем полнее и решительнее, чем последовательнее будет буржуазная революция, тем обеспеченнее будет борьба пролетариата с буржуазией за социализм. Только людям, не знающим азбуки научного социализма, этот вывод может казаться новым или странным, парадоксальным. А из этого вывода, между прочим, следует и то положение, что *в известном смысле* буржуазная революция *более выгодна* пролетариату, чем буржуазии. Именно вот в каком смысле несомненно это положение: буржуазии выгодно опираться на некоторые остатки старины против пролетариата, например, на монархию, на постоянную армию и т. п. Буржуазии выгодно, чтобы буржуазная революция не смела слишком решительно все остатки старины, а оставила некоторые из них, т. е. чтобы эта революция была не вполне последовательна, не дошла до конца, не была решительна и беспощадна. Эту мысль выражают часто социал-демократы несколько иначе, говоря, что буржуазия изменяет сама себе, что буржуазия предаст дело свободы, что буржуазия не способна на последовательный демократизм. Буржуазии выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении произошли медленнее, постепеннее, осторожнее, нерешительнее, путем реформ, а не путем революции; чтобы

эти преобразования были как можно осторожнее по отношению к «почтенным» учреждениям крепостничества (вроде монархии); чтобы эти преобразования как можно меньше развивали революционной самодеятельности, инициативы и энергии простонародья, т. е. крестьянства и особенно рабочих, ибо иначе рабочим тем легче будет, как говорят французы, «переложить ружье с одного плеча на другое», т. е. направить против самой буржуазии те оружия, которыми снабдит их буржуазная революция, ту свободу, которую она даст, те демократические учреждения, которые возникнут на очищенной от крепостничества почве.

Наоборот, рабочему классу выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении прошли именно не реформаторским, а революционным путем, ибо реформаторский путь есть путь затяжек, проволочек, мучительно-медленного отмирания гниющих частей народного организма. От гниения их страдает прежде всего и больше всего пролетариат и крестьянство. Революционный путь есть путь быстрой, наименее болезненной по отношению к пролетариату операции, путь прямого удаления гниющих частей, путь наименьшей уступчивости и осторожности по отношению к монархии и соответствующим ей омерзительным и гнусным, гнилым и заражающим воздух гниением учреждениям.

Ленин, Две тактики социал-демократии в демократической революции. Соч., VI, 1 изд., 328—331.

... Союзниками рабочих являются, во-первых, все те слои общества, которые выступают против неограниченной власти самодержавного правительства. Так как эта неограниченная власть есть главное препятствие в борьбе рабочих за свое освобождение, то отсюда само собой следует, что прямой интерес рабочих требует поддержки всякого общественного движения против абсолютизма (абсолютный — значит неограниченный; абсолютизм — неограниченная власть правительства). Чем сильнее развивается капитализм, тем глубже становятся противоречия между этим чиновничьим управлением и интересами самих имущих классов — интересами буржуазии. И с.-д. партия объявляет, что она будет поддерживать все слои и разряды буржуазии, выступающие против неограниченного правительства.

Для рабочих бесконечно выгоднее п р я м о е в л и я н и е буржуазии на государственные дела, чем теперешнее ее влияние через посредство оравы продажных и бесчинствующих чиновников. Для рабочих гораздо выгоднее о т к р ы т о е влияние буржуазии на политику, чем теперешнее п р и к р ы т о е якобы всесильным «независимым» правительством, которое пишется «божьей милостью», и дарует «свои милости» страждущим и трудолюбивым землевладельцам и бедствующим и угнетенным фабрикантам. Рабочим нужна о т к р ы т а я б о р ь б а с классом капиталистов, чтобы весь русский пролетариат мог видеть, за какие интересы ведут борьбу рабочие, мог учиться, как следует вести борьбу, чтобы происки и стремления буржуазии не прятались в прихожих великих князей, в гостиных сенаторов и минист-

ров, в закрытых от всех департаментских канцеляриях, чтобы они выступили наружу и раскрыли глаза всем и каждому на то, кто на самом деле внушает правительственную политику и к чему стремятся капиталисты и землевладельцы. Поэтому долой все, что прикрывает теперешнее влияние класса капиталистов, поэтому поддержка всех и всяких представителей буржуазии, в ы с т у п а ю щ и х против чиновничества, чиновничьего управления, против неограниченного правительства! Но, объявляя о своей поддержке всякого общественного движения против абсолютизма, с.-д. партия признает, что она не отделяет себя от рабочего движения, потому что у рабочего класса свои особые интересы, противоположные интересам всех других классов. Оказывая поддержку всем представителям буржуазии в борьбе за политическую свободу, рабочие должны помнить, что имущие классы могут лишь временно быть их союзниками, что интересы рабочих и капиталистов не могут быть примирены, что устранение неограниченной власти правительства нужно рабочим лишь для того, чтобы открыто и широко повести свою борьбу с классом капиталистов.

Ленин, Проект программы. Соч., I. 2 изд., 443—444.

Марксизм учит пролетария не отстранению от буржуазной революции, не безучастию к ней, не предоставлению руководства в ней буржуазии, а, напротив, самому энергичному участию, самой решительной борьбе за последовательный, пролетарский демократизм, за доведение революции до конца. Мы не можем выскочить из буржуазно-демократических рамок русской революции, но мы можем в громадных размерах расширить эти рамки, мы можем и должны в пределах этих рамок бороться за интересы пролетариата, за его непосредственные нужды и за условия подготовки его сил к будущей полной победе. Есть буржуазная демократия и буржуазная демократия. И земец-монархист, сторонник верхней палаты, «запрашивающий» всеобщее избирательное право, а втайне, под сурдинку заключающий с царизмом сделку насчет куцой конституции, есть буржуазный демократ. И крестьянин, с оружием в руках идущий против помещиков и чиновников, «наивно-республикански» предлагающий «прогнать царя», есть тоже буржуазный демократ. Буржуазно-демократические порядки бывают такие, как в Германии, и такие, как в Англии; такие, как в Австрии, и такие, как в Америке или Швейцарии. Хорош был бы тот марксист, который в эпоху демократического переворота прозевал бы эту разницу между степенями демократизма и между различным характером той или иной формы его и ограничивался бы «умничаньем» насчет того, что все же это «буржуазная революция», плоды «буржуазной революции».

Ленин, Две тактики социал-демократии в демократической революции, Соч., VI, 1 изд. 331—332.

Социал-демократия, как сознательная выразительница рабочего движения, ставит себе целью полное избавление всех трудящихся от всякого гнета

и эксплоатации. Достижение этой цели, уничтожение частной собственности на средства производства и создание социалистического общества, требует очень высокого развития производительных сил капитализма и громадной организованности рабочего класса. Без политической свободы немыслимо ни полное развитие производительных сил в современном буржуазном обществе, ни широкая, открытая и свободная классовая борьба, ни политическое просвещение, воспитание и сплочение масс пролетариата. Вот почему сознательный пролетариат всегда ставит своей задачей решительную борьбу за полную политическую свободу, за демократическую революцию.

Эту задачу ставит себе не один пролетариат. Буржуазии тоже нужна политическая свобода. Образованные представители имущих классов давно выкинули знамя свободы; революционная интеллигенция, происходящая главным образом из этих классов, геройски боролась за свободу. Но вся буржуазия в целом не способна на решительную борьбу с самодержавием: она боится потерять в этой борьбе свою собственность, которая привязывает ее к существующему обществу; она боится слишком революционного выступления рабочих, которые никогда не остановятся на одной демократической революции, а будут стремиться к социалистическому перевороту; она боится полного разрыва с чиновничеством, с бюрократией, интересы которой связаны с интересами имущих классов тысячами нитей. Поэтому буржуазная борьба за свободу отличается робостью, непоследовательностью, половинчатостью. Одна из задач пролетариата — толкать вперед буржуазию, ставить перед всем народом лозунги полного демократического переворота, браться самостоятельно и смело за осуществление этих лозунгов, одним словом, быть авангардом, передовым отрядом в борьбе за свободу всего народа.

Ленин, Демократические задачи революционного пролетариата, Соч., VII, 2 изд., 346.

...Классовое положение буржуазии приводит неизбежно к внутренней неустойчивости и фальши самой постановки ее основных политических задач: борьба за свободу, за разрушение вековых привилегий самодержавия, несовместима с отстаиванием привилегий частной собственности, ибо эти привилегии заставляют «бережно относиться» к монархии. Реальная программа монархической конституции облекается поэтому в красивый воздушный наряд демократической конституции. И это подкрашивание реального содержания программы заведомо лживой показной мишурой называется «реальной политикой»... Идеолог либеральной буржуазии с неподражаемым пренебрежением, с великолепным самодовольством говорит поэтому о «теоретическом самоуслаждении», которым занимаются «представители крайних партий»... Реальные политики буржуазии не хотят услаждать себя ни разговорами, ни даже грезами о республике, ибо они не хотят бороться за республику. Но именно поэтому они чувствуют непреодолимую потребность у с л а ж д а т ь народ приманкой «демократизма». Они не хотят обманывать

себя насчет своей неспособности отказаться от монархии, и именно поэтому они должны обманывать народ умолчанием о своем монархизме.

Ленин, Революционная борьба и либеральное маклерство, Соч., VII, 2 изд., 341—342.

Гегемония либералов в русском освободительном движении всегда означала и всегда будет означать его поражение. Либерал лавирует между монархией Пуришкевичей и революцией рабочих и крестьян, предавая вторую во всякий серьезный момент. Задача революции — использовать борьбу либералов с правительством и нейтрализовать колебания и измены либерализма.

Попугать революцией и таким путем поделить власть с Пуришкевичем и Романовым, давя вместе революцию, — вот политика либералов. И руководит этой политикой классовое положение буржуазии. Отсюда игра в дешевенький «демократизм» у кадетов и их реальное слияние с умереннейшим «прогрессизмом» Ефремовых, Львовых, Рябушинских и К°.

Ленин, Избирательная кампания в IV Думу и задачи революционной социал-демократии, Соч., XII, ч. 1, 1 изд., 102—103.

Российская буржуазия тысячами экономических нитей связана и со старым поместным землевладением, и со старой бюрократией. Кроме того, рабочий класс России показал себя достаточно самостоятельным и способным постоять за себя, — мало того: способным руководить демократией вопреки либерализму. Вот отчего буржуазия наша стала либерально-монархической и антидемократической, противонародной. Вот отчего она больше боится демократии, чем реакции. Вот отчего она постоянно колеблется, лавирует, изменяет первой в пользу второй. Вот отчего она стала контрреволюционной после 1905 г. и получила «местечко» в третьеиюньской системе.

Ленин, Блок кадетов с прогрессистами и его значение, Соч., XII, ч. 1, 1 изд., 50—51.

Этот класс боялся революции больше, чем реакции, победы народа — больше, чем сохранения царизма, конфискации помещичьих земель — больше, чем сохранения власти крепостников. Буржуазия не принадлежала к тем элементам, которым нечего было терять в великой революционной битве. Таким элементом в нашей буржуазной революции был только пролетариат, а за ним миллионы разоренного крестьянства.

Русская революция подтвердила тот вывод, который сделан был Энгельсом из истории великих буржуазных революций Запада, а именно: чтобы добиться даже только того, что непосредственно необходимо буржуазии, революции надо было зайти дальше требований буржуазии. И пролетариат России вел, ведет и поведет нашу революцию вперед, толкая события дальше того, где бы их хотели остановить капиталисты и либералы.

Ленин, За что бороться, Соч., XI, ч. 2, 1 изд., 26.

Либеральная буржуазия вздыхает по таким «порядкам», когда бы она могла иметь перед собой рабочих, несклонных «ораторствовать слишком пламенно», достаточно «терпимых» к буржуазии, к идее *сотрудничества с буржуазией*, «*ко всем* мероприятиям правительства». Она вздыхает по таким порядкам, когда бы эти скромные «сотрудничающие» с ней рабочие могли «сосредоточиться на специальных вопросах» социальной политики, скромно соглашаясь штопать тришкин кафтан буржуазного попеченья о «меньшем брате». Одним словом, русские либералы вздыхают по таким приблизительно порядкам, которые мы видим теперь в Англии или Франции в *отличие* от Пруссии. В Англии и во Франции буржуазия господствует полновластно и почти (за малыми исключениями) непосредственно, тогда как в Пруссии первенство за феодалами, за юнкерами, за монархическим милитаризмом. В Англии и во Франции буржуазия особенно часто, свободно и широко пользуется методом привлечения на свою сторону выходцев из пролетариата или изменников его делу (Джон Бернс, Бриан) в качестве «сотрудников», спокойно «сосредоточивающихся на специальных вопросах» и обучающих рабочий класс «терпимости» к господству капитала.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что английские и французские порядки гораздо демократичнее прусских, гораздо благоприятнее для борьбы рабочего класса, гораздо выше стоят по степени отмирания учреждений средневековой страны, заслоняющих от него его главного и настоящего противника. Не подлежит поэтому ни малейшему сомнению, что в интересах русских рабочих поддержка всех стремлений к пересозданию нашей родины по типу более англо-французскому, чем прусскому. Но этим бесспорным выводом нельзя ограничиваться, как это слишком часто делают. Спорный вопрос или спорные (с демократами разного толка) вопросы здесь только и начинаются.

Поддержка стремлений нужна, но чтобы поддерживать слабого и качающегося, надо опирать его на что-либо более твердое, надо рассеивать иллюзии, мешающие видеть слабость, мешающие понять причины слабости. Тот, кто укрепляет такие иллюзии, кто присоединяется к бессильным воздыханиям бессильных, непоследовательных, шатких сторонников демократии, тот не поддерживает стремлений к буржуазному демократизму, а обессиливает эти стремления. Буржуазия в Англии и во Франции в свое время, в половине XVII в. или в конце XVIII, не вздыхала по случаю «нетерпимости» меньшего брата, не строила кислых гримас по поводу «слишком пламенных ораторов» из числа этого меньшего брата, а сама поставляла ораторов (и не только ораторов), *самых* пламенных, будивших чувство презрения к проповеди «терпимости», к бессильным *воздыханиям*, к колебаниям и нерешительности. Из числа этих пламенных ораторов находились люди, в течение веков и веков оставшиеся светочами, учителями, несмотря на всю историческую ограниченность, зачастую наив-

ность их тогдашних представлений о средствах избавления от всяческих бедствий.

Немецкая буржуазия тоже вздыхала, подобно русской, по поводу того, что у «меньшего брата» ораторы «слишком пламенные», — и в истории человечества она явила образец низости, подлости, лакейства, награжденного пинками «юнкерских» сапогов. Различие той и другой буржуазии объясняется, конечно, не «свойствами» разных «рас», а высотой экономического и политического развития, заставлявшего буржуазию бояться «меньшего брата», — заставлявшего буржуазию бессильно колебаться между осуждениями насилий феодализма и осуждением «нетерпимости» рабочих.

Ленин, О старых, но вечно новых истинах, Соч., XI, ч. 2,1 изд., 318—319.

Поворот русского либерального «образованного общества» против революции, против демократии, есть явление не случайное, а неизбежное после 1905 г. Буржуазия испугалась самостоятельности рабочих и пробуждения крестьян. Буржуазия, особенно наиболее богатая, оберегая свое положение эксплоататора, решила: лучше реакция, чем революция.

Эти корыстные классовые интересы денежного мешка и породили широкое и глубокое контрреволюционное течение среди либерализма, течение против демократии, в защиту всякого империализма, национализма и шовинизма и всякого мракобесия.

Ленин, Веховцы и национализм, Соч., XII, ч. 2, 1 изд., 82.

Либералы все стоят на почве теории о двух лагерях: за конституцию и против конституции. От Милюкова до Изгоева, от Прокоповича до М. М. Ковалевского, все они согласны в этом. И нельзя упускать из виду, что теория двух лагерей вытекает с неизбежностью из классовой сущности всего нашего либерализма.

В чем состоит эта сущность с точки зрения экономики? В том, что либерализм есть партия буржуазии, которая боится движения крестьянских масс, и еще более — движения рабочих, ибо оно способно ограничить (теперь же, в ближайшем будущем, без изменения всего капиталистического строя) размеры и формы ее экономических привилегий. А экономическая привилегия буржуазии есть собственность на капитал, приносящая в России в два-три раза больше прибыли, чем в Европе.

Чтобы отстоять эту «русскую» сверхприбыль, надо не допустить самостоятельности третьего лагеря.

Например, буржуазия вполне может господствовать и при 8-часовом рабочем дне. Ее господство будет даже тогда полнее, чище, шире, свободнее, чем при 10—11-часовом рабочем дне. Но диалектика классовой борьбы такова, что никогда без крайней необходимости, без последней необходимости буржуазия не заменит спокойного, привычного, доходного (обломовски-доходного) 10-часового рабочего дня 8-часовым.

Сказанное о 8-часовом рабочем дне относится и к Верхней палате, и к помещичьему землевладению, и ко многому другому.

Буржуазия не откажется от старо-русских, спокойных, удобных, доходных форм эксплоатации для замены их т о л ь к о европейскими, т о л ь к о демократическими (ибо демократия, не во гнев будь сказано пылким героям из «Заветов», есть т о ж е форма буржуазного господства), — не откажется, говорим мы, без крайней, последней необходимости.

Эту необходимость может создать только достигшее известной системы и силы движение масс. И буржуазия, отстаивая свои экономические интересы, борется против такого движения, т о - е с т ь против самостоятельности третьего лагеря.

В чем классовая сущность либерализма с точки зрения политики? — В боязни движения тех же социальных элементов, ибо оно способно подорвать ценимые буржуазией политические привилегии. Либерализм боится демократии больше, чем реакции. Это доказали 1905, 1906 и 1907 гг.

Чтобы отстоять политические привилегии в т о й и л и и н о й их части, нужно не допустить самостоятельности третьего лагеря, — нужно удержать в с ю оппозицию на т о й и только той позиции, которая выражена формулой з а или п р о т и в конституции.

Л е н и н, Беседа о «кадетоедстве», Соч., XII, ч. 1, 1 изд., 285—286.

...При Александре II русский царизм, начиная превращаться в «плутократическую» монархию, «н а ч и н а л выражать классовые интересы буржуазии». Но он не мог их выразить без самостоятельной классовой о р г а н и з а ц и и буржуазии. Революция 1905 г. подняла нас на высшую ступень, и старая борьба возобновляется в плоскости более развитых политических отношений. III Дума есть политически оформленный, общенациональный союз политических о р г а н и з а ц и й помещиков и крупной буржуазии. Царизм делает попытку решить объективно-необходимые исторические задачи при помощи о р г а н и з а ц и й этих двух классов. Удастся ли ему эта попытка?

Нет. Оказывается, что такой задачи не может решить не только плутократический царизм, не знавший организации национального представительства «высших» классов, но и полубуржуазный царизм при помощи черносотенно-буржуазной Думы. Дума помогает ему решить эту задачу. Но этой помощи о к а з ы в а е т с я мало. «Левение» буржуазии вызывается именно тем о б ъ е к т и в н ы м фактом, что, несмотря на Столыпинское подновление царизма, обеспечения буржуазной эволюции н е п о л у ч а е т с я. Подобно тому, как до 1905 г., в эпоху царизма, не знавшего никаких представительных учреждений, «левение» помещиков и предводителей дворянства было симптомом назревающего кризиса, так и в 1909 г., в эпоху царизма, давшего национальное представительство Крестовниковым, «левение» этих тузов есть с и м п т о м того, что «объективные задачи буржуазно-демократической революции в России остаются нерешенными», что

«основные факторы, вызвавшие революцию 1905 г., продолжают действовать» (резолюция конференции о современном моменте).

Ленин, «Левение» буржуазии и задачи пролетариата, Соч., XI, ч. 1, 1 изд., 247—248.

Выступление господина Салазкина в Нижнем-Новгороде от имени всероссийского купечества с заявлением премьер-министру о «неотложной необходимости» коренных политических реформ было уже отмечено и оценено рабочей печатью. На нем следует однако еще остановиться, чтобы отметить два важных обстоятельства.

Как быстро поменялись ролями объединенное дворянство и всероссийское купечество! До 1905 г. в течение лет сорока с лишком дворянство либеральничало и почтительно напоминало о конституции, а купечество казалось более довольным, менее оппозиционным.

После 1905 г. получилось обратное. Дворянство стало архиреакционным. Конституцией 3 июня оно вполне довольно и изменения ее желает разве лишь в правую сторону. Напротив, купечество стало определенной либеральной оппозицией.

Россия сразу как бы «европеизировалась», т. е. подошла под обычное в Европе взаимоотношение феодала и буржуа. Разумеется, это могло случиться только потому, что в основе политических группировок в России давно уже лежали чисто капиталистические отношения. Они дозревали с 1861 г. и быстро дозрели окончательно в огне 1905 г. Всякие народнические фразы о каком бы то ни было принципиальном своеобразии России, всякие попытки надклассовых или внеклассовых рассуждений о российской политике и экономике сразу потеряли всякий интерес, превратились в скучный, нелепый, старомодно-смешной хлам.

Ленин, Российская буржуазия и российский реформизм, Соч., XII, ч. 2, 1 изд., 186.

В России есть три основные политические силы и, следовательно, политические линии: черносотенцы (классовые интересы крепостников-помещиков) и «бюрократия» рядом с ними и над ними; затем либерально-монархическая буржуазия, «центр» — левый (к.-д.) и правый (октябристы); наконец, демократия буржуазная (трудовики, народники, беспартийные левые) и пролетарская. Правильность именно такого и только такого явления подтверждена всем опытом первого десятилетия XX в., а это десятилетие было необыкновенно важным и богатым событиями.

Разумеется, все грани и в природе и в обществе подвижны, в известной степени условны, изменчивы, а не мертвы. Переходные формы и колебания партий и групп, стоящих «на границе» основных делений — неизбежны, но суть дела, порожденная соотношением классовых сил в России начала XX в., несомненно, определяется именно указанным «тройственным» делением. Смешение буржуазного либерализма (кадеты во главе его) с буржуаз-

ной демократией принесло немало вреда русскому освободительному движению, и надо приложить все усилия, чтобы опыт великого десятилетия (1900—1910 гг.) помог всей демократии окончательно усвоить себе ошибочность и гибельность такого смешения. Перед рабочей демократией нашей эпохи стоят поэтому две, неразрывно связанные одна с другой, задачи: во-первых, самостоятельная политическая организация класса наемных рабочих, отдельная от всех хозяев и хозяйчиков, хотя бы самых демократических, и соподчиненная всему международному, мировому движению указанного класса; а во-вторых, развитие и укрепление сил русской демократии (во главе ее также неизбежно стоят рабочие, как во главе буржуазного либерализма неизбежно стоят социальные элементы типа кадетов). Эта последняя задача не может быть выполнена без неуклонного разъяснения самым широким массам классовых корней и политического значения грани между буржуазным либерализмом (кадеты) и буржуазной демократией (трудовики и т. п.).

Ленин, Избирательная кампания в IV Государственную думу, Соч., XI, ч. 2, 1 изд., 421.

В современной России есть две буржуазии. Одна, это — очень узкий слой зрелых и перезрелых капиталистов, которые в лице октябриста и кадета заняты *на деле* тем, что делят между собой и Пуришкевичами теперешнюю политическую власть, теперешние политические привилегии. Слово теперешние надо понимать довольно широко, включая сюда, например, и те привилегии, которые охраняет закон 3 июня 1907 г. сегодня, и те, которые охранял закон 11 декабря 1905 г. вчера.

Другая буржуазия, это—очень широкий слой совсем незрелых, но энергично стремящихся созреть мелких и частью средних хозяев, преимущественно крестьян, которым *на деле* приходится решать вопрос вовсе не о привилегиях в теперешнюю эпоху исторической жизни России, а о том, чтобы не умереть с голода *от* Пуришкевичей. А это и есть вопрос о самых основах власти Пуришкевичей вообще, об источниках какой бы то ни было власти Пуришкевичей.

Вся история политического освобождения России есть история борьбы первой и второй буржуазной тенденции. Весь смысл тысячи и тысячи красивых слов о свободе и равенстве, об «уравнительном» распределении земли и о «народничестве» сводится к борьбе этих буржуазных тенденций. В итоге борьбы неизбежно получится вполне буржуазная Россия, окрашенная сплошь или преимущественно в один из этих двух «цветов». Нечего и говорить, что для наемного рабочего борьба эта отнюдь не безразлична; напротив, если он сознательный, то он вмешивается в нее самым энергичным образом, стараясь, чтобы крестьянин шел за ним, а не за либералом.

Ленин, Либерализм и демократия, Соч., XII, ч. 1, 1 изд., 70—71.

Рабочие стачки в России и во время подготовки революции и во время самой революции были самым распространенным средством борьбы пролетариата, этого передового класса, который один только является до конца революционным классом в современном обществе. Экономические и политические стачки, то чередуясь друг с другом, то переплетаясь в одно неразрывное целое, сплачивали массы рабочих против класса капиталистов и самодержавного правительства, вносили брожение во все общество, поднимали на борьбу крестьянство.

Когда в 1895 г. начались непрерывные массовые стачки, это было началом полосы подготовки народной революции. Когда в январе 1905 г. в один месяц число стачечников перешло за 400 тысяч, это было началом самой революции. Все три года революции число стачечников, постепенно падая (почти 3 млн. в 1905 г., 1 млн. в 1906, ¾ млн. в 1907 г.), было так высоко, как никогда еще не было ни в одной стране в мире.

Когда в 1908 г. число стачечников резко упало сразу (174 тыс.) и еще резче в 1909 г. (64 тыс.), это означало конец первой революции или вернее первой полосы революции.

И вот, с лета текущего года, начинается опять подъем. Число экономических стачечников *возрастает* и возрастает очень сильно. Полоса *полного* господства черносотенной реакции кончилась. Начинается полоса нового подъема. Пролетариат, *отступавший* — хотя и с большими перерывами — с 1905 по 1909 гг., собирается с силами и начинает переходить в *наступление*. Оживление в некоторых отраслях промышленности сейчас же ведет к оживлению пролетарской борьбы.

Ленин, Начало демонстраций, Соч., XI, ч. 2, 1 изд. 126—127.

3. В РОССИИ (1917 г.)

Естественно, что в царской России, где дезорганизация была самая чудовищная и где пролетариат самый революционный (не благодаря особым его качествам, а благодаря живым традициям «пятого года»),—революционный кризис разразился *раньше всего*. Этот кризис был ускорен рядом самых тяжелых поражений, которые нанесены были России и ее союзникам. Поражения расшатали весь старый правительственный механизм и весь старый порядок, озлобили против него *все* классы населения, ожесточили армию, истребили в громадных размерах ее старый командующий состав, заскорузло-дворянского и особенно гнилого чиновничьего характера, заменили его молодым, свежим, преимущественно буржуазным, разночинским, мелкобуржуазным.

Но если поражения в войне сыграли роль отрицательного фактора, ускорившего взрыв, то *связь* англо-французского финансового капитала, англо-французского империализма с октябристско-кадетским капиталом России явилась фактором, ускорившим этот кризис.

Эту сторону дела, чрезвычайно важную, замалчивает по понятным причинам англо-французская пресса и злорадно подчеркивает немецкая. Мы, марксисты, должны трезво глядеть правде в глаза, не смущаясь ни ложью казенной, слащаво-дипломатической ложью дипломатов и министров первой воюющей группы империалистов, ни подмигиванием и хихиканьем их финансовых и военных конкурентов другой воюющей группы. Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что английское и французское посольства с их агентами и «связями», давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать «сепаратным» соглашениям и сепаратному миру Николая II (не будем надеяться и добиваться этого — последнего) с Вильгельмом II, непосредственно стремились к с м е щ е н и ю Николая Романова.

Ленин, Первый этап первой революции, Письма издалека, Соч., XX, 2 изд., 16.

Империалистская война с объективной неизбежностью должна была чрезвычайно ускорить и невиданно обострить классовую борьбу пролетариата против буржуазии, должна превратиться в гражданскую войну между враждебными классами.

Э т о п р е в р а щ е н и е н а ч а т о февральско-мартовской революцией 1917 г., первый этап которой показал нам, во-первых, совместный удар царизму, нанесенный двумя силами: всей буржуазной и помещичьей Россией со всеми ее бессознательными прихвостнями и со всеми ее сознательными руководителями в лице англо-французских послов и капиталистов, с одной стороны, и С о в е т о м р а б о ч и х и с о л д а т с к и х д е п у т а т о в — с другой.

Эти три политических лагеря, три основные политические силы: 1) царская монархия, глава крепостников-помещиков, глава старого чиновничества и генералитета; 2) буржуазная и помещичья октябристско-кадетская Россия, за которой плелась мелкая буржуазия; 3) Совет рабочих и солдатских депутатов, ищущий себе союзников во всем пролетариате и во всей массе беднейшего населения, — эти три о с н о в н ы е политические силы с полнейшей ясностью обнаружили себя даже в 8 дней «первого этапа», даже для такого отдаленного от событий, вынужденного ограничиться скудными телеграммами заграничных газет, наблюдателя, как пишущий эти строки.

Ленин, Первый этап первой революции, Письма издалека, Соч., XX, 2 изд., 15.

Революционные рабочие и солдаты разрушили до основания гнусную царскую м о н а р х и ю, не восторгаясь и не смущаясь тем, что в известные, короткие, исключительные по конъюнктуре исторические моменты н а п о м о щ ь и м приходит борьба Бьюкенена, Гучкова, Милюкова и К°, желавших только смены одного монарха д р у г и м.

Так и только так было дело. Так и только так может смотреть политик, не боящийся правды, трезво взвешивающий соотношение общественных сил в революции, оценивающий всякий «текущий момент» не только с точки зрения всей его данной, сегодняшней, оригинальности, но и с точки зрения более глубоких пружин, более глубокого соотношения интересов пролетариата и буржуазии как в России, так и во всем мире.

Питерские рабочие и солдаты, как и рабочие и солдаты всей России, самоотверженно бились против царской монархии, за свободу, за землю для крестьян, за мир против империалистской бойни. Англо-французский империалистский капитал, в интересах продолжения и усиления этой бойни, ковал дворцовые интриги, устраивал заговор, подстрекал и обнадеживал Гучковых и Милюковых, подстраивал совсем готовое новое правительство, которое и захватило власть после первых же ударов пролетарской борьбы, нанесенных царизму.

Это правительство не случайное сборище лиц.

Это — представители нового класса, поднявшегося к политической власти в России, класса капиталистических помещиков и буржуазии, который давно правит нашей страной экономически и который как за время революции 1905—1907 гг., так и за время контрреволюции 1907—1914 гг., как наконец — и притом с особенной быстротой — за время войны 1914—1917 гг. чрезвычайно быстро организовался политически, забирая в свои руки и местное самоуправление, и народное образование, и съезды разных видов, и Думу, и военно-промышленные комитеты и т. д. Этот новый класс «почти совсем» был уже у власти к 1917 г.; поэтому и достаточно было первых ударов царизму, чтобы он развалился, очистив место буржуазии. Империалистская война, требуя неимоверного напряжения сил, так ускорила ход развития отсталой России, что мы «сразу» (на деле как будто бы сразу) догнали Италию, Англию, почти Францию, получили «коалиционное», «национальное» (т. е. приспособленное для ведения империалистской бойни и для надувания народа) «парламентское» правительство.

Рядом с этим правительством,—в сущности, простым приказчиком миллиардных «фирм»: Англии и Франции, с точки зрения данной войны, — возникло новое, неофициальное, неразвитое, еще сравнительно слабое рабочее правительство, выражающее интересы пролетариата и всей беднейшей части городского и сельского населения. Это — Совет рабочих и солдатских депутатов в Питере.

Ленин, Первый этап первой революции, Письма издалека, Соч., XX, 2 изд., 17—18.

Я подчеркиваю лишь подтверждение «сторонним свидетелем», т. е. непринадлежащим к нашей партии Скобелевым, того фактического вывода, к которому я пришел в первом письме, именно: февральско-мартовская революция была лишь первым этапом революции. Россия пере-

живает своеобразный исторический момент перехода к следующему этапу революции или, по выражению Скобелева, ко «второй революции».

Если мы хотим быть марксистами и учиться из опыта революций всего мира, мы должны постараться понять, в чем именно своеобразие этого переходного момента и какая тактика вытекает из его объективных особенностей.

Ленин, О пролетарской милиции, Письма издалека, Соч. XX, 2 изд., 32.

В самом деле, требовать «участия» рабочих в гучковско-милюковском правительстве есть теоретически и политически нелепость: участвовать в меньшинстве значило бы быть пешкой; участвовать «поровну» невозможно, ибо нельзя помирить требование продолжать войну с требованием заключить перемирие и открыть мирные переговоры; чтобы «участвовать» в большинстве, надо иметь силу свергнуть гучковско-милюковское правительство. На практике требование «участия» есть наихудшая луиблановщина, т. е. забвение классовой борьбы и ее реальной обстановки, увлечение пустейшей звонкой фразой, распространение иллюзий среди рабочих, потеря на переговоры с Милюковым или Керенским драгоценного времени, которое надо употребить на создание действительной классовой и революционной силы, пролетарской милиции, способной внушить доверие всем беднейшим слоям населения, составляющим огромное большинство его, помочь им организоваться, помочь им бороться за хлеб, за мир, за свободу.

Ленин, О пролетарской милиции, Письма издалека, Соч., XX, 2 изд., 31—32.

Перед буржуазной революцией была только одна задача: смести, отбросить, разрушить все путы прежнего общества. Выполняя эту задачу, всякая буржуазная революция выполняет все, что от нее требуется, ибо она в итоге создает товарное производство и усиливает рост капитализма.

В совершенно ином положении стоит социалистическая революция. Чем более отсталой является страна, которой пришлось в силу зигзагов истории начать социальную революцию, тем труднее для нее переход от старых капиталистических отношений к социалистическим. Здесь к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности задачи — организационные. Если бы народное творчество русской революции, прошедшее через великий опыт 1905 г., не создало советов еще в феврале 1917 г., то ни в каком случае они не могли бы взять власть в октябре, так как успех зависит от наличности уже готовых организационных форм движения, охватившего миллионы. Этой готовой формой явились советы не потому, что в политической области нас ждали те блестящие успехи, то сплошное триумфальное шествие, которое мы пережили, а потому, что политическая новая форма была наготове и нам оставалось только несколькими декретами превратить советскую власть из того эмбрионального состояния, в котором она

находилась в первые месяцы революции, в официально признанную форму Российского государства, — Российскую советскую республику. Она родилась сразу, так легко родилась потому, что в феврале 1917 г. массы создали советы раньше, чем какая бы то ни было партия успела провозгласить даже этот лозунг. Само народное творчество, прошедшее через горький опыт 1905 г., умудренное им, — вот что создало эту форму пролетарской власти.

У нас не было и быть не могло сомнения, что социальная революция стояла перед задачами гигантской трудности. (Задача победы над внутренним врагом была в высшей степени легкой задачей. Задача создания политической власти была в высшей степени легка, ибо массы дали нам скелет, основу этой власти. В результате — республика советов родилась сразу). Оставались еще две гигантской трудности задачи, решение которых никоим образом не является тем триумфальным шествием, которым шла наша революция.

Это, во-первых, задача внутренней организации, стоящая перед всякой социалистической революцией. Отличие социалистической революции от буржуазной состоит именно в том, что там есть готовые формы организаций капиталистических, а советская пролетарская революция этих отношений не получает готовыми, если не брать самых развитых форм капитализма, которые, в сущности, охватили только небольшие верхушки промышленности и совсем мало затронули еще земледелие. Организация учета, контроль над крупнейшими предприятиями, превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом,— вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи. По самым своим условиям она никоим образом не допускала решения на «ура», того решения, которым нам удавалось преодолевать задачи гражданской войны. Этого решения не допускала суть дела. Если мы легко побеждали калединцев и создали Советскую республику при сопротивлении, не заслуживающем даже серьезного внимания; если такой ход событий объективным предыдущим развитием был предрешен, так что оставалось сказать только последнее слово, сменить вывеску, вместо: «Совет существует как организация профессиональная», написать: «Совет есть единственная форма государственной власти», то этот метод совсем не годился по отношению к задачам организационным. Тут мы встретили гигантские трудности. Тут сразу было ясно всем, кто желал бы вдумчиво отнестись к задачам нашей революции, что только тяжелым, долгим путем самодисциплины можно побороть то разложение, которое война внесла в капиталистическое общество, только чрезвычайно тяжелым, долгим, упорным путем можем мы преодолеть это разложение и те элементы этого разложения, которые смотрели на революцию, как на способ отделаться от старых пут, сорвать с нее, что можно. Эти элементы должны были неизбежно возникнуть в большом числе в мелкокрестьянской стране в момент невероятной разрухи и с ними предстоит борьба в сто раз более трудная, никакой эффектной позиции не обещаю-

щая,— борьба, которую мы только-только начали. Мы стоим на первой ступени этой борьбы. Тут нам предстоят тяжелые испытания. Здесь мы по объективному положению дела ни в коем случае не ограничимся триумфальным шествием с развернутыми знаменами. Всякий, кто попытался бы перенести этот метод борьбы на организационные задачи, стоящие на пути революции, оказался бы целиком банкротом как политик, как социалист, как деятель социалистической революции.

Ленин. Доклад по вопросу о Брестском мире на VII с'езде РКП. Соч. XV, 1 изд., 124—126.

3—а. МЕЛКАЯ БУРЖУАЗИЯ

а) ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МЕЛКОЙ БУРЖУАЗИИ

Выражение «мещанский» употребляю я не в обыденном, а в политико-экономическом значении слова. Мелкий производитель, хозяйничающий при системе товарного хозяйства, — вот два признака, составляющие понятие «мелкого буржуа», Kleinbürger'a или, что то же, мещанина. Сюда подходит таким образом и крестьянин, и кустарь, которых народники ставили всегда на одну доску — и вполне справедливо, так как оба представляют из себя таких производителей, работающих на рынок, и отличаются лишь степенью развития товарного хозяйства.

Ленин, Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве, Соч., I, 2 изд., 272.

Мелкая буржуазия в жизни зависит от буржуазии, живя сама по-хозяйски, а не по-пролетарски (в смысле *места* в общественном *производстве*), и в образе мыслей она идет за буржуазией.

Ленин, Задачи пролетариата в нашей революции, Соч., XX, 2 изд., 115.

Мелкий буржуа в современном передовом обществе, в силу самого своего положения, с одной стороны, делается социалистом, с другой — экономистом, т. е. он ослеплен великолепием крупной буржуазии и сочувствует страданиям народа. Он в одно и то же время и буржуа, и народ. В глубине своей души он гордится тем, что он беспартийный, что он нашел истинное равновесие, которое имеет претензию отличаться от обычной посредственности. Такой мелкий буржуа обожествляет *противоречие*, потому что противоречие есть основа его существа. Он сам не что иное, как общественное противоречие, воплощенное в действие.

Маркс, Письмо Анненкову; Письма Маркса и Энгельса, изд. «Москов. Раб.», 1923, 18.

Феодальная аристократия — не единственный класс, который был низвергнут буржуазией, условия жизни которого засохли и зачахли в современном буржуазном обществе. Средневековое мещанство и мелкое крестьян-

ство были предшественниками современной буржуазии. В странах, менее развитых в промышленном и торговом отношениях, класс этот и до сих пор прозябает рядом с развивающейся буржуазией.

В тех странах, где развилась современная цивилизация, образовался и, как дополнительная часть буржуазного общества, постоянно вновь образуется — новый слой мелкой буржуазии, колеблющийся между пролетариатом и буржуазией. Но конкуренция постоянно сталкивает принадлежащих к этому классу лиц в ряды пролетариата, и они уже начинают предвидеть приближение того момента, когда, с развитием крупной промышленности, они совершенно исчезнут, как самостоятельная часть современного общества, и в торговле, мануфактуре и земледелии будут замещаться надзирателями и прислугой.

Маркс и Энгельс, Коммунистический манифест, 3 изд., 91—92.

В действительности мелкий производитель, возводимый в апофеоз романтиками и народниками, есть поэтому мелкий буржуа, стоящий в таких же противоречивых отношениях, как и всякий другой член капиталистического общества, отстаивающий себя точно так же борьбой, которая, с одной стороны, постоянно выделяет небольшое меньшинство крупных буржуа, с другой стороны, выталкивает большинство в ряды пролетариата. В действительности, как это всякий видит и знает, нет таких мелких производителей, которые бы не стояли между этими двумя противоположными классами, и это срединное положение обусловливает необходимо специфический характер мелкой буржуазии, ее двойственность, двуличность, ее тяготение к меньшинству, счастливо выходящему из борьбы, ее враждебное отношение к «неудачникам», т. е. большинству. Чем дальше развивается товарное хозяйство, тем сильнее и резче выступают эти качества, тем явственнее становится, что идеализация мелкого производства выражает лишь реакционную, мелкобуржуазную точку зрения.

Ленин, К характеристике экономического романтизма, Соч., II, 2 изд., 79—80.

... Во всякой капиталистической стране рядом с пролетариатом всегда стоят широкие слои мелкой буржуазии, мелких хозяев. Капитализм родился и постоянно рождается из мелкого производства. Целый ряд «средних слоев» неминуемо вновь создается капитализмом (придаток фабрики, работа на дому, мелкие мастерские, разбросанные по всей стране ввиду требований крупной, например, велосипедной и автомобильной индустрии, и т. д.). Эти новые мелкие производители также неминуемо опять выбрасываются в ряды пролетариата. Совершенно естественно, что мелкобуржуазное мировоззрение снова и снова прорывается в рядах широких рабочих партий. Совершенно естественно, что так должно быть и будет всегда вплоть до перипетий пролетарской революции, ибо было бы глубокой ошибкой думать, что необхо-

дима «полная» пролетаризация большинства населения для осуществимости такой революции.

Ленин, Марксизм и ревизионизм, Соч., XI, ч. 1, 1 изд., 60—61.

Это чрезвычайно характерное место, с особенной наглядностью показывающее **реакционность, мелкобуржуазность** того представительства интересов непосредственных производителей, которое давалось и дается российскими народниками. Будучи враждебно настроены против капитализма, мелкие производители представляют из себя переходный класс, смыкающийся с буржуазией, и потому не в состоянии понять, что неприятный им крупный капитализм — не случайность, а прямой продукт всего современного экономического (и социального, и политического, и юридического) строя, складывающегося из борьбы взаимнопротивоположных общественных сил. Только непонимание этого и в состоянии вести к такой абсолютной нелепости, как обращение к «государству», как будто бы политические порядки не коренились в экономических, не выражали их, не служили им.

Ленин, Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве, Соч., I, 2 изд., 238.

б) РОЛЬ МЕЛКОЙ БУРЖУАЗИИ В РЕВОЛЮЦИИ

Из всех классов, противостоящих теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности; пролетариат же именно ею и создается.

Средние слои,—мелкие промышленники, мелкие купцы, ремесленники, крестьяне,—все они борются против буржуазии, чтобы отстоять свое существование как средних слоев. Следовательно, они не революционны, а консервативны. Более того, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то лишь постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не современные, но будущие свои интересы, поскольку они покидают свою точку зрения и становятся на точку зрения пролетариата.

Маркс и Энгельс, Коммунистический манифест, 3 изд., 75.

Она (мелкая буржуазия — *Сост.*) крайне ненадежна и неверна, кроме конечно того случая, когда ее союзник побеждает: тогда ее крики в пивных превосходят всякие меры. При всем том среди них имеются очень хорошие элементы, которые сами примыкают к рабочим.

Энгельс, Предисловие 1874 г. (1870 г.) к «Крестьянской войне в Германии», изд. «Пролетариат» (1905 г.), 14.

...Демократ, как истинный представитель мелкой буржуазии, т.е. **переходного класса**, в котором притупляются интересы двух раз-

личных классов, воображает себя вознесенным превыше всяких классовых противоречий. Демократы допускают, что против них стоит привилегированный класс, но они вместе со всеми остальными элементами нации составляют «народ». Они защищают лишь права народа, их интересуют лишь интересы народа. Поэтому им нет никакой надобности исследовать в виду предстоящей борьбы интересы и позиции различных классов. Им незачем с особенной тщательностью взвешивать свои собственные средства. Им стоит только дать сигнал, чтобы народ со всеми своими неисчерпаемыми ресурсами бросился на угнетателей. И если при осуществлении плана на практике интересы их оказываются никому не интересными, а их сила бессилием, то виноваты или злокозненные софисты, расколовшие нераздельный народ на различные враждебные лагери, или армия слишком озверела и была слишком ослеплена для того, чтобы понять всю прелесть чистых идеалов демократии, как свое собственное благо, или была упущена какая-нибудь деталь при выполнении плана, или, наконец, кампания на этот раз была проиграна просто вследствие какой-либо непредвиденной случайности. Во всяком случае демократ выходит из позорнейшего поражения столь же незапятнанным, сколь невинно он подвергся ему, с обновленным убеждением, что он победит и что не он и его партия должны изменить свою старую точку зрения, — напротив, обстоятельства должны дозреть до него.

Маркс, 18-е брюмера Луи Бонапарта, изд. «Кр. новь», 1923, 44—45.

Все дело в том, что революционные угрозы мелких буржуа и их демократических представителей являются просто попытками запугать противника. И когда их припрут к стене, когда, достаточно скомпрометировав себя болтовней, они вынуждены, наконец, выполнить свои угрозы, они делают это крайне двусмысленно: они избегают всех средств, прямее всего ведущих к цели, и всячески выискивают предлоги для сдачи. Оглушительная увертюра, возвещающая начало борьбы, замирает в едва слышном ворчании, как только борьба действительно должна начаться; актеры перестают смотреть на себя серьезно, и вся комедия лопается, как надутый воздухом пузырь, который проткнули иголкой.

Ни одна партия не преувеличивает своих средств в большей степени, чем демократическая, ни одна не обманывается с таким легковерием относительно общего положения дела.

Маркс, 18-е брюмера Луи Бонапарта, изд. «Кр. новь», 1923, 43—44.

Вспомним классовую роль Кавеньяка. В феврале 1848 г. монархия была свергнута во Франции. Буржуазные республиканцы у власти. Они так же, как наши кадеты, хотят «порядка», называя этим восстановление и упрочение монархических орудий угнетения массы: полиции, постоянной армии, привилегированного чиновничества. Они так же, как наши кадеты, хотят положить конец революции, ненавидя революционный пролетариат,

с его еще очень неясными тогда «социальными» (т. е. социалистическими) стремлениями. Они так же, как наши кадеты, относились с беспощадной враждебностью к политике перенесения французской революции на всю Европу, к политике превращения ее в мировую пролетарскую революцию. Они так же, как наши кадеты, использовали искусно мелкобуржуазный «социализм» Луи Блана, взяв его в министры, превратив его из вождя социалистических рабочих, каким он хотел быть, в придаток, в прихвостень буржуазии.

Таковы были классовые интересы, позиция и политика господствующего класса.

Другой основной общественной силой была мелкая буржуазия, колеблющаяся, залуганная красным призраком, поддававшаяся крикам против «анархистов». В своих стремлениях мечтательно и фразисто-«социалистическая», охотно называвшая себя «социалистической демократией» (даже термин именно этот принимают теперь эсеры вместе с меньшевиками!), мелкая буржуазия боялась довериться руководству революционного пролетариата, не понимая, что эта боязнь осуждает ее на доверие к буржуазии. Ибо в обществе ожесточенной классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом, особенно при неизбежном обострении этой борьбы революцией, *не может* быть «средней» линии. А вся суть классовой позиции и стремлений мелкой буржуазии состоит в том, чтобы хотеть невозможного, стремиться к невозможному, т. е. как раз к такой «средней линии».

Третьей решающей классовой силой был пролетариат, который стремился не к «примирению» с буржуазией, а к победе над ней, к безбоязненному развитию революции вперед и притом в международном масштабе.

Вот какова была объективная историческая почва, *породившая* Кавеньяка. Колебания мелкой буржуазии «отстранили» ее от роли активного деятеля и, воспользовавшись ее боязнью довериться пролетариям, французский кадет, генерал Кавеньяк пошел на *разоружение* парижских рабочих, на массовый расстрел их.

Революция кончилась этим историческим расстрелом; мелкая буржуазия, численно преобладавшая, была и оставалась политически бессильным хвостом буржуазии, и через три года во Франции была опять восстановлена цезаристская монархия в особенно гнусной форме.

Ленин, Из какого классового источника приходят и «придут» Кавеньяки? Соч., XX, 2 изд., 536—537.

Здесь именно перед нами выступает различие мелкобуржуазных и пролетарских методов в буржуазной революции. Мелкая буржуазия, даже самая радикальная — наша партия с.-р. в том числе, — предвидит не классовую борьбу после буржуазной революции, а всеобщее благоденствие и успокоение. Поэтому она заранее «вьет себе гнездышко», вносит планы мелкобуржуазного реформаторства в буржуазную революцию, беседует о разных «нормах», о «регулировании» землевладения, об укреплении трудового

начала и трудового мелкого хозяйства и т. д. Мелкобуржуазный метод есть метод строительства отношений возможно большего социального мира. Пролетарский метод есть исключительно расчистка пути от всего средневекового, расчистка пути для классовой борьбы. Поэтому всякие «нормы» землевладения пролетарий может предоставить обсуждать мелким хозяйчикам: пролетария интересует только уничтожение помещичьих латифундий, только уничтожение частной собственности на землю, как последнего препятствия классовой борьбы в земледелии. В буржуазной революции нас интересует не мещанское реформаторство, не будущее «гнездышко» успокоенных мелких хозяев, а условия пролетарской борьбы против всякого мещанского успокоения на буржуазной почве.

Ленин, Аграрный вопрос в русской революции, Соч., IX, 1 изд., 563.

Революция 27 февраля 1917 г. смела монархию и поставила у власти либеральную буржуазию. Эта последняя, действуя в прямом соглашении с англо-французскими империалистами, хотела маленького дворцового переворота. Ни в каком случае дальше цензовой конституционной монархии итти она не хотела. И когда революция на деле пошла дальше, к полному уничтожению монархии и к созданию советов (раб., солд. и крест. депутатов), либеральная буржуазия стала сплошь контрреволюционной.

Теперь, четыре месяца спустя после переворота, контрреволюционность кадетов, этой главной партии либеральной буржуазии, ясна как день. Все ее видят. Все вынуждены признать ее. Но далеко не все согласны посмотреть в лицо этой правде и продумать ее значение.

В России сейчас демократическая республика, управляемая свободным соглашением политических партий, свободно агитирующих в народе. Четыре месяца после 27 февраля вполне сплотили и оформили все сколько-нибудь значительные партии, проявили их на выборах (в советы и в местные учреждения), обнаружили их связь с разными классами.

В России сейчас у власти контрреволюционная буржуазия, по отношению к которой «оппозицией ее величества» стала мелкобуржуазная демократия, именно партии эсеров и меньшевиков. Сущность политики этих партий состоит в соглашательстве с контрреволюционной буржуазией. Мелкобуржуазная демократия поднимается к власти, заполняя сначала местные учреждения (как либералы при царизме завоевывали сначала земства). Эта мелкобуржуазная демократия хочет раздела власти с буржуазией, а не свержения ее, совершенно так же, как кадеты хотели раздела власти с монархией, а не свержения монархии. И соглашательство мелкобуржуазной демократии (эсеры и меньшевики) с кадетами так же вызвано глубоким классовым родством мелких и крупных буржуа, как классовое родство капиталиста с живущим в обстановке XX века помещиком заставляло их обниматься вокруг «обожаемого» монарха.

Изменилась форма соглашательства: при монархии она была груба, царь пускал кадета только на задворки Государственной Думы. При демо-

кратической республике соглашательство стало европейски утонченным: мелких буржуа пускают в безвредном меньшинстве и на безвредные (для капитала) роли в министерство.

Кадеты заняли место монархии. Церетелли и Черновы заняли место кадетов. Пролетарская демократия заняла место **действительно** революционной демократии.

Необыкновенно ускорила все развитие империалистская война. Без нее эсеры и меньшевики могли бы десятки лет вздыхать по министерским местечкам. Но эта же война ускоряет развитие и дальше. Ибо она **ставит** вопросы не реформистски, а революционно.

Партии эсеров и меньшевиков могли бы дать России немало реформ по соглашению с буржуазией. Но объективное положение в мировой политике революционно, из него реформами **не выйдешь**.

Империалистская война давит и раздавит народы. Отсрочить гибель может быть, в состоянии не надолго мелкобуржуазная демократия. Спасти от гибели в состоянии только революционный пролетариат.

Ленин, Классовый сдвиг, Соч., XX, 2 изд., 570—571.

В стране с громадным преобладанием мелкособственнического населения над чисто пролетарским неизбежно будет сказываться — и от времени до времени крайне резко сказываться — различие между революционером пролетарским и мелкобуржуазным. Этот последний колеблется и шатается при каждом повороте событий, переходит от ярой революционности в марте 1917 г. к воспеванию «коалиции» в мае, к ненависти против большевиков (или к оплакиванию их «авантюризма») в июле, к опасливому отстранению от них в конце октября, к поддержке их в декабре, — наконец, в марте и апреле 1918 г. такие типы чаще всего морщат пренебрежительно нос и говорят: «Я не из тех, кто поет гимны органической работе, практицизму и постепеновщине».

Социальный источник таких типов, это — мелкий хозяйчик, который взбесился от ужасов войны, от внезапного разорения, от неслыханных мучений голода и разрухи, который истерически мечется, ища выхода и спасения, колеблясь между доверием к пролетариату и поддержкой его, с одной стороны, приступами отчаяния, — с другой. Надо ясно понять и твердо усвоить, что на такой социальной базе никакого социализма построить нельзя. Руководить трудящимися и эксплоатируемыми массами может только класс, без колебаний идущий по своему пути, не падающий духом и не впадающий в отчаяние на самых трудных, тяжелых и опасных переходах. Нам истерические порывы не нужны. Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата.

Ленин, Очередные задачи советской власти, Соч., XV, 1 изд., 224—225.

Мелкобуржуазная стихия недаром называется стихией, ибо это действительно нечто наиболее бесформенное, неопределенное, бессознательное.

Нарциссы мелкой буржуазии думают, что «всеобщее голосование» уничтожает натуру мелкого производителя при капитализме, но на самом деле оно **помогает** буржуазии, при помощи церкви, печати, учительства, полиции, военщины, экономического гнета в тысячах форм, помогает ей **подчинять** себе распыленных мелких производителей. Разорение, нужда, тяжесть положения вызывают колебания; сегодня за буржуазию, завтра за пролетариат. Только закаленный авангард пролетариата способен устоять и противостоять колебаниям.

Ленин, О продовольственном налоге, Соч., XVIII, ч. 1, 1 изд., 231—232.

... Кроме... класса эксплоататоров, почти во всех капиталистических странах, может быть, за исключением Англии, существует класс мелких товарных производителей и мелких земледельцев. **Главный вопрос революции заключается теперь в борьбе против этих двух классов.** Чтобы освободиться от них, необходимо применять другие методы, чем в борьбе против крупных землевладельцев и капиталистов. Эти оба класса мы могли просто экспроприировать и прогнать, — так мы и сделали. Но с последними капиталистическими классами, с мелкими производителями, с мелкими буржуа, которые имеются во всех странах, мы не можем поступить подобным образом. В большинстве капиталистических стран эти классы представляют очень сильное меньшинство, приблизительно от 30 до 45% населения. Если мы присоединим к ним мелкобуржуазный элемент рабочего класса, то выйдет даже больше 50%. Их нельзя экспроприировать или прогнать, здесь борьба должна вестись иначе. Значение периода, который начинается сейчас в России, с международной точки зрения, — если рассматривать международную революцию как единый процесс, — по существу состоит в том, что мы практически должны разрешить вопрос об отношении пролетариата к последнему капиталистическому классу в России. Теоретически все марксисты хорошо и легко разрешали этот вопрос, но теория и практика две вещи разные и разрешать этот вопрос практически или теоретически это не одно и то же. Мы определенно знаем, что мы делали большие ошибки. С международной точки зрения представляет громадный интерес, что мы стремимся определить отношение пролетариата, держащего государственную власть в своих руках, к последнему капиталистическому классу, к глубочайшей основе капитализма — к мелкой собственности, к мелкому производителю. Этот вопрос сейчас практически встал перед нами. Я думаю, что мы сможем разрешить эту задачу. Во всяком случае, опыт, который мы проделываем, будет полезен для грядущих пролетарских революций, и они сумеют технически лучше подготовиться к разрешению этого вопроса.

Ленин, Тактика РКП, Соч., XVIII, ч. 1, 1 изд., 325—326.

в) МЕЛКОБУРЖУАЗНЫЙ СОЦИАЛИЗМ

В Германии мелкая буржуазия, унаследованная еще от XVI столетия и с тех пор постоянно возникающая вновь в той или в другой форме, является настоящей общественной основой существующего порядка вещей.

Сохранение мелкой буржуазии — это сохранение существующего в Германии порядка вещей. Со страхом ждет она от промышленного и политического господства буржуазии своей верной гибели в силу концентрации капитала, с одной стороны, и вследствие развития революционного пролетариата, — с другой — «истинный» социализм, казалось ей, убивал двух зайцев одним выстрелом, и он распространялся, подобно эпидемии.

Сотканный из умозрительной паутины, расшитый причудливыми цветами краснословия, смоченный слезами чувствительного умиления, покров, в который немецкие социалисты облекали свои две-три костлявые «вечные истины», только содействовал сбыту их товаров среди этой публики.

Маркс и Энгельс, Коммунистический манифест, 3 изд., 95—96.

С своей стороны немецкий социализм все более сознавал, что его призвание — быть высокопарным защитником этого мещанства.

Немецкую нацию он провозгласил нормальной нацией, а немецкого филистера нормальным человеком. В каждую его низость он вкладывал скрытый, высший социалистический смысл, обращавший ее в прямую ее противоположность. Он сделал лишь последний вывод, когда он выступил непосредственно против «грубо-разрушительного» направления коммунизма и провозгласил, что в своем партийном беспристрастии он витает выше всякой борьбы классов. За весьма немногими исключениями, все циркулирующие в Германии так называемые социалистические и коммунистические писания принадлежат к этой грязной, расслабляющей литературе.

От... буржуазного социализма, который, как всякая другая уродливая разновидность социализма, привлекает, конечно, под свое знамя известную часть рабочих и мелких буржуа, отличается собственно мелкобуржуазный социализм, социализм par excellence. Капиталисты обирают этот класс главным образом в качестве кредиторов, поэтому он требует кредитных учреждений, капиталисты давят его своей конкуренцией, поэтому он требует ассоциаций, поддерживаемых государством; они побеждают его концентрацией, поэтому он требует прогрессивных податей, ограничений наследства, исполнения крупных работ государством и других мер, насильственно задерживающих рост капитала. Так как он мечтает о мирном осуществлении своего социализма, — понадобится разве лишь на несколько дней новая февральская революция, — он естественно представляет себе грядущий исторический процесс в таком виде: социальные теоретики придумывают поодиночке или группами различные системы, а общество применяет их на деле. Таким образом, эти социалисты стано-

вятся эклектиками или сторонниками наличных социалистических *систем*, сторонниками *доктринерского социализма*, который был теоретическим выражением пролетариата лишь до тех пор, пока пролетариат не дорос до своего собственного свободного исторического движения.

Эта *утопия*, этот *доктринерский социализм* подчиняет все историческое движение одному из его факторов, заменяет весь общественный процесс, творящий историю, измышлениями отдельного педанта, а, главное, устраняет в своей фантазии революционную борьбу классов с ее необходимыми проявлениями посредством мелких кунштштюков или крупного сентиментальничания. В сущности он лишь идеализирует существующее общество, является призрачным сколком с него и старается осуществить свой идеал наперекор действительности этого же общества. Борьба между различными вождями доктринерского социализма обнаруживает, что каждая из его так называемых систем есть претенциозное подчеркивание одного из переходных моментов социального переворота в противоположность другому. Этот социализм *пролетариат* уступает мелкой буржуазии, а сам все более переходит в лагерь *революционного социализма*, *коммунизма*, для которого сама буржуазия изобрела название *бланкизма*. Революционный социализм — это *непрерывность революции*, *классовая диктатура* пролетариата, необходимая, как переходная ступень, к *отмене всяких классовых различий*, отмене производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к отмене всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту всех идей, вытекающих из этих общественных отношений.

Маркс. Классовая борьба во Франции в 1848—1850 гг., изд. 1919, 110—111.

Вера в универсальное, всеспасающее действие «демократии» *вообще*, непонимание того, что она является *буржуазной* демократией, исторически ограниченной в своей полезности, в своей необходимости, такая вера и такое непонимание держались во всех странах веками и десятилетиями, особенно прочно среди мелкой буржуазии. Крупный буржуа прошел огонь, воду и медные трубы, он знает, что демократическая республика, как и всякая другая форма государства при капитализме есть не что иное, как машина для подавления пролетариата. Крупный буржуа *знает* это из своего интимнейшего знакомства с настоящими руководителями и с наиболее глубокими (зачастую именно в силу этого наиболее прикрытыми) пружинами *всякой* буржуазной государственной машины. Мелкий буржуа по своему экономическому положению, по всем условиям своей жизни меньше способен усвоить эту истину, даже держится иллюзий насчет того, будто демократическая республика означает «чистую демократию», «свободное народное государство», внеклассовое или надклассовое народовластие, чистое проявление всенародной воли и т. д. и т. п. Прочность этих предрассудков

мелкого буржуазного демократа неизбежно вызывается тем, что он дальше стоит от острой классовой борьбы, от биржи, от «настоящей» политики, и было бы совершенно не марксистским ожидать будто одной пропагандой и в скорое время можно искоренить эти предрассудки.

Ленин, Ценные признания Питирима Сорокина, Соч., XV, 1 изд., 526.

3—б. КРЕСТЬЯНСТВО. ПРОЛЕТАРИАТ И КРЕСТЬЯНСТВО

а) ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА

Парцеллярные, карликовые крестьяне составляют огромную массу, члены которой живут в одинаковых условиях, не вступая однако друг с другом в какие-либо прочные и сложные отношения. Их способ производства не только не создает между ними взаимного общения, но прямо-таки изолирует их друг от друга. Изолирование увеличивается еще благодаря плохим путям сообщения во Франции и бедности крестьян. Поле производства, мелкий участок земли, не требует для своей обработки ни разделения труда, ни применения науки, не требует, следовательно, разностороннего развития, разнообразия талантов, сложности общественных отношений. Каждая отдельная крестьянская семья почти довлеет себе, самостоятельно производит большую часть предметов своего потребления и добывает таким образом свои жизненные средства более в обмене с природой, чем в сношениях с обществом. Клочок земли, крестьянин и его семья; рядом другая парцелла, другой крестьянин и другая семья. Известная сумма таких семейств образует деревню, известная сумма деревень — департамент. Таким образом наибольшая часть французской нации составляется путем простого сложения одноименных величин, вроде того как мешок картофеля из отдельных картофелин. Поскольку миллионы семей существуют в экономических условиях, благодаря которым они по своему образу жизни, по своим интересам и образованию отличаются от всех других классов и даже враждебны им, они сами образуют класс. Но поскольку между малоземельными крестьянами существует только локальная связь, поскольку тождественность их интересов не создает никакой общности, никакого национального объединения, никакой политической организации, они не образуют класса. Они, поэтому, не способны защищать свои классовые интересы от собственного имени ни в парламенте, ни в каком-либо конвенте. Они не могут сами представлять себя, они должны быть представлены другими. Их представитель должен быть в то же время их господином, авторитетом, вооруженным неограниченной правительственной властью, которая защищает их от всех других классов и посылает им сверху дождь и солнечные лучи. Политическое влияние малоземельных крестьян находит себе таким образом наиболее полное выражение в том, что исполнительная власть подчиняет себе общество.

Маркс, 18-е брюмера Луи Бонапарта, изд. «Кр. новь», 1923, 107—108.

Общественно-экономическая обстановка, в которую поставлено современное русское крестьянство, есть товарное хозяйство. Даже в центральной земледельческой полосе (которая наиболее отстала в этом отношении сравнительно с юго-восточными окраинами или с промышленными губерниями) крестьянин вполне подчинен рынку, от которого он зависит и в личном потреблении и в своем хозяйстве, не говоря даже о податях.

Строй общественно-экономических отношений в крестьянстве (земледельческом и общинном) показывает нам наличность всех тех противоречий, которые свойственны всякому товарному хозяйству и всякому капитализму: конкуренцию, борьбу за хозяйственную самостоятельность, перебивание земли (покупаемой и арендуемой), сосредоточение производства в руках меньшинства, выталкивание большинства в ряды пролетариата, эксплоатацию его со стороны меньшинства торговым капиталом и наймом батраков. Нет ни одного экономического явления в крестьянстве, которое бы не имело этой, специфически свойственной капиталистическому строю, противоречивой формы, т. е. которое не выражало бы борьбы и розни интересов, не означало плюс для одних и минус для других. Такова и аренда, и покупка земли, и «промыслы» в их диаметрально противоположных типах; таков же и технический прогресс хозяйства...

Вопреки теориям, господствовавшим у нас в последние полвека, русское общинное крестьянство — не антагонист капитализма, а, напротив, самая глубокая и самая прочная основа его. Самая глубокая, — потому что именно здесь, вдали от каких бы то ни было «искусственных» воздействий и несмотря на учреждения, стесняющие развитие капитализма, мы видим постоянное образование элементов капитализма внутри самой «общины». Самая прочная, — потому что на земледелии вообще и на крестьянстве в особенности тяготеют с наибольшей силой традиции старины, традиции патриархального быта, а вследствие этого — преобразующее действие капитализма (развитие производительных сил, изменение всех общественных отношений и т. д.) проявляется здесь с наибольшей медленностью и постепенностью.

Совокупность всех экономических противоречий в крестьянстве и составляет то, что мы называем разложением крестьянства. Сами крестьяне в высшей степени метко и рельефно характеризуют этот процесс термином: «раскрестьянивание». Этот процесс означает коренное разрушение старого патриархального крестьянства и создание **новых типов** сельского населения.

Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., III, 2 изд., 124—125.

Эксплоатация крестьянства отличается от эксплоатации фабричного пролетариата лишь своей внешней **формой**. Эксплоататор тот же самый **капитал**. Отдельные капиталисты эксплоатируют отдельных крестьян с помощью **гипотек и ростовщичества**, класс капиталистов эксплоатирует класс крестьян посредством **государственных пода-**

тей. Призрак крестьянской собственности был талисман, который отдавал крестьян во власть капитала; во имя этой призрачной собственности, капитал натравливал их на городской пролетариат. Только падение капитала может поднять мужика, только антикапиталистическое рабочее правительство может положить конец его экономической нищете и общественной деградации. Конституционная республика — это диктатура его соединенных эксплоататоров, социал-демократическая красная республика—это диктатура его друзей и союзников. Весы падают или поднимаются, смотря по тем голосам, которые крестьянин бросает в избирательную урну. Он сам решает свою судьбу. Так говорили социалисты в памфлетах, в календарях, во всевозможных летучих листках и брошюрах. Этот язык стал еще понятнее крестьянину, когда заговорила партия порядка. В своих ответных изданиях она тоже обращалась к его суду и своими неуклюжими преувеличениями, своим грубым искажением социалистических идей и намерений как раз попала в настоящий мужицкий тон и разожгла жадность крестьянина к запретному плоду. Но понятнее всего говорил сам опыт, приобретенный крестьянами благодаря всеобщему избирательному праву. Его избранники горько разочаровали его. Одно разочарование следовало за другим с революционной быстротой. Революции — это локомотивы истории.

Маркс, Классовая борьба во Франции в 1848—1850 гг., изд. 1919, 105—106.

«Труд земледельческий отличается от труда фабричного; но ведь фабричный труд тоже отличается от труда приказчика в лавке, — и, однако, «Звезда» усиленно доказывает приказчикам, что они представляют один класс с рабочими, что потому они должны смотреть на социал-демократию, как на свою представительницу»...

Так возражает г. Водовозов на доводы о глубоком классовом различии хозяйчиков и наемных рабочих! Рассуждения г. Водовозова проникнуты и здесь обычным духом буржуазной политической экономии. Земледелец-хозяйчик принадлежит к одному классу с фабрикантом или ремесленником-хозяйчиком с торговцем-хозяйчиком; различие здесь есть не между классами, а между профессиями. Земледельческий наемный рабочий принадлежит к одному классу с фабричным и торговым наемным рабочим.

Ленин, Трудовики и рабочая демократия, Соч., XII, ч. 1, 1 изд., 110—111.

В народнических газетах и журналах мы часто встречаем утверждение, что рабочие и «трудовое» крестьянство составляют один класс.

Полная неверность этого взгляда очевидна для всякого, кто понимает, что во всех современных государствах господствует более или менее развитое капиталистическое производство, т. е. хозяйничание на рынке капитала и превращение им массы трудящихся в наемных рабочих. Так называемый «трудовой» крестьянин есть на самом деле мелкий хозяйчик или мелкий буржуа, который почти всегда — либо занимается на чужую

работу, либо сам нанимает рабочих. «Трудовой» крестьянин, будучи мелким хозяйчиком, колеблется и в политике между хозяевами и рабочими, между буржуазией и пролетариатом.

Одним из наиболее наглядных подтверждений этой хозяйской, или буржуазной, природы «трудового» крестьянина являются данные о наемном труде в сельском хозяйстве. Буржуазные экономисты (народники в том числе) обыкновенно воспевают «жизненность» мелкого производства в земледелии, понимая под мелким такое хозяйство, которое обходится без наемного труда. Но точных данных о наемном труде у крестьян они не долюбливают!...

...Мелкое крестьянское («трудовое») земледелие эксплоатирует сотни тысяч наемных рабочих. Чем крупнее крестьянское хозяйство, тем больше число наемных рабочих наряду с более значительным составом семейных рабочих сил....

...Самое положение мелких земледельцев в современном обществе превращает их неизбежно в мелких буржуа. Они вечно колеблются между наемными рабочими и капиталистами. Большинство крестьян бедствует и разоряется, превращаясь в пролетариев, а меньшинство тянется за капиталистами и поддерживает зависимость от них массы сельского населения. Поэтому во всех капиталистических странах крестьянство в массе своей остается до сих пор в стороне от социалистического движения рабочих, примыкая к разным реакционным и буржуазным партиям. Только самостоятельная организация наемных рабочих, ведущая последовательную классовую борьбу, в состоянии вырывать из-под влияния буржуазии и разъяснять ему полную безвыходность положения мелких производителей в капиталистическом обществе.

В России положение крестьян по отношению к капитализму совершенно однородно с тем, что мы видим в Австрии, Германии и т. д. Наша «особенность» есть наша отсталость: перед крестьянином стоит еще не капиталистический, а крепостнический крупный землевладелец, являющийся главной опорой и экономической, и политической отсталости России.

Ленин, Крестьянство и рабочий класс, Соч., XII, ч. 2, 1 изд., 141—143.

Несомненно, что возникновение имущественного неравенства, есть исходный пункт всего процесса, но одной этой «диференциацией» процесс отнюдь не исчерпывается. Старое крестьянство не только «диференцируется», оно совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения, — типами, которые являются базисом общества с господствующим товарным хозяйством и капиталистическим производством. Эти типы — сельская буржуазия (преимущественно мелкая) и сельский пролетариат, класс товаропроизводителей в земледелии и класс сельскохозяйственных наемных рабочих.

Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., III, 2 изд., 126.

Всякий знает, что каждый город, каждая верста железной дороги втягивает крестьянское хозяйство в торговый и капиталистический оборот. Только «левонародники» не хотят видеть разрушающей их мещанскую теорию правды.

Эта правда состоит в том, что каждая верста железной дороги, каждая новая лавка в деревне, каждый кооператив, облегчающий закупку, каждая фабрика и т. д. втягивает крестьянское хозяйство в торговый оборот. А это значит, что крестьяне распадаются на пролетариев и хозяйчиков, которые нанимают наемных рабочих.

Ни одного улучшения в крестьянском хозяйстве не может быть, которое бы не усиливало эксплоатацию наемного труда улучшающимися хозяйствами.

Поэтому только марксисты отстаивают интересы труда, выделяя пролетариев, наемных рабочих, и в городе, и в деревне.

Народники же проводят (на деле) защиту интересов эксплоататоров наемной рабочей силы, когда толкуют о «крестьянстве», о «крестьянском хозяйстве», ибо чем больше крестьянин похож на «хозяина», тем сильнее эксплоатирует он наемный труд.

Интересы буржуазии (за которой слепо плетутся народники) требуют смешения крестьянского пролетариата с крестьянской буржуазией.

Интересы пролетариата требуют борьбы с этим смешением, требуют ясной размежевки классов повсюду, в том числе и среди крестьян. Нечего обманывать себя и других, толкуя о «крестьянстве»: надо учиться самим и учить крестьян тому, что даже среди крестьянства с каждым днем все глубже становится пропасть между пролетариатом и буржуазией.

Ленин, Крестьянство и наемный труд, Соч., XII, ч. 2, 1 изд., 367—368.

Признавая глубокую экономическую рознь в современном крестьянстве, мы не можем уже ограничиться одним разделением крестьян на несколько слоев по степени имущественного обеспечения. Такое разделение было бы достаточно, если бы все вышеуказанное разнообразие сводилось к различиям количественным. Но это не так. Если у одной части крестьян целью земледелия являются коммерческие выгоды и результатом — крупный денежный доход, а у другой — земледелие не покрывает даже необходимых потребностей семьи, если высшие группы крестьян основывают свое улучшенное хозяйство на разорении низших, если зажиточное крестьянство в значительной степени пользуется наемным трудом, а бедное вынуждается прибегать к продаже своей рабочей силы, — то это уже, несомненно, качественные различия, и нашей задачей теперь должно быть группировать крестьянство по различиям в самом характере их хозяйства (разумея под характером хозяйства особенности не техники, а экономики).

Ленин, Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни, Соч. I 2 изд., 27.

Разложение крестьянства, развивая на счет среднего «крестьянства» его крайние группы, создает два новые типа сельского населения. Общий признак обоих типов — товарный, денежный характер хозяйства. Первый новый тип — сельская буржуазия или зажиточное крестьянство. Сюда относятся самостоятельные хозяева, ведущие торговое земледелие во всех его разнообразных формах... затем владельцы торгово-промышленных заведений, хозяева торговых предприятий и т. п. Соединение торгового земледелия с торгово-промышленными предприятиями есть специфически свойственный э т о м у крестьянству вид «соединения земледелия с промыслами». Из этого зажиточного крестьянства вырабатывается класс фермеров, ибо аренда земли для продажи хлеба играет (в земледельческой полосе) громадную роль в их хозяйстве, нередко большую, чем надел. Размеры хозяйства превышают здесь в большинстве случаев рабочие силы семьи, и потому образование контингента сельских батраков, а еще более поденщиков, есть необходимое условие существования зажиточного крестьянства *. Свободные деньги, получаемые в виде чистого дохода этим крестьянством, обращаются или на торговые и ростовщические операции, так непомерно развитые в нашей деревне, либо — при благоприятных условиях — вкладываются в покупку земли, улучшения хозяйства и т. п. Одним словом, это — мелкие аграрии. Численно крестьянская буржуазия составляет небольшое меньшинство всего крестьянства, — вероятно, не более одной пятой доли дворов (что соответствует приблизительно трем десятым населения), причем это отношение, разумеется, сильно колеблется в разных местностях. Но по своему значению во всей совокупности крестьянского хозяйства, — в общей сумме принадлежащих крестьянству средств производства, в общем количестве производимых крестьянством земледельческих продуктов, — крестьянская буржуазия является безусловно преобладающей. Она — господин современной деревни.

Л е н и н, Развитие капитализма в России, Соч., III, 2 изд., 128.

... Одна из самых главных особенностей богатого крестьянства состоит в том, что оно н а н и м а е т б а т р а к о в и п о д е н щ и к о в. Подобно помещикам богатые крестьяне тоже живут чужим трудом. Подобно помещикам они богатеют потому, что разоряется и нищает масса крестьянства. Подобно помещикам, они стараются выжать как можно больше работы из своих батраков и заплатить им как можно меньше. Если бы миллионы крестьян не были вконец разорены и вынуждены итти на работу в чужие люди, итти в наймиты, продавать свою рабочую силу, — тогда богатые

---

* Заметим, что употребление наемного труда не есть обязательный признак понятия мелкой буржуазии. Под это понятие подходит всякое самостоятельное производство на рынок, при наличности в общественном строе хозяйства описанных нами выше... противоречий, — в частности при превращении массы производителей в наемных рабочих (*Прим. авт.*).

крестьяне не могли бы существовать, не могли бы вести хозяйства. Тогда им негде было бы подбирать «упалые» наделы, негде было бы находить себе рабочих. А по всей России все полтора миллиона богатых крестьян нанимают, наверно, не меньше миллиона батраков и поденщиков. Понятно, что в великой борьбе между классом собственников и классом неимущих, между хозяевами и рабочими, между буржуазией и пролетариатом, — богатые крестьяне станут на сторону собственников против рабочего класса.

Ленин, К деревенской бедноте, Соч., IX, 1 изд., 337.

Другой новый тип — сельский пролетариат, класс наемных рабочих с наделом. Сюда входит неимущее крестьянство, в том числе и совершенно безземельное, но типичнейшим представителем русского сельского пролетариата является батрак, поденщик, чернорабочий, строительный или иной рабочий с наделом. Ничтожный размер хозяйства на клочке земли и притом хозяйства, находящегося в полном упадке (о чем особенно наглядно свидетельствует сдача земли), невозможность существовать без продажи рабочей силы («промыслы» неимущего крестьянства), в высшей степени низкий жизненный уровень—даже уступающий, вероятно, жизненному уровню рабочего без надела, — вот отличительные черты этого типа. К представителям сельского пролетариата должно отнести не менее половины всего числа крестьянских дворов (что соответствует приблизительно $^4/_{10}$ населения), т. е. всех безлошадных и большую часть однолошадных крестьян (разумеется, это лишь массовый примерный расчет, подлежащий в различных районах более или менее значительным видоизменениям, сообразно с местными условиями).

Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., III, 2 изд., 128—129.

Промежуточным звеном между этими пореформенными типами «крестьянства» является среднее крестьянство. Оно отличается наименьшим развитием товарного хозяйства. Самостоятельный земледельческий труд разве лишь в лучший год и при особо благоприятных условиях покрывает содержание такого крестьянства, и потому оно находится в крайне неустойчивом положении. В большинстве случаев средний крестьянин не может свести концов с концами без того, чтобы не прибегать к займам под отработки и т. п., без того, чтобы не искать «подсобных» сторонних заработков, состоящих тоже отчасти из продажи рабочей силы и т. д. Каждый неурожай выбрасывает массы среднего крестьянства в ряды пролетариата. По своим общественным отношениям эта группа колеблется между высшей, к которой она тяготеет и в которую удается попасть лишь небольшому меньшинству счастливцев, и между низшей, в которую ее сталкивает весь ход общественной эволюции. Мы видели, что крестьянская буржуазия оттесняет не только низшую, но и среднюю группу крестьянства. Таким образом происходит специфически свойственное капита-

листическому хозяйству вымирание средних членов и усиление крайностей — «раскрестьянивание».

Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., III, 2 изд., 131—132.

Процесс «пролетаризирования крестьянства» выражается повсюду в распространении всяческих видов наемной работы мелких крестьян...; параллельно этому мы наблюдаем в России образование громадного класса наемных рабочих с наделом... Существование мелкого крестьянства во всяком капиталистическом обществе объясняется не техническим превосходством мелкого производства в земледелии, а тем, что мелкие крестьяне понижают свои потребности ниже уровня потребностей наемных рабочих и надрываются на работой несравненно сильнее, чем эти последние.

Ленин, Предисловие к первому изданию «Развития капитализма в России», Соч., III, 2 изд., 7.

...Зажиточное крестьянство... ведет уже торговое земледелие, получая в год 574 — 1.500 руб. валового денежного дохода (стр. 44 — 45).

...«Внутренний рынок» растет вследствие превращения в товар, с одной стороны, продукта торгового, предпринимательского земледелия, с другой стороны, — вследствие превращения в товар рабочей силы, продаваемой несостоятельным крестьянством (стр. 45)...

...Зажиточное крестьянство, несмотря на наивысшую обеспеченность его надельной землей, концентрирует в своих руках массу купчих и арендуемых земель, превращается в мелких землевладельцев и фермеров (стр. 45)...

К торговому земледелию у крестьянской буржуазии присоединяется... и торговое скотоводство... (стр. 46)...

...Зажиточное крестьянство соединяет с крупными капиталистическими посевами капиталистическое скотоводство (стр. 55).

...Группы крестьян различаются не только по размеру хозяйства, но и по способу его ведения... (стр. 56)...

Сопоставление данных об аренде и о сдаче надельной земли ясно показывает переход земли в руки крестьянской буржуазии (стр. 57)...

В высших группах крестьянства... аренда носит... явно промышленный, предпринимательский характер... (стр. 71).

Наем поденных рабочих... в высшей степени характерный признак крестьянской буржуазии (стр. 72)...

В низших группах число хозяйств, нанимающих поденщиков, всегда превышает и в много раз число хозяйств, нанимающих батраков. Наоборот, в высших группах число хозяйств, нанимающих батраков, оказывается иногда даже большим, чем число хозяйств, нанимающих поденщиков. Этот факт явно указывает на образование в высших группах крестьянства настоящих батрацких хозяйств, основанных на постоянном употреблении наемного труда... (стр. 73).

Хозяйство среднего крестьянства находится в положении неустойчивом, и для обработки своей земли ему приходится прибегать к супряге (стр. 50)...

Наряду с продажей своей рабочей силы сельский пролетариат извлекает доход от сдачи в аренду своей надельной земли (стр. 49)...

Итак... мы видим разложение крестьянства на два полярно-противоположные типа: с одной стороны, на сельский пролетариат (забрасывание земли и продажа рабочей силы), с другой стороны, на крестьянскую буржуазию (покупка земли, аренда в значительных размерах, особенно аренда наделов, улучшение хозяйства, наем батраков и поденщиков.... присоединение к земледелию торгово-промышленных предприятий) (стр. 76).

Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., III, 2 изд., 44—76.

На развалинах натурального хозяйства мелкое производство держится бесконечным ухудшением питания, хронической голодовкой, удлинением рабочего дня, ухудшением качества скота и ухода за ним, одним словом, теми же средствами, которыми держалось и кустарное производство против капиталистической мануфактуры. Каждый шаг вперед науки и техники подрывает неизбежно и неумолимо основы мелкого производства в капиталистическом обществе, и задача социалистической экономии — исследовать этот процесс во всех его, нередко сложных и запутанных, формах, — доказывать мелкому производителю невозможность удержаться при капитализме безвыходность крестьянского хозяйства при капитализме, необходимость перехода крестьянина на точку зрения пролетария. Ревизионисты в данном вопросе грешили в научном отношении поверхностным обобщением односторонне-выхваченных фактов, вне связи их со всем строем капитализма, — в политическом же отношении они грешили тем, что неизбежно, вольно или невольно, звали крестьянина, или толкали крестьянина на точку зрения хозяина (т. е. точку зрения буржуазии) вместо того, чтобы толкать его на точку зрения революционного пролетария.

Ленин, Марксизм и ревизионизм, Соч., XI, ч. 1, 1 изд., 57.

Из крестьянства, как и из других слоев мелкой буржуазии, лишь ничтожное меньшинство «поднимается вверх», «выходит в люди», в буржуазном смысле, т. е. превращается либо в зажиточных людей, в буржуа, либо в обеспеченных и привилегированных чиновников. Громадное большинство крестьянства во всякой капиталистической стране, где только есть крестьянство (а таких капиталистических стран большинство), угнетено правительством и жаждет свержения его, жаждет «дешевого» правительства. Осуществить это может **только** пролетариат, и, осуществляя это, он делает вместе с тем шаг к социалистическому переустройству государства.

Ленин, Государство и революция, Соч., XIV, ч. 2, 1 изд., 332.

Крестьяне — особый класс. Как труженики, они враги капиталистической эксплоатации, но в то же время они собственники. Крестьянин сто-

летиями воспитывался на том, что хлеб его, и что он волен его продавать. Это мое право, думает крестьянин, ибо это мой труд, мои пот и кровь. Переделать его психологию быстро нельзя, это долгий и трудный процесс борьбы. Кто воображает, что переход к социализму будет таков, что один убедит другого, а другой — третьего, тот ребенок в лучшем случае или политический лицемер...

Ленин, Об обмане народа лозунгами свободы и равенства, Соч. XVI, 1 изд., 215—216.

Крестьяне — это есть класс патриархальной эпохи, класс, воспитанный десятилетиями и столетиями в рабстве, и в течение всех этих десятилетий крестьянин существовал, как мелкий хозяин, сначала подчиненный другим классам, потом формально свободный и равный, но собственник и владелец предметов питания.

Ленин, Соч., XVI, 1 изд., 210.

«Остатки старого крепостного порядка» страшно еще велики в нашей деревне. Этот факт общеизвестный. Отработки и кабала, сословная и гражданская неполноправность крестьянина, его подчинение вооруженному розгой привилегированному землевладельцу, бытовая приниженность, делающая крестьянина настоящим варваром, — все это не исключение, а правило в русской деревне и все это является, в последнем счете, прямым пережитком крепостного порядка.

В тех случаях и отношениях, где еще царит этот порядок, и поскольку он еще царит, — врагом его является *все крестьянство* как целое. Против крепостничества, против крепостников-помещиков и служащего им государства крестьянство продолжает еще оставаться *классом*, именно классом не капиталистического, а крепостного общества, т. е. классом — сословием *. И поскольку сохраняется еще в нашей деревне этот свойственный крепостному обществу классовый антагонизм «крестьянства» и привилегированных землевладельцев, *постольку* рабочая партия, несомненно, должна быть на стороне «крестьянства», должна поддерживать его борьбу и *подталкивать его на борьбу* против всех остатков крепостничества.

Мы ставим в кавычки слово «крестьянство», чтобы отметить наличность в этом случае не подлежащего никакому сомнению противоречия:

---

*. Известно, что в рабском и феодальном обществах различие классов фиксировалось и в сословном делении населения, сопровождалось установлением особого *юридического* места в государстве для каждого класса. Поэтому классы рабского и феодального (а также и крепостного) общества были также и особыми сословиями. Напротив, в капиталистическом, буржуазном обществе юридически все граждане равноправны, сословные деления уничтожены (по крайней мере в принципе), и потому классы перестали быть сословиями. Деление общества на классы обще и феодальному и буржуазному обществам, но в первых двух существовали классы-сословия, а в последнем — классы бессословные *(прим. авт.)*.

в современном обществе крестьянство, конечно, не является уже единым классом. Но кто смущается этим противоречием, тот забывает, что это — противоречие не изложения, не доктрины, а противоречие самой русской жизни. Это — не сочиненное, а живое диалектическое противоречие. Поскольку в нашей деревне крепостное общество вытесняется «современным» (буржуазным) обществом, постольку крестьянство перестает быть классом, распадаясь на сельский пролетариат и сельскую буржуазию (крупную, среднюю, мелкую и мельчайшую). Поскольку сохраняются еще крепостные отношения, постольку «крестьянство» продолжает еще быть классом, т. е., повторяем, классом не буржуазного, а крепостного общества. Это «поскольку — постольку» существует в действительности в виде крайне сложного сплетения крепостнических и буржуазных отношений в современной русской деревне. Говоря терминами Маркса, отработочная, натуральная, денежная и капиталистическая ренты переплетаются у нас самым причудливым образом. Мы подчеркиваем это, всеми экономическими исследованиями России установленное, обстоятельство в особенности потому, что оно по необходимости неизбежно является источником той сложности, запутанности, если хотите искусственности некоторых наших «аграрных» требований, которые сильно поражают многих с первого взгляда. Кто ограничивается в своих возражениях общим недовольством по поводу этой сложности и «хитрости» предлагаемых решений, тот забывает, что простого решения столь запутанных вопросов и быть не может. Мы обязаны бороться против всех остатков крепостнических отношений, — это не может подлежать для социал-демократа никакому сомнению, а так как эти отношения самым сложным образом переплетаются с буржуазными, то нам приходится забраться в самую, с позволения сказать, сердцевину этой путаницы, не пугаясь сложностью задачи. «Простое» решение ее могло бы быть лишь одно: отстраниться, пройти мимо, предоставить «стихийному элементу» всю эту кашу расхлебывать. Но такая «простота», излюбленная всеми и всяческими, буржуазными и «экономическими», поклонниками стихийности, недостойна социал-демократа. Партия пролетариата должна не только поддерживать, но и подталкивать вперед крестьянство в его борьбе со всеми остатками крепостничества, а чтобы подталкивать вперед, недостаточно ограничиваться общим пожеланием, — надо дать определенную революционную директиву, надо суметь помочь разобраться в путанице аграрных отношений.

Ленин, Аграрная программа русской социал-демократии, Соч., IX, 1 изд., 289 — 290.

б) ДИАЛЕКТИКА КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ КРЕСТЬЯНСТВА

1. РОЛЬ КРЕСТЬЯНСТВА В РЕВОЛЮЦИЯХ НА ЗАПАДЕ

Что касается крестьян, то они на ближайшее время будут играть ту же служебную роль по отношению к буржуазии, которую они так долго

исполняли на пользу мелкого мещанства. Крестьяне будут продолжать служить той физической силой, которую эксплоатирует буржуазия. Их руками последняя будет выигрывать свои битвы. Эти руки будут ткать для буржуазии ситец и ленты; из рядов крестьянства будет рекрутироваться пролетариат. Да и какую другую линию оно могло бы вести? Будучи собственниками, наравне с буржуазией, крестьяне имеют с нею покуда во всех отношениях общие интересы. Все политические мероприятия, которые они способны осуществить, принесут буржуазии еще большую пользу, чем им самим. Но, по сравнению с буржуазией, крестьянство слабо, ибо первая значительно богаче и держит в своих руках рычаг всякой политической власти в наш век — промышленность. Вместе с буржуазией крестьянство может добиться многого, против буржуазии — ничего.

Правда, придет некогда время, когда обедневшая часть крестьянства, из которой будут высосаны все соки, присоединится к пролетариату, — а последний к тому времени успеет сильно развиться, — и они вместе объявят войну буржуазии; но не об этом идет теперь речь.

Энгельс, Революционные движения 1847 г.; Маркс и Энгельс, Коммунистический манифест, 3 изд., 37 — 38.

После того как первая революция превратила полукрепостных крестьян в свободных землевладельцев, Наполеон упрочил и урегулировал те условия, при которых они могли бы спокойно эксплоатировать французскую почву, впервые попавшую в их владение, и удовлетворить таким образом свой юношеский пыл вновь испеченных собственников. Но в настоящее время французского крестьянина губит как раз его парцелла, крайняя раздробленность землевладения, та форма собственности, которую Наполеон упрочил во Франции. Источником зол и бед современной деревни являются те самые материальные условия, которые некогда французского феодального крестьянина сделали мелким землевладельцем, а Наполеона — императором. Достаточно было двух поколений, чтобы произвести на свет неизбежный результат: прогрессивное ухудшение земледелия и прогрессивную задолженность земледельца. «Наполеоновская» форма собственности, которая в начале XIX столетия была условием освобождения и обогащения французского крестьянства, в течение этого столетия превратилась в источник крестьянского рабства и нищеты. Упрочить эти последние вместе с их источником — такова была первая idée napoleonienne, наполеоновская идея, выпавшая на долю второго Бонапарта. Если он еще разделяет с крестьянами иллюзию, что причиной их разорения является не раздробление земли само по себе, а влияние каких-либо внешних второстепенных обстоятельств, то все его эксперименты при столкновении с данными производственными отношениями лопнут, как мыльные пузыри.

Экономическое развитие парцеллярной собственности коренным образом изменило отношение крестьян к остальным классам общества. При Наполеоне раздробление земли в деревне дополнялось свободной конкурен-

цией и зарождающейся крупной промышленностью в городах. Крестьянский класс был ходячим протестом против только что низвергнутой земельной аристократии. Те корни, которые парцеллярная собственность пустила на французской почве, отняли у феодализма все питательные соки. Частокол, огораживающий крестьянские участки, стал естественным укреплением буржуазии против всякого нападения со стороны ее прежних господ. Но в течение XIX столетия место феодалов заняли городские ростовщики, место феодальных повинностей, тяготевших на земле, — ипотечные долги, место аристократической земельной собственности — буржуазный капитал. Парцелла, принадлежащая будто бы крестьянину, отдает всю прибыль, проценты и ренту в руки капиталиста, а самому земледельцу предоставляется лишь кое-как выколачивать заработную плату. Платежи крестьянства по ипотечным долгам, тяготеющим на французской земле, в общей сумме равняются годовым процентам со всего британского государственного долга. Парцеллярная собственность в этой рабской зависимости от капитала, к которой неизбежно приводит ее историческое развитие, превратила массу французской нации в каких-то троглодитов. Шестнадцать миллионов крестьян (считая с женщинами и детьми) живут в лачугах, из которых большая часть имеет одно окошко, некоторые два и лишь самые роскошные три. А ведь окна для дома то же самое, что пять чувств для головы. Буржуазный порядок в начале столетия сделал государство оградой вновь возникшего крестьянского участка и удобрил последний лаврами, но теперь он превратился в вампира: высасывая кровь и мозг из крестьянского землевладения, он бросает его в алхимическую реторту капитала. Кодекс Наполеона есть лишь кодекс взыскания долгов, судебного запрета и принудительной продажи с молотка. К четырем миллионам (считая с семействами) официально зарегистрированных во Франции пауперов, бродяг, преступников и проституток присоединяются еще пять миллионов людей, которые постоянно стоят на краю пропасти и живут или в самой деревне, или то и дело кочуют со своими тряпками и детьми из деревни в город и из города опять в деревню. Таким образом интересы крестьян находятся уже не в согласии, как то было при Наполеоне, а в противоречии с интересами буржуазии, с капиталом. Они находят, таким образом, своего естественного союзника и вождя в городском пролетариате, историческая задача которого — низвержение буржуазного строя.

Маркс, 18-е брюмера Луи Бонапарта. «Кр. новь», 1923, 110—112.

---

10 декабря 1848 г. было днем крестьянского восстания. Лишь с этого дня начинается февраль для французских крестьян. Этот символ, возвещавший их вступление в революционное движение, беспомощный и коварный, и плутовской и наивный, дурацкий и величественный, это расчетливое суеверие, этот патетический фарс, гениально-глупый анахронизм, пошлая шутка всемирной истории, непонятный гиероглиф для цивилизованного ума, — этот символ носил несомненную печать того класса,

который является представителем варварства внутри цивилизации. Республика предстала перед ним в лице сборщика податей, он явился перед республикой в лице императора. Наполеон был единственным человеком, в котором нашли себе полное выражение интересы и фантазия новообразованного в 1789 г. крестьянского класса. Написав его имя на фронтоне республики, крестьянство этим самым объявляло войну иностранным государствам и борьбу за свои классовые интересы внутри страны. Наполеон был для крестьян не личностью, а программой. Со знаменами, с музыкой шли они к избирательной урне, восклицая: plus d' impots, à bas les riches, à bas la rèpublique, vive l' Empereur! Не надо податей, долой богачей, долой республику, да здравствует император! За спиной императора скрывалась крестьянская война. Они провалили на выборах республику богачей.

10 декабря было крестьянским государственным переворотом, свергнувшим существующее правительство. С этого дня, с того момента, когда крестьяне отняли у Франции одно правительство и дали ей другое, их взоры постоянно направлены были на Париж. Они были на миг действующими лицами революционной драмы, после этого им нельзя было более навязывать пассивную и бездеятельную роль хора.

Остальные классы помогли довершить победу крестьянства. Пролетариат видел в выборе Наполеона прежде всего конец Кавеньяка и Конституанты, конец буржуазного республиканизма, — это была для него кассация июньской победы. Для мелкой буржуазии выбор Наполеона означал торжество должников над кредиторами. Для большинства крупной буржуазии он был открытым разрывом с той фракцией, которая на время послужила ему орудием против революции, но стала ему в тягость, с тех пор как вздумала закрепить свое временное положение на основе конституции. Наполеон вместо Кавеньяка — это означало для большинства крупной буржуазии монархию вместо республики, начало роялистской реставрации, робкий кивок в сторону герцога Орлеанского, спрятанную между фиалками лилию. Наконец, армия, выбирая Наполеона, голосовала против мобильной гвардии, против идиллии мира, за войну.

Маркс, Классовая борьба во Франции в 1848—1850 гг., изд. 1919, 59—60.

Я совершенно согласен с твоим взглядом на Рейнскую провинцию. Роковым для нас обстоятельством является то, что я, заглядывая в будущее, вижу там нечто такое, что будет сильно пахнуть «изменой отечеству». От хода дел в Берлине будет сильно зависеть, не придется ли нам занять такое положение, какое заняли в старой революции Майнцские клубисты. Это будет жестоко. Мы, которым так хорошо известны наши храбрые братья по ту сторону Рейна! Весь ход дела в Германии будет зависеть от возможности оказать поддержку пролетарской революции, так сказать, вторым изданием крестьянской войны. Тогда все будет прекрасно.

Маркс, Из письма Энгельсу от 16 апреля 1856 г.; Маркс и Энгельс, Письма, «Моск. Раб»., 1923, 78.

Везде, где преобладает среднее и крупное землевладение, самый многочисленный класс деревни составляют сельские поденные. Такое положение дела мы находим во всем севере и востоке Германии, и здесь промышленные рабочие находят своих наиболее многочисленных и естественных союзников. Каковы отношения между капиталистом и промышленным рабочим, таковы они между землевладельцем или крупным арендатором и сельским батраком. Те меры, которые помогают одному, должны помочь и другому.

Энгельс, Предисловие 1871 (1870) г. к «Крестьянской войне в Германии», изд-во «Пролетариат», (1905), 15.

Каково же наше отношение к мелкому крестьянству? И как должны мы поступить с ним в тот день, когда к нам перейдет государственная власть?

Во-первых, безусловно правильно следующее положение французской программы: мы заранее предвидим неизбежную гибель мелкого крестьянина, но ни в коем случае не призваны ускорять ее каким-нибудь вмешательством с нашей стороны. А во-вторых, точно так же очевидно, что, обладая государственной властью, мы не будем думать о том, чтобы насильно экспроприировать мелких крестьян (с вознаграждением или нет, — это безразлично), как это мы вынуждены будем сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам состоит прежде всего в том, чтобы их частное производство и частную собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели.

Энгельс, К аграрному вопросу на Западе, изд. Алексеевой, 1905, 17.

Совершенно просто обстоит дело только с крупным землевладением. Здесь перед нами ничем неприкрытое капиталистическое производство, и в этом случае у нас не может быть никаких сомнений. Здесь мы встречаем массовый сельский пролетариат, и задача наша ясна. Как только наша партия овладеет государственной властью, она просто экспроприирует крупного землевладельца так же, как и промышленного фабриканта.

Энгельс, К аграрному вопросу на Западе, изд. Алексеевой, 1905, 22.

2. РОЛЬ КРЕСТЬЯНСТВА В РЕВОЛЮЦИИ 1905 г. В РОССИИ

«Великая реформа» была крепостнической реформой и не могла быть иной, ибо ее проводили крепостники. Какая же сила заставила их взяться за реформу? Сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма. Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых рушившихся форм хозяйства. Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские «бунты», возрастая с каждым десятилетием перед осво-

бождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить сверху, чем ждать, пока свергнут снизу.

«Крестьянская реформа» была проводимой крепостниками буржуазной реформой. Это был шаг по пути превращения России в буржуазную монархию. Содержание крестьянской реформы было буржуазное, и это содержание выступало наружу тем сильнее, чем меньше урезывались крестьянские земли, чем полнее отделялись они от помещичьих, чем ниже был размер дани крепостникам (т. е. «выкупа»), чем свободнее от влияния и от давления крепостников устраивались крестьяне той или иной местности. Поскольку крестьянин вырывался из-под власти крепостника, постольку он становился под власть денег, попадал в условия товарного производства, оказывался в зависимости от нарождавшегося капитала. И после 1861 г. развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века...

1861 год породил 1905. Крепостнический характер первой «великой» буржуазной реформы затруднил развитие, обрек крестьян на тысячи худших и горших мучений, но не изменил направления развития, не предотвратил буржуазной революции 1905 г. Реформа 1861 г. отсрочила развязку, открыв известный клапан, дав некоторый прирост капитализму, но она не устранила неизбежной развязки, которая к 1905 г. разыгралась на поприще несравненно более широком, в натиске масс на самодержавие царя и крепостников-помещиков. Реформа, проведенная крепостниками в эпоху полной неразвитости угнетенных масс, породила революцию к тому времени, когда созрели революционные элементы в этих массах.

Ленин, «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, Соч., XI, ч. 2, 1-е изд., 261—262 и 265.

Власть денег не только придавила, но и расколола крестьянство: громадная масса неуклонно разорялась и превращалась в пролетариев, меньшинство выделяло кучки немногочисленных, но цепких кулаков и хозяйственных мужиков, прибиравших к рукам крестьянское хозяйство и крестьянские земли, составляющих кадры нарождающейся сельской буржуазии. Все пореформенное сорокалетие есть один сплошной процесс этого раскрестьянивания, процесс медленного, мучительного вымирания. Крестьянин был доведен до нищенского уровня жизни: он помещался вместе со скотиной, одевался в рубище, кормился лебедой; крестьянин бежал от своего надела, когда только было куда бежать, даже откупаясь от надела, платя тому, кто соглашался взять надел, платежи с которого превышали его доходность. Крестьяне голодали хронически и десятками тысяч умирали от голода и эпидемии во время неурожаев, которые возвращались все чаще и чаще.

Так стоит дело в нашей деревне и сейчас. Спрашивается, в чем искать выхода и какими средствами добиваться улучшения участи крестьян?

От гнета капитала мелкое крестьянство может избавиться, только примыкая к рабочему движению, помогая ему в его борьбе за социалистический строй, за превращение земли, как и других средств производства (фабрик, заводов, машин и пр.) в общественную собственность. Пытаться спасти крестьянство защитой мелкого хозяйства и мелкой собственности от натиска капитализма значило бы бесполезно задерживать общественное развитие, обманывать крестьянина иллюзией возможного и при капитализме благосостояния, разъединять трудящиеся классы, создавая меньшинству привилегированное положение за счет большинства. Вот почему социал-демократы всегда будут бороться против таких бессмысленных и вредных учреждений, как неотчуждаемость крестьянских наделов, круговая порука, запрещение свободного выхода из крестьянской общины и свободного приема в нее лиц каких угодно сословий! Но наш крестьянин страдает... не только и даже не столько от гнета капитала, сколько от гнета помещиков и от остатков крепостничества. Беспощадная борьба против этих пут, неизмеримо ухудшающих положение крестьянства и связывающих его по рукам и ногам, не только возможна, но и необходима в интересах всего общественного развития страны, ибо безысходная нищета, темнота, бесправие и приниженность мужика кладет на все порядки нашего отечества отпечаток азиатчины. И социал-демократия не исполнила бы своего долга, если бы не оказала всей и всяческой поддержки этой борьбе. Такая поддержка должна выразиться, коротко говоря, во внесении классовой борьбы в деревню.

Мы видели, что в современной русской деревне совмещаются двоякого рода классовые противоположности: во-первых, между сельскими рабочими и сельскими предпринимателями, во-вторых, между всем крестьянством и всем помещичьим классом. Первая противоположность развивается и растет, вторая — постепенно ослабевает. Первая — вся еще в будущем, вторая — в значительной степени уже в прошлом. И несмотря на это, для современных русских социал-демократов именно вторая противоположность имеет наиболее существенное и наиболее практически важное значение. Что мы должны пользоваться всеми представляющимися нам поводами для развития классового самосознания в сельскохозяйственных наемных рабочих, что мы должны обратить внимание поэтому на переселение в деревню городских рабочих (например, механиков, занимаемых при паровых молотилках и т. п.), на рынки найма сельскохозяйственных рабочих, — это понятно само собой, это — аксиома для всякого социал-демократа.

Но наши сельские рабочие еще слишком крепко связаны с крестьянством, над ними слишком еще тяготеют общекрестьянские бедствия, и поэтому общенационального значения движение сельских рабочих никак не может получить ни теперь, ни в ближайшем будущем. Наоборот, вопрос о сметании остатков крепостничества, о вытравлении из всех порядков русского государства духа сословной неравноправности и приниженности десятков миллионов «простонародья», — этот вопрос уже сейчас имеет общенацио-

нальное значение, и партия, претендующая на роль передового борца за свободу, не может отстраниться от этого вопроса.

Ленин, Рабочая партия и крестьянство, Соч., IV, 2-е изд., 101—103.

Крестьянский вопрос в России существенно отличается от крестьянского вопроса на Западе, но отличается *только тем*, что на Западе речь идет почти исключительно о крестьянине в капиталистическом, буржуазном обществе, а в России — главным образом о крестьянине, который не менее (если не более) страдает от *докапиталистических* учреждений и отношений, страдает от *пережитков крепостничества*. Роль крестьянства, как класса, поставляющего борцов против абсолютизма и против пережитков крепостничества, на Западе уже сыграна, в России — еще нет. На Западе промышленный пролетариат давно и резко отделился от деревни, причем это отделение закреплено уже соответствующими правовыми учреждениями. В России «промышленный пролетариат, по своим составным элементам и условиям существования, в высокой степени связан еще с деревней»... Правда, процесс разложения крестьянства на мелкую буржуазию и на наемных рабочих идет у нас с громадной силой, с поразительной быстротой, но этот процесс еще далеко не закончился, и—главное—этот процесс идет все еще в рамках старых, крепостнических учреждений, связывающих всех крестьян тяжелой цепью круговой поруки и фискальной общины. Таким образом, русский социал-демократ, даже если он принадлежит (как пишущий эти строки) к решительным противникам охраны или поддержки мелкой собственности или мелкого хозяйства в капиталистическом обществе, т. е даже если и в аграрном вопросе он становится (как пишущий эти строки) на сторону тех марксистов, которых всякие буржуи и оппортунисты любят теперь ругать «догматиками» и «правоверными»,—может и должен, нисколько не изменяя своим убеждениям, а, напротив именно в силу этих убеждений—стоять за то, чтобы рабочая партия поставила на своем знамени *поддержку* крестьянства (*отнюдь не как класса* мелких собственников или мелких хозяев), *поскольку это крестьянство способно на революционную борьбу против остатков крепостничества вообще и против абсолютизма в частности*. Ведь мы все, социал-демократы, объявляем, что готовы поддерживать и крупную буржуазию, *поскольку она способна на революционную борьбу* с указанными явлениями, — так как же мы можем отказать в такой поддержке многомиллионному классу мелкой буржуазии, сливающемуся постепенными переходами с пролетариатом? Если поддерживать крупную буржуазию, то ведь поддерживать демократические требования мелкой буржуазии отнюдь не значить поддерживать мелкую буржуазию: напротив, именно то развитие, которое откроет России политическая свобода, будет с особенной силой вести к гибели мелкого хозяйства под ударами капитала. Мне кажется, что по этому-то пункту среди социал-демократов не будет споров. Вопрос весь,

значит, в том: 1) как выработать именно такие требования, которые бы н е с б и в а л и с ь на поддержку мелких хозяйчиков в капиталистическом обществе? и 2) способно ли хоть отчасти наше крестьянство на р е в о л ю ц и о н н у ю борьбу с остатками крепостничества и с абсолютизмом?

Ленин, Проект программы нашей партии. Соч., II, 2-е изд., 519—520.

...Если мы поймем, что на самом деле ровно ничего социалистического тут нет, т. е. все эти теории безусловно не объясняют эксплоатации трудящегося и потому абсолютно неспособны послужить для его освобождения, что на самом деле все эти теории отражают и проводят интересы мелкой буржуазии, — тогда мы должны будем иначе отнестись к ним, должны будем поставить вопрос: к а к с л е д у е т о т н е с т и с ь р а б о ч е м у к л а с с у к м е л к о й б у р ж у а з и и и е е п р о г р а м м а м? И на этот вопрос нельзя ответить, не приняв во внимание двойственный характер этого класса (у нас в России эта двойственность особенно сильна вследствие меньшей развитости антагонизма мелкой и крупной буржуазии). Он является прогрессивным, поскольку выставляет общедемократические требования, т. е. борется против каких бы то ни было остатков средневековой эпохи и крепостничества; он является реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения, как мелкой буржуазии, стараясь задержать, повернуть назад общее развитие страны в буржуазном направлении. Подобные реакционные требования, вроде, например, пресловутой неотчуждаемости наделов, как и многие другие прожекты опеки над крестьянством, прячутся обыкновенно под благовидный предлог защиты трудящихся; но на деле они, разумеется, только ухудшают их положение, затрудняя в то же время борьбу их за свое освобождение. Эти две стороны мелкой буржуазной программы следует строго различать и, отрицая какой бы то ни было социалистический характер этих теорий, борясь против их реакционных сторон, не следует забывать об их демократической части. Поясню на примере, каким образом полное отрицание мещанских теорий марксистами не только не исключает демократизма в их программе, а, напротив, требует еще более настоятельного настаивания на нем. Выше указаны были три основные положения, на которых выезжали всегда представители мещанского социализма в своих теориях — малоземелье, высокие платежи, гнет администрации.

Социалистического ровно ничего нет в требовании устранения этих зол, ибо они нимало не объясняют экспроприации и эксплоатации, и устранение их нимало не затронет гнета капитала над трудом. Но устранение их очистит этот гнет от усиливающих его средневековых ветошек, облегчит рабочему прямую борьбу против капитала и потому в качестве демократического требования встретит самую энергическую поддержку рабочих. Платежи и налоги — это, говоря вообще, такой вопрос, которому в состоянии придавать особую важность только мелкие буржуа, но у нас платежи с крестьян представляют из себя во многих отношениях простое переживание

крепостничества: таковы, например, выкупные платежи, которые должны быть немедленно и безусловно отменены; таковы те налоги, которые падают только на крестьян и мещан и от которых свободны «благородные». Социал-демократы всегда поддержат требование устранения этих остатков средневековых отношений, обусловливающих экономический и политический застой. То же самое следует сказать о малоземелье. Я уже много останавливался выше на доказательстве буржуазного характера воплей о нем. Несомненно, однако, что, например, крестьянская реформа отрезками земель прямо ограбила крестьян в пользу помещиков, сослужив службу этой громадной реакционной силе и непосредственно (отхватыванием крестьянской земли) и косвенно (искусным отмежеванием наделов). И социал-демократы будут самым энергичным образом настаивать на немедленном возвращении крестьянам отнятой от них земли, на полной экспроприации помещичьего землевладения — этого оплота крепостнических учреждений и традиций. Этот последний пункт, совпадающий с национализацией земли, не заключает в себе ничего социалистического, потому что складывающиеся уже у нас фермерские отношения только быстрее и пышнее расцвели бы при этом, но он крайне важен в демократическом смысле, как единственная мера, которая могла бы окончательно сломить благородных помещиков. Наконец, говорить о бесправии крестьян, как причине экспроприации и эксплоатации крестьян, могут, конечно, только гг. Южаковы, и В. В., но гнет администрации над крестьянством не только несомненен, а представляет из себя не простой гнет, а прямое третирование крестьян, как «подлой черни», которой свойственно быть в подчинении у благородных помещиков, для которой пользование общими гражданскими правами дается только в виде особой милости (переселения, например), которой всякий помпадур может распоряжаться как людьми, запертыми в рабочий дом. И социал-демократы безусловно примыкают к требованию полного восстановления крестьянства в гражданских правах, полной отмены всяких привилегий дворянства, уничтожения бюрократической опеки над крестьянством и предоставления ему самоуправления.

Вообще русским коммунистам, последователям марксизма, более чем каким-нибудь другим, следует именовать себя с о ц и а л - д е м о к р а т а м и и никогда не забывать в своей деятельности громадной важности д е м о к р а т и з м а.

В России остатки средневековых, полукрепостнических учреждений так бесконечно еще сильны (сравнительно с Западной Европой), они таким гнетущим ярмом лежат на пролетариате и на народе вообще, задерживая рост политической мысли во всех сословиях и классах, — что нельзя не настаивать на громадной важности для рабочих борьбы против всяких крепостнических учреждений, против абсолютизма, сословности, бюрократии. Рабочим необходимо со всей подробностью показать, какую страшную реакционную силу представляют из себя эти учреждения, как усиливают они гнет капитала над трудом, как унижающе давят на трудящихся, как задерживают капитал в его средневековых формах, не уступающих новейшим,

индустриальным, по эксплоатации труда, но прибавляющим к этой эксплоатации страшные трудности борьбы за освобождение. Рабочие должны знать, что без ниспровержения этих столпов реакции им не будет никакой возможности вести успешную борьбу с буржуазией, так как при существовании их русскому сельскому пролетариату, поддержка которого — необходимое условие для победы рабочего класса, никогда не выйти из положения забитого, загнанного люда, способного только на тупое отчаяние, а не на разумный и стойкий протест и борьбу. И потому борьба рядом с радикальной демократией против абсолютизма и реакционных сословий и учреждений — прямая обязанность рабочего класса, которую и должны внушать ему социал-демократы, не опуская ни на минуту в то же время внушать ему, что борьба против всех этих учреждений необходима лишь как средство для облегчения борьбы против буржуазии, что осуществление общедемократических требований необходимо рабочему лишь как расчистка дороги, ведущей к победе над главным врагом трудящихся — чисто демократическим по своей природе учреждением, к а п и т а л о м, который у нас в России особенно склонен жертвовать своим демократизмом, вступать в союз с реакционерами для того, чтобы придавить рабочих, чтобы сильнее затормозить появление рабочего движения.

Л е н и н, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов, Соч., I, 2-е изд., 184—187.

Вряд ли найдется другая страна в мире, где бы крестьянство переживало такие страдания, такое угнетение и надругательство, как в России. Чем беспросветнее было это угнетение, тем более могучим будет теперь его пробуждение, тем непреоборимее будет его революционный натиск. Дело сознательного революционного пролетариата всеми силами поддержать этот натиск, чтобы он не оставил камня на камне в старой, проклятой, крепостнически-самодержавной рабьей России, чтобы он создал новое поколение свободных и смелых людей, создал новую республиканскую страну, в которой развернется на просторе наша пролетарская борьба за социализм.

Л е н и н, Маркс об американском «черном переделе», VI, 1-е изд., 146.

...Следует ли понимать неизбежность отмирания крепостничества в русском землевладении и во всем общественном строе России, неизбежность буржуазно-демократического аграрного переворота в том смысле, что он может произойти только в одной определенной форме? Или он возможен в различных формах?

Этот вопрос имеет кардинальное значение для выработки правильных взглядов на нашу революцию и на с.-д. аграрную программу. И решить этот вопрос мы должны, исходя из... данных об экономической основе революции...

Гвоздем борьбы являются крепостнические латифундии, как самое выдающееся воплощение и самая крепкая опора остатков крепостничества в России. Развитие товарного хозяйства и капитализма с абсолютной неизбеж-

ностью кладет конец этим остаткам. В этом отношении перед Россией только один путь буржуазного развития.

Но формы этого развития могут быть двояки. Остатки крепостничества могут отпадать и путем преобразования помещичьих хозяйств и путем уничтожения помещичьих латифундий, т. е. путем реформы и путем революции. Буржуазное развитие может итти, имея во главе крупные помещичьи хозяйства, постепенно становящиеся все более буржуазными, постепенно заменяющие крепостнические приемы эксплоатации буржуазными; оно может итти также, имея во главе мелкие крестьянские хозяйства, которые революционным путем удаляют из общественного организма «нарост» крепостнических латифундий и свободно развиваются затем без них по пути капиталистического фермерства.

Эти два пути объективно возможного буржуазного развития мы назвали бы путем прусского и путем американского типа. В первом случае крепостническое помещичье хозяйство медленно перерастает в буржуазное, юнкерское, осуждая крестьян на десятилетия самой мучительной экспроприации и кабалы, при выделении небольшого меньшинства «гроссбауэров» («крупных крестьян»). Во втором случае помещичьего хозяйства нет или оно разбивается революцией, которая конфискует и раздробляет феодальные поместья. Крестьянин преобладает в таком случае, становясь исключительным агентом земледелия и эволюционируя в капиталистического фермера. В первом случае основным содержанием эволюции является перерастание крепостничества в кабалу и в капиталистическую эксплоатацию на землях феодалов—помещиков—юнкеров. Во втором случае основной фон — перерастание патриархального крестьянина в буржуазного фермера.

В экономической истории России совершенно явственно обнаруживаются оба эти типа эволюции. Возьмите эпоху падения крепостного права. Шла борьба из-за способа проведения реформы между помещиками и крестьянами. И те и другие отстаивали условия буржуазного экономического развития (не сознавая этого), но первые — такого развития, которое обеспечивает максимальное сохранение помещичьих хозяйств, помещичьих доходов, помещичьих (кабальных) приемов эксплоатации. Вторые — интересы такого развития, которое обеспечило бы в наибольших, возможных вообще при данном уровне культуры, размерах благосостояние крестьянства, уничтожение помещичьих латифундий, уничтожение всех крепостнических и кабальных приемов эксплоатации, расширение свободного крестьянского землевладения. Само собой разумеется, что при втором исходе развитие капитализма и развитие производительных сил было бы шире и быстрее, чем при помещичьем исходе крестьянской реформы *. Только карикатурные марксисты, как их

* В журнале «Научное обозрение» (1900 г., май—июнь) я писал по этому поводу: «...чем больше земли получили бы крестьяне при освобождении и чем дешевле бы они ее получили, тем быстрее, шире и свободнее шло бы развитие капитализма в России, тем выше был бы жизненный уровень населения, тем быстрее шло бы применение машин к производству, тем больше, одним сло-

старались размалевать борющиеся с марксизмом народники, могли бы считать обезземеление крестьян в 1861 г. залогом капиталистического развития. Напротив, оно было залогом — и оно оказалось на деле залогом кабальной, т. е. полукрепостнической, аренды и отработочного, т. е. барщинного, хозяйства, необыкновенно задержавшего развитие капитализма и рост производительных сил в русском земледелии. Борьба крестьянских и помещичьих интересов не была борьбой «народного производства» и «трудового начала» против буржуазии (как воображали и воображают наши народники), — она была борьбой за американский тип буржуазного развития против прусского типа буржуазного же развития...

Только поняв ясно различие этих типов и буржуазный характер обоих, мы можем правильно объяснить земельный вопрос в русской революции и понять классовое значение различных аграрных программ, выставленных разными партиями. Повторяем, гвоздь борьбы — крепостнические латифундии. Капиталистическая эволюция их стоит вне всякого спора, но она возможна в двояком виде: в виде революционного устранения, уничтожения их крестьянами-фермерами, и в виде постепенного перехода их в юнкерские хозяйства (с соответствующим превращением закабаленного мужика в закабаленного кнехта).

Ленин, Аграрный вопрос в русской революции, Соч., IX, 1-е изд., 459—462.

Если смотреть на национализацию, как на меру, всего более осуществимую в эпоху буржуазной революции, то такой взгляд неминуемо ведет к допущению того, что национализация может оказаться простым переходом к разделу. Реальной экономической потребностью, которая заставляет массу крестьянства добиваться национализации, является необходимость коренным образом обновить все старые отношения землевладения, «очистить» все земли, приспособить их заново для нового, фермерского хозяйства. Раз это так, то ясно, что приспособившиеся фермеры, обновившие все землевладение, могут потребовать закрепления этих новых земельных распорядков, т. е. превращения арендованных ими у государства участков в собственность.

Да, это совершенно неоспоримо. Мы выводим национализацию не из отвлеченных соображений, а из конкретного учета конкретных интересов конкретной эпохи. И, разумеется, смешно было бы считать «идеалистами» массу мелких хозяев, смешно было бы думать, что они остановятся перед разделом, раз этого потребуют их интересы. Мы должны, следовательно, рас

вом, походило бы экономическое развитие России на экономическое развитие Америки. Ограничусь указанием двух обстоятельств, подтверждающих, на мой взгляд, правильность этого последнего мнения: 1) на почве малоземелья и тяжести податей у нас в очень значительном районе развилась отработочная система частновладельческого хозяйства, т. е. прямое переживание крепостничества, а вовсе не капитализм; 2) именно на наших окраинах, где крепостное право либо вовсе не было известно, либо было всего слабее, где крестьяне всего менее страдают от малоземелья, отработков, тяжести податей, там всего больше развился капитализм в земледелии». — *(Прим. авт.)*.

смотреть: 1) могут ли потребовать раздела их интересы, 2) при каких условиях и 3) как это должно отразиться на пролетарской аграрной программе...

Было бы во всяком случае глубоко ошибочно думать, что национализация в том случае, если новое фермерство повернет к разделу, останется мимолетным, не имеющим серьезного значения, явлением. Она имела бы во всяком случае гигантское значение, и материальное и моральное. Материальное — в том отношении, что ничто не в состоянии так полно смести остатки средневековья в России, так полно обновить полусгнившую в азиатчине деревню, так быстро двинуть вперед агрикультурный прогресс, как национализация. Всякое иное решение аграрного вопроса в революции создает менее благоприятные исходные пункты для дальнейшего экономического развития.

Моральное значение национализации в революционную эпоху состоит в том, что пролетариат помогает нанести такой удар «одной форме частной собственности», отзвуки которого неизбежны во всем мире. Пролетариат отстаивает самый последовательный и самый решительный буржуазный переворот, самые благоприятные условия капиталистического развития, противодействуя таким образом с наибольшим успехом всякой половинчатости, дряблости, бесхарактерности, пассивности, — качества, которые не может не проявлять буржуазия.

Ленин, Аграрный вопрос в русской революции, Соч., IX, 1-е изд., 530—532.

Во имя интересов развития производительных сил (этого высшего критерия общественного прогресса) мы должны поддерживать не буржуазную эволюцию помещичьего типа, а буржуазную эволюцию крестьянского типа. Первая означает наибольшее сохранение кабалы и крепостничества (переделываемого на буржуазный лад), наименее быстрое развитие производительных сил и замедленное развитие капитализма, означает неизмеримо большие бедствия и мучения, эксплоатацию и угнетение широких масс крестьянства, а следовательно, и пролетариата. Вторая означает наиболее быстрое развитие производительных сил и наилучшие (какие только возможны вообще в обстановке товарного производства) условия существования крестьянской массы. Тактика социал-демократии в русской буржуазной революции определяется не задачей поддержки либеральной буржуазии, как думают оппортунисты, а задачей поддержки борющегося крестьянства.

Ленин, Аграрная программа социал-демократии в русской революции 1905—1907 гг., Соч., IX, 1-е изд., 463.

Для марксиста крестьянское движение есть именно не социалистическое, а демократическое движение. Оно является и в России, как бывало и в других странах, необходимым спутником демократической революции, буржуазной по ее общественно-экономическому содержанию. Оно нисколько не направляется против основ буржуазного порядка, против товарного хозяйства, против капитала. Оно направляется, напротив того, против старых, крепост-

нических, докапиталистических отношений в деревне и против помещичьего землевладения, как главной опоры всех пережитков крепостничества. Полная победа данного крестьянского движения не устранит поэтому капитализма, а, напротив, создаст более широкую почву для его развития, ускорит и обострит чисто капиталистическое развитие. Полная победа крестьянского восстания может лишь создать оплот демократической буржуазной республики, в которой впервые со всей чистотой и развернется борьба пролетариата против буржуазии.

Ленин, Мелкобуржуазный и пролетарский социализм, Соч., VI, 1-е изд., 545.

Критика Маркса полна яда и сарказма. Он бичует Кригэ именно за те черты его воззрений, которые мы видим теперь у наших «соц.-революционеров»: господство фразы, мелкобуржуазные утопии, выставляемые в качестве высшего революционного утопизма, непонимание реальных основ современного хозяйственного строя и его развития. С замечательной прозорливостью Маркс, тогда представлявший из себя лишь будущего экономиста, указывает на роль обмена, товарного хозяйства. Если не землей,— говорит он, — то продуктами земли крестьяне будут обмениваться, а этим уже все сказано! Вся эта постановка вопроса в очень и очень многом применена к русскому крестьянскому движению и его мелкобуржуазным «социалистическим» идеологам.

Но Маркс далек в то же время от простого «отрицания» этого мелкобуржуазного движения, от доктринерского игнорирования его, от боязни, свойственной многим начетчикам, запачкать себе руки прикосновением к революционной мелкобуржуазной демократии. Беспощадно высмеивая вздорность идеологических облачений движения, Маркс старается материалистически-трезво определить его действительное историческое содержание, его неизбежные последствия, которые должны наступить в силу объективных условий, независимо от воли и сознания, мечтаний и теорий тех или иных лиц. Маркс не порицает поэтому, а вполне одобряет поддержку этого движения коммунистами. Стоя на диалектической точке зрения, т. е. рассматривая движение всесторонне, принимая во внимание и прошлое и будущее, Маркс отмечает революционную сторону нападения на поземельную собственность. Маркс признает мелкобуржуазное движение за своеобразную первоначальную форму пролетарского, коммунистического движения. Того, чего вы мечтаете достигнуть этим движением, говорит Маркс по адресу Кригэ, вы не достигнете, — вместо братства наступит мелкобуржуазная обособленность, вместо неотчуждаемости крестьянских наделов — вовлечение земли в торговый оборот, вместо удара грабителям-спекулянтам — расширение базы для капиталистического развития. Но то капиталистическое зло, которого вы тщетно мните избежать, является историческим добром, ибо оно страшно ускорит общественное развитие и приблизит во много раз новые, высшие формы коммунистического движения. Удар, нанесенный поземель-

ной собственности, облегчит неизбежные дальнейшие удары собственности вообще; революционное выступление низшего класса с преобразованием, временно дающим узенькое благоденствие далеко не всем, облегчит неизбежное дальнейшее революционное выступление самого низшего класса с преобразованием, которое действительно обеспечит полное человеческое счастье всем трудящимся.

Для нас, русских социал-демократов, постановка вопросов Марксом против Кригэ должна служить образцом. Действительный мелкобуржуазный характер современного крестьянского движения в России не подлежит сомнению; мы должны разъяснять это всеми силами и беспощадно, непримиримо бороться со всякими иллюзиями всяких «социалистов-революционеров» или примитивных социалистов на этот счет. Особая организация самостоятельной партии пролетариата, стремящейся через все демократические перевороты к полной социалистической революции, должна быть нашей постоянной, ни на минуту не упускаемой из виду целью. Но отворачиваться поэтому от крестьянского движения было бы самым безнадежным филистерством и педантизмом. Нет, революционно-демократический характер этого движения несомненен и мы должны всеми силами поддерживать его, развивать, делать политически-сознательным и классово-определенным, толкать его дальше, итти вместе с ним рука об руку до конца, — ибо мы идем гораздо дальше конца всякого крестьянского движения, мы идем до полного конца самого деления общества на классы.

Ленин, Маркс об американском «черном переделе», Соч., VI, 1-е изд., 145 — 146.

... В конкретной исторической обстановке переплетаются элементы прошлого и будущего, смешиваются та и другая дорога. Наемный труд и его борьба против частной собственности есть и при самодержавии, он зарождается даже при крепостном праве. Но это нисколько не мешает нам логически и исторически отделять крупные полосы развития. Ведь мы же все противополагаем буржуазную революцию и социалистическую, мы все безусловно настаиваем на необходимости строжайшего различения их, а разве можно отрицать, что в истории отдельные, частные элементы того и другого переворота переплетаются? Разве эпоха демократических революций в Европе не знает ряда социалистических движений и социалистических попыток? И разве будущей социалистической революции в Европе не осталось еще многого и многого доделать в смысле демократизма?

Социал-демократ никогда и ни на минуту не должен забывать о неизбежной классовой борьбе пролетариата за социализм с самой демократической и республиканской буржуазией и мелкой буржуазией. Это несомненно. Из этого вытекает безусловная обязательность отдельной и самостоятельной строго классовой партии социал-демократии. Из этого вытекает временный характер нашего «вместе бить» с буржуазией, обязанность строго надзирать «за союзником, как за врагом» и т. д. Все это тоже не подлежит ни

малейшему сомнению. Но из этого смешно и реакционно было бы выводить забвение, игнорирование или пренебрежение насущных по отношению к настоящему, хотя преходящих и временных, задач. Борьба с самодержавием — временная и преходящая задача социалистов, но всякое игнорирование или пренебрежение этой задачей равносильно измене социализму и услуге реакции. Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства есть безусловно лишь преходящая, временная задача социалистов, но игнорирование этой задачи в эпоху демократической революции прямо реакционно.

Конкретные политические задачи надо ставить в конкретной обстановке. Все относительно, все течет, все изменяется. Немецкая социал-демократия не ставит в программу требования республики. Там ситуация такова, что этот вопрос вряд ли отделим на практике от вопроса о социализме (хотя и по отношению к Германии Энгельс в замечаниях на проект Эрфуртской программы в 1890 г. предостерегал от преуменьшения значения республики и борьбы за республику!). В российской социал-демократии не возникало даже и вопроса о том, чтобы удалить требование республики из программы и из агитации, ибо у нас не может быть и речи о неразрывной связи вопроса о республике с вопросом о социализме. Немецкий социал-демократ 1898 г., не ставящий на первый план вопрос специально о республике, есть явление естественное, не вызывающее ни изумления, ни осуждения. Немецкий социал-демократ, который бы в 1848 г. оставил в тени вопрос о республике, был бы прямым изменником революции. Абстрактной истины нет. Истина всегда конкретна.

Ленин, Две тактики социал-демократии в демократической революции, Соч., VI, 1-е изд., 359—361.

Революция, переживаемая Россией, есть революция общенародная. Интересы всего народа пришли в непримиримое противоречие с интересами кучки лиц, составляющих самодержавное правительство и поддерживающих его. Самое существование современного общества, построенного на основе товарного хозяйства, при громадном различии и противоречии интересов разных классов и групп населения, требует уничтожения самодержавия, политической свободы, открытого и непосредственного выражения интересов господствующих классов в устройстве и управлении государством. Демократический переворот, буржуазный по своей общественно-экономической сущности, не может не выражать нужды всего буржуазного общества.

Но само это общество, ныне кажущееся единым и цельным в борьбе против самодержавия, расколото бесповоротно пропастью между капиталом и трудом. Народ, восставший против самодержавия, — не единый народ. Собственники и наемные рабочие, незначительное число («верхние десять тысяч») богачей — и десятки миллионов неимущих и трудящихся, — это поистине, «две нации», как сказал один дальновидный англичанин еще в первой половине XIX в. Борьба между пролетариатом и буржуазией стоит

на очереди дня во всей Европе. Эта борьба давно перекинулась уже и в Россию. В современной России не две борющиеся силы заполняют содержание революции, а две различных и разнородных социальных войны: одна в недрах современного самодержавно-крепостнического строя, другая в недрах будущего, уже рождающегося на наших глазах буржуазно-демократического строя. Одна — общенародная борьба за свободу (за свободу буржуазного общества), за демократию, т. е. за самодержавие народа, другая — классовая борьба пролетариата с буржуазией за социалистическое устройство общества.

На социалистов ложится таким образом тяжелая и трудная задача — вести одновременно две войны, совершенно разнородных и по характеру, и по целям, и по составу социальных сил, склонных к решительному участию в той или другой войне. Эту трудную задачу ясно поставила и твердо решила социал-демократия, благодаря тому, что она в основу всей своей программы положила научный социализм, т. е. марксизм, благодаря тому, что она вошла как один из отрядов, в армию всемирной социал-демократии, которая проверила, подтвердила, разъяснила и развила детальнее положения марксизма на опыте длинного ряда демократических и социалистических движений самых различных европейских стран.

Революционная социал-демократия издавна показывала и показала буржуазный характер русского демократизма, начиная с либерально-народнического и кончая «освобожденческим» формулированием его. Она всегда показывала неизбежную половинчатость, ограниченность, узость буржуазного демократизма. Она поставила перед социалистическим пролетариатом в эпоху демократической революции задачу: привлечь на свою сторону массу крестьянства и, парализуя неустойчивость буржуазии, сломить и раздавить самодержавие. Решительная победа демократической революции возможна лишь в виде революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Но чем скорее и полнее осуществится эта победа, тем быстрее и глубже развернутся новые противоречия и новая классовая борьба на поприще вполне демократизированного буржуазного строя. Чем цельнее осуществим мы демократический переворот, тем ближе окажемся мы лицом к лицу с задачами социалистического переворота, тем резче и острее будет борьба пролетариата против самых основ буржуазного общества.

Против всякого уклонения от этой постановки революционно-демократических и социалистических задач пролетариата социал-демократия должна вести неуклонную борьбу. Нелепо игнорировать демократический, т. е. буржуазный в основе своей, характер теперешней революции, нелепо ставить поэтому такие лозунги, как образование революционных коммун. Нелепо и реакционно принижать задачи участия, и притом руководящего участия, пролетариата в демократической революции, чураясь хотя бы лозунга революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Нелепо смешивать задачи и условия демократической и социалистической революю-

ции, которые разнородны, повторяем, и по характеру, и по составу участвующих в них социальных сил.

Вот на этой последней ошибке мы и намерены теперь остановиться подробно. Неразвитость классовых противоречий в народе вообще, в крестьянстве особенно, есть неизбежное явление в эпоху демократической революции, создающей впервые основы для действительно широкого развития капитализма. А эта неразвитость экономики вызывает переживание и воскрешение в той или иной форме отсталых форм социализма, который является мелкобуржуазным социализмом, ибо идеализирует преобразования, не выходящие из рамок мелкобуржуазных отношений. Масса крестьян не сознает и не может сознавать того, что самая полная «воля» и самое «справедливое» распределение хотя бы даже и всей земли не только не уничтожит капитализм, а, напротив, создаст условия для особенно широкого и могучего его развития. И в то время, как социал-демократия выделяет и поддерживает только революционно-демократическое содержание этих мужицких стремлений, мелкобуржуазный социализм возводит в теорию крестьянскую бессознательность, смешивая или сливая воедино условия и задачи действительного демократического и фантазированного социалистического переворота.

Ленин, Социализм и крестьянство, Соч., VI, 1-е изд., 486—488.

Устранит ли самая полная воля и самая полная экспроприация помещиков (отнятие земли у помещиков) товарное хозяйство? Нет, не устранит.— Устранит ли самая полная воля и самая полная экспроприация помещиков одиночное хозяйничанье крестьянских дворов на общинной земле или на «социализированной» земле? Нет, не устранит. — Устранит ли самая полная воля и самая полная экспроприация помещиков глубокую пропасть между богатым, многолошадным, многокоровным крестьянином и батраком, поденщиком, т. е. между крестьянской буржуазией и сельским пролетариатом? Нет, не устранит. Напротив, чем полнее будет разгром и уничтожение высшего с о с л о в и я (помещичьего), тем глубже будет к л а с с о в а я рознь между буржуазией и пролетариатом. — Какое значение будет иметь полная победа крестьянского восстания по ее объективному значению? Эта победа уничтожит до конца все остатки крепостничества, но вовсе не уничтожит буржуазного хозяйничанья, не уничтожит капитализма, не уничтожит деления общества на классы, на богатых и бедных, на буржуазию и пролетариат. — Почему современное крестьянское движение является демократически-буржуазным движением? Потому что оно, уничтожая власть чиновников и помещиков, создает демократический строй общества, не изменяя буржуазной основы этого демократического общества, не уничтожая господства капитала. — Как должен относиться сознательный рабочий, социалист, к современному крестьянскому движению? Он должен поддерживать это движение, помогать крестьянам самым энергичным образом, до конца помогать им сбросить целиком и власть чиновников, и власть помещиков.

Но в то же время он должен разъяснять крестьянам, что недостаточно еще сбросить власть чиновников и помещиков. Сбрасывая эту власть, надо в то же время готовиться к уничтожению власти капитала, власти буржуазии, а для этого надо немедленно проповедывать полностью социалистическое, т. е. марксистское, учение и объединять, сплачивать, организовать сельских пролетариев для борьбы с крестьянской буржуазией и со всею российской буржуазией. — Может ли сознательный рабочий забыть о демократической борьбе ради социалистической или о социалистической ради демократической? Нет, сознательный рабочий называет себя социал-демократом именно потому, что он понял отношение той и другой борьбы. Он знает, что нет другого пути к социализму, кроме, как через демократизм, через политическую свободу. Он стремится поэтому к полному и последовательному осуществлению демократизма ради достижения конечной цели, социализма.— Почему неодинаковы условия борьбы демократической и борьбы социалистической? Потому, что у рабочих непременно будут разные союзники в т о й и в другой борьбе. Борьбу демократическую рабочие ведут вместе с частью буржуазии, особенно мелкой. Борьбу социалистическую рабочие ведут против всей буржуазии. Борьбу с чиновником и помещиком можно и должно вести вместе со всеми крестьянами, даже зажиточными и средними. А борьбу с буржуазией, а значит и с зажиточными крестьянами, можно вести надежным образом только вместе с сельским пролетариатом.

Ленин, Мелкобуржуазный и пролетарский социализм, Соч., VI, 1-е изд., 546 — 547.

В о о б щ е говоря, поддержка мелкой собственности реакционна, и б о она направляется против крупного к а п и т а л и с т и ч е с к о г о хозяйства, задерживая, следовательно, общественное развитие, затемняя и сглаживая классовую борьбу. В данном же случае мы хотим поддержать мелкую собственность именно не против капитализма, а против крепостничества, — в данном случае мы поддержкой мелкого крестьянства даем громадный толчок развитию классовой борьбы. В самом деле, с одной стороны, мы делаем этим п о с л е д н ю ю попытку разжечь остатки классовой (сословной) вражды крестьян к крепостникам-помещикам. С другой стороны, мы расчищаем дорогу для развития буржуазного классового антагонизма в деревне, ибо этот антагонизм п р и к р ы т ныне общей и одинаковой якобы угнетенностью всех крестьян остатками крепостничества.

Все на свете имеет две стороны. Крестьянин-собственник на Западе сыграл уже свою роль в демократическом движении и отстаивает свое привилегированное положение по сравнению с пролетариатом. Крестьянин-собственник в России стоит еще накануне решительного и общенародного демократического движения, которому он не может не сочувствовать. Он еще смотрит больше вперед, чем назад. Он еще гораздо больше борется против столь сильных еще в России сословно-крепостнических привилегий, чем отстаивает свое привилегированное положение. В т а к о й исторический

момент мы прямо обязаны поддержать крестьянство и пытаться направить его туманное и темное еще недовольство против его настоящего врага. И мы нисколько не будем противоречить себе, если в следующий исторический период, когда минуют особенности данной политической «конъюнктуры», когда крестьянство, допустим, удовлетворится ничтожными подачками ничтожной части собственников и даже «зарычит» решительно против пролетариата, — если мы тогда выкинем из своей программы борьбу с остатками крепостничества. Тогда-то, вероятно, придется нам выкинуть из программы и борьбу с самодержавием, ибо никак нельзя полагать, чтобы д о политической свободы крестьянство избавилось от самого отвратительного и тяжелого крепостнического гнета.

При господстве капиталистического хозяйства мелкая собственность задерживает развитие производительных сил, прикрепляя работника к мелкому кусочку земли, узаконяя рутинную технику, затрудняя вовлечение земли в торговый оборот. При господстве отработочного хозяйства мелкая поземельная собственность, освобождаясь от отработков, тем самым толкает вперед развитие производительных сил, освобождает крестьянство от прикреплявшей его к месту кабалы, освобождает помещика от «дарового» слуги, отнимает возможность заменять технические улучшения безграничным усилением «патриархальной» эксплоатации, облегчая вовлечение земли в торговый оборот. Одним словом, противоречивое положение мелкого крестьянства на рубеже крепостнического и капиталистического хозяйства вполне оправдывает эту исключительную и временную поддержку мелкой собственности социал-демократией.

Ленин, Аграрная программа русской социал-демократии, Соч., IX, 1-е изд., 304 — 305.

...Вместе с крестьянской буржуазией против всякого крепостничества и против крепостников-помещиков, вместе с городским пролетариатом против крестьянской и всякой другой буржуазии — такова «линия» сельского пролетария и его идеолога — социал-демократа. Другими словами: поддерживать и подталкивать крестьянство вплоть до всяких отнятий какой угодно «священной» барской «собственности», п о с к о л ь к у это крестьянство выступает революционно-демократическим. Относиться недоверчиво к крестьянству, организоваться отдельно от него, быть готовым к борьбе с ним, п о с к о л ь к у это крестьянство выступает реакционным или противопролетарским. Еще иначе: содействие крестьянину, когда борьба его с помещиком приносит пользу развитию и укреплению демократии; нейтралитет по отношению к крестьянину, когда борьба его с помещиком является исключительно сведением безразличных для пролетариата и для демократии счетов между двумя фракциями землевладельческого класса.

Ленин, Пролетариат и крестьянство, Соч., VI, 1-е изд., 113.

Между сельским пролетариатом и крестьянской буржуазией находится слой среднего крестьянства, в положении которого есть черты и того и

другого из двух антиподов. Общие черты в положении всех этих слоев, всего крестьянства в целом, делают, несомненно, демократическим и все его движение, как бы велики ни были те или иные проявления несознательности и реакционности. Наша задача — никогда не сходить с классовой точки зрения и организовать теснейший союз городского и сельского пролетариата. Наша задача — уяснение себе и народу *действительного* демократического и революционного содержания, которое кроется за всеобщим, но туманным стремлением к «земле и воле». Наша задача поэтому — самая энергичная поддержка и подталкивание вперед этого стремления, наряду с подготовкой элементов социалистической борьбы и в деревне.

Ленин, Пролетариат и крестьянство, Соч., VI, 1-е изд., 114.

Рабочая демократия стоит на точке зрения классовой борьбы. Наемные рабочие составляют определенный класс в современном обществе. Положение этого класса коренным образом отличается от положения класса мелких хозяйчиков, крестьян. Поэтому не может быть и речи об их объединении в одной партии.

У рабочих цель — уничтожение наемного рабства путем устранения господства буржуазии. У крестьян — демократические требования, способные уничтожить крепостничество, во всех его социальных основах и проявлениях, но неспособные даже затронуть господство буржуазии.

Общие у тех и других задачи сближают в России в данную эпоху демократию крестьянскую и рабочую, которые не могут итти иначе, как врозь, но могут — и должны в интересах успеха — совместно действовать против всего противоречащего демократизму. Если эта совместность или общность действия не будет осуществлена, если крестьянская демократия не избавится от опеки либералов (кадетов), то не может быть и речи о серьезных демократических преобразованиях России...

Рабочий не имеет никаких средств производства и продает самого себя, свои руки, свою *рабочую силу*. Крестьянин имеет средства производства — орудия, скот, землю, свою или арендованную, — и продает *продукты* своего хозяйства, будучи мелким хозяйчиком, мелким предпринимателем, мелким буржуа.

Крестьяне и сейчас в России нанимают для своих хозяйств не менее *двух миллионов* сельскохозяйственных наемных рабочих. А если бы все помещичьи земли без выкупа перешли к крестьянам, то они стали бы нанимать гораздо больше рабочих.

Такой переход земли к крестьянам составляет общий интерес всего крестьянства, всех наемных рабочих, всей демократии, потому что помещичье землевладение есть основа помещичьей политической власти такого типа, с которым особенно наглядно познакомил Россию Пуришкевич, затем Марков 2-й и прочие «третьедумцы», националисты, октябристы и т. д.

Отсюда видно, что общая цель, которая стоит теперь перед крестьянами и рабочими, не имеет в себе ровнехонько ничего социалистического, вопреки

мнению невежественных черносотенцев, а иногда и либералов. Цель эта — исключительно демократическая. Достижение этой цели было бы достижением свободы для России, но вовсе еще не уничтожением наемного рабства.

Для серьезной постановки совместных действий разных классов, для прочного и настоящего успеха таких действий нужно ясное сознание того, в чем интересы этих классов сходятся и в чем они расходятся. Всякие заблуждения, «недоразумения» на этот счет, всякое затемнение дела фразами не может не иметь самого гибельного значения, не может не подрывать успеха.

Ленин, Трудовики и рабочая демократия, Соч., XII, ч. 1, 1-е изд., 108—110.

Социал-демократия неоднократно указывала уже, что крестьянское движение ставит перед ней двоякую задачу. Мы должны безусловно поддерживать и толкать его вперед, поскольку оно является революционно-демократическим движением. Мы должны вместе с тем неуклонно стоять на своей классовой пролетарской точке зрения, организуя сельский пролетариат, подобно городскому и вместе с ним, в самостоятельную классовую партию, разъясняя ему враждебную противоположность его интересов и интересов буржуазного крестьянства, призывая его к борьбе за социалистическую революцию, указывая ему, что избавление от гнета и нищеты лежит не в превращении нескольких слоев крестьянства в мелких буржуа, а в замене всего буржуазного строя социалистическим.

Ленин, Пролетариат и крестьянство, Соч., VI, 1-е изд., 111.

В чем состоит экономическая основа реставрации на базе капиталистического способа производства, т. е. не юмористической «реставрации Московской Руси», а реставрации по типу французской начала XIX века? В положении мелкого товаропроизводителя во всяком капиталистическом обществе. Мелкий товаропроизводитель колеблется между трудом и капиталом. Вместе с рабочим классом он борется против крепостничества и полицейского самодержавия. Но в то же время он тяготеет к укреплению своей собственнической позиции в буржуазном обществе и поэтому, если условия развития *этого* общества складываются сколько-нибудь благоприятно (например, промышленное процветание, расширение внутреннего рынка вследствие аграрного переворота и т. п.), то мелкий товаропроизводитель *неизбежно* поворачивается против пролетария, который борется за социализм. Следовательно... реставрация на основе мелкого товарного производства, мелкой крестьянской собственности в капиталистическом обществе не только возможна в России, но даже *неизбежна*, ибо Россия — страна по преимуществу мелкобуржуазная. Положение русской революции, с точки зрения реставрации, можно выразить... таким положением: русская революция имеет достаточно своих собственных сил, чтобы победить. Но у нее недостаточно сил, чтобы удержать плоды победы. Победить она может, ибо пролетариат вместе с революционным крестьянством может составить непреоборимую силу. Удержать

за собой победы она не может, ибо в стране с громадным развитием мелкого хозяйства мелкие товаропроизводители (крестьяне в том числе) неизбежно повернут против пролетария, когда он от свободы пойдет к социализму. Чтобы удержать за собой победу, чтобы не допустить реставрации, русской революции нужен нерусский р е з е р в, нужна помощь со стороны. Есть ли такой резерв на свете? Есть: социалистический пролетариат на Западе.

Л е н и н, Доклад об объединительном съезде РСДРП, Соч., VII, ч. 1, 1-е изд., 187—188.

3. ВЫВОДЫ ИЗ ОПЫТА 1905 г. ГЕГЕМОНИЯ ПРОЛЕТАРИАТА В РЕВОЛЮЦИИ

Большевики утверждали и утверждают, что именно в эпоху буржуазно-демократической революции прочным и серьезным союзником пролетариата (впредь до победы этой революции) может быть только крестьянство. Крестьянство есть тоже «буржуазная демократия», но совсем иного «цвета», чем кадеты или октябристы. Перед э т о й буржуазной демократией, независимо от того, чего она хочет, п о с т а в л е н ы и с т о р и е й цели действительно революционные по отношению к «старому порядку» в России. Э т а буржуазная демократия в ы н у ж д е н а бороться против с а м ы х о с н о в помещичьей власти и связанной с нею старой государственной власти. Э т у буржуазную демократию объективные условия не «вынуждают» стремиться всеми силами к сохранению старой власти, к завершению революции путем с д е л к и со старой властью. Э т а буржуазная демократия является поэтому, по ее тенденциям, — обусловленным тем, что она в ы н у ж д е н а делать, — р е в о л ю ц и о н н о й д е м о к р а т и е й. И большевики определяли тактику социалистического пролетариата во время буржуазно-демократической революции так: пролетариат должен вести за собой крестьянство, не сливаясь с ним, вести против старой власти и старого порядка, парализуя неустойчивость и шаткость либеральной буржуазии, колеблющейся между народной свободой и старой властью.

Л е н и н, Как рассуждает т. Плеханов о тактике социал-демократии, Соч., VII, ч. 1, 1-е изд., 268—269.

Почему крестьянство за время революции сложилось в особую политическую партию (или группу) трудовиков? Почему именно трудовики, а не эсеры стали за время революции партией крестьянских масс? Если тт. эсеры думают, что это была случайность, тогда нечего и разговаривать ни об итогах, ни о какой-либо программе вообще, ибо тогда хаос ставится на место всяких итогов и всякой программы. Если это не случайность, а результат основных экономических отношений в современном обществе, то главный и коренной пункт программы русских социал-демократов д о к а з а н и с т о р и е й. Революция на деле провела ту классовую грань между крестьянством и пролетариатом, которую мы, социал-демократы, всегда проводили в теории. Революция окончательно показала, что партия, желающая быть

партией масс в России, партией класса, должна быть *или* эсдековской, *или* трудовической, ибо сами массы своими открытыми выступлениями в наиболее важные и острые моменты вполне наметили именно эти два и только эти два направления. Межеумочные группы, как показали события 1905—1907 гг., ни разу и ни в чем с массами не могли слиться. Этим доказан и буржуазный характер нашей революции. Ни один историк, ни один вменяемый политик вообще не в состоянии будет теперь отрицать коренного деления политических сил в России на социалистический пролетариат и мелкобуржуазное демократическое крестьянство.

«Союз сил городского пролетариата и трудового крестьянства... существовал пока в идее». Это насквозь путаная и лживая фраза. Союз сил пролетариата и крестьянства не «в идее существовал» и не «едва начал воплощаться в жизнь», а характеризовал весь первый период русской революции, все крупные события 1905 — 1907 гг. Октябрьская стачка и декабрьское восстание, с одной стороны, крестьянские восстания на местах и восстания солдат и матросов были именно «союзом сил» пролетариата и крестьянства. Этот союз был стихиен, неоформлен, часто несознан. Эти силы были неорганизованы достаточно, были раздроблены, были лишены действительно руководящего центрального руководства и т. д., но факт «союза сил» пролетариата и крестьянства, как главных сил, проломивших брешь в старом самодержавии, бесспорен. Не поняв этого факта, нельзя ничего понять в «итогах» русской революции. Фальшь вывода эсеров состоит здесь в том, что они говорят: *трудового* вместо того, чтобы сказать: *трудовического* крестьянства. Эта маленькая, эта ничтожная разница, которая кажется совсем незаметной, на деле как раз определяет пропасть между дореволюционными мечтами эсеров и действительностью, окончательно доказанной революцией.

Эсеры *всегда* говорили о *трудовом* крестьянстве. Революция определила политическую физиономию современного русского крестьянства, как направление *трудовиков*. Повидимому, эсеры оказались правы? Но в том-то и состоит ирония истории, что история сохранила и увековечила эсеровский *термин*, наполнив то, что в действительности соответствует этому термину, как раз таким *содержанием*, которое предсказывали эсдеки. История революции поделила нас с эсерами в спорном вопросе о мелкобуржуазности трудового крестьянства: эсерам история дала *слово*, нам — *суть дела*. Воспетые эсерами *до* революции трудовые крестьяне оказались в революции такими *трудовиками*, от которых *пришлось* отречься эсерам! А нам, эсдекам, доказывать мелкобуржуазность крестьянства можно и *должно* теперь не только анализом, сделанным в «Капитале» Маркса, не только ссылками на «Эрфуртскую программу», не только данными народнических экономических исследований и земской статистики, а поведением крестьянства в русской революции вообще и в частности фактами, относящимися к составу и деятельности *трудовиков*.

Нет. Нам нечего жаловаться на то, как поделила нас с эсерами история.

Ленин, Как эсеры подводят итоги революции, и как революция подвела итоги эсерам, Соч., XI, ч. 1, 1-е изд., 199—200.

...Большинство идейных вождей русского либерализма воспитались на немецкой литературе и специально переносят в Россию брентановский и зомбартовский «марксизм», признающий «школу капитализма», но отвергающий школу революционной классовой борьбы. Все контрреволюционные либералы в России: Струве, Булгаков, Франк, Ильоев и К-о, щеголяют такими же «марксистскими» фразами.

Мартов сравнивает Россию эпохи крестьянских восстаний против феодализма с «Западной Европой», давным-давно покончившей с феодализмом. Это феноменальное извращение исторической перспективы. Есть ли «во всей Западной Европе» социалисты, у которых в программе стоит требование: «поддержать революционные выступления крестьянства вплоть до конфискации помещичьих земель»? Нет. «Во всей Западной Европе» социалисты отнюдь не поддерживают мелких хозяев в их борьбе из-за землевладения против крупных хозяев. В чем разница? В том, что «во всей Западной Европе» давно сложился и окончательно определился буржуазный строй, в частности буржуазные аграрные отношения, а в России именно теперь идет революция из-за того, как сложится этот буржуазный строй. Мартов повторяет истасканный прием либералов, которые всегда противопоставляют периоду революционных конфликтов из-за данного вопроса такие периоды, когда революционных конфликтов нет, ибо самый вопрос давно решен.

Трагикомедия меньшевизма в том и состоит, что он должен был во время революции принять тезисы, непримиримые с либерализмом. Если мы поддерживаем борьбу «крестьянства» за конфискацию земель, — значит мы признаем победу возможной, экономически и политически выгодной для рабочего класса и для всего народа. А победа «крестьянства», руководимого пролетариатом в борьбе за конфискацию помещичьих земель, и есть революционная диктатура пролетариата и крестьянства. (Вспомним слова Маркса в 1848 г. о необходимости диктатуры в революции и справедливые насмешки Меринга над людьми, обвинявшими Маркса в том, будто он хотел введением диктатуры осуществить демократию).

В корне ошибочен взгляд, будто диктатура этих классов «противоречит всему ходу хозяйственного развития». Как раз наоборот. Только такая диктатура смела бы дочиста все остатки феодализма, обеспечила бы самое быстрое развитие производительных сил. Наоборот, политика либералов отдает дело в руки русских юнкеров, которые во сто крат замедляют «ход хозяйственного развития» России.

В 1905—1907 гг. противоречие между либеральной буржуазией и крестьянством вскрылось вполне. Весной и осенью 1905, а также весной 1906 г. крестьянские восстания охватили от ⅓ до ½ уездов Центральной России. Крестьяне разрушили до 2 000 помещичьих усадеб (к сожалению это не более 1/15 того, что следовало разрушить). Только пролетариат беззаветно помогал этой революционной борьбе, всесторонне направляя ее, руководил ею, объединял ее своими массовыми стачками. Либеральная буржуазия никогда, ни разу не помогла революционной борьбе, предпочитая «успокаивать» крестьян и «мирить» их с помещиками и царем. Затем в обеих первых Думах (1906 и 1907 гг.) на парламентской арене повторилось то же самое. Все время либералы тормозили борьбу крестьян, предавали их, и только рабочие депутаты направляли и поддерживали крестьян против либералов. Борьба либералов с крестьянами и социал-демократами наполняет собой всю историю I и II Думы. Борьба большевизма и меньшевизма неразрывно связана с этой историей, как борьба из-за поддержки либералов, из-за свержения гегемонии либералов над крестьянством. Поэтому объяснять наши расколы влиянием интеллигенции, незрелостью пролетариата и т. п. есть ребячески наивное повторение либеральных сказок.

По той же причине в корне фальшиво рассуждение Троцкого, будто в международной социал-демократии расколы вызываются «процессом приспособления социально-революционного класса к ограниченным (узким) условиям парламентаризма» и т. д., а в русской социал-демократии — приспособлением интеллигенции к пролетариату. «Насколько ограничено (узко), — пишет Троцкий, — с точки зрения социалистической конечной цели было реальное политическое содержание этого процесса приспособления, настолько же несдержаны были его формы, велика была идеологическая тень, отбрасываемая этим процессом».

Это поистине «несдержанное» фразерство есть лишь «идеологическая тень» либерализма. Как Мартов, так и Троцкий смешивают в кучу разнородные исторические периоды, противопоставляя России, совершающей свою буржуазную революцию, — Европу, давно кончившую эти революции. В Европе реальное политическое содержание социал-демократической работы есть подготовка пролетариата к борьбе за власть с буржуазией, которая имеет уже полное господство в государстве. В России дело идет только еще о создании современного буржуазного государства, которое будет похоже или на юнкерскую монархию (в случае победы царизма над демократией), или на крестьянскую буржуазно-демократическую республику (в случае победы демократии над царизмом). А победа демократии в современной России возможна только в том случае, если крестьянские массы пойдут за революционным пролетариатом, а не за предательским либерализмом. Этот вопрос исторически еще не решен. Буржуазные революции в России еще не закончены, и в этих пределах, т. е. в пределах борьбы за форму буржуазного порядка в России, «реальное политическое содержание» работы

русских социал-демократов м е н е е «ограничено», чем в странах, где нет никакой борьбы за конфискацию крестьянами помещичьих земель, где давно окончены буржуазные революции.

Легко понять, почему классовые интересы буржуазии заставляют либералов внушать рабочим, что их роль в революции «ограничена», что борьба направлений вызывается интеллигенцией, а не глубокими экономическими противоречиями, что рабочая партия должна быть «н е гегемоном в освободительной борьбе, а классовой партией». Именно такая формула выдвинута в самое последнее время ликвидаторами-голосовцами (Левицкий в «Нашей заре») и одобрена либералами. Слова «классовая партия» они понимают в брентановско-зомбартовском смысле: заботьтесь только о своем классе и бросьте «бланкистские мечты» о руководстве всеми революционными элементами народа в борьбе с царизмом и с предательским либерализмом.

Л е н и н, Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России, Соч., XI, ч. 2, 1-е изд., 295—297.

Главная классовая опора буржуазной демократии в России есть крестьянство. Положение громадной массы его настолько тяжелое, гнет помещичьего землевладения над ним так силен, экономические условия так отчаянно плохи, бесправие так необычайно велико, что демократические настроения и стремления порождаются в этой среде с неуловимой, стихийной неизбежностью. Такого выхода из этого положения, какой рисуется либеральной буржуазии (с кадетской партией во главе ее), именно: раздел власти с Пуришкевичами, совместное господство Пуришкевичей и Гучковых (или Милюковых) над массами, — этого выхода для миллионов крестьян быть н е м о ж е т. Вот почему именно классовое положение крестьянства, с одной стороны, крупной буржуазии, с другой, — неминуемо порождает глубокую разницу между демократизмом и либерализмом.

Полной определенности того и другого политического направления, полной сознательности обыкновенно не бывает, но т я г о т е н ь е крестьян к демократизму, буржуазии — к монархическому либерализму есть факт, доказанный окончательно столь богатым событиями первым десятилетием XX в. в России.

Л е н и н, Избирательная кампания в IV Государственную думу, Соч., XI, ч. 2, 1-е изд., 502.

Рабочие больше всех классов пошли вперед за время нашей революции. Они все в массе тянут теперь к социал-демократии. Здесь более усиленная, более широкая работа, конечно, необходима, но она уже направляется по торному пути. Всего важнее и всего труднее работа в крестьянстве. Крестьяне — это класс мелких хозяйчиков. Класс этот поставлен в гораздо менее выгодные условия борьбы за свободу и борьбы за социализм, чем рабочие. Крестьяне не объединены вместе крупными предприятиями, а раздроблены мелким.

обособленным хозяйничаньем. Крестьяне не видят перед собой такого открытого, явного, единого врага, как рабочие — капиталиста. Крестьяне сами отчасти хозяева и собственники; поэтому они всегда тянутся за буржуазией, хотят подражать ей, мечтают о развитии и укреплении своей мелкой собственности, а не об общей борьбе рабочего класса с классом капиталистов.

Вот почему вся масса крестьянской бедноты всегда и во всех странах оказывалась менее устойчивой в борьбе за свободу и за социализм, чем рабочие. Вот почему и у нас в России крестьянские депутаты в Думе, трудовики, не сумели еще, несмотря на все уроки кадетского предательства, отделаться от влияния либеральной буржуазии, от ее взглядов, от ее предрассудков, от ее приемов в политике, — приемов, якобы хитрых, тонких, состоящих из красивых «маневров», а на деле глупых, праздных и позорных для всякого истинного борца.

Ленин, Политическое положение и задачи рабочего класса, Соч., VIII, 1-е изд., 79.

...Предреволюционная эпоха (1901—1903 гг.). Первую роль играет городской рабочий («промышленность и торговля»). Будучи меньшинством народа, он дает почти половину (46,1%) участников. Интеллигенция и учащиеся уже стоят на втором плане (вопреки басням либералов и ликвидаторов насчет рабочей партии). Роль крестьян ничтожна (9% из сельского хозяйства»), но возрастает.

Последняя эпоха (1905—1908 гг.). Роль городских рабочих возросла с 46,1 до 47,4%. Они разбудили уже массу крестьянства, которое увеличило долю своего участия в движении больше всех остальных классов: с 9 до 24,2%, т. е. почти втрое. Крестьянство уже перегнало либеральных интеллигентов и учащихся (22,9%). Роль деклассированных, выбитых из класса, совсем ничтожна (5,5%). Злостно клеветнический характер либеральной теории насчет «интеллигентской» сущности нашей революции выступает яснее ясного.

Пролетариат и буржуазная демократия (крестьянство) — вот кто составляет общественную силу движения. Но крестьянство, составляя громадное большинство по отношению к рабочим и горожанам, стоит далеко позади, давая всего четверть (24,2%) участников, так как оно еще слабо разбужено.

Ленин, Роль сословий и классов в освободительном движении, Соч., XII, ч. 2, 1-е изд., 190.

...Каковы те объективные перемены, которые произошли в классовой группировке и в политическом соотношении сил России с 1904 по 1908 г.? Основные перемены можно свести, на наш взгляд, к следующим пяти: 1. Аграрная политика самодержавия в крестьянском вопросе принципиально сильно передвинулась; поддержка и укрепление старой общины сменилось политикой ускоренного полицейского разрушения и ограбления ее. 2. Пред-

ставительство черносотенного дворянства и крупной буржуазии сделало громадный шаг вперед: вместо прежних местных выборных комитетов дворян и купцов, вместо разрозненных и случайных попыток всероссийского их представительства имеется единый представительный орган — Государственная дума, в которой указанным классам обеспечено полнейшее преобладание. Представительство либеральных профессий — не говоря уже о крестьянстве и пролетариате — сведено на роль придатка и привеска в этом якобы «конституционном» учреждении, долженствующем укрепить самодержавие. 3. Классы в открытой политической борьбе впервые размежевались и определились в России за это время: политические партии, открыто и тайно (вернее: наполовину тайно, ибо совершенно «тайных» партий после революции нет в России) существующие теперь, выражают с невиданной прежде точностью интересы и точки зрения классов, которые за три года созрели во сто раз больше, чем за предыдущие полвека. Черносотенное дворянство, национал-«либеральная» буржуазия, мелкобуржуазная демократия (трудовики с их левым небольшим крылом эсеров) и пролетарская социал-демократия за это время все закончили «утробный» период своего развития и на много-много лет вперед определили — не словами, а фактами и действиями масс — свою натуру. 4. То, что до революции называлось либеральным и либерально-народническим «обществом» или «просвещенной» частью и представительницей «нации» вообще, широкая масса зажиточной, дворянской, интеллигентской «оппозиции», которая казалась чем-то целым, однородным, пронизывающим земства, университеты, всю «порядочную» печать и т. д., и т. д., — все это проявило себя в революции, как идеологи и сторонники буржуазии, все это заняло очевидную теперь для всех к о н т р р е в о л ю ц и о н н у ю позицию по отношению к м а с с о в о й борьбе социалистического пролетариата и демократического крестьянства. Контрреволюционная либеральная буржуазия родилась и растет. Этот факт не перестает быть фактом оттого, что его отрицает «прогрессивная» легальная печать, или оттого, что его замалчивают и не понимают наши оппортунисты, меньшевики. 5. Миллионы населения приобрели практический о п ы т в самых разнообразных формах действительно массовой и непосредственно-революционной борьбы, вплоть до «всеобщей стачки», изгнания помещиков, сожжения их усадеб, открытого вооруженного восстания. Тот, кто был уже революционером или сознательным рабочим до революции, не сразу может представить себе во всем его громадном значении этот факт, который внес самую коренную перемену в целый ряд прежних представлений о ходе развития политического кризиса, о темпе этого развития, о диалектике практически творимой массами истории. Учет этого опыта м а с с а м и — невидный, тяжелый и медленный процесс, играющий гораздо более важную роль, чем многие явления на поверхности политической жизни государства, соблазняющие младенцев не только младенческого в политике, но иногда и очень «изрядного» возраста. Руководящая роль пролетарских масс во всей революции и на всех поприщах борьбы, начиная от демонстраций, продолжая восстанием и кончая

(в хронологическом порядке) «парламентской» деятельностью, выступила наружу воочию перед всеми за этот период, взятый в его целом.

Таковы объективные перемены, вырывшие пропасть между дооктябрьской и современной Россией. Таковы *итоги* трех лет богатейшего по своему содержанию периода нашей истории, — разумеется, итоги, так сказать, суммарные, поскольку можно в нескольких словах наметить самое главное и наиболее существенное. Посмотрим же теперь на те выводы в области тактики, к которым обязывают эти итоги.

Перемена аграрной политики самодержавия имеет чрезвычайно большое значение для «крестьянской» страны, как Россия. Эта перемена не случайность, не колебание курса министерств, не измышление бюрократии. Нет, это глубочайший «сдвиг» в сторону *аграрного бонапартизма*, в сторону либеральной (в экономическом смысле слова, т. е. буржуазной) политики в области крестьянских поземельных отношений. Бонапартизм есть лавирование монархии, потерявшей свою старую, патриархальную или феодальную, простую и сплошную, опору, — монархии, которая принуждена эквилибрировать, чтобы не упасть, — заигрывать, чтобы управлять, — подкупать, чтобы нравиться, — брататься с подонками общества, с прямыми ворами и жуликами, чтобы держаться не только на штыке. Бонапартизм есть объективно-неизбежная, прослеженная Марксом и Энгельсом на целом ряде фактов новейшей истории Европы, эволюция монархии во всякой буржуазной стране. И аграрный бонапартизм Столыпина, вполне сознательно и непоколебимо твердо поддерживаемого в этом пункте и черносотенными помещиками и октябристской буржуазией, — не мог бы даже родиться, а не то что продержаться вот уже два года, если бы сама община в России не развивалась капиталистически, если бы внутри общины не складывалось постоянно элементов, с которыми самодержавие могло начать заигрывать, которым оно могло сказать: «обогащайтесь!», «грабь общину, но поддержи меня!». Поэтому безусловной ошибкой была бы всякая оценка столыпинской аграрной политики, не учитывающая, с одной стороны, ее бонапартистских приемов, с другой стороны, ее буржуазной (=либеральной) сущности.

Например, наши либералы выражают свое смутное сознание того, что столыпинская аграрная политика есть бонапартизм, нападками на полицейский характер ее, идиотское чиновничье вмешательство в крестьянскую жизнь и т. д., и т. п. Но когда к.-д. плачутся по поводу насильственной ломки «исконных» устоев нашего деревенского быта, они становятся *реакционными* нытиками. Без насильственной, без революционной ломки устоев старой русской деревни не может быть развития России. Борьба идет,— хотя этого не сознают очень и очень многие из ее участников, — *только* из-за того, будет ли это насилие насилием помещичьей монархии над крестьянами или крестьянской республики над помещиками. В обоих случаях *неизбежна* буржуазная, а не иная какая-либо аграрная революция в России, но в первом случае медленная и мучительная, во втором — быстрая, широкая и свободная. Борьба рабочей партии за этот второй путь

выражена и признана в нашей аграрной программе — не в той ее части, где выдвигается несуразная «муниципализация», а в той, где говорится о конфискации всех помещичьих земель. После опыта трех лет только разве среди меньшевиков могут еще найтись люди, не видящие связи борьбы за эту конфискацию с борьбой за республику. Столыпинская аграрная политика, если бы она продержалась очень и очень долгие времена, если бы она пересоздала окончательно на чисто буржуазный лад все деревенские поземельные отношения, могла бы заставить нас отказаться от всякой аграрной программы в буржуазном обществе (до сих пор даже меньшевики и даже Череванины среди меньшевиков не дошли до отречения от нашей аграрной программы). Но столыпинская политика никоим образом не может побудить нас теперь изменить нашу тактику. Раз в программе стоит «конфискация всех помещичьих земель», то только младенцы могут не замечать вытекающей отсюда революционной (в непосредственном и узком смысле слова) тактики. И неправильно было бы ставить вопрос так: если столыпинская политика терпит «крах», то значит близок подъем, и обратно. Крах бонапартистских приемов не есть еще крах политики кулацкого разорения общины. И, наоборот, «успех» Столыпина в деревне теперь и в ближайшие годы по сути дела будет больше разжигать борьбу внутри крестьянства, чем тушить ее, ибо иначе как долгим и очень долгим путем нельзя достигнуть «цели», т. е. окончательного и полного упрочения чисто буржуазного крестьянского хозяйства. «Успех» Столыпина в ближайшие годы мог бы привести в лучшем случае к выделению слоя сознательно контрреволюционных, октябристских крестьян, но именно такое превращение зажиточного меньшинства в политически сознательную объединенную силу неминуемо означало бы гигантский толчок к развитию политического сознания и объединения против такого меньшинства демократической массы. Лучшего мы, социал-демократы, не могли бы и желать, как превращения стихийной, разрозненной, слепой борьбы «мироедов» и «общества» в сознательную и открытую борьбу октябристов и трудовиков.

. . . . . .

Резюмируем. Обзор итогов революции и условий переживаемого момента показывает ясно, что объективные задачи революции не решены. Сдвиг в сторону бонапартизма и аграрной политики самодержавия и его общей политики как в Думе, так и при помощи Думы, только обостряет и расширяет противоречие между черносотенным самодержавием и господством «дикого помещика», с одной стороны, и потребностями экономического и общественного развития всей страны — с другой. Полицейски-кулацкий поход на деревенскую массу обостряет борьбу внутри нее и делает эту борьбу политически сознательной, приближает, так сказать, борьбу с самодержавием к обыденным и насущным вопросам каждой деревни. Отстаивание революционно-демократических требований в аграрном вопросе (конфискация всех помещичьих земель) особенно необходимо в такой момент со стороны социал-демократии. Черносотенная октябристская Дума, показывая наглядно и на опы-

то, с какой «конституцией» может «примириться» самодержавие, и не решая ни единого вопроса даже в самых узких пределах обеспечения нужд экономического развития страны, превращает борьбу «за конституцию» в революционную борьбу **против самодержавия**; частные конфликты отдельных фракций буржуазии между собой и с правительством при данных условиях ведут именно к приближению такой борьбы. Обнищание деревни, депрессия в промышленности, общее сознание безвыходности данного политического положения и безнадежности пресловутого «мирно-конституционного» пути порождают новые и новые элементы революционного кризиса. Наша задача теперь не в том, чтобы искусственно сочинять какие-то новые лозунги (вроде лозунга: «долой Думу!» вместо: «долой самодержавие!»), а в укреплении нелегальной партийной организации (вопреки реакционному вою меньшевиков, хоронящих ее) и в развитии широкой революционно-социал-демократической агитации, которая сплотит партию с массами пролетариата и мобилизует эти массы.

Ленин, Об оценке текущего момента, Соч., XI, ч. 1, 1-е изд., 154—165.

Революционный класс 1905—1907 гг., социалистический пролетариат, потерпел, повидимому, полное поражение. И либеральные монархисты, и ликвидаторы из числа тоже-марксистов прокричали все уши о том, как он зашел будто бы «слишком далеко», дошел до «эксцессов», как он поддался увлечению «стихийной классовой борьбы», как он дал обольстить себя губительной идее «гегемонии пролетариата» и т. д., и т. п. На деле «вина» пролетариата была только в том, что он недостаточно далеко зашел, но эта «вина» оправдывается тогдашним состоянием его сил и искупается неустанной революционно-социал-демократической работой во времена и злейшей реакции, непреклонной борьбой со всеми проявлениями реформизма и оппортунизма. На деле все, что отвоевано у врагов, все, что прочно в завоеваниях, отвоевано и держится только в той мере, в какой сильна и жива революционная борьба на всех поприщах пролетарской работы. На деле только пролетариат отстаивал до конца последовательный демократизм, разоблачая всю шаткость либерализма, вырывая из-под его влияния крестьянство, поднимаясь с геройской смелостью на вооруженное восстание.

Никто не в силах предсказать, насколько осуществятся действительно демократические преобразования России в эпоху ее буржуазных революций, но не подлежит ни тени сомнения, что **только** революционная борьба пролетариата определит степень и успех преобразований. Между крепостническими «реформами» в буржуазном духе и демократической революцией, руководимой пролетариатом, могут быть только бессильные, бесхарактерные, безыдейные колебания либерализма и оппортунистического реформизма.

Бросая общий взгляд на историю последнего полувека в России, на 1861 и 1905 гг., мы можем только еще с бо́льшим убеждением повторить слова нашей партийной резолюции: «целью нашей борьбы является попрежнему свержение царизма, завоевание политической власти пролетариатом,

опирающимся на революционные слои крестьянства и совершающим буржуазно-демократический переворот путем созыва Всенародного Учредительного Собрания и создания демократической республики».

Ленин, Крестьянская реформа и пролетарско-крестьянская революция, Соч., т. XI, ч. 2, 1-е изд., 267.

Вся история к.-д. партии в целом и последние выборы в особенности ясно показали, что к л а с с о в у ю основу этой партии составляет помещик, ведущий капиталистическое хозяйство, средний буржуа и буржуазный интеллигент. Масса народа, т. е. широкие слои городского мещанства и затем крестьянства, чужда этой партии, которая боится всякой самодеятельности масс, воюет с ней, защищает выкуп, борется с местными аграрными комитетами на основе «4-хвостки» и т. д. Только поэтому и получилось такое поразительно быстрое о т п а д е н и е мелкой буржуазии от к.-д. на последних выборах. Крестьянство, как известно, совсем провалило кадетов и больше всех содействовало их поражению в губернских избирательных собраниях. Городское мещанство... сразу доставило 41 тыс. голосов левому блоку в городах против 74 тыс. голосов к.-д., несмотря на отсутствие у левых ежедневной печати и т. д.

Кадеты — партия либеральных буржуа. Экономическое положение этого класса заставляет его б о я т ь с я победы крестьян и сплоченности рабочих. Отсюда неизбежная, а вовсе не случайная, тенденция к.-д. поворачивать вправо, в сторону сделки с реакцией, тем быстрее, чем быстрее левеют народные массы. Не случайность, а экономическая необходимость вызвала то, что после разгона Думы пролетариат, крестьянство и городская мелкобуржуазная беднота страшно полевели, революционизировались, кадеты же страшно поправели. Жалеть об этом, пытаться изменить или остановить этот процесс могут только мещане и филистеры в политике.

Наша с.-д. задача иная: ускорить процесс освобождения масс из-под гегемонии к.-д. Поддерживают эту гегемонию традиция, старые связи и влияние либералов, их хозяйственная гегемония над мелким буржуа, их роль, как буржуазной интеллигенции, либерального чиновничества и т. д. Чем яснее будут сознавать массы с в о и интересы, тем скорее поймут они враждебность либералов массовому движению, тем скорее политически обособятся от либералов в те или иные демократические, революционные организации, союзы, партии и т. п. В частности, крестьянство, составляющее в России восемь или девять десятых всей мелкой буржуазии, борется прежде всего за землю. Либеральный помещик (таковой есть еще в России: землевладельческая курия дала 24,4% кадетов и левее на последних выборах) стоит в этой борьбе п р о т и в крестьянина, и либеральный чиновник, буржуазный интеллигент очень близок к либеральному помещику. Вот почему крестьянство гораздо решительнее и быстрее высвобождается из-под влияния к.-д., чем городская мелкая буржуазия. Победа крестьянства в борьбе за землю есть настоящая экономическая основа победы буржуазной революции в

России. Либералы (к.-д. в том числе) п р о т и в. победы крестьянства; они отстаивают выкуп, т. е. превращение крестьянина частью в гроссбауэра, частью в кнехта при помещике п р у с с к о г о типа. Вот почему н е в о з м о ж н а в России победа буржуазно-демократической революции без высвобождения крестьянства из-под политической гегемонии либералов. Победа крестьянства у н и ч т о ж а е т помещичье землевладение и дает полнейший простор развитию производительных сил на чисто капиталистической основе. Победа либералов с о х р а н я е т помещичье землевладение, лишь слегка очищая его от крепостнических черт и ведя к н а и м е н е е быстрому, н а и м е н е е свободному развитию капитализма, к развитию типа, так сказать, прусского, а не американского.

Этой экономической, классовой основы русской революции не понимают «Новые Силы», говоря: «по социально-экономическим требованиям ближе к либералам, по политическим — к пролетариям, а «центр тяжести революции» переносится к «политике». Все это рассуждение «Новых Сил» сплошная путаница. Мелкий буржуа, и крестьянин в том числе, конечно, ближе к либералу, чем к пролетарию, ближе как х о з я и н, как мелкий производитель. Поэтому немыслимо политически и прямо реакционно было бы в смысле социализма слияние в одну партию мелких буржуа и пролетариев (чего хотят эсеры). Но в современной, буржуазно-демократической революции в России борьба идет теперь вовсе не из-за антагонизма хозяев и рабочих (так будет в социалистической революции), а из-за антагонизма крестьянина и помещика: к этой, э к о н о м и ч е с к о й, а вовсе не «политической», борьбе тяготеет «центр тяжести революции».

Но если наша революция буржуазна по своему экономическому содержанию (это несомненно), то отсюда нельзя делать вывод о руководящей роли буржуазии в нашей революции, о буржуазии как движущей силе ее. Такой вывод, обычный у Плеханова и меньшевиков, есть опошление марксизма, карикатура на марксизм. В буржуазной революции может быть руководителем и либеральный помещик вместе с фабрикантом, купцом, адвокатом и т. п., — и пролетариат вместе с массой крестьян. Буржуазный характер переворота остается в обоих случаях, но рамки его, условия его выгодности для пролетариата, условия его выгодности для социализма (т о е с т ь для быстроты развития производительных сил прежде всего) с о в е р ш е н н о р а з л и ч н ы в первом и во втором случае.

Отсюда большевики выводят о с н о в н у ю тактику социалистического пролетариата в буржуазной революции: вести за собой демократическую мелкую буржуазию, особенно крестьянскую, отрывать ее от либералов, парализовать неустойчивость либеральной буржуазии, развивать борьбу м а с с за полное у н и ч т о ж е н и е всех следов крепостничества, помещичьего землевладения в том числе.

Ленин, Большевики и мелкая буржуазия, Соч., VIII, 1-е изд., 233—235.

Крестьяне требуют, по существу дела, не аграрной реформы, а аграрной революции. Они требуют такого переворота, который нисколько не затронет власти денег, не затронет основ буржуазного общества, но подорвет самым решительным образом экономические основы старого крепостного порядка, всей крепостнической — и помещичьей и чиновничьей — России. Вот почему социалистический пролетариат всей душой, со всей энергией, поможет крестьянам осуществить их требования во всей их полноте. Без полной победы крестьянства над всеми его угнетателями, унаследованными от старого порядка, невозможна полная победа буржуазно-демократической революции. А такая победа нужна всему народу и нужна пролетариату в интересах его великой борьбы за социализм.

Но, поддерживая революционное крестьянство, пролетариат ни на минуту не должен забывать своей классовой самостоятельности, своих особых классовых задач. Движение крестьянства есть движение другого класса; это борьба не пролетарская, а борьба мелких хозяев; это борьба не против основ капитализма, а за очищение их от всех остатков крепостничества. Крестьянские массы увлечены своей великой борьбой: им неизбежно кажется, что взять всю землю — значит решить аграрный вопрос. Они мечтают об уравнительном распределении земли, о передаче ее всем трудящимся, забывая о власти капитала, о силе денег, о товарном хозяйстве, которое при самом «справедливом» разделении неизбежно вновь создаст неравенство и эксплоатацию. Увлеченные борьбой с крепостничеством, они не видят дальнейшей, еще более великой и трудной борьбы со всем капиталистическим обществом за полное осуществление социализма. Рабочий класс всегда будет вести эту борьбу и организоваться для этого в самостоятельную, политическую партию. И жестокие уроки капитализма будут неизбежно просвещать все быстрее и быстрее мелких хозяйчиков, заставляя их убеждаться в правильности взглядов социал-демократии и примыкать к пролетарской с.-д. партии.

Ленин, Крестьянская или «трудовая» группа в РСДРП, Соч., VII, ч. 1, 1 изд., 243.

Кто действительно понимает роль крестьянства в победоносной русской революции, тот неспособен был бы говорить, что размах революции ослабеет, когда буржуазия отшатнется. Ибо на самом деле только тогда начнется настоящий размах русской революции, только тогда это будет действительно наибольший революционный размах, возможный в эпоху буржуазно-демократического переворота, когда буржуазия отшатнется и активным революционером выступит масса крестьянства наряду с пролетариатом. Для того, чтобы быть последовательно доведенной до конца, наша демократическая революция должна опереться на такие силы, которые способны парализовать неизбежную непоследовательность буржуазии (т. е. способны именно «заставить ее отшатнуться», чего боятся, по недомыслию, кавказские сторонники «Искры»).

Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии. Таковы задачи пролетариата...

Ленин, Две тактики социал-демократии в демократической революции, Соч., VI, 1 изд., 371.

Марксистский анализ классов русского общества так блестяще подтвержден всем ходом событий вообще и первыми двумя Думами в частности, что немарксистский социализм подорван окончательно. Но остатки крепостничества в деревне оказались гораздо сильнее, чем мы думали: они вызвали общенациональное движение крестьянства, они сделали из этого движения оселок всей буржуазной революции. Роль гегемона, всегда указывавшаяся революционной социал-демократией пролетариату в буржуазном освободительном движении, пришлось определить точнее как роль вождя, ведущего за собой крестьянство. Ведущего на что? На буржуазную революцию в самом последовательном и решительном виде. Исправление ошибки состояло в том, что вместо частной задачи борьбы с остатками старого в земледельческом строе мы должны были поставить задачи борьбы со всем старым земледельческим строем. Вместо очистки помещичьего хозяйства поставили уничтожение его.

Ленин, Аграрная программа социал-демократии в русской революции в 1905—1907 гг., Соч., IX, 1 изд., 503.

Гегемония рабочего класса есть его (и его представителей) политическое воздействие на другие элементы населения в смысле очищения их демократизма (когда есть демократизм) от недемократических примесей, в смысле критики ограниченности и близорукости всякого буржуазного демократизма, в смысле борьбы с «кадетовщиной» (если назвать так идейно-развращающее содержание речей и политики либералов) и т. д., и т. д.

Ленин, Наши упразднители, Соч., X, ч. 2, 1 изд., 210.

Ни угнетение низов, ни кризис верхов не создадут еще революции, — они создадут лишь гниение страны, — если нет в этой стране революционного класса, способного претворить пассивное состояние гнета в активное состояние возмущения и восстания.

Эту роль действительно передового, действительно поднимающего массы на революцию, действительно способного спасти Россию от гниения класса

и играет промышленный пролетариат. Эту задачу он и осуществляет своими революционными стачками. Эти стачки, невидимые либералами и непонятые ликвидаторами, являются (говоря словами февральской революции РСДРП) «одним из самых действительных средств преодоления апатии, отчаяния и распыления сельскохозяйственного пролетариата и крестьянства, вовлечения его в возможно более дружные, одновременные и широкие революционные выступления».

Рабочий класс вовлекает в революционные выступления массы трудящихся и эксплоатируемых, лишенных элементарных прав и доведенных до отчаянного состояния. Рабочий класс учит их революционной борьбе, воспитывает их для революционного действия, разъясняет им, где и в чем выход и спасение. Рабочий класс учит их не словами, а делами, примером, и притом примером не авантюр единичных героев, а примером массового революционного выступления, соединяющего политические и экономические требования.

Ленин, Маевка революционного пролетариата, Соч., XII, ч. 2, 1 изд., 156 — 157.

Общественное возбуждение растет в России во всем народе, во всех его классах, и наш долг, долг революционных социал-демократов, направить все усилия на то, чтобы суметь воспользоваться им, чтобы разъяснить передовой рабочей интеллигенции, какого союзника имеет она и в крестьянстве, и в студенчестве, и в интеллигенции вообще, чтобы научить ее пользоваться вспыхивающими то здесь, то там огоньками общественного протеста. Роль передового борца за свободу мы в состоянии будем исполнить лишь тогда, когда руководимый боевой революционной партией рабочий класс, не забывая ни на минуту своего особого положения в современном обществе и своих особых всемирно-исторических задач освобождения человечества от экономического рабства, поднимет в то же время общенародное знамя борьбы за свободу и привлечет под это знамя всех тех, кого теперь гг. Сипягины, Кондоиди и вся эта шайка так усердно толкает в ряды недовольных из самых разнообразных слоев общества.

Ленин, Внутреннее обозрение, Соч., IV, 2 изд., 321.

Либеральный буржуа говорит рабочим: вы вправе бороться, вам необходимо бороться за свободу своего политического самоопределения, за право иметь свою классовую партию, свободно развивать свою деятельность, за участие в политической жизни в качестве самостоятельной организованной силы. Именно эти принципы либеральной, образованной, радикальной — если употреблять английский или французский термин — буржуазии и преподносит рабочим Мартов под названием марксизма.

Марксист говорит рабочим: чтобы действительно и успешно бороться за свободу «своего» политического самоопределения, вы должны бороться за свободу политического самоопределения всего народа, указывая ему после-

довательно демократические формы его государственного бытия, отвоевывая массы и неразвитые слои трудящихся из-под влияния либералов. Чтобы ваша партия действительно стояла на высоте понимания задач класса, чтобы ее деятельность была на деле классовой, а не цеховой, надо, чтобы она не только участвовала в политической жизни, но направляла — вопреки всем колебаниям либералов — политическую жизнь и самодеятельность широких слоев на арену, более высокую, чем та, которую указывают либералы, на цели, более существенные, более коренные. Не понимает задачи класса тот, кто отводит ему «самостоятельный» уголок «деятельности» на арене, пределы которой, форма и вид которой определяются и допускаются либералами. Задачи класса понимает лишь тот, кто направляет внимание (и сознание, и практическую работу и т. д.) на такое пересоздание самой этой арены, всей формы ее, всего вида ее, которое бы не ограничивалось нормами либерализма.

В чем разница обеих формулировок? Да именно в том, м е ж д у п р о ч и м, что первая и с к л ю ч а е т идею «гегемонии» рабочего класса, а вторая нарочито определяет именно эту идею; первая есть современный, новейший вариант старого экономизма («рабочим экономическая, либералам — политическая борьба»), вторая стремится вырвать в умах всякую почву и у старого экономизма, и у неоэкономизма.

Ленин, Принципиальные вопросы избирательной кампании, Соч., XI, ч. 2, 1 изд., 476—477.

... Русский пролетариат гораздо менее зрел политически, чем западноевропейский. Но из всех классов русского общества именно пролетариат обнаружил в 1905—1907 гг. н а и б о л ь ш у ю политическую зрелость. Русская либеральная буржуазия, которая вела себя у нас так же подло, трусливо, глупо и предательски, как немецкая в 1848 г., и м е н н о п о т о м у ненавидит русский пролетариат, что он оказался в 1905 г. д о с т а т о ч н о з р е л п о л и т и ч е с к и, чтобы вырвать у этой буржуазии р у к о в о д с т в о движением, чтобы беспощадно разоблачать предательство либералов.

«Иллюзия думать, — заявляет Троцкий, — будто меньшевизм и большевизм пустили глубокие корни в глубинах пролетариата». Это — образчик тех звонких, но пустых фраз, на которые мастер наш Троцкий. Не в «глубинах пролетариата», а в э к о н о м и ч е с к о м с о д е р ж а н и и русской революции лежат к о р н и расхождения меньшевиков с большевиками. Игнорируя это содержание, Мартов и Троцкий лишили себя возможности понять исторический смысл внутрипартийной борьбы в России. Суть не в том, «глубоко» ли проникли теоретические формулировки разногласий в те или иные слои пролетариата, а в том, что экономические условия революции 1905 г. п о с т а в и л и пролетариат во враждебные отношения к либеральной буржуазии — не только из-за вопроса об улучшении быта рабочих, но также из-за аграрного вопроса, из-за всех политических

вопросов революции и т. д. Говорить о борьбе направлений в русской революции, раздавая ярлыки: «сектантство», «некультурность» и т. п., и не говорить ни слова об основных экономических интересах пролетариата, либеральной буржуазии и демократического крестьянства — значит опуститься до уровня вульгарных журналистов.

Ленин, Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России, Соч., XI, ч. 2, 1 изд., 293.

И победы и поражения революции дали великие исторические уроки русскому народу. Чествуя пятилетнюю годовщину 1905 г., постараемся выяснить себе главное содержание этих уроков.

Первый и основной урок — тот, что только революционная борьба масс способна добиться сколько-нибудь серьезных улучшений в жизни рабочих и в управлении государством. Никакое «сочувствие» рабочим со стороны образованных людей, никакая геройская борьба одиночек-террористов не могли подорвать царского самодержавия и всевластия капиталистов. Только борьба самих рабочих, только совместная борьба миллионов могла сделать это, и, когда ослабевала такая борьба, сейчас же начиналось отнятие того, что рабочие завоевали. Русская революция подтвердила то, о чем поется в международной рабочей песне:

«Никто не даст нам избавленья,
Ни бог, ни царь и ни герой;
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.

Второй урок — тот, что недостаточно подорвать, ограничить царскую власть. Ее надо уничтожить. Пока царская власть не уничтожена, уступки царя всегда будут непрочны. Царь давал уступки, когда натиск революции усиливался, и брал назад все уступки, когда натиск ослабевал. Только завоевание демократической республики, свержение царской власти, переход власти в руки народа может избавить Россию от насилия и произвола чиновников, от черносотенно-октябристской Думы, от всевластия помещиков и помещичьих прислужников в деревне. Если бедствия крестьян и рабочих стали теперь, после революции, еще более тяжелыми, чем прежде, то это расплата за то, что революция была слаба, что царская власть не была свергнута. 1905 г., а затем две первые Думы и их разгон научили народ очень многому, научили прежде всего общей борьбе за политические требования. Народ, пробуждаясь к политической жизни, сначала требовал от самодержавия уступок: чтобы царь созвал Думу, чтобы царь заменил старых министров новыми, чтобы царь «дал» всеобщее избирательное право. Но самодержавие не шло и не могло итти на такие уступки. На просьбы об уступках самодержавие отвечало штыками. И тогда народ начал приходить к сознанию о необходимости борьбы против самодержавной власти. Теперь Столыпин и черная, господская Дума еще с большей силой вбивают, можно сказать, это понимание в голову крестьянам. Вбивают и вобьют.

Царское самодержавие тоже извлекло для себя урок из революции. Оно увидело, что полагаться на веру крестьян в царя нельзя. Оно укрепляет теперь свою власть посредством союза с черносотенными помещиками и октябристскими фабрикантами. Чтобы свергнуть царское самодержавие, нужен теперь гораздо более сильный натиск революционной массовой борьбы, чем в 1905 г.

Возможен ли такой гораздо более сильный натиск? Ответ на этот вопрос приводит нас к третьему и самому главному уроку революции. Этот урок состоит в том, что мы видели, как действуют различные классы русского народа. До 1905 г. многим казалось, что весь народ одинаково стремится к свободе и хочет одинаковой свободы; по крайней мере, у громадного большинства не было никакого ясного понятия о том, что различные классы русского народа различно относятся к борьбе за свободу и добиваются неодинаковой свободы. Революция рассеяла туман. В конце 1905 г., а затем также и во время первой и второй Думы все классы русского общества выступили открыто. Они показали себя на деле, обнаружили, каковы их настоящие стремления, за что они могут бороться и насколько сильно, упорно, энергично они способны бороться.

Фабрично-заводские рабочие, промышленный пролетариат вел самую решительную и самую упорную борьбу с самодержавием. Пролетариат начал революцию девятым января и массовыми стачками. Пролетариат довел борьбу ко конца, поднявшись на вооруженное восстание в декабре 1905 г., на защиту расстреливаемых, избиваемых, истязуемых крестьян. Число бастовавших рабочих в 1905 г. было около трех миллионов (а с железнодорожниками, почтовыми служащими и т. д., наверное, до 4 миллионов), в 1906 г. — один миллион, в 1907 — ¾ миллиона. Подобной силы стачечного движения не видывал еще мир. Русский пролетариат показал, какие непочатые силы таятся в рабочих массах, когда назревает действительно революционный кризис. Величайшая в мире стачечная волна 1905 г. далеко еще не исчерпала всех боевых сил пролетариата. Например, в московском фабричном округе было 567 тысяч фабрично-заводских рабочих и 540 тысяч стачечников, а в петербургском — 300 тысяч фабрично-заводских рабочих и 1 миллион стачечников. Значит, рабочие московского района далеко еще не развили такого упорства в борьбе, как петербургские. А в Лифляндской губернии (город Рига) на 50 тысяч рабочих было 250 тысяч стачечников, т. е. каждый рабочий бастовал, в среднем, более, чем по пяти раз в 1905 г. Теперь во всей России никак не менее трех миллионов фабричных, горных и железнодорожных рабочих, и число это каждый год возрастает; при такой силе движения, как в Риге в 1905 г., они могли бы выставить армию в 15 миллионов стачечников.

Перед таким натиском не устояла бы никакая царская власть. Но всякий понимает, что подобного натиска нельзя вызвать искусственно, по желанию социалистов или передовых рабочих. Такой натиск возможен только тогда, когда всю страну охватывает кризис, возмущение, революция. Чтобы

подготовить такой натиск, нужно втянуть в борьбу самые отсталые слои рабочих, нужно вести годы и годы упорную, широкую, неуклонную, пропагандистскую, агитационную и организационную работу, создавая и укрепляя всякого вида союзы и организации пролетариата.

По силе борьбы рабочий класс России стоял впереди всех остальных классов русского народа. Самые условия жизни рабочих делают их способными к борьбе и толкают на борьбу. Капитал собирает рабочих большими массами в крупных городах, сплачивает их, обучает совместным действиям. На каждом шагу рабочие сталкиваются лицом к лицу со своим главным врагом — с классом капиталистов. Борясь с этим врагом, рабочий становится социалистом, приходит к сознанию необходимости полного переустройства всего общества, полного уничтожения всякой нищеты и всякого угнетения. Становясь социалистами, рабочие с беззаветной отвагой борются против всего, что стоит им поперек пути, и прежде всего против царской власти и крепостников-помещиков.

Крестьяне тоже выступили на борьбу против помещиков и против правительства в революции, но их борьба была гораздо более слабой. Сосчитано, что из фабричных рабочих участвовало в революционой борьбе, в стачках— большинство (до $^3/_5$), а из крестьян несомненно только меньшинство; наверное, не больше одной пятой или одной четвертой части. Крестьяне боролись менее упорно, более разрозненно, менее сознательно, все еще надеясь нередко на доброту царя-батюшки. В 1905—1906 гг. крестьяне, собственно, только попугали царя и помещиков. А их надо не попугать, их надо уничтожить, их правительство — царское правительство — надо стереть с лица земли. Теперь Столыпин и черная, помещичья, Дума стараются создать из богатых крестьян новых помещиков-хуторян, союзников царя и черной сотни. Но чем больше помогает царь и Дума крестьянам-богатеям разорять массу крестьян, тем сознательнее становится эта масса, тем меньше будет она сохранять веру в царя, веру крепостных рабов, веру забитых и темных людей. С каждым годом все больше становится в деревне сельских рабочих,—им нечего искать спасения кроме как в союзе с городскими рабочими для общей борьбы. С каждым годом все больше становится в деревне разоренных, обнищавших до конца, изголодавшихся крестьян, — из них миллионы и миллионы пойдут, когда поднимется городской пролетариат, на более решительную, на более сплоченную борьбу с царем и помещиками.

В революции принимала участие также либеральная буржуазия, т. е. либеральные помещики, фабриканты, адвокаты, профессора и т. д. Они составляют партию «народной свободы» (к.-д., кадеты). Они много обещали народу и много шумели о свободе в своих газетах. Они имели большинство депутатов в I и II Думах. Они сулились «мирным путем» добиться свободы, они осуждали революционную борьбу рабочих и крестьян. Крестьяне и многие из крестьянских депутатов («трудовиков») верили этим посулам и шли покорно и послушно за либералами, сторонясь от революционной борьбы

пролетариата. В этом состояла величайшая ошибка крестьян (и многих горожан) во время революции. Либералы одной рукой, да и то очень-очень редко, помогали борьбе за свободу, а другую руку всегда протягивали царю, обещая ему сохранить и укрепить его власть, помирить крестьян с помещиками, «утихомирить» «буйных» рабочих.

Когда революция дошла до решительной борьбы с царем, до декабрьского восстания 1905 г., либералы все целиком подло изменили свободе народа, отшатнулись от борьбы. Царское самодержавие воспользовалось этим предательством народной свободы либералами, воспользовалось темнотою крестьян, во многом веривших либералам, и разбило восставших рабочих. А когда был разбит пролетариат, никакие Думы, никакие сладкие речи кадетов, никакие их посулы не удержали царя от уничтожения всех остатков свободы, от восстановления самодержавия и всевластия крепостников-помещиков.

Либералы оказались обманутыми. Крестьяне получили тяжелый, но полезный урок. Не бывать на Руси свободе, пока широкие массы народа верят либералам, верят в возможность «мира» с царской властью, сторонятся от революционной борьбы рабочих. Никакая сила на земле не удержит наступление свободы в России, когда поднимется на борьбу масса городского пролетариата, отодвинет колеблющихся и предательских либералов, поведет за собой сельских рабочих и разоренное крестьянство.

А что пролетариат России подымется на такую борьбу, что он станет во главе революции — за это ручается все экономическое положение России, весь опыт революционных годов.

Ленин, Уроки революции, Соч., XI, ч. 2, 1 изд., 110—114.

Революционный кризис на почве неразрешенных буржуазно-демократических задач остается неизбежным. Он назревает снова, мы идем опять навстречу к нему, идем по-новому, *не так*, как прежде, не тем темпом, не в старых только формах, но идем несомненно.

Задачи пролетариата вытекают из такого положения с полнейшей, неуклонной определенностью. Как единственный до конца революционный класс современного общества, он должен быть руководителем, гегемоном в борьбе всего народа за полный демократический переворот, в борьбе *всех* трудящихся и эксплоатируемых против угнетателей и эксплоататоров. Пролетариат революционен лишь постольку, поскольку он сознает и проводит в жизнь эту идею гегемонии. Пролетарий, сознавший эту задачу, есть раб, восставший против рабства. Пролетарий, не сознающий идеи гегемонии своего класса, или отрекающийся от этой идеи, есть раб, не понимающий своего рабского положения: в лучшем случае это—раб, борющийся за улучшение своего рабского положения, а *не* за свержение рабства.

Ленин, Реформизм в русской социал-демократии, Соч., XI, ч. 2, 1 изд., 349.

4. КРЕСТЬЯНСТВО В ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

Ограничиваясь теперь анализом классовой борьбы и соотношения классовых сил на данном этапе революции, мы должны еще поставить вопрос: каковы союзники пролетариата в данной революции?

У него два союзника: во-первых, широкая, много десятков миллионов насчитывающая, громадное большинство населения составляющая масса полупролетарского и, частью, мелкокрестьянского населения в России. Этой массе необходим мир, хлеб, свобода, земля. Эта масса неизбежно будет находиться под известным влиянием буржуазии, и особенно мелкой буржуазии, к которой она всего ближе подходит по своим жизненным условиям, колеблясь между буржуазией и пролетариатом. Жестокие уроки войны, которые будут тем более жестокими, чем энергичнее поведут войну Гучков, Львов, Милюков и К°, неизбежно будут толкать эту массу к пролетариату, вынуждать ее итти за ним. Эту массу мы должны теперь, пользуясь свободой нового порядка и советами рабочих и солдатских депутатов, стараться просветить и организовать прежде всего и больше всего. Советы крестьянских депутатов, советы сельскохозяйственных рабочих — вот одна из насущнейших задач. Наши стремления будут состоять при этом не только в том, чтобы сельскохозяйственные рабочие выделяли свои особые советы, но и чтобы неимущие и беднейшие крестьяне организовались отдельно от зажиточных крестьян.

Во-вторых, союзник русского пролетариата есть пролетариат всех воюющих и всех вообще стран. Он в значительной степени придавлен войной сейчас, и от имени его слишком часто говорят перешедшие и в Европе, как Плеханов, Гвоздев, Потресов в России, на сторону буржуазии социал-шовинисты. Но освобождение пролетариата из-под их влияния шло вперед с каждым месяцем империалистской войны, а русская революция неизбежно ускорит этот процесс в громадных размерах.

С этими двумя союзниками пролетариат России может пойти и пойдет, используя особенности теперешнего переходного момента, к завоеванию сначала демократической республики и полной победы крестьянства над помещиком, а затем к социализму, который один даст измученным войной народам мир, хлеб и свободу.

Ленин, Первый этап первой революции, Письма издалека, Соч., XX, 2 изд., 19—20.

5. КРЕСТЬЯНСТВО В ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

Буржуазия превосходно понимает то, чего не понимают мелкобуржуазные болтуны из эсеров и «левых» меньшевиков, — именно, что нельзя отменить частную собственность на землю в России — и притом без выкупа, — без гигантской экономической революции, без взятия под общенародный контроль банков, без национализации синдикатов, без ряда самых

беспощадных революционных мер против капитала. Буржуазия превосходно понимает это. И в то же время она не может не знать, не видеть, не осязать, что громадное большинство крестьян в России не только выскажется теперь за конфискацию помещичьих земель, но и окажется значительно левее Чернова.

Ленин, О конституционных иллюзиях, Соч., XIV, ч. 2, 1 изд., 20.

Победившая большевистская революция означала конец колебаний, означала полное разрушение монархии и помещичьего землевладения (до Октябрьской революции оно не было разрушено). Буржуазная революция была нами доведена до конца. Крестьянство шло за нами в целом. Его антагонизм к социалистическому пролетариату не мог обнаружиться в один момент. Советы объединяли крестьянство вообще. Классовое деление внутри крестьянства еще не назрело, еще не вылилось наружу.

Этот процесс развился летом и осенью 1918 г. Чехо-словацкое контрреволюционное восстание разбудило кулаков. По России прошла волна кулацких восстаний. Беднейшее крестьянство не из книг, не из газет, а из жизни училось непримиримости своих интересов с интересами кулаков, богатеев, деревенской буржуазии. «Левые эсеры», как всякая мелкобуржуазная партия, отражали колебания масс, и именно летом 1918 г. они раскололись: часть пошла вместе с чехо-словаками (восстание в Москве, когда Прошьян, захватив телеграф — на час! — оповещал Россию о свержении большевиков, затем измена главнокомандующего армией против чехословаков, Муравьева, и т. д.); часть, названная выше, осталась с большевиками.

Ленин, Пролетарская революция и ренегат Каутский, Соч., XV, 1 изд., 510.

Волна восстаний контрреволюционеров, которая поднялась летом текущего года*, когда к походу на Россию западноевропейских империалистов, к походу их наемников—чехо-словаков—присоединилось все, что есть эксплоататорского и угнетательного в русской жизни. И эта волна пробудила новые веяния и новую жизнь в деревне.

Все эти восстания объединили на практике, в отчаянной борьбе против советской власти, и европейских империалистов, и их наемников — чехословаков и все, что оставалось в России еще на стороне помещиков и капиталистов. А за ними восстали и все деревенские кулаки.

Деревня перестала быть единой. В той деревне, которая как один человек боролась против помещиков, возникли два лагеря — лагерь трудящегося беднейшего крестьянства, которое вместе с рабочими твердо продолжало итти к осуществлению социализма и переходило от борьбы против помещиков к борьбе против капитала, против власти денег, против кулац-

* 1918 г. — *Прим. сост.*

кого использования великого земельного преобразования, и лагерь более зажиточных крестьян. Эта борьба, отколов окончательно от революции имущие, эксплоататорские классы, перевела нашу революцию полностью на те социалистические рельсы, на которые рабочий класс городов твердо и решительно хотел ее поставить в октябре, но на которую он никогда не сможет победоносно направить революцию, если не найдет сознательной, твердо сплоченной поддержки в деревнях.

Вот в чем значение переворота, который произошел в нынешнее лето и в нынешнюю осень по самым глухим закоулкам деревенской России, который не был шумен, не был так наглядно виден и не бросался так всем в глаза, как октябрьский переворот прошлого года, но который имеет еще несравненно более глубокое и важное значение.

Образование в деревне комитетов бедноты было поворотным пунктом и показало, что рабочий класс городов, объединившийся в октябре со всем крестьянством для того, чтобы разбить главного врага свободной, трудящейся и социалистической России, чтобы разбить помещиков — от этой задачи пошел вперед, к гораздо более трудной и исторически более высокой и действительной социалистической задаче — и в деревню внести сознательную социалистическую борьбу, и в деревне пробудить сознание, что величайший земельный переворот — провозглашение в октябре отмены частной собственности на землю, провозглашение социализации земли, что этот переворот остался бы неизбежно на бумаге, если бы городские рабочие не пробудили к жизни деревенский пролетариат, деревенскую бедноту, трудящееся крестьянство, которое составляет громадное большинство, которое вместе со средним крестьянством не эксплоатирует чужого труда, не заинтересовало в эксплоатации, и которое способно, поэтому, итти, и пошло теперь дальше, от совместной борьбы против помещиков к общепролетарской борьбе против капитала, против власти эксплоататоров, опирающихся на силу денег, на силу движимого имущества, пошло от очистки России от помещиков к образованию социалистического порядка.

Этот шаг... представлял из себя самую большую трудность. Относительно этого шага все те, кто сомневался в социалистическом характере нашей революции, пророчили нам неизбежный неуспех, и от этого шага зависит теперь все дело социалистического строительства в деревне. Образование комитетов бедноты, широкая сеть этих комитетов, которая раскинулась по России, предстоящее теперь и частью уже начатое преобразование их в полновластные сельские советы депутатов, которые должны провести в деревне основные начала советского строительства — власти трудящихся, — вот где настоящий залог того, что мы не ограничили свою работу тем, чем ограничивались обычные буржуазно-демократические революции в западно-европейских странах. Уничтожив монархию и средневековую власть помещиков, мы переходим теперь к делу подлинного социалистического строительства. Дело это в деревне самое трудное, но в то же время и самое важное. Работа эта самая благодарная. Если удалось в самой

деревне пробудить сознательность в трудящейся части крестьянства, если она именно волною капиталистических восстаний окончательно отделена от интересов класса капиталистов, если трудящееся крестьянство, в комитетах бедноты и в преобразовываемых советах, все теснее и теснее сливается с городскими рабочими,—то в этом мы видим единственный и в то же время вернейший и несомненно прочный залог того, что дело социалистического строительства стало в России теперь прочнее. Теперь оно приобрело основу и в громадной массе земледельческого деревенского населения.

Нет сомнения, что в такой крестьянской стране, как Россия, социалистическое строительство представляет из себя задачу очень трудную. Нет сомнения, что смести врага вроде царизма, вроде власти помещиков, вроде помещичьего землевладения можно было сравнительно легко. Можно было в центре решить эту задачу в несколько дней, можно было по всей стране решить ее в несколько недель, но задача, к которой мы теперь приступаем, по самой сути своей, может быть решена только чрезвычайно упорным и длительным трудом. Тут нам предстоит борьба шаг за шагом, вершок за вершком; придется отвоевывать завоевания новой социалистической России, бороться за общественную обработку земли.

И само собой понятно, что такого рода переворот—переход от мелких единичных крестьянских хозяйств к общественной обработке земли — требует долгого времени, что он ни в коем случае не может быть совершен сразу.

Мы прекрасно знаем, что в странах с мелким крестьянским хозяйством переход к социализму невозможен без целого ряда постепенных предварительных ступеней. В сознании этого, октябрьский переворот первой этой задачей поставил только сметение и уничтожение помещичьей власти. Февральский основной закон о социализации земли, который, как вы знаете, проведен был единогласным решением и коммунистов и тех участников советской власти, которые на точке зрения коммунистов не стояли, этот закон является в то же время и выражением воли и сознания громадного большинства крестьян и доказательством того, что рабочий класс, рабочая коммунистическая партия, сознавая свою задачу, настойчиво, терпеливо, рядом постепенных переходов, пробуждая сознание трудящейся части крестьянства, и идя вперед лишь в меру пробуждения этого сознания, лишь в меру самостоятельной организации крестьянства, двигается по пути к новому социалистическому строительству.

Ленин, Речь на I всерос. съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун, Соч., XV, I изд., 590—593.

Касаясь вопроса о союзе рабочих-большевиков с левыми эсерами, которым сейчас доверяют многие крестьяне, я доказывал в своей речи, что союз этот *может* быть «честной коалицией», честным союзом, ибо коренного расхождения интересов наемных рабочих с интересами трудящихся и эксплоатируемых крестьян *нет*. Социализм *вполне* может удовлетворить

интересы тех и других. Только социализм может удовлетворить их интересы. Отсюда возможность и необходимость «честной коалиции» между пролетариями и трудящимися и эксплоатируемыми крестьянами. Напротив, «коалиция» (союз) между трудящимися и эксплоатируемыми классами, с одной стороны, буржуазией, с другой стороны, не может быть «честной коалицией», вследствие коренного расхождения интересов этих классов.

Представьте себе, — говорил я, — что в правительстве будет большинство большевиков и меньшинство левых эсеров, допустим даже, всего один левый эсер, комиссар земледелия. Могут ли большевики осуществить честную коалицию в таком случае?

Могут, ибо, будучи непримиримыми в борьбе с контрреволюционными элементами (в том числе с правоэсеровскими и оборончесскими), большевики обязаны были бы воздержаться при голосовании таких вопросов, которые касаются чисто эсеровских пунктов земельной программы, утвержденной II Всероссийским съездом советов. Таков, например, пункт об уравнительном землепользовании и переделах земли между мелкими хозяевами.

Воздерживаясь при голосовании такого пункта, большевики ни капельки не изменяют своей программы. Ибо, при условии победы социализма (рабочий контроль над фабриками, следующая за этим экспроприация их, национализация банков, создание высшего экономического совета, регулирующего все народное хозяйство страны), при таком условии рабочие обязаны согласиться на переходные меры, предлагаемые трудящимися и эксплоатируемыми крестьянами, если эти меры не вредят делу социализма. И Каутский, когда он был еще марксистом (в 1899 — 1909 гг.), неоднократно признавал, — говорил я, — что переходные меры к социализму не могут быть одинаковы в странах крупного и в странах мелкого земледелия.

Мы, большевики, обязаны были воздержаться в Совете народных комиссаров или в ЦИК при голосовании подобного пункта, ибо при согласии левых эсеров (а равно стоящих на их стороне крестьян) на рабочий контроль, на национализацию банков и т. д., уравнительное землепользование было бы лишь одной из переходных мер к полному социализму. Такие переходные меры пролетариату нелепо бы было навязывать; он обязан, в интересах победы социализма, уступить трудящимся и эксплоатируемым крестьянам в выборе этих переходных мер, ибо вреда делу социализма они не принесли бы.

Ленин, Союз рабочих с трудящимися и эксплоатируемыми крестьянами, Соч., XV, 1 изд., 37—38.

6. КРЕСТЬЯНСТВО В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ 1917—21 гг.

Вторая сила* — это то, что стоит между развитием капитала и пролетариатом. Это — мелкая буржуазия, мелкие хозяева, это то, что в России

* Вторая сила революции.—*Прим. сост.*

больше всего является продуктом подавляющего перевеса крестьянского населения. Главным образом, это мелкие хозяева и мелкое земледелие. На девять десятых они таковы и иными быть не могут. В острой борьбе капитала с трудом они ежедневно не участвуют, школы не проходили, экономические и политические условия жизни не сближают их, а разъединяют, отталкивают один от другого, превращают в миллионы мелких хозяев поодиночке. Таковы факты, которые вы все прекрасно знаете. Никакие коллективы, колхозы, коммуны раньше, чем через долгий и долгий ряд лет, переделать это не могут. Со своими врагами справа, с классом помещиков, эта сила, благодаря революционной энергии и беззаветности пролетарской диктатуры, покончила так скоро, как никогда, смела его до низу, устранила его господство с невиданной быстротой. Но чем скорее она устранила его господство, чем скорее переходила к своему хозяйству на общенародной земле, чем решительнее расправлялась с небольшим меньшинством кулаков, тем скорее сама превращалась в хозяйчиков. Вы знаете, что русская деревня за это время выровнялась. Убавилась доля крупных посевщиков и беспосевщиков, увеличилось хозяйство середняцкое. Наша деревня стала за это время более мелкобуржуазной. Это самостоятельный класс, тот класс, который после уничтожения, изгнания помещиков и капиталистов, остается единственным классом, способным противостоять пролетариату. И поэтому нелепо писать на плакатах, что царству рабочих и крестьян не будет конца.

Вы знаете, какова эта сила с точки зрения ее политического настроения. Это — сила колебания. Это мы видели на своей революции во всех концах страны — в России по-своему, в Сибири по-своему, на Украине по-своему, но везде итог был один, это — сила колебания. Ее долго вели на помочах эсеры и меньшевики, и при помощи Керенского, и в период Колчака, и когда было в Самаре учредительное собрание, и когда у Колчака или у его предшественников был министром меньшевик Майский, и т. д. Эта сила колебалась между руководством пролетариата и руководством буржуазии. Почему же эта сила, которая, в громадном большинстве, сама собой не руководила? Потому что экономические условия жизни этой массы таковы, что объединиться сама, сплотиться сама она не может. Это ясно для всякого, кто не дает себя во власть пустых слов о «всенародном голосовании», об учредиловке и тому подобной «демократии», которая одурачивала народ сотни лет во всех странах, а у нас ее сотни недель проделывали эсеры и меньшевики, каждый раз на этом самом месте терпя провал. Мы знаем из своего собственного опыта—и подтверждение этого видим в развитии всех революций, если брать новую эпоху, скажем 150 лет, во всем мире, — что везде и всегда результат был именно такой: все попытки мелкой буржуазии вообще, крестьян в частности, осознать свою силу, по-своему направить экономику и политику кончались крахом. Либо под руководством пролетариата, либо под руководством капиталистов — середины нет. Все, кто о ней мечтают,—пустые мечтатели, фантазеры. Их опровергает политика, экономика и история. Все ученье Маркса показывает, что раз предположить

мелкого хозяина собственником на средства производства и на землю, то из обмена между ними обязательно вырастает капитал, а вместе с ним противоречия между капиталом и трудом. Борьба капитала с пролетариатом — это неизбежность, это закон, показавший себя во всем мире, и кто не хочет сам себя обманывать, тот не может этого не видеть.

Из этих основных экономических фактов и вытекает то, почему эта сила сама себя проявить не может и почему попытки к тому в истории всех революций всегда кончались крахом. Поскольку пролетариату не удается руководить революцией, эта сила всегда становится под руководство буржуазии. Так было во всех революциях, и, конечно, и российские люди не особым миром мазаны, и, если они пожелают лезть в святые, ничего, кроме смешного не выйдет. Разумеется, история и к нам относится так же, как к другим. Для нас всех все это потому особенно наглядно, что все мы пережили керенщину. Тогда руководителей политической линии, умных, образованных, с большим опытом в политике и в управлении государством, для поддержки правительства было во сто раз больше, чем у большевиков. Если посчитать всех должностных лиц, которые нас саботировали и которые не ставили своей задачей саботировать правительство Керенского, опиравшееся на меньшевиков и эсеров, то таких было огромное большинство. И все-таки оно потерпело крах. Значит, были причины, которые пересилили громадное преобладание интеллигентских, образованных сил, привыкших к управлению государством, овладевших этим искусством за десятилетия раньше того, как им пришлось брать в свои руки государственную власть. Этот опыт проделали в других вариантах Украина, Дон, Кубань, и все пришли к одному результату. Тут случайностей не может быть. Таков экономический и политический закон второй силы: либо под руководством пролетариата — путь тяжелый, но который может вывести из-под господства помещиков и капиталистов, — либо под руководством капиталистов, как в передовых демократических республиках, даже в Америке, где еще не совсем закончена даровая раздача земли (раздавалась по 60 десятин даром, всякому пришлому; лучшего условия нельзя себе представить!) и где это привело к полному господству капитала.

Ленин, Речь на всероссийском съезде транспортных рабочих, Соч., XVIII, ч. 1, I изд., 177—179.

В течение громадного периода господства буржуазии крестьянство поддерживало ее власть, было на стороне буржуазии. Это понятно, если принять во внимание экономическую силу буржуазии и политические средства ее господства. Мы не можем рассчитывать, чтобы средний крестьянин стал немедленно на нашу сторону. Но если мы правильно будем вести политику, то через некоторое время эти колебания прекратятся, и крестьянин сможет встать на нашу сторону.

Еще Энгельс, который вместе с Марксом заложил основы научного марксизма, т. е. учения, которым руководится наша партия постоянно и

в особенности во время революции,—еще Энгельс устанавливал подразделение крестьянства на мелкое, среднее и крупное. И это деление для громадного большинства европейских стран и теперь соответствует действительности. Энгельс говорил: «может быть даже крупное крестьянство не везде придется подавлять насилием». А чтобы мы могли когда-нибудь применять насилие к среднему крестьянству (мелкое — наш друг), — об этом ни один разумный социалист никогда не думал.

Так говорил Энгельс в 1894 г., за год до своей смерти, когда аграрный вопрос встал на очередь дня. Эта точка зрения нам показывает ту истину, которую иногда забывают, но относительно которой в теории мы все согласны. По отношению к помещикам, к капиталистам наша задача — полная экспроприация. Но никаких насилий по отношению к среднему крестьянину мы не допускаем. Даже по отношению к богатому крестьянству мы не говорим с такой решительностью, как по отношению к буржуазии: абсолютная экспроприация богатого крестьянства и кулаков. В нашей программе это различие проведено. Мы говорим: подавление сопротивления богатого крестьянства, подавление его контрреволюционных поползновений. Это не есть полная экспроприация.

Основное различие, которое определяет наше отношение к буржуазии и к среднему крестьянству, — полная экспроприация буржуазии, союз с средним крестьянством, не эксплоатирующим других, — эта основная линия в теории всеми признается. Но на практике эта линия соблюдается непоследовательно, на местах не научились еще соблюдать ее.

Ленин, О работе в деревне, Соч., XVI, I изд., 145—146.

Мелкобуржуазная стихия недаром называется стихией, ибо это действительно нечто наиболее бесформенное, неопределенное, бессознательное.

Нарциссы мелкой буржуазии думают, что «всеобщее голосование» уничтожает натуру мелкого производителя при капитализме, но на самом деле оно п о м о г а е т буржуазии, при помощи церкви, печати, учительства, полиции, военщины, экономического гнета в тысячах форм, помогает ей п о д ч и н я т ь себе распыленных мелких производителей. Разорение, нужда, тяжесть положения вызывает колебания; сегодня за буржуазию, завтра за пролетариат. Только закаленный авангард пролетариата способен устоять и противостоять колебаниям.

Ленин, О продовольственном налоге, Соч., XVIII, ч. 1, I изд., 231—232.

Сначала положение было таково, что мы видели напор всего крестьянства против власти помещиков. Против помещиков шли одинаково и бедняки и кулаки, хотя, конечно, с разными намерениями: кулаки шли с целью отобрать землю у помещика и развить на ней свое хозяйство. Вот тогда и обнаружились между кулаками и беднотой различные интересы и стремления. На Украине эта рознь интересов и сейчас видна с гораздо большей ясностью, чем у нас. Беднота непосредственно этот переход земли от помещи-

ков могла использовать очень мало, ибо у нее не было для этого ни материалов, ни орудий. И вот мы видим, что беднота организуется, чтобы не дать кулакам захватить отобранные земли. Советская власть оказывает помощь возникшим комитетам бедноты у нас и комнезаможам на Украине. Что же получилось в результате? В результате получилось, что преобладающим элементом в деревне явились середняки. Мы знаем это из статистики, а всякий, живущий в деревне, знает это из своих наблюдений. Меньше стало крайностей в сторону кулачества, меньше и в сторону нищеты, и большинство населения стало приближаться к середняцкому. Если нам нужно поднять производительность нашего крестьянского хозяйства, то мы должны считаться, в первую очередь, с середняком. Коммунистической партии пришлось сообразно с этим строить свою политику.

Ленин, О продналоге, Соч., XVIII, ч. 1, изд. 1-е, 195—196.

Среднее крестьянство — это самый крупный слой, который увеличился после нашей революции, потому что мы уничтожили помещичью частную собственность на землю, мы создали громадное количество среднего крестьянства. Крестьянство само испытало улучшение от нашей революции, потому что оно все помещичьи земли взяло. Если же среди них замечается недовольство, мы говорим, что это недовольство идет сверху, и надо знать, насколько оно законно при недостатке наших сил.

Ленин, Внешнее и внутреннее положение, Соч., XVI, изд. 1-е, 175.

По вопросу о работе в деревне VIII Съезд, стоя на почве принятой 22 марта 1919 г. партийной программы и всецело поддерживая проведенный уже советской властью закон о социалистическом землеустройстве и переходных мерах к социалистическому земледелию, признает, что в настоящий момент особо важное значение имеет более правильное проведение партийной линии по отношению к среднему крестьянству, в смысле более внимательного отношения к его нуждам, устранения произвола со стороны местных властей и стремления к соглашению с ним.

1. Смешивать средних крестьян с кулачеством, распространять на них в той или иной степени меры, направленные против кулачества, значит нарушать самым грубым образом не только все декреты советской власти и всю ее политику, но и все основные принципы коммунизма, указывающие на соглашение пролетариата с средним крестьянством, в период решительной борьбы пролетариата за свержение буржуазии, как на одно из условий безболезненного перехода к устранению всякой эксплоатации.

2. Среднее крестьянство, имеющее сравнительно крепкие экономические корни, в силу отсталости сельскохозяйственной техники от промышленной даже в передовых капиталистических странах, не говоря уже о России, будет держаться довольно долгое время после начала пролетарской революции.

Поэтому тактика советских работников в деревне, равно как и деятелей партии, должна быть рассчитана на длительный период сотрудничества с средним крестьянством.

3. Партия должна во что бы то ни стало добиться полной ясности и твердого сознания всеми советскими работниками деревни той, вполне установленной научным социализмом истины, что среднее крестьянство не принадлежит к эксплоататорам, ибо не извлекает прибыли из чужого труда. Такой класс мелких производителей не может потерять от социализма, а, напротив, выигрывает в очень сильной степени от свержения ига капитала, эксплоатирующего его тысячью способами во всякой, даже самой демократической республике.

Вполне правильная политика советской власти в деревне обеспечивает таким образом союз и соглашение победоносного пролетариата со средним крестьянством.

4. Поощряя товарищества всякого рода, а равно сельскохозяйственные коммуны средних крестьян, представители советской власти не должны допускать ни малейшего принуждения при создании таковых. Лишь те объединения ценны, которые проверены самими крестьянами по их свободному почину и выгоды коих проведены ими на практике. Чрезмерная торопливость в этом деле вредна, ибо способна лишь усиливать предубеждения среднего крестьянства против новшеств.

Те представители советской власти, которые позволяют себе употреблять не только прямое, но хотя бы и косвенное принуждение, в целях присоединения крестьян к коммунам, должны подвергаться строжайшей ответственности и отстранению от работы в деревне.

5. Всякие произвольные реквизиции, т. е. не опирающиеся на точные указания законов центральной власти, должны беспощадно преследоваться. Съезд настаивает на усилении контроля нар. ком. земледелия, нар. ком. внутренних дел, а равно ВЦИК в этом отношении.

6. В настоящий момент крайняя разруха, вызванная во всех странах мира 4-летней империалистской войной из-за грабительских интересов капиталистов и особенно обострившаяся в России, ставит средних крестьян в трудное положение.

Принимая это во внимание, закон советской власти о чрезвычайном налоге в отличие от всех законов всех буржуазных правительств в мире настаивает на том, чтобы тяжесть налога ложилась целиком на кулаков, на немногочисленных представителей эксплоататорского крестьянства, нажившего себе особые богатства за время войны. Среднее же крестьянство должно облагаться чрезвычайно умеренно, лишь в размере вполне посильном и необременительном для него.

Партия требует, чтобы по отношению к среднему крестьянству взыскание чрезвычайного налога было смягчено во всяком случае, не останавливаясь даже перед уменьшением общей суммы налога.

7. Социалистическое государство должно развернуть широчайшую помощь крестьянству, заключающуюся, главным образом, в снабжении средних крестьян продуктами городской промышленности и в особенности улучшенными сельскохозяйственными орудиями, семенами и всяческими материалами для повышения сельскохозяйственной культуры и для обеспечения труда и жизни крестьян.

Если настоящая разруха не позволяет провести эти меры немедленно и полностью, то на обязанности местных советских властей лежит изыскивать всевозможные пути к оказанию беднейшему и среднему крестьянству всяческой реальной помощи, которая поддержала бы его в настоящий трудный момент. Партия находит необходимым ассигновать для этого крупный государственный фонд.

8. В особенности надо добиваться, чтобы действительно проводился в жизнь и притом полностью закон советской власти, требующий от сельских хозяев, сельскохозяйственных коммун и всех подобных объединений оказания немедленной и всесторонней помощи окрестным и средним крестьянам. Только на основе такой, фактически оказываемой, помощи осуществимо соглашение с средним крестьянством. Только так можно и должно завоевать его доверие.

Съезд обращает внимание всех партийных работников на необходимость немедленного реального проведения в жизнь всех требований, которые указаны в аграрной части партийной программы, а именно:

а) упорядочение крестьянского землепользования (устранение чересполосицы, дальноземелья и пр.), б) снабжение крестьян улучшенными семенами и искусственными удобрениями, в) улучшение породы крестьянского скота, г) распространение агрономических знаний, д) агрономическая помощь крестьянам, е) ремонт в советских ремонтных мастерских сельскохозяйственного крестьянского инвентаря, ж) устройство прокатных пунктов, опытных станций, показных полей и т. п., з) мелиорация крестьянских земель.

9. Кооперативные объединения крестьян в целях поднятия сельского производства, в особенности в целях переработки с.-х. продуктов, мелиорации крестьянских земель, поддержки кустарной промышленности и т. д., должны находить со стороны государства широкую помощь как финансовую, так и организационную.

10. Съезд напоминает, что ни в постановлениях партии, ни в декретах советской власти никогда не было отступлений от линии соглашения со средним крестьянством. Так, например, в важнейшем вопросе о строительстве советской власти в деревне, когда были созданы комитеты бедноты, был опубликован циркуляр за подписью председателя Совнаркома и народного комиссара продовольствия, указывающий на необходимость включения в комитеты бедноты и представителей среднего крестьянства. При упразднении комитетов бедноты Всероссийский съезд советов вновь указал на необходимость включения в волостные советы представителей среднего крестьянства. Политика рабоче-крестьянского правительства и коммунистической партии дол-

жна вестись и впредь в этом духе соглашения пролетариата и беднейшего крестьянства со средним крестьянством.

Ленин, Резолюция об отношении к среднему крестьянству, Соч., XVI, изд. 1-е, 158—161.

Товарищи, мне кажется, что мы все же достигли, несмотря на высказанное многими товарищами с мест недовольство по поводу докладов и прений, одной цели: мы узнали, как обстоит на местах понимание новой политики и ее применения. Едва ли какую-либо другую цель мы могли ставить конференции, кроме обмена мнений для того, чтобы с этой новой политикой хорошо освоиться, к правильному применению ее перейти единодушно. Этой цели мы достигли. Правда, были недоумения и даже шатание мысли, к сожалению, порой выходящее далеко за пределы только практических недоумений и гаданий насчет того, что «всерьез» это или «не всерьез», надолго или ненадолго. То, что говорил т. Варейкис, было в сущности некоммунистично и по содержанию мысли напоминало меньшевизм. Надо это сказать прямо. Каким образом он мог приставать с вопросом: «вы скажите, крестьянство—класс или не класс?». Конечно, класс. Тогда,—говорит он,—ему нужны политические уступки, а если нет, тогда известные меры нужны в этом направлении, которые все же будут похожи на зубатовщину.

Тут была сделана ссылка на Мартова, что он утверждал это целиком, т. же Варейкис говорит: «до известной степени», «в той или иной мере», «отчасти». Путаница получается самая невероятнейшая, самая чудовищная. Это та же самая путаница, какая была, когда нас упрекали в применении насилия. И приходится опять разъяснять, что, когда мы говорим о диктатуре, это означает применение насилия. Всякое государство есть применение насилия, но вся разница в том, применяется ли это насилие против эксплоатируемых или против эксплоататоров, применяется ли оно против класса трудящихся и эксплоатируемых. То же самое — это сравнение с зубатовщиной. В чем состояла суть зубатовщины? В том, что мелкими экономическими уступками угнетенным классам поддерживали класс угнетателей. Вот почему тогда ответом было следующее: экономическими уступками вы не заставите пролетариат, класс, боровшийся за освобождение всех угнетенных, отказаться от идеи завоевания политической власти и разрушения системы угнетения. Теперь пролетариат держит в руках власть и руководит ею. Он руководит крестьянством. Что это значит — руководить крестьянством? Это значит, во-первых, вести линию на уничтожение классов, а не на мелкого производителя. Если бы мы с этой линии коренной и основной сбились, тогда мы перестали бы быть социалистами и попали бы в лагерь тех мелких буржуа, в лагерь эсеров и меньшевиков, которые являются сейчас самыми злейшими врагами пролетариата. Недавно т. Бухарин в «Правде» привел цитату такого серьезного политического мыслителя, как Милюков (это не чета Чернову и Мартову), который рассуждает, что теперь в России на политической арене борьбы есть место только для социалисти-

ческой партии. И поскольку эти «социалистические» партии, эсеры и меньшевики, желают взять на себя труд борьбы с большевиками, постольку им — эсерам и меньшевикам — «честь и место». Это буквальное выражение Милюкова, показывающее, что он умнее Мартова и Чернова, по одному тому, что он представитель крупной буржуазии (хотя бы лично он и не был так умен, как Чернов и Мартов). И Милюков прав. Он учитывает ступени политического развития совершенно трезво и говорит, что для перехода назад к капитализму необходима ступенька — эсеровщина и меньшевизм. Буржуазии такая ступенька нужна, а кто этого не понимает, тот глупец.

Милюков, с точки зрения интересов буржуазии, совершенно и абсолютно прав. Если мы, как партия пролетариата, руководим крестьянством, то мы должны вести линию на укрепление крупной промышленности и поэтому должны итти на экономические уступки. Пролетариат руководил крестьянством и так руководил им, что во время гражданской войны крестьянство получило больше экономических выгод, чем тот же пролетариат. Если говорить на языке Мартова, то это выходит зубатовщина. Экономические уступки делались для крестьянства. Эти уступки были сделаны той части трудящихся, которая составляет большинство страны. Что, это неправильная политика? — Нет, это — единственно правильная политика! И как бы здесь ни говорили о мартовских словечках, что вы не обманете класс, я все же вас спрашиваю — чем же мы обманываем? Мы говорим, что есть две дорожки: за Мартовым и Черновым, а через них — к Милюкову, или за коммунистами. Что же касается нас, то мы боремся за уничтожение капитализма и за установление коммунизма; путь наш очень тяжелый, и во время этого пути есть много усталых и неверящих. Крестьянство не верит. Но разве мы обманываем? Смешно говорить, что мы обманываем класс и что мы запутались в трех соснах и даже тут не в трех, а в двух соснах, потому что пролетариат и крестьянство только два класса. Пролетариат руководит крестьянством, но этот класс нельзя так загнать, как загнали и уничтожили помещиков и капиталистов. Надо долго и с большим трудом и большими лишениями его переделывать... От нас, от руководящей партии, зависит, сколько бедствий падет на пролетариат и сколько на крестьянство. Чем руководиться в этом разделении — поровну, уравнительно? Но пускай об этом говорят Чернов и Мартов, а мы говорим, что нужно руководиться интересами пролетариата, т. е. обеспечением от реставрации капитализма, и обеспечиванием пути к коммунизму. Если крестьянство сейчас больше устало, больше замучилось, или, вернее, больше себя считает усталым, то ему мы больше и уступаем для обеспечения от реставрации капитализма и обеспечения путей к коммунизму. Это — правильная политика, и мы руководствуемся только одним классовым расчетом. Мы открыто, честно, без всякого обмана крестьянам заявляем: для того чтобы удержать путь к социализму, мы вам, товарищи крестьяне, сделаем целый ряд уступок, но только в таких-то пределах и в такой-то мере, и, конечно, сами будем судить, какая это мера и какие пределы. Самая уступка идет с точки зрения

распределения тяжести, которая в большей степени до сих пор падала на пролетариат, чем на крестьянство. За три с половиной года диктатуры пролетариата больше бедствий взял на себя пролетариат, чем крестьянство. Это совершенно очевидная и бесспорная истина. Вот как стоит вопрос в отношении между пролетариатом и крестьянством, т. е. или крестьянство должно итти с нами на соглашение, и мы делаем ему экономические уступки, или — борьба. Вот почему всякие другие доводы представляют из себя ужаснейшую путаницу. На деле всякий другой путь есть путь к Милюкову, к восстановлению помещиков и капиталистов, а мы говорим, что мы на всякие уступки пойдем в пределах того, что поддерживает и укрепляет власть пролетариата, который неуклонно, несмотря на трудности и препятствия, идет к уничтожению классов и к коммунизму.

Ленин, Соч., XVIII, ч. 1, изд. 1-е, 269—272.

7. СОЮЗ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН В СССР

Внутреннее политическое положение Советской России определяется тем, что здесь мы видим в первый раз во всемирной истории существование, в течение целого ряда лет, только двух классов: пролетариата, который воспитан десятилетиями, очень молодой, но все же современной крупной машинной промышленностью, и мелкого крестьянства, составляющего огромное большинство населения.

Крупные земельные собственники и капиталисты в России не исчезли, но они подверглись полной экспроприации, разбиты совершенно политически, как класс, остатки коего попрятались среди государственных служащих советской власти. Классовую организацию они сохранили за границей, как эмиграция, насчитывающая, вероятно, от 1½ до 2 миллионов человек, имеющая свыше полусотни ежедневных газет всех буржуазных и «социалистических» (т. е. мелкобуржуазных) партий, остатки армии и многочисленные связи с международной буржуазией. Эта эмиграция всеми силами и средствами работает над разрушением советской власти и восстановлением капитализма в России.

При таком внутреннем положении России для ее пролетариата, как господствующего класса, главной задачей момента является правильное определение и осуществление тех мер, которые необходимы для руководства крестьянством, для прочного союза с ним, для долгого ряда постепенных переходов к крупному обобществленному машинному земледелию. Эта задача в России особенно трудна, как в силу отсталости нашей страны, так и вследствие крайнего разорения ее империалистической и гражданской семилетней войны. Но и помимо такой особенности, эта задача принадлежит к числу труднейших задач социалистического строительства, которые встанут перед всеми капиталистическими странами,—может быть за исключением одной только Англии. Однако, и по отношению к Англии нельзя забывать, что если в ней особенно малочисленен класс мелких землевладельцев-арендаторов, то в ней зато исключительно высок процент живущих по-мелкобур-

жуазному среди рабочих и служащих, вследствие фактического рабства сотни миллионов людей в колониях, «принадлежащих» Англии.

Поэтому, с точки зрения всемирной пролетарской революции, как единого процесса, значение переживаемой Россией эпохи состоит в том, чтобы практически испытать и проверить политику пролетариата, держащего государственную власть в своих руках, по отношению к мелкобуржуазной массе.

Основа для правильного взаимоотношения пролетариата и крестьянства в Советской России создана эпохой 1917—1921 гг., когда нашествие капиталистов и помещиков, поддержанных и всей мировой буржуазией и всеми партиями мелкобуржуазной демократии (эсерами и меньшевиками) создало, закрепило и оформило военный союз пролетариата и крестьянства за советскую власть. Гражданская война есть самая острая форма классовой борьбы, а чем острее эта борьба, тем скорее, тем очевиднее показывает сама практика даже наиболее отсталым слоям крестьянства, что спасти его может только диктатура пролетариата, что эсеры и меньшевики фактически являются лишь прислужниками помещиков и капиталистов.

Но если военный союз между пролетариатом и крестьянством явился — и не мог не явиться — первой формой их прочного союза, то он не мог бы держаться и несколько недель без известного экономического союза названных классов. Крестьянин получал от рабочего государства всю землю и защиту от помещика и кулака; рабочие получали от крестьян продовольствие и ссуду до восстановления крупной промышленности.

Вполне правильным и устойчивым, с социалистической точки зрения, союз мелких крестьян и пролетариата может стать лишь тогда, когда вполне восстановленные транспорт и крупная промышленность позволят пролетариату давать крестьянам в обмен на продовольствие все необходимые для них и для улучшения их хозяйства продукты. При громадном разорении страны этого никак нельзя было достигнуть сразу. Разверстка была наиболее доступной для недостаточно организованного государства мерой, чтобы продержаться в неслыханно-трудной войне против помещиков. Неурожай и бескормица 1920 г. особенно обострили и без того тяжелую нужду крестьян, сделав безусловно необходимым немедленный переход к продовольственному налогу.

Умеренный продналог сразу дает большое улучшение в положении крестьянства, заинтересовывая его вместе с тем в расширении посевов и улучшении земледелия.

Продналог является переходом от реквизиции всех хлебных излишков крестьянина к правильному социалистическому продуктообмену между промышленностью и земледелием.

Ленин, Тезисы о тактике РКП. принятые III Конгрессом Коминтерна, XVIII, ч. 1, изд. 1-е, 313—315.

Я пытался проанализировать в моих тезисах вопрос об отношении пролетариата к крестьянству. Впервые в истории существует государство, где имеются только эти два класса, только проле-

тариат и крестьянство. Крестьянство образует громадное большинство населения. Оно, конечно, очень отстало. Как выражается практически в развитии революции отношение пролетариата, держащего в своих руках власть, к крестьянству? Первая форма — союз, тесный союз. Это очень трудная задача, но во всяком случае экономически и политически возможная.

Как мы практически подошли к этому вопросу? Мы заключили союз с крестьянством. Мы понимаем этот союз так: пролетариат освобождает крестьянство от эксплоатации со стороны буржуазии, освобождает его от руководства и влияния буржуазии. Он привлекает его к себе, чтобы совместно победить эксплоататоров.

Меньшевики говорят так: крестьянство составляет большинство, мы — чистые демократы, большинство должно решать. Но так как крестьянство не может быть самостоятельным, то практически это означает не что иное, как восстановление капитализма. Лозунг тот же самый: союз с крестьянами. Когда мы об этом говорим, то мы понимаем под этим усиление и укрепление пролетариата. Мы пытались осуществить этот союз между пролетариатом и крестьянством, причем первым этапом был военный союз. Трехлетняя гражданская война создала огромные затруднения, но она в известном отношении облегчила нашу задачу. Это может быть звучит странно, но это так. Война не явилась чем-то новым для крестьян; война против эксплоататоров, против крупных землевладельцев была им вполне понятна. Огромные массы крестьян были за нас. Несмотря на огромные расстояния, несмотря на то, что большинство наших крестьян не умеет ни читать, ни писать, наша пропаганда воспринималась очень легко. Это является доказательством того, что широкие массы — как в наиболее передовых странах — гораздо легче учатся на своем собственном практическом опыте, чем из книг. У нас же практический опыт для крестьянства был облегчен еще тем, что Россия так исключительно велика и что различные части ее могли в одно и то же время переживать различные стадии развития. В Сибири и на Украине контрреволюция могла временно побеждать, потому что буржуазия имела там за собой крестьянство, потому что крестьяне были против нас, против большевиков. Крестьяне нередко заявляли: мы большевики, но не коммунисты. Мы большевики, потому что они прогнали помещиков, но мы не коммунисты, потому что коммунисты против индивидуального хозяйства. И некоторое время контрреволюция могла побеждать в Сибири и на Украине, потому что буржуазия имела успех в борьбе за влияние среди крестьян, но достаточно было очень непродолжительного периода, чтобы открыть крестьянам глаза. В короткое время они накопили практический опыт, и вскоре сказали: «да, большевики довольно неприятные люди. Мы их не любим, но все же они лучше, чем белогвардейцы и Учредительное собрание». Учредилка у них ругательное слово, не только у развитых коммунистов, но и у крестьян. Они знают из практической жизни, что Учредительное собрание и белая гвардия означают одно и то же, что вслед

за Учредительным собранием неминуемо приходит белая гвардия. Меньшевики также используются военным союзом с крестьянством, но не думают о том, что этого союза недостаточно. Военный союз не может существовать без экономического союза. Мы живем ведь не одним воздухом, наш союз с крестьянами никоим образом не мог бы продержаться в течение продолжительного времени без экономического фундамента, явившегося основой нашей победы в войне против нашей буржуазии. Ведь наша буржуазия объединялась со всей международной буржуазией.

Основа этого экономического союза между нами и крестьянами была, конечно, очень простой, даже грубой. Крестьянин получил от нас всю землю и поддержку против крупного земледелия. Мы должны за это получить продовольствие. Этот союз был чем-то совершенно новым и не покоился на обычных взаимоотношениях между товаропроизводителями и потребителями. Наши крестьяне понимали это гораздо лучше, чем герои 2-го и 2½ Интернационалов. Они говорили себе: эти большевики суровые вожди, но все же это наши люди. Мы во всяком случае создали, таким образом, основы нового экономического союза. Крестьяне давали Красной армии свои продукты и получали от нее поддержку при защите своих владений. Это всегда забывают герои 2-го Интернационала, которые, подобно Отто Бауеру, совершенно не понимают настоящей обстановки. Мы сознаемся, что первоначальная форма союза была очень примитивна и что мы допустили очень много ошибок. Но мы должны были действовать возможно скорее, мы должны были во что бы то ни стало организовать снабжение армии. Во время гражданской войны мы были отрезаны от всех хлебных местностей России. Наше положение было ужасно, и только чудом могли русский народ и рабочий класс перенести столько страданий, нужды и лишений, не имея ничего, кроме неустанного стремления к победе.

По окончании гражданской войны наша задача была во всяком случае иною. Если бы страна не была до такой степени разорена, как это имело место после 7 лет непрерывной войны, то был бы, пожалуй, возможен более легкий переход к новой форме союза между пролетариатом и крестьянством. Но и без того уже тяжелые условия в стране осложнялись еще неурожаем, недостатком фуража и т. д. Лишения крестьян стали вследствие этого невыносимыми. Мы должны были немедленно показать широким массам крестьянства, что мы готовы изменить революционным путем нашу политику в том смысле, что крестьяне смогут сказать себе: «большевики хотят немедленно улучшить наше невыносимое положение».

Ленин, Тактика Российской коммунистической партии (речь на III Конгрессе Коминтерна). Соч., XVII, ч. 1, изд. 1-е, 326—328.

... Прежде всего важна нам новая экономическая политика, как проверка того, что мы действительно достигаем смычки с крестьянской экономи-

кой. В предшествующую эпоху развития нашей революции, когда все внимание и все силы, главным образом, были устремлены или почти поглощены задачей отпора от нашествия, мы об этой смычке не могли как следует подумать, нам было не до нее. Ею до известной степени можно было и должно было пренебречь, когда стояла абсолютно неотложная и нависшая задача отпора от опасности быть немедленно задушенными гигантскими силами мирового империализма.

Поворот к новой экономической политике был решен на прошлом съезде с чрезвычайным единодушием, с большим даже единодушием, чем решались другие вопросы.

Единодушие это показало, что абсолютно назрела необходимость нового подхода к социалистической экономике. Люди, по многим вопросам расходившиеся, с различных точек зрения оценивающие положение, единодушно и очень быстро пришли без всяких колебаний к тому, что у нас подхода настоящего к социалистической экономике, построению ее фундамента — нет, и есть единственный способ найти этот подход — это новая экономическая политика. Нам пришлось, в силу развития событий военных и политических, в силу развития капитализма в старом культурном Западе и развития общественных и политических условий в колониях, — нам пришлось первым пробить брешь в старом буржуазном мире и в тот момент, когда наша страна принадлежала экономически если не к самой отсталой, то к одной из самых отсталых. Огромное большинство крестьянства нашей страны ведет мелкое индивидуальное хозяйство. Постройка того, что мы могли бы сразу осуществить из намеченной нами программы коммунистической общественности, шла до известной степени в сторонке от того, что делалось в широчайшей крестьянской массе, на которую мы возлагали очень тяжелые повинности, оправдывая их тем, что война никаких колебаний в этом отношении не допускает. Это оправдание, если взять его во всем объеме, было принято крестьянством. Крестьянская масса в общем увидела и поняла, что эти огромные тяжести, которые на них возлагались, были необходимы, чтобы отстоять рабоче-крестьянскую власть от помещиков, чтобы не быть задушенными капиталистическим нашествием, которое грозило отобрать все завоевания революции. Но смычки между экономикой, которая строилась в национализированных, социализированных фабриках, заводах, совхозах, и экономикой крестьянской не было.

Ленин, Доклад о деятельности ЦК на XI съезде РПК, Соч., XVIII, ч. 2, изд. 1-е, 26—27.

Мы убедили крестьянство, что пролетариат дает ему условия существования лучше, чем давала буржуазия, убедили на практике. Когда крестьянство, хотя и недовольное большевистским режимом, тем не менее, сравнило его на практике с учредиловскими, колчаковскими и другими порядками, то пришло к выводу, что большевики обеспечили ему существование лучше и в военном отношении защитили его от насилия империалистов всего мира.

А, между тем, половина крестьянства жила под условиями буржуазии по-буржуазному, иначе и не могла жить. Пролетариат теперь должен разрешить вторую задачу, показать крестьянину, что он может дать ему образец и практику таких экономических отношений, которые окажутся выше тех, где каждая крестьянская семья хозяйничает по-своему. До сих пор крестьянство только в этот старый порядок и верит, до сих пор его считает нормальным. Это не подлежит сомнению. Чтобы оно от нашей пропаганды переменило свое отношение к жизненным вопросам, к экономике, это чистейшие пустяки. Оно в положении выжидательном, оно сделалось из нейтрально-враждебного нам нейтрально-сочувствующим нам. Оно предпочитает нас всякому другому правительству, видя, что рабочее, пролетарское государство, пролетарская диктатура не есть грубое насилие, узурпация, как изображали, а есть лучший защитник крестьянства, чем колчаковцы, деникинцы и т. д.

Ленин, Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии, Соч., XVIII, ч. 2, изд. 1-е, 195—196.

Общей чертой нашего быта является теперь следующее: мы разрушили капиталистическую промышленность, постарались разрушить до тла учреждения средневековые, помещичье землевладение и на этой почве создали мелкое и мельчайшее крестьянство, которое идет за пролетариатом из доверия к результатам его революционной работы. На этом доверии, однако, продержаться нам вплоть до победы социалистической революции в более развитых странах нелегко, потому что мелкое и мельчайшее крестьянство, особенно при нэпе, держится по экономической необходимости на крайне низком уровне производительности труда. Да и международная обстановка вызвала то, что Россия отброшена теперь назад, что в общем и целом производительность народного труда у нас теперь значительно менее высока, чем до войны. Западноевропейские капиталистические державы, частью сознательно, частью стихийно, сделали все возможное, чтобы отбросить нас назад, чтобы использовать элементы гражданской войны в России для возможно большего разорения страны. Именно такой выход из империалистической войны представлялся, конечно, имеющим значительные выгоды: если мы не опрокинем революционного строя в России, то, во всяком случае, мы затрудним его развитие к социализму,—так, примерно, рассуждали эти державы, и с их точки зрения они не могли рассуждать иначе. В итоге они получили полурешение своей задачи. Они не свергли нового строя, созданного революцией, но они и не дали ему возможности сделать сейчас же такой шаг вперед, который бы оправдал предсказания социалистов, который бы дал им возможность с громадной быстротой развить производительные силы, развить все те возможности, которые сложились бы в социализм, доказать всякому и каждому наглядно, воочию, что социализм таит в себе гигантские силы и что человечество перешло теперь к новой, несущей необыкновенно блестящие возможности стадии развития.

Ленин, Лучше меньше, да лучше, Соч., XVIII, ч. 2, изд. 1-е, 135.

... В нашей Советской республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и «нэпманы», т. е. буржуазия. Если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами, тогда раскол будет неизбежен, но в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания такого раскола, и главная задача нашего ЦК и ЦКК, как и нашей партии в целом, состоит в том, чтобы внимательно следить за обстоятельствами, из которых может вытечь раскол, и предупреждать их, ибо в последнем счете судьба нашей Республики будет зависеть от того — пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «нэпманам», т. е. новой буржуазии, разъединить себя с рабочими, расколоть себя с ними. Чем яснее мы будем видеть перед собой этот двоякий исход, чем яснее будут понимать его все наши рабочие и крестьяне, тем больше шансов на то, что нам удастся избегнуть раскола, который был бы губителен для Советской республики.

Ленин, Как нам организовать Рабкрин, Соч., XVIII, ч. 2, изд. 1-е, 124.

Тут основной политический вопрос — в отношении города к деревне, который имеет решающее значение для всей нашей революции. В то время как буржуазное государство систематически направляет все усилия на то, чтобы отуплять рабочих города, подгоняя для этой цели всю издаваемую на счет государства, на счет царских и на счет буржуазных партий литературу, мы можем и должны употребить нашу власть на то, чтобы действительно сделать из городского рабочего проводника коммунистических идей в среду сельского пролетариата.

Я сказал «коммунистических» и спешу оговориться, боясь вызвать недоразумение или быть слишком прямолинейно понятым. Никоим образом нельзя понимать это так,—будто мы должны нести сразу чисто и узко коммунистические идеи в деревню. До тех пор, пока у нас в деревне нет материальной основы для коммунизма, до тех пор это будет, можно сказать, вредно, это будет, можно сказать, гибелью для коммунизма.

Нет. Начать следует с того, чтобы установить общение между городом и деревней, отнюдь не задаваясь предвзятой целью внедрить в деревню коммунизм. Такая цель не может быть сейчас достигнута. Такая цель несвоевременная. Постановка такой цели принесет вред делу вместо пользы.

Но установить общение между рабочими города и работниками деревни, установить между ними ту форму товарищества, которая между ними легко может быть создана, — это наша обязанность, это одна из основных задач рабочего класса, стоящего у власти. Для этого необходимо основать ряд объединений (партийных, профессиональных, частных) из фабрично-заводских рабочих, которые ставили бы себе систематической целью помогать деревне в ее культурном развитии.

Ленин, Странички из дневника, Соч., XVIII, ч. 2, изд. 1-е, 116.

Энгельс был тысячу раз прав, когда писал: понятие равенства, помимо уничтожения классов, есть глупейший и вздорный предрассудок. Буржуазные профессора за понятие равенства пытались нас изобличить в том, что мы хотим одного человека сделать равным другому. В этой бессмыслице, которую они сами придумали, они пытались обвинить социалистов. Но они не знали по своему невежеству, что социалисты — и именно основатель современного научного социализма, Маркс—говорил: «Равенство есть пустая фраза, если под равенством не понимать уничтожения классов. Классы мы хотим уничтожить, в этом отношении мы стоим за равенство. Но претендовать на то, что мы всех людей сделаем равными друг другу, это пустейшая фраза и выдумка интеллигента, который иногда добросовестно кривляется, выворачивает слова, а содержания нет — пусть он называет себя писателем, иногда ученым и еще кем бы то ни было!»

И вот мы говорим: мы ставим себе целью равенство, как уничтожение классов. Тогда надо уничтожить и классовую разницу между рабочими и крестьянами. Это именно и составляет и нашу цель. Общество, в котором осталась классовая разница между рабочим и крестьянином, не есть ни коммунистическое, ни социалистическое общество. Конечно, при толковании слова социалист, в известном смысле, можно назвать его социалистическим, но это будет казуистика, спор о словах. Социализм — это есть первая стадия коммунизма, — но спорить о словах не стоит. Ясно одно, что пока остается классовая разница между рабочим и крестьянином, мы не можем говорить о равенстве, не остерегаясь того, чтобы не попасть, как вода на мельницу буржуазии.

Ленин, Об обмане народа лозунгами свободы и равенства, Соч., XVI, изд. 1-е, 209—210.

3 — в. ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ГРУППЫ. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

а. ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

По сравнению с пролетариатом интеллигенция всегда более индивидуалистична уже в силу основных условий своей жизни и работы, не дающих ей непосредственно широкого объединения сил, непосредственного воспитания на организованном совместном труде. Поэтому интеллигентским элементам труднее приспособиться к дисциплине партийной жизни, и те из них, которые не в силах справиться с этой задачей, естественно поднимают знамя восстания против необходимых организационных ограничений и свою стихийную анархичность возводят в принцип борьбы, неправильно обозначая эту анархичность, как стремление к «автономии», как требование «терпимости» и т. п.

Ленин, К партии, Соч., V, изд. 1-е, 600.

...Буржуазия бывает разных слоев, которым свойственны разные исторические возможности. Верхам буржуазии и богатой буржуазной интеллигенции: адвокатам, профессорам, журналистам, депутатам и т. д., почти всегда свойственно тяготеть к союзу с Пуришкевичами. С ними связывают эту буржуазию тысячи экономических нитей.

Напротив, крестьянская буржуазия и новая, «крестьянского звания», интеллигенция тысячами нитей связана с массами бесправного, забитого, темного, голодного крестьянства и по всем условиям своей жизни враждебна всякой пуришкевичевщине, всякому союзу с ней.

Эта новая, более многочисленная, более близкая к жизни миллионов, демократия быстро учится, крепнет, растет. Она полна, большей частью, неопределенных оппозиционных настроений, она питается либеральной трухой. На сознательных рабочих ложится великая и ответственная задача — помочь освобождению этой демократии из-под влияния либеральных предрассудков. Только в меру того, как она будет преодолевать эти предрассудки, сбрасывать с себя убожество либеральных иллюзий, разрывать с либералами и протягивать руку рабочим, — суждено ей, новой демократии в России, сделать нечто серьезное для дела свободы.

Ленин, Новая демократия, Соч., XII, ч. 2, изд. 1-е 21—22.

Большая часть буржуазной интеллигенции живет с теми и кормится около тех, кого потянуло прочь от политики. Лишь немногие интеллигенты идут в кружки пропагандистов рабочей партии, которые по опыту знают «волчий голод» народных масс на политическую книжку, газеты и на социалистическое знание. Но, конечно, такие интеллигенты идут если не на геройскую смерть, то действительно на геройскую каторжную жизнь плохо оплачиваемого, полуголодного, вечно переутомленного, издерганного до невозможности партийного «рядовика». Вознаграждением такой интеллигенции служит то, что она избавилась от навозных куч «общества» и забыла думать о равнодушии ее аудитории к общественно-политическим вопросам. А ведь «интеллигент», не умеющий найти себе неравнодушной к этим вопросам аудитории, так же похож на «демократа» и на интеллигента в хорошем смысле слова, как продавшаяся за деньги в законный брак женщина похожа на любящую жену. И здесь, и там — простые разновидности официально-приличной и вполне легальной проституции.

Ленин, С.-Петербург, 10 апреля, Соч., VIII, изд. 1-е, 354.

Ошибка эта естественно возникла тогда, когда классовые антагонизмы буржуазного общества были совершенно еще неразвиты, подавленные крепостничеством, когда это последнее порождало солидарный протест и борьбу всей интеллигенции, создавая иллюзии об особом демократизме нашей интеллигенции, об отсутствии глубокой розни между идеями либералов и социалистов. Теперь, — когда экономическое развитие настолько ушло вперед, что даже люди, отрицавшие прежде почву для капитализма в России, при-

знают, что мы вступили именно на капиталистический путь развития, — теперь никакие иллюзии на этот счет уже невозможны. Состав «интеллигенции» обрисовывается так же ясно, как и состав общества, занятого производством материальных ценностей: если в последнем царит и правит капиталист, то в первой задает тон все быстрее и быстрее растущая орава карьеристов и наемников буржуазии, — «интеллигенция» довольная и спокойная, чуждая каких бы то ни было бредней и хорошо знающая, чего она хочет. Наши радикалы и либералы не только не отрицают этого факта, а, напротив, усиленно подчеркивают его, надсаживаясь над доказательствами безнравственности этого, над осуждением, усилиями разгромить, пристыдить... и уничтожить. Эти наивные претензии у с т ы д и т ь буржуазную интеллигенцию за ее буржуазность так же смешны, как стремления мещанских экономистов напугать нашу буржуазию (ссылаясь на опыт «старших братьев») тем, что она идет к разорению народа, к нищете, безработице и голоданию масс; этот суд над буржуазией и ее идеологами напоминает тот суд над щукой, который порешил бросить ее в реку. За этими пределами начинается либеральная и радикальная «интеллигенция», которая изливает бесчисленное количество фраз о прогрессе, науке, правде, народе и т. п., которая любит плакать о 60-х гг., когда не было раздоров, упадка, уныния и апатии и все сердца горели демократизмом.

Со свойственной им наивностью, эти господа никак не хотят понять, что тогдашняя солидарность вызывалась тогдашними материальными условиями, которые не могут вернуться: крепостное право стесняло одинаково всех — и крепостного бурмистра, накопившего деньжонок и желавшего пожить в свое удовольствие, и хозяйственного мужика, ненавидевшего барина за поборы, вмешательство и отрывание от хозяйства, и пролетария-дворового и обедневшего мужика, которого продавали в кабалу купцу; от него страдали и купец-фабрикант, и рабочий, и кустарь, и мастеров. Между всеми этими людьми только та связь и была, что все они были враждебны крепостничеству: за пределами этой солидарности начинался самый резкий хозяйственный антагонизм. До какой же степени надо убаюкивать себя сладкими мечтами, чтобы и по сию пору не видеть этого антагонизма, который получил такое громадное развитие; чтобы плакаться о возвращении времен солидарности, когда действительность требует борьбы, требует, чтобы всякий, кто не хочет быть в о л ь н ы м или н е в о л ь н ы м приспешником буржуазии, становился на сторону пролетариата.

Если вы не поверите на слово пышным фразам о «народных интересах» и попробуете копнуть поглубже, — то увидите, что имеете перед собой чистейших идеологов мелкой буржуазии, мечтающей об улучшении, поддержке и восстановлении своего («народного» на их языке) хозяйства посредством разных невинных прогрессов и неспособной абсолютно понять того, что на почве данных производственных отношений все эти прогрессы только глубже и глубже будут пролетаризировать массы. «Друзьям народа» нельзя не быть благодарным за то, что они много посодействовали уясне-

нию классового характера нашей интеллигенции и тем подкрепили теорию марксистов о мелкобуржуазности наших мелких производителей; они неизбежно должны ускорить вымирание старых иллюзий и мифов, так долго смущавших русских социалистов. «Друзья народа» так захватали, истаскали и испачкали эти теории, что русским социалистам, державшимся этих теорий, неминуемо предстоит дилемма — либо пересмотреть заново эти теории, либо откинуть их совершенно, предоставив их в исключительное пользование господ, которые с самодовольным торжеством оповещают (всему миру) о покупке улучшенных орудий крестьянскими богатеями,—которые с серьезным видом уверяют вас, что необходимо приветствовать людей, которым надоело сидеть за зелеными столами. И в подобном смысле толкуют они о «народном строе» и «интеллигенции» не только серьезно, а и с претенциозными колоссальными фразами о широких идеалах, об идеальной постановке вопросов жизни!...

Социалистическая интеллигенция только тогда может рассчитывать на плодотворную работу, когда покончит с иллюзиями и станет искать опоры в действительном, а не желательном развитии России, в действительных, а не возможных общественно-экономических отношениях. Теоретическая работа ее должна будет при этом направиться на конкретное изучение всех форм экономического антагонизма в России, изучение их связи и последовательного развития; она должна вскрыть этот антагонизм везде, где он прикрыт политической историей, особенностями правовых порядков, установившимися теоретическими предрассудками. Она должна дать цельную картину нашей действительности, как определенной системы производственных отношений, показать необходимость эксплоатации и экспроприации трудящихся при этой системе, показать тот выход из этих порядков, на который указывает экономическое развитие.

Ленин, Что такое «друзья народа», и как они воюют против социал-демократов, Соч., I, изд. 2-е, 189—191.

6. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ БОРЬБА

Влияние помещиков на народ не страшно. Обмануть сколько-нибудь широкую рабочую и даже крестьянскую массу сколько-нибудь надолго никогда им не удастся. Но влияние интеллигенции, непосредственно не участвующей в эксплоатации, обученной оперировать с общими словами и понятиями, носящейся со всякими «хорошими» заветами, иногда по искреннему тупоумию возводящей свое междуклассовое положение в принцип внеклассовых партий и внеклассовой политики, — влияние этой буржуазной интеллигенции на народ опасно. Тут и только тут есть налицо

заражение широких масс, способное принести действительный вред, требующее напряжения всех сил социализма для борьбы с этой отравой.

Ленин, Памяти графа Гайдена. Чему учат народ беспартийные «демократы», Соч., VIII, 1 изд., 429.

Возьмите одно из очень характерных, далеко не самых глубоких, конечно, но, пожалуй, из самых видных внешних проявлений партийного кризиса. Это — бегство интеллигенции от партии. Вышедший в феврале текущего года * первый номер Центрального органа нашей партии, дающий очень много материала для оценки ее внутренней жизни и в большей части перепечатываемый нами, характеризует это бегство чрезвычайно рельефно. «В последнее время за отсутствием интеллигентных работников окружная организация умерла», — пишут в корреспонденции с Кулебацкого завода (Владимирская окружная организация Центрально-промышленного района). «Наши идейные силы тают, как снег, — пишут с Урала. — Элементы, избегающие вообще нелегальных организаций... и примкнувшие к партии лишь в момент подъема и существовавшей в это время во многих местах фактической свободы, покинули наши партийные организации». И статья Центр. органа: «К организационным вопросам» подводит итог этим (и другим непечатаемым) сообщениям, говоря: «Интеллигенты, как известно, дезертируют за последнее время массами».

Но освобождение партии от полупролетарской, полумещанской интеллигенции начинает пробуждать к новой жизни накопленные за период героической борьбы пролетарских масс новые, чисто пролетарские силы. Та самая Кулебацкая организация, которая находилась, по приведенной нами сейчас выдержке из корреспонденции, в отчаянном состоянии, даже совсем «умерла», оказывается воскресшей. «Рабочие партийные гнезда, — читаем мы в ней, — рассеянные в изобилии по округе, в большинстве случаев без интеллигентных сил, без литературы, даже без всякой связи с партийными центрами, не желают умирать... Число организованных не уменьшается, а увеличивается... Интеллигентных сил нет, приходится вести пропагандистскую работу самим же рабочим, наиболее сознательным». Получается, как общий вывод, что «в целом ряде мест («Соц.-дем.» № 1, 28) ввиду бегства интеллигенции ответственная работа переходит в руки передовых рабочих».

Ленин, На прямую дорогу, Соч., XI, ч. 1, I изд., 45—46.

В ряде европейских стран контрреволюционным силам удавалось начисто смести остатки революционных и социалистических организаций пролетариата после 1848-го, например, года. Буржуазный интеллигент, во дни юности примкнувший к социал-демократии, в силу всей своей мещанской психологии склонен махнуть рукой: так было — так будет; отстаивать ста-

---

* Писано в 1908 г. — *Прим. сост.*

рую нелегальную организацию дело безнадежное, создавать новую — еще того более безнадежное; мы вообще «преувеличили» силы пролетариата в буржуазной революции, мы ошибочно приписали роли пролетариата «универсальное» значение — все эти идейки ренегатского «Общественного Движения» прямо и косвенно толкают к отречению от нелегальной партии.

Ленин, Заметки публициста, Соч., XI, ч. 2, I изд., 83.

Буржуазная интеллигенция, влекомая к революции сознанием того, что Россия не пережила еще эпохи демократических переворотов, примыкает к пролетариату группа за группой — и группа за группой отходит снова от него, убедившись на опыте, что революционный марксизм ей не по плечу, что ее настоящее место в н е с.-д. партии.

Ленин, Предисловие к брошюре Л. Б. Каменева «Две партии», Соч., XI, ч. 2, I изд., 344.

Основная причина кризиса партии... заключается в чистке рабочей партии от колеблющихся интеллигентских и мелкобуржуазных элементов, которые примкнули к рабочему движению главным образом в надежде на близкое торжество буржуазно-демократической революции и которые не могли устоять в период реакции. Неустойчивость сказалась и в области теории («отступления от революционного марксизма»: резолюция о современном моменте) и в области тактики («укорачивание лозунгов») и в области организационной политики партии. Сознательные рабочие дали отпор этой неустойчивости, выступили решительно против ликвидаторства, стали брать в свои руки ведение дел партийных организаций и руководство ими.

Ленин, На дорогу, Соч., XI, ч. 1, I изд., 210.

Мы уже произвели в среде колеблющейся интеллигенции громадный перелом. Если вчера * мы говорили о легализации мелкобуржуазных партий, а сегодня арестовываем меньшевиков и эсеров, то в этих колебаниях мы проводим совершенно определенную систему. Через эти колебания идет одна, самая твердая линия: контрреволюцию отсекать, культурно-буржуазный аппарат использовать. Меньшевики есть худшие враги социализма, ибо они одеваются в буржуазную шкуру, но меньшевики — слой непролетарский. В этом слое только ничтожные верхушки пролетарские, а сам он состоит из мелкой интеллигенции. Этот слой отходит к нам. Мы его весь заберем, как слой. Каждый раз, когда они идут к нам, мы говорим: «милости просим». При каждом из этих колебаний часть их отходит к нам. Так было с меньшевиками, новожизненцами и эсерами, так будет со всеми этими колеблющимися элементами, которые долго еще будут путаться в ногах, хныкать, перебегать из одного лагеря в другой — с ними ничего не по-

---

Писано в 1919 г. — *Прим. сост.*

делаешь. Но мы через все эти колебания будем получать слои культурной интеллигенции в ряды советских работников и отсекать те элементы, которые продолжают поддерживать белогвардейцев.

Ленин, Партийная программа, Соч., XVI, I изд., 126.

в. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Старые социалисты-утописты воображали, что социализм можно построить с другими людьми, что они сначала воспитают хорошеньких, чистеньких, прекрасно обученных людей и будут строить из них социалистов. Мы всегда смеялись и говорили, что это кукольная игра, что это забава кисейных барышень от социализма, но не серьезная политика.

Мы хотим построить социализм из тех людей, которые воспитаны капитализмом, им испорчены, развращены, но зато им и закалены к борьбе. Есть пролетарии, которые закалены так, что способны переносить в тысячу раз большие жертвы, чем любая армия; есть десятки миллионов угнетенных крестьян, темных, разбросанных, но способных, если пролетариат поведет умелую тактику, вокруг него объединяться в борьбе. И затем есть специалисты науки, техники, все насквозь проникнутые буржуазным мировоззерцанием, есть военные специалисты, которые воспитались в буржуазных условиях; и хорошо еще, если в буржуазных, а то в помещичьих, в палочных, в крепостнических. Что касается народного хозяйства, то все агрономы, инженеры, учителя — все они взялись из имущественного класса; не из воздуха они упали! Неимущий пролетарий от станка и крестьянин от сохи пройти университета не могли ни при царе Николае, ни при республиканском президенте Вильсоне. Наука и техника — для богатых, для имущих; капитализм дает культуру только для меньшинства. А мы должны построить социализм из этой культуры. Другого материала у нас нет. Мы хотим строить социализм немедленно из того материала, который нам оставил капитализм со вчера на сегодня, теперь же, а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены, если забавляться этой любасенкой. У нас есть буржуазные специалисты, и больше ничего нет. У нас нет других кирпичей, нам строить не из чего. Социализм должен победить, и мы, социалисты и коммунисты, должны на деле доказать, что мы способны построить социализм из этих кирпичей, из этого материала, построить социалистическое общество из пролетариев, которые культурой пользовались в ничтожном количестве, и из буржуазных специалистов. Если вы не построите коммунистического общества из этого материала, тогда вы пустые фразеры, болтуны.

Вот как вопрос поставлен историческим наследием мирового капитализма! Вот та трудность, которая стала перед нами конкретно, когда мы взялись за власть, когда мы получили советский аппарат!

Ленин, Успехи и трудности советской власти, Соч., XVI, 71—72.

В том-то и болячка, что неверно ставят вопрос об отношении коммуниста к спецам, администратора к ученым и литераторам. В вопросе о едином хозяйственном плане, как и во всяком другом вопросе, есть такие стороны — и всегда могут возникнуть такие новые стороны, — которые требуют решения только коммунистами или требуют подхода только администраторского. Это бесспорно. Но это голая абстракция. А сейчас у нас к данному вопросу подходят ошибочно как раз коммунистические литераторы и коммунистические администраторы, не сумевшие понять, что здесь надо побольше поучиться у буржуазных спецов и ученых, поменьше играть в администрирование. Никакого другого единого хозяйственного плана, кроме выработанного уже «Гоэлро», нет и быть не может. Его надо дополнить, развивать дальше, исправлять и применять к жизни на основании указаний практического опыта, внимательно изучаемого. Обратное мнение есть только «мнимо-радикальное, на самом же деле невежественное самомнение», говоря словами партпрограммы. Не менее невежественным самомнением является мысль, будто возможна иная общеплановая комиссия в РСФСР, кроме «Гоэлро», чем, конечно, не отвергается возможная польза частичных, деловых исправлений ее состава. Строить что-либо серьезное, в смысле улучшения общего плана нашего народного хозяйства, можно только на этой основе, только продолжая начатое, иначе это будет игра в администрирование или, проще, самодурство. Задача коммунистов внутри «Гоэлро» — поменьше командовать, вернее вовсе не командовать, а подходить к специалистам науки и техники («они в большинстве случаев неизбежно пропитаны буржуазными мяросозерцанием и навыками», как говорит программа РКП), чрезвычайно осторожно и умело, учась у них и помогая им расширять свой кругозор, исходя из завоеваний и данных соответственной науки, памятуя, что инженер придет к признанию коммунизма не так, как пришел подпольщик-пропагандист, литератор, а *через данные своей науки, что по-своему* придет к признанию коммунизма агроном, по-своему лесовод и т. д. Коммунист, не доказавший своего умения объединять и скромно направлять работу специалистов, входя в суть дела, изучая его детально, такой коммунист часто вреден. Таких коммунистов у нас много, и я бы их отдал дюжинами за одного, добросовестно изучающего свое дело и знающего буржуазного спеца.

Ленин, Об едином хозяйственном плане, Соч., XVIII, ч. 1, I изд., 87—88.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАДСТРОЙКИ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ СОСТАВИТЕЛЯ

В главе II (о производительных силах и производственных отношениях) мы установили связь, существующую между материальным строем вещей, вовлеченных в общественный процесс производства, и строем людей, занятых в этом производстве. Мы рассматривали законы движения и развития как строя вещей (средств производства), так и строя людей (производственных отношений). Мы касались развития социального взаимодействия, возникающего между людьми внутри общественного строя, стимулирующего движение этого строя. Но при всем этом мы брали во внимание людей, занятых в материальном производстве, — мы устраняли из поля внимания тот факт, что в обществе существуют другие отрасли производства, которые могут быть условно объединены как «духовные» производства: наука, искусство, религия и пр., точно так же, как ряд форм общественных учреждений, в которых протекает человеческая деятельность (и которая, в силу установившегося в обществе разделения труда, является частью общественного труда в целом, обслуживающей данный способ производства): общественно-политическая организация, государство, семья. Строй этих учреждений и отраслей производства, отношения людей в них занятых мы и должны изучить теперь.

Эта работа распределяется у нас на две главы: первая (IV) включает вопрос об общем взаимодействии материального и духовного производства (базиса и надстроек) и освещает зависимость форм семьи, общественно-политической организации, права и государства от существующего способа производства, — вторая (V) касается вопросов «духовного» производства, форм общественного сознания (идеологий) — науки, искусства, религии и пр. и их зависимости от материального производства.

В целях учебной проработки, материал по главе VIII — о правовых и политических надстройках — располагается по следующему плану:

1. «Базис» и «надстройки».
а. Два рода общественных отношений.
2. Семья. Общественно-политическая организация. Право.
а. Семья.
б. Общественно-политическая организация.
в. Право.
3-а. Государство и его исторические границы.
а. Государство, его возникновение и развитие.
б. Буржуазное государство и пролетариат.
в. Отмирание государства.
3-б. Диктатура пролетариата как переходная форма государства.
а. Что такое диктатура пролетариата?
б. Исторические задачи диктатуры пролетариата.
в. Условия для пролетарской диктатуры в России.

1

Базис и надстройки. а. Два рода общественных отношений. Процесс труда — процесс активного воздействия человека на природу при посредстве орудий. К тому же это процесс целесообразного воздействия на нее со стороны общественного человека. В процессе труда человек сознательно оперирует орудиями труда и средствами производства вообще.

Овладевая способностью делать орудия, прачеловек выступал как животное, общественность которого определялась условиями его зоологического развития. Человеческая общественность приобретена прачеловеком вместе со сделанным им орудием. Диалектическое взаимодействие обоих моментов с тех пор образует основу истории человечества.

Вместе с появлением орудия и зарождением новых — трудовых — отношений создаются элементы речи, а наряду с ней и сознания. Как речь, так и сознание являются ближайшими следствиями новой «природы» общественности человека. Между всеми моментами, обусловливающими процесс человеческого труда — средствами производства, общественными отношениями, речью и сознанием, — с самого начала существовало и существует до сих пор тесное взаимодействие, в котором ведущая роль остается за материальными средствами производства — за производительными силами. Их развитие влечет за собой развитие общественных отношений, а последнее обусловливает развитие речи-сознания.

В процессе исторического развития общества его труд дифференцируется (разделяется, усложняется). То, что на ранних этапах было слито в одно целое, позднее приобретает самостоятельные формы. Формы эти, сохраняя зависимость от основы, их обусловливающей, в свою очередь, развивают потенции, заложенные в них самих по себе.

Так, на ранних этапах общественного развития процесс добывания средств существования, несение общественно-организаторских функций и идеологическое обобщение опыта выполнялись всеми людьми данной общественной группы сообща, как сообща добывались средства существования, а на более поздних этапах произошло отделение труда общественно организаторского и идеологического от труда материального. Этот отдиференцированный труд, сохраняя и воспроизводя свою зависимость от труда в материальном производстве и непосредственно или посредственно обслуживая его, развивается, усложняется, разделяется по законам ему присущим. Так, труд общественно-организаторский в результате сложных путей развития общественных отношений, материального производства превращается, при особых социальных условиях, в аппарат государства, а труд идеологический расчленяется на целый ряд «сфер производства», развитие которых идет по самостоятельному пути, взаимодействуя друг с другом и с общественными отношениями, их породившими. Так создаются и развиваются наука, искусство, религия и др. идеологические формы, с учеными, художниками, попами и пр., — людьми, трудовая деятельность которых протекает в этих сферах, составляющих, в итоге с материальным производством, труд данного человеческого общества в целом.

Из сказанного вытекает то, что весь труд, затрачиваемый общественным человеком (обществом), вместе с людьми, им занятыми, может быть разделен на две части, — на труд материальный, основной и труд отдиференцированный, порожденный развившейся общественной связью людей, эту связь непосредственно обслуживающий и от нее зависящий. Поэтому и отношения, существующие между людьми, занятыми основным трудом общества, могут быть названы **основными**, а трудом отдиференцированным — **производными** от первых. Одни — **базисом**, а другие (вместе с самим отдиференцированным трудом) — **надстройками**.

Таким образом проблема базиса и надстроек в теории исторического материализма ставит вопросы диференциации **общественных отношений** между людьми, а вместе с тем расчленения общественного совокупного **труда** по признаку его взаимной связи, обусловленности строения отдельных его частей и закономерности их движения и развития.

Проработку вопроса в аудитории, в общей его постановке, можно провести по такому плану:

1. Что такое «базис»?
2. Что такое «надстройки»?

Первый вопрос обычно вызывает дискуссию о том, входят ли производительные силы в понятие базиса. А второй обсуждается лишь под углом зависимости общественной организации и идеологического **труда** от труда материального. Поэтому следует четко провести ту мысль, что надстройки обнимают и идеологические «производства» и отношения между людьми, занятыми в этих «производствах» и наконец, как ставит этот во-

прос т. Бухарин, надстройки располагают и своим материальным строем в е щ е й. Но все эти «производства», вещи и отношения между людьми исторически создались на основе о б щ е с т в е н н о с т и материального производства людей и обслуживают прежде всего эту общественность (а через нее материальное производство), вследствие чего эта общественность, отношения в материальном производстве, и является б а з и с о м по отношению к ним. У нас приведен отрывок из «Анти-Дюринга» (со с. 149—156) о зависимости строя армии от ее вооружения. Армия — часть государственного аппарата, а ее вооружение зависит от состояния материальных производительных сил, в частности индустрии. Здесь зависимость идет по той же линии производительных сил. Но само существование армии и ее социальный состав зависят от основных общественных отношений, от базиса, определяющего эту надстройку, ее формы и даже само существование ее. Производительными силами СССР социального строя и функций Красной армии не объяснить, но то и другое ясно, если итти от общественного б а з и с а, на котором основан Советский Союз.

2

а. С е м ь я. Энгельс, не раз давая обобщенные формулировки теории исторического материализма, тесно связывал производство средств существования с воспроизводством самого человека. «Согласно материалистическому пониманию истории, — писал он в «Происхождении семьи», — определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство жизни. Но само оно бывает двоякого рода. С одной стороны, производство средств существования, предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой—производство самого человека, продолжение вида» (см. выше с. 332—333). Нас здесь интересует общественная форма, в которой осуществляют люди воспроизводство самих себя, формы брака (семьи). Самая общая постановка вопроса о зависимости строя семьи от способа материального производства дается в приводимом у нас отрывке из работ Плеханова.

Проработку в аудитории следует провести схематически по такому плану:

1. Семья в первобытно-коммунистическом обществе, в обществе родовом, феодальном и буржуазном. Семья в СССР.

Основная задача — дать представление о связи формы семьи со способом, существующим в материальном производстве, о развитии, историчности этой формы.

б. О б щ е с т в е н н о - п о л и т и ч е с к а я о р г а н и з а ц и я. Производственные отношения, возникающие между людьми вместе со способностью делания орудий, усложняются по мере развития производства. Являясь в основе своей отношениями экономическими (связанными с отношением к средствам производства, местом и ролью, выполняемыми

в процессе производства), они скоро порождают новую форму общественных отношений, вытекающую из организаторских функций, — отношения: организаторов и организуемых, управителей и управляемых, власти и подчинения, — короче — политические отношения.

Вначале они всецело основываются на выполнении общественной экономической функции, а затем превращаются в политическую форму, существующую параллельно экономической и взаимодействующую с ней. Вместе с появлением политической власти, создается и соответствующий строй вещей, обслуживающий ее, функционирующий вместе с ней (военная сила, военное оружие). Конечно, очень долгое время этот строй вещей непосредственно сливался со строем вещей материального производства, как сливалась и сама политическая власть с экономическими функциями, ее породившими, но, по мере развития, выделение особого строя вещей неизбежно способствовало выделению политической власти как таковой.

В полной мере это выделение нашло свое место в классовом обществе, в форме государственной власти, людской аппарат которой вместе с его материальными аттрибутами (в виде армии, тюрем и пр.) находится в обществе и в то же время над обществом как господствующая над ним организация людей и система вещей.

Вопрос о государстве мы разбираем ниже более подробно. Здесь нужно лишь установить, что общественно-политическая организация вырастает из экономической и ее изменение связано с развитием последней.

План проработки следующий:

1) Зависимость политической организации от способа производства;

2) Взаимодействие политической организации и экономического строя.

в. Право. Экономические отношения, устанавливающиеся в процессе производства, на основе существующих производительных сил, получают свое отражение в сознании людей в виде правовых установлений, закрепляющих те или иные виды собственности, соответствующие данному способу производства.

При своем возникновении (в доклассовом обществе) правовые нормы устанавливались в интересах существующего способа производства. Развитие производительных сил и связанное с этим изменение фактических отношений людей в производстве со временем оставляют позади эти нормы. Правовые установления становятся в противоречие с отношениями в производстве, с нуждами этого производства. Право начинает тормозить производство. Люди, заинтересованные в сохранении новых отношений, выступают против тормозящих норм права. Последние подвергаются изменению, а в случае революции (в классовом обществе) — коренной ломке.

В классовом обществе правовые нормы юридически закрепляют господство одних классов над другими и в силу этого являются орудием борьбы классов.

Поскольку общественно-политическая организация возникает из потребности регуляции отношений между людьми при данном способе произ-

водства, постольку институт права тесно связан с ней, с существующей государственной формой. Люди, следящие за соблюдением правовых норм, входят в состав государственного аппарата, а само право является идеологической формой, весьма тесно взаимодействующей с базисом (со способом производства).

Вопрос прорабатывается по следующему плану:

1) Отношения производственные и отношения правовые; их взаимодействие;

2) Происхождение собственности и права;

3) Право и борьба классов.

Основная задача проработки вопроса — показать связь права со способом производства, с отношениями в производстве, и установить, что в классовом обществе право есть одно из сильнейших орудий подчинения одних классов другим.

3-а

а. Государство, его возникновение и развитие. Общественно-политическая организация в классовом обществе приобретает форму государства. Появление и развитие классового общества связано с развитием социальных антагонизмов внутри общества. Отношения эксплоатации одного класса другим являются в то же время отношениями господства и подчинения. Соответственно этому политическая организация общества превращается в орудие для подчинения и подавления одного класса другим — в государство.

Политический строй государства выражает всякий раз отношения, существующие в материальном производстве классового общества. Строй этот при своем возникновении охраняет данный способ производства и содействует ему. Но в процессе развития производства строй государства изменяется медленнее, нежели развивается и изменяется материальное производство, — государство отстает от базиса, оно начинает задерживать нормальный ход производства. Классы, заинтересованные в сохранении достигнутых отношений в производстве, начинают выступать против существующей государственной формы. В зависимости от исхода борьбы классов происходит реформа государственных учреждений или революционная ломка их и замена новыми.

Вопрос прорабатывается по двум разрезам:

1) Государство и его внешние признаки;

2) Способы материального производства и формы государства.

Основная задача — выявить роль государства как надстроечной формы — общий характер взаимодействия его с базисом.

б. Буржуазное государство и пролетариат. Буржуазный способ производства создает свою организацию для защиты интересов господствующего класса против эксплоатируемых. Буржуазное

государство есть орган насилия, охраняющий буржуазные отношения в производстве. Оно также исторично, как историчен буржуазный способ производства. Его особенность в данном случае заключается в том, что оно, представляя продукт последней антагонистической формы производства, вместе с тем является и последней формой государства, в собственном смысле слова. Уничтожение капиталистического способа производства связано с уничтожением господства буржуазии как класса. А это последнее ведет к уничтожению государства как орудия классового господства. Пролетариат, захватывая производство, не имеет перед собой восходящих противников, антагонизм в производстве устраняется, и государство как таковое становится излишним. (Отсюда убеждение анархистов, что государство уничтожается вместе с господством буржуазии, на другой день после революции.) Но став организатором производства, пролетариат практически оказывается перед лагерем врагов из вчерашних господ, опирающихся на отсталые слои населения и общую неравномерность общественного развития, начинающих оказывать «бешеное сопротивление» новому строю. Отсюда необходимость для пролетариата создать машину для подавления всех попыток реставрации старых отношений, создать государственную организацию, которая охраняла бы новый способ производства, пока он не окрепнет настолько, что экономически охватит все общество, всех его членов. Разбить государственную машину и создать свою — такова позиция Маркса и Ленина в вопросе об отношении пролетариата к буржуазному государству.

Вопрос прорабатывается по такому плану:

1) Буржуазное государство как орудие классового насилия над пролетариатом;

2) Победа пролетариата и устранение государства;

3) Необходимость государства для пролетариата после свержения господства буржуазии.

Основная задача — осветить диалектику устранения государства как общественной формы: для того, чтобы государство было уничтожено, оно должно некоторое время существовать в форме себя отрицающей, в форме переходного пролетарского государства.

в. Отмирание государства. Существование пролетарского государства есть вместе с тем процесс отмирания государства. Из органа меньшинства, подавляющего большинство, государство в руках пролетариата превращается в орган большинства против меньшинства; из органа, стоящего над обществом, оно переходит в орган, непосредственно сливающийся с самим обществом. Одновременно происходящая реорганизация всего производства соответственно новым социальным условиям устраняет экономическую зависимость одних людей от других (устраняет возможность эксплоатации) и делает излишним какие бы то ни было органы насилия одной части общества над другой.

При проработке вопрос формулируется так:

1) Экономические и политические основы постепенного отмирания государства.

3-б

а. Что такое диктатура пролетариата? Политический строй оказывает определенное воздействие на строй экономический. При посредстве государственного аппарата и соответствующих правовых установлений, господствующий класс охраняет условия своего производства. Но производство классового общества — антагонистично, его движение основано на противоречиях. Сами противоречия постоянно развиваются, углубляются. До тех пор пока противоречия эти не тормозят, не останавливают производства, пока эксплоатируемые классы не оказывают открытого сопротивления, государственный аппарат стоит как бы в стороне от экономической жизни. Фактически конечно это не так. Идет повседневное давление аппарата государства, обеспечивающее «устои» «нормального» производства. Но как только противоречия внутри данного способа производства развились настолько, что дальнейший ход производства представляется целым рядом социальных конфликтов (выступлением угнетенных классов), — государственный аппарат начинает проявлять свое классовое лицо. Это бывает особенно ярко после подавления больших выступлений угнетенных классов. Наступает реакция. Господствующий класс диктаторствует, жестоко подавляя всякие новые попытки к сопротивлению. Но диктатура эта имеет значение не только как стремление «восстановить порядок». Класс-диктатор начинает наступление на угнетенные классы в целях обеспечения наивыгодных условий своего производства, а следовательно и своего господства. Диктатура становится орудием укрепления экономического господства и сохраняется до тех пор, пока это господство не будет снова введено в «нормальные» условия, когда не будет непосредственно угрожать опасность нового подъема угнетенного класса.

Все сказанное относится к диктатуре класса-эксплоататора. Буржуазия не раз в истории прибегала и прибегает к диктатуре, спасая таким путем свое господство.

Пролетариат исторически приходит к своей диктатуре. Пролетарская диктатура есть средство охранения пролетариатом, при посредстве вооруженной силы класса, своей победы и условий своего производства. Это есть способ развертывания и закрепления экономических условий нового производства при посредстве государственной организации.

При проработке вопроса необходимо остановиться на следующих моментах:

1) Диктатура классовая и диктатура «единоличная» (диктатура пролетариата и диктатура буржуазии);

2) Экономические и политические основы диктатуры пролетариата (в связи с историей вопроса о диктатуре).

Основная задача проработки — показать, что, наследуя производство от буржуазии, пролетариат необходимо создает и свою государственную машину, формой которой является его классовая диктатура.

б. Исторические задачи диктатуры пролетариата. Диктатура пролетариата рождается в недрах самой ожесточенной классовой борьбы. Пролетариат, побеждая в революции, оказывается перед задачей закрепления своей победы и полного уничтожения своих врагов. Революционные организации пролетариата превращаются в государственные организации, в органы для подавления политического сопротивления эксплоататоров.

Это сопротивление из области политики быстро перебрасывается на экономику. Разбитые политически, угнетатели оказывают экономический нажим, — останавливая производство, прекращая хозяйственную деятельность, намереваясь вызвать всеобщее недовольство новым политическим строем. Пролетариат оказывается перед новой задачей — организации хозяйственной жизни на основе новых отношений в производстве. Но на это нужно время. А время неизбежно несет усложнения вопроса. Достаточно сказать, что при всем этом продолжается вооруженная борьба со свергнутыми классами. Отсюда необычайные трудности борьбы пролетариата при самом начале строительства социалистического общества. Конкретные условия каждой отдельной страны внесут свои особенности в ход борьбы, вызовут те или иные специфические формы ее, но общие задачи диктатуры пролетариата совершенно определенны — уничтожение классов путем перестройки экономики и при посредстве революционной государственной машины.

Проработка вопроса ведется по такому плану:

1) Политические задачи диктатуры пролетариата;

2) Экономические задачи диктатуры пролетариата.

Основная задача проработки заключается в том, чтобы показать, что пролетариат, укрепляя свое господство, уничтожает классовое угнетение. Политически подавляя своих противников, он создает экономические условия, при которых отпадает нужда во всяком угнетении одной частью общества другой его части.

в. Условия для пролетарской диктатуры в России. Диктатура пролетариата открывает эпоху перехода человечества от капитализма к социализму. Она означает, что внутри капитализма созрели предпосылки для организации производства на новых отношениях в производстве, на основе общественной собственности на средства производства. Эти предпосылки создаются в результате развития капитализма и внешне выражаются в виде господства крупного индустриального производства над всей экономикой страны. Разумеется, что эти предпосылки налицо в передовых капиталистических странах Европы и Америки.

Но фактически пролетарская диктатура осуществилась в отсталой России раньше, чем в этих передовых странах. Почему это произошло?

Ставя этот вопрос в аудитории, необходимо вскрыть диалектику борьбы пролетариата в условиях мирового хозяйства и интернационализации общественных отношений.

1. «БАЗИС» и «НАДСТРОЙКИ»

а. ДВА РОДА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Мои исследования привели меня к заключению, что правовые отношения, наравне с формами государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, но скорее коренятся в материальных условиях жизни, совокупность которых Гегель, по примеру англичан и французов XVIII ст., назвал «буржуазным обществом», и что анатомию буржуазного общества нужно искать в политической экономии. Начатое мною в Париже изучение этой последней я продолжал в Брюсселе, куда я переселился вследствие распоряжения г. Гизо о моей высылке из Парижа. Общий результат, к которому я пришел и который, раз он был найден, служил мне руководящей нитью в дальнейших занятиях, можно кратко формулировать следующим образом. В общественном отправлении своей жизни люди вступают в определенные, от их воли независящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества, реальное основание, на котором возвышается правовая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает собой процесс жизни социальной, политической и духовной вообще. Не сознание людей определяет их бытие, но, напротив, общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества впадают в противоречие с существующими производственными отношениями, или, употребляя юридическое выражение, с имущественными отношениями, внутри которых они до сих пор действовали. Из форм развития производительных сил эти отношения становятся их оковами. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономического основания более или менее быстро преобразуется и вся громадная надстройка над ним. При рассмотрении таких революций следует всегда иметь в виду разницу между материальным переворотом в экономических условиях производства, который можно определить с естественно-научной точностью, и юридическими, политическими, религиозными, художественными или философскими, словом, идеологическими формами, в которых люди воспринимают в своем сознании этот конфликт и во имя которых борются. Как нельзя судить об отдельном человеке по тому, что он о себе думает, точно так же нельзя судить о такой революционной эпохе по ее сознанию; скорее это сознание следует объяснить из проти-

воречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются на свет раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может решить, так как, при ближайшем рассмотрении, всегда окажется, что сама задача только тогда выдвигается, когда существуют уже материальные условия, необходимые для ее разрешения, или когда они, по крайней мере, находятся в процессе возникновения. В общих чертах можно наметить, как прогрессивные эпохи экономического формирования общества, азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства. Буржуазные производственные отношения составляют последнюю антагонистическую форму общественного процесса производства, антагонистическую не в смысле индивидуального антагонизма, но такого, который вырастает из условий общественной жизни индивидуумов. Но производительные силы, развивающиеся в лоне буржуазного общества, создают в то же время материальные условия, необходимые для разрешения этого антагонизма. Этой общественной формацией завершается, поэтому, прелюдия истории человеческого общества.

Маркс, Предисловие к критике политической экономии, «Моск. Раб.», 1922, 38—39.

Если бы мы захотели кратко выразить взгляд Маркса — Энгельса на отношение знаменитого теперь «основания» к не менее знаменитой «надстройке», то у нас получилось бы вот что:

1) состояние производительных сил;

2) обусловленные им экономические отношения;

3) социально-политический строй, выросший на данной экономической «основе»;

4) определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем, психика общественного человека;

5) различные идеологии, отражающие в себе свойство этой психики.

Эта формула достаточно широка, чтобы дать надлежащее место всем «формам» исторического развития, и вместе с тем совершенно чужда того эклектизма, который не умеет пойти дальше взаимодействия между различными общественными силами и даже не подозревает, что факт взаимодействия между этими силами еще вовсе не решает вопроса об их происхождении. Это монистическая формула. И эта монистическая формула насквозь пропитана материализмом. Гегель говорил в своей «Философии духа»: «Дух есть единственный

двигательный принцип истории». Иначе и нельзя думать, держась точки зрения того идеализма, согласно которому бытие обусловливается мышлением. Материализм Маркса показывает, каким образом история мышления обусловливается историей бытия. Но идеализм не мешал Гегелю признавать действие экономики как причины, «опосредствованной развитием духа»; и точно так же материализм не помешал Марксу признать в истории действие «духа» как силы, направление которой определяется в каждое данное время и в последнем счете ходом развития экономики.

Плеханов, Основные вопросы марксизма, Соч., XVIII, Гиз, 1925, 231—232.

Мы считаем, что экономические условия обусловливают в последнем счете историческое развитие. Но раса является сама экономическим фактором. Здесь не следует забывать о двух пунктах.

а) Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие основано на экономическом. Но все они оказывают влияние друг на друга и на экономическую основу. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является единственной активной причиной, а остальное является лишь пассивными факторами. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, которая в конце концев проявится. Государство, например, оказывает влияние при помощи покровительственных пошлин, свободы торговли, хорошего или дурного состояния финансов. Даже смертельная усталость и бессилие немецких мещан, происходившие из экономически жалкого положения Германии в период с 1648 до 1830 г., выразившиеся сначала в ханжестве, затем в сентиментальности и в пресмыкательстве перед князьями и дворянством,—даже эти явления, не остались без влияния на экономику. Это было одним из величайших препятствий нового подъема, и препятствие это было поколеблено только благодаря тому, что революционные и наполеоновские войны сделали хроническую бедность острой. Следовательно, таким образом, нет какого-то автоматического действия экономического положения, как это иногда весьма удобно воображают, но люди делают свою историю сами, только в определенной, обусловливающей их среде, на основе оставшихся от прошлого действительных отношений, среди которых экономические являются в последнем счете все же решающими, как бы сильно ни влияли на них остальные политические и идеологические условия. Экономические отношения образуют идущую непрерывно нить, единственно приводящую к пониманию...

Чем дальше будет удаляться от экономической та область, которую мы исследуем, чем больше она приближается к чисто абстрактно-идеологической, тем больше будем мы находить, что она в своем развитии обнаруживает больше случайностей, тем более зигзагообразной является ее кривая. Если же мы начертим среднюю ось кривой, то мы найдем, что чем длиннее

изучаемый период, чем больше изучаемая область, тем более приближается эта ось к оси экономического развития, тем более параллельно ей она идет.

В Германии величайшим препятствием к правильному пониманию является непростительное забвение в литературе об экономической истории. Очень трудно не только отвыкнуть от исторических понятий, привитых в школе, но еще труднее собрать материал, необходимый для этого. Кто читал, например, старого Г. Ф. Гулиха, который в своем сухом собрании материалов поместил столько ценного для объяснения бесконечного количества политических фактов?

Энгельс, Письмо Штаркенбургу, от 25 января 1894 г.; Письма Маркса и Энгельса, «Моск. Раб.», 1923, 343—344.

Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в к о н е ч н о м с ч е т е является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего не утверждали. Если кто-нибудь это положение извратит в том смысле, что будто экономический момент является е д и н с т в е н н ы м определяющим моментом, тогда утверждение это превращается в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение — это основа, но на ход исторической борьбы оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно ф о р м у ее — различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — конституции, установленные победившим классом после одержанной победы и т. д.; правовые формы, и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников — политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Тут имеется налицо взаимодействие всех этих моментов, в котором в конце концов экономическое движение, как необходимое, прокладывает себе дорогу сквозь бесконечную толпу случайностей (т. е. вещей и событий, внутренняя взаимная связь которых настолько отдалена или настолько трудно определима, что мы можем забыть о ней, считать, что ее не существует). В противном случае применять теорию к любому историческому периоду было бы легче, чем решать самое простое уравнение первой степени.

Мы делаем свою историю сами, но, во-первых, мы делаем ее при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди них экономические являются в конечном счете решающими. Но и политические условия и т. д., даже традиции, живущие в головах людей, играют известную роль, хотя и не решающую. Прусское государство возникло и развивалось благодаря историческим и в конечном счете экономическим причинам. Но едва ли можно, не сделавшись педантом, утверждать, что среди множества мелких государств Северной Германии именно Бранденбург был предназначен для роли великой державы, в которой воплотились экономические различия, различия в языке, а со времени реформации и религиозные различия между севером и югом,

причем это было предопределено именно только экономической необходимостью, а другие моменты не оказывали также влияния (главным образом то обстоятельство, что Бранденбург благодаря обладанию Пруссией был втянут в польские дела и через это в международные политические отношения, которые явились решающими также и при образовании могущества Австрийского дома). Едва ли удастся кому-нибудь, не сделавшись смешным, объяснить экономически существование каждого маленького немецкого государства в прошлом и в настоящее время, или объяснить экономически происхождение верхне-немецких изменений гласных, которое разделяет Германию (в отношении диалекта) на две половины, что усиливается еще географически цепью гор от Судетов до Таунуса.

Во-вторых, история делается таким образом, что конечный результат получается от столкновений множества отдельных воль, причем каждая из этих воль становится тем, чем она является, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит один общий результат — историческое событие. Этот исторический результат можно рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, бессознательно и невольно. Ведь то, чего хочет один, встречает препятствие со стороны всякого другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел. Таким образом история, как она шла до сих пор, протекает подобно естественно-историческому процессу и подчинена в сущности тем же самым законам движения. Но из того обстоятельства, что воли отдельных людей, которые хотят каждый того, к чему их влечет строение их тела и внешние, в конечном счете, экономические обстоятельства (или свои собственные личные, или вообще всего общества), что эти воли достигают не того, чего они хотят, но сливаются в нечто общее, в один общий результат, из этого не следует заключать, что эти воли равны нулю. Наоборот, каждая воля вносит свою долю в общий результат, и постольку включена в него...

Маркс и я были виноваты отчасти в том, что молодые (марксисты) иногда придавали больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отрицали, и не всегда находилось достаточно времени, места и поводов отдавать должное и остальным моментам, участвующим во взаимодействии. Но как только дело доходило до изображения какого-либо исторического периода, т. е. до практического применения, дело менялось, и тут уже не могло быть никакой ошибки. К сожалению, сплошь и рядом полагают, что новую теорию вполне поняли и могут ее применять сейчас же, как только усвоены основные положения, а это далеко не всегда правильно. В этом я могу упрекнуть многих новейших «марксистов», и благодаря этому иногда возникала удивительная путаница.

Энгельс, Письмо Иосифу Блоху, от 21 сентября 1890 г.; Маркс и Энгельс, Письма, «Моск. Раб.», 1923, 303—306.

... Имущественные отношения, сложившиеся на данной ступени роста производительных сил, в продолжение некоторого времени способствуют дальнейшему росту этих сил, а потом начинают мешать ему. Это напоминает нам о том, что, хотя данное состояние производительных сил служит причиной, вызывающей данные производственные, и в частности имущественные, отношения, но, раз возникли эти последние, как следствие указанной причины, они начинают влиять на эту причину с своей стороны. Таким образом получается взаимодействие между производительными силами и общественной экономией. А так как на экономической основе вырастает целая надстройка общественных отношений, чувств и понятий, причем эта надстройка тоже сначала способствует, а потом препятствует экономическому развитию, то между надстройкой и основой тоже возникает взаимодействие, заключающее в себе полную разгадку всех тех явлений, которые на первый взгляд кажутся противоречащими основному положению исторического материализма.

Плеханов, Основные вопросы марксизма, Соч., XVIII, Гиз, 1925, 217—218.

Поистине комичен, например, г. Бастиа, который воображает, что древние греки и римляне жили исключительно грабежом. Ведь если люди целые столетия живут грабежом, то должно, очевидно, постоянно иметься что-нибудь такое, что можно награбить, другими словами, предмет грабежа должен непрерывно воспроизводиться. Надо думать поэтому, что и у греков с римлянами был какой-нибудь процесс производства, какая-нибудь экономика, которая служила материальным базисом их мира в такой же степени, в какой буржуазная экономика является базисом современного мира. Или, быть может, Бастиа думает, что способ производства, покоящийся на рабском труде, тем самым покоится на системе грабежа? В таком случае он становится на опасный путь. Но если такой исполин мысли, как Аристотель, ошибался в своей оценке рабского труда, то каким образом избрал бы правильный путь в своей оценке наемного труда такой карлик-экономист, как Бастиа? Я пользуюсь этим случаем, чтобы вкратце ответить на возражение, появившееся в одной немецко-американской газете по адресу моей работы «К критике политической экономии». По мнению газеты, мой взгляд, что определенный способ производства и соответствующие ему производственные отношения, одним словом, «экономическая структура общества составляет реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания», что «способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процесс жизни», — все это, по мнению газеты, справедливо по отношению к современному миру, когда господствуют материальные интересы, но непримени мо ни к средним векам, когда господствовал католицизм, ни к древним Афинам или

Риму, где господствовала политика. Прежде всего изумительно, как кто-либо мог бы предположить, что эти ходячие фразы о средних веках и античном мире остались хоть кому-нибудь неизвестными. Ясно во всяком случае, что средние века не могли жить католицизмом, а античный мир политикой. Наоборот, тот способ, каким в эти эпохи добывались средства к жизни, объясняет, почему в одном случае главную роль играла политика, в другом — католицизм. Кроме того, не требуется обладать особенно глубокими познаниями, например, по истории римской республики, чтобы знать, что скрытую ее пружину составляет история земельной собственности. С другой стороны, еще Дон-Кихот должен был жестоко поплатиться за свою ошибку, когда вообразил, что странствующее рыцарство одинаково совместимо со всеми экономическими формами общества.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 49—50, прим.

До Коперника астрономия учила, что земля есть неподвижный центр, вокруг которого обращаются солнце и другие небесные светила. С помощью этого взгляда невозможно было объяснить очень многие явления небесной механики. Гениальный поляк подошел к делу их объяснения с совершенно противоположной стороны: он предположил, что не солнце вращается вокруг земли, а, наоборот, земля вокруг солнца, и правильная точка зрения была найдена, и многое стало ясно из того, что было неясно до Коперника.— До Маркса люди общественной науки исходили из понятия о человеческой природе; благодаря этому оставались неразрешимыми важнейшие вопросы человеческого развития. Учение Маркса придало делу совершенно другой оборот: между тем как человек, для поддержания своего существования, сказал Маркс, воздействует на природу вне его, он изменяет свою собственную природу. Следовательно, дело научного объяснения исторического развития надо начинать с противоположного конца: надо выяснить, каким образом совершается этот процесс производительного воздействия человека на внешнюю природу. По своей великой важности для науки, это открытие может быть смело поставлено наряду с открытием Коперника и вообще наряду с величайшими, плодотворнейшими научными открытиями.

Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, Соч., VII, Гиз, 1923, 189—190.

Их (Маркса и Энгельса. *Сост.*) основная идея... состояла в том, что общественные отношения делятся на материальные и идеологические. Последние представляют собой лишь надстройку над первыми, складывающимися помимо воли и сознания человека, как (результат) форма деятельности человека, направленной на поддержание его существования.

Ленин, Что такое «друзья народа», Соч., I, 2 изд., 70.

Надстройка и идеология. Структура надстроек. Анализ этих общественных явлений в их статическом разрезе был крайне недостаточным. Отсюда происходил целый ряд недоразумений, ошибок, а также теоретических тупиков и ложных «кажущихся» объяснений. Например: исследователи натыкались на научную лабораторию, с ее орудиями труда, своеобразными трудовыми отношениями и т. д. Отсюда вывод: лабораторный (resp., всякий научный) труд относится к производству. Развивая дальше это положение, приходили к тому, что всякий общественно-полезный труд есть производительный труд. В результате все тонуло в этом «производстве», и марксистская теория превращалась в нелепое объяснение части целым, не более. Или не знали, куда девать в архитектурной схеме Маркса такие явления, как научная ассоциация, бюрократический аппарат, философское общество, астрономическая обсерватория.

Поэтому я предложил в своей книге прежде всего отделить понятия идеологии и надстройки, взяв надстройку как понятие более широкое и общее. Идеология — система мыслей, чувств, образов, норм и т. д. Надстройка включает в себя и многое другое. А именно, в надстройках мы должны отличать три главных сферы:

1. Техника данной надстройки, «орудия труда» (лабораторные инструменты в науке; дома, пушки, счеты, диаграммы etc. в госаппарате; кисти, музыкальные инструменты и т. д. в искусстве и проч.).

2. Отношения между людьми (научное общество, бюрократическая организация, людские отношения в художественной мастерской, координация людей в оркестре).

3. Система идей, образов, норм, чувств и т. д. (идеология).

Я пытался далее провести этот анализ еще дальше, т. е. пытался наметить вехи еще большего дробления и дифференциации (на примере музыки и др.). Тем самым отпадает целый ряд трудностей, которые были раньше, и историко-материалистический метод становится точнее и острее.

Надстройки как сферы отдифференцированного труда. Я ставил своей задачей также анализировать надстройки с точки зрения труда. Маркс недаром говорил об «интеллектуальном производстве» и «идеологических сословиях» (ideologische stände). Не буду говорить здесь о практическом значении этих вопросов специально для нашего времени и специально для нашей партии. Ограничусь чисто теоретической мотивировкой такого «аспекта».

Во-первых. Такая точка зрения прекрасно освещает вопрос о соотношении материального производства с производствами «интеллектуальными» и наглядно демонстрирует всю нелепость «сплошной» постановки вопроса и в этой области (все «полезное» — производство); в частности, при таком решении вопроса ясно, что интеллектуальный труд постоянно как бы вытекает и затем обособляется от материального производства; казуистические хитроумные вопросы относительно категорий, лежащих на самой границе этих областей, методологически отпадают

совершенно так же, как якобы «ужасные» вопросы о промежуточных социальных группировках и других текучих величинах.

Во-вторых. Такая постановка вопроса позволяет объяснить необходимость как появления тех или иных видов надстроечного труда, так и своеобразную диспозицию различных отраслей этого труда, т. е. относительные размеры их в данном обществе (такие вопросы, как, например, вопросы пропорции между материальным и нематериальным трудом, о пропорции между различными видами «духовного» труда и т. п., мне кажется, ранее не ставились вообще; между тем, это необходимо для объяснения целого ряда существеннейших явлений; ср., например, практическую ценность для нас вопроса о материальном производстве и административно-бюрократическом аппарате).

Бухарин, К постановке проблем теории исторического материализма, сборник «Атака», Гиз, 121—122 и 123—124.

2. СЕМЬЯ. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ. ПРАВО

а. СЕМЬЯ

Человек лишь постепенно выделился из животного мира. Было время, когда в жизни наших человекоподобных предков орудия играли такую же ничтожную роль, какую играет ветка в жизни слона. В течение этого очень долгого времени отношения человекоподобных самцов к человекоподобным самкам, равно как и отношение тех и других к их человекоподобным детенышам, определялись общими условиями жизни этого вида, не имеющими к орудиям труда никакого отношения. От чего зависели тогда «семейные» отношения наших предков? Объяснить это должны натуралисты. Историку тут делать пока еще нечего. Но вот орудия труда начинают играть все более и более важную роль в жизни человека, производительные силы все более и более развиваются, и наступает, наконец, такой момент, когда они приобретают решительное влияние на весь склад общественных, т. е., между прочим, и семейных отношений. Тут уже начинается дело историка: он должен показать, как и почему изменялись семейные отношения наших предков в связи с развитием их производительных сил, как развивалась семья в зависимости от экономических отношений. Но понятно, что, раз он возьмется за дело такого объяснения, ему, при изучении первобытной семьи, придется считаться не с одной только экономией; ведь люди размножались и раньше того, как орудия труда приобрели решающее значение в человеческой жизни; ведь и раньше этого времени существовали какие-то семейные отношения, которые определялись общими условиями существования вида — homo sapiens. Что же собственно придется тут делать историку? Ему придется, во-первых, потребовать формулярный список этого вида у натуралиста, сдающего ему с рук на руки дальнейшее изуче-

ние развития человека; ему придется, во-вторых, пополнять этот список «собственными средствами». Другими словами, ему придется взять семью как она создалась, скажем, в зоологический период развития человечества, и затем показать, какие изменения были внесены в нее в течение *исторического* периода под влиянием развития производительных сил, вследствие изменений в экономических отношениях. Вот только это и говорит Энгельс. И мы спрашиваем: когда он говорит это, изменяет ли он хоть немного свой «первоначальный» взгляд на значение производительных сил в истории человечества? Принимает ли он, рядом с действием этого фактора, действие какого-то другого, «равносильного» ему? Кажется, ничего не изменяет, кажется, ничего такого не принимает. Ну, а если нет, то почему же толкуют об изменении его взглядов тт. Вейзенгрюн и Кареев, почему скачет и играет г. Михайловский? Вернее всего, что по причине собственного легкомыслия.

«Но ведь странно же сводить историю семьи к истории экономических отношений, хотя бы в течение того, что вы называете историческим периодом», — хором кричат наши противники. Может быть, странно, а может быть, и не странно: об этом можно спорить, скажем мы словами г. Михайловского. И мы не прочь поспорить с вами, господа, но только с одним условием: в течение спора ведите себя серьезно, внимательно вдумывайтесь в смысл наших слов, не приписывайте нам ваших собственных измышлений и не торопитесь с открытием у нас таких противоречий, которых ни у нас, ни у наших учителей нет и никогда не было. Согласны? Очень хорошо, давайте спорить.

Нельзя объяснять историю семьи историей экономических отношений, говорите вы: это узко, односторонне, не научно. Мы утверждаем противное и обращаемся к посредничеству специальных исследователей.

Вам, конечно, знакома книга Жиро-Тэлона: «Les origines de la famille»?

Мы развертываем эту знакомую вам книгу и находим там, например, такое место:

«Причины, которые вызвали возникновение внутри первобытного племени (Жиро-Тэлон говорит, собственно, «внутри орды» — de la horde) обособленных семейных групп, повидимому, связываются с ростом богатства этого племени. Введение в употребление или открытие какого-нибудь хлебного растения, приручение какого-нибудь нового вида животных могли быть достаточною причиной коренных преобразований в диком обществе: все великие успехи в цивилизации всегда совпадали с глубокими изменениями в экономическом быте населения» (стр. 138).

Несколькими страницами далее:

«Повидимому, переход от системы женского родства к системе родства мужского в особенности ознаменовался столкновениями юридического характера на почве собственности» (стр. 141).

Еще далее: «Организация семьи, в которой преобладает мужское право, повсюду, кажется мне, вызвана была действием силы столько же простой,

как и стихийной... д е й с т в и е м п р а в а с о б с т в е н н о с т и» (стр. 146).

Вам известно, конечно, какое значение в истории первобытной семьи приписывает Мак-Леннан убийству детей женского пола? Энгельс, как известно, относится очень отрицательно к исследованиям Мак-Леннана; но тем интереснее для нас, в данном случае, ознакомиться со взглядом этого последнего на причину, вызвавшую появление детоубийства, которое будто бы оказало столь решительное влияние на историю семьи.

«Для племен, окруженных врагами и при слабом развитии техники лишь с трудом поддерживающих свое существование, сыновья являются источником силы как в смысле защиты, так и в смысле добывания пищи, дочери — источником слабости».

Что же вызвало, по мнению Мак-Леннана, убийство первобытными племенами детей женского пола? Недостаток средств существования, слабость производительных сил, так как, будь у этих племен достаточно пищи, то, вероятно, не стали бы они убивать своих девочек из боязни, что со временем придут неприятели и, пожалуй, убьют их или возьмут в плен.

Повторяем, Энгельс не разделяет взгляда Мак-Леннана на историю семьи, да и нам он кажется очень неудовлетворительным; но для нас важно здесь то, что и Мак-Леннан грешит тем же грехом, в котором упрекают Энгельса: и он ищет в состоянии производительных сил разгадки истории семейных отношений.

Продолжать ли нам наши выписки, цитировать ли Липперта, Моргана? Мы не видим в этом надобности: кто читал их, тот знает, что в этом отношении они такие же грешники, как Мак-Леннан или Энгельс. Не без греха в этом случае, как известно, и Спенсер, социологические воззрения которого не имеют, однако, ровно ничего общего с «экономическим материализмом».

Этим последним обстоятельством можно воспользоваться конечно для полемических целей и сказать: ну вот, видите! Стало быть, можно же сходиться с Марксом и Энгельсом по тому или другому отдельному вопросу и не разделять их общей исторической теории! Конечно, можно. Весь вопрос только в том, на чьей стороне окажется при этом логика.

Пойдем дальше.

Развитие семьи определяется развитием права собственности, — говорит Жиро-Тэлон, прибавляя, что все вообще успехи цивилизации совпадают с изменениями в экономическом быте человечества. Читатель, вероятно, и сам заметил, что Жиро-Тэлон держится совсем неточной терминологии: у него понятие «право собственности» как бы покрывается понятием «экономический быт». Но ведь право есть право, а экономия есть экономия, и не годится смешивать эти два понятия. Откуда взялось данное право собственности? Может быть, оно возникло под влиянием экономии данного общества (гражданское право служит всегда лишь выражением экономических отношений, — говорит Лассаль), а может быть, оно обязано своим происхождением какой-нибудь совершенно другой причине. Тут надо про-

должать анализ, а не прерывать его именно в тот момент, когда он приобретает особенно глубокий, наиболее жизненный интерес.

Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, Соч., VII, Гиз, 1923, 172—175.

6. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

...Развитие производительных сил, определяющее собою, в последнем счете, развитие всех общественных отношений, *определяется свойствами географической среды*. Но, раз возникнув, данные общественные отношения *сами оказывают большое влияние на развитие производительных сил*. Таким образом, то, *что первоначально является следствием, в свою очередь, становится причиной*; между развитием производительных сил и общественным строем возникает *взаимодействие*, в различные эпохи принимающее самые разнообразные виды.

Надо помнить также, что если данным состоянием производительных сил обусловливаются существующие в данном обществе *внутренние отношения*, то от того же состояния *зависят* в конце концов и его *внешние отношения*. Каждой данной ступени развития производительных сил соответствует определенный характер *вооружения, военного искусства* и, наконец, *международного*, точнее *междуобщественного*, т. е. между прочим и *междуплеменного*, права. *Охотничьи племена* не могут создавать крупных политических организаций именно потому, что низкий уровень их производительных сил *вынуждает* их, по образному древнерусскому выражению, *разбредаться розно*, небольшими общественными группами в поисках средств существования. А чем больше «разбредаются розно» эти общественные группы, тем неизбежнее становится разрешение, путем более или менее кровавой борьбы, даже таких ссор, которые в цивилизованном обществе легко могли бы быть решены в камере мирового судьи. Эйр говорит, что когда несколько австралийских племен сходятся между собой для известных целей в определенной местности, то такие сближения никогда не бывают продолжительными: еще прежде, чем австралийцев заставит разойтись недостаток пищи или необходимость заняться преследованием дичи, между ними начинаются враждебные столкновения, очень скоро ведущие, как известно, к битвам.

Всякий понимает, что подобные столкновения могут происходить по самым разнообразным поводам. Но замечательно, что большинство путешественников приписывают их *экономическим причинам*. Когда Стэнли спросил нескольких туземцев в экваториальной Африке, как возникают их войны с соседними племенами, ему ответили: «Наши ребята пойдут на охоту; соседи станут их прогонять; тогда мы нападаем на сосе-

дей, а они на нас, и мы деремся, пока не надоест или пока какая-нибудь сторона не окажется побежденной». Подобно этому Бертон говорит: «Все войны в Африке вызываются только двумя причинами: похищением скота или захватом людей». Ратцель считает вероятным, что в Новой Зеландии войны между туземцами нередко вызывались простым желанием полакомиться человечьим мясом. Но большая склонность туземцев к людоедству сама объясняется бедностью тамошней фауны.

Всякий знает, как много зависит исход войны от вооружения каждой из воюющих сторон. А их вооружение определяется состоянием их производительных сил, их экономией и их общественными отношениями, выросшими на основе экономии. Сказать, что такие-то народы или племена были *завоеваны* другими народами, еще не значит объяснить, почему социальные последствия их завоевания были именно такие, а не какие-нибудь другие. Социальные последствия завоевания Галлии римлянами были совсем не те, которые получились от завоевания той же страны германцами. Социальные последствия завоевания Англии норманнами были совсем не те, которые произошли от завоевания России монголами. Во всех этих случаях разница обусловливалась в последней инстанции различием в *экономическом строе* общества, подвергавшегося завоеванию, с одной стороны, и общества, совершавшего это завоевание — с другой. Чем более развиваются производительные силы данного племени или народа, тем более увеличивается для него, по крайней мере, *возможность* лучше вооружить себя для борьбы за существование.

Однако, это общее правило допускает много достойных замечания исключений. На низших стадиях развития производительных сил разница в вооружении племен, находящихся на весьма различных стадиях экономического развития, — например, кочующих пастухов и оседлых земледельцев, — не может быть такой большой, какою она становится впоследствии. Кроме того, движение по пути экономического развития, оказывая существенное влияние на характер данного народа, иногда до такой степени уменьшает его воинственность, что он становится не в силах сопротивляться более отсталому в экономическом отношении, но зато более привычному к войне неприятелю. Вот почему *мирные земледельческие племена* нередко подвергаются завоеванию со стороны *воинственных народов*. Ратцель замечает, что самые прочные государственные организации получаются у «полукультурных народов» в результате соединения,—путем завоевания,—обоих этих элементов: земледельческого и пастушеского. Как ни справедливо, в общем, это замечание надо, однако, помнить, что даже и в таких случаях,—хороший к тому пример Китай,—экономически отсталые *завоеватели* мало-по-малу вполне подчиняются влиянию более развитого в экономическом отношении *завоеванного* народа.

Плеханов, Основные вопросы марксизма. Соч., XVIII. Гиз, 1925, 206—209.

Если г. Дюринг так задирает нос перед эллинским миром за то, что он основан был на рабстве, то он с таким же правом может сделать грекам упрек за то, что у них не было паровых машин и электрических телеграфов. И если он утверждает, будто наше современное наемное рабство представляет собою несколько видоизмененное и смягченное наследие древнего рабства и само по себе (т. е. из экономических законов современного общества) необъяснимо, то это или означает только что наемный труд, как и рабство, суть формы порабощения и классового господства, а это знает каждое дитя, или же это неверно, ибо с таким же правом мы могли бы сказать, что наемный труд объясним только как смягченная форма людоедства, этой теперь общеустановленной первобытной формы использования побежденных врагов.

Отсюда ясно, какую роль играет в истории насилие по отношению к экономическому развитию. Во-первых, всякая политическая власть основывается сначала на экономической общественной функции и усиливается по мере того, как вследствие распадения первобытной общины, члены общества превращаются в частных производителей и, таким образом, еще более отчуждаются от исполнителей общих социальных функций. Во-вторых, политическая власть, сделавшись самостоятельной по отношению к обществу, превратившись из слуги в господина, может действовать в двояком направлении. Или она действует в смысле и направлении закономерного экономического развития, — в этом случае между ними нет спора, и экономическое развитие ускоряется, — или же политическая власть действует в противоположном направлении, и тогда, за немногими исключениями, экономическое развитие ее обыкновенно побеждает. Такими немногими исключениями являются отдельные случаи завоеваний, когда более жестокие завоеватели истребляли или изгоняли население страны и уничтожали или запускали ее производительные силы. Так поступили христиане в мавританской Испании с большей частью сооружений для искусственного орошения, на котором зиждилось высокоразвитое земледелие и садоводство мавров.

Всякое завоевание, сделанное более варварским народом, разумеется, тормозит экономическое развитие и уничтожает многочисленные производительные силы. Но в огромном большинстве случаев прочного завоевания более варварский завоеватель должен приспособляться к более высокому «экономическому положению», вытекающему из его завоевания: он ассимилируется завоеванными и часто должен усвоить даже язык их. Но — помимо случаев завоеваний — там, где внутренняя государственная власть какой-либо страны оказывается в противоречии к ее экономическим развитиям, как это в известной стадии было почти с каждой политической силой, там каждый раз борьба кончалась гибелью политической власти. Всегда неизменно и неумолимо экономическое развитие прокладывало себе дорогу; последний и разительнейший пример... представляет собою Великая французская революция. Если бы, согласно учению г. Дюринга, экономическое положение, а с ним и экономический строй известной

страны зависели просто от политической власти, то никак нельзя было бы понять, почему Фридриху Вильгельму IV после 1848 г., несмотря на его «доблестное воинство», все не удавалось привить средневековые цехи и прочую романтическую чушь к железным дорогам, паровым машинам и к только что развившейся крупной промышленности его страны, или почему русский император, который ведь еще гораздо могущественнее, не только уплачивать свои долги, но даже удержать свою «власть» не может без постоянных позаимствований у «экономического положения» Западной Европы.

Энгельс, Анти-Дюринг, Гиз, 1923, 164—165.

Там, где имеется разделение труда в общественном масштабе, отдельные работники становятся самостоятельными друг от друга. Производство является в последнем счете решающим. Но как только торговля продуктами обособляется от производства в собственном смысле, она следует своему собственному движению, над которым в общем и целом господствует производство, но в отдельных частностях и внутри этой общей зависимости, она, торговля, все же следует своим собственным законам, которые присущи природе этого нового фактора. У этого движения (торговли) есть свои собственные фазы, и в свою очередь оно оказывает обратное действие на движение производства. Открытие Америки было вызвано голодом в золоте, который еще раньше погнал португальцев в Африку... потому что европейская промышленность, так могуче расширившаяся в XIV и XV вв., и соответствовавшая ей торговля требовали больше орудий обмена, которых Германия,—великая страна серебра,—в 1450—1550 гг. дать не могла. Завоевание Индии португальцами, голландцами, англичанами с 1500 по 1800 гг. имело целью ввоз из Индии. О вывозе туда ни один человек не думал. И все же какое колоссальное обратное действие оказали на промышленность эти открытия и завоевания, вызванные чисто торговыми интересами. Только потребности вывоза в эти страны создали и развили крупную промышленность (в Европе).

Так и с денежным рынком. Как только торговля деньгами (банковое дело) отделяется от торговли товарами, так это банковое дело приобретает свое собственное развитие (при известных условиях, поставленных производством и торговлей товарами, и внутри этих границ), имеет особые законы, определяющиеся его собственной природой, и имеет особые фазы. Если к этому еще прибавляется, что банковое дело... в своем дальнейшем развитии расширяется в торговлю ценными бумагами, что эти ценные бумаги не только государственные бумаги, но к ним еще присоединяются акции промышленных и транспортных предприятий, банковое дело таким образом завоевывает прямое господство над частью производства, которое в общем и целом все же господствует над банковым делом. При этом условии обратное действие банкового дела является еще более сильным и еще более сложным. Банкиры являются собственниками железных дорог, руд-

ников, шахт и т. д. Эти средства производства приобретают двоякую видимость, ход их производства должен приспособляться то к интересам непосредственного производства, то к потребностям акционеров, поскольку они являются банкирами. Самый яркий пример этого: североамериканские железные дороги. Все производство их зависит от биржевых операций некоего Джей Гульда, Вандербильта и т. д. — операций, специально для этой дороги и для интересов ее, как средства передвижения, совершенно чуждых. И даже у нас здесь в Англии мы наблюдаем десятилетиями тянущиеся конфликты и борьбу различных железнодорожных обществ из-за разграничения между ними: борьбу, в которой растрачиваются колоссальные деньги не в интересах производства и обращения, а исключительно в силу соперничества, преследующего по большей части только цель облегчить биржевые операции банкиров, владеющих акциями.

В этих нескольких замечаниях о моем понимании отношения производства к торговле товарами и их обоих к банковому делу я в сущности уже дал ответ на ваши вопросы об историческом материализме вообще.

Всю эту вещь всего легче понять с точки зрения разделения труда. Общество порождает известные общие функции, без которых оно не может обойтись. Предназначенные для этого люди образуют новую отрасль разделения труда внутри общества. Вместе с тем они приобретают особые интересы также и в противоположность тем, кто их уполномочил, они становятся самостоятельными по отношению к ним, и таким образом является государство. И тут дело идет подобно тому, как при торговле товарами и позднее при банковом деле. Новая самостоятельная сила в общем и целом должна следовать за движениями производства, но она оказывает также, опять-таки, воздействие на условия и ход производства в силу присущей ей, или вернее, однажды полученной и постепенно развивавшейся дальше относительной самостоятельности. Это есть взаимодействие двух неравных сил — экономического движения, с одной стороны, и, с другой стороны, политической силы, стремящейся к наиболее возможной самостоятельности, политической силы, одаренной также и самостоятельным движением, так как она уже возникла. Экономическое движение в общем проложит себе путь, но оно должно испытывать на себе также и обратное действие от политического движения, которое оно само для себя создало и которое обладает относительной самостоятельностью. На экономическое движение оказывает влияние движение государственной власти с одной стороны и одновременно с ней — порожденной оппозиции, с другой. Как в денежном рынке отражается в общем и целом, и с указанными выше оговорками, движение промышленного рынка, и конечно отражается неправильно, так и в борьбе между правительством и оппозицией отражается борьба уже раньше существующих и борющихся классов и то же самое неправильно, не прямо, а косвенно, не как борьба классов, а как борьба за политические принципы, и при-

том так неправильно, что потребовались тысячелетия для того, чтобы мы смогли разгадать, в чем дело.

Обратное действие государственной власти на экономическое развитие может быть троякого рода. Она может действовать в том же направлении, тогда дело идет быстрее, она может действовать напротив, тогда в настоящее время у каждого крупного народа она терпит в течение более или менее продолжительного периода крушение, или она может ставить экономическому развитию в определенных направлениях преграды и толкать вперед в других направлениях. Этот случай сводится в конце концов к одному из предыдущих. Но ясно, что во 2 и 3 случаях политическая власть может причинить экономическому развитию величайший вред и может породить растрату сил и материала в массовом количестве.

Кроме того, может произойти случай завоевания и грубого уничтожения экономических ресурсов, благодаря чему прежде могло гибнуть целиком все экономическое развитие данной местности и данной нации. Теперь этот случай имеет по большей части противоположные результаты, особенно у великих народов. Побежденный в общем часто выигрывает и в экономическом и в политическом и в моральном отношениях больше, чем победитель.

Ф. Энгельс, Письмо Конраду Шмидту, от 27 октября 1890 г.; Письма Маркса и Энгельса, «Моск. Раб.», 1923, 307—310.

Револьвер одерживает победу над мечом; отсюда даже самому наивному аксиоматику должно быть понятно, что насилие не есть простой волевой акт, что для его проявления требуются весьма реальные предпосылки, а именно орудия, из которых более совершенные одерживают верх над менее совершенными; что орудия эти должны быть приготовлены, и потому тот, кто приготовляет более совершенные орудия насилия, vulgo оружие, побеждает того, который приготовляет менее совершенные орудия, и что, одним словом, победа насилия зиждется на производстве оружия, а последнее, в свою очередь, на производстве вообще, т. е. на «экономической мощи», на «экономическом положении», на материальных средствах, которыми располагает насилие.

Сила — это ныне армия и флот, и оба они, как мы все это на горе себе знаем, поглощают бездну денег. Но сила не может делать денег; она может, в лучшем случае, отнять уже сделанные, а эти последние, как мы также узнали на горьком опыте с французскими миллиардами, тоже мало приносят пользы. Следовательно, деньги, в конце концов, все же должны получаться посредством экономического производства, а таким образом, сила опять-таки определяется экономическим положением, которое создает ей средства для вооружения и сохранения ее орудий. Мало того: ничто не находится в большей зависимости от экономических условий, как именно армия и флот. Их вооружение, комплектование, организация, тактика, стратегия зависят прежде всего от того, на какой ступени развития находится в дан-

ный момент производство. В этой области переворот был совершен не благодаря «свободным творениям разума» гениальных полководцев, а благодаря изобретению лучшего оружия и изменению солдатского материала; влияние же гениальных полководцев в лучшем случае ограничивается приноравливанием способа борьбы к новому оружию и к новым борцам.

В начале XIV в. арабы занесли в Западную Европу порох, совершивший, как это известно каждому пкольнику, переворот во всем военном деле. Но введение пороха и огнестрельного оружия было, ведь, не насилием, а промышленным, т. е., экономическим прогрессом. Промышленность остается промышленностью, независимо от того, направлена ли она на создание или разрушение каких-либо предметов. Введение огнестрельного оружия внесло коренные изменения не только в военное дело, но и в политические отношения господства и подчинения. Для того, чтобы иметь порох и огнестрельное оружие, необходимы были индустрия и деньги; тем и другим располагают горожане. Поэтому огнестрельное оружие с самого начала является орудием городов и опиравшейся на них монархической власти в борьбе против феодального дворянства. Прежде неприступные каменные стены дворянских замков падали под ядрами пушек горожан, а пули винтовок горожан пробивали рыцарскую броню. Вместе с облаченной в рыцарские доспехи кавалерией дворянства рухнуло также и дворянское владычество; по мере развития буржуазии решающим родом оружия становились пехота и артиллерия; применение артиллерии заставило осложнить военное ремесло новым чисто промышленным отделением — инженерным делом.

Усовершенствование огнестрельного оружия совершалось очень медленно. Пушки оставались неуклюжими, ружья, несмотря на многие частичные изобретения, — грубыми. Прошло более трехсот лет, ранее чем было создано оружие, пригодное для вооружения всей инфантерии. Лишь в начале XVIII в. кремневое ружье со штыком окончательно вытеснило пику из вооружения пехоты. Тогдашняя пехота состояла из ловко маневрировавших, но совершенно ненадежных, служивших только из-под палки, рекрутов, вербовавшихся из самых низших слоев общества, часто из враждебно настроенных военнопленных, которых силою заставляли сражаться. Единственной формой борьбы, при которой эти солдаты могли пользоваться новым оружием, была линейная тактика, достигшая при Фридрихе величайшего совершенства. Вся пехота располагалась в виде трехрядного, очень длинного, пустого внутри четырехугольника и двигалась в боевом порядке только как целое; в лучшем случае, одному какому-либо крылу разрешалось несколько выступить вперед или отодвинуться назад. Эта беспомощная масса могла двигаться только на совершенно ровной плоскости, да и тут только в медленном темпе (75 шагов в минуту); изменение боевого порядка во время сражения было невозможно; как только инфантерия попадала под огонь, победа или поражение решались вскоре одним ударом.

В американской войне за независимость против этих беспомощных линий выступили шайки мятежников, которые, хотя и не были так искусны

в маршировках, зато лучше умели стрелять из своих винтовок; они боролись за свои собственные интересы и не дезертировали, подобно навербованным солдатам; затем они не доставили англичанам удовольствия и не выступили против них также на открытой равнине и выстроившись в линию, а предпочли действовать врассыпную, подвижными отрядами стрелков, под прикрытием лесов. Линия оказывалась бессильной и терпела поражение со стороны незримого и недостижимого противника. Тиральерование было вновь изобретено, как новый способ борьбы вследствие изменившегося солдатского материала.

Начатое в области милитаризма американской революцией завершила французская. Опытным войскам коалиции она также могла противопоставить только плохо обученные, но зато многочисленные массы, призвав к оружию всю нацию. Но с этими массами нужно было защищать Париж, т. е. прикрыть определенную область, а этого нельзя было достигнуть без победы в открытом бою. И простой перестрелки было недостаточно; нужно было найти форму для применения масс; такую форму нашли в к о л о н н е. Построение в колонну давало возможность и менее опытным войскам двигаться в большем порядке и даже с большей скоростью (сто и более шагов в минуту); оно дозволяло прорывать неповоротливые формы прежнего линейного строя, сражаться на всяком (и для линейного строя неудобном) поле, всевозможным образом группировать войска, сообща с летучими отрядами стрелков задерживать линии враждебных войск, отвлекать их и утомлять, пока наступит удобный момент, чтобы в решающем пункте позиции прорваться вместе с резервными массами. Этот новый способ ведения войны, основанный на комбинации отрядов стрелков и колонн и на разделении армии на самостоятельные, составленные из всех родов оружия дивизии или армейские корпуса, был вполне с тактической и стратегической стороны разработан Наполеоном; такой способ стал необходим, прежде всего, в силу изменившегося солдатского материала французской революции. Но для его применения нужны были еще две другие весьма важные технические предпосылки: во-первых, сконструированные Грибовалем более легкие лафеты к полевым орудиям, благодаря чему только и возможна стала достигнутая ими большая скорость передвижения; и во-вторых, введенный во Франции в 1777 г. и заимствованный из охотничьего ружья изгиб приклада, бывшего раньше совершенно прямым продолжением удлиненного ствола; изгиб этот дал возможность прицеливаться в отдельного человека, не делая ранее неизбежных промахов. Без этого усовершенствования нельзя было бы тиральерировать со старым ружьем.

Благодаря этим нововведениям, революционная система вооружения всего народа была вскоре ограничена принудительным набором (с освобождением за выкуп более состоятельных), и эта форма была принята большинством крупных государств материка Европы. Только Пруссия пыталась в своей системе ополчения привлечь на военную службу в большем размере силы народа. Кроме того, Пруссия была первой страной, снабдившей всю

свою пехоту новейшим оружием, заряжавшейся сзади нарезной винтовкой, после недолгого преобладания усовершенствованной в промежуток между 1830 и 1860 гг. для военных целей заряжавшейся с дула винтовки. Обоим этим обстоятельствам Пруссия обязана своими успехами 1866 г.

Во франко-прусской войне впервые выступили друг против друга две армии, обе вооруженные нарезными ружьями и притом придерживавшиеся в сущности тех же тактических приемов, которые практиковались во время старого гладкоствольного кремневого ружья. Разница заключалась лишь в том, что Пруссия введением ротной колонны сделала попытку найти такую форму боя, которая соответствовала бы новому вооружению. Но когда 18 августа прусская гвардия пыталась у Сэнт-Прива серьезно применить в бою ротную колонну, то принимавшие наиболее деятельное участие пять полков менее чем в два часа потеряли более трети своих сил (176 офицеров и 5 114 солдат); с тех пор и ротная колонна, как форма боевого строя, была осуждена, подобно предшествовавшим ей батальонной колонне и линейному строю; затем уже отказались от дальнейших попыток, в каком бы то ни было замкнутом строе подвергать войска ружейному огню неприятеля; война со стороны немцев велась лишь густыми отрядами стрелков, на которые, впрочем, и раньше колонны под градом пуль сами собой распадались, но это вызывало неудовольствие начальства, как нарушение порядка; затем «марш бегом» сделался в сфере неприятельского огня единственной формой движения. Солдат оказался опять-таки благоразумнее офицера: он инстинктивно нашел единственную форму сражения, которая одна только оправдалась под огнем неприятельского нарезного ружья, заряжавшегося с задней части и успешно провел ее вопреки противодействиям начальства.

С франко-прусской войной в военном деле наступил поворотный пункт, имевший совершенно иное значение, чем все прежние нововведения. Во-первых, оружие настолько усовершенствовано, что дальнейшие успехи в этой области не смогут уже иметь решающего значения. Когда имеются пушки, расстреливающие батальон на таком расстоянии, что глаз едва различает его присутствие, и ружья, достигающие того же при прицеле в отдельного человека, то дальнейшие усовершенствования в военно-полевом деле уже более или менее безразличны. Таким образом, эра развития в этом направлении по существу закончена. Во-вторых, война эта заставила все континентальные великие державы завести у себя усиленную прусскую систему ополчения, а с нею и военное бремя, под тяжестью которого они в течение немногих лет должны погибнуть. Армия сделалась главной целью государства, сделалась самоцелью. Народы уже только для того и существуют, чтобы поставлять и содержать солдат. Милитаризм охватывает и пожирает Европу. Но этот милитаризм таит в себе также и зародыш собственной гибели. Конкуренция отдельных государств между собою заставляет их, с одной стороны, увеличивать ежегодно затраты на армию, флот, артиллерию и т. д. и, следовательно, все более и более ускорять финансовый крах, а с другой — вводить всеобщую воинскую повинность, научая, таким обра-

зом, весь народ употреблять оружие, а этим дается народу возможность в известный момент проявить свою волю против командующей иерархии. Момент этот наступит, как только у народной массы, у деревенских и городских рабочих и крестьян, окажется своя воля. Тогда государево войско превратится в народное; машина откажется служить, и милитаризм погибнет в силу диалектики своего собственного развития. То, чего не могла достичь буржуазная демократия 1848 г., вследствие своего б у р ж у а з н о г о, а не пролетарского характера, а именно сообщить рабочим массам волю, по своему содержанию соответствующую их классовому положению, это неминуемо совершит социализм. Это означает в н у т р е н н е е разрушение милитаризма, а с ним и всех постоянных армий.

Такова одна мораль нашей истории инфантерии, а другая, возвращающая нас снова к г. Дюрингу, доказывает, что вся организация армий и способ ведения войны, а, следовательно, победа и поражение, зависят от материальных, т. е. чисто экономических условий, от человеческого и ружейного материала, т. е. от количества и качества населения и от уровня развития техники. Только охотничий народ, как американцы, мог вновь изобрести способ тиральерования, стрельбы порознь, а они были охотниками в силу чисто экономических причин, подобно тому, как ныне те же янки старых штатов превратились в крестьян, промышленников, моряков и купцов, уже не охотящихся в первобытных лесах, но зато тем лучше — на арене спекуляций, где они также сделали крупные успехи в использовании масс. Только революция, подобная французской, экономически эмансипировавшая буржуа и, в особенности, крестьянина, могла создать массовые армии и найти в то же время свободные формы движений, о которые разбились старые неповоротливые линии, это военное олицетворение защищаемого ими абсолютизма. А какие изменения, даже коренные преобразования почти насильственно и притом часто против воли начальства внесли в дело ведения войны успехи техники, поскольку они сделались применимыми и применялись в этой области, это мы же раньше отмечали в каждом отдельном случае. Кроме того, ныне уже каждый унтер-офицер сможет объяснить г. Дюрингу, в какой степени способ ведения войны зависит от производительности и средств сообщения как собственной страны, так и театра военных действий. Словом, всегда и всюду сила одерживает победы лишь при помощи экономических условий и влияний, без которых она перестает быть силой, а тот, кто, следуя правилам г. Дюринга, хотел бы реформировать военное дело с противоположной точки зрения, тот понес бы должную кару.

Если мы перейдем теперь с суши на море, то здесь нам представится еще иной коренной переворот, свершившийся за одни только последние 20 лет. Боевое судно Крымской кампании представляло собою деревянный двух- или трехпалубный корабль с 60 — 100 пушками; он двигался преимущественно на парусах, имея слабую паровую машину лишь для вспомогательной работы. На нем находились, главным образом, 32-фунтовые орудия весом в 50 центнеров и лишь несколько 68-фунтовых, весом в 95 центне-

ров. К концу войны появились броненосные плавучие батареи — неуклюжие, почти неповоротливые, но неуязвимые для тогдашней артиллерии громады. Вскоре железная броня была перенесена и на боевые суда; вначале ее делали тонкой: четыре дюйма толщины слоя железа считалось уже чрезмерно тяжелой броней. Но прогресс артиллерии скоро превзошел устойчивость такой брони; на каждую вновь введенную более сильную броню неизменно находилось новое более сильное орудие, которое легко пробивало ее. Так мы пришли уже к 10, 12, 14 и 24-дюймовым броням (Италия намерена заказать судно с трехфутовой броней) с одной стороны, а с другой — к нарезным орудиям в 25, 35, 80 и даже 100 тонн (по 20 центнеров), которые выпускают ядра в 300, 400, 1 700 до 2 000 фунтов на раньше неслыханные далекие расстояния. Нынешнее боевое судно представляет собою гигантский броненосный винтовой пароход вместимостью от 8 до 9 тысяч тонн в 6 — 8 тысяч лошадиных сил, с вращающимися башнями, с 4, максимум 6, тяжелыми орудиями и с находящимся над водой тараном для пробивания неприятельских кораблей. Все это судно — одна колоссальная машина, в которой пар не только обусловливает быстрое движение вперед, но и обслуживает руль, поднимает и бросает якорь, вращает башни, направляет и заряжает орудия, выкачивает воду, поднимает и спускает шлюпки, которые сами отчасти также приводятся в движение паром.

Несмотря на это, состязание между броней и пушкой еще продолжается, так что судно ныне обыкновенно не удовлетворяет предъявляемым к нему требованиям, является устарелым еще до спуска с верфи. Современное боевое судно не только продукт, оно вместе с тем и образчик современной крупной индустрии, это — плавучая фабрика, преимущественно, впрочем, для расточения денег. Страна, где наиболее развита крупная индустрия, пользуется почти монополией на судостроение. Все турецкие и почти все русские броненосцы, как и большая часть германских, построены в Англии; сколько-нибудь годные брони выделываются почти исключительно только в Шеффильде; из трех железоделательных заводов, которые одни только фабрикуют самые тяжелые орудия Европы, — два (Вульвич и Эльсвик) приходятся на Англию, а третий (Крупна) на Германию. Здесь мы особенно явственно видим, как «непосредственное политическое насилие», которое, по г. Дюрингу, является «решающей причиной экономического положения», на самом деле, наоборот, совершенно подчинено экономическому положению; как не только изготовление морского орудия насилия, т. е., боевого судна, но и управление им само стало отраслью современной крупной промышленности. А это наиболее неприятно, конечно, именно «силе», государству, которому теперь каждое судно стоит столько же, сколько прежде стоил целый небольшой флот; которое притом должно мириться с тем, что эти дорогие корабли оказываются устарелыми, т. е. обесцениваются еще до спуска в воду, и которое, наверно, не меньше г. Дюринга огорчено тем, что представитель «экономического положения», инженер, на борту корабля теперь гораздо более важная черта, чем представитель «непосредственной силы»,

капитан. Мы же, наоборот, не имеем никакого основания огорчаться, при виде того, как в этом состязании между броней и пушкой боевое судно доведено до вершины искусства, делающего его столь же неуязвимым, сколь и непригодным для войны, и как эта борьба и в области морской войны раскрывает те внутренние диалектические законы движения, согласно которым милитаризм, как и всякое другое историческое явление, гибнет от последствий собственного развития.

Следовательно, и здесь мы видим вполне ясно, что ни в коем случае неверно, будто «первичное» должно искать в непосредственном политическом насилии, а не в косвенной экономической силе. Ведь, что собственно оказывается «первичным» в самом насилии? Экономическая мощь, обладание орудиями крупной промышленности. Политическая сила на море, которая зиждется на современных боевых судах, оказывается вовсе не непосредственной, а именно о п о с р е д с т в о в а н н о й, обусловленной экономической силой, высоким развитием металлургии, услугами искусных техников, использованием богатых угольных копей.

Э н г е л ь с, Анти-Дюринг, Гиз, 1923, 149—156.

в. ПРАВО

Развитие производительных сил ставит людей в известные отношения производства, ведет к возникновению известных правовых форм. Данным правовым формам соответствуют известные правовые понятия людей. С дальнейшим ростом производительных сил, по мере того, как их состоянию перестают соответствовать старые правовые формы, в головах тех людей, интересы которых нарушаются таким несоответствием, возникает сомнение в пригодности и справедливости старых правовых учреждений; у них являются новые понятия о праве и о справедливости, соответствующие вновь достигнутой обществом ступени развития производительных сил. В сторону этих новых понятий о праве и о справедливости направляется критическая деятельность борцов против старого порядка, ведущая к созданию новых правовых учреждений, дающих новый толчок развитию производительных сил, и т. д., и т. д.

П л е х а н о в, Предисловие к «Коммунистическому манифесту», Соч., XI, Гиз, 1925, 315—316.

С правом то же самое. Как только является потребность в новом разделении труда, создающем ю р и с т о в п о п р о ф е с с и и, так сейчас же открывается опять-таки новая самостоятельная область, которая, при всей своей общей зависимости от производства и торговли, все же обладает особой способностью обратно воздействовать на эти области. В современном государстве право не только должно соответствовать общему экономическому

положению, не только быть его выражением, но также быть его выражением внутренне согласованным, которое благодаря внутренним противоречиям не шло бы само против себя. А для того, чтобы этого достичь, точность отражения экономических отношений страдает все более и более. Подобное явление встречается тем чаще, чем реже случается, что кодекс законов представляет из себя резкое, несмягченное, правдивое выражение господства одного класса. Это противоречило бы общей правовой идее. Чистая последовательная правовая идея революционной буржуазии эпохи 1792—1796 гг. уже в наполеоновском кодексе фальсифицирована во многих отношениях, а то, что в нем воплощено, должно испытывать ежедневно всяческие смягчения и ослабления благодаря возрастающей силе пролетариата. Но это не мешает тому, что кодекс Наполеона является тем сводом законов, который лежит в основе кодификаций всех частей света. Таким образом ход правового развития состоит главным образом только в том, что сначала пытаются устранить противоречия, вытекающие из непосредственного перевода экономических отношений в юридические принципы, а потому влияние и принуждение дальнейшего экономического развития опять постоянно ломает эту систему и вовлекает ее в новые противоречия (я здесь говорю пока только о гражданском праве).

Отражение экономических отношений в виде правовых принципов необходимо является точно так же стоящим вверх ногами. Это отражение совершается так, что этот процесс не доходит до сознания действующего. Юрист воображает, что действует с априорными положениями, а это всего лишь экономические отражения. Таким образом все стоит на голове... Основа наследственного права—экономическая, предполагая одинаковую ступень развития семьи. Несмотря на это будет очень трудно доказать, что, например, в Англии абсолютная свобода завещаний, а во Франции сильное ее ограничение во всех деталях имели только экономические причины. Но и то и другое очень сильно действует на экономику тем, что оказывает влияние на распределение имущества.

Энгельс, Письмо Конраду Шмидту от 27 октября 1890 г.; Письма Маркса и Энгельса, «Моск. Раб.», 1923, 310—311.

Как вышла наука из того тупого переулка, в котором очутился идеализм? Послушаем одного из замечательнейших представителей современного сравнительного правоведения, — г. М. Ковалевского.

Указав на то, что общественный быт первобытных племен носит на себе печать коммунизма, г. Ковалевский (слушайте, г. В. В.: это тоже «профессор») говорит:

«Если мы спросим себя о действительных основаниях такого порядка, если мы захотим узнать причины, которые заставляли наших первобытных предков и еще заставляют современных дикарей держаться более или менее

резко выраженного коммунизма, нам надо будет в особенности узнать первобытные способы производства. Ибо распределение и потребление богатств должно определяться способами их создания. А на этот счет вот что говорит этнография: у охотничьих и рыболовных народов добывание пищи производится обыкновенно большими группами (en hordes). В Австралии охота на кенгуру производится вооруженными отрядами из нескольких десятков и даже сотен туземцев. То же происходит в северных странах при охоте на оленя... Не подлежит сомнению, что человек неспособен в одиночку поддерживать свое существование; он нуждается в помощи и поддержке, и его силы удесятеряются ассоциацией... Таким образом, мы видим в начале общественного развития общественное производство и, как необходимое естественное следствие этого, общественное потребление. Этнография изобилует фактами, доказывающими это».

Приведя идеалистическую теорию Лермина, по которой частная собственность является из самосознания личности, г. Ковалевский продолжает:

«Нет, это не так. Не потому первобытный человек приходит к мысли о личном присвоении отесанного камня, который служит ему оружием, или шкуры, которая покрывает его тело. Он приходит к этой мысли вследствие применения своих индивидуальных сил к производству предмета. Кремень, служащий ему топором, отесан его собственными руками. На охоте, которою он занимается вместе с многочисленными товарищами, он нанес последний удар животному и потому шкура этого животного становится его личной собственностью. Обычное право дикарей отличается большою точностью на этот счет. Оно заботливо предусматривает, например, тот случай, когда преследуемое животное пало под совместными ударами двух охотников: в этом случае шкура животного присуждается тому охотнику, стрела которого проникла ближе к сердцу. Оно предусматривает также и тот случай, когда уже раненое животное было добито случайно подвернувшимся охотником. Приложение индивидуального труда логически порождает, следовательно, и индивидуальное присвоение. Мы можем проследить это явление через всю историю. Тот, кто посадил фруктовое дерево, становится его собственником... Позднее воин, завоевавший известную добычу, становится ее исключительным собственником, так что семья его уже не имеет на нее никаких прав; точно так же семья жреца не имеет прав на те жертвы, которые приносятся верующими и поступают в его личную собственность. Все это одинаково хорошо подтверждается и индийскими законами, и обычным правом южных славян, донских казаков или древних ирландцев. И важно именно не ошибиться относительно истинного принципа такого присвоения, являющегося результатом применения личных усилий к добыванию известного предмета. В самом деле, когда к личным усилиям человека присоединяется помощь его ближних... добытые предметы уже не становятся частной собственностью».

После всего сказанного понятно, что предметами личного присвоения раньше всего становится: оружие, одежда, пища, украшения и т. п. «Уже с первых шагов приручения животных — собаки, лошади, кошки, рабочий

скот составляют важнейший фонд присвоения личного и семейного»... Но до какой степени организация производства продолжает влиять на способы присвоения, показывает, например, такой факт: у эскимосов охота на китов совершается в больших лодках, большими отрядами; служащие для этой цели лодки составляют общественную собственность; а маленькие лодки, служащие для перевозки предметов семейной собственности, сами принадлежат отдельным семьям, или, «самое большее, — трем родственным семьям».

С появлением земледелия, земля делается также предметом присвоения. Субъектами поземельной собственности становятся более или менее крупные кровные союзы. Это, разумеется,—один из видов общественного присвоения. Как объяснить его происхождение? «Нам кажется, — говорит г. Ковалевский, — что причины его лежат в том же самом общественном производстве, которое повело за собой некогда присвоение большей части движимых предметов».

Нечего и говорить, что, раз возникнув, частная собственность вступает в противоречие с более древним способом общественного присвоения. Там, где быстрое развитие производительных сил открывает все более и более широкое поле для «единоличных усилий», общественная собственность довольно быстро исчезает или продолжает свое существование в виде, так сказать, рудиментарного института. Ниже мы увидим, что этот процесс разложения первобытной общественной собственности в разные времена и в разных местах, по самой естественной, материальной необходимости должен был отличаться большим разнообразием. Теперь же мы отметим лишь тот общий вывод современной науки права, что правовые понятия,—убеждения, как сказал бы Пухта,—всюду определяются способами производства.

Шеллинг говорил когда-то, что явление магнетизма надо понимать, как внедрение «субъективного» в «объективное». Все попытки найти идеалистическое объяснение для истории права представляют собою не более, как дополнение, «Seitenstück» к идеалистической натурфилософии. Это все те же, иногда блестящие, остроумные, но всегда произвольные, всегда неосновательные рассуждения на тему о самодовлеющем, саморазвивающемся духе.

Правовое убеждение уже по одному тому не могло предшествовать житейской практике, что если бы оно не выросло из нее, то оно явилось бы совершенно беспричинным. Эскимос стоит за личное присвоение одежды, оружия и орудий труда по той простой причине, что такое присвоение гораздо удобнее и что оно подсказывается самими свойствами вещей. Чтобы научиться хорошо владеть своим оружием, своим луком или бумерангом, первобытный охотник должен приметься к нему, хорошо изучив все его индивидуальные особенности, и по возможности применить его к своим собственным индивидуальным особенностям. Частная собственность здесь в порядке вещей, гораздо более, чем какой-либо другой вид присвоения, и потому дикарь «убежден» в ее

преимуществах: он, как мы знаем, даже приписывает орудиям индивидуального труда и оружию какую-то таинственную связь с их собственником. Но его убеждение выросло на почве житейской практики, а не предшествовало ей, и обязано своим происхождением не свойствам его «духа», а свойствам тех вещей, с которыми он имеет дело, и характеру тех способов производства, которые неизбежны для него при данном состоянии его производительных сил.

До какой степени житейская практика предшествует правовому «убеждению», показывает множество существующих в первобытном праве символических действий. Способы производства изменились, изменились с ними и взаимные отношения людей в производительном процессе, изменилась житейская практика, а «убеждение» сохранило свой старый вид. Оно противоречит новой практике, и вот появляются фикции, символические знаки, действия, единственная цель которых заключается в формальном устранении этого противоречия. С течением времени противоречие устраняется, наконец, существенным образом: на почве новой экономической практики складывается новое правовое убеждение.

Недостаточно констатировать появление в данном обществе частной собственности на те или другие предметы, чтоб тем самым уже определить характер этого института. Частная собственность всегда имеет пределы, которые всецело зависят от экономии общества. «В диком состоянии человек присвоивает себе лишь вещи, непосредственно ему полезные. Излишек, хотя бы он и был приобретен трудом его рук, уступается им обыкновенно безвозмездно другим: членам семьи или клана, или племени», — говорит г. Ковалевский. Совершенно то же самое говорит Ринк об эскимосах. Откуда же возникают такие порядки у диких народов? По словам г. Ковалевского, они обязаны своим происхождением тому, что дикари незнакомы со сбережением. Это не совсем ясное выражение неудачно особенно потому, что им очень злоупотребляли вульгарные экономисты. Тем не менее, понятно, в каком смысле употребляет его наш автор. «Сбережение» действительно незнакомо первобытным народам по той простой причине, что им неудобно, прямо сказать, невозможно практиковать его. Мясо убитого зверя может быть «сбережено» лишь в незначительной степени: оно портится и тогда становится совершенно негодным для употребления. Конечно, если бы его можно было продать, то очень легко было бы «сберечь» вырученные за него деньги. Но деньги еще не существуют на этой стадии экономического развития. Следовательно, сама экономия первобытного общества ставит тесные пределы развитию духа «бережливости». Кроме того, сегодня мне посчастливилось убить большое животное, и я поделился его мясом с другими, а завтра (охота дело не верное) я вернулся с пустыми руками, и со мной делятся добычей другие члены моего рода. Обычай делиться является, таким образом, чем-то вроде взаимного страхования, без которого было бы совершенно невозможно существование охотничьих племен. Наконец, не надо забывать, что у таких племен частная собственность существует лишь в зача-

точном состоянии, преобладает же собственность общественная; привычки и обычаи, выросшие на этой почве, в свою очередь, ставят пределы произволу личного собственника. Убеждение и здесь следует за экономией.

Связь правовых понятий людей с их экономическим бытом хорошо выясняется тем примером, который охотно и часто приводил в своих сочинениях Родбертус. Известно, что древние римские писатели энергично восставали против ростовщичества. Катон-цензор находил, что ростовщик вдвое хуже вора (так и говорил старик: ровно вдвое). В этом отношении с языческими писателями совершенно сходились отцы христианской церкви. Но — замечательное дело! — и те, и другие восставали против процента, приносимого денежным капиталом. К ссудам же натурой и к лихве, приносимой ими, они относились несравненно мягче. Почему эта разница? Потому, что именно денежный, ростовщический капитал производил страшное опустошение в тогдашнем обществе, потому что именно он «губил Италию». Правовое «убеждение» и здесь шло рука об руку с экономией.

«Право есть чистый продукт необходимости или, точнее, нужды, — говорит Пост, — напрасно стали бы мы искать в нем какой бы то ни было идеальной основы». Мы сказали бы, что это — совершенно в духе новейшей науки права, если бы наш ученый не обнаруживал довольно значительного и очень вредного по своим последствиям смешения понятий.

Говоря вообще, всякий социальный союз стремится выработать такую систему права, которая бы наилучше удовлетворяла его нуждам, которая была бы наиболее полезна для него в данное время. То обстоятельство, что данная совокупность правовых учреждений полезна или вредна для общества, никоим образом не может зависеть от свойств какой бы то ни было или чьей бы то ни было «идеи»: оно зависит, как мы видели, от тех способов производства и от тех взаимных отношений между людьми, которые создаются этими способами. В этом смысле у права нет и не может быть идеальной основы, так как основа его всегда реальна. Но реальная основа всякой данной системы права не исключает идеального отношения к ней со стороны членов данного общества. Взятое в целом, общество только выиграет от такого отношения к ней его членов. Наоборот, в переходные его эпохи, когда существующая в обществе система права уже не удовлетворяет его нуждам, выросшим вследствие дальнейшего развития производительных сил, передовая часть населения может и должна идеализировать новую систему учреждений, более соответствующую «духу времени». Французская литература полна примерами такой идеализации нового, наступающего порядка вещей.

Происхождение права из «нужды» исключает «идеальную» основу права только в представлении тех людей, которые привыкли относить нужды к области грубой материи и противопоставлять эту область «чистому», чуждому всяких нужд, «духу». В действительности «идеально»

только то, что полезно людям, и всякое общество при выработке своих идеалов руководствуется только своими нуждами. Кажущиеся исключения из этого неоспоримо общего правила объясняются тем, что, вследствие развития общества, его идеалы нередко отстают от его новых нужд.

Сознание зависимости общественных отношений от состояния производительных сил все более и более проникает в современную общественную науку, несмотря на неизбежный эклектизм множества ученых, несмотря на их идеалистические предрассудки. «Подобно тому, как сравнительная анатомия возвысила на степень научной истины латинскую поговорку: «по когтям узнаю льва», так народоведение может от вооружения данного народа с точностью умозаключить о степени его цивилизации»,—говорит уже цитированный нами Оскар Пешель—... «Со способом добывания пищи теснейшим образом связано расчленение общества. Всюду, где человек соединяется с человеком, является известная власть. Слабее всего общественные узы у бродячих охотничьих орд Бразилии... Пастушеские племена находятся большей частью под властью патриархальных владык, так как стада принадлежат обыкновенно одному господину, которому служат его соплеменники или прежде независимые, а впоследствии обедневшие обладатели стад. Пастушескому образу жизни преимущественно, хотя и не исключительно, свойственны великие передвижения народов, как на севере Старого Света, так и в южной Африке; напротив, история Америки знает только частые нападения диких охотничьих племен на привлекательные для них нивы культурных народов. Целые народы, покидая свои прежние места жительства, могли совершать большие, продолжительные походы лишь в сопровождении своих стад, которые составляли им в пути необходимую пищу. Кроме того, степное скотоводство само побуждает к перемене пастбищ. С оседлым же образом жизни и земледелием тотчас является стремление воспользоваться трудом рабов... Рабство рано или поздно ведет к тирании, так как тот, кто имеет наибольшее число рабов, может с их помощью подчинить своему произволу слабейших... Разделение на свободных и рабов есть начало сословного разделения общества».

У Пешеля много соображений такого рода. Одни из них совершенно справедливы и очень поучительны; против других «можно спорить» не одному только г. Михайловскому. Но для нас важны здесь не частности, а общее направление мыслей Пешеля. А это общее направление совершенно совпадает с тем, которое мы заметили уже у г. Ковалевского: в способах производства, в состоянии производительных сил ищет он объяснения истории права и даже всего общественного устройства.

А это именно и есть то, что давно уже и настоятельно советовал делать Маркс людям общественной науки.

Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, Соч., VII, Гиз, 1923, 180—187.

На почве данного состояния производительных сил слагаются известные отношения производства, которые получают свое идеальное выражение в правовых понятиях людей и в более или менее «отвлеченных правилах», в неписанных обычаях и писанных законах. Доказывать это нам уже нет надобности: это, как мы видели, доказывает за нас современная наука права... Но не мешает взглянуть на это дело с другой, именно вот с какой стороны. Раз мы выяснили себе, каким образом правовые понятия людей создаются их отношениями производства, нас уже не удивят следующие слова Маркса: «Не сознание людей определяет их бытие (т. е. форму их общественного существования), а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание». Теперь мы уже знаем, что по крайней мере, по отношению к одной области сознания, это действительно так, и почему это так. Нам остается только решить, всегда ли это так и если да, то почему же это всегда так? Будем держаться пока тех же правовых понятий.

«На известной ступени своего развития производительные силы общества вступают в противоречие с существующими в этом обществе отношениями производства, или, выражая то же самое юридическим языком, — с отношениями собственности, внутри которых они развивались до сих пор. Из форм, содействовавших развитию производительных сил, эти отношения превращаются в препятствие для их развития. Тогда наступает эпоха общественного переворота».

Общественная собственность на движимость и недвижимость возникает вследствие того, что она удобна, больше того — необходима для процесса первобытного производства. Она поддерживает существование первобытного общества, она содействует дальнейшему развитию его производительных сил, и люди держатся за нее, они считают ее естественной и необходимой. Но вот, благодаря этим отношениям собственности и внутри их, производительные силы развились настолько, что открылось более широкое поле для приложения индивидуальных усилий. Теперь общественная собственность становится в некоторых случаях вредной для общества, она препятствует дальнейшему развитию его производительных сил, и потому она уступает место личному присвоению: в правовых учреждениях общества совершается более или менее быстрый переворот. Этот переворот необходимо сопровождается переворотом в правовых понятиях людей: люди, которые прежде думали, что хороша только общественная собственность, стали думать теперь, что в некоторых случаях лучше единичное присвоение. Впрочем, нет, мы выражаемся неточно, мы изображаем, как два отдельных процесса, то, что совершенно неразделимо, что представляет лишь две стороны одного и того же процесса: вследствие развития производительных сил должны были измениться фактические отношения людей в процессе производства, и эти новые фактические отношения выразились в новых правовых понятиях...

С развитием производительных сил, ведущих к изменению взаимных отношений людей в общественном процессе производства, изменяются все отношения собственности. Но ведь еще Гизо говорил нам, что в отношениях собственности коренятся политические конституции. Это вполне подтверждается новейшей наукой. Кровный союз уступает место территориальному союзу именно вследствие перемен, возникших в отношениях собственности. Более или менее крупные территориальные союзы сливаются в организмы, называемые государствами, опять-таки вследствие уже совершившихся перемен в отношениях собственности или вследствие новых нужд общественного производительного процесса. Это прекрасно выяснено, например, по отношению к крупным государствам Востока. Не менее хорошо выяснено это и по отношению к античным государствам. И вообще не трудно показать это по отношению ко всякому данному государству, о происхождении которого у нас есть достаточно сведений. При этом нужно только не суживать, умышленно или неумышленно, взгляд Маркса. Мы хотим сказать вот что.

Данным состоянием производительных сил обусловливаются внутренние отношения данного общества. Но ведь этим же состоянием обусловливаются и внешние его отношения к другим обществам. На почве этих внешних отношений у общества являются новые нужды, для удовлетворения которых вырастают новые органы. При поверхностном взгляде на дело, взаимные отношения отдельных обществ представляются, как ряд «политических» действий, не имеющих прямого отношения к экономии. В действительности, в основе междуобщественных отношений лежит именно экономия, определяющая собою как действительные (а не внешние только) поводы к междуплеменным и международным отношениям, так и их результат. Каждой ступени в развитии производительных сил соответствует своя система вооружения, своя военная тактика, своя дипломатия, свое международное право. Конечно, можно указать много случаев, в которых международные столкновения не имеют прямого отношения к экономии. И никому из последователей Маркса не придет в голову оспаривать существование таких случаев. Они говорят только: не останавливайтесь на поверхности явлений, спускайтесь глубже, спросите себя, на какой почве выросло данное международное право? Что создало возможность данного рода международных столкновений?—и вы придете, в конце концов, к экономии. Правда, рассмотрение отдельных случаев затрудняется тем, что в борьбу вступают нередко общества, переживающие неодинаковые фазисы экономического развития.

Взаимодействие между политикой и экономией существует. Это так же несомненно, как и то, что г. Кареев не понимает Маркса. Но существование взаимодействия запрещает ли нам итти дальше в деле анализа общественной жизни? Нет, думать так—значило бы почти то же самое, что вообразить, будто непонимание, обнаруживаемое г. Кареевым, может помешать нам добраться до правильных «историософических» понятий.

Политические учреждения влияют на хозяйственную жизнь. Они — *или содействуют* развитию этой жизни, *или препятствуют ему*. Первый случай нисколько не удивителен с точки зрения Маркса, так как данная политическая система затем и создается, *чтобы содействовать дальнейшему развитию производительных сил* (сознательно или бессознательно создается — для нас в данном случае решительно все равно). Второй случай нисколько не противоречит этой точке зрения, так как исторический опыт показывает, что раз данная политическая система перестает соответствовать состоянию производительных сил, раз она превращается в препятствие для их дальнейшего развития, она начинает клониться к упадку и, наконец, устраняется. И, мало того, что этот случай не противоречит учению Маркса: он наилучшим образом его подтверждает, потому что именно он показывает, в каком смысле экономия господствует над политикой, каким образом развитие производительных сил опережает политическое развитие народа.

Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, Соч., VII, Гиз, 1923, 191—197.

Как возникают юридические нормы? Можно сказать, что всякая такая норма представляет собою отмену или видоизменение какой-нибудь старой нормы или какого-нибудь старого обычая. Почему отменяются старые обычаи? Потому, что они перестают соответствовать новым «условиям», т. е. новым фактическим отношениям, в которые люди становятся друг к другу в общественном процессе производства. Первобытный коммунизм исчез вследствие роста производительных сил. Но производительные силы растут лишь постепенно. Поэтому лишь постепенно растут и новые фактические отношения людей в общественном процессе производства. Поэтому лишь постепенно растет и стеснительность старых норм или обычаев, а следовательно и потребность в придании соответственного *юридического* выражения новым *фактическим* (экономическим) отношениям людей. Инстинктивная мудрость мыслящего животного обыкновенно следует за этими фактическими изменениями. Если старые юридические нормы препятствуют известной части общества достигать своих житейских целей, удовлетворять свои насущные нужды, то эта часть общества непременно и чрезвычайно легко придет к сознанию их стеснительности: для этого нужно немного больше мудрости, чем для сознания того, что неудобно носить слишком узкую обувь или чересчур тяжелое оружие. Но от сознания стеснительности данной юридической формы, конечно, еще далеко до *сознательного стремления к ее отмене*. Первоначально люди пытаются просто обходить ее в каждом частном случае. Вспомните, как происходило дело у нас в больших крестьянских семьях, когда, под влиянием зарождения капитализма, являлись новые источники заработка, неодинаковые для различных членов семьи. Обычное семейное право становилось тогда стеснительным для счастливцев, зарабатывающих больше других. Но эти счастливцы вовсе не

так легко и не так скоро решились восстать против старого обычая. Долгое время они просто хитрили, скрывали от большаков часть заработанных денег. Но новый экономический порядок постепенно укреплялся, старый семейный быт все более и более расшатывался; члены семьи, заинтересованные в его отмене, все выше и выше поднимали голову; разделы все учащались, и, наконец, старый обычай исчезал, уступая место новому обычаю, вызванному новыми условиями, новыми фактическими отношениями, новой экономикой общества.

Рост сознания людьми своего положения обыкновенно более или менее отстает от роста новых фактических отношений, изменяющих это положение. Но сознание все-таки идет за фактическими отношениями. Где слабо сознательное стремление людей к отмене старых учреждений и к установлению нового юридического порядка, там этот новый порядок не вполне подготовлен общественной экономикой. Иначе сказать, в истории неясность сознания — «промахи незрелой мысли», «невежество» — нередко знаменуют собою только одно: именно, что еще плохо развит предмет, который надо сознать, т. е. новые нарождающиеся предметы. Ну, а невежество этого рода,—незнание и непонимание того, чего еще нет, что находится еще в процессе возникновения — очевидно, есть лишь относительное невежество.

Есть другой род невежества — невежество по отношению к природе. Его можно назвать абсолютным. Мерой его является власть природы над человеком. А так как развитие производительных сил означает рост власти человека над природой, то ясно, что увеличение производительных сил означает уменьшение абсолютного невежества. Непонятые людьми и потому не подчиненные их власти явления природы порождают различные суеверия. На известной стадии общественного развития суеверные представления тесно переплетаются с нравственными и правовыми понятиями людей, которым они придают тогда своеобразный оттенок*. В процессе борьбы,—вызываемой ростом новых фактических отноше-

* В своей книге «Закон и обычай на Кавказе» М. М. Ковалевский говорит: «Разбор религиозных верований и суеверий ингушов приводит нас к тому заключению, что под официальным покровом православия народ этот доселе стоит на той стадии развития, которая так удачно названа Тэйлором анимизмом. Эта стадия, как известно, обыкновенно сопровождается решительным подчинением религии как общественной морали, так и права» (т. II, стр. 82). Но в том-то и дело, что по Тэйлору первобытный анимизм не имеет никакого влияния ни на мораль, ни на право. На этой стадии развития «между моралью и правом нет взаимного отношения, или отношение это остается в зачатке». «Дикий анимизм почти совершенно лишен того нравственного элемента, который в глазах цивилизованного человека составляет сущность всякой практической религии... нравственные законы имеют свое особое основание и т. д.»...

Вот почему будет правильнее сказать, что религиозные суеверия переплетаются с нравственными и правовыми понятиями лишь на известной, сравнительно довольно высокой ступени общественного развития. Мы очень жалеем, что место не позволяет нам показать здесь, как объясняется это современным материализмом. — *Прим. авт.*

ний людей в общественном процессе производства,— религиозные взгляды нередко играют бо́льшую роль. И новаторы, и охранители взывают к помощи богов, ставя под их защиту те или другие учреждения или даже объясняя эти учреждения выражением божественной воли. Понятно, что эвмениды, некогда считавшиеся у греков сторонницами материнского права, сделали для его защиты так же мало, как Минерва для торжества будто бы любезной ей отцовской власти. Зовя к себе на помощь богов и фетишей, люди напрасно тратили свой труд и время, но невежество, позволявшее верить в эвменид, не мешало тогдашним греческим охранителям понимать, что старый юридический порядок (точнее, старое обычное право) лучше гарантирует их интересы. Точно так же суеверие, позволявшее возлагать надежды на Минерву, не препятствовало новаторам сознавать неудобство старого быта.

Даяки на острове Борнео не знали употребления клина при рубке дров. Когда европейцы привезли его туда с собою, туземные власти торжественно запретили его употребление. Это было, повидимому, доказательством их *невежества*: что может быть бессмысленнее отказа от употребления орудия, облегчающего труд? Однако, подумайте, и вы скажете, может быть, что для него можно найти смягчающие обстоятельства. Запрещение употреблять европейские орудия труда наверное было одним из проявлений *борьбы против европейского влияния*, которое начинало подрывать прочность старых туземных порядков. Туземные власти смутно сознавали, что при введении европейских обычаев от этого порядка не останется камня на камне. Клин почему-то сильнее других европейских орудий напоминал им о разрушительном характере европейского влияния. И вот они торжественно запретили его употребление. Почему именно клин явился в их глазах символом опасных новшеств? На этот вопрос мы можем удовлетворительно ответить: причина, по которой представление о клине ассоциировалось в умах туземцев с представлением об опасности, грозящей их старому быту, нам неизвестна. Но мы можем с уверенностью сказать, что туземцы совсем не ошибались, опасаясь за прочность своего старого порядка: европейское влияние на самом деле очень быстро и сильно искажает,—если не разрушает обычаи подпавших под него дикарей и варваров.

Тэйлор говорит, что, громогласно осуждая употребление клина, даяки все-таки пользовались им, когда могли это сделать потихоньку от других. Вот вам и «лицемерие» вдобавок к невежеству. Но откуда это взялось? Очевидно, оно было порождено сознанием преимуществ нового приема рубки дров, которое сопровождалось боязнью общественного мнения или же преследования со стороны властей. Инстинктивная мудрость мыслящего животного критиковала, таким образом, ту самую меру, которая ей же была обязана своим происхождением. И она была права в своей критике: запретить употребление европейских орудий вовсе не значило устранить европейское влияние.

Плеханов, О материалистическом понимании истории, Соч., VIII, Гиз, 1923, 260—263.

3—а. ГОСУДАРСТВО И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ

а. ГОСУДАРСТВО, ЕГО ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Государство есть продукт и проявление непримиримости классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно не могут быть примирены. И наоборот: существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы.

Именно по этому важнейшему и коренному пункту начинается искажение марксизма, идущее по двум главным линиям.

С одной стороны, буржуазные и особенно мелкобуржуазные идеологи,— вынужденные под давлением бесспорных исторических фактов признать, что государство есть только там, где есть классовые противоречия и классовая борьба, — «подправляют» Маркса таким образом, что государство выходит органом примирения классов. По Марксу, государство не могло бы ни возникнуть, ни держаться, если бы возможно было примирение классов. У мещанских и филистерских профессоров и публицистов выходит,—сплошь и рядом при благожелательных ссылках на Маркса!—что государство как раз примиряет классы. По Марксу, государство есть орган классового господства, орган угнетения одного класса другим, есть создание «порядка», который узаконяет и упрочивает это угнетение, умеряя столкновение классов. По мнению мелкобуржуазных политиков, порядок есть именно примирение классов, а не угнетение одного класса другим; умерять столкновение — значит примирять, а не отнимать у угнетенных классов определенные средства и способы борьбы за свержение угнетателей.

Ленин, Государство и революция, Соч., XIV, ч. 2, 1 изд., 300—301.

Дело идет о государстве. Отрицая государство, «Маркс и его последователи» «увлеклись» «слишком далеко в критике современного государства» и впали в «односторонность». «Государство—исправляет это увлечение г. Струве — есть прежде всего организация порядка; организацией же господства (классового) оно является в обществе, в котором подчинение одних групп другим обусловливается его экономической структурой»... Родовой быт, по мнению автора, знал государство, которое останется и при уничтожении классов, ибо признак государства — принудительная власть.

Можно только подивиться тому, что автор с таким поразительным отсутствием аргументов критикует Маркса с своей профессорской точки зрения. Прежде всего, он совершенно неправильно видит отличительный признак государства в принудительной власти: принудительная власть есть во всяком человеческом общежитии, и в родовом устройстве, и в семье, но государства тут не было. «Существенный признак государства, — говорит Энгельс в том самом сочинении, из которого г. Струве взял цитату о госу-

дарстве,—состоит в публичной власти, отдельной от массы народа»..., и несколько выше он говорит об учреждении навкрарий, что оно «подрывало двояким образом родовое устройство: во-первых, оно создавало публичную власть..., которая уже не совпадала просто-напросто с совокупностью вооруженного народа»... Итак, признак государства — наличность особого класса лиц, в руках которого сосредоточивается власть. Общину, в которой «организацией порядка» заведывали бы поочередно все члены ее, никто, разумеется, не мог бы назвать государством. Далее, по отношению к современному государству рассуждение т-на Струве еще более несостоятельно. Говорить о нем, что оно «прежде всего (sic!?!) организация порядка» — значит не понимать одного из очень важных пунктов теории Маркса. Тот особый слой, в руках которого находится власть в современном обществе, это—бюрократия. Непосредственная и теснейшая связь этого органа с господствующим в современном обществе классом буржуазии явствует и из истории (бюрократия была первым политическим орудием буржуазии против феодалов, вообще против представителей «стародворянского» уклада, первым выступлением на арену политического господства непородистых землевладельцев, а разночинцев, «мещанства») и из самых условий образования и комплектования этого класса, в который доступ открыт только буржуазным «выходцам из народа» и который связан с этой буржуазией тысячами крепчайших нитей.

Ленин, Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве, Соч., I, 2 изд., 290—291.

Нередко считают необыкновенно смелым шагом отказ от веры в наследственную монархию и принятие в свою программу демократической республики. В действительности же государство есть не что иное, как орудие угнетения одного класса другим; это относится к демократической республике не менее, чем к монархии. В лучшем случае, государство есть зло, которое пролетариат, сдержавший победу в борьбе за классовое господство, получит себе в наследство. Пролетариату неизбежно придется так же, как и Парижской коммуне, немедленно урезать, насколько только возможно, худшие стороны этого зла, пока новое поколение, выросшее в новом, свободном общественном строе, окажется в силах отделаться от всего этого хлама каких бы то ни было государственных учреждений.

В последнее время немецкий филистер опять начинает испытывать спасительный ужас при словах диктатура пролетариата. Хотите ли знать, милостивые государи, что такое эта диктатура? Посмотрите на Парижскую коммуну. Это была диктатура пролетариата.

Энгельс, Введение к «Гражданской войне во Франции» Маркса, пер. под ред. Ленина, 1918, 12—13.

По словам Лабриолы, государство является организацией господства одного общественного класса над другим или над другими. Это так. Но это едва ли выражает полную истину. В таких государствах, как Китай или древний Египет, где цивилизованная жизнь была невозможна без очень

сложных и обширных работ по регулированию течения и разлива больших рек и по организации орошения, возникновение государства может быть в весьма значительной степени объяснено непосредственным влиянием нужд общественно-производительного процесса. Неравенство, без сомнения, существовало там уже в доисторическое время и в той или другой степени, как внутри племен, вошедших в состав государства— и часто совершенно различных по своему этнографическому происхождению,—так и между племенами. Но те господствующие классы, с которыми мы встречаемся в истории этих стран, заняли свое более или менее высокое общественное положение именно благодаря государственной организации, вызванной к жизни нуждами общественно-производительного процесса. Едва ли можно сомневаться в том, что сословие египетских жрецов своим господством обязано было тому огромному значению, которое имели их зачаточные научные сведения для всей системы египетского земледелия*. На западе,—к которому, разумеется, надо отнести также Грецию,—мы не замечаем влияния непосредственных нужд общественного процесса производства,—не предполагающего там сколько-нибудь широкой общественной организации,—на возникновение государства. Но и там это возникновение должно быть в значительной степени отнесено на счет необходимости общественного разделения труда, вызванной развитием общественных производительных сил. Это обстоятельство не мешало, конечно, государству быть в то же время организацией господства привилегированного меньшинства над более или менее порабощенным большинством**.

Но его ни в коем случае не следует упускать из виду во избежание неправильных и односторонних понятий об исторической роли государства.

Плеханов, О материалистическом понимании истории, Соч., VIII, Гиз, 1923, 252—263.

... Родовое устройство выросло из общества, не знавшего никаких внутренних противоречий, и было приспособлено только к такому обществу. Оно не обладало никакими другими средствами принуждения, кроме общественного мнения. Здесь же возникло общество, которое, в силу всех своих жизненных экономических условий, должно было расколоться на свободных и рабов, эксплоатирующих богатых и эксплоатируемых бедных, общество, которое не только не могло примирить эти противоречия, но должно было все более обострять их. Такое общество могло существовать только при условии непрекращающейся открытой борьбы между собою этих классов или же гос-

* Один из халдейских царей говорит о себе: «Я изучил тайны рек для блага людей... Я провел речную воду в пустыни; я наполнил ею иссохшие рвы... Я оросил пустынные равнины; я дал им плодородие и изобилие. Я сделал из них обитель счастья». Тут верно, хотя хвастливо, изображается роль восточного государства в организации общественного процесса производства.—*Прим. авт.*

** Как оно не мешает ему быть также в некоторых случаях и плодом завоевания одного народа другим. Роль насилия очень велика при смене одних учреждений другими. Но как самая возможность подобной смены, так и ее общественные результаты насилием нимало не объясняются.— *Прим. авт.*

подства третьей силы, которая, возвышаясь, по видимости, над взаимно борющимися классами, подавляет их открытое столкновение и, самое большее, допускает классовую борьбу в экономической области, в так называемой законной форме. Родовое устройство отжило. Оно было разрушено разделением труда и его последствием — разделением общества на классы. Его заменило **государство**.

Афины представляют собою чистую, наиболее классическую форму (возникновения государства на развалинах родового строя.— *Сост.)*: здесь государство возникает непосредственно и преимущественно из классовых противоречий, развивающихся внутри самого родового общества. В Риме родовое общество превращается в замкнутую аристократию среди многочисленного, вне его стоящего, бесправного, но несущего обязанности плебса; победа плебса разбивает в куски старый родовой строй и на его развалинах учреждает государство, в котором скоро совершенно исчезают и родовая аристократия, и плебс. У германских победителей Римской империи, наконец, государство возникает как непосредственный результат завоевания обширных чужих территорий, для господства над которыми родовой строй не дает никаких средств. Но так как с этим завоеванием не связаны ни серьезная борьба с прежним населением, ни более прогрессивное разделение труда, так как уровень экономического развития покоренных народов и завоевателей почти одинаков, а потому экономическая основа общества остается прежней, то, родовой строй может дальше существовать в течение целых столетий в измененной, территориальной форме общинного устройства (марки) и даже на некоторое время оживать в ослабленной форме в позднейших дворянских и патрицианских родах, даже в родах крестьянских, как, например, дитмаршенских.

Государство, таким образом, отнюдь не является силой, извне навязанной обществу; столь же мало представляет оно собою «действительность нравственной идеи», «образ и действительность разума», как утверждает Гегель. Оно представляет собою продукт общества на определенной ступени его развития; оно служит признанием того, что это общество запуталось в неразрешимом противоречии с самим собою, что оно раздираемо непримиримыми противоречиями, которые оно бессильно устранить. Но для того, чтобы эти противоречия, классы с враждебными экономическими интересами, не уничтожили себя и общество в бесплодной борьбе, понадобилась сила, стоящая по видимости над обществом и способная смягчать столкновения, удерживать их в пределах «порядка», и такой силой, вышедшей из общества, но ставящей себя над ним, все более и более обособляющейся от него, является государство.

Сравнительно со старой родовой организацией государство, прежде всего, отличается подразделением своих жителей по территориальному признаку. Старые родовые группы, возникшие и державшиеся в силу кровной связи, сделались... недостаточными, большею частью потому, что предло-

лагали связь своих членов с определенной территорией, тогда как она давно исчезла. Территория осталась, но люди сделались подвижными. Поэтому, исходным пунктом было принято подразделение территории, а гражданам предоставили осуществлять свои права и обязанности там, где они поселялись, не считаясь с принадлежностью к тому или иному роду или племени. Такая организация граждан по месту жительства является общей для всех государств. Она, поэтому, представляется нам естественной; но мы видим, какая упорная и длительная борьба потребовалась, пока она могла утвердиться в Афинах и Риме на место древней организации по родам.

Вторым отличием является учреждение общественной власти, уже непосредственно не совпадающей с населением, самостоятельно организующейся в вооруженную силу. Эта особая, общественная сила необходима, так как самостоятельная вооруженная организация населения сделалась невозможной после разделения его на классы. Рабы входят также в состав населения; 90 000 афинских граждан по отношению к 365 000 рабов образуют лишь привилегированный класс. Народное войско афинской демократии являлось аристократической вооруженной силой против рабов и держало их в узде; но для того, чтобы держать в узде также и граждан, оказалась необходимой ... жандармерия. Такая общественная власть существует во всех государствах; она состоит не только из вооруженных людей, но и из вещественных придатков к ним, каковы тюрьмы и всякого рода принудительные учреждения, которых совсем не знало родовое общество. Эта власть может играть весьма незначительную роль, почти стушевываться в обществах с еще неразвитыми классовыми противоречиями и в уединенных областях, как это наблюдается временами и местами в Соединенных штатах Америки. Но она возрастает по мере того, как обостряются внутри государства классовые противоречия и как становятся более крупными, более населенными граничащие друг с другом государства—достаточно взглянуть на нашу современную Европу, где классовая борьба и конкуренция в области завоеваний подняли общественную власть на такую высоту, что она грозит задушить все общество и само государство.

Для содержания этой общественной власти необходимы взносы граждан — налоги. Последние были совершенно неизвестны родовому строю. Но мы можем ныне достаточно порассказать о них. С развитием цивилизации налогов уже нехватает, государство пишет вексель на будущее, заключает займы, прибегает к государственным долгам и о них старушка Европа может тоже порассказать не мало.

Обладая общественной властью и правом взимать налоги, чиновники, оставаясь органами общества, оказываются теперь стоящими над обществом. Добровольное, свободно выказываемое уважение, с которым относились к органам родового строя, для них недостаточно, если бы даже они могли пользоваться им; носители обособившейся от общества власти, они для закрепления за собой уважения граждан должны были окружить себя исключительными законами, в силу которых они пользуются особой священной

неприкосновенностью. Самый негодный полицейский служитель цивилизованного государства обладает большим авторитетом, чем все органы родового общества, вместе взятые; но самый могущественный владыка и величайший государственный деятель или полководец эпохи цивилизации могут позавидовать тому добровольному и бесспорному уважению, с которым относятся к скромнейшему родовому старейшине. Последний стоит внутри общества, тогда как они вынуждены становиться вне его и над ним.

Так как государство возникло из потребности сдерживать классовые противоречия, но, вместе с тем, порождено в разгаре столкновения этих классов, то по общему правилу оно является государством наиболее сильного, экономически господствующего класса, который при посредстве его становится также господствующим политически и, таким образом, приобретает новые средства, чтобы держать в подчинении и эксплоатировать угнетенный класс. Так, античное государство было преимущественно государством рабовладельцев для подчинения рабов, как феодальное государство являлось органом дворянства для подчинения и обуздания крепостных и зависимых крестьян, а современное представительное государство играет роль орудия эксплоатации наемного труда капиталом. Однако, в виде исключения бывают периоды, когда борющиеся классы оказываются столь близкими к равновесию сил, что государственная власть, в качестве мнимого посредника, временно приобретает известную самостоятельность по отношению к ним обоим. Такова абсолютная монархия XVII и XVIII столетий, которая уравновешивает друг против друга дворянство и буржуазию; таков бонапартизм первой и особенно второй французской империи, который натравливал пролетариат против буржуазии и буржуазию против пролетариата. Новейший образец в этом роде, при котором властитель и подвластные выглядят одинаково комично, представляет собой новая Германская империя бисмарковой нации: здесь капиталисты и рабочие уравновешивают друг друга и подвергаются одинаковому грабежу в интересах оскудевающего прусского юнкера...

Итак, государство не извечно. Существовали общества, обходившиеся без него, не имевшие никакого представления о государстве и государственной власти. На определенной ступени экономического развития, необходимо связанного с разделением общества на классы, это разделение сделало государство необходимостью. В настоящее время мы быстрыми шагами приближаемся к такой ступени развития производства, когда существование классов не только перестает быть необходимостью, но и становится положительным препятствием для производства. Они исчезнут, исчезнут с той же неизбежностью, с какой ранее возникли. Вместе с ними неизбежно исчезнет и государство. Общество, которое заново организует производство на основе свободной и равноправной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей тогда уместнее всего будет находиться: в музей древностей, рядом с прялкой и бронзовым топором.

Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, «Моск. Раб.», 1922, 112—115.

... Что такое государство, как оно возникло и каково в основном должно быть отношение к государству партии рабочего класса, борющейся за полное свержение капитализма, партии коммунистов (?).

...Едва ли найдется другой вопрос, столь запутанный умышленно и неумышленно представителями буржуазной науки, философии, юриспруденции, политической науки, публицистики, как вопрос о государстве. Очень часто этот вопрос смешивают до сих пор с вопросами религиозными, очень часто не только представители религиозных учений (от них-то это вполне естественно ожидать), но и люди, которые считают себя от религиозных предрассудков свободными, смешивают специальный вопрос о государстве с вопросами о религии и пытаются построить очень часто сложное, с идейным философским подходом и обоснованием, учение о том, что государство есть нечто божественное, нечто сверхъестественное, что это некоторая сила, которой жило человечество, и которая дает людям или имеет дать, несет с собой нечто не от человека, а извне ему данное,— это — сила божественного происхождения. И надо сказать, что это учение так тесно связано с интересами эксплоататорских классов — помещиков и капиталистов,—так служит их интересам, так глубоко пропитало все привычки, все взгляды, всю науку тт. буржуазных представителей, что с остатками его вы встретитесь на каждом шагу, вплоть до взгляда на государство у меньшевиков и эсеров, которые с негодованием отрицают мысль, что находятся в зависимости от религиозных предрассудков, и уверены, что могут трезво смотреть на государство. Вопрос этот так запутан и усложнен потому, что он (уступая только основаниям экономической науки) затрагивает интересы классов больше, чем какой-нибудь другой вопрос. Учение о государстве служит оправданием общественных привилегий, оправданием существования эксплоатации, оправданием существования капитализма, — вот почему ждать в этом вопросе беспристрастия, подходить в этом вопросе к делу так, как будто люди, претендующие на научность, могут здесь давать вам точку зрения чистой науки, — это величайшая ошибка. В вопросе о государстве, в учении о государстве, в теории о государстве вы всегда увидите, когда познакомитесь с вопросом и вникнете в него достаточно, всегда увидите борьбу различных классов между собой, борьбу, которая отражается или находит выражение в борьбе взглядов на государство, в оценке роли и значения государства.

Для того, чтобы наиболее научным образом подойти к этому вопросу, надо бросить хотя бы беглый исторический взгляд на то, как государство возникло и как оно развивалось. Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений,— самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это—не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это

явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь.

По вопросу о государстве надеюсь, что вы ознакомитесь с сочинением Энгельса — «О происхождении семьи, частной собственности и государства». Это одно из основных сочинений современного социализма, в котором можно с доверием отнестись к каждой фразе, с доверием, что каждая фраза сказана не наобум, а написана на основании громадного исторического и политического материала. Нет сомнения, что в этом сочинении не все части одинаково доступно, понятно изложены: некоторые предполагают уже человека, обладающего известными историческими и экономическими познаниями. Но опять скажу: не следует смущаться, что это произведение по прочтении не будет понято сразу. Этого никогда почти не бывает ни с одним человеком. Но, возвращаясь к нему впоследствии, когда интерес пробудится, вы добьетесь того, что будете понимать его в преобладающей части, если не все целиком. Напоминаю об этой истории потому, что она дает правильный подход к вопросу в указанном отношении. Начинается она с исторического очерка, как государство возникло.

Чтобы правильно подойти к этому вопросу, как и ко всякому вопросу, как, например, к вопросу о возникновении капитализма, эксплоатации между людьми, к социализму, к тому, как появился социализм, какие условия его породили,— ко всякому такому вопросу можно солидно, с уверенностью подойти лишь бросив исторический взгляд на все развитие его в целом. По этому вопросу прежде всего надо обратить внимание на то, что государство не всегда существовало. Было время, когда государства не было. Оно появляется там и тогда, когда и где появляется деление общества на классы, когда появляются эксплоататоры и эксплоатируемые.

До тех пор как возникла первая форма эксплоатации человека человеком, первая форма деления на классы — рабовладельцев и рабов, —до тех пор существовала еще патриархальная, или как ее иногда называют — клановая (клан—поколение, род, когда люди жили родами, поколениями) семья, и следы этих первобытных времен в быту многих первобытных народов остались достаточно определенно, и если возьмете какое угодно сочинение о первобытной культуре, всегда натолкнетесь на более или менее определенное описание и указания, воспоминания о том, что было время более или менее похожее на первобытный коммунизм, когда деления общества на рабовладельцев и рабов не было. И тогда не было государства, не было особого аппарата для систематического применения насилия и подчинения людей насилию. Такой аппарат и называется государством.

В первобытном обществе, когда люди жили небольшими родами, еще находясь на самых низких ступенях развития, в состоянии, близком к дикости, в эпоху, от которой современное цивилизованное человечество отделяет несколько тысячелетий,— в то время не видно признаков существования государства. Видим господство обычаев, авторитет, уважение, власть, которой пользовались старейшины рода, видим, что эта власть признавалась иногда

за женщинами,— положение женщины тогда не было похоже на теперешнее бесправное, угнетенное положение,—но нигде не видим особого р а з р я д а людей, которые выделяются, чтобы управлять другими и чтобы в интересах, в целях управления систематически, постоянно владеть известным аппаратом принуждения, аппаратом насилия, каковым являются в настоящее время, как вы все понимаете, вооруженные отряды войск, тюрьмы и проч. средства подчинения чужой воли насилию,— то, что составляет сущность государства.

Если от тех так называемых религиозных учений, ухищрений, философских построений, тех разнообразных мнений, которые строят буржуазные ученые, отвлечься и поискать настоящей сути дела, то увидим, что государство сводится именно к такому выделенному из человеческого общества аппарату управления. Когда появляется такая особая группа людей, которая только тем и занята, чтобы управлять, и которая для управления нуждается в особом аппарате принуждения, подчинения чужой воли насилию — в тюрьмах, в особых отрядах людей, войске и пр.,— тогда появляется государство.

Но было время, когда государства не было, когда держалась общая связь, самое общество, дисциплина, распорядок труда силой привычки, традиций, авторитетом или уважением, которым пользовались старейшины рода или женщины, в то время часто занимавшие не только равноправное положение с мужчинами, но даже нередко и более высокое, и когда особого разряда людей — специалистов, чтобы управлять, в то время не было. История показывает, что государство, как особый аппарат принуждения людей, возникало только там и тогда, где появлялось разделение общества на классы — значит разделение на такие группы людей, из которых одни постоянно могут присваивать труд других, где один эксплоатирует другого.

И это деление общества на классы в истории должно стоять перед нами ясно, всегда как основной факт: факты развития всех человеческих обществ в течение тысячелетий во всех без изъятия странах показывают нам общую закономерность, правильность, последовательность этого развития таким образом, что вначале имеем общество без классов — первоначальное патриархальное, первобытное общество, в котором не было аристократов; затем имеем общество, основанное на рабстве, общество рабовладельческое. Через это прошла вся современная цивилизованная Европа — рабство было вполне господствующим 2 тысячи лет назад. Через это прошло громадное большинство народов остальных частей света. У наименее развитых народов следы рабства остались еще и теперь, и учреждения рабства, напр., в Африке, найдете и сейчас. Рабовладельцы и рабы — первое крупное деление на классы. Первая группа владела не только всеми средствами производства, землей, орудиями, как бы слабы, примитивны они тогда не были—она тоже владела и людьми. Эта группа называлась рабовладельцами, а те, кто трудился и доставлял труд другим, назывались рабами.

За этой формой последовала в истории другая форма—крепостное право. Рабство в громадном большинстве стран в своем развитии превратилось в

крепостное право. Основное деление общества — крепостники-помещики и крепостные крестьяне. Форма отношений между ними изменилась. Рабовладельцы считали рабов своей собственностью, закон укреплял этот взгляд и рассматривал рабов как вещь, целиком находящуюся в обладании рабовладельца. По отношению к крепостному крестьянину осталось классовое угнетение, зависимость, но крепостник-помещик не считался владельцем крестьянина как вещи, а имел лишь право на его труд и на принуждение его к отбыванию известной повинности. На практике, как вы все знаете, крепостное право, особенно в России, где оно наиболее долго держалось и приняло наиболее грубые формы, оно ничем не отличалось от рабства.

Далее, — в крепостном обществе, по мере развития торговли, возникновения всемирного рынка, по мере развития денежного обращения, возникал новый класс — класс капиталистов. Из товара, из обмена товарами, из возникновения власти денег возникала власть капитала. В течение XVШ века, с конца XVШ века, в течение XIX века прошли революции во всем мире. Крепостничество было вытеснено из всех стран Западной Европы. Позднее всех произошло это в России. В России в 1861 году тоже произошел переворот, последствием которого была смена одной формы общества другой — замена крепостничества капитализмом, при котором деление на классы осталось, остались различные следы и пережитки крепостного права, но в основном деление на классы получило иную форму.

Владельцы капитала, владельцы земли, владельцы фабрик и заводов представляли и представляют во всех капиталистических государствах ничтожное меньшинство населения, целиком распоряжающееся всем народным трудом и, значит, держащее в своем распоряжении, в угнетении, эксплоатирующее всю массу рабочих, из которых большинство является пролетариями, наемными рабочими, в процессе производства получающими средства к жизни только от продажи своих рабочих рук. Рабочие силы в большинстве случаев, а крестьянство всегда, разрозненные и придавленные еще в крепостное время, с переходом к капитализму превращались частью — в большинстве — в пролетариев, частью — в меньшинстве — в зажиточное крестьянство, которое само нанимало рабочих и представляло собой буржуазию деревенскую.

Этот основной факт перехода общества от первобытных форм рабства к крепостничеству и, наконец, к капитализму вы всегда должны иметь в виду, ибо, только вспоминая этот основной переход, только вставляя в эту основную рамку все политические учения, вы в состоянии правильно оценить эти учения и разобраться, к чему они относятся, ибо каждый из этих крупных периодов человеческой истории — рабовладельческий, крепостнический и капиталистический — обнимает десятки и сотни столетий и представляет массу политических форм, разнообразных политических учений, мнений, революций.—и разобраться во всей этой чрезвычайной пестроте и громадном разнообразии, особенно связанном с учениями политическими, философскими и пр. буржуазных ученых и политиков, можно в том только случае, если

будете твердо держаться, как руководящей основной нити, этого деления общества на классы, изменения форм классового господства и с этой точки зрения разбираться во всех общественных вопросах, как экономических, политических, духовных, религиозных и т. д.

Если вы с точки зрения этого основного деления посмотрите на государство, то увидите, что до деления общества на классы, как я уже сказал, не существовало и государства. По мере того, как возникает и упрочивается общественное разделение на классы, по мере того, как возникает общество классовое, так по мере этого возникает и упрочивается государство. Мы имеем в истории человечества десятки и сотни стран, переживавших и переживающих сейчас рабство, крепостничество и капитализм. В каждой из них, несмотря на громадные исторические перемены, которые происходили, несмотря на все политические перипетии и все революции, которые были связаны с этим развитием человечества, с переходом от рабства через крепостничество к капитализму и к теперешней всемирной борьбе против капитализма, — вы всегда видите возникновение государства. Оно всегда было известным аппаратом, который выделялся из общества и состоял из группы людей, занимавшихся только тем или почти только тем, или главным образом тем, чтобы управлять. Люди делятся на специалистов по управлению и на управляемых. На тех, которые поднимаются над обществом и которых называют правителями, представителями государства. Этот аппарат, эта группа людей, которые управляют другими, всегда забирает в свои руки известный аппарат принуждения, физической силы, — все равно, выражается ли это насилие над людьми в первобытной дубине, или в эпоху рабства в более усовершенствованном типе вооружения, или в огнестрельном оружии, которое в средние века появилось, или, наконец, в современном, которое в XX веке достигло технических чудес и целиком основано на последних чудесах современной техники. Приемы насилия менялись, но всегда, когда было государство, существовала в каждом обществе группа лиц, которые управляли, которые командовали, господствовали и для удержания власти имели в своих руках аппарат физического принуждения, аппарат насилия, того вооружения, которое соответствовало техническому уровню каждой эпохи. И, всматриваясь в эти общие явления, задаваясь вопросом, почему не существовало государство, когда не было классов, когда не было эксплоататоров и эксплоатируемых, и почему оно возникло, когда возникли классы, — мы только так находим определенный ответ на вопрос о сущности государства и его значении.

Государство — это есть машина для поддержания господства одного класса над другим. Когда в обществе не было классов, когда люди до рабской эпохи существования трудились в первобытных условиях большего равенства, в условиях еще самой низкой производительности труда, когда первобытный человек с трудом добывал себе средства, необходимые для самого грубого первобытного существования, тогда не возникало и не могло возникнуть и особой группы людей, специально выделенных для управления и господствую-

щих над всем остальным обществом. Лишь когда появилась первая форма деления общества на классы, когда появилось рабство, когда можно было известному классу людей, сосредоточившись на самых грубых формах земледельческого труда, производить некоторый излишек, когда этот излишек не абсолютно было необходим для самого нищенского существования раба и попадал в руки рабовладельца, когда, таким образом, упрочилось существование этого класса рабовладельцев, и чтобы оно упрочилось, необходимо было, чтобы явилось государство.

И оно явилось — государство рабовладельческое, — аппарат, который давал в руки рабовладельцев власть, возможность управлять всеми рабами. И общество и государство тогда было гораздо мельче, чем теперь, располагало несравненно более слабым аппаратом связи, — тогда не было теперешних средств сообщения. Горы, реки и моря служили неимоверно большими препятствиями, чем теперь, и образование государства шло в пределах географических границ, гораздо более узких. Технически слабый государственный аппарат обслуживал государство, распространявшееся на сравнительно узкие границы и узкий круг действий. Не было аппарата, который принуждал рабов оставаться в рабстве, удерживал одну часть общества в принуждении, угнетении у другой. Принуждать одну преобладающую часть общества на систематическую работу на другую — это нельзя без постоянного аппарата принуждения. Пока не было классов — этого аппарата не было. Когда появились классы, — везде и всегда вместе с ростом и укреплением этого деления появлялся особый институт — государство. Формы государства были чрезвычайно разнообразны. Во времена рабовладельческие в странах наиболее передовых, культурных и цивилизованных по тогдашнему, например, в древней Греции и Риме, которые целиком покоились на рабстве, мы имеем уже тогда разнообразные формы государства. Тогда уже возникает различие между монархией и республикой, между аристократией и демократией. Монархия — как власть одного, республика — как отсутствие какой-либо неизбирной власти; аристократия — как власть небольшого сравнительно меньшинства, демократия — как власть народа, — демократия буквально в переводе с греческого и значит: власть народа. Эти различия возникли в эпоху рабства. Несмотря на эти различия, государство времен рабовладельческой эпохи было государством рабовладельческим, все равно — была ли это монархия или республика аристократическая или демократическая.

Во всяком курсе истории древних времен, выслушав лекцию об этом предмете, вы услышите о борьбе, которая была между монархическим и республиканским государствами, по основным было то, что рабы не считались людьми; не только не считались гражданами, но и людьми. Римский закон рассматривал их как вещь. Закон об убийстве, не говоря о других законах охраны человеческой личности, не относился к рабам, — он защищал только рабовладельцев, как единственно признававшихся полноправными гражданами. Но учреждалась ли монархия — и это была монархия рабовладельческая; республика — это была республика рабовладельческая, в которых

всеми правами пользовались рабовладельцы, а рабы были вещью по закону, и не только над ними было возможно какое угодно насилие, но и убийство раба не считалось преступлением. Рабовладельческая республика отличалась по своей внутренней организации: аристократическая и демократическая республика. В аристократической республике небольшое число привилегированных принимало участие в выборах, в демократической — участвовали все, но опять-таки все рабовладельцы, все, кроме рабов. Это основное обстоятельство надо иметь в виду, потому что оно больше всего проливает свет на вопрос о государстве и ясно показывает сущность государства.

Государство есть машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы держать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы. Форма машины бывает различна: в рабовладельческом государстве мы имеем аристократическую республику или даже демократическую республику, и в действительности формы правления бывали чрезвычайно разнообразны, но суть дела оставалась одна и та же: рабы не имели никаких прав и оставались угнетенным классом, они не признавались за людей. То же самое видим и в крепостном государстве.

Перемена формы эксплоатации превращала рабовладельческое государство в крепостническое. Это имело громадное значение. В рабовладельческом обществе — полное бесправие раба, он не признавался за человека: в крепостническом—привязанность крестьянина к земле. Основной признак крепостного права тот, что крестьянство (а тогда крестьяне представляли большинство, городское население было крайне слабо развито) считалось прикрепленным к земле,— отсюда произошло и самое понятие — крепостное право. Крестьянин мог работать определенное число дней на себя на том участке, который давал ему помещик; другую часть дня крепостной крестьянин работал на барина. Сущность классового общества оставалась: общество держалось на классовой эксплоатации. Полноправными могли быть только помещики, крестьяне считались бесправными. Их положение на практике очень слабо отличалось от положения раба в рабовладельческом государстве. Но все же к их освобождению, к освобождению крестьян открывалась дорога более широкая, так как крепостной крестьянин не считался прямой собственностью помещика. Он мог проводить часть времени на своем участке, мог, так сказать, до известной степени принадлежать себе, и крепостное право при более широкой возможности развития обмена, торговых сношений все более и более разлагалось, и все более расширялся круг освобождения крестьянства. Крепостное общество всегда было более сложным, чем общество рабовладельческое. В нем был большой элемент развития торговли, промышленности, что вело еще в то время к капитализму. В средние века крепостное право преобладало. И здесь формы государства были разнообразны, и здесь имеем и монархию и республику, хотя гораздо более слабо выраженную, но всегда господствующими единственно признавались только помещики-крепостники. Крепостные крестьяне в области всяких политических прав были исключены абсолютно.

И при рабстве и при крепостном праве господство небольшого меньшинства над громадным большинством людей не может обходиться без принуждения. Вся история полна беспрерывных попыток угнетенных классов свергнуть угнетение. История рабства знает на многие десятилетия тянущиеся войны за освобождение от рабства. Между прочим, имя «спартаковцы», которое взято теперь коммунистами Германии, — этой единственной громадной партией, действительно борющейся против ига капитализма, — это имя взято имя потому, что Спартак был один из самых выдающихся героев одного из самых крупных восстаний рабов около 2 тысяч лет тому назад, когда в течение долгого ряда лет всемогущая, казалось бы, Римская империя, целиком основанная на рабстве, испытывала потрясения и удары от громадного восстания рабов, которые вооружились и собрались под предводительством Спартака, образовав громадную армию. В конце-концов они были перебиты, схвачены, подверглись пыткам со стороны рабовладельцев. Эти гражданские войны идут через всю историю существования классового общества. Я сейчас привел пример самых крупнейших из таких гражданских войн в эпоху рабовладения. Вся эпоха крепостного права полна главным образом постоянными восстаниями крестьян. В Германии, напр., в средние века достигла широких размеров и превратилась в гражданскую войну крестьян против помещиков эта борьба между двумя классами: помещиков и крепостных. Вы все знаете примеры подобных многократных восстаний крестьян против помещиков-крепостников и в России.

Для удержания своего господства, для сохранения власти помещик должен был иметь аппарат, который бы объединил в подчинении ему громадное количество людей, подчинил их известным законам, правилам, — и все эти законы сводились в основании к одному — удержать власть помещика над крепостным крестьянином. Это и было крепостническое государство, которое в России, напр., или в совершенно отсталых азиатских странах, где до сих пор крепостничество господствует, — по форме оно отличалось — оно было или республиканское, или монархическое. Когда государство было монархическое—признавалась власть одного; когда было республиканское—признавалось более или менее участие выборных от помещичьего общества,— это в обществе крепостническом. Крепостническое общество представляло такое деление классов, когда громадное большинство — крепостное крестьянство находилось в полной зависимости от ничтожного меньшинства — помещиков, которые владели землей.

Развитие торговли, развитие товарообмена привело к выделению нового класса — капиталистов. Капитал возник в конце средних веков, когда мировая торговля после открытия Америки достигла громадного развития, когда увеличилось количество драгоценных металлов, когда серебро и золото стали вещами обмена, когда денежный оборот дал возможность держать громадные богатства в одних руках. Серебро и золото признавались как богатство во всем мире. Падали экономические силы помещичьего класса и развивалась сила нового класса — капитала. Перестройка общества происходила

таким образом, чтобы все граждане стали как бы равными, отпадали прежние деления на рабовладельцев и рабов, чтобы все считались равными перед законом, независимо от того, каким капиталом каждый владеет — землей ли на правах частной собственности, или это—голяк, у которого одни рабочие руки, — все равны перед законом. Закон одинаково охраняет всех, охраняет собственность, у кого она есть, от покушений против собственности со стороны той массы, которая, не имея собственности, не имея ничего, кроме своих рук, постепенно нищает, разоряется и превращается в пролетариев. Таково капиталистическое общество.

Я не могу на этом останавливаться подробно. К этому вопросу вы еще вернетесь, когда будете беседовать о программе партии, — там услышите характеристику капиталистического общества. Общество это выступило против крепостничества, против крепостного права с лозунгом свободы, против старого крепостного права. Но это была свобода для того, кто владеет собственностью. И когда крепостное право было разрушено, что произошло к концу XVIII — нач. XIX в., — в России это произошло позднее других стран — в 1861 году, — тогда на смену крепостнического государства пришло государство капиталистическое, которое объявляет своим лозунгом свободу всенародную, говорит, что выражает волю всего народа, отрицает, что оно классовое общество, и тут между социалистами, которые борются за свободу всего народа, и капиталистическим государством развивается борьба, которая привела сейчас к созданию Советской социалистической республики и которая охватывает весь мир.

Чтобы понять борьбу, поднятую с всемирным капиталом, чтобы понять сущность капиталистического государства, надо помнить, что капиталистическое государство, выступая против крепостнического, шло в бой с лозунгом— свобода. Отмена крепостного права означала для представителей капиталистического государства свободу и оказывала услугу постольку, поскольку крепостное право разрушалось, и крестьяне получили возможность владеть, как полной собственностью, той землей, которую они купили путем выкупа, или частицей — из оброка,—на это государство не обращало внимания: оно охраняло собственность, каким бы путем она ни возникла, так как оно покоилось на частной собственности, крестьяне превращались в частных собственников во всех современных цивилизованных государствах. Государство охраняло частную собственность, и где помещик отдавал часть земли крестьянину, вознаграждало его посредством выкупа, продажи за деньги. Государство как бы заявляло: полную частную собственность мы сохраним, и оказывало ей всяческую поддержку и заступничество. Государство признавало эту собственность за каждым купцом, промышленником и фабрикантом. И это общество, основанное на частной собственности, на власти капитала, на полном подчинении всех неимущих рабочих и трудящихся масс крестьянства, — это общество объявляло себя господствующим на основании свободы, борясь против крепостного права, оно объявило собственность свободной и особенно гордилось тем, что будто государство перестало быть классовым.

Между тем, государство попрежнему оставалось машиной, которая помогает капиталистам держать в подчинении беднейшее крестьянство и рабочий класс, но по внешности оно было свободно. Оно объявляет всеобщее избирательное право, заявляет устами своих поборников, проповедников, ученых и философов, что это государство неклассовое. Даже теперь, когда против него началась борьба советских социалистических республик, они обвиняют нас, будто мы нарушители свободы, что мы строим государство, основанное на принуждении, на подавлении одних другими, а они представляют государство всенародное, демократическое. Вот этот вопрос — о государстве — теперь, во время начала социалистической революции во всем мире, и как раз во время победы революции в некоторых странах, когда особенно обострилась борьба со всемирным капиталом,—вопрос о государстве приобрел самое большое значение и стал, можно сказать, самым больным вопросом, фокусом всех политических вопросов и всех политических споров современности.

Какую бы партию мы ни взяли в России или в любой более цивилизованной стране, — почти все политические споры, расхождения, мнения вертятся сейчас около понятия о государстве — является ли государство в капиталистической стране, в демократической республике, — особенно вроде такой, как Швейцария или Америка, — в самых свободных демократических республиках, является ли государство выражением народной воли, сводкой общенародного решения, выражением национальной воли и т. д., — или государство есть такая машина, для того, чтобы тамошние капиталисты могли держать свою власть над рабочим классом и крестьянством. Это — основной вопрос, около которого сейчас вертятся во всем мире политические споры. Что говорят о большевизме? Буржуазная пресса ругает большевиков, не найдете ни одной газеты, которая не повторила бы ходячего обвинения против большевиков, что они являются нарушителями народовластия. Если наши меньшевики соц.-рев. в простоте души (а, может быть, и не в простоте, или, может быть, это такая простота, о которой сказано, что она хуже воровства) думают, что они являются открывателями и изобретателями обвинения против большевиков, что они нарушили свободу и народовластие, то они смешным образом заблуждаются. В настоящее время нет ни одной из богатейших газет богатейших стран, которые 10 млн. употребляют на распространение и в десятках миллионов экземпляров сеют буржуазную ложь и империалистическую политику, — нет ни одной из этих газет, которая не повторила бы этих основных доводов и обвинений против большевизма, — что Америка, Англия и Швейцария, это — передовые государства, основанные на народовластии, большевистская же республика есть государство разбойников, оно не знает свободы, большевики являются нарушителями идеи народовластия и даже дошли до того, что разогнали учредилку. Эти страшные обвинения большевиков повторяются во всем мире. Обвинения эти подводят нас целиком к вопросу, что такое государство. Чтобы эти обвинения понять, чтобы в них разобраться и вполне сознательно к ним отнестись и разобраться не по слухам только, а иметь твердое мнение, надо ясно понять, что такое государ-

ство. Здесь мы имеем всякие капиталистические государства и все те учения в защиту их, которые создались до войны. Чтобы правильно подойти к решению вопроса, нужно отнестись критически ко всем этим учениям и взглядам.

Я уже назвал вам в помощь сочинение Энгельса «Учение о происхождении государства». Здесь именно говорится, что всякое государство, в котором есть частная собственность на землю и на средства производства, где господствует капитал, как бы демократично оно ни было, оно есть государство капиталистическое, оно есть та машина в руках капиталистов, чтобы держать в подчинении рабочий класс и беднейшее крестьянство. А всеобщее избирательное право, учредительное собрание, парламент, это есть только форма, есть своего рода вексель, который нисколько не меняет дела по существу.

Форма господства, государства, может быть различна: капитал иным образом проявляет свою силу там, где есть одна форма, и другим — где другая, но по существу власть остается в руках капитала: есть ли цензовое право или другое, есть ли республика демократическая и даже чем она демократичнее, тем грубее, циничнее это господство капитализма. Одна из самых демократических республик в мире—Северо-Американские Соединенные Штаты—и нигде, как в этой стране (кто там побывал после 1905 г. наверно имеет представление), нигде власть капитала, власть кучки миллиардеров над всем обществом не проявляется так грубо, с таким открытым подкупом, как в Америке. Капитал, раз он существует, господствует над всем обществом, и никакая демократическая республика, никакое избирательное право сущности дела не меняет.

Демократическая республика и всеобщее избирательное право по сравнению с крепостническим строем были громадным прогрессом: они дали возможность пролетариату достигнуть того объединения, того сплочения, которое он имеет, образовать те стройные, дисциплинированные ряды, которые ведут систематическую борьбу с капиталом. Ничего подобного не было у крепостного крестьянина, не говоря уже о рабах даже приблизительно. Рабы, как мы знаем, восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны. Но никогда не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов. Буржуазная республика, парламент, всеобщее избирательное право, — все это с точки зрения всемирного развития общества представляет громадный прогресс. Человечество шло к капитализму, и только капитализм дал, благодаря городской культуре, угнетенному классу пролетариев осознать себя и создать то всемирное рабочее движение, те миллионы рабочих, организованных по всему миру в партии, те социалистические партии, которые сознательно руководят борьбой масс. Без парламентаризма, без выборности это развитие рабочего класса было бы невозможно, вот почему все это в глазах самых широких масс людей получило такое большое значение. Вот почему перелом кажется таким трудным.

Не только сознательные лицемеры, ученые и попы поддерживают и защищают эту буржуазную ложь, что государство свободно и призвано защищать интересы всех, но и массы людей, искренно повторяющих старые предрассудки, не могущих понять перехода от старого капиталистического общества к социализму. Не только люди, находящиеся в прямой зависимости от буржуазии, не только те, которые находятся под гнетом капитала, или которые подкуплены этим капиталом, не только то обстоятельство, что на службе у капитала состоит масса всякого рода ученых, художников, попов и т. д., но и просто под влиянием тех предрассудков буржуазной свободы,—все это ополчилось против большевизма во всем мире за то, что при основании советская республика отбросила эту буржуазную ложь и открыто заявила: вы называете свое государство свободным, а на самом деле, пока есть частная собственность, хотя бы ваше государство было демократической республикой, оно есть не что иное, как машина в руках капиталистов для подавления рабочих, и чем свободнее государство, тем яснее это выражается. Пример этого Швейцария в Европе, С.-А. Соединенные Штаты в Америке.

Нигде капитал не господствует так цинично и беспощадно, как именно в этих странах, и нигде не видно с такой ясностью, хотя это демократические республики, — как бы ни были они изящно размалеваны, — нигде, несмотря ни на какие слова о трудовой демократии, о равенстве всех граждан. На деле в Швейцарии и Америке господствует капитал, и всякие попытки рабочих добиться улучшения своего положения сколько-нибудь серьезно встречаются немедленной гражданской войной. В этих странах меньше солдат, постоянного войска, — в Швейцарии существует милиция — каждый швейцарец имеет ружье у себя дома, в Америке до последнего времени не было постоянного войска,—и поэтому, как случается стачка, вооружается буржуазия, нанимает наемных солдат и подавляет стачку, и нигде это подавление рабочего движения не происходит с такой беспощадной свирепостью, как в Швейцарии и Америке, и нигде в парламенте не сказывается так сильно влияние капитала, как именно здесь. Сила капитала—все, биржа—все, а парламент, выборы, — это марионетки, куклы... Но чем дальше, тем больше проясняются глаза рабочих и тем шире распространяется идея советской власти, особенно после той кровавой бойни, которую мы только что пережили. Все яснее становится для рабочего класса необходимость беспощадной борьбы с капиталистами.

Какими бы формами ни прикрывалась—пусть то будет самая демократическая — республика, но если она буржуазная, если в ней осталась частная собственность на землю, на заводы и фабрики, и частный капитал держит в наемном рабстве все общество, т. е., если в ней не выполняется то, что заявляет программа нашей партии и советская конституция, — то это государство — машина, чтобы угнетать одних другими. И эту машину мы возьмем в руки того класса, который должен свергнуть власть капитала. Мы отбросим все старые предрассудки, что государство есть всеобщее равенство, — это обман: пока есть эксплоатация, не может быть равенства. Помещик не

может быть равен рабочему, сытый—голодному. Такая машина, которая называлась государством, перед которой люди останавливаются с суеверным почтением и верят старым сказкам, что это есть общенародная власть, — пролетариат эту машину отбрасывает и говорит: это буржуазная ложь. Мы эту машину отняли от капиталистов, взяли ее себе. Этой машиной или дубиной мы разгромим всякую эксплоатацию, и тогда на свете не останется возможности эксплоатировать, не останется владельцев земли, владельцев фабрик, не будет так, что одни пресыщаются, а другие голодают, — лишь тогда, когда возможностей к этому не останется, тогда мы эту машину отдадим на слом. Тогда не будет государства, не будет эксплоатации. Вот точка зрения нашей коммунистической партии. Надеюсь, что к этому вопросу в следующих лекциях мы вернемся и неоднократно.

Ленин, Лекция о государстве, прочитанная 11/VII 1919 г. в Свердловском университете, «Правда», 1929, № 15 *.

6. БУРЖУАЗНОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРОЛЕТАРИАТ

Коммуна должна была с самого начала признать, что рабочий класс, достигнув власти, не может пользоваться для своих целей старой государственной машиной; что если этот класс не хочет потерять только что завоеванное господство, он должен во-первых, устранить весь старый, направлявшийся до сих пор против него самого, механизм угнетения, с другой — обезопасить себя со стороны своих собственных служащих и уполномоченных — обезопасить тем, чтобы их можно было в любое время и всех без исключения смещать. В чем состояла до сих пор характерная особенность государства? Простым разделением труда общество создало себе особые органы для защиты интересов. Но со временем эти органы и первый среди них — государственая власть, служа своим частным интересам, стали из слуг общества его повелителями. Такое явление происходит не только в наследственных монархиях, но и в демократических республиках. «Политики» нигде в мире не пользуются таким влиянием и нигде настолько не обособлены от прочего населения, как в Северной Америке. Там каждая из двух больших партий, сменяющих друг друга у кормила правления, управляется в свою очередь людьми, которые из политики сделали себе гешефт; они спекулируют на места в законодательных собраниях союза или отдельных штатов, или живут агитацией в пользу своей партии, и вознаграждаются какой-нибудь должностью после ея победы. Известно, сколько усилий в течение последних тридцати лет затратили американцы, чтобы свергнуть это ставшее невыносимым иго, и как, несмотря на это, они все более погружались в болото продажности. Именно в Америке всего лучше видно, как государственная власть становится независимой от того самого общества, орудием которого она в сущности является. Там нет ни династий, ни постоянного войска, исключая кучки солдат, наблюдающих за индейцами, нет

* Лекция была записана стенографически, авторской правке не подвергалась. Опубликована впервые в указ. № «Правды» институтом Ленина.—*Прим. сост.*

бюрократии с обеспеченными местами и пенсиями. И все же там мы видим, как две большие шайки политических спекулянтов попеременно владеют государственной властью и эксплоатируют ее самым грязным образом для самых грязных целей, — а нация стоит бессильной перед этими двумя большими союзами политиков, которые, якобы, у нее на службе, а в действительности грабят ее и господствуют над нею.

Энгельс, Введение к «Гражданской войне во Франции» Маркса, пер. под ред. Ленина, 1918, 11—12.

Утописты занимались «открыванием» политических форм, при которых должно бы произойти социалистическое переустройство общества. Анархисты отмахивались от вопроса о политических формах вообще. Оппортунисты современной социал-демократии приняли буржуазные политические формы парламентарного демократического государства за предел, его же не прейдеши, и разбивали себе лоб, молясь на этот «образец», объявляли анархизмом всякое стремление **сломать** эти формы.

Маркс вывел из всей истории социализма и политической борьбы, что государство должно будет исчезнуть, что переходной формой его исчезновения (переходом от государства к не-государству) будет «организованный в господствующий класс пролетариат». Но **открывать** политические **формы** этого будущего Маркс не брался. Он ограничился точным наблюдением французской истории, анализом ее и заключением, к которому приводил 1851 г.: дело подходит **к разрушению** буржуазной государственной машины.

И когда массовое революционное движение пролетариата разразилось, Маркс, несмотря на неудачу этого движения, несмотря на его кратковременность и бьющую в глаза слабость, стал изучать, какие формы **открыло** оно.

Коммуна — «открытая наконец» пролетарской революцией — форма, при которой может произойти экономическое освобождение труда.

Коммуна — первая попытка пролетарской революции **разбить** буржуазную государственную машину и «открытая наконец» политическая форма, которою и должно **заменить** разбитое.

Ленин, Государство и революция, Соч., XIV, ч. 2, 1 изд., 341—342.

Нам нужна революционная **власть**, нам нужно (на известный переходный период) **государство**. Этим мы отличаемся от анархистов. Разница между революционными марксистами и анархистами состоит не только в том, что первые стоят за централизованное, крупное, коммунистическое производство, а вторые за раздробленное, мелкое. Нет, разница именно по вопросу о власти, о государстве, состоит в том, что мы за революционное использование революционных форм государства для борьбы за социализм, а анархисты **против**.

Нам нужно государство. Но нам нужно **не такое** государство, каким создала его буржуазия повсюду, начиная от конституционных монархий и

кончая самыми демократическими республиками. И в этом состоит наше отличие от оппортунистов и каутскианцев старых, начавших загнивать, социалистических партий, исказивших или забывших уроки Парижской коммуны и анализ этих уроков Марксом и Энгельсом.

Нам нужно государство, но *не* такое, какое нужно буржуазии, с отделенными от народа и противопоставляемыми народу органами власти в виде полиции, армии, бюрократии (чиновничества). Все буржуазные революции только усовершенствовали *эту* государственную машину, только передавали *ее* из рук одной партии в руки другой партии.

Пролетариат же, если он хочет отстоять завоевания данной революции и пойти дальше, завоевать мир, хлеб и свободу, должен «*разбить*», выражаясь словами Маркса, эту «готовую» государственную машину и заменить ее новой, *сливая* полицию, армию и бюрократию *с поголовно вооруженным народом*. Идя по пути, указанному опытом Парижской коммуны 1871 г. и русской революции 1905 г., пролетариат должен организовать и вооружить *все* беднейшие, эксплоатируемые части населения, чтобы они *сами* взяли непосредственно в свои руки органы государственной власти, *сами составили* учреждения этой власти.

Ленин, Письма издалека, Соч., XX, 2 изд., 34—35.

Наиболее совершенным, передовым из буржуазных государств является тип *парламентарной демократической республики*: власть принадлежит парламенту; государственная машина, аппарат и орган управления обычный: постоянная армия, полиция, чиновничество, фактически несменяемое, привилегированное, стоящее *над* народом.

Но революционные эпохи, начиная с конца XIX в., выдвигают *высший* тип демократического государства, такого государства, которое в некоторых отношениях перестает уже, по выражению Энгельса, быть государством, «не является государством в собственном смысле слова». Это — государство типа Парижской коммуны, *заменяющее* особую от народа армию и полицию прямым и непосредственным вооружением самого народа. *В этом* суть Коммуны, которую оболгали и оклеветали буржуазные писатели, которой ошибочно приписывали, между прочим, намерение немедленно «ввести» социализм.

Именно такого типа государство *начала* создавать русская революция в 1905 и 1917 гг. Республика советов рабочих, солдатских, крестьянских и пр. депутатов, объединенных Всероссийским учредительным собранием народных представителей или Советом советов *и т. п.*, — вот что уже *входит в жизнь* у нас теперь, в данное время, по инициативе многомиллионного народа, самочинно творящего демократию *по-своему*, не дожидающегося ни того, как гг. профессора-кадеты напишут свои проекты законов для парламентарной буржуазной республики, — ни того, как педанты и рутинеры мелкобуржуазной «социал-демократии», вроде г. Плеханова или

Каутского, откажутся от их искажения учения марксизма по вопросу о государстве.

Марксизм отличается от анархизма тем, что признает необходимость государства и государственной власти в революционный период вообще, в эпоху перехода от капитализма к социализму в частности.

Марксизм отличается от мелкобуржуазного, оппортунистического «социал-демократизма» т. Плеханова, Каутского и К° тем, что признает необходимость для указанных периодов не такого государства, как обычная парламентарная буржуазная республика, а такого, как Парижская коммуна.

Ленин, Задачи пролетариата в нашей революции, Соч., XX, 2 изд., 119—120.

Раз в несколько лет решать, какой член господствующего класса будет подавлять, раздавлять народ в парламенте, — вот в чем настоящая суть буржуазного парламентаризма, не только в парламентарно-конституционных монархиях, но и в самых демократических республиках.

Но если ставить вопрос о государстве, если рассматривать парламентаризм как одно из учреждений государства, с точки зрения задач пролетариата в этой области, то где же выход из парламентаризма? Как же можно обойтись без него?

Опять и опять приходится сказать: уроки Маркса, основанные на изучении Коммуны, настолько забыты, что современному «социал-демократу» (читай: современному предателю социализма) прямо-таки непонятна иная критика парламентаризма, кроме анархической или реакционной.

Выход из парламентаризма, конечно, не в уничтожении представительных учреждений и выборности, а в превращении представительных учреждений из говорилен в «работающие» учреждения. «Коммуна должна была быть не парламентским учреждением, а работающим, в одно и то же время законодательствующим и исполняющим законы».

Ленин, Государство и революция, Соч., XIV, ч. 2, 1 изд., 333—334.

Государство... есть понятие классовое. Государство есть орган или машина насилия одного класса над другим. Пока оно есть машина для насилия буржуазии над пролетариатом, до тех пор пролетарский лозунг может быть лишь один: разрушение этого государства. А когда государство будет пролетарским, когда оно будет машиной насилия пролетариата над буржуазией, тогда мы вполне и безусловно за твердую власть и за централизм.

Ленин, Удержат ли большевики государственную власть? Соч., XIV, ч. 2, 1 изд., 241.

Пролетариату нужно государство — это повторяют все оппортунисты, социал-шовинисты и каутскианцы, уверяя, что таково учение Маркса, и «забывая» добавить, что, во-первых, по-Марксу пролетариату нужно лишь отмирающее государство, т. е. устроенное так, чтобы оно немедленно начало

отмирать и не могло не отмирать. А, во-вторых, трудящимся нужно «государство», «т. е. организованный в господствующий класс пролетариат».

Государство есть особая организация силы, есть организация насилия для подавления какого-либо класса. Какой же класс надо подавлять пролетариату? Конечно, только эксплоататорский класс, т. е. буржуазию. Трудящимся нужно государство лишь для подавления сопротивления эксплоататоров, а руководить этим подавлением, провести его в жизнь в состоянии только пролетариат, как единственный до конца революционный класс, единственный класс, способный объединить всех трудящихся и эксплоатируемых в борьбе против буржуазии, в полном смещении ее.

Эксплоататорским классам нужно политическое господство в интересах поддержания эксплоатации, т. е. в корыстных интересах ничтожного меньшинства, против громаднейшего большинства народа. Эксплоатируемым классам нужно политическое господство в интересах полного уничтожения всякой эксплоатации, т. е. в интересах громаднейшего большинства народа против ничтожного меньшинства современных рабовладельцев, т. е. помещиков и капиталистов.

Мелкобуржуазные демократы, эти якобы социалисты, заменяющие классовую борьбу мечтаниями о соглашении классов, представляли себе и социалистическое преобразование мечтательным образом, не в виде свержения господства эксплоататорского класса, а в виде мирного подчинения меньшинства понявшему свои задачи большинству. Эта мелкобуржуазная утопия, неразрывно связанная с признанием надклассового государства, приводила на практике к предательству интересов трудящихся классов, как это и показала, например, история французских революций 1848 и 1871 гг., как это показал опыт «социалистического» участия в буржуазных министерствах в Англии, во Франции, в Италии и в других странах в конце XIX и начале XX вв.

Маркс всю свою жизнь боролся с этим мелкобуржуазным социализмом, ныне возрожденным в России партиями эсеров и меньшевиков. Маркс провел учение о классовой борьбе последовательно вплоть до учения о политической власти, о государстве.

Свержение господства буржуазии возможно только со стороны пролетариата, как особого класса, экономические условия существования которого подготовляют его к такому свержению, дают ему возможность и силу совершить его. В то время как буржуазия раздробляет, распыляет крестьянство и все мелкобуржуазные слои, она сплачивает, объединяет, организует пролетариат. Только пролетариат, — в силу экономической роли его в крупном производстве, — способ быть вождем *всех* трудящихся и эксплоатируемых масс, которые буржуазия эксплоатирует, гнетет, давит часто не меньше, а сильнее, чем пролетариев, но которые неспособны к *самостоятельной* борьбе за свое освобождение.

Учение о классовой борьбе, примененное Марксом к вопросу о государстве и о социалистической революции, ведет необходимо к признанию *пол*и-

тического господства пролетариата, его диктатуры, т. е. власти, не разделяемой ни с кем и опирающейся непосредственно на вооруженную силу масс. Свержение буржуазии осуществимо лишь превращением пролетариата в господствующий класс, способный подавить неизбежное, отчаянное сопротивление буржуазии и организовать для нового уклада хозяйства все трудящиеся и эксплоатируемые массы.

Пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплоататоров и для руководства громадной массой населения — крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями — в деле «налаживания» социалистического хозяйства.

Воспитывая рабочую партию, марксизм воспитывает авангард пролетариата, способный взять власть и вести весь народ к социализму, направлять и организовать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплоатируемых в деле устройства своей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии. Наоборот, господствующий ныне оппортунизм воспитывает из рабочей партии отрывающихся от массы представителей лучше оплачиваемых рабочих, «устраивающихся» сносно при капитализме, продающих за чечевичную похлебку свое право первородства, т. е. отказывающихся от роли революционных вождей народа против буржуазии.

«Государство, т. е. организованный в господствующий класс пролетариат», — эта теория Маркса неразрывно связана со всем его учением о революционной роли пролетариата в истории. Завершение этой роли есть пролетарская диктатура, политическое господство пролетариата.

Но если пролетариату нужно государство, как особая организация насилия против буржуазии, то отсюда сам собой напрашивается вывод, мыслимо ли создание такой организации без предварительного уничтожения, без разрушения той государственной машины, которую создала себе буржуазия? К этому выводу вплотную подводит «Коммунистический манифест» и об этом выводе говорит Маркс, подводя итоги опыту революции 1848—1851 гг.

Ленин, Государство и революция, Соч., XIV, ч. 2, 1 изд., 315—317.

...Особенного внимания заслуживает чрезвычайно глубокое замечание Маркса, что разрушение бюрократически-военной государственной машины является «предварительным условием всякой действительной народной революции». Это понятие «народной» революции кажется странным в устах Маркса, и русские плехановцы и меньшевики, эти последователи Струве, желающие считаться марксистами, могли бы, пожалуй, объявить такое выражение у Маркса «обмолвкой». Они свели марксизм к такому убого-либеральному извращению, что, кроме противоположения буржуазной и пролетарской революции, для них ничего не существует, да и это противоположение понимается ими до-нельзя мертвенно.

Если взять для примера революции XX в., то и португальскую и турецкую придется, конечно, признать буржуазной. Но «народной» ни та, ни другая не является, ибо масса народа, громадное большинство его активно, самостоятельно, со своими собственными экономическими и политическими требованиями ни в той, ни в другой революции заметно не выступают. Напротив, русская буржуазная революция 1905—1907 гг., хотя в ней не было таких «блестящих» успехов, которые выпадали временами на долю португальской и турецкой, была, несомненно, «действительной народной» революцией, ибо масса народа, большинство его, самые глубокие общественные «низы», задавленные гнетом и эксплоатацией, поднимались самостоятельно, наложили на весь ход революции отпечаток с в о и х требований, с в о и х попыток по-своему построить новое общество, наместо разрушаемого старого.

В Европе 1871 г. на континенте ни в одной стране пролетариат не составлял большинства народа. «Народная» революция, втягивающая в движение действительно большинство, могла быть таковою лишь охватывая и пролетариат и крестьянство. Оба класса и составляли тогда «народ». Оба класса объединены тем, что «бюрократически военная государственная машина» гнетет, давит, эксплоатирует их. Р а з б и т ь эту машину, с л о м а т ь ее — таков действительный интерес «народа» — большинства его, рабочих и большинства крестьян, таково «предварительное условие» свободного союза беднейших крестьян с пролетариями, а без такого союза непрочна демократия и невозможно социалистическое преобразование.

К такому союзу, как известно, и пробивала себе дорогу Парижская коммуна, не достигшая цели в силу ряда причин внутреннего и внешнего характера.

Следовательно, говоря о «действительно народной революции», Маркс, нисколько не забывая особенностей мелкой буржуазии (об них он говорил много и часто), строжайше учитывал фактическое соотношение классов в большинстве континентальных государств Европы в 1871 г. А с другой стороны, он констатировал, что «разбитие» государственной машины требуется интересами и рабочих и крестьян, объединяет их, ставит перед ними общую задачу устранения «паразита» и замены его чем-либо новым.

Ленин, Государство и революция, Соч., XIV, ч. 2, 1 изд., 327—328.

в. ОТМИРАНИЕ ГОСУДАРСТВА

Капиталистический способ производства, все больше и больше превращая огромное большинство населения в пролетариев, создает силу, которая, под страхом гибели, вынуждена совершить этот переворот. Стремясь все больше и больше к превращению крупных общественных средств производства в собственность государства, способ этот сам указывает путь к такому перевороту. П р о л е т а р и а т о в л а д е в а е т г о с у д а р с т в е н н о й в л а с т ь ю и п р е в р а щ а е т о р у д и я п р о и з в о д с т в а в г о с у д а р с т в е н н у ю с о б с т в е н н о с т ь. Но вместе с тем он упраздняет

себя, как пролетариат, упраздняет все классовые различия и классовые противоречия, да и само государство в нынешнем виде. Существующее до сих пор и движущееся в классовых противоречиях общество нуждалось в государстве, т. е. в организации эксплоатирующего в каждый данный период класса, для охранения внешних условий его производства, т. е. собственно для насильственного угнетения эксплоатируемого класса при обусловленных существующим способом производства способах угнетения (в разные эпохи такими условиями были: рабство, крепостная зависимость, наемный труд). Государство было официальным представителем всего общества, воплощением его в видимой корпорации, но оно было им постольку, поскольку оно было государством того класса, который в каждую данную эпоху являлся представителем всего общества; в древности мы имеем государство граждан-рабовладельцев, в средние века — государство феодального дворянства, в наше время государство буржуазии. Сделавшись, наконец, фактически представителем всего общества, государство станет излишним. Когда не будет общественного класса, подлежащего угнетению; когда вместе с классовым господством и с обусловленной анархией производства борьбой за личное существование исчезнут вытекающие отсюда коллизии и эксцессы, — тогда некого будет больше наказывать, для чего требовалась особая карательная власть — требовалось государство. Первый акт, в котором государство выступает действительно, в качестве представителя всего общества — овладение орудиями производства от имени общества — есть в то же время его последний самостоятельный шаг в качестве государства. Вмешательство какой-либо государственной власти в общественные отношения станет излишним в одной области за другой и затем прекратится само собою. Власть над людьми заменится управлением вещами и заведыванием процессами производства. Государство не «упраздняется» — оно о т м и р а е т. Это надо иметь в виду при оценке фразы о «свободном народном государстве», как в отношении ее временной агитационной уместности, так и в отношении ее решительной научной несостоятельности; а также и при оценке требования так называемых анархистов об уничтожении государства в 24 часа.

Энгельс. Анти-Дюринг, Гиз. 1923, 254—255.

...Все разговоры о государстве следует оставить, особенно со времен коммуны, которая уже не была государством в собственном смысле. «Н а р о д н ы м г о с у д а р с т в о м» анархисты тыкали нам в зубы до надоедливости, хотя уже в сочинении Маркса против Прудона, а затем в «Коммунистическом манифесте» прямо говорится, что с установлением социалистического общественного строя государство само собою уничтожается и исчезает. А так как государство представляет лишь преходящее учреждение, которым пользуются в борьбе, во время революции, для преодоления своих противников, то разговоры о свободном народном государстве являются чистейшей бессмыслицей: поскольку пролетариат еще п о л ь з у е т с я государством, он

делает это не в интересах свободы, а для подавления своих противников, а как только является возможность заговорить о свободе, государство перестает существовать как таковое.

Энгельс, Письмо А. Бебелю от 28 марта 1875 г.; Бебель, Из моей жизни, т. II, вып. II, 127, изд. Клочкова, М. 1912.

Экономической основой полного отмирания государства является такое высокое развитие коммунизма, при котором исчезает противоположность умственного и физического труда, исчезает, следовательно, один из важнейших источников современного общественного неравенства и притом такой источник, которого одним переходом средств производства в общественную собственность, одной экспроприацией капиталистов сразу устранить никак нельзя.

Эта экспроприация даст возможность гигантского развития производительных сил. И, видя, как теперь уже капитализм невероятно задерживает это развитие, как многое можно было бы двинуть вперед на базе современной, уже достигнутой техники, мы вправе с полнейшей уверенностью сказать, что экспроприация капиталистов неизбежно даст гигантское развитие производительных сил человеческого общества. Но как скоро пойдет это развитие дальше, как скоро дойдет оно до разрыва с разделением труда, до уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом, до превращения труда в «первую жизненную потребность»,— этого мы не знаем и знать не можем.

Поэтому мы и вправе говорить лишь о неизбежном отмирании государства, подчеркивая длительность этого процесса, его зависимость от быстроты развития высшей фазы коммунизма и оставляя совершенно открытым вопрос о сроках или о конкретных формах отмирания, ибо материала для решения таких вопросов нет.

Государство сможет отмереть полностью тогда, когда общество осуществит правило: «каждый по способности, каждому по потребностям», т. е. когда люди настолько привыкнут к соблюдению основных правил общежития и когда их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться по способностям. «Узкий горизонт буржуазного права», заставляющий высчитывать с черствостью Шейлока, не переработать бы лишних полчаса против другого, не получить бы меньше платы, чем другой, — этот узкий горизонт будет тогда перейден. Распределение продуктов не будет требовать тогда нормировки со стороны общества количества получаемых каждым продуктов; каждый будет свободно брать «по потребности».

Ленин, Государство и революция, Соч., XIV, ч. 2, 1 изд., 375—376.

...Научная разница между социализмом и коммунизмом ясна. То, что обычно называют социализмом, Маркс назвал «первой» или низшей фазой коммунистического общества. Поскольку общей собственностью становятся средства производства, постольку слово «коммунизм» и тут применимо, если

не забывать, что это не полный коммунизм. Великое значение разъяснений Маркса, состоит в том, что он последовательно применяет и здесь материалистическую диалектику, учение о развитии, рассматривая коммунизм как нечто развивающееся из капитализма. Вместо схоластически-выдуманных, «сочиненных» определений и бесплодных споров о словах (что социализм, что коммунизм), Маркс дает анализ того, что можно бы назвать ступенями экономической зрелости коммунизма.

Ленин, Государство и революция, Соч.,XIV, ч. 2, 1 изд., 377.

Справедливости и равенства, следовательно, первая фаза коммунизма дать еще не может: различия в богатстве останутся и различия несправедливые, но невозможна будет эксплоатация человека человеком, ибо нельзя захватить средства производства, фабрики, машину, землю и пр. в частную собственность. Развивая мелкобуржуазно-неясную фразу Лассаля о «равенстве» и «справедливости» вообще, Маркс показывает ход развития коммунистического общества, которое вынуждено сначала уничтожить только ту «несправедливость», что средства производства захвачены отдельными лицами, и которые не в состоянии сразу уничтожить и дальнейшую несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления «по работе» (а не по потребностям).

Ленин, Государство и революция, Соч., XIV, ч. 2, 1 изд., 373.

3—б. ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА КАК ПЕРЕХОДНАЯ ФОРМА ГОСУДАРСТВА

а. ЧТО ТАКОЕ ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА

Вопрос о диктатуре пролетариата есть вопрос об отношении пролетарского государства к буржуазному государству, пролетарской демократии к буржуазной демократии (448).

... Формула «диктатура пролетариата» есть лишь более исторически-конкретное и научно-точное изложение той задачи пролетариата «разбить» буржуазную государственную машину, о которой (задаче) и Маркс и Энгельс, учитывая опыт революции 1848 и еще более 1871 г., говорят с 1852 до 1891 г., в течение сорока лет (449).

Диктатура есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами.

Революционная диктатура пролетариата есть власть, завоеванная и поддерживаемая насилием пролетариата над буржуазией, власть, не связанная никакими законами (451).

«Чистая демократия» есть лживая фраза либерала, одурачивающего рабочих. История знает буржуазную демократию, которая идет на смену феодализму и пролетарскую демократию, которая идет на смену буржуазной.

Буржуазная демократия, будучи великим историческим прогрессом по сравнению с средневековьем, всегда остается — и при капитализме не мо-

жет не оставаться — узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплоатируемых, для бедных (457).

Необходимым признаком, обязательным условием диктатуры является насильственное подавление эксплоататоров, как класса, и, следовательно, нарушение «чистой демократии», т. е. равенства и свободы, по отношению к этому классу (469).

Ленин, Пролетарская революция и ренегат Каутский, Соч., XV, I изд., 448 и др.

С одной стороны, больше всего пугают себя и пугают людей «диктатурой пролетариата». С другой стороны, чем же отличается понятие «диктатура пролетариата» от сламывания сопротивления капиталистов? Ровно ничем. Диктатура пролетариата есть термин научный, определяющий тот класс, который играет при этом роль, и ту особую форму государственной власти, которая называется диктатурой, именно власти, опирающейся не на закон, не на выборы, а непосредственно на вооруженную силу той или иной части населения.

В чем состоит смысл и значение диктатуры пролетариата? Именно в сламывании сопротивления капиталистов! И если в России «сопротивление капиталистов, повидимому, сломлено», то эта фраза совершенно равносильна тому, если бы мы сказали: в России «диктатура пролетариата, повидимому, осуществлена».

Ленин, Эпидемия доверчивости, Соч., XX, 2 изд., 511.

Диктатура пролетариата подобна диктатуре других классов в том отношении, что она, как всякая другая диктатура, вызывается необходимостью подавить силою сопротивление того класса, который теряет свою политическую власть. Основное различие между диктатурой пролетариата и диктатурой других классов — диктатурой крупных землевладельцев в средние века, диктатурой буржуазии во всех цивилизованных капиталистических странах — состоит в том, что диктатура крупных землевладельцев и буржуазии представляла собой насильственное подавление сопротивления большинства населения, а именно трудящихся масс, между тем как в противоположность этому диктатура пролетариата есть насильственное подавление сопротивления эксплоататоров, т. е. явного меньшинства населения — крупных помещиков и капиталистов.

Отсюда опять-таки следует, что диктатура пролетариата должна неизбежно повлечь за собой, вообще говоря, не только изменение формы и установление демократии, но и такое их изменение, которое привело бы к еще невиданному в мире распространению действительного использования демократизма на порабощенные капитализмом трудящиеся классы.

Ленин, Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата, Соч., XVI, I изд., 43.

Главное в учении Маркса есть классовая борьба. Так говорят и пишут очень часто. Но это не верно. И из этой неверности сплошь да рядом получается оппортунистическое искажение марксизма, подделка его в духе приемлемости для буржуазии. Ибо учение о классовой борьбе не Марксом, а буржуазией до Маркса создано и для буржуазии, вообще говоря, приемлемо. Кто признает только борьбу классов, тот еще не марксист, тот может оказаться еще не выходящим из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики. Ограничивать марксизм учением о борьбе классов — значит урезывать марксизм, искажать его, сводить его к тому, что приемлемо для буржуазии. Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать действительное понимание и признание марксизма.

Ленин, Государство и революция, Соч., XIV, ч. 2, I изд., 323.

Вопрос о диктатуре пролетариата есть коренной вопрос современного рабочего движения во всех без исключения капиталистических странах. Для полного выяснения этого вопроса необходимо знать его историю. В масштабе международном история учения о революционной диктатуре вообще и о диктатуре пролетариата в частности совпадает с историей революционного социализма и специально с историей марксизма. Затем — и это, разумеется, самое важное — история всех революций угнетенного и эксплоатируемого класса против эксплоататоров является самым главным материалом и источником наших знаний по вопросу о диктатуре. Кто не понял необходимости диктатуры любого революционного класса для его победы, тот ничего не понял в истории революции или ничего не хочет знать в этой области.

В масштабе русском особенное значение имеет, если говорить о теории, программа РСДРП, составленная в 1902—1903 гг. редакцией «Зари» и «Искры» или, вернее, составленная Г. В. Плехановым и проредактированная, видоизмененная, утвержденная этой редакцией. Вопрос о диктатуре пролетариата поставлен в этой программе ясно и определенно, притом поставлен именно в связи с борьбой против Бернштейна, против оппортунизма. Но самое важное значение имеет, конечно, опыт революции, т. е. в России опыт 1905 г.

Три последние месяца этого года — октябрь, ноябрь и декабрь — были периодом замечательно сильной, широкой, массовой революционной борьбы, — периодом соединения двух наиболее могучих приемов этой борьбы — массовой политической стачки и вооруженного восстания. (Заметим в скобках, что еще в мае 1905 г. большевистский съезд, «Третий съезд РСДРП», признал «задачу организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания» «одной из самых главных и неотложных задач партии» и поручил всем партийным организациям «вы-

ясняет роль массовых политических стачек, которые могут иметь важное значение в начале и в самом ходе восстания»).

Первый раз во всемирной истории была достигнута такая высота развития и такая сила революционной борьбы, что вооруженное восстание выступило в соединении с массовой стачкой, этим специфически пролетарским оружием. Ясно, что этот опыт имеет мировое значение для всех пролетарских революций. И большевики со всем вниманием и усердием изучали этот опыт как с его политической стороны, так и со стороны экономической. Укажу на анализ помесячных данных об экономических и политических стачках 1905 г., о формах связи тех и других, о высоте развития стачечной борьбы, достигнутой тогда впервые в мире; этот анализ был дан мной в журнале «Просвещение» 1910 и 1911 гг. и повторен, в кратких итогах, в заграничной большевистской литературе той эпохи.

Массовые стачки и вооруженные восстания сами собой ставили на очередь дня вопрос о революционной власти и о диктатуре, ибо эти приемы борьбы неминуемо порождали — сначала в местном масштабе — изгнание старых властей, захват власти пролетариатом и революционными классами, изгнание помещиков, иногда захват фабрик и т. д. и т. п. Массовая революционная борьба указанного периода вызвала к жизни такие невиданные раньше в мировой истории организации, как советы рабочих депутатов, а вслед за ними советы солдатских депутатов, крестьянские комитеты и тому подобное. Получился такой факт, что те основные вопросы (советская власть и диктатура пролетариата), которые занимают теперь внимание сознательных рабочих во всем мире, оказались поставленными практически в конце 1905 г. Если такие выдающиеся представители революционного пролетариата и нефальсифицированного марксизма, как Роза Люксембург, сразу оценили значение этого практического опыта и выступили на собраниях и в печати с критическим анализом его, то громадное большинство официальных представителей официальных социал-демократических и социалистических партий, в том числе и реформисты и люди типа будущих «каутскианцев», «лонгетистов», сторонников Халквита в Америке и т. п., проявили полную неспособность понять значение этого опыта и выполнить свой долг революционеров, т. е. приняться за изучение и пропаганду уроков этого опыта.

В России и большевики и меньшевики тотчас после поражения декабрьского вооруженного восстания 1905 г. принялись за подведение итогов этому опыту. В особенности ускорена была эта работа тем, что в апреле 1906 г. состоялся Стокгольмский так называемый «Объединительный съезд РСДРП», на котором были представлены и формально объединены и меньшевики и большевики. Подготовка к этому съезду велась обеими этими фракциями чрезвычайно энергично. Обе фракции опубликовали до съезда, в начале 1906 г., проекты своих резолюций по всем важнейшим вопросам. Эти проекты, перепечатанные в моей брошюре «Доклад об объединительном съезде Российской социал-демократической рабочей партии (письмо к петер-

бургским рабочим)», Москва, 1906 г. (стр. 110, из коих почти половина — тексты проектов резолюций обеих фракций и окончательно принятых съездом резолюций),—являются главнейшим материалом для ознакомления с тогдашней постановкой вопроса.

Споры о значении советов тогда уже были связаны с вопросом о диктатуре. Большевики еще до октябрьской революции 1905 г. поставили вопрос о диктатуре (см. мою брошюру: «Две тактики социал-демократии в демократической революции», Женева, июль 1905 г., перепечатано в сборнике «За 12 лет»). Меньшевики относились к этому лозунгу—«диктатуре» — отрицательно. Большевики подчеркивали, что советы рабочих депутатов фактически «являлись зачатками революционной власти», как буквально говорил проект большевистской резолюции. Меньшевики признавали значение советов, стояли за «содействие образованию» их и т. д., но не считали их зачатками революционной власти, не говорили вообще о «новой революционной власти» такого или подобного типа, отвергали прямо лозунг диктатуры. Нетрудно видеть, что в с е теперешние разногласия с меньшевиками уже имеются в зародыше в этой постановке вопроса. Нетрудно видеть также, что меньшевики (и русские, и нерусские, вроде каутскианцев, лонгетистов и т. п.) проявляли и проявляют себя в своей постановке данного вопроса как реформисты или оппортунисты, на словах признающие пролетарскую революцию, н а д е л е о т р и ц а ю щ и е с а м о е с у щ е с т в о в а н и е и о с н о в н о е в п о н я т и и «р е в о л ю ц и я».

Еще до революции 1905 г. в названной брошюре «Две тактики» я разбирал довод меньшевиков, которые обвиняли меня в том, что я «подменил незаметным образом понятия: революция и диктатура». Я доказывал подробно, что именно этим обвинением меньшевики обнаруживают свой оппортунизм, свою настоящую политическую натуру, как подголосков либеральной буржуазии, проводников ее влияния внутри пролетариата. «Когда революция становится бесспорной силой, тогда и противники ее начинают признавать революцию», говорил я, указывая (летом 1905 г.) на пример русских либералов, оставшихся монархистами-конституционалистами. Теперь, в 1920 г., можно бы добавить, что в Германии и в Италии либеральные буржуа или, по крайней мере, наиболее образованные и ловкие из них готовы «признать революцию». Но, «признавая» революцию и в то же время отказываясь признать диктатуру определенного класса (или определенных классов), тогдашние русские либералы и меньшевики, теперешние немецкие и итальянские либералы, туратианцы, каутскианцы как раз и обнаруживают этим свой р е ф о р м и з м, свою полную негодность в качестве революционеров.

Ибо, когда революция стала уже бесспорной силой, когда ее «признают» и либералы, когда правящие классы не только видят, но и чувствуют непобедимую мощь угнетенных масс, тогда весь в о п р о с — и для теоретиков и для практических руководителей политики — сводится к точному классовому определению революции. А без понятия «диктатура» н е л ь з я дать

этого точного классового определения. Без подготовки диктатуры нельзя быть революционером на деле. Этой истины не понимали в 1905 г. меньшевики, не понимают в 1920 г. итальянские, немецкие, французские и пр. социалисты, боящиеся строгих «условий» Коммунистического интернационала; боятся — люди, способные признать диктатуру на словах, но неспособные подготовлять ее на деле. И поэтому не будет неуместным воспроизвести подробно напечатанное мною в июле 1905 г. против русских меньшевиков, но относящееся и к меньшевикам западноевропейским 1920 г., разъяснение взглядов Маркса. (я заменяю названия газеты и пр. простым указанием на то, о меньшевиках или о большевиках идет речь).

«Меринг рассказывает в своих примечаниях к изданным им статьям из «Новой рейнской газеты» Маркса в 1848 г., что буржуазная литература делала между прочим такой упрек этой газете: «Новая рейнская газета» будто бы требовала «немедленного введения диктатуры, как единственного средства осуществления демократии»... С вульгарно-буржуазной точки зрения, понятие диктатура и понятие демократия исключают друг друга. Не понимая теории борьбы классов, привыкнув видеть на политической арене мелкую свару разных кружков и котерий буржуазии, буржуа понимает под диктатурой отмену всех свобод и гарантию демократии, всяческий произвол, всякое злоупотребление властью в интересах личности диктатора. В сущности, именно эта вульгарно-буржуазная точка зрения сквозит и у наших меньшевиков, которые объясняют пристрастие большевиков к лозунгу «диктатура» тем, что Ленин «страстно желает попытать счастье»... Чтобы разъяснить меньшевикам понятие диктатуры личности и задачи демократической диктатуры в отличие от социалистической, небесполезно будет остановиться на взглядах «Новой рейнской газеты».

«Всякое временное государственное устройство — писала «Новая рейнская газета» 14 сентября 1848 г. — после революции требует диктатуры и притом энергичной диктатуры. Мы с самого начала ставили Кампгаузену (главе министерства после 18 марта 1848 г.) в упрек, что он не выступил диктаторски, что он не разбил тотчас же и не удалил остатков старых учреждений. И вот в то время, как г. Кампгаузен убаюкивал себя конституционными иллюзиями, разбитая партия (т. е. партия реакции) укрепила свои позиции в бюрократии и в армии, стала даже отваживаться то здесь, то там на открытую борьбу».

«В этих словах, справедливо говорит Меринг, резюмировано в немногих положениях то, что подробно развивала «Новая рейнская газета» в длинных статьях о министерстве Кампгаузена. Что же говорят нам эти слова Маркса? Что временное революционное правительство д о л ж н о выступать диктаторски (положение, которого никак не могли понять меньшевики, чуравшиеся лозунга: диктатура); — что задача этой диктатуры — уничтожение остатков старых учреждений (именно то, что указано ясно в резолюции III Съезда РСДРП (большевиков) о борьбе с контрреволюцией,

и что опущено в резолюции меньшевиков, как мы показали выше). Наконец, в-третьих, из этих слов следует, что Маркс бичевал буржуазных демократов за «конституционные иллюзии» в эпоху революции и открытой гражданской войны. Каков смысл этих слов, видно особенно наглядно из статьи «Новой рейнской газеты» от 6 июня 1848 г. «Учредительное народное собрание,— писал Маркс, — должно быть прежде всего активным, революционно-активным собранием. А франкфуртское собрание занимается школьными упражнениями в парламентаризме и предоставляет правительству действовать. Допустим, что этому ученому собору удалось бы после зрелого обсуждения выработать наилучший порядок дня и наилучшую конституцию. Какой толк будет от наилучшего порядка дня и от наилучшей конституции, если немецкие правительства в это время поставили уже штык в порядок дня?».

«Вот каков смысл лозунга: диктатура...»

«Великие вопросы в жизни народов решаются только силой. Сами реакционные классы прибегают обыкновенно первые к насилию, к гражданской войне, «ставят в порядок дня штык», как сделало русское самодержавие и продолжает делать систематически и неуклонно, везде и повсюду, начиная с 9 января. А раз такое положение создалось, раз штык действительно стал во главе политического порядка дня, раз восстание оказалось необходимым и неотложным,—тогда конституционные иллюзии и школьные упражнения в парламентаризме становятся только прикрытием буржуазного предательства революции, прикрытием того, как «отшатывается» буржуазия от революции. Действительно революционный класс должен тогда выдвинуть именно лозунг диктатуры».

Так рассуждали большевики о диктатуре до октябрьской революции 1905 г.

После опыта этой революции мне пришлось подробно рассматривать вопрос о диктатуре в брошюре: «Победа кадетов и задачи рабочей партии», Петроград, 1906 г. (брошюра помечена 28 марта 1906 г.). Из этой брошюры я приведу все наиболее существенные рассуждения, оговариваясь, что изменяю ряд собственных имен просто указанием на то, о кадетах ли или меньшевиках идет речь. Вообще говоря, брошюра направлена против кадет и частью — против беспартийных либералов, полукадетов, полуменьшевиков. Но по сути дела все сказанное о диктатуре относится именно к меньшевикам, которые на каждом шагу скатывались к кадетам по этому вопросу.

«В то самое время, когда замирали выстрелы в Москве, когда военно-полицейская диктатура праздновала свои бешеные оргии, когда экзекуции и массовые истязания шли по всей России, — в прессе кадетов раздавались речи против насилия слева, против забастовочных комитетов революционных партий. Торгующие наукой за счет Дубасовых, кадетские профессора доходили до того, что переводили слово диктатура словом усиленная охрана. «Люди науки» даже свою гимназическую латынь извращали, чтобы принизить революционную борьбу. Диктатура означает — примите это раз навсегда к сведению, господа кадеты,—неограниченную, опирающуюся на силу, а не

на закон, власть. Во время гражданской войны всякая победившая власть может быть только диктатурой. Но дело в том, что бывает диктатура меньшинства над большинством, полицейской кучки над народом, и бывает диктатура гигантского большинства народа над кучкой насильников, грабителей и узурпаторов народной власти. Своим вульгарным извращением научного понятия диктатура, своими воплями против насилия слева в эпоху разгула самого беззаконного, самого подлого насилия справа господа кадеты воочию показали, какова позиция «соглашателей» в обостренной революционной борьбе. «Соглашатель» трусливо прячется, когда борьба разгорается. Когда победил революционный народ (17 октября), «соглашатель» вылезает из норы, хвастливо охорашивается, языкоблудствует во-всю и кричит до исступления: То была «славная» политическая забастовка! Когда побеждает контрреволюция,—«соглашатель» начинает осыпать побежденных лицемерными увещаниями и назиданиями. Победившая забастовка была «славная». Побежденные забастовки были преступные, дикие, бессмысленные, анархические. Побежденное восстание было безумием, разгулом стихии, варварством, нелепостью. Одним словом, политическая совесть и политический ум «соглашателя» состоит в том, чтобы пресмыкаться пред тем, кто сейчас сильнее, чтобы путаться в ногах у борющихся, мешать то одной, то другой стороне, притуплять борьбу и отуплять революционное сознание народа, ведущего отчаянную борьбу за свободу».

Далее. Чрезвычайно своевременно будет привести разъяснение по вопросу о диктатуре, направленное против господина Р. Бланка. Этот Р. Бланк излагал в меньшевистской по существу, но беспартийной формально газете 1906 г. взгляды меньшевиков, хваля их за то, что они «стремятся направить русское социал-демократическое движение на тот путь, по которому движется интернациональная социал-демократия, во главе с великой социал-демократической партией Германии».

Другими словами, Р. Бланк, как и кадеты, противополагал большевикам, как неразумным, не-марксистским, бунтарским и т. п. революционерам, «разумных» меньшевиков, выдавая германскую социал-демократическую партию за меньшевистскую. Это — обычный прием международного течения социал-либералов, пацифистов и пр., восхваляющих во всех странах реформисто-оппортунистов, каутскианцев, лонгетистов, как «разумных» социалистов, в противовес «безумию» большевиков.

Вот как я отвечал г. Р. Бланку в названной брошюре: «Господин Бланк сопоставляет два периода русской революции: первый обнимает, примерно, октябрь—декабрь 1905 г. Это период революционного вихря. Второй—теперешний период, который мы, конечно, вправе назвать периодом кадетских побед на выборах в Думу или, пожалуй, если рискнуть забежать вперед, периодом кадетской Думы».

«Про этот период господин Бланк говорит, что наступила снова очередь мысли и разума, и можно вернуться к сознательной, планомерной, систематической деятельности. Первый же период господин Бланк характеризует,

наоборот, как период расхождения теории и практики. Исчезли все социал-демократические принципы и идеи, была забыта тактика, всегда проповедывавшаяся учредителями русской социал-демократии, были даже вырваны с корнем самые устои социал-демократического миросозерцания».

«Это основное утверждение господина Бланка — чисто фактического характера. Вся теория марксизма разошлась с «практикой» периода революционного вихря».

«Так ли это? Какой первый и главный «устой» марксистской теории? Тот, что единственным до конца революционным классом современного общества, и потому передовым, во всякой революции является пролетариат. Спрашивается, не вырвал ли с корнем революционный вихрь этого «устоя» с.-д. миросозерцания? Наоборот, вихрь подтвердил его самым блистательным образом. Именно пролетариат и был главным, почти единственным вначале, борцом этого периода. Чуть ли не впервые в мировой истории буржуазная революция ознаменовалась крупнейшим, невиданным даже в более развитых капиталистических странах, применением чисто пролетарского орудия борьбы: массовой политической стачки. Пролетариат пошел на борьбу, непосредственно революционную, в такое время, когда господа кадеты и господа Бланки звали итти в булыгинскую Думу, когда кадетские профессора звали студентов учиться. Пролетариат своим пролетарским орудием борьбы завоевал в России всю ту, с позволения сказать, «конституцию», которую с тех пор только портили, урезывали и обкарнывали. Пролетариат применил в октябре 1905 г. тот тактический прием борьбы, о котором *за полгода* говорила резолюция *большевистского* III съезда РСДРП, обращавшая усиленное внимание на важность сочетания массовой политической стачки с восстанием; именно этим сочетанием и характеризуется весь период «революционного вихря», вся последняя четверть 1905 г. Таким образом, наш идеолог мелкой буржуазии извратил действительность самым беззастенчивым, самым вопиющим образом. Он не указал ни единого факта, свидетельствующего о расхождении марксистской теории и практического опыта «революционного вихря»; он попытался затушевать основную черту этого вихря, давшую блистательнейшее подтверждение «всех социал-демократических принципов и идей», «всех устоев социал-демократического миросозерцания».

«Какова, однако, действительная причина, побудившая господина Бланка притти к чудовищно-неверному мнению, будто в период «вихря» исчезли все марксистские принципы и идеи? Рассмотрение этого обстоятельства очень интересно; оно разоблачает перед нами еще и еще раз истинную природу мещанства в политике.

«В чем состояло главное отличие периода «революционного вихря» от теперешнего, «кадетского» периода с точки зрения различных приемов политической деятельности, с точки зрения разных методов исторического творчества народов? Прежде всего и главным образом в том, что в период «вихря» применялись некоторые особые методы этого творчества, чуждые иным периодам политической жизни. Вот наиболее существенные из этих методов:

1) «захват» народом политической свободы,—осуществление ее, без всяких прав и законов и без всяких ограничений (свобода собраний хотя бы в университетах, свобода печати, союзов, съездов и т. д.); 2) создание новых органов революционной власти, — советы рабочих, солдатских, железнодорожных, крестьянских депутатов, новые сельские и городские власти и пр. и т. п. Эти органы создавались исключительно революционными слоями населения, они создавались вне всяких законов и норм всецело революционным путем, как продукт самобытного народного творчества, как проявление самодеятельности народа, избавившегося или избавляющегося от старых полицейских пут. Это были, наконец, именно органы власти, несмотря на всю их зачаточность, стихийность, неоформленность, расплывчатость в составе и в функционировании. Они действовали как власть, захватывая, например, типографии (Петербург), арестуя чинов полиции, препятствовавших революционному народу осуществлять свои права (примеры бывали тоже в Петербурге, где соответствующий орган новой власти был наиболее слаб, а старая власть наиболее сильна). Они действовали как власть, обращаясь ко всему народу с призывом не давать денег старому правительству. Они конфисковывали деньги старого правительства (железнодорожные стачечные комитеты на юге) и обращали их на нужды нового, народного правительства, — да, это были несомненно зародыши нового, народного, или, если хотите, революционного правительства. По своему социально-политическому характеру, это была, в зачатке, диктатура революционных элементов народа, вы удивляетесь, господин Бланк и господин Кизеветтер? Вы не видите здесь «усиленной охраны», равнозначащей для буржуа диктатуре? Мы уже говорили вам, что вы не имеете никакого представления о научном понятии: диктатура. Мы сейчас объясним вам его, но сначала укажем третий «метод» действия эпохи «революционного вихря»: применение народом насилия по отношению к насильникам над народом.

«Описанные нами органы власти были, в зародыше, диктатурой, ибо эта власть не признавала никакой другой власти и никакого закона, никакой нормы, от кого бы то ни было исходящей. Неограниченная, внезаконная, опирающаяся на силу, в самом прямом смысле слова, власть, — это и есть диктатура. Но сила, на которую опиралась и стремилась опереться эта новая власть, была не силой штыка, захваченного горсткой военных, не силой «участка», не силой денег, не силой каких бы то ни было прежних, установившихся учреждений. Ничего подобного. Ни оружия, ни денег, ни старых учреждений у новых органов новой власти не было. Их сила—можете себе представить, г. Бланк и г. Кизеветтер?—ничего не имела общего со старыми орудиями силы, ничего общего с «усиленной охраной», если не иметь в виду усиленной охраны народа от угнетения его полицейскими и другими органами старой власти.

«На что же опиралась эта сила? Она опиралась на народную массу. Вот основное отличие этой новой власти от всех прежних органов старой власти.

Те были органами власти меньшинства над народом, над массой рабочих и крестьян. Это были органы власти народа, рабочих и крестьян над меньшинством, над горсткой полицейских насильников, над кучкой привиллегированных дворян и чиновников. Таково отличие диктатуры над народом от диктатуры революционного народа, запомните это хорошенько, г. Бланк и г. Кизеветтер! Старая власть, как диктатура меньшинства, могла держаться исключительно при помощи полицейских ухищрений, исключительно при помощи удаления, отстранения народной массы от участия во власти, от наблюдения за властью. Старая власть систематически не доверяла массе, боялась света, держалась обманом. Новая власть, как диктатура огромного большинства, могла держаться и держалась исключительно при помощи доверия огромной массы, исключительно тем, что привлекала самым свободным, самым широким и самым сильным образом всю массу к участию во власти. Ничего скрытого, ничего тайного, никаких регламентов, никаких формальностей. Ты — рабочий человек? Ты хочешь бороться за избавление России от горстки полицейских насильников? Ты — наш товарищ. Выбирай своего депутата, сейчас же, немедленно; выбирай, как считаешь удобным, — мы охотно и радостно примем его в полноправные члены совета рабочих депутатов, крестьянского комитета, совета солдатских депутатов и пр. и т. п. Это власть, открытая для всех, делающая все на виду у массы, доступная массе, исходящая непосредственно от массы, прямой и непосредственный орган народной массы и ее воли.—Такова была новая власть, или, вернее, ее зачатки, ибо победа старой власти затоптала побеги молодого растения очень рано.

«Вы спросите может быть, г. Бланк или г. Кизеветтер, зачем же тут «диктатура», зачем «насилие»? Разве же огромная масса нуждается в насилии против горстки, разве десятки и сотни миллионов могут быть диктаторами над тысячей, над десятком тысяч?

«Этот вопрос обычно задают люди, первый раз увидавшие применение термина диктатура в новом для них значении. Люди привыкли видеть только полицейскую власть и только полицейскую диктатуру. Им странным кажется, что может быть власть без всякой полиции, может быть диктатура неполицейская. Вы говорите, что миллионам не нужно насилия против тысяч? Вы ошибаетесь, и ошибаетесь от того, что рассматриваете явление не в его развитии. Вы забываете, что новая власть не с неба сваливается, а вырастает, возникает наряду со старой, против старой власти, и в борьбе против нее. Без насилия по отношению к насильникам, имеющим в руках орудия и органы власти, нельзя избавить народ от насильников.

«Вот вам простенький примерчик, г. Бланк и г. Кизеветтер, чтобы вы могли усвоить эту, недоступную кадетскому разуму, «головокружительную» для кадетской мысли, премудрость. Представьте себе, что Аврамов увечит и истязует Спиридонову. На стороне Спиридоновой, допустим, есть десятки и сотни невооруженных людей. На стороне Аврамова горстка казаков. Что сделал бы народ, если бы истязания Спиридоновой происходили не в застенке?

Он применил бы насилие по отношению к Аврамову и его свите. Он пожертвовал бы, может быть, несколькими борцами, застреленными Аврамовым, но силой все-таки обезоружил бы Аврамова и казаков, причем, очень вероятно, убил бы на месте некоторых из этих, с позволения сказать, людей, а остальных засадил бы в какую-нибудь тюрьму, чтобы помешать им безобразничать дальше и чтобы отдать их на народный суд.

«Вот видите, г. Блапк и г. Кизеветтер: когда Аврамов с казаками истязует Спиридонову, это есть военно-полицейская диктатура над народом. Когда революционный (способный на борьбу с насильниками, а не только на увещания, назидания, сожаления, осуждения, хныканье и нытье, не мещански-ограниченный, а революционный) народ применяет насилие к Аврамову и Аврамовым, — это есть диктатура революционного народа. Это есть диктатура, ибо это есть власть народа над Аврамовым, власть, не ограниченная никакими законами (мещанин, пожалуй, был бы против того, чтобы силой отбить Спиридонову от Аврамова: дескать, не по «закону» это! Есть ли у нас такой «закон», чтобы убивать Аврамова? Не создали ли некоторые идеологи мещанства теории непротивления злу насилием?). Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем неограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть. Не что иное, как это, означает понятие: «диктатура», — запомните хорошенько, гг. кадеты. Далее, во взятом нами примере мы видим диктатуру именно народа, ибо народ, масса населения, неоформленная, «случайно» собравшаяся в данном месте, сама и непосредственно выступает на сцену, сама чинит суд и расправу, применяет власть, творит новое революционное право. Наконец, это есть диктатура именно революционного народа. Почему только революционного, а не всего народа? Потому, что во всем народе, страдающем постоянно и самым жестким образом от подвигов Аврамовых, есть люди, забитые физически, запуганные, люди, забитые нравственно, — например, теорией о непротивлении злу насилием, или просто забитые не теорией, а предрассудком, обычаем, рутиной, люди равнодушные, то, что называется обыватели, мещане, которые более способны отстраниться от острой борьбы, пройти мимо или даже спрятаться (как бы тут, в драке-то, не влетело!). Вот почему диктатуру осуществляет не весь народ, а только революционный народ, нисколько не боящийся однако всего народа, открывающий всему народу причины своих действий и все подробности их, привлекающий охотно весь народ к участию не только в «управлении» государством, но и во власти, и к участию в самом устройстве государства.

«Таким образом, взятый нами простой пример содержит в себе все элементы научного понятия: «диктатура революционного народа», а также понятия: «военно-полицейская диктатура». От этого простого примера, доступного даже ученому кадетскому профессору, мы можем перейти к более сложным явлениям общественной жизни.

«Революция, в узком, непосредственном значении этого слова, есть именно такой период народной жизни, когда веками накопившаяся злоба

на подвиги Аврамовых прорывается наружу в действиях, а не словах, и в действиях миллионных народных масс, а не отдельных лиц. Народ просыпается и поднимается для освобождения себя от Аврамовых. Народ избавляет бесчисленных Спиридоновых русской жизни от Аврамовых, применяет насилие к Аврамовым, берет власть над Аврамовыми. Это происходит, конечно, не так просто и не так «сразу», как в примере, упрощенном нами для г. профессора Кизеветтера, — эта борьба народа с Аврамовыми, борьба в узком, непосредственном смысле, это сбрасывание с народа Аврамовых растягивается на месяцы и годы «революционного вихря». Это сбрасывание народом с себя Аврамовых и есть реальное содержание того, что называется великой российской революцией. Это сбрасывание, если рассмотреть его со стороны методов исторического творчества, происходит в тех формах, которые мы сейчас только описывали, говоря о революционном вихре, именно: захват народом свободы политической, т. е. такой свободы, осуществлению которой препятствовали Аврамовы;—создание народом новой, революционной власти, власти над Аврамовыми, власти над насильниками старого полицейского уклада;—применение народом насилия по отношению к Аврамовым для устранения, обезоружения и обезвреживания этих диких собак, всех Аврамовых, Дурново, Дубасовых, Минов и проч. и т. п.

«Хорошо ли это, что народ применяет такие незаконные, неупорядоченные, непланомерные и несистематические приемы борьбы, как захват свободы, создание новой, формально никем не признанной и революционной, власти, применяет насилие над угнетателями народа? Да, это очень хорошо. Это — высшее проявление народной борьбы за свободу. Это — та великая пора, когда мечты лучших людей России о свободе претворяются в д е л о, дело самих народных масс, а не одиночек-героев. Это так же хорошо, как хорошо освобождение толпой (в нашем примере) Спиридоновой от Аврамова, насильственное разоружение и обезвреживание Аврамова.

«Но вот тут-то мы и подходим к центральному пункту кадетски скрытых мыслей и опасений. Кадет потому и является идеологом мещанства, что он на политику, на освобождение всего народа, на революцию переносит точку зрения того обывателя, который в нашем примере истязания Аврамовым Спиридоновой удерживал бы толпу, советовал бы не нарушать закона, не торопиться с освобождением жертв из рук палача, действующего от имени законной власти. Конечно, в нашем примере такой обыватель был бы прямо нравственным уродом, а в применении ко всей общественной жизни нравственное уродство мещанина есть качество, повторяем, совсем не личное, а социальное, обусловленное, может быть, крепко засевшими в голову предрассудками буржуазно-филистерской науки права.

«Почему г. Бланк считает даже не требующим доказательства, что в период «вихря» были забыты все марксистские принципы? Потому, что он извращает марксизм в брентанизм, считая не марксистскими такие «принципы», как захват свободы, как создание революционной власти, как приме-

нение насилия народом. Такой взгляд сквозит во всей статье г. Бланка, да и не одного Бланка, а всех кадетов, всех расхваливающих ныне за любовь к кадетам Плеханова, писателей либерального и радикального лагеря вплоть до бернштейнианцев из «Без заглавия» г. Прокоповича, Кусковой и tutti quanti.

«Рассмотрим, как возник этот взгляд и почему он должен был возникнуть.

«Возник он непосредственно из бернштейнианского или, шире, оппортунистического понимания западноевропейской социал-демократии. Те ошибки этого понимания, которые систематически и по всей линии разоблачили «ортодоксы» на Западе, переносятся теперь «под шумок», под другим соусом и по другому поводу, в Россию. Бернштейнианцы принимали и принимают марксизм за исключением его непосредственно революционной стороны. Парламентскую борьбу они рассматривают не как одно из средств борьбы, пригодное особенно в определенные исторические периоды, а как главную и почти исключительную форму борьбы, делающую ненужным «насилие», «захваты», «диктатуру». Вот это пошлое мещанское извращение марксизма и переносят теперь в Россию тг. Бланки и проч. либеральные хвалители Плеханова. Они так сжились с этим извращением, что не считают даже нужным доказывать забвение марксистских принципов и идей в период революционного вихря.

«Почему должен был возникнуть такой взгляд? Потому, что он самым глубоким образом соответствует классовому положению и интересам мелкой буржуазии. Идеолог «очищенного» буржуазного общества допускает все методы борьбы социал-демократии, кроме именно тех, которые применяет революционный народ в эпохи «вихря», и которые одобряет и помогает применять революционная социал-демократия. Интересы буржуазии требуют участия пролетариата в борьбе с самодержавием, но только такого участия, которое бы не переходило в главенство пролетариата и крестьянства, только такого участия, которое бы не устраняло совершенно старых, самодержавно-крепостнических и полицейских органов власти. Буржуазия хочет сохранить эти органы, лишь подчинив их своему непосредственному контролю, — они нужны ей против пролетариата, которому слишком облегчило бы его пролетарскую борьбу полное уничтожение этих органов. Вот почему интересы буржуазии, как класса, требуют монархии и верхней палаты, требуют недопущения диктатуры революционного народа. Борись с самодержавием, говорит буржуазия пролетариату, но не трогай старых органов власти, — они мне нужны. Борись «парламентски», т. е. в тех пределах, которые я предпишу тебе по соглашению с монархией, борись посредством организаций, — только не таких, как всеобщие стачечные комитеты, советы рабочих, солдатских депутатов и т. п., а посредством таких, которые признает и ограничивает, обезвреживает по отношению к капиталу закон, изданный мной по соглашению с монархией.

«Понятно отсюда, почему о периоде «вихря» буржуазия говорит с пренебрежением, презрением, злобой, ненавистью, — а о периоде охраняемого Дубасовым конституционализма с восторгом, упоением, с бесконечной мещанской влюбленностью... в реакцию. Это — все то же постоянное и неизменное качество кадетов: стремление опереться на народ и боязнь его революционной самодеятельности.

«Понятно также, почему буржуазия боится пуще огня повторения «вихря», почему она игнорирует и затушевывает элементы нового революционного кризиса, почему поддерживает и распространяет в народе конституционные иллюзии.

«Теперь мы вполне объяснили, почему г. Бланк и ему подобные объявляют, что в период «вихря» были забыты все марксистские принципы и идеи. Г. Бланк, как и все мещане, признает марксизм з а в ы ч е т о м его революционной стороны, — признает социал-демократические приемы борьбы з а в ы ч е т о м самых революционных и непосредственно революционных приемов.

«Отношение г. Бланка к периоду «вихря» до последней степени характерно как иллюстрация буржуазного непонимания пролетарских движений, буржуазной боязни перед острой и решительной борьбой, буржуазной ненависти ко всем проявлениям крутого, ломающего старые учреждения, революционного в непосредственном смысле слова способа решения социально-исторических вопросов. Г. Бланк выдал себя, выдал сразу всю свою буржуазную ограниченность. Он слыхал и читал, что социал-демократы в период «вихря» делали «ошибки», — он поспешил заключить и заявить с апломбом, безапелляционно, голословно, что все «принципы» марксизма (о которых он и понятия не имеет!) были забыты. Мы заметим по поводу этих «ошибок»: разве был такой период в развитии рабочего движения, в развитии социал-демократии, когда бы не было делаемо тех или иных ошибок? когда бы не наблюдались те или иные уклонения вправо или влево? разве история парламентского периода германской социал-демократической борьбы — того периода, который всем ограниченным буржуа на всем свете кажется пределом, его же не прейдеши! — не полна таких ошибок? Если бы г. Бланк не был круглым невеждой в вопросах социализма, он легко вспомнил бы и Мюльбергера, и Дюринга, и вопрос о пароходной субсидии *, и «молодых», и бернштейниаду, и многое, многое другое. Но г. Бланку важно не изучение действительного хода развития социал-демократии, ему нужно только принизить пролетарский размах борьбы, чтобы возвеличить буржуазную убогость своей кадетской партии.

«На самом деле, если мы взглянем на дело с точки зрения уклонения социал-демократии с ее обычного, «нормального», пути, то мы увидим, что

* Имеется в виду дискуссия, возникшая в 1887 г. в рядах германской социал-демократии по поводу отношения большинства с.-д. фракции германского рейхстага к правительственной субсидии пароходным обществам. (Подробнее об этом см. Ленин, соч., XXV, 2 изд., прим. 210.) — *Прим. сост.*

и в этом отношении период «революционного вихря» показывает б о́ л ь ш у ю, а не меньшую, по сравнению с прежним, сплоченность и идейную цельность социал-демократии. Тактика эпохи «вихря» не отдалила, а сблизила оба крыла социал-демократии. Вместо былых разногласий получилось единство взглядов по вопросу о вооруженном восстании. Социал-демократы обеих фракций работали в советах рабочих депутатов, этих своеобразных органах зачаточной революционной власти, привлекали солдат, крестьян к этим советам, издавали революционные манифесты совместно с мелкобуржуазными революционными партиями. Былые споры эпохи дореволюционной сменились солидарностью по практическим вопросам. Подъем революционной волны отодвинул разногласия, заставив признать боевую тактику, устранив вопрос о Думе, поставив на очередь вопрос о восстании, сблизив на непосредственной ближайшей работе социал-демократию и революционную буржуазную демократию. В «Северном Голосе» меньшевики вместе с большевиками звали к стачке и восстанию, звали рабочих не прекращать борьбы, пока власть не будет в их руках. Революционная обстановка подсказывала сама практические лозунги. Споры касались лишь деталей в оценке событий: «Начало», например, рассматривало советы рабочих депутатов как органы революционных самоуправлений. «Новая Жизнь» — как зачаточные органы революционной власти, соединявшие пролетариат и революционную демократию. «Начало» склонялось к диктатуре пролетариата. «Новая Жизнь» стояла на точке зрения демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Но разве таких и подобных разногласий внутри социал-демократии не показывает нам любой период в развитии любой европейской социалистической партии?

«Нет, извращение дела г. Бланком, его вопиющее искажение истории вчерашнего дня объясняется тем и только тем, что перед нами образчик самодовольной буржуазной пошлости, которому периоды революционного вихря кажутся безумием («забыты все принципы», «сама мысль и простой разум почти исчезают»), а периоды подавления революции и мещанского «прогресса» (охраняемого Дубасовыми) кажутся эпохой разумной, сознательной и планомерной деятельности. Эта сравнительная оценка двух периодов (периода «вихря» и периода кадетского) красной нитью проходит через всю статью г. Бланка. Когда история человечества подвигается вперед со скоростью локомотива, это — «вихрь», «поток», «исчезновение» всех «принципов» и «идей». Когда история движется с быстротой гужевой перевозки, это — сам разум и сама планомерность. Когда народные массы сами, со всей своей девственной примитивностью, простой, грубоватой решительностью, начинают творить историю, воплощать в жизнь прямо и немедленно «принципы и теории», — тогда буржуа чувствует страх и вопит, что «разум отступает на задний план» (не наоборот ли, о герои мещанства! не выступает ли в истории именно в такие моменты разум масс, а не разум отдельных личностей? не становится ли именно тогда массовый разум живой, действенной, а не кабинетной силой?). Когда непосредственное движение масс при-

давлено расстрелами, экзекуциями, порками, безработицей и голодовкой, когда вылезают из щелей клопы содержимой на дубасовские деньги профессорской науки и начинают вершить дела з а народ от имени масс, продавая и предавая их интересы горсткам привилегированных,— тогда рыцарям мещанства кажется, что наступила эпоха успокоенного и спокойного прогресса, «наступила очередь мысли и разума». Буржуа всегда и везде верен себе: возьмете ли вы «Полярную Звезду» или «Нашу Жизнь», прочтете ли Струве или Бланка, везде одно и то же, везде эта ограниченная, профессорски-педантская, чиновнически-мертвенная оценка революционных и реформистских периодов. Первые — периоды безумия, tolle Jahre, исчезновение мысли и разума. Вторые — периоды «сознательной, систематической» деятельности.

«Не перетолковывайте моих слов. Не говорите, что я веду речь о предпочтении господами Бланками тех или иных периодов. Дело вовсе не в предпочтении, — от нашего субъективного предпочтения не зависит смена исторических периодов. Дело в том, что в а н а л и з е с в о й с т в того или иного периода (совершенно независимо от нашего предпочтения или от наших симпатий) гг. Бланки бессовестно и з в р а щ а ю т п р а в д у. Дело в том, что именно революционные периоды отличаются большей широтой, большим богатством, большей сознательностью, большей планомерностью, большей систематичностью, большей смелостью и яркостью исторического творчества по сравнению с периодом мещанского, кадетского, реформистского прогресса. А гг. Бланки изображают дело навыворот. Они убожество выдают за исторически творческое богатство. Они бездеятельность задавленных или придавленных масс рассматривают как торжество «систематичности» в деятельности чиновников, буржуев. Они кричат об исчезновении мысли и разума, когда вместо кромсания законопроектов всякими канцелярскими чинушами и либеральными reppy-a-liner-ами (писаками, живущими с построчной платы) наступает период непосредственной политической деятельности «простонародья», которое попросту, прямо, немедленно ломает органы угнетения народа, захватывает власть, берет себе то, что считалось принадлежащим всяким грабителям народа, одним словом, когда именно просыпается мысль и разум миллионов забитых людей, просыпается не для чтения только книжек, а для дела, живого, человеческого дела, для исторического творчества».

Таковы были споры о диктатуре в 1905—1906 гг. в России.

Господа Дитманы, Каутские, Криспины, Гельфердинги в Германии, Лонге и К-о — во Франции, Турати и его друзья — в Италии, Макдональды и Сноудены—в Англии и т. п.—рассуждают о диктатуре, в сущности, совершенно так же, как г. Р. Бланк и кадеты 1905 г. в России. Они не понимают диктатуры, не умеют ее подготовлять, неспособны понять и осуществлять ее.

Ленин, К истории вопроса о диктатуре, Соч., XXV, 2 изд., 431—447.

6. ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного переустройства одного в другое. Этому соответствует и в политике переходный период, во время которого не может быть иного государства, кроме революционной диктатуры пролетариата.

Маркс, Критика Готской программы, 1919, 32.

... Учение Маркса и Энгельса о неизбежности насильственной революции относится к буржуазному государству. Оно смениться государством пролетарским (диктатурой пролетариата) не может путем «отмирания», а может, по общему правилу, лишь насильственной революцией. Панегирик, воспетый ей Энгельсом и вполне соответствующий многократным заявлениям Маркса (вспомним конец «Нищеты философии» и «Коммунистического манифеста» с гордым, открытым заявлением неизбежности насильственной революции; вспомним критику Готской программы 1875 г., почти 30 лет спустя, где Маркс беспощадно бичует оппортунизм этой программы), — этот панегирик отнюдь не «увлечение», отнюдь не декламация, не полемическая выходка. Необходимость систематически воспитывает массы в таком и именно таком взгляде на насильственную революцию лежит в основе всего учения Маркса и Энгельса. Измена их учению господствующими ныне социал-шовинистским и каутскианским течениями особенно рельефно выражается в забвении и теми и другими такой пропаганды, такой агитации.

Смена буржуазного государства пролетарским невозможна без насильственной революции. Уничтожение пролетарского государства, т. е. уничтожение всякого государства, невозможно иначе как путем «отмирания».

Подробное и конкретное развитие этих взглядов Маркс и Энгельс давали изучая каждую отдельную революционную ситуацию, анализируя уроки опыта каждой отдельной революции.

Ленин, Государство и революция, Соч., XIV, ч. 2, I изд., 313.

Сущность учения Маркса о государстве усвоена только тем, кто понял, что диктатура одного класса является необходимой не только для всякого классового общества вообще, не только для пролетариата, свергнувшего буржуазию, но и для целого исторического периода, отделяющего капитализм от «общества без классов», от коммунизма. Формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна: все эти государства являются так или иначе, но в последнем счете обязательно диктатурой буржуазии. Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: диктатура пролетариата.

Ленин, Государство и революция, Соч., XIV, ч. 2, 1 изд., 324.

Теоретически не подлежит сомнению, что между капитализмом и коммунизмом лежит известный переходный период. Он не может не соединять в себе черты или свойства обоих этих укладов общественного хозяйства. Этот переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом, или, иными словами, между побежденным, но неуничтоженным капитализмом и родившимся, но совсем еще слабым, коммунизмом.

Не только для марксиста, но и для всякого образованного человека, знакомого так или иначе с теорией развития, необходимость целой исторической эпохи, которая отличается этими чертами переходного периода, должна быть ясна сама собою. И, однако, все рассуждения о переходе к социализму, которые мы слышим от современных представителей мелкобуржуазной демократии (а таковыми являются, вопреки своему, якобы социалистическому ярлычку, все представители II Интернационала, включая таких людей, как Макдональд и Жан Лонгэ, Каутский и Фридрих Адлер), отличаются полным забвением этой самоочевидной истины. Мелкобуржуазным демократам свойственно отвращение к классовой борьбе, мечтания о том, чтобы обойтись без нее, стремление сгладить и примирить, притупить острые углы. Поэтому такие демократы либо отмахиваются от всякого признания целой исторической полосы перехода от капитализма к коммунизму, либо своей задачей считают выдумку планов примирения обеих борющихся сил, вместо того, чтобы руководить борьбой одной из этих сил.

Ленин, Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата, Соч., XVI, 1 изд., 347.

...Было бы величайшей глупостью и самым вздорным утопизмом полагать, что без принуждения и без диктатуры возможен переход от капитализма к социализму. Теория Маркса против этого мелкобуржуазно-демократического и анархического вздора выступала очень давно и с полнейшей определенностью. И Россия 1917—1918 гг. подтверждает теорию Маркса в этом отношении с такой наглядностью, осязательностью и внушительностью, что только люди, безнадежно тупые или упорно решившие отвернуться от правды, могут еще заблуждаться в этом отношении. Либо диктатура Корнилова (если взять его за русский тип буржуазного Кавеньяка), либо диктатура пролетариата — об ином выходе для страны, проделывающей необычайно быстрое развитие с необычайно крутыми поворотами, при отчаянной разрухе, созданной мучительнейшей из войн, *не может быть иначе*. Все средние решения — либо обман народа буржуазией, которая не может сказать правды, не может сказать, что ей нужен Корнилов, либо тупость мелкобуржуазных демократов, Черновых, Церетелли и Мартовых, с их болтовней об единстве демократии, диктатуре демократии, общедемократическом фронте и т. п. чепухе. Кого даже ход русской революции 1917—1918 гг. не научил тому, что невозможны средние решения, на того надо махнуть рукой.

С другой стороны, нетрудно убедиться, что при всяком переходе от капитализма к социализму диктатура необходима по двум главным причинам или в двух главных направлениях. Во-первых, нельзя победить и искоренить капитализма без беспощадного подавления сопротивления эксплоататоров, которые сразу не могут быть лишены их богатства, их преимущества организованности и знания, а, следовательно, в течение довольно долгого периода неизбежно будут пытаться свергнуть ненавистную власть бедноты. Во-вторых, всякая великая революция, а социалистическая в особенности, даже если бы не было войны внешней, немыслима без войны внутренней, т. е. гражданской войны, означающей еще большую разруху, чем война внешняя, означающей тысячи и миллионы случаев колебания и перелетов с одной стороны на другую, означающей состояние величайшей неопределенности, неуравновешенности, хаоса. И разумеется все элементы разложения старого общества, неизбежно весьма многочисленные, связанные преимущественно с мелкой буржуазией (ибо ее всякая война и всякий кризис разоряет и губит прежде всего), не могут не «показать себя» при таком глубоком перевороте. А «показать себя» элементы разложения *не могут* иначе, как увеличением преступлений, хулиганства, людкуна, спекуляций, безобразий всякого рода. Чтобы сладить с этим, нужно время и *нужна железная рука*.

Не было ни одной великой революции в истории, когда бы народ инстинктивно не чувствовал этого и не проявлял спасительной твердости, расстреливая воров на месте преступления. Беда прежних революций состояла в том, что революционного энтузиазма масс, поддерживающего их напряженное состояние и дающего им силу применять беспощадное подавление элементов разложения, хватало не надолго. Социальной, т. е. классовой, причиной такой непрочности революционного энтузиазма масс была слабость пролетариата, который *один только* в состоянии (если он достаточно многочисленен, сознателен, дисциплинирован), привлечь к себе большинство трудящихся и эксплоатируемых (большинство бедноты, если говорить проще и популярнее) и удержать власть достаточно долгое время для полного подавления и всех эксплоататоров, и всех элементов разложения.

Этот исторический опыт всех революций, этот всемирно-исторический — экономический и политический — урок и подтвердил Маркс, дав краткую, резкую, точную, яркую формулу: диктатура пролетариата. И что русская революция правильно подошла к осуществлению этой всемирно-исторической задачи, это *доказало* победное шествие по всем народам и языцем России советской организации. Ибо советская власть есть не что иное, как организационная форма диктатуры пролетариата, диктатуры передового класса, поднимающего к новому демократизму, к самостоятельному участию в управлении государством десятки и десятки миллионов трудящихся и эксплоатируемых, которые на своем опыте учатся видеть в дисциплинированном и сознательном авангарде пролетариата своего надежнейшего вождя.

Но диктатура есть большое слово. А больших слов нельзя бросать на ветер. Диктатура есть железная власть, революционно-смелая и быстрая, беспощадная в подавлении как эксплоататоров, так и хулиганов. А наша власть — непомерно мягкая, сплошь и рядом больше похожая на кисель, чем на железо. Нельзя забывать ни на минуту, что буржуазная и мелкобуржуазная стихия борется против советской власти двояко: с одной стороны, действуя извне, приемами Савинковых, Гоцов, Гегечкори, Корниловых, заговорами и восстаниями, их грязным «идеологическим» отражением, потоками лжи и клеветы в печати кадетов, правых с.-р. и меньшевиков, с другой стороны, эта стихия действует извнутри, используя всякий элемент разложения, всякую слабость для подкупа, для усиления недисциплинированности, распущенности, хаоса. Чем ближе мы подходим к полному военному подавлению буржуазии, тем опаснее становится для нас стихия мелкобуржуазной анархичности. И борьбу с этой стихией нельзя вести только пропагандой и агитацией, только организацией соревнования, только отбором организаторов, — борьбу надо вести и принуждением.

Ленин, Очередные задачи советской власти, Соч., XV, 1 изд., 213—215.

Переход от капитализма к коммунизму есть целая историческая эпоха. Пока она не закончилась, у эксплоататоров неизбежно остается надежда на реставрацию, а эта **надежда** превращается в **попытки** реставрации. И после первого серьезного поражения свергнутые эксплоататоры, которые не ожидали своего свержения, не верили в него, не допускали мысли о нем, с удесятеренной энергией, с бешеной страстью, с ненавистью, возросшей во сто крат, бросаются в бой за возвращение отнятого «рая», за их семьи, которые жили так сладко и которые теперь «простонародная сволочь» осуждает на разорение и нищету (или на «простой» труд...). А за эксплоататорами-капиталистами тянется широкая масса мелкой буржуазии, про которую десятки лет исторического опыта всех стран свидетельствуют, что она шатается и колеблется, сегодня идет за пролетариатом, завтра пугается трудностей переворота, впадает в панику от первого поражения или полупоражения рабочих, нервничает, мечется, хныкает, перебегает из лагеря в лагерь... как наши меньшевики и эсеры.

Ленин, Пролетарская революция и ренегат Каутский, Соч., XV, 1 изд., 467.

Развитие вперед, т. е. к коммунизму, идет через диктатуру пролетариата и иначе итти не может, ибо **сломить сопротивление** эксплоататоров-капиталистов больше некому и иным путем нельзя.

А диктатура пролетариата, т. е. организация авангарда угнетенных в господствующий класс для подавления угнетателей, не может дать просто только расширения демократии. **Вместе** с громадным расширением демократизма, **впервые** становящегося демократизмом для бедных, демократизмом для народа, а не демократизмом для богатеньких, диктатура проле-

тариата дает ряд изъятий из свободы по отношению к угнетателям, эксплоататорам, капиталистам. Их мы должны подавить, чтобы освободить человечество от наемного рабства, их сопротивление надо сломить силой, — ясно, что там, где есть подавление, есть насилие, — нет свободы, нет демократии.

Энгельс прекрасно выразил это в письме к Бебелю, сказав, как вспомнит читатель, что «пролетариат нуждается в государстве не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда можно будет говорить о свободе, — не будет государства».

Демократия для гигантского большинства народа и подавление силой, т. е. исключение из демократии, эксплоататоров, угнетателей народа,— вот каково видоизменение демократии при переходе от капитализма к коммунизму.

Только в коммунистическом обществе, когда сопротивление капиталистов уже окончательно сломлено, когда капиталисты исчезли, когда нет классов (т. е. нет различия между членами общества по их отношению к общественным средствам производства), — только тогда «исчезнет государство и можно говорить о свободе». Только тогда возможно и будет осуществлена демократия действительно полная, действительно без всяких изъятий. И только тогда демократия начнет отмирать, в силу того простого обстоятельства, что, избавленные от капиталистического рабства, от бесчисленных ужасов, дикостей, нелепостей, гнусностей капиталистической эксплоатации, люди постепенно привыкнут к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без подчинения, без особого аппарата для принуждения, который называется государством.

Выражение «государство отмирает» выбрано очень удачно, ибо оно указывает и на постепенность процесса, и на стихийность его. Только привычка может оказать и несомненно окажет такое действие, ибо мы кругом себя наблюдаем миллион раз, как легко привыкают люди к соблюдению необходимых для них правил общежития, если нет эксплоатации, если нет ничего такого, что возмущает, вызывает протест и восстание, создает необходимость подавления.

Итак: в капиталистическом обществе мы имеем демократию урезанную, убогую, фальшивую, демократию только для богатых, для меньшинства. Диктатура пролетариата, период перехода к коммунизму, впервые даст демократию для народа, для большинства, наряду с необходимым подавлением меньшинства, эксплоататоров. Коммунизм один только в состоянии дать демократию действительно полную, и чем она полнее, тем скорее она станет ненужной, отомрет сама собой.

Другими словами: при капитализме мы имеем государство в собственном смысле слова, особую машину для подавления одного класса другим и притом большинства меньшинством. Понятно, что для успеха такого дела,

как систематическое подавление меньшинством эксплоататоров большинства эксплоатируемых, нужно крайнее свирепство, зверство подавления, нужны моря крови, через которые человечество и ведет свой путь в состоянии рабства, крепостничества, наемничества.

Далее, при переходе от капитализма к коммунизму подавление еще необходимо, но уже подавление меньшинства эксплоататоров большинством эксплоатируемых. Особый аппарат, особая машина для подавления, «государство» еще необходимо, но это уже переходное государство, это уже не государство в собственном смысле, ибо подавление меньшинства эксплоататоров большинством вчерашних наемных рабов, — дело настолько сравнительно легкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови, чем подавление восстаний рабов, крепостных, наемных рабочих, что оно обойдется человечеству гораздо дешевле. И оно совместимо с распространением демократии на такое подавляющее большинство населения, что надобность в особой машине для подавления начинает исчезать. Эксплоататоры, естественное дело, не в состоянии подавить народ без сложнейшей машины для выполнения такой задачи, но народ подавить эксплоататоров может и при очень простой «машине», почти что без «машины», без особого аппарата, простой организацией вооруженных масс (вроде советов рабочих и солдатских депутатов — заметим, забегая вперед).

Наконец, только коммунизм создает полную ненадобность государства, ибо некого подавлять, — «некого» в смысле класса, в смысле систематической борьбы с определенной частью населения. Мы не утописты и нисколько не отрицаем возможности и неизбежности эксцессов отдельных лиц, а равно необходимости подавлять такие эксцессы. Но, во-первых, для этого не нужна особая машина, особый аппарат подавления, это будет делать сам вооруженный народ с такой же простотой и легкостью, с которой любая толпа цивилизованных людей даже в современном обществе разнимает дерущихся или не допускает насилия над женщиной. А, во-вторых, мы знаем, что коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, есть эксплоатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут «отмирать». Мы не знаем, как быстро и в какой постепенности, но мы знаем, что они будут отмирать. С их отмиранием отомрет и государство.

Ленин, Государство и революция, Соч., XIV, ч. 2, 1 над., 369—371.

Что диктатура отдельных лиц очень часто была в истории революционных движений выразителем, носителем, проводником диктатуры революционных классов, об этом говорит непререкаемый опыт истории. С буржуазным демократизмом диктатура отдельных лиц совмещалась несомненно. Но в этом пункте буржуазные хулители советской власти, а равно их мелкобуржуазные подголоски, проявляют всегда ловкость рук: с одной стороны, они объявляют советскую власть просто чем то нелепым

анархически диким, старательно обходя все наши исторические параллели и теоретические доказательства того, что советы суть высшая форма демократизма, даже более: начало социалистической формы демократизма; с другой же стороны, они предъявляют нам требование более высокого, чем буржуазный, демократизма и говорят: с вашим большевистским (т. е. не буржуазным, а социалистическим) советским демократизмом личная диктатура абсолютно несовместима.

Рассуждения из рук вон плохие. Если мы не анархисты, мы должны принять необходимость государства, т. е. принуждения для перехода от капитализма к социализму. Форма принуждения определяется степенью развития данного революционного класса, затем такими особыми обстоятельствами, как, например, наследие долгой и реакционной войны, затем формами сопротивления буржуазии или мелкой буржуазии. Поэтому решительно никакого принципиального противоречия между советским (т. е. социалистическим) демократизмом и применением диктаторской власти отдельных лиц нет. Отличие пролетарской диктатуры от буржуазной состоит в том, что первая направляет свои удары против эксплоататорского меньшинства в интересах эксплоатируемого большинства, затем в том, что первую осуществляют—и через отдельных лиц—не только массы трудящихся и эксплоатируемых, но и организации, построенные так, чтобы именно такие массы будить, поднимать к историческому творчеству (советские организации принадлежат к этого рода организациям).

По второму вопросу, о значении именно единоличной диктаторской власти с точки зрения специфических задач данного момента, надо сказать, что всякая крупная машинная индустрия—т. е. именно материальный производственный источник и фундамент социализма — требует безусловного и строжайшего единства воли, направляющей совместную работу сотен, тысяч и десятков тысяч людей. И технически, и экономически, и исторически необходимость эта очевидна и всеми думавшими о социализме всегда признавалась, как его условие. Но как может быть обеспечено строжайшее единство воли? Подчинением воли тысяч воле одного.

Это подчинение может, при идеальной сознательности и дисциплинированности участников общей работы, напомнить больше мягкое руководство дирижера. Оно может принимать резкие формы диктаторства, если нет идеальной дисциплинированности и сознательности. Но так или иначе беспрекословное подчинение единой воле для успеха процессов работы, организованной по типу крупной машинной индустрии, безусловно необходимо. Для железных дорог оно необходимо вдвойне и втройне. И вот этот переход от одной политической задачи к другой, повнешности на нее совсем не похожей, составляет оригинальность переживаемого момента. Революция только что разбила самые старые, самые прочные, самые тяжелые оковы, которым из-под палки подчинялись массы. Это было вчера, а сегодня та же революция, и именно в интересах социализма, требует беспрекословного повиновения масс единой воли ру-

ководителей трудового процесса. Понятно, что такой переход немыслим сразу. Он осуществим лишь ценою величайших толчков, потрясений, возвратов к старому, громаднейшего напряжения энергии пролетарского авангарда, ведущего народ к новому.

Ленин, Очередные задачи советской власти, Соч., XV, 1 изд., 217—219.

Маркс сходится с Прудоном в том, что они оба стоят за «разбитие» современной государственной машины. Этого сходства марксизма с анархизмом (и с Прудоном, и с Бакуниным) ни оппортунисты, ни каутскианцы не хотят видеть, ибо они отошли от марксизма в этом пункте.

Маркс расходится и с Прудоном и с Бакуниным как раз по вопросу о федерализме (не говоря уже о диктатуре пролетариата). Из мелкобуржуазных воззрений анархизма федерализм вытекает принципиально. Маркс централист. И в приведенных его рассуждениях нет никакого отступления от централизма. Только люди, полные мещанской «суеверной веры» в государство, могут принимать уничтожение буржуазной машины за уничтожение централизма.

Ну, а если пролетариат и беднейшее крестьянство возьмут в руки государственную власть, организуются вполне свободно по коммунам и о б ъ е д и н я т действие всех комун в ударах капиталу, в разрушении сопротивления капиталистов, в передаче частной собственности на железные дороги, фабрики, землю и прочее всей нации, всему обществу, — разве это не будет централизм? Разве это не будет самый последовательный демократический централизм? И притом пролетарский централизм?

Ленин, Государство и революция, Соч., XIV, ч. 2, 1 изд., 339—340.

... Диктатура пролетариата неизбежна, необходима и безусловно обязательна для выхода из капитализма. Диктатура означает не только насилие, хотя она невозможна без насилия, она означает также организацию труда более высокую, чем предыдущая организация...

Распределите хлеб и уголь так, чтобы было заботливое отношение к каждому пуду угля, к каждому пуду хлеба, — вот задача пролетарской дисциплины. Не такая дисциплина, которая держалась бы на палке, как держалась на палке дисциплина у крепостников, или на голоде, как у капиталистов, а товарищеская дисциплина, дисциплина рабочих союзов.

Ленин, Об обмане народа лозунгом свободы и равенства, Соч., XVI, 1 изд., 222.

... Диктатура предполагает применение беспощадно сурового, быстрого и решительного насилия для подавления сопротивления эксплоататоров, капиталистов, помещиков, их прихвостней. Кто не понял этого, тот не революционер, того надо убрать с поста вождей или советчиков пролетариата.

Но не в одном насилии сущность пролетарской диктатуры и не главным образом в насилии. Главная сущность ее в организованности и дисциплинированности передового отряда трудящихся, его авангарда, его единственного руководителя — пролетариата. Его цель — создать социализм, уничтожить деление общества на классы, сделать всех членов общества трудящимся, отнять почву у всякой эксплоатации человека человеком. Эту цель нельзя осуществить сразу, она требует довольно продолжительного переходного периода от капитализма к социализму, — и потому, что реорганизация производства вещь трудная, и потому что нужно время для коренных перемен во всех областях жизни, и потому, что громадная сила привычки к мелкобуржуазному и буржуазному хозяйничанью может быть преодолена лишь в долгой упорной борьбе. Поэтому Маркс и говорит о целом периоде диктатуры пролетариата, как периоде перехода от капитализма к социализму.

В течение всего этого переходного времени сопротивление перевороту будут оказывать и капиталисты, а равно их многочисленные приспешники из буржуазной интеллигенции, сопротивляющиеся сознательно, и громадная масса слишком забитых мелкобуржуазными привычками и традициями трудящихся, крестьян в том числе, сопротивляющихся сплошь да рядом бессознательно. Колебания в этих слоях неизбежны. Крестьянин, как труженик, тянет к социализму, предпочитая диктатуру рабочих диктатуре буржуазии. Крестьянин, как продавец хлеба, тянет к буржуазии, к свободной торговле, т. е. назад к «призванному», старому, «исконному» капитализму.

Нужна диктатура пролетариата, власть одного класса, с силой его организованности и дисциплинированности, его центральная мощь, опирающаяся на все завоевания культуры, науки, техники, капитализма, его пролетарская близость к психологии всякого трудящегося, его авторитет перед распыленным, менее развитым, менее твердым в политике трудящимся человеком из деревни или из мелкого производства, чтобы пролетариат мог в е с т и з а с о б о й крестьянство и все мелкобуржуазные слои вообще. Тут фразерством о «демократии вообще», об «единстве» или об «единстве трудовой демократии», о «равенстве» всех «людей труда» и т. д. и т. п.—этим фразерством, на которое так склонны омещанившиеся социал-шовинисты и каутскианцы — фразерством делу не поможешь. Фразерство только засоряет глаза, ослепляет сознание, укрепляет старую тупость, косность, рутину капитализма, парламентаризма, буржуазной демократии.

Уничтожение классов—дело долгой, трудной, упорной к л а с с о в о й б о р ь б ы, которая п о с л е свержения власти капитала, п о с л е разрушения буржуазного государства, п о с л е установления диктатуры пролетариата не и с ч е з а е т (как воображают пошляки старого социализма и старой социал-демократии), а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее.

Классовой борьбой против сопротивления буржуазии, против косности, рутины, нерешительности, колебаний мелкой буржуазии должен пролета-

риат отстоять свою власть, укрепить свое организующее влияние, добиться «нейтрализации тех слоев, которые боятся отойти от буржуазии и идут слишком нетвердо за пролетариатом, закрепить новую дисциплину, товарищескую дисциплину, трудящихся, их прочную связь с пролетариатом, их объединенность вокруг пролетариата, эту новую дисциплину, новую основу общественной связи, на место крепостнической дисциплины в средние века, на место дисциплины голода, дисциплины «вольно»-наемного рабства при капитализме.

Чтобы уничтожить классы, нужен период диктатуры одного класса, именно того из угнетенных классов, который способен не только свергнуть эксплоататоров, не только подавить беспощадно их сопротивление, но и порвать идейно со всей буржуазно-демократической идеологией, со всем мещанским фразерством насчет свободы и равенства вообще (на деле, как давно показал Маркс, это фразерство означает «свободу и равенство» товаровладельцев «свободу и равенство» капиталиста и рабочего).

Мало того. Только тот из угнетенных классов способен своей диктатурой уничтожить классы, который обучен, объединен, воспитан, закален десятилетиями стачечной и политической борьбы с капиталом,— только тот класс, который усвоил себе всю городскую промышленную крупнокапиталистическую культуру, имеет решимость и способность отстоять ее, сохранить и развить дальше все ее завоевания, сделать их доступными всему народу всем трудящимся,— только тот класс, который сумеет вынести все тяжести, испытания, невзгоды, великие жертвы, неизбежно возлагаемые историей на того, кто рвет с прошлым и смело пробивает себе дорогу к новому будущему,— только тот класс, в котором лучшие люди полны ненависти и презрения ко всему мещанскому и филистерскому, к этим качествам, которые так процветают в мелкой буржуазии, у мелких служащих, у «интеллигенции»,— только тот класс, который «проделал закаляющую школу труда» и умеет внушать уважение к своей трудоспособности всякому трудящемуся, всякому честному человеку.

Ленин, Привет венгерским рабочим, Соч., XVI, 1 изд., 226—228.

Диктатура пролетариата есть руководство политикой со стороны пролетариата. Пролетариат, как руководящий, как господствующий класс, должен уметь направить политику так, чтобы решить в первую голову самую неотложную, самую «больную» задачу. Неотложнее всего теперь меры, способные поднять производительные силы крестьянского хозяйства немедленно. Только через это можно добиться и улучшения положения рабочих, и укрепления союза рабочих с крестьянством, укрепления диктатуры пролетариата. Тот пролетарий или представитель пролетариата, который захотел бы не через это пойти к улучшению положения рабочих, оказался бы на деле пособником белогвардейцев и капиталистов. Ибо итти не через это значит: цеховые интересы рабочих поставить выше классовых инте-

ресов, значит интересам непосредственной, минутной, частичной выгоды рабочих принести в жертву интересы всего рабочего класса, его диктатуры, его союза с крестьянством против помещиков и капиталистов, его руководящей роли в борьбе за освобождение труда от ига капитала.

Итак: в первую голову нужны немедленные и серьезные меры для поднятия производительных сил крестьянства.

Сделать это нельзя без серьезных изменений продовольственной политики. Таковым изменением явилась замена разверстки продналогом, связанная со свободой торговли после уплаты налога, по крайней мере в местном хозяйственном обороте.

Ленин, О продовольственном налоге, Соч., XVIII, ч. 1, 1 изд., 213.

Диктатура пролетариата, если перевести это латинское, научное, историко-философское выражение на более простой язык, означает вот что только определенный класс, именно городские и вообще фабрично-заводские, промышленные рабочие, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплоатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле созидания нового, социалистического, общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов (Заметим в скобках: научное различие между социализмом и коммунизмом только то, что первое слово означает первую ступень вырастающего из капитализма нового общества, второе слово — более высокую, дальнейшую ступень его).

Ошибка «Бернского» желтого интернационала состоит в том, что его вожди признают только на словах классовую борьбу и руководящую роль пролетариата, боясь додумывать до конца, боясь как раз того неизбежного вывода, который особенно страшен для буржуазии и абсолютно неприемлем для нее. Они боятся признать, что диктатура пролетариата есть тоже период классовой борьбы, которая неизбежна, пока не уничтожены классы, и которая меняет свои формы, становясь первое время после свержения капитала особенно ожесточенной и особенно своеобразной. Завоевав политическую власть, пролетариат не прекращает классовой борьбы, а продолжает ее — впредь до уничтожения классов,—но, разумеется, в иной обстановке, в иной форме, иными средствами.

А что это значит «уничтожение классов»? Все, называющие себя социалистами, признают эту конечную цель социализма, но далеко не все вдумываются в ее значение. Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большею частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы — это такие группы людей, из которых одна может себе присвои-

вать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства.

Ясно, что для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплоататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить их собственность, надо отменить еще и в с я к у ю частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревнею, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда. Это — дело очень долгое. Чтобы его совершить, нужен громадный шаг вперед в развитии производительных сил, надо преодолеть сопротивление (часто пассивное, которое особенно упорно и особенно трудно поддается преодолению) многочисленных остатков мелкого производства, надо преодолеть громадную силу привычки и косности, связанной с этими остатками.

Предполагать, что все «трудящиеся» одинаково способны на эту работу, было бы пустейшей фразой или иллюзией допотопного, домарксовского, социалиста. Ибо эта способность не дана сама собой, а вырастает исторически и вырастает т о л ь к о из материальных условий крупного капиталистического производства. Этой способностью обладает, в начале пути от капитализма к социализму, только пролетариат. Он в состоянии совершить лежащую на нем гигантскую задачу, во-первых, потому, что он самый сильный и самый передовой класс цивилизованных обществ, во-вторых, потому, что в наиболее развитых странах он составляет большинство населения, в третьих, потому, что в отсталых капиталистических странах, вроде России, большинство населения принадлежит к пролетариям или полупролетариям, т. е. к людям, постоянно проводившим часть года по-пролетарски, постоянно снискивавшим себе пропитание, в известной части, работой по найму в капиталистических предприятиях.

Кто пытается решать задачи перехода от капитализма к социализму исходя из общих фраз о свободе, равенстве, демократии вообще, равенстве трудовой демократии и т. п. (как это делают Каутский, Мартов и другие герои Бернского, желтого интернационала), те только обнаруживают этим свою природу мелких буржуа, филистеров, мещан, рабски плетущихся в идейном отношении за буржуазией. Правильное решение этой задачи может дать только конкретное изучение особых отношений между завоевавшим политическую власть особым классом, именно пролетариатом, и всей непролетарской, а также полупролетарской массой трудящегося населения, причем эти отношения складываются не в фантастически гармоничной, «идеальной» обстановке, а в реальной обстановке бешеного и многообразного сопротивления со стороны буржуазии.

Громадное большинство населения в любой капиталистической стране, в том числе и в России, — а трудящегося населения и подавно, — тысячи раз испытало на себе и на своих близких гнет капитала, грабеж с его стороны, всякого рода надругательство. Империалистическая война, — т. е. убийство десяти миллионов людей для решения вопроса о том, английскому или германскому капиталу получить первенство в грабеже всего мира, — необы-

чайно обострила, расширила, углубила эти испытания, заставила осознать их. Отсюда неизбежное сочувствие громадного большинства населения и особенно масс трудящихся к пролетариату, за то, что он с геройской смелостью, с революционной беспощадностью свергает иго капитала, свергает эксплоататоров, подавляет их сопротивление, кровью своей пробивает дорогу к созданию нового общества, в котором не будет места эксплоататорам.

Как ни велики, как ни неизбежны мелкобуржуазные шатания и колебания назад, в сторону буржуазного «порядка», под «крылышко» буржуазии, со стороны непролетарских и полупролетарских масс трудящегося населения, тем не менее, они все же не могут не признавать морально-политического авторитета за пролетариатом, который не только свергает эксплоататоров и подавляет их сопротивление, но который также строит новую, более высокую общественную связь, общественную дисциплину — дисциплину сознательных и объединенных работников, не знающих над собой никакого ига и никакой власти, кроме власти их собственного объединения, их собственного, более сознательного, смелого, сплоченного, революционного, выдержанного авангарда.

Чтобы победить, чтобы создать и упрочить социализм, пролетариат должен решить двоякую или двуединую задачу: во-первых, увлечь своим беззаветным героизмом революционной борьбы против капитала всю массу трудящихся и эксплоатируемых, увлечь ее, организовать ее, руководить ею для свержения буржуазии и полного подавления всякого с ее стороны сопротивления; во-вторых, повести за собой всю массу трудящихся и эксплоатируемых, а также все мелкобуржуазные слои, на путь нового хозяйственного строительства, на путь создания новой общественной связи, новой трудовой дисциплины, новой организации труда, соединяющей последнее слово науки и капиталистической техники с массовым объединением сознательных работников, творящих крупное социалистическое производство.

Эта вторая задача труднее первой, ибо она ни в коем случае не может быть решена героизмом отдельного порыва, а требует самого длительного, самого упорного, самого трудного героизма массовой и б у д н и ч н о й работы. Но эта задача и более существенна, чем первая, ибо в последнем счете самым глубоким источником силы для побед над буржуазией и единственным залогом прочности и неотъемлемости этих побед может быть только новый, более высокий способ общественного производства, замена капиталистического и мелкобуржуазного производства крупным социалистическим производством.

Ленин, Великий почин, Соч., XVI, 1 изд., 248—251.

в. УСЛОВИЯ ДЛЯ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ В РОССИИ

Переход из буржуазного общества к политике пролетариата — очень трудный переход, тем более, что буржуазия клевещет на нас неустанно

всем аппаратом своей пропаганды и агитации и т. п. Она старается затушевать важную роль диктатуры пролетариата, ее воспитательную задачу, особенно важную в России, где к пролетариату принадлежит меньшинство населения. А между тем эта задача должна выдвинуться на первый план. О диктатуре пролетариата не могло бы и речи быть, если бы пролетариат не выработал в себе большой сознательности, большой дисциплинированности, большой преданности в борьбе против буржуазии, т. е. той суммы задач, которую необходимо выдвинуть для полной победы пролетариата над его исконным врагом.

Мы не стоим на точке зрения утопической — будто трудящиеся массы подготовлены к социалистическому обществу. Мы знаем на основании точных данных всей истории рабочего социализма, что это не так, что подготовленность к социализму дает лишь крупная индустрия, стачечная борьба, политическая организованность. И для того, чтобы одержать победу, чтобы совершить социалистический переворот, пролетариат должен быть способным к солидарному действию, к делу свержения эксплоататоров. И теперь мы видим, что все необходимые способности он приобрел и превратил их в дело, когда завоевал свою власть.

Ленин, Речь на совещании политпросветов, Соч., XVIII, ч. 2, 1 изд., 179.

Как могло случиться, что первой страной, которая осуществила диктатуру пролетариата, организовала Советскую республику, оказалась одна из наиболее отсталых европейских стран? Мы едва ли ошибемся, если скажем, что именно это противоречие между отсталостью России и ее «скачком» к высшей форме демократизма, через буржуазную демократию к советской или пролетарской демократии, именно это противоречие было одной из причин (помимо гнета над большинством вождей социализма оппортунистических привычек и филистерских предрассудков), которая особенно затруднила или замедлила понимание роли советов на Западе.

Рабочие массы инстинктом уловили во всем мире значение советов, как орудия борьбы пролетариата и как формы пролетарского государства. Но испорченные оппортунизмом «вожди» продолжали и продолжают молиться на буржуазную демократию, называя ее «демократией» вообще.

Удивительно ли, что осуществление диктатуры пролетариата показало прежде всего «противоречие» между отсталостью России и ее «скачком» через буржуазную демократию? Удивительно было бы, если бы осуществление *новой* формы демократии история подарила нам *без* ряда противоречий.

Любой марксист, даже любой человек, знакомый с современной наукой вообще, если ему поставить вопрос: вероятен ли равномерный или гармонически пропорциональный переход разных капиталистических стран к диктатуре пролетариата?—ответит на этот вопрос, несомненно, отрицательно. Ни равномерности, ни гармоничности, ни пропорциональности в мире капитализма никогда не было и быть не могло. Каждая страна развивала осо-

бенно выпукло то одну, то другую сторону или черту, или группу свойств капитализма и рабочего движения. Процесс развития шел неравномерно.

Когда Франция проделывала свою великую буржуазную революцию, пробуждая к исторически-новой жизни весь континент Европы, Англия оказалась во главе контрреволюционной коалиции, будучи в то же время капиталистически гораздо более развитой, чем Франция. А английское рабочее движение той эпохи гениально предвосхищает многое из будущего марксизма.

Когда Англия дала миру первое широкое, действительно массовое, политически оформленное пролетарски-революционное движение, — чартизм, на континенте Европы происходили в большинстве случаев слабые буржуазные революции, а во Франции вспыхнула первая великая гражданская война между пролетариатом и буржуазией. Буржуазия разбила различные национальные отряды пролетариата поодиночке и по-разному в разных странах.

Англия дала образец страны, в которой, по выражению Энгельса, буржуазия рядом с обуржуазившейся аристократией создала наиболее обуржуазившуюся верхушку пролетариата. Передовая капиталистическая страна на несколько десятилетий оказалась отсталой в смысле революционной борьбы пролетариата. Франция как бы исчерпала силы пролетариата на два геройских, давших необычайно много во всемирно-историческом смысле, восстания рабочего класса против буржуазии в 1848 и 1871 гг. Гегемония в Интернационале рабочего движения перешла затем к Германии, с 70-х г.г. XIX в., когда Германия была экономически позади и Англии и Франции. А когда Германия обогнала экономически обе страны, т. е. ко второму десятилетию XX в., тогда во главе всемирно-образцовой марксистской рабочей партии Германии оказалась кучка отъявленных мерзавцев, самой грязной, продажнейшей капиталистам сволочи, от Шейдемана и Носке до Давида и Легина, самых отвратительных палачей из рабочих на службе у монархии и контрреволюционной буржуазии.

Всемирная история неуклонно идет к диктатуре пролетариата, но идет далеко не гладкими, не простыми, не прямыми путями.

Ленин, Третий Интернационал и его место в истории, Соч., XVI, 1 изд., 183—184.

В России диктатура пролетариата неизбежно должна отличаться некоторыми особенностями по сравнению с передовыми странами, вследствие очень большой отсталости и мелкобуржуазности нашей страны. Но основные силы—и основные формы общественного хозяйства—в России те же, как и в любой капиталистической стране, так что особенности эти во всяком случае не могут касаться самого главного.

Эти основные формы общественного хозяйства: капитализм, мелкое товарное производство, коммунизм. Эти основные силы: буржуазия, мелкая буржуазия (особенно крестьянство), пролетариат.

Экономика России в эпоху диктатуры пролетариата представляет из себя борьбу первых шагов коммунистически объединенного — в едином масштабе громадного государства — труда с мелким товарным производством и с сохранившимся, а равно и возрождающимся на его базе, капитализмом.

Ленин, Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата, Соч., XVI, 1 изд., 348.

Демократия есть одна из форм буржуазного государства, за которую стоят все изменники истинного социализма, оказавшиеся ныне во главе официального социализма и утверждающие, что демократия противоречит диктатуре пролетариата. Пока революция не выходила из рамок буржуазного строя — мы стояли за демократию, но как только первые проблески социализма мы увидели во всем ходе революции,—мы стали на позиции, твердо и решительно отстаивающие диктатуру пролетариата.

Ленин, Заключительное слово по докладу о деятельности Сов. Нар. Ком., Соч., XV, 1 изд., 88—89.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ИДЕОЛОГИИ (ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ)

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ СОСТАВИТЕЛЯ

Общие замечания о месте идеологий в общественной жизни мы сделали во введении к предыдущей (IV) главе. Теперь нам предстоит проработать тему более углубленно, путем обзора отдельных форм общественного сознания.

Глава об идеологиях, в учебных целях, строится у нас по следующему плану:

1. Идеологии как надстройки.

а. Общая зависимость идеологий от развития материального производства.

б. Содержание общественного сознания в классовом обществе.

2. Отдельные формы общественного сознания в их отношении к базису.

а. Психология.

б. Нравственность.

в. Искусство.

г. Наука.

д. Философия.

е. Религия.

1

Идеологии как надстройки. Одним из ближайших следствий, сопровождавших процесс делания орудий и связанного с этим производства средств существования, у нашего животного предка явился язык и сознание. Мы уже говорили, что этот факт связан с заменой животной формы общественности — формой человеческой, основанной на отношениях в производстве. С тех пор язык и сознание, завися от материального производства, от материальных производственных отношений, существующих в данном обществе, в свою очередь, влияют на развитие

материального производства и отношений, в нем существующих. Между базисом и надстройкой происходит постоянное взаимодействие. Развитие и усложнение материального производства влечет за собой последовательное развитие и усложнение речи и сознания, вызывая сложную систему отдельных форм их, объединяемую понятием идеологий. Поскольку зависимость идеологий от материального производства, как неоднократно нами подчеркивалось, проходит через общественные отношения, через экономическую структуру общества, постольку развитие идеологии не представляет параллели материальному производству. В классовом обществе развитие идеологий, в силу общественного антагонизма в производстве, протекает по законам, отличным от общества безклассового. Вследствие этого, вопрос мы должны рассмотреть с обеих сторон: со стороны общей зависимости идеологий от материального производства и со стороны влияния классового антагонизма на форму этой зависимости. Или точнее: зависимость идеологий, как надстроек, от общественных отношений, от базиса, должна быть установлена в двух случаях: когда базис основан на бесклассовых отношениях и когда он антагонистичен, основан на господстве одних людей и угнетении других.

а. Общая зависимость идеологий от развития материального производства. Процесс развития производительных сил со времени появления человека представляет из себя необычайно длительную по времени борьбу общественного человека за свое существование. Прежде чем человек овладел окружающей его природой, эта природа неизмеримо долго и безраздельно господствовала над ним. Развитием своего производства человек шаг за шагом отвоевывал себе господство над этой природой. На всем промежутке времени, когда производительные силы человека были слабы и ограничены, природа играла решающую роль в его существовании. Отсюда в идеологиях первобытного и родового строя мы наблюдаем соответствующее отражение этой роли природы в материальной жизни тогдашнего человека.

С другой стороны, трудовые процессы представляли собой те пути, при посредстве которых природа снабжала человека своими благами (средствами существования). Отсюда, наравне с природой, в идеологии первобытного человека мы наблюдаем отражение его материального производства: примеры с зарисовками животных, охоты на них, танцами, подражающими труду, и т. п.

Наконец, общественность вносила свои элементы в идеологию человека. Она, в частности, обусловливала передачу приобретенных знаний от поколения к поколению и взаимодействие одних форм общественного сознания на другие.

Вопрос таким образом может быть проработан по такому плану:

1) Отражение в идеологии первобытного человека значения внешней среды;

2) Отражение в идеологии первобытного человека его материального производства;

3) Взаимодействие идеологий и влияние пережитков.

При разборе вопроса нужно провести ту мысль, что влияние природы в идеологиях отражается через посредство общественной среды, существующей на основе тех или иных производительных сил.

б. Содержание общественного сознания в классовом обществе. В классовом обществе положение меняется по сравнению с обществом доклассовым. Зависимость идеологий от материального производства чрезвычайно усложняется рядом промежуточных моментов. Классовое общество основано на антагонистическом (по своему строению) базисе. Господствующий класс, командуя в материальном производстве, господствует и в производстве «духовном», идеологическом. Господствующие идеи своего времени, в силу этого, являются идеями господства господствующего класса, идеями сохранения существующего способа производства. В то же время угнетенные классы неспособны — до поры до времени — создать свою идеологию, отражающую стремления эксплоатируемых. Это становится возможным лишь тогда, когда данный способ производства начинает себя изживать и в обществе появляются социальные силы, движение которых прямо направлено к замене существующего порядка вещей новым. Тогда и внутри господствующей идеологии появляются течения, идущие вразрез с этой идеологией. Так, внутри капитализма, на определенном этапе его развития, появляется революционное движение, направленное против этого способа производства, и создается идеология, основу которой составляет научный социализм — коммунизм.

Если подойти конкретно к отдельным формам общественного сознания в классовом обществе, то придется констатировать, что идеология, по своему содержанию, зачастую отражает психологию того или иного господствующего класса и очень далека от материального производства, на котором держится господство данного класса. Здесь устанавливается факт сложного взаимодействия общественных сил, результатом которого и является та или иная идеология.

Вопрос, таким образом, нужно проработать по следующему плану:

1) Разделение труда и «производство идей» в классовом обществе;

2) Содержание господствующих идей в классовом обществе;

3) Идеология угнетенных классов и пути ее оформления;

4) Борьба классов в идеологии и отражение ею положения в материальном производстве.

Вопрос основан на диалектическом характере общественного движения и, в частности, на диалектике развития идеологий в истории и в классовом обществе. Задача состоит в том, чтобы показать, что любой антагонистический способ производства находит то или иное отражение в мозгу участников этого производства, в зависимости от уровня, на котором этот способ производства находится в процессе своего развития. Вместе

с развитием антагонизмов в материальном производстве развиваются и антагонизмы внутри идеологий данного общества, пока наконец не наступает революция в тех и других. Интересно при этом отметить, что р е в о л ю ц и я и д е о л о г и ч е с к а я п р е д ш е с т в у е т социальному перевороту, несмотря на то, что она всего лишь идейное о т р а ж е н и е того конфликта, который созрел в объективной материальной обстановке.

2

О т д е л ь н ы е ф о р м ы о б щ е с т в е н н о г о с о з н а н и я в и х о т н о ш е н и и к б а з и с у. Общественное сознание в процессе движения общественного производства в целом достигло такого развития, когда мы можем довольно четко отличать отдельные формы этого сознания и даже делать дальнейшие деления внутри этих последних. Разумеется, что такой процесс необходим и закономерен постольку, поскольку он протекает как один из моментов научной работы. В жизни, в объективной действительности, отдельные, отличаемые нами формы общественного сознания существуют и развиваются в постоянном взаимодействии (и взаимопроникновении) друг с другом и с базисом, их обусловливающим. Закономерность движения отдельных форм общественного сознания определяется не только законами их собственного саморазвития, но и законами взаимодействия с окружающей «средой». Поэтому, говоря об отдельных формах идеологий и устанавливая их особую, в каждом отдельном случае, зависимость от базиса, мы должны устанавливать и взаимодействие этой идеологии с другими идеологиями, с политическим строем и наконец с самим общественным базисом.

Таким образом наша работа по обзору отдельных форм общественного сознания имеет задачей уточнение положений, выведенных в I разделе этой главы.

а. П с и х о л о г и я. Психология представляет широкую область общественного сознания, наиболее близкую к базису по своей зависимости от него и взаимодействию с ним. С другой стороны, психология отражается на всех формах идеологии, влияя на них помимо воли их сознательных носителей и «творцов». Сама по себе психология является общественным сознанием, содержащим в себе элементы всех других форм этого сознания, находящихся в ней на той стадии развития, когда причинная связь между ними не может быть установлена самими индивидуальными носителями ее. Тов. Бухарин определяет психологию как «обыденное мышление», как совокупность «несистематизированных элементов, обрывочных мыслей, в которых выражается все же некоторое здание чувств и желаний в области отношений людей друг к другу», как область, отличающуюся от идеологии п о с т е п е н и с и с т е м а т и з а ц и и. Таким образом психология в том аспекте, в котором мы сейчас разбираем общественную действительность (в учении о базисе и надстройках), — занимает положение звена, через которое проходит значительная доля взаимодействия между обществен-

ным базисом и надстройками в целом. Она, как надстройка, зависит от базиса и взаимодействует с ним. Но с другой стороны она в значительной мере определяет характер движения в науке, философии, религии, нравственности и т. п., в свою очередь изменяясь под влиянием их, воспринимая элементы, выработанные этими обособившимися формами общественного сознания.

Схема проработки вопроса может быть предложена следующая:

1) Общее взаимодействие экономической структуры с общественной психологией в доклассовом обществе;

2) Психология господствующего класса как господствующая общественная психология в классовом обществе;

3) Психология угнетенных классов и пути ее развития;

4) Взаимодействие психологии с отдельными формами общественного сознания.

Вопрос достаточно широк, поэтому следует держаться узких рамок: установить общий характер зависимости психологии от общественного базиса, взаимодействия с ним и с отдельными формами общественного сознания.

б. Нравственность. Вопрос очень близок к предыдущему, по существу составляет часть его, вследствие этого он может быть рассмотрен по той же схеме.

в. Искусство. Область явлений, охватываемых этим понятием, достаточно широка и разнообразна. Сюда входят: литература, музыка, живопись, танцы, театр и мн. др. Наша задача состоит в том, чтобы установить зависимость как искусства в целом, так и его отдельных областей от материального производства.

Схема проработки вопроса следующая:

1) Отражение материального производства в искусстве в доклассовом обществе;

2) Искусство в классовом обществе;

3) «Течения» в искусстве и борьба классов (в частности вопрос о «возвращении» старых форм и традиций в искусстве).

При проработке вопроса необходимо установить, что даже наиболее отдаленные от материального производства виды искусства (т. е. такие, связь которых с материальным производством наименее заметна) в конечном счете взаимодействуют с этим производством и отражают собою в той или иной форме борьбу классов в обществе.

г, д. Наука. Философия. Вопрос о зависимости науки и философии от общественных отношений может быть разобран по такой схеме:

1) История возникновения науки (практика и теория);

2) Потребности материального производства и технические науки (технические открытия и изобретения);

3) Общественные отношения и так называемые «гуманитарные» науки (и в частности философия);

4) Общественные отношения и наука о революции (марксизм);

5) Наука в капиталистических странах и наука в СССР.

Момент взаимодействия общественного базиса и науки должен быть подчеркнут во всех случаях разбора вопроса. На вопросе о науке рельефно иллюстрируется взаимодействие между базисом и надстройками, вследствие чего следует сделать на нем особое ударение, в смысле подробности разбора.

е. Религия. На вопросе о религии в плане работы по историческому материализму нужно показать сложность общественного движения в целом и многообразие процессов, взаимодействующих в нем. Религия есть фантастическое отражение в мозгу людей реальных процессов объективной действительности. Она представляет противоположность научному мышлению. В историческом развитии материального производства и общества религия развивалась как под влиянием своих собственных наследуемых пережитков, так и тех условий, которые создавались всякий раз в новой обстановке. В классовом обществе религия стала одним из идеологических орудий угнетения масс. Сравнение развития религии с развитием науки наглядно иллюстрирует зависимость религии от общественных отношений.

Схема проработки вопроса такова:

1) Объективная действительность и религиозное мышление;

2) Религия и борьба классов;

3) Отсталые общественные отношения (слабость техники) как один из корней религии.

Общая задача — установить историчность религии как надстройки над определенной экономической структурой.

---

1. ИДЕОЛОГИИ КАК НАДСТРОЙКИ

а. ОБЩАЯ ЗАВИСИМОСТЬ ИДЕОЛОГИЙ ОТ РАЗВИТИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Итак, люди делают свою историю, стремясь удовлетворить свои нужды. Нужды эти даются первоначально, конечно, природой; но затем значительно изменяются, в количественном и качественном отношениях, свойствами искусственной среды. Находящиеся в распоряжении людей производительные силы обусловливают собою все их общественные отношения. Прежде всего состоянием производительных сил определяются те отношения, в которые люди становятся друг к другу в общественном процессе производства, т. е. экономические отношения. Эти отношения естественно создают известные интересы, которые находят свое выражение в праве. «Каждая правовая норма защищает определенный интерес»,—говорит Лабриола. Развитие

производительных сил создает разделение общества на классы, интересы которых не только различны, но во многих,—и притом существенных отношениях,—диаметрально противоположны. Эта противоположность интересов порождает враждебные столкновения между общественными классами, их борьбу. Борьба приводит к замене родовой организации государственной, задача которой заключается в охранении господствующих интересов. Наконец, на почве общественных отношений, обусловливаемых данным состоянием производственных сил, вырастает обычная нравственность, т. е. та нравственность, которая руководит людьми в их обычной житейской практике.

Таким образом, право, государственный строй и нравственность всякого данного народа непосредственно и прямо обусловливаются свойственными ему экономическими отношениями. Этими же отношениями и обусловливаются,— но уже косвенно и непосредственно,— все создания мысли и воображения: искусство, наука и т. д.

Чтобы понять историю научной мысли или историю искусства в данной стране, недостаточно знать ее экономию. Надо от экономии уметь перейти к общественной психологии, без внимательного изучения и понимания которой невозможно материалистическое объяснение истории идеологий. Это не значит, конечно, что существует какая-то общественная душа или какой-то коллективный народный «дух», развивающийся по своим особым законам и выражающийся в общественной жизни. «Это чистейший мистицизм», говорит Лабриола. Для материалиста в данном случае речь может итти только о преобладающем настроении чувств и умов в данном общественном классе данной страны и данного времени. Такое настроение чувств и умов является результатом общественных отношений. Лабриола твердо убежден в том, что не формы сознания людей определяют формы их общественного бытия, а наоборот — формами их общественного бытия определяются формы их сознания. Но, раз возникнув на почве общественного бытия, формы их сознания составляют часть истории. Историческая наука не может ограничиться одной анатомией общества; она имеет в виду всю совокупность явлений, прямо или косвенно обусловленных общественной экономией, до работы воображения включительно. Нет ни одного исторического факта, который своим происхождением не был бы обязан общественной экономии; но не менее верно и то, что нет ни одного исторического факта, которому не предшествовало бы, которого не сопровождало бы и за которым не следовало бы известное состояние сознания. Отсюда — огромная важность общественной психологии. Если с нею необходимо считаться уже в истории права и политических учреждений, то без нее нельзя сделать ни шагу в истории литературы, искусства, философии и проч.

Когда мы говорим, что данное произведение вполне верно духу, например, эпохи Возрождения, то это значит, что оно совершенно соответствует преобладавшему в то время настроению тех классов, которые давали тон общественной жизни. Пока не изменились общественные отношения, пси-

хология общества тоже не изменяется. Люди привыкают к данным верованиям, данным понятиям, данным приемам мысли, данным способам удовлетворения данных эстетических потребностей. Но если развитие производительных сил приводит к сколько-нибудь существенным переменам в экономической структуре общества, а вследствие этого и во взаимных отношениях общественных классов, то изменяется и психология этих классов, а с нею и «дух времени», и «характер народа». Эта перемена выражается в появлении новых религиозных верований или новых философских понятий, новых направлений в искусстве или новых эстетических потребностей.

По мнению Лабриолы, надо также принять в соображение, что в идеологиях играют часто очень большую роль п е р е ж и в а н и я понятий и направлений, унаследованных от предков и сохраняемых лишь по преданию. Кроме того, в идеологиях сказывается также и влияние природы.

Искусственная среда, как мы уже знаем, чрезвычайно сильно преобразует влияние природы на общественного человека. Из н е п о с р е д с т в е н н о г о влияние это делается п о с р е д с т в е н н ы м. Но оно не перестает существовать. В темпераменте всякого народа сохраняются некоторые, созданные влиянием естественной среды, особенности, которые до известной степени видоизменяются, но никогда не уничтожаются вполне приспособлением к общественной среде. Эти особенности народного темперамента составляют то, что называется р а с о й. Раса оказывает несомненно влияние на историю некоторых идеологий, например, искусства. И это обстоятельство еще более затрудняет ее и без того уже нелегкое объяснение.

П л е х а н о в, О материалистическом понимании истории, Соч., VIII, Гиз, 1923, 250—252.

...Перейдем ко взглядам Лабриолы на историческое развитие идеологий. Мы видели, что, по его мнению, это развитие усложняется действием расовых особенностей и вообще влиянием на людей окружающей их естественной среды. Очень жаль, что наш автор не счел нужным подтвердить и пояснить это мнение какими-нибудь примерами; нам легче было бы понять его. Во всяком случае несомненно, что оно не может быть принято в том виде, в каком оно высказано.

Краснокожие племена Америки, конечно, не принадлежат к одной расе с племенами, населявшими в доисторические времена Греческий архипелаг или берега Балтийского моря. Несомненно, что в каждой из этих местностей первобытный человек испытывал очень своеобразные влияния естественной среды. Можно было бы ожидать, что различие этих влияний отразится на произведениях зачаточного искусства первобытных обитателей названных местностей. И, однако, мы этого не замечаем. Во всех частях земного шара, как бы ни отличались они одна от другой, одинаковым стадиям развития первобытного человека соответствуют одинаковые ступени развития искусства. Мы знаем искусство каменного века, искусство железного века; мы не

знаем искусства различных рас: белой, желтой и т. д. Состояние производительных сил отражается даже в частностях. Сначала мы встречаем, например, на гончарных изделиях только прямые и ломаные линии: четырехугольники, кресты, зигзаги и т. д. Этот род украшений заимствуется первобытным искусством от еще более первобытных ремесл: ткачества и плетения. В бронзовом веке, вместе с обработкой металлов, способных принимать при обработке всевозможные геометрические формы, появляются криволинейные украшения; наконец, с приручением животных появляются их фигуры и прежде всего фигура лошади.

Правда, при изображении человека уже непременно должно сказаться влияние расовых признаков на «идеалы красоты», свойственные первобытным художникам. Известно, что каждая раса, особенно на первых ступенях общественного развития, считает себя самой красивой и очень высоко ценит как раз те признаки, которые отличают ее от других рас. Но, во-первых, эти особенности расовой эстетики,— поскольку они остаются постоянными,— не могут изменить своим влиянием ход развития искусства; а во-вторых, и они прочны только до поры до времени, т. е. только при известных условиях. В тех случаях, когда данное племя оказывается вынужденным признать над собою превосходство другого, более развитого, племени, его расовое самодовольство исчезает и вместо него является подражание чужим вкусам, прежде считавшимся смешными, и иногда и постыдными, отвратительными. Тут с дикарем происходит то же, что в цивилизованном обществе совершается с крестьянином, который сначала осмеивает нравы и костюмы горожан, а потом,—с возникновением и ростом господства города над деревней,— старается усвоить их по мере сил и возможности.

Переходя к историческим народам, укажем прежде всего на то, что в применении к ним слово р а с а вообще не может и не должно быть употреблено. Мы не знаем ни одного исторического народа, который можно было бы назвать народом чистой расы; каждый из них является плодом чрезвычайно продолжительного и сильного взаимного скрещивания и смешения различных этнических элементов.

Извольте после этого определять влияние «расы» на историю идеологий у того или другого народа!

На первый взгляд кажется, что нет ничего проще и правильнее мысли о влиянии естественной среды на народный темперамент, а через посредство темперамента на историю его умственного и эстетического развития. Но Лабриоле достаточно было бы припомнить историю своей собственной страны, чтобы убедиться в ошибочности этой мысли. Современных итальянцев окружает та же естественная среда, в которой жили древние римляне, а между тем как мало похож «темперамент» современных нам данников Менелика на темперамент суровых победителей Карфагена! Если бы мы вздумали объяснить итальянским темпераментом историю, например, итальянского искусства, то мы очень скоро в недоумении остановились бы перед вопросом о тех причинах, благодаря которым темперамент с своей стороны очень глу-

боко изменялся в разные времена и в разных частях Апеннинского полуострова.

Плеханов, О материалистическом понимании истории, Соч., VIII, Гиз, 1923, 253—255.

Всякая норма положительного права защищает известный интерес. Откуда берутся интересы? Представляют ли они собою продукт человеческой воли и человеческого сознания? Нет, они создаются экономическими отношениями людей. Раз возникнув, интересы так или иначе отражаются в сознании людей. Чтобы защищать известный интерес, нужно сознать его. Поэтому всякую систему положительного права можно и должно рассматривать, как продукт сознания. Не сознанием людей вызываются к существованию те интересы, которые право защищают, следовательно, не им определяется содержание права; но состоянием общественного сознания (общественной психологии) в данную эпоху определяется та форма, которую примет в человеческих головах отражение данного интереса. Не приняв в соображение состояния общественного сознания, мы совершенно не могли бы объяснить себе историю права.

В этой истории надо всегда и заботливо отличать форму от содержания. С формальной стороны право, подобно всем другим идеологиям, испытывает на себе влияние всех, или, по крайней мере, некоторой части других идеологий: религиозных верований, философских понятий и проч. Уже одно это обстоятельство до известной, — иногда очень значительной, — степени затрудняет открытие зависимости, существующей между правовыми понятиями людей и их взаимными отношениями в общественном процессе производства. Но это еще только полбеды. Настоящая же беда в том, что на различных стадиях общественного развития всякая данная идеология в очень неодинаковой степени испытывает на себе влияние других идеологий. Так древнее египетское и отчасти римское право было подчинено религии; в новейшей истории право развивалось (повторяем и просим заметить это: с формальной стороны) под сильным влиянием философии. Чтобы устранить влияние на право религии и заменить его своим собственным влиянием, философия должна была выдержать сильную борьбу. Эта борьба была лишь идеальным отражением общественной борьбы третьего сословия с духовенством, но она, тем не менее, в огромной степени затрудняла выработку истинных взглядов на происхождение правовых учреждений, так как благодаря ей, они казались явным и несомненным продуктом борьбы отвлеченных понятий. Разумеется, Лабриола, вообще говоря, прекрасно понимает, какого рода фактические отношения скрываются за подобной борьбой понятий. Но, когда речь касается частностей, он слагает свое материалистическое оружие перед трудностью вопроса и считает... возможным ограничиться ссылкой на невежество или силу традиций. Кроме того, он указывает еще на «символизм», как на последнюю причину многих обычаев.

Символизм действительно немаловажный «фактор» в истории некоторых идеологий. Но в последние причины обычаев он не годится. Возьмем такой пример. У кавказского племени ишавов женщина обрезает себе косу в случае смерти брата, но не делает этого, когда умрет ее муж. Обрезывание косы есть символическое действие: оно заменило более старый обычай принесения себя в жертву на могиле покойника. Но почему же женщина совершает это символическое действие на могиле брата, а не на могиле мужа? По словам г. М. Ковалевского, в этой черте «нельзя не видеть пережитка той отдаленной эпохи, когда главою родовой группы, объединенной фактом действительного или мнимого происхождения от женщины-родоначальницы, являлся старший по возрасту родственник по матери, ближайший когнат». Из этого следует, что символические действия становятся понятными только тогда, когда мы понимаем смысл и происхождение знаменуемых ими *отношений*. Откуда берутся эти отношения? Ответа на этот вопрос, конечно, надо искать не в символических действиях, хотя они иногда могут дать кое-какие полезные намеки. Происхождение символического обычая обрезывания косы на могиле брата объясняется историей семьи, а объяснения истории семьи надо искать в истории экономического развития.

В заинтересовавшем нас случае обряд обрезывания косы на могиле брата пережил ту форму родственных отношений, которой он был обязан своим происхождением. Вот вам пример влияния традиции, на которое указывает Лабриола в своей книге. Но традиция может сохранить только то, что уже существует. Она не объясняет не только происхождение данного обряда или вообще данной формы, но даже и ее сохранения. Сила традиции есть сила инерции. В истории идеологий часто приходится задаваться вопросом, почему данный обряд или обычай сохранился, несмотря на то, что исчезли не только отношения, вызвавшие его к жизни, но и другие родственные ему обычаи или обряды, порожденные теми же отношениями. Вопрос этот равносилен вопросу о том, почему разрушительное действие новых отношений миновало именно этот обряд или обычай, устранив другие. Отвечать на этот вопрос ссылкой на силу традиции значит ограничиться повторением его в утвердительной форме. Как же помочь горю? Надо обратиться к *общественной психологии*.

Старые обычаи исчезают, старые обряды нарушаются тогда, когда люди становятся в новые взаимные отношения. Борьба общественных интересов выражается в виде борьбы новых обычаев и обрядов со старыми. Ни один символический обряд или обычай, *взятый сам по себе*, не может влиять ни в положительном, ни в отрицательном смысле на развитие новых отношений. Если охранители горячо отстаивают старые обычаи, то это потому, что в их уме представление о выгодных, дорогих и привычных им общественных порядках прочно связывается (ассоциируется) с представлением об этих обычаях. Если новаторы ненавидят и осмеивают эти обычаи, то это потому, что в их уме представление об этих обычаях ассоциируется с представлением о стеснительных, невыгодных и неприятных для них обществен-

ных отношениях. Следовательно, *тут все дело в ассоциации идей*. Когда мы видим, что какой-нибудь обряд пережил не только породившие его отношения, но и родственные ему обряды, вызванные теми же отношениями, то мы должны заключить, что в умах новаторов представление о нем было не так сильно связано с представлением о ненавистной старине, как представление о других обычаях. Почему же не так сильно? Ответить на такой вопрос иногда легко, а иногда совсем невозможно по недостатку необходимых психологических данных. Но даже и в тех случаях, когда мы вынуждены признать его неразрешимым, по крайней мере, при нынешнем состоянии наших знаний, мы должны помнить, что дело тут не *в силе традиции*, а в известных ассоциациях идей, вызванных известными фактическими отношениями людей в обществе.

Возникновением, изменением и разрушением ассоциаций идей под влиянием возникновения, изменения и разрушения известных комбинаций общественных сил в значительной степени объясняется история идеологий. Лабриола не обратил на эту сторону дела всего того внимания, какого она заслуживает.

Плеханов, О материалистическом понимании истории, Соч., VIII, Гиз, 1923, 263—267.

Политические отношения, несомненно, влияют на экономическое движение; но также несомненно и то, что *прежде, чем влиять на него, они им создаются*.

То же надо сказать и о психике общественного человека, о том, что Штаммлер несколько односторонне называет *общественными понятиями*. «Манифест» дает весьма убедительное доказательство того, что его авторы хорошо понимали значение идейного «фактора». Но в том же «Манифесте» мы видим, что если идейный «фактор» играет важную роль в развитии общества, то *он сам предварительно создается этим развитием*.

«Когда древний мир пришел в упадок, древние религии были побеждены христианством. Когда христианские идеи уступали место просветительным идеям XVIII в., феодальное общество вело борьбу на жизнь и смерть с революционной тогда буржуазией». Но еще убедительнее в этом случае последняя глава «Манифеста». Его авторы говорят в ней, что их единомышленники стремятся выработать в умах рабочих как можно более ясное сознание враждебной противоположности интересов буржуазии и пролетариата. Всякому понятно, что кто не придает значения идейному «фактору», у того нет никакого логического повода стремиться к выработке в умах какой бы то ни было общественной группы какого бы то ни было сознания.

Плеханов, Основные вопросы марксизма, Соч., XVII, Гиз, 1925, 218—219.

---

[1] *Взаимодействие бесспорно существует между всеми сторонами общественной жизни*. К сожалению, эта спра-

вдливая точка зрения объясняет очень и очень немногое по той простой причине, что она не дает никаких указаний насчет происхождения взаимодействующих сил. Если государственное устройство само предполагает те нравы, на которые оно влияет, то очевидно, что не ему обязаны эти нравы своим первым появлением. То же надо сказать и о нравах; если они уже предполагают то государственное устройство, на которое они влияют, то ясно, что не они его создали. Чтобы разделаться с этой путаницей, мы должны найти тот исторический фактор, который произвел и нравы данного народа, и его государственное устройство, а тем создал и самую возможность их взаимодействия. Если мы найдем такой фактор, мы откроем искомую правильную точку зрения, и тогда мы без всякого труда разрешим смущающее нас противоречие.

Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, Соч., VII, Гиз, 1923, 72—73.

6. СОДЕРЖАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В КЛАССОВОМ ОБЩЕСТВЕ

В первобытном обществе, не знающем разделения на классы, производительная деятельность человека непосредственно влияет на его миросозерцание и на его эстетический вкус. Орнаментика берет свои мотивы у техники, а пляска, — едва ли не самое важное искусство в таком обществе, — нередко ограничивается простым воспроизведением производительного процесса. Это особенно заметно у охотничьих племен, стоящих на самой низкой из всех доступных нашему наблюдению ступеней экономического развития. Потому-то мы и ссылались, главным образом, на них, когда речь шла у нас о зависимости психики первобытного человека от его хозяйственной деятельности. Но в обществе, разделенном на классы, непосредственное влияние этой деятельности на идеологию становится гораздо менее заметным. Оно и понятно. Если, например, один из видов пляски у австралийской женщины-туземки воспроизводит работу собирания ею кореньев, то само собой разумеется, что ни один из тех изящных танцев, которыми развлекались, например, французские светские красавицы XVIII в., не мог быть изображением производительного труда этих дам, ибо никаким производительным трудом они и не занимались, отдаваясь преимущественно «науке страсти нежной». Чтобы понять танец австралийской туземки, достаточно знать, какую роль играет собирание женщинами корней дико растущих растений в жизни австралийского племени. А чтобы понять, скажем, менуэт, совершенно недостаточно знания экономики Франции XVIII столетия. Тут нам приходится иметь дело с танцем, выражающим собою психологию непроизводительного класса. Психологией этого рода объясняется огромное большинство «обычаев и приличий» так называемого порядочного общества. Стало быть, экономический «фактор» уступает здесь честь и место психоло-

гическому. Но не забывайте, что само появление непроизводительных классов в обществе есть продукт его экономического развития. Значит экономический «фактор» вполне сохраняет свое преобладающее значение, даже и уступая честь и место другим. Напротив, тогда-то и дает себя чувствовать это значение, потому что им определяется возможность и пределы влияния других «факторов».

Но это еще не все. Высший класс даже тогда, когда он принимает в качестве руководителя участие в производственном процессе, смотрит на низший с нескрываемым пренебрежением. Это тоже отражается на идеологиях обоих классов. Французские средневековые fabliaux, — а особенно les chansons de gestes, — изображают тогдашнего крестьянина в самом непривлекательном виде. Если верить им, то (дается русский перевод):

Мужики все уроды,
Таких не видел человек,
Длиной в 15 футов каждый.
Иные точно великаны,
Но очень безобразны:
И спереди, и сзади горб.

А крестьяне, разумеется, смотрели на себя другими глазами; возмущаясь высокомерием феодалов, они пели:

Мы такие же люди, как они,
И так же способны страдать, как они, и т. д.

И они спрашивали: «Где был дворянин в то время, когда Адам пахал, а Ева пряла?» Словом, каждый из этих двух классов смотрел на вещи со своей собственной точки зрения, особенности которой обусловливались его положением в обществе. Борьба классов окрашивала собою психологию борющихся сторон. И так было, конечно, не только в средние века и не только во Франции. И чем более обострялась классовая борьба в данной стране и в данное время, тем сильнее становилось ее влияние на психологию борющихся классов. Кто хочет изучать историю идеологий в обществе, разделенном на классы, тому необходимо внимательно считаться с этим влиянием. Иначе он ничего не поймет. Попробуйте дать непосредственное экономическое объяснение факту появления школы Давида во французской живописи XVIII в.: у вас ровно ничего не выйдет, кроме смешного и скучного вздора; но попробуйте взглянуть на эту школу, как на идеологическое отражение классовой борьбы во французском обществе накануне Великой революции, и дело сейчас же примет совершенно другой оборот: вам станут вполне понятны даже такие качества живописи Давида, которые, казалось бы, так далеки от общественной экономии, что ничем не могут быть связаны с нею.

То же приходится сказать и об истории идеологий в древней Греции: она испытывала на себе глубочайшее влияние классовой борьбы. И вот это-

то влияние и было слишком мало оттенено в интересном этюде Эспинаса, вследствие чего его важные выводы получили односторонний характер. Таких примеров можно было бы немало привести уже в настоящее время, и все они показывали бы, что влияние материализма Маркса на многих из нынешних специалистов было бы как нельзя более благотворно в том смысле, что оно научило бы их принимать во внимание другие «факторы», кроме технического и экономического. Это похоже на парадокс; но это—неоспоримая истина, которая перестанет удивлять нас, если мы вспомним, что хотя у Маркса всякое общественное движение объясняется экономическим развитием общества, но оно очень часто объясняется им лишь в последнем счете, т. е. предполагает промежуточные действия целого ряда разных других «факторов».

Плеханов, Основные вопросы марксизма, Соч., XVIII, Гиз, 1925, 223—225.

...Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями, т. е. класс, являющийся господствующей материальной силой общества, является в то же время его господствующей духовной силой. Класс, могущий распоряжаться средствами материального производства, располагает в то же время, благодаря этому, средствами духовного производства, так что, благодаря этому он господствует в то же время в общем над мыслями тех, у которых нет средств для духовного производства. Господствующие мысли представляют не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений, представляют выраженные в виде мыслей господствующие материальные отношения, т. е. отношения, которые и делают один какой-нибудь класс господствующим, т. е. представляют мысли его господства. Индивиды, представляющие господствующий класс, среди прочих вещей обладают и сознанием и, следовательно, мыслят; само собою разумеется, поэтому, что, поскольку они господствуют в качестве класса и определяют все содержание какой-нибудь эпохи, они это делают всем существом, т. е. господствуют, между прочим, в качестве мыслящих существ, в качестве производителей мыслей, регулируя производство и распределение мыслей своего времени, и, значит, их мысли являются господствующими мыслями эпохи. Так, например, в какой-нибудь стране в эпоху, когда королевская власть, аристократия и буржуазия борются за господство, когда, следовательно, господство разделено, в качестве господствующей мысли выступает учение о разделении властей, высказываемое в качестве «вечного закона». — Разделение труда, в котором мы... нашли одну из главных сил прошлой истории, обнаруживается и в господствующем классе, в виде разделения на духовный и материальный труд, так что одна часть этого класса выступает внутри его в качестве мыслителей его (активные творческие... идеологи класса, для которых главным средством пропитания является выработка иллюзий этого класса о самом себе), в то время как другая часть его относится к этим иллюзиям пассивно и рецептивно, ибо в дей-

ствительности они являются активными членами этого класса и имеют мало времени для составления себе иллюзий и мыслей о самих себе. Это расщепление класса может доходить даже до известного противоставления друг другу и вражды обеих указываемых частей, но вражда эта исчезает сама собой при всякой практической коллизии, угрожающей существованию класса; в эти же моменты пропадает и иллюзия, будто господствующие мысли не являются мыслями господствующего класса и составляют силу, отличную от силы этого класса. Существование в определенную эпоху революционных мыслей предполагает уже существование революционного класса... Если, при рассмотрении исторического процесса, отделить мысли господствующего класса от самого господствующего класса, если объективировать их, придав им самостоятельное значение, и ограничиться голым констатированием того, что в известную эпоху господствовали такие-то и такие-то мысли, не интересуясь условиями производства и производителями этих мыслей, —если, следовательно, оставить в стороне индивидов и историческую обстановку, лежащую в основе мыслей, то можно, например, сказать, что в эпоху господства аристократии господствовали понятия: честь, верность и т. д., в эпоху же господства буржуазии — понятия: свобода, равенство и т. д. Вообще говоря, это воображает себе и сам господствующий класс. (Эти господствующие понятия будут иметь тем более общую форму, чем более вынужден господствующий класс представить свои интересы как интересы всех членов общества. Господствующий класс имеет сам, вообще говоря, представление, что эти понятия господствуют, и отличает их от господствующих представлений прежних эпох тем, что представляет их в качестве вечных истин). Это понимание истории, свойственное всем историкам, главным образом, начиная с XVIII столетия, наталкивается неизбежно на то обстоятельство, что с течением времени начинают господствовать все более абстрактные мысли, т. е. мысли, принимающие все более и более форму всеобщности. Всякий новый класс — и в особенности тот, который становится на место господствующего до него класса — вынужден, для достижения своих целей, представить свои интересы в виде общего интереса всех членов общества, т.-е. выражая это на языке идеализма, вынужден придать своим мыслям форму всеобщности, представить их, как единственно разумные, общезначимые. Революционный класс—уже по одному тому, что он противостоит некоторому классу—выступает не как класс, а как представитель всего общества; он является, как вся масса общества, в противоположность единственному господствующему классу. Это возможно для него, ибо первоначально его интересы действительно еще сильно связаны с общими интересами прочих негосподствующих, классов, не сумевших под давлением обстановки прошлого развиться в виде особенных интересов особенного класса. Поэтому его победа оказывается выгодной и для многих индивидов прочих, не достигших господства, классов, но лишь постольку, поскольку она способствует этим индивидам подняться в ряды господствующего класса. Когда французская буржуазия низвергла господство аристократии, она дала этим воз-

можность многим пролетариям подняться над уровнем пролетариата, но лишь таким образом, что они стали буржуа. Поэтому каждый новый класс устанавливает свое господство лишь на более широкой основе, чем господствовавшие до него; но зато впоследствии с тем большей остротой и глубиной развиваются противоречия между негосподствующими классами и классом господствующим. Обоими этими факторами обусловливается то, что борьба, которую приходится вести против этого нового господствующего класса, в свою очередь, приводит к более решительному, более радикальному отрицанию прежнего общественного строя, чем это могло быть в случае всех прежних, стремившихся к господству, классов.

Весь этот мираж, будто господство определенного класса является только господством известных мыслей, исчезает, разумеется, сам собой, лишь только господство классов перестает вообще быть формой общественного строя лишь только, следовательно, нет больше нужды представлять особенный интерес в качестве всеобщего, или же всеобщее в качестве господствующего.

Маркс и Энгельс, О Л. Фейербахе, Архив М. и Э., 1, 230—232.

2. ОТДЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В ИХ ОТНОШЕНИИ К БАЗИСУ

а. ПСИХОЛОГИЯ

Развитие производительных сил ставит людей в такие отношения, при которых личное присвоение некоторых предметов оказывается более удобным для производительного процесса. Сообразно с этим изменяются правовые понятия первобытного человека. Психология общества приспособляется к его экономии. На данной экономической основе роковым образом возвышается соответствующая ей идеологическая надстройка. Но, с другой стороны, каждый новый шаг в развитии производительных сил ставит людей, в их повседневной житейской практике, в новые взаимные положения, не соответствующие отживающим отношениям производства. Эти новые, небывалые положения отражаются на психологии людей, очень сильно ее изменяют. В каком же направлении? Одни члены общества отстаивают старые порядки, это люди застоя. Другие,—те, которым невыгоден старый порядок,—стоят за поступательное движение; их психология видоизменяется в направлении тех отношений производства, которыми заменятся со временем старые, отживающие экономические отношения. Приспособление психологии к экономии, как видите, продолжается, но медленная психологическая эволюция предшествует экономической революции.

Раз совершилась эта революция, устанавливается полное соответствие между психологией общества и экономией. Тогда на почве новой экономии происходит полный расцвет новой психологии. В течение некоторого време-

ни это соответствие остается ненарушимым; оно даже все более и более упрочивается. Но мало-по-малу показываются ростки нового разлада: психология передового класса, по указанной выше причине, опять переживает старые отношения производства: ни на минуту не переставая приспособляться к экономии, она опять приспособляется к новым отношениям производства, составляющим зародыш экономии будущего. Ну, разве же это не две стороны одного и того же процесса?

Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, Соч., VII, Гиз, 1923, 202—203.

Всякая данная ступень развития производительных сил необходимо ведет за собою *определенную группировку людей* в общественном производительном процессе, т. е. *определенные отношения производства*, т. е. *определенную структуру всего общества*. А раз дана структура общества, нетрудно понять, что ее характер отразится вообще на всей *психологии* людей, на всех их привычках, нравах, чувствах, взглядах, стремлениях и идеалах. Привычки, нравы, взгляды, стремления и идеалы необходимо должны приспособиться к образу жизни людей, к *их способу добывания себе пропитания* (по выражению Лешеля). *Психология общества всегда целесообразна по отношению к его экономии, всегда соответствует ей, всегда определяется ею*. Тут повторяется то же явление, которое еще греческие философы замечали в природе: целесообразность торжествует по той простой причине, что нецелесообразное самым характером своим осуждено на гибель. Выгодно ли для общества в его борьбе за существование это приспособление его психологии к его экономии, к условиям его жизни? Очень выгодно, потому что привычки и взгляды, несоответствующие экономии, противоречащие условиям существования, помешали бы отстаивать это существование. Целесообразная психология так же полезна для общества, как хорошо соответствующие своей цели органы полезны для организма. Но сказать, что органы животных должны соответствовать условиям их существования, значит ли это сказать, что органы не имеют значения для животного? Совершенно наоборот. Это значит признать их колоссальное, их *существенное* значение. Только очень слабые головы могут понять дело иначе. Вот то же самое, как раз то же самое, господа, и с психологией. Признавая, что она приспособляется к экономии общества, Маркс тем самым признавал ее огромное, ничем незаменимое значение.

Разница между Марксом и, например, г. Кареевым сводится здесь к тому, что этот последний, несмотря на свою склонность к «синтезу», остается дуалистом чистейшей воды. У него—тут экономия, там—психология; в одном кармане—душа; в другом—тело. Между этими субстанциями есть взаимодействие, но каждая из них ведет свое самостоятельное существование, происхождение которого покрыто мраком неизвестности. Точка зрения Марк-

са устраняет этот дуализм. У него экономия общества и его психология представляют две стороны одного и того же явления «производства жизни» людей, их борьбы за существование, в которой они группируются известным образом, благодаря данному состоянию производительных сил. Борьба за существование создает их экономию; на ее же почве вырастает и их психология. Экономия сама есть нечто производное, как психология. И именно потому изменяется экономия всякого прогрессирующего общества: новое состояние производительных сил ведет за собою новую экономическую структуру, равно как и новую психологию, новый «дух времени». Из этого видно, что только в популярной речи можно говорить об экономии, как о первичной причине всех общественных явлений. Далекая от того, чтобы быть первичной причиной, она сама есть следствие, «функция» производительных сил.

Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, Соч., VII, Гиз, 1923, 198—200.

Что все идеологии имеют один общий корень: психологию данной эпохи, это понять нетрудно, и в этом убедится всякий, кто хоть бегло ознакомится с фактами. Укажем для примера хоть на французский романтизм. Виктор Гюго, Эжень Делякруа и Гектор Берлиоз работали в трех совершенно различных областях искусства. И все они были довольно далеки друг другу. По крайней мере, Гюго не любил музыки, а Делякруа пренебрежительно относился к музыкантам-романтикам. И все-таки этих трех замечательных людей справедливо называют романтической троицей. В их произведениях отразилась одна и та же психология. Можно сказать, что в картине Делякруа «Дант и Виргилий» сказалось то же самое настроение, которое продиктовало Гюго его «Эрнани», а Берлиозу — его «Фантастическую симфонию». И это чувствовали их современники, т. е. те из них, которые вообще не были беззаботны насчет литературы и искусства. Классик по своим вкусам, Энгр называл Берлиоза «отвратительным музыкантом, чудовищем, разбойником, антихристом». Это напоминает лестные отзывы классиков о Делякруа, кисть которого они величали пьяною метлою. Известно, что Берлиозу приходилось выдерживать, подобно Гюго, настоящие битвы. Известно также, что ему с несравненно большим трудом и гораздо позже, нежели Гюго, досталась победа. Почему это было так, несмотря на то, что в его музыке выражалась та же самая психология, что и в романтической поэзии и драме? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно было бы выяснить себе многие такие частности в сравнительной истории французской музыки и литературы, которые, может быть, надолго,—если не навсегда,—останутся невыясненными. Но что не подлежит ни малейшему сомнению, так это то, что психология французского романтизма станет нам понятной только тогда, когда мы взглянем на нее, как на психологию определенного класса, находившегося в определенных общественных и исторических условиях. Ж. Тьерсо говорит: «Движение

тридцатых годов в литературе и искусстве далеко не имело характера народной революции. Это безусловно верно: названное движение было б у р ж у а з н ы м по своему существу. Но и это еще не все. В среде самой буржуазии оно совсем не пользовалось всеобщим сочувствием. По мнению Тьерсо, оно выражало собою стремления небольшой кучки «избранных», обладавшей достаточной принципиальностью для того, чтобы уметь открывать гений там, где он скрывался. Этими словами поверхностно,—т. е. по идеалистически, — констатируется тот факт, что тогдашняя французская буржуазия не понимала значительной части того, к чему стремились и что чувствовали тогда в литературе и в искусстве ее же собственные идеологи. Подобный разлад между идеологами и тем классом, стремление и вкусы которого они выражают, вообще не редкость в истории. Им объясняются весьма многие особенности в умственном и художественном развитии человечества. В интересующем нас случае этот разлад вызвал, между прочим, то пренебрежительное отношение «тонко» чувствующей «élité» к «тупым буржуа», которое и до сих пор вводит в заблуждение наивных людей, решительно неспособных понять, благодаря ему, архибуржуазный характер романтизма. Но здесь, как и везде, происхождение и характер такого разлада может быть объяснен в последнем счете только экономическим положением, экономической ролью того общественного класса, в среде которого он появился. Здесь, как и везде, только б ы т и е проливает свет на «тайны» мышления. И вот почему здесь,—опять, как везде,—только материализм способен дать н а у ч н о е объяснение «хода идей».

П л е х а н о в, Основные вопросы марксизма, Соч., XVIII, Гиз, 1925, 232—234.

Наука — это связанные, прилаженные друг к другу, систематизированные мысли, стройными рядами обнимающие собой какой-либо предмет познания. Искусство — это система ощущений, чувств, образов. Мораль—это внутренне убедительные правила поведения, опять-таки более или менее строго прилаженные друг к другу. То же можно сказать и о многих других идеологиях. Но в общественной жизни мы наблюдаем громаднейшую область непродуманного, несистематизированного, где вовсе не обязательно сведены концы с концами. Возьмите так называемое «обыденное мышление» о каком-нибудь предмете в противоположность «научному» мышлению. Первое — это обрывки некоторых сведений, беспорядочные, разбросанные мысли; тут будет масса противоречий, непродуманностей, странностей. Все это должно быть обработано, взято под критическую лупу, проверено, освобождено от противоречий,—только тогда мы получим переход к науке. Но ведь обычно и живут «обыденным». Среди бесконечно многих взаимодействий между людьми, из которых складывается общественная жизнь, в сфере психического общения людей существует масса вот этаких несистематизированных элементов, обрывочных мыслей, в которых выражается все же некоторое знание чувств и желаний в области отношений людей друг к дру-

гу, вкусов, приемов мысли, непродуманных, «полусознательных», смутных представлений о «хорошем» и «дурном», о «справедливом» и «несправедливом», красивом» и «безобразном», жизненных, бытовых привычек и взглядов; устремлений и идей относительно хода общественной жизни, чувств радости или печали, недовольства и гнева, жажды борьбы или беспросветного отчаяния, разнообразнейших оценок и смутных надежд и идеалов; критических и едких мыслей по поводу существующего порядка или постоянных приятных ощущений, что «все прекрасно в этом лучшем из миров»; чувств неудачи и разочарования, забот о черном дне и желаний прожигать безумно жизнь, иллюзий и упований на будущее и тревоги за это будущее и так далее без конца. Вот эти явления, в их общественном масштабе, и называются общественной психологией. Отличие общественной (или, как говорят иначе, «коллективной» либо «социальной») психологии от идеологии заключается, как мы видим, в степени систематизации.

Общественная психология неоднократно появлялась в буржуазной науке под очень таинственным покрывалом так наз. «народного духа» или «духа времени», который и в самом деле представлялся какой-то всеединой общественной душой в самом буквальном смысле этого слова. Однако, конечно, никакой «народной души» в этом смысле не существует, точно так же как не существует общества, как единого организма с единым центром сознания...

Однако в таких выражениях, как «дух времени» или «народный дух» есть все же некоторый смысл: эти выражения правильно указывают на два факта, которые можно наблюдать везде и всюду: во-первых, на то, что в каждое данное время есть некоторое господствующее течение мыслей, чувств и настроений, господствующая психология, которая окрашивает собою всю жизнь общества; во-вторых, что эта господствующая психология меняется в зависимости от «характера эпохи», т. е., по-нашему, от условий общественного развития.

Господствующая в обществе психология сводится к двум главным элементам: во-первых, к общим психологическим чертам, которые могут быть у всех классов общества, потому что, несмотря на все разнообразие в положении этих классов, могут быть и черты сходства в этом положении; во-вторых, к психологии господствующего класса, которая настолько «выпирает» в обществе, что дает тон решительно всей общественной жизни, подчиняя своему влиянию и другие классы. Примером первого могут служить феодальные эпохи: здесь и у феодала-помещика, и у крестьянина есть общие психологические черты: приверженность к старине, рутина, традиция, преклонение перед авторитетом, «страх божий», застойность мыслей, нелюбовь ко всему новому и т. д. Почему это происходит? С одной стороны потому, что оба класса живут в застойном обществе, мало подвижном: подвижная психология идет позднее из города. С другой— потому, что в то время, как

феодал является «государем-батюшкой» в своей вотчине, крестьянин является «государем-батюшкой» в семье. Семья, как мы знаем, есть одна из трудовых организаций в это время. Семейно-трудовые связи в крестьянском хозяйстве и по сию пору играют огромную роль. Понятно поэтому, что патриархальный строй семейно-трудовых отношений, беспрекословный авторитет и власть «отца семейства», вызывал и соответствующую психологию: «старики лучше знают». Консерватизм феодального дворянства и порабощенного крестьянства—это был «дух времени» на определенной ступени общественного развития. Конечно, вместе и наряду с этим в господствующей общественной психологии сказывались и другие моменты, которые были свойственны только феодалам и которые распространялись лишь в силу господствующего положения феодального дворянства.

С другой стороны, гораздо чаще мы встречаем такие случаи, когда общественная психология, т. е. господствующая общественная психология, есть психология господствующего класса. Маркс замечает в «Коммунистическом манифесте»: «Господствующие идеи какого-либо времени были всегда только идеями господствующего класса»... Примерно то же можно сказать и об общественной психологии, которая господствует в определенное время. Мы уже при разборе идеологий приводили различные примеры господствовавших в обществе чувств, мыслей и настроений. Спросим теперь себя, что, например, означала психология эпохи Возрождения с ее любовью к земным наслаждениям утонченного свойства, щегольством латинским и греческим языком, с ее изысканной ученостью, страстью к тому, чтобы выделить себя и свою личную персону из «толпы» изящно-пренебрежительным отношением к средневековым суевериям и т. д.? Ясное дело, что этакая психология не имела ровно ничего общего, например, с психологией тогдашнего итальянского крестьянства. Это был продукт торговых городов, а в городах— продукт финансово-торговой аристократии. Но город уже начинал тогда господствовать над деревней, в городе господствовали банкиры, роднившиеся со знатным княжеским дворянством. И психология этого слоя считается господствующей: ее воплощение мы видим во всевозможных памятниках той эпохи. Нужно еще отметить, что с развитием производительных сил у господствующего класса появляются могучие рычаги, которые формируют, «делают» психологию в среде других классов. «В действительности... три или четыре мировых газеты станут в будущем определять мнение провинциальных газет, а вместе с тем и «волю народа», — не без откровенности заявляет философ современной германской буржуазии Шпенглер...

Тем не менее совершенно ясно, что в классовом обществе нет сплошной, единой, целостной «общественной психологии». В лучшем случае есть лишь некоторые общие черты, значение которых отнюдь нельзя преувеличивать...

Классовая же психология опирается на совокупность жизненных условий соответствующих клас-

сов, а эти жизненные условия определяются положением классов в экономической и политическо-социальной обстановке. При этом нужно иметь в виду сложность всякой общественной психологии. Например, резко противоположные по своему содержанию классовые психологии могут обнаруживать громадные черты сходства по форме. Когда, скажем, идет жестокая классовая борьба, борьба не на живот, а на смерть между двумя классами, тогда ясно, что содержание чувств, стремлений, надежд, упований, чаяний, иллюзий и т. д. будет различно у этих противоположных классов; а форма их психики—необычайная страстность, горячность, фанатизм борьбы, даже своеобразная форма героической психологии может быть довольно схожей.

Мы сказали, что психология классов определяется совокупностью жизненных условий класса, которые имеют своим основанием положение его в хозяйственной жизни, в его экономике. Поэтому ни в коем случае нельзя сводить психологию класса к его интересу, как это иногда делается. Совершенно верно, что классовый интерес составляет жизненный нерв классовой борьбы. Но этим вовсе не исчерпывается классовая психология... Во времена упадка Римской империи философы господствующего класса проповедывали самоубийство, и эта проповедь имела успех, потому что она соответствовала психологии этого господствовавшего класса, психологии пресыщения жизнью и отвращения к ней на почве этого пресыщения. Мы можем прекрасно уяснить себе, почему образовалась такая психология; мы видим, что ее корень — в паразитизме господствующего класса, который ничего не делал, жил исключительно тем, что потреблял, все перепробовал, и все ему осточертело. А это объяснялось его экономическим положением, его ролью (или отсутствием роли) в хозяйстве страны. Психология пресыщения и смерти была классовой психологией. Однако, нельзя сказать, что, проповедуя смерть, Сенека выражал классовый интерес. Но из этого примера, с другой стороны, вовсе не следует, что всякий акт самоубийства или чего-либо в этом роде никогда не стоит в связи с классовым интересом. Голодовки в русских тюрьмах были, например, актами солидарности и орудием сплочения борющихся. А борьба двигалась именно интересами классов. Иногда настроение отчаяния овладевает массами или группами после крупного поражения в классовой борьбе. Тут связь с классовым интересом есть, но это связь своеобразная: борьба велась скрытыми пружинами интересов, но вот армия борцов поражена, разбита; на этой почве — разложение, отчаяние, надежда на чудо, призыв к бегству от людей, устремление взоров к небу. После поражения крупных народных движений в России XVII столетия, шедших в значительной мере под религиозным флагом, развиваются формы протеста: «весьма разнообразные, появляющиеся под влиянием разочарования и отчаяния»: проповедь бегства в пустыню, самосожжения. «Сотни и тысячи гибнут на кострах... мы встречаем экстатиков, ложащихся в чистых саванах в заранее приготовленные гробы и ожидающих «светопреставления» (С. Мельгунов, Религиозно-общественные

движения русского народа в XVII в.)... Эта психология прекрасно выражена в двух приводимых Мельгуновым стихотворных произведениях той эпохи.

Прекрасная мати пустыня,
От смуты мира прими мя,
Аще из тебя изгонят,
Прекрасная мати пустыня,
Любезная — не изжени мя.—

Или:

Деревянный гроб сосков —
В нем буду лежать,
Трубна гласа ждать.

Мы видим, таким образом, что при рассмотрении классовой психологии мы имеем дело с явлением опять-таки очень сложным, вовсе не сводимым к одному голому интересу, однако *всегда объясняемым той конкретной обстановкой, в которую данный класс попал.*

В психологическом строении общества, т. е. среди различных видов общественной психологии, мы находим также психологию *групповую, профессиональную* и т. д. Внутри класса могут быть различные группы: например, среди буржуазии есть финансово-капиталистическая буржуазия, торговая буржуазия, промышленная буржуазия и т. д.; в рабочем классе мы имеем высококвалифицированную рабочую аристократию наряду с просто обученными и совсем необученными рабочими (чернорабочими). Каждая такая группа имеет свои несколько особые интересы и некоторые отличительные черты, например, высококвалифицированный рабочий, с одной стороны, любит свое дело, не прочь похвастать, что он—хороший мастер не в пример прочим; с другой—иногда тянется к вышестоящим, вместе с крахмальным воротничком, приобретает буржуазный запашок. Точно так же и *профессия* накладывает свой отпечаток: когда, например, ругают бюрократов, то именно и имеют в виду некоторые отрицательные *профессионально-психологические* черты: рутинность, привычку к бумажной волоките, предпочтение формы перед содержанием (формализм) и т. д. Образуются профессиональные психологические *типы*, душевные особенности которых прямо вытекают из рода занятий; а из этих особенностей, из этой психологии вырастает и соответствующая окраска *идеологии*. Так, Энгельс пишет: «У политиков по профессии, у теоретиков государственного права и юристов-специалистов по гражданскому праву... пропадает связь с экономическими фактами. Так как в каждом отдельном случае экономические факты должны принять форму юридических мотивов, чтобы быть санкционированными в форме законов, и т. к. при этом, разумеется, необходимо принять в соображение и всю уже действующую систему права, то юридическая форма должна (по мнению этих людей.—*Н. Б.*) означать все, а экономическое содержание—ничто» и т. д. («Людвиг Фейербах»). Профессиональная психология выдает человека через короткое время: после нескольких минут разговора вы можете определить, стоит ли перед вами

приказчик, или мясник, или журналист и т. д. При этом характерно, что эти черты интернациональны: их можно встретить и разглядеть в самых различных странах.

Таким образом наряду с классовой психологией, как самой резкой, выпуклой и значительной формой общественной психологии, стоит психология групповая, профессиональная и т. д. Бытие определяет собою сознание. И в этом смысле можно сказать, что всякая группировка людей (хотя бы то был кружок любителей шахматной игры или хорового пения) накладывает известный, быть может—незначительный — отпечаток. Но так как существование какой угодно людской группировки связано все же с экономическим строем общества, от него в конечном счете зависит, то, следовательно, все виды общественной психологии суть величина, зависимая от способа общественного производства, от хозяйственной структуры общества.

Если мы спросим теперь себя, в каком же соотношении находится общественная психология с общественной идеологией, то ответить на этот вопрос после всего вышеизложенного будет довольно легко. Общественная психология есть некий резервуар для идеологии. Ее можно сравнить с соляным раствором, из которого мало-по-малу осаждаются кристаллы идеологии. В самом деле, мы уже в начале этого параграфа видели, что идеология отличается большой систематизированностью своих элементов, т. е. мыслей, чувств, ощущений, образов и т. д. Что же систематизирует идеология? Она и систематизирует то, что мало или совсем не систематизировано, т. е. общественную психологию. Идеологии — это сгустки общественной психологии. Приведем, по нашему обычаю, несколько примеров. Уже на заре рабочего движения у рабочего класса было чувство недовольства, мысли о «несправедливости» капиталистического строя, неопределенные желания на его место поставить что-то другое. Но все это было смутно, несвязно. Это еще не была идеология. Но вот это смутное приобрело отчетливые формулировки, концы связались с концами, появилась система требований (программа), появился свой «идеал» и т. д. Это уже есть идеология. Или предположим, что чувства страдания и порывы к тому, чтобы вырваться из теперешнего состояния, закрепляются в каком-нибудь произведении искусства. Это тоже идеология. Понятно, что не всегда можно указать здесь точную границу. Идеология не отделена от психологии пограничным столбом с надписью: «вход строго воспрещается». Наоборот, в действительности всегда происходит непрерывный процесс затвердевания, уплотнения общественной психологии в общественную идеологию. Поэтому немудрено, что с изменением общественной психологии происходит и изменение в общественной идеологии... Сама же общественная психология изменяется вместе с изменением экономических отношений, ибо в процессе этого изменения происходит постоян-

ная перегруппировка общественных сил, нарождение новых отношений и притом на ином уровне производительных сил.

Бухарин, Теория исторического материализма, 1928, 231—241.

6. НРАВСТВЕННОСТЬ

Я не могу много говорить здесь об отношении дарвинизма к этому взгляду (материалистическому взгляду на историю.—*Сост.)*. Но все-таки скажу о нем... несколько слов.

Обратите внимание на нижеследующие строки:

«Я считаю необходимым заявить с самого начала, что я далек от мысли, будто каждое общежительное животное, умственные способности которого разовьются до такой деятельности и высоты, как у человека, приобретет нравственные понятия, сходные с нашими.

«Подобно тому как всем животным присуще чувство прекрасного, хотя они и восхищаются очень разнородными вещами, они могут иметь понятие о добре и зле, хотя это понятие и ведет их к поступкам, совершенно противоположным нашим.

«Если бы, например,—я намеренно беру крайний случай,—мы были воспитаны в совершенно тех же условиях, как улейные пчелы, то нет ни малейшего сомнения, что наши незамужние женщины, подобно пчелам-работницам, считали бы священным долгом убивать своих братьев, матери стремились бы убивать своих плодовитых дочерей, и никто не думал бы протестовать против этого. Тем не менее пчела (или всякое другое общежительное животное) имела бы в приведенном случае, как мне кажется, понятие о добре и зле или совесть».

Что следует из этих слов? То, что в нравственных понятиях людей нет ничего а б с о л ю т н о г о; что они изменяются вместе с изменениями тех условий, в которых живут люди. А чем создаются эти условия? Чем вызывается их изменение? На этот счет Дарвин не говорит ничего; и если мы скажем и докажем, что они создаются состоянием производительных сил и изменяются вследствие развития этих сил, то мы не только придем в противоречие с Дарвиным, но, напротив, дополним сказанное им, объясним то, что осталось у него необъясненным, и сделаем это, применив к изучению о б щ е с т в е н н ы х явлений тот самый принцип, который оказал ему такие огромные услуги в б и о л о г и и.

Вообще чрезвычайно странно противополагать дарвинизм защищаемому мною взгляду на историю. Область Дарвина была совсем другая. Он рассматривал происхождение человека, как з о о л о г и ч е с к о г о в и д а. Сторонники материалистического взгляда хотят объяснить и с т о р и ч е с к у ю судьбу этого вида. Область их исследований начинается как раз там, где кончается область исследований дарвинистов. Их работы не могут заменить того, что дают нам дарвинисты, и точно так же самые блестящие открытия дарвинистов не могут заменить нам их исследований, а могут толь-

ко подготовить для них почву, подобно тому, как физик подготовляет почву для химика, нимало не устраняя своими работами необходимости собственно химических исследований *.

Весь вопрос тут вот в чем. Теория Дарвина явилась в свое время, как большой и необходимый шаг вперед в развитии биологической науки, вполне удовлетворяя самым строгим из тех требований, которые могла тогда предъявить эта наука своим работникам. Можно ли сказать нечто подобное о материалистическом взгляде на историю? Можно ли утверждать, что он в свое время явился большим и неизбежным шагом вперед в развитии общественной науки? И способен ли он удовлетворить теперь всем ее требованиям? На это я с полной уверенностью отвечаю: да,—можно! Да,—способен! И я надеюсь показать отчасти и в этих письмах, что такая уверенность не лишена основания.

Но вернемся к эстетике. Из вышеприведенных слов Дарвина видно, что на развитие эстетических вкусов он смотрит с той же точки зрения, как и на развитие нравственных чувств. Людям, равно как и многим животным, свойственно чувство прекрасного, т. е. у них есть способность испытывать особого рода («эстетическое») удовольствие под влиянием известных вещей или явлений. Но какие именно вещи и явления доставляют им такое удовольствие, это зависит от условий, под влиянием которых они воспитываются, живут и действуют. Природа человека делает то, что у него могут быть эстетические вкусы и понятия. Окружающие его условия определяют собой переход этой возможности в действительность; ими объясняется то, что дан-

---

* Тут я должен оговориться. Если, по моему мнению, исследования биологов-дарвинистов подготовляют почву для социологических исследований, то это надо понимать лишь в том смысле, что успехи биологии — поскольку она имеет дело с процессом развития органических форм — не могут не содействовать усовершенствованию научного метода в социологии, поскольку она имеет дело с развитием общественной организации и ее продуктов: человеческих мыслей и чувств. Но я нисколько не разделяю общественных взглядов дарвинистов, подобных Геккелю. В нашей литературе уже было замечено, что биологи-дарвинисты в своих рассуждениях о человеческом обществе вовсе не пользуются методом Дарвина, а лишь возводят в идеал инстинкты животных (преимущественно хищных), бывших предметом исследования для великого биолога. Дарвин далеко не был «sattelfest» в общественных вопросах; но те общественные взгляды, которые явились у него, как вывод из его теории, мало похожи на выводы, делаемые из нее большинством дарвинистов. Дарвин думал, что развитие общественных инстинктов «крайне полезно для преуспеяния вида». Этого взгляда не могут разделить дарвинисты, проповедующие общественную борьбу для всех людей, и «законы и обычаи не должны препятствовать способнейшим иметь наибольший успех и самое многочисленное потомство»... Но напрасно ссылаются на эти его слова сторонники социальной войны всех против всех. Пусть они припомнят сен-симонистов. Те говорили о конкуренции то же, что и Дарвин, но во имя конкуренции они требовали таких общественных реформ, за которые едва ли высказались бы Геккель и его единомышленники.... — *Прим. авт.*

ный общественный человек (т. е. данное общество, данный народ, данный класс) имеет *именно эти* эстетические вкусы и понятия, а *не другие*.

Таков окончательный вывод, сам собой вытекающий из того, что говорит об этом Дарвин. И этого вывода, разумеется, не станет оспаривать ни один из сторонников материалистического взгляда на историю. Совершенно напротив, каждый из них увидит в нем новое подтверждение этого взгляда. Ведь никому из них никогда не приходило в голову отрицать то или другое из общеизвестных свойств человеческой природы или пускаться в какие-нибудь произвольные толкования по ее поводу. Они только говорили, что если эта природа неизменна, то она не объясняет исторического процесса, который представляет собой сумму постоянно *изменяющихся* явлений, а если она сама *изменяется* вместе с ходом исторического развития, то, очевидно, есть какая-то внешняя причина ее изменений. И в том, и в другом случае задача историка и социолога выходит, следовательно, далеко за пределы рассуждений о свойствах человеческой природы.

Плеханов, Письма без адреса, Соч., XIV, Гиз, 9—12.

...Существует ли коммунистическая мораль? Существует ли коммунистическая нравственность? Конечно, да. Часто представляют дело таким образом, что у нас нет своей морали, и очень часто буржуазия обвиняет нас в том, что мы, коммунисты, отрицаем всякую мораль. Это — способ подменять понятие, бросать песок в глаза рабочим и крестьянам.

В каком смысле отрицаем мы мораль, отрицаем нравственность?

В том смысле, в каком проповедывала ее буржуазия, которая выводила эту нравственность из велений бога. Мы на этот счет, конечно, говорим, что в бога не верим, и очень хорошо знаем, что от имени бога говорило духовенство, говорили помещики, говорила буржуазия, чтобы проводить свои эксплоататорские интересы. Или вместо того, чтобы выводить эту мораль из велений нравственности, из велений бога, они выводили ее из идеалистических или полуидеалистических фраз, которые всегда сводились тоже к тому, что очень похоже на веления бога.

Всякую такую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем. Мы говорим, что это обман, что это надувательство и забивание умов рабочих и крестьян в интересах помещиков и капиталистов.

Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата.

Старое общество было основано на угнетении помещиками и капиталистами всех рабочих и крестьян. Нам нужно было это разрушить, надо было их скинуть, но для этого надо создать объединение. Боженька такого объединения не создаст.

Такое объединение могли дать только фабрики, заводы, только проле-

тариат, обученный, пробужденный от старой спячки. Лишь тогда, когда этот класс образовался, тогда началось массовое движение, которое привело к тому, что мы видим сейчас, — к победе пролетарской революции в одной из самых слабых стран, три года отстаивающей себя от натиска буржуазии всего мира. И мы видим, как пролетарская революция растет во всем мире. Мы говорим теперь на основании опыта, что только он мог создать такую сплоченную силу, за которою идет раздробленное, распыленное крестьянство, которая устояла при всех натисках эксплоататоров. Только этот класс может помочь трудящимся массам объединиться, сплотиться и окончательно отстоять, окончательно закрепить коммунистическое общество, окончательно его построить.

Вот почему мы говорим: для нас нравственность, взятая вне человеческого общества, не существует: это обман. Для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата...

Классовая борьба продолжается; она только изменила свои формы. Это классовая борьба пролетариата за то, чтобы не могли вернуться старые эксплоататоры, чтобы соединилась раздробленная масса темного крестьянства в один союз. Классовая борьба продолжается, и наша задача подчинить все интересы этой борьбе. И мы свою нравственность коммунистическую этой задаче подчиняем. Мы говорим: нравственность это то, что служит разрушению старого эксплоататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидающего новое общество коммунистов.

Коммунистическая нравственность это та, которая служит этой борьбе, которая объединяет трудящихся против всякой эксплоатации, против всякой мелкой собственности, ибо мелкая собственность дает в руки одного лица то, что создано трудом всего общества. Земля у нас считается общей собственностью.

Ну, а если из этой общей собственности я беру себе известный кусок, возделываю на нем вдвое больше хлеба, чем нужно мне, и излишком хлеба спекулирую? Рассуждаю, что чем больше голодных, тем дороже будут платить? Разве я тогда поступаю, как коммунист? Нет, как эксплоататор, как собственник. С этим нужно вести борьбу. Если оставить так, то все скатится назад, к власти капиталистов, к власти буржуазии, как это бывало не раз в прежних революциях. И чтобы не дать снова восстановиться власти капиталистов и буржуазии, для этого нужно этот порядок не допустить, для этого нужно, чтобы отдельные лица не наживались на счет остальных, для этого нужно, чтобы трудящиеся сплотились с пролетариатом и составили коммунистическое общество. В этом и состоит главная особенность того, что является основной задачей союза и организации коммунистической молодежи.

Старое общество было основано на таком принципе, что либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты работаешь на другого, либо он на тебя, либо ты рабовладелец, либо ты раб. И понятно, что воспитан-

ные в этом обществе люди, можно сказать, с молоком матери воспринимают психологию, привычку, понятие — либо рабовладелец, либо раб, либо мелкий собственник, мелкий служащий, мелкий чиновник, интеллигент, — словом, человек, который заботится только о том, чтобы иметь свое, а до другого ему дела нет.

Если я хозяйничаю на этом участке земли, мне дела нет до другого; если другой будет голодать, тем лучше, я дороже продам свой хлеб. Если я имею свое местечко, как врач, как инженер, учитель, служащий, мне дела нет до другого. Может быть, потворствуя, угождая власть имущим, я сохраню свое местечко, да еще смогу и пробиться, выйти в буржуа. Такой психологии и такого настроения у коммуниста быть не может. Когда рабочие и крестьяне доказали, что мы умеем своею силою отстоять себя и создать новое общество, вот здесь и началось новое коммунистическое воспитание, воспитание в борьбе против эксплоататоров, воспитание в союзе с пролетариями против эгоистов и мелких собственников, против той психологии и тех привычек, которые говорят: я добиваюсь своей прибыли, а до остального мне нет никакого дела.

Вот в чем состоит разъяснение вопроса, как должно учиться коммунизму молодое подрастающее поколение.

Оно может учиться коммунизму, только связывая каждый шаг своего учения, воспитания и образования с непрерывной борьбой пролетариев и трудящихся против старого эксплоататорского общества. Когда нам говорят о нравственности, мы говорим: для коммуниста нравственность вся в этой сплоченной солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплоататоров. Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем. Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплоатации труда.

Ленин, Речь на III Всероссийском съезде РКСМ, Соч., XXV, 2 изд., 390—393.

в. ИСКУССТВО

Относительно искусства известно, что определенные периоды его расцвета не стоят ни в каком соответствии с общим развитием общества, а, следовательно, также и с развитием материальной основы последнего, составляющей как бы скелет его организации. Например, греки в сравнении с современными народами или также Шекспир. О некоторых видах искусства, например, эпосе, признано даже, что он в своей классической форме, составляющей эпоху мировой истории, уже не может быть создан, лишь только началось художественное творчество в собственном смысле, что, таким образом, в области искусства известные формы, имеющие громадное значение, возможны только на сравнительно низкой ступени художественного развития. Если это имеет место в области искусства, в отношениях между различными его видами, то еще менее это обстоятельство должно по-

ражать, если мы возьмем область искусства в целом по отношению к общему социальному развитию. Трудность начинается только при поисках общего выражения для этих противоречий. Стоит лишь выделить каждое из них, и они уже объяснены. Возьмем, например, отношение греческого искусства и затем Шекспира к современности. Известно, что греческая мифология составляла не только арсенал греческого искусства, но и его почву. Разве был бы возможен тот взгляд на природу и на общественные отношения, который лежит в основе греческой фантазии, а потому и греческого искусства, при наличии сельфакторов—железных дорог, локомотивов и электрического телеграфа. Разве нашлось бы место Вулкану рядом с Roberts et C°, Юпитеру рядом с громоотводом и Гермесу рядом с Crédit mobilier. Всякая мифология преодолевает, подчиняет и формирует силы природы в воображении и при помощи воображения и, следовательно, исчезает вместе с действительным господством над последними. Что сталось бы с Фомой при наличности Printinghousesquare? * Греческое искусство предполагает греческую мифологию, т. е. природу и общественные формы, уже получившие бессознательную художественную обработку в народной фантазии. Это ее материал. Но не любая мифология и не любая бессознательная художественная обработка природы. (Здесь под нею понимается все предметное, следовательно (также) общество). Египетская мифология никогда не могла бы стать почвой и материнским лоном греческого искусства. Однако, во всяком случае, это (д о л ж н а) быть мифология. Следовательно, такое общественное развитие, которое исключает всякое мифологическое отношение к природе, всякое мифологизирование природы, которое требует от художника независимой от мифологии фантазии, не (могло бы) ни в коем случае (образовать почву для греческого искусства).

С другой стороны: возможен ли Ахиллес с порохом и свинцом? Или вообще Илиада наряду с печатным станком и типографской машиной? И разве не исчезают неизбежно сказания и песни и музы, а тем самым и необходимые предпосылки эпической поэзии, вместе с печатным рычагом.

Однако, трудность заключается не в том, чтобы понять, что греческое искусство и эпос связаны с известными общественными формами развития. Трудность состоит в (понимании) того, что они еще продолжают давать нам художественное наслаждение и в известном смысле сохраняют значение нормы и недосягаемого образца.

Мужчина не может сделаться снова ребенком, не становясь смешным. Но разве не радует его наивность ребенка и разве сам он не должен стремиться к тому, чтобы на высшей ступени воспроизводить свою истинную сущность, и разве в детской природе в каждую эпоху не оживает ее собственный характер в его безыскусственной правде? И почему детство человеческого общества, где оно развилось всего прекраснее, не должно обладать для нас вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень? Бывают невоспитанные дети и старчески умные дети. Многие из древних народов

* Типография «Times» в Лондоне.

принадлежат к этой категории. Греки были нормальными детьми. Обаяние, которое свойственно их искусству, не противоречит той неразвитой общественной среде, из которой оно выросло. Наоборот, оно является ее результатом и неразрывно связано с тем, что незрелые общественные условия, среди которых оно возникло и могло только возникнуть, никогда не могут повториться снова.

Маркс, Введение «К критике политической экономии», «Моск. Раб.», 1922. 32—33.

Дарвин, в своей книге «Происхождение человека и половой подбор», приводит, как известно, множество фактов, свидетельствующих о том, что чувство красоты... играет довольно важную роль в жизни животных. Мне укажут на эти факты и сделают из них тот вывод, что происхождение чувства красоты должно быть объяснено биологией. Мне заметят, что непозволительно («узко») приурочивать эволюцию этого чувства у людей к одной экономике их общества. А так как взгляд Дарвина на развитие видов есть, несомненно, материалистический взгляд, то мне скажут также, что биологический материализм дает прекрасный материал для критики одностороннего исторического («экономического») материализма.

Я понимаю всю серьезность этого возражения и потому остановлюсь на нем. Мне тем полезнее будет сделать это, что, отвечая на него, я тем самым отвечу на целый ряд подобных возражений, которые можно заимствовать из области психической жизни животных. Прежде всего постараемся, как можно точнее, определить тот вывод, который мы должны сделать на основании фактов, приводимых Дарвином. А для этого посмотрим, какое умозаключение строит на них он сам.

Во второй главе первой части (русского перевода) его книги о происхождении человека мы читаем:

«Чувство красоты—это чувство было тоже провозглашено исключительной особенностью человека. Но если мы припомним, что самцы некоторых птиц намеренно распускают свои перья и щеголяют яркими красками перед самками, тогда как другие, не имеющие красивых перьев, не кокетничают таким образом, то, конечно, не будем сомневаться, что самки любуются красотой самцов. А так как, далее, женщины всех стран убираются такими перьями, то, конечно, никто не станет отрицать изящества этого украшения. Плащеносы, убирающие с большим вкусом свои игральные беседки ярко окрашенными предметами, и некоторые колибри, украшающие таким же образом свои гнезда, ясно доказывают, что они имеют понятие о красоте. То же можно сказать и относительно пения птиц. Нежные песни самцов, в пору любви, несомненно нравятся самкам. Если бы самки птиц были неспособны ценить яркие краски, красоту и приятный голос самцов, все старания и хлопоты последних очаровать их этими свойствами были бы потеряны, а этого, очевидно, нельзя предположить.

«Почему известные цвета, известные звуки, сгруппированные известным образом, доставляют наслаждение, может быть так же мало объяснено, как и то, почему тот или другой предмет приятен для обоняния или вкуса. Можно, однако, сказать с уверенностью, что одни и те же цвета и звуки нравятся нам и низшим животным».

Итак, факты, приводимые Дарвином, свидетельствуют о том, что низшие животные, подобно человеку, способны испытывать эстетические наслаждения, и что иногда наши эстетические вкусы совпадают со вкусами низших животных*. Но эти факты не объясняют нам *происхождения* названных вкусов.

А если биология не объясняет нам происхождения наших эстетических вкусов, то тем менее может объяснить она их *историческое развитие*. Но пусть опять говорит сам Дарвин:

«Понятие о прекрасном,—продолжает он,—по крайней мере, насколько оно относится к женской красоте, не имеет определенного характера у людей. В самом деле, оно весьма различно у разных человеческих племен... и даже не одинаково у отдельных наций одной расы. Судя по отвратительным украшениям и столь же отвратительной музыке, которыми восхищается большинство дикарей, можно было бы сказать, что их эстетические понятия развиты менее, чем у иных низших животных, например, у птиц».

Если понятие о прекрасном различно у отдельных наций одной и той же расы, то ясно, что не в биологии надо искать причин такого различия. Сам Дарвин говорит нам, что наши поиски должны быть направлены в другую сторону. Во втором английском издании его книги мы... встречаем следующие слова, которых нет в русском переводе:

«...У цивилизованного человека такие ощущения тесно ассоциируются, однако, со сложными идеями и с ходом мыслей». Это — чрезвычайно важное указание. Оно отсылает нас от *биологии к социологии*, так как, очевидно, именно общественными причинами обусловливается, по мнению Дарвина, то обстоятельство, что у *цивилизованного* человека ощущения красоты ассоциируются со многими сложными идеями. Но прав ли Дарвин, когда он думает, что такая ассоциация имеет место *только* у цивилизованных людей? Нет, не прав, и в этом очень легко убедиться. Возьмем пример. Известно, что шкуры, когти и зубы животных играют очень важную роль в украшениях первобытных народов. Чем же объясняется эта роль? Сочетанием цветов и линий в этих предметах? Нет, тут дело в том, что, украшая себя, например, шкурой, когтями и зубами тигра или кожей и ро-

* По мнению Уоллэса, Дарвин очень преувеличивал значение эстетического чувства в деле полового подбора у животных. Предоставляя биологам решить, насколько прав Уоллэс, я исхожу из того предположения, что мысль Дарвина безусловно справедлива, и вы согласитесь, милостивый государь, что это наименее выгодное для меня предположение. — *Прим. авт.*

гами бизона, дикарь намекает на свою собственную ловкость или силу: тот, кто победил ловкого, сам ловок; тот, кто победил сильного, сам силен. Возможно, что, кроме того, тут замешано и некоторое суеверие. Скулькрафт сообщает, что краснокожие племена североамериканского запада чрезвычайно любят украшения, изготовляемые из когтей серого медведя, самого свирепого из тамошних хищников. Краснокожий воин думает, что свирепость и храбрость серого медведя сообщаются тому, кто украшает себя его когтями. Таким образом эти когти служат для него, по замечанию Скулькрафта, частью украшением, а частью амулетом.

В этом случае нельзя, конечно, думать, что звериные шкуры, когти и зубы первоначально нравились краснокожим единственно в силу свойственных этим предметам сочетаний цветов и линий. Нет, гораздо вероятнее обратное предположение, т. е. что эти предметы сначала носились лишь как вывеска храбрости, ловкости и силы, и только потом и именно вследствие того, что они были вывеской храбрости, ловкости и силы, они начали вызывать эстетические ощущения и попали в разряд украшений. Выходит, что эстетические ощущения не только «могут ассоциироваться у дикарей» со сложными идеями, но и возникают иногда именно под влиянием таких идей.

Другой пример. Известно, что женщины многих африканских племен носят на руках и на ногах железные кольца. Жены богатых людей носят на себе иногда чуть ли не целый пуд таких украшений.

Это, конечно, очень неудобно, но неудобство не мешает им с удовольствием носить эти, как выражается Швейнфурт, цепи рабства. Почему же негритянке приятно таскать на себе подобные цепи? Потому, что, благодаря им она кажется красивой и себе, и другим. А почему же она кажется красивой? Это происходит в силу довольно сложной ассоциации идей. Страсть к таким украшениям развивается именно у тех племен, которые, по словам Швейнфурта, переживают теперь железный век, т. е., иначе сказать, у которых железо является драгоценным металлом. Драгоценное кажется красивым, потому что с ним ассоциируется идея богатства. Надевши на себя, положим, двадцать фунтов железных колец, женщина племени Динка кажется себе и другим красивее, чем была, когда носила их только два, т. е., когда была беднее. Ясно, что тут дело не в красоте колец, а в той идее богатства, которая с ним ассоциируется.

Третий пример. У племени Батока в верховьях Замбези считается некрасивым человек, у которого не вырваны верхние резцы. Откуда это странное понятие о красоте? Оно образовалось тоже благодаря довольно сложной ассоциации идей. Вырывая свои верхние резцы, Батока стремятся подражать жвачным животным. На наш взгляд это — несколько непонятное стремление. Но Батока—пастушеское племя и почти боготворит своих коров и быков. Тут опять красиво то, что драгоценно, и эстетические понятия возникают на почве идей совсем другого порядка.

Наконец, возьмем пример, приводимый, со слов Ливингстона, самим Дарвином. Женщины племени Макололо прокалывают себе верхнюю губу и в отверстие вдевают большое металлическое или бамбуковое кольцо, называемое п е л е л е. Когда одного предводителя этого племени спросили, зачем женщины носят такие кольца, он, «видимо удивленный столь нелепым вопросом», отвечал: «для красоты! Это—единственное украшение женщин. Мужчины имеют бороды, у женщин их нет. Что бы такое была женщина без пелеле?» Трудно сказать теперь с уверенностью, откуда взялся обычай носить пелеле; но ясно, что его происхождение надо искать в какой-нибудь очень сложной ассоциации идей, а не в законах биологии, к которым он, очевидно, не имеет ни малейшего (непосредственного) отношения. Ввиду этих примеров я считаю себя в праве утверждать, что ощущения, вызываемые известными сочетаниями цветов или формой предметов, даже у первобытных народов ассоциируются с весьма сложными идеями, и что, по крайней мере, многие из таких форм и сочетаний кажутся им красивыми только благодаря такой ассоциации.

Чем же она вызывается? И откуда берутся те сложные идеи, которые ассоциируются с ощущениями, вызываемыми в нас видом предметов? Очевидно, что ответить на эти вопросы может н е б и о л о г, а только с о ц и о л о г. И если материалистический взгляд на историю более способствует их разрешению, чем какой бы то ни был другой взгляд на нее; если мы убедимся, что указанная ассоциация и упомянутые сложные идеи обусловливаются и создаются в последнем счете состоянием производительных сил данного общества и его экономикой, то следует признать, что дарвинизм нимало не противоречит тому материалистическому взгляду на историю, который я старался характеризовать выше.

Плеханов, Письма без адреса, Соч., XIV, Гиз, 5—9.

Бертон говорит, что у известных ему африканских негров плохо развит музыкальный слух, но зато они удивительно чувствительны к ритму: «гребец поет в такт с движением своих весел, носильщик поет на ходу, хозяйка дома напевает, размалывая зерна». То же говорит Казалис о хорошо изученных им кафрах племени Бассуто. «Женщины этого племени носят на руках металлические кольца, звенящие при каждом их движении. Чтобы молоть свой хлеб на ручных мельницах, они нередко собираются вместе и сопровождают размеренные движения своих рук пением, которое строго соответствует каденсированному звону, издаваемому их кольцами. Мужчины того же племени, когда им случается мять кожи, при каждом своем движении испускают,—говорит Казалис,—странный звук, значение которого я не мог себе выяснить». В музыке этому племени особенно нравится ритм, и чем сильнее он в данном напеве, тем приятнее им этот напев. Во время танцев Бассуто отбивают такт ногами и руками, а для усиления производимых таким образом звуков они обвешивают свое тело особого рода погремушками.

В музыке бразильских индейцев тоже очень сильно сказывается чувство ритма, между тем как они очень слабы в мелодии и не имеют, повидимому, ни малейшего понятия о гармонии. То же приходится сказать и о туземцах Австралии. Словом, для всех первобытных народов ритм имеет поистине колоссальное значение. Чувствительность к ритму, как и вообще музыкальная способность, очевидно, составляет одно из основных свойств психо-физиологической природы человека. И не только человека. «Способность, если не наслаждаться музыкальностью такта и ритма, то, по крайней мере, замечать ее, свойственна, повидимому, всем животным,—говорит Дарвин,—и без сомнения, зависит от общей физиологической природы их нервной системы». Ввиду этого можно предполагать, пожалуй, что когда проявляется эта способность, общая человеку с другими животными, то ее проявление не зависит от условий его социальной жизни вообще и в особенности от состояния его производительных сил. Но хотя такое предположение кажется на первый взгляд весьма естественным, оно не выдерживает критики фактов. Наука показала, что такая связь существует. И заметьте, ...что наука сделала это в лице одного из самых выдающихся экономистов—Карла Бюхера.

Как это видно из фактов, приведенных мною выше, способность человека замечать ритм и наслаждаться им ведет к тому, что первобытный производитель охотно подчиняется в процессе своего труда известному такту и сопровождает свои производительные телодвижения размеренными звуками голоса или каданснрованным звоном различных привесок. Но от чего же зависит такт, которому подчиняется первобытный производитель? Почему в его производительных телодвижениях соблюдается именно эта, а не другая мера? Это зависит от технологического характера данного производительного процесса, от техники данного производства. У первобытных племен каждый род труда имеет свою песню, напев которой всегда очень точно приспособлен к ритму свойственных этому роду труда производительных движений. С развитием производительных сил слабеет значение ритмической деятельности в производительном процессе, но даже и у цивилизованных народов, например, в немецких деревнях, каждое время года имеет, по выражению Бюхера, свои особые рабочие шумы и каждая работа — свою собственную музыку.

Надо заметить также, что в зависимости от того, как совершается работа—одним производителем или целою группой, возникают песни для одного певца или для целого хора, причем эти последние тоже подразделяются на несколько разрядов. И во всех этих случаях ритм песни всегда строго определяется ритмом производительного процесса. Но этого мало. Технологический характер этого процесса имеет решающее влияние также и на содержание сопровождающих работу песен. Изучение взаимной связи работы, музыки и поэзии привело Бюхера к тому выводу, «что на первой ступени своего развития работа, музыка и поэзия были теснейшим образом

связаны одна с другою, но что основным элементом этой троицы была работа, а остальные элементы имели лишь подчиненное значение».

Так как звуки, сопровождающие многие производительные процессы, уже сами по себе имеют музыкальное действие; так как, кроме того, для первобытных народов в музыке главное —р и т м, то нетрудно понять, каким образом их незатейливые музыкальные произведения вырастали из звуков, вызываемых соприкосновением о р у д и й труда с их п р е д м е т о м. Это совершалось путем усиления названных звуков, путем внесения некоторого разнообразия в их ритм и вообще путем приспособления их к выражению человеческих чувств. Но для этого нужно было видоизменить первоначально о р у д и я т р у д а, которые таким образом превращались в м у з ы к а л ь н ы е и н с т р у м е н т ы.

Раньше других должны были испытать подобное превращение такие орудия, с помощью которых производитель просто б и л по предмету своего труда. Известно, что б а р а б а н чрезвычайно распространен у первобытных народов, а у некоторых из них до сих пор остается единственным музыкальным инструментом. Струнные инструменты принадлежат первоначально к той же категории, так как первоначальные музыканты, и г р а я, б ь ю т п о с т р у н а м. Духовые же инструменты совсем отходят у них на задний план: чаще других встречается флейта, игра на которой нередко сопровождает—для сообщения им ритмической правильности—некоторые совместные работы. Я не могу подробно говорить здесь о взгляде Бюхера на возникновение поэзии; мне удобнее сделать это в одном из следующих писем. Скажу коротко: Бюхер убежден, что к ее возникновению привели энергичные ритмические телодвижения, в особенности телодвижения, называемые нами работой, и что это верно не только в отношении поэтической ф о р м ы, но также и в отношении с о д е р ж а н и я.

Если справедливы замечательные выводы Бюхера, то мы имеем право сказать, что природа человека (физиологическая природа его нервной системы) дала ему способность замечать музыкальность ритма и наслаждаться ею, а техника его производства определила собою дальнейшую судьбу этой способности.

Исследователи давно уже заметили тесную связь между состоянием производительных сил так называемых первобытных народов и их искусством. Но так как они в огромном большинстве случаев стояли на идеалистической точке зрения, то они признавали существование этой связи как бы против воли и давали ей неправильное объяснение. Так, известный историк искусства Вильгельм Любке говорит, что у первобытных народов художественные произведения носят на себе печать е с т е с т в е н н о й н е о б х о д и м о с т и, между тем как у цивилизованных наций они проникнуты д у х о в н ы м с о з н а н и е м. Подобное противопоставление не имеет за собой ничего, кроме идеалистического предрассудка. На самом деле художественное творчество цивилизованных народов—не менее первобытного подчинено необходимости. Разница состоит лишь в том, что у цивилизован-

ных народов исчезает непосредственная зависимость искусства от техники и способов производства. Я знаю, конечно, что это очень большая разница. Но я знаю также, что она причиняется не чем иным, как именно развитием общественных производительных сил, ведущих к разделению общественного труда между различными классами. Она не опровергает материалистического взгляда на историю искусства, а, напротив, дает новое и убедительное свидетельство в его пользу.

Плеханов, Письма без адреса, Соч., XIV, Гиз, 25—28.

Французское общество XVIII в. с точки зрения социологии характеризуется прежде всего тем обстоятельством, что оно было обществом, разделенным на классы. Это обстоятельство не могло не отразиться на развитии искусства. В самом деле, возьмем хоть театр. На средневековой сцене во Франции, как и во всей Западной Европе, важное место занимают так называемые фарсы. Фарсы сочинялись для народа и разыгрывались перед народом. Они всегда служили выражением взглядов народа, его стремлений и—что особенно полезно отметить здесь—его неудовольствий против высших сословий. Но, начиная с царствования Людовика XIII, фарс склоняется к упадку; его относят к числу тех развлечений, которые приличны только для лакеев и недостойны людей утонченного вкуса: «éprouvés des gens sages», как говорит один французский писатель в 1625 г. На смену фарса является трагедия. Но французская трагедия не имеет ничего общего со взглядами, стремлениями и неудовольствиями народной массы. Она представляет собой создание аристократии и выражает взгляды, вкусы и стремления высшего сословия. Мы сейчас увидим, какую глубокую печать наложило это сословное происхождение на весь ее характер; но сначала мы хотим обратить внимание читателя на то, что в эпоху возникновения трагедии во Франции аристократия этой страны совершенно не занималась производительным трудом и жила, потребляя те продукты, которые создавались экономической деятельностью третьего сословия (tiers état.) Нетрудно понять, что этот факт не мог не иметь влияния на те произведения искусства, которые возникали в аристократической среде и которые выражали собой ее вкусы. Вот, например, известно, что новозеландцы воспевают в некоторых своих песнях возделывание бататов. Известно также, что их песни нередко сопровождаются пляской, представляющей собою не более как воспроизведение тех телодвижений, которые совершаются земледельцем при возделывании этих растений. Тут ясно видно, каким образом производительная деятельность людей влияет на их искусство, и не менее ясно, что так как высшие классы не занимаются производительным трудом, то искусство, возникающее в их среде, не может иметь никакого прямого отношения к общественному процессу производства. Но значит ли это, что в обществе, разделенном на классы, ослабляется причинная зависимость сознания людей от их бытия? Нет, нисколько не значит, потому что разделение

общества на классы само обусловливается экономическим его развитием. И если искусство, создаваемое высшими классами, не имеет никакого прямого отношения к производительному процессу, то это объясняется в последнем счете тоже экономическими причинами. Стало быть, материалистическое объяснение истории вполне применимо и в этом случае; но само собою разумеется, что в этом случае уже не так легко обнаруживается несомненная причинная связь между бытием и сознанием, между общественными отношениями, возникающими на основе «р а б о т ы», и искусством. Здесь между «работой», с одной стороны, и искусством—с другой, образуются некоторые промежуточные инстанции, часто привлекавшие к себе все внимание исследователей и тем самым затруднявшие правильное понимание явлений...

Аристократическое происхождение французской трагедии наложило свою печать, между прочим, и на искусство актеров. Всем известно, например, что игра французских драматических актеров до сих пор отличается некоторой искусственностью и даже ходульностью, производящей довольно неприятное впечатление на непривычного зрителя. Кто видел Сарру Бернар, тот не станет спорить с нами. Такая манера игры унаследована французскими драматическими актерами от той поры, когда на французской сцене господствовала классическая трагедия. Аристократическое общество XVII и XVIII столетий обнаружило бы большое недовольство, если бы трагические актеры вздумали играть свои роли с тою простотою и с той естественностью, которыми чарует нас, например, Элеонора Дузэ. Простая и естественная игра решительно противоречила всем требованиям аристократической эстетики. «Французы не ограничиваются костюмом, чтобы придать актерам и трагедии необходимые для них благородство и достоинство,—с гордостью говорит аббат Дюбо.—Мы хотим еще, чтобы актеры говорили тоном более высоким и более протяжным, чем тот, которым говорят в обыденной речи. Это более трудная манера (sic!), но в ней более достоинства. Жестикуляция должна соответствовать тону, потому что наши актеры должны обнаруживать величие и возвышенность во всем, что они делают».

Почему же актеры должны были обнаруживать величие и возвышенность? Потому, что трагедия была детищем придворной аристократии и что главными действующими лицами в ней выступали короли, «герои» и вообще такие «высокопоставленные» лица, которых, так сказать, долг службы обязывал казаться, если не быть, «величавыми» и «возвышенными». Драматург, в произведениях которого не было надлежащей условной дозы придворно-аристократической «возвышенности», даже при большом таланте никогда не дождался бы рукоплесканий от тогдашних зрителей.

Это лучше всего видно из тех суждений, которые высказывались о Шекспире в тогдашней Франции, а под влиянием Франции даже и в Англии. Юм находил, что не следует преувеличивать гений Шекспира: непропорциональные тела часто кажутся выше своего действительного роста; для своего времени Шекспир был хорош, но он не подходит для утонченной аудитории. Поне высказал сожаление о том, что Шекспир писал для народа, а не

для светских людей. «Шекспир писал бы лучше,—говорил он,—если бы пользовался покровительством государя и поддержкой со стороны придворных». Сам Вольтер, который в своей литературной деятельности являлся глашатаем нового времени, враждебного «старому порядку», и который дал многим своим трагедиям «философское» содержание, заплатил огромную дань эстетическим понятиям аристократического общества. Шекспир казался ему гениальным, но грубым в а р в а р о м. Его отзыв о «Гамлете» в высшей степени замечателен. «Эта пьеса,—говорит он,—полна анахронизмов и нелепостей; в ней хоронят Офелию на сцене, а это такое чудовищное зрелище, что знаменитый Гаррик выкинул сцену на кладбище... Эта пьеса изобилует вульгарностями. Так, в первой сцене часовой говорит: «Я не слыхал даже мышиного топота». Можно ли допускать подобные несообразности? Без сомнения, солдат способен выразиться так в своей казарме, но он не должен выражаться так на сцене, перед избранными особами нации,—особами, которые говорят благородным языком и в присутствии которых надо выражаться не менее благородно. Вообразите вы, господа, Людовика XIV в его зеркальной галлерее, окруженного блестящим двором, и представьте, что покрытый лохмотьями шут расталкивает толпу героев, великих людей и красавиц, составляющих этот двор: он предлагает им покинуть Корнеля, Расина и Мольера для Петрушки, который имеет проблески таланта, но кривляется. Как вы думаете? Как встретили бы подобного шута?».

В этих словах Вольтера заключается указание не только на аристократическое происхождение французской классической трагедии, но также и на причины ее упадка.

И з ы с к а н н о с т ь легко переходит в м а н е р н о с т ь, а манерность исключает серьезную и вдумчивую обработку предмета. И не только обработку. К р у г в ы б о р а предметов непременно должен был сузиться под влиянием сословных предрассудков аристократии. Сословное понятие о приличии подрезывало крылья искусству. В этом отношении чрезвычайно характерно и поучительно то требование, которое предъявляет к трагедии Мармонтель.

«И мирная и благовоспитанная нация,—говорит он,—в которой каждый считает себя обязанным приспособлять свои идеи и чувства к нравам и обычаям общества, нация, в которой приличия служат законами, такая нация может допустить только такие характеры, которые смягчены уважением к окружающим, и только такие пороки, которые смягчены приличием».

Сословное приличие становится критерием при оценке художественных произведений. Этого достаточно для того, чтобы вызвать падение классической трагедии. Но этого еще недостаточно для того, чтобы объяснить появление на французской сцене нового рода драматических произведений. А между тем мы видим, что в тридцатых годах XVIII в. появляется новый литературный жанр,—так называемая comédie larmoyante, слезливая комедия, которая в течение некоторого времени пользуется весьма значительным успехом. Если сознание объясняется бытием, если так называе-

мое духовное развитие человечества находится в причинной зависимости от его экономического развития, то экономика XVIII в. должна объяснить нам, между прочим, и появление слезливой комедии. Спрашивается, может ли она сделать это?

Не только может, но отчасти уже и сделала, правда, без серьезного метода. В доказательство сошлемся, например, на Геттнера, который в своей истории французской литературы рассматривает слезливую комедию как следствие роста французской буржуазии. Но рост буржуазии, как всякого другого класса, может быть объяснен только экономическим развитием общества. Стало быть, Геттнер, сам того не подозревая и не желая,—он большой враг материализма, о котором, мимоходом сказать, он имеет самое нелепое представление,— прибегает к материалистическому объяснению истории. И не один Геттнер поступает так. Гораздо лучше Геттнера обнаружил искомую нами причинную зависимость Брюнэтьер в своей книге «Les époques du théâtre français».

Он говорит там: «Со времени краха, постигшего Лоу, —чтобы не заходить дальше,—аристократия с каждым днем теряет почву под ногами. Она как будто торопится сделать все, что только может сделать данный класс для того, чтобы дискредитироваться... но в особенности она разоряется, а буржуазия, третье сословие, обогащается—и, приобретая все больше и больше значения, приобретает также сознание своих прав. Существующее неравенство возмущает ее теперь более, чем когда-либо прежде. Злоупотребления кажутся ей теперь более несносными, чем раньше. Как выразился впоследствии один поэт, в сердцах зародилась ненависть одновременно с жаждой справедливости. Возможно ли, чтобы, располагая таким средством пропаганды и влияния, каким служит театр, буржуазия не воспользовалась им? Чтобы она не приняла всерьез, не взглянула с трагической точки зрения на те неравенства, которые только забавляли автора комедий: «Bourgeois gentilhomme» и «Georges Dandin»? А больше всего возможно ли было, чтобы эта уже торжествующая буржуазия помирилась с постоянным представлением на сцене императоров и королей и чтобы она, если можно так выразиться, не воспользовалась своими сбережениями для того, чтобы заказать свой портрет?».

Итак, слезливая комедия была портретом французской буржуазии XVIII в. Это совершенно верно. Недаром же она называется также буржуазной драмой. Но у Брюнэтьера этот верный взгляд имеет слишком общий, а следовательно отвлеченный характер. Постараемся развить несколько подробнее.

Брюнэтьер говорит, что буржуазия не могла помириться с вечными изображениями на сцене одних только императоров и королей. Это очень вероятно после тех объяснений, которые сделаны им в приведенной нами цитате, но пока это только вероятно; несомненным это станет только тогда, когда мы ознакомимся с психологией хотя некоторых из лиц, принимавших деятельное участие в литературной жизни тогдашней Франции. К числу их,

несомненно, принадлежал талантливый Бомарше, автор нескольких слезливых комедий. Что же думал Бомарше о «вечном изображении на сцене одних только императоров и королей»?

Он решительно и страстно восставал против него. Он едко смеялся над тем литературным обычаем, в силу которого героями трагедии являлись короли и другие сильные мира сего, а комедия бичевала людей низшего сословия. «Изображать людей среднего состояния в несчастии! Fi donc! Их всегда надо осмеивать. Смешные граждане и несчастный король; вот весь возможный театр; я приму это к сведению».

Это едкое восклицание одного из самых видных идеологов третьего сословия, видимо, подтверждает, стало быть, вышеприведенные психологические соображения Брюнэтьера. Но Бомарше не только не желает изображать в «несчастии» людей среднего состояния. Он протестует также против обычая выбирать действующих лиц «серьезных» драматических произведений между героями античного мира. «Какое дело,—спрашивает он,—мне, мирному подданному монархического государства XVIII в., до афинских и римских происшествий? Могу ли я сильно интересоваться смертью какого-нибудь пелопоннесского тирана или принесением в жертву молодой царевны в Авлиде? Все это меня совсем не касается, из всего этого не вытекает для меня никакого значения».

Выбор героев из античного мира был одним из чрезвычайно многочисленных проявлений того увлечения древностью, которое само было идеологическим отражением борьбы нового, нарождавшегося общественного порядка с ф е о д а л и з м о м. Из эпохи Возрождения это увлечение античной цивилизацией перешло в век Людовика XIV, который, как известно, очень охотно сравнивали с веком Августа. Но когда буржуазия начала проникаться оппозиционным настроением, когда в ее сердце начала зарождаться «ненависть одновременно с жаждой справедливости», тогда увлечение античными героями,—вполне разделявшееся прежде ее образованными представителями,—начало казаться ей неуместным, а «происшествия» античной истории недостаточно поучительными. Героем буржуазной драмы является тогдашний «человек среднего состояния», более или менее идеализированный тогдашними идеологами буржуазии. Это характерное обстоятельство, разумеется, не могло повредить «портрету»...

Дитя аристократии, классическая трагедия беспредельно и неоспоримо господствовала на французской сцене, пока нераздельно и неоспоримо господствовала аристократия... в пределах, отведенных сословной монархией, которая сама явилась историческим результатом продолжительной и ожесточенной борьбы классов во Франции. Когда господство аристократии стало подвергаться оспариванию, когда «люди среднего состояния» прониклись оппозиционным настроением, старые литературные понятия начали казаться этим людям неудовлетворительными, а старый театр недостаточно «поучительным». И тогда рядом с классической трагедией, быстро клонившейся к упадку, выступила буржуазная драма. В буржуазной драме французский

«человек среднего состояния» противопоставил свои домашние добродетели глубокой испорченности аристократии. Но то общественное противоречие, которое надо было разрешить тогдашней Франции, не могло быть решено с помощью нравственной проповеди. Речь шла тогда не об устранении аристократических пороков, а об устранении самой аристократии. Понятно, что это не могло быть без ожесточенной борьбы, и не менее понятно, что отец семейства («Le père de famille»), при всей неоспоримой почтенности своей буржуазной нравственности, не мог послужить образцом неутомимого и неустрашимого борца. Литературный «портрет» буржуазии не внушал героизма. А между тем противники старого порядка чувствовали потребность в героизме, сознавали необходимость развития в третьем сословии гражданской добродетели. Где можно было тогда найти образцы такой добродетели? Там же, где прежде искали образцов литературного вкуса: в античном мире.

И вот опять явилось увлечение античными героями. Теперь противник аристократии уже не говорит, подобно Бомарше: «Какое мне, мирному подданному монархического государства XVIII в., дело до афинских и римских происшествий». Теперь афинские и римские «происшествия» опять стали вызывать в публике живейший интерес. Но интерес к ним приобрел теперь совсем другой характер.

Если молодые идеологи буржуазии интересовались теперь «принесением в жертву молодой царевны в Авлиде», то они интересовались им, преимущественно, как материалом для обличения «суеверия»; если их внимание могла привлечь к себе смерть какого-нибудь пелопонесского тирана», то она привлекала их не столько своей психологической, сколько своей политической стороною. Теперь увлекались уже не монархическим веком Августа, а республиканскими героями Плутарха. Плутарх сделался настольной книгой молодых идеологов буржуазии, как это показывают например мемуары г-жи Ролан. И это увлечение республиканскими героями вновь оживило интерес ко всей вообще античной жизни. Подражание древности сделалось модой и наложило глубокую печать на все тогдашнее французское искусство...

В произведениях искусства и в литературных вкусах данного времени выражается общественная психология, а в психологии общества, разделенного на классы, многое останется для нас непонятным и парадоксальным, если мы будем продолжать игнорировать, как это делают теперь историки-идеалисты вопреки лучшим заветам буржуазной исторической науки—взаимное отношение классов и взаимную классовую борьбу..

Плеханов, Французская драматическая литература, Соч., XIV, Гиз, 96—107.

Что же следует из всего сказанного нами?

Следуют выводы, подтверждающие следующие положения. Во-первых, сказать, что искусство — равно как и литература — есть отражение жизни.

значит высказать хотя и верную, но все-таки еще очень неопределенную мысль. Чтобы понять, каким образом искусство отражает жизнь, надо понять механизм этой последней. А у цивилизованных народов борьба классов составляет в этом механизме одну из самых важных пружин. И только рассмотрев эту пружину, только приняв во внимание борьбу классов и изучив ее многоразличные перипетии, мы будем в состоянии сколько-нибудь удовлетворительно объяснить себе «духовную» историю цивилизованного общества: «ход его идей» отражает собою историю его классов и их борьбы друг с другом.

Во-вторых, Кант говорил, что наслаждение, которое определяет суждение вкуса, свободно от всякого интереса, и что то суждение о красоте, к которому примешивается малейший интерес, очень партийно и отнюдь не есть чистое суждение вкуса. Это вполне верно в применении к отдельному лицу. Если мне нравится данная картина только потому, что я могу выгодно продать ее, мое суждение, конечно, отнюдь, не будет чистым суждением вкуса. Но дело изменяется, когда мы становимся на точку зрения общества. Изучение искусства первобытных племен показало, что общественный человек сначала смотрит на предметы и явления с точки зрения утилитарной и только впоследствии переходит, в своем отношении к некоторым из них, на точку зрения эстетическую. Это проливает новый свет на историю искусства. Разумеется, не всякий полезный предмет кажется общественному человеку красивым; но несомненно, что красивым может ему казаться только то, что ему полезно,—т. е. что имеет значение в его борьбе за существование с природой или с другим общественным человеком. Это не значит, что для общественного человека утилитарная точка зрения совпадает с эстетической. Вовсе нет! Польза познается рассудком; красота—созерцательной способностью. Область первой—расчет, область второй—инстинкт. Притом же—и это необходимо помнить—область, принадлежащая созерцательной способности, несравненно шире области рассудка: наслаждаясь тем, что кажется ему прекрасным, общественный человек почти никогда не отдает себе отчета в той пользе, с представлением о которой связывается у него представление об этом предмете *. В огромнейшем большинстве случаев эта польза могла бы быть открыта только научным анализом. Главная отличительная черта эстетического наслаждения — его непосредственность. Но польза все-таки существует; она все-таки лежит в основе эстетического наслаждения (напоминаем, что речь идет не об отдельном лице, а об общественном человеке); если бы ее не было, то предмет не казался бы прекрасным.

На это возразят, пожалуй, что цвет предмета нравится человеку независимо от того значения, какое мог или может иметь для него этот предмет в его борьбе за существование. Не вдаваясь в длинные соображения по

* Под предметом здесь надо понимать не только материальные вещи, но и явления природы, человеческие чувства и отношения между людьми.—*Прим. авт.*

этому поводу, я напомню замечание Фехнера. Красный цвет нравится нам, когда мы видим его, скажем, на щеках молодой и красивой женщины. Но какое впечатление произвел бы на нас этот цвет, если бы мы увидели его не на щеках, а на носу нашей красавицы?

Тут замечается полная параллель с нравственностью. Далеко не все то, что полезно общественному человеку, нравственно. Но нравственное значение может приобрести для него только то, что полезно для его жизни и для его развития: не человек для нравственности, а нравственность для человека. Точно так же можно сказать, что не человек для красоты, а красота для человека. А это уже утилитаризм, понимаемый в его настоящем, т. е. широком смысле, т. е. в смысле полезного не для отдельного человека, а для общества: племени, рода, класса.

Но именно потому, что мы имеем в виду не отдельное лицо, а общество (племя, народ, класс), у нас остается место и для кантовского взгляда на этот вопрос: суждение вкуса несомненно предполагает отсутствие всяких утилитарных соображений у индивидуума, его высказывающего. Тут тоже полная параллель с суждениями, высказываемыми с точки зрения нравственности: если я объявлю данный поступок нравственным только потому, что он мне полезен, то я не имею никакого нравственного инстинкта.

Плеханов, Французская драматическая литература, Соч., XIV, Гиз, 118—119.

И. С. Тургенев, сильно недолюбливавший проповедников утилитарного взгляда на искусство, сказал однажды: Венера Милосская несомненнее принципов 1789 года. Он был совершенно прав. Но что же из этого следует? Вовсе не то, что хотелось доказать И. С. Тургеневу.

На свете очень много людей, которые не только «сомневаются» в принципах 1789 г., но не имеют о них ровно никакого понятия. Спросите готтентота, не прошедшего через европейскую школу, что думает он об этих принципах. Вы убедитесь, что он о них и не слыхивал. Но готтентот ничего не знает не только о принципах 1789 г., но также и о Венере Милосской. А если он ее увидит, то непременно «усумнится» в ней. У него свой идеал красоты, изображения которого часто встречаются в антропологических сочинениях под названием готтентотской Венеры. Венера Милосская «несомненно» привлекательна лишь для некоторой части людей белой расы. Для этой части этой расы она в самом деле несомненнее принципов 1789 г. Но по какой причине? Только потому, что принципы эти выражают такие отношения, которые соответствуют лишь известной фазе в развитии белой расы,— времени утверждения буржуазного порядка в его борьбе с феодальным *,—а Венера Милосская есть такой идеал женской наружности, который соответствует многим фазам того же развития. Многим,—но не

* «Вторая статья «Провозглашения прав человека и гражданина», принятого французским учредительным собранием в заседаниях 20—26 августа 1789 г.,

всем. У христиан был свой идеал женской наружности. Его можно найти на византийских иконах. Все знают, что поклонники таких икон очень сильно «сомневались» в милосских и всяких других Венерах. Они величали их дьяволицами и уничтожали всюду, где имели к тому возможность. Потом пришло такое время, когда античные дьяволицы опять стали нравиться людям белой расы. Время это подготовлено было освободительным движением в среде западноевропейских горожан, т. е. как раз тем движением, которое самым ярким образом выразилось именно в принципах 1789 г. Поэтому мы, вопреки Тургеневу, можем сказать, что Венера Милосская становилась тем «несомненнее» в новой Европе, чем более созревало европейское население для провозглашения принципов 1789 года. Это не парадокс, а голый исторический факт. Весь смысл истории искусства в эпоху Возрождения—рассматриваемый с точки зрения понятия о красоте — в том и заключается, что христианско-монашеский идеал человеческой наружности постепенно оттесняется на задний план тем земным идеалом, возникновение которого обусловливалось освободительным движением городов, а выработка облегчилась воспоминанием об античных дьяволицах. Еще Белинский, совершенно справедливо утверждавший в последний период своей литературной деятельности, что «чистого», отрешенного, безусловного, или, как говорят философы, а б с о л ю т н о г о и с к у с с т в а никогда и нигде не бывало», допускал, однако, что «произведения живописи итальянской школы XVI столетия, до известной степени, приближались к идеалу абсолютного искусства, так как явились созданием эпохи, в течение которой искусство было главным интересом, исключительно занимавшим образованную часть общества». Для примера он указывал на «Мадонну Рафаэля, этот шедевр итальянской живописи XVI столетия», т. е. на так называемую Сикстинскую Мадонну, находящуюся в Дрезденской галлерее. Но итальянские школы XVI в. завершают собой длинный процесс борьбы земного идеала с христианско-монашеским. И как бы исключителен ни был интерес образованнейшей части общества XVI в. к искусству*, неоспоримо то, что мадонны Рафаэля являются одним из самых характерных художественных выражений победы земного идеала над христианско-монашеским.

гласит: «Le but de toute association politique est la conservation des droits naturels et imprescriptibles de l'homme. Ces droits sont: la liberté, la propriété, la sureté et la résistance à l' oppression. Забота о собственности свидетельствует о буржуазном характере совершающегося переворота, а признание права на «сопротивление угнетению» показывает, что переворот именно только еще совершался, но не был закончен, встречая сильное сопротивление со стороны светской и духовной аристократии. В июне 1848 г. французская буржуазия уже не признавала права гражданина на сопротивление угнетению.—*Прим. авт.*

* Его исключительность, отрицать которую невозможно, означает только то, что в XVI в. существовал безнадежный разлад между людьми, дорожившими искусством, и окружавшей их общественной средой. Этот разлад и тогда породил тяготение к чистому искусству, т. е. искусству для искусства. В прежнее время, скажем — до времени Джиотто, не было ни указанного разлада, ни указанного тяготения. — *Прим. авт.*

Это можно без всякого преувеличения сказать даже о тех из них, которые были написаны еще в то время, когда Рафаэль находился под влиянием своего учителя Перуджино, и на лицах которых отражается, повидимому, чисто религиозное настроение. Сквозь их религиозную внешность видится такая большая сила и такая здоровая радость чисто земной жизни, что в них уже не остается ничего общего с благочестивыми богородицами византийских мастеров *. Произведения итальянских мастеров XVI столетия так же мало были созданиями «абсолютного искусства», как и произведения всех прежних мастеров, начиная с Чимабуэ и с Дуччио ди-Буонинсенья. Такого искусства, в самом деле, никогда и нигде не бывало. И если И. С. Тургенев сослался на Венеру Милосскую, как на продукт такого искусства, то это произошло единственно потому, что он, подобно всем идеалистам, ошибочно смотрел на действительный ход эстетического развития человечества.

Идеал красоты, господствующий в данное время, в данном обществе, или в данном классе общества, коренится частью в биологических условиях развития человеческого рода, создающих, между прочим, и расовые особенности, а частью—в исторических условиях возникновения и существования этого общества или этого класса. И именно потому он всегда бывает очень богат определенным и вовсе не абсолютным, т. е. не безусловным содержанием. Кто поклоняется «чистой красоте», тот этим вовсе не делает себя независимым от тех биологических и общественно-исторических условий, которыми определился его эстетический вкус, а лишь более или менее сознательно закрывает глаза на эти условия.

Плеханов, Искусство и общественная жизнь, Соч., XIV, Гиз, 138—141.

Вообще говоря, форма тесно связана с содержанием. Правда бывают эпохи, когда она отделяется от него в более или менее сильной степени. Это—исключительные эпохи. В такие эпохи или форма отстает от содержания или содержание от формы. Но надо помнить, что содержание отстает от формы не тогда, когда литература только еще начинает развиваться, а тогда, когда она уже склоняется к упадку—чаще всего вследствие упадка того общественного класса или слоя, вкусы и стремления которого в ней выражаются. Примеры: декадентство, футуризм и прочие, им подобные, литературные явления наших дней, вызванные духовным упадком известных слоев буржуазии. Литературный упадок всегда выражается, между прочим, в том, что формой начинают дорожить гораздо более, нежели содержанием. Но содержание так тесно связано с формой, что пренебрежение к нему быстро влечет за собою сначала утрату красоты, а потом и полное уродство формы. Для примера опять укажу на декадентство и футуризм в литературе и еще, пожалуй, на кубизм в живописи. Но в те эпохи, когда еще только начинается развитие литературы (или искусства), происходит явление прямо противоположное тому, которое мы наблюдаем в эпохи упадка. Тогда не содержание

* Замечательно, что самого Перуджино современники подозревали в атеизме. — *Прим. авт.*

отстает от формы, а, наоборот—форма от содержания. И это как нельзя лучше видно на примере сатир Кантемира, будто бы совершенно лишенных содержания и оторванных от жизни. Мысли, в них содержавшиеся, таковы, что некоторые из них до сих пор вполне сохранили свое значение (например, мысли о воспитании). Но форма, в которую облечены эти мысли, такова, что теперь уже нельзя читать Кантемира без довольно большого усилия. Да и после Кантемира литературе нужно было долго и много поработать над собой для того, чтобы стать в самом деле изящной, т.-е. чтобы найти подходящую форму того с о д е р ж а н и я, которым она располагала и которое в каждое данное время определялось общественными отношениями России.

В период своего «примирения с действительностью» Белинский, как известно, не долюбливал сатиры. Но под конец своей жизни он относился к ней совсем иначе, и тогда он с удовольствием и, скажу, с гордостью, отмечал, что наша литература, начавшись сатирой, была для нашего общества живым источником даже практических нравственных идей, и что в лице Кантемира она объявила нещадную войну невежеству, предрассудкам, сутяжничеству, ябеде, крючкотворству, лихоимству и казнокрадству, которые она застала в старом обществе не как пороки, но как правило жизни, как моральное убеждение. Этот отзыв Белинского о сатире Кантемира нимало не противоречит действительности. Но спрашивается, могла ли бы эта сатира явиться источником нравственных идей для кого бы то ни было, могла ли бы она вести войну с общественными пороками, если бы она была лишена содержания и оторвана от жизни?

П л е х а н о в, История русской общественной мысли, 1919, III, 7—8.

г. НАУКА

До сих пор мы иллюстрировали мысль Маркса, главным образом, примерами из области имущественного права. Это право есть, несомненно, та же идеология, но идеология первого, так сказать, низшего порядка. Как надо понимать взгляд Маркса на идеологию высшего порядка: на науку, на философию, на искусство и т. д.?

В развитии этих идеологий экономия является основой в том смысле, что общество должно достигнуть известной степени благосостояния, для того, чтобы выделить из себя известный слой людей, посвящающих свои силы исключительно научным и прочим подобным занятиям... Самое н а п р а в л е н и е умственной работы в обществе определяется е г о о т н о ш е н и я м и п р о и з в о д с т в а. О науках еще Вико сказал, что они вырастают из общественных нужд. По отношению к такой науке, как политическая экономия, это ясно для всякого, кто хоть немного знаком с ее историей. Граф Пеккио справедливо заметил, что политическая экономия в особенности подтверждает то правило, что практика всегда и везде предшествует науке. Конечно, и это можно истолковать в очень отвлеченном смысле; можно сказать: «ну, разумеется, для науки нужен опыт, и чем больше опыта, тем

полнее наука». Дело не в том. Сравните экономические взгляды Аристотеля или Ксенофонта со взглядами Адама Смита или Рикардо, и вы увидите, что между экономической наукой древней Греции, с одной стороны, и экономической наукой буржуазного общества—с другой, существует не только количественная, но и качественная разница: совсем иная точка зрения, совсем иное отношение к предмету. Чем объясняется эта разница? Да просто тем, что изменились самые явления: отношения производства в буржуазном обществе не похожи на античные отношения производства. Различные отношения в производстве создают различные взгляды в науке. Мало этого. Сравните взгляды Рикардо со взглядами какого-нибудь Бастиа и вы увидите, что эти люди различно смотрят на отношения производства, оставшиеся по своему общему характеру неизменными,—на буржуазные отношения производства. Почему это? Потому, что в эпоху Рикардо эти отношения только еще расцветали, только еще упрочивались, а во время Бастиа они уже начали клониться к упадку. Различные состояния тех же самых отношений производства необходимо должны были отразиться на взглядах тех людей, которые их защищали.

Или возьмем науку государственного права. Как, почему развивалась ее теория? «Научная разработка государственного права,—говорит профессор Гумплович.—начинается лишь там, где господствующие классы приходят между собой в столкновение по поводу принадлежащей каждому из них сферы власти. Так, первая большая политическая борьба, с которой мы встречаемся во второй половине европейских средних веков, борьба между светской и духовной властью, борьба между императором и папой, дает первый толчок развитию немецкой науки государственного права. Вторым спорным политическим вопросом, внесшим раздвоение в среду господствующих классов и давшим толчок публицистической разработке соответствующей части государственного права, был вопрос об избрании императора» и т. д.

Что такое взаимные отношения классов? Это прежде всего именно те отношения, в которые люди становятся друг к другу в общественном производительном процессе: отношения производства. Эти отношения находят свое выражение в политической организации общества и в политической борьбе разных классов, а эта борьба служит толчком для возникновения и развития различных политических теорий: на экономической основе необходимо возвышается соответствующая ей идеологическая надстройка.

Но и это все идеологии, если не первого, то во всяком случае и не самого высшего порядка.

Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, Соч., VII, Гиз, 1923, 203—204.

Общественные отношения видоизменяются; видоизменяются с ними и научные теории. В результате этих изменений является, наконец, всестороннее рассмотрение действительности, следовательно, и объективная истина.

Ксенофонт имел иные экономические взгляды, чем Жан Батист Сей. Взгляды Сея наверное показались бы Ксенофонту нелепостью; Сей объявлял нелепостью взгляды Ксенофонта. А мы знаем теперь, откуда взялись взгляды Ксенофонта, откуда взялись взгляды Сея, откуда взялась их односторонность. И это знание есть уже объективная истина, и никакой «рок» не сдвинет уже нас с этой открытой, наконец, правильной точки зрения.

— Но ведь не остановится же человеческая мысль на том, что вы называете открытием или открытиями Маркса? — Конечно, нет, господа! Она будет делать новые открытия, которые будут дополнять и подтверждать эту теорию Маркса, как новые открытия в астрономии дополняли и подтверждали открытие Коперника.

Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, Соч., VII, Гиз, 1923, 224.

Если, как вы утверждаете, техника в значительной степени (по большей части) зависит от состояния науки, то обратно—наука гораздо больше зависит от состояния и потребностей техники. Если у общества появляется техническая потребность, то это оказывает науке гораздо больше помощи, чем десять университетов. Вся гидростатика (Торичелли и т. д.) вызвана была к жизни потребностью регулировать горные потоки в Италии в XVI и XVII вв. Об электричестве мы стали знать кое-что разумное только с тех пор, как открыта была техническая применимость его. В Германии, к сожалению, привыкли писать историю наук так, как будто бы науки свалились с неба.

Энгельс, Письмо Штаркенбургу, от 25 января 1894 г.; Письма Маркса и Энгельса, «Моск. Раб.», 923, 342.

Прежде всего нужно установить следующее положение: всякая наука родится из практики, из условий и потребности жизненной борьбы общественного человека с природой и различных общественных групп с общественной стихией или с другими общественными группами. «Дикарь обладает весьма разнообразным опытом. Он узнает растения, съедобные и ядовитые, находит животных, за которыми он охотится по их следам, и умеет защитить себя от хищных животных и ядовитых змей. Он умеет использовать для своих целей огонь и воду, выбирать камни и дерево для своего оружия, научается плавить и обрабатывать металлы. Он научается считать при помощи пальцев, измерять пространства при помощи рук и ног. Он смотрит, подобно ребенку, на небесный свод, наблюдает вращение его и перемещение на нем солнца и планет. Но все свои наблюдения или большую часть их он делает случайно или с целью полезного их применения для себя. Тот же примитивный опыт образует и зародыш различных наук. Но наука могла возникать лишь тогда, когда материальная обеспеченность доставила достаточно свободы и досуга, а с другой стороны, частым упражнением интеллект (ум человека.—*Н. Б.)* был настолько усилен, что возник достаточный интерес

к наблюдениям самим по себе... Наука, следовательно, проявляется лишь тогда, когда рост производственных сил высвободил время для научных наблюдений. С другой стороны материал, который первоначально имелся у науки,—это материал из области производства. Совершенно естественно, что непосредственное поддержание жизни путем производства, т. е. интересы производства, и давали толчек развитию наук. Практика породила теорию и толкала ее вперед...

Содержание науки определяется в конечном счете технической и экономической стороной общества... Именно поэтому часто происходит, что одно и то же научное открытие, изобретение, постановка или решение одной и той же проблемы делаются одновременно в разных местах, и притом часто совершенно «независимо» друг от друга. Тогда соответствующие «идеи» «носятся в воздухе». Это значит, что они вырастают из всей сложившейся жизненной обстановки, которая упирается в состояние производительных сил...

Если постановка задач, главным образом, идет из области техники и экономики, то, с другой стороны, их решение в ряде наук зависит от изменений в научной технике. Инструменты научного исследования чрезвычайно расширяют горизонты. В первой половине XVII столетия был, например, изобретен микроскоп. Само собой понятно, какое громадное влияние оказал он на развитие науки. Он двинул вперед ботанику (изучение строения растений), анатомию животных, анатомию человека, создал целую новую отрасль знания—бактериологию (учение о бактериях) и т. д. Понятна также роль астрономической техники (устройство обсерваторий, качество телескопов, фотографических аппаратов для съемки звезд и проч.). С своей стороны, научная техника зависит от материального производства вообще (она—продукт материального труда). В научном труде имеется обычно и соответствующая организация этого труда, которая точно так же определяет собой состояние научных знаний. Разделение научного труда (специализация в науке), организация крупных научных единиц (лабораторий, например), организация научных обществ и научный обмен, научный оборот—чрезвычайно много значат. А все эти стороны определяются в конечном счете опять-таки экономическими и техническими условиями (например, современные химические лаборатории зависят от роста крупного производства; научный оборот тем больше, чем гуще экономические связи, и т. д.). Технические и экономические условия «определяют» науку и в других отношениях. При быстро растущей технике изменяются быстро и экономические отношения, вместе с ними и весь жизненный уклад. При таком положении вещей не только происходит быстрое развитие науки, но и самая наука руководствуется мыслью об изменяемости... Наоборот, при консерватизме техники, ее медленном ходе, и экономическая жизнь развивается медленно, и вся психология людей видит во всем постоянство. Тогда наука топчется на месте и руководится принципом постоянства. Вместе с тем и классовые черты тоже проглядывают в науке в разных формах: то как отражение того способа мыслить, который имеется у данного класса, то как отражение интереса этого класса.

А способ мыслить, «интерес» и т. д. определяются в свою очередь экономической структурой общества.

Бухарин, Теория исторического материализма, 1928, 176—181.

д. ФИЛОСОФИЯ

Идеологии еще более возвышенные, т. е. еще более удаляющиеся от экономической основы, принимают форму философии и религии. Здесь связь представлений с материальными условиями человеческой жизни еще более запутывается, еще более затемняется промежуточными звеньями. Но все-таки она существует. Вся эпоха Возрождения, начиная с половины XV в., и, в частности, вновь пробудившаяся с тех пор философия была плодом развития городов, т. е. буржуазии. Философия только выражала, по-своему, те мысли, которые соответствовали переходу мелкой и средней буржуазии в крупную. Это было заметно у англичан и французов прошлого века, которые часто были столько же экономистами, столько и философами.

Энгельс, Людвиг Фейербах, Гиз, 1928, 72—73.

Как обстоит дело, например, с философией, с искусством? Прежде чем ответить на этот вопрос, мы должны сделать некоторое отступление.

Гельвеций исходил из того положения, что l'homme n'est que sensibilité. С этой точки зрения ясно, что человек будет избегать неприятных ощущений и стараться приобрести приятные. Это неизбежный, естественный эгоизм чувствующей материи. Но если это так, то каким образом возникают у человека совершенно бескорыстные стремления: любовь к истине, героизм? Такова была задача, которую нужно было разрешить Гельвецию. Он не сумел разрешить ее, а чтобы выпутаться из затруднения, он просто зачеркнул тот самый X, ту самую неизвестную причину, определить которую он взялся. Он стал говорить, что нет ни одного ученого, который бескорыстно любил бы истину, что каждый человек видит в ней лишь путь к славе, а в славе—путь к деньгам, а в деньгах—средства доставления себе приятных физических ощущений, например, для покупки вкусной пищи или belles esclaves. Нечего и говорить, насколько несостоятельны такие объяснения. В них сказалась лишь отмеченная нами выше неспособность французского м е т а ф и з и ч е с к о г о материализма справляться с в о п р о с а м и р а з в и т и я.

Отцу современного д и а л е к т и ч е с к о г о материализма приписывают такой взгляд на историю человеческой мысли, который был бы не чем иным, как повторением метафизических рассуждений Гельвеция. Взгляд Маркса на историю, например, философии часто понимается приблизительно, так: если Кант занимался вопросами трансцендентальной эстетики, если он говорил о категориях рассудка или об антиномиях разума, то у него это одни фразы: ему в действительности вовсе не интересны были ни эстетика, ни антиномии, ни категории; ему нужно было только одно: доставить классу, к которому он принадлежал, т. е. немецкой мелкой буржуазии, как можно

больше вкусных блюд и «прекрасных невольниц». Категории и антиномии казались ему прекрасным средством для этого, вот он и стал «разводить» их.

Нужно ли уверять, что это совершеннейшие пустяки?! Когда Маркс говорит, что данная теория соответствует такому-то периоду экономического развития общества, то он вовсе не хочет сказать этим, что мыслящие представители класса, господствовавшего в течение этого периода, сознательно подгоняли свои взгляды к интересам своих более или менее богатых, более или менее щедрых благодетелей.

Сикофанты были, разумеется, всегда и везде, но не они двигали вперед человеческий разум. Те же, которые действительно двигали его, заботились об истине, а не об интересах сильных мира сего.

«На различных формах собственности,—говорит Маркс,—на общественных условиях существования возвышается целая надстройка различных своеобразных чувств и иллюзий, взглядов и понятий. Все это творится и формируется целым классом на почве материальных условий его существования и соответствующих им общественных отношений». Процесс возникновения идеологической надстройки совершается *незаметным для людей образом*. Они рассматривают эту надстройку не как временный продукт временных отношений, а как нечто естественное и обязательное по своей собственной сущности. Отдельные лица, взгляды и чувства которых складываются под влиянием воспитания и вообще окружающей обстановки, могут быть преисполнены самого искреннего, вполне *самоотверженного отношения к тем взглядам и к тем формам общежития*, которые исторически возникли на почве более или менее *узких классовых интересов*. То же и с целыми партиями. Французские демократы 1848 г. выражали стремления мелкой буржуазии. Мелкая буржуазия естественно стремилась отстоять свои классовые интересы. Но «было бы, однако, ограниченностью думать, — говорит Маркс, — что мелкая буржуазия сознательно стремится отстоять эгоистический классовый интерес. Наоборот, она полагает, *что частные условия* его освобождения представляют собой общие условия, при которых только и может быть достигнуто спасение современного общества и устранена борьба классов. Точно так же не следует думать, будто все представители мелкой буржуазии — лавочники или поклонники лавочников. По своему образованию и личному положению они могут быть, как небо от земли, далеки от лавочников. Представителями мелкой буржуазии их делает то обстоятельство, что их мысль не выходит за пределы житейской обстановки мелкой буржуазии, и что, поэтому, они приходят к тем же задачам и решениям в теории, к которым мелкий буржуа приходит, благодаря своим материальным интересам и своему общественному положению, на практике. Таково вообще отношение между политическими и литературными представителями данного класса, с одной стороны, и самим этим классом — с другой.

Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, Соч., VII, Гиз, 1923, 204—206.

Что же касается тех идеологических областей, которые еще выше парят в воздухе — религии, философии и т. д., то у них имеется доисторическое содержание, находимое и усваиваемое историческим периодом, содержание, которое мы теперь назвали бы бессмыслицей. В основе этих различных неправильных представлений о природе, о строении самого человека, о духах, волшебных силах и т. д. лежит по большей части лишь отрицательно-экономическое... низкое экономическое развитие доисторического периода имело в качестве своего дополнения, а порой даже в качестве условия и даже в качестве причины ложные представления о природе. И все же, хотя экономическая потребность была главной пружиной двигающегося вперед познания природы, и с течением времени все более становилась такой пружиной, все же было бы педантством искать для этих первобытных глупостей экономических причин. История наук это есть история постепенного устранения этой бессмыслицы, или замены ее новой, но все же менее нелепой бессмыслицей. Люди, которые это делают, принадлежат к особым областям разделения труда и, кажется, что они обрабатывают независимую область. И поскольку они образуют самостоятельную группу внутри общественного разделения труда, постольку их произведения, включая и их ошибки, оказывают обратное влияние на все общественное развитие, даже на экономическое. Но при всем том они опять-таки сами находятся под господствующим влиянием экономического развития. Например, это можно всего легче доказать для буржуазного периода философии. Гоббс был первым современным материалистом (в смысле XVIII в.), но он был сторонником самодержавия в то время, когда абсолютная монархия переживала свой период расцвета во всей Европе и в Англии вступила в борьбу с народом. Локк был и в религии, как и в политике, сыном классового компромисса 1688 г. Английские деисты и их последовательные продолжатели, французские материалисты, были настоящими философами буржуазии, французы были даже философами буржуазной революции. В немецкой философии от Канта до Гегеля проглядывает немецкий буржуазный обыватель то положительно, то отрицательно. Но как особая область разделения труда; философия каждой эпохи располагает в качестве предпосылки определенным мыслительным материалом, материалом, который передан ей ее предшественниками, и из которого она исходит. От этого получается такое явление, что страны экономически отсталые, могут играть в философии руководящую роль: Франция в XVIII в. по отношению к Англии, на философию которой французы опирались, а затем Германия по отношению к первым двум. Но как во Франции, так и в Германии философия и всеобщий расцвет литературы явились в ту эпоху результатом экономического развития. Преобладание экономического развития в конечном счете также и над этими областями для меня несоспоримо, но оно имеет место в рамках условий, которые предписываются самой данной областью: в философии, например, воздействием экономических влияний (которые опять-таки оказывают действие

по большей части только в своем переодетом политическом виде и т. д.) на имеющийся налицо философский материал, доставленный предшественниками. Экономика здесь ничего не создает заново..., но она определяет вид изменения и дальнейшего развития имеющегося налицо мыслительного материала, но даже и это она производит по большей части лишь косвенным образом, так как важнейшее прямое действие на философию оказывают политические, юридические и моральные отражения.

О религии я сказал самое необходимое в статье о Фейербахе.

Следовательно, если Барт полагает, что мы отрицали всякое обратное влияние политических и т. д. отражений экономического движения на самое движение, то он просто сражается с ветряными мельницами. Ему следует заглянуть лишь в «18 брюмера» Маркса, где только почти и идет речь о той особой роли, которую играют политические битвы и события, конечно, в рамках их всеобщей зависимости от экономических условий; или «Капитал», например, отдел о рабочем дне, где так решительно действует законодательство, которое ведь есть политический акт; или отдел, посвященный истории буржуазии (24 глава). К чему же мы тогда бьемся за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть экономически бессильна? Сила (т. е. государственная власть) это есть точно так же экономическое могущество...

Чего всем этим господам не хватает, так это диалектики. Они постоянно видят здесь причину, там—следствие. Они не видят, что это пустая абстракция, что такие метафизические, полярные противоречия в действительном мире существуют только во время кризисов, что весь великий процесс происходит в форме взаимодействия (хотя взаимодействующие силы очень не равны: экономическое движение среди них является гораздо более сильным, первоначальным, решительным), что здесь нет ничего абсолютного, а все относительно. Для них Гегеля не существовало.

Энгельс, Письмо Конраду Шмидту от 27 окт. 1890 г.; Письма Маркса и Энгельса, «Моск. Раб.», 1923, 311—314.

ж. РЕЛИГИЯ

Бросим, однако, беглый взгляд на религию, которая всего дальше отстоит от материальной жизни и, повидимому, всего более чужда ей. Религия возникла в самые первобытные времена из самых темных первобытных представлений людей о своей собственной и о внешней природе. Но раз возникнув, всякая идеология развивается в связи со всей совокупностью существующих представлений и подвергает ее дальнейшей переработке. Иначе она не была бы идеологией, т. е. не имела бы дела с мыслями, как с независимыми сущностями, которые самостоятельно развиваются из самих себя и подчиняются своим собственным законам. Что материальные условия жизни людей, в головах которых совершается данный процесс мышления, определяют его собою, этого, конечно, не сознают эти люди, потому что

иначе пришел бы конец всякой идеологии. Первоначальные религиозные представления, по большей части общие каждой данной родственной группе народов, по распадении таких групп своеобразно развиваются у каждого отдельного народа, смотря по выпавшим на его долю жизненным условиям. У одного ряда таких групп народов, именно у арийского (так называемого индо-европейского), процесс развития религиозных представлений подробно исследован сравнительной мифологией. Боги каждого отдельного народа были национальными богами, власть которых не переходила за границы охраняемой ими национальной области. По ту сторону границ начинались царства других богов. Все эти боги жили лишь до тех пор, пока существовали создавшие их народности, и падали вместе с ними. Старые народности пали под ударами всемирной Римской империи, экономических условий возникновения которой мы не можем здесь рассматривать. Старые боги пришли в упадок; этой участи не избегли даже римские боги, скроенные по узкой мерке города Рима. Потребность дополнить всемирную империю всемирной религией ясно обнаруживается в том, что Рим пытался ввести у себя поклонение всем сколько-нибудь почтенным чужим богам. Но императорскими декретами нельзя создать новую всемирную религию. Новая всемирная религия, христианство, уже возникла незаметно из смеси обобщенного восточного, в особенности еврейского, богословия и вульгаризированной греческой, в особенности стоической, философии. Лишь путем трудного исследования можем мы узнать теперь, каков был первоначально вид христианства, потому что оно передано нам уже в том официальном виде, какой придал ему Никейский собор, приспособивший его к званию государственной религии. Но, во всяком случае, уже тот факт, что через 250 лет оно стало государственной религией, достаточно показывает, до какой степени соответствовало оно обстоятельствам того времени. В средние века, по мере развития феодализма, оно принимало вид соответствующей ему религии с соответствующей феодальной иерархией. А когда окрепла городская буржуазия, в противоположность феодальному католицизму, развилась протестантская ересь, сначала у альбигойцев, в южной Франции, в эпоху высшего расцвета тамошних городов. Средние века присоединили к богословию и подчинили ему все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию. Вследствие этого всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать религиозную форму. Чувства массы вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, ее собственные интересы должны были представляться ей в религиозной одежде. Городская буржуазия с самого начала создала себе придаток в виде неимущих городских плебеев, поденщиков и всякого рода прислужников, — предшественников позднейшего пролетариата, — не принадлежавших ни к какому определенному сословию. В совершенном соответствии с этим и религиозная ересь уже очень рано разделилась на два вида: буржуазно-умеренный и плебейско-революционный, ненавистный даже буржуазным еретикам.

Неистребимость протестантской ереси соответствовала непобедимости усилившейся городской буржуазии. Когда эта буржуазия достаточно окрепла, ее борьба с феодальным дворянством, имевшая до тех пор местный характер, начала принимать национальные размеры. Первый акт борьбы был сыгран в Германии: так называемая р е ф о р м а ц и я. Городская буржуазия не была еще достаточно сильна и развита, чтобы объединить под своим знаменем все прочие бунтовские элементы: плебеев в городе, низшее дворянство и крестьян в деревне. Прежде всего потерпело поражение дворянство; потом последовало крестьянское восстание, представляющее собою высшую точку революционного движения того времени. Города не поддержали крестьян, и революция была подавлена войсками крупных феодальных владельцев, которые и воспользовались всеми ее выгодными последствиями. С тех пор в течение целых трех столетий Германия не принадлежала к числу наций, самостоятельно вмешивавшихся в историю. Но, кроме немца Лютера, был еще француз Кальвин. С чисто французской резкостью выдвинул он на первый план буржуазный характер реформации, придав церкви республиканский, демократический характер. Между тем, как лютеранская реформация опошлялась в Германии, ведя эту страну к гибели, под знаком кальвинистской реформации соединились республиканцы в Женеве, Шотландии и в Голландии, и велась голландцами борьба за свое освобождение от испанского владычества и от Германской империи. Также кальвинистская реформация доставила идеологические костюмы для второго акта буржуазной революции, имевшего место в Англии. Здесь кальвинизм явился ясным религиозным выражением интересов тогдашней буржуазии; поэтому он и не добился полного признания после революции 1689 г., окончившейся сделкой между частью дворянства и буржуазией. Восстановлена была английская государственная церковь, но уже не в прежнем своем виде, не в виде католицизма с королем, играющим роль папы: теперь она была сильно окрашена кальвинизмом. Старая государственная церковь праздновала веселое католическое воскресенье и преследовала скучное воскресенье кальвинистов. Новая, проникнутая буржуазным духом, ввела именно это последнее, еще и поныне украшающее Англию.

Во Франции в 1685 г. кальвинистское меньшинство было подавлено, обращено в католичество или изгнано. Но к чему это повело? Уже тогда действовал свободный мыслитель Пьерр Бэйль, а в 1694 г. родился Вольтер. Благодаря насильственным мерам Людовика XIV, французской буржуазии легче было придать своей революции иррелигиозную, чисто политическую форму, которая одна только и соответствовала развитому состоянию буржуазии. Вместо протестантов в национальных собраниях заседали свободные мыслители. Христианство вступило в свою последнюю стадию. С тех пор оно уже не в состоянии было поставлять религиозную одежду для стремлений какого-нибудь прогрессивного класса. Оно все более и более становилось исключительным достоянием господствующих классов, пользующихся им, как средством управления, как уздой для низших классов. При этом

каждый из господствующих классов эксплоатирует свою особую религию: земледельцы — католический иезуитизм или протестантскую ортодоксию; либеральные и радикальные буржуа — рационализм. Вдобавок на деле оказывается совершенно безразличным — верят или не верят сами эти господа в свои религии.

Мы видим, стало быть, что, раз возникнув, религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованный от прежних времен, так как во всех, вообще, областях идеологии предание является великой консервативной силой. Но изменения, происходящие в этом запасе представлений, определяются классовыми, т. е. экономическими, отношениями людей, делающих эти изменения. И этого для нас достаточно.

Энгельс, Людвиг Фейербах, Гиз, 1928, 73—76.

Религия первобытных племен изучена пока еще недостаточно хорошо. Но то, что мы уже знаем о ней, безусловно подтверждает правильность того краткого положения Фейербаха-Маркса, что «не религия делает человека, а человек делает религию». Эд. Тейлор говорит: «Очевидно, что у всех народов типом божества служил человек; вследствии этого строй человеческого общества и его правительство становятся образцом, согласно которому создается небесное общество и небесное правительство». Это уже, несомненно, материалистический взгляд на религию: известно, что еще Сен-Симон держался противоположного взгляда, объясняя общественный и политический строй древних греков их религиозными верованиями. Но еще гораздо важнее то, что наука уже начинает обнаруживать причинную связь между развитием т е х н и к и у первобытных народов и их миросозерцанием. С этой стороны ей, очевидно, предстоят богатейшие открытия.

Плеханов, Основные вопросы марксизма. Соч., XVIII, Гиз, 1925, 213.

...Всякая религия есть не что иное как фантастическое отражение в головах людей тех внешних сил, которые господствуют в их повседневном существовании,— отражение, в котором земные силы принимают форму неземных, сверх'естественных. На заре истории такому отражению подвергаются сперва силы природы; в дальнейшем развитие они подвергаются у разных народов самым разнообразным и пестрым олицетворениям. Сравнительной мифологией этот первоначальный процесс прослежен, по крайней мере, у индоевропейских народов, вплоть до его начала в индийских Ведах и подробно показан дальнейший ход у индийцев, персов, греков, римлян, германцев, а также, насколько имеется материал, у кельтов, литовцев и славян. Но вскоре наряду с силами природы начинают выступать и действовать и социальные силы — силы, столь же чуждые и вначале непонятные людям и господствующие над ними такой же кажущейся естественной необходимостью, как и сами естественные силы. Фантастические образы, в которых вначале отражались только таинственные силы природы, приобретают вследствие этого общественные атрибуты, становятся

представителями исторических сил*. На еще высшей ступени развития все естественные и общественные атрибуты многих богов переносятся на единого всемогущего Бога, который в свою очередь является лишь отражением абстрактного человека. Так возник монотеизм, этот исторически последний продукт позднейшей греческой вульгарной философии, олицетворенный в еврейском исключительном национальном боге — Иегове. В этой удобной, эластичной и ко всему приспособимой форме религии может продолжать существовать, как непосредственная, т. е. чувственная, форма отношения людей к господствующим над ними посторонними, естественным или общественным, силам, поскольку люди подчиняются господству таких сил. Но мы неоднократно видели, что в нынешнем буржуазном обществе люди находятся под властью ими же самими созданных экономических условий, или же произведенных орудий производства, которые господствуют над людьми как посторонняя сила. Таким образом, фактическая основа действия религиозного рефлекса продолжает существовать, а с нею — и сам религиозный рефлекс. И если буржуазная экономия открывает известную возможность уразуметь причинную связь этого чужого господства, то по существу дело от этого ничуть не меняется. Буржуазная экономия не в состоянии предотвратить ни кризисы в целом, ни, в частности, защитить отдельного капиталиста от убытков, безнадежных долгов и банкротства, ни отдельного рабочего от безработицы и нищеты. Все еще говорится: человек полагает, а бог (т. е. внешнее господство капиталистического способа производства) располагает. Одного познания факта, даже если б оно было шире и глубже даваемого буржуазной экономией, еще недостаточно для того, чтобы подчинить общественные силы самому обществу. Для этого нужно прежде всего общественное дело. Когда это дело будет выполнено, когда общество, овладев всеми орудиями производства и планомерно пользуясь ими, освободит себя и всех своих членов от рабства, в котором они ныне находятся, благодаря ими же самими произведенным, но над ними господствующим средствам производства; когда человек будет не только полагать, но и располагать, — тогда только исчезнет последняя внешняя сила, которая ныне отражается в религии, а вместе с тем исчезнет и само религиозное отражение по той простой причине, что нечего будет больше отражать.

Энгельс, Анти-Дюринг, Гиз, 1923, 288—289.

Богоискательство отличается от богостроительства или богосозидательства или боготворчества и т. п. ничуть не больше, чем желтый чорт от-

* Этот позднейший двойственный характер богов послужил причиной (которую проглядела сравнительная мифология, односторонне придерживающаяся только их характера отражений естественных сил), позднее возникшей путаницы мифологии. Так, бог войны называется у одних германских племен по древне-нормандски Тир, на древне-верхне-германском языке — Цио, соответственно греческому Зевсу, по-латыни — Юпитер, вместо Диу-Юпитер; у других Эр-Эор, соответственно греческому Аресу, по-латыни — Марсу. — *Прим. авт.*

личается от чорта синего. Говорить о богоискательстве не для того, чтобы высказаться против *всяких* чертей и богов, против всякого идейного труположства (всякий боженька есть труположство — будь это самый чистенький, идеальный, не искомый, а построяемый боженька, все равно),— а для предпочтения синего чорта желтому это во сто раз хуже, чем не говорить совсем.

В самых свободных странах, в таких странах, где *совсем* неуместен призыв к «демократии, к народу, к общественности и науке», — в таких странах (Америка, Швейцария и т. п.) народ и рабочих отупляют особенно усердно именно идеей чистенького, духовного, построяемого боженьки. Именно потому, что всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженьке, всякое кокетничанье даже с боженькой есть невыразимейшая мерзость, особенно терпимо (а часто даже доброжелательно) встречаемая *демократической* буржуазией, — именно поэтому это — самая опасная мерзость, самая гнусная «зараза». Миллион грехов, пакостей, насилий и зараз *физических* гораздо легче раскрываются толпой и поэтому гораздо менее опасны, чем *тонкая*, духовная, приодетая в самые нарядные «идейные» костюмы, идея боженьки. Католический поп, растлевающий девушек (о котором я сейчас читал в одной немецкой газете), *гораздо менее* опасен именно для «демократии», чем поп без рясы, поп без грубой религии, поп идейный и демократический, проповедующий созидание и сотворение боженьки. Ибо первого попа *легко* разоблачить, осудить и выгнать, — а второго *нельзя* выгнать так просто, разоблачить его в тысячу раз труднее, «осудить» его ни один «хрупкий и жалостно шаткий» обыватель не согласится.

Ленин, Письмо Горькому от 14 ноября 1913 г., Ленинск. сборник, I, 153—154.

По вопросу о боге, божественном и обо всем, связанном с этим, у вас получается противоречие — то самое, по-моему, которое я указывал в наших беседах во время нашего последнего свидания на Капри: вы порвали (или как бы порвали) с «впередовцами», не заметив идейных основ «впередовства».

Так и теперь. Вы «раздосадованы», вы «не можете понять, как проскользнуло слово на-время»—так вы пишите,—и в то же самое время вы защищаете идею бога и богостроительства.

«Бог есть комплекс тех, выработанных племенем, нацией, человечеством идей, которые будят и организуют социальные чувства, имея целью связать личность с обществом, обуздать зоологический индивидуализм».

Эта теория явно связана с теорией или теориями Богданова и Луначарского.

И она — явно неверна и явно реакционна. Наподобие христианских социалистов (худшего вида «социализма» и худшего извращения его) вы употребляете прием, который (несмотря на ваши наилучшие намерения)

повторяет фокус-покус поповщины: из идеи бога убирается прочь то, что исторически и житейски в ней есть (нечисть, предрассудки, освящение темноты и забитости, с одной стороны, крепостничество и монархия, с другой), причем вместо исторической и житейской реальности в идею бога вкладывается добренькая мещанская фраза (бог = «идеи, будящие и организующие социальные чувства»).

Вы хотите этим сказать «доброе и хорошее», указать на «Правду-Справедливость» и т. п. Но это ваше доброе желание остается вашим личным достоянием, субъективным «невинным пожеланием». Раз вы его написали, оно пошло в массу, и его значение определяется не вашим добрым пожеланием, а соотношением общественных сил, объективным соотношением классов. В силу этого соотношения выходит (вопреки вашей воле и независимо от вашего сознания) выходит так, что вы подкрасили, подсахарили идею клерикалов, Пуришкевичей, Николая II и гг. Струве, ибо на деле идея бога им помогает держать народ в рабстве. Приукрасив идею бога, вы приукрасили цепи, коими они сковывают темных рабочих и мужиков. Вот — скажут попы и К° — какая хорошая и глубокая это идея (идея бога), как признают даже «ваши», гг. демократы, вожди,— и мы (попы и К°) служим этой идее.

Неверно, что бог есть комплекс идей, будящих и организующих социальные чувства. Это — Богдановский идеализм, затушевывающий материальное происхождение идей. Бог есть (исторически и житейски), прежде всего, комплекс идей, порожденных тупой придавленностью человека и внешней природой и классовым гнетом, — идей, закрепляющих эту придавленность, усыпляющих классовую борьбу. Было время в истории, когда несмотря на такое происхождение и такое действительное значение идеи бога, борьба демократии и пролетариата шла в форме борьбы одной религиозной идеи против другой.

Но и это время давно прошло.

Теперь и в Европе и в России всякая, даже уточненная, самая благонамеренная защита или оправдание идеи бога есть оправдание реакции.

Все ваше определение насквозь реакционно и буржуазно. Бог=комплекс идей, которые «будят и организуют социальные чувства, имея целью связать личность с обществом, обуздать зоологический индивидуализм».

Почему это реакционно? Потому, что подкрашивает поповско-крепостническую идею «обуздания» зоологии.

В действительности «зоологический индивидуализм» обуздала не идея бога, обуздало его и первобытное стадо и первобытная коммуна. Идея бога всегда усыпляла и притупляла «социальные чувства», подменяя живое мертвечиной, будучи всегда идеей рабства (худшего, безысходного рабства). Никогда идея бога не «связывала личность с обществом», а всегда связывала угнетенные классы верой в божественность угнетателей.

Буржуазию ваше определение (и ненаучно, неисторично), ибо оно оперирует огульными, общими, «робинзоновскими» понятиями вообще, — а не определенными к л а с с а м и определенной исторической эпохи.

Одно дело — идея бога у дикаря зырянина и т. п. (полудикаря тоже), другое — у Струве и К°. В обоих случаях эту идею поддерживает классовое господство (и эта идея поддерживает его). «Народное» понятие о боженьке и божецком есть «народная» тупость, забитость, темнота, совершенно такая же, как «народное представление» о царе, о лешем, о таскании жен за волосы. Как можете вы «народное представление» о боге называть «демократическим», я абсолютно не понимаю.

Ленин, Письмо Горькому, декабрь 1913 г., Ленинск. сборник, I, 157—159.

Марксизм есть материализм. В качестве такового, он так же беспощадно враждебен религии, как материализм энциклопедистов XVIII в. или материализм Фейербаха. Это несомненно. Но диалектический материализм Маркса и Энгельса идет дальше энциклопедистов и Фейербаха, применяя материалистическую философию к области истории, к области общественных наук. Мы должны бороться с религией. Это азбука в с е г о материализма и, следовательно, марксизма. Но марксизм не есть материализм, остановившийся на азбуке. Марксизм идет дальше. Он говорит: надо у м е т ь бороться с религией, а для этого надо м а т е р и а л и с т и ч е с к и объяснить источник веры и религии у масс. Борьбу с религией нельзя ограничивать абстрактно-идеологической проповедью, нельзя сводить к такой проповеди, эту борьбу надо поставить в связь с конкретной практикой классового движения, направленного к устранению социальных корней религии. Почему держится религия в отсталых слоях городского пролетариата, в широких слоях полупролетариата, а также в массе крестьянства? По невежеству народа, отвечает буржуазный прогрессист, радикал или буржуазный материалист. Следовательно, долой религию, да здравствует атеизм, распространение атеистических взглядов есть главная наша задача. Марксизм говорит: неправда. Такой взгляд есть поверхностное, буржуазно-ограниченное культурничество. Такой взгляд недостаточно глубоко, не материалистически, а идеалистически объясняет корни религии. В современных капиталистических странах это корни главным образом с о ц и а л ь н ы е. Социальная придавленность трудящихся масс, кажущаяся полная беспомощность их перед слепыми силами капитализма, который причиняет ежедневно и ежечасно в тысячу раз больше самых ужасных страданий, самых диких мучений рядовым рабочим людям, чем всякие из ряду вон выходящие события вроде войн, землетрясений и т. д., — вот в чем самый глубокий современный корень религии. «Страх создал богов». Страх перед слепой силой капитала, которая слепа, ибо не может быть предусмотрена массами народа,— которая на каждом шагу жизни пролетария и мелкого хозяйчика грозит принести ему и приносит «внезапное», «неожиданное», «случайное» разорение, гибель, превращение в нищего, в паупера, в проститутку, голодную смерть,—вот тот

корень современной религии, который прежде всего и больше всего должен иметь в виду материалист, если он не хочет оставаться материалистом приготовительного класса. Никакая просветительная книжка не вытравит религии из забитых капиталистической каторгой масс, зависящих от слепых разрушительных сил капитализма, пока эти массы сами не научатся объединенно, организованно, планомерно, сознательно бороться против этого корня религии, против господства капитала во всех формах.

Следует ли из этого, что просветительная книжка против религии вредна или излишня? Нет. Из этого следует совсем не это. Из этого следует, что атеистическая пропаганда социал-демократии должна быть подчинена ее основной задаче: развитию классовой борьбы эксплоатируемых масс против эксплоататоров.

Ленин. Об отношении рабочей партии к религии, Соч., XI, ч. I, 1 изд., 253—254.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ДИАЛЕКТИКА ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ. ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ СОСТАВИТЕЛЯ

Во всей предыдущей работе мы изучали отдельные стороны общественной жизни, их развитие и взаимодействие между собой. Мы говорили о диалектике развития производительных сил, диалектике взаимодействия производительных сил и производственных отношений, о диалектике борьбы классов, о диалектическом развитии надстроек, в частности идеологий, и т. д. Теперь мы должны остановиться на характере развития общества в целом, установить диалектику этого развития и тем самым завершить изучение методологии истории с точки зрения диалектического материализма.

Вся предыдущая работа, с этой точки зрения, являлась таким образом лишь известным подготовлением для тех выводов, которые мы должны сделать теперь.

В основном выводы эти будут сводиться к следующему: общество во всякий отдельный исторический момент находится на определенном этапе развития и движется по законам, присущим данному конкретному этапу (экономической структуре, формации).

Каждая общественная формация в процессе своего движения создает элементы, отрицающие ее основные предпосылки, развиваясь, она движется к своей противоположности, созревающей в ее же недрах, как результат ее движения.

В объективной действительности созревание противоречий происходит в процессе материального производства, как одно из необходимых следствий его: производительные силы, вырастая, становятся несовместимыми с существующими производственными отношениями. Последние должны измениться и изменяются.

В классовом обществе это противоречие выражается в форме социального конфликта между классами, разрешаемого физической силой противников. Происходит революция, перерыв постепенного развития, скачок, в результате которого конституируются новые общественные формы, соответствующие добытым производительным силам.

Диалектический материализм есть отражение тех реальных процессов, которые происходят путем саморазвития в объективной действительности. Диалектика отражает характер движения этой действительности, в частности—в отношении общества—в борьбе классов. Вследствие этого теория диалектики может служить и служит для революционной партии, ею овладевшей, в качестве руководства в практической классовой борьбе. Она же определяет действительное место «личности» в этой борьбе, ее значение в общей борьбе классов, как массовой борьбе.

В целях учебной проработки, глава о диалектике общественного развития и теории революции строится у нас по такому плану:

1. Диалектика истории общества.
   а. Диалектика развития доклассового общества.
   б. Диалектика развития классового общества.
2. Теория революции.
   а. Перерастание производительными силами производственных отношений и его классовые формы.
   б. Диалектика перерастания. (Движущие силы буржуазной и пролетарской революций).
   в. Диалектика как руководство в практической борьбе классов.
3. Роль личности в истории.
   а. «Великие» люди и история.
   б. Диалектика и личные ошибки.

1

Диалектика истории общества. При изучении вопроса о производственных отношениях мы делали обзор экономических структур—строения и развития отдельных общественных формаций. Достаточно широкий материал по этому вопросу помещен у нас в гл. II (раздел 2, § в), и к нему следует обратиться при проработке вопроса о характере развития общества в целом. Здесь мы помещаем небольшой материал общего характера по двум рубрикам: о развитии доклассового общества и о развитии общества классового.

а. Диалектика развития доклассового общества. Речь идет о первобытном и родовом обществах. Нужно проследить развитие предпосылок перехода одной формы в другую (внутри первой) и в частности созревание внутри родового строя классового деления общества. За основу следует взять развитие производительных сил, рост которых создает предпосылки для новых отношений, и самые эти отношения, изменяющие весь общественный строй.

При проработке вопрос можно сформулировать так:

1. Социальные антагонизмы и их нарастание с развитием родового строя.

б. Диалектика развития классового общества. Классовое общество основано на частной собственности на средства производства и общие условия труда. Развитие классового общества поэтому можно проследить в связи с развитием частной собственности. Этот вопрос достаточно захватывается в приводимом у нас отрывке из I т. «Капитала» (со стр. 754—757).

Но основной путь изучения вопроса должен проходить через обзор развития производительных сил и изменяющихся, в связи с этим, производственных отношений. Таким образом придется остановиться на отдельных формациях классового общества, феодализме и капитализме, и установить созревание элементов нового общества в недрах старого.

Схема проработки вопроса может быть предложена следующая:

1) Частная собственность и ее предпосылки (корни) в состоянии и развитии материального производства феодального общества;

2) Элементы капитализма внутри феодализма;

3) Характер частной собственности в капиталистическом обществе и предпосылки ее в материальном производстве;

4) Развитие частной собственности при капитализме и материальные формы ее (в виде крупных средств производства);

5) Элементы социализма внутри капитализма.

Общая задача проработки указана выше: показать движение каждой общественной формы, по мере развития, к своему отрицанию и замене новой, более высокой, формой.

2

а. Перерастание производительными силами производственных отношений и его классовые формы. К разрешению этого вопроса мы вплотную подошли в связи с разбором развития производительных сил при капитализме (см. гл. II, разд. 3, § б). Вопрос основан на диалектике взаимодействия производительных сил и производственных отношений и дает теоретическое обоснование происходящих в обществе революций.

В процессе исторического развития производительные силы находятся в постоянном взаимодействии с производственными отношениями. Производственные отношения, говорили мы, высказывая общее положение марксизма, соответствуют производительным силам, — та или иная форма их зависит от того или иного уровня развития производительных сил. Но при более подробном изучении движения общества оказывается, что с развитием общества производительные силы уходят вперед, общество создает такие материальные силы производства, при которых становится необходимым изменение самого общественного строя. В обществе доклассовом изменение это происходит постепенно, в силу отсутствия социальных проти-

воречий. В классовом обществе конфликт между производительными силами и производственными отношениями принимает форму социального конфликта — революции.

Конкретной формой общества, для иллюстрации вопроса, можно взять капитализм.

Схема проработки вопроса следующая:

1) Характер средств производства на заре капиталистического общества и в развитом капиталистическом обществе;

2) Роль рабочей силы на ранних этапах развития капитализма и в развитом капиталистическом обществе;

3) Роль класса-собственника средств производства в организации производства на ранних этапах капитализма и в развитом капиталистическом обществе;

4) Изменение доли в распределении на ранних этапах развития капитализма и в развитом капиталистическом обществе;

5) Итоги: собственники и рабочие на ранних этапах развития капитализма и в развитом капиталистическом обществе с точки зрения изменения общего количества тех и других, роли в производстве и получаемой теми и другими доли дохода.

Вопрос сложен, так как приходится захватывать слишком большой круг явлений: 1) буржуазное производство проделало путь от ремесленного производства к мануфактуре, к крупной машинной промышленности, полуавтоматической фабрике; 2) от индивидуальной разрозненной рабочей силы был совершен переход к коллективной рабочей силе в мануфактуре и коллективизированной машиной рабочей силе крупной промышленности; 3) буржуазия, как класс, проделала путь от организатора производства в мануфактуре к паразитизму с развитием крупного машинного производства; 4) возрастание относительной прибавочной стоимости и доли прибыли (след., возрастающая неравномерность распределения, где класс-паразит захватывает все продукты производства, оставляя фактическому производителю голодный минимум в виде заработной платы) вместе с ростом и развитием производства, и 5) в итоге уменьшение относительного количества собственников средств производства, устранение их роли в организации производства и беспрерывное увеличение их доли в распределении — с одной стороны, увеличение абсолютного и относительного количества рабочих и обслуживающего наемного персонала, живая сила которых определяет движение всего производства, и вместе с тем относительное уменьшение их доли в распределении — с другой. Таково сложное выражение конфликта между производительными силами и производственными отношениями, как результат перерастания производительными силами производственных отношений.

Вопрос трудный, и его детализация может быть сделана лишь в самых общих чертах.

б. Диалектика перерастания. (Движущие силы буржуазной и пролетарской революций). Конкретная обстановка развития каждой страны создает особые условия, решающие ход и исход революции в этой стране. Так, в странах Запада, где буржуазия пришла к господству, когда капиталистический способ производства еще только что сложился и сам по себе был прогрессивен, движущей социальной силой антифеодальной революции был не только класс буржуазии, но и пролетариат, поставлявший основные кадры борцов за буржуазную государственную машину, за утверждение и развитие буржуазных отношений в производстве. Но в русской буржуазной революции 1905 г. положение резко изменилось. Буржуазия, как класс, оказалась здесь недостаточно революционной для совершения революции: она боялась пролетариата и шла на сделки с феодальными господствующими классами. Пролетариат совместно с крестьянством стал этой движущей силой в буржуазной революции. Такова диалектика перерастания от феодализма к капитализму на двух конкретных примерах.

Диалектика перерастания от капитализма к социализму опять-таки иллюстрируется на примере революции в России.

Наиболее развитые (капиталистические) страны технически ближе к социалистическому строю. Но конкретные условия развития мирового хозяйства, и в частности мировая война, создали условия, при которых социалистическая революция произошла прежде всего в России. Пролетариат в союзе с бедняцкой и середняцкой частью крестьянства должен был совершить эту революцию, которая в свою очередь есть лишь первый шаг к мировой социалистической революции.

Вопрос можно проработать по такому плану:

1) Революционность буржуазии на Западе и контрреволюционность ее в России (в буржуазных революциях);

2) Пролетариат и крестьянство в революциях буржуазных и революции социалистической.

в. Диалектика как руководство в практической борьбе. Всякая борющаяся группа людей, партия и пр.. в целях объединения и сплочения своих членов выдвигает те или другие принципы и лозунги своей борьбы. Сами эти принципы и лозунги отражают в известной мере объективную обстановку, их вызвавшую, и личный состав борцов, их сформулировавших.

Но в процессе борьбы обстановка изменяется, усложняется, прежние условия зачастую коренным образом меняют свое лицо. Выработанные ранее принципы и лозунги не отвечают новым условиям, и, если борющаяся партия жизнеспособна, она вырабатывает и применяет новые принципы и новые лозунги.

Учет конкретной действительности—основной момент в диалектическом подходе к ней.

Вопрос можно проработать по такой схеме:

1) Большевики и меньшевики в оценке движущих сил революции 1905 г.;

2) Отношение к парламентаризму и реформам;

3) Допустимы ли компромиссы;

4) Отношение к войне.

Примеры можно умножить, взяв из любой области классовой борьбы. Основная задача — показать, что марксизм, отражая объективную действительность, должен отражать изменяемость и сложность этой действительности в каждый исторический момент. Только тогда теория может быть живым руководством к действию. Диалектика в марксизме и есть такое руководство.

3

Роль личности в истории. Во всей нашей работе по теории исторического материализма мы имели в виду массы, классы, партии — те или другие значительные группы людей, закономерность движения которых и была предметом нашего изучения. Теперь нужно коснуться вопроса о роли личности в истории.

а. «Великие» люди и история. Общественное движение в целом определяется развитием производительных сил. Но само это развитие движется борьбой людей (групп) (или с природой, или одной группы с другой, а через посредство этой борьбы и с природой). Отдельный человек борется за свое существование как часть того или иного общественного целого. Он несет в себе условия этого целого и его историческое прошлое. Но в то же время в нем могут совпасть свойства, отличающие его от других индивидуальностей его группы тем, что он полнее и ярче других воспринимает окружающую обстановку. Это может произойти не только из качества работы его мозга, но и из-за взаимодействия его индивидуального положения с окружающей его средой. Человек может стать «великим», — как бы выделиться из общества, стать вне его и над ним, на деле же он только отражает свою среду, отвечает ее запросам.

Вопрос можно иллюстрировать на таком примере:

1. Наполеон и Франция на грани XVIII и XIX ст.

Задача проработки — показать, что личность вносит свое значение в историческую действительность, но лишь тем, что доводит до логического максимума ту объективную ситуацию, в которой она действует. Можно также взять в качестве примера личность В. И. Ленина в условиях русской революции.

б. Диалектика и личные ошибки. В связи с вопросами о диалектике, как руководстве в практической борьбе, и роли личности в истории нужно разобрать вопрос о прикрытии «диалектикой» личных ошибок. Диалектика, как теория, закономерна постольку, поскольку она отражает объективную действительность. Если же она оказывается плодом голой, абстрактной мысли, необоснованной этой действительностью, то она

превращается в схоластику, в один из способов субъективного толкования действительности, иногда с целью «объяснения» своих личных поступков. С такой «диалектикой» марксизм не имеет ничего общего.

Вопрос можно проработать на таких примерах:

1) «Вожди» и их измена делу революции (например, Каутский и др.);

2) Ошибки Плеханова в оценке русской революции.

Примеры, так же как и в предыдущем параграфе, можно взять из любой области борьбы.

1. ДИАЛЕКТИКА ИСТОРИИ ОБЩЕСТВА

а. ДИАЛЕКТИКА РАЗВИТИЯ БЕСКЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА

Диалектическим методом — в противоположность метафизическому — Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически-сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития.

Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов, Соч., I, 2 изд., 82.

Вернемся на минутку к нашим ирокезам. У них было бы немыслимо положение, навязанное теперь афинянам, так сказать, без участия и, безусловно, против их воли. У них, остающийся из года в год неизменным, способ добывания средств к жизни никогда не мог породить такие, навязанные извне конфликты, такую противоположность между богатыми и бедными, между эксплоататорами и эксплоатируемыми. Ирокезы были далеки от власти над природой, но в границах, очерченных для них природой, они были господами своего производства. Если не считать неурожаев на их небольших огородах, истощения рыбных богатств в их озерах и реках и исчезновения дичи в их лесах, они знали заранее, на что могут рассчитывать при своем способе добывания средств к жизни. Они знали, что получат средства к существованию в скудном размере или изобилии; но они знали также, что никоим образом невозможны непредвиденные общественные перевороты, разрыв родовых уз, разделение сородичей и соплеменников на противоположные, борющиеся друг с другом классы. Производство вращалось в самых узких рамках, но производители были хозяевами своего продукта. Это было громадное преимущество варварского производства, утраченное с появлением цивилизации, и обратное завоевание его, но на основе ныне приобретенного могучего господства людей над природой и возможного теперь свободного объединения, явится задачей ближайших поколений.

Иначе обстояло дело у греков. Появившаяся частная собственность на стада и предметы роскоши (утварь) повела к обмену между отдельными лицами, превращению продуктов в товары. И в этом зародыш всего последующего переворота. Лишь только производители перестали сами непосредственно потреблять свой продукт, и начали отчуждать его путем обмена, они утратили свою власть над ним. Они уже не знали, что станется с продуктом. Не была исключена возможность, что продукт будет употреблен потом против производителя, для его эксплоатации и угнетения. Ни одно общество не может сохранить надолго свою власть над собственным производством и контроль над общественными влияниями своего процесса производства, если оно не уничтожит обмена между отдельными людьми.

Но афинянам пришлось узнать, как быстро, после возникновения обмена между отдельными людьми и с превращением продуктов в товары, начинает проявляться власть продукта над собственными производителями. Вместе с товарным производством появилась обработка земли отдельными лицами за собственный счет, а вскоре затем и земельная собственность отдельных лиц. Потом появились деньги, всеобщий товар, на которые обменивались все другие товары. Но, изобретая деньги, люди не подозревали того, что они создают этим новую общественную силу, такую, имеющую всеобщее значение, силу, перед которой должно будет склоняться все общество. И эта новая, внезапно возникшая... сила, родившаяся без ведома и против воли собственных своих творцов, дала почувствовать свое господство афинянам со всей грубостью своего молодого возраста.

Что было делать? Древний родовой строй не только оказался бессильным против победного шествия денег; он был даже абсолютно неспособен найти внутри своих рамок хотя бы место для таких вещей, как деньги, кредиторы и должники, принудительное взыскание долгов. Но появилась новая общественная сила, и благочестивые пожелания, стремления вернуть доброе старое время не в состоянии сжить со света деньги и ростовщичество. Сверх того, в родовом строе был пробит ряд других, второстепенных брешей. От поколения к поколению все больше перемешивались между собою члены различных родов и фратрий по всей территории Аттики и особенно в самом городе Афинах, хотя и теперь еще афинянин мог, правда, продать не члену своего рода свой земельный участок, но не свое жилище. С прогрессом промышленности и сообщений, все полнее развивалось разделение труда между различными отраслями производства: земледелием, ремеслом, а в ремесле — между бесчисленными разновидностями его, торговлей, мореходством и т. п.; население распадалось теперь, в соответствии с своими занятиями, на вполне устойчивые и определенные группы, из которых каждая имела ряд новых общих интересов; для последних не было места внутри рода или фратрии, и поэтому, для обслуживания их являлась необходимость в новых должностях. Количество рабов значительно возросло, и в ту пору, должно быть, уже намного превышало число свободных афинян: родовой строй первоначально совершенно не знал рабства, а значит, и не

знал средств, как держать в узде массу несвободных. И, наконец, торговля привлекла в Афины толпы чужестранцев, которые селились здесь ввиду возможности более легкого обогащения: в силу старого общественного устройства они тоже были бесправными и беззащитными и, несмотря на старинную терпимость, оставались чуждым элементом в народе.

Одним словом, родовой строй приходил к концу. Общество с каждым днем все более выростало из его рамок; даже худшие отрицательные явления, возникавшие у него перед глазами, он не мог ни ослабить, ни устранить.

Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, «Моск. Раб.», 1922, 74—75.

6. ДИАЛЕКТИКА РАЗВИТИЯ КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА

Частная собственность, в противоположность общественной, коллективной собственности, существует лишь там, где средства труда и внешние условия труда принадлежат частным лицам. И в зависимости от того, являются ли эти частные лица рабочими или нерабочими, изменяется и характер самой частной собственности. Бесконечные оттенки, встречающиеся в области этой последней, отражают лишь промежуточные состояния, лежащие между обоими этими крайними случаями.

Частная собственность рабочего на средства производства есть основа мелкого производства, а мелкое производство составляет необходимое условие для развития общественного производства и свободной индивидуальности самого рабочего. Правда, этот способ производства встречается и при рабском, и при крепостном строе, и при других формах личной зависимости. Однако он достигает полного расцвета, проявляет всю свою энергию, приобретает классическую соответствующую ему форму лишь там, где рабочий является свободным частным собственником своих, им самим применяемых условий труда, где крестьянин обладает полем, которое он возделывает, ремесленник — инструментами, которыми он играет, как виртуоз.

Этот способ производства предполагает раздробление земли и остальных средств производства. Он исключает, как концентрацию этих последних, так и кооперацию, разделение труда внутри одного и того же производственного процесса, общественное господство над природой и общественное регулирование ее, свободное развитие общественных производительных сил. Он совместим лишь с узкими традиционными границами производства и общества. Стремление увековечить его равносильно, по справедливому замечанию Pequeur'a, стремлению «декретировать всеобщую посредственность». Но на известном уровне развития он сам создает материальные средства для своего уничтожения. С этого момента в недрах общества начинают шевелиться силы и страсти, которые чувствуют себя скованными этим способом производства. Последний должен быть уничтожен, и он уни-

чтожается. Уничтожение его, превращение индивидуальных и раздробленных средств производства в общественно-концентрированные, следовательно, превращение карликовой собственности многих в гигантскую собственность немногих, экспроприация у широких народных масс земли, средств существования, орудий труда, эта ужасная и трудная экспроприация народной массы образует пролог истории капитала... Экспроприация непосредственных производителей совершается с беспощадным вандализмом, ее движущими пружинами являются самые бесстыдные, грязные, отвратительные и мелочные страсти. Частная собственность, добываемая личным трудом, покоящаяся, так сказать, на естественном сращении отдельного независимого рабочего с условиями его труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплоатации чужого, хотя формально и свободного труда.

Когда этот процесс превращения достаточно разложил старое общество в глубину и ширину, когда рабочие уже превращены в пролетариев, а условия их труда — в капитал, когда капиталистический способ производства становится на собственные ноги, тогда дальнейшее обобществление труда, дальнейшее превращение земли и других средств производства в общественно эксплоатируемые и, следовательно, общие средства производства и связанная с этим дальнейшая экспроприация частных собственников приобретают новую форму. Экспроприации подлежит теперь не самостоятельно хозяйствующий рабочий, а эксплоатирующий многих рабочих капиталист.

Эта экспроприация осуществляется действием имманентных законов самого капиталистического производства, централизации капиталов. Один капиталист убивает многих. Рука об руку с этой централизацией или экспроприацией многих капиталистов немногими развивается все в более широком масштабе кооперативная форма процесса труда, сознательное техническое применение науки, планомерная эксплоатация земли, выработка таких средств труда, которые допускают лишь совместное применение, экономизация всех средств производства путем применения их как средств производства комбинированного, общественного труда, вовлечение всех народов в сеть мирового рынка и, следовательно, интернациональный характер капиталистического режима. Наряду с постоянным уменьшением числа магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса переворота, растет масса нищеты, гнета, порабощения, вырождения и эксплоатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, непрерывно увеличивающегося, вышколенного, объединенного и организованного самим механизмом капиталистического процесса производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вместе с нею и благодаря ей достиг расцвета. Централизация средств производства и обобществления труда достигают уровня, при котором они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Последняя разрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют.

Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, а потому и капиталистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство с неизбежностью процесса природы порождает отрицание себя самого. Это — отрицание отрицания. Оно восстановляет не частную собственность рабочего, но индивидуальную собственность на основе завоеваний капиталистической эры, т. е. на основе кооперации и общего владения землей и другими средствами производства, которые произведены самим же трудом.

Превращение раздробленной, покоящейся на собственном труде отдельных лиц, частной собственности в собственность капиталистическую есть, конечно, процесс несравненно более продолжительный, тяжелый и трудный, чем превращение капиталистической собственности, фактически уже основанной на общественном производстве, в общественную собственность. Там дело заключалось в экспроприации народной массы немногими узурпаторами, здесь народной массе предстоит экспроприировать немногих узурпаторов.

Маркс, Капитал, I, Гиз, 1923, 754—757.

Когда читаешь у экономистов и статистиков, выражающих наиболее распространенные буржуазные взгляды, длинные рассуждения на тему о неоднородности условий в сельском хозяйстве и в промышленности, о своеобразии первого и т. д. и т. п., то постоянно хочется заметить: господа! вы сами больше всего виноваты в поддержке и распространении упрощенных и огрубленных взглядов на эволюцию земледелия! Вспомните «Капитал» Маркса. Вы найдете указание на чрезвычайное разнообразие форм землевладения—феодальное, клановое, общинное (добавим: примитивно-захватное), государственное и проч.,—которые застает капитал при своем появлении на историческую сцену. Капитал подчиняет себе и преобразует по-своему все эти различные формы землевладения, но именно для того, чтобы понять, оценить, статистически выразить этот процесс, необходимо уметь видоизменять постановку вопроса и приемы исследования применительно к различиям ф о р м ы процесса. Капитализм подчиняет себе и общинно-надельное землевладение в России, и захватное или регулируемое свободной и даровой раздачей земли землевладение в демократическом или крепостническом государстве Сибири или «дальнего запада» Америки, и рабовладельческое землевладение американского юга, и полуфеодальное землевладение «истинно-русских» губерний. Процесс роста и победы капитализма во всех этих случаях однороден, но не одинаков по форме. Чтобы понять и точно изучить этот процесс, нельзя ограничиваться шаблонно-мещанскими фразами о «трудовом» земледелии или рутинными приемами сопоставления одних только количеств земли.

Ленин, Новые данные о законах развития капитализма в земледелии, Соч., IX, 1 изд., 234.

Капитализм есть зло по отношению к социализму. Капитализм есть благо по отношению к средневековью, по отношению к мелкому производству, по отношению к связанному с распыленностью мелких производителей бюрократизму. Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере, как стихийный продукт мелкого производства и обмена, и постольку мы должны использовать капитализм (в особенности направляя его в русло государственного капитализма), как посредствующее звено между мелким производством и социализмом: как средство, путь, прием, способ повышения производительных сил.

Ленин, О продовольственном налоге, Соч., XVII, ч. I, I изд., 222.

Все культурные народы начинают с общинного владения землею. У всех народов, перешедших известную первоначальную стадию, с развитием земледелия общинное владение становится помехой для производства. Общинное владение упраздняется, отрицается и через более или менее промежуточные стадии превращается в частную собственность. Но на высшей, созданной самой частной собственностью на землю, ступени развития земледелия, частная собственность становится, в свою очередь, помехой для производства, как это ныне наблюдается в отношении как мелкого, так и крупного земледелия. Вследствие этого с необходимостью выступает требование дальнейшего отрицания, обратного превращения частной собственности в общественную. Однако, это требование сводится не к восстановлению старой первобытной общественной собственности, а к созданию гораздо высшей, более развитой формы общественного владения. Форма эта, совершенно далекая от того, чтобы стать помехой для производства, напротив того, освобождает последнее от оков и дает ему возможность использовать современные химические открытия и механические изобретения.

Или же возьмем древнюю философию. Она представляла собою первобытный естественный материализм. Как таковой, она неспособна была разобраться во взаимоотношениях мышления и материи. Необходимость выяснить этот вопрос привела, однако, к учению об отделимой от тела душе, затем к утверждению бессмертия этой души и, наконец, к монотеизму. Таким образом, древний материализм подвергся отрицанию в идеализме, но в дальнейшем развитии философия этот идеализм оказался также несостоятельным и отрицается современным материализмом. Последний — отрицание отрицания — не есть простое восстановление древнего, но прибавляет к оставшимся основам последнего все идейное содержание двухтысячелетнего развития философии и естествознания, а также самой этой двухтысячелетней истории. Это уже вообще не философия, а простое мировоззрение, которое подтверждается и проявляется не в особой науке, а в действительных науках. Следовательно философия здесь отменена, т.-е. она в одно и то же время «превзойдена и сохранена»: она превзойдена по всей своей форме, но сохранена по своему действительному содержанию.

Наконец, даже учение о равенстве Руссо... не рождается без акушерских услуг гегелевского отрицания и притом слишком за 20 лет до рождения Гегеля. И ничуть того не стыдясь, учение Руссо в первом же изложении почти с гордостью выставляет печать своего диалектического происхождения. В естественном и диком состоянии люди были равны, а так как Руссо уже употребление языка считает извращением естественного состояния, то он вполне прав, распространяя равенство животных, принадлежащих к одному виду, также и на недавно гипотетически классифицированных Геккелем Alali, лишенных речи человеко-зверей. Но эти человеко-звери имели перед остальными животными одно преимущество: способность к совершенствованию, к дальнейшему развитию, и это свойство стало причиной неравенства. Таким образом, Руссо видит в возникновении неравенства известный прогресс. Но этот прогресс был антагонистичен: он был в то же время и регрессом. «Все дальнейшее (по выходе из первобытного состояния) прогрессивное развитие клонилось, повидимому, к у с о в е р ш е н с т в о в а н и ю ч е л о в е ч е с к о г о и н д и в и д а, а наделе же вело к у п а д к у р о д а. Обработка металлов и земледелие были теми двумя искусствами, открытие которых вызвало эту революцию» (т. е. превращение девственного леса в обработанное поле, вместе с тем и введение нищеты и рабства посредством установления прав собственности). «По мнению поэта — золото и серебро, по мнению философа — железо и рожь цивилизовали ч е л о в е к а, но разрушили человеческий р о д». Каждый новый успех цивилизации есть в то же время новый успех неравенства. Все учреждения, вводимые возникшим вместе с цивилизацией обществом, превращаются в нечто противоположное своей первоначальной цели. «Ведь это неоспоримо и составляет основной закон всего государственного права, что народы завели себе государей с целью защитить свою свободу, а не уничтожить ее». Между тем, эти государи становятся с необходимостью угнетателями народа и доводят этот гнет до того пункта, где неравенство, достигнув крайних пределов, снова превращается в свою противоположность, становясь причиной равенства: пред деспотом все равны, а именно, равны нулю. «Это — самая крайняя степень неравенства, к о н е ч н ы й п у н к т, з а м ы к а ю щ и й к р у г и п р и к а с а ю щ и й с я к т о й т о ч к е, из которой мы исходили; здесь все частные люди становятся равными именно потому, что они — ничто, и подданные не имеют более никакого закона, кроме воли властелина». Но деспот остается властелином лишь до тех пор, покуда он располагает силой, поэтому он, когда его изгоняют, не может жаловаться на изгнавшую его силу. Насилием он держится, насилию же его подвергают; все идет своим правильным естественным ходом. И вот неравенство снова превращается в равенство, но не в старое естественное равенство лишенного речи первобытного человека, а в высшее равенство, обусловленное общественным договором. Угнетатели угнетаются. Это — отрицание отрицания.

Таким образом, мы видим уже у Руссо не только ход мыслей, совер

шенно тождественный тому, которого придерживается «Капитал» Маркса, но и в частностях — целый ряд диалектических оборотов, которыми пользуется Маркс: процессы, по природе своей антагонистические, содержащие противоречие в себе; превращение крайности в свою противоположность и, наконец, как ядро всего, отрицание отрицания. Если Руссо в 1754 г. еще не мог говорить на «гегелевском жаргоне», то он, однако, за 23 года до рождения Гегеля, уже глубоко проникся гегелевской заразой, диалектикой противоречия, учением о логосе, теологикой и т. д.

Энгельс, Анти-Дюринг, Гиз, 1923, 124—126.

...Основное положение марксистской диалектики состоит в том, что все грани в природе и обществе условны и подвижны, что нет н и о д н о г о явления, которое бы не могло, при известных условиях, превратиться в свою противоположность. Национальная война м о ж е т превратиться в империалистскую и о б р а т н о. Пример: войны Великой французской революции начались как национальные и были таковыми. Эти войны были революционны: защита Великой революции против коалиции контрреволюционных монархий. А когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных, национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистские, породившие, в с в о ю о ч е р е д ь, национально-освободительные войны п р о т и в империализма Наполеона.

Только софист мог бы стирать разницу между империалистикой и национальной войной на том основании, что одна м о ж е т превратиться в другую. Диалектика не раз служила — и в истории греческой философии — мостиком к софистике. Но мы остаемся диалектиками, борясь с софизмами не посредством отрицания возможности всяких превращений вообще, а посредством конкретного анализа д а н н о г о в его обстановке и в его развитии.

Ленин, О брошюре Юниуса, Соч., XIII, 2 изд., 438—439.

Диалектика Маркса, будучи последним словом научно-эволюционного метода, запрещает именно изолированное, т. е. однобокое и уродливо искаженное, рассмотрение предмета. Национальный момент сербско-австрийской войны н и к а к о г о серьезного значения в общеевропейской войне не имеет и не может иметь. Если победит Германия, она задушит Бельгию, еще часть Польши, может быть часть Франции и пр. Если победит Россия, она задушит Галицию, еще часть Польши, Армению и т. д. Если будет «ничья», останется старое национальное угнетение. Для Сербии, т. е. какой-нибудь сотой доли участников теперешней войны, война является «продолжением политики» буржуазно-освободительного движения. Для $^{99}/_{100}$ война есть продолжение политики империалистской, т. е. одряхлевшей буржуазии, способной на растление, но не на освобождение наций. Тройственное согласие, «освобождая» Сербию, п р о д а е т интересы сербской свободы итальянскому империализму за помощь в грабеже Австрии.

Все это общеизвестно, и все это бессовестно извращено Каутским ради оправдания оппортунистов. «Чистых» явлений ни в природе, ни в обществе н е т и быть не может — об этом учит именно диалектика Маркса, показывающая нам, что самое понятие чистоты есть некоторая узость, однобокость человеческого познания, не охватывающего предмет до конца во всей его сложности. На свете нет и быть не может «чистого» капитализма, а всегда есть п р и м е с и то феодализма, то мещанства, то еще чего-нибудь. Поэтому вспоминать о том, что война не «чисто» империалистическая, когда речь идет о вопиющем обмане «народных масс» империалистами, заведомо прикрывающими цели голого грабежа «национальной» фразеологией, — значит быть бесконечно тупым педантом или крючкотвором и обманщиком.

Ленин, Крах II Интернационала. Соч., XIII, 1 изд., 160.

2. ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ

а. ПЕРЕРАСТАНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫМИ СИЛАМИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЕГО КЛАССОВЫЕ ФОРМЫ

Чтобы жить, люди должны производить. Чтобы производить, они должны известным образом сочетать свои усилия, установить друг с другом известные отношения, которые у Маркса называются производственными отношениями. Совокупность этих отношений и составляет экономическую структуру общества, на основе которой вырастают все другие (социальные) отношения людей и, между прочим, весь «гражданский быт», игравший такую важную роль в теориях французских историков времен реставрации.

В каждую данную эпоху характер производственных отношений определяется не «случаем» и не «природой» людей, а теми естественными условиями, среди которых людям приходится бороться за свое существование. От этих условий и прежде всего от свойств географической среды зависит состояние производственных сил, находящихся в распоряжении людей. Данному состоянию производительных сил соответствуют данные отношения производства, а данным отношениям производства соответствует данный социальный строй, свойства которого, влияя на психику людей, обусловливают собою умственное, нравственное и все вообще так называемое духовное развитие людей.

Но самый процесс производства и сочетание человеческих усилий в этом процессе, увеличивая запас опыта, ведут к дальнейшему развитию производительных сил, вследствие которого возникает и постепенно усиливается несоответствие между этими силами, с одной стороны, и производственными отношениями — с другой. Прежде эти отношения содействовали дальнейшему росту производственных сил, теперь они начинают задерживать его. Тогда начинается революционная эпоха общественного развития, которая рано или

поздно заканчивается разрушением устарелых производственных, — а следовательно и имущественных, отношений и всего «гражданского быта».

Плеханов, Предисловие к Коммунистическому манифесту. Соч., XI, Гиз. 1923, 308.

Существующий общественный строй — это теперь почти общепризнано — создан ныне господствующим классом — буржуазией. Свойственный буржуазии способ производства, называемый со времени Маркса капиталистическим способом производства, был несовместим с местными сословными привилегиями, также и с взаимными личными узами феодального строя. Буржуазия разрушила феодальный строй и на развалинах его воздвигла буржуазный строй общества, царство свободной конкуренции, свободы передвижения, равноправия товаровладельцев и все прочие буржуазные прелести. Отныне капиталистический способ производства мог развиваться свободно. С тех пор, как пар и новое машинное производство превратили старую мануфактуру в крупную индустрию, выработанные под руководством буржуазии производительные силы развились с доселе неведомой быстротой и в прежде неслыханной степени. Но подобно тому, как в свое время мануфактура и шире развившееся под ее влиянием ремесло пришли в столкновение с феодальными оковами цехов, так крупная индустрия на более высокой ступени развития приходят в столкновение с границами, в которые ее втиснул капиталистический способ производства. Новые силы производства уже переросли буржуазную форму их использования; этот конфликт между производительными силами и способом производства не возник в головах людей, как, например, конфликт между первородным человеческим грехом и божественной справедливостью, но заключается в самих явлениях, объективно, вне нас, независимо от желаний и стремлений даже тех самых людей, которые его вызвали. И вот современный социализм представляет собою не что иное как идейное выражение этого фактического конфликта, его идеальное отражение, прежде всего в головах людей того класса, который непосредственно от него страдает, т. е. рабочего класса.

Энгельс, Анти-Дюринг, Гиз, 1923, 242—243.

...Отныне общественно произведенные продукты присваивались не теми, кто действительно был движущей силой средств производства и действительно создавал продукты, а *капиталистами*. Средства производства и само производство стали в сущности общественным; но они подчинены такой форме присвоения, которая имеет своей предпосылкой частное производство отдельных лиц, при котором каждый владеет своим собственным продуктом и доставляет его на рынок. Этой форме присвоения подчиняется новый способ производства, который совершенно устраняет ее предпосылку *. В этом

* Здесь незачем объяснять, что если форма присвоения и остается неизменной, то все же характер его, в силу вышеописанного процесса, революционизируется не менее самого производства. Присваиваю ли я себе свой собствен-

противоречии, сообщающем новому способу производства его капиталистический характер, *лежит уже зародыш всей коллизии настоящего времени*. Чем больше новый способ производства становился господствующим во всех важных отраслях производства и во всех имеющих решающее экономическое значение странах и почти совершенно вытеснял индивидуальное производство, тем *яснее должна была выступить несовместимость общественного производства и капиталистического присвоения*.

Первые капиталисты... нашли уже готовую, ранее существующую форму наемного труда. Но наемный труд существовал как исключение, как побочное занятие, как вспомогательная работа, как переходной пункт. Земледельческий рабочий, выходивший иногда на поденную работу, имел пару моргов собственной земли и мог кое-как жить с ним. Цеховые уставы заботились о том, чтобы сегодняшний подмастерье современем сделался мастером. Но все это изменилось, как только средства производства превратились в общественные и сконцентрировались в руках капиталистов. Средства производства, как и продукт мелкого отдельного производителя, все больше и больше обесценивались; последнему не оставалось иного выхода, как поступить в наемные рабочие к капиталисту. Наемный труд, прежде исключение и вспомогательное занятие, сделался правилом и основной формой всего производства; прежде побочное занятие, он стал теперь исключительной деятельностью рабочего. Временный наемный рабочий превратился в пожизненного. Количество пожизненных наемных рабочих к тому же увеличилось в колоссальных размерах, благодаря совпавшему по времени падению феодального строя, упразднению дружин феодальных господ, изгнанию крестьян с их дворов и т. д. Свершилось отделение сконцентрировавшихся в руках капиталистов средств производства от производителей, не владеющих ничем, кроме своей рабочей силы. *Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением, выступило как антагонизм между пролетариатом и буржуазией*.

Мы видели, * что капиталистический способ производства проник в общество товаропроизводителей, отдельных производителей, общественная связь которых поддерживалась посредством обмена их продуктами. Но каждому покоящемуся на товарном производстве обществу свойственна та осо-

---

ный продукт или чужой, это, конечно, два весьма различных вида присвоения. Кстати, наемный труд, в котором уже содержится зародыш всего капиталистического способа производства, очень стар; в отдельных и разрозненных случаях он в течение столетий существовал наряду с рабством. Но в капиталистический способ производства зародыш этот мог развиться только тогда, когда создались исторические предварительные условия.

* См. в разделе «Производств. отношения» выдержку из «Анти-Дюринга», 243 и след. *Сост.*

бенность, что в нем производители утрачивают господство над собственными общественными отношениями. Каждый производит для себя со своими случайными средствами производства и для своей индивидуальной потребности обмена. Никто не знает, какое количество его продукта поступит на рынок, сколько его вообще требуется; никто не знает, соответствует ли его отдельный продукт действительной потребности, покроет ли он свои издержки и, вообще, сможет ли его продать. Господствует анархия общественного производства. Но товарное производство, как всякая иная форма производства, имеет свои своеобразные, свойственные ему, от него неотделимые законы, и эти законы пролагают себе дорогу вопреки анархии, в ней и через нее. Они проявляются в единственной продолжающей существовать форме общественной связи, в обмене, и действуют по отношению к отдельным производителям в качестве принудительных законов конкуренции. Таким образом, они вначале неизвестны и самим производителям, которым приходится путем долгого опыта постепенно открывать их. Таким образом, они действуют помимо производителей и против производителей, как слепые стихийные естественные законы данной формы производства. Продукт господствует над производителями.

Энгельс, Анти-Дюринг, Гиз, 1923, 245—247.

...Средства производства и сообщения, которые послужили основанием для развития буржуазии, зародились еще в феодальном обществе. На известной ступени развития этих средств производства и сообщения, условия, среди которых совершались производство и обмен в феодальном обществе, феодальная организация земледелия и промышленности, словом, феодальные имущественные отношения оказались несоответствующими вызванным к жизни производительным силам. Они мешали производству, а не способствовали ему. Они превратились в столь же многочисленные оковы. Они должны были быть разорваны, и они были разорваны.

Место их заняла свободная конкуренция с соответствующим ей общественным и политическим строем, с экономическим и политическим господством буржуазии.

На наших глазах совершается подобное же движение. Буржуазные условия производства и сообщения, буржуазные имущественные отношения, современное буржуазное общество, как бы волшебством создавшее такие могущественные средства производства и сообщения, походит на волшебника, который не в состоянии справиться с вызванными его заклинаниями подземными силами. Вот уже несколько десятилетий история промышленности и торговли представляет собой историю возмущения современных производственных сил против современной организации производства, против имущественных отношений, этих условий жизни для буржуазии и ее господства. Достаточно назвать торговые кризисы, которые возвращались периодически, все более и более угрожают существованию всего буржуазного общества. Во время кризисов постоянно уничтожается

значительная часть не только готовых уже продуктов, но и находящихся в распоряжении общества производительных сил. Во время кризисов появляется эпидемия, которая во все предшествовавшие эпохи показалась бы нелепостью, эпидемия излишнего производства. Общество вдруг возвращается на некоторое время в варварское состояние; можно подумать, что голод или всеобщая истребительная война лишили его всех жизненных средств; промышленность и торговля как бы уничтожаются — и почему? Потому, что общество слишком цивилизовано, потому, что оно имеет слишком много жизненных средств, потому, что торговля и промышленность его развиты слишком высоко. Находящиеся в его распоряжении производительные силы не способствуют уже развитию буржуазной цивилизации и буржуазных имущественных отношений; напротив, они стали слишком велики для этих отношений; они встречают в них препятствия, а когда им удается одолеть эти последние, они приводят в расстройство все буржуазное общество, угрожают существованию буржуазной собственности. Буржуазные отношения оказываются слишком узкими, чтобы вместить созданное ими богатство. Каким образом буржуазия устраняет кризисы? С одной стороны, путем вынужденного уничтожения целой массы производительных сил; с другой стороны, посредством завоевания новых и более широкой эксплоатации старых рынков. Следовательно, не чем другим, как подготовлением более широких и сильных кризисов и уменьшением средств противодействия им.

Оружие, которым буржуазия на смерть поразила феодализм, направляется теперь против самой буржуазии.

Маркс и Энгельс, Коммунистический манифест, Гиз, 3 изд., 68—70.

Благоприятность естественных или искусственных условий производства решает вопрос жизни и смерти между отдельными капиталистами, как и между целыми отраслями промышленности и даже целыми странами. Побежденный беспощадно уничтожается. Это — дарвиновская борьба за существование, перенесенная с усиленной свирепостью из царства природы в человеческое общество. Естественное состояние животного является вершиною человеческого развития. Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением проявляется, как *противоположность между организацией производства в отдельной фабрике и анархией производства во всем обществе*.

В обеих этих формах содержащегося в нем, в силу его происхождения, противоречия движется капиталистический способ производства, неизбежно описывая тот «неправильный круг», который открыл в нем еще Фурье. Но Фурье в то время, конечно, еще не мог заметить, что круг этот постепенно суживается, что движение представляет собою скорее спираль и должно достигнуть конца, какой бывает с планетами при столкновении с центром. Сила, превращающая огромное большинство людей все больше и больше в

пролетариев, это — движущая сила общественной анархии производства; но пролетарские массы в свою очередь явятся тою силой, которая в конце концов положит конец анархии производства. Эта движущая сила социальной анархии производства превращает бесконечную способность к усовершенствованию машин крупной индустрии в принудительный закон, заставляющий каждого отдельного индустриального капиталиста, под страхом гибели, все больше и больше совершенствовать механическое оборудование своей фабрики. Но усовершенствование машин означает устранение человеческого труда за ненадобностью. Если введение и увеличение количества машин означает вытеснение миллионов занятых ручным трудом рабочих немногими рабочими при машинах, то улучшение машин означает уже вытеснение и машинных рабочих, а в последнем счете — создание избытка свободных наемных рабочих, превышающего среднюю потребность капитала в рабочих руках, создание целой промышленной резервной армии, как я назвал ее уже в 1845 г. («Положение рабочего класса в Англии»), и эта резервная армия является к услугам капиталиста в период промышленной горячки, а в период кризиса она выбрасывается на мостовую: но эта резервная армия — всегда свинцовая гиря на ногах рабочего класса в его борьбе за существование с капиталом, всегда она — регулятор, задерживающий заработную плату на соответствующем капиталистическим интересам низком уровне. И вот выходит, что машина, говоря словами Маркса, становится самым могучим боевым орудием капитала против рабочего класса, что орудие труда постоянно вырывает из рук труженика средства к жизни, что собственный продукт рабочего превращается в орудие его порабощения. Получается то, что экономия средств труда становится вместе с тем с самого начала бесцеремоннейшим расточением рабочей силы и уничтожением нормальных предпосылок трудовой деятельности; что машина — самое могучее средство для сокращения рабочего времени — обращается в надежнейшее орудие превратить всю жизнь рабочего и его семьи в сплошное рабочее время к услугам капитала и в его интересах; и в результате — чрезмерный труд одних, становится предпосылкой безработицы других, и крупная индустрия, которая по всему земному шару гонится за новыми потребителями, у себя дома сводит к голодному минимуму потребление масс и тем подрывает свой собственный внутренний рынок. «Закон, удерживающий относительное перенаселение и резервную армию в постоянном равновесии с размером и энергией аккумуляции капитала, крепче приковывает рабочего к капиталу, чем молот Гефеста приковал Прометея к скале. Он обусловливает накопление нищеты, соответствующее накоплению капитала. Накопление капитала на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, мук труда, рабства, невежества, одичания, нравственного падения на противоположном полюсе, т.-е. на стороне того класса, который *производит свой собственный продукт, как капитал*» (Маркс, Капитал). Ожидать же от капиталистического способа производства иного распределения продуктов было бы равносильно требованию, чтобы электроды, связан-

ные с батарей, не разлагали воды, не развивали на положительном полюсе кислорода, а на отрицательном водорода.

Мы видели, что в высшей степени развившаяся возможность больше и больше совершенствовать современную машину превратилась, благодаря анархии производства в обществе, в принудительный закон для каждого отдельного промышленного капиталиста, заставляющий его постоянно улучшать свои машины, постоянно повышать их производительную силу. В такой же принудительный закон превращается для него и простая фактическая возможность расширять сферу своего производства. Огромная способность к расширению крупной индустрии, в сравнении с которой расширяемость газов представляется просто детской забавой, выступает пред нами теперь, как неудержимая никаким противодействием потребность количественного и качественного расширения. Это противодействие составляет — размеры потребления, сбыта, рынков для продуктов крупной индустрии. Но способность рынков к расширению — экстенсивному, как и интенсивному — обусловливается, прежде всего, совершенно иными, гораздо менее энергично действующими законами. Расширение рынков не может итти таким же темпом, как расширение производства. Коллизия становится неизбежной, а так как она не может получить разрешения, пока не исчезнет самый капиталистический способ производства, то она становится периодической. Капиталистическое производство создает новый «порочный круг».

В самом деле, начиная с 1825 г., когда наступил первый всеобщий кризис, весь промышленный и коммерческий мир, производство и обмен всех цивилизованных народов и их более или менее варварских придатков приблизительно каждые десять лет выходят из колеи. Обращение останавливается, рынки переполнены, нагроможденные массы продуктов залеживаются без сбыта, наличных денег не видно, кредит пропадает, фабрики не работают, рабочие массы нуждаются в жизненных припасах, потому что они произвели слишком много жизненных припасов, банкротство следует за банкротством, аукцион за аукционом. Целые годы тянется застой, производительные силы, как и продукты, массами расточаются и разрушаются до тех пор, пока накопившиеся массы товаров, при большем или меньшем обесценении их, наконец убывают, производство и обмен постепенно снова пускаются в ход. Мало-по-малу темп ускоряется, переходит в рысь, индустриальная рысь переходит в галоп, а этот опять в необузданный карьер полной промышленной, коммерческой, кредитной и спекулятивной скачки, чтобы в конце концов после рискованнейших скачков опять провалиться в пучину краха. И так постоянно процесс повторяется снова сначала. С 1825 г. мы пережили целых пять таких циклов, и в данный момент (1877 г.) переживаем его в шестой раз. Характер этих кризисов так ясно очерчен, что Фурье уже сумел им дать точное определение, назвав первый кризис «кризисом избытка» — crise pléthorique.

В кризисах сказывается доведенное до стихийного столкновения противоречие между общественным производством и капиталистическим при-

своением. Товарное обращение мгновенно прекращается; средство обращения — деньги — превращается в помеху для обращения; все законы товарного производства и товарного обращения совершенно извращаются. Экономическая коллизия достигла своего крайнего пункта: *способ производства восстает против способа обмена, а производительные силы восстают против способа производства, который они переросли.*

Тот факт, что общественная организация производства внутри фабрики развилась до того пункта, когда она становится несовместимой с существующей наряду с ней и над ней анархией производства в обществе,—этот факт становится весьма ощутительным и для самих капиталистов, благодаря сильной концентрации капиталов, свершающейся во время кризисов путем разорения большого числа крупных и еще большего числа мелких капиталистов. Ведь механизм капиталистического способа производства перестает действовать под давлением им самим созданных производительных сил. Этот способ производства не может уже более превратить в капитал всю массу средств производства; они остаются без дела, а именно поэтому и промышленная резервная армия должна оставаться также без дела. Средства производства, жизненные припасы, незанятые рабочие — все элементы производства и общего богатства имеются в избытке. Но «избыток становится источником нужды и скудости» (Фурье), потому что он-то именно и препятствует превращению средств производства и жизненных припасов в капитал. Ибо в капиталистическом обществе средства производства не могут действовать, не превратившись предварительно в капитал, в орудие эксплоатации рабочей силы человека. Необходимость превращения в капитал средств производства и существования стоит, как привидение, между ними и рабочими. Она одна препятствует к объединению вещественных и личных рычагов производства; она одна воспрещает орудиям производства действовать, а рабочим — трудиться и жить. Итак, капиталистический способ производства, с одной стороны, обнаруживает свою собственную неспособность к дальнейшему управлению этими производительными силами; а с другой стороны, — сами эти производительные силы с возрастающим напором добиваются устранения этого противоречия, освобождения их от их характера капитала, *фактического признания их в качестве общественных производительных сил.*

Это противодействие сильно возрастающих производительных сил их роли принадлежности капитала, — это усиливающееся принуждение к признанию их общественного характера заставляет самих капиталистов обращаться с ними, насколько это при капиталистических условиях вообще возможно, как с общественными производительными силами. Как периоды расцвета промышленности с их безмерно вздутым кредитом, так и кризисы, вследствие банкротства крупных капиталистических предприятий, приводят к той форме обобществления больших масс средств производства, которую

мы встречаем в виде различных акционерных обществ. Некоторые из этих средств производства и обращения уже с самого начала так колоссальны, что исключают, как, например, железные дороги, всякую иную форму капиталистической эксплоатации. Но на известной ступени развития уже и эта форма больше не удовлетворяет: официальный представитель капиталистического общества — государство должно принять на себя управление *. Эта необходимость превращения в государственную собственность сказывается, прежде всего, по отношению к крупным средствам сообщения: почте, телеграфу, железным дорогам.

Если кризисы раскрывают *неспособность* буржуазии к дальнейшему управлению современными производительными силами, то превращение крупных предприятий производства и сообщения в акционерные общества и в собственность государства показывают излишность буржуазии для этой цели. Все общественные функции капиталиста выполняются ныне наемными служащими. Капиталист не занят никакой иной общественной работой, кроме получения прибыли, отрезывания купонов и игры на бирже, где различные капиталисты взаимно отнимают друг у друга их капиталы. Если прежде капиталистический способ производства вытеснял рабочих, то теперь он вытесняет самих капиталистов и переводит их, совсем как рабочих, в разряд излишнего населения, хотя пока еще не в индустриальную резервную армию.

Но ни превращения в акционерные общества, ни переход в собственность государства не уничтожают капиталистического характера производительных сил. В акционерных обществах это само собой очевидно. А современное государство — есть опять-таки лишь организация создаваемого бур-

* Я говорю: *должно*. Ибо лишь в том случае, если средства производства и обращения *действительно* переросли управление ими через акционерные общества, только тогда переход его к государству становится *экономически* неотвратимым и лишь в этом случае этот переход в государственное управление, даже если оно осуществляется нынешним государством, означает экономический прогресс, достижение новой дальнейшей ступени к переходу всех производительных сил во владение самого общества. Но недавно, с тех пор, как Бисмарк занялся огосударствлением, возник известный ложный социализм, выродившийся отчасти даже в некоторое угодничество, признающий *всякий* переход, будь это даже по системе Бисмарка, в ведение государства без дальних слов за социалистический. Конечно, если государственная табачная монополия социалистична, то Наполеона и Меттерниха следует причислить к основателям социализма. Если бельгийское государство по весьма обыденным политическим и финансовым мотивам само сооружало свои главные железнодорожные линии, если Бисмарк без всякой экономической необходимости перенял в казну главные железные дороги Пруссии, просто для того, чтобы устроить и использовать их на случай войны, чтобы воспитать из железнодорожных чиновников послушно «голосующее стадо» правительства, а главное, чтобы создать себе независимый от постановлений парламента источник дохода, то это не было ни прямым, ни косвенным, ни сознательным, ни бессознательным прогрессом по пути к социализму. В противном случае и королевская морская торговля, и королевская фарфоровая мануфактура, и даже ротные портняжные мастерские для солдат представляли бы собой социалистические учреждения. — *прим. авт.*

жуазного общества с целью защиты внешних условий капиталистического способа производства против домогательств, как со стороны рабочих, так и со стороны отдельных капиталистов. Современное государство, независимо от его формы, есть в сущности капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный коллективный капиталист. Чем больше производительных сил государство принимает в свою собственность, тем в большей степени оно является воплощенной совокупностью капиталистов, тем больше граждан оно эксплоатирует. Трудящиеся же остаются попрежнему наемными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не только не устраняются, но еще более обостряются. Но, достигнув зенита своего развития, дело меняется. Государственная собственность на производительные силы не есть решение конфликта, но она таит в себе формальное средство, орудие такого решения.

Решение это может заключаться лишь в фактическом признании общественного характера современных производительных сил, следовательно — в согласовании способа производства, присвоения и обмена с общественным характером средств производства. Осуществится это лишь в том случае, если общество открыто и без околичностей овладеет производительными силами, переросшими всякое иное управление, кроме управления, руководимого самим обществом. Тогда общественный характер средств производства и продуктов, который теперь обращается против самих производителей, периодически прорываясь через способ производства и обмена и проявляясь лишь насильственно и разрушительно в качестве слепо действующего стихийного закона, — тогда этот общественный характер, с полным сознанием проявляемый производителями, превратится из источника разрушения и периодических катастроф в могущественнейший рычаг самого производства.

Подобно силам природы, действующие в обществе силы проявляются слепо, стихийно, разрушающе до тех пор, пока мы их не познаем и не считаемся с ними. Но после того, как мы познали их, поняли их деятельность, их направление, их влияние, уже от нас зависит все более и более подчинить эти силы нашей воле и пользоваться ими для достижения наших целей. В особенности это относится к нынешним могучим производительным силам. До тех пор, пока мы упорно отказываемся понять их природу и их характер, — а этому пониманию противятся капиталистический способ производства и его защитники, — до тех пор силы эти действуют вопреки нам и против нас, до тех пор они господствуют над нами, как мы это подробно уже[2] изложили. Но раз только природа их понята, силы эти в руках ассоциированных производителей могут превратиться из демонических властителей в покорных слуг. Это такая же разница, какая существует между разрушительной силой электричества молнии во время грозы и обузданного электричества телеграфа и дуговой лампы, или между пожаром и огнем, служащим целям человека. При таком отношении к нынешним производительным силам, которое будет соответствовать их познанной наконец природе, на место общественной анархии производства выступит общественно-

планомерное регулирование производства, приноровленное к потребностям всего общества, как и каждого отдельного его члена; вместе с тем капиталистический способ присвоения, порабощающий сперва производителя, а потом и самого присвоителя, заменится новым, коренящимся в самой природе современных производительных сил, способом присвоения продуктов: с одной стороны, непосредственно общественное присвоение средств к поддержанию и расширению производства и с другой стороны — непосредственно индивидуальное присвоение средств к жизни и наслаждению.

Энгельс, Анти-Дюринг, Гиз, 1923, 248—254.

...Здесь * обнаруживаются два факта. Во-первых, производительные силы оказываются совершенно независимыми и оторванными от индивидов, в виде какого-то особенного мира наряду с индивидами; причиной этого является то, что индивиды, силами которых они являются, существуют в раздробленном виде и в противоположность друг другу, меж тем как эти силы, с своей стороны, являются действительно силами лишь в сношениях и в связи с этими индивидами. Таким образом, на одной стороне имеется некоторая совокупность производительных сил, которые приняли как бы вещественный вид и являются для самих индивидов уже не силами этих индивидов, а силами частной собственности и, следовательно, силами индивидов лишь постольку, поскольку последние оказываются частными собственниками. Ни в одну из прежних эпох производительные силы не принимали этого чуждого вида при сношениях индивидов *как* индивидов, ибо сами эти сношения были еще ограниченными. На другой стороне этим производительным силам противостоит большинство индивидов, от которых оторвались эти силы и которые поэтому лишены всякого реального жизненного содержания, стали абстрактными индивидами, но которые поэтому же впервые оказываются в состоянии вступить друг с другом в соединение в *качестве индивидов*. Единственная оставшаяся еще связь их с производительными силами и с их собственным существованием — труд — потеряла у них всякую тень самодеятельности и сохраняет их жизнь лишь тем, что калечит ее. В то время как в прежние эпохи самодеятельность и порождение материальной жизни были разделены благодаря тому, что они являлись уделом различных индивидов, и порождение материальной жизни считалось, ввиду ограниченности самих индивидов, каким-то подчиненным видом самодеятельности, теперь они настолько разошлись между собой, что вообще материальная жизнь начинает казаться целью, а порождение материальной жизни, труд (который является теперь единственно возможной, но, как мы видели, отрицательной формой самодеятельности), кажется средством.

Таким образом, дело дошло теперь до того, что индивиды должны присвоить себе наличную совокупность производительных сил, не только для того, чтобы добиться своей самодеятельности, но просто уже ради того,

* В капиталистическом обществе.— *Сост.*

чтобы обеспечить себе свое существование. Это присвоение обусловливается прежде всего объектом присвоения — именно развившимися в некоторую совокупность и существующими только в рамках универсальных форм сношений производительными силами. Поэтому указываемое присвоение должно уже с этой стороны носить универсальный характер, соответствующий производительным силам и формам сношений. Затем, само присвоение этих сил представляет собой не что иное, как развитие индивидуальных способностей, соответствующих материальным орудиям производства. Уже потому присвоение некоторой совокупности орудий производства равносильно развитию некоторой совокупности способностей в самих индивидах. Далее это присвоение обусловливается присваивающими индивидами. Только современные пролетарии, совершенно лишенные всякой самодеятельности, в состоянии завоевать свою полную, а не ограниченную уже самодеятельность, заключающуюся в присвоении совокупности производительных сил и в связанной с этим развитием известной совокупности способностей. Все прежние революционные присвоения были ограничены; индивиды, самодеятельность которых была ограничена ограниченным орудием производства и ограниченными формами сношений, присвоивали себе это ограниченное орудие производства и приходили, благодаря этому, к некоторой новой ограниченности; их орудие производства становилось их собственностью, но сами они оказывались подчиненными разделению труда и своему собственному орудию производства. В прошлом, при всех случаях присвоения, масса индивидов оказывалась подчиненной одному единственному орудию производства; в случае же пролетарского присвоения, каждому индивиду будет подчинена масса орудий производства, а собственность будет подчинена всем индивидам. Современная универсальная форма сношений может быть подчинена индивиду лишь в том случае, если она будет подчинена всем. — Присвоение обусловливается далее тем способом, каким оно должно быть совершено. Оно может быть совершено лишь объединением индивидов, которое, ввиду характера пролетариата, само в свою очередь может быть лишь универсальным, и оно требует, кроме того, революции, в которой, с одной стороны, уничтожается власть над людьми прежнего способа производства и сношений, а также общественного расчленения, а, с другой, — у пролетариата развивается универсальный характер и необходимая для присвоения энергия, причем пролетариат сбрасывает с себя все, что осталось еще у него от его прежнего общественного положения.

Только на этой ступени самодеятельность совпадает с материальной жизнью, что соответствует развитию индивидов до целостных индивидов и устранению всех натуральных черт. Точно так же устанавливается соответствие между превращением труда в самодеятельность и прежних обусловленных сношений... в сношения между собой индивидов, как таковых. Вместе с присвоением всех производительных сил объединившимися индивидами перестает существовать частная собственность. В то время как прежде случайным казалось всегда некоторое особое условие, теперь стано-

вится случайным самообособление индивидов, особенный частный промысел каждого индивида.

Маркс и Энгельс, О Л. Фейербахе, Архив, I, 249—250.

В итоге мы получаем следующие результаты из развитой нами концепции истории: 1) в развития производительных сил наступает такой момент, когда появляются производительные силы и средства сношения, которые при существующих обстоятельствах причиняют только зло, не являясь более производительными силами, а силами разрушительными (машинизм и деньги); с этим связано то, что появляется класс, призванный носить все бремя общества, не пользуясь всеми благами его, класс, который, будучи вытеснен из общества, неизбежно становится в самое решительное противоречие ко всем прочим классам; класс, который составляет большинство всех членов общества и из которого исходит сознание необходимости коренной революции, коммунистическое сознание, способное, разумеется, образоваться и среди других классов, благодаря уразумению положения этого класса; 2) условия, при которых могут быть применены определенные производительные силы, являются условиями господства определенного класса, социальная сила которого, вытекающая из его имущественного положения, находит свое практически-идеалистическое выражение в соответствующей государственной форме; поэтому всякая революционная борьба направляется против класса, который до того господствовал; 3) при всех прошлых революциях оставался всегда нетронутым род деятельности, — дело шло всегда только о каком-то ином распределении этой деятельности, о новом распределении труда между иными лицами, между тем как коммунистическая революция направляется вообще против прежнего рода деятельности и устраняет т р у д и господство всех классов вместе с самими классами, потому что она совершается тем классом, который в обществе не признается уже вовсе классом, не считается классом и является выражением разложения всех классов, национальностей и т. д. в теперешнем обществе, и 4) как для массового порождения этого коммунистического сознания, так и для выполнения самого дела, необходимо массовое изменение людей, которое возможно только в практическом движении, в р е в о л ю ц и и; следовательно, революция необходима не только потому, что нельзя никаким иным способом свергнуть г о с п о д с т в у ю щ и й класс, но и потому, что с в е р г а ю щ и й класс может только в революции очиститься от всей грязи старого общества и стать способным создать новое общество.

Маркс и Энгельс, О Л. Фейербахе, Архив, I, 226—227.

6. ДИАЛЕКТИКА ПЕРЕРАСТАНИЯ (ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ БУРЖУАЗНОЙ И ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ)

...Понятие буржуазной революции недостаточно определяет те силы, которые могут одержать победу в такой революции. Возможны и бывали такие буржуазные революции, в которых торговая или торговопромышленная

буржуазия играла роль главной движущей силы. Победа подобных революций была возможна, как победа соответствующего слоя буржуазии над ее противниками (вроде привилегированного дворянства или неограниченной монархии). Иначе обстоит дело в России. Победа буржуазной революции у нас невозможна, как п о б е д а б у р ж у а з и и. Это кажется парадоксальным, но это факт. Преобладание крестьянского населения, страшная придавленность его кровостническим (наполовину) крупным землевладением, сила и сознательность организованного уже в социалистическую партию пролетариата,—все эти обстоятельства придают н а ш е й буржуазной революции о с о б ы й характер. Эта особенность не устраняет буржуазного характера революции (как пытались представить дело Мартов и Плеханов в своих более чем неудачных замечаниях о позиции Каутского). Эта особенность обусловливает лишь контрреволюционный характер нашей буржуазии и необходимость диктатуры пролетариата и крестьянства для победы в т а к о й революции. Ибо «коалиция пролетариата и крестьянства», одерживающая п о б е д у в буржуазной революции, и есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Это положение есть исходный пункт тактических разногласий внутри с.-д. во время революции.

Л е н и н, К оценке русской революции, Соч., XI, ч. 1, I изд., 78—79.

Наше крестьянство создало в первый же период русской революции аграрное движение несравненно более сильное, определенное, политически сознательное, чем в предыдущих буржуазных революциях XIX в. Дело в том, что тот слой, который составлял ядро революционной демократии в Европе,— цеховое городское ремесло, городская буржуазия и мелкая буржуазия,— в России д о л ж н ы б ы л и повернуть к контрреволюционному либерализму. Сознательность социалистического пролетариата, идущего рука об руку с международной армией социалистического переворота в Европе,— крайняя революционность мужика, доведенного вековым гнетом крепостников до самого отчаянного положения и до требования конфискации помещичьих земель,— вот какие обстоятельства бросили русский либерализм гораздо сильнее, чем европейский, в объятия контрреволюции. На русский рабочий класс поэтому с особенной силой легла задача: сохранить традиции революционной борьбы, от которой спешат отречься интеллигенция и мещанство, развить и укрепить эти традиции, внедрить их в сознание широких масс народа, донести их до следующего подъема неизбежного демократического движения.

Л е н и н, К оценке русской революции, Соч., XI, ч. 1, I изд., 75.

Тот анализ общественно-хозяйственного строя и, следовательно, классового строения России, который дан в настоящем сочинении на основании экономического исследования и критического разбора статистических сведений, подтверждается теперь открытым политическим выступлением

всех классов в ходе революции. Вполне обнаружилась руководящая роль пролетариата. Обнаружилось и то, что его сила в историческом движении неизмеримо более, чем его доля в общей массе населения. Экономическая основа того и другого явления доказана в предлагаемой работе.

Далее, революция обнаруживает теперь все более и более двойственное положение и двойственную роль крестьянства. С одной стороны, громадные остатки барщинного хозяйства и всевозможные пережитки крепостного права при невиданном обнищании и разорении крестьянской бедноты вполне объясняют глубокие источники революционного крестьянского движения, глубокие корни революционности крестьянства, как массы. С другой стороны, и в ходе революции, и в характере разных политических партий, и во многих идейно-политических течениях обнаруживается внутренне противоречивое классовое строение этой массы, ее мелкобуржуазность, антагонизм хозяйских и пролетарских тенденций внутри нее. Колебание обнищавшего хозяйчика между контрреволюционной буржуазией и революционным пролетариатом так же неизбежно, как неизбежно то явление во всяком капиталистическом обществе, что ничтожное меньшинство мелких производителей наживается, «выходит в люди», превращается в буржуа, а подавляющее большинство либо разоряется совсем и становится наемными рабочими или пауперами, либо живет вечно на границе пролетарского состояния. Экономическая основа обоих течений в крестьянстве доказана в предлагаемой работе.

На этой экономической основе революция в России неизбежно является, разумеется, буржуазной революцией. Это положение марксизма совершенно непреоборимо. Его никогда нельзя забывать. Его всегда необходимо применять ко всем экономическим и политическим вопросам русской революции.

Но его надо уметь применять. Конкретный анализ положения и интересов различных классов должен служить для определения точного значения этой истины в ее применении к тому или иному вопросу. Обратный же способ рассуждения, нередко встречающийся у социал-демократов правого крыла с Плехановым во главе их,—т. е. стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции, есть опошление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом. Про таких людей, которые выводят, например, руководящую роль «буржуазии» в революции или необходимость поддержки либералов социалистами из общей истины о характере этой революции, Маркс повторил бы, вероятно, приведенную им однажды цитату из Гейне: «Я сеял драконов, а сбор жатвы дал мне блох».

Ленин. Предисловие ко второму изданию книги «Развитие капитализма в России», Соч., III, 2 изд., 11—12.

Довод пятый состоит в том, что большевики не удержат власти, ибо «обстановка исключительно сложная...»

О мудрецы! Они готовы, пожалуй, помириться с революцией, только без «исключительно сложной обстановки».

Таких революций не бывает, и ничего кроме реакционных ламентаций буржуазного интеллигента нет в воздыханиях по такой революции. Если даже революция началась при обстановке, которая кажется не очень сложной, то сама революция в своем развитии **всегда** создает **исключительно** сложную обстановку. Ибо революция, настоящая, глубокая, «народная» по выражению Маркса, революция есть невероятно сложный и мучительный процесс умирания старого и рождения нового общественного строя, уклада жизни десятков миллионов людей. Революция есть самая острая, бешеная, отчаянная классовая борьба и гражданская война. Ни одна великая революция в истории не обходилась без гражданской войны. А думать, что гражданская война мыслима без «исключительно сложной обстановки», могут только человеки в футляре.

Ленин, Удержат ли большевики государственную власть, Соч., XIV, ч. 2, 1 изд., 242—243.

Перелистывал эти дни * записки Суханова о революции. Бросается особенно в глаза педантство всех наших мелкобуржуазных демократов, как и всех героев II Интернационала. Уже не говоря о том, что они необыкновенно трусливы, что даже лучшие из них кормят себя оговорками, уже не говоря об этом свойстве всех мелкобуржуазных демократов, достаточно проявленном ими во всю революцию, бросается в глаза их рабская подражательность прошлому.

Они все называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики. Даже прямые указания Маркса на то, что в моменты революции требуется максимальная гибкость, ими абсолютно не поняты и даже не замечены, например, указания Маркса в его переписке, относящейся, помнится, к 56 году, когда он высказывал надежду на соединение крестьянской войны в Германии, могущей создать революционную обстановку, с рабочим движением — даже это прямое указание они обходят и ходят кругом и около него, как кот около горячей каши.

Во всем своем поведении они обнаруживают себя, как трусливые реформисты, боящиеся отступить от буржуазии, а тем более порвать с ней, и в то же время прикрывают свою трусливость самым босшабашным фразерством и хвастовством. Но даже и чисто теоретически у них всех бросается в глаза полная неспособность понять следующее соображение марксизма; они видели до сих пор определенный путь развития капитализма в буржуазной демократии в Западной Европе. И вот, они не могут себе представить, что этот путь не может быть считаем образцовым иначе, как с некоторыми поправками (совершенно незначительными с точки зрения всемирной истории).

Первое — революция, связанная с первой всемирной империалистической войной. В такой революции должны были сказаться новые черты, или

* Написано 16 января 1923 г. — *Сост.*

видоизменепные, в зависимости, именно, от войны, потому что никогда в мире такой войны, в такой обстановке, еще не бывало. До сих пор мы видели, что буржуазия богатейших стран не может наладить «нормальных» буржуазных отношений после этой войны, а наши реформисты, мелкие буржуа, корчащие из себя революционеров, считали и считают пределом (его же не прейдеши) нормальные буржуазные отношения, причем понимают эту «норму» до крайности шаблонно и узко.

Второе — им совершенно чужда всякая мысль о том, что при общей закономерности развития во всей всемирной истории нисколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития. Им не приходит даже, например, и в голову, что Россия, стоящая на границе стран цивилизованных и стран, впервые этой войной окончательно втягиваемых в цивилизацию, стран всего Востока, стран внеевропейских, что Россия поэтому могла и должна была явить некоторые своеобразия, лежащие, конечно, по общей линии мирового развития, но отличающие ее революцию от всех предыдущих западноевропейских стран и вносящие некоторые частичные новшества при переходе к странам восточным.

Например, до бесконечности шаблонным является у них довод, который они выучили наизусть во время развития западноевропейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «ученые» господа из них, объективных экономических предпосылок для социализма. И никому не приходит в голову спросить себя: а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистическую войну, не мог ли он под влиянием безвыходности своего положения броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации.

«Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм». С этим положением все герои II Интернационала и, в том числе, конечно, Суханов, носятся, поистине, как с писаной торбой. Это бесспорное положение они пережевывают на тысячу ладов, а мне кажется, что оно не является решающим для оценки нашей революции.

Ну, а что если своеобразие обстановки поставило Россию, во-первых, в мировую империалистическую войну, в которой замешаны все сколько-нибудь влиятельные западноевропейские страны, поставило ее развитие на грани начинающихся, и частично уже начавшихся, революций Востока в такие условия, когда мы могли осуществить именно тот союз «крестьянской войны» с рабочим движением, о котором, как об одной из возможных перспектив, писал такой «марксист», как Маркс, в 56 году по отношению к Пруссии?

Что если полная безвыходность положения, удесятеряя тем силы рабочих и крестьян, открывала нам возможность иного перехода к созданию

основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западноевропейских государствах? Изменилась ли от этого общая линия развития мировой истории? Изменились ли от этого основные соотношения основных классов в каждом государстве, которое втягивается и втянуто в общий ход мировой истории?

Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать — каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы.

Ленин, О нашей революции. (По поводу записок Н. Суханова), Соч., XVIII, ч. 2, 1 изд. 117 — 119.

...В борьбе экономической пролетариат стоит совершенно одиноко, имея против себя и землевладельцев-дворян, и буржуазию, пользуясь разве (и то далеко не всегда) помощью тех элементов мелкой буржуазии, которые тяготеют к пролетариату. Между тем, в демократической, политической борьбе русский рабочий класс стоит не одиноко; наряду с ним становятся все политически оппозиционные элементы, слои населения и классы, поскольку они враждебны абсолютизму и ведут против него борьбу в тех или иных формах. Рядом с пролетариатом стоят здесь и оппозиционно настроенные элементы буржуазии или образованных классов или мелкой буржуазии, или преследуемых абсолютизмом народностей, или религий и сект и т. д. и т. д. Является естественно вопрос, в какие отношения должен встать рабочий класс к этим элементам (1). И — (2) — не должен ли он соединиться с ними для общей борьбы против абсолютизма? Ведь социал-демократы все признают, что политическая революция в России должна предшествовать социалистической революции; не следует ли, соединившись со всеми политически оппозиционными элементами для борьбы против абсолютизма, отодвинуть пока социализм, не обязательно ли это для усиления борьбы против абсолютизма?

Разберемся в обоих вопросах.

Что касается до отношения рабочего класса, как борца против абсолютизма, ко всем остальным политически оппозиционным общественным классам и группам, то оно вполне точно определено основными принципами социал-демократизма, изложенными в знаменитом «Коммунистическом манифесте». Социал-демократы поддерживают прогрессивные общественные классы против реакционных, буржуазию против представителей привилегированного и сословного землевладения и против чиновничества, крупную буржуазию против реакционных вожделений мелкой буржуазии. Эта поддержка не предполагает и не требует никакого компромисса с социал-демократическими программами и принципами, это — поддержка союзника против данного врага, причем социал-демократы оказывают эту поддержку, чтобы ускорить

падение общего врага, но они ничего не ждут *для себя* от этих временных союзников и ничего не уступают им. Социал-демократы поддерживают всякое революционное движение против современного общественного строя, всякую угнетенную народность, преследуемую религию, приниженное сословие и т. п. в их борьбе за равноправность.

Поддержка этих политически-оппозиционных элементов выразится в пропаганде социал-демократов тем, что, доказывая враждебность рабочему делу абсолютизма, социал-демократы будут указывать и на враждебность абсолютизма тем и другим общественным группам, будут указывать на солидарность рабочего класса с этими группами в *тех или других вопросах, в тех или других задачах* и т. п. В агитации эта поддержка выразится тем, что социал-демократы будут пользоваться каждым проявлением полицейского гнета абсолютизма и указывать рабочим, как падает этот гнет на всех русских граждан *вообще*, на представителей особо угнетенных сословий, народностей, религий, сект и т. д., в частности и как отражается этот гнет на *рабочем классе* в особенности. Наконец, на практике эта поддержка выражается тем, что русские социал-демократы готовы заключать союзы с революционерами других направлений ради достижения тех или других частных целей, и эта готовность не раз была доказана на дело.

Тут мы подходим и ко второму вопросу. Указывая на солидарность с рабочими тех или других оппозиционных групп, социал-демократы всегда будут выделять рабочих, всегда будут разъяснять временный и условный характер этой солидарности, всегда будут подчеркивать классовую обособленность пролетариата, который завтра может оказаться противником своих сегодняшних союзников. Нам скажут: «такое указание *ослабит* всех борцов за политическую свободу в настоящее время». Такое указание усилит всех борцов за политическую свободу,—ответим мы. Сильны только те борцы, которые опираются на *сознанные* реальные интересы известных *классов*, и всякое затушевывание этих классовых интересов, играющих уже доминирующую роль в современном обществе, только ослабит борцов. Это во-первых. А во-вторых, в борьбе против абсолютизма рабочий класс должен выделять себя, ибо *только* он является до конца последовательным и безусловным врагом абсолютизма, *только* между ним и абсолютизмом невозможны компромиссы, *только* в рабочем классе демократизм может найти сторонников без оговорок, без нерешительности, без оглядки назад. Во всех других классах, группах, слоях населения вражда к абсолютизму *не безусловна*, демократизм их всегда оглядывается назад. Буржуазия не может не сознавать задержку промышленного и общественного развития абсолютизмом, но она боится полной демократизации политического и общественного строя и всегда может вступить в союз с абсолютизмом против пролетариата. Мелкая буржуазия двулична по самой своей природе, и тяготея, с одной стороны, к пролетариату и к демократизму, она, с другой стороны, тяготеет к реакционным классам, пытается

задержать историю, способна поддаться на эксперименты и авантюрничания абсолютизма (хотя бы в форме «народной политики» Александра III), способна заключить союз с правящими классами против пролетариата *ради* укрепления своего положения, как *мелких собственников*.

Образованные люди, вообще «интеллигенция» не может не восставать против дикого полицейского гнета абсолютизма, травящего мысль и знание, но материальные интересы этой интеллигенции привязывают ее к абсолютизму, к буржуазии, заставляют ее быть непоследовательной, заключать компромиссы, продавать свой оппозиционный и революционный пыл за казенное жалованье или за участие в прибылях или дивидендах.

Что касается до демократических элементов в угнетенных народностях и в преследуемых вероучениях, то всякий знает и видит, что классовые противоречия внутри этих категорий населения гораздо глубже и сильнее, чем солидарность всех классов подобной категории против абсолютизма и за демократические учреждения. Только один пролетариат может быть —и по своему классовому положению не может не быть—последовательным до конца демократом, решительным врагом абсолютизма, неспособным ни на какие уступки, компромиссы. Только один пролетариат может быть *передовым борцом* за политическую свободу и за демократические учреждения, ибо, во-первых, на пролетариате политический гнет отражается всего сильнее, не находя никаких коррективов в положении этого класса, не имеющего ни доступа к верховной власти, ни даже доступа к чиновникам, ни влияния на общественное мнение. А во-вторых, только пролетариат способен *до конца* довести демократизацию политического и общественного строя, ибо такая демократизация отдала бы этот строй в руки рабочих. Вот почему *слияние* демократической деятельности рабочего класса с демократизмом остальных классов и групп *ослабило* бы силу демократического движения, ослабило бы политическую борьбу, сделало бы ее менее решительной, менее последовательной, более способной на компромиссы. Наоборот, *выделение* рабочего класса, как передового борца за демократические учреждения, *усилит* демократическое движение, *усилит* борьбу за политическую свободу, ибо рабочий класс будет *подталкивать* все остальные демократические и политические оппозиционные элементы, будет толкать либералов к политическим радикалам, будет толкать радикалов на бесповоротный разрыв со всем политическим и социальным строем современного общества. Мы сказали выше, что все *социалисты* в России должны стать *социал-демократами*. Мы добавляем теперь: все истинные и последовательные *демократы* в России должны стать *социал-демократами*.

Ленин, Задачи русских социал-демократов, Соч., II, 2 изд., 176—178.

Капитализм не был бы капитализмом, если бы «чистый» пролетариат не был окружен массой чрезвычайно пестрых переходных типов от пролетария к полупролетарию (тому, кто наполовину снискивает себе средства

к жизни продажей рабочей силы), от полупролетария к мелкому крестьянину (и мелкому ремесленнику, кустарю, хозяйчику вообще), от мелкого крестьянина к среднему и т. д.;—если бы внутри самого пролетариата не было делений на более или менее развитые слои, делений земляческих, профессиональных, иногда религиозных и т. п. А из всего этого необходимость—и безусловная необходимость для авангарда пролетариата, для его сознательной части, для коммунистической партии прибегать к лавированию, соглашательству, компромиссам с разными группами пролетариев, с разными партиями рабочих и мелких хозяйчиков вытекает с абсолютной необходимостью. Все дело в том, чтобы *уметь* применять эту тактику в целях *повышения*, а не понижения *общего* уровня пролетарской сознательности, революционности, способности к борьбе и к победе. Надо заметить, между прочим, что победа большевиков над меньшевиками требовала не только до Октябрьской революции 1917 г., *но и после нее* применения тактики лавирования, соглашательств, компромиссов, разумеется, такого и таких, которое облегчало, ускоряло, упрочивало, усиливало большевиков на счет меньшевиков. Мелкобуржуазные демократы (а в том числе и меньшевики) неизбежно колеблются между буржуазией и пролетариатом, между буржуазной демократией и советским строем, между реформизмом и революционностью, между рабочелюбием и боязнью пролетарской диктатуры и т. д. Правильная тактика коммунистов должна состоять в *использовании* этих колебаний, отнюдь не игнорировании их; использование требует уступок тем элементам, тогда и постольку, какие, когда и поскольку поворачивают к пролетариату—наряду с борьбой против тех, кои поворачивают к буржуазии. В результате применения правильной тактики меньшевизм все более распадался и распадается у нас, изолируя упорно оппортунистических вождей и переводя в наш лагерь лучших рабочих, лучшие элементы от мелкобуржуазной демократии. Это—длительный процесс, и скоропалительным «решением»: «никаких компромиссов, никакого лавирования», можно только повредить делу усиления влияния революционного пролетариата и увеличения его сил.

Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, Соч., XXV, 2 изд., 214—215.

Пролетариат становится революционным лишь постольку, поскольку он не замыкается в узко-цеховые рамки, поскольку он выступает во всех проявлениях и на всех поприщах общественной жизни, как вождь всей трудящейся и эксплоатируемой массы, и осуществление им своей диктатуры невозможно без готовности и способности его на величайшие жертвы ради победы над буржуазией. И принципиальное и практическое значение в этом отношении имеет опыт России, где пролетариат не мог бы осуществить своей диктатуры, не мог бы завоевать себе общепризнанного уважения и доверия всей трудящейся массы, если бы он не принес больше всего жертв и не

голодал сильнее всех остальных слоев этой массы в самые трудные времена натиска, войны, блокады со стороны всемирной буржуазии.

Ленин, Тезисы об основных задачах II конгресса Коммунистического интернационала, Соч., XXV, 3 изд., 320.

в. ДИАЛЕКТИКА КАК РУКОВОДСТВО В ПРАКТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ

Наше учение,—говорил Энгельс про себя и про своего знаменитого друга,—не догма, а руководство для действия. В этом классическом положении с замечательной силой и выразительностью подчеркнута та сторона марксизма, которая сплошь да рядом упускается из виду. А упуская ее из виду, мы делаем марксизм односторонним, уродливым, мертвым, мы вынимаем из него его душу живу, мы подрываем его коренные теоретические основания—диалектику, учение о всестороннем и полном противоречий историческом развитии; мы подрываем его связь с определенными практическими задачами эпохи, которые могут меняться при каждом новом повороте истории.

И, именно, в наше время среди тех, кого интересуют судьбы марксизма в России, особенно часто встречаются люди, которые упускают из виду как раз эту его сторону. А, между тем, всякому ясно, что в последние годы Россия пережила такие крутые переломы, которые с необычайной быстротой и необычайно резко меняли обстановку, социально-политическую обстановку, определяющую ближайшим и непосредственным образом условия действия, а следовательно, и задачи действия. Я говорю, конечно, не об общих и основных задачах, которые не меняются при поворотах истории, раз не меняется основное соотношение между классами. Совершенно очевидно, что это общее направление экономической (и не только экономической) эволюции России, равно как и основное соотношение между различными классами русского общества не изменилось за последние, скажем, шесть лет.

Но задачи ближайшего и непосредственного действия изменялись за это время очень редко, как изменялась конкретная социально-политическая обстановка, — а *следовательно и* в марксизме как живой доктрине, *не могли не* выдвигаться на первый план *различные* стороны его.

Чтобы пояснить эту мысль, взглянем на то, каково было изменение конкретной социально-политической обстановки за последнее шестилетие. Перед нами сразу выделяются два трехлетия на которые распадается этот период: одно, заканчивающееся, примерно, летом 1907 г., другое—летом 1910 г. Первое трехлетие характеризуется, с чисто теоретической точки зрения, быстрыми изменениями основных черт государственного строя России, причем ход этих изменений был очень неровен, амплитуда колебаний в обе стороны очень велика. Социально-экономической базой этих изменений «надстройки» было столь открытое, внушительное, массовидное выступление *всех* классов русского общества на *самых различных* попри-

щах (думская, внедумская деятельность, печать, союзы, собрания и т. д.), какое не часто наблюдается в истории.

Наоборот, второе трехлетие характеризуется — повторяем, что мы ограничиваемся на этот раз чисто теоретической «социологической» точкой зрения — такой медленной эволюцией, которая почти равняется застою. Никаких, сколько-нибудь заметных, изменений в государственном строе. Никаких или почти никаких открытых и разносторонних выступлений *классов* на большинстве тех «арен», на которых развертывались эти выступления в предыдущий период.

Сходство обоих периодов состоит в том, что эволюция России оставалась в течение и того и другого — прежней, капиталистической эволюцией. Противоречие такой экономической эволюции с существованием целого ряда феодальных, средневековых учреждений не устранялось, оставалось тоже прежним, будучи не сглаживаемо, а скорее обостряемо проникновением некоторого частичного буржуазного содержания в те или иные отдельные учреждения.

Различие того и другого периода состоит в том, что во время первого периода на авансцене исторического действия стоял вопрос о том, как именно сложится результат вышеуказанных быстрых и неровных изменений. Содержание этих изменений не могло не быть буржуазным, в силу капиталистического характера эволюции России, то есть буржуазия и буржуазия. Средняя и крупная буржуазия, стоящая на позиции более или менее умеренного либерализма, по самому своему классовому положению, боялась изменений резких и добивалась сохранения значительных остатков старых учреждений и в аграрном строе и в политической «надстройке». Деревенская мелкая буржуазия, переплетаясь с живущим «трудом рук своих» крестьянством, не могла не стремиться к *иного рода* буржуазным преобразованиям, оставляющим гораздо менее места всяческой средневековой старине. Наемные рабочие, поскольку они сознательно относились к происходящему вокруг них, не могли не выработать себе определенного отношения к этому столкновению двух различных тенденций, которые обе остались в рамках буржуазного строя, но определяли совершенно различные формы его, совершенно различную быстроту его развития, различную ширину захвата его прогрессивных влияний.

Таким образом эпоха миновавшего трехлетия не случайно, а необходимо выдвинула на первый план в марксизме те вопросы, которые принято называть вопросами тактики. Нет ничего ошибочнее того мнения, будто споры и расхождения из-за этих вопросов были «интеллигентскими» спорами, были «борьбой за влияние на незрелый пролетариат», выражали «приспособление интеллигенции к пролетариату», как думают всяких родов веховцы. Напротив, именно потому, что данный класс достиг зрелости, он не мог остаться равнодушным к столкновению двух различных тенденций всего буржуазного развития России, и идеологи этого класса не могли не дать

теоретических формулировок, соответствующих (непосредственно или косвенно, в прямом или обратном отражении) этим различным тенденциям.

Во-вторых трехлетие столкновение различных тенденций буржуазного развития России *не* стояло на очереди дня, ибо *обе* эти тенденции были придавлены «зубром», отодвинуты назад, загнаны внутрь, заглушены на некоторое время. Средневековые зубры не только заполнили авансцену, но и наполнили сердца самых широких слоев буржуазного общества настроением веховским, духом уныния, отречества. Не столкновение двух способов преобразования старого, а потеря веры в какое бы то ни было преобразование, дух «смирения» и «покаяния», увлечение антиобщественными учениями, мода на мистицизм и т. п.,—вот что оказалось на поверхности.

И эта поразительно резкая смена не была ни случайностью, ни результатом одного только «внешнего» давления. Предыдущая эпоха так глубоко всколыхнула слои населения, в течение поколений, в течение веков, стоявшие в стороне от политических вопросов, чуждые им, что «переоценка всех ценностей», новая работа над основными проблемами, новый интерес к теории, к азбуке, к учению с азов возник естественно и неизбежно. Миллионы, сразу разбуженные от долгого сна, сразу поставленные перед важнейшими проблемами, не могли удержаться долго на этой высоте, не могли обойтись без перерыва, без возврата к элементарным вопросам, без новой подготовки, которая бы помогла «переварить» невиданно богатые уроки и дать возможность массе несравненно более широкой пойти опять вперед, уже гораздо более твердо, более сознательно, более уверенно, более выдержанно.

Диалектика исторического развития оказалась такова, что в первый период на очереди дня стояло осуществление непосредственных признаний во всех областях жизни страны, а во второй — переработка опыта, усвоение его более широкими слоями, проникновение его, если можно так выразиться, в подпочву, в отсталые ряды разных классов.

Именно потому, что марксизм не мертвая догма, не какое-либо законченное, готовое, неизменное учение, а живое руководство к действию, именно поэтому он не мог не отразить на себе поразительно резкой смены условий общественной жизни. Отражением смены явился глубокий распад, разброд, всякого рода шатания, одним словом, — серьезнейший *внутренний* кризис марксизма. Решительный отпор этому распаду, решительная и упорная борьба за *основы* марксизма встала опять на очередь дня. Чрезвычайно широкие слои тех классов, которые не могут миновать марксизм при формулировке своих задач, усвоили себе марксизм в предыдущую эпоху крайне односторонне, уродливо, затвердив те или иные «лозунги», те или иные ответы на тактические вопросы и *не поняв* марксистских критериев этих ответов. «Переоценка всех ценностей» в различных областях общественной жизни повела к «ревизии» наиболее абстрактных и общих, философских основ марксизма. Влияние буржуазной философии в ее разнообразных идеалистических оттенках сказалось в махистском поветрии среди

марксистов. Повторение заученных, но непонятых, непродуманных «лозунгов» повело к широкому распространению пустой фразы, на деле сводившейся к совершенно немарксистским, мелкобуржуазным течениям, вроде откровенного или стыдливого «отзовизма» или признания отзовизма «законным оттенком» марксизма.

С другой стороны, дух вехновщины, дух отреченства, охвативший самые широкие слои буржуазии, проник и в то течение, которое стремится уложить марксистскую теорию и практику в русло «умеренности и аккуратности». Марксистской здесь осталась уже одна только фразеология, облекающая насквозь пронизанные либеральным духом рассуждения о «нерархии» и «гегемонии» и т. п.

Ленин, О некоторых особенностях исторического развития марксизма, Соч., XI, ч. 2, I изд., 138—142.

Сравнение того, как высказывались Маркс и Энгельс по вопросам англо-американского и немецкого рабочего движения, чрезвычайно поучительно. Если принять во внимание, что Германия, с одной стороны, Англия и Америка — с другой, представляют из себя различные стадии капиталистического развития, различные формы господства буржуазии, как класса, во всей политической жизни этих стран, — то указанное сравнение приобретает особенно большое значение. С научной точки зрения, мы наблюдаем здесь образчик материалистической диалектики, умение выдвинуть на первый план и подчеркнуть различные пункты, различные стороны вопроса в применении к конкретным особенностям тех или иных политических и экономических условий. С точки зрения практической политики и тактики рабочей партии, мы видим здесь образчик того, как творцы «Коммунистического манифеста» определяли задачи борющегося пролетариата применительно к различным этапам национального рабочего движения разных стран.

Ленин. Предисловие к русскому переводу книги «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.», Соч., VIII, I изд., 331.

Нет сомнения, симпатии к бойкоту вызываются у многих именно этим достойным всякого уважения стремлением революционеров поддержать традицию лучшего революционного прошлого, оживить безотрадное болото современных серых будней огоньком смелой, открытой, решительной борьбы. Но именно потому, что нам дорого бережное отношение к революционным традициям, мы должны решительно протестовать против того взгляда, будто применением одного из лозунгов особой исторической эпохи можно содействовать возрождению существенных условий этой эпохи. Одно дело — хранение традиций революция, умение использовать их для постоянной пропаганды и агитации, для ознакомления масс с условиями непосредственной и наступательной борьбы против старого общества, другое дело — повторение

одного из лозунгов, вырванного из совокупности породивших его и обеспечивших ему успех условий, и применение его к условиям, существенно отличным.

Тот же Маркс, который так высоко ценил революционные традиции и неумолимо бичевал ренегатское или филистерское отношение к ним, требовал в то же время умения мыслить от революционеров, умения анализировать условия применения старых приемов борьбы, а не простого повторения извеотных лозунгов. «Национальные» традиции 1792 г. во Франции останутся, может быть, навсегда образцом известных революционных приемов борьбы, но это не мешало Марксу в 1870 г., в знаменитом «Адресе» Интернационала предупредить французский пролетариат против ошибочного перенесения этих традиций в условия иной эпохи.

Ленин, Против бойкота, Соч., VIII, I изд., 453.

...Для конкретного определения тактики революционной партии в самые бурные времена переживаемого страной общенационального кризиса явно недостаточно одного указания на те классы, которые способны действовать в духе победоносного завершения революции. Революционные периоды тем и отличаются от периодов так называемого мирного развития, от периодов, когда экономические условия не вызывают глубоких кризисов, не порождают мощных массовых движений, что формы борьбы в периоды первого вида неизбежно бывают гораздо разнообразнее с преобладанием непосредственно-революционной борьбы масс над пропагандистско-агитационной деятельностью вожаков в парламенте, прессе и т. п. Поэтому, если при оценке революционных периодов мы ограничимся определением линии действия разных классов, не анализируя форм их борьбы, то наше рассуждение с научной стороны будет не полно, недиалектично, а с практически-политической стороны оно выродится в мертвое резонерство (каким, в скобках сказать, и пробавляется на девять десятых т. Плеханов в своих писаниях о тактике с.-д. в русской революции).

Чтобы оценить революцию действительно по-марксистски, с точки зрения диалектического материализма, надо оценить ее как борьбу живых общественных сил, поставленных в какие-то объективные условия, действующих так-то и применяющих с большим или меньшим успехом такие-то формы борьбы. На почве такого анализа и, разумеется, лишь на этой почве вполне уместна, мало того, необходима для марксиста и оценка тактической стороны борьбы, технических вопросов ее. Признавать определенную форму борьбы и не признавать необходимости учиться ее тактике,—это все равно, как если бы мы признали нужным участвовать в данных выборах, не считаясь с законом, предписывающим технику этих выборов.

Ленин, К оценке русской революции, Соч., XI, ч. 1, I изд., 77—78.

Нам важно отметить здесь приемы рассуждения Либкнехта. Важно показать, как он подходил к вопросу о соглашениях, чтобы помочь рус-

скому читателю самостоятельно подойти к разрешению интересующего нас вопроса о блоке с кадетами.

Либкнехт нисколько не отрицает того, что соглашения с буржуазно-оппозиционными партиями «полезны» — и с точки зрения «парламентских мандатов», и с точки зрения привлечения «союзника» (якобы союзника) против общего врага,— реакции. Но в том и обнаруживается действительно политический ум и испытанный социал-демократизм ветерана германских социалистов, что он *не ограничивается* этими соображениями. Он разбирает, не является ли «союзник» скрытым врагом, которого особенно опасно пустить в свои ряды? Борется ли действительно и как борется этот союзник против общего врага? Не связана ли полезность соглашений, с точки зрения увеличения числа парламентских мандатов, с вредом в отношении более длительных и более глубоких задач пролетарской партии?

Возьмем хоть эти три, намеченные мною сейчас, вопроса и посмотрим, *понимает ли* значение их такой, например, защитник соглашений русских с.-д. с кадетами, как Плеханов. Мы увидим, что Плеханов ставит вопрос о соглашениях невероятно узко. Кадеты хотят бороться с реакцией, значит... соглашения с кадетами! Дальше этого Плеханов не идет, дальнейший разбор вопроса кажется ему доктринерством. Неудивительно, что социал-демократ, настолько забывший требования социал-демократической политики, оказался в соседстве и сотрудничестве с ренегатами социал-демократии, каковы гг. Прокоповичи и прочие публицисты «Товарища». Неудивительно, что даже принципиальные единомышленники такого с.-д., меньшевики, либо смущенно молчат, не смея громко сказать того, что они думают о Плеханове, и отрекаясь от него на рабочих собраниях, либо прямо смеются над ним, как бундовцы в «Volkszeitung» и в «Нашей Трибуне».

Либкнехт учит нас тому, что в каждом союзнике из буржуазии социал-демократ должен уметь открыть его опасные стороны и не скрывать их. А у нас меньшевики кричат о том, что не с кадетами надо бороться, а с черносотенной опасностью! Как полезно было бы для таких людей вдуматься в слова Либкнехта: «глупые и жестокие насилия полицейских политиков, посягательства закона против социалистов — каторжного закона, закона против партий, проповедующих переворот, могут в нас вызвать чувство презрительного сожаления, — но врага, который протягивает нам руку для избирательного соглашения и втирается к нам, как друг и брат, такого врага и *только такого мы должны бояться*».

Вы видите: насилия полицейских, черносотенные законы имеет в виду и Либкнехт. И тем не менее он смело говорит рабочим: не этого врага, а избирательного соглашения с лжедругом надо бояться. Почему так думал Либкнехт? Потому, что он всегда считал силу ударов действительной силой только тогда, когда это есть сила *сознательных* рабочих масс. А сознательность масс не развращают насилия и каторжные законы, — ее развращают *лжедрузья* рабочих, либеральные буржуа, *отвлекающие* массы от настоящей борьбы посредством пустых фраз о борьбе. Наши мень-

шевики и Плеханов не понимают, что борьба с кадетами есть борьба за освобождение сознания рабочих масс от лживых кадетских мыслей и предрассудков насчет соединения народной свободы со старой властью.

Ленин, Предисловие к брошюре Либкнехта «Никаких компромиссов, никаких избирательных соглашений», Соч., VIII, I изд., 71—72.

Человек, не вдумавшийся в основы диалектического материализма, т. е. философии Маркса и Энгельса, может не понять (или, по крайней мере, сразу не понять) этого положения. Как это так? Подчинить идейную пропаганду, проповедь известных идей, борьбу с тем врагом культуры и прогресса, который держится тысячелетия (т. е. с религией), — классовой борьбе, т. е. борьбе за определенные практические цели в экономической и политической области?

Подобное возражение принадлежит к числу ходячих возражений против марксизма, свидетельствующих о полном непонимании марксовой диалектики. Противоречие, смущающее тех, кто возражает подобным образом, есть живое противоречие живой жизни, т. е. диалектическое, не словесное, не выдуманное противоречие. Отделять абсолютной, непереходимой гранью теоретическую пропаганду атеизма, т. е. разрушение религиозных верований у известных слоев пролетариата, и успех, ход, условия классовой борьбы этих слоев — значит рассуждать не диалектически, превращать в абсолютную грань то, что есть подвижная относительная грань, значит насильственно разрывать то, что неразрывно связано в живой действительности. Возьмем пример. Пролетариат данной области и данной отрасли промышленности делится, положим, на передовой слой довольно сознательных с.-д., которые являются разумеется атеистами, и довольно отсталых, связанных еще с деревней и крестьянством рабочих, которые веруют в бога, ходят в церковь или даже находятся под прямым влиянием местного священника, основывающего, допустим, христианский рабочий союз. Положим, далее, что экономическая борьба в такой местности привела к стачке. Для марксиста обязательно успех стачечного движения поставить на первый план, обязательно решительно противодействовать разделению рабочих в этой борьбе на атеистов и христиан, решительно бороться против такого разделения. Атеистическая проповедь может оказаться при таких условиях и излишней и вредной — не с точки зрения обывательских соображений о неотпугивании отсталых слоев, о потере мандата на выборах и т. п., а с точки зрения действительного прогресса классовой борьбы, которая в обстановке современного капиталистического общества во сто раз лучше приведет христиан-рабочих к социл-демократии и к атеизму, чем голая атеистическая проповедь. Проповедник атеизма в такой момент и при такой обстановке сыграл бы только на руку попу и попам, которые ничего так не желают, как замены деления рабочих по участию в стачке делением по вере в бога. Анархист, проповедуя войну с богом во что бы то ни стало, на деле помог бы попам и буржуазии (как и всегда анархисты на деле помогают бур-

жуазии). Марксист должен быть материалистом, т. е. врагом религии, но материалистом диалектическим, т. е. ставящим дело борьбы с религией не абстрактно, не на почву отвлеченной, чисто-теоретической, всегда себе равной проповеди, а конкретно, на почву классовой борьбы, идущей н а д е л е и воспитывающей массы больше всего и лучше всего. Марксист должен уметь учитывать всю конкретную обстановку, всегда находить границу между анархизмом и оппортунизмом (эта граница относительна, подвижна, переменна, но она существует), не впадать ни в абстрактный, словесный, на деле пустой «резолюционаризм» анархиста, ни в обывательщину и оппортунизм мелкого буржуа или либерального интеллигента, который трусит борьбы с религией, забывает об этой своей задаче, мирится с верою в бога, руководится не интересами классовой борьбы, а мелким, мизерным расчетцем: не обидеть, не оттолкнуть, не испугать, премудрым правилом: «живи и жить давай другим», и т. д. и т. п.

Ленин, Об отношении рабочей партии к религии, Соч., XI, ч. 1, 1 изд., 254—255.

... В конкретной исторической обстановке переплетаются элементы прошлого и будущего, смешиваются та и другая дорога. Наемный труд и его борьба против частной собственности есть и при самодержавии, он зарождается даже при крепостном праве. Но это нисколько не мешает нам логически и исторически отделять крупные полосы развития. Ведь мы же все противополагаем буржуазную революцию и социалистическую, мы все безусловно настаиваем на необходимости строжайшего различения их, а разве можно отрицать, что в истории отдельные, частные элементы того и другого переворота переплетаются? Разве эпоха демократических революций в Европе не знает ряда социалистических движений и социалистических попыток? И разве будущей социалистической революции в Европе не осталось еще много и много доделать в смысле демократизма?

Социал-демократ никогда и ни на минуту не должен забывать о неизбежной классовой борьбе пролетариата за социализм с самой демократической и республиканской буржуазией и мелкой буржуазией. Это несомненно. Из этого вытекает безусловная обязательность отдельной и самостоятельной строго классовой партии социал-демократии. Из этого вытекает временный характер нашего «вместе бить» с буржуазией, обязанность строго надзирать «за союзником, как за врагом» и т. д. Все это тоже не подлежит ни малейшему сомнению. Но из этого смешно и реакционно было бы выводить забвение, игнорирование или пренебрежение насущных по отношению к настоящему, хотя преходящих и временных задач. Борьба с самодержавием — временная и преходящая задача социалистов, но всякое игнорирование или пренебрежение этой задачей равносильно измене социализму и услуге реакции. Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства есть безусловно лишь преходящая, временная задача социалистов, но

игнорирование этой задачи в эпоху демократической революции прямо реакционно.

Конкретные политические задачи надо ставить в конкретной обстановке. Все относительно, все течет, все изменяется. Немецкая социал-демократия не ставит в программу требования республики. Там ситуация такова, что этот вопрос вряд ли отделим на практике от вопроса о социализме (хотя и по отношению к Германии Энгельс в замечаниях на проект Эрфуртской программы в 1890 г. предостерегал от преуменьшения значения республики и борьбы за республику!) В российской социал-демократии не возникало даже и вопроса о том, чтобы удалить требование республики из программы и из агитации, ибо у нас не может быть и речи о неразрывной связи вопроса о республике с вопросом о социализме.* Немецкий социал-демократ 1898 г., не ставящий на первый план вопрос специально о республике, есть явление естественное, не вызывающее ни изумления, ни осуждения. Немецкий социал-демократ, который бы в 1848 г. оставил в тени вопрос о республике, был бы прямым изменником революции. Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна.

Ленин, Две тактики социал-демократии в демократической революции, Соч., VI, I изд., 359—361.

Социалисты всегда осуждали войны между народами, как варварское и зверское дело. Но наше отношение к войне принципиально иное, чем буржуазных пацифистов (сторонников и проповедников мира) и анархистов. От первых мы отличаемся тем, что понимаем неизбежную связь войн с борьбой классов внутри страны, понимаем невозможность уничтожить войны без уничтожения классов и создания социализма, а также тем, что мы вполне признаем законность, прогрессивность и необходимость гражданских войн, т. е. войн угнетенного класса против угнетающего, рабов против рабовладельцев, крепостных крестьян против помещиков, наемных рабочих против буржуазии. И от пацифистов, и от анархистов мы, марксисты, отличаемся тем, что признаем необходимость исторического (с точки зрения диалектического материализма Маркса) изучения каждой войны в отдельности. В истории неоднократно бывали войны, которые, несмотря на все ужасы, зверства, бедствия и мучения, неизбежно связанные со всякой войной, были прогрессивны, т. е. приносили пользу развитию человечества, помогая разрушать особенно вредные и реакционные учреждения (например, самодержавие или крепостничество), самые варварские в Европе деспотии (турецкую и русскую).

Новую эпоху в истории человечества открыла Великая французская революция. С этих пор и до Парижской коммуны, с 1789 до 1871 г., одним из типов войн были войны буржуазно-прогрессивного, национально-освободительного характера. Другими словами, главным содержанием и историческим значением этих войн было свержение абсолютизма и феодализма,

* Писано в 1905 г. *(Сост.)*.

подрыв их, свержение чуженационального гнета. Поэтому-то были прогрессивные войны, и все честные, революционные демократы, а также все социалисты, при таких войнах, всегда сочувствовали успеху той стороны (т. е. той буржуазии), которая содействовала свержению или подрыву самых опасных устоев феодализма, абсолютизма и угнетения чужих народов. Например, в революционных войнах Франции был элемент грабежа и завоевания чужих земель французами, но это нисколько не меняет основного исторического значения этих войн, которые разрушили и потрясали феодализм и абсолютизм всей старой, крепостнической Европы. Во франко-прусской войне Германия ограбила Францию, но это не меняет основного исторического значения этой войны, освободившей десятки миллионов немецкого народа от феодального раздробления и угнетения двумя деспотами—русским царем и Наполеоном III.

Ленин, Социализм и война, Соч., XIII, I изд., 93—94.

3. РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

а. «ВЕЛИКИЕ» ЛЮДИ И ИСТОРИЯ

Люди сами делают свою историю, но они делают ее не произвольно, не при свободно избранных, а при наличных, непосредственно данных и унаследованных условиях. Традиция всех умерших поколений как кошмар тяготеет над мозгом живущих.

Маркс, 18-е брюмера Луи Бонапарта, «Кр. новь», 1923, 9.

Что касается, собственно, «личности философа» и вообще всякого деятеля, оставляющего свой след в истории человечества, то весьма ошибаются те, которые воображают, будто теория Маркса - Энгельса не оставила для нее места. Место для нее она оставила; но она сумела в то же время избежать непозволительного *противопоставления деятельности «личности» ходу событий, определяемому экономической необходимостью*. Кто прибегает к такому противопоставлению, тот тем самым доказывает, что он очень мало понял в материалистическом объяснении истории. Коренное положение исторического материализма гласит, как мы повторяли уже не раз, что *история делается людьми*. А если она делается людьми, то ясно, что она делается, между прочим, и «великими людьми». Остается только уяснить себе, чем же определяется деятельность этих людей. По этому поводу Энгельс говорит в одном из двух выше нами цитированных писем:

«Что в данной стране в данное время выступает такой человек и притом именно этот, а не другой, — это, конечно, чистая случайность. Но если бы мы устранили этого человека, то явился бы спрос на его заместителя, и заместитель нашелся бы, tant bien que mal, но все-таки нашелся бы в конце концов. Случайностью было то, что именно корсиканец Наполеон оказался тем военным диктатором, появление которого стало неиз-

бежно в истощенной своими войнами французской республике. Но если бы не было Наполеона, то его место занял бы другой; это доказывается тем, что подходящий человек находился всякий раз, когда в нем была нужда: Цезарь, Август, Кромвель и т. д. Если Маркс открыл материалистическое объяснение истории, то из примера Тьерри, Минье, Гизо и всех английских историков до 1850 г. видно, что дело шло именно к этому, а открытие того же объяснения Морганом доказывает, что время для него созрело и что оно д о л ж н о б ы л о быть открыто. И так со всеми другими случайностями или кажущимися случайностями в истории. Чем дальше отстоит исследуемая нами область от экономии и чем более она принимает отвлеченно-идеологический характер, тем чаще мы будем встречаться в ее развитии со случайностями, тем более зигзагообразной становится кривая линия ее движения. Но начертите среднюю ось этой кривой и вы найдете, что чем длиннее рассматриваемый вами период и чем обширнее исследуемая вами область, тем более приближается эта ось к тому, чтобы стать параллельной с осью экономического развития».

«Личность» всякого данного выдающегося работника в области духовного или общественного развития принадлежит к числу тех с л у ч а й н о с т е й, появление которых нисколько не мешает «средней» линии у м с т в е н н о г о развития человечества итти параллельно с его э к о н о м и ч е с к и м развитием. Элевферопулос лучше уяснил бы себе это, если бы внимательнее вдумывался в историческую теорию Маркса и поменьше заботился о том, чтобы создать с в о ю с о б с т в е н н у ю «греческую теорию».

П л е х а н о в, Основные вопросы марксизма, Соч., XVIII, Гиз, 1925, 228—230.

Рассуждая о роли великих личностей в истории, мы почти всегда делаемся жертвой некоторого оптического обмана, на который полезно будет указать читателям.

Выступив в роли «хорошей шпаги», спасающей общественный порядок, Наполеон тем самым устранил от этой роли всех других генералов, из которых иные может быть сыграли бы ее так же или почти так же, как и он. Раз общественная потребность в энергическом военном правителе была удовлетворена, общественная организация загородила всем другим военным талантам дорогу к месту военного правителя. Ее сила стала силой неблагоприятной для проявления других талантов этого рода. Благодаря этому и происходит тот оптический обман, о котором мы говорим. Личная сила Наполеона является нам в крайне преувеличенном виде, так как мы относим на ее счет всю ту общественную силу, которая выдвинула и поддерживала его. Она кажется чем-то совершенно исключительным, потому что другие, подобные ей силы не перешли из в о з м о ж н о с т и в д е й с т в и т е л ь н о с т ь. И когда нам говорят: а что было бы, если бы не было Наполеона, то наше в о о б р а ж е н и е пугается, и нам кажется, что без него совсем

не могло бы совершиться все то общественное движение, на котором основывались его сила и влияние.

В истории умственного развития человечества успех одной личности несравненно реже препятствует успеху другой. Но и там мы не свободны от указанного оптического обмана. Когда данное положение общества ставит перед его духовными выразителями известные задачи, они привлекают к себе внимание выдающихся умов до тех пор, пока им не удастся решить их. А раз им удается это, внимание их направляется на другой предмет. Решив задачу, данный талант **А** тем самым направляет внимание таланта **В** от этой, уже решенной, задачи к другой задаче. И когда вас спрашивают, что было бы, если бы **А** умер, не успев решить задачу **Х**, мы воображаем, что порвалась бы нить умственного развития общества. Мы забываем, что, в случае смерти **А**, за решение задачи мог бы взяться **В** или **С**, или **Д**, и что таким образом, нить умственного развития осталась бы целой, несмотря на преждевременную гибель **А**.

Чтобы человек, обладающий талантом известного рода, приобрел благодаря ему большое влияние на ход событий, нужно соблюдение двух условий. Во-первых, его талант должен сделать его более других соответствующим общественным нуждам данной эпохи: если бы Наполеон вместо своего военного гения обладал музыкальным дарованием Бетховена, то он, конечно, не сделался бы императором. Во-вторых, существующий общественный строй не должен заграждать дорогу личности, имеющей данную особенность, нужную и полезную как раз в это время. Тот же Наполеон умер бы мало известным генералом или полковником Буонапарте, если бы старый режим просуществовал во Франции лишних семьдесят пять лет.* В 1789 г. Даву, Дезе, Мармон и Макдональд были подпоручиками, Бернадотт — сержантом-майором; Гош, Марсо, Лефевр, Пишегрю, Ней, Массэна, Мюрат, Сульт — унтер-офицерами; Ожэро — учителем фехтования; Ланн — красильщиком; Гувион-Сен-Сир — актером; Журдан — разносчиком; Бессьэр — парикмахером; Брюн — наборщиком; Жубер и Жюно — студентами юридического факультета; Клебер — архитектором; Мортье не поступал на военную службу вплоть до революции.

Если бы старый режим продолжал существовать до наших дней, то никому из нас и в голову не пришло бы теперь, что в конце прошлого века во Франции некоторые актеры, наборщики, парикмахеры, красильщики, юристы, разносчики и учителя фехтования были военными талантами в возможности.

---

* Возможно, что тогда Наполеон уехал бы в Россию, куда он собирался ехать, едва за несколько лет до революции. Здесь он отличился бы, вероятно, в битвах с турками или с кавказскими горцами, но никто не подумал бы здесь, что этот бедный, но способный офицер при благоприятных обстоятельствах мог бы сделаться господином мира.—*Прим. авт.*

Стэндаль замечает, что человек, родившийся одновременно с Тицианом, т. е. в 1477 г., мог бы прожить 40 лет с Рафаэлем и Леонардо-да-Винчи, из которых первый умер в 1520, а второй в 1519 г., что он мог бы провести долгие годы с Корреджио, умершим в 1534 г., и с Микель Анджело, прожившим до 1563 г., что ему было бы не больше 34 лет, когда умер Джиорджиони, что он мог бы быть знаком с Тинторетто, Бассано, Вернезе, Юлием Романо и Андреем дель-Сарто; что, одним словом, он был бы современником всех великих живописцев, за исключением тех, которые принадлежат к Болонской школе, явившейся целым столетием позже. Точно так же можно сказать, что человек, родившийся в одном году с Воуэрманном, мог бы лично знать почти всех великих живописцев Голландии, а ровесник Шекспира жил одновременно с целым рядом замечательных драматургов.

Давно уже было замечено, что таланты являются всюду и всегда, где и когда существуют общественные условия, благоприятные для их развития. Это значит, что всякий талант, *проявившийся в действительности*, т. е. всякий талант, ставший *общественной силой*, есть плод *общественных отношений*. Но если это так, то понятно, почему талантливые люди могут, как мы сказали, изменить лишь индивидуальную физиономию, а не общее направление событий; *они сами существуют только благодаря такому направлению; если бы не оно, то они никогда не перешагнули бы порога, отделяющего возможность от действительности*.

Само собою понятно, что талант таланту рознь. «Когда новый шаг в развитии цивилизации вызывает к жизни новый род искусства, — справедливо говорит Тэн, — являются десятки талантов, выражающих общественную мысль только наполовину, вокруг одного или двух гениев, выражающих ее в совершенстве». Если бы какие-нибудь механические или физиологические причины, не связанные с общим ходом социально-политического и духовного развития Италии, еще в детстве убили Рафаэля, Микель-Анджело и Леонардо-да-Винчи, то итальянское искусство было бы менее совершенно, но общее направление его развития в эпоху возрождения осталось бы то же. Рафаэль, Леонардо-да-Винчи и Микель-Анджело не создали этого направления: они были только лучшими его выразителями. Правда, вокруг гениального человека возникает, обыкновенно, целая школа, причем его ученики стараются усвоить даже мельчайшие его приемы; поэтому пробел, который остался бы в итальянском искусстве эпохи Возрождения вследствие ранней смерти Рафаэля, Микель-Анджело и Леонардо-да-Винчи, оказал бы сильное влияние на многие второстепенные особенности в его дальнейшей истории. Но и эта история не изменилась бы по существу, если бы только не произошло, по каким-нибудь общим причинам, какого-нибудь существенного изменения в общем ходе духовного развития Италии.

Известно, однако, что количественные различия переходят, наконец, в качественные. Это верно везде; следовательно, верно и в истории. Данное

течение в искусстве может совсем остаться без сколько-нибудь замечательного выражения, если неблагоприятное стечение обстоятельств унесет, одного за другим, несколько талантливых людей, которые могли бы стать его выразителями. Но преждевременная гибель таких людей помешает художественному выражению этого течения только в том случае, если оно недостаточно глубоко, чтобы выдвинуть новые таланты. А так как глубина всякого данного направления в литературе и искусстве определяется значением его для того класса или слоя, вкусы которого оно выражает, и общественною ролью этого класса или слоя, то и здесь все зависит в последнем счете от хода общественного развития и от соотношения общественных сил.

Плеханов, К вопросу о роли личности в истории, Соч., VIII, Гиз, 1923, 298—301.

6. ДИАЛЕКТИКА И ЛИЧНЫЕ ОШИБКИ

Великую гегелевскую диалектику, которую перенял, поставив ее на ноги, марксизм, никогда не следует смешивать с вульгарным приемом оправдания зигзагов политических деятелей, переметывающихся с революционного на оппортунистическое крыло партии, с вульгарной манерой смешивать в кучу отдельные заявления, отдельные моменты развития разных стадий единого процесса. Истинная диалектика не оправдывает личные ошибки, а изучает неизбежные повороты, доказывая их неизбежность на основании детальнейшего изучения развития во всей его конкретности. Основное положение диалектики: абстрактной истины нет, истина всегда конкретна... И еще не следует смешивать эту великую гегелевскую диалектику с той пошлой житейской мудростью, которая выражается итальянской поговоркой: просунуть хвост, где голова не лезет (Дается перевод. —*Сост.*)

Ленин, Шаг вперед, два шага назад, Соч., V, I изд., 480.

Полезным уроком могло бы (и должно было бы) быть то, что произошло с такими высоко учеными марксистами и преданными социализму вождями II Интернационала, как Каутский, Отто Бауэр и др. Они вполне сознавали необходимость гибкой тактики, они учились и других учили марксовой диалектике (и многое из того, что ими было в этом отношении сделано, останется навсегда ценным приобретением социалистической литературы), но они в применении этой диалектики сделали такую ошибку или оказались на практике такими не диалектиками, оказались людьми до того не сумевшими учесть быстрой перемены форм и быстрого наполнения старых форм новым содержанием, что судьба их немногим завиднее судьбы Гайндмана, Гэда и Плеханова. Основная причина их банкротства состояла в том, что они «загляделись» на одну определенную форму роста рабочего движения и социализма, забыли про ее односторонность, побоялись увидеть ту крутую ломку, которая в силу объективных условий стала неизбежной, и продолжали твердить простые, заученные, на первый взгляд бесспорные

истины: три больше двух. Но политика больше похожа на алгебру, чем на арифметику, и еще больше на высшую математику, чем на низшую. В действительности все старые формы социалистического движения наполнились новым содержанием, перед цифрами появился поэтому новый знак: «минус», а наши мудрецы упрямо продолжали (и продолжают) уверять себя и других, что «минус три» больше «минус двух».

Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, Соч., XXV, 2 изд., 237.

Облыжные ссылки на Маркса и Энгельса составляют при этом «козырный» довод обоих главарей социал-шовинизма: Плеханов вспоминает национальную войну Пруссии в 1813 г. и Германии в 1870 г., Каутский с ученейшим видом доказывает, что Маркс решает вопрос о том, успех какой стороны (т. е. какой буржуазии) желательнее в войнах 1854—1855, 1859, 1870 — 1871, а марксисты также в войнах 1876 — 1877 и 1897 гг. Прием всех софистов во все времена: брать примеры, заведомо относящиеся к принципиально непохожим случаям. Прежние войны, на которые нам указывают, были «продолжением политики» многолетних национальных движений буржуазии, движений против чужого, инонационального, гнета и против абсолютизма (турецкого и русского). Никакого иного вопроса, кроме вопроса о предпочтительности успеха той или другой буржуазии, тогда и быть не могло; к войнам подобного типа марксисты могли з а р а н е е з в а т ь народы, р а з ж и г а я национальную ненависть, как звал Маркс в 1848 г. и позже к войне с Россией, как разжигал Энгельс в 1859 г. национальную ненависть немцев к их угнетателям, Наполеону III и к русскому царизму *.

Сравнивать «продолжение политики» борьбы с феодализмом и абсолютизмом, политики освобождающейся буржуазии, с «продолжением политики» одряхлевшей, т о - е с т ь империалистской, т о - е с т ь ограбившей весь мир и реакционной, в союзе с феодалами давящей пролетариат буржуазии — значит сравнивать аршины с пудами.

Ленин, Крах II Интернационала, Соч., XIII, 1 изд., 146.

---

* Кстати, г. Гарденин в «Жизни» называет «революционным шовинизмом», но все же шовинизмом со стороны Маркса, что он стоял в 1848 г. за революционную войну против показавших себя на деле контрреволюционными народов Европы, именно: «славян, и русских особенно». Такой упрек Марксу доказывает только лишний раз оппортунизм (или— а вернее и — полную несерьезность) сего «левого» социал-революционера. Мы, марксисты, всегда стояли и стоим за р е в о л ю ц и о н н у ю войну против к о н т р р е в о л ю ц и о н н ы х народов. Например, если социализм п о б е д и т в Америке или в Европе в 1920 г., а Япония с Китаем, допустим, двинут т о г д а против нас — сначала хотя бы дипломатически — своих Бисмарков, мы будем з а наступательную революционную войну с ними. Вам это странно, г. Гарденин? Революционер-то вы вроде Ропшина!

Постоянным источником разногласий является диалектический характер общественного развития, идущего в противоречиях и путем противоречий. Капитализм прогрессивен, ибо уничтожает старые способы производства и развивает производительные силы, и в то же время, на известной ступени развития, он задерживает рост производительных сил. Он развивает, организует, дисциплинирует рабочих, — и он давит, угнетает, ведет к вырождению, нищете и т. д. Капитализм сам создает своего могильщика, сам творит элементы нового строя, и в то же время, без «скачка», эти отдельные элементы ничего не изменяют в общем положении вещей, не затрагивают господства капитала. Эти противоречия живой жизни, живой истории капитализма и рабочего движения умеет охватить марксизм, как теория диалектического материализма. Но понятно само собою, что массы учатся в жизни, а не из книжки, а поэтому отдельные лица или группы постоянно преувеличивают, возводят в одностороннюю теорию, в одностороннюю систему тактики, то одну, то другую черту капиталистического развития, то один, то другой «урок» этого развития.

Ленин, Разногласия в европейском рабочем движении, Соч., XI, ч. 2, 1 изд., 135.

Наивные и совсем неопытные люди воображают, что достаточно признать допустимость компромиссов в о о б щ е, — и будет стерта всякая грань между оппортунизмом, с которым мы ведем и должны вести непримиримую борьбу, — и революционным марксизмом или коммунизмом. Но таким людям, если они еще не знают, что в с е грани и в природе и в обществе подвижны и до известной степени условны, нельзя ничем помочь, кроме длительного обучения, воспитания, просвещения, политического и житейского опыта. В практических вопросах политики каждого отдельного или специфического исторического момента важно уметь выделить те, в которых проявляется главнейший вид недопустимых, предательских, воплощающих губительный для революционного класса оппортунизм, компромиссов и на разъяснение их, на борьбу с ними направить все усилия. Во время империалистической войны 1914 — 1918 гг. между двумя группами одинаково разбойнических и хищнических стран таким главнейшим, основным видом оппортунизма был социал-шовинизм, т. е. поддержка «защиты отечества», которая на деле равнялась в т а к о й войне защите грабительских интересов «своей» буржуазии. После войны — защита грабительской «Лиги наций»; защита прямых или косвенных союзов с буржуазией своей страны против революционного пролетариата и «советского» движения; защита буржуазной демократии и буржуазного парламентаризма против «советской власти»;—таковы были главнейшие проявления тех недопустимых и предательских компромиссов, которые, в сумме своей, давали губительный для революционного пролетариата и для его дела оппортунизм.

...«Со всей решительностью отклонить всякий компромисс с другими

партиями... всякую политику лавирования и соглашательства» — пишут германские левые в франкфуртской брошюре.

Удивительно, что при таких взглядах эти левые не выносят решительного осуждения большевизму! Не может же быть, чтобы германские левые не знали, что вся история большевизма, и до и после Октябрьской революции, **полна** случаями лавирования, соглашательства, компромиссов с другими и в том числе с буржуазными партиями!

Вести войну за свержение международной буржуазии, войну во сто раз более трудную, длительную, сложную, чем самая упорная из обыкновенных войн между государствами, и наперед отказываться при этом от лавирования, от использования противоречия интересов (хотя бы временного) между врагами, от соглашательства и компромиссов с возможными (хотя бы временными, непрочными, шаткими, условными) союзниками, разве это не безгранично смешная вещь? Разве это не похоже на то, как если бы при трудном восхождении на неисследованную еще и неприступную доныне гору мы заранее отказались от того, чтобы итти иногда зигзагом, возвращаться иногда назад, отказываться от выбранного раз направления и пробовать различные направления?

Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, Соч., XXV, 2 изд., 210—211.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

От редактора 3
Предисловие составителей 5

ВВЕДЕНИЕ . . . . . 7—62

1. МАРКСИЗМ КАК КЛАССОВОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

а) Основы мировоззрения пролетариата 7
б) Марксизм как отражение классовой борьбы пролетариата 10
в) Значение революционной теории для классовой борьбы пролетариата . . . 15

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ МАРКСИЗМА И ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ЕГО СОСТАВНЫХ ЧАСТЕЙ

а) Три источника и три составных части марксизма 21
б) Диалектический материализм 28
в) Экономическое учение 34
г) Научный коммунизм 42
д) Единство и целостность марксизма 58

ГЛАВА I. ПРИРОДА И ОБЩЕСТВО 63-144

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ СОСТАВИТЕЛЯ 63

1. ОБЩЕСТВО И ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ЕГО ДВИЖЕНИЯ

а) Производство как основной момент 69
б) Закономерность в природе и закономерность в обществе 81
в) Роль труда в процессе образования человека 99

2. БУРЖУАЗНЫЕ УЧЕНИЯ ОБ ОБЩЕСТВЕ И ИХ КРИТИКА

а) «Органическая» теория общества (Спенсер) и ее критика 114
б) Неокантианская теория общества (Виндельбанд—Риккерт) и ее критика . . 126
в) Критика теории факторов 140

ГЛАВА II. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ . . . . . 145—307

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ СОСТАВИТЕЛЯ 145

1. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ

а) Природа и общество. Географическая среда 156
б) Элементы, образующие материальные производительные силы общества. 169
в) Значение средств производства в составе производительных сил 177
г) Роль рабочей силы в составе производительных сил 182
д) Диалектика производительных сил 185
е) Иллюстративный материал: промышленная революция XVIII в. и рост машинизма 189

2. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

а) Производственные отношения, зависимость их от производительных сил. 206
б) Влияние производственных отношений на развитие производительных сил. 217
в) Экономические структуры:

1. Производственные отношения в дофеодальном обществе 221
2. Феодальное общество и зарождение буржуазных производственных отношений 228
3. Буржуазное капиталистическое общество 233
4. Экономическая структура СССР 243

3. ДИАЛЕКТИКА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

а) Разделение труда и его развитие 251
б) Развитие производительных сил при капитализме 274
в) Развитие производительных сил в СССР 291

ГЛАВА III. КЛАССЫ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА . . . . . 308—500

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ СОСТАВИТЕЛЯ 308

1. КЛАССЫ. КЛАССОВОЕ ОБЩЕСТВО. ОБРАЗОВАНИЕ КЛАССОВ

а) Что такое классы? 321
б) Историчность классового общества 330
в) Основные пути конституирования классов 350
г) Классовая борьба и национальный вопрос 364

2. БУРЖУАЗИЯ И ПРОЛЕТАРИАТ

а) Производственное положение буржуазии и пролетариата 366
б) Происхождение пролетариата 374
в) Общие условия освобождения пролетариата 382
г) Диалектика классовой борьбы буржуазии и пролетариата:

1. На Западе (XIX в.) 385
2. В России (1905 г.) 395
3. В России (1917 г.) 405

3-а. МЕЛКАЯ БУРЖУАЗИЯ

а) Производственное положение мелкой буржуазии 410
б) Роль мелкой буржуазии в революциях 412
в) Мелкобуржуазный социализм 418

3-б. КРЕСТЬЯНСТВО. ПРОЛЕТАРИАТ И КРЕСТЬЯНСТВО

а) Производственное положение крестьянства 420
б) Диалектика классовой борьбы крестьянства:

1. Роль крестьянства в революциях на Западе 430
2. Роль крестьянства в революции 1905 г. в России 434
3. Выводы из опыта 1905 г. Гегемония пролетариата в революции . . 453
4. Крестьянство в Февральской революции 1917 г. 473
5. Крестьянство в Октябрьской революции 1917 г. 473
6. Крестьянство в гражданской войне 1917—21 гг. 477
7. Союз рабочих и крестьян в СССР 486

3-в. ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ГРУППЫ. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

а) Производственное положение интеллигенции 493
б) Интеллигенция и революционная борьба 496
в) Интеллигенция и социалистическое строительство 499

ГЛАВА IV. ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАДСТРОЙКИ . 501—603

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ СОСТАВИТЕЛЯ 501

1. БАЗИС И НАДСТРОЙКИ

а) Два рода общественных отношений 510

2. СЕМЬЯ. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ. ПРАВО.

а) Семья 518
б) Общественно-политическая организация 521
в) Право 532

3-а. ГОСУДАРСТВО И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ

а) Государство, его возникновение и развитие 544
б) Буржуазное государство и пролетариат 562
в) Отмирание государства 568

3-б. ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА КАК ПЕРЕХОДНАЯ ФОРМА ГОСУДАРСТВА

а) Что такое диктатура пролетариата? 571
б) Исторические задачи диктатуры пролетариата 588
в) Условия для пролетарской диктатуры в России 600

ГЛАВА V. ИДЕОЛОГИИ (ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ) . . . . . 604—666

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ СОСТАВИТЕЛЯ 604

1. ИДЕОЛОГИИ КАК НАДСТРОЙКИ

а) Общая зависимость идеологий от развития материального производства . . 609
б) Содержание общественного сознания в классовом обществе 616

2. ОТДЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В ИХ ОТНОШЕНИИ К БАЗИСУ

а) Психология 620
б) Нравственность 629
в) Искусство 633
г) Наука 651
д) Философия 655
е) Религия 658

ГЛАВА VI. ДИАЛЕКТИКА ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ . . . . . 667—718

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ СОСТАВИТЕЛЯ 667

1. ДИАЛЕКТИКА ИСТОРИИ ОБЩЕСТВА

а) Диалектика развития бесклассового общества 673
б) Диалектика развития классового общества 675

2. ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ

а) Перерастание производительными силами производственных отношений и его классовые формы 681
б) Диалектика перерастания (движущие силы буржуазной и пролетарской революций) 693
в) Диалектика как руководство к практической борьбе классов. 702

3. РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

а) «Великие» люди и история 711
б) Диалектика и личные ошибки 715

* * *

(Словари-справочники, именной и предметный, и библиографический указатель см. в конце 2-й части).